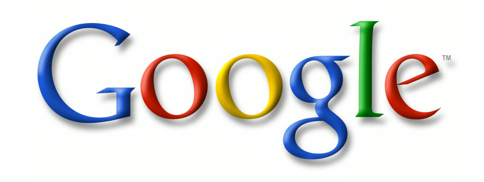

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1898.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXII. — ТОМЪ CCCLXVIII. — 1/13 НОЯБРЯ 1898.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1898.

Подписка на годъ, полугодіе и послѣднюю четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXII. — ТОМЪ CCCLXVIII. — 1/13 НОЯБРЯ 1898.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

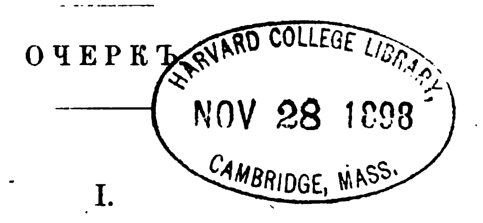
1898

2702

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ
ГОРБУНОВЪ

ОЧЕРКЪ

I.

Немного лѣтъ прошло со смерти И. Ѳ. Горбунова, а столь обычное у насъ забвеніе начинаетъ уже вступать и по отношенію къ нему въ свои права. Образъ его тускнѣетъ, расплывается въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ, рисуется въ невѣрныхъ очертаніяхъ. Имя его почти ничего уже не говоритъ тѣмъ, кто не зналъ или не слышалъ его лично. Рѣдко кто имѣетъ возможность прочесть собраніе его, ставшихъ библіографическою рѣдкостью, разсказовъ. Едва ли найдется и много желающихъ пожертвовать кропотливымъ трудомъ и временемъ на разысканіе въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ его произведеній, напечатанныхъ послѣ 1881 года,—года послѣдняго изданія его разсказовъ. И уходитъ, такимъ образомъ, изъ памяти общества замѣчательный по своему дарованію русскій человѣкъ, умѣвшій воплощать въ сжатыхъ и яркихъ формахъ типическія черты нашей бытовой жизни. Уходитъ—не оставивъ, въ виду своеобразности своего творчества, и преемника. Пока еще не иссякли личныя о немъ воспоминанія, пока еще помнятся, болѣе или менѣе „съ подлиннымъ вѣрно", нѣкоторые его нигдѣ не напечатанные разсказы,—необходимо постараться задержать его, не дать ему уйти совсѣмъ, необходимо попробовать отдать себѣ отчетъ въ томъ,

что̀ такое былъ въ своей художественной дѣятельности Горбуновъ. Это тѣмъ болѣе нужно, что въ представленіе о немъ закралось много ложнаго, что обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ и мимолетныхъ, иногда совсѣмъ непродуманныхъ выводовъ и непровѣренныхъ впечатлѣній создало такой образъ Горбунова, который не соотвѣтствуетъ ни его душевному складу, ни дѣйствительному, внутреннему содержанію его произведеній. Многіе думаютъ и говорятъ о немъ, судя по единичнымъ встрѣчамъ, какъ о веселомъ собесѣдникѣ, о застольномъ увеселителѣ, о *забавникѣ*. Взрывы смѣха зрительной залы въ театрѣ, когда, въ чей-нибудь бенефисъ, добрый и обязательный Горбуновъ выступалъ съ новою „сценою изъ народнаго быта“,—хохотъ сотрапезниковъ, которымъ, „entre poire et fromage“, кажется очень смѣшнымъ то, что̀ разсказалъ имъ Горбуновъ,—веселое настроеніе какого-нибудь интеллигентнаго кружка, восхищеннаго тѣмъ, „какъ *это* тонко подмѣчено!“ или „какъ *оно* мѣтко схвачено!“ — представляются многимъ правильною оцѣнкою и опредѣленіемъ всего смысла творчества Горбунова. Но тѣ, кто думаетъ такъ, не знаютъ и не понимаютъ его. Они видятъ во внѣшнемъ, бьющемъ въ глаза, результатѣ—выраженіе сокровенной душевной работы художника, —и глубиною пониманія слушателей опредѣляютъ глубину проникновенія его въ свойство и значеніе изображаемыхъ имъ явленій.

Этотъ близорукій и поверхностный взглядъ особенно неправиленъ относительно Горбунова. Извѣстность выдающагося актера, разсказчика и вообще воплотителя житейскихъ и поэтическихъ образовъ—имѣетъ одну завидную особенность. Она не сопряжена съ нравственною отвѣтственностью. Она не влечетъ за собою ни строгаго осужденія прозрѣвшаго человѣчества, ни суда исторіи, ни угрызеній совѣсти, напоминающей о средствахъ, которыми иногда куплена слава полководца, политика, властителя. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, временна и непрочна. За извѣстнаго дѣятеля на поприщѣ другихъ искусствъ или въ области государственной говорятъ—неприкосновенная цѣлость ихъ трудовъ, безчисленныя историческія и житейскія послѣдствія ихъ дѣлъ. Лютеръ, Наполеонъ и Петръ, „чей каждый слѣдъ—по словамъ кн. Вяземскаго — для сердца русскаго есть памятникъ священный“, — постоянно напоминаютъ о себѣ; Рембрандтъ будетъ вѣчно говорить со своихъ удивительныхъ холстовъ; Пушкинъ— со своихъ вдохновенныхъ страницъ. Не такова судьба сценическаго дѣятеля. Его извѣстность поддерживается почти исключительно живыми свидѣтелями того, какъ прочно и глубоко вліялъ онъ на зрителей или слушателей; совокупность ихъ

однородныхъ впечатлѣній и воспоминаній—создаетъ конкретный обликъ артиста. Но когда они уходятъ, а за ними слѣдуютъ и тѣ, кому они передали свои непосредственныя ощущенія,—живое представленіе объ артистѣ начинаетъ быстро сглаживаться, теряя свою яркость, и громкія имена людей, потрясавшихъ сердца,—имена Кина, Гаррика, Тальмы—ничего яснаго и опредѣленнаго не говорятъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Извѣстность носителей этихъ именъ принимается на вѣру,—такъ сказать, въ кредитъ. Ссылаясь на нее, приходится, по большей части, jurare in verba magistri, не обращаясь къ критикѣ источниковъ и оставляя въ сторонѣ *современныя* требованія, предъявляемыя и къ сценическимъ произведеніямъ, и къ пріемамъ и способамъ ихъ исполненія. Имя артиста переживаетъ его дѣла; въ другихъ областяхъ нерѣдко дѣла переживаютъ имя. Хотя значительная часть разсказовъ Горбунова и была напечатана, но существовали, однако, многіе варіанты и дополненія къ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ сценъ, никогда не видѣвшихъ печати и не записанныхъ даже самимъ авторомъ. Все это, вмѣстѣ съ оригинальною формою, въ которую они были облечены, и со свойственными Горбунову средствами исполненія, грозитъ кануть въ „пропасть забвенія“. Наконецъ, и то, что̀ было когда-то напечатано и будетъ, надо надѣяться, вновь перепечатано,—въ виду своей отрывочности и обособленности, только тогда можетъ дать вѣрное понятіе о Горбуновѣ, когда будетъ подвергнуто нѣкоторому анализу и группировкѣ по своему содержанію. Для этого надо попытаться изъ отдѣльныхъ эпизодовъ разныхъ разсказовъ, изъ сверкающихъ въ нихъ вспышекъ юмора и звучащихъ въ нихъ звуковъ грустнаго раздумья составить нѣчто по возможности цѣльное, нѣчто въ родѣ мозаическихъ изображеній изъ различныхъ цвѣтныхъ кусочковъ. Такая работа была бы достойна памяти народнаго русскаго художника, какимъ былъ Горбуновъ.

Далекій отъ мысли представить, въ настоящемъ очеркѣ, подобную работу, я хотѣлъ бы лишь намѣтить нѣкоторыя ея стороны и пріемы, необходимые, по моему мнѣнію, для выясненія личности и творческой дѣятельности Горбунова. Feci quod potui, faciant meliora potentes...

Какъ бы сложны, разнообразны и даже противорѣчивы ни были требованія, предъявляемыя къ художнику, между ними есть, однако, такія, на которыхъ сходится большинство. Наличность ихъ выполненія служитъ доказательствомъ сознательной творческой его дѣятельности. Эта наличность существовала, и притомъ въ высшей степени — у Горбунова. Онъ вносилъ въ свои про-

изведенія самого себя, онъ чувствовался въ нихъ. Изображая избранный имъ предметъ тѣмъ или другимъ способомъ, въ той или другой формѣ, истинный художникъ невольно вкладываетъ въ это изображеніе и свое отношеніе къ тому, что̀ онъ изображаетъ. Это отношеніе выражается въ настроеніи, почвою для котораго часто служитъ сужденіе художника о предметѣ своего труда. Безстрастное воспроизведеніе видѣннаго и слышаннаго, безъ внутренняго смысла, безъ вкладыванія въ него своей души, а лишь съ заботою, иногда доходящею до болѣзненности, о технической отдѣлкѣ, никогда не оставитъ глубокаго впечатлѣнія, не произведетъ сильнаго дѣйствія. Объективная безсодержательность произведенія можетъ вызвать лишь мимолетный эффектъ, но не создастъ въ зрителѣ или слушателѣ прочнаго воспоминанія о прочувствованномъ, какъ бы силенъ ни былъ холодный блескъ техническаго исполненія. Во всѣхъ родахъ искусства — умѣнье проникнуться извѣстнымъ настроеніемъ и передать его, путемъ творчества, другимъ—составляетъ главную задачу и проявленіе дѣятельности художника. Знатокъ въ дѣлѣ пониманія искусства, И. А. Гончаровъ, не разъ высказывалъ эту мысль. Между прочимъ, въ „Литературномъ вечерѣ“ онъ говоритъ, устами одного изъ выводимыхъ имъ лицъ: „духъ, фантазія, мысль, чувство художника должны быть разлиты въ произведеніи, чтобы оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданіе какого-то безличнаго чародѣя. Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоваться зрителемъ и читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувствъ автора получаютъ возможность наслаждаться сами“... Исходя изъ такого же взгляда, Брюнетьеръ („L'art et la nature“) проводитъ мысль, что произведеніе искусства является проводникомъ или посредникомъ между душевнымъ настроеніемъ художника и его слушателей, зрителей или читателей.

Несмотря на поразительную жизненность изображеній въ сценахъ и разсказахъ Горбунова, дающую имъ вполнѣ объективный характеръ, онъ постоянно чувствуется въ нихъ, не равнодушный и спокойный, а съ чутко настроенною душою, умѣющею переживать то, что̀ онъ изображаетъ. Поэтому за житейскою правдоподобностью, за тѣмъ, что̀ французскіе критики называютъ crédibilité, у него вездѣ видно его отношеніе къ описываемому. Оттого его разсказы—кромѣ самыхъ первоначальныхъ, не нашедшихъ себѣ даже и мѣста въ его изданіяхъ, возбуждаютъ не одинъ смѣхъ, не одно удивленіе предъ его наблюдательностью. Они приводятъ, въ своей совокупности, къ невольному, но неизбѣжному выводу нравственнаго

или общественнаго характера. Изъ интереснѣйшаго въ бытовомъ отношеніи содержанія ихъ звучитъ его отношеніе къ добрымъ и темнымъ, печальнымъ и примирительнымъ сторонамъ нашего народнаго быта и къ отдѣльнымъ явленіямъ нашей общественной жизни. Съ точки зрѣнія тѣхъ, кто утверждаетъ, что чистая художественность должна отличаться совершеннымъ отсутствіемъ нравственнаго или утилитарнаго начала, Горбуновъ, конечно, не былъ служителемъ чистаго искусства, но тѣмъ ближе и понятнѣе онъ намъ, тѣмъ глубже западали въ память создаваемые имъ образы. Онъ былъ вполнѣ народнымъ художникомъ. Умѣвъ стать въ своихъ изображеніяхъ въ тѣсную связь съ народомъ и отразить въ нихъ міросозерцаніе послѣдняго, онъ осуществлялъ завѣтъ Эмерсона, требующаго, чтобы истинный художникъ былъ „le délégué intellectuel du peuple“, т.-е., чтобы онъ былъ „un homme, dont les éléments constituants existent à l'état diffus dans tous les membres de la société, au milieu de laquelle il a pris naissance“. Онъ бралъ содержаніе для своихъ сценъ преимущественно изъ жизни крестьянъ, мастеровыхъ, купцовъ, духовенства и мелкаго чиновничества и рѣдко касался другихъ слоевъ общества,—но вѣдь эти-то люди и составляютъ громадное, подавляющее большинство русскаго народа. При этомъ надо замѣтить, что Горбуновъ всегда умѣлъ схватить общенародные типы и мотивы, придавая имъ лишь бытовую или сословную окраску. Если въ его разсказахъ почти не встрѣчается представителей свѣтскаго общества, то это потому, что, по условіямъ и обстановкѣ своей жизни, по ея, такъ сказать, космополитическому складу, это общество утратило, въ обыденныхъ обстоятельствахъ, свой народный характеръ и въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе обезцвѣчивается. Русскаго человѣка, имъ описываемаго и выводимаго, Горбуновъ глубоко понималъ и любилъ горячо, безъ фразъ и подчеркиваній, любилъ потому, что жалѣлъ. Жалость эта сквозитъ во всѣхъ его сценахъ, гдѣ чувствуется, какъ различныя условія народной жизни или свойства характера не даютъ богатой природѣ этого человѣка пробиться къ свѣту и широко расправить крылья своихъ способностей или толкаютъ ее на ложный и темный путь. У простого русскаго человѣка *жалѣть*—синонимъ *любви*, и на вопросъ: „любишь ли?“ —простая женщина нерѣдко отвѣчаетъ: „извѣстно, жалѣю!“. Такъ любилъ народъ и Горбуновъ, не идеализируя его и не замалчивая его недостатковъ.

Дѣлясь съ публикою своимъ творчествомъ, Горбуновъ никогда, какъ и подобаетъ истинному художнику, не поддѣлывался подъ

ея подчасъ низменные вкусы. Онъ былъ нравоописатель, но не льстецъ своихъ слушателей, не слуга ихъ преходящихъ и измѣнчивыхъ вкусовъ, не соискатель дешеваго успѣха дешевыми и не всегда опрятными средствами. Его своеобразные, подчасъ возбуждавшіе неудержимый смѣхъ, разсказы—чужды пошлости и низменнаго характера. Въ нихъ нѣтъ ничего банальнаго, подражательнаго, избитаго. Чуткій художникъ, онъ не изображалъ лицъ и положеній смѣшныхъ лишь съ внѣшней стороны, по формѣ, а не по существу. Поэтому въ его разсказахъ нѣтъ дѣйствующихъ лицъ чужой національности, съ ихъ неправильнымъ и комическимъ выговоромъ русскихъ словъ, съ особенностями ихъ произношенія, съ ихъ жаргономъ,—нѣтъ нѣмцевъ, чухонъ, евреевъ, армянъ,—нѣтъ, однимъ словомъ, попытки вызвать грубою насмѣшкою надъ человѣкомъ другого племени смѣхъ, котораго потомъ нерѣдко стыдится человѣкъ развитый, и который ничего свѣтлаго не вноситъ въ нравственное настроеніе и пониманіе человѣка неразвитаго. Нѣтъ сомнѣнія, что при талантѣ Горбунова, при его умѣньѣ овладѣвать вниманіемъ аудиторіи, такія изображенія могли бы ему очень удаваться. При несомнѣнномъ пониженіи уровня вкусовъ общества за послѣдніе годы,—этимъ изображеніемъ всегда обезпеченъ успѣхъ, а при средствахъ Горбунова онъ былъ бы громадный. Но онъ ни разу имъ не соблазнился, и если „нѣмецъ“ два раза и мелькаетъ у него въ разсказахъ („Воздушный шаръ“ и „Блонденъ“), то лишь для того, чтобы двумя-тремя рѣзкими штрихами обрисовать отношеніе къ нему *русскаго* человѣка.

Господствующій тонъ произведеній Горбунова есть юморъ, безъ оскорбительной насмѣшки и безъ ядовитой ироніи. Когда онъ попробовалъ однажды писать въ лично-насмѣшливомъ и ироническомъ родѣ—это ему совершенно не удалось („Записная книжка“). Лишь роль, взгляды и иногда цѣлое міровоззрѣніе дѣйствующихъ лицъ служатъ содержаніемъ его разсказовъ, но никогда не личность, въ осмѣяніи ея бытовыхъ или племенныхъ особенностей. Поэтому въ томъ, что̀ онъ повѣствуетъ и что̀ онъ такъ неподражаемо разсказывалъ—полное отсутствіе анекдотичности. Улыбку и раздумье, видимый смѣхъ и подчасъ невидимую скорбь возбуждаетъ въ немъ, а черезъ него и въ слушателяхъ не *смѣшной случай*, не искусственное сплетеніе комическихъ положеній и неожиданныхъ обстоятельствъ, а, если можно такъ выразиться, *кусокъ жизни*, выхваченный изъ дѣйствительности или вѣрнаго ея подобія и показанный съ милымъ и безобиднымъ юморомъ, который искрится и бьетъ черезъ край.

Этотъ юморъ, въ устахъ Горбунова, возбуждалъ иногда смѣхъ до слезъ, до невозможности въ теченіе нѣкотораго времени слушать продолженіе разсказа. Но когда послѣдній бывалъ оконченъ, когда дѣйствующія лица, благодаря своей яркой образности, рѣзко запечатлѣлись въ памяти слушателей, засѣвъ въ ней прочно и надолго,—когда возникалъ самъ собою итогъ разсказаннаго, то подводимая въ немъ картина русской жизни вызывала нерѣдко въ глубинѣ души слушателей и, благодаря удивительному таланту Горбунова,—почти-что очевидцевъ—далеко не радостные звуки. Въ лицѣ Горбунова юмористъ, передававшій съ особымъ искусствомъ и правдивостью бытовыя черты изъ книги скорбей и радостей народной жизни, умѣлъ наводить на серьезные вопросы всякаго, кому дорого нравственное развитіе народа, кому народъ интересенъ, а не забавенъ только, какъ предметъ смѣхотворныхъ застольныхъ анекдотовъ.

И съ точки зрѣнія *мастерства*, т.-е. формы и способа исполненія, Горбуновъ былъ истинный художникъ. Трудно видѣть въ немъ импровизатора, готоваго на̀скоро, умѣлыми руками набросать оригинальный разсказъ, сцену, бытовую картинку. На всѣхъ его произведеніяхъ и на всемъ, что̀ онъ передавалъ устно, лежитъ печать продуманности. Она являлась необходимою—для разсказовъ съ историческимъ оттѣнкомъ, для полученія котораго требовалось предварительное и внимательное изученіе историческихъ матеріаловъ,—для сочиненій на старомъ русскомъ языкѣ, гдѣ одно неудачное и несвоевременное выраженіе портило бы цѣлостность общаго впечатлѣнія, звучало бы рѣзкимъ диссонансомъ. Но и кромѣ того, Горбуновъ вообще стремился сжать свои произведенія до крайнихъ размѣровъ, устранивъ изъ нихъ все излишнее и ненужное. А это требовало обдумыванья и неоднократныхъ, хотя бы только и мысленныхъ, передѣлокъ и перекроекъ. Онъ дѣйствовалъ какъ бы по программѣ другого большого художника—Ѳедотова, который говаривалъ: „въ дѣлѣ искусства надо дать себѣ *настояться*; художникъ-наблюдатель—тоже, что̀ бутыль съ наливкой: вино есть, ягоды есть—нужно только умѣть разливать во̀-время...“ Такъ и онъ, безъ сомнѣнія, „настаивался“, и лишь выработавъ вполнѣ и всесторонне то, чѣмъ хотѣлъ подѣлиться съ публикою, пускалъ это въ обращеніе. Однажды, въ 1878 году, въ Москвѣ, Горбуновъ изложилъ пишущему эти строки фрагменты будущаго разсказа изъ дѣятельности несуществующаго общественнаго учрежденія,—разсказа, полнаго самаго захватывающаго интереса,—объясняя, что *все это* надо еще отдѣлать и кое-что переработать. Лѣтъ черезъ десять, на

просьбу дать возможность выслушать этотъ разсказъ, онъ отвѣчалъ:—„да все не готово: — не клеится что-то!.. хочется посерьезнѣе сдѣлать...“—и неизвѣстно, не осталось ли это произведенiе лишь „im Werden“, какъ говорятъ нѣмцы. Онъ не считалъ возможнымъ остановиться на отдѣльныхъ отрывкахъ, связавъ ихъ намеками или искусственными нитями, и признавалъ себя въ правѣ пустить въ обращенiе свое произведенiе только тогда, когда оно было обработано до той ясности, съ которою оно возникло въ его душѣ. Оттого-то онъ и произвелъ сравнительно довольно немного. „En fait d'art, — говоритъ Жоржъ Зандъ,—il n'y a qu'une régle, qu'une loi: montrer et émouvoir“. Но для того, чтобы успѣшно и цѣлесообразно *показывать* и *трогать*, необходимо устранить все, что̀ затемняетъ образъ или цѣлую картину, созданные художникомъ, что̀ мѣшаетъ ихъ „показать“ столь выпукло и ярко, чтобы они произвели опредѣленное и цѣльное душевное движенiе въ слушателѣ или созерцателѣ. Это устраненiе излишняго—l'élimination du superflu, по удачному выраженiю одного русскаго живописца,—усматривается во всемъ, созданномъ Горбуновымъ. Онъ былъ до крайности сжатъ и кратокъ, держалъ на привязи чужое вниманiе и умѣлъ заставить его, ничѣмъ не развлекаясь, почти сразу направиться на самый жизненный нервъ своего разсказа, не связаннаго никакою предвзятою формою, никакими условными правилами. Слушатель захватывался имъ съ первыхъ же словъ и слѣдилъ за нимъ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Такъ именно совѣтуетъ Лессингъ поступать художнику: „не впадай въ непростительную ошибку,—не оставляй насъ ни на минуту равнодушными, интересуй насъ и дѣлай затѣмъ съ правилами искусства—маленькими и механическими—что̀ хочешь!“.

Вслѣдствiе этого, у Горбунова выработались особые прiемы повѣствованiя. Въ большинствѣ случаевъ, онъ не дѣлалъ никакого вступленiя; въ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно было неизбѣжно, онъ ограничивался двумя-тремя словами. Разсказчикъ спѣшилъ стереться и отойти въ сторону, предоставивъ самой жизни, которую онъ изображалъ, говорить за себя, очевидно находя, что вступленiе излишне тамъ, гдѣ съ первыхъ словъ дѣйствующихъ лицъ предъ слушателемъ, мало-мальски знакомымъ съ русскою дѣйствительностью, сама собою возникаетъ живая обстановка и условiя, въ которыхъ происходитъ дѣйствiе. „—Скоро полетитъ? — Не можемъ, сударь, знать. Съ самыхъ вечеренъ надуваютъ, раздуть, говорятъ, невозможно.—А чѣмъ это, братцы, его надуваютъ?—Должно, кислотой какой... безъ кислоты тутъ ничего не сдѣлаешь“...—такъ

начинается одинъ изъ лучшихъ разсказовъ Горбунова, и картина рисуется сама собою, безъ всякаго предваренія слушателя...“—Вы обвиняетесь въ томъ, что въ гостинницѣ „Ягодка“ вымазали горчицею лицо трактирному служителю...—Бушевали мы—это точно...“—начинаетъ Горбуновъ, и обстановка возстаетъ невольно предъ слушателемъ. Онъ видитъ мирового судью и людей, которые „бушевали“, и даже самый характеръ ихъ „бушеванья“ ясенъ изъ первыхъ же словъ судьи.—„Наслышаны мы объ васъ, милостивый государь,—начинаетъ, бывало, Горбуновъ вкрадчивымъ голосомъ,—что, напримѣръ, ежели что у мирового—сейчасъ вы можете человѣка оправить...“—и не нужно говорить, что дѣло происходитъ въ кабинетѣ адвоката и притомъ спеціалиста по практикѣ у мировыхъ судей... Иногда разсказъ начинался пѣніемъ чувствительнаго романса о „канареечкѣ“, и фигура перезрѣлой замоскворѣцкой барышни съ картавымъ голосомъ тотчасъ рисовалась передъ слушателемъ и предвѣщала общій тонъ будущаго разсказа; иногда сиплый голосъ, напѣвающій съ ожесточеніемъ: „спрятался мѣсяцъ за тучи“—изобличалъ самъ собою молодого гуляку, размаху широкой натуры котораго положенъ предѣлъ какимъ-нибудь неизбѣжнымъ, но тѣмъ не менѣе непріятнымъ обстоятельствомъ...

Горбуновъ любилъ разсказывать стоя. Только въ качествѣ генерала Дитятина, о которомъ рѣчь будетъ ниже, онъ обыкновенно сидѣлъ. Ставъ въ естественную, непринужденную позу, онъ, если это было въ частномъ собраніи, брался за спинку стула, откидывалъ со лба нависавшую прядь волосъ и глядѣлъ передъ собою въ пространство, слегка прищуренными, живыми глазами, взоръ которыхъ по ходу и смыслу разсказа становился съ удивительною легкостью то посоловѣлымъ, то комически-томнымъ, то лукавымъ, то испуганнымъ. Живая, непередаваемая игра физіономіи Горбунова,—выраженіе его губъ, то оттопыренныхъ, то растянувшихся въ сладкую или ехидную улыбку, то старчески отвислыхъ, то презрительно сжатыхъ,—его, рѣдкій вообще, жестъ съ растопыренными пальцами или выразительный ударъ могучаго кулака въ грудь,—наконецъ, удивительно-тонкіе оттѣнки его, небогатаго самого по себѣ, голоса, его шопотъ, всхлипыванья, взволнованная скороговорка, выразительныя паузы—все это населяло его разсказы массою лицъ, обрисованныхъ яркими, типичными чертами, различныхъ по темпераменту, развитію, настроенію и одинаковыхъ по своей реальности, по своей тѣсной связи съ своеобразными сторонами русской жизни и натуры. Подобно началу разсказа, и конецъ бывалъ простъ и

естественъ. Многіе разсказы кончались эпически, вдругъ, неожиданно, обрываясь, когда все, что составляло ихъ внутренній смыслъ, уже было сказано. Дальнѣйшее ихъ продолженіе являлось бы лишь развитіемъ послѣдствій того или другого положенія, представлять себѣ которыя скупой на слова Горбуновъ предоставлялъ самому слушателю.

II.

Передать, хотя бы въ общихъ чертахъ, *содержаніе* разсказовъ Горбунова—очень трудно. Не говоря уже о богатствѣ и разнообразіи этого содержанія, оно такъ тѣсно и органически связано съ формою и съ особенностями выполненія ея Горбуновымъ, что излагать своими словами это живое воспроизведеніе русской дѣйствительности, блещущее юморомъ и талантомъ, было бы задачею, смѣлость которой равнялась бы ея безплодности. Горбунова нужно было слышать, его слѣдовало бы читать серьезно и вдумчиво, особливо будь у насъ издано полное собраніе его разсказовъ; говорить же о его произведеніяхъ возможно лишь намѣтивъ главные ихъ мотивы и освѣщая ихъ небольшими отрывками, изложенными подлинными словами автора.

Русская жизнь и русскій человѣкъ представлены имъ въ самыхъ разнородныхъ сочетаніяхъ, всегда однако не только правдоподобныхъ, но поражающихъ своею вѣрностью во всѣхъ отношеніяхъ. Горбуновъ вообще скупъ на описанія и не любитъ рисовать картинъ. Его интересуетъ самъ человѣкъ, а не фонъ, на которомъ вырисовывается и житейская обстановка, среди которой онъ дѣйствуетъ. Тѣмъ не менѣе у него нашли себѣ яркое изображеніе—унылое однообразіе великорусскаго села съ неизбѣжнымъ „заведеніемъ“; тоскливая тишина и незамѣтно ползущая жизнь уѣзднаго города общаго средне-русскаго типа, съ обычнымъ гостинымъ дворомъ, какъ двѣ капли схожимъ по архитектурѣ, вывѣскамъ и даже по запаху со всѣми другими гостиными дворами другихъ уѣздныхъ же городовъ; московское „захолустье“, гдѣ фонари освѣщаютъ лишь свой собственный столбъ и ночной сторожъ протяжно кричитъ: „посма-а-атривай!“, хотя именно посматривать-то и некому; постоялый дворъ въ посадѣ при монастырѣ, гдѣ „теперича клопъ со всего свѣту собрался, потому богомольцевъ-то какая сила!“. Но набросавъ такое изображеніе, Горбуновъ спѣшитъ перейти къ людямъ,—столь близкимъ ему и понятнымъ русскимъ людямъ, „среднимъ“ и „мо-

лодшимъ", какъ говорилось въ старину, вращающимся среди обычныхъ мотивовъ и элементовъ своей несложной, хотя подчасъ и очень своеобразной жизни. Ихъ повѣрья и обычаи, ихъ доброта и ихъ слабости, проявленія ихъ душевной теплоты, а подчасъ и нравственнаго паденія, ихъ отношеніе къ власти, къ суду, къ церкви и наукѣ,—будни и праздники, скорби и трагедіи ихъ существованія, смѣняя другъ друга и переплетаясь между собою, проходятъ въ пестрой картинѣ предъ каждымъ, кто перечтетъ и припомнитъ разсказы Горбунова.

Любовь къ этому русскому человѣку, несмотря на трезвый взглядъ на его слабости и недостатки, теплится и сквозитъ въ большинствѣ того, что̀ повѣствуетъ Горбуновъ. Не закрывая глазъ на непригядныя стороны родной жизни, рѣзко оттѣняя тѣ внутренніе диссонансы и „безобразія", которыми иногда проявляетъ себя русскій человѣкъ, Горбуновъ не забываетъ про тяжелыя историческія и бытовыя условія, оставившія, даже и отойдя въ область прошедшаго, свой слѣдъ на нравственномъ складѣ и многихъ сторонахъ „поведенія" этого человѣка. Крѣпостное право, до-реформенное безсудье на ряду съ стремительностью и непосредственностью начальственной расправы, тяжкая, обрывающая всѣ личныя связи, многолѣтняя военная служба и мракъ невѣжества, не только не разсѣеваемый, но, бывало, и любовно оберегаемый, мелькаютъ въ разсказахъ Горбунова, внося темные тоны въ ихъ, въ общемъ, свѣтлую и веселящую взоръ ткань.

„Вся-то жизнь наша—слезы,—говоритъ, въ „Медвѣдѣ", лежащій на печи старикъ,—родимся мы въ слезахъ и помремъ въ слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ, и сказать нельзя! Бывало хоть въ некрутчину: и мать-то воетъ, и отецъ-то воетъ, а у жены у некрутиковой изъ глазъ словно смола горячая капаетъ"... Эта „некрутчина", наводившая ужасъ на разрушаемую ею семью, вызывала ее иногда на крайнее напряженіе силъ, выражавшееся въ наймѣ „охотника"; и среди разсказовъ Горбунова былъ одинъ, героемъ котораго являлся такой охотникъ, гуляющій на счетъ нанявшихъ и всячески безвозбранно надъ ними надмывающійся. Въ порывистыхъ жестахъ его, въ окрикахъ на нанятого имъ музыканта: „дѣлай! дѣлай!", въ его пьяныхъ вопляхъ и слезахъ слышалось глубокое, безъисходное отчаяніе загубившаго себя человѣка. Отголоски этой же некрутчины звучатъ и въ словахъ кухарки на „постояломъ дворѣ"—о мужѣ, котораго „угнали на Кавказъ, такъ что и слуховъ объ ёмъ нѣтъ... должно къ австріякамъ попалъ",—и въ простодушныхъ разсказахъ Прохора, въ „Лѣсу", объ отведен-

номъ имъ „для порядку“ къ становому бѣгломъ солдатѣ, котораго онъ не испугался, потому что „на войнѣ ежели, вѣстимо убьетъ, а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ, въ лѣсу ему ѣсть нечего... ягоды—да ягодой, или корешкомъ какимъ ни на есть, сытъ не будешь, ну и отощалъ человѣкъ, силу, значитъ, забрать не можетъ, опять же и ружья этого при ёмъ нѣтъ“.

Слезы „некрутиковой жены“ невольно напоминаютъ горькое, пришибленное положеніе, которое часто выпадаетъ въ удѣлъ простой русской женщины въ крестьянской средѣ, а подчасъ и въ той, гдѣ владычествуетъ, не препятствуя своему нраву, „господинъ купецъ“. За комической растерянностью и смѣшными по своей трусливой узкости житейскими взглядами обывательницъ захолустья, описываемыхъ Горбуновымъ, видится ихъ непрестанный трепетъ предъ домашнимъ произволомъ, неожиданность и безпричинность проявленій котораго нагоняютъ невольный страхъ постояннаго ожиданія какой-нибудь домашней бури. Стòитъ вдуматься въ источникъ этихъ взглядовъ, и трагическая дѣйствительность сотретъ ихъ веселыя краски. Не даромъ одна изъ жительницъ захолустья признаетъ, что сынъ былъ правъ, когда „убёгъ“ съ молодою супругою изъ родительскаго дому, такъ какъ „не втерпёжъ жить, потому что не всякая *можетъ* по здѣшнему безобразію, надо дѣло говорить; и прежде у насъ въ домѣ карамболь былъ, а теперь хоть святыхъ вонъ неси,—продолжаетъ она,—самъ-то лютѣй волка сталъ, день деньской ходитъ, не знаетъ, на комъ злость сорвать“... „За чтò же я должна за старика идти?“ спрашиваетъ молодая дѣвушка отца. „Не твое дѣло!.. Значитъ, такъ нужно для моихъ дѣловъ, — отвѣчаетъ отецъ:—чтò я задумалъ, никто этого знать не можетъ. А ваше дѣло: чтò я приказываю—кончено. Не мерзавецъ я въ своей жизни и чувствую свою дѣятельность. Учить вамъ меня нечего“. Этотъ гнетъ заглушаетъ мало-по-малу естественныя чувства и логику, и изъ устъ запуганныхъ существъ раздаются сентенціи неожиданнаго свойства. Мать, понимавшая сына, который „убёгъ“ съ женою, говоритъ однако послѣдней: „другая бы хорошая баба на твоемъ мѣстѣ въ ногахъ досыта наваляласъ, а ты фыркаешь“... Въ отвѣтъ на слезы дочери, выдаваемой за старика, слышится материнское удивленіе: „чтò ты, Богъ съ тобой,—за маіора за военнаго выходить да скучно? да другая на твоемъ мѣстѣ такъ бы носъ вздернула да хвостъ растопырила!“ Тяжкія картины семейной обстановки даже и во снѣ давятъ на мысль. У одной изъ выводимыхъ Горбуновымъ купчихъ „вся душенька выболѣла отъ страшнаго сна: будто бы стою я, матушка,

на горѣ, а мужъ-то, Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный внизу стоитъ, да на меня эдакъ пальцемъ грозитъ"... Печальная судьба русской „бабы", этой — по выраженію Некрасова—„вѣковѣчной печальницы", выступаетъ эпизодически у Горбунова. Тяжело ей бываетъ съ пьянымъ и драчливымъ мужемъ. „Другого такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ,—говорятъ про зажиточнаго мужика,—ужъ на что баба, и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба наша, извѣстно, на побои рожденная: тамъ какая она ни будь, а ужъ все ей влетитъ, либо съ сердцовъ, либо съ пьяну"... Не менѣе тяжело и въ безпріютномъ сиротствѣ и вдовствѣ.—„Это что̀ такое?"—кричитъ на собравшихся для облавы на медвѣдя крестьянъ пріѣхавшій изъ Петербурга богатый охотникъ, замѣтивъ среди нихъ бабу съ ребенкомъ на рукахъ. „Бабёночка, сударь, наша...—Что-жъ она съ ребенкомъ въ лѣсъ пойдетъ?—Мужъ, сударь, у ней замерзъ, такъ, значитъ, кормится, въ чужихъ людяхъ живетъ...—Ничего, сударь, мы привычные",—робко говоритъ бабенка.

Начатый великимъ Петромъ „смѣлый посѣвъ просвѣщенья", воспѣтый Пушкинымъ, шелъ медленно, съ остановками, захватывая лишь высшіе классы общества, причемъ имѣлись въ виду преимущественно служебныя цѣли. Настоящая систематическая забота о народномъ образованіи появляется у насъ лишь послѣ крымской войны, но и до сихъ поръ мы, по достигнутымъ въ этомъ отношеніи результатамъ, находимся почти на вершинѣ извѣстной выставочной пирамиды, изображавшей грамотность въ европейскихъ странахъ. Время ранней молодости Горбунова, изъ которой онъ вынесъ многія впечатлѣнія на всю свою творческую дѣятельность, совпало съ господствовавшей въ провинціальномъ бюрократическомъ строѣ недоброжелательностью къ „учэнымъ" и „сочинителямъ", какъ презрительно называли окончившихъ курсъ въ университетѣ, чему рѣзкіе примѣры приводилъ еще недавно на страницахъ „Русской Старины" въ своихъ воспоминаніяхъ о срединѣ пятидесятыхъ годовъ Ѳ. Я. Лучинскій. Скупости въ просвѣщеніи массъ соотвѣтствовали, особливо подальше отъ столицъ, за немногими свѣтлыми исключеніями, самые пріемы преподаванія и слабое развитіе педагогической литературы, чрезвычайно затруднявшее попытки къ самообразованію. Не даромъ вспоминалъ Горбуновъ урокъ „диктовки" изъ древней исторіи и учебникъ математики Войтяховскаго, бывшій въ частномъ употребленіи еще въ сороковыхъ годахъ. „Начнемъ, — говоритъ учитель, — исторію мидянъ. Пишите: исторія... исторія... мидянъ, ми-дянъ. Написали? Точка. Подчерк-

нуть!—Начало исторіи мидянъ... Написали? Точка. Подчеркнуть. —Ну, теперь: исторія мидянъ темна... те-мна и—написали? и—непонятна. Точка. Конецъ исторіи... исторіи... мидянъ. Точка. Подчеркнуть!"—Не лучше, въ своемъ родѣ, были и задачи Войтяховскаго о цѣнности вещей въ чемоданѣ „нововъѣзжей французской мадамы", и о „смѣшеніи вещей въ коронѣ сиракузскаго царя Іерона". Благодаря этому, въ средѣ, описываемой Горбуновымъ, просвѣщеніе „обрѣтается не въ авантажѣ", съ трудомъ просачиваясь между враждебными ему взглядами, суевѣріями, наивными завѣтами старины и неохотою утруждать себя ученьемъ дальше самыхъ элементарныхъ свѣдѣній и болѣе чѣмъ сомнительнаго правописанія. „Вотъ, все прочиталъ,—заявляетъ управляющій изъ крѣпостныхъ, Никита Николаевъ, закрывая книгу Эккартсгаузена „Ключъ къ таинствамъ натуры",—а въ голову забрать ничего не могу—не обученъ,—если бы меня съ малолѣтства обучали, я бы до всего дошелъ".—„Вы господамъ служили,—отвѣчаетъ ему жена,—а господину зачѣмъ ваша наука? Науки вашей ему не нужно. Вотъ хотя бы по вашей, по лакейской части, ученья вамъ совсѣмъ не нужно. Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпѣть не могла, кто книжки читаетъ"...

Не любятъ чтенія книжекъ и въ томъ Замоскворѣчьѣ, нравы котораго описывалъ Горбуновъ. Тамъ полагаютъ, что если „все въ книжку глядѣть", такъ можно „зачитаться" какъ Дёмушка („Смотрины"), стать „чуднымъ" какъ Егорушка, или начать прохожимъ кланяться въ ноги, какъ старичокъ, называемый, несмотря на свои сѣдые волосы, Володею, у котораго *отъ книжки* и отъ долгаго сидѣнья въ долговомъ отдѣленіи „растопилось сердце" и „помутился разумъ" („Самодуръ"). Не даромъ „нашъ лекарь сказывалъ", что даже блины—вредъ для тѣхъ, „кто ежели мозгами часто шевелитъ, значитъ по книгамъ доходитъ или выдумываетъ". Если въ той средѣ, откуда беретъ свой матеріалъ Горбуновъ, неграмотность не составляетъ бѣды или не грозитъ особыми стѣсненіями въ жизни, то съ другой стороны безграмотность, какъ всякое полуобразованіе, съ увѣренностью въ себѣ и самодовольствіемъ выставляетъ себя на показъ. Достаточно припомнить московскія вывѣски, остановившія на себѣ вниманіе Горбунова и постепенно вытѣсняемыя изъ столицы въ провинцію. „Кофейная справомъ входа для купцовъ и дворянъ", существовавшая въ Грузинахъ, въ Москвѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, уступила мѣсто уѣзднымъ: „Въ новь открытой белой харчевнѣ Русскій міръ" и трактиру „Константинъ Нополь";—московской

вывѣскѣ: „Съ дозволенія правительства медицинской конторы засѣданія господъ врачей въ семъ залѣ отворяютъ кровь заграничнымъ инструментомъ пьявочную, баночную и жильную, прическа невѣстъ, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритье и прочія принадлежности мужского туалета, по желанію на домъ по соглашенію экзаменованный фельдшерный мастеръ Ефимъ Филипповъ и дергаетъ зубы“—соотвѣтствуютъ: „С.-Петербургской колоніально-бакалейный магазинъ съ продажѣю всехъ предметовъ химической лабораторіи и прочиго“, „Постоялый дворъ и при немъ лавка съ продажею хомутовъ, кнутовъ, веревокъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ“, „Magazin mod e rob Moscu“ и т. п. Не лучше и объявленія, въ родѣ: „съ разрѣшенія начальства, въ непродолжительномъ времени пѣвцы *братья* Мальчугины, изъ коихъ одна сестра будутъ имѣть честь и т. д.“.

Медленнымъ распространеніемъ образованія и даже грамоты —объясняется взглядъ Горбуновскихъ дѣйствующихъ лицъ на науку и на природу. Съ презрѣніемъ относятся они къ первой, съ ужасомъ — къ естественнымъ явленіямъ послѣдней. „Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? а кучеръ-то, дуракъ, и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... сырой-то женщинѣ!..—такъ та и покатилась! домой подъ руки потащили“... „Зашелъ онъ въ трактиръ,—разсказываетъ у Горбунова замоскворѣцкій дѣятель—и сталъ это свои слова говорить. Теперь, говоритъ, земля вертится, а Иванъ-то Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?“... Не однимъ людямъ страшны явленія природы. Опасны они и для лѣсовиковъ, которые очень боятся, напримѣръ, грозы, гоняющей ихъ по лѣсу и бьющей „молоньею, которая какъ зубомъ перекуситъ, потому стрѣла у ей очень тонкая“. Хотя „дворянинъ одинъ, въ Калугѣ“, и отрицаетъ существованіе лѣшаго, „но много онъ знаетъ—дворянинъ-то“, когда „кого хошь спроси“ лѣшій есть, да только показывается не всякому, а „кого ежели оченно любитъ“, и видъ притомъ имѣетъ совершенно опредѣленный: — „одна ноздря у него, а спины нѣтъ“... Этимъ онъ отличается отъ людоѣдовъ-одноглазыхъ, „по чьему закону *все* можно“, которыхъ излюбленные Замоскворѣчьемъ странники за океянъ-рѣкою *видѣли*, причемъ этому и „описаніе есть въ книжкахъ“... Впрочемъ, „все можно“ не однимъ людоѣдамъ,—но, почему-то, и англичанамъ, которые весь постъ ѣдятъ говядину—потому, что „по ихъ вѣрѣ все возможно“, ибо они „вѣруютъ въ пѣтуха“, о чемъ съ полною увѣренностью заявляетъ въ московскомъ захолустьѣ дворникъ дома,

хозяйка котораго, со вздохомъ и усиліями истребляя блины на масляной, на заявленіе внука, что онъ сбился со счета, сколько съѣлъ, говоритъ: „грѣхъ батюшка считать-то,—кушай такъ, во славу Божію“. За то жизнь въ этомъ захолустьѣ полна вѣщими снами и слышимыми въ ночи „трубными звуками“, — зато жительницы его, отправившись слушать провозглашеніе „анаѳемы“, всхлипывая отъ жалости и умиленія разсказываютъ, что видѣли, подъ потрясающіе возгласы церковнаго баса, и ее, самую анаѳему, съ сѣденькою бородкою и трясущеюся головою...

Больная человѣческая природа тоже вызываетъ къ себѣ въ этомъ мірѣ особое отношеніе. „Какъ здоровье, матушка?“—спрашиваетъ одна богомольная старушка другую.—„О-о-охъ! голубка—мѣстами! мѣстами болитъ, мѣстами подживаетъ!“ Сверхъ такого общаго недомоганья чаще всего одолѣваетъ человѣка бѣлая горячка,—у простого человѣка „сердце чешется“,—а у купеческой вдовы по ночамъ подъ сердце подкатываетъ—„словно бы этакое забвеніе чувствъ, и вдругъ эдакъ... знаете... даже удивительно! и такъ, знаете, вздрогнешь...“. Если случится утопленникъ — его откачиваютъ, и чѣмъ шибче, тѣмъ лучше, лишь бы при этомъ не разговаривать, „не пужать его“; — если грозитъ повальная болѣзнь, отъ нея защищаются крестами, сдѣланными мѣломъ надъ косяками оконъ и дверей. Иногда дѣйствуютъ по правилу similia similibus curantur. „Да что доктора,—говоритъ одинъ охотникъ, помятый медвѣдемъ,—да что-жъ эти доктора! Для господъ они, можетъ, хороши, а намъ они ни къ чему... Нашу натуру они не знаютъ, порошки ихніе на мужика не дѣйствуютъ. Жена меня лечила. Медвѣдемъ же и лечила, саломъ его, значитъ, медвѣжьимъ прикладывала. Отощалъ я въ тѣ поры оченно, на ѣду не тянуло. Глазомъ пищу-то берешь, а нутро-то не примаетъ. Ну, ничего—выправился“.

Однако „выправиться“ приходится не всегда, особливо если дѣло идетъ о соленой рыбѣ, съѣденной безъ предосторожностей, не предусмотрѣнныхъ, впрочемъ, никакими врачами... „Маленько и поѣли-то ее,—и отчего бы это, кажись? Оно точно — начальство не велитъ ее сырую ѣсть, да развѣ удержишься, если эпекитъ пришелъ. Конечно — спервоначалу надо бы ее порохомъ вытереть хорошенько, а не то въ щелокъ окунуть — тогда ничего“... Иногда, впрочемъ, душевное и тѣлесное недомоганье является вполнѣ естественнымъ, предвидѣннымъ и, такъ сказать, узаконеннымъ послѣдствіемъ свято соблюдаемаго обычая.—„Блины изволили кушать? —Да я крещеный человѣкъ, аль нѣтъ? Эхъ ты —образованіе!“... Въ виду этого, „кушать блины“ становится

своего рода священною обязанностью, которая выполняется въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ рвеніемъ, что „инда въ глазахъ мутится“ — и такъ какъ это продолжается цѣлую недѣлю, то „на послѣднихъ-то дняхъ одурь возьметъ,—постомъ-то не скоро на истинный путь попадешь“, ибо „послѣ хорошей масляницы человѣкъ не вдругъ очувствоваться можетъ, и ликъ исказится, и все“... Понятно, послѣ этого, почему старожилъ московскаго захолустья, съ восторгомъ вспоминая, какъ „въ старину, бывало, идешь по улицѣ и чувствуешь, что она, матушка (масляница), на дворѣ: воздухъ совсѣмъ другой, такъ тебя и обдаетъ, такъ и обхватываетъ“, замѣчаетъ: „а вотъ посмотрю я на *господъ* — какіе они къ блинамъ робкіе: штуки четыре съѣстъ и сейчасъ отстанетъ...“ —„Кишка не выдерживаетъ!“—авторитетно замѣчаетъ собесѣдникъ. Сверхъ исключительныхъ способовъ леченія отъ недуговъ, помощи ищутъ преимущественно въ наговариваніи, нашептываніи на корочку и въ совѣтахъ какого-нибудь Филиппа Іоновича, который „отъ сорока-восьми недуговъ знаетъ лечить— только черепа подымать не можетъ...“, причемъ, надо думать, что его лекарство дѣйствуетъ успѣшнѣе, чѣмъ средство, употребленное противъ таракановъ, которыхъ „и морили, сударь, и морозили,—и изъ С.-Петербурга былъ какой-то, мазью смазывалъ, но, между прочимъ, куры всѣ передохли, а тараканы остались“.

Едва ли нужно напоминать разсказы Горбунова изъ купеческаго быта, изображающіе гульбу на ярмаркѣ въ Нижнемъ, различныя семейныя сцены и т. п. Все это чрезвычайно характерно, выпукло, но, представляя разработку тѣхъ же типическихъ особенностей этого быта, которыя такъ ярко очерчены въ комедіяхъ А. Н. Островскаго, не превосходитъ послѣднія ни по мастерству, ни по богатству оттѣнковъ и языку. Болѣе оригинальны картины изъ жизни выводимыхъ Горбуновымъ мѣщанъ, фабричныхъ и вообще городского населенія. Въ нихъ такъ и брызжетъ юморъ, тонкая наблюдательность и умѣнье нѣсколькими штрихами обрисовать цѣлое положеніе.—Поразительно жизненны были также въ устныхъ разсказахъ Горбунова особо-излюбленныя имъ лица духовнаго званія. Но чиновничій бытъ и такъ называемая интеллигенція, затрогивались имъ мало и мелькомъ, обыкновенно съ довольно явною струйкою насмѣшки. Въ этомъ отношеніи особенно выдержанъ разсказъ: „Медвѣжья охота“, гдѣ забава скучающихъ баръ переплетается со споромъ мужиковъ изъ-за обложеннаго одними изъ нихъ и перешедшаго на землю другихъ звѣря. Предъ слушателемъ—рядъ типичныхъ лицъ, начиная съ мужичка-охотника, который заряжаетъ ружье, пере-

вязанное около курка веревкою, выдергивая паклю для пыжа изъ шапки, и кончая франтоватымъ молодымъ человѣкомъ, со стеклышкомъ въ глазу, изъ Петербурга, облеченнымъ въ черкесскій костюмъ, съ кинжаломъ и разными затѣйливыми принадлежностями. Охота идетъ неудачно, несмотря на суетню загонщиковъ и отборную брань пріѣзжаго полковника,—что̀, повидимому, особенно огорчаетъ господина въ черкесскомъ костюмѣ. Всѣ ѣдутъ обратно. Черкесъ, при въѣздѣ въ деревню, убиваетъ въ упоръ пѣтуха, говоря съ озлобленіемъ: „тебѣ этого, что-ль, хотѣлось?"—Очень характерна, напримѣръ, и столичная штатская генеральша тепличнаго воспитанія, впервые пріѣхавшая въ уѣздный городъ. Исправникъ показываетъ ей требующую немедленной помощи—телеграмму о горящемъ лѣсѣ, угрожающемъ желѣзнодорожной станціи, и съ отчаяніемъ восклицаетъ: „А съ чѣмъ я поѣду? двѣ трубы только, и то одна безъ рукава!"— „Какъ безъ рукава?"—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ генеральша. —„То-есть, попросту сказать: безъ кишки". Но тепличная дама и этого не понимаетъ, и съ еще бо̀льшимъ недоумѣніемъ взглядываетъ въ глаза исправнику...

III.

Область личныхъ отношеній и различныхъ бытовыхъ явленій частной жизни, несмотря на все свое разнообразіе, не могла, однако, дать исключительное содержаніе разсказамъ Горбунова. Изображаемые имъ люди выходятъ, а иногда, помимо своей воли, выводятся изъ узкихъ рамокъ личной жизни—семейной или одинокой—въ круговоротъ жизни общественной. Сходясь въ дѣловыхъ общественныхъ собраніяхъ, собираясь для публичныхъ празднованій, отыскивая развлеченія, русскій человѣкъ имѣетъ случай проявлять свою общительность, свои взгляды на общіе интересы и задачи, и все своеобразіе своей природы, поставленной въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣми или другими сочетаніями людей. Все это не могло, конечно, ускользнуть отъ наблюдательности Горбунова. Обратилъ онъ и особое, вполнѣ заслуженное вниманіе на отношеніе изображаемаго имъ русскаго человѣка ко *власти* вообще и къ *суду* въ особенности. Сложившіеся вѣками, подъ вліяніемъ условій и причинъ, имѣющихъ корни въ нашемъ историческомъ прошломъ, взгляды народа на власть и ея представителей, на неизбѣжныя свойства ихъ и наконецъ на то, какъ надо къ нимъ относиться, имѣютъ ориги-

нальную форму и особенный, соотвѣтственный той или другой средѣ колоритъ. Изученіе этихъ взглядовъ могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ выводъ цѣлаго ряда ходячихъ въ народѣ житейскихъ, неписанныхъ правилъ о томъ, какъ понимать власть и какого „поведенія“ надлежитъ съ нею придерживаться. Если отбросить подчасъ комическую сторону этихъ правилъ, ихъ явное несоотвѣтствіе разумному соотношенію различныхъ элементовъ гражданскаго строя и ихъ, такъ сказать, фаталистическую непреложность, то въ нихъ можно увидѣть цѣлое *правосозерцаніе*, надъ которымъ нельзя не задуматься.

Ближайшая власть, съ которою приходится имѣть дѣло народу—полицейская. Ея представители и агенты составляютъ почти неизбѣжный элементъ его общественной жизни. Водвореніе порядка, ближайшая помощь и защита, предварительное разбирательство всякихъ житейскихъ столкновеній—все это въ рукахъ мѣстной полиціи. „До Бога высоко—до царя далеко“,—говоритъ народная пословица,—и въ то время, когда носитель верховной власти живетъ въ сознаніи народа, какъ недосягаемый, свѣтлый и всемогущій представитель правды и справедливости, которыя лишь вопреки его волѣ не осуществляются въ обыденной жизни исключительно и постоянно,—главный обиходъ отношеній народа къ государству, не считая воинской повинности, замыкается въ тѣсную дѣятельность ближайшихъ къ нему чиновъ полиціи и органовъ суда. Посредствующія звѣнья, іерархическія ступени, на которыхъ стоятъ облеченныя властью лица, ихъ разнообразныя функціи, права и обязанности—все это представляется народу въ неясныхъ и по большей части невѣрныхъ очертаніяхъ, все тонетъ въ одномъ и общемъ туманномъ понятіи о *начальствѣ*. Близокъ и понятенъ городовой, околоточный, становой, мировой судья—и, быть можетъ, земскій начальникъ, смѣнившій, но не замѣнившій послѣдняго; съ ними—и особливо съ первымъ—стоитъ народъ лицомъ къ лицу, они осуществляютъ предъ нимъ волю той неопредѣленной, но осязательной силы, называемой „начальствомъ“, критиковать которую безполезно, не повиноваться которой въ концѣ концовъ невозможно. Правда, строгое раздѣленіе властей, къ которому одно время стремилось наше законодательство, постепенное смягченіе нравовъ, медленное, но все-таки чувствуемое развитіе просвѣщенія и связаннаго съ ними правосознанія — понемногу начинаютъ создавать болѣе правильное пониманіе значенія, круга и законныхъ способовъ дѣятельности ближайшихъ къ народу представителей власти. Но это—пріобрѣтеніе, и притомъ довольно еще шаткое, недавняго

времени, а повѣствовательная дѣятельность Горбунова беретъ свое начало еще изъ тѣхъ годовъ, когда знаменитый и въ своемъ родѣ популярный квартальный надзиратель, соединявшій въ своихъ рукахъ всѣ мѣстныя проявленія судебной и административной власти, былъ альфой и омегой общественной жизни обыкновеннаго обывателя. Какъ „deus ex machina“, являлся онъ разрѣшителемъ всякихъ необычныхъ положеній и непривычныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ жизни .. Когда злополучный портной уже собирается садиться въ шаръ вмѣстѣ съ „нѣмцемъ“, происходитъ слѣдующій краткій разговоръ: „Ты что за человѣкъ?—Портной...—Какой портной?—Портной отъ Гусева, съ Покровки, —предупредительно поясняетъ одинъ изъ присутствующихъ,—купцы его летѣть наняли...—Летѣть!.. Гриненко, сведи его въ часть!—Помилуйте!..—Я те полечу!.. Гриненко... Извольте видѣть! Летѣть!.. Гриненко, возьми...“—И окружающіе, еще недавно сочувствовавшіе портному, сразу становятся на сторону того, кто такъ энергично проявилъ свою власть, уже въ самомъ фактѣ его вмѣшательства усматривая, безъ долгихъ разсужденій, доказательство неправильности и предосудительности дѣйствій портного, получившихъ заслуженное осужденіе. „Полетѣлъ голубчикъ!“—„Да за этакія дѣла“... „Народъ-то ужъ очепно избаловался, придумываетъ, что̀ чуднѣй!..“—слышится въ толпѣ,—и на вопросъ прохожаго—не вора ли это повели, и что̀ такое онъ укралъ—ему отвѣчаютъ: „нѣтъ, сударь... онъ, изволите видѣть... бѣдный онъ человѣкъ... и купцы его наняли, чтобы, значитъ, сейчасъ въ шару летѣть, — ну, а *квартальному это обидно* показалось...“—„Потому—безпорядокъ“, прибавляетъ одинъ изъ присутствующихъ. „И какъ это возможно безъ начальства летѣть?!“ —безапелляціонно и укоризненно заключаетъ другой... и правосозерцаніе — въ силу котораго все, что̀ дѣлается не съ разрѣшенія начальства, есть безпорядокъ, составляющій притомъ личную обиду для представителя этого начальства—возникаетъ предъ слушателемъ какъ основаніе цѣлой системы взаимныхъ отношеній.

Эти отношенія были особенно сложны въ то время, когда квартальный — или, какъ его называли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „коммисаръ“ — обязанъ былъ разбирать и маловажныя дѣла, идущія нынѣ судебнымъ порядкомъ. Являясь и судьею, и защитникомъ, онъ, подобно римскому претору, тутъ же творилъ свое неписанное право, понятное уму и сердцу обывателя. Въ рядѣ сценъ Горбунова проходитъ онъ предъ нами, начиная съ ранняго утра, проводимаго имъ въ канцеляріи, когда тре-

щитъ голова и требуется „селедка съ яблоками", и когда просителю-купцу, встрѣченному лаконическими словами: „что за человѣкъ?"—говорится ласково: „прошу васъ садиться... въ чемъ ваше дѣло?"—послѣ того какъ тотъ высказалъ не на словахъ, а на дѣлѣ теплое участіе къ домашнему обиходу квартальнаго,—и кончая ужиномъ въ купеческомъ домѣ, гдѣ бутербродъ съ густымъ слоемъ свѣжей икры запивается тенерифомъ братьевъ Зміевыхъ. День „коммисара" наполненъ трудомъ на пользу общества. Ему часто приходится принимать на себя высокія обязанности примирителя. „Иванъ Семенычъ, да помирись ты съ этою анаѳемой; вѣдь тебѣ же хуже будетъ, если она направитъ дѣло въ управу благочинія",—говоритъ онъ.—„Обидно это мнѣ очень, обидно мириться-то, вѣдь я по первой гильдіи.—Ну, дай ты ей *пятнадцать* цѣлковыхъ... — Ну, такъ и быть, получи! только нельзя ли ее хоть дня на три въ часть посадить. — Ужъ сдѣлаемъ, что̀ можно". Пріемы примиренія очень просты, хотя и неожиданны.—„Позвольте узнать, въ какомъ положеніи мое дѣло? —спрашиваетъ, подходя къ столу, среднихъ лѣтъ женщина.—Вы Анна Клюева? вдова сенатскаго копіиста?—Да-съ.—Тэкъ-съ! А вы давно кляузами изволите заниматься?—Помилуйте, какія же это кляузы, когда онъ на паперти меня прибилъ...—А свидѣтели у васъ есть? А докторъ васъ свидѣтельствовалъ?—Помилуйте...—
—Вы насъ, матушка, помилуйте! И безъ васъ у насъ дѣла много. Вы женщина бѣдная, возьмите *пять* рублей и ступайте съ Богомъ. А то мы васъ сейчасъ должны будемъ отправить къ частному доктору для освидѣтельствованія нанесенныхъ вамъ побоевъ, тотъ раздѣвать васъ будетъ... Что̀ хорошаго, вы—дама". Просительница начинаетъ всхлипывать.—„А какъ тотъ, съ своей стороны, озлится, да приведетъ свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что его въ этотъ день не только въ церкви, а и въ Москвѣ не было, такъ васъ за облыжное-то показаніе...—Помилуйте, прерываетъ просительница. — Позвольте, дайте мнѣ говорить... Вы не бывали на Ваганьковскомъ кладбищѣ? — Мой мужъ тамъ схороненъ. — Стало быть, мимо острога проѣзжали. Непріятно вѣдь вамъ будетъ въ острогѣ сидѣть.—Я правду говорю! Неужели за правду... — Полноте, возьмите *пять* рублей. Василій Ивановичъ, возьмите съ г-жи Клюевой подписку, что она дѣло прекращаетъ миромъ. Вамъ напишутъ, а вы подпишите.—Извольте, я подпишу, только пяти рублей не возьму... Богъ съ нимъ!—Ну, какъ хотите!" Выступаетъ онъ и въ роли защитника угнетенныхъ, съ примѣненіемъ тѣхъ упрощенныхъ пріемовъ, въ цѣлесообразность и воспитательное значеніе ко-

торыхъ до сихъ поръ не хотятъ, по упорству, вѣрить нѣкоторые теоретики, пропитанные кабинетными идеями. „Батюшка, ваше благородіе, защити ты меня, отецъ родной! — голоситъ, валяясь въ ногахъ у него, старуха. — Все пропилъ... — Кто пропилъ? — грозно вскрикиваетъ онъ. — Сынъ, батюшка, родной сынъ... Защити ты меня... — Это ты? — обращается квартальный къ молодому, щеголевато одѣтому мастеровому. — Я!—отвѣчаетъ нахально мастеровой.—Ты кто такой?—Цеховой кислощейнаго цеха.—То-то у тебя и рожа-то кислая!.. Ты знаешь божью заповѣдь: „Чти отца твоего и матерь твою“...—Бацъ! Цеховой летитъ въ стѣну.—Ты знаешь, что твоя мать носила тебя въ своей утробѣ сорокъ недѣль?—Зн...—Бацъ!—Ваше благородіе...—Ступай съ Богомъ! На первый разъ съ тебя довольно. Василій Ивановичъ, возьмите съ него *подписку*, что впредь онъ будетъ оказывать матери сыновнее почтеніе“.—Являлся онъ, наконецъ и въ роли блюстителя народнаго здравія и охранителя чужихъ имущественныхъ правъ. „Чтò это ты, братецъ,—говоритъ онъ купцу,—весь кварталъ заразилъ“. —„Мнѣ и самому тошно,—отвѣчаетъ тотъ,—да что жъ дѣлать-то! Три года не выкачивали. Капуста, милый человѣкъ, дѣйствуетъ! Заходи ужо — портфеинцу по рюмочкѣ выпьемъ“.— „Шуба соболья!“ выкрикиваетъ при описи имущества несостоятельнаго должника охранитель. Писарь записываетъ. „Чтò ты, въ первый разъ, что ли, на описи-то?—говоритъ тихо коммисаръ,—пиши: *мѣховая*“.—„Ложекъ серебряныхъ“... возглашаетъ охранитель... Писарь записываетъ. „Да *металлическихъ*! чортъ тебя возьми! *металлическихъ*... я такого дурака еще не видывалъ!“

Быстрота и самоувѣренная беззастѣнчивость распоряженій, примѣры которыхъ приводитъ Горбуновъ, не давая обывателю ни времени, ни привычки къ критической оцѣнкѣ, къ любознательности о томъ, гдѣ тотъ законъ, на который они опираются, держала, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣка не только въ спасительномъ, но даже и суевѣрномъ страхѣ. Особенно сильно наводилъ его, въ до-реформенное время, становой, какъ изслѣдователь всякихъ происшествій, могшихъ таить въ себѣ слѣды преступленія. Возможность огульнаго обвиненія или, во всякомъ случаѣ, заподозрѣнія, неслась предъ становымъ приставомъ, какъ вѣтеръ предъ грозою, совсѣмъ пригибая къ землѣ привыкшія жить въ трепетѣ души. „Вотъ когда становой пріѣдетъ!“—говорятъ около трупа убитаго молніей мальчика. „Что-жъ, становой?.. становой ничего“...—„Становой-то ничего?!“—„Мужички почтен-

ные,—становой ежели пріѣдеть—мы ничего не знаемъ"... „А что, его потрошить будутъ?"—„Само собою:—*не по закону померъ*, потрошить". „Становой! становой!"—слышатся крики—и окружающіе обращаются къ ни въ чемъ неповинному парню и, чувствуя, что *необходимъ* виновный, говорятъ ему: „Петрунька! голубчикъ, не погуби! прими все на себя!"—и, не ожидая отвѣта, спѣшатъ на встрѣчу становому съ заявленіемъ: „Ваше благородіе! Петруньки это дѣло, мы ни въ чемъ не причинны"... Когда, въ „Утопленникѣ", вытащившіе трупъ, при звукахъ колокола, ударившаго въ далекомъ монастырѣ къ заутрени, крестятся и говорятъ:—„упокой, Господи, душу раба твоего,—отмаялся ты на семъ свѣтѣ, голубчикъ!"—наступившую благоговѣйную тишину прерываетъ заявленіе:—„Что-жъ, ребята, теперь ступай къ становому,—объявить надо—такъ и такъ".—„Затаскаютъ, насъ, братцы таперича".—„Да, не помилуютъ!"—„Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не путайся. Мѣсяца два меня допрашивали. Сейчасъ приведутъ тебя, становой скажетъ: „вотъ братецъ, человѣка вы утопили,—сказывай, какъ дѣло было?"—Ничего молъ, ваше благородіе, этого я не знаю,—а что собственно услыхамши мы крикъ и таперича, какъ человѣкъ ежели тонетъ,—отвязали мы, значитъ, лодку... А насчетъ того, что откачивали—молчи, потому скажетъ: какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Какое ты полное право имѣешь?.. —Я, молъ, какъ свѣча горю предъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни надо мною поджигать—я ничего не знаю. „Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло*". Говори одно—какъ вашей милости угодно будетъ, я этому дѣлу не причиненъ".

Очевидно, что говорящіе такъ смотрѣли на представителей мѣстной власти, какъ на стихійную силу, противъ которой одно средство спасенія—все отрицать, терпѣливо и упорно. Резоновъ она не принимаетъ и налетаетъ съ предвзятымъ и твердымъ рѣшеніемъ. Безполезно опровергать его, это пустая трата словъ, —все равно не повѣрятъ, да и слушать не станутъ. Надо запираться во всемъ—вотъ и все. Система запирательства, выработанная вѣками безсудья (недаромъ и о раскладываніи огней говорится въ безсознательномъ переживаніи судебныхъ ужасовъ XVII и даже XVIII столѣтій)—эта система приходитъ въ голову простому человѣку едва лишь ему довелось быть случайнымъ свидѣтелемъ смерти отъ несчастнаго случая или даже пытаться спасти утопленника. Возможность того, что „затаскаютъ" и „въ острогъ влетишь"—слишкомъ реальна и основана на горь-

комъ опытѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь увернуться отъ осуществленія этой возможности, изображаемый Горбуновымъ простой русскій человѣкъ далекъ отъ желанія не только разбирать, но даже и объяснять себѣ основанія и поводы дѣйствій представителей мѣстной власти. Должно быть, все, что она предпринимаетъ, такъ и надо,—такъ неизбѣжно и до такой степени само собою разумѣется, что даже и говорить объ этомъ не стоитъ. „Пожалуй—въ острогъ влетишь",—говоритъ продрогшій парень, вытащившій на берегъ утопленника.—„Хитрого нѣтъ!"—отзывается другой.—„За что?"—спрашиваетъ третій. „А за то".—„За что,—за то?"—„Тамъ уже опосля выйдетъ разрѣшеніе",—заключаетъ успокоительно первый... Этому благодушному примиренію съ неизбѣжнымъ и ненуждающимся въ какомъ-либо обоснованіи „разрѣшеніемъ" часто соотвѣтствуетъ представленіе о какихъ-то особыхъ правахъ, составляющихъ принадлежность всякаго сколько-нибудь „значительнаго" человѣка. Хотя брань на вороту не виснетъ, по пословицѣ, и мужики, собравшіеся для медвѣжьей охоты, благодушно замѣчаютъ: „шибче полковника никому не изругаться, такъ обложитъ—лучше требовать нельзя"... но и ихъ благодушію есть предѣлъ. — „Возилъ я ныньче купца петербургскаго, трактирщика,—разсказываетъ крестьянинъ-ямщикъ,—ужъ оченно ругается... Такъ ругается—нѣтъ никакой возможности! Предъясняетъ, что въ Петербургѣ онъ очень значительный. Я, говоритъ, при своемъ капиталѣ кого хошь въ острогъ посажу".—„А вы и вѣрите?"—„Да какъ же не вѣрить? Можетъ, *права* такія имѣетъ. Мы этого не знаемъ. Петербургъ отъ насъ далеко"... Вотъ почему въ былые годы исполненіе требованій властнаго человѣка, даже и не вытекающихъ никоимъ образомъ изъ его должности или положенія, считалось мірскимъ дѣломъ, повинностью, несомою всѣми за одного и однимъ за всѣхъ, во избѣжаніе разныхъ непріятностей. Старый слѣпой дѣдъ, лежащій на печи, услышавъ стукъ старосты въ окно, переговоры вполголоса и крикливое возраженіе дѣвушки, призываемой для услуги къ наѣхавшему чиновнику: „да что это, въ самомъ дѣлѣ, точно другихъ дѣвокъ на селѣ нѣтъ?! третьяго дня къ одному посылали, вчерась къ другому требовали, а нынче, накось, и къ третьему иди! не пойду я!"—говоритъ ей наставительно: „Полно, полно, Матрена,—послужи міру-то"...

Рядомъ съ этимъ, готовность обращаться къ полицейской власти по всякому случаю—часто живописуется въ разсказахъ Горбунова. Русскій человѣкъ любитъ видѣть вмѣшательство полиціи, призываетъ ее и относится къ ней съ сочувствіемъ не какъ

участникъ, но какъ зритель, играя, въ составѣ толпы, иногда роль хора античныхъ трагедій.—„Нѣтъ, вы про затменіе докажите! вы только народъ въ сумнѣніе приводите“,—говоритъ кто-то изъ толпы астроному-добровольцу, собравшемуся смотрѣть въ одномъ изъ зà-москворѣцкихъ переулковъ на солнечное затменіе—и, не дожидаясь отвѣта, при общемъ сочувствіи, кричитъ:—„Городовой!“ городовой!“—„Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе!“—одобрительно говорятъ въ толпѣ. „Да! нашъ городовой никого не помилуетъ“. —„Что это за народъ собравши?—Да вотъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактира, наставилъ трубочку на солнышко, говоритъ—затменіе будетъ...—Да гдѣ жъ городовой-то?—Чай пить пошелъ. — Надо бы въ часть вести. — Сведутъ, ужъ это безпремѣнно.—За такія дѣла не похвалятъ“... Самимъ говорящимъ неясно—въ чемъ состоитъ дѣло, за которое *похвалить нельзя*, и за чтò *не помилуетъ городовой*, но ясно и непреложно одно: необходимъ городовой. Онъ разрѣшитъ натянутое положеніе и успокоитъ напряженіе нервовъ. Не даромъ къ нему даже обращаются съ вопросами о томъ, „какъ понимать эту самую „фру-фру“, обозначенную въ театральной афишѣ“. Вотъ и онъ! увѣренный въ себѣ и солидарный съ толпою во взглядахъ на свои задачи. Онъ сразу становится на высоту своего оффиціальнаго положенія, и первое его слово, обращенное къ жадно ждущей его толпѣ—„осади назадъ!“. Но толпа дорожитъ даровымъ зрѣлищемъ, гдѣ она и зритель и дѣйствующее лицо вмѣстѣ, она лѣзетъ, напираетъ, спѣшитъ „излить мольбы, признанья, пени“... и ея страстный говоръ постоянно прерывается окриками: „не наваливайте!—которые...“ и „осадите назадъ!“—„Сейчасъ выручитъ!“—радостно говорятъ среди окружающихъ.—„Иванъ Павлычъ, ты—нашъ тѣлохранитель, выручи“...—обращаются къ нему, И онъ выручаетъ, самъ вѣроятно не зная—*кого* и изъ *чего*. Услышавъ выраженіе: „вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ“,— онъ говоритъ: „почтенный, вы за это отвѣтите!“—„За чтò?“—„А вотъ за это слово ваше нехорошее!“—„Сейчасъ затмится“.—„Можетъ, и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ участокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя“...—„Какъ возможно!“ —убѣжденно замѣчаютъ въ толпѣ...

IV.

Судебная реформа внесла новыя начала въ нашу народную жизнь. Она пробудила въ обществѣ силы, не находившія себѣ дотолѣ достаточнаго примѣненія, она послужила нравственной

школою народу и съ такою систематическою настойчивостью стала вызывать въ обществѣ стремленіе къ истинному правосудію и уваженіе къ человѣческому достоинству, что составленное Горбуновымъ шуточное филологическое изслѣдованіе о *розгословіи, брадоиздраніи, власоисхищеніи и прочемъ*—стало казаться безвозвратно отошедшимъ въ область прошлаго. Знаменитый „коммисаръ“ потерялъ, какъ говоритъ Горбуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, свой престижъ. „Онъ не имѣлъ уже прежняго значенія въ купеческихъ домахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбѣ. Уже его не подводилъ хозяинъ подъ-руку къ закускѣ, съ упрашиваніемъ выкушать на доброе здоровье, а предлагалъ ему просто, мимоходомъ:—„Ермилъ Николаевичъ, ты бы водки выпилъ. Настойка тамъ есть“... Мировой судья сдѣлался, чрезъ мѣсяцъ послѣ своего появленія на свѣтъ, популярнымъ учрежденіемъ, и попросту сталъ называться *мировымъ*. Мѣсто стихійности понемногу, увѣренною въ себѣ стопою, стала стараться заступать законность, а гласное разбирательство представило обширное поле для наблюденій надъ жизнью, такъ сказать, захваченною врасплохъ и раскрываемою безъ искусственнаго освѣщенія, умолчаній и прикрасъ. Рядомъ съ этимъ судъ присяжныхъ, еще не обратившійся въ предметъ различныхъ обвинительныхъ литературныхъ упражненій, сдѣлалъ народъ въ качествѣ представителей общественной совѣсти не пассивнымъ участникомъ и не празднымъ зрителемъ, а окончательнымъ разрѣшителемъ судебной драмы. Засѣданія этого суда въ первое время были полны захватывающаго интереса и не столько съ юридической точки зрѣнія, сколько со стороны бытовой. Жизнь приливала къ стѣнамъ суда шумными волнами, и эти волны выбрасывали на берегъ—въ лицѣ свидѣтелей, подсудимыхъ, потерпѣвшихъ, а иногда даже и участниковъ суда, обвинителей, защитниковъ и самихъ присяжныхъ — такихъ разнородныхъ и разновидныхъ представителей всѣхъ слоевъ общества и всѣхъ условій бытовой обстановки, что романистъ, художникъ и изслѣдователь народной жизни, съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ юристъ, могъ считать залу суда мѣстомъ для плодотворныхъ наблюденій и изученій. Ниже мы будемъ говорить объ отношеніи Горбунова къ новому суду, но здѣсь не можемъ не указать, что въ его разсказахъ суду этому было отведено видное мѣсто. Горбуновъ умѣлъ уловить всѣ его особенности, выхватить изъ него рядъ живыхъ и содержательныхъ сценъ, съ чрезвычайною наблюдательностью изобразивъ тѣ комическія положенія, которыя создавались столкновеніемъ между теоретическими предписаніями закона, имѣющаго въ виду отвле-

ченную личность, и живымъ лицомъ, приносившимъ въ судъ всѣ особенности своихъ бытовыхъ и правовыхъ воззрѣній.—„Не угодно ли вамъ дать ваше заключеніе въ качествѣ эксперта о достоинствѣ шампанскаго, въ продажѣ котораго подъ извѣстною и пользующеюся довѣріемъ чужою иностранною маркою обвиняется подсудимый?“—обращается предсѣдатель къ „свѣдущему человѣку“, благообразному старому негоціанту, вызванному въ судъ, какъ опытный знатокъ въ винахъ. „Свѣдущій человѣкъ“ истово беретъ бокалъ съ только-что откупореннымъ шампанскимъ, прикладывается къ нему губами, вытираетъ ротъ фуляровымъ платкомъ, смотритъ вино на свѣтъ и молчитъ. „Ваше заключеніе?“ —„Чего-съ?“—„Ваше заключеніе?“—„То-есть—это о чемъ же?“ —„Соотвѣтствуетъ ли испробованное вами шампанское по своимъ качествамъ вину той марки, подъ названіемъ которой оно пущено въ продажу подсудимымъ?“—Негоціантъ снова пробуетъ вино, вытираетъ ротъ и молчитъ.—„Какое же ваше заключеніе?“— „Мое-съ?“ —„Ну да! конечно ваше“,—нетерпѣливо говоритъ предсѣдатель. Свѣдущій человѣкъ переступаетъ съ ноги на ногу, задумывается, потупляется и вдругъ, поднявъ голову, рѣшительно говоритъ: „Покупатель выпьетъ!“...

Въ разсказахъ Горбунова судебное засѣданіе оживало со всѣми своими дѣйствующими лицами,—съ публикою и свидѣтелями. Жеманная барышня, картавящая, говорящая скороворкою и прерывающая вопросы защитника восклицаніемъ: „ахъ! что̀ вы!“;—пришепетывающая и захлебывающаяся отъ волненія старушка;—говорливый приказчикъ;—испуганный свидѣтель „изъ простыхъ“, никакъ не умѣющій выбраться изъ роковаго круга словъ: „значитъ“, „то-есть“, „выходитъ“ и т. п., и цѣлый рядъ прямо выхваченныхъ изъ жизни лицъ, очерченныхъ кратко, но чрезвычайно мѣтко,—населяли тѣ придуманныя Горбуновымъ засѣданія, вымышленность которыхъ исчезала за ихъ яркою житейскою правдоподобностью. Особенно удаченъ былъ его большой разсказъ о судѣ по очень важному дѣлу. Усердный посѣтитель судебныхъ засѣданій, убѣжденный и, какъ онъ самъ выражался, „радостный“ поклонникъ новаго суда, Горбуновъ умѣлъ подмѣтить и нѣкоторыя его, извинительныя въ большинствѣ случаевъ, слабыя стороны. Отъ него не ускользнули—кое-какой излишекъ торжественности въ обстановкѣ, непонятная простымъ зрителямъ условность иныхъ судебныхъ дѣйствій, приподнятый тонъ и высокій слогъ, которыми вооружались „для пущей важности“ въ первое время нѣкоторые, весьма впрочемъ почтенные, предсѣдатели,—запутанность юридическихъ опредѣленій преступныхъ дѣйствій, вызван-

ныхъ привитіемъ къ корявому стволу устарѣлаго уложенія молодыхъ черенковъ судебныхъ уставовъ, за которою подчасъ исчезали дѣйствительныя житейскія черты преступленія,—и, наконецъ, излюбленныя и далеко не всегда оправдываемыя обстоятельствами дѣла ссылки на невмѣняемость... Съ тонкимъ юморомъ указывая на это, Горбуновъ былъ, однако, далекъ во всѣхъ своихъ судебныхъ разсказахъ отъ недоброжелательной насмѣшки надъ судомъ. Онъ понималъ, что новыя формы, внезапно возникшія среди стараго бытового и общественнаго строя, могли естественно создавать, особливо въ первое время, неловкія и неожиданныя положенія, ошибки и затрудненія, способныя вызвать улыбку и смѣхъ, но не злорадство, ибо за ними чувствовалась чистота и высота наполнявшаго ихъ принципіальнаго содержанія. Слушаніе процесса по очень важному дѣлу откладывается довольно долго, за невозможностью разыскать главнаго свидѣтеля—цехового Прокофьева. Но вотъ онъ найденъ—и вмѣстѣ съ нимъ, надо полагать, найденъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ могущихъ возникнуть по дѣлу сомнѣній. Назначенъ день слушанія. Публика съ ранняго утра наполняетъ зданіе суда, терпѣливо ожидая интереснѣйшихъ разоблаченій. Предсѣдатель, чувствуя себя главнымъ руководителемъ давно ожиданнаго процесса, рѣшается „стать на высоту положенія“ и съ особою торжественностью открываетъ засѣданіе. Молодой секретарь, быть можетъ впервые выступающій публично, читаетъ обвинительный актъ, смущаясь, торопясь, глотая слова и не соблюдая паузъ. Слова слѣдуютъ одно за другимъ безъ перерывовъ, съ неумѣлыми передышками, сливаясь въ однотонномъ и быстромъ чтеніи, изъ котораго лишь по временамъ вырываются, нарушая его общее гипнотизирующее и усыпляющее вліяніе „страшныя слова“ въ родѣ: *оказалось*, *показалъ*, *не признавая*, *на основаніи*, *предусмотрѣно*, *предается* и т. п. Обвиняемыхъ двое, молодые люди, мужчина и женщина. Предсѣдатель, многозначительно обращаясь къ первому изъ нихъ, говоритъ: „Подсудимый—студентъ технологическихъ наукъ Сидоровъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что 30-го февраля (sic!) сего года, на Лиговкѣ, имѣли съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и умысломъ, продолжительный разговоръ о предметахъ, суду неизвѣстныхъ?“—„Нѣтъ, не признаю!“—мрачно отвѣчаетъ тотъ. Предсѣдатель, съ еще большею многозначительностью:—„Подсудимая, окончившая курсъ кулинарныхъ предметовъ Иванова, признаете ли себя виновною въ томъ, что въ то самое время, когда Сидоровъ имѣлъ упомянутый разговоръ, вы, тоже съ умысломъ, находились въ Гороховой, съ цѣлью покупки

себѣ шерстяныхъ чулокъ?"—Подсудимая, срываясь съ мѣста, стремительно отвѣчаетъ:—„Да! признаю, но я была *въ состояніи аффекта...*" (иногда Горбуновъ дѣлалъ варіантъ, и подсудимая у него отвѣчала, послѣ нѣкотораго размышленія: „*Въ фактѣ*—да!"). Предсѣдатель торжественно и вмѣстѣ любезно:—„Садитесь!"—Начинается приводъ къ присягѣ свидѣтелей, неподражаемо изображавшійся Горбуновымъ. Лицо, названное предсѣдателемъ—„святымъ отцомъ" и неожиданно для себя застигнутое обязанностью сдѣлать свидѣтелямъ внушеніе, говоритъ довольно сбивчиво, съ внезапными повышеніями голоса и сильно напирая на *о*, и кончаетъ заявленіемъ, что не *токмо* законъ гражданскій, но *даже* и небесный судъ наказываютъ за ложное показаніе. Свидѣтели присягаютъ каждый по-своему. Дворникъ, размашистымъ жестомъ съ силою ударяетъ себя въ плечи, лобъ и грудь; франтъ поношеннаго вида и неопредѣленныхъ занятій со снисходительною улыбочкою небрежно болтаетъ пальцами надъ подбородкомъ; городовой бляха № 999 смотритъ все время на предсѣдателя, даже и прикладываясь, и потому чуть не попадаетъ мимо... Наступаетъ пауза, свидѣтели мнутся съ ноги на ногу, а затѣмъ предсѣдатель, обращаясь къ судебному приставу, говоритъ взволнованнымъ голосомъ:—„Удалите свидѣтелей!"—многозначительно прибавляя:—„останется цеховой Прокофьевъ"... Прокофьевъ стоитъ посреди залы. На немъ старый сюртукъ, застегнутый на одну уцѣлѣвшую пуговицу, и очень короткіе брюки, съ оттопыренными буффами на колѣняхъ. Признаковъ бѣлья не имѣется. Всѣ обращаются въ слухъ.—„Господинъ Прокофьевъ, доложите суду въ связномъ и послѣдовательномъ разсказѣ все, чтò вамъ извѣстно по настоящему дѣлу... или, быть можетъ, вы предпочтете *подвергнуть себя* перекрестному допросу?"—Напряженіе общаго вниманія достигаетъ крайняго предѣла. Прокофьевъ обводитъ сидящихъ предъ нимъ глазами, перебираетъ привычно-трясущимися руками борты засаленнаго и порыжѣлаго сюртука, и вдругъ плаксивымъ голосомъ заявляетъ:—„Ваше сіятельство... я человѣкъ пьяный..."

Интересуясь всѣми выдающимися процессами, Горбуновъ по-своему отзывался на нихъ, заключая иногда тонкую иронію въ юморъ выхваченнаго изъ жизни разсказа. Многимъ памятно надѣлавшее столько шуму дѣло Мироновича, обвинявшагося въ задушеніи Сары Беккеръ. Въ кулачкѣ несчастной дѣвочки, при открытіи этого темнаго злодѣянія, оказался зажатымъ клокъ волосъ, очевидно принадлежавшій тому, съ кѣмъ ей пришлось бороться за свою жизнь. Волосы были бережно вынуты, сложены

на бумагѣ и положены на подоконникъ, но когда, по окончаніи протокола осмотра трупа и мѣста совершенія преступленія,—причемъ въ комнату входили и выходили изъ нея разные люди, хватились волосъ—ихъ уже не оказалось, а съ ними исчезла весьма важная улика, которую надо было потомъ возмѣщать рядомъ болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній и смѣлыхъ догадокъ. Какъ извѣстно, дѣло разбиралось два раза, чрезвычайно занимая и даже волнуя общество, раздѣлившееся по вопросу о виновности Мироновича на лагери. Въ первый разъ Мироновичъ былъ обвиненъ, во второй—оправданъ. Дѣло прошло, оставивъ неразъясненнымъ вопросъ о совершителѣ и о мотивахъ загадочнаго преступленія—и лишь представивъ во всемъ непригляднომъ своемъ блескѣ образъ *психопатки*, самое названіе котораго, впервые заявленное учеными экспертами во всеуслышаніе на судѣ, пріобрѣло себѣ съ тѣхъ поръ право гражданства въ нашемъ житейскомъ обиходѣ. Вскорѣ послѣ этого Горбуновъ сталъ разсказывать о приказчикѣ, который, побывавъ съ товарищемъ въ Зоологическомъ саду и сдѣлавъ „честь-честью“ все, что̀ *полагается*, т.-е. поклонившись Михайлу Ивановичу (медвѣдю), предоставивъ яблочко обезьянамъ, покормивъ слона булочкою и *подразнивъ* льва, отправился на Крестовскій островъ и на дорогѣ вздумалъ выпить бутылочку „попутняго“. Въ погребкѣ, послѣ предложенія посѣтителямъ прейсъ-куранта, „по которому имъ пить невозможно“, ихъ соблазняютъ разсказомъ о томъ, что недавно „фундаментъ перекладàли“ и въ немъ нашли замуравленными три бутылки, которымъ, поэтому, должно быть не менѣе 80 лѣтъ. Когда откупориваютъ одну изъ такихъ дорогихъ—потому что рѣдкостныхъ—бутылокъ, изъ нея вылетаетъ муха. „Какъ же это ты, такой-сякой,—говоритъ Иванъ Ѳедоровъ, товарищъ разсказчика,—увѣряешь, что вину 80 лѣтъ, когда въ ёмъ живая муха?!“—„Что же,—отвѣчаетъ сидѣлецъ,—муха завсегда въ спирту жить можетъ“.—„Ну, *натурально*,—продолжаетъ разсказчикъ,—Иванъ Ѳедоровъ его сейчасъ въ ухо... Поднялся это крикъ, пришелъ городовой, привели околоточнаго, бутылку взяли, составили актъ, насъ записали, *муху къ дѣлу припечатали*... Теперь не миновать подъ арестъ. Мировой засудитъ! Одна надежда: коли ежели эта муха пропадетъ—оправдаютъ!!“

Понятно, что мировое судебное разбирательство, непосредственно касающееся явленій повседневной народной жизни, должно было давать Горбунову краски и мотивы для самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. Нѣтъ возможности не только перечислить, но

даже и припомнить всѣ его повѣствованія о происходящемъ въ камерахъ мировыхъ судей и у тѣхъ мелкихъ ходатаевъ, которые преимущественно принимаютъ на себя защиту у послѣднихъ. Своеобразный взглядъ на свое положеніе и обязанности, на отношеніе къ правамъ другихъ и къ условіямъ житейскаго поведенія у дѣйствующихъ лицъ этихъ разсказовъ тѣсно связанъ со страхомъ отвѣтственности и въ особенности огласки. Безобразные размахи широкой натуры какъ-то странно переплетаются тутъ съ этимъ страхомъ и уживаются вмѣстѣ. При всей пестротѣ этой картины, въ ней чувствуются вѣрныя дѣйствительности краски, не исчезнувшія подъ внѣшнимъ лоскомъ поверхностной и наносной культуры. Въ силу этихъ особенностей, напр., два приказчика изъ Апраксина двора, не отрицая того, что они *бушевали* въ трактирѣ „Ягодка“, разбили зеркало и вымазали горчицею лицо трактирному служителю,—тѣмъ не менѣе рѣшительно не признаютъ себя ни въ чемъ виновными потому, что „за все за это заплочено и мальчишкѣ дадено, что слѣдуетъ, а ежели и смазали маленько—бѣды тутъ большой нѣтъ, вотъ ужели бы скипидаромъ смазали, опять же за это и деньги заплочены“. По тѣмъ же основаніямъ и хозяинъ пекарни, гдѣ найдена масса всякой нечистоты и таракановъ и гдѣ подмастерья спятъ въ повалку на столахъ, на которыхъ дѣлаютъ хлѣбы, отказывается понять, за *что* его хочетъ присудить къ штрафу мировой судья, такъ какъ „гдѣ человѣкъ, тамъ и тварь всякая водится, и не должонъ же онъ своимъ рабочимъ *диваны* покупать“; а когда судья ему не внемлетъ, то замѣчаетъ сокрушенно: „теперича я, значитъ, за кажиннымъ таракакомъ съ палкою ходить должонъ!?“. Иногда дѣло не доходитъ до отрицанія вины, но предъявляются резоны, въ силу которыхъ наказаніе по всей справедливости должно быть смягчено. Подсудимый, признавая себя виновнымъ въ томъ, что два раза смазалъ кого-то въ дракѣ, возникшей въ „Орфеумѣ“ вслѣдствіе замѣчанія какого-то „не то господина, не то писаря“—относительно „необразованія“ кутящей компаніи, на что одинъ изъ нея—„какъ свиснетъ его: вотъ, говоритъ, какое наше образованіе!“— Подсудимый, узнаетъ отъ защитника, что придется сидѣть въ тюрьмѣ недѣли три, и удивленно спрашиваетъ: „все равно какъ простой человѣкъ? съ арестантами?“, прибавляя затѣмъ:—„а ежели я купецъ, напримѣръ, гильдію плачу?“—и услышавъ, что „вдобавокъ въ газетахъ обозначатъ“, справляется:—„а ежели, напримѣръ, пожертвовать на богадельню или куды?“

Такимъ обвиняемымъ нерѣдко соотвѣтствуютъ и надлежащіе

защитники ихъ невинности. Горбуновъ, понимая необходимость защиты въ уголовныхъ дѣлахъ, зналъ, что присяжная адвокатура сослужила русскому судебному дѣлу большую службу, способствуя развитію правопониманія въ обществѣ и во многихъ случаяхъ безкорыстно содѣйствуя суду въ отысканіи истины. Но онъ нашелъ для себя богатый матеріалъ въ дѣятельности представителей низшихъ слоевъ адвокатуры, уцѣлѣвшихъ отчасти изъ контингента дореформенныхъ ходатаевъ, строившихъ свой успѣхъ часто на незнаніи закона тѣми, кто къ нимъ обращался. На этомъ поприщѣ состязанія корысти и невѣжества имъ выведено нѣсколько яркихъ фигуръ.—„Прежде проще было, — жалуется попавшій „къ мировому" буянъ,—я у квартальнаго раза два судился: дашь, бывало, письмоводителю и кончено; а теперича и дороже стало, и страму больше;—сейчасъ, вотъ, былъ тоже у одного адвоката—три синенькихъ отдалъ за разговоръ. Я, говоритъ, твое дѣло выслушаю, только ты мнѣ, говоритъ, за это пятнадцать рублей и деньги сейчасъ. Ну, отдалъ, разсказалъ все какъ слѣдуетъ... Уповай, говоритъ, на Бога! и ничего больше. Уповай, говоритъ, и шабашъ!". Это—*до-судебная* помощь. Но и помощь *на судѣ* можетъ оказаться не лучше.—„Г. мировой судья!—восклицаетъ защитникъ сотворившихъ „смазь" горчицею,—чистосердечное раскаяніе, принесенное въ судѣ, на основаніи новаго законоположенія, ослабляетъ... законъ разрѣшаетъ по внутреннему убѣжденію..."—„Позвольте!—прерываетъ судья,—вы въ какомъ видѣ?"—„Чего-съ?"—Судья повторяетъ вопросъ, на который слѣдуетъ наивно-вопросительный отвѣтъ: „Въ какомъ-съ?"—„Я васъ штрафую тремя рублями. Извольте выйти вонъ".—„Скоро, справедливо и милостиво!"—заплетающимся языкомъ и силясь гордо взглянуть посоловѣлыми глазами, восклицалъ Горбуновъ, дѣлая видъ, что захлопываетъ толстую книжку судебныхъ уставовъ... Не даромъ, поэтому, обыватель, подлежащій явкѣ къ мировому, не всегда благосклонно относится къ вопросу о вознагражденіи за будущую защиту.—„Ищу адвоката,—говоритъ купецъ, допустившій по отношенію къ бѣдной дѣвушкѣ-переводчицѣ „безобразіе бабушки" и собственное „малодушіе",—былъ у одного, да не понравился: чѣмъ, говорю, прикажете васъ вознаграждать?—всталъ, эдакъ, выпрямился:—мнѣ кажется, говоритъ, что опосля изобрѣтенія денежныхъ знаковъ вашъ вопросъ совершенно лишній..."

V.

Въ области общественной службы, публичныхъ развлеченій и общественныхъ торжествъ творчество Горбунова и его способность подмѣтить, въ юмористической формѣ, выдающіеся внутренніе моменты—находили себѣ обильную пищу. Почти во всѣхъ этихъ его разсказахъ и сценахъ изъ-за отдѣльнаго, яркаго и жизненно-правдиваго эпизода выступаетъ проницательное и прочувствованное изображеніе *отношенія* русскаго человѣка къ различнымъ сторонамъ и вопросамъ жизни,—того отношенія, которое присуще именно русскому человѣку, составляя оригинальное проявленіе свойствъ его природы и условій его культурнаго развитія. Въ ряду такихъ сценъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало, въ словесномъ изложеніи Горбунова, фантастическое засѣданіе уѣзднаго земскаго собранія, въ которомъ разрѣшается вопросъ о назначеніи дополнительнаго содержанія отъ земства одному изъ должностныхъ лицъ, приходящему по своей дѣятельности въ частое соприкосновеніе съ земскими дѣлами и повинностями. На вопросъ предсѣдателя собранія о томъ, принимаетъ ли оно предложеніе о прибавкѣ, встаетъ рядъ гласныхъ, произноситъ рѣчи и дѣлаетъ заявленія. Ораторы обрисованы Горбуновымъ съ неподражаемымъ и незабываемымъ мастерствомъ. Къ сожалѣнію, разсказъ этотъ не напечатанъ и передать его въ подробности не представляется возможнымъ. Представитель крупныхъ землевладѣльцевъ спрашиваетъ небрежнымъ тономъ, какъ о вещи, ясной сама по себѣ:—„это по той же *прероıативѣ*, какъ было сдѣлано въ Казани?"—и получивъ успокоительный отвѣтъ: „да, по той же", говоритъ кратко:—„Я согласенъ!"—Гласный изъ купцовъ переспрашиваетъ, какая сумма, и узнавъ, что 100 рублей въ годъ, заявляетъ:—„Чтожъ, коли ежели дѣйствительно имъ въ томъ надобность, то можно безъ сумлѣнія, потому при нашемъ капиталѣ это дѣло возможное".—Третій гласный, говорящій на ò и витіевато, испросивъ разрѣшеніе „слово отрыгнуть", начинаетъ словами:—„О чемъ рѣчь? О прибавкѣ!—Кому?—Господину NN.—За что?—За труды!—Однако же уповательно..."—и неожиданно предъявляетъ требованіе объ ассигнованіи и ему, и его сослуживцамъ такой же суммы, поясняя это тѣмъ, что безъ ихъ участія многія существенныя событія въ жизни обывателя обойтись не могутъ.—„Да вѣдь это не относится къ настоящему дѣлу",—останавливаетъ его предсѣдатель.—„То-есть по-о-звольте, господинъ предсѣдатель,—возражаетъ гласный,—какъ же это не относится,

когда я имѣю семь душъ дѣтей женскаго пола, которыя всѣ требуютъ пищевого довольства!?"—„Все-таки не относится",—упорствуетъ предсѣдатель.—„Прошу занести въ протоколъ",—обиженно говоритъ гласный, надъ горькимъ и зависимымъ матеріальнымъ положеніемъ котораго невольно заставляетъ призадуматься Горбуновъ, умѣвшій въ его комическое по формѣ заявленіе вложить нотку, идущую изъ настрадавшагося сердца.—„Господинъ предсѣдатель,—встаетъ, играя золотымъ pince-nez, случайный гость собранія, пріѣзжій гласный, изысканно-одѣтый и брезгливо осматривающійся кругомъ молодой господинъ изъ Петербурга,— позвольте э-э-э... мнѣ... э-э-э слово"...—и начинается безсвязная, тягучая, наполненная нечленораздѣльными звуками и легкимъ мычаніемъ рѣчь, съ неожиданными модуляціями голоса, то повышаемаго, то доходящаго до многозначительнаго шопота, въ которой, повторяя съ недоумѣвающимъ и какъ бы обиженнымъ видомъ названіе должности, занимаемой „воспособляемымъ" чиновникомъ, петербургскій франтъ силится выжать изъ себя какой-то вопросъ или упрекъ собранію. „Да что вы заладили одно и то же!—нервно восклицаетъ одинъ изъ гласныхъ, ожесточенный „канителью" оратора и сверканіемъ его крутящагося около пальца pince-nez,—вы скажите—ассигновать или отказать?!"—„Господинъ предсѣдатель,—презрительно оглядываясь, говоритъ ораторъ,—я просилъ бы—э-э-э—пригласить... э-э-э... господъ... э-э-э—не перебивать теченіе моихъ мыслей... Я продолжаю. Я говорю..."—и наконецъ послѣ долгихъ потугъ и повтореній одного и того же названія должности, онъ разрѣшается заявленіемъ, что сто рублей—столь малая сумма, что едва ли чиновникъ, о которомъ идетъ рѣчь, захочетъ ее взять... Но едва произнесено имъ предположеніе, какъ гласный отъ крестьянъ, преодолѣвъ навѣянную рѣчами дремоту и внезапно оживившись, восклицаетъ съ твердою и почти радостною увѣренностью и одушевленіемъ:—„Онъ возьметъ! онъ *все* возьметъ!"...

Верхомъ совершенства въ смыслѣ тонкой наблюдательности и яркости изображенія является разсказъ Горбунова о засѣданіи „общаго собранія общества прикосновенія къ чужой собственности",—въ которомъ юмористическая форма прикрываетъ содержаніе, выхваченное изъ дѣйствительной жизни. Тотъ, кому по личному горькому опыту или по хроникамъ уголовнаго суда знакомы недостатки нашего недавняго акціонернаго законодательства, частыя злоупотребленія голосами подставныхъ акціонеровъ и тщетная борьба дѣйствительныхъ владѣльцевъ акцій съ произвольными дѣйствіями правленій, поддерживаемыхъ искус-

ственно созданнымъ большинствомъ, найдетъ, что Горбуновъ въ своемъ вымыслѣ вовсе не далекъ отъ проявленій дѣйствительности, одно время столь частыхъ, что они чуть не обратились въ общее правило съ рѣдкими изъ него исключеніями. Открывая засѣданіе, предсѣдатель имѣетъ честь предложить обсужденію „милостивыхъ государей" *первый* главный вопросъ объ увеличеніи содержанія тремъ директорамъ, *второй*—о сложеніи съ кассира невольныхъ прочетовъ, *третій*—о преданіи забвенію, въ виду стѣсненнаго семейнаго положенія, неблаговиднаго поступка одного члена правленія, *четвертый*—о назначеніи пенсіи супругѣ лишеннаго всѣхъ особыхъ правъ состоянія кассира, и *пятый*—о расширеніи правъ правленія по личнымъ позаимствованіямъ изъ кассы. Совершенно неожиданно раздается чье-то: „ого!". Но предсѣдатель твердо сидитъ въ своемъ сѣдлѣ, поддерживаемый безгласнымъ и безличнымъ большинствомъ.—„Что это „ого"? — прошу взять назадъ это „ого"! я не могу допустить никакого „ого!"—восклицаетъ онъ.—Выступаетъ болѣе краснорѣчивый ораторъ. „Прошу слова,—говоритъ онъ.—Какъ ежели директоръ, хранитель нашего портфеля, обязанный, напримѣръ, содѣйствовать... и все прочее... а мы, значитъ, съ полнымъ уваженіемъ... и ежели теперича директоръ, можно сказать, лицо... Я къ тому говорю: по нашимъ коммерческимъ оборотамъ, когда, напримѣръ, затрещалъ скопинскій банкъ..." — „Вы задерживаете пренія и ставите ихъ на отвлеченную почву,— прерываетъ предсѣдатель,—нельзя ли вамъ просто выразиться, такъ сказать реально: да или нѣтъ"...—„Когда, напримѣръ, разнесли скопинскій банкъ, ограбили вдовъ и сиротъ... можетъ и теперь сиротскія-то слезы не обсохли..." — „Все это вѣрно, но эти слезы—область поэзіи. Правленію нѣтъ никакого дѣла до сиротскихъ слезъ. Позвольте вамъ повторить мое предложеніе стать на реальную почву".—„Мы не знаемъ этой вашей почвы, а грабить не приказано".—„Стало быть, мы грабили,—обиженно спрашиваетъ предсѣдатель и обращается, отъ лица правленія, съ протестомъ къ общему собранію, которое ревeтъ: „вонъ! вонъ его!". Является однако миротворецъ и, обращаясь къ „милостивымъ государямъ", вкрадчиво говоритъ:—„Я позволилъ бы себѣ такъ понять это столкновеніе: почтеннѣйшій членъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ предложеніе предсѣдателя, не понялъ, такъ сказать..." — „Какъ не понять! Я говорилъ насчетъ грабежу"... Начинается шумъ, баллотируется выраженіе порицанія оратору, слышатся воззванія къ ревизіонной коммиссіи... „Въ Милютиныхъ лавкахъ устрицы ѣстъ ваша ревизіонная коммиссія",—

кричитъ кто-то въ толпѣ.—Пошумѣвъ въ интересахъ правленія, общее собраніе переходитъ, по требованію одного изъ присутствующихъ, къ ознакомленію съ *неблаговиднымъ поступкомъ* одного изъ членовъ правленія.—„Съ юридической точки зрѣнія,—объясняетъ предсѣдатель,—поступокъ этотъ... наша юстиція очень рѣзко разграничиваетъ дѣянія, совершенныя...“—„Стащилъ, вотъ тебѣ и *естюція*“... слышится голосъ... „совершенныя по злой волѣ... Принимая во вниманіе семейное положеніе...“—„Ну стащилъ! это вѣрно!“—„Въ терминологіи нашей юстиціи нѣтъ слова: стащилъ...“ —„Ну можно нѣжнѣе сказать—укралъ...“—Засѣданіе кончается баллотировкою вопроса объ увеличеніи содержанія директорамъ.—„Отдай имъ сундукъ съ деньгами, а они туда тебѣ, замѣсто ихъ, бронзовыхъ векселей наворотятъ... Чудесно!..“ — восклицаетъ прежній протестантъ.—„Бронзовые векселя, какъ вы изволили выразиться, перебиваетъ предсѣдатель,—нисколько не отягощаютъ кассу... Позвольте мнѣ докончить!.. Позвольте васъ остановить!.. Вопросъ исчерпанъ, ставлю его на баллотировку!“

Не разъ изображалъ Горбуновъ и общественныя обѣденныя собранія по разнымъ поводамъ. Проявленія развившейся у насъ за послѣдніе годы маніи къ юбилейнымъ обѣдамъ нашли себѣ въ немъ остроумнаго изобразителя, со всѣми своими комическими сторонами,—съ юбиляромъ, узнающимъ впервые и съ изумленіемъ изъ обращенныхъ къ нему рѣчей о своихъ необыкновенныхъ заслугахъ предъ вѣдомствомъ, государствомъ и даже человѣчествомъ, и не знающимъ хорошенько, тонко ли смѣются надъ нимъ или грубо ему льстятъ,—съ вынужденнымъ его отвѣтомъ, при чемъ „виновникъ торжества“ обыкновенно „не находитъ словъ...“ и признаетъ этотъ, далеко не безопасный для его желудка день „лучшимъ въ своей жизни“,—и съ тѣмъ, наконецъ, психологическимъ моментомъ, когда вино развязываетъ языкъ и туманитъ голову, когда всѣ начинаютъ говорить вмѣстѣ, забывая иногда цѣль собранія и выбалтывая истинныя чувства, скрытыя дотолѣ подъ юбилейною условностью рѣчи,—однимъ словомъ, когда становится возможнымъ конецъ одного изъ такихъ юбилейныхъ разсказовъ Горбунова, въ которомъ одновременно, съ одного конца стола, изъ-подъ облака нависшаго надъ нимъ сизаго табачнаго дыма, слышится нестройное „ура!“, а съ другого несется сиплое: „бей его!“...

Между торжественными обѣдами и чествованіями, описываемыми Горбуновымъ, видное мѣсто по мастерству разсказа занималъ обѣдъ, будто бы даваемый въ Москвѣ „нашимъ заатлантическимъ друзьямъ“. Во время дипломатическихъ осложненій 1863 года, когда западная Европа стала грозить Россіи вмѣша-

тельствомъ въ „старый споръ славянъ между собою", разсчитывая повліять на нее совокупнымъ воздѣйствіемъ великихъ и даже малыхъ державъ, нѣсколько судовъ русскаго флота, подъ командою С. С. Лесовскаго, зашли въ Нью-Іоркъ и другіе главные порты С.-А.-С.-Штатовъ, и были тамъ, въ память сочувственнаго отношенія русскаго правительства къ сѣверянамъ въ ихъ тяжелой и священной борьбѣ за уничтоженіе невольничества, восторженно приняты. Чрезъ нѣкоторое время, въ 1866 году, предъ Кронштадтомъ появился броненосецъ новаго тогда типа, носившій индѣйское названіе „Міантономо", подъ командою капитана Фокса, пришедшій „отдавать визитъ". Американцы сдѣлались сразу популярными и чествованіе ихъ подчасъ принимало гомерическіе размѣры. Изъ Петербурга они уѣхали въ Москву, и тамъ имъ пришлось узнать, что кромѣ обыкновенныхъ, знакомыхъ имъ морей, въ „сердцѣ Россіи" существуетъ еще особенное „разливанное море", при плаваніи по которому настоящее море, несмотря на свое грозное величіе, начинаетъ становиться лишь „по колѣна". Объ одномъ изъ пиршествъ на берегу такого моря и разсказывалъ Горбуновъ.—Съѣзжающіеся гости, освѣдомляясь, кто будетъ говорить рѣчи, не могутъ дождаться начала обѣда, и смягчаютъ томительность ожиданія предварительной пробою винъ. „А не попробовать ли хересу?" — спрашиваютъ одни. — „Что-жъ, попробуйте, — отвѣчаютъ другіе,—вы пробуйте, а мы подъ васъ подражать будемъ"... Въ срединѣ обѣда начинаются рѣчи „заатлантическихъ друзей". Въ этихъ рѣчахъ Горбуновъ превосходилъ самого себя. Онъ не зналъ по-англійски — а между тѣмъ рѣчи и довольно длинныя, говорились имъ именно на этомъ языкѣ. Въ нихъ, кромѣ обращенія къ слушателямъ, не было почти ни одного *слова* англійскаго— но были всѣ англійскіе *звуки*—и притомъ связанные между собою и переданные сообразно темпераменту говорящихъ.—„Ladies and gentlemens!"—начиналъ свою рѣчь капитанъ Фоксъ, и говорилъ серьезнымъ тономъ, со сдержанною энергіею, съ паузами, вводными предложеніями и съ поднятіемъ голоса въ концѣ, при предложеніи тоста.—„Ladies and gentlemens!"—срывался съ своего мѣста молодой лейтенантъ американскаго флота,—и его быстрая, живая, веселая рѣчь лилась неудержимо, пересыпанная вопросами себѣ, отвѣтами на нихъ, радостными восклицаніями и оканчиваемая бурнымъ финаломъ, который *долженъ* былъ вызывать рукоплесканія собравшихся на пиръ, при чемъ большинство изъ нихъ не понимало, конечно, что̀ именно говоритъ этотъ гость съ типичною американскою бородкою, но чувствовало, что гово-

ритъ онъ отъ полноты души и что самъ онъ—„милый человѣкъ"... А между тѣмъ предварительная проба, въ связи съ тѣмъ, что̀ полагалось по обѣденному питейному обиходу, производила свое дѣйствіе и вызывала приливъ особой любви къ новымъ друзьямъ, которые такъ задушевно заявляютъ что-то, должно быть, очень хорошее. Въ такомъ настроеніи все кажется возможнымъ и достижимымъ, всѣ реальныя очертанія дѣйствительности сливаются и смѣшиваются, а затѣмъ и самая дѣйствительность въ видѣ яснаго сознанія мѣста и времени исчезаетъ. Поэтому въ отвѣтъ гостямъ слышится восторженное воззваніе: „Господа американе!—какъ теперича мы друзья,—коли будетъ приказаніе—при нашемъ капиталѣ—мостъ черезъ Антлантическій океанъ—въ три дня!—въ лучшемъ видѣ! Господа американе—ура!". Поэтому, послѣ еще нѣсколькихъ тостовъ, встаетъ, несмотря на оживленное противодѣйствіе сосѣдей, силящихся удержать его за фалды сюртука, одинъ изъ участниковъ обѣда и съ опасностью потерять равновѣсіе, протягивая бокалъ Фоксу, вскрикиваетъ:—„Выпьемъ п-п-патріотическій т-т-тостъ отъ русскаго сердца"...—и на отвѣтное движеніе гостя, неожиданно заявляетъ: —„За здоровье... за здоровье отца-архимандрита! ура!.."

Въ сценахъ, имѣющихъ предметомъ народныя развлеченія, особое, непосредственное отношеніе простого народа и отдѣльныхъ, близкихъ ему по кругозору, личностей, у Горбунова изображается выпукло и чрезвычайно колоритно. Сто̀итъ припомнить его „Блондена" или „Травіату". Дѣйствующимъ лицамъ этихъ сценъ „хоть что хошь представляй",—и за мѣстами они не гонятся, избирая „которыя попроще" и „выше чего быть невозможно", но пусть только будетъ именно то, „что̀ въ афишѣ обозначено, на чести, безъ подвоху"... Поэтому и Сара Бернаръ аттестуется такъ: „насчетъ тѣлеснаго сложенія, говорятъ, не совсѣмъ, а что игра — на совѣсть!". Содержаніе представляемаго зрители уже сами себѣ уяснятъ по-своему и даже, гдѣ нужно, дополнятъ. Вслѣдствіе этого имъ *кажется*, что они слышатъ, какъ нѣмецъ „какъ есть настоящій, и человѣкъ, надо полагать, степенный", котораго долженъ нести на спинѣ по канату знаменитый акробатъ, говоритъ ему: „батюшка, господинъ Блонденъ, — пусти душу на покаяніе!"—на что тотъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, Карла Иванычъ, сиди, а то уроню, — намъ публику обманывать не приказано: вишь, квартальный стоитъ!". Поэтому, видя, что „тальянскіе эти самые актеры дѣйствуютъ, сидятъ, примѣрно, за столомъ и закусываютъ", такіе зрители *слышатъ*, какъ тѣ поютъ, что имъ „жить

оченно превосходно, такъ что лучше требовать нельзя". И всѣ дальнѣйшіе разговоры переводятся ими на языкъ и понятія своей среды, при чемъ, благодаря удивительной русской способности пониманія сущности дѣла или предмета по мимолетнымъ и разрозненнымъ его признакамъ, остовъ содержанія происходящаго предъ ними, хотя бы и на чуждомъ языкѣ, схватывается ими вѣрно. Оказывается, что г-жа Патти подноситъ г-ну Канцеляри стаканчикъ красненькаго, со словами: „выкушайте, милостивый государь", и, услышавъ отъ него признаніе въ любви, говоритъ ему: „извольте идти куда вамъ требуется, а я сяду и подумаю объ своей жизни, потому наше дѣло женское, безъ оглядки намъ невозможно"; оказывается, затѣмъ, что, выйдя съ отцомъ героя, пришедшимъ, „имени, отчества ея не зная", проситъ „турнуть запутавшагося парнишку" въ садъ, ибо „на вольномъ воздухѣ разговаривать гораздо превосходнѣе", она обѣщаетъ исполнить его желаніе, заявляя, что сама „баловства терпѣть не можетъ"... Отсюда становится понятнымъ, почему одинъ изъ зрителей, на вопросъ другого: „къ чему клонитъ?", увѣренно отвѣчаетъ: „парнишка пришелъ прощенья въ своемъ невѣжествѣ просить: „я ни въ чемъ не причиненъ, все дѣло тятенька напуталъ", при чемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится несомнѣннымъ, что Патти „между прочимъ, помереть должна", вслѣдствіе чего она „попѣла еще съ полчасика, да Богу душу и отдала"... Пытливый взоръ слушателей и безъ пониманія ими чуждаго языка умѣетъ наслаждаться сценическимъ движеніемъ и по-своему объяснить себѣ его внутренній смыслъ. „А какая у нихъ игра,—предлагается вопросъ о Сарѣ Бернаръ,—куплеты поютъ, или что̀?"—„Игра разговорная. Очень, говорятъ, чувствительно дѣлаетъ. Такіе поступки производитъ—на удивленіе!.. Ты то̀ возьми: разъ по двѣнадцати въ представленіе переодѣвается..."

VI.

„Руси есть веселіе пити", сказано было на зарѣ историческаго существованія русскаго народа. Среди многихъ непривлядныхъ сторонъ жизни простого русскаго человѣка, въ его тяжелой, не всегда умѣлой и часто неблагодарной борьбѣ съ суровою природою, при отсутствіи, до шестидесятыхъ годовъ, систематической заботы о его просвѣщеніи и о доставленіи ему здоровыхъ развлеченій, при развращающемъ вліяніи фабрики и окружающихъ ее соблазновъ,—„зелено-вино" сдѣлалось для него

не только главнымъ развлеченіемъ, но и утѣшеніемъ, потому что доставляетъ забвеніе. И такъ какъ, чѣмъ дольше не чувствуется сѣрая и гнетущая дѣйствительность, тѣмъ легче становится на душѣ, то русскій человѣкъ привыкъ набрасываться на это забвеніе безъ чувства мѣры, мирясь съ его неизбѣжными результатами... Не вкусовыхъ ощущеній, даже не скоро преходящаго веселаго настроенія (да и всегда ли веселаго?) привыкъ искать онъ въ винѣ, а того особаго, приподнятаго отношенія къ окружающему, благодаря которому мимолетное ощущеніе принимаетъ видъ чего-то реальнаго и прочнаго, а горе-злосчастіе отходитъ на отдаленный, едва видный планъ... „А добрый сонъ пришелъ—и узникъ зритъ себя царемъ...“ — говорится въ „Русскихъ женщинахъ“ Некрасова. „А добрый хмель пришелъ“ — можно бы сказать, пародируя эти слова и прибавивъ къ нимъ краткую характеристику искусственно счастливаго самоощущенія пьянаго. По вѣрному, подтверждаемому научными изслѣдованіями, замѣчанію Ровинскаго, въ сущности русскій человѣкъ пьетъ менѣе иностраннаго, да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе, и напивается гораздо чаще противъ иностраннаго. Много духовной силы надо, чтобъ устоять предъ могущественнымъ хмелемъ, говоритъ онъ. Потому-то и поетъ народная пѣсня: „пей, забудешь горе“, и старинная лубочная картина, изображающая хмель, имѣетъ подпись: „азъ есмь хмель высокая голова, болѣ всѣхъ плодовъ земныхъ,—силенъ и богатъ, а добра у себя никакого не имѣю; ноги мои тонки, а утроба прожорлива, — руки же обдержатъ всю землю“. Вѣроятно вслѣдствіе этого свойства нашего родного опьяненія—въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ крайняго безобразія, русскій человѣкъ относится къ пьяному не съ брезгливымъ и тревожнымъ отвращеніемъ, какъ это дѣлается на Западѣ, а съ участіемъ, часто съ сочувствіемъ и иногда даже съ нѣкотораго рода завистью. Не даромъ Некрасовъ, хорошо знавшій наши бытовыя особенности, въ предсмертные свои годы, когда становилось очевиднымъ, что поэма его „Кому на Руси жить хорошо“ не будетъ окончена, на недоумѣвающіе вопросы: „кому же живется весело, вольготно на Руси?“—отвѣчалъ своимъ глухимъ, разбитымъ голосомъ:—„пьяному!“. Нельзя, однако, обобщать причину пьянства безусловно, и приходится признать, что, поднимаясь отъ низшихъ слоевъ населенія вверхъ, въ кругъ бо̀льшаго развитія и образованія, пьянство постепенно, за исключеніемъ случаевъ проявленія болѣзни, переходитъ изъ области слабости и несчастія въ область чувственныхъ излишествъ и порока.

Горбуновъ,—искренній изобразитель родной жизни,—не могъ не отвести пьяному виднаго мѣста въ своихъ разсказахъ, между которыми, однако, нѣтъ ни одного, гдѣ пьяный былъ бы центральною фигурой, дающею содержаніе и окраску всему разсказу... Горбуновъ слишкомъ любилъ русскаго человѣка, чтобы глумиться надъ этою его слабостью и указывать какъ на общее явленіе на тѣ почти патологическіе случаи, когда она одна наполняетъ все его бытіе. Но онъ не закрывалъ глаза на дѣйствительность — и потому *пьяный* проходитъ во множествѣ его разсказовъ, то оставляя цѣлостное впечатлѣніе, то лишь мелькая, какъ неизбѣжная житейская принадлежность общаго фона картины. „Одинъ полетитъ—или съ человѣкомъ?"—спрашиваютъ изъ толпы, въ чудесномъ разсказѣ его „Воздушный шаръ".— „Нѣтъ! съ человѣкомъ... Нѣмецъ полетитъ—и съ имъ портной..." —„Пьяный?!"—„Нѣтъ, тверёзый", и т. д. Кто слышалъ этотъ разсказъ въ превосходномъ исполненіи Горбунова, конечно, помнитъ, что слово „пьяный (пьянай!?)" онъ произносилъ съ оттѣнкомъ особаго восхищенія въ голосѣ спрашивающаго. Торжество „хмеля - высокой головы" въ русской деревнѣ видится въ яркихъ сценахъ разныхъ мѣстъ большого разсказа „Изъ деревни".—„Подобно мы, теперича,—говоритъ мужикъ,—какъ бы, напримѣръ, пчелы къ колодкѣ, такъ и мы къ кабаку:—онѣ со сластью, а мы за сластью"... Сласть эта покупается не въ одномъ кабакѣ, но и въ трактирахъ, харчевняхъ, откуда несутся несвязныя рѣчи, слышатся крики, гдѣ спорятъ и поютъ, цѣлуются и дерутся... — „Не я пью—горе мое пьетъ... Горе мое горецкое!"—декламируетъ съ паѳосомъ хохлатый, съ разстегнутымъ воротомъ, босой мужикъ, стоя на порогѣ бѣлой харчевни.—„Какое твое горе?"—„Горе? Хуже быть невозможно: погорѣлъ! По той причинѣ, *были всѣ выпимши*... Вишь ты! Но только, между прочимъ..."

Вотъ она!—та горящая деревня, такими грустными и рѣзкими чертами описанная Чеховымъ въ его „Мужикахъ". Но Горбуновъ знаетъ, что хмельной человѣкъ далеко не *весь* русскій человѣкъ, и что за его подчасъ звѣровидной отъ опьяненія оболочкой есть стороны трогательныя и глубокія. — „Я къ тому, главная причина, — понимать моей души никто не можетъ, какая есть она у меня душа. Вотъ что̀!"—бормочетъ пьяный мужикъ.—„Въ кабакѣ вся ваша душа-то мужицкая!"—рѣзко замѣчаетъ толстая лавочница.—„Напрасно! Матушка, Прасковья Петровна! Ты, голубушка, за нашей душой въ кабакъ не ходи, вотъ я тебѣ что̀ скажу! Въ кабакѣ мы только блажимъ, а

душа наша у насъ въ грудяхъ заросла... не доберешься ты даже..." —Но кабакъ завладѣлъ имъ сильно... Дай Богъ, чтобы общественнымъ начинаніямъ, вызваннымъ къ жизни казенною винною продажею, удалось хоть отчасти изгладить послѣдствія вѣкового вліянія кабака и дать народу другія развлеченія и отвѣты на запросы его „заросшей" души!—„Хозяинъ твой теперича,—утѣшаетъ фабричный Слёзкинъ плачущую бабу, указывая на кабакъ, —тàкъ будемъ говорить... окромя эвтаго мѣста ему негдѣ быть...", и когда мужъ ея при этихъ словахъ выходитъ изъ кабака, прибавляетъ: „вишь ты! ужъ это значитъ такъ точно!"

Рядами проходятъ у Горбунова пьяные люди разнаго званія: крестьяне и мѣщане, купцы, пѣвчіе, причетники, актеры и всякіе „запойные люди". Всѣми ими признается, что быть пьянымъ не только не зазорно, но и вполнѣ въ порядкѣ вещей; всѣмъ имъ хмель отшибаетъ сознаніе... „Были мы у кума на именинахъ въ Прокшинѣ,—разсказываетъ Дёмка въ „Утопленникѣ",—ну, *извѣстно*—напились. И такъ я этого хмелю въ голову засыпалъ—себя не помню. Кума прибилъ, теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ. Просто—сейчасъ умереть — лютѣй волка сдѣлался. И съ чего бы кажись—окромя настойки ничего не пили. Кумъ-то: что-жъ ты, говоритъ, мою хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое! И такъ мнѣ пьяному-то это обидно показалось!"... Выскочивъ въ окно и побѣжавъ во тьмѣ и подъ дождемъ „ровно очумѣлый, не зная куда", Дёмка попадаетъ въ рѣку; отъ неожиданной холодной ванны хмель проходитъ, и утопающій кричитъ такъ, что „давай теперича тысячу рублевъ— такъ не крикнешь: два года опосля глотка болѣла". Его вытаскиваютъ и приводятъ къ куму, гдѣ онъ опять „этой настойки выпилъ три стаканчика — согрѣлся"... „Къ концу-то ужина я уже дьякона не вижу, а только вижу руку наливающую, — повѣствуетъ „на ярмаркѣ" купецъ,—да и думаю: рука его здѣсь, а самъ-то гдѣ отецъ дьяконъ? Кàкъ домой попалъ, не помню..."

Поэтому привычное пьянство, если и не составляетъ добродѣтели, то, во всякомъ случаѣ, является обстоятельствомъ, извиняющимъ многое, кладущимъ предѣлъ извѣстнымъ требованіямъ и создающимъ своеобразное положеніе въ обществѣ. Какъ у Островскаго молодой человѣкъ, на вопросъ о своемъ званіи, отвѣчаетъ спокойно и не смущаясь: „Я, сударыня, *праздношобецъ*",—такъ и у Горбунова, сосредоточившій на себѣ вниманіе публики и судебной власти свидѣтель говоритъ многозначительно: „я человѣкъ пьяный!"—характеризуя этимъ не свое состояніе въ данный моментъ, а свое, такъ сказать, личное общественное

положеніе, властно освобождающее отъ всякихъ разспросовъ, не достигающихъ цѣли. Такое положеніе и такое состояніе служатъ въ его глазахъ, да и въ глазахъ окружающихъ, достаточнымъ объясненіемъ его словъ и поступковъ. Во мнѣніи большинства состояніе опьяненія не есть ненормальное и постыдное явленіе, идущее въ разрѣзъ съ обычнымъ строемъ жизни человѣка, напротивъ, оно есть какъ бы законное и естественное проявленіе этой жизни. Когда наступаютъ неизбѣжныя послѣдствія хроническихъ состояній опьяненія и кто-нибудь изъ человѣка пьянаго обращается уже въ „пьянаго человѣка", о немъ говорятъ съ извѣстною нѣжностью, что онъ „ослабѣлъ"., и его слабость, особливо если онъ „смиренъ во хмелю", считается вполнѣ понятнымъ укладомъ жизни, почти столь же естественнымъ, какъ и разные другіе. Подъ вліяніемъ такого благодушнаго отношенія окружающихъ развивается и у „пьянаго человѣка", и по отношенію къ нему особая, своеобразная логика. Горбуновъ рисуетъ сцены и разговоры въ Бѣломъ залѣ московскаго трактира Барсова, великимъ постомъ, между антрепренерами провинціальныхъ театровъ и ищущими ангажемента актерами. „Первый любовникъ", садясь къ столику, требуетъ отъ полового дать ему *по обыкновенію* графинчикъ добраго, русскаго, бѣлаго, простого... *очищеннаго вина* и пирогъ въ гривенникъ; за другимъ столикомъ, антрепренеръ, выслушавъ укоризненное указаніе „трагика" на то, что въ содержимомъ имъ театрѣ актеръ, игравшій Гамлета, въ знаменитой сценѣ съ матерью, вышелъ съ папироскою въ зубахъ, отвѣчаетъ коротко и вразумительно: „Ну, что-жъ—*пьяный былъ*!"... Невольно вспоминается при этомъ слышанный нами отъ покойнаго А. Д. Градовскаго разсказъ о господинѣ, который, въ жаркій лѣтній день, войдя на рѣчной пароходъ, придерживаясь за поручни, сталъ сильно терять равновѣсіе и, устремивъ мутный взоръ на свободное мѣсто на кормѣ, стремительно двинулся къ нему, толкая встрѣчныхъ, наступая на ноги сидящимъ и опираясь на нихъ руками. Когда публика стала роптать, онъ, усѣвшись наконецъ на намѣченномъ мѣстѣ, снялъ фуражку съ краснымъ околышемъ, вытеръ лысину, улыбнулся доброю и виноватою улыбкою и сказалъ:—„Извините... я, когда надо ѣхать на пароходѣ... всегда... немножко... *потому—не стóитъ*!"—Въ виду всего этого понятно изумленіе окружающихъ при видѣ пѣвчаго-октавы, не пьющаго водки при закускѣ въ купеческомъ домѣ.—„Это даже удивительно, — говорятъ ему,—такой видный человѣкъ и не пьетъ".—„Прежде былъ подверженъ,—отвѣчаетъ

октава, — въ больницѣ разъ со второго этажа въ окошко выскочилъ: докторъ не приказалъ...“

Особенно рѣзкимъ образомъ проявляется привычное служеніе хмелю на почвѣ самодурства, развитого сознаніемъ своей денежной силы. Много разъ, — преимущественно въ сложныхъ бытовыхъ сценахъ, происходящихъ „На ярмаркѣ“, или же въ разныхъ перипетіяхъ „Женитьбы“, Горбуновъ обращался къ купеческому самодурству, принимающему, подобно хамелеону, то покрытыя легкимъ лоскомъ образованности, болѣе утонченныя, но грубыя въ существѣ и даже жестокія формы,—то къ откровенному и поразительному въ своемъ непризнаніи никакихъ условій мѣста и времени. Таковъ, напримѣръ, у него образъ купеческаго сынка Дмитрія Даниловича, посланнаго отцомъ въ чужіе края по машинной части, въ сопровожденіи переводчика, и настряпавшаго такихъ бѣдъ, натворившаго такихъ чудесъ, что даже въ газетахъ распечатали... „Пріѣхали они, матушка ты моя, въ какой-то городъ нѣмецкій, а тамъ для короля ихняго, али прынецъ онъ, что-ли, какой, — феверики приготовили. У Дмитрія-то Даниловича въ головѣ должно быть было: зажигай, говоритъ, скорѣй! А тамъ и говорятъ: погодите, почтенный, пока прынецъ пріѣдетъ. Я, говоритъ, московскій купецъ, за все плачу. Тѣ, голубушка, заглядѣлись, а онъ цыгарку туда, въ феверку-то и сунулъ,—такъ все и занялось! *Самъ*-то ужъ просьбу подалъ, чтобы по этапу его оттуда сюда предоставили...“

Выводимые Горбуновымъ типы и разновидности пьяныхъ людей такъ же разнообразны, какъ и изображаемыя имъ явленія и сцены русской жизни. Перечислить ихъ нѣтъ возможности. Длинною и пестрою вереницею проходятъ они предъ слушателемъ и будутъ проходить предъ читателемъ, начиная съ купеческаго племянника, привозящаго къ почти незнакомымъ людямъ на рыбную ловлю „троичку ледерцу“, прося окунуть бутылки „на полчасика въ родничокъ:—живо озябнутъ!..“ и кончая трагическою фигурою спившагося съ кругу стараго московскаго студента, восклицающаго: „чѣмъ я занимаюсь? — пью! да, пью! Утромъ пью, и днемъ пью, и ночью пью!“ и, отдавшись затѣмъ воспоминаніямъ о славномъ прошломъ своего университета и московской сцены, о Грановскомъ, Крыловѣ, Садовскомъ, горько плачущаго отъ сознанія, что „промоталъ свои идеалы!“.

Въ изображеніи пьяныхъ Горбуновъ былъ неподражаемъ. Не говоря уже объ удивительномъ разнообразіи въ игрѣ лица, интонаціяхъ голоса и въ особенности въ выраженіи глазъ, свойственныхъ различному темпераменту и степени опьяненія того

или другого лица, онъ умѣлъ почти неуловимыми чертами нарисовать предъ слушателями картину постепеннаго перехода въ настроеніи пьянѣющаго отъ условной сдержанности къ разговорчивости и полной откровенности, съ потерею, подчасъ, сознанія окружающей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлялся его разсказъ, въ которомъ переплетались Wahrcheit und Dichtung, разсказъ о томъ, какъ, охотясь съ Некрасовымъ и очень озябши, они заходятъ отогрѣться въ село къ старичку, живущему въ домикѣ-особнякѣ, и угощаютъ его чаемъ съ обильно подливаемымъ ромомъ, при чемъ хозяинъ, очень сдержанный въ разговорѣ сначала, постепенно хмелѣетъ и начинаетъ развертывать предъ гостями повѣсть своихъ отношеній къ предпоставленнымъ лицамъ и учрежденіямъ. По мѣрѣ развитія разсказа окружающая дѣйствительность уходитъ изъ его сознанія, и онъ, вмѣсто двухъ охотниковъ, видитъ предъ собою кого-то, кому можно повѣдать *все*: и то, какъ на требованіе „даровъ“ съ указаніемъ на то, что у него хорошія куры, онъ отвѣчалъ многозначительно: „въ какое время — и какія куры!“, и то какъ жена его „смотритъ эдакъ косвенно“... Но вотъ хмель уступаетъ, сквозь облако самозабвенія проглядываютъ лица чуждыхъ гостей—и старикъ, еще заплетающимся языкомъ, говоритъ: „только по-о-жалуйста это м-между нами!“

Не одна водка сокрушаетъ слабаго человѣка. Не менѣе сильно выбиваютъ его изъ сѣдла вина „собственнаго розлива“, кашинская мадера и шипучее, такъ называемая „купеческая погибель“, особливо когда оно фигурируетъ подъ названіемъ красныхъ, золотыхъ и др. головокъ и значится въ нарочито заманчивыхъ прейсъ-курантахъ подъ фантастическими этикетами въ родѣ поражающаго пріятелей, прикосновенныхъ къ „дѣлу о мухѣ“, шампанскаго „свадебнаго — пли!“, съ примѣчаніемъ: „пробка съ пружиною, — просятъ опасаться взрыва“. Пьющіе эти вина сами сознаютъ ихъ вредныя, одурманивающія свойства, но пьютъ по привычкѣ и „для восторга-съ!“... Разсказывая о книжкѣ, гдѣ обозначено, какого званія Сара Бернаръ, по какимъ землямъ ѣздила и какое вино кушаетъ, одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ: „нашего, должно быть, не употребляютъ, потому отъ нашего одна меланхолія, а игры настоящей быть не можетъ“...—„Этотъ хересъ помягче будетъ,—говоритъ чиновникъ приказчику,—а третьяго дня, вѣрите ли, всю внутренность сожгло.—Мудренаго нѣтъ,—отвѣчаетъ ласково приказчикъ:—не та бутылка попалась, спирту, должно быть, перепущено.—Ужъ я не знаю тамъ чтò, только поутру руки трясутся, а тутъ при-

вели двоихъ арестантовъ...—Ну, такъ, теперичe вѣрно. Это—который хересъ для подрядчика слѣдуетъ, вамъ отпустили. Хересъ онъ дивный, только къ нему надо приспособиться. — Да, этотъ много мягче... сравненія нѣтъ".

VII.

Таковы, въ существенныхъ чертахъ, картины быта излюбленной Горбуновымъ среды. Нельзя сказать, чтобы онѣ были особенно утѣшительны. Возбуждая въ отдѣльныхъ случаяхъ смѣхъ, отъ котораго трудно удержаться, онѣ въ общемъ, въ связи одна съ другою, вызываютъ вовсе не веселое настроеніе. За яркими вспышками юмора разсказчика слышится и чувствуется печальное раздумье,—и переходъ отъ смѣха къ грусти совершается въ душѣ читателя или слушателя невольно и самъ собою. „Какъ это смѣшно! — восклицаетъ онъ въ первыя минуты. — Какъ это вѣрно, какъ глубоко захвачено!"—говоритъ онъ себѣ затѣмъ... „Но что̀ же это, однако, такое? зачѣмъ же *это* такъ?"—спрашиваетъ онъ себя нерѣдко, вдумавшись въ смыслъ разсказа, когда на фонѣ изображенной талантливымъ художникомъ картины начинаютъ вырисовываться тѣ свойства нашей жизни, которыя характеризуются знаменитыми „авось!", „ничего!", „сойдетъ!", „наплевать!" и укладываются въ употребленный княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ терминъ: „рукавоспустіе",—когда изъ глубины картины выступаетъ наше обычное безволіе, отсутствіе характера и взаимно чередующееся хвастливое самомнѣніе и смиреніе, граничащее съ приниженностью,—когда подъ шуточками надъ окружающими и надъ самими собою сквозитъ поверхностное отношеніе къ жизни, не принимаемой „въ серьёзъ", и отсутствіе не только вчерашняго, но даже и завтрашняго дня.

Было бы, однако, несправедливо указывать только на эту сторону разсказовъ Горбунова. И въ грустномъ выводѣ изъ совокупности рисуемыхъ имъ сценъ есть элементъ, въ нѣкоторой степени примиряющій со многимъ въ нихъ. Это — доброта, несомнѣнная, трогательная доброта и незлобивость русскаго человѣка. Она составляетъ, въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, *положительную* сторону этихъ разсказовъ. Широко разлиты въ нихъ черты, указывающія на гостепріимство, безразсчетливое и радушное, одинаково присущее всѣмъ описываемымъ Горбуновымъ слоямъ. Накормить и отогрѣть чужого человѣка въ нуждѣ, не критикуя его и не резонируя надъ причинами этой нужды, не только удо-

вольствіе, но и непререкаемый долгъ для русскаго человѣка; если достатокъ позволяетъ, то это удовольствіе усиливается еще и возможностью „поднести“. Рядомъ съ этимъ свойствомъ, ставящимъ человѣческія и сочувственныя отношенія между людьми выше матеріальныхъ соображеній, идетъ любовь къ дѣтямъ и заботливость о сиротахъ. Вездѣ, гдѣ у Горбунова является среди взрослыхъ ребенокъ — отношеніе къ нему всегда шутливо-нѣжное, при чемъ въ грубыя формы облекается ласка и подчасъ трогательная заботливость. Нѣкоторыя Горбуновскія сцены, въ которыхъ участвуютъ дѣти, могутъ, по сжатости и теплотѣ, стать на ряду съ чудеснымъ разговоромъ Митрича во „Власти тьмы“ съ Анюткою о „дѣтосѣкѣ“. Доброе отношеніе къ „ребяткамъ“ до такой степени представляется русскому человѣку естественнымъ, что онъ приписываетъ его даже и тому, кого вообще онъ осуждаетъ. „Въ старину въ нашей сторонѣ,—говоритъ Потапъ въ „Утопленникѣ“,—тоже разбойникъ жилъ. И грабилъ кàкъ... страсть! проѣзду не было. Дѣдушка-покойникъ сказывалъ, — онъ еще махонькій въ тѣ поры былъ: — бывало, говоритъ, соберетъ маленькихъ ребятишекъ къ себѣ, въ лѣсъ— и ничего, не трогаетъ; не то, чтобы, къ примѣру, билъ, или что, ничего... Ходи, говоритъ, ребята завсегда“. Весь дальнѣйшій разговоръ Потапа съ мальчикомъ Микиткою, а также длинная бесѣда Дементія съ малолѣтними Степкою и Серегою на „Постояломъ дворѣ“ преисполнены душевной теплоты, несмотря на то, что на послѣднихъ такъ и сыплются названія „чертенка“, „дурашки“ и „паршиваго“... „И гдѣ такой воръ парень родился, — говоритъ съ нѣжностью Потапъ, тщательно укрывая засыпающаго мальчика армякомъ, — въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ?“—„Сироты теперича много, говоритъ старикъ-купецъ въ холерный годъ,— столько теперича этой сироты — и куда пойдетъ она, кто ее вспоитъ-вскормитъ, одѣнетъ-обуетъ... и должно, значитъ, чувствовать сиротское дѣло;—самъ куска не ѣшь—сиротѣ отдай, потому она, сирота, ни въ чемъ неповинная“... И на почвѣ этихъ разсужденій выростаетъ рѣшимость набрать въ домъ сиротъ и создается затѣмъ цѣлое убѣжище съ училищемъ для нихъ...

Любитъ русскій человѣкъ природу и съ чуткою наблюдательностью относится къ ней. Въ рядѣ разсказовъ Горбунова упоминается объ этой любви, о тихомъ восторгѣ предъ „божьимъ твореніемъ“. Рѣка и въ особенности лѣсъ и „пустыня“, воспѣтая еще въ „Асафѣ Царевичѣ“, манятъ къ себѣ „разнаго

званія“ людей, населяя, лишь только ночь раскинетъ надъ ними свое покрывало, ихъ фантазію таинственными образами. „Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью,—говоритъ Калина Митричъ въ превосходномъ очеркѣ „*Безотвѣтный*“,—первое это мое удовольствіе! Выду я въ лѣсъ, когда почка развернется, да и стою. Тихо! Духъ такой здоровый!.. Мать ты моя родная, какъ я лѣсъ люблю!“... На ряду съ любовнымъ отношеніемъ къ природѣ идетъ, конечно не безъ наивно-жестокихъ исключеній, любовь къ животнымъ. Вѣрный правдѣ въ своихъ разсказахъ, Горбуновъ иногда вставлялъ въ свои картины жизни московскаго захолустья слѣдующій эпизодъ: —Знойный полдень. Все спитъ во дворѣ замоскворѣцкаго дома,—куры, лошади, собаки, люди,—даже подсолнечники въ палисадникѣ—и тѣ какъ будто спятъ. Дремлющій у воротъ и широко зѣвающій дворникъ спрашиваетъ проходящихъ:—вы маляры будете?—и получивъ утвердительный отвѣтъ, говоритъ:—а можете вы нашему кобелю... брюхо скипидаромъ смазать?—А *гдѣ онъ*? отвѣчаютъ ему, „ничтоже сумняся“, маляры. Дворникъ зоветъ злополучную собаку, сладко спавшую на самомъ припёкѣ.—Держите!—говорятъ маляры.—Что-о! завертѣлся!—восклицаетъ восхищенный дворникъ,—не любишь!?!—Очень *вами* благодарны! прощайте...“ и снова все погружается въ дремоту... Но это—исключеніе, а вообще доброе отношеніе къ „животинѣ“ преобладаетъ. Особенно ярко проявляется любовь и даже восторженное отношеніе—къ птицѣ. „Это такой соловей,—отвѣчаетъ на предложеніе продать соловья „горькій человѣкъ“, проторговавшійся и нѣсколько лѣтъ томившійся въ „ямѣ“ (т.-е. долговомъ отдѣленіи) купецъ Дятлевъ,—что, кажется, умереть мнѣ легче, чѣмъ его лишиться. Вчера онъ, батюшка, какъ пошелъ это вечеромъ орудовать, думаю—не въ царствѣ ли я небесномъ? вотъ это какой соловей! Птицу, сударь, ее любить надо, надо понимать ее. Скворецъ у меня говорилъ все одно какъ человѣкъ и любилъ меня, какъ отца родного... Будилъ меня. Утромъ, бывало, сядетъ на подушку:—вставай, Петровичъ, вставай, Петровичъ!“ Эту горячую любовь къ пѣвчей птицѣ русскій человѣкъ не только чувствуетъ самъ, но всю силу ея признаетъ и за другими. „Дочь у меня родами мучилась, письмо написала: тятенька, помоги!—продолжаетъ одушевившійся при разсказѣ о птицахъ старикъ,—всю ночь я проплакалъ, утромъ всталъ, взялъ его, голубчика, закрылъ клѣтку платкомъ, да и понесъ въ Охотный рядъ. Несу, а у самого слезы такъ въ три ручья и текутъ, а онъ оттуда, изъ клѣтки-то:—куда ты меня несешь, куда ты меня несешь!—да таково жалобно“... Бѣдному старику, сѣвшему на тум-

бочку и „ревущему какъ малый ребенокъ“, не приходится, однако, разстаться со своимъ, быть можетъ, единственнымъ въ жизни утѣшеніемъ. Кто-то, узнавъ, въ чемъ дѣло, покупаетъ у него скворца за двѣ синенькихъ и, отдавъ деньги, говоритъ: „неси его съ Богомъ домой!..“

Любовь къ пѣнію птицъ можетъ быть разсматриваема какъ одно изъ проявленій любви русскаго человѣка къ пѣнію вообще. Онъ поетъ на работѣ,—поетъ въ одиночествѣ,—подъ звуки „дубинушки“ общими усиліями поднимаетъ и опускаетъ тяжести; онъ „въ томленіи“, какъ выражается Горбуновъ, и, постепенно одушевляясь, слушаетъ пѣсню и сопровождающую ее музыку... „Дѣлай! ухъ!—кричитъ купецъ Наконечниковъ пѣвцу-гитаристу. —На зелененькую! на всю!.. Подсинимъ! Катай! катай! Старайся! отъ насъ забытъ не будешь...“ Особенно трогаетъ слушателей церковное пѣніе. Оно возвышаетъ душу и наводитъ раздумье на самыя забубенныя головы. У Горбунова есть превосходное, богатое типическими чертами, изображеніе пѣнія хора „прокофьевскихъ пѣвчихъ“ въ купеческомъ домѣ, въ присутствіи сына—широкой натуры, который привыкъ „чертить“, и его матери, худой, высокой старухи въ темномъ платьѣ и черномъ платкѣ, съ выговоромъ на *о*. „Пѣвчіе размѣстились по порядку: басы назади, тенора на правомъ крылѣ, альты на лѣвомъ, дисканты впереди. Прокофьевъ, сѣдой, почтенный, строгой наружности старикъ, вынулъ камертонъ, куснулъ его зубами, подставилъ къ уху... еще разъ... погладилъ по головѣ гладко выстриженнаго маленькаго мальчика-дисканта, нагнулся къ его уху и промычалъ ему нотку, затѣмъ оборотился къ басамъ: — соль-си-ре-си... — потомъ громогласно сказалъ:—„Покаянія отверзи ми двери“.—Хоръ шевельнулъ нотами и запѣлъ очень стройно. Изрѣдка слышалось только дребезжаніе старческаго голоса самого регента, но оно тотчасъ же покрывалось басами. Кончили. Басы откашлялись, тенора поправили волосы, альты завертѣли нотами, регентъ закусилъ камертонъ, опять послышалось:—ля-до-ми—и торжественный концертъ Бортнянскаго: „Кто взыдетъ на гору Господню“, огласилъ не только залу, но и улицу, и близлежащіе переулки. Мальчишки съ улицы прислонились къ окнамъ и приплюснули къ стекламъ свои носы. Сильно подѣйствовала на душу „матушки“ пропѣтая пѣснь. Она обтерла рукой увлажившіеся слезами глаза и посмотрѣла на сына. Сынъ глубоко вздохнулъ и, покачавъ головой, сказалъ:—„Да!“

Конечно, и въ любви къ пѣнію не обходится безъ крайностей. Между цѣнителями церковнаго пѣнія есть особые люби-

тели, для которыхъ главное—сила голоса поющаго, и для нихъ, по свидѣтельству Горбунова, свадьба не въ свадьбу, если не будетъ „пущена октава“.—„Ты ужъ, Николай Ивановичъ, приготовься,—упрашиваютъ „октаву“,—то возьми во вниманіе: одна дочь, опять же и родство большое... Голубчикъ, грохни“.—„У Егорья на всполье,—отвѣчаетъ октава,—на прошлой недѣлѣ вѣнчали, худенькая такая невѣста, на половинѣ апостола сморщилась, а какъ хватилъ я: „жену свою сице да любитъ“, такъ она такъ на шафера и облокотилась...“—„Нѣтъ, наша выдержитъ! Наша даже до пушекъ охотница... Вотъ когда въ царскій день палятъ... А ужъ ты дѣйствуй во всю, сколько тебѣ Господь Богъ голосу послалъ“.

Выдается въ разсказахъ Горбунова русскій человѣкъ своею отвагою, къ сожалѣнію, по большей части, совершенно безцѣльною, своимъ равнодушіемъ къ элементарнымъ условіямъ безопасности, своимъ, чуждымъ страха или рисовки, простымъ отношеніемъ къ несчастію и къ смерти. Блистая находчивостью, легкостью усвоенія и остроуміемъ, его богато одаренная натура, такъ часто не имѣющая правильнаго и достаточнаго выхода для своихъ способностей, сквозитъ какъ лучъ свѣта среди сгущенной тьмы невѣжества и нищеты или нездоровыхъ сумерокъ фабрично-городской „образованности“. У Горбунова то-и-дѣло попадаются „словечки“, очевидно, прямо выхваченныя изъ жизни и образныя выраженія, сдѣлавшіяся ходячими. Таковъ, напр., „мужчина сѣдой наружности“. Есть и много проявленій тонкой народной ироніи по отношенію къ стѣснительнымъ для него порядкамъ. Такъ, напр., старуха стряпуха въ „Медвѣжьей охотѣ“ говоритъ: „медвѣдь не по пачпорту вѣдь ходитъ,—вольный звѣрь, гдѣ захочетъ, тамъ и ляжетъ“. Наконецъ, иногда мелькаетъ въ этихъ разсказахъ чистый огонекъ твердой и трогательной вѣры. „Эхъ, господинъ честной,—говоритъ одинъ изъ вытащившихъ трупъ утопленника и задумавшійся надъ возможностью „влетѣть въ острогъ“,—хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое надѣлало“.—„Ничего!—отвѣчаетъ другой.—Богу *тамъ* за насъ помолитъ“.

Пытаясь въ краткомъ и далеко не полномъ очеркѣ дать хоть нѣкоторое понятіе о внутреннемъ смыслѣ произведеній Горбунова, нельзя, въ заключеніе, не отмѣтить его тонкихъ психологическихъ наблюденій и умѣнья въ вызывающіе улыбку образы вложить указаніе на тяжелыя, а подчасъ и трагическія стороны жизни. Въ первомъ отношеніи стоитъ припомнить хотя бы изо-

браженіе заразительности страха и свойственнаго всякому робѣющему желанія убѣдить другихъ въ отсутствіи опасности и въ ихъ спокойствіи почерпнуть поддержку противъ сжимающаго сердце ощущенія. Ямщикъ Никита, везущій купца, приближается къ мѣсту, гдѣ „шалятъ“, и, по разнымъ примѣтамъ, чуетъ недоброе... „Душу бы намъ свою здѣсь не оставить...“, —говоритъ онъ купцу, поддаваясь первому приливу боязни. —„Что ты, дуракъ, меня пугаешь,—отвѣчаетъ купецъ и, едва ли самъ себѣ вѣря, прибавляетъ успокоительно:—кому наша душа нужна?“—„Садись, сударь, со мной на козлы, не такъ жутко будетъ“, — говоритъ ямщикъ. Купецъ, уже подпавшій заразѣ страха, безпрекословно исполняетъ это предложеніе,—а самъ „ровно бы вотъ листъ трясется“. Теперь ужъ ямщикъ начинаетъ его ободрять. „Чего же такъ, ваша милость, — замѣчаетъ онъ,—робѣть намъ нечего, коли ежели что, насъ двое!..“ —„А у самого-то у меня, братецъ ты мой,—передаетъ онъ впослѣдствіи,—духъ захватило, руки отымаются...“

Изученіе психическихъ настроеній и процессовъ съ отдѣльнаго человѣка перешло, какъ извѣстно, въ послѣднее время на случайную совокупность людей—*толпу* и на сплоченную историческими, этнографическими и территоріальными условіями массу—*націю*. Послѣдователи уголовно-антропологической школы—Тардъ (Les crimes des foules) и Сигеле́ (La foule criminelle), а также Густавъ Лебонъ (La psychologie des foules), Обри (La contagion du meurtre) и др.—стараются опредѣлить тѣ общія начала, къ которымъ можетъ быть сведена психологія толпы, и изучить вліяніе психологическихъ факторовъ на представленія и настроеніе толпы, опредѣляющія, въ концѣ концовъ, ея собирательную волю и ея совокупныя дѣйствія. Альфредъ Фулье́, въ недавнихъ своихъ оригинальныхъ трудахъ, пробуетъ изслѣдовать душу цѣлаго народа и подмѣтить внутренніе процессы, происходящіе въ ней. Западная литература представляетъ произведенія, по которымъ, шагъ за шагомъ, можно прослѣдить образованіе и развитіе душевныхъ движеній толпы. Стоитъ указать на полныя захватывающаго интереса сцены съ участіемъ толпы въ „Ткачахъ“ Гергарда Гауптмана. И въ нашей литературѣ мы имѣемъ не одно изображеніе постепеннаго наростанія впечатлѣній, на почвѣ которыхъ создается настроеніе толпы, часто складывающееся въ порывистую волю, „безсмысленную и безпощадную“, по выраженію Пушкина. Первое, безспорно, мѣсто между ними принадлежитъ удивительному разсказу графа Л. Н. Толстого объ убійствѣ, въ 1812 году, Верещагина въ Москвѣ. Эта же тема затронута и

у Горбунова въ его „Забытомъ домѣ“, гдѣ одинъ изъ представителей возжаждавшей жертвы толпы, оборванный мастеровой съ воспаленными глазами, кричитъ: „мы сейчасъ пойдемъ на трехъ горахъ сражаться... всѣ кабаки уничтожимъ, всѣ!.. нѣтъ, погоди! Купецкій сынъ вздумалъ бушевать—сейчасъ графъ разделюцію ему сдѣлалъ... я те, говоритъ, побушую! ребята, говоритъ, возьмите! Сейчасъ наши мѣщане растеребили! Потроху не осталось!.. Отецъ его стоялъ въ воротахъ—плакалъ... Ничего не подѣлаешь—приказано! Бей, говоритъ, въ мою голову!..“ Толпа часто выступаетъ въ разсказѣ Горбунова то въ видѣ цѣлаго, охваченнаго однимъ чувствомъ, мыслью, стремленіемъ, какъ, напр., въ „Московскомъ захолустьѣ“, гдѣ происходитъ такъ называемый холерный бунтъ, то въ видѣ выхваченныхъ изъ нея мнѣній, замѣчаній и восклицаній, ярко рисующихъ преобладающія въ ней и быстро смѣняющіяся настроенія противоположнаго характера. Таковы, напр., „Медвѣжья охота“, „Воздушный шаръ“ и др. Въ послѣднемъ разсказѣ съ большимъ искусствомъ намѣчается переходъ толпы отъ спокойнаго *созерцанія* происходящаго („Шаръ, сударь, надуваютъ... съ самыхъ вечерень надуваютъ и никакъ его раздуть невозможно! — А чѣмъ его надуваютъ? — Кислотой!—Да!—безъ кислоты тутъ не обойдешься!“)—къ живѣйшему *участію* въ немъ, когда оказывается, что вмѣстѣ съ нѣмцемъ полетитъ портной, который „завертѣлся—ну, и летитъ“, потому что „отъ хорошей жизни не полетишь“. Хотя одинъ изъ пьяныхъ купцовъ, нанявшихъ его, и увѣряетъ, что „если онъ оттѣда упадетъ“, то онъ, наниматель, „его не позабудетъ“, но толпа начинаетъ чувствовать сожалѣніе и сочувствіе къ тому, чья судьба ужъ такая, чтобы „ему, значитъ, летѣть“. И это сочувствіе ростетъ, захватываетъ окружающихъ. Раздаются добродушныя предостереженія на случай, „ежели этотъ пузырь вашъ лопнетъ“,—обращенія къ чувствамъ портного—„пустой ты человѣкъ, выходитъ: мать старуха плачетъ, а ты летишь...“, просьбы „кланяться *тамъ*!“ и совѣты—„милый, ты бы подпоясался, тебѣ легче будетъ...“—„Сажаютъ, сажаютъ!..“—въ восхищеніи говорятъ въ толпѣ. Еще минута—шаръ плавно подымется, и, быть можетъ, радостное, сочувственное ура огласитъ воздухъ... Но вдругъ—грозный вопросъ:—„ты что̀ за человѣкъ?“ и резолюція: „я те полечу! Гриненко, возьми его...“—Настроеніе сразу мѣняется и толпа раздѣляетъ чувство квартальнаго, которому „это обидно показалось“...

Мы уже говорили, какъ въ заявленіи гласнаго въ „Земскомъ Собраніи“ о томъ, что у него семь душъ дѣтей женскаго

пола, требующихъ пищевого довольства, Горбуновъ приподымаетъ уголокъ завѣсы надъ картиною нужды человѣка, поставленнаго своимъ общественнымъ положеніемъ между случайнымъ и неопредѣленнымъ заработкомъ и обязанностью служить возвышеннымъ потребностямъ человѣческаго духа. Этотъ пріемъ, подсказанный ему его теплымъ сердцемъ, повторяется у него нерѣдко. Въ чрезвычайно живомъ и полномъ юмора разсказѣ повѣствуется о молодомъ купцѣ, изъ строгой и благочестивой семьи, получившемъ на выставкѣ извѣстной картины „Нана“, принадлежащей къ особому роду откровеннаго искусства, совѣтъ прочитать одноименный романъ Зола̀, гдѣ „всѣ обстоятельства обозначены во всю, и слова на ихъ счетъ такія, что и пропечатать на нашемъ языкѣ невозможно, а надо по-французски“. „И сказали мнѣ,—говоритъ купецъ,—что въ Казанской улицѣ живетъ съ матерью дѣвица и французскимъ языкомъ орудовать можетъ. Къ ней. Блѣдная, худая, волосы подрѣзаны въ скобку; мать тоже старуха старая, слѣпая... Видно, что дня три не ѣли... Грусть на меня напала! Вотъ, думаю, обдѣлилъ Господь. Можете, говорю, перевести на нашъ языкъ французскую книжку? Посмотрѣла. Извольте, говоритъ. Что̀ это будетъ стоить? Семьдесятъ пять рублей. Это, говорю, мы не въ силахъ... За пятнадцать рубликовъ нельзя ли? Она такъ глаза и вытаращила, а глаза такіе добрые, чудесные.. инда мнѣ совѣстно стало. Вы, говорю, не обижайтесь: мы этимъ товаромъ не торгуемъ, цѣнъ на него не знаемъ. Я, говоритъ, съ васъ беру очень дешево, и то потому, что намъ съ мамашей ѣсть нечего, а по щекамъ слезы, словно ртуть, скатились. Жалко мнѣ ее стало, чувствую этакой переворотъ въ душѣ. Извольте, говорю, только чтобъ переводъ былъ сдѣланъ на чести, чтобы всѣ слова и обстоятельства... Покончили. Зашелъ какъ-то черезъ недѣлю навѣдаться, смотрю—сидитъ, строчитъ. Матери не въ зачетъ рубль далъ на кофій. Покончила она все это дѣло, да, не дождамшись меня, на Калашникову пристань и приперла. Вошла въ калитку-то, собаки какъ зальются—чужого народу къ намъ не ходитъ... А бабушку въ это время въ экипажъ усаживали, въ баню везти, бобковой мазью оттирать... Что̀ за человѣкъ? Зачѣмъ? Къ кому? По какому случаю?.. Все дѣло-то и обозначилось“.

Какая драма чувствуется за этимъ простымъ, повидимому, эпизодомъ! Какая жестокая дѣйствительность, разрушающая здоровье и грубо оскорбляющая душу, видится въ этомъ подыскиваніи дѣвушкою „съ добрыми глазами“ русскихъ выраженій для передачи словъ, которыми „всѣ обстоятельства обозначены во

всю", и въ этомъ рублѣ „на кофій"! Какъ невольно останавливается мысль—не на злополучномъ купчикѣ, котораго стала пилить бабушка, бросившая въ огонь и книжку, и тетрадку,—терзать дядя и „точить" приглашенные для наставленія благочестивые старцы, изъ которыхъ „одинъ-то еще ничего—пьетъ, а другой, окромя кровоочистительныхъ капель, ничего не трогаетъ",—а на одной изъ картинъ скорбной жизни столичнаго образованнаго пролетаріата. И когда представишь себѣ эту дѣвушку на глухомъ дворѣ старозавѣтнаго молчаливаго дома, окруженную лающими собаками, предъ чинящею допросъ бабушкою, предъ кучеромъ и прислугою, довольными неожиданнымъ зрѣлищемъ,—когда представишь себѣ формы и выраженія этого допроса, становится вовсе не смѣшно... Нѣтъ! не становится смѣшно... Не ме́ньшая драма слышится въ отдѣльныхъ эпизодахъ „Женитьбы" и въ простомъ, но характерномъ разсказѣ лихача о томъ, какъ бѣдная дѣвушка, которую онъ возилъ на тройкѣ, когда ее въ первый разъ путемъ обольщенія, а быть можетъ и насильственно, окунули въ житейскую грязь,—съ его *легкой руки* „жить пошла"... Ямщикъ-лихачъ стоитъ какъ живой, со всѣми ухватками своей профессіи,—кажется, что морозный бодрящій воздухъ вѣетъ въ лицо и что гармонично позвякиваютъ бубенчики его гостепріимной тройки,—но когда разсказъ конченъ прозаическою просьбою „на чаёкъ",—рисуется нѣчто иное, и разбитая жизнь, втоптанная въ развратъ, среди бездушной столичной суеты, взываетъ къ сердцу слушателя...

VIII.

Особнякомъ отъ созданныхъ Горбуновымъ типовъ и фигуръ стоитъ знаменитый отставной *генералъ Дитятинъ*, всѣми своими корнями сидящій въ томъ общественномъ строѣ, который сложился на Руси въ послѣднія десятилѣтія предъ крымскимъ погромомъ и былъ пересозданъ, а отчасти и вовсе разрушенъ реформами Александра II. Горбунову пришла счастливая мысль дать живое изображеніе человѣка этого времени, окаменѣвшаго въ своемъ міросозерцаніи, прочно остановившагося въ своихъ, на половину безсознательныхъ, взглядахъ и чувствахъ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ измѣнившеюся дѣйствительностью, на шумъ и брызги которой ему невольно приходится отзываться по-своему. Задача изображенія такой личности должна была въ своемъ фактическомъ осуществленіи стать, и стала, неисчерпае-

мою. „Довлѣетъ дневи злоба его“, и каждый новый моментъ общественной жизни, каждое внѣшнее или внутреннее событіе, каждый всплывавшій на поверхность чѣмъ-либо замѣчательный человѣкъ, стали давать матеріалъ для выраженія своеобразныхъ сужденій оригинальной личности, задуманной Горбуновымъ. Постепенно создался образъ, разработанный съ особою любовью, съ тончайшею наблюдательностью и необыкновенною *находчивостью* тѣмъ, кто стоялъ за нимъ, почти органически съ нимъ сливаясь... Мало-по-малу, *генералъ Дитятинъ* сдѣлался неизбѣжнымъ посѣтителемъ всѣхъ кружковъ и собраній, въ которыхъ Горбуновъ чувствовалъ себя хорошо и свободно. Рѣшительныя резолюціи и отрывистыя характеристики генерала, его тонъ—презрительный по отношенію къ настоящему и подчасъ возбужденный или восхищенный по отношенію къ прошедшему,—его добродушный, отзывавшійся приближеніемъ „второго дѣтства“, смѣхъ,—его довольно разнообразная начитанность, съ неожиданными изъ нея выводами, его тусклый взоръ и отвисшая нижняя губа, его добрая, безпомощная улыбка и глухой старческій голосъ,—наконецъ, его всегдашняя готовность отвѣчать „ничтоже сумняся“ на почтительные вопросы собесѣдниковъ—остались, безъ сомнѣнія, въ памяти всѣхъ, кто разставался съ разговорившимся генераломъ, сожалѣя, что бесѣдѣ насталъ конецъ.

Создалась, по отрывистымъ отвѣтамъ Дитятина, и его біографія. Онъ самъ не знаетъ хорошенько года своего рожденія, то относя его къ восшествію на престолъ Павла Петровича въ 1796 году, то вспоминая о своемъ участіи въ штурмѣ Праги, при Суворовѣ, въ 1774 г. Наивное самообольщеніе, побуждавшее его „пристегнуться“ къ Суворову, отнюдь не слѣдовало, однако, понимать, какъ выраженіе сочувствія взглядамъ великаго полководца на военное дѣло и на отношеніе къ солдатамъ. Онъ, напротивъ, всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія одного изъ высокопоставленныхъ мирныхъ героевъ войны, находившаго, что „война *портитъ* солдатъ, *пачкаетъ* мундиры и *разрушаетъ* строй“. Солдатъ, по мнѣнію Дитятина, существуетъ, такъ сказать: „an und für sich“, и созданъ не для пагубнаго безпорядка войны, а для караульной службы, для вытяжки, маршировки и для необходимаго ихъ условія—муштровки. Неизбѣжныя при этомъ, по его мнѣнію, зуботычины, были гораздо нужнѣе, чѣмъ выдуманная „мальчишками“ грамотность и другія нововведенія, которыми „увлекся“ военный министръ Милютинъ, по адресу котораго Дитятинъ не скупился на краткіе, но выразительные эпитеты. Эти нововведенія, а особливо общая воинская повин-

ность, приводили его сначала въ негодованіе, а потомъ въ мрачное уныніе, не лишенное, впрочемъ, надежды, что „*тамъ*, наконецъ, образумятся“. Послѣднимъ изъ военныхъ администраторовъ, на которомъ со снисходительною благосклонностью считалъ онъ возможнымъ остановиться, былъ тотъ, который къ нѣкоторымъ реформамъ въ русскомъ военномъ строѣ, осуществленнымъ впослѣдствіи, относился скептически, „сумлѣваясь штопъ...“ и признавая ихъ за „ѳимъ“ (т.-е. миѳъ). Было, впрочемъ, время, когда Дитятинъ преодолѣлъ свое отвращеніе ко „всему этому разврату“ и даже предложилъ свои услуги для службы въ новыхъ военныхъ судахъ. Въ непринятіи этихъ услугъ онъ видѣлъ величайшую несправедливость, но вообще не любилъ распространяться о причинахъ отказа, ограничиваясь лишь словомъ: „...мерзавцы!“, неизвѣстно, къ кому относившимся и произносимымъ съ непередаваемымъ брезгливымъ презрѣніемъ. Изрѣдка, впрочемъ, онъ рѣшался быть въ этомъ отношеніи вполнѣ откровеннымъ и съ неподдѣльнымъ изумленіемъ сопоставлялъ послѣдовавшій отказъ съ блистательно выдержаннымъ экзаменомъ, во время котораго, на предложеніе разсказать „о системѣ и мѣрѣ наказаній по Миттермайеру“,—онъ отвѣтилъ: „да! какже, помню, былъ у насъ въ полку, въ моей молодости, капитанъ Миттермайеръ,—система у него была, какъ и у всѣхъ, а мѣра... да мѣры онъ не соблюдалъ, а всыпàлъ столько, сколько душѣ угодно,—какже! помню!“

Дитятинъ не былъ чуждъ и литературѣ. Онъ охотно цитировалъ Ломоносова и Державина; любилъ декламировать „красòты“ изъ сочиненій Дмитріева и снисходительно ссылался на басни Крылова. Къ Пушкину его отношеніе было двоякое. Долгое время онъ находилъ его „легкомысленнымъ юношею“, который злоупотреблялъ добротою и „непонятною слабостью“ графа Бенкендорфа, не зажавшаго ему ротъ. Но, будучи, какъ всегда, желаннымъ гостемъ въ собраніяхъ пишущей братіи, Дитятинъ поддался общему восторженному отношенію къ Пушкину въ Москвѣ, при открытіи памятника поэту въ 1880 г., и послѣ торжественнаго обѣда неожиданно высказалъ свои симпатіи къ нему. Онъ сдѣлалъ это, впрочемъ, съ оговорками, строго осудивъ многія его произведенія, но припомнивъ, однако, съ похвалою, нѣкоторыя воинственныя его стихотворенія и указавъ слушателямъ, что даже фамилія „Пушкинъ“ звучитъ пріятно для уха стараго служаки.

И къ Тургеневу отнесся онъ довольно благосклонно. Когда, въ 1880 году, знаменитому русскому писателю давали литера-

турный обѣдъ въ Петербургѣ, Дитятинъ сказалъ, къ общему удовольствію, рѣчь, полную цѣнныхъ указаній на свое пониманіе исторіи и истиннаго положенія нашей литературы. „Милостивые государи,—сказалъ онъ,—вы собрались сюда чествовать отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Я противъ этого ничего не имѣю! По приглашенію господъ директоровъ, я явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности"... Выразивъ, затѣмъ, желаніе говорить, Дитятинъ нашелъ, однако, что это сдѣлать очень трудно, какъ „по разницѣ взглядовъ и по своему оффиціальному положенію", такъ и по присущей людямъ его эпохи осторожности, ибо „ихъ учили больше *осматриваться*, чѣмъ *всматриваться*, больше *думать*, чѣмъ *говорить*; однимъ словомъ, учили тому, чему, милостивые государи, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь". Бросая затѣмъ ретроспективный взглядъ на нашу литературу 30-хъ и 40-хъ годовъ, ораторъ сказалъ, между прочимъ: „Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической исторіи 12-го года, Михайловскій-Данилевскій былъ обруганъ. Были приняты мѣры... Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъегерской тройки... Стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились, и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были „Записки Охотника", принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Въ простотѣ сердца, я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника. Оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: „Я знаю". Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ сказалъ: „Это дѣло администраціи, а не мое". Я сообщилъ митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это—„вѣяніе времени". Я увидѣлъ что-то странное. Я понялъ, что мое дѣло проиграно, и посторонился. Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю: „хорошо!". Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ, а только взводные киваютъ съ усмѣшкой головой. Я кончилъ, и пью за здоровье отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева..."

Доживая свой вѣкъ въ отставкѣ, Дитятинъ слѣдилъ за мимо бѣгущею жизнью и о каждомъ ея явленіи составлялъ себѣ совершенно опредѣленное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкъ самый многосторонній, всегда стоявшій съ готовою „резолюціей“ по вопросамъ, интересовавшимъ или волновавшимъ общество. Онъ, между прочимъ, почиталъ, но не любилъ Бисмарка, находилъ, что Макъ-Магонъ „сплоховалъ“ во время своего президентства, о Гамбеттѣ выражался презрительно: „хе! хе!—воздухоплаватель“...; строго осуждалъ назначеніе министромъ финансовъ человѣка, происходившаго изъ духовнаго званія; негодовалъ на Шопенгауэра за „прекращеніе человѣческаго рода“ и желалъ лично „вразумить его“... Прочитавъ въ русскомъ переводѣ сочиненія Лассаля, котораго онъ называлъ „Лапсалемъ“, Дитятинъ рѣшительно заявилъ: „*я* на *это* не согласенъ“. Увѣренность въ безусловной справедливости своихъ взглядовъ и брюзжаніе Дитятина—не мѣшали ему, однако, быть пріятнымъ и въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ. Едва раздавался его голосъ—всѣ присутствующіе обращались въ слухъ, при чемъ нѣкоторые спѣшили вызвать на подробныя объясненія старика, который, несмотря на свою нравственную осиротѣлость среди чуждыхъ ему поколѣній, обойденный ушедшею впередъ жизнью и болѣзненно пережившій крушеніе воспитавшаго его строя, умѣлъ оставаться незлобивымъ, довѣрчивымъ и подчасъ даже веселымъ.

Строгая выдержанность этого образа представляла собою блестящее доказательство творческой силы Горбунова. Дитятинъ былъ живой человѣкъ. Онъ дѣйствительно существовалъ между нами. Скончавшись, вѣроятно, отъ старческаго маразма, одновременно съ Горбуновымъ, онъ оставилъ навсегда пустое мѣсто. Съ чутьемъ тонкаго психолога, Горбуновъ, вкладывая въ его уста удивительныя по своей архаичности сужденія, умѣлъ дать почувствовать доброе, въ сущности, сердце старика. Есть фотографія, изображающая Горбунова въ мундирѣ, со сложенными на груди руками, въ армейской каскѣ со старомоднымъ орломъ, держащимъ въ лапахъ перуны и вѣнки. Экземпляры этой фотографіи очень рѣдки. Извѣстно, между прочимъ, что на экземплярѣ, поднесенномъ одному лицу, есть надпись, сдѣланная старческимъ, дрожащимъ почеркомъ: „J'y suis, j'y reste—фраза, украденная у меня Макъ-Магономъ. Генералъ-маіоръ Дитятинъ 2-й“. При взглядѣ на этотъ оригинальный портретъ невольно чувствуется, что таковъ именно, въ своей непреклонности и добродушной строгости, и долженъ былъ быть незамѣнимый и незабвенный генералъ Дитятинъ...

Дитятинъ являлся однимъ изъ типическихъ представителей цѣлаго періода нашей общественной жизни. Изображая его, Горбуновъ заходилъ въ область нашей исторіи, которую изучалъ вдумчиво и съ любовью. Разсмотрѣніе его разсказовъ на исторической подкладкѣ и ознакомленіе съ его подражаніемъ старой письменности убѣдятъ насъ въ этомъ.

А. Ѳ. Кони.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

и

ЕЯ СУДЬБА

I.

Въ настоящее время у насъ не принято придавать особое значеніе вопросамъ, касающимся художественности прозаическаго изложенія. Съ тѣхъ поръ, какъ Мольеровскій буржуа сдѣлалъ открытіе, что и онъ умѣетъ — „faire de la prose“, и притомъ такъ, что никакія ухищренія его учителя не въ состояніи исправить ее хотя бы на іоту, — убѣжденіе въ безполезности выработки прозаическаго стиля стало распространяться все шире и шире. Ему пришло на помощь неогуманистическое движеніе конца минувшаго вѣка, съ его культомъ естественности и пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всему искусственному: и всѣмъ извѣстны и памятны пламенныя слова объ этомъ молодого Гёте въ первыхъ сценахъ „Фауста“. У насъ же, дуновеніе неогуманизма попало на твердую еще кору (псевдо) классицизма, не успѣвшую размякнуть и растаять подъ лучами „просвѣщенія“, какъ это было повсемѣстно въ западной Европѣ. Его дѣйствіе было, поэтому, прямо разрушительно: нигдѣ, какъ у насъ, поворотъ не былъ такъ крутъ, нигдѣ кумиры отцовъ не были сожжены такъ быстро и истреблены такъ безслѣдно, какъ среди нашей интеллигенціи, отважной въ сознаніи своей молодой силы и совсѣмъ почти не отягченной бременемъ традиціи. Это не значитъ, чтобы художественная проза на практикѣ подверглась загону: совершенно напротивъ, — именно теперь начинается ея расцвѣтъ, такъ какъ только къ этому вре-

мени взошли брошенныя отцами сѣмена формальной красоты, а совершонное, подъ вліяніемъ неогуманистическихъ идей, возвращеніе къ природѣ дало возможность надѣлить прекрасную форму достойнымъ содержаніемъ. Нѣтъ, непосредственно пострадала не практика, а теорія: можно было и даже слѣдовало писать хорошо, т.-е. художественно, но не слѣдовало давать себѣ и другимъ отчетъ въ этой художественности, не слѣдовало сознательно къ ней стремиться путемъ ученія, упражненія и подражанія; всѣ попытки въ этомъ направленіи пахли „риторикой", а риторика—это самая квинтъ-эссенція псевдо-классицизма, это самый уродливый изъ благополучно сожженныхъ и истребленныхъ кумировъ. Недавно только у насъ возникъ союзъ среди интеллигенціи, цѣли котораго по своей природѣ близки къ затронутому здѣсь вопросу; этому союзу можно бы было пожелать всякаго благополучія, еслибы въ его программѣ не красовалась на главномъ мѣстѣ въ высшей степени странная задача—содѣйствовать словомъ и дѣломъ (и, повидимому, дѣйствительно „словомъ и дѣломъ") изгнанію изъ русской рѣчи иностранныхъ словъ. Къ чести славянскаго гостепріимства слѣдуетъ сказать, что эта мысль сама по себѣ не внутренняго производства: она—порожденіе ультра-націоналистическаго убожества, появившагося у нашихъ сосѣдей въ качествѣ оборотной стороны вычеканенной въ 1870 г. медали. Все же—ея проникновеніе къ намъ доказываетъ, до какой степени намъ трудно соединиться для одной только созидательной, а не разрушительной работы подъ великодушнымъ лозунгомъ Парини: Viva la libertà—e morte a nessuno.

А между тѣмъ сговориться относительно „художественной прозы", оставаясь въ то же время вѣрными завѣтамъ неогуманизма,—для насъ гораздо легче, чѣмъ для народовъ западной Европы: самый геній русскаго языка приходитъ намъ тутъ на помощь. Нельзя произнести слова Kunst, l'art, не ощущая того особаго, не для всѣхъ пріятнаго привкуса, который эти слова получили вслѣдствіе своего этимологическаго родства съ künstlich, artificiel, и не ставя ихъ этимъ въ противоположность къ великой богинѣ неогуманистовъ—Природѣ; никто не бываетъ вполнѣ свободенъ отъ предубѣжденій, заключающихся въ самой философіи родной рѣчи, и внимательный русскій читатель съумѣетъ найти у нѣмецкихъ и французскихъ мыслителей немало невольныхъ софизмовъ, основанныхъ на мнимомъ антагонизмѣ понятій: Kunst und Natur, l'art et la nature. У насъ этой опасности не существуетъ; одно—искусственность, другое—художественность, и если намъ трудно смотрѣть пристально на

„Kunstprosa" такъ, чтобы, зажмуривъ глаза, не увидѣть, какъ особаго рода дополнительный цвѣтъ къ ней, призрака „Naturprosa", то слова: „художественная проза"—никакихъ неудобствъ въ этомъ направленіи не представляютъ.

Сговориться, повторяю, можно; пути для этого два—теоретическій и историческій. Для перваго—время, кажется, еще не наступило. Метафизическая эстетика потеряла кредитъ; мы справедливо отказываемъ въ довѣріи методу, доказывающему необходимость эстетическихъ постулатовъ съ такою же точно убѣдительностью, съ какой онъ нѣкогда доказывалъ необходимость семипланетной системы. Въ наше время, только *эмпирическая* эстетика можетъ разсчитывать на интересъ образованныхъ людей, притомъ, какъ это и понятно, основанная на *экспериментѣ* эстетика—въ большей мѣрѣ, чѣмъ основанная на простомъ *наблюденіи*. Но именно экспериментальная эстетика представляется еще пока невозможной; пока не будетъ достроено зданіе экспериментальной психологіи, она представляетъ изъ себя не науку, а лишь пустопорожнее мѣсто, отдаваемое подъ построеніе науки. Возможна лишь эстетика, основанная на наблюденіи; а такая будетъ по преимуществу носить историческій характеръ, такъ какъ сводъ наблюденій за жизнью минувшихъ поколѣній—это и есть то, что̀ мы называемъ исторіей. Исторія развитія художественной прозы покажетъ намъ, имѣетъ ли она право на существованіе, и если—да, то въ какой степени.

Понятно, что историки словесности не оставляютъ безъ вниманія этой области своей науки; но одинъ изъ самыхъ значительныхъ шаговъ впередъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ недавно нѣмецкимъ филологомъ Эд. Норденомъ въ его книгѣ: „Die antike Kunstprosa, vom VI Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance" (Leipzig, 1898). Дѣйствительно, развитіе новѣйшей прозы отъ Бальзака Старшаго, приблизительно, представлялось намъ и раньше въ довольно ясномъ свѣтѣ; гораздо темнѣе была предшествовавшая эпоха, обнимавшая болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Ей-то и посвящено названное только-что объемистое, двутомное сочиненіе. Пользуясь чрезвычайно богатымъ матеріаломъ, собраннымъ имъ съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ, авторъ во многихъ мѣстахъ влилъ свѣтъ и смыслъ въ скрытую до него связь литературно-историческихъ явленій. Читая его (а было это, скажу между скобокъ, дѣломъ не легкимъ, такъ какъ ученѣйшая книга Нордена соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства, кромѣ одного—удобочитаемости) и углубляясь въ приведенный авторомъ матеріалъ, я чувствовалъ, какъ ощущавшіеся мною раньше въ исторіи

развитія прозы пробѣлы сами собою заполнялись, узлы распутывались; продолжая думать надъ затронутыми авторомъ вопросами, для которыхъ онъ зачастую давалъ одинъ только сырой матеріалъ, безъ выводовъ, безъ надлежащаго освѣщенія культурно-историческими соображеніями,—я получилъ, въ концѣ концовъ, стройный очеркъ развитія художественной прозы, которымъ и могу подѣлиться съ читателями въ нижеслѣдующихъ главахъ.

II.

Античность—общая колыбель нашихъ культурныхъ силъ—была, разумѣется, также и колыбелью художественной прозы. Время ея зарожденія—понимая это слово съ необходимыми, во избѣжаніе нелѣпости, ограниченіями—извѣстно намъ съ рѣдкою въ подобныхъ случаяхъ опредѣленностью: это былъ 427-ой годъ до Р. Х. По случаю одной изъ безчисленныхъ междоусобныхъ войнъ, волновавшихъ древне-греческій міръ во все время его существованія, былъ отправленъ въ Аѳины своимъ роднымъ городомъ извѣстный „софистъ“ Горгій просить помощи противъ неугомонныхъ сосѣдей. Въ народномъ собраніи онъ произнесъ рѣчь о необходимости заключенія союза и привелъ ею въ восторгъ своихъ впечатлительныхъ слушателей; союзъ былъ заключенъ—правда, это не важно, такъ какъ изъ него все равно ничего не вышло, но важно было то, что рѣчь Горгія вызвала сильнѣйшее, долго не унимавшееся броженіе, результатомъ котораго была именно художественная проза.

Что̀ же произошло? Чѣмъ это такъ плѣнилъ Горгій свою аудиторію? Проще всего было бы обратиться къ самой рѣчи софиста; но такъ какъ она не сохранена, то ее долженъ замѣнить разсказъ нашего свидѣтеля. Свидѣтель этотъ говоритъ вотъ что̀: „Онъ (Горгій) поразилъ аѳинянъ своеобразностью своихъ ораторскихъ пріемовъ, такъ какъ они сами были хорошо одарены природой и любили краснорѣчіе: онъ впервые пустилъ въ ходъ особыя искусныя фигуры рѣчи, антитезы, исоколы, созвучія, риторическія риѳмы (homoeoteleuta) и еще нѣкоторыя въ томъ же родѣ, которыя тогда, вслѣдствіе своей необычайности, нашли благодарныхъ слушателей, но теперь считаются мелочными, и—вслѣдствіе того, что ими пользовались не въ мѣру—кажутся смѣшными“. Повидимому, выгодно для памяти Горгія, что его рѣчь не сохранена; если такъ о ней судитъ нашъ свидѣтель—его землякъ, къ слову сказать,—историкъ Діодоръ Сицилійскій, то

насъ и подавно постигло бы разочарованіе. Но мы здѣсь не наслажденія ищемъ, а пониманія: послѣ ясныхъ и опредѣленныхъ словъ Діодора, разсказанный имъ фактъ представляется намъ еще менѣе понятнымъ, чѣмъ прежде, когда мы могли приписать рѣчи Горгія какія угодно достоинства.

Нѣтъ, она просто была „фигуральна", и въ этомъ заключалась причина ея успѣха. Фигуры же, если прибавить къ нимъ тропы, составляютъ заповѣдную рухлядь риторики, которая въ свою очередь неразрывно связана съ псевдо-классицизмомъ, а псевдо-классицизмъ прямо противоположенъ природѣ, которая въ области слова совпадаетъ съ народностью. При такомъ положеніи дѣла, тотъ фактъ, что Горгій фигуральностью своей рѣчи плѣнилъ именно народъ,—представляется сущимъ парадоксомъ. Очевидно, тутъ что-то не такъ; но что̀ именно? При столкновеніи факта съ мнѣніемъ долженъ торжествовать фактъ—это ясно; ошибка заключается въ мнѣніи, въ томъ сцѣпленіи понятій, которое мы сначала назвали словомъ „фигуральность", а кончили словомъ „народность". Правда ли, что эти два понятія несовмѣстимы? Самое полное, самое яркое выраженіе народности въ области слова—это народная пѣсня: беремъ для провѣрки народную пѣсню—и на первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ въ ней фигуральность:

Було-бъ тоби, ой ты моя маты,
Тихъ бривъ не даваты;
Було-бъ тоби, ой ты моя маты,
Счастье—долю даты!

Въ этой краткой строфѣ мы имѣемъ (если не считать созвучія) всѣ фигуры, которыя Діодоръ находилъ у Горгія, и кромѣ нихъ еще нѣсколько другихъ, и всѣ онѣ естественны; мы чувствуемъ, что не ихъ наличность, а ихъ отсутствіе было бы противно природѣ. Пѣвецъ сознаетъ себя несчастнымъ; это основное чувство той пѣсенки, чувство слишкомъ неопредѣленное пока, такъ сказать непластичное, чтобы вылиться сразу въ опредѣленную мысль. И вотъ, духъ его ищетъ опоры и находитъ ее въ контрастѣ между своей несчастной долей и физической красотой, единственномъ и, увы, безполезномъ наслѣдіи матери. Да, *контрастъ*; это—самая естественная, самая законная форма, которую только можетъ найти чувство, стремящееся воплотиться въ мысли. Мысль же, въ свою очередь, стремится воплотиться въ словахъ: выраженіе въ словахъ контраста—это и есть то, что̀ мы называемъ антитезой. Такъ-то и получается главная, коренная „фигура" пѣсенки; всѣ остальныя служатъ

къ тому лишь, чтобы сдѣлать ее ярче, выразительнѣе. Сюда относится равномѣрность обоихъ членовъ антитезы—это и есть то, что Діодоръ разумѣетъ подъ „исоколомъ"; затѣмъ, повтореніе тѣхъ же словъ въ началѣ обоихъ членовъ („анафора", здѣсь особенно развитая); затѣмъ, одинаковое окончаніе обоихъ членовъ, такъ называемая риторическая риѳма [1]). Теорія слова, та разумная и интересная наука будущаго, которая, выросши изъ экспериментальной психологіи, замѣнитъ со временемъ нашу обветшалую риторику, съумѣетъ доказать, что добрая часть изъ такъ называемыхъ фигуръ и троповъ, надъ которыми теперь принято смѣяться, является самыми естественными и законными выраженіями нашихъ аффектовъ, остальныя же имѣютъ интеллектуальное основаніе, какъ средство сдѣлать нашу рѣчь болѣе понятной и болѣе легкой для запоминанія; слѣдовательно, не фигуральная, а та сѣрая и безцвѣтная рѣчь, которую теперь незаслуженно называютъ „дѣльной" и „серьезной", должна считаться противоестественной и неосмысленной.

Такимъ образомъ, указанный выше узелъ благополучно распутывается; но за то мы получаемъ другое, не менѣе значительное затрудненіе. Выходитъ, что рѣчь сицилійскаго софиста со всей своей фигуральностью была вполнѣ естественна; а между тѣмъ намъ говорятъ, что онъ поразилъ свою аудиторію именно *необычайностью* своихъ ораторскихъ пріемовъ. Какъ же это согласовать? Неужели придется допустить, что до Горгія естественность рѣчи была въ загонѣ? Дѣйствительно, это—единственный исходъ; при болѣе близкомъ ознакомленіи съ дѣломъ, онъ потеряетъ свою странность. Необходимо, замѣчу, отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ этому пункту; здѣсь сталкиваются, взаимно оттѣняя другъ друга, понятія: „естественность", „художественность" и „искусственность"; здѣсь находится ключъ къ выясненію самого термина: „художественная проза".

Аффектъ самъ по себѣ—явленіе, въ области сознанія, доступное одному лишь самонаблюденію; чужому наблюденію доступны только *выраженія* аффектовъ въ движеніяхъ и словахъ. Изъ этихъ выраженій мы одни называемъ естественными, другія—дѣланными, искусственными, неестественными; чѣмъ руководимся мы, давая имъ то или другое наименованіе? Скажутъ: наблюденіемъ. Да; но только отчасти. Человѣкъ, получившій внезапно горестное извѣстіе, опредѣленнымъ образомъ хватается

[1]) Риторическія риѳмы—одинаковыя окончанія одинаковыхъ флексій (напр., дать—брать); напротивъ, поэтическія риѳмы—одинаковыя окончанія различныхъ флексій (напр., дать—мать). Послѣднія считаются неизящными въ прозѣ, первыя—въ поэзіи.

руками за голову; человѣкъ, поставленный въ тупикъ, опредѣленнымъ образомъ разводитъ руками; — эти движенія кажутся намъ естественными выраженіями соотвѣтствующихъ аффектовъ. А между тѣмъ, наблюденіе въ девяти случаяхъ изъ десяти не подтвердитъ этого предположенія: многіе, при всей живости аффекта, совершенно воздержатся отъ всякаго крупнаго движенія—что дѣлать! неудобство нашей одежды мало-по-малу отучаетъ насъ отъ жестикуляціи; другіе исполнятъ его, смотря по своему тѣлосложенію или темпераменту, слишкомъ рѣзко или слишкомъ неуклюже, слишкомъ вяло или слишкомъ торопливо, и этимъ разрушатъ впечатлѣніе естественности. Очевидно, одного наблюденія мало: мы руководимся, кромѣ него, еще другимъ актомъ, неизмѣнно въ большей или меньшей степени сопровождающимъ всякое наблюденіе—*абстракціей*. Съ помощью ея, мы—часто безсознательно—устраняемъ вліяніе случайностей тѣлосложенія или темперамента, исправляемъ недостатки, дополняемъ невыдержанное или недосказанное, отбрасываемъ преувеличенное и излишнее—и такимъ образомъ, изъ массы болѣе или менѣе неудачныхъ выраженій извлекаемъ выраженіе удачное, чистое, идеальное. Его мы въ дѣйствительности можемъ встрѣтить рѣдко, можемъ и не встрѣтить никогда; какъ бы то ни было—человѣкъ, который (въ силу ли природнаго дарованія, или сознательной рефлексіи—это все равно; мы этого непосредственно знать не можемъ, а потому и не разбираемъ), — человѣкъ, повторяю, который осуществитъ на дѣлѣ это удачное, чистое, идеальное выраженіе, будетъ для насъ художникомъ въ его области. Художественность, такимъ образомъ, есть та же естественность, но естественность отвлеченная, полученная путемъ абстракціи изъ ряда единичныхъ, въ одинаковой степени конкретно-естественныхъ случаевъ.

Это—первый пунктъ; и мнѣ кажется, что уже онъ даетъ намъ возможность понять указанное выше явленіе. Придется только допустить, что именно Горгій былъ такимъ художникомъ, и что онъ плѣнилъ аѳинянъ именно тѣмъ, что возвелъ въ степень художественности знакомую имъ до тѣхъ поръ лишь по неполнымъ своимъ осуществленіямъ естественность. Но это еще не все; есть и второй пунктъ, и онъ едва ли не важнѣе перваго.

Данное только-что опредѣленіе правильно выражаетъ *качественное* различіе между художественностью, какъ отвлеченной естественностью, и естественностью конкретной; мы можемъ, однако, установить и другое различіе—различіе *количественное*. Каждый нормальный человѣкъ бываетъ одаренъ умѣреннымъ

огнемъ чувства, способнымъ объять умѣренную задачу въ области чисто личныхъ, житейскихъ отношеній; возложите на него болѣе значительную задачу—и этотъ огонь ослабнетъ, и вмѣсто пламени получится дымъ и чадъ. Тотъ самый человѣкъ, который художнически изобразитъ простое чувство или событіе въ формѣ коротенькой пѣсни или разсказа, не съумѣетъ справиться съ болѣе сложной задачей: польются однообразныя, скучныя фразы; скачки и недомолвки съ одной стороны, повторенія и водянистость—съ другой, путаница—вездѣ. Вотъ почему мы имѣемъ прекрасныя народныя пѣсни и сказки, но нѣтъ и не можетъ быть ни народнаго эпоса (это окончательно установлено), ни народной драмы, ни народнаго романа. А между тѣмъ, жизнь ставитъ свои задачи: человѣку приходится въ рѣчи отстаивать свои притязанія передъ судомъ, приходится, если онъ гражданинъ свободной общины, въ рѣчи же развивать свои мысли о необходимыхъ для ея блага мѣропріятіяхъ. Такъ, мы знаемъ, что въ древнѣйшемъ аѳинскомъ судѣ, ареопагѣ, было запрещено сторонамъ всякое воздѣйствіе на судей путемъ „аффектовъ", другими словами, всякое поползновеніе на художественность рѣчи. Этотъ запретъ, безъ сомнѣнія, лишь освятилъ то, что̀ въ старину само собою разумѣлось: тогда говорили сухо не потому, чтобы не хотѣли или не должны были, а потому, что не умѣли говорить иначе.

Нуженъ былъ огонь гораздо большій, чѣмъ тотъ, который природа вложила въ грудь обыкновеннаго человѣка, для того, чтобы воспламенить рѣчь высокаго стиля, рѣчь судебную, рѣчь политическую, историческое повѣствованіе, философское разсужденіе; если Горгій дѣйствительно съумѣлъ впервые это сдѣлать, то онъ былъ по истинѣ великимъ художникомъ прозы. Разсказъ о немъ при этихъ условіяхъ вдвойнѣ понятенъ; онъ поразилъ слушателей своимъ новшествомъ, такъ какъ имъ до тѣхъ поръ съ политической трибуны преподносились лишь сухія, безъискусныя рѣчи; и въ то же время онъ ихъ увлекъ, такъ какъ въ его ораторскихъ пріемахъ они сразу признали тѣ самыя средства, которыя ихъ плѣняли въ болѣе близкой ихъ сердцу сферѣ личныхъ отношеній,—рисунокъ былъ тотъ же, только масштабъ былъ увеличенъ до грандіознаго. Какъ же это ему удалось,—допустимъ, что это ему дѣйствительно удалось? Не иначе, какъ и всякое увеличеніе масштаба,—путемъ *аналогіи*. Художественная проза должна быть проникнута аффектомъ, выраженіемъ котораго является, какъ мы видѣли, *фигуральность*; передачей выраженія передается и выражаемое, т.-е. аффектъ. Такая проза должна быть *образна*, такъ

какъ образъ непосредственнѣе воспринимается духомъ и глубже запечатлѣвается, чѣмъ то отвлеченное представленіе или отношеніе, символомъ котораго онъ служитъ. Она должна отличаться старательнымъ *подборомъ словъ*, если она разсчитана на то, чтобы долѣе оставаться въ памяти слушателей: мы охотно пропускаемъ мимо ушей то или другое неловкое выраженіе въ обыденномъ разсказѣ, довольствуясь уловленною мыслью, но любимъ углубляться въ тѣ остатки художественной рѣчи, которые память намъ воспроизводитъ, и бываемъ благодарны автору за скрытыя красоты его языка. Она должна отличаться архитектурной *стройностью* въ своемъ дѣленіи и въ соотношеніи своихъ частей: при сложности матеріи слушатель легко потеряетъ нить и перестанетъ понимать насъ, если мы всѣми силами не позаботимся о сохраненіи перспективы во всѣхъ направленіяхъ. Она—и это стоитъ въ связи съ только-что затронутымъ требованіемъ—должна быть старательно *періодизована*, такъ какъ вслѣдствіе сложности взаимнаго тяготѣнія частей и частицъ темы, періодъ—этотъ живой организмъ съ его столь опредѣленно выраженной субординаціей второстепенныхъ мыслей главнымъ—является необходимой крупной единицей разсужденія, безъ которой построеніе доказательства, или повѣствованія, было бы такъ же затруднено, какъ сложныя алгебраическія вычисленія безъ заключенныхъ въ скобки полиномовъ. Она, наконецъ, должна быть *ритмична*; ударенія, опусканія голоса и паузы должны быть разставлены такъ, чтобы ни голосъ говорящаго, ни ухо слушающаго отъ этого не страдали. Не трудно убѣдиться, что всѣ эти шесть элементовъ художественной прозы, хотя и въ гораздо меньшемъ масштабѣ, даны уже народной словесностью; первый художникъ прозы (прошу позволенія пока считаться съ этой миѳической личностью) извлекъ ихъ оттуда, возвелъ на болѣе высокую степень и, путемъ аналогіи, приспособилъ къ своей сравнительно болѣе трудной задачѣ.

Итакъ, наблюденіе, абстракція, аналогія—вотъ три силы, съ помощью которыхъ создается художественная проза. Ясно, однако, что послѣдняя изъ нихъ, по способу своего дѣйствія, существенно отличается отъ первыхъ: вопросъ о *сознательности*, оставленный нами прежде въ состояніи безразличнаго равновѣсія, здѣсь безъ всякаго колебанія долженъ быть рѣшенъ утвердительно. Описанныя только-что шесть дѣйствій художника прозы высшаго стиля немыслимы безъ глубокой и сильной рефлексіи. Народная пѣсня или сказка можетъ быть актомъ безсознательнаго

творчества; но рѣчь, повѣствованіе, разсужденіе—постольку сознательны, поскольку и художественны.

Вотъ тѣ два соображенія, на основаніи которыхъ намъ дѣлается вполнѣ понятнымъ разсказъ о Горгіѣ и дѣйствіи его краснорѣчія на его „хорошо одаренныхъ природой и расположенныхъ къ рѣчамъ“ слушателей,—допуская, что онъ дѣйствительно былъ тѣмъ истиннымъ художникомъ прозы, какимъ мы, ради удобства, его до сихъ поръ считали. Но въ томъ-то и дѣло, что все извѣстное намъ о немъ заставляетъ насъ видѣть въ немъ не волшебника, а кудесника рѣчи; и прежде чѣмъ продолжать нашъ историческій очеркъ, мы должны нѣсколько остановиться на этомъ третьемъ и послѣднемъ предварительномъ пунктѣ.

Художественная рѣчь должна быть проникнута аффектомъ; художественная рѣчь должна быть сознательна. Согласуемы ли эти два требованія? Повидимому, нѣтъ; мы привыкли разумѣть подъ аффектомъ непосредственное, предшествующее сознательности и, слѣдовательно, безсознательное движеніе души. Дѣйствительно, указанная антиномія вызвала много споровъ въ ту эпоху, когда занятія человѣческой рѣчью и ея теоріей не считались еще „пустяками“, т.-е. въ эпоху древности; тогда же она и была благополучно разрѣшена. Рѣшеніе мы, своими словами, можемъ формулировать такъ: вдохновителемъ художественной рѣчи долженъ быть не первичный, а *сознательно воспроизведенный аффектъ*. Въ возможности такого сознательнаго воспроизведенія аффекта никто сомнѣваться не станетъ, кромѣ тѣхъ, которые никогда за собой не наблюдали. Отъ меня зависитъ дать моей фантазіи такое направленіе, чтобы передо мной воскресали, при самомъ яркомъ освѣщеніи, всѣ подробности когда-то раздражившаго меня событія; при этомъ воскресаетъ и самый аффектъ; я чувствую физическіе его симптомы: и учащенное сердцебіеніе, и приливъ крови къ лицу, и все прочее; но въ то же время сознательность не прерывается, умъ продолжаетъ работать, память запоминаетъ слова и обороты, которые мнѣ подсказываетъ гнѣвъ, и сочиненная при такихъ условіяхъ рѣчь будетъ въ то же время и проникнута аффектомъ, и сознательна. Таковъ исходъ изъ указанной антиноміи; это—исходъ единственный. Но—и тутъ мы приближаемся къ роковому пункту—онъ же содержитъ въ себѣ и величайшую для художника рѣчи опасность. Очень узка межа, отдѣляющая сознательное воспроизведеніе дѣйствительнаго аффекта отъ того, что̀ у насъ называютъ „самовзвинчиваніемъ“, и требуется немало такта и выдержки для того, чтобы ея не переходить. Самовзвинчиваніе можетъ быть

качественнымъ или количественнымъ, смотря по тому, вносимъ ли мы аффектъ туда, гдѣ ему съ точки зрѣнія нормальнаго человѣка быть не должно, или раздуваемъ умѣренный и здоровый аффектъ до крайнихъ и болѣзненныхъ размѣровъ; въ обоихъ случаяхъ теряется естественность рѣчи, а слѣдовательно и ея художественность; мы имѣемъ передъ собой прозу не художественную, а *искусственную*.

Разумѣется, искусственность заключается не въ одномъ этомъ: она можетъ касаться каждаго изъ вышеозначенныхъ шести элементовъ художественной прозы. Все же этотъ пунктъ самый существенный: остальное—болѣе или менѣе касается внѣшности, здѣсь же зараза проникаетъ въ самое сердце рѣчи. При этомъ надобно твердо помнить два факта. Первый—къ указанному самовзвинчиванію болѣе всего бываютъ склонны люди молодые, одаренные впечатлительнымъ сердцемъ и пылкой фантазіей. Второй—у здоровыхъ людей эта склонность проходитъ съ годами, не оставляя дурныхъ слѣдовъ на правдивости характера человѣка, и давая въ результатѣ немаловажную прибыль—быстрый полетъ мысли и гибкость языка.

Судя по всему, что̀ намъ извѣстно, Горгій, отецъ греческой художественной прозы, самъ говорилъ и писалъ не художественной, а именно искусственной прозой. Правда, та его рѣчь, которая произвела сильный переворотъ въ аѳинскомъ краснорѣчіи, намъ не сохранена; за то сохранены другія, болѣе мелкія, и онѣ вполнѣ подтверждаютъ сужденіе серьезныхъ писателей древности, упрекавшихъ его въ „манерности“ (cacozelia). Объ этой манерности переводъ можетъ дать лишь очень неполное представленіе, уже потому, что онъ не въ состояніи передать той особой, свойственной однимъ только древнимъ языкамъ, ритмичности, разсчитанной на очень своеобразное, пѣвучее произношеніе; все же будетъ небезполезно привести хоть одинъ образчикъ,—заключительную фразу изъ рѣчи въ честь павшихъ въ бою воиновъ. Перечисливъ ихъ достоинства, ораторъ заключаетъ: „Свидѣтелями этого были воздвигнуты трофеи надъ врагами, Зевсу на украшеніе, себѣ же на прославленіе; они не были незнакомы ни съ дарованной имъ отъ природы доблестью, ни съ дозволенной отъ закона любовью, ни съ браннымъ споромъ, ни съ яснымъ миромъ, были благочестивы передъ богами своей праведностью и почтительны передъ родителями своей преданностью, справедливы передъ согражданами своей скромностью и честны передъ друзьями своей вѣрностью; вотъ почему, когда они погибли, любовь къ нимъ не погибла съ ними, а, безсмертная въ безплот-

ныхъ тѣлахъ, она и теперь живетъ надъ неживущими". Прошу читателя, не долго останавливаясь на содержаніи, вникнуть немного въ построеніе этой фразы, въ ея строго проведенную „антитетичность": эти попарно соединенные члены, состоящіе изъ одинаковаго числа словъ (isokôlon), при чемъ симметричность подчеркивается и риторическими риѳмами въ окончаніи каждаго члена (homoeoteleuta), и тѣмъ, что стоящія на соотвѣтствующихъ мѣстахъ слова по возможности состоятъ изъ равнаго числа слоговъ,—эти члены, повторяю, сами собою напрашиваются на приподнятое и въ то же время модулированное произношеніе и поэтому очень ощутительны для слуха. Они-то, главнымъ образомъ, и сдѣлали имя Горгія популярнымъ среди тогдашнихъ аѳинянъ; аѳиняне, какъ „люди, прекрасно одаренные отъ природы и друзья рѣчи"—такъ ихъ аттестуетъ Діодоръ—стали пламенными поклонниками искусственной рѣчи сицилійскаго софиста. Гладкія антитезы („бритыя", какъ ихъ насмѣшливо называла тогдашняя комедія) стали необходимой приправой всякаго претендующаго на важность стиля: онѣ проникаютъ и въ политическое, и въ судебное краснорѣчіе, и въ серьезную исторію, и въ еще болѣе серьезную философію, и даже въ трагедію; только суровыя ступени ареопага остаются по прежнему недоступными для всякой попытки дать искусству мѣсто въ области правосудія. И насъ не удивляетъ этотъ молодой энтузіазмъ самаго даровитаго изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ: онъ иллюстрируетъ собою *первый* изъ обоихъ законовъ, касающихся соотношенія между искусственной и художественной рѣчью. Иллюстрацію же ко *второму* дала дальнѣйшая судьба художественной прозы на греческой почвѣ.

III.

Нашъ краткій очеркъ не можетъ касаться всѣхъ подробностей процесса, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь; интересуясь однѣми лишь руководящими идеями, мы по неволѣ оставляемъ въ сторонѣ болѣе или менѣе случайныя ихъ пертурбаціи, какую бы важность онѣ ни имѣли въ глазахъ историка словесности. Мы обошли молчаніемъ предшественниковъ Горгія, хотя для всякаго ясно, что такое крупное направленіе, какъ введенное имъ краснорѣчіе, не могло возникнуть внезапно и безъ подготовительныхъ явленій; равнымъ образомъ, мы не могли избѣгнуть того, чтобы Горгій казался единственнымъ установителемъ искусства прозы въ Аѳинахъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ все было иначе. Въ

этой неточности большой бѣды нѣтъ: пусть не всѣ шесть элементовъ художественной прозы восходятъ къ Горгію, пусть его славу, если только слава тутъ есть, съ нимъ раздѣляютъ его сверстники, имена которыхъ извѣстны спеціалистамъ,—но если и сама древность видѣла въ немъ начало и воплощеніе всего направленія, о которомъ мы говоримъ, то и намъ это можетъ быть дозволено.

Самъ Горгій былъ въ Аѳинахъ довольно рѣдкимъ гостемъ; но его манера свила себѣ тамъ довольно прочное гнѣздо. Вся молодежь была на его сторонѣ и толпилась вокругъ него въ тѣ дни, когда онъ навѣщалъ ея родину. Она-то и не давала остыть его славѣ; всякій разъ, когда изъ устъ боготворимаго учителя вылетала какая-нибудь мѣткая антитеза или смѣлая метафора,—когда онъ, говоря о персидскомъ царѣ, построившемъ для своего пѣшаго войска мостъ черезъ Геллеспонтъ и прорывшемъ для кораблей каналъ черезъ Аѳонъ, отчеканивалъ фразу, что этотъ царь *велъ сухопутную войну на морѣ и морскую на материкѣ*; или когда онъ, говоря о коршунахъ, называлъ ихъ *живыми могилами людей*—она неистово ему хлопала, и онъ могъ быть увѣренъ, что его фраза обойдетъ всю аѳинскую интеллигенцію и долго не будетъ забыта... Оно въ дѣйствительности такъ и вышло: оба только-что приведенныя выраженія Горгія нашли себѣ многочисленныхъ подражателей чуть ли не въ каждомъ столѣтіи позднѣйшей греко-римской литературы, а *живыя могилы* даже пережили ее и перешли къ Шекспиру, который отвелъ имъ очень эффектное мѣсто въ одномъ монологѣ своего Макбета. Правда, то была молодежь: что касается старцевъ, то объ ихъ настроеніи мы можемъ судить по пренебрежительному отношенію ареопага къ новому роду краснорѣчія, равно какъ и по насмѣшкамъ комедіи, этого всегдашняго вѣрнаго органа староаѳинской партіи. Съ однимъ, впрочемъ, трудно было не согласиться: пусть рѣчь Горгія искусственна, дѣланна, не искрення, пусть его муза—блудница (какъ ее позднѣе не разъ называли) и слова ея—пускай звонъ колокольчиковъ; все же его техника была громадна, и эта *техническая* сторона его краснорѣчія могла имѣть очень большое воспитательное значеніе. Сколько въ народѣ истиннаго, горячаго чувства, способнаго, кажется, двинуть горы, но его носителю необходимо найти средство выразить его, вмѣсто того, чтобы безпомощно заглушать въ своей груди! А тутъ предлагаютъ самое средство, предлагаютъ форму, алчущую содержанія; неужели народу отъ этого дара отказаться? И вотъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше вкореняется убѣжденіе, что

Горгіеву краснорѣчію мѣсто въ *школѣ*, что будетъ очень недурно, если подростающая молодежь научится, благодаря его техникѣ, легко и изящно пользоваться словомъ; если она обойдетъ вдоль и поперекъ всю область мысли, на полозьяхъ его антитезъ; со временемъ же жизнь возьметъ свое, и когда послѣ легковѣснаго хвороста школьныхъ темъ дѣло дойдетъ до солиднаго дерева дѣйствительности, то и бурное, трескучее и искрометное пламя краснорѣчія само собой прекратится и дастъ тихій, ровный и надежный жаръ. Были ли правы поборники этого оптимистическаго взгляда на риторику? У нихъ были и противники, сильные если не количествомъ, то качествомъ—не забудемъ, что къ нимъ принадлежалъ Сократъ,—и они съ тревогой указывали на соблазнъ, заключающійся въ неограниченной власти надъ словомъ; устоитъ ли неокрѣпшій еще въ добрѣ умъ юноши, когда ему дадутъ въ руки средство, одинаково пригодное для дурныхъ, какъ и для хорошихъ цѣлей? Вы предлагаете ему „форму, алчущую содержанія", не спрашивая его о томъ, какимъ содержаніемъ ему угодно будетъ ее наполнить; а что̀, если это будетъ содержаніе дурное, опасное для свободы и добрыхъ нравовъ родины? На это, однако, оптимисты отвѣчали: „Это—другое дѣло! Вѣдь вы заботитесь же о развитіи физическихъ силъ своихъ сыновей, обучаете ихъ и борьбѣ, и кулачному бою, но и тутъ учитель передаетъ имъ только технику, не спрашивая ихъ, какой цѣли они посвятятъ пріобрѣтенныя ими ловкость и силу. А что̀, если это будетъ дурная цѣль, если обученный кулачному бою юноша воспользуется своимъ умѣньемъ для того, чтобы прибить отца и мать? Вы вѣдь не будете пенять на учителя гимнастики и на его искусство, а сочтете виновными самихъ себя, за то, что не дали своему сыну болѣе нравственнаго направленія. То же самое и здѣсь".

Таковъ былъ отвѣтъ приверженцевъ новой школьной дисциплины, съ которыми мы можемъ согласиться тѣмъ смѣлѣе, что насъ здѣсь интересуетъ только эстетическая, а не нравственная сторона вопроса. „Софистическое" краснорѣчіе основалось въ школѣ и завоевало себѣ въ ней даже первое мѣсто; начиная съ эпохи Горгія, оно было тѣмъ родникомъ, который орошалъ ниву аѳинскаго, а вскорѣ и обще-греческаго слова на всемъ ея протяженіи. И смотря по большему или меньшему обилію орошающей влаги, возникаютъ—ниже приподнятой „школьной" витіеватости съ ея дѣланнымъ паѳосомъ, но выше ползучей гражданской рѣчи съ ея отсутствіемъ всякаго аффекта—различныя направленія художественной—и на этотъ разъ дѣйствительно худо-

жественной—прозы. Въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х., видѣвшемъ расцвѣтъ поэзіи, идеалъ прозы достигнутъ еще не былъ. Правда, мы встрѣчаемъ въ немъ могучую личность историка Ѳукидида; но Ѳукидидъ интересенъ для насъ именно тѣмъ, что онъ, какъ художникъ стиля, олицетворяетъ собой борьбу, броженіе, а не спокойное обладаніе достигнутымъ идеаломъ. То онъ подчиняется манерѣ Горгія,—и мы встрѣчаемъ у него такія же выточенныя фразы, какъ приведенныя выше изъ надгробной рѣчи послѣдняго; то у него мелькаетъ мысль, что частичнымъ нарушеніемъ симметріи можно сильнѣе оттѣнить понятія, чѣмъ черезчуръ строгою уравновѣшенностью членовъ предложенія. Онъ сознаетъ, что греческій языкъ, съ его обиліемъ союзовъ, съ его множествомъ причастныхъ и другихъ конструкцій, такъ и напрашивается на стройную періодизацію; но его попытки въ этомъ направленіи еще несовершенны, его періоды зачастую лишены перспективы, и даже древніе сознавали, что въ нихъ разбираться не легко. Конечно, его очень любили, и онъ въ высокой степени стòитъ этой любви и понынѣ: нѣтъ писателя, болѣе приспособленнаго къ такому, такъ сказать, перемежающемуся чтенію, при которомъ читатель, прочитавъ нѣсколько фразъ, останавливается и невольно задумывается про себя—а мы справедливо ставимъ на счетъ своихъ собесѣдниковъ тѣ хорошія мысли, на которыя они насъ наводятъ. И если мы говоримъ, что стиль Ѳукидида тяжелъ, то мы должны помнить, что онъ преисполненъ *мысли.*

Къ тому же, это—историкъ; стиль же долженъ былъ выработаться прежде всего въ области краснорѣчія, такъ какъ только въ ней бываетъ на лицо требуемое разнообразіе сюжетовъ при единствѣ темы; только здѣсь творчество является полнымъ, обнимая и сочиненіе, и произнесеніе; только здѣсь, наконецъ, при взаимодѣйствіи между говорящимъ и его слушателями, дѣлается возможнымъ контроль ораторской техники, при помощи живой дѣйствительности. И вотъ, при умѣренномъ еще орошеніи нивы слова родникомъ софистической техники, расцвѣтаетъ первый скромный цвѣтокъ аттическаго краснорѣчія—*строгій* стиль оратора Лисія. Этотъ стиль немногимъ, повидимому, отличался отъ того, который былъ допускаемъ передъ судомъ ареопага; мы находимъ въ немъ всѣ элементы художественной рѣчи, но находимъ ихъ въ сравнительно слабой мѣрѣ: ораторъ больше стремится къ отчетливости рисунка, чѣмъ къ яркости колорита. Чтобы избѣгнуть пышности, онъ не даетъ разгораться аффекту; чтобы избѣгнуть темноты, онъ не строитъ сложныхъ періодовъ. Старательно приспособивъ свою задачу къ своимъ силамъ, онъ справился съ нею

вполнѣ и достигъ въ своемъ родѣ совершенства, какъ достигли его и родственные ему по направленію итальянскіе художники XV вѣка, предшественники Рафаэля, цѣломудренная красота которыхъ насъ плѣняетъ до тѣхъ поръ, пока мы не вспомнимъ о „станцахъ“ Ватикана и о сивиллахъ сикстинской капеллы. Въ обоихъ случаяхъ, однако, искусство двинулось впередъ, къ другимъ идеямъ, достиженіе которыхъ стало возможнымъ лишь при усиленномъ дѣйствіи того родника, который, въ обоихъ случаяхъ, орошалъ обработываемую художникомъ ниву—при усиленномъ дѣйствіи школы.

Представителемъ школы краснорѣчія въ Аѳинахъ IV вѣка былъ Исократъ; его имя не можетъ быть пропущено ни въ одномъ очеркѣ развитія художественной прозы. Онъ былъ ученикомъ Горгія и у него позаимствовалъ технику рѣчи; будучи природнымъ аѳиняниномъ, онъ имѣлъ полное право принимать непосредственное участіе въ политической жизни своей родины, но физическій недостатокъ не позволялъ ему выступать публично ораторомъ, и онъ посвятилъ себя школѣ. Все же его краснорѣчіе стояло ближе къ жизни и было менѣе искусственнымъ, чѣмъ краснорѣчіе его учителя; онъ отказался отъ многихъ внѣшнихъ средствъ, которыми такъ любилъ пользоваться Горгій, зато— и въ этомъ его главная заслуга передъ потомствомъ—онъ сосредоточилъ свое вниманіе на періодизаціи. Лишь благодаря его трудамъ въ этомъ направленіи, греческій языкъ выказалъ все свое богатство, все разнообразіе своихъ конструкцій; обдуманно группируя второстепенные элементы рѣчи вокругъ главныхъ, онъ подготовилъ своимъ слушателямъ цѣлыя вереницы періодовъ, легкихъ, просторныхъ и ясныхъ отъ одного края до другого, подобно колоннадамъ тѣхъ портиковъ, которые окружали площадь ихъ родного города. Теперь только было создано орудіе, котораго недоставало строгому стилю Лисія и его современниковъ; форма рѣчи достигла своего совершенства и нуждалась только въ содержаніи для того, чтобы былъ осуществленъ новый идеалъ красоты. Содержаніе это было недалеко, его могла дать политическая жизнь аѳинянъ, всѣми силами старавшихся тогда возстановить свое утерянное главенство среди греческихъ государствъ; но не Исократу, представителю школы, было дано совершить требуемое сліяніе искусства и жизни. Это было дѣломъ послѣднихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшихъ изъ политическихъ ораторовъ свободныхъ Аѳинъ—Демосѳена и Эсхила. Намъ, конечно, трудно становиться на точку зрѣнія чистаго искусства по отношенію къ людямъ, игравшимъ столь важную и столь роковую роль въ исторіи гибели своей родины;

тѣмъ не менѣе такое ограниченіе горизонта здѣсь необходимо. Для историка художественной прозы, Демосѳенъ и Эсхилъ, эти два непримиримыхъ врага, стоятъ рядомъ,—первый, какъ представитель *сильнаго*, второй—какъ представитель *прекраснаго* стиля въ искусствѣ рѣчи, и сравненіе съ Діоскурами итальянской живописи напрашивается само собой.

Аѳины никогда не могли оправиться отъ удара, нанесеннаго имъ Филиппомъ; никакая призрачная самостоятельность не могла дать имъ политической жизни, а стало быть и ихъ краснорѣчію—то содержаніе, которымъ были такъ богаты оба предъидущихъ столѣтія. Объ остальныхъ греческихъ государствахъ и говорить нечего; таковъ былъ уже характеръ античныхъ народовъ, что только политическая независимость и республиканское равноправіе могли служить надежной, живительной атмосферой для талантовъ. Особенно же это касается художественной прозы: ея главнымъ органомъ была живая рѣчь, рѣчь оратора, свободно говорящаго передъ свободными согражданами въ народномъ собраніи, или въ засѣданіи суда; она была потому неразрывно связана съ политическою жизнью, въ которой примѣнялось и провѣрялось пріобрѣтенное въ школѣ умѣнье.

Теперь жизнь отошла, а школа осталась. Что̀ было дѣлать ученику, усердно изучившему подъ руководствомъ своего учителя техническую сторону краснорѣчія, основательно овладѣвшему этой „формой, алчущей содержанія", но не находившему въ жизни содержанія для нея? Если онъ не хотѣлъ замолкнуть—а къ этому эллины теперь уже были неспособны—ему оставалось только одно:—продолжать въ жизни то, что̀ онъ дѣлалъ въ школѣ, сосредоточиться на формѣ, выработать ее до виртуозности, а затѣмъ—собирать вокругъ себя аудиторію досужихъ людей не для того, чтобы передать имъ какое-нибудь серьезное поученіе или вынудить у нихъ то или другое рѣшеніе, а только для того, чтобы служить предметомъ ихъ восторженнаго удивленія. Такъ оно и случилось. Параллелью и тутъ можетъ служить исторія живописи, манерность XVII вѣка, но пожалуй еще лучше—вслѣдствіе своей бо̀льшей близости къ намъ—развитіе инструментальной музыки, послѣ Шумана и Шопена. Въ этихъ двухъ геніяхъ инструментальная музыка досказала то, что̀ она имѣла сказать нашей душѣ: отнынѣ она обращается къ нашему уху. Виртуозы выступаютъ публично, въ концертахъ, и стараются поразить насъ своей техникой; и мы идемъ слушать ихъ, не справившись даже предварительно, что̀ они будутъ намъ играть—до такой степени намъ стало безразлично содержаніе. Попробуйте

сказать, что вамъ содержательная вещь стараго репертуара въ исполненіи даже какой-нибудь почтенной посредственности интереснѣе, чѣмъ виртуозно-исполненные современные пустяки—и васъ сочтутъ выходцемъ съ другой планеты. Быть можетъ, это и хорошо; быть можетъ, это увлеченіе техникой — необходимое условіе для какого-нибудь возрожденія музыки, которое намъ готовитъ двадцатый вѣкъ; во всякомъ случаѣ, переживаемый нами нынѣ періодъ музыкальной риторики поможетъ читателю разобраться въ совершенно аналогичномъ риторическомъ краснорѣчіи, распространившемся по всей Греціи въ III вѣкѣ до Р. Х.

Краснорѣчіе это мы называемъ „*азіанизмомъ*"; названіе это было ему дано потому, что его представители были бо̀льшею частью родомъ изъ Малой Азіи. Характеризовать его нѣтъ надобности послѣ того, что̀ было сказано выше; читатель уже знаетъ, что имѣетъ здѣсь дѣло не съ художественной, а съ искусственной прозой. Впрочемъ, уже древніе различали въ немъ не одинъ, а два различныхъ стиля; слѣдуя ихъ указаніямъ,—а мы вынуждены это сдѣлать, такъ какъ ни одинъ изъ представителей азіанизма намъ не сохраненъ; и мы можемъ назвать одинъ изъ нихъ *игривымъ*, а другой—*пышнымъ* стилемъ. Игривый стиль тѣсно примыкаетъ къ манерѣ Горгія: тѣ же краткіе члены, состоящіе изъ двухъ или трехъ словъ, съ очень замѣтнымъ ритмомъ. Пышный стиль, напротивъ, примыкаетъ къ Исократу; онъ отдаетъ предпочтеніе длиннымъ, сложнымъ періодамъ. Общимъ признакомъ ихъ была безсодержательность и фальшивый паѳосъ, одинаково свойственный и слащавой граціи перваго, и ходульной высокопарности второго стиля; все же, если сравнивать между собой обѣ манеры въ отношеніи ихъ воспитательнаго значенія, то предпочтеніе придется отдать второму. Пышный стиль былъ хорошъ хотя тѣмъ, что сохранилъ всѣ выработанныя предъидущими поколѣніями техническія преимущества, между тѣмъ какъ игривый носилъ на себѣ явные признаки вырожденія.

Задавшись цѣлью прослѣдить главное теченіе исторіи греческой художественной прозы, мы по неволѣ, какъ было замѣчено выше, должны оставить въ сторонѣ ея побочные каналы. Но одинъ изъ нихъ заслуживаетъ хоть краткаго упоминовенія. Политическая жизнь, постепенно умиравшая на греческомъ материкѣ, сохранилась, однако, на островѣ Родосѣ; родосская республика крѣпла и развивалась и пріобрѣла впослѣдствіи могущество, напоминающее нѣсколько могущество Венеціи въ средніе вѣка. Здѣсь, стало быть, было открыто убѣжище художественному краснорѣчію; и дѣйствительно, мы знаемъ, что Эсхинъ, послѣ паденія

Аѳинъ, перешелъ туда и сталъ тамъ учителемъ родосской молодежи, которая, такимъ образомъ, познакомилась съ его „красивымъ“ стилемъ. Много объ его послѣдователяхъ говорить не приходится; но необходимо помнить, что пока азіанизмъ торжествуетъ во всемъ греческомъ мірѣ, художественное краснорѣчіе красиваго стиля продолжаетъ существовать въ Родосѣ.

Реакція противъ „азіанизма“ наступила во II-мъ вѣкѣ; ея возникновеніе находится въ связи съ успѣхами греческой филологіи. Долгое время греческая муза беззаботно творила, счастливая въ сознаніи богатства своей творческой силы; теперь же сила стала убывать, и греческая муза озабоченно оглядывается назадъ, чтобы собрать тѣ дары, которые она раньше легкомысленно расточала повсюду. Основываются библіотеки, начинается изученіе сокровищъ, стекавшихся въ ихъ широкія хранилища. Изученіе коснулось, что̀ и понятно, прежде всего поэтическихъ памятниковъ, какъ наиболѣе трудныхъ и цѣнныхъ; но вскорѣ очередь дошла и до прозаиковъ. Прошло нѣсколько десятилѣтій, и старательное изученіе вызвало потребность подражанія. Въ этомъ ясно формулированномъ требованіи,—а именно, чтобы позднѣйшая проза признала образцомъ для себя художественную прозу давнопрошедшихъ временъ,—заключалась означенная реакція противъ азіанизма, который только теперь получилъ эту презрительную кличку; а такъ какъ образцами были объявлены — и относительно этого не могло быть колебанія — аттическіе писатели IV вѣка, то и новое направленіе было названо *аттицизмомъ*. Его возникновеніе имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую судьбу греческой прозы: *все ея развитіе было обусловлено борьбою аттицизма съ азіанизмомъ.*

Которая же изъ этихъ двухъ борющихся сторонъ болѣе заслуживаетъ симпатій? На первый взглядъ, отвѣтъ не представляется сомнительнымъ. Съ одной стороны—стиль строгій, стиль сильный, стиль красивый, съ другой—выборъ между двумя болѣзненными манерами, игривой и пышной; съ одной стороны—художественность, основанная на естественности, съ другой—искусственность. Все же, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ характеромъ новаго направленія, симпатіи къ нему должны сильно охлаждаться. Причины такого охлажденія три.

Первая—принципіальнаго характера и стоитъ въ ближайшей связи съ самой идеей прогресса. Есть два предразсудка, которые, будучи противоположны другъ другу, одинаково гибельно вліяютъ на умственный прогрессъ: одинъ состоитъ въ томъ, что идеалъ прошлаго объявляется чѣмъ-то отжившимъ и несовмѣстимымъ

съ живою дѣятельностью, требующею, будто бы, для своего благополучія возможно скораго и полнаго отреченія отъ него; другой—въ томъ, что этотъ идеалъ объявляется, наоборотъ, нормой, въ рамкѣ котораго должна укладываться дѣйствительность. Среднее между этими двумя предразсудками мѣсто занимаетъ истина, гласящая, что идеалъ прошлаго не долженъ быть забытъ, онъ долженъ вліять на современную намъ дѣйствительность, *но не какъ норма, а лишь какъ сѣмя*, для того, чтобы оплодотворяться имъ. Древности, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, эта истина не была безъизвѣстна; но именно аттицисты ея не знали. Ихъ лозунгомъ было *подражаніе*: вы будете—думали они —тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе съумѣете приблизиться къ великимъ образцамъ прошлаго. Но только приблизиться; что же касается того, чтобы достигнуть ихъ, то объ этомъ и думать было нечего, это было совершенно невозможно,—и въ этомъ отношеніи они были, разумѣется, правы. Итакъ, первымъ недостаткомъ новаго направленія было то, что оно заранѣе дѣлало невозможнымъ всякую оригинальность въ области художественной прозы.

Второй недостатокъ носилъ на себѣ болѣе практическій характеръ. Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ художественной прозы былъ, какъ мы видѣли, подборъ словъ,—оно и понятно. Художникъ прозы долженъ отдавать себѣ отчетъ въ характерѣ употребляемыхъ имъ словъ, въ ихъ вѣсѣ и, если можно такъ выразиться, въ ихъ тембрѣ, т.-е. въ характерѣ возбуждаемыхъ ими побочныхъ представленій и чувствъ. Эти побочныя представленія въ умѣ чуткаго слушателя невольно сливаются съ главнымъ; у художника рѣчи—что слово, то аккордъ, и слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы аккордъ этотъ не сдѣлался диссонансомъ. Съ этой точки зрѣнія забота о старательномъ подборѣ словъ вполнѣ разумна; трудно подъискать и въ воспитательномъ отношеніи болѣе развивающее упражненіе. Но не такъ отнеслись къ этому вопросу аттицисты. Въ ихъ глазахъ важно было прежде всего, чтобы не допускалось въ художественную рѣчь ни одно слово, которое не могло бы быть узаконено ссылкой на аттическіе образцы. Чтобы понять всю стѣснительность этого запрета, нужно припомнить, что между этими образцами и современностью аттицистовъ лежалъ промежутокъ въ два столѣтія, во время которыхъ аттическій языкъ успѣлъ сдѣлаться обще-греческимъ, а греческій—міровымъ; понятно, что языкъ этотъ не могъ не измѣниться самымъ существеннымъ образомъ: тотъ говоръ, который въ IV-мъ вѣкѣ былъ еще живымъ, теперь сталъ книжнымъ. Но вотъ

онъ подвергается серьезному, усиленному изученію; создаются словари, въ которыхъ аттическія слова сопоставляются съ соотвѣтствующими имъ по значенію „эллинскими“, т.-е. общегреческими; появляются виртуозы памяти, видящіе свою гордость въ томъ, чтобъ экспромптомъ отвѣчать на заданный имъ вопросъ, встрѣчается ли данное слово у аттическаго писателя, и если да, то гдѣ именно. Нѣтъ спора, что въ этомъ была и своя хорошая сторона: аттическій языкъ обладалъ многими достоинствами, которыхъ общегреческій не сохранилъ; онъ былъ самобытнѣе, поэтичнѣе, глубокомысленнѣе, въ немъ геній эллинской рѣчи слышался яснѣе и внятнѣе. Все это вполнѣ оправдывало бы его старательное изученіе, но аттицисты этимъ не удовольствовались; они воздвигли произвольную стѣну между художественной прозой своихъ послѣдователей и языкомъ живой дѣйствительности, и этимъ осудили первую на вѣчное прозябаніе въ холодномъ полумракѣ искусственности.

Третій недостатокъ обусловливался самимъ реакціоннымъ характеромъ аттицизма. Разъ азіанизмъ былъ преданъ анаѳемѣ—было дано, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣрило для сравнительной оцѣнки самихъ образцовыхъ писателей,—мѣрило простое и радикальное: они были тѣмъ лучше и тѣмъ образцовѣе, чѣмъ менѣе они были похожи на азіанцевъ и—наоборотъ. Съ этой точки зрѣнія, Эсхинъ и даже Демосѳенъ казались не совсѣмъ благонадежными; наиболѣе восторгались строгимъ стилемъ Лисія, и особаго рода иронія судьбы заключалась въ томъ, что этотъ человѣкъ, не бывшій даже по происхожденію аѳиняниномъ, былъ объявленъ прямымъ воплощеніемъ духа аттической рѣчи. Конечно, эти „прерафаэлиты“ аттицизма, если можно такъ выразиться, составляли крайнее крыло партіи; ядро ея образовали люди разумные, умѣренные, находившіе хорошимъ все, что̀ носило печать аттическаго духа, и по общему характеру своему аттицизмъ, если допускать иллюстрацію изъ исторіи живописи, можетъ быть скорѣе всего сопоставленъ съ болонской школой Карраччи и прочихъ эклектиковъ; какъ эта послѣдняя, вооружаясь противъ манерности своего вѣка, рекомендовала старательное изученіе великихъ мастеровъ Возрожденія, такъ и аттицизмъ съ его призывомъ къ подражанію ораторамъ IV-го вѣка былъ протестомъ противъ излишествъ азіатизма, грозившаго изгнать правдивость и серьезность изъ греческой прозы.

IV.

„Азіанизмъ“ и „аттицизмъ“ были охарактеризованы нами въ предъидущей главѣ сами по себѣ, съ точки зрѣнія того значенія, которое они имѣли для своей среды и своего времени. Но не въ этомъ ихъ единственное значеніе: разгаръ борьбы этихъ двухъ направленій совпалъ съ тѣмъ временемъ, когда грубый до тѣхъ поръ, но сильный и жаждущій образованія Римъ сталъ все ближе и ближе знакомиться съ греческимъ духовнымъ міромъ и готовиться къ своей памятной роли посредника между древней и новой цивилизаціей. Уже въ первомъ столѣтіи до Р. Х. Римъ, по словамъ одного изъ главныхъ представителей аттицизма, Діонисія Галикарнасскаго, *заставлялъ всѣ города обращать на него свои взоры;* каково бы ни было, само по себѣ, то или другое направленіе въ тогдашней Греціи, его міровое значеніе зависѣло отъ вліянія, которое оно способно было оказать на тогдашній Римъ.

При этомъ слѣдуетъ прежде всего сознаться, что матеріальныя преимущества были на сторонѣ азіанизма. Онъ былъ на цѣлое столѣтіе старше; знакомство Рима съ Греціей началось въ эпоху пуническихъ войнъ, когда аттицизма еще на свѣтѣ не было. Такимъ образомъ, азіанизмъ могъ пользоваться всѣми выгодами, которыя даетъ инерція, но главное было то, что азіатизмъ былъ силенъ техникой, а аттицизмъ—образцами. Техника—это сводъ правилъ, выработанныхъ съ замѣчательной тщательностью многими поколѣніями юристовъ, философовъ и риторовъ; о ней было написано много томовъ, но она же, упрощенная до крайности для потребностей школы, удобно умѣщалась въ небольшой брошюркѣ, которую можно было безъ особаго труда перевести и на другой языкъ. Напротивъ, образцы—это Лисій, Демосѳенъ, Эсхинъ, перевести которыхъ по-латыни было нелегко, да и безполезно, такъ какъ они при этомъ переводѣ потеряли бы тотъ свой ароматъ, которымъ болѣе всего дорожили аттицисты. Другими словами: азіанизмъ былъ возможенъ и въ переводѣ на латинскій языкъ; аттицизмъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, къ родной ему почвѣ греческаго языка.

Казалось бы, что при этихъ условіяхъ побѣда азіанизма въ Римѣ была обезпечена; тѣмъ не менѣе вышло иначе, хотя и не такъ скоро.

Тутъ впервые вступаетъ въ силу то, что̀ мы можемъ теперь назвать *западной* точкой зрѣнія на способъ усвоенія чужой куль-

туры. Дѣйствительно, культура—мы говоримъ здѣсь о культурѣ умственной—есть прежде всего содержаніе и интересуетъ насъ именно какъ таковое; но, будучи содержаніемъ, она тѣмъ не менѣе болѣе или менѣе тѣсно связана съ формой, въ которую она влита въ данную минуту. Во взглядахъ на важность этой *связи* и усматривается разница между востокомъ и западомъ. Западъ проникнутъ уваженіемъ къ ней; ему нужно содержаніе вмѣстѣ съ формой, т.-е. съ языкомъ того народа, отъ котораго онъ получаетъ культуру. Востокъ же говоритъ своему народу-учителю:—дай мнѣ содержаніе, переливъ его предварительно въ мою форму, а свою оставь себѣ; она мнѣ не нужна.

Римъ потребовалъ содержанія вмѣстѣ съ формой, и случилось это слѣдующимъ образомъ.

Въ началѣ, идея культурнаго воздѣйствія Греціи на Римъ встрѣтила въ этомъ послѣднемъ столько же сопротивленія, сколько и сочувствія: Сципіоны съ жадностью воспринимали сѣмена греческой цивилизаціи, но зато вождь староримской партіи, Катонъ Старшій, брезгливо ея чуждался и ничего хорошаго отъ ея прививки къ Риму не ожидалъ.—„*Дай только этому народу передать намъ свою литературу*,—говорилъ онъ пророчески своему сыну,—*и онъ въ корень насъ растлитъ*“. Природа и исторія надѣлили самобытный языкъ Рима неподражаемой силой и выразительностью, чѣмъ и приспособили его на всѣ времена быть языкомъ девизовъ и эпиграфовъ; эти качества, столь ярко сказывающіяся въ языкѣ законовъ XII таблицъ, выступали еще ярче при сравненіи съ рѣчью словоохотливой Греціи. Контрастъ былъ поразителенъ; греческіе толмачи должны были прибѣгать къ цѣлымъ предложеніямъ для передачи того, что̀ Катонъ выражалъ однимъ словомъ; „*это происходитъ отъ того*,—гордо пояснялъ онъ,—*что у насъ слова вытекаютъ изъ сердца, а у васъ — изъ устъ*“. Но время брало свое, и время было живое; великія дѣла рѣшались въ сенатѣ и въ народномъ собраніи, и рѣшались при помощи краснорѣчія. Можно было обойтись безъ теоретическихъ разсужденій тамъ, гдѣ ежедневный опытъ указывалъ вѣрный путь; а какого рода былъ этотъ опытъ—видно изъ того, что подъ-конецъ самъ Катонъ сталъ учиться по-гречески и слѣдовать въ своихъ рѣчахъ указаніямъ греческой техники. Этимъ онъ достигъ того, что съ его имени начинается исторія римскаго краснорѣчія, какъ и римской художественной прозы вообще; понятно, однако, что здѣсь слово „художественность“ должно быть понимаемо въ очень условномъ смыслѣ. Его рѣчи—намъ отъ нихъ сохранилось довольно много—представляютъ изъ себя замѣча-

тельную смѣсь зрѣлаго и дѣльнаго содержаніе съ ученической иногда формой. Такъ, чтобы дать представленіе о послѣдней, онъ основательно затвердилъ правило, что понятіе выигрываетъ въ силѣ, если его передать не однимъ, а двумя (или тремя) род ственными по содержанію словами; но онъ примѣняетъ его иногда слѣдующимъ образомъ: „я знаю, что у большинства людей, подъ вліяніемъ счастья, успѣха и благополучія, духъ окрыляется и ихъ гордость, и высокомѣріе увеличивается и ростетъ"...

Все же Катономъ староримская плотина была окончательно прорвана; греческое краснорѣчіе позже вливается въ столицу міра—и на первыхъ порахъ, именно, краснорѣчіе азіанское. Конечно, въ Римѣ республиканской эпохи азіанизмъ не могъ быть той чисто-технической виртуозностью, какою онъ былъ въ тогдашней Греціи: сама жизнь наполняла его содержаніемъ. Мы знаемъ, что знаменитый Кай Гракхъ имѣлъ учителемъ азіанца, и сохранившіеся отрывки его рѣчей вполнѣ доказываютъ азіанскій характеръ его краснорѣчія; все же, несчастный трибунъ, въ моментъ разрушенія всѣхъ надеждъ его жизни, такъ взываетъ къ измѣняющему ему народу: „Куда мнѣ обратиться, гдѣ искать убѣжища? Въ Капитоліѣ? Онъ обагренъ кровью моего брата. Или дома? Чтобы видѣть въ слезахъ и горѣ мою несчастную мать"? Въ этомъ воззваніи пріобрѣтенная долгимъ навыкомъ техника участвовала въ такой же мѣрѣ, какъ и истинное чувство.

Но Кай Гракхъ еще учился у грека—это значитъ, что онъ, предварительно овладѣвъ греческимъ языкомъ въ совершенствѣ, долгое время, параллельно съ изученіемъ теоріи, упражнялся подъ руководствомъ своего учителя въ „декламаціяхъ", т.-е. школьныхъ рѣчахъ на вымышленныя темы. Ту же школу прошелъ и глава слѣдующаго поколѣнія римскихъ ораторовъ, Крассъ; школа эта, несмотря на азіанскую закваску, была серьезна и плодотворна; разъ ознакомившись основательно съ греческимъ языкомъ, молодой ораторъ открывалъ себѣ доступъ и къ греческой литературѣ, въ которой онъ находилъ, и помимо образцовъ краснорѣчія, массу образовательнаго матеріала. Такъ, мы знаемъ о Крассѣ, что онъ, вышедши изъ азіанской школы, тѣмъ не менѣе былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и, что̀ еще важнѣе, признавалъ и проповѣдовалъ необходимость общаго образованія также и для оратора. Но уже при его жизни доступъ къ краснорѣчію былъ римлянамъ значительно облегченъ. Мы видѣли, что сила азіанизма заключалась именно въ легкости, съ которой онъ могъ быть перелитъ въ языкъ другого народа; при все увеличивающемся спросѣ на краснорѣчіе въ Римѣ было бы удиви-

тельно, если бы онъ этой своей силой не воспользовался. Греческіе отпущенники (т.-е. первоначально рабы греческаго происхожденія, въ совершенствѣ изучившіе латинскій языкъ въ домѣ своихъ римскихъ господъ, а затѣмъ отпущенные ими на волю, и ихъ сыновья), были естественными посредниками между греческимъ и римскимъ культурнымъ міромъ; и вотъ въ Римѣ возникаетъ и, при благосклонномъ къ нему отношеніи публики, все увеличивается классъ такъ-называемыхъ латинскихъ риторовъ. Они учили по-латыни и могли, поэтому, принимать всякаго; въ основаніе своего обученія они клали тощій учебникъ, переведенный ими съ греческаго; тамъ ученики находили правила риторической техники и примѣры къ нимъ—послѣдніе, впрочемъ, иногда были сочинены самими учителями, что̀ и заявлялось тогда съ подобающимъ апломбомъ. Такъ явилось „содержаніе безъ формы", ученіе безъ создавшаго его языка; въ виду чисто техническаго характера этого содержанія, его можно, съ другой точки зрѣнія, назвать также формой безъ содержанія; но мы здѣсь говоримъ не о томъ—содержаніе безъ формы предлагалось Риму на самыхъ сходныхъ условіяхъ; можно ли было ожидать, что онъ его отвергнетъ?

И все-таки онъ его отвергъ—отвергъ эдиктомъ своихъ цензоровъ 91 года, однимъ изъ которыхъ былъ вышеназванный ораторъ Крассъ. Эдиктъ этотъ столь своеобразенъ и интересенъ, что его не лишне будетъ привести полностью; вотъ онъ: „*Намъ докладываютъ, что появились распространители новаго рода образованія, созывающіе молодежь къ себѣ въ школу; они называютъ себя латинскими риторами и держатъ у себя молодежь по цѣлымъ днямъ. Наши предки указали и предметы обученія для своихъ дѣтей, и школы, какія имъ слѣдуетъ посѣщать; эти нововведенія противныя нашимъ обычаямъ и завѣтамъ предковъ, не заслуживаютъ одобренія и представляются неправильными. Поэтому мы сочли нужнымъ объявить наше мнѣніе и содержателямъ этихъ школъ, и ихъ посѣтителямъ—именно, что мы этого дѣла не одобряемъ*"... Не подлежитъ сомнѣнію, что Крассомъ и его коллегой руководили отчасти и соображенія политическаго характера. Краснорѣчіе было политической силой; прикрѣпляя ее къ греческому языку, они отнимали ее у демократовъ, или во всякомъ случаѣ сосредоточивали въ рукахъ аристократической партіи. Но все, что̀ мы знаемъ о Крассѣ и его взглядахъ на образованіе, доказываетъ намъ, что на первомъ планѣ у него стояли именно вышеуказанныя мысли: „латинскіе риторы" были невѣждами и воспитывали невѣждъ; только дѣй-

ствительно образованному человѣку можно было безъ опасеній ввѣрить оружіе краснорѣчія, и только знаніе греческаго языка открывало доступъ къ образованію. Такъ объясняется это едва ли не единственное въ своемъ родѣ событіе: въ 91 г., Римъ закрылъ у себя всѣ латинскія школы краснорѣчія, оставляя однѣ только греческія. Пришлось воспитанникамъ латинскихъ школъ искать себѣ другихъ учителей; это было очень важно, такъ какъ въ ихъ числѣ былъ и Цицеронъ.

Этимъ былъ положенъ предѣлъ исключительному вліянію азіанизма; но самъ онъ не былъ еще свергнутъ, его только стало убывать. Нѣкоторое время онъ, однако, держался; подобно Крассу и его ближайшій преемникъ, „царь судовъ", Гортензій, былъ азіанцемъ; азіанцемъ былъ еще и Цицеронъ въ началѣ своей судебной дѣятельности. Повидимому, онъ имѣлъ охоту остаться таковымъ, когда онъ, послѣ первыхъ шаговъ въ Римѣ, отправился въ Грецію кончать свое высшее образованіе: главной цѣлью его поѣздки была Малая Азія; главные учителя, лекціи которыхъ онъ посѣщалъ, были наиболѣе знаменитые представители азіанизма того времени. Но онъ навѣстилъ также и сосѣдній съ Азіей Родосъ; а тамъ, какъ мы видѣли выше, еще существовало, одинаково свободное и отъ азіанской манерности, и отъ аттической сухости, живое продолженіе „красиваго" стиля Эсхина, носившее названіе „родосскаго стиля". Къ нему-то и пристрастился Цицеронъ; когда онъ вернулся въ Римъ, онъ, по собственному признанію, былъ другимъ человѣкомъ. Школа азіанизма, при всѣхъ своихъ излишествахъ, не осталась, впрочемъ, безъ хорошаго вліянія на него: согласно развитому выше закону, эта усиленная умственная школа доставила ему быстрый полетъ мысли и замѣчательную гибкость языка; но его идеалами были отнынѣ великіе аѳинскіе мастера IV вѣка, особенно послѣдніе по времени изъ нихъ, давно примиренные между собою враги, Демосѳенъ и Эсхинъ. Ихъ онъ старательно изучалъ, но не такъ, какъ ихъ изучали аттицисты; они были для него не нормой, а сѣменемъ, которымъ онъ оплодотворялъ свой духъ, чтобъ создать *художественную прозу латинской рѣчи*.

Отнынѣ азіанизмъ умолкаетъ въ Римѣ на цѣлое столѣтіе; царствуетъ въ лицѣ Цицерона „красивый" стиль. Аттицизмъ почувствовалъ, что эта эволюція ему кстати, и въ свою очередь пустилъ корни въ Римѣ. Разумѣется, это былъ пока аттицизмъ умѣренный; главное отличіе крайняго аттицизма, отвращеніе ко всѣмъ не-аттическимъ словамъ, не имѣло смысла для людей, которымъ предстояло говорить не по-гречески, а по-латыни. Все

не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ своей азіанской закваски; строже можно провести грань на греческой почвѣ. И справедливость требуетъ признать, что самые серьезные греческіе писатели императорской эпохи принадлежатъ именно къ лагерю умѣренныхъ классицистовъ—Плутархъ, Арріанъ, Кассій, Діонъ; только Лукіанъ колеблется между обоими лагерями, какъ это и подобало его неустойчивому и легкому, хотя и блестящему таланту. Они съ честью поддерживали знамя аттицизма, пока не передали его въ руки христіанскихъ писателей—какъ мы это увидимъ ниже.

Все же для насъ интереснѣе, какъ историко-литературный симптомъ, *азіанская* муза. Отъ нанесеннаго ей въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. пораженія она скоро оправилась; императорская эпоха была второй эпохой расцвѣта азіанизма. И надобно сознаться: этотъ второй успѣхъ не былъ вполнѣ незаслуженнымъ; если азіатская муза плѣнила публику, то потому, что она дѣйствительно была плѣнительна. Разумѣется, мы должны и тутъ оставить въ сторонѣ крайнихъ представителей партіи, ораторовъ, пѣвшихъ и плясавшихъ на амвонѣ и потерявшихъ всякую способность отличать дѣйствительность отъ своихъ фантазій. „Зачѣмъ ты такъ мрачно на меня смотришь, Северъ?"—взывалъ однажды, въ роли защитника, слишкомъ быстро перенесенный въ зданіе суда питомецъ риторической школы; „и не думалъ", —преспокойно отвѣчалъ ему тотъ,—„а впрочемъ, если у тебя въ тетрадкѣ такъ стоитъ, изволь", — и при дружномъ хохотѣ публики онъ взглянулъ на него со всей свирѣпостью, на какую только былъ способенъ. Объ этихъ фанатикахъ азіанизма говорить не стоитъ; ограничимся тѣми, которые наложили свою печать на свое время—и не на свое только время.

„Азіанскихъ" стилей, какъ мы видѣли, было два: игривый и пышный; второй, съ его торжественными періодами, рекомендовался для панегириковъ, изъ которыхъ мы его и знаемъ. Интереснѣе первый. Со временъ Горгія онъ замѣчательно возросъ и окрѣпъ; не прошла для него безслѣдно и философія, хотя азіанизмъ въ принципѣ ея и чуждался; изъ ребяческихъ иногда антитезъ и „исоколовъ" сицилійскаго софиста и первыхъ азіанцевъ, выросла блестящая и не всегда поддѣльная жемчужина стиля—„сентенція". Сентенція—я нарочно оставляю это непереводимое слово—не должна была быть непремѣнно общаго содержанія; требовалось, чтобы она своей краткостью, мѣткостью и неожиданностью (славились breves vibrantesque sententiae) поражала слушателя. „Человѣкъ этотъ ничѣмъ не грѣшитъ—развѣ только

тѣмъ, что онъ ничѣмъ не грѣшитъ"; жестокій рабовладѣлецъ изъ отпущенниковъ „слишкомъ мало, или, правильнѣе, слишкомъ хорошо помнитъ, что онъ самъ былъ рабомъ". Въ „сентенціи" старались умѣстить какъ можно болѣе содержанія, употребляя при этомъ какъ можно менѣе словъ; вслѣдствіе этого именно лучшія сентенціи — непереводимы; не угодно ли передать по-русски: portum ignoranti nullus ventus suus и т. п. Въ настоящее время мастеръ „сентенціи"—Фр. Нитцше; его, наприм.: „ja, ich habe die Ehe gebrochen; aber zuerst brach die Ehe mich"; или: „einst zog ich diesen Schluss; nun aber zieht er mich" —скорѣе всего могутъ дать читателю представленіе о томъ, чѣмъ была сентенція азіанскаго краснорѣчія.

Другимъ средствомъ была такъ-называемая „экфраза", т.-е. описаніе какой-нибудь мѣстности, картины, красавицы и т. д. Тутъ главнымъ была гармонія между тономъ описанія и описываемымъ предметомъ. И этотъ элементъ имѣлъ передъ собой широкую будущность: тѣ описанія природы, которыя такъ плѣняютъ насъ у Тургенева, происходятъ по прямой линіи отъ экфразъ азіанской риторики. Всѣхъ прочихъ ея уловокъ я перечислять не буду: замѣчу только, что сама постановка темы была разсчитана на то, чтобы сильнѣйшимъ образомъ вліять на фантазію. Объ этомъ нѣсколько словъ. Чѣмъ было для художественной прозы дѣйствительное краснорѣчіе, политическое и судебное, тѣмъ было для искусственной прозы азіанизма краснорѣчіе фиктивное: ораторъ переносился въ вымышленную обстановку, проникался особенностями своего фантастическаго положенія, и по этому поводу произносилъ мнимо-совѣщательную или мнимо-судебную рѣчь. Обстановка выбиралась, разумѣется, самая благодарная, т.-е. самая эффектная, самая богатая всякаго рода конфликтами. Послѣ гибельнаго отступленія аѳинскаго войска изъ-подъ Сиракузъ, раненый, неспособный продолжать путь солдатъ молитъ полководца, чтобъ онъ прикончилъ его: *„ради бога, Никій, ради бога, отецъ мой! Такъ да увидишь ты Аѳины"!* (послѣдняя сентенція въ подлинникѣ вразумительнѣе). Безрукій богатырь, убѣдившись въ измѣнѣ своей жены, требуетъ отъ сына ея смерти, и хочетъ отречься отъ него, когда онъ отказываетъ ему; сынъ защищается. Все это напоминаетъ сцену изъ „Les Misérables" В. Гюго, гдѣ герой, бывшій каторжникъ, а потомъ всѣми уважаемый мэръ, размышляетъ о томъ, не слѣдуетъ ли ему, разрушая все свое счастье и счастье многихъ другихъ, раскрыть окружающую его тайну, когда за совершонное имъ когда-то преступленіе другой попадаетъ на скамью подсудимыхъ;

или—изъ „Le coupable“ Фр. Коппе—сцену, гдѣ прокуроръ-отецъ долженъ произнести обвинительную рѣчь противъ подсудимаго, въ которомъ онъ узналъ своего сына. Все это—настоящіе цвѣтки азіанскаго краснорѣчія II вѣка по Р. Х.

Дѣйствительно, азіанизмъ—и въ этомъ едва ли не наибольшая его заслуга — породилъ *романъ*; всѣ греческіе и латинскіе романисты были азіанцами. А нашъ современный романъ, какъ онъ ни измѣнился въ смыслѣ художественности и серьезности,—прямой потомокъ древне-греческаго; родословная можетъ безъ труда быть возстановлена во всѣхъ подробностяхъ. Да и измѣнился онъ только за послѣднее полстолѣтія.

Вотъ каковъ былъ общій характеръ азіанизма императорской эпохи. Его внѣшняя судьба тоже была разнообразнѣе, чѣмъ судьба классицизма. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. онъ даетъ римской литературѣ богатыря въ лицѣ Сенеки-философа, неподражаемаго мастера „сентенціи“; къ концу вѣка его нѣсколько оттѣсняетъ Квинтиліанъ, что не помѣшало ему, однако, имѣть сильнѣйшее вліяніе на обоихъ учениковъ послѣдняго, Плинія Младшаго и особенно Тацита. Во второмъ вѣкѣ онъ снова отступаетъ, на этотъ разъ передъ архаистами эпохи Антониновъ, но въ третьемъ—онъ опять овладѣваетъ римской литературой: появляется такъ-называемая африканская латынь, съ ея главнымъ представителемъ Апулеемъ. Африканская латынь — это вырожденіе азіанизма на римской почвѣ, второе дѣтство азіанской прозы; опять появляются попарно соединенные члены съ риторическими риѳмами и равнымъ количествомъ словъ и даже слоговъ; но всѣ эти красоты нагромождаются безъ всякаго чувства мѣры, съ какимъ-то ребяческимъ пристрастіемъ ко всему фокусному и уродливому. „*Женщина сварливая, спѣсивая, хмельная, бездѣльная, бойкая, стойкая, въ гнусныхъ стяжаніяхъ жадная, на подлыя затраты повадная*“, и далѣе, и далѣе, страница за страницей, все въ томъ же стилѣ. Африканская латынь была, однако, ясно оформленнымъ, а потому и импонирующимъ явленіемъ; Апулей—послѣдняя оригинальная личность въ языческой римской литературѣ, и его вліяніе на дальнѣйшее развитіе прозы было не совсѣмъ незначительнымъ.

V.

Главнымъ результатомъ развитія античной прозы за описанныя въ предъидущихъ главахъ эпохи было раздѣляемое всѣми одинаковое убѣжденіе, что писать какъ случится—нельзя; что

во всякомъ писательствѣ необходимъ стиль, выборъ котораго зависитъ отчасти отъ замышляемаго произведенія, отчасти отъ личныхъ наклонностей автора; еслибы Мольеровскій буржуа жилъ въ то время — онъ быстро разочаровался бы въ своемъ умѣньѣ „faire de la prose“. Возникло это убѣжденіе въ Греціи; но такъ велико было обаяніе выдержаннаго стиля, что оно покорило Римъ, и выработанныя греками для грековъ правила были приспособлены къ римской рѣчи: одно и то же выраженіе аффектовъ, одна и та же періодизація, одинъ и тотъ же ритмъ были признаны законными для обоихъ языковъ. Можно ли было сомнѣваться въ естественности художественной прозы, если она, разъ возникши, не только не встрѣтила никакихъ сопротивленій себѣ со стороны того народа, среди котораго она возникла, но и подчинила себѣ рѣчь другого, чуждаго народа? И все-таки это первое испытаніе не было еще рѣшающимъ. Теперь предстояло второе, гораздо болѣе серьезное, со стороны новой культурной силы—*христіанства.*

Могло ли христіанство признать за художественной прозой какую-либо важность? Могло ли оно считать желательнымъ или даже допустимымъ обученіе ея законамъ своихъ молодыхъ послѣдователей? На первый взглядъ, никакой другой отвѣтъ, кромѣ отрицательнаго, не представляется возможнымъ. Противъ нея говорилъ, прежде всего, самый яркій и самый обязательный для христіанства *примѣръ* — языкъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта. Но при этомъ необходимо отказаться отъ того мнѣнія, которое каждый составилъ себѣ объ ихъ стилѣ по новѣйшимъ переводамъ,—конечно, болѣе или менѣе литературнымъ: подлинникъ въ этомъ отношеніи носитъ совершенно другой характеръ. Появившись среди простого народа и даже по происхожденію негреческаго, онъ былъ написанъ языкомъ, который образованными людьми той эпохи, будь они азіанцы или классицисты, не могъ быть признанъ, не только литературнымъ, но даже и строго грамотнымъ: множество неправильныхъ, съ точки зрѣнія грамматики, формъ; множество неупотребительныхъ, съ точки зрѣнія лексикографіи, словъ; введеніе недопустимыхъ, съ точки зрѣнія пуризма, латинскихъ и арамейскихъ выраженій—это по части языка; крайняя бѣдность періодизаціи, отсутствіе всякой диспозиціи, скачки и недомолвки, полная неритмичность—это по части стиля. И что же? Эта книга, при всемъ томъ, побѣждаетъ міръ, завоевываетъ недоступныя для Платона и Цицерона сердца; каково же, послѣ этого, сдѣлалось значеніе художественной прозы?

Языкъ священныхъ книгъ давалъ примѣръ ясный и, казалось бы,

обязательный для христіанина. Но кромѣ того у него было и не менѣе ясное и недвусмысленное указаніе въ словахъ: *„не заботьтесь, какъ или что сказать, ибо въ тотъ часъ дано вамъ будетъ, что сказать; ибо не вы будете говорить, но духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ“* (Ев. отъ Матѳ., 10, 19). Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что съ чисто христіанской точки зрѣнія художественная проза была въ теоріи осуждена. Она была бы осуждена и въ дѣйствительности, еслибы не тотъ фактъ, что греческіе и римскіе отцы церкви были только одной половиной своего существа христіанами, другой же половиной—греками и римлянами; а потому, оставаясь подъ вліяніемъ вѣковой традиціи, чувствовали такое стихійное влеченіе къ художественной обработкѣ стиля, что никакія преграды противъ него устоять не могли. Пришлось пойти на компромиссы, чтобы совмѣстить несовмѣстимое, спасти художественность рѣчи, не переставая быть вѣрными примѣру и завѣтамъ Учителя. Для этого открывались три пути—и отцы церкви воспользовались всѣми тремя.

Первый былъ самымъ радикальнымъ.—„Напрасно язычники кичатся художественностью своихъ книгъ и воображаютъ, что наши книги ея лишены; наша художественность столь же несомнѣнна, только она другого рода, чѣмъ та, къ которой привыкли они“. Эта странная на первый взглядъ теорія была подготовлена уже Амвросіемъ Медіоланскимъ, у котораго мы читаемъ (посл. VIII) слѣдующія интересныя слова: *„Большинство людей отрицаетъ, что наши писатели писали согласно искусству* (secundum artem—т.-е. сознательно-художественно); *и мы не споримъ: дѣйствительно, они писали не согласно искусству, а согласно благодати* (secundum gratiam—т.-е. безсознательно-художественно), *которая выше всякаго искусства; они писали то, что ихъ заставлялъ писать Духъ. Все же тѣ, которые писали объ искусствѣ* (т.-е. о теоріи прозы), *нашли его въ ихъ сочиненіяхъ, и такимъ образомъ создали руководства и учебники искусства“*. Амвросій разумѣетъ здѣсь, конечно, книги Ветхаго Завѣта, согласно своей излюбленной идеѣ, что вся эллинская мудрость потекла изъ еврейской. Его ученикъ, великій Августинъ, привелъ эту теорію въ систему въ двухъ объемистыхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ одно (De doctrina Christiana) намъ сохранено, другое, еще болѣе спеціальное (De modis locutionum)—не уцѣлѣло. Въ первомъ—онъ желаетъ *„отвѣтить неучамъ, которые считаютъ себя въ правѣ пренебрежительно относиться къ нашимъ писателямъ, не потому, чтобы у нихъ не было той художественности рѣчи* (eloquentia), *которой эти люди не въ*

міру преданы, а потому, что они не выставляютъ ея на показъ", —и въ доказательство того онъ анализируетъ не только мѣста изъ Ветхаго Завѣта, но и періоды ап. Павла. Во второмъ же—онъ, по свидѣтельству Кассіодора, развилъ и *„фигуры языческой рѣчи, и много другихъ оборотовъ, свойственныхъ одному только Писанію и не перешедшихъ въ языческую прозу, озабочиваясь, какъ бы читатели не были смущены непривычнымъ для нихъ способомъ изложенія; въ то же время нашъ незабвенный учитель хотѣлъ доказать, что общепризнанные обороты, т.-е. грамматическія и риторическія фигуры, потекли изъ Писанія, и что въ немъ все-таки осталось много такого, чему до сихъ поръ никто изъ язычниковъ подражать не съумѣлъ"*. Съ такимъ взглядомъ на стиль Писанія Августинъ, понятно, не счелъ нужнымъ обуздывать стремленія къ художественности формы, которое было привито ему самымъ основательнымъ и неизгладимымъ образомъ въ риторической школѣ; онъ даже написалъ руководство риторики для христіанъ. А при авторитетѣ, которымъ онъ пользовался въ западной церкви, его починъ имѣлъ рѣшающее значеніе.

Теорія Амвросія и Августина сослужила свою службу въ дѣлѣ спасенія художественности рѣчи; но съ точки зрѣнія теоретической истины она не выдерживаетъ критики. Гораздо серьезнѣе былъ въ этомъ отношеніи *второй* компромиссъ: онъ состоялъ въ слѣдующемъ: прежде всего, простота и безъискусственность Писанія, и главнымъ образомъ Новаго Завѣта, не оспаривались; напротивъ, въ виду блистательныхъ побѣдъ христіанства, именно эта безъискусственность могла служить доказательствомъ его божественности. „Если бы,—говоритъ Оригенъ, возражая противъ обвиненія Цельса, что евангеліе написано языкомъ рыбаковъ,—еслибы ученики Господа пользовались діалектическими и риторическими уловками эллиновъ—можно бы было подумать, что Іисусъ выступаетъ основателемъ новой школы философовъ. Но нѣтъ — они говорили прямо отъ сердца, какъ имъ внушалъ Духъ: тутъ люди удивленно спрашивали другъ друга: откуда у этихъ людей эта сила убѣжденія? это вѣдь не та, которой обладаютъ всѣ другіе. И потому они стали думать, что ихъ устами говоритъ высшее существо". Того же мнѣнія Златоустъ, Θеодоритъ, Исидоръ Пелусійскій на востокѣ, Арновій, Лактанцій, Іеронимъ на западѣ. Но—и здѣсь былъ рѣшающій пунктъ—отсюда не выводили заключенія, что стиль первыхъ учителей христіанства былъ обязателенъ и для ихъ послѣдователей. Тотъ же Исидоръ Пелусійскій, который съ такимъ жаромъ отстаивалъ

безъискусственность языка апостоловъ, не колеблется принять краснорѣчіе въ число слугъ истины (посл. V). „У божественной мудрости,—говоритъ онъ,—языкъ низменenъ, мысль же паритъ въ небесахъ; а у той другой—изложеніе блестящее, но содержаніе низкое. Итакъ, еслибы кто могъ у одной позаимствовать мысль, а у другой изложеніе, мы по праву назвали бы его мудрѣйшимъ; краснорѣчіе можетъ быть орудіемъ надземной мудрости, если оно будетъ повиноваться ей, какъ тѣло—душѣ, или лира—пѣснѣ, сопровождающаго себя къ ней, объясняя ея небесныя мысли, но никакихъ нововведеній не внося отъ себя; если же оно пожелало бы превратить это отношеніе въ противоположное, еслибы оно, долженствующее быть рабомъ, сочло себя способнымъ быть вождемъ, правильнѣе — тираномъ мысли, тогда оно было бы достойнымъ изгнанія". Еще недвусмысленнѣе выразился Григорій Богословъ: отвѣчая, въ качествѣ константинопольскаго епископа, на упреки противника, что онъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру евангельскихъ „рыбаковъ", вноситъ въ церковь эллинскую риторику,—онъ сказалъ: „я послѣдовалъ бы примѣру рыбаковъ, еслибы имѣлъ силу творить чудеса подобно имъ; но такъ какъ моя единственная сила заключается въ моей рѣчи, то я ее и посвящаю службѣ доброму дѣлу".

То же твердили на западѣ Иларій Пиктавійскій, ученикъ восточныхъ богослововъ, Павлинъ Нолинскій и другіе; они требовали, чтобы искусство слога, столь долго служившее приманкой въ рукахъ лживой мудрости, теперь содѣйствовало распространенію истины.

Съ этимъ вторымъ компромиссомъ можно легче всего примириться; онъ менѣе перваго грѣшитъ натяжкой, и въ немъ, въ то же время, сказывается несомнѣнное стремленіе сознательно выяснить себѣ свое отношеніе къ самому орудію христіанской пропаганды. Въ не менѣе интересномъ *третьемъ* компромиссѣ замѣтно отсутствіе не столько искренности и доброй воли, сколько именно сознательности. Безъискусственность языка Писанія и первыхъ христіанскихъ учителей открыто признавалась, такъ же, какъ и во второмъ компромиссѣ. Обязательность этого примѣра, въ противоположность къ послѣднему, тоже признавалась. „Мы,—пишетъ Василій Великій учителю краснорѣчія, Ливанію,—„стоимъ на сторонѣ Моисея, Иліи и подобныхъ имъ блаженныхъ мужей, которые говорили намъ о своихъ дѣяніяхъ на варварскомъ языкѣ; такъ же, какъ онъ, говоримъ и мы, держась смысла истиннаго, но слога неученаго. Вѣдь если мы и научились чему-либо у васъ, то мы успѣли это позабыть". Равнымъ образомъ, Сульпицій

Северъ, приступая къ описанію жизни св. Мартина, проситъ читателей извинить его, „если ихъ уши будутъ оскорблены неправильностью языка, такъ какъ царство Божіе—не въ краснорѣчіи, а въ вѣрѣ; надо помнить, что спасеніе было возвѣщено міру не ораторами, а рыбаками". Въ теоріи, такимъ образомъ, послѣдовательность соблюдена вполнѣ; но на практикѣ тѣ же писатели отказываются отъ своихъ собственныхъ обязательствъ. И Василій Великій, и Сульпицій Северъ, въ своихъ сочиненіяхъ явно стремятся къ красотѣ и художественности слога; Северъ среди римлянъ заслужилъ почетное имя христіанскаго Саллюстія; Василій же былъ среди грековъ рядомъ со Златоустомъ самымъ могучимъ христіанскимъ витіей. Такъ-то, вопреки всѣмъ выводамъ теоріи, природа предъявляла свои права: греки и римляне могли принять христіанство, но новая религія не могла заставить ихъ забыть о своемъ происхожденіи.

Результатомъ всей этой борьбы было *полное торжество художественной прозы* во всей древнехристіанской словесности, какъ греческой, такъ и римской. Но мы видѣли, что развитіе художественной прозы въ императорскую эпоху обусловливалось борьбой двухъ ея направленій, классицизма и азіанизма; которое же изъ нихъ наложило свою печать на художественную прозу христіанской литературы?

Прежде всего ясно, что мы не можемъ ожидать отъ христіанскихъ писателей никакихъ теоретическихъ указаній на этотъ счетъ. Уже сама защита художественной прозы стала у нихъ возможной лишь благодаря сдѣлкѣ съ собственной совѣстью; нельзя было требовать, чтобы проповѣдники небесной мудрости вступали еще между собой въ препирательства относительно превосходства того или другого стиля. *Открытая борьба*, поэтому, *на христіанской почвѣ прекращается*,—но именно только открытая борьба, съ полемическими рѣчами и статьями съ той и другой стороны; оба направленія продолжаютъ существовать и тихо вербуютъ себѣ сторонниковъ среди представителей молодой христіанской литературы.

И надобно сознаться, что положеніе азіанизма было опять несравненно выгоднѣе. Не слѣдуетъ, при этомъ, смущаться выраженіями: „игривый стиль" и „пышный стиль", предложенными мною выше для обѣихъ маперъ этого направленія, считая первый несовмѣстимымъ со святостью, а второй—съ простотой и цѣломудріемъ евангельскихъ истинъ; термины эти имѣли въ виду только форму и могли уживаться со всякимъ содержаніемъ. Рѣшающимъ было и здѣсь то обстоятельство, что азіанизмъ былъ

силенъ техникой, классицизмъ—образцами. Христіанство же могло разрѣшить своимъ адептамъ изученіе техники рѣчи—ея правила никакого отношенія къ той или другой религіи не имѣли, а примѣры можно было подобрать либо безразличные, либо даже христіанскіе; но могло ли оно такъ же благодушно отнестись къ чтенію языческихъ *образцовъ*, насквозь пропитанныхъ ненавистной „лживой мудростью"? Конечно, эти образцы читались,—надо же было откуда-нибудь почерпнуть образованіе,—и христіанскіе учители смотрѣли на это снисходительно; но отъ простого чтенія еще далеко до того любовнаго изученія, при которомъ человѣкъ усвоиваетъ сознательно стиль, а незамѣтно—и манеру мыслить у своего образца. Отсюда слѣдуетъ, что азіанизмъ скорѣе могъ разсчитывать на снисхожденіе въ христіанской средѣ, чѣмъ классицизмъ. Этотъ ясный выводъ теоріи вполнѣ подтверждается практикой.

Что касается, прежде всего, греческой христіанской литературы, то надо сознаться, что крайнихъ азіанцевъ мы находимъ только среди еретиковъ; христіанство дѣйствовало смягчающе на форму изложенія и игриваго краснорѣчія не допускало. Азіанизмъ мы встрѣчаемъ только въ его умѣренномъ видѣ, но зато къ этому умѣренному азіанизму принадлежатъ всѣ болѣе или менѣе выдающіеся христіанскіе проповѣдники. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи IV-й вѣкъ, когда краснорѣчіе восточной церкви достигло своего апогея въ лицѣ знаменитаго тріумвирата: Григорія Богослова, Василія Великаго и Іоанна Златоуста. Оба первые имѣли учителемъ краснорѣчія крайняго азіанца Имерія, Іоаннъ—крайняго классициста Ливанія; тѣмъ не менѣе всѣ они значительно умѣрили манеру своихъ учителей. И въ легкомъ стилѣ Григорія, и въ пышномъ—Василія замѣтно чувство такта, не дающее имъ переходить извѣстные предѣлы. Мы здѣсь вторично встрѣчаемся съ тѣмъ явленіемъ, которое выше обратило уже на себя наше вниманіе; какъ тамъ римская государственность, такъ здѣсь христіанская религіозность была тѣмъ ядромъ жизни, которое, сплочивая вокругъ себя разрѣженную подъ тропическимъ солнцемъ фантазіи атмосферу азіанскаго краснорѣчія, давало ему болѣе оформленности и силы. Таково же было и отношеніе Златоуста къ классицизму: жизнь не давала старательно очищать лексическій огородъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ немъ не водилось не-аттическихъ словъ и оборотовъ; она не давала подгонять непосредственно возникавшій аффектъ къ мѣркѣ Лисія или даже Демосѳена: такъ стиль Златоуста, несмотря на противоположную точку исхода, не очень отли-

чается отъ пышнаго стиля Василія; казалось, что въ лицѣ этихъ трехъ великихъ проповѣдниковъ христіанство хотѣло примирить между собою оба главныя направленія художественной прозы, столь долго враждовавшія между собой.

Этимъ миромъ мы и закончимъ обзоръ развитія греческой прозы. Конечно, оно на немъ не остановилось; но, въ силу той *восточной* точки зрѣнія, о которой рѣчь была выше, его дальнѣйшіе шаги не имѣли большого вліянія на другіе народы. Византинизмъ — затонъ на великой рѣкѣ всеобщей словесности; можно пріятно отдыхать на дремлющей поверхности его водъ, подъ тихій шелестъ его камыша, но слѣдуетъ помнить, что пловцу тамъ пути нѣтъ; если вы жаждете жизни, движенія, силы, то вамъ нужно повернуть челнокъ и отдаться главному теченію рѣки; а оно выноситъ васъ, черезъ Римъ, на дѣвственные берега едва охристіанившагося Запада.

Въ Римѣ о заключеніи мира и рѣчи не было, но война и тутъ велась подъ землею. Азіанизмъ и тутъ въ началѣ торжествуетъ; Тертулліанъ весь поддается вліянію той его разновидности, которую мы называемъ африканской латынью, и его знаменитое „credo quia absurdum"—не что иное какъ „сентенція" въ духѣ азіанской риторики. Но онъ былъ не подражателемъ, а творцомъ; въ его лицѣ азіанизмъ вступилъ въ новый фазисъ: никогда еще легкость формы не была соединена съ такой страстностью содержанія. Онъ безпрестанно играетъ, не хуже Апулея, но не мячиками, какъ тотъ, а мечами и факелами. Но великій Августинъ? Кто знаетъ технику и образцы, тотъ безъ труда съумѣетъ выдѣлить ихъ роль въ знаменитыхъ самобичеваніяхъ его „Исповѣди"—этихъ чисто азіанскихъ colores. Если этотъ послѣдній неудобо-объяснимый терминъ мало понятенъ, то мы попросимъ вникнуть въ слѣдующее мѣсто изъ одной его проповѣди, помня, что это—одно изъ очень многихъ (говорится о праведномъ и окаянномъ): „Этотъ бодрствуетъ, чтобы хвалить врага—освобожденный; тотъ бодрствуетъ, чтобы хулить судью—приговоренный; этотъ бодрствуетъ, умами [1]) благими трепеща и сіяя; тотъ бодрствуетъ, зубами своими скрежеща и изнывая; этому доброта, тому неправота, этому христіанская бодрость, тому бѣсовская подлость не даютъ въ многолюдіи заснуть". Таковы образцы азіанской прозы въ христіанской духовной литературѣ.

---

[1]) Въ подлинникѣ та же „катахрэза" ради риѳмы: vigilat iste mentibus piis fervens et lucescens, vigilat ille dentibus suis frendens et tabescens.

Классицизму служило главной помѣхой, какъ было сказано выше, требованіе старательнаго изученія образцовъ, безъ котораго онъ былъ невозможенъ; но разъ путь къ компромиссамъ былъ облегченъ признаніемъ допустимости художественной прозы вообще, то и это препятствіе долго устоять не могло. Конецъ III-го вѣка далъ христіанской литературѣ своего Цицерона въ лицѣ Лактанція, этого если не наиболѣе славнаго, то наиболѣе любимаго христіанскаго писателя, красота души котораго соперничала съ красотой его стиля. Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ мало говоритъ о себѣ и лишаетъ насъ этимъ возможности судить о той душевной борьбѣ, которой ему стоило его пристрастіе къ своему языческому образцу; зато объ этой борьбѣ пространно говоритъ другой „цицероніанецъ" изъ отцовъ церкви, Іеронимъ. Намъ приходилось уже („Вѣстн. Европы" 1896, февр., 667 стр.) говорить о ниспосланномъ ему въ назиданіе видѣніи, послѣ котораго онъ далъ—увы! неисполнимый для него—обѣтъ: никогда болѣе не читать ни Цицерона, ни другого представителя лживой языческой мудрости!

Былъ ли этотъ классицизмъ дѣйствительно только книжнымъ, дѣланнымъ, безжизненнымъ? Уже оба только-что названныхъ писателя должны бы, кажется, убѣдить насъ въ противномъ, но пришло время, когда только этотъ стиль сталъ способнымъ выражать одинъ живой и жгучій аффектъ. Римъ палъ подъ натискомъ варваровъ, дикое племя готовъ завладѣло „святою" почвой Италіи; тогда и христіане изъ римлянъ стали со скорбью вспоминать о минувшемъ величіи развѣнчанной царицы міра, и естественнымъ выразителемъ этой скорби сталъ языкъ великой старины, языкъ архаистическій. Имъ писалъ Боэтій, приближенный и жертва Теодерика; его „Утѣшеніе"—послѣдній памятникъ художественной римской прозы, величавый и грустный, подобно древнимъ гробницамъ пустынной Аппіевой дороги.

VI.

Римъ палъ,—и на первый взглядъ представляется непонятнымъ, какъ его художественная проза могла пережить его паденіе. Насъ не удивляетъ ея переходъ изъ Греціи въ Римъ—общность религіи, культурная эллинизація римской интеллигенціи подготовили этотъ переходъ. Мы понимаемъ также ея обращеніе въ христіанство—общность расы и языка навели новыхъ христіанъ на компромиссы, сдѣлавшіе возможнымъ это обраще-

ніе. Но теперь предстояло *третье* испытаніе: носителями христіанства дѣлаются люди, никакимъ племеннымъ родствомъ не связанные съ тѣми, которые произвели и выростили художественность рѣчи; чѣмъ могло быть для нихъ это чуждое имъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣтище? Пусть Іеронимъ, Оригенъ и другіе стремятся къ художественной отдѣлкѣ своей рѣчи—на то они греки и римляне; но къ чему было Алкуину и Эгингарду слѣдовать ихъ примѣру?

Вотъ тутъ-то и слѣдуетъ подчеркнуть рѣшающее значеніе того, что̀ мы выше назвали западной точкой зрѣнія на способъ усвоенія чужой культуры; заимствуя у Рима христіанство, варварскій западъ заимствовалъ за-одно съ нимъ и латинскій языкъ. Папизмъ здѣсь ровно ни-при-чемъ: ирландскія и англійскія миссіи учениковъ Колумбана не были независимы отъ епископальной власти Рима, и въ то же время—такія же латинскія, какъ и остальныя, даже болѣе. Правда, была сдѣлана попытка національзировать христіанство: готы перевели писаніе на свой языкъ, но, къ счастью для Запада, эта попытка не удалась. Не будемъ разрушать величія культурно-историческихъ моментовъ мелочными и поверхностными мотивировками; лучше признать таинственность той инстинктивной силы, которая указывала Западу единственный путь къ его будущей славѣ. Латинскій языкъ сдѣлался интернаціональнымъ, правильнѣе говоря—супра-національнымъ языкомъ христіанскаго Запада; этимъ самымъ христіанину былъ врученъ ключъ, который, со временемъ, открылъ ему сокровищницу древняго образованія.

Первый шагъ былъ сдѣланъ,—но оттуда до усвоенія художественной прозы было еще далеко. Благодаря монастырямъ съ ихъ разнообразными обитателями, благодаря правовымъ и другимъ условіямъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, латинскій языкъ сдѣлался настоящимъ живымъ языкомъ средневѣковой интеллигенціи, или тѣхъ, кто занималъ ея мѣсто; на немъ говорили такъ же бойко, какъ на родномъ. Что̀ же могло помѣшать этимъ людямъ писать такъ же, какъ они говорили? Очевидно, ничто и никто. Самъ папа Григорій Великій подалъ этому примѣръ: „Я нисколько не забочусь о томъ,—пишетъ онъ,—чтобы слѣдить за окончаніями падежей и соблюдать правила относительно предлоговъ; я считаю въ высшей степени недостойнымъ подчинять слова божественной рѣчи законамъ грамматики Доната“. Много вѣковъ спустя, на констанцскомъ соборѣ, императору Сигизмунду, попытавшемуся произвести своей императорской властью—neutrum въ femininum (*haec* schisma),

былъ данъ классическій отвѣтъ: „nec Caesar supra grammaticos“, —то было время зарождающагося гуманизма. Между обоими этими изреченіями лежатъ всѣ средніе вѣка, во время которыхъ беззаботный латинскій стиль жилъ и развивался, пока не достигъ наконецъ знаменитой схоластической латыни Дунса Скота и Ѳомы Аквинскаго. Честь и слава ей за все то, что̀ она сдѣлала для развитія средневѣковой мысли, но намъ этимъ заниматься не приходится. Художественности же въ ней не было никакой; не было даже и стремленія къ ней.

И все-таки художественность появилась, и ея появленіе было послѣдствіемъ, хотя и не прямымъ, прививки латинскаго языка христіанскому западу. Слѣдующія условія содѣйствовали тому.

За послѣднее время существованія древне-римской интеллигенціи, ея дѣятельность напоминаетъ поведеніе экипажа при кораблекрушеніи: стараются связать въ одинъ по возможности негромоздкій узелокъ все самое необходимое для перваго пропитанія. Къ этому самому необходимому принадлежали прежде всего предметы школьнаго преподаванія,—извѣстныя съ давнихъ поръ семь „artes“. Онѣ были языческаго происхожденія; неудивительно, поэтому, что среди нихъ, на ряду съ грамматикой, логикой, ариѳметикой, геометріей, астрономіей и музыкой, находилась и риторика. Христіанство противъ этой организаціи не протестовало, что̀, въ виду состоявшихся компромиссовъ, тоже особеннаго удивленія не возбуждаетъ. Такимъ образомъ, изученіе риторики, т.-е. техники художественной рѣчи, дѣлается обязательнымъ въ христіанскихъ школахъ и, со временемъ, въ христіанскихъ университетахъ Запада. Но кто же изучаетъ теорію, не чувствуя потребности примѣнять ее на практикѣ? Какова бы ни была грубость новыхъ адептовъ цивилизаціи, но постоянно внушаемое имъ убѣжденіе, что есть нѣкоторое достоинство въ томъ, чтобы слова слѣдовали одно за другимъ и притомъ именно въ такомъ порядкѣ, а не въ другомъ—не могло не ввести въ ихъ сознаніе новый факторъ—факторъ красоты прозаической рѣчи. Это тѣмъ болѣе естественно, что техника краснорѣчія была, какъ мы видѣли въ самомъ началѣ, лишь развитіемъ тѣхъ художественныхъ нормъ, которыя въ зачаточномъ видѣ существуютъ въ природной рѣчи каждаго народа.

Итакъ, интеллигенція Запада почувствовала потребность писать по-своему художественно; она называла это: dictare—интересное слово, давшее происхожденіе нѣмецкому „dichten“. Конечно, еслибы теорія, которою тогда вдохновлялись, была раціональна, то это имъ, пожалуй, бы и удалось; но могла ли она

быть раціональна? Такая задача и нашему времени оказалась непосильной, древняя же риторика—даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ—требовала со стороны учениковъ лингвистическаго чутья для контроля ея законовъ,—подъ рукою же позднѣйшихъ компиляторовъ она потеряла послѣдніе остатки раціональности, и ее давали въ руки людямъ, для которыхъ латинскій языкъ былъ чуждымъ по природѣ. Нечего говорить, что она стала источникомъ самыхъ крупныхъ недоразумѣній. Возьмемъ для примѣра явленіе, называемое „гипербатомъ“, т.-е. нарушеніе естественнаго порядка словъ въ предложеніи. Мы объясняемъ его столкновеніемъ логическаго принципа съ психологическимъ и ритмическимъ, и знаемъ предѣлы, въ которыхъ оно допускается; эти предѣлы, различные въ различныхъ языкахъ, служатъ намъ интересными данными для психологіи народовъ. Но никто, конечно, не станетъ требовать такого раціональнаго отношенія къ дѣлу отъ средневѣковой риторики,—она просто отвела „гипербату“ мѣсто въ числѣ „троповъ“—какъ „украшенію“ рѣчи. И вотъ монахи вообразили, что ихъ рѣчь будетъ тѣмъ красивѣе, чѣмъ болѣе они перепутаютъ порядокъ словъ; что получается особаго рода изящество, если принадлежащее къ главному предложенію слово перебросить въ придаточное, или наоборотъ, нѣкій британскій грамотѣй удивилъ свою братію открытіемъ, что прелесть настоящаго „гесперическаго“, т.-е. латинскаго слога (famina hesperica) достигается тогда, если глаголъ ставить по срединѣ и вокругъ него группировать остальныя части предложенія, старательно отдѣляя при этомъ опредѣленіе отъ опредѣляемаго, примѣрно такъ: „Лучезарное влажную лобзаетъ свѣтило землю; въ зеленой голосистыя славословятъ дубравѣ пернатыя“ и т. п. Другіе точно такъ же злоупотребляютъ риторическими риѳмами.

Таковы были средневѣковыя „dictamina“. Ихъ авторы извлекали свои нелѣпыя теоріи слога, какъ мы видѣли, изъ своихъ учебниковъ риторики; но откуда же брали они свои вычурныя выраженія, о которыхъ мы постарались дать представленіе приведенными только-что образчиками? Тутъ, казалось бы, нужны образцы. Да, но за образцами ходить было недалеко, ими служили тѣ же „artes“. Особенно популярна была въ средніе вѣка нынѣ забытая энциклопедія Марціана Капеллы, одного изъ упомянутыхъ въ началѣ этой главы спасителей культурнаго ручного багажа передъ кораблекрушеніемъ; она сплошь была написана той африканской латынью, которую мы знаемъ изъ Апулея. Результатъ интересный: выходитъ, что стиль средневѣковыхъ

„dictamina“—прямое продолженіе древняго азіанизма; мы тѣмъ болѣе имѣемъ право такъ его назвать, что и онъ, подобно своему древнему родоначальнику, находился подъ ближайшимъ вліяніемъ теоріи.

Подобно ему, затѣмъ, и онъ не стоялъ на мѣстѣ, а развивался—или, по крайней мѣрѣ, измѣнялся. Не всѣ „диктаторы“ были похожи на вышеуказанныхъ; были между ними и умѣренные; и вотъ въ ихъ-то манерѣ стали различать нѣсколько отдѣльныхъ „стилей“. Такихъ стилей Данте насчитываетъ четыре: „первый,—говоритъ онъ,—стиль безвкусный, свойственный неучамъ, въ родѣ: „Петръ очень любитъ госпожу Берту“; второй—просто умственный (sapidus—затрудняюсь переводомъ), свойственный строгимъ схоларамъ и магистрамъ, въ родѣ: „я не доволенъ своими согражданами, но еще болѣе сожалѣю о тѣхъ, которые, изнывая въ изгнаніи, лишь во снѣ навѣщаютъ свою родину“; есть, затѣмъ, умственно-изящный стиль, свойственный людямъ, поверхностно ознакомившимся съ риторикой, въ родѣ: „достохвальная скромность графа д'Эсте и его всѣмъ доступная щедрость дѣлаютъ его предметомъ всеобщей любви“; есть, наконецъ, умственно-изящно-возвышенный, свойственный знаменитымъ „диктаторамъ“, въ родѣ: „исторгнувъ бо̀льшую часть цвѣтовъ изъ твоего лона, Флоренція, поздній Тотила напрасно посѣтилъ Тринакрію“. Этотъ стиль мы называемъ превосходнымъ; его ищемъ мы, когда стремимся къ наивысшему“... „Тотила“—древній король итальянскихъ го̀товъ; здѣсь иносказательно обозначается Карлъ Валуа, а Тринакрія — миѳическое имя Сициліи; необходимо знать исторію и миѳологію, если хочешь понимать красоты возвышеннаго стиля!

Вспоминая о древнемъ азіанизмѣ, мы безъ труда признаемъ въ изящномъ стилѣ Данте „игривую“, а въ его возвышенномъ стилѣ—„пышную“ манеру азіанскихъ риторовъ; но, какова бы ни была справедливость этого послѣдняго сближенія—фактъ тотъ, что, благодаря допущенію въ средневѣковое образованіе „artes“ и ихъ учителей, средневѣковое человѣчество поняло художественность прозы.

Это, конечно, не художественность, а искусственность. Согласны,—но, во всякомъ случаѣ, эта искусственность могла подготовить почву для настоящей художественности. „Artes“ были только первымъ изъ намѣченныхъ выше условій ея появленія; вторымъ были сохранившіеся *авторы* и ихъ изученіе. Но съ ними дѣло обстояло гораздо менѣе благополучно.

„Artes“ въ средніе вѣка пользовались неизмѣннымъ покрови-

тельствомъ церкви; требовалось только, чтобы человѣкъ изучалъ ихъ не ради нихъ самихъ, а какъ орудіе къ лучшему пониманію богословія. Подъ этимъ условіемъ онѣ всѣ были допустимы, начиная съ грамматики; да и можно ли было сомнѣваться въ благонадежности грамматики? Сколько въ спряженіи лицъ?—три, столько же, сколько и въ св. Троицѣ,—и ужъ, конечно, не по какой-либо иной причинѣ. По какому склоненію склоняется homo?—по третьему; это значитъ, что человѣкъ долженъ склоняться, т.-е. смиряться трижды—передъ Богомъ, передъ ближнимъ и передъ самимъ собою. Таково было религіозно-нравственное значеніе законовъ Доната; но можно ли было сказать то же про авторовъ? Конечно, нѣтъ, если не считать Виргилія, предсказавшаго, будто бы, въ одной эклогѣ пришествіе Спасителя и описавшаго въ Энеидѣ иносказательно мытарства души на пути къ спасенію,—за что Виргилій едва не попалъ въ святые. Но Виргилій былъ поэтомъ, и потому насъ здѣсь не интересуетъ; остальные же „auctores“ были въ загонѣ. Страшное видѣніе Іеронима, подвергшагося бичеванію за свой „цицероніанизмъ“, было памятно всѣмъ и повторялось нерѣдко—при склонности средневѣкового аскетизма къ экзальтаціи, мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ истинѣ того, что̀ намъ объ этомъ говорится. И вотъ церковь, взявъ подъ свое покровительство „artes“, отказываетъ въ немъ „авторамъ“, объявляя ихъ излишними и даже вредными; мы часто читаемъ о запретахъ, налагаемыхъ на занятія въ языческихъ половинахъ монастырскихъ библіотекъ. И все-таки эти авторы дошли до насъ, съ рѣдкими исключеніями, въ копіяхъ средневѣковыхъ монаховъ. Какъ это объяснить?

Говоря правду—прочностью средневѣковой бумаги. Даже противники проклятыхъ „авторовъ“ не были непремѣнно вандалами, которые стали бы намѣренно разрушать имѣющіяся въ монастыряхъ сокровища языческой литературы—ихъ просто оставляли въ покоѣ, давали имъ покрываться пылью и паутиной,—въ крайнемъ случаѣ, за недостаткомъ помѣщенія бросали ихъ въ какой-нибудь смрадный и темный чуланъ. Такъ они и лежали въ продолженіе одного, двухъ, трехъ поколѣній, пока монастырь не получалъ какого-нибудь болѣе либеральнаго игумена. Тогда о нихъ вновь вспоминали; конечно, того, что̀ было съѣдено крысами, вернуть нельзя было; зато остальное приводилось въ порядокъ, очищалось, переписывалось; мало того, посылали за оригиналами въ другіе монастыри, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы, по взятіи копіи, вернуть ихъ по принадлежности, если требованія будутъ очень настойчивы. Такимъ образомъ, положительное отно-

шеніе къ „авторамъ“ приносило болѣе пользы, чѣмъ отрицательное—вреда; насъ же эти рѣдкіе покровители древней литературы интересуютъ тѣмъ болѣе, что они были въ то же время ревнителями новой художественности латинской прозы въ средніе вѣка—художественности, основанной на сознательномъ подражаніи древнимъ авторамъ. Ее мы, по самой природѣ вещей, можемъ назвать классицизмомъ; въ противоположность къ школьному краснорѣчію „диктаторовъ“ и въ точномъ соотвѣтствіи съ древнимъ классицизмомъ, этотъ стиль зарождается въ библіотекахъ; своимъ возникновеніемъ онъ обязанъ книгѣ и ея усердному изученію.

Такъ-то въ средніе вѣка возобновляется старинная борьба между „азіанизмомъ“ и классицизмомъ; она возникла изъ борьбы между „artes“ и „auctores“—авторами. Въ обстоятельной характеристикѣ классицизмъ не нуждается, такъ какъ онъ никакихъ новыхъ идеаловъ не создалъ; требовалось возможно-близкое воспроизведеніе стиля образцовыхъ писателей древности, и прежде всего—Цицерона, имя котораго не потеряло своего блеска и въ средніе вѣка, даже въ глазахъ тѣхъ, которые воображали, что Туллій и Цицеронъ — это два различныхъ автора. Такъ писали при Карлѣ Великомъ—Эгингардъ, при Карлѣ Лысомъ—Серватъ Лупъ, при первыхъ Капетингахъ — Гербертъ (онъ же и папа Сильвестръ II), въ эпоху схоластики—Іоаннъ Саресберійскій. При послѣднемъ, борьба между „artes“ и „auctores“ велась самымъ ожесточеннымъ образомъ; твердыней первыхъ былъ Парижъ, твердыней вторыхъ—Шартръ. Нечего говорить, что при такомъ положеніи дѣлъ, авторитетъ первыхъ былъ несравненно выше, и пренебреженіе, съ которымъ ихъ представители относились къ покровителямъ „авторовъ“ и ревнителямъ чистой художественной рѣчи, внушило одному изъ учениковъ шартрской школы, только-что названному Іоанну, дѣйствительно краснорѣчивые стихи, о которыхъ мы желали бы дать посильное представленіе въ нижеслѣдующемъ переводѣ:

Если ты „авторовъ“ любишь, охотно ихъ книги читаешь,
    Съ тѣмъ, чтобъ изящества путь, слѣдуя имъ, обрѣсти,—
Крикъ подымается всюду:—На что этотъ „древній оселъ“ намъ?
    Чтó онъ намъ древнихъ слова, древнихъ дѣянья твердитъ!
Мудры своимъ мы умомъ; молодежь научили мы нашу:
    Догматы древнихъ твоихъ наша откинула рать.
    . . . .
Бѣдный безумецъ! Зачѣмъ подгоняешь ты къ времени время,
    Вяжешь падежъ съ падежомъ, числа подводишь къ числу?
Трудъ кропотливый тутъ нуженъ, и средствъ облегчить его мало;

День утекаетъ за днемъ, жизнь пропадаетъ твоя.
Можешь безъ лишнихъ усилій быть многимъ рѣчистѣе, другъ мой,
Тѣхъ, что подъ ветхій законъ выю покорную гнутъ:
Все, что взбредетъ на языкъ, говори и отважно, и гордо;
Только теорію (ars) знай: дѣлаетъ смѣлымъ она.

Невесело было настроеніе у человѣка, писавшаго эти стихи, и дѣйствительно, могущество схоластиковъ было таково, что защитникамъ „авторовъ" ихъ дѣло должно было казаться заранѣе проиграннымъ. Все-же шартрская школа стойко держала знамя художественности рѣчи въ XII вѣкѣ; въ XIII вѣкѣ оно переходитъ къ орлеанской школѣ. „Схоляры, — говорятъ намъ,— учатся семи „artes" въ Парижѣ; „авторамъ"—въ Орлеанѣ, законовѣдѣнію—въ Болоньѣ; врачеванію—въ Салерно; чернокнижію—въ Толедо, а добрымъ нравамъ—нигдѣ". Но и тогда роль „авторовъ" была очень скромна, и Генрихъ д'Андели, одинъ изъ тогдашнихъ „труверовъ", изобразившій въ комическомъ стихотвореніи войну между парижскими „artes" и орлеанскими „авторами", кончаетъ ее побѣдой первыхъ. Самъ онъ, однако, сочувствуетъ вторымъ; „торжество тѣхъ „artes",—говоритъ онъ,—продлится еще лѣтъ тридцать; но когда вступитъ на арену новое поколѣніе, то нынѣшняя побѣдительница будетъ побѣждена"...

Пророчество это исполнилось, хотя и нѣсколько позже; въ эпоху „Возрожденія" борьба между „auctores" и „artes" возобновилась съ новой силой и кончилась полной побѣдой первыхъ, а съ ними и классицизма, т.-е. художественной прозы въ духѣ древнихъ. Само собою разумѣется, что не къ этому сводится важность „Возрожденія"; его дѣятели служили и многимъ другимъ, несравненно болѣе высокимъ цѣлямъ, часто сами того не сознавая; но наиболѣе сознательно, наиболѣе усердно преслѣдуемою цѣлью было у нихъ—*воскрешеніе древней художественной рѣчи*. Въ Италіи они легко побѣдили; болѣе серьезное сопротивленіе оказалъ сѣверъ. Въ Парижѣ, Кёльнѣ и другихъ университетахъ почтенные „magistri nostri" были возмущены подувшимъ съ юга вѣтромъ; „чего хотятъ они со своей новой латынью"?—сердито говорили они, тщетно стараясь предать осмѣянію „grossa vocabula",—какъ они ихъ называли,—своихъ враговъ. Но осмѣянію подверглись они сами; безсмертныя „epistolae obscurorum virorum" схоронили подъ гнетомъ всеобщаго презрѣнія кёльнскихъ магистровъ и баккалавровъ съ ихъ схоластикой, кухонной латынью, dictamina —и всѣмъ прочимъ.

Какъ видно отсюда, побѣда классицизма въ эпоху „Возрожденія" была двойная: и надъ варварскимъ „азіанизмомъ" упомяну-

тыхъ „dictamina“, и надъ беззаботнымъ обиходнымъ языкомъ латинской схоластики. О первомъ жалѣть было нечего,—но второй?..

За побѣдой послѣдовалъ, какъ это было естественно, расколъ въ лагерѣ побѣдителей. Первые гуманисты стремились къ подражанію,—но не къ подражанію рабскому; любили прежде всего Цицерона, а затѣмъ и другихъ, стараясь брать прекрасное всюду, гдѣ оно было. Но вотъ возникаютъ фанатики пуризма, не допускающіе ни одного слова, ни одного оборота, который бы нельзя было узаконить ссылкою на Цицерона; подобно большинству фанатиковъ, это были посредственности, старавшіяся возмѣстить недостатокъ таланта строгостью подчиненія „регулѣ“. Называли они себя „цицероніанцами“, не понимая того, что ихъ кумиръ первый отвергъ бы ихъ не по разуму усердную службу; это *они* называли соколовъ орлами, на томъ основаніи, что слово „falco“ случайно у Цицерона не встрѣчается, и приглашали верховнаго жреца, т.-е. папу, уповать на помощь безсмертныхъ боговъ, намѣстникомъ которыхъ онъ состоитъ на землѣ. Разумные люди не раздѣляли ихъ увлеченія, и глава сѣвернаго гуманизма, Эразмъ, осмѣялъ ихъ въ своемъ бойкомъ и ѣдкомъ діалогѣ „Ciceronianus“. Такъ-то мы уже въ сравнительно раннее время встрѣчаемъ умѣренныхъ и крайнихъ классицистовъ. Но умы были возбуждены, и этимъ дѣло не кончилось. Ужъ если подражать, то почему непремѣнно Цицерону? Чѣмъ плохъ былъ Сенека, мастеръ и глубокой, и хлёсткой „сентенціи“? И онъ находитъ себѣ почитателей, къ которымъ принадлежалъ, между прочимъ, знаменитый Липсій; другими словами, „азіанизмъ“, недавно лишь похороненный въ лицѣ средневѣковыхъ „диктаторовъ“, вновь водворяется на расчищенной почвѣ классической рѣчи. Но и этого было мало; колесо, разъ приведенное въ движеніе, не могло остановиться на Сенекѣ. Вотъ—Апулей съ его африканской латынью; почему бы не писать, какъ онъ? Появляются апулеянцы, одинаково ненавистные обѣимъ партіямъ, и классицистамъ, которымъ они рѣзали уши, и „азіанцамъ“, которыхъ они компрометтировали. На бѣду, главное сочиненіе Апулея носило заглавіе: „Оселъ“; можно себѣ представить остроты, которые посыпались на его поклонниковъ. Теперь комплектъ былъ полнымъ; мы имѣемъ крайнихъ классицистовъ, умѣренныхъ классицистовъ, умѣренныхъ „азіанцевъ“, крайнихъ „азіанцевъ“; могла быть дана генеральная битва. И она была дана. Съ одной стороны, предавалась анаѳемѣ „ересь цицероніанцевъ“; съ другой стороны—осмѣивались люди, которымъ пріятнѣе было „ревѣть“ съ Апулеемъ, чѣмъ говорить съ Цицерономъ. Все болѣе и болѣе разгорался бой; онъ перешелъ изъ XVI вѣка въ

XVII-ый и все еще не обѣщалъ конца; но воюющіе не замѣтили въ пылу сраженія, что они мало-по-малу оставили землю и поднялись въ поднебесное пространство, между тѣмъ какъ землю, изъ-за которой они сражались, мирно подѣлили между собою ихъ общіе враги—природные языки новыхъ европейскихъ народовъ.

И вотъ какъ это случилось.

VII.

Антагонизмъ между латинскимъ языкомъ и новыми языками начинается въ одно и то же время, какъ и самый гуманизмъ; мы встрѣчаемъ его уже у Петрарки. Съ точки зрѣнія гуманистовъ, германскіе языки были варварскими, романскіе—искаженной латынью. Въ средніе вѣка отношенія были лучше; внимательный изслѣдователь безъ труда убѣдится, что условіемъ такихъ хорошихъ отношеній было явленіе, называемое въ физикѣ „осмозомъ"—взаимный обмѣнъ матеріаловъ. То же самое мы видимъ и въ политической жизни народовъ: сосѣднія государства живутъ въ мирѣ между собой, пока ввозъ и вывозъ продуктовъ происходитъ взаимно на равныхъ условіяхъ; но отношенія тотчасъ обостряются, если одно изъ нихъ вздумаетъ воспрепятствовать ввозу продуктовъ своего сосѣда.

Въ средніе вѣка, повторяю, „осмозъ" былъ обоюднымъ; чтобы понять это и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнить всю пользу, которую извлекали новые языки изъ своего, такъ сказать, сожительства съ латинскимъ, слѣдуетъ представить себѣ особенность „продуктовъ" той и другой области. Особенностью новыхъ языковъ была вѣрная и мѣткая передача самыхъ разнообразныхъ объектовъ *внѣшнихъ ощущеній*; только на новыхъ языкахъ можно было дать свое имя отдѣльнымъ предметамъ домашней утвари, составнымъ частямъ лошадиной сбруи, корабельнымъ снастямъ и т. д. Конечно, у древнихъ римлянъ эти предметы, по скольку они не были изобрѣтеніями новыхъ народовъ, тоже имѣли свои названія; но, во-первыхъ, эта послѣдняя категорія была довольно значительна—и съ каждымъ столѣтіемъ дѣлалась значительнѣе; во-вторыхъ, извлеченіе древнеримскихъ названій требовало особаго филологическаго труда; а въ-третьихъ, оно часто было совершенно безполезно: что̀ пользы въ томъ, что мы изъ Горація, Ювенала, Марціала, можемъ составить довольно полный списокъ словъ, передающихъ различныя разновидности общаго понятія слова: „чаша", когда мы не знаемъ, какая разновидность и какимъ словомъ

обозначается? Поступали, поэтому, проще—брали требуемое слово прямо изъ новаго языка; надо было явиться гуманизму и Раблѐ для того, чтобы „reddite nobis clochas nostras“ показалось смѣшнымъ. Это проникновеніе новыхъ словъ въ латинскій языкъ создало то, что̀ позднѣе стали называть „кухонною латынью“. Гораздо серьезнѣе выгода, полученная новыми языками благодаря ввозу съ латинскаго. Въ противоположность къ послѣднему, новые языки были почти лишены *интеллектуалистическихъ* элементовъ; не было или почти не было словъ для выраженія объектовъ внутренняго познаванія, равно какъ не было средствъ для передачи отвлеченныхъ отношеній между наблюдаемыми—хотя бы и внѣшними чувствами—явленіями. Новые языки—первоначально языки видимости; человѣкъ какъ бы видитъ то, что̀ онъ говоритъ о предметахъ, и говоритъ о нихъ такъ, какъ онъ видитъ, выражая только послѣдовательность, но не связь. Отсюда крайняя бѣдность „временъ“, почти полное отсутствіе „наклоненій“, отчаянная скудость „союзовъ“: во всемъ этомъ варваръ по складу своего ума не нуждался. Но вотъ варвара стали учить по-латыни: весь внутренній міръ, не существовавшій для него до тѣхъ поръ, открылся ему. Мало-по-малу онъ съ нимъ освоился и уже обойтись безъ него не могъ. И вотъ онъ исподволь сталъ приспособлять и свою родную рѣчь къ выраженію этого внутренняго міра, то заимствуя латинскія слова, то развивая и измѣняя, по аналогіи латинскихъ словъ, формы или значенія родныхъ, то стараясь подражать въ родной рѣчи оборотамъ латинской. Такъ-то латинскій языкъ, благодаря богатству своего *интеллектуалистическаго* фактора, сдѣлался не только необходимымъ дополненіемъ къ преимущественно сенсуалистическимъ новымъ языкамъ, но и ихъ учителемъ; школа была продолжительна и серьезна, но за то и въ высшей степени плодотворна: къ концу средневѣкового періода новые языки были уже *почти* культурными языками, и въ такомъ качествѣ *почти* уже могли замѣнить латинскій языкъ во всѣхъ его отправленіяхъ.

Такова была цивилизаторская миссія латинскаго языка на Западѣ; правильность „западной“ точки зрѣнія на способъ усвоенія чужой культуры была блистательно подтверждена.

Дважды употребленнымъ только-что словомъ „почти“ я имѣлъ въ виду количественные недочеты новыхъ языковъ въ сравненіи съ латинскимъ, восполнимые съ теченіемъ времени и теперь давно уже восполненные; но кромѣ нихъ слѣдуетъ указать на два принципіальныхъ ихъ недостатка. Во-первыхъ, они были понятны каждый лишь у себя дома, между тѣмъ какъ латинскій

языкъ былъ интернаціональнымъ; во-вторыхъ, *они не знали художественной прозы*. Это второе обстоятельство—единственное, которое интересуетъ насъ здѣсь.

Художественной прозы новые языки знать не могли потому, что ея не зналъ и тотъ латинскій языкъ, подъ вліяніемъ котораго они находились, а была это, какъ мы видѣли въ прошлой главѣ, латынь *схоластическая*. Отъ красотъ „dictamina" хорошаго воздѣйствія нельзя было и требовать, представителей же дѣйствительно художественной, классической латыни было слишкомъ мало. Нужно было, чтобы западный міръ сначала на латинскомъ языкѣ почувствовалъ всю красоту художественной прозы, а затѣмъ перенесъ ее на чуждую ей первоначально почву новыхъ языковъ; вторично латинскій языкъ сдѣлался учителемъ этихъ послѣднихъ, и это второе ученіе было такъ же плодотворно, какъ и первое. Съ этой точки зрѣнія, и борьба за превосходство того или другого стиля въ латинской рѣчи теряетъ свой характеръ мелочности и получаетъ особое историческое значеніе: латинскій языкъ былъ въ этомъ случаѣ лишь матеріей для опытовъ, результаты которыхъ должны были имѣть рѣшающее значеніе для всей художественной прозы вообще.

Уже Боккаччіо писалъ свои безсмертныя новеллы съ явнымъ стремленіемъ воспроизвести на итальянскомъ языкѣ роскошную „періодизацію" Цицерона. Нельзя сказать, чтобы это ему вполнѣ удалось, и многимъ, безъ сомнѣнія, безъискусственный и безпритязательный стиль его предшественниковъ, напр. Франко Саккетти, покажется болѣе пріятнымъ; тѣмъ не менѣе, итальянцы считаютъ справедливо именно Боккаччіо основателемъ своей художественной прозы—хотя онъ увлекся и перешелъ мѣру; дѣломъ его послѣдователей было вернуться къ этой мѣрѣ. Къ тому же, онъ былъ только предвѣстникомъ; латинская художественная проза была возсоздана лишь въ XV-мъ вѣкѣ, а между тѣмъ ясно, что сначала она должна была окрѣпнуть и развернуться, а затѣмъ уже передать свою красоту идущимъ по ея стопамъ новымъ языкамъ. Случилось это въ XVI-мъ вѣкѣ; да и тутъ новые языки еще сильно отстаютъ. Какъ хороши, съ точки зрѣнія стиля, латинскія сочиненія Гуттена, и какъ неудобочитаемы его же произведенія, написанныя по-нѣмецки! Послѣднія, положимъ, болѣе прославляются въ настоящее время патріотами изъ его эпигоновъ — ихъ счастье, что ихъ самихъ не заставляютъ читать ихъ.

Подражаніе было тутъ вполнѣ сознательнымъ. Гуманисты не особенно рекомендовали употребленіе новыхъ языковъ, но все

же иногда его допускали и только совѣтовали развивать ихъ по образцу латинскаго; такъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей XVI-го вѣка, испанецъ Вивесъ, требуетъ, чтобы ученики особенно старательно знакомились съ латинскимъ языкомъ, „какъ для того“,—говоритъ онъ,—„чтобы хорошенько понимать его и черезъ него всю науку, такъ и для того, чтобы, пользуясь имъ, очищать и обогащать свою родную рѣчь, точно отведенной отъ источника водой“. Одновременно съ нимъ французъ дю-Беллé, стоявшій вообще на противоположной точкѣ зрѣнія, — предлагая отдать предпочтеніе французскому языку передъ латинскимъ—требуетъ, однако, чтобы писатели обогащали этотъ языкъ путемъ подражанія древнимъ авторамъ. То же требованіе выставилъ къ концу вѣка и знаменитый законодатель французскаго стиля, предвѣстникъ французскаго классицизма, Ронсаръ.

Такимъ образомъ, вліяніе латинской художественной прозы на художественную прозу новыхъ языковъ не только было фактомъ, но и признавалось законнымъ; въ виду этого, вопросъ о томъ, кому будетъ присуждена побѣда въ борьбѣ за „цицероніанизмъ“, былъ довольно существеннымъ. Кто заглядывалъ въ произведенія тогдашнихъ „цицероніанцевъ“ и ихъ противниковъ, тотъ знаетъ, сколько тѣми и другими было въ ней обнаружено стилистическаго чутья; безспорно, эти люди могли многому научить своихъ современниковъ. Самымъ благодарнымъ для ученія возрастомъ былъ возрастъ школьный; поэтому намъ небезъинтересно знать, за которой изъ враждующихъ партій осталась побѣда въ школахъ, а именно,—такъ какъ художественную прозу на новыхъ языкахъ создала романская Европа,—въ школахъ католическихъ, т.-е. іезуитскихъ. Педагогика іезуитовъ намъ теперь извѣстна въ точности; мы знаемъ, что въ ихъ школахъ процвѣталъ цицероніанизмъ. „Мы желаемъ,—читаемъ мы въ „Memoriale“ іезуита Ѳ. Бузея (1609 г.),—„чтобы занимающіеся наукой, и учителя, и ученики, держались въ богословіи св. Ѳомы, въ философіи—Аристотеля, а въ „humaniora“ слѣдовали и подражали Цицерону“. Такъ-то Цицеронъ, создавшій художественную прозу въ древнемъ Римѣ, создалъ ее вторично для языковъ новой Европы: прозаическая литература романскихъ языковъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше подчиняется его вліянію. Особенно замѣтно это на писателѣ, котораго можно считать завершителемъ классической прозы французовъ, Бальзакѣ Старшемъ (первой пол. XVII вѣка); онъ и въ теоріи былъ „цицероніанцемъ“; болѣе позднихъ авторовъ онъ сравнивалъ съ Икаромъ и Фаэтонтомъ, и на практикѣ съумѣлъ

болѣе, чѣмъ кто-нибудь до него, воспроизвести въ французской рѣчи величавость и грацію цицероновскихъ періодовъ.

Но „цицероніанизмъ“, т.-е., согласно сказанному выше, классицизмъ,—не былъ единственнымъ теченіемъ въ художественной прозѣ новѣйшихъ народовъ, какъ онъ не былъ единственнымъ теченіемъ въ художественной прозѣ современнаго имъ латинскаго языка. Мы видѣли, какую роль игралъ въ этой послѣдней „азіанизмъ“, какъ въ его крайнихъ, такъ и въ его умѣренныхъ представителяхъ; если принять во вниманіе плѣнительность, свойственную ему именно въ глазахъ молодого общества, то его отсутствіе въ Европѣ XVI-го и XVII-го вѣковъ покажется a priori невѣроятнымъ. Къ счастью онъ существовалъ, и его наличность еще разъ подтверждаетъ и безъ того уже несомнѣнный фактъ, что художественная проза новыхъ народовъ образовалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ художественной прозы гуманистической латыни.

„Антитеза“ была первымъ конькомъ „азіанскаго“ краснорѣчія: вторымъ—была позднѣе развившаяся „сентенція“. Само собою разумѣется, что „азіанскій“ характеръ сказывается только въ злоупотребленіи той и другой; совсѣмъ безъ нихъ не обходится ни одинъ художественный стиль, какъ не обходится безъ нихъ и первообразъ художественной рѣчи, языкъ естественный, народный. И то, и другое злоупотребленіе мы встрѣчаемъ въ художественной прозѣ тогдашней Европы, притомъ—не злоупотребленіе случайное, безсознательное и невольное, а систематическое, сознательное и намѣренное, возведенное въ норму и давшее опредѣленную окраску стилю: построенный на „сентенціи“ стиль назывался „драгоцѣннымъ стилемъ“ (style précieux), а построенный на „антитезѣ“—извѣстенъ подъ именемъ „эвфизма“ (euphuism).

О „драгоцѣнномъ“ стилѣ у насъ теперь опять стало возможнымъ говорить, не рискуя остаться непонятымъ: послѣдній французскій поэтъ, Ростанъ, снова его сдѣлалъ популярнымъ во Франціи и, по крайней мѣрѣ, извѣстнымъ у насъ. На вопросъ, что̀ такое „драгоцѣнный“ стиль, можно дать краткій отвѣтъ: это—Сирано де-Бержеракъ. Мы затруднились выше русскимъ переводомъ слова „sententia“; по-французски переводъ возможенъ самый точный и выразительный: сентенція, это—„pointe“. „Драгоцѣнный“ стиль весь построенъ на немъ; ошеломите своего слушателя фейерверкомъ непрерывныхъ „pointes“, какъ это дѣлаетъ Сирано, говоря о своемъ носѣ,—это будетъ стиль „phébus“; прибавьте къ нимъ паѳоса и сентиментализма, какъ это дѣлаетъ Сирано, объясняясь въ любви,—вы получите „style alambique“; затемните ихъ

совершенно намеками на самые разнородные предметы такъ, чтобы каждое слово требовало комментарія, и въ то же время нагромождайте ихъ такъ, чтобы слушатель не имѣлъ времени подумать и не вынесъ изъ вашей рѣчи ровно ничего, кромѣ безграничнаго благоговѣнія предъ вашей эрудиціей и вашимъ esprit—чего Сирано, впрочемъ, не дѣлаетъ,—и вы будете владѣть самымъ возвышеннымъ изъ „драгоцѣнныхъ“ стилей—„style galimatias“.

Теперь всѣ эти разновидности „драгоцѣннаго“ стиля, кромѣ послѣдней, стяжавшей себѣ печальное безсмертіе, давно забыты; но въ свое время онѣ надѣлали много шуму. Въ Испаніи, главнымъ представителемъ „style précieux“ былъ Гонгора, давшій ему имя „гонгоризмъ“; въ Италіи, его пропагандировалъ Вирджиліо Мальвецци; въ Англіи, онъ вызвалъ полемику Роджера Ашама и Филиппа Сиднэ; въ Германіи, имъ прониклась вся т.-наз. вторая силезійская школа. Но откуда же онъ взялся? Тогдашніе теоретики знали это отлично: въ діалогѣ Бонура: „La manière de bien penser dans les ouvrages d'esprit“ (1649), поклонникъ „драгоцѣннаго“ стиля открыто называетъ свои образцы: это—Веллей, Сенека, Тацитъ, представители, какъ мы видѣли выше, „азіанизма“ въ римской словесности. Недаромъ въ одномъ изъ произведеній новаго стиля самъ Сенека выставленъ его первообразомъ: передъ своей смертью римскій философъ обращается къ своему кинжалу съ такими pensées alambiquées, что мы проникаемся живѣйшей симпатіей къ Нерону. А когда Бальзакъ за свой цицероніанизмъ подвергся нападеніямъ современныхъ ему précieux, то защитникъ Бальзака, Ожье́, ставя имъ въ вину ихъ „fausses subtilités“, ихъ „sottises étudiées“, извиняетъ ихъ до нѣкоторой степени тѣмъ—„qu'en cela ils ont imité les Anciens“, а именно, какъ онъ прибавляетъ ниже (называя, конечно, только косвенные образцы), Горгія, Каллисѳена, Клитарха, Гегесія, т.-е. „азіанцевъ“ и ихъ родоначальника. Такова была борьба между „архаизмомъ“ и „азіанизмомъ“ на почвѣ новыхъ языковъ.

Впрочемъ, „драгоцѣнный“ стиль былъ только одной отраслью новѣйшаго „азіанизма“; другой былъ, какъ было сказано выше, „эвфизмъ“. Своимъ названіемъ онъ обязанъ, какъ извѣстно, появившемуся въ 1579 г. роману Джона Лили подъ заглавіемъ: „Euphues, the anatomy of wit“; стиль этого романа весь построенъ на антитезѣ, но антитезѣ чисто внѣшней, формальной, подчеркнутой созвучіемъ соотвѣтствующихъ другъ другу словъ, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ изъ Горгія, Апулея и Августина. Вотъ образчики: „Господа, если я могъ быть запо-

дозрѣнъ вами въ недомысліи, выслушивая ваши разсказы, то теперь я могу быть уличенъ вами въ легкомысліи, отвѣчая на такой вздоръ; конечно, насколько вы заставили краснѣть мои уши исторіей вашей любви, настолько вы ожесточили мое сердце воспоминаніемъ о вашемъ безразсудствѣ". Этотъ стиль, пріобрѣвшій всемірное значеніе своимъ вліяніемъ на Шекспира, не былъ оригинальнымъ открытіемъ Лили: онъ заимствовалъ его у испанца Гевары, автора знаменитаго въ тѣ времена романа о Маркѣ Аврелiѣ; Гевара въ свою очередь почерпнулъ свою страсть къ антитезамъ у Исократа; нѣкоторыя рѣчи послѣдняго какъ разъ въ это время, шесть лѣтъ до появленія только-что упомянутаго романа, были Вивесомъ переведены по-испански. Это родство между Геварой и Исократомъ, замѣченное еще современникомъ Лили, Джорджемъ Петтенгэмомъ, еще разъ уполномочиваетъ насъ отнести и „эуфуизмъ", наравнѣ съ „драгоцѣннымъ" стилемъ, къ возрожденному въ новой Европѣ „азіанизму".

Только теперь мы въ состояніи вполнѣ оцѣнить значеніе литературной борьбы, кипѣвшей въ западной Европѣ въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ. Усиліями гуманистовъ, латинской прозѣ возвращается художественность, которая ей была свойственна въ древнія времена—и тотчасъ па почвѣ художественной латинской рѣчи возобновляется борьба между классическимъ стилемъ съ одной—и „азіанскимъ"—съ другой стороны. Но новые языки, привыкшіе орошать свою ниву неисчерпаемымъ родникомъ латинской рѣчи, вскорѣ и сами явились на арену; имъ нужно было только добыть себѣ „дворянскую грамоту", т.-е. художественность, для того, чтобы принять участіе въ турнирѣ. И въ ихъ рядахъ мы находимъ „классиковъ" и „азіанцевъ"; и нужно ли доказывать, что эта борьба все еще не прекращается; отпадаютъ лишь крайности, но классицизмъ, какъ классицизмъ, продолжаетъ жить, и „азіанизмъ" подъ различными масками—сентиментализма, романтизма, неоромантизма—постоянно воскресаетъ и собираетъ вокругъ себя своихъ поклонниковъ? И нѣтъ причины желать, чтобъ эта борьба прекратилась: „классицизмъ" и „азіанизмъ" по природѣ своей вѣчны, какъ вѣчны оба источника всякой художественной прозы: разумъ и фантазія.

Зато вторая борьба, повидимому, кончилась; это — борьба между латинской художественной прозой и художественной прозой новыхъ языковъ за преобладаніе въ литературѣ. Стараніемъ гуманистовъ—латинскому языку была возвращена его художественность; зато была принесена въ жертву обоюдность „осмоза" между нимъ и новыми языками; было устранено все то, что ла-

тинскій языкъ принялъ въ себя въ теченіе всего средневѣкового періода, и что̀ сдѣлало его способнымъ выражать мысли современныхъ людей. Это — разъ. Во-вторыхъ, „новая латынь“ гуманистовъ была гораздо труднѣе схоластической, именно потому, что была художественной; если прежняя была желѣзомъ, ко̀вать которое могъ любой кузнецъ, то новая была золотомъ, обращаться съ которымъ могъ только ювелиръ. Вступало въ силу возраженіе парижскаго „артиста“ противъ классической латыни:

Трудъ кропотливый тутъ нуженъ, и средствъ облегчить его мало:
День утекаетъ за днемъ, жизнь пропадаетъ твоя.

Положимъ, средства облегчить этотъ трудъ были возможны, и сами гуманисты позаботились о томъ, чтобы ихъ добыть,— куда легче и пріятнѣе было учиться латинскому языку по „colloquia“ Эразма, чѣмъ по чудовищному доктриналу Александра de Villa Dei,—но интеллигенція не хотѣла ждать. Такимъ образомъ, гуманизмъ, возвращая латинской прозѣ ея художественность, противъ своей воли содѣйствовалъ ея паденію: съ одной стороны, онъ сдѣлалъ ее самоё и непрактичнѣе, и труднѣе; съ другой стороны, онъ ту же художественность доставилъ и новымъ языкамъ, которые, почувствовавъ свою красоту, потребовали для себя первенствующей и вскорѣ исключительной роли въ литературной жизни.

Этому принято радоваться; оно и понятно. Каждый человѣкъ принадлежитъ къ какому-нибудь народу и по одному этому съ удовольствіемъ привѣтствуетъ возвышеніе „національной“ прозы; а оно обусловливалось паденіемъ латинской прозы, мѣсто которой національная и заняла. Не слѣдуетъ, однако, забывать и о жертвахъ, которыми было искуплено это возвышеніе. Былъ утерянъ, прежде всего, международный языкъ, а съ нимъ не только неоцѣнимое орудіе для научныхъ, дипломатическихъ, судебныхъ и торговыхъ сношеній,—даже и торговыхъ: не забудемъ, что и двойная бухгалтерія, по мнѣнію Нибура, была извѣстна римлянамъ,—но и живой символъ международнаго мира. А затѣмъ,— съ національзаціей литературы и науки, европейскіе народы вступили въ тотъ фазисъ своего развитія, которому въ экономической ихъ жизни соотвѣтствуетъ капитализмъ. Эразмъ былъ голландецъ, Рейхлинъ—нѣмецъ; пока они оба писали по-латыни, ихъ сочиненія находили себѣ одинаковый сбытъ во всей цивилизованной Европѣ. Но заставьте каждаго писать на своемъ національномъ языкѣ—и публика перваго уменьшится болѣе чѣмъ

вдесятеро противъ публики второго, а публика—это капиталъ писателя. Допустите націонализацію литературы и науки—и Рейхлинъ окажется въ такихъ же точно условіяхъ по отношенію къ Эразму, въ какихъ находится заводчикъ по отношенію къ ремесленнику. А націонализація школы и вызванная ею борьба, въ которой всѣ удары сыплются на безвинныя головы мальчиковъ и дѣвочекъ! сочтены ли слезы, которыхъ она стоила уже теперь? опредѣлено ли психологами, какой ядъ гибельнѣе для дѣтскихъ душъ: ожесточеніе ли побѣжденныхъ, или злорадство побѣдителей?

Націонализмъ и капитализмъ—одинаково необходимые факторы нашей культуры въ настоящемъ фазисѣ ея развитія; насколько они необходимы и въ будущемъ—рѣшитъ потомство. Нашъ очеркъ—историческій; а чѣмъ ближе человѣкъ знакомится съ исторіей, тѣмъ болѣе онъ дѣлается склоннымъ ограничивать область безапелляціонныхъ ея приговоровъ.

Ѳ. Зѣлинскій.

ПОЩЕЧИНА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Звонъ великопостныхъ колоколовъ пробудилъ Сережу Горянцева отъ утренней дремоты. Былъ чистый понедѣльникъ. Наканунѣ, послѣ придворнаго бала, окончившагося ровно въ полночь, онъ поѣхалъ къ одному изъ полковыхъ товарищей, гдѣ собралась веселая компанія отпраздновать, какъ слѣдуетъ, послѣдній день масляницы. Тамъ, чуть не до пяти часовъ, шла крупная игра, и Горянцевъ, которому сильно везло, остался въ большомъ выигрышѣ. Возвратился онъ домой уже за пять, а теперь, когда Сережа проснулся ровно въ десять, онъ чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и свѣжимъ, послѣ недолгаго, но крѣпкаго сна. Онъ потянулся съ минуту въ кровати, и, вскочивъ на ноги, поспѣшилъ окунуть лицо въ лахань. Прикосновеніе холодной воды вызвало у него удвоенное ощущеніе бодрости и молодой силы, и мигомъ впечатлѣнія истекшаго дня ярко воскресли у него въ памяти. Это былъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ дней за всѣ пять лѣтъ, проведенныхъ имъ въ полку. Никогда еще въ его жизни такъ высоко не поднималась носившая его съ собой волна успѣха. Его сѣрые красивые глаза самоувѣренно блеснули въ отвѣтъ на это воспоминаніе, и довольная улыбка заиграла-было на губахъ, оттѣненныхъ мягкими бѣлокурыми усами. Но блескъ этотъ потухъ тотчасъ, улыбка исчезла. Что-то почти болѣзненное присоединилось къ счастливымъ воспоминаніямъ минувшаго дня, что-то портившее ихъ праздничную радость.

А за послѣднее время ему, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно везло. Какъ разъ за эту зиму его положеніе и въ полку, и въ обществѣ, поднялось замѣтно. На первыхъ порахъ, когда послѣ университета онъ поступилъ вольноопредѣляющимся, а потомъ такъ и остался въ полку, гдѣ сразу полюбился товарищамъ, Сережѣ Горянцеву приходилось не легко. Связей у него въ Петербургѣ не было никакихъ, да и въ деньгахъ тоже недостатокъ ощущался большой. Приходилось себя обрѣзывать во всемъ, съ нѣмецкою аккуратностью беречь каждую копѣйку, и терпѣть за то не мало насмѣшекъ. Не будь Горянцевъ такимъ всеобщимъ любимцемъ за открытый, веселый, совсѣмъ необидчивый нравъ, онъ едва ли бы могъ удержаться въ полку. Теперь было совсѣмъ уже не то. Веселое добродушіе его натуры, готовность полѣзть за товарища въ огонь и воду, дѣлали его популярнымъ, а за лихую, красивую ѣзду онъ былъ у начальства на самомъ лучшемъ счету. Завелись у него и многочисленныя знакомства въ свѣтскомъ кругу, и недостатка въ деньгахъ уже не было, или, вѣрнѣе, не чувствовалось. Словомъ, онъ былъ теперь среди товарищей въ самомъ первомъ ряду, какъ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ офицеровъ. Недавно переведенный къ нимъ изъ другого полка, молодой князь Суздальскій—красавецъ собою, лихой наѣздникъ, заразительно веселый, когда ему хотѣлось быть такимъ, и въ то же время умѣвшій осадить хоть кого приступомъ леденящей холодности, ни съ кѣмъ такъ близко не сошелся, какъ съ Сережей. Съ нимъ однимъ Суздальскій былъ совсѣмъ нараспашку, съ полною задушевною искренностью повѣряя ему самые затаенные помыслы, даже тѣ, которыхъ онъ внутренно стыдился. Горянцевъ платилъ ему тѣмъ же лишь на половину. Иной разъ его подмывало душу совсѣмъ обнажить передъ Суздальскимъ, но онъ всегда умѣлъ во-время остановить неосторожное признаніе.

А было въ его жизни кое-что, въ чемъ признаваться даже самому себѣ не всегда хотѣлось. Иной разъ въ самый разгаръ безудержнаго веселья къ нему толкнется въ сердце острое, колючее сознаніе, что въ этомъ весельѣ что-то нехорошее таится на днѣ. Такъ, когда онъ немилосердно вышучивалъ добродушнаго толстяка, Колю Разрубина, который былъ такъ смѣшонъ своей вѣчной неловкостью въ женскомъ обществѣ, онъ часто стыдился про себя этой немилосердной и незаслуженной травли. Когда онъ цѣлый мѣсяцъ, а не то и годъ, заставлялъ дожидаться уплаты по какому-нибудь счету, и въ то же время аккуратно платилъ карточные долги, ему часто приходило въ голову,

какъ нелѣпо и несправедливо установившееся въ его кругу житейское правило, что какому-нибудь мастеровому можно, пожалуй, и не платить вовсе, а съ богатымъ товарищемъ, которому проигралъ, разсчитаться надо во что̀ бы то ни стало. Въ прошлую зиму, ровно годъ назадъ, когда этотъ добрѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ Телѣгинъ, сосѣдъ Горянцева по курскому имѣнію и старинный другъ его отца, пріѣхалъ въ Петербургъ со своею двадцатилѣтнею Вѣрочкою,—какъ холодно обошелся онъ съ ними, съ какою жестокою умышленною тонкостью далъ онъ имъ понять, что разсчитывать на него, какъ на будущаго жениха дочери, незачѣмъ. А три года передъ тѣмъ, когда Сережа въ послѣдній разъ побывалъ лѣтомъ въ деревнѣ,—какъ искренно увлекался онъ тогда молодою дѣвушкою, ея робкою, едва распускавшеюся прелестью. Оба они были еще слишкомъ молоды, чтобы думать о свадьбѣ, но Горянцевъ недвусмысленно давалъ понять и Вѣрочкѣ, и ея отцу, что въ недалекомъ будущемъ, черезъ годъ или два, эта свадьба непремѣнно состоится. Вѣрочка хранила въ сердцѣ невысказанное на словахъ обѣщаніе, и считала себя почти невѣстою Сережи. Въ деревенской тиши три года прошли незамѣтно, не принеся съ собою никакихъ перемѣнъ, и дѣвушка твердо вѣрила, что не измѣнился и Горянцевъ: онъ писалъ вѣдь ей не разъ за эти три года, хоть и не особенно часто.

А для него, между тѣмъ, эти года были временемъ полнаго, быстраго расцвѣта. И теперь самая мысль о женитьбѣ на Вѣрочкѣ ему казалась чѣмъ-то совершенно нелѣпымъ и смѣшнымъ. Какое мѣсто заняла бы она среди женщинъ того круга, гдѣ онъ постоянно бывалъ,—Софи Мендеръ, княгини Бетси Красно-холмской, баронессы Шварценбахъ, Мери Свольской... Одни только эти бѣдные провинціалы, закисшіе въ своей деревенской глуши, могли этого не понимать. Вѣдь неизмѣримо далеко было отъ прежняго Сережи, застѣнчиваго, молоденькаго офицерика, до теперешняго блестящаго Горянцева, котораго знаетъ весь Петербургъ, и кому завидуютъ многіе изъ сверстниковъ. Боязливо-строгія правила, выработанныя съ дѣтства, подъ вліяніемъ отца, незамѣтно для Сережи смягчились и ослабли въ полковой обстановкѣ, гдѣ никто не задумывался надъ тратами, и долги считались ни во что. Въ числѣ офицеровъ полка былъ одинъ, старше его лѣтъ на шесть, и представлявшій съ нимъ полную противоположность. Звали его Полабинымъ. Это былъ сухощавый, невысокаго роста человѣкъ, съ тонкими, какъ у дѣвушки, руками и совсѣмъ мелкими, необыкновенно подвижными чертами некра-

сиваго лица. Но съ виду тщедушная его фигура скрывала силу и упругость чрезвычайную. Ловокъ онъ былъ какъ кошка. На скачкахъ бралъ какое угодно препятствіе, и любую строптивую лошадь укрощалъ маленькою, но желѣзною рукою. Несмотря на болѣзненную почти блѣдность, никакой усталости онъ не боялся. Послѣ безсонной ночи, проведенной за карточнымъ столомъ, голова его оставалась свѣжа, и сколько бы онъ ни выпилъ, владѣть собою Полабинъ не переставалъ. Въ полку его не любили, и въ то же время боялись за острый языкъ, всегда готовый на язвительный отвѣтъ. Полабину Сережа понравился, и онъ взялся выдрессировать его по-своему. Разъ въ его присутствіи Горянцевъ схватилъ за плечи какого-то расходившагося пьянаго нахала и съ такою силою толкнулъ, что тотъ со всего размаху отлетѣлъ, и чуть было не разбился объ стѣну. Такая расправа съ рослымъ дѣтиною, который былъ цѣлою головою выше Сережи, внушила Полабину уваженіе къ молодому ѳоварищу: ни передъ чѣмъ на свѣтѣ онъ такъ не преклонялся, какъ передъ физической силой. Сережа отъ него понемногу научился, что, живя въ Петербургѣ и нося мундиръ ихъ полка, въ деньгахъ нуждаться смѣшно, что можно широко жить, не получая доходовъ, и карточная игра для небогатаго человѣка—вѣрное средство не оставаться безъ денегъ. Для всего этого одно только нужно—владѣть собою и смотрѣть на жизнь какъ на партію, въ которой, конечно, не каждая карта возьметъ, но въ проигрышѣ остаются одни дураки.

— Проигрываешься въ пухъ, знаешь отчего,—твердилъ онъ Сережѣ: — оттого, что вбилъ себѣ въ голову, что непремѣнно надо сегодня же сорвать кушъ. И оттого-то лѣзутъ на стѣну, когда не везетъ. Разумѣется, это глупо до-нѣльзя. Надо деньги такъ разсчитать, свои или занятыя,—это конечно, все равно,— чтобы ихъ разъ на пятнадцать или на двадцать хватило и, какъ скоро положенную сумму продулъ, имѣть твердость встать со стола, не отыгрываясь. Зато, когда повезетъ,—а это случится когда-нибудь,—иди, не бойся, бери штурмомъ, но непремѣнно, чтобы изъ выигранныхъ денегъ отложить что-нибудь — ну, тамъ пятьсотъ, тысячу рублей, и ужъ ни подъ какимъ видомъ ихъ не спускать. И вотъ съ этой системой, другъ мой, всегда въ барышѣ останешься: карты—это та же вѣдь жизнь, гдѣ хладнокровіемъ все возьмешь, потому что огромное большинство горячится. И нечестнаго тутъ ровно ничего нѣтъ: бараны на то и созданы, чтобы ихъ стричь. И во всемъ это такъ, повѣрь мнѣ.

Эта мораль мало-по-малу оказывала свое дѣйствіе. Полабинъ свою теорію о „баранахъ“ примѣнялъ ко всему рѣшительно, и къ

службѣ, и къ товарищамъ, и къ свѣту, гдѣ онъ бывалъ часто, и въ особенности къ женщинамъ. Щадилъ онъ одного Сережу, щадилъ за прямодушіе и наивность,—какъ разъ за тѣ свойства, которыя онъ силился въ немъ искоренить. Онъ повезъ его и въ свѣтъ, добросовѣстно стараясь вытравить въ немъ застѣнчивость, дѣлясь съ нимъ десятилѣтнею опытностью. Сережа входилъ во вкусъ. Его все сильнѣе тянуло въ искусственный міръ, гдѣ за яркимъ блескомъ обстановки не видишь скрытыхъ тревогъ и страданій, гдѣ всѣ лица, всѣ движенія выдрессированы, какъ лошади въ циркѣ, гдѣ нѣтъ даже отдаленнаго намека на заботу о деньгахъ и на необходимость себѣ отказывать въ чемъ-либо. За-одно съ прежнею застѣнчивостью у Горянцева пропадала и боязнь должать. У него былъ теперь одинъ изъ лучшихъ парадеровъ въ полку, уступленный товарищемъ за карточный проигрышъ, жеребецъ хорошаго завода, котораго онъ старался беречь, запрягая его только разъ въ день, когда надо было показаться и пустить пыль въ глаза. Деньги всегда имѣлись, какъ скоро нужно было поднести дорогой подарокъ или принять участіе въ свѣтскомъ пикникѣ. Были, конечно, и долги, которыхъ онъ перестаїъ бояться, съ тѣхъ поръ, какъ замѣтилъ, что ростовщики неохотно даютъ только въ первый разъ, а потомъ сами навязываются съ услугами. И зеленаго стола переставъ онъ бояться, слѣдуя буквально совѣтамъ Полабина.

Словомъ, къ тому времени, когда начинается этотъ разсказъ, Сережа Горянцевъ былъ на вершинѣ успѣха во всемъ, что составляетъ внѣшнюю, показную сторону жизни. По службѣ онъ шелъ отлично: недавно его сдѣлали полковымъ адъютантомъ. Въ свѣтѣ онъ усвоилъ себѣ ту вѣжливую наглость, съ помощью которой въ мужчинахъ вселяешь увѣренность, что даромъ не сойдетъ насмѣшливое словцо, а въ женщинахъ—что не поможетъ имъ самое испытанное двоедушіе. И при всемъ этомъ онъ все-таки не переставалъ слыть за прекраснаго малаго, „un excellent garçon", съ которымъ никогда не бываетъ скучно, и который не откажетъ товарищу дать взаймы радужную.

„Какой несносный этотъ звонъ"! — подумалъ Горянцевъ, продолжая умываться, и невольно прислушиваясь къ унылымъ, мѣрнымъ ударамъ колокола. Было что-то навязчивое въ этомъ звонѣ, что-то напоминавшее о совершенно иной жизни, о какихъ-то докучливыхъ обязанностяхъ. Когда-то, въ далекіе уже дѣтскіе годы, совершенно иныя чувства пробуждалъ въ немъ призывъ великопостнаго колокола. Ему хорошо помнилось, какъ въ деревнѣ, послушный вліянію набожной матери, онъ съ мягкимъ

умиленіемъ внималъ этому призыву; потомъ и въ университетскіе годы, тамъ, въ Москвѣ, по старой привычкѣ, онъ все еще съ какимъ-то смутнымъ и въ то же время добрымъ ощущеніемъ не то раскаянія, не то любви, прислушивался къ строгому голосу великопостныхъ колоколовъ. Теперь было не то: Сережа не сдѣлался, правда, открыто невѣрующимъ,—онъ только совершенно пересталъ отзываться на тотъ особый рядъ мыслей, какой навѣвалъ унылый великопостный звонъ. Слишкомъ ужъ былъ далекъ этотъ рядъ мыслей отъ теперешней его жизни, и напоминаніе про старое, давно забытое, его раздражало.

„Взять бы другую квартиру на будущій годъ, — продолжалъ онъ раздумывать,—подальше отъ церкви"... И онъ почти съ ненавистью окинулъ взглядомъ свои двѣ небольшія комнаты, спальню и кабинетъ, недавно, въ эту самую зиму меблированные зàново и, разумѣется, въ долгъ. Необыкновенно мизернымъ ему показалось убранство этихъ комнатъ, такъ далеко отстававшее отъ широкой роскоши богатыхъ товарищей. Горянцевъ жилъ въ казармахъ и очень хорошо зналъ, что снять какую-нибудь иную квартиру ему не по средствамъ.

„Проклятая бѣдность"! — стиснувъ зубы, сказалъ онъ себѣ, и разгорѣвшійся, озлобленный взглядъ остановился на кожаномъ бумажникѣ, съ вечера оставленномъ на столикѣ, возлѣ кровати. Оттуда торчала цѣлая пачка ассигнацій: это былъ его вчерашній выигрышъ, или, вѣрнѣе, только часть этого выигрыша. Всей суммы проигравшій Разрубинъ выплатить не могъ. А сумма была изрядная,—цѣлыхъ четыре тысячи. Но сознаніе, что ему теперь надолго хватитъ наличныхъ денегъ, не разогнало озлобленія молодого человѣка. Къ этому озлобленію прибавилось только нѣчто иное: онъ вспомнилъ, какимъ растеряннымъ глядѣлъ этотъ бѣдный, добрый Коля Разрубинъ, всегда такой осторожный за картами, и нечаянно, вдругъ такъ зарвавшійся вчера.

„Чтò за мерзость,—опять сказалъ себѣ Горянцевъ, — жить на выигранныя деньги, смотрѣть на удовольствіе, какъ на средство наживы!.. Холодно разсчитывать, что кто-нибудь изъ товарищей, просидѣвъ за картами часа три и при этомъ выпивъ изрядно, непремѣнно зарвется и дастъ себя остричь, какъ барана... Подлая мерзость! Вѣдь пользоваться своимъ хладнокровіемъ, чтобы слабонервныхъ обирать — это почти то же, что шулерство"...

И онъ снова окинулъ комнату сердитымъ взглядомъ.

„Ну, вотъ, женюсь", — добавилъ онъ мысленно, и что-то

смѣлое, вызывающее блеснуло въ его глазахъ, — женюсь на Варѣ Чертолиной, и всему этому безобразію конецъ"...

И воображеніе, быстро закусивъ удила, унесло его впередъ, къ ожидавшей его широко обезпеченной жизни...

„Это будетъ, наконецъ, жизнь вполнѣ порядочнаго человѣка"...

Но выступившая передъ нимъ блестящая картина не разсѣяла его недовольства собою: что-то ѣдко-насмѣшливое, горькое искривило его красивыя губы, при воспоминаніи, какъ вчера на балу, во дворцѣ, онъ почти сталъ объявленнымъ женихомъ Вари. Танцуя съ ней мазурку, онъ такъ недвусмысленно говорилъ ей про свое давнишнее поклоненіе, и она выслушивала это съ такой ободряющею улыбкою, что стоило ему еще сказать одно рѣшающее слово, и будущее его связано навсегда. Онъ могъ сказать это слово вчера же, но что-то его удержало — тайное ли желаніе подольше насладиться своею властью надъ этой капризною, недоступною дѣвушкою, или, быть можетъ, послѣднія колебанія вполнѣ установившейся воли. Варя Чертолина была одна изъ самыхъ блестящихъ невѣстъ Петербурга, одинаково заманчивая и крупнымъ приданымъ, и видными связями: ея родной дядя, графъ Александръ Иларіоновичъ, занималъ очень высокій постъ и могъ вытянуть въ люди кого угодно. Разъ онъ даже сказалъ это, въ присутствіи молодого человѣка, многозначительно улыбнувшись всѣмъ своимъ широкимъ, морщинистымъ, притворно-добродушнымъ лицомъ. Варя отказывала многимъ, и благодаря этому, должно быть, не вышла замужъ до двадцатипяти лѣтъ. Успѣхъ у нея былъ такой громкій съ самаго появленія въ свѣтѣ, и самоувѣренное, мастерское по тонкости кокетство придавало такую своеобразную прелесть ея подвижнымъ, выразительнымъ чертамъ, что, конечно, ей стоило только захотѣть — и давно она была бы подъ вѣнцомъ. Видѣть ее возлѣ себя съ такой покорной, даже смущенной радостью на разгорѣвшемся лицѣ—это, конечно, было для Сережи очень лестной побѣдой. И все-таки, хоть и находился Горянцевъ, какъ всѣ, подъ обаяніемъ ума Вари и ея тонкаго изящества, онъ полной радости не испытывалъ. Еслибы кто-нибудь изъ близкихъ наивно спросилъ его, любитъ ли онъ молодую дѣвушку, онъ разсмѣялся бы, вѣроятно, въ отвѣтъ. Развѣ такое обыденное, затасканное чувство, какъ влюбленность, могло годиться для избалованной, гибкой тѣломъ и душою, своенравной Вари! Ей самой оно показалось бы чѣмъ-то устарѣлымъ и смѣшнымъ: слишкомъ хорошо она знала, каково истинное счастье большинства ея замужнихъ

сверстницъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, кто счастья этого искалъ, помимо мужа. Она дастъ мужу деньги, положеніе; станетъ принимать безукоризненно, и взамѣнъ всего этого узнаетъ недоступныя свѣтской дѣвушкѣ наслажденія—а вѣдь не узнать ихъ вовсе женщинѣ нельзя... Нельзя не выйти замужъ: это было бы смѣшно и нелѣпо.

II.

И Сережа все это сознавалъ отлично: онъ тоже иллюзій себѣ не дѣлалъ, а все-таки на порогѣ рѣшенія чего-то ему было словно жаль, чего-то пустого, безсмысленнаго, конечно, но юнаго, хорошаго и свѣжаго въ то же время...

Тяжелые шаги послышались въ кабинетѣ: это былъ деньщикъ Горянцева.

— Сидоренко, одѣваться!—крикнулъ ему Сережа.

Вошелъ рослый, почти въ сажень, дѣтина, съ необычайно глупымъ и въ то же время плутовато-преданнымъ лицомъ.

— Письмо къ вашему благородію,—сказалъ онъ, входя.

И всякаго поразилъ бы его удивительно тонкій, почти дискантовый голосъ, всегда вызывавшій смѣхъ полковыхъ товарищей Горянцева.

Сережа съ перваго взгляда узналъ, чей былъ этотъ почеркъ, мелкій, быстрый и нервный, и чуть-чуть задрожавшими пальцами торопливо вскрылъ конвертъ. Содержаніе записки онъ пробѣжалъ въ одинъ мигъ, и румянецъ выступилъ на его щекахъ, глаза покрылись влагой и, блеснувъ на секунду, почему-то опустились.

„Мужъ сегодня уѣзжаетъ съ почтовымъ, я останусь дома одна отъ трехъ до пяти. Можетъ быть, вамъ захочется узнать, что̀ отвѣчу я на вашъ странный вопросъ—помните, четыре дня назадъ, когда мы катались съ горъ?“

Вмѣсто подписи стояли двѣ только буквы: „В. Р.“ Это—начальныя буквы имени жены Коли Разрубина, Веты, съ которой онъ обвѣнчался всего годъ передъ тѣмъ. Этотъ добрякъ, увалень Коля, вдругъ, невзначай вздумалъ жениться на 17-лѣтней дѣвочкѣ, у которой была такая сладкая, таинственная поволока на темносинихъ глазахъ, которая всѣмъ своимъ тонкимъ, дѣвственно-трепетнымъ тѣломъ, нервной, почти электрическою живостью въ движеніяхъ и во взглядѣ, словно такъ и тянулась къ невѣдомой ей страсти, знойной, какъ то южное солнце, подъ

которымъ она выросла. Темные волосы, матовый цвѣтъ лица, гдѣ вспыхивалъ порой быстрый румянецъ, гибкость стана,—все это говорило о южной, горячей крови. И такая жена у Коли Разрубина, лѣниваго, рыхлаго, съ вѣчно улыбающимся лицомъ, отличнаго малаго, всегда довольнаго собою и другими. Всю эту зиму у Сережи Горянцева тлѣла на душѣ зародившаяся алчная любовь къ молоденькой женщинѣ, сохранившей и въ замужествѣ что-то дѣвственное и въ очертаніяхъ фигуры, и въ выраженіи глазъ. И самый этотъ видъ невинной дѣвушки, сливавшійся въ ней съ безсознательною жаждою страсти, придавалъ Ветѣ Разрубиной особенную, незаурядную прелесть. Съ первой же ихъ встрѣчи Сережа опьянѣлъ сразу отъ ея вкрадчивой, возбуждающей красоты, и сначала добросовѣстно пытался ея избѣгать: Коля былъ однимъ изъ его лучшихъ друзей. Онъ раньше всѣхъ прочихъ товарищей съ нимъ сблизился, и не разъ выпутывалъ изъ бѣды, давая взаймы деньги. Ухаживать за его женою было чѣмъ-то недостойнымъ, даже низкимъ.

Но какъ ни твердилъ себѣ это Горянцевъ, онъ не устоялъ противъ соблазна этихъ лучистыхъ глазъ, такъ обманчиво глядѣвшихъ еще совсѣмъ по-дѣвичьи, а порою вспыхивавшихъ такимъ обольстительнымъ пламенемъ. Молодая женщина и не думала скрывать, что Горянцевъ ей нравится. Не замѣчалъ этого одинъ только мужъ, влюбленный въ свою дѣвочку, какъ онъ называлъ ее, съ чисто юношескою довѣрчивостью. Коля Разрубинъ и не догадывался, что̀ за тайная жажда запретныхъ наслажденій поднимается подчасъ въ полудѣтской, съ виду, груди его молоденькой Веты, какъ далеко заходятъ ея совсѣмъ недѣтскія грезы. Онъ не замѣчалъ даже, сколько холодности было въ ея ласкахъ. А Горянцевъ чувствовалъ, что и его самого все сильнѣе проникаетъ жгучее до боли желаніе овладѣть этимъ юнымъ существомъ, въ которомъ безсознательно развращенное воображеніе такъ странно мирилось съ чарующей невинностью облика.

Разъ послѣ шумной „partie de plaisir", затѣянной на святкахъ, Горянцеву пришлось случайно ѣхать назадъ въ городъ вдвоемъ съ Ветой: онъ думалъ, по крайней мѣрѣ, что это было случайно. Почти у самаго Троицкаго моста одна изъ пристяжныхъ запуталась ногой въ постромкахъ, и чуть-было не понесла. Молодая женщина испугалась, или притворилась испуганной, и прильнула всѣмъ тѣломъ къ Сережѣ, только-что заставившаго ее громко разсмѣяться какою-то двусмысленною шуткой. Неожиданное прикосновеніе ея упругаго стана зажгло мгновенно въ

немъ кровь, и онъ невольно обнялъ молодую женщину, и не отнялъ руки даже послѣ того, какъ ямщикъ успокоилъ расходившихся лошадей. Ѣхавшіе сзади успѣли замѣтить, что съ ихъ санями что-то неладно, и Коля Разрубинъ, нагнавъ ихъ, выскочилъ и бросился впередъ къ зашалившимъ лошадямъ.

— Ничего, Коля, ничего!—весело и совершенно спокойно остановила его молодая женщина.—Сейчасъ все придетъ въ порядокъ. Не правда ли, Сергѣй Николаевичъ?

Горянцевъ удивился этому поразительному спокойствію. Выраженія лица молодой женщины онъ не могъ ясно разглядѣть, но въ голосѣ ея слышалась улыбка, безбоязненная и задорная, и рука его все не выпускала прижимавшагося къ нему тонкаго стана. А Коля, убѣдившись, что опасности никакой нѣтъ, добродушно посовѣтовалъ Горянцеву получше наблюдать за ямщикомъ, и вернулся къ своимъ санямъ. До самаго подъѣзда Разрубиныхъ Сережа и Вета почти не разговаривали. Молодой человѣкъ почувствовалъ, какъ они вдругъ сблизились, и его встревожило это сближеніе.

— Вы не слишкомъ перепугались? — спросилъ онъ только, отнимая руку.

— Я не пуглива!—отвѣтила она, и при свѣтѣ фонаря онъ ясно разглядѣлъ электрическій блескъ ея глазъ.

Когда они простились, обѣщавъ другъ другу свидѣться опять на слѣдующій день, сперва на каткѣ, а вечеромъ на балу, ея ручка крѣпко отвѣтила на его пожатіе. И за всю эту зиму много накопилось такихъ мелкихъ впечатлѣній, все безнадежнѣе погружавшихъ Горянцева въ волну запретной страсти. Онъ уже не боролся со своимъ чувствомъ. Очертя голову, онъ самъ теперь сталъ призывать блаженную минуту, когда можно будетъ отвѣдать жгучей струи опьяняющихъ наслажденій. Горянцевъ сознавалъ, что готовится совершить позорный, низкій поступокъ. Отвращеніе къ самому себѣ въ немъ поднималось не разъ. Но онъ шелъ къ своей цѣли, не оглядываясь, только жмуря глаза порою, точно передъ слишкомъ яркимъ, обличительнымъ свѣтомъ.

На масляницѣ, когда они вдвоемъ катались съ горъ, и Вета, стоя на колѣняхъ позади него, опиралась обѣими руками на его плечи, и онъ чувствовалъ на своей шеѣ ея сладкое дыханіе, на спинѣ прикосновеніе молодой груди, Горянцевъ вдругъ спросилъ, оборачиваясь къ ней:

— А что, Лизавета Григорьевна, если я нарочно опрокину сани?

— Не опрокинете,—чуть-чуть засмѣявшись искристымъ смѣхомъ, отвѣтила она.

— А, право, хочется,—засмѣялся онъ тоже, и въ его голосѣ что-то злое слышалось.—Да такъ опрокинуть, чтобы намъ обоимъ ушибиться до смерти...

Онъ посмотрѣлъ на нее опять, и она вздрогнула.

— Полноте, не говорите пустяковъ,—совсѣмъ уже инымъ, холоднымъ голосомъ сказала она.

Горянцевъ промолчалъ. Но когда они докатились, и Вета выпрыгнула изъ санокъ, онъ остановилъ ее, сжавъ руку до боли.

— Послушайте!—онъ нагнулся къ самому ея уху.—Я долѣе сдерживаться не въ силахъ... Я...

— Чтò—вы?..—она перебила его задорною трелью смѣха.

— А если бы я попросилъ васъ не на шутку—онъ впился въ нее блестящимъ, почти наглымъ взглядомъ — пуститься со мною по такому же быстрому скату, и...

— Вы сейчасъ наговорите глупостей,—остановила она его, и быстро ускользнула на своихъ конькахъ.

Съ тѣхъ поръ прошло четыре дня. И вотъ его давнишнее, мучительное желаніе исполнялось. Онъ перечитывалъ ея записку, страстно вдыхая въ себя тонкій запахъ духовъ, которымъ вѣяло отъ плотной бумаги. Но почему-то за-одно съ радостью что-то болѣзненное, что-то ужалившее его въ самую глубь совѣсти проникало къ нему въ душу изъ этихъ же плѣнительныхъ строкъ.

III.

— Здравствуй, Горянцевъ! Ты еще не одѣтъ? — раздался изъ кабинета хриплый голосъ Полабина, и по ковру зазвенѣли шпоры.

Сережа будто очнулся. Онъ встряхнулъ головою, какъ бы желая освободиться отъ внутренняго голоса, мѣшавшаго ему безраздѣльно отдаться радости, и, поспѣшно спрятавъ записку, вышелъ къ пріятелю.

— Послѣ вчерашней побѣды хорошенько выспался, какъ всѣ побѣдители?—беззвучно засмѣялся Полабинъ, пожимая руку Сережи своею маленькою, холодною, какъ ледъ, рукою, съ длинными выхоленными ногтями. Лицо у него было совершенно безцвѣтно, съ блѣдными, тонкими, искривленными губами, прямымъ носомъ и маленькими острыми глазами. И носъ этотъ, и губы,

и заостренный подбородокъ, говорили объ энергіи недюжинной. Чѣмъ либо смутить этого человѣка было не легко.

— Видъ однако не особенно у тебя торжествующій,—продолжалъ Полабинъ, и, чиркнувъ спичкой, засунулъ себѣ папиросу въ лѣвый уголъ рта. У него была привычка такъ курить. —А вѣдь признайся, эти четыре тысячи пришлись тебѣ очень кстати. Что̀, Разрубинъ сполна расплатился?

— Почти, — нѐхотя проронилъ Горянцевъ, которому очень непріятно было напоминаніе о вчерашнемъ выигрышѣ.

— То-то „почти"... А сегодня въ деревню отправился. Должно быть, за фондами. Непремѣнно заверну сегодня къ Лизаветѣ Григорьевнѣ...

Говоря это, онъ пристально, исподлобья, взглянулъ на товарища. У того глаза вспыхнули на мигъ, и тотчасъ опустились.

— А ты къ ней не собираешься?

— Не знаю! какъ придется,—съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Сережа. — Сидоренко, чаю!—крикнулъ онъ деньщику, и бокомъ присѣлъ на стулъ, разсѣянно забарабанивъ пальцами по спинкѣ.

Полабинъ продолжалъ стоять.

— Ну, да я не за этимъ!—онъ выпустилъ струйку голубоватаго дыма.—Мы съ тобой вмѣстѣ обѣдаемъ у графа Александра Иларіоновича?..—спросилъ онъ.

— Нѣтъ! Онъ меня не приглашалъ.

— Пригласитъ!.. Должно быть, вчера не успѣлъ тебѣ сказать. И, пожалуйста, не вздумай ломаться! Ты догадываешься вѣдь, кто тамъ будетъ? Обѣдъ этотъ устроился вчера только, на балу. Кстати, поздравляю тебя съ успѣхомъ!

Полабинъ оперся лѣвымъ колѣномъ на кресло, и опять всмотрѣлся въ товарища. Сережа поморщился: ему въ первый разъ были въ тягость покровительственные совѣты его ментора. Да и рѣзало ему какъ-то слухъ это напоминаніе о его почти совершившейся помолвкѣ. Такъ ужъ далеко было отъ этого ряда мыслей до тѣхъ жгучихъ ощущеній, черезъ которыя онъ только-что прошелъ. И въ эту минуту Варя Чертолина и ея сановный дядя стали ему какъ-то вдругъ ненавистны.

— Что же чаю?—недовольнымъ голосомъ повторилъ онъ приказъ входившему Сидоренкѣ, у котораго въ рукахъ была записка.

— Слушаю-съ, ваше благородіе!—Вотъ, письмо сейчасъ принесли!

— Ага! Вотъ оно, приглашеніе,—сказалъ Полабинъ.—Узнаю почеркъ графа.

Графъ Александръ Иларіоновичъ писалъ необыкновенно крупно, по военному. Въ почеркѣ была у него та же притворно-добродушная развязность—cette rondeur de bon enfant,—какъ и во всемъ его обращеніи.

— Ну, стало быть, все какъ слѣдуетъ!

Полабинъ снялъ колѣно съ кресла и прошелся по комнатѣ.

— Въ семь часовъ мы у графа, и, надѣюсь, ты поведешь свои дѣла рѣшительно. Вотъ-то обрадуются твои кредиторы!

Сережа поморщился опять, и Полабинъ теперь это замѣтилъ.

— Ты, кажется, принимаешь кисло-сладкій видъ, un air digne. Заранѣе вкушаешь будущія грандёры: напрасно, Сережа! Намъ-то другъ передъ другомъ стѣсняться!.. Ну, слушай—до половины одиннадцатаго ты занимайся ухаживаніемъ, а я съѣзжу устроить одно дѣлишко. Потомъ я пріѣду за тобой, и мы катимъ вмѣстѣ къ княгинѣ Бетси. Тамъ будутъ всѣ наши дамы—Софи Мендеръ, баронесса Шварценбахъ, Мери Svольская.

— И опять ужинъ, и опять до трехъ часовъ ночи! Какая скука!—воскликнулъ Сережа.

— Вотъ и скука! А давно ли ты мечталъ въ этотъ кружокъ попасть? Vous vous êtes bien vite dégouté, mon cher... И совсѣмъ ты не угадалъ. Никакого ужина у княгини Красносхолмской не будетъ. Я придумалъ всей компаніей въ тройкахъ ѣхать на Каменный.

— Къ Фелисьену? Это по-твоему веселѣе?

— Да чтò ты въ самомъ дѣлѣ? Или у тебя уже завелись добродѣтели женатаго человѣка? У насъ будетъ какъ нельзя забавнѣе, и вотъ почему. Я знаю, туда собирается другая компанія—Равичъ везетъ двухъ француженокъ цыганъ слушать. Двѣ богемы столкнутся. А мы привеземъ съ собою третью—великосвѣтскую... А такъ какъ ты знаешь про отношенія Равича къ Софи Мендеръ—выйдетъ преинтересно... Я, конечно, постараюсь устроить встрѣчу трогательною!

Полабинъ закурилъ вторую папиросу и разсмѣялся необыкновенно злымъ, хоть и негромкимъ смѣхомъ.

Гадливое чувство поднималось въ груди Сережи, пока онъ разсѣянно слушалъ, весь въ плѣну у мечты объ ожидавшемъ его свиданіи. Полабинъ казался ему необыкновенно противнымъ въ эту минуту. Но вылиться наружу возмущенное чувство не успѣло: въ дверяхъ показался князь Суздальскій, а слѣдъ за нимъ входилъ Сидоренко съ чаемъ.

Суздальскій и Полабинъ не были друзьями: это замѣтилъ бы всякій. Съ виду они казались близкими товарищами; но въ глазахъ у Полабина, когда онъ пожалъ руку князя, была какая-то полускрытая враждебная усмѣшка, а на лицѣ Суздальскаго промелькнуло что-то почти брезгливое, и руку эту онъ протянулъ какъ-то неохотно, словно торопясь ее отдернуть.

„Знаю, какого ты мнѣнія на мой счетъ,—будто говорилъ быстрый недобрый взглядъ Полабина;—но повѣрь, мой милѣйшій, это мнѣ рѣшительно все равно"... Только равнодушіе это было притворное, и Полабинъ, въ сущности, ненавидѣлъ молодого князя за холодное презрѣніе къ себѣ, какое онъ въ немъ чувствовалъ. А Суздальскій и не давалъ себѣ труда разбирать, какъ относится къ нему товарищъ. Его равнодушіе къ Полабину было вполнѣ искреннимъ.

— Что, порѣшили, наконецъ, насчетъ Вельскаго? Выходить ему изъ полка?

Полабинъ спросилъ это, стараясь придать себѣ и своему голосу что-то независимое и насмѣшливое, хотя онъ, въ сущности, зналъ, что его личное мнѣніе цѣнится товарищами невысоко; и бѣсило это его до крайности.

— По-моему нѣтъ,—коротко отвѣтилъ князь, и голубые его глаза открыто устремились на Полабина.

Въ наружности князя Бориса Алексѣевича не было ничего особенно внушительнаго. Невысокаго роста и некрѣпкаго сложенія, онъ не поражалъ здоровьемъ и силою, какъ Сережа, и стальною упругостью тѣла, какъ Полабинъ. Его превосходство было внутреннее, духовное. Оно сказывалось въ благородномъ спокойствіи выраженія, въ сознаніи независимой правоты, которая чувствовалась всѣми, кто съ нимъ имѣлъ дѣло.

— Вотъ какъ! Слышишь, Горянцевъ?—притворно закипятился Полабинъ.—Я такъ и зналъ, что Борисъ это скажетъ. Человѣкъ получилъ нравственную пощечину, и предпочелъ извиниться, чѣмъ выйти на барьеръ. Чудесно!

— Еслибы онъ получилъ не только нравственную, а настоящую пощечину, я бы сказалъ то же,—все съ тѣмъ же спокойствіемъ отвѣтилъ Суздальскій.

— Прекрасно!—Полабинъ нервно прошелся по комнатѣ.—Еслибы, по крайней мѣрѣ, исторія эта осталась въ нашемъ кругу! Но про нее знаетъ весь городъ!

— А по-твоему,—отчеканилъ князь,—оскорбленіе только тогда что-нибудь значитъ, когда оно огласилось?

Полабинъ хотѣлъ возразить, но Суздальскій его остановилъ:

— Скажи, прямо,—дуэль по-твоему нравственная обязанность передъ другими въ доказательство того, что человѣкъ не трусъ, или, напротивъ, послѣднее и къ тому же очень печальное средство защитить себя отъ мерзавца, когда иной защиты нѣтъ?.. Вельскій былъ кругомъ виноватъ, и по-моему онъ прекрасно сдѣлалъ, что извинился.

— Да, коли онъ трусъ,—рѣзко возразилъ Полабинъ.

— Трусъ?.. Значитъ, когда сдѣлаешь гадкій поступокъ, надо, вдобавокъ, убить или искалѣчить того, кому нанесъ обиду? Это по-твоему хорошо? И ты позволяешь себѣ называть Вельскаго трусомъ, когда онъ себя десятки разъ велъ какъ настоящій молодецъ... Если ужъ выходить ему изъ полка, такъ за то развѣ, что онъ гадко поступилъ съ Лабунинымъ... И не извинись онъ, я бы первый... Да, впрочемъ, что̀ тутъ толковать! Мы съ тобой въ этомъ не сойдемся! А твое мнѣніе, Сережа?—обратился онъ къ Горянцеву, все время молчавшему.

— Да не знаю, право! Исторія скверная,—покусывая лѣвый усъ, неохотно отвѣтилъ Сережа.

— Да, скверная! И знаешь почему?.. Потому что товарищъ, котораго мы всѣ любимъ, и которому все дано отъ жизни—и умъ, и богатство, и положеніе—столько времени злоупотреблялъ всѣмъ этимъ, чтобы всячески преслѣдовать, унижать бѣднаго Лабунина—вотъ какъ ты, Сережа, съ Разрубинымъ поступаешь. Ну, мы про это съ тобою еще поговоримъ. И когда у Лабунина терпѣніе, наконецъ, лопнуло—вѣдь и слабое существо, коли его довести до отчаянія, способно огрызнуться—онъ при всѣхъ сказалъ Вельскому дерзость... Ты помнишь, Горянцевъ, какъ Алеша Вельскій поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ? Я былъ увѣренъ, что онъ бросится на Лабунина и сомнетъ его. А выраженіе лица у Лабунина въ эту минуту помнишь?—и бѣшенство, и отчаяніе, какъ у затравленнаго звѣря. Ну, и слава Богу, что Вельскій удержался... Вотъ тутъ-то онъ себя настоящимъ молодцомъ и показалъ, потому что настоящій молодецъ—тотъ, кто собою владѣетъ. Вѣдь убей онъ Лабунина,—а убилъ онъ его бы навѣрняка,—что̀ же, лучше это было бы? Полноте, господа, пора старые эти предразсудки бросить. Я, кажется, не трусъ, и Горянцевъ тоже, а на мѣстѣ Вельскаго мы оба...

— Ну, за себя я не поручусь,—вставилъ Сережа.

Полабинъ закусилъ себѣ губу до боли.

— И я вѣдь не трусъ,—сказалъ онъ, и что-то нехорошее заискрилось въ его маленькихъ зрачкахъ. — А по-моему... Ну, господа, не стану спорить. Пожалуй, заводите новые порядки,

и посмотримъ тогда, что̀ станется съ нашимъ мундиромъ. До свиданья!

Онъ надѣлъ фуражку и протянулъ руку Горянцеву и князю.

— Чаю не хочешь?—спросилъ Сережа?

— Нѣтъ, спѣшу. А вечеромъ не забудь!—выйдетъ прекомично.—Онъ пристегнулъ палашъ, приложился къ козырьку и вышелъ.

Суздальскій посмотрѣлъ ему молча вслѣдъ, и повернулся къ Сережѣ, который маленькими глотками отпивалъ чай.

— Что̀ это у васъ,—спросилъ онъ,—затѣяно на сегодняшній вечеръ?—Заговоръ какой?

— Ничего, пустяки!—слегка покраснѣвъ, отдѣлался Сережа отъ вопроса.

Какъ его ни возмутила затѣя Полабина, разсказывать о ней Суздальскому—ему не хотѣлось. Вѣдь онъ самъ почти согласился въ ней участвовать, молчаливо, по крайней мѣрѣ согласился, до того не хотѣлось ему отрываться отъ носившихся передъ нимъ сладкихъ грёзъ.

— Собираемся къ Бетси Краснохолмской, — сказалъ онъ небрежно.

— Что-жъ! Это не въ диковинку! и я тамъ буду!

Онъ почему-то вздохнулъ и задумался.

— Что̀ съ тобою?—спросилъ Горянцевъ.

— Эхъ, Сережа! надоѣла мнѣ эта жизнь дурацкая! Эта мнимая близость съ товарищами, которыхъ мы иногда... просто не уважаемъ, возня съ женщинами, которыхъ не ставимъ ни въ грошъ, этотъ смѣхъ безъ веселья, балагурство безъ остроумія... Ну,—оборвалъ онъ вдругъ,—я не затѣмъ пришелъ, чтобы философію разводить. Это вѣдь тоже преглупое занятіе... Я собирался тебѣ сказать, Сережа, что вчера былъ очень, очень тобою недоволенъ. Я слѣдилъ за твоей игрою и—ты положительно втравилъ Разрубина въ проигрышъ. Да, втравилъ... потому что когда имѣешь дѣло съ слабымъ противникомъ, который вести игры не умѣетъ, да еще выпилъ изрядно, пользоваться этимъ—то же, что̀ драться неравнымъ оружіемъ... Коли тебѣ нужны были деньги,—занялъ бы ты лучше у меня.

Горянцевъ отрицательно качнулъ головой, отворачивая отъ пріятеля запылавшее лицо.

— Ты знаешь, я никогда не занимаю у товарищей!

— Знаю! и это хорошо! Но обыгрывать человѣка, который во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе тебя, это... боюсь даже назвать по имени. И обѣщай мнѣ, что ты дашь ему отыграться.

Суздальскій всталъ.

— Ты всегда былъ хорошимъ, честнымъ малымъ—честнымъ, какъ я это понимаю, а не такъ, какъ всѣ; за это я тебя и полюбилъ такъ. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ у тебя даже зашевелилось на душѣ нехорошее чувство. Такъ дай мнѣ слово!

Онъ протянулъ руку пріятелю и посмотрѣлъ на него пристально—и съ укоромъ, и съ ласкою въ то же время.

Сережа обѣщалъ, и не одними словами только. Въ глазахъ его что-то искреннее, прямое блеснуло, и рука крѣпко и горячо отвѣтила на пожатіе товарища. Въ эту минуту онъ былъ именно такимъ, какимъ его всегда хотѣлъ видѣть Суздальскій.

Борисъ вторично пожалъ ему руку и вышелъ.

Но едва стихъ за дверями звукъ его шаговъ, слова пріятеля будто стерлись въ головѣ Сережи, и новая лихорадочная волна, приносившая съ собою обѣщаніе безконечнаго счастья, залила ему всю грудь.

IV.

Ровно въ три часа, сани Горянцева подкатили къ подъѣзду двухъ-этажнаго дома на Моховой, гдѣ жили Разрубины. Сережа поспѣшно отстегнулъ полость и позвонилъ. Ему отперли тотчасъ.

— А Николай Семеновичъ только-что уѣхать изволили,—съ добродушной усмѣшкою объявилъ стоявшій въ сѣняхъ широколицый лакей Разрубина.

— Хорошо! Доложи барынѣ! — кивнувъ головой, отвѣтилъ Горянцевъ, и вслѣдъ за лакеемъ быстро поднялся во второй этажъ.

Лакей пошелъ докладывать, и шаги его затерялись по мягкому ковру кабинета.

„Неужели,—мелькнуло въ головѣ у Сережи,—она приметъ его тамъ, въ кабинетѣ мужа, гдѣ столько хорошихъ часовъ онъ провелъ въ дружеской бесѣдѣ съ этимъ добрымъ, довѣрчивымъ Колей“? Что-то очень похожее на дрожь пробѣжало по всему его тѣлу при этой мысли. Невольно онъ закрылъ глаза рукою, какъ бы желая отогнать нахлынувшее тяжелое ощущеніе. Но мигъ спустя онъ уже овладѣлъ собою, внутренно смѣясь надъ своимъ малодушіемъ. Вѣдь всего нѣсколько минутъ передъ тѣмъ онъ рвался сюда всею силою неудержимаго, хищнаго желанія. И три часа, истекшіе послѣ его разговора съ Суздальскимъ, онъ не переставалъ лихорадочно торопить нестерпимо медленно тянувшееся время...

— Пожалуйте!—сказалъ вернувшійся лакей, показываясь на этотъ разъ въ дверяхъ гостиной:—Елизавета Григорьевна у себя.

Горянцевъ быстро прошелъ черезъ пустую гостиную и бережно растворилъ дверь въ другую маленькую комнату, куда дневной свѣтъ лишь слабо проникалъ сквозь полуопущенныя тяжелыя шолковыя занавѣси. Это былъ кабинетъ молодой женщины, убранный необыкновенно строго, съ преднамѣреннымъ отсутствіемъ чего-либо блестящаго, всякихъ дорогихъ бездѣлушекъ. Темные обои, нѣсколько картинъ и портретовъ въ черныхъ рамкахъ, мебель, обитая оливковымъ шолкомъ—все это не вызывало образа едва расцвѣтающей молодости, а говорило скорѣе о долгихъ годахъ, протекшихъ въ уединеніи, можетъ быть—въ раскаяніи. Шкафъ изъ стараго рѣзного дуба съ полками книгъ свидѣтельствовалъ о строгихъ вкусахъ хозяйки. И съ перваго взгляда обитавшее здѣсь маленькое, тонкое существо совсѣмъ подходило къ этой обстановкѣ. Смуглое личико Веты, ея большіе глаза, неподвижные, пока она молчала, тоже глядѣли строго, а чистыя линіи ея молодого стана придавали ей что-то почти отшельническое. Но стоило ей только засмѣяться своимъ тихимъ груднымъ смѣхомъ, звучавшимъ какимъ-то затаенныхъ задоромъ, и все ея существо мгновенно измѣнялось. Въ глазахъ электрическій огонь зажигался, какъ молнія по безоблачному южному небу, и въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ словѣ, въ каждой черточкѣ подвижного личика пробуждалось что-то безпокойное, что-то говорившее о страстномъ зноѣ юга, безъ его лѣнивой нѣги.

Когда Сережа вошелъ, она сидѣла откинувшись къ спинкѣ глубокаго низкаго кресла. Слегка опущенные глаза были устремлены въ сторону оконъ, и не взглянули даже на вошедшаго. Руки скрестились на колѣняхъ. Суконное темносѣрое платье совсѣмъ плотно облегало станъ, отчетливо вырисовывая его нѣжное изящество. Ноги, обутыя въ зеленые полусапожки, выдвинулись впередъ.

Что-то неподвижно усталое было въ ея позѣ. Но мигъ спустя, едва Горянцевъ успѣлъ сдѣлать два шага по комнатѣ, она поднялась съ мѣста и, чуть слышно, будто исподтишка засмѣявшись, протянула ему руку.

— Вы аккуратны,—сказала она.—А мужъ всего только десять минутъ, какъ уѣхалъ на поѣздъ.—Она посмотрѣла на часы:—нѣтъ, четверть часа будетъ.

— Вы не боитесь, что онъ опоздалъ?—невольно вырвалось у Сережи.

— Вы, кажется, этого боитесь,—устремила она на Горян-

цева свои глаза, въ эту минуту съ откровенною дерзостью глядѣвшіе на молодого человѣка. — Нѣтъ, можете успокоиться: не опоздаетъ! Хотите чаю?

И, не дождавшись отвѣта, молодая женщина нажала пуговку звонка.

— Чаю! — приказала она вошедшему лакею. — И отоприте дверь настежъ. Что за привычка ее вѣчно запирать!

И опять она смѣло, съ вызовомъ взглянула на Сережу. „Такъ гораздо лучше“, — читалось въ ея глазахъ.

— Вы не повѣрите, — добавила она громко, когда лакей вышелъ, — какъ этотъ человѣкъ глупъ. А представьте себѣ, я люблю глупую прислугу... Ну, садитесь и закуривайте! Вотъ вамъ пепельница! Да разсказывайте, коли имѣете, что̀ разсказать!

Она тряхнула кудрявой головкой и снова опустилась на свое кресло. Но прежняго спокойствія въ ея позѣ уже не было. Она смотрѣла теперь вертлявымъ бѣсёнкомъ-шалуномъ.

— Скажите, — вдругъ перебила она Сережу на какой-то шутливой фразѣ: — что̀ подумали вы, когда получили сегодня мою записку? Очень удивились?

— Очень!

Горянцевъ хотѣлъ придать этому короткому отвѣту что-то развязно-самоувѣренное, но противъ воли словечко „очень“, срываясь съ его губъ, искренно выдало его скрытую тревогу. Борьба съ собою не улеглась и теперь. Все его существо жадно тянулось къ запретному счастью, до котораго ему было рукой подать; и въ то же время это самое счастье внушало ему отвращеніе, и онъ ненавидѣлъ въ эту минуту и самого себя, и эту женщину, которую онъ жаждалъ покрыть поцѣлуями. И не въ силахъ былъ онъ отогнать отъ себя образъ товарища, котораго поѣздъ уносилъ къ Москвѣ. Честное лицо Коли глядѣло на него съ обычною добродушной усмѣшкой, и въ этой улыбкѣ ему чудился укоръ. Онъ хотѣлъ стряхнуть съ себя навожденіе, силился говорить съ Ветой въ развязномъ тонѣ, а его будто сковывало что-то, будто, леденило струившійся по его жиламъ огонь.

— Странный вы человѣкъ, Сергѣй Викторовичъ, — сказала она, сперва пристально вглядѣвшись въ него: — задаете непозволительные вопросы, и...

— Самъ удивленъ, что собираетесь мнѣ отвѣтить, — притворно засмѣявшись, досказалъ онъ за нее.

Но Вета словно уже не слушала. Она внимательно разсматривала свою правую руку.

— Ахъ!—воскликнула она:—чернильное пятно!.. это еще когда я вамъ писала!

Она поднялась, но Горянцевъ удержалъ ее.

— Дайте мнѣ эту руку!—сказалъ онъ, и глаза его обожгли молодую женщину:—ту самую руку, которая сегодня утромъ мнѣ написала эти радостныя слова... Дайте! Я смою съ нея это пятнышко! гдѣ оно?!

И онъ поцѣловалъ ее въ самую ладонь, крѣпко стискивая ея руку. Волна проснувшейся страсти разомъ снесла всѣ его сомнѣнія, всѣ упреки совѣсти.

— Оставьте! Идутъ! — прошептала она, слабо отдергивая руку и улыбаясь въ то же время изъ самой глубины своихъ темныхъ глазъ.

Лакей вошелъ съ подносомъ и, поставивъ столикъ съ чайнымъ приборомъ передъ кресломъ Веты, беззвучно удалился.

Молодая женщина принялась заваривать чай, быстро перебирая маленькими ручками чашки и тарелочки съ печеньемъ. Ручки эти съ розовыми ногтями и маленькими ямочками на чуть-чуть выгнутыхъ пальчикахъ мелькали передъ воспаленнымъ взоромъ молодого человѣка, и вся она, тонкая, упругая, почти хрупкая, въ плотно облегавшемъ ее платьѣ, смотрѣла какимъ-то сказочнымъ существомъ—полудѣвушкой и полубѣсёнкомъ—существомъ, казавшимся такимъ чистымъ и нетронутымъ и въ то же время сулившимъ столько жгучихъ радостей.

У Сережи все сильнѣе туманилась голова. Вета не переставала болтать, такъ и дразня его задорными нотками въ голосѣ и блестящими искрами, сыпавшимися изъ ея глазъ.

Сережа отвѣчалъ лишь коротко, словно цѣпенѣя отъ охватившаго его сладкаго дурмана.

— Ну, вотъ,—она подала ему чашку,—а я пойду уничтожить слѣды моего неосторожнаго писанія... Вы все-таки не смыли пятна...

Она засмѣялась, и острые ея жемчужные зубки блеснули изъ-подъ ея губъ.

Вета беззвучно исчезла. Дверь въ сосѣднюю комнату только скрипнула чуть-чуть. А Горянцевъ оставался неподвижнымъ, не дотрогиваясь до чашки. Голова его опустилась на руки; пальцы принялись невольно ерошить волосы, и вновь образъ товарища предсталъ передъ нимъ, но теперь уже блѣдный, съ грустью на лицѣ. И въ сильно забившееся сердце Горянцева такъ и стучался неугомонный голосъ, не перестававшій твердить о нарушенныхъ священныхъ правахъ дружбы.

— Да... это гнусно... Я поступаю подло... — говорилъ онъ себѣ, все глубже уходя въ свои тяжелыя мысли...

Онъ не разслышалъ, какъ она вернулась. И вдругъ неожиданно онъ почувствовалъ, какъ двѣ нѣжныя тонкія руки сзади обвились вокругъ его шеи...

Огонь зажегся по всему его тѣлу. Онъ вскочилъ на ноги, увидѣлъ ее передъ собою, всю смѣющуюся, всю облитую свѣтомъ грѣшной чувственной любви, съ распущенными, спадавшими ей на плечи волосами. Онъ почти вскрикнулъ отъ какого-то радостнаго и въ то же время болѣзненно дикаго ощущенія, и крѣпко, яростно не обнялъ только, а стиснулъ ее всю. Вета послушно склонила къ нему свою головку, спокойная, какъ ребенокъ на рукахъ у матери. А изъ-подъ шелковистыхъ рѣсницъ синіе глаза лукаво манили, суля неизвѣданное блаженство.

Звѣрь проснулся въ немъ...

V.

Было уже за̀ шесть, когда Сережа вернулся домой. У себя на столѣ онъ нашелъ письмо отъ отца. Весь еще въ плѣну у только-что испытанныхъ жгучихъ ощущеній, онъ принялся читать разсѣянно, почти нѐхотя, самъ удивляясь, отчего у него такъ дрожатъ пальцы. Сережа не отдавалъ себѣ яснаго отчета, что подъ сладкою пѣною счастья сочилось у него иное, горькое чувство тревожнаго недовольства собою и чего-то очень похожаго на презрѣніе къ этой женщинѣ... Первыя же строки отца протрезвили его разумъ.

Викторъ Николаевичъ Горянцевъ былъ человѣкъ прямолинейныхъ, несложныхъ правилъ, которыхъ онъ всю жизнь держался. Зная это, Сережа за послѣднее время писалъ ему рѣдко и далеко не вполнѣ искренно. Викторъ Николаевичъ хорошенько не зналъ, какую жизнь ведетъ въ Петербургѣ сынъ, но что-то неладное ему, все-таки, чуялось въ короткихъ, уклончивыхъ письмахъ Сережи. Читать ему наставленій онъ, однако, не думалъ. Отставной морякъ, потерявшій лѣвую руку подъ Севастополемъ, и видѣвшій тамъ гибель своего дорогого черноморскаго флота, Викторъ Николаевичъ былъ не мастеръ писать красно, и многословія не жаловалъ. Зато въ каждой его строчкѣ чувствовалось простое, непоколебимое міросозерцаніе, не допускавшее уклоненій и компромиссовъ. И для взволнованнаго сердца Сережи письмо отца было какъ ударъ о подводную скалу для ко-

рабля, которымъ завладѣли волны. Ставшій теперь ему чужимъ, когда-то дорогой и близкій, домашній строй цѣликомъ, какъ живой, выступалъ передъ нимъ. Викторъ Николаевичъ извѣщалъ о помолвкѣ племянницы, выросшей у него въ домѣ, говорилъ вкратцѣ, какъ идутъ дѣла, обѣщая къ половинѣ марта выслать денегъ—очень небольшія были эти деньги, всего триста рублей,—и разсказывалъ, какъ полюбовно окончился давнишній споръ о землѣ съ сосѣдней деревней. И во всемъ этомъ чувствовалась здоровая простота честной, незамысловатой жизни, гдѣ всѣ домашніе—въ самомъ дѣлѣ близкіе, дорогіе люди, гдѣ всѣ отношенія къ окружающему мірку проникнуты искреннимъ благожелательствомъ и непоколебимою правдой. Насмѣшливое чувство зашевелилось-было на сердцѣ у Сережи, когда онъ читалъ про всѣ эти мелкія дѣла, столь чуждыя блестящей шумной средѣ, гдѣ вращалась за послѣднее время его собственная жизнь. Но чувство это замерло тотчасъ, заслоненное невольнымъ ощущеніемъ стыда. Кузина, выходившая замужъ, была, правда, некрасивая и ничѣмъ не выдающаяся дѣвушка, и споръ о землѣ съ крестьянами казался Сережѣ очень ужъ мизернымъ. Но эта неизящная и не особенно умная даже кузина Маша была такимъ добрымъ, безконечно преданнымъ существомъ, и ожидавшее ее совсѣмъ ужъ негромкое счастье наполняло такою искреннею радостью Виктора Николаевича! И мать, столько лѣтъ уже больная, лишенная даже возможности писать, такъ сердечно посылала черезъ мужа благословеніе почти забывшему ее сыну... За всю эту зиму, гдѣ столько разнообразныхъ интересовъ наполняло его жизнь, онъ вспомнилъ о ней едва-ли хоть разъ. „Для конца я приберегъ тебѣ еще новость“,—говорилъ затѣмъ Викторъ Николаевичъ:—„Иванъ Ѳедоровичъ мнѣ вчера сообщилъ, что дочь его помолвлена съ однимъ сосѣдомъ. Фамилія его Ральскій. Впрочемъ, тебѣ это все равно: ты его не знаешь. Ужасно мнѣ было совѣстно передъ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Казалось мнѣ, что онъ сожалѣетъ о другомъ женихѣ; да и Вѣрочка едва ли съ большою радостью выходитъ за этого Ральскаго... Я ее видѣлъ на дняхъ—она что-то не смотритъ счастливой невѣстою. Не хочу тебя ни въ чемъ упрекать, Сережа: ты, вѣдь не виноватъ, коли разлюбилъ Вѣрочку. И слова по-настоящему вы другъ другу не давали. А мнѣ все-таки тяжело сознавать, что сынъ мой, да и я самъ, какъ будто, не сдержали обѣщанія, хоть и прямо невысказаннаго. Мнѣ впервые пришлось это почувствовать: никогда въ жизни я никому по доброй волѣ не причинялъ горя и обиды. Ну, да, видно, ужъ не судьба“...

Вѣрочка Телѣгина! Какъ далеко было это имя теперь для Сережи; какимъ чужимъ, постылымъ оно звучало! Могла она развѣ своею деревенскою, непритязательною, хоть и свѣжею красотой состязаться съ огненною прелестью Веты?.. И все-таки, на самой глубинѣ души у Сережи, какъ будто, сожалѣніе зашевелилось, какъ будто сознаніе, что онъ оттолкнулъ отъ себя хрустально-чистое существо, у котораго все-таки было что-то своеобразно милое, какая-то особая невинная привлекательность, которой недоставало Ветѣ... И вѣдь онъ испортилъ, быть можетъ навсегда, непоправимо испортилъ, бѣдную жизнь этого ничѣмъ передъ нимъ невиноватаго существа...

— Горянцевъ, я за тобой! Ты, надѣюсь, готовъ?—раздался изъ передней голосъ входившаго Полабина.—Какъ! Еще не одѣтъ, и преспокойно читаешь какое-то письмо? Да вѣдь безъ четверти семь! Мы опоздаемъ...

Они, однако, не опоздали. Вороной рысакъ Горянцева ровно въ четверть восьмого подвезъ ихъ къ дому графа Александра Иларіоновича, гдѣ обѣдали въ семь, но всегда дожидались лишнихъ четверть часа. Дорогою пріятели не разговаривали. Полабинъ тщетно старался расшевелить Сережу шутками насчетъ предстоящаго свиданія съ Варей.

— А вѣдь умѣетъ-таки графъ быстро вести дѣло, когда захочетъ. Стремительная аттака на тебя, нечего сказать! И вѣдь не возьму въ толкъ, изъ-за чего такая прыть! Видно, сія барышня очень ужъ по тебѣ сгораетъ, хоть и совсѣмъ на нее это не похоже. Ну, да сердце дѣвичье,—буде такой совершенно излишній органъ у современныхъ барышенъ имѣется—бездонная пучина, преисполненная тайнъ, а порой и чего-нибудь похуже...

Сережа на все это только морщился, да „помалкивалъ“. Варя Чертолина стала ему вдругъ ненавистной, онъ самъ бы не могъ сказать—почему. И когда онъ увидѣлъ ее стоявшею въ углу гостиной и оживленно разговаривающею, увидѣлъ одѣтою, какъ всегда, мастерски, съ какою-то ею одной свойственною изящною оригинальностью, онъ почувствовалъ къ ней почти отвращеніе. „Ложь“,—подумалъ онъ,—все ложь. И красивая поза, и спокойное выраженіе глазъ, и мнимый интересъ, съ какимъ она ведетъ разговоръ, будто даже не замѣчая меня совсѣмъ, и этотъ сдержанный смѣхъ, какъ разъ въ пору, и самый ея туалетъ, съ виду простой, а надъ которымъ она просидѣла, можетъ быть, болѣе часа“. Варя была въ платьѣ темнаго цвѣта, съ небольшимъ вырѣзомъ на шеѣ, и платье это казалось ей совсѣмъ не

по лѣтамъ—оно будто ее старило. Зато, когда она стояла, бесѣдуя съ совѣтникомъ австрійскаго посольства, оно словно обливало ея станъ, вырисовывая его изящные, будто змѣиные изгибы. И темный цвѣтъ былъ выбранъ нарочно, по случаю перваго дня великаго поста, и для того, въ особенности, чтобы не подчеркнуть характеръ этого обѣда, въ сущности очень похожаго на смотрины.

— А, молодые люди!—громко привѣтствовалъ съ обычнымъ радушіемъ графъ Александръ Илларіоновичъ входившихъ пріятелей.—Не слишкомъ рано, и все-таки какъ разъ въ пору, именно какъ слѣдуетъ такимъ элегантнымъ юношамъ.—Лѣвый глазъ у графа, при этихъ словахъ, какъ-то добродушно прищурился, и его богатырскіе выхоленные усы чуть чуть запрыгали надъ мясистымъ ртомъ. Онъ взялъ Сережу за локоть и подвелъ къ дамамъ, оставляя Полабина нѣсколько позади, какъ лицо въ данномъ случаѣ второстепенное. Дамы эти были: жена графа, очень набожная и въ то же время злоязычная особа; его сестра, до-нѐльзя полная—Софья Илларіоновна Чертолина, слывшая не безъ основанія самою практическою женщиною въ Петербургѣ, и вѣчно усталая, разсѣянная, суетящаяся Лили Боровская—дальняя ихъ родственница, разъ навсегда признанная всѣми „une femme charmante", хотя рѣшительно никто не могъ сказать, въ чемъ этотъ „charme" заключался. Семейный характеръ обѣда еще усиливался присутствіемъ двухъ племянниковъ графа—лицеиста Миши Сурикова и дипломата Вани Горбина, изъ которыхъ послѣдній уже дѣлалъ карьеру, а первый объ этомъ пока мечталъ. Австрійскій совѣтникъ и Полабинъ одни только слегка нарушали этотъ семейный характеръ. Но такъ именно было надо, чтобы не слишкомъ чувствовалась подготовка будущей свадьбы, и присутствіе чуждаго элемента не дало обѣду выйти натянутымъ.

Будущая невѣста, не дрогнувшая бровью при видѣ жениха, съумѣла, однако, устроить такъ, чтобы за двѣ короткія минуты, пока всѣ не пошли въ столовую, уединиться съ Сережею и сказать ему нѣсколько словъ, напоминавшихъ о ихъ близости. И сдѣлала она это совершенно просто, закончивъ свой разговоръ съ австрійцемъ красивой фразой, казавшейся очень умной, хотя въ ней ровно никакого смысла не было.

— Я увѣрена,—вполголоса заговорила она, — что вчера, послѣ бала, вы не уѣхали домой, и сочли нужнымъ еще нѣсколько часовъ провести самымъ непозволительнымъ образомъ.

— Я люблю контрасты, Варвара Андреевна, — отвѣтилъ Горянцевъ.

— Да?.. Только, я думаю, контрасты эти въ сущности очень другъ на друга похожи... Вѣдь мы всѣ непозволительно живемъ, — всѣ съ утра до вечера, и намъ когда-нибудь за это очень дурно придется. И знаете, что̀? — она сдѣлала видъ, что всматривается въ него пристально:—вы очень блѣдны сегодня, какъ будто даже больны. И это къ вамъ очень идетъ. Есть что-то грубое въ здоровомъ видѣ. Только берегитесь, надо всего въ мѣру... Ахъ, пойдемте!—Вошедшій лакей доложилъ, что поданъ обѣдъ, и она взяла Сережу подъ руку.

„Что̀ это, участіе или насмѣшка“?—спросилъ у себя Горянцевъ, пока они шли въ столовую.

Онъ сразу вошелъ въ тонъ небрежной шутливости, изъ-подъ которой должно было чувствоваться сдержанное поклоненіе. И это ему не стоило никакого труда. Воздухъ, которымъ дышалось въ домѣ графа, заразилъ его. Уже во время закуски австріецъ успѣлъ разсказать два изъ тѣхъ неприличныхъ анекдотовъ, до которыхъ такъ падки такъ-называемыя порядочныя женщины; поддержалъ эту тему и Полабинъ, а Лили Боровская подчеркнула впечатлѣніе всеобщей испорченности, замѣтивъ, между прочимъ, „que nous faisons de la pénitence à rebours“.

И за обѣдомъ было все то же. Полабинъ приводилъ въ ужасъ госпожу Чертолипу, въ сущности ее очень забавляя; австріецъ заговорилъ о французской литературѣ, и по этому поводу о французскихъ нравахъ, коснувшись и политическихъ сферъ. Графъ подхватилъ-было эту тему снисходительнымъ тономъ, разсказавъ недавній случай изъ оффиціальнаго міра, гдѣ подъ видомъ благодушія просвѣчивала самая злая иронія. Но когда лицеистъ воспользовался этимъ, чтобы отпустить громкую фразу насчетъ властей предержащихъ,—онъ воображалъ себя либераломъ, хотя въ его головѣ мечты о кокоткахъ смѣнялись надеждами на камеръ-юнкерскій мундиръ;—когда затѣмъ австрійскій дипломатъ съ нѣкоторымъ ехидствомъ захотѣлъ поглубже разузнать подкладку разыгравшейся исторіи,—графъ, спохватившись, очень ловко повернулъ разговоръ на почву свѣтскихъ безвинныхъ сплетенъ. Варя дѣлала видъ, что не слушаетъ, хотя въ сущности оцѣнивала по достоинству всю прелесть сыпавшихся вокругъ нея скандальныхъ анекдотовъ, и завела со своимъ кавалеромъ запутанную бесѣду, гдѣ было понемножку всего: и литературы, и замѣчаній о дамскихъ туалетахъ, и философіи Нитцше, и даже религіи. Она увѣряла Сережу, что очень инте-

ресуется его вѣрованіями, хотя истинно вѣрующій человѣкъ ужаснулся бы тона, какимъ она говорила это, давая чувствовать, сколько презрительнаго равнодушія ей внушаетъ религіозный вопросъ.

Горянцевъ не ударилъ лицомъ въ грязь, и вполнѣ оставался на уровнѣ этого умственнаго изысканнаго разврата. Странное дѣло, онъ ощущалъ даже какое-то злобное удовольствіе, оттого, что ему такъ легко было превозмочь свое отвращеніе къ Варѣ и дѣлать видъ, будто и въ немъ—одинъ только себялюбивый разсчетъ и готовность все осмѣивать: и нравственные принципы, и тѣхъ, кто ихъ нарушаетъ. Подъ конецъ обѣда въ немъ какъ-то вдругъ сложилось рѣшеніе стать мужемъ Вари. „Это вѣдь ничему не помѣшаетъ,—думалъ онъ про себя; — совсѣмъ даже напротивъ... Въ сущности, есть только двѣ вещи, изъ-за которыхъ стòитъ жить—женщины и блестящее общественное положеніе, а все остальное“...

И мысленно онъ махнулъ рукою на это остальное. А когда графъ Александръ Иларіоновичъ, за кофеемъ предлагая ему сигару, намекнулъ, что для него подходитъ время бросить фронтовую службу и подумать о чемъ-нибудь посолиднѣе, а самъ онъ, графъ, не прочь оказать ему необходимое содѣйствіе,—лѣвый глазъ сановника при этомъ сильно щурился, и его толстыя щеки тряслись,—Сережа рѣшился, далѣе не откладывая, ковать желѣзо вòвремя.

И ему была дана полная возможность это исполнить. Тотчасъ послѣ обѣда графиня уѣхала ко всенощной, боясь опоздать на ефимоны. Вслѣдъ за нею вскорѣ уѣхалъ и Полабинъ, напомнивъ Сережѣ, что заѣдетъ за нимъ въ одиннадцать.

— А вы куда?—спросила Варя, и узнавъ, что онъ собирается къ Бетси Краснохолмской, она съ притворнымъ ужасомъ вскинула плечами.—Вы рѣшительно ни одного вечера не можете провести тихо, благоразумно! Какъ вамъ не стыдно!..—она будто считала уже себя въ правѣ дѣлать ему наставленія.

— Современемъ исправлюсь,—въ томъ же тонѣ притворной серьезности отвѣтилъ Сережа,—когда будетъ у меня достаточно причины оставаться дома.

И онъ усѣлся возлѣ дѣвушки, самъ удивляясь, какъ у него хватало наглости разыгрывать эту жалкую комедію мнимаго сближенія. Имъ не мѣшали. Австріецъ, окончательно убѣдившись, что здѣсь ему ничѣмъ не пополнить своихъ дипломатическихъ наблюденій надъ изнанкою правящихъ сферъ, тоже долго не засидѣлся. Лили Боровская, которой некуда было въ этотъ ве-

черъ ѣхать, чтобы исполнять свою оффиціальную роль свѣтской обворожительницы, усѣлась за особымъ столомъ съ обоими молодыми людьми, даря имъ свои драгоцѣнныя улыбки. Юноши были, разумѣется, на седьмомъ небѣ, хотя въ сущности, разговоръ съ блестящей молодой дамой ихъ забавлялъ не слишкомъ. А графъ увелъ къ себѣ въ кабинетъ сестру, съ которой ему всегда было о чемъ говорить: кто знаетъ, быть можетъ, на этотъ разъ темой ихъ разговора были оставшіеся вдвоемъ молодые люди.

А Горянцевъ и Варя бесѣдовали другъ съ другомъ какъ совершенно близкіе друзья. Молодая дѣвушка совсѣмъ уткнулась въ глубину кресла, придавъ всей своей позѣ что-то внимательное, интимное, непринужденное. Маленькая ея ручка лѣниво играла вѣеромъ, вѣки слегка были опущены, голосъ понизился почти до шопота.

— Удивляюсь, право,—говорила она, и на тонкихъ ея чертахъ что-то необыкновенно искреннее читалось:—какъ это васъ никогда, никогда не тяготитъ эта вѣчно суетливая и въ то же время незанятая жизнь. Неужели васъ не тянетъ иной разъ къ чему-нибудь новому, настоящему, чему можно было бы отдать и сердце, и умъ?

Горянцевъ тихо засмѣялся:

— А съ вами развѣ не то же? Развѣ постоянная роль салонной звѣзды не должна надоѣсть?

Глаза у Вари чуть-чуть блеснули.

— Во-первыхъ,—проговорила она, слегка стиснувъ зубы и принимаясь бить лѣвой ножкой о коверъ: — я совсѣмъ ужъ не такъ давно играю эту роль, и могла бы не устать...

Но вдругъ ея лицо измѣнилось, и что-то мягкое, доброе на немъ засвѣтилось.—А во-вторыхъ,—она еще понизила голосъ:— кто вамъ сказалъ, что моя свѣтская служба мнѣ не въ тягость? Развѣ вы такъ хорошо меня уже знаете?

Взглядъ, сопровождавшій эти слова, какъ будто приглашалъ узнать ее поближе.

— Это въ васъ говоритъ великопостное настроеніе,—отшутился Горянцевъ.

По всему существу Вари пробѣжала точно электрическая струя. Она выпрямилась вся, коснулась вѣеромъ Сережиной руки и возразила живо:

— Вотъ это нехорошо!.. Вы отвѣтили какъ человѣкъ, у котораго нѣтъ сердца. Или вы не понимаете, что есть минуты, когда этотъ вѣчно насмѣшливый тонъ не у мѣста. Я хотѣла рас-

крыть передъ вами свое сердце, а вы точно сковали его холодной рукой!

На этотъ взрывъ чувства нельзя было не отвѣтить тѣмъ же. И Сережа сдѣлалъ это почти искренно.

— Ради всего на свѣтѣ, не останавливайтесь на полусловѣ! Я бы никогда не утѣшился, если бы лишился счастья услыхать вашу исповѣдь.

— Счастья? Вотъ какъ! даже счастья! — она умолкла на мигъ, и принялась снова за прерванную исповѣдь.

— Вы думаете,—заговорила она медленно,—что насъ можетъ удовлетворить,—впрочемъ, нѣтъ—я прямо скажу,—меня: многихъ это удовлетворяетъ... Вы думаете, во мнѣ нѣтъ потребности, даже жажды, услышать, наконецъ, искреннее, сердечное слово, на которое можно было бы отвѣтить тѣмъ же?

Исповѣдь продолжалась довольно долго. Но, увы, это была самая заурядная исповѣдь, очень напоминавшая заученный урокъ. Горянцевъ слушалъ внимательно, все ожидая, когда развернется передъ нимъ настоящая душа этой умной и, какъ онъ думалъ, этой оригинальной дѣвушки. Но оригинально выходило то лишь, что̀ звучало уклончивымъ языкомъ свѣта, въ чемъ сердечной струны не слышалось. Желая поразить слушателя искренностью, Варя невольно выдавала ему свое вышколенное бездушіе.

„Она чертовски умна, — подумывалъ онъ, когда ей попадалось на языкъ особенно острое замѣчаніе: — но сердца въ ней ни-ни“. И все-таки, чѣмъ болѣе длился этотъ разговоръ, тѣмъ сильнѣе онъ ихъ связывалъ обоихъ полу-высказанными намеками на то, что̀ должно было совершиться вскорѣ.

— Какъ я радъ, что мы такъ сходимся!—вдругъ почему-то вырвалось у Сережи. — Какъ вы думаете, Варвара Андреевна, хватило бы у васъ смѣлости попробовать, можемъ ли мы сойтись во всемъ?

— Можетъ быть! Не знаю... Я про это не думала...—было ея отвѣтомъ. Но улыбка, сопровождавшая этотъ будто колеблющійся отвѣтъ, недвусмысленно говорила о ея согласіи.

— Господинъ Полабинъ за вами пріѣхалъ, — доложилъ лакей, показываясь въ дверяхъ.

Сережа всталъ.

— И вотъ какъ прерываются,—тоже поднимаясь съ мѣста и слегка вздохнувъ, отвѣтила Варя, — самыя искреннія, самыя хорошія бесѣды!.. Ну, да ничего! Я васъ не удерживаю! Обѣщаніе свято—помните это! Мы вскорѣ возобновимъ этотъ раз-

говоръ. Кстати, не отобѣдаете ли вы у насъ въ воскресенье?— и она крѣпко, по-мужски, пожала ему руку.

VI.

Зоркій глазокъ Полабина пристально вглядѣлся въ Сережу, когда тотъ подсѣлъ къ нему въ извозчичьи сани. При яркомъ свѣтѣ полнаго мѣсяца лицо Горянцева казалось совсѣмъ каменнымъ, до того оно было блѣдно и неподвижно. Напускное оживленіе, охватившее его, было, во время долгаго разговора съ Варей, вдругъ почему-то остыло.

— Ну, что?—спросилъ Полабинъ:—какъ дѣла?

— Ничего!—коротко и беззвучно отвѣтилъ Сережа, плотнѣе укутываясь въ шинель.

— Гм!—пробормоталъ Полабинъ:—больно ты сегодня уже неразговорчивъ. Точно воды набрался въ ротъ. Ну, разсказывай же!

Сережа отвернулся, не отвѣтивъ. Скрытое чувство отвращенія къ товарищу опять у него заговорило въ груди. Онъ стиснулъ зубы, какъ бы желая вернуть себѣ упрямую рѣшимость идти напроломъ, подавляя въ себѣ ропотъ возмущенной совѣсти.—„Нечего оглядываться назадъ“, твердилъ онъ себѣ мысленно.—„Когда ставка сдѣлана, игры не бросаютъ“...

Но онъ не могъ уже вернуть себѣ задорный цинизмъ, какой навѣяла на него искусственная, душная атмосфера гостиной, гдѣ его будто околдовывала та странная дѣвушка, вся проникнутая ложью, но ложью такой обаятельной, такою блестящею. Свѣжій ли ночной воздухъ, будто разгонявшій своимъ чистымъ дыханіемъ суетливое вѣяніе испорченнаго свѣта, мѣсяцъ ли, безпощадно ярко озарявшій улицу, дѣйствовали на Сережу, какъ бы отрезвляя его, но теперь онъ съ ненавистью къ себѣ вспоминалъ весь этотъ проведенный имъ день, въ который онъ такъ много обманывалъ и себя, и другихъ.

— Нельзя ли оставить этотъ допросъ до другого раза!—нехотя отвѣтилъ онъ на повторенное настояніе Полабина, всматриваясь въ него холодно, почти враждебно.

— Вотъ какъ!—сухо засмѣялся тотъ.—Запираться отъ меня хочешь, что-ли? Собираешься выходить въ люди, такъ по боку стариннаго товарища? А кому, позволь узнать, ты обязанъ, что теперь открыты настежь передъ тобою всѣ двери? А?

— Можетъ быть, лучше было бы, кабы ты никогда мнѣ ихъ не открывалъ,—глухо проронилъ Горянцевъ.

Полабинъ отвернулся въ свою очередь, принимаясь насвистывать какой-то мотивъ.

— А что твое намѣреніе побывать сегодня у Лизаветы Григорьевны? Я заѣзжалъ въ четвертомъ часу, но меня не приняли! Подозрительно мнѣ что-то показалось. Ужъ не ты ли, чего добраго?

Но онъ прочелъ такую нешуточную угрозу въ глазахъ товарища, что далѣе не настаивалъ.

— Въ тотъ же день,—пробормоталъ онъ сквозь зубы:—стать женихомъ, а нѣсколькими часами ранѣе... Ce serait diablement fort... Отъ тебя я этого не ожидалъ!

Молчаніе опять водворилось на нѣсколько минутъ. Извозчикъ медленно тащился по набережной.

— Ну, пошелъ!—нетерпѣливо крикнулъ ему Полабинъ.

Они проѣхали мимо памятника Петра. До княгини Бетси оставалось уже недалеко. Ея домъ былъ на Англійской набережной. Горянцеву казалось, что нà сердцѣ у него все наростаетъ какая-то тяжесть. Онъ ясно сознавалъ теперь, что чувство это давило его весь этотъ день, что даже горячія ласки страстно любимой женщины его не разогнали, и воспоминаніе о ея поцѣлуяхъ точно жгло его теперь, какъ позорное клеймо.

— Послушай,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, когда они уже почти подъѣзжали къ подъѣзду. — Брось ты эту нелѣпую поѣздку на Острова!

— Отчего нелѣпую! — осклабился Полабинъ: — презабавно будетъ!

— Ставить въ неловкое положеніе эту бѣдную Софи Мендеръ, которая ни тебѣ, ни мнѣ, не сдѣлала никакого зла,—чтò тутъ забавнаго?

— Про это позволь уже мнѣ знать...

У Полабина были свои причины, правда, очень мелкія, искать случая отмстить госпожѣ Мендеръ, очень холодно встрѣтившей его попытку добиться ея благосклонности. Такія обиды онъ прощалъ не скоро.

— И охота же тебѣ,—продолжалъ онъ:—сантиментальную жалость чувствовать къ каждой потерянной женщинѣ! Вольно ей измѣнять мужу съ этимъ глупымъ верзилой Равичемъ. За грѣшки свои надо казниться. Больно ужъ ты размякъ за послѣднее время! Ну, вотъ мы и пріѣхали!

„Да,—пронеслось въ головѣ у Горянцева:—за свои грѣхи

надо казниться! Когда сдѣланъ первый шагъ, нечего отвертываться отъ дальнѣйшихъ... Это слабость, малодушіе... Потерянная женщина никакой жалости не заслуживаетъ"... Съ какимъ-то ожесточеніемъ повторилъ онъ мысленно слова Полабина.

Они вошли.

Княгиню Бетси и ея гостей они застали въ кабинетѣ князя вокругъ длиннаго зеленаго стола, за игрою въ рулетку.

— Cinque, rouge, impaire et manque!—раздался хрипловатый, изящно-усталый голосъ князя, когда молодые люди подходили къ играющимъ.

— Присядьте, господа!—торопливо здороваясь, проговорилъ онъ.—Вы, конечно, примете должное участіе въ этомъ полуночномъ занятіи? Полабинъ, вотъ свободное мѣсто возлѣ баронессы. А вы, Горянцевъ...

— Сюда,—перебила мужа княгиня,—между Софи и мною. Здравствуйте! Какъ вы поздно!—Было почти двѣнадцать.

Она уронила въ пепельницу докуренную папироску и подала Сережѣ крошечную руку, съ многочисленными кольцами.

— А вы спросите, княгиня, гдѣ онъ былъ,—ввернулъ Полабинъ.

Софи Мендеръ, совсѣмъ маленькая бѣлокурая женщина съ миловидными, необыкновенно кроткими чертами, вопросительно устремила на Сережу свои прекрасные темные глаза. Она была вообще любопытная особа, и Горянцевъ съ нѣкоторыхъ поръ интересовалъ ее, какъ разъ отъ того, можетъ быть, что изъ всѣхъ членовъ кружка княгини Бетси она знала его всего менѣе.

— Такъ гдѣ же вы были? исповѣдывайтесь!—снисходительно и будто лѣниво спросила хозяйка дома.

Горянцевъ съ полнымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ, что засидѣлся у графа Александра Иларіоновича, гдѣ обѣдалъ.

— А!—проронили тонкія губы княгини.—Понимаю! Это продолженіе вчерашней мазурки...

Горянцевъ сдѣлалъ видъ, будто не понялъ, и съ какимъ-то вопросомъ обратился къ Софи. Вопросъ былъ самаго безразличнаго свойства, но почему-то госпожа Мендеръ отвѣтила на него оживленно, явно желая завязать разговоръ.

— А вѣдь есть на свѣтѣ еще люди, собирающіеся жениться, — пробормоталъ супругъ госпожи Мендеръ, полный и вѣчно скучающій офицеръ генеральнаго штаба. — Пора бы отъ этой глупой привычки отстать.

Онъ былъ, разумѣется, единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, не знавшимъ о романѣ своей жены съ Равичемъ. Но супружеское его счастье отъ такого невѣдѣнія не выигрывало.

Горянцевъ пропустилъ мимо ушей и это замѣчаніе, продолжая бесѣдовать со своей бѣлокурой сосѣдкою. Прежде онъ не обращалъ на нее вниманія, а теперь, зная, что̀ за злую шутку ей готовитъ Полабинъ, Сережа хотѣлъ убѣдиться, заслуживаетъ ли она его участія. Развязно болтая съ ней, онъ самъ удивлялся, какъ это онъ такъ свободно можетъ говорить всякій вздоръ, когда еще нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, подъѣзжая къ дому княгини, онъ весь былъ охваченъ давящимъ сознаніемъ, будто его закрутилъ какой-то злой вихрь, противъ воли его заставлявшій весь этотъ день совершать одинъ нехорошій поступокъ за другимъ. И Горянцевъ почти любовался своей хладнокровной властью надъ собою.

— Ne faites, donc, pas la cour à Sophie... — нетерпѣливо сказала баронесса Шварценбахъ, очень недовольная тѣмъ, что пріостановилась игра.

Баронесса—пышная, уже слегка отцвѣтавшая красавица,—относилась къ игрѣ чрезвычайно серьезно, старательно отмѣчая на карточкѣ каждый выходившій нумеръ.

— Посовѣтуйте мнѣ, на что̀ поставить, — спросила она у подсѣвшаго къ ней Полабина, который вмѣсто отвѣта сказалъ ей вполголоса такую неприличную фразу, что она вѣеромъ съ ужасомъ отъ него отмахнулась.

— Князь, вамъ до неприличія везетъ сегодня,—обратилась она къ Суздальскому, который, игралъ до того разсѣянно, что постоянно забывалъ подбирать свои выигрыши.—Я буду ставить вмѣстѣ съ вами. Можетъ быть, вы мнѣ принесете счастье.

Суздальскій отвѣтилъ только холоднымъ взглядомъ, и когда игра возобновилась,—не сдѣлалъ никакой ставки. Въ этотъ вечеръ общество княгини Бетси и ея друзей ему особенно претило. Какъ-то живѣе обыкновеннаго онъ чувствовалъ все притворство этой мнимой близости, этой напускной развязности тона, за которымъ не было ни настоящей дружбы, ни искренняго веселья; между тѣмъ онъ самъ вѣдь постоянно вращался въ этомъ кружкѣ, повинуясь какой-то лѣнивой привычкѣ... и ему стыдно становилось за себя.

Въ кружкѣ княгини Бетси играли часто. Почти каждый вечеръ собирались то въ ея домѣ, то у одной изъ ея пріятельницъ, намѣренно обособляясь среди петербургскаго свѣта. У многихъ изъ непринадлежавшихъ къ кружку эти вечера, считавшіеся такими исключительными и элегантными, вызывали тайную зависть и сильное желаніе туда проникнуть. А между тѣмъ, непрошенная

гостья—скука, все-таки, прокрадывалась на эти вечера, гдѣ было столько громкаго смѣха и откровеннаго цинизма. Грубоватая соль очень прозрачныхъ двусмысленностей и возбужденіе азартной игрой едва спасали отъ тоски этихъ людей, стоявшихъ на вершинѣ общественнаго положенія и воображавшихъ себя избранниками судьбы. Особенно скучали мужчины, все болѣе убѣждавшіеся, что чужія жены ничуть не забавнѣе собственныхъ, когда съ ними встрѣчаешься такъ часто и небрежность языка позволяетъ даже забывать, что онѣ—чужія. Конечно, ревности они не чувствовали вовсе, и присутствіе неженатыхъ молодыхъ людей, присяжныхъ ухаживателей за ихъ женами, они въ душѣ привѣтствовали. И пока имъ не приходилось въ этомъ раскаиваться: товарищество съ женщинами, говорятъ, лучшее противоядіе любви. Молва не касалась княгини Бетси и ея друзей. Одна Софи Мендеръ составляла исключеніе.

Игра шла въ этотъ день необыкновенно вяло; то-и-дѣло вспыхивали обрывки шутливыхъ разговоровъ, загоравшіеся и потухавшіе, какъ ракеты.

Горянцевъ совсѣмъ бросилъ играть и пересѣлъ съ госпожою Мендеръ на широкій кожаный диванъ, все яснѣе сознавая особую прелесть этой кроткой маленькой женщины, которой онъ до сихъ поръ почти не замѣчалъ. Софи была не умна и даже не особенно красива. Но такая искренняя способность любить свѣтилась въ ея лучистыхъ глазахъ, что осудить ее, заподозрить въ порочности ея полу-безсознательную натуру было невозможно. И когда раза два до слуха Горянцева дошелъ тяжелый, размашистый смѣхъ ея мужа, онъ охотно извинялъ ея увлеченіе даже этимъ грубоватымъ, ограниченнымъ красавцемъ Равичемъ. И все сильнѣе онъ повторялъ себѣ, что нельзя дать совершиться замыслу Полабина.

— Cessons, plutôt, ma chère! Nous ne sommes pas disposés ce soir,—обратилась къ хозяйкѣ дома маленькая вертлявая Мери Свольская, самая бойкая изъ дамъ кружка. — Надо придумать что-нибудь позабавнѣе. Полабинъ увѣряетъ, что ночь такая чудная! Пошлемте за тройками!

Горянцевъ насторожилъ уши и попробовалъ отговорить отъ поѣздки. Но Полабинъ такъ ловко съумѣлъ возбудить у дамъ внезапное желаніе прокатиться на морозномъ воздухѣ, что его возраженія были замяты разомъ, несмотря на то, что его поддержалъ и Суздальскій.

— Мы цѣлыхъ двѣ недѣли не слушали цыганъ! — настаивала Мери Свольская. — И я не понимаю, какъ вы, князь, съ

вашею артистическою душою относитесь къ этому такъ холодно.

— Не всѣ любятъ одно и то же искусство,—чуть-чуть улыбнувшись, отвѣтилъ Суздальскій.—Да и скоро часъ...

— Что-жъ такое! Тогда только и хочется хорошенько забавляться, когда прочіе спятъ! Décidément vous avez des instincts bourgeois.

— En tout cas, ce ne sont pas des instincts canaille!—съ преувеличенно вѣжливымъ поклономъ отвѣтилъ князь.

Мери не обидѣлась нисколько.

— Слышите, Бетси, какія намъ любезности говоритъ Суздальскій.

— Суздальскій невозможенъ,—проронила княгиня.—Его пора давно наказать.

Тройки пріѣхали необыкновенно быстро. У Краснохолмскихъ былъ лакей, умѣвшій въ нѣсколько минутъ добывать что̀ угодно. Зато дамы, хоть и спѣшили очень, просуетились еще цѣлыхъ двадцать минутъ, болтая вздоръ и укутываясь въ шубки.

VII.

Въ послѣднюю минуту Горянцевъ сдѣлалъ еще попытку удержать Софи Мендеръ отъ поѣздки.

— У меня дурныя предчувствія!—сказалъ онъ шутливо, хотя ему совсѣмъ было не до шутокъ.—Изъ этого катанья ничего хорошаго не выйдетъ... Мы всѣ стараемся только подогрѣть себя на веселье, а въ сущности никому изъ насъ веселиться не хочется...

Такіе доводы не могли, конечно, подѣйствовать. Софи только, смѣясь, покачала головой.

— Вы ошибаетесь! Мнѣ, по крайней мѣрѣ, очень хочется цыганъ послушать!

Онъ нагнулся къ ней и сказалъ уже совсѣмъ инымъ, почти взволнованнымъ голосомъ:

— Я серьезно совѣтую вамъ не ѣхать, Софья Аркадьевна... Кто знаетъ, на кого мы тамъ можемъ наткнуться...

Она посмотрѣла на него широкимъ удивленнымъ взглядомъ.

— Наткнуться?.. Что̀ хотите вы этимъ сказать? И зачѣмъ вы меня пугаете!

На секунду онъ колебался, не раскрыть ли ей всю истину. Но это было совершенно невозможно, въ особенности въ при-

сутствіи ея мужа Да и съ какой стати! Чтò ему въ сущности было за дѣло до всего этого? И холодное насмѣшливое чувство опять поднялось въ немъ. Онъ добавилъ только, снова придавая своему голосу смѣшливую интонацію:

— А чтò скажетъ вашъ мужъ! Я увѣренъ, ему сильно не хочется, чтобы вы поѣхали. Вы замѣтили, какъ онъ грозно на васъ взглянулъ?

На зло, однако, Анатолій Петровичъ—такъ звали мужа Софи—въ самую эту минуту подошелъ къ женѣ и сказалъ съ своимъ обычнымъ грубоватымъ смѣхомъ:

— Ну, матушка, поѣзжай, коли хочешь до трехъ часовъ этимъ безобразнымъ цыганскимъ визгомъ наслаждаться. А я домой, да на боковую.

Софи посмотрѣла на Горянцева, какъ бы призывая его въ свидѣтели равнодушія мужа, и поспѣшила въ переднюю.

— А жаль, что не поѣдетъ съ нами этотъ болванъ,—проговорилъ Сережѣ Полабинъ.—Вотъ хорошо было бы, кабы онъ присутствовалъ при встрѣчѣ своей благовѣрной съ этимъ пьянымъ олухомъ Равичемъ... Я заранѣе потираю себѣ руки отъ удовольствія!..—и онъ прошелъ мимо, что-то насвистывая.

А Горянцевъ вздрогнулъ отъ его словъ. Онъ чувствовалъ на себѣ отвѣтственность за то, чтò могло случиться.

Теперь онъ только вполнѣ отчетливо сознавалъ всю низость затѣянной Полабинымъ шутки. А не помѣшать злу—почти вѣдь то же, что участвовать въ немъ...

Въ сѣняхъ онъ столкнулся съ Борисомъ Суздальскимъ. На мигъ они остались вдвоемъ. Прочіе мужчины уже вышли на улицу, а сверху доносились оживленные голоса дамъ.

— Горянцевъ! — сказалъ пріятелю Борисъ.—Я понялъ, на чтò они намекали во время игры. Ты собираешься жениться?.. Это всѣмъ извѣстно, и одному мнѣ ты ничего не сказалъ.

Укоръ слышался въ голосѣ Суздальскаго.

— Извини, Борисъ, ничего еще не рѣшено! И ты, конечно, будешь первымъ...

Но, почувствовавъ на себѣ пристальный взглядъ Суздальскаго, Сережа невольно опустилъ глаза.

— Любезный мой,—холодно перебилъ князь: — я не имѣю ни прáва, ни охоты вступаться въ твои дѣла. И если мой вопросъ тебѣ показался неумѣстнымъ...

— О, нѣтъ! Конечно нѣтъ!—поспѣшилъ оправдаться Сережа.

— Хорошо!—еще холоднѣе прежняго отвѣтилъ князь.—Въ такомъ случаѣ я обязанъ тебя предупредить—ты знаешь, я услов-

ныхъ деликатностей не признаю. Варя Чертолина—моя кузина, правда, очень дальняя, но съ самаго дѣтства я хорошо съ нею знакомъ. Не такая она дѣвушка, чтобы видать тебѣ съ нею счастья... Впрочемъ, твое дѣло: я вовсе не осуждаю браковъ по разсчету. Это просто дѣло вкуса. По-моему, всѣ вкусы равноправны... не всѣ только одинаково симпатичны!

Дамы теперь нахлынули сверху. Разговора продолжать было нельзя, и этотъ вынужденный перерывъ еще яснѣе далъ почувствовать Сережѣ, какъ порвалось что-то между нимъ и Суздальскимъ.

Всѣ поспѣшили размѣститься по тройкамъ, Горянцеву пришлось ѣхать съ Софи и княгинею. Четвертое мѣсто занялъ Борисъ.

Лошади тронули. Вѣтеръ теперь совершенно стихъ. Надъ опустѣлыми улицами стояла полная, неумолимо-зоркая тишина лунной ночи. Голубоватыя блѣдныя тѣни ложились на бѣлую снѣжную пелену. Будто алмазный вѣнецъ блестѣлъ вокругъ полнаго мѣсяца. На душѣ Горянцева эта свѣтлая ночь, такъ широко раскинувшаяся надъ спящимъ городомъ, вызывала ощущеніе чего-то давящаго,—некуда было уйти отъ ея спокойнаго, назойливаго свѣта.

Они ѣхали въ первой тройкѣ. Лошади скакали быстро, спустившись на Неву. Сани беззвучно скользили по льду. Сзади слышались веселые бубенчики остальныхъ троекъ. Все сильнѣе Сережа ощущалъ глухое чувство омерзѣнія къ себѣ и полную невозможность освободиться отъ него. Всѣ событія дня вихремъ проносились въ его головѣ, теперь только представляясь ему въ настоящемъ свѣтѣ. Поступки его за весь этотъ день выступали передъ нимъ въ полной уродливой наготѣ. Никакой поэзіи не было уже въ его любви къ Ветѣ Разрубиной. Угаръ честолюбивыхъ надеждъ, призракъ свѣтскаго блеска, прежде скрывавшіе отъ Сережи некрасивыя стороны его сватовства за Варю, исчезли тоже. И лицо будущей невѣсты будто дразнило его, складываясь въ презрительную улыбку.

— Чтò вы такъ упорно молчите, Горянцевъ?—спросила, наконецъ, княгиня Бетси.—Неоплатные долги или испорченный желудокъ? Еслибы я знала напередъ, что вы будете такимъ скучнымъ, я бы васъ съ собой не взяла.

Сережа сдѣлалъ неудачную попытку отшутиться. И удивительно натянутымъ прозвучалъ его смѣхъ.

Бетси его оставила въ покоѣ. И онъ опять уткнулся бы въ свое тяжелое молчаніе, но теперь заговорила съ нимъ Софи.

— Вы были гораздо любезнѣе тамъ, у княгини! — сказала она, улыбаясь.

— Я на васъ сержусь за то, что вы меня не послушались!

— Не говорите пустяковъ! Не все ли равно, чтò бы я ни сдѣлала! Вы, въ сущности, совсѣмъ меня не знаете.

Эти простыя слова кольнули его больнѣе, чѣмъ могъ бы то сдѣлать упрекъ.

— Какъ! Чтò! зачѣмъ вы не хотѣли, чтобы мы поѣхали?— съ проснувшимся любопытствомъ спросила княгиня.

— Боюсь, какъ бы мы не встрѣтили тамъ не совсѣмъ пріятное общество. Туда, кажется, собиралась цѣлая компанія съ француженками.

— Ахъ! и вы подумали, мы этого побоимся? — засмѣялась княгиня.—Напротивъ, мы будемъ очень рады! Представьте себѣ, какъ я часто ни ужинала въ ресторанѣ, мнѣ никогда не удавалось тамъ встрѣтиться съ настоящими кокотками... Очень бы мнѣ хотѣлось видѣть, на что онѣ похожи!

— Ты навѣрно знаешь, кто тамъ будетъ?—спросилъ Горянцева Борисъ, подчеркивая вопросъ пристальнымъ взглядомъ.

— Догадываюсь, по крайней мѣрѣ!..

Строгій взглядъ товарища опять на немъ остановился.

Еще нѣсколько минутъ, и они пріѣхали. Глухой шумъ, стукотня шаговъ, запахъ кухни обдали ихъ тотчасъ.

Трое оффиціантовъ-татаръ выбѣжали къ нимъ на встрѣчу.

— Большой номеръ свободенъ?—спросилъ у одного изъ нихъ князь Краснохолмскій.

— Сейчасъ, ваше сіятельство! Тамъ собирался цыганъ слушать одинъ господинъ съ дамами.—Только это ничего-съ! Для вашего сіятельства очистимъ залу.

— Пожалуйста!—холодно-лѣниво отвѣтилъ князь, скидывая шинель.—И цыгане здѣсь? Отлично! Мы хотѣли за ними послать. Такъ устрой ужъ такъ, чтобы они для насъ пѣли!..— Онъ проговорилъ это тономъ, не допускавшимъ возможности отказа.

И дамы, услыхавъ про цыганъ, защебетали хоромъ:

— Les bohémiens? c'est justement cequ'il nous faut!

— Конечно, нельзя ихъ уступить другимъ!

И княгиня Бетси добавила, смѣясь:

— Это для какихъ-то француженокъ заказано, увѣряетъ Горянцевъ! Разумѣется, мы имъ не уступимъ!

— Да, княгиня! Но можетъ выйти исторія!—вмѣшался Суздальскій.

— Такъ вотъ что̀,—рѣшила княгиня.—Давайте слушать цыганъ всѣ вмѣстѣ! Avec ces dames... Будетъ презабавно!..

Но до этого еще не доросъ кружокъ княгини Бетси. Мужчины запротестовали.

Да и не оказывалось, повидимому, никакой надобности уступать. Оффиціантъ провелъ все общество въ залъ, гдѣ успѣлъ уже собраться цыганскій хоръ.

Дамы шумно усѣлись въ углу комнаты, съ большимъ вниманіемъ разсматривая цыганокъ въ лорнетъ, хотя всѣхъ почти участницъ хора онѣ знали въ лицо. Ихъ почему-то интересовало подробное изученіе этихъ смуглыхъ лицъ съ усталою наглостью въ чертахъ.

— Лучшей пѣвицы нѣтъ сегодня,—проговорила княгиня.—Таней ее, кажется, звать! Полабинъ, не правда ли?

Но княгиня напрасно отыскивала его глазами. Полабинъ куда-то скрылся, и она поручила мужу узнать, отчего не было Тани.

— Она больна,—отрапортовалъ князь, обмѣнявшись нѣсколькими шуточками съ цыганками.

Заговорили съ ними и прочіе мужчины, за исключеніемъ Бориса Суздальскаго и Сережи.

— Comme c'est ennuyeux!—съ недовольнымъ видомъ произнесла княгиня.—Какъ будто эти цыганки бываютъ когда-нибудь больны!.. А гдѣ Полабинъ? Онъ такъ вѣдь хорошо умѣетъ подтягивать!

Полабина, однако, не оказывалось, и княгиня Бетси съ удвоеннымъ неудовольствіемъ откинулась на спинку стула. Хоръ началъ: „Задремалъ тихій садъ“...

Краснохолмскій не переставалъ шептаться съ одной изъ цыганокъ, мѣшая ей пѣть. Не успѣли цыганки окончить романсъ, какъ раздался изъ корридора чей-то рѣзкій голосъ.

— Это что̀ значитъ!—крикъ былъ такъ громокъ, что изъ залы можно было разслышать слова.—Я послалъ за хоромъ, а ты, дуракъ, говоришь, что тамъ княгиня какая-то его потребовала! Да чортъ съ ней, съ твоей княгиней!

Голосъ приближался къ дверямъ.

Софи Мендеръ вдругъ поблѣднѣла: она узнала, кто это тамъ кричитъ въ корридорѣ. Узнали голосъ теперь Горянцевъ и Борисъ. И въ перемежку съ крикомъ слышались совсѣмъ уже близко къ дверямъ залы слова Полабина, который, повидимому, старался удержать кричавшаго. Еще одинъ мигъ—и пьяный Равичъ ворвался бы въ комнату. Горянцевъ поймалъ на лету

брошенный на него испуганный, умоляющій взглядъ Софи. Онъ кинулся впередъ къ дверямъ. За нимъ послѣдовалъ Борисъ. Едва успѣлъ онъ раскрыть двери, какъ тутъ же передъ его глазами выросла крупная фигура конвойца Равича съ искаженнымъ до бѣшенства пьянымъ лицомъ. Равичъ былъ необыкновенно рослый человѣкъ, съ грубыми, но красивыми чертами лица. Неподвижные, хоть и воспаленные темные глаза, крупный носъ, густая черная борода и такіе же жесткіе, всклокоченные волосы обличали въ немъ южанина. Родомъ онъ былъ изъ Бессарабіи, не то сербъ, не то молдаванинъ по происхожденію. Необыкновенно мизернымъ, при всей своей кошачьей ловкости, глядѣлъ передъ нимъ вертѣвшійся вокругъ него Полабинъ.

— Послушай, Равичъ!—твердилъ онъ.—Нельзя! говорю тебѣ, нельзя! Тамъ княгиня Бетси съ цѣлымъ обществомъ.

— Наплевать!—хрипѣлъ Равичъ, отстраняя Полабина, который полушопотомъ добавилъ:

— Тамъ еще Софья Аркадьевна...

— Говорю тебѣ—наплевать!—громче прежняго повторилъ тотъ.

Двери въ залу оставались раскрытыми, и тамъ каждое слово можно было разслышать. Дамы суетились, предвидя неизбѣжный скандалъ. Софи Мендеръ не въ силахъ была скрыть охватившаго ее растеряннаго волненія. Княгиня Бетси успокоивала ее съ подавленной улыбкой на губахъ.

Равичъ, не слушая Полабина, хотѣлъ войти. Но ему заслонилъ дорогу Сережа.

Онъ чувствовалъ за собою обязанность спасти все общество, спасти въ особенности бѣдную Софи отъ грозившей разыграться исторіи. Да онъ, впрочемъ, и не раздумывалъ, что̀ ему дѣлать—онъ просто повиновался безсознательному инстинкту.

— Извольте не кричать, господинъ Равичъ!—проговорилъ онъ спокойно, удерживая конвойца за руку.

— Чего тамъ не кри-чать!—хрипѣлъ тотъ по прежнему.

— Идите къ себѣ! Вы не имѣете права здѣсь бушевать! Здѣсь дамы!

— Какія дамы! Пустите!—стараясь вырвать руку, закричалъ Равичъ.

— Вы совершенно пьяны! Я васъ не пущу!

— Не пустите? Хотѣлъ бы я видѣть!

Лицо пьянаго силача налилось кровью, рука судорожнымъ движеніемъ вырвалась изъ державшей ее руки Горянцева и со всего размаху ударила Сережу по щекѣ.

И его теперь охватило бѣшенство. Онъ ринулся впередъ, чтобы отмстить за оскорбленіе—Равичъ невольно подался назадъ, какъ бы испуганный тѣмъ, что̀ онъ сдѣлалъ,—рука Сережи поднялась для удара, но его противника держали уже съ обѣихъ сторонъ схватившіе его Суздальскій и Полабинъ. Подбѣжали на шумъ и другіе.

— Я прикажу васъ связать,—сквозь зубы сказалъ Равичу Суздальскій.

Рука Сережи остановилась. Бить по лицу человѣка, у котораго свобода движеній отнята, это показалось ему тѣмъ же, что бить лежачаго.

Странное дѣло—спокойствіе теперь вернулось и къ Равичу. Хмель его прошелъ. Онъ устыдился своего почти невольнаго поступка.

— Я готовъ на все, что̀ вамъ будетъ угодно, — сказалъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Извиниться... дать вамъ удовлетвореніе...

— Извиниться?—хихикнулъ Полабинъ.—Точно Горянцевъ приметъ твои извиненія! Я буду, коли хочешь, твоимъ секундантомъ, Сережа! А ты, Равичъ, ступай!

И Равичъ далъ себя теперь уговорить безъ труда. Медленно, пристыженно онъ вернулся къ дверямъ своего кабинета, откуда высовывались перепуганныя и въ то же время любопытныя головы двухъ сильно напудренныхъ женщинъ.

Секунда прошла въ оцѣпенѣломъ молчаніи. Столпившіеся вокругъ Сережи люди глядѣли на него съ растеряннымъ недоумѣніемъ. Всѣ очевидно не знали, что̀ теперь должно случиться, что̀ имъ сдѣлать и что̀ сказать. Одинъ Борисъ выдвинулся впередъ и крѣпко пожалъ Сережѣ руку.

— Ты хорошо поступилъ!—сказалъ онъ.—Благодарю тебя отъ имени всѣхъ!..

Горянцевъ самъ чувствовалъ, что поступилъ хорошо, заступившись за всѣхъ, хотя онъ смутно сознавалъ въ то же время, что всѣ прочіе, словно, ждутъ чего-то. И нѣмое ожиданіе это неминуемо обратится въ грозный судъ, если онъ не исполнитъ того, чего требовалъ обычай.

— Я къ твоимъ услугамъ, Горянцевъ,—повторилъ свое предложеніе Полабинъ.

И Сережѣ показалось, будто скрытая насмѣшка звучала въ этихъ словахъ. Его мгновенно взорвало. Вѣдь то, что̀ онъ сдѣлалъ, было единственнымъ чистымъ, истинно хорошимъ поступкомъ за весь этотъ день, и какъ разъ за это его готовы осу-

дить тѣ самые люди, которыхъ онъ только-что спасъ отъ непоправимаго скандала.

— Allons-nous en! Quelle affreuse histoire!—донесся до его слуха голосъ княгини Бетси.

— Oui, oui! Dépêchons-nous!—вторили ей прочія дамы.

Грубый эгоизмъ всякой толпы овладѣвалъ уже этимъ избраннымъ кружкомъ его ближайшихъ друзей, которые объ одномъ только помышляли, какъ бы имъ поскорѣе спасти себя отъ всякаго участія въ происшедшемъ столкновеніи,—его одного, своего защитника, предоставивъ въ жертву злословной молвѣ. И какъ разъ потому, что жалкая трусость этихъ людей такъ беззастѣнчиво выступала передъ нимъ, Сережа почувствовалъ себя выше и лучше ихъ въ эту минуту, и въ немъ возростало желаніе—какъ бы въ отместку имъ—поступить какъ разъ наперекоръ требованіямъ ихъ условной морали.

За его спиной уже слышалось осторожное шуршанье платьевъ торопившихся дамъ. Спѣшили уѣхать, даже не простившись съ нимъ. Но ему было все равно. Чѣмъ открытѣе высказывалось отреченіе отъ него близкихъ людей, тѣмъ болѣе онъ самъ отворачивался отъ нихъ, освобождался отъ всякихъ обязанностей передъ ними. Иной, болѣе высокій долгъ выросталъ передъ Горянцевымъ. Чувство понесеннаго оскорбленія стушевывалось передъ сознаніемъ, сколько дурного и постыднаго сдѣлалъ онъ въ этотъ день. Онъ совершилъ цѣлый рядъ отвратительныхъ поступковъ. Соблазнилъ жену своего лучшаго друга, и въ то же время лгалъ отдавшейся ему Ветѣ Разрубиной, которую въ сущности любилъ только похотью своей воспаленной крови, а не искреннимъ безкорыстіемъ преданнаго сердца. Онъ сталъ женихомъ дѣвушки, которую не любилъ даже этой грубой любовью, обольщенный призракомъ ея денегъ, ея высокаго положенія. Правда, ее онъ не обманывалъ: то, чего требовала отъ него невѣста, онъ могъ ей дать и не любя ея. Но въ самихъ лживыхъ увѣреніяхъ, какими онъ обмѣнивался съ нею, было что-то позорное, какое-то принесеніе себя въ жертву постыдному идолу озолоченнаго тщеславія. И теперь онъ уже не любовался, какъ тогда, своимъ холоднымъ цинизмомъ. Онъ глубоко презиралъ себя за все это, тѣмъ болѣе презиралъ, что никто изъ его свѣтскихъ друзей не укорилъ бы его за совершонное имъ въ этотъ день. И если единственный его хорошій, безкорыстный поступокъ награжденъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ, а впереди его ждутъ презрительныя насмѣшки товарищей и свѣта,—онъ получилъ только заслуженное возмездіе за совершонное имъ зло.

Пусть онъ передъ обществомъ прослыветъ за труса—зато пощечина Равича смыла съ него тяжкое обличеніе собственною совѣстью. И гордо поднявъ голову, Сережа посмотрѣлъ въ упоръ на Полабина.

— Благодарю тебя! Я драться не намѣренъ! — И не давъ ему времени отвѣтить, онъ обратился къ Суздальскому: — Борисъ! мнѣ съ тобой переговорить надо! Поѣдемъ домой вмѣстѣ.

Въ глазахъ Суздальскаго онъ прочелъ недоумѣніе, только совсѣмъ иное, чѣмъ во взглядѣ Полабина. Борисъ молча кивнулъ головой, и приказалъ татарину нанять извозчика.

VIII.

— Борисъ!—началъ Сережа, едва они отъѣхали:—два раза сегодня вечеромъ я прочелъ въ твоихъ глазахъ, что ты мною недоволенъ — помнишь, когда ты со мною заговорилъ о твоей кузинѣ Чертолиной, и потомъ, когда ты догадался, что̀ за гадкую шутку затѣялъ Полабинъ.

— Ахъ! это было, значитъ, дѣло Полабина! — воскликнулъ Суздальскій.—Какой негодяй!—сквозь зубы добавилъ онъ.

— А ты подумалъ, это моя выдумка?—съ горечью спросилъ Горянцевъ.—Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—и я виноватъ кругомъ! Я зналъ, что̀ готовится, и не помѣшалъ во̀-время. Я поступилъ скверно, какъ мальчишка! Зато теперь, Борисъ, — и, говоря это, Сережа поднялъ голову, открыто всматриваясь въ товарища,—теперь я твоего порицанія не заслуживаю. То, что̀ я сдѣлалъ сейчасъ, вотъ единственный поступокъ за весь этотъ день, котораго я не стыжусь.

— Я тебя и не порицаю, — отвѣтилъ Суздальскій.

Но въ тонѣ, какимъ онъ это сказалъ, Сережа разслышалъ оттѣнокъ недоумѣнія. А самъ онъ, какъ разъ въ эту минуту, ощущалъ мучительную потребность въ ободряющемъ словѣ. У него была настоящая жажда услышать посторонній судъ и почерпнуть въ немъ силу довести до конца принятое рѣшеніе. Сережѣ теперь нечего было скрываться отъ товарища. И все то нехорошее, что̀ онъ чувствовалъ за собою, просилось теперь наружу. Надо было, во что̀ бы то ни стало, очиститься передъ собой, сбросить съ себя давившее сознаніе позорной виновности. Сережа понималъ въ эту минуту, въ первый разъ, можетъ быть, за всю свою жизнь, что постыдна сама вина, а не только ея огласка.

— Нѣтъ! — продолжалъ онъ, качая головой. — Ты втайнѣ, можетъ быть, все-таки безсознательно меня осуждаешь. А я вѣдь сдѣлалъ то самое, что̀ ты сегодня утромъ такъ хвалилъ въ поступкѣ Вельскаго съ Лабунинымъ.

— Вельскій былъ кругомъ виноватъ... это совсѣмъ другое дѣло!—вырвалось у Бориса.

— По-твоему, стало быть, — съ живостью возразилъ Сережа, — какъ разъ потому, что я былъ правъ, на мнѣ лежитъ нравственная обязанность вызвать Равича и по возможности убить его? Хотя, представь себѣ, я ни малѣйшей злобы противъ него не ощущаю.

— Я этого не говорю, но...

— Нѣтъ! говоришь! или, по крайней мѣрѣ, думаешь! — съ жаромъ перебилъ его Сережа.—По твоему — и ты совершенно правъ—дуэль послѣднее средство защиты, когда иного нѣтъ... Но защиты—кого? себя или другихъ, болѣе слабыхъ? Если бы Равичъ оскорбилъ женщину, я бы вызвалъ его въ ту же минуту. Но онъ нанесъ оскорбленіе человѣку, который постоять за себя можетъ, и который принялъ это оскорбленіе, какъ заслуженное возмездіе за все, что̀ онъ сдѣлалъ дурного за весь тотъ день. Да, Борисъ! Я былъ совершенно правъ, заступившись за эту бѣдную Софи. И какъ разъ поэтому я почувствовалъ, что Равичъ будто смылъ съ меня всю грязь съ моей жизни. Понимаешь это, Борисъ? Понимаешь?.. Знать, что велъ себя какъ подлецъ, какъ истинный подлецъ, и что никто за это не скажетъ мнѣ ни слова порицанія! И вдругъ, за единственный хорошій, честный поступокъ...—онъ остановился, переводя духъ.— Видишь, Борисъ,—мигъ спустя, заговорилъ онъ опять:—понять вдругъ, что̀ за рядъ мерзостей былъ въ моемъ такъ-называемомъ успѣхѣ, и почувствовать, что вновь получилъ право уважать себя, оттого, что понесъ незаслуженное оскорбленіе,—это... это... Я не скажу—радость, конечно, но какое-то особое, возвышающее ощущеніе.

— Ты правъ, Сережа! ты правъ!—горячо теперь отвѣтилъ Суздальскій.—Ты хорошій человѣкъ, и я тебя понимаю! — онъ схватилъ Горянцева за руку, и хотѣлъ эту руку пожать, но Сережа ее отнялъ.

— Нѣтъ!.. Ты меня все-таки не понимаешь... И совсѣмъ не хорошій я человѣкъ... Въ этомъ-то все дѣло... Не могу тебѣ сказать, что̀ со мной было сегодня, и вчера, и всѣ эти дни, потому что здѣсь другіе замѣшаны... Но знай одно: я натворилъ много, много скверныхъ вещей, и не только не стыдился этого,

я любовался собой, своимъ гадкимъ, дряннымъ цинизмомъ. А теперь у меня пелена будто спала съ глазъ. Я хочу страдать незаслуженно, потому что въ этомъ для меня—очищеніе! Понимаешь?..

Борисъ опять схватилъ его за руку, и теперь Сережа ее уже не отнималъ. Это нѣмое пожатіе было для него какъ будто возвращеніемъ честнаго имени и права на уваженіе товарища.

Долго еще послѣ того, какъ они вернулись въ казармы, пріятели горячо толковали. Почти свѣтало, когда Борисъ простился съ Сережей. Для бѣднаго малаго сочувствіе любимаго товарища было въ эту минуту поддержкой, безъ котораго онъ не могъ бы выдержать своего тяжкаго испытанія. Едва Борисъ вышелъ, Сережа упалъ на диванъ и уткнулъ голову въ обѣ руки, какъ бы уйдя весь въ мучительное созерцаніе того, что̀ случилось и что̀ его ждало впереди. Онъ могъ еще свободно выбрать любой исходъ — драться съ Равичемъ и на половину смыть оскорбленіе, — да, на половину только,—пощечину вѣдь, по настоящему, не смыть ничѣмъ, въ какомъ бы правомъ дѣлѣ ее ни получить,—или остаться вѣрнымъ своему рѣшенію и дать обрушиться на себя всему негодованію полка, всему презрительному смѣху петербургскаго общества. Но въ первомъ случаѣ, если онъ даже и спасетъ на половину свою честь, онъ лишится того чувства самоудовлетворенія, которое теперь помогаетъ ему идти на встрѣчу тяжкимъ униженіямъ. Честь!—онъ горько разсмѣялся, когда это слово пронеслось у него въ головѣ.—А гдѣ была она, эта честь, когда онъ, какъ измѣнникъ, страстно цѣловалъ, прижималъ къ груди жену Коли Разрубина? Гдѣ была она, когда изъ-за житейскихъ выгодъ онъ сдѣлалъ предложеніе Варѣ Чертолиной, и тѣ же уста, на которыхъ еще не остыли поцѣлуи Веты, расточали нелюбимой дѣвушкѣ лживыя увѣренія. И за это никто бы его вѣдь не осудилъ... Многіе бы ему позавидовали даже. А теперь, когда онъ наказанъ безвинно,—то самое общество, которое онъ хотѣлъ защитить, обратилось противъ него съ своимъ ядовитымъ злорѣчіемъ.

Оставалось, правда, еще одно средство—выйти на барьеръ и дать себя убить, не защищаясь. Тогда, по крайней мѣрѣ, никакого пятна не останется на его памяти. Убитыхъ не осуждаютъ,—твердилъ онъ себѣ съ тайной горечью, и заранѣе, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ представлялъ себѣ, какъ сразитъ его пуля противника, и онъ уже не увидитъ и не услышитъ того, что̀ произойдетъ затѣмъ. Жизни ему не было жаль. Что̀, однако, если Равичъ не убьетъ его, а какъ-нибудь искалѣчитъ,

если потомъ ему придется страдать многіе, многіе дни, выдержать, быть можетъ, мучительную операцію?.. Страха смерти въ немъ не было, но передъ физическимъ страданіемъ онъ испытывалъ неодолимый ужасъ. Онъ какъ бы чувствовалъ напередъ, что въ его молодое, здоровое тѣло вонзилась пуля, и рисовалъ себѣ, какъ рука хирурга будетъ зондировать рану и врѣзываться въ его тѣло, чтобы достать ее... Сережа невольно вздрогнулъ, и тотчасъ поймалъ себя на этомъ ощущеніи.

— Я трусъ!—громко воскликнулъ онъ, вскакивая. — Да! Я трусъ! трусъ! И они совершенно правы будутъ, презирая меня.

Какъ раненый звѣрь, онъ съ дикимъ воплемъ пробѣжался по комнатѣ, стараясь припомнить такіе случаи изъ своей жизни, которые бы наглядно доказывали, что онъ не трусъ.

Да! на медвѣжьей охотѣ, еще мѣсяцъ назадъ, когда его первая пуля только задѣла звѣря, и тотъ шелъ прямо на него, онъ твердой рукою пустилъ второй и послѣдній зарядъ медвѣдю прямо въ лѣвый глазъ и убилъ его наповалъ. Сердце у него не дрогнуло тогда, и рука тоже. А два года назадъ, когда вдвоемъ съ Полабинымъ онъ случайно наткнулся въ ресторанѣ на скверную исторію и заступился за совершенно незнакомаго ему молодого малаго, на котораго набросился какой-то пьяный нахалъ, онъ не задумался, что рискуетъ своимъ положеніемъ и вытолкалъ изъ комнаты этого человѣка, злоупотреблявшаго физическою силой. Полабинъ этого бы не сдѣлалъ, Сережа зналъ это очень хорошо, и съ этой минуты товарищи стали его уважать больше прежняго. А въ чемъ, въ сущности, сегодняшняя исторія отличалась отъ тогдашней? Отчего сегодня позоръ, а въ тотъ день—общія громкія похвалы? Оттого только, что онъ тогда вышелъ побѣдителемъ? и весь вопросъ, стало быть, сводится къ силѣ кулака. Есть чѣмъ гордиться, нечего сказать!..

И Сережа усѣлся опять успокоенный. Принятое рѣшеніе въ немъ крѣпло.

IX.

Когда въ полку распространилась вѣсть о вчерашнемъ событіи, сперва не хотѣли вѣрить, что Сережа Горянцевъ отказался драться. Это было совершенно невозможно; это не вязалось съ его характеромъ. И какъ разъ за то, что такого поступка отъ Сережи ожидать было нельзя,—на него обрушились всѣ, когда убѣдились, что все было именно такъ, какъ разсказывалъ Полабинъ. Вспышка презрительнаго негодованія охватила всѣхъ то-

варищей, разжигаемая этимъ самымъ Полабинымъ. Никто такъ озлобленно не выражался про Сережу, какъ именно онъ. Полабинъ сознавалъ, что случившаяся исторія можетъ задѣть, пожалуй, и его, и потому старался топить Сережу, чтобы тѣмъ лучше себя выгородить. Одинъ Борисъ Суздальскій за Сережу горячо заступился. Но даже авторитетъ Бориса не могъ побѣдить общаго настроенія. Съ Полабинымъ у него произошелъ обмѣнъ довольно колкихъ замѣчаній. Но въ первую минуту, въ пылу спора, всѣ пропустили мимо ушей оскорбительныя слова Бориса по адресу Полабина. Презрѣніе, долго копившееся въ душѣ Суздальскаго, вылилось теперь все. Полабинъ долго отмалчивался, пробуя свернуть объясненіе на шутку. Но когда Суздальскій сказалъ ему въ упоръ, что въ случившемся виноватъ онъ, и обозвалъ его поступокъ съ Софи Мендеръ подлостью, Полабинъ, сильно поблѣднѣвъ, отвѣтилъ сквозь зубы, что послѣ наединѣ переговоритъ обо всемъ этомъ съ княземъ.

Ровно въ два часа Горянцева вызвали къ полковому командиру. Полковой командиръ, всегда очень благоволившій къ Горянцеву, принялъ его съ выраженіемъ грустной строгости на лицѣ, преувеличенно любезно прося его разсказать все какъ было.

— Я вполнѣ могу довѣриться только вашимъ словамъ, — сказалъ онъ при этомъ.—Вы постоянно выказывали себя такимъ прекраснымъ офицеромъ, что... ну, словомъ, прошу ничего отъ меня не утаивать.

И онъ принялся слушать, а на лицѣ его, замѣчательно полномъ и здоровомъ, выраженіе строгой грусти все усиливалось. Сережа говорилъ сухо, сдержанно, точно дѣло шло не о немъ.

— И что́ же вы намѣрены дѣлать?—съ неменьшею сухостью спросилъ командиръ, когда онъ кончилъ.—Меня увѣряли, будто вы не думаете воспользоваться своимъ правомъ на удовлетвореніе?

Онъ наклонилъ голову и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ:

— Видите ли, г. Горянцевъ! Я былъ всегда сторонникомъ миролюбивыхъ развязокъ, и, какъ вашъ начальникъ, могъ бы радоваться подобной развязкѣ и теперь... Но вы понимаете, что дѣло получило такую огласку, и честь мундира, который мы съ вами оба носимъ...—Онъ видимо затруднялся высказаться прямо.

Сережа хотѣлъ-было разъяснить ему мотивы своего рѣшенія, но онъ вдругъ почувствовалъ, что это было совершенно невозможно.

— Я знаю, ваше превосходительство, чего требуетъ отъ меня

мундиръ, и сегодня же подамъ въ отставку,—коротко отвѣтилъ онъ начальнику.

Это былъ первый безвозвратный шагъ на пути къ разрыву со всѣмъ его прошлымъ. Сережа зналъ, что за этимъ шагомъ быстро послѣдуетъ рядъ другихъ, и, не давая себѣ задуматься надъ будущимъ, онъ принялся за прошеніе. Не предвидѣлъ онъ того лишь, чтò должно было случиться теперь же, пока онъ судорожнымъ почеркомъ заканчивалъ оффиціальную бумагу. Изъ передней донесся глухой женскій голосъ, и минуту спустя дама подъ густою вуалью вошла къ нему въ кабинетъ.

— Сережа, это правда, чтò я слышала?—приподнимая вуаль и бросаясь къ нему, тревожно проговорила Вета. — Ты будешь драться?

Появленіе молодой женщины не только не обрадовало, но подлило новой горечи въ его переполненное сердце. Онъ понялъ вдругъ разомъ, что настоящая виновница случившагося—она, и что недавняя страсть вся, до послѣдней капли исчезла, и не возвратиться ей никогда. Онъ едва не отстранилъ отъ себя Вету.

— Ну, говори же! Разсказывай!—страстно прижималась она къ нему.—Какой ты странный сегодня!.. Ты забылъ, какъ вчера, еще вчера...

Ея губы жаждали сомкнуться съ его губами. Но Сережа не отвѣтилъ на ихъ нѣмую мольбу.

— Помню!—сказалъ онъ горько.—Слишкомъ хорошо помню! Ты хочешь знать все? Ну, изволь! Садись тутъ!—Онъ подвелъ ее къ дивану.

Она испуганно, скрестивъ руки, принялась слушать, впиваясь въ него горящими глазами.

— Очень нужно было изъ-за этихъ женщинъ впутываться въ такую исторію! И въ особенности изъ-за этой дуры Софи... Всѣ вѣдь знаютъ, что Равичъ—ея любовникъ! Чтò-жъ тутъ было скрывать? Напротивъ, было бы очень весело, еслибы она растерялась и надѣлала глупостей!

— А ты бы желала, — холодно проговорилъ онъ, — чтобы тебя сейчасъ кто-нибудь у меня засталъ?

— Я—и Софи Мендеръ!—обиженно воскликнула молодая женщина.

— Конечно! это совсѣмъ другое дѣло! Ты—добродѣтельная женщина!..

Онъ прямо ненавидѣлъ ее въ эту минуту.

— Сережа!—опять воскликнула она.

— Ну, а теперь я тебѣ скажу, что драться не буду! Ты довольна?

Она сама не могла бы сказать, вполнѣ ли она этимъ довольна. Инстинктъ, заставляющій каждую почти женщину втайнѣ предпочитать кровавыя развязки, заговорилъ въ ней. Она была почти разочарована.

— И знаешь, отчего я драться не буду? — продолжалъ Сережа.—Оттого, что пощечина Равича въ моихъ глазахъ—искупленіе за то, что̀ я сдѣлалъ вчера, за мой подлый поступокъ съ твоимъ мужемъ... И это „вчера" не повторится болѣе, никогда не повторится!..

Она сперва не захотѣла вѣрить, хотя злоба блеснула на ея полудѣтскихъ чертахъ. Но Горянцевъ такъ недвусмысленно высказалъ ей не холодность только, а ненависть, какую она въ немъ возбуждала теперь, что Вета должна была, наконецъ, покориться и понять.

Она вышла съ отчаяніемъ и желаніемъ мести на душѣ.

А между тѣмъ она была единственнымъ существомъ, готовымъ высказать ему сочувствіе, несмотря на случившееся наканунѣ,—она и еще Борисъ Суздальскій.

И въ этотъ, и въ ближайшіе дни быстро посыпались на Сережу явныя доказательства полной утраты имъ прежняго блестящаго положенія въ петербургскомъ обществѣ. Товарищи избѣгали съ нимъ заговаривать, почти даже отъ него отворачивались. Многіе изъ знакомыхъ, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, дѣлали видъ, что его не узнаютъ. Какой-то статскій господинъ, часто бывавшій у княгини Бетси и прежде въ немъ заискивавшій, не отдалъ ему даже поклона. Горянцевъ самъ пересталъ кланяться знакомымъ, все болѣе сторонясь отъ людей. Овладѣвавшее имъ чувство презрѣнія къ этимъ людямъ помогало ему выносить уколы самолюбія. Онъ какъ-то воодушевлялся даже гордымъ упоеніемъ борьбы съ обществомъ, среди котораго постоянно вращался за послѣдніе годы. Какъ разъ потому, что такъ быстро и незаслуженно рухнуло это положеніе, исчезла, какъ театральная декорація, окружавшая его мнимая дружба многочисленныхъ знакомыхъ, весь этотъ непрочный блескъ разомъ утратилъ для него всякую цѣну. Рѣшимость, какъ можно скорѣе покончить съ Петербургомъ надолго, быть можетъ, навсегда уйти въ свой родной уголъ, выросла у Сережи какъ-то сама собою. Надо всѣмъ надо было поставить крестъ, въ томъ числѣ, конечно, и надъ Варей Чертолиной. Онъ и не сомнѣвался, что невѣста поспѣшитъ къ нему повернуться спиной, и раздумывалъ, какъ бы ему

самому сдѣлать первый шагъ къ разрыву. Но Чертолины его предупредили. Отъ Софьи Иларіоновны онъ получилъ въ четвергъ записку, въ которой она съ сожалѣніемъ извѣщала, что сынъ ея, семнадцатилѣтній гимназистъ, заболѣлъ корью, и вслѣдствіе того предположенный на воскресенье обѣдъ не состоится. Съ холодной усмѣшкой онъ разорвалъ на клочки раздушенную бумажку, не почувствовавъ даже сожалѣнія. Ему казалось, что, порывая одну за другой нити, связывавшія его съ Петербургомъ, онъ точно свободу себѣ возвращаетъ и выздоравливаетъ отъ заразившаго его повѣтрія. Борисъ Суздальскій подкрѣплялъ его въ этомъ настроеніи. Онъ часто заходилъ къ нему въ первые три дня.

— Я тоже,—повторилъ Борисъ,—уѣду отсюда, если только...

Суздальскій не договорилъ.

Слухъ о его столкновеніи съ Полабинымъ не дошелъ еще до Сережи. Когда узнали въ полку, что Полабинъ вызвалъ князя, всѣ засуетились, на этотъ разъ добросовѣстно стараясь уладить дѣло. И Полабинъ далъ уговорить себя безъ труда. Онъ готовъ былъ удовольствоваться самымъ легкимъ извиненіемъ. Дуэль съ Суздальскимъ, даже при самомъ благопріятномъ исходѣ, была равносильна необходимости выйти изъ полка. Но ко всеобщему удивленію несговорчивымъ оказался Борисъ.

— Полабину было непріятно то, что̀ я ему сказалъ,—неизмѣнно отвѣчалъ онъ на всѣ примирительныя попытки,—такъ пусть онъ теперь не уклоняется отъ дуэли, потому что я ни слова не возьму назадъ изъ сказаннаго мной, и, пожалуй, повторю это еще разъ.—И переговоры не повели ни къ чему. Дуэль должна была состояться въ четвергъ. Наканунѣ только узналъ про это Сережа, и тотчасъ бросился къ товарищу.

— Какъ! Ты изъ-за меня стрѣляешься!—воскликнулъ онъ.—Я этого не допущу! Позволь мнѣ занять твое мѣсто. Я вѣдь не трусъ, какъ ты, быть можетъ, думаешь, и я радъ буду держать этого мерзавца подъ дуломъ своего пистолета. А коли онъ меня убьетъ, туда мнѣ и дорога!

Но Борисъ про это и слышать не хотѣлъ.

— У меня давнишніе счеты съ Полабинымъ,—спокойно отвѣчалъ онъ.—Пора имъ подвести итогъ!

— Да ты пойми,—твердилъ Горянцевъ,—я съ Равичемъ не хотѣлъ драться, потому что эту дуэль мнѣ навязывали, какъ исполненіе формальнаго долга! Да и вовсе не нужна мнѣ была кровь этого человѣка!.. Я даже ненависти къ нему не испытываю никакой! А проливать чужую или свою кровь изъ-за фор-

мальныхъ причинъ—нелѣпое безобразіе. Но Полабинъ—другое дѣло! Его дѣйствительно наказать надо!

— Ну, я его и накажу! Стрѣляю я вѣдь не хуже его! А потомъ, коли хочешь, если онъ останется живъ и невредимъ, твоя будетъ очередь!

И помѣшать дуэли Сережѣ не удалось. Исходъ ея вышелъ печальный: оба противника были ранены на смерть.

X.

Въ первыхъ числахъ марта Викторъ Николаевичъ Горянцевъ тревожно поджидалъ въ своей Ольшанкѣ сына. Изъ письма Сережи старый морякъ хорошенько разобрать не могъ, отчего это онъ вдругъ такъ неожиданно бросилъ службу, и Викторъ Николаевичъ, какъ ни радовался увидать сына, чуялъ что-то недоброе. А теперь, когда пріѣздъ Сережи почему-то затянулся, безпокойство его съ каждымъ днемъ росло. Но вотъ, наконецъ, пришла телеграмма съ извѣстіемъ, что Сережа будетъ на другой день съ утреннимъ поѣздомъ. Отецъ поѣхалъ его встрѣчать на станцію. Онъ горячо обнялъ сына единственною уцѣлѣвшею рукой, но, увидавъ его въ статскомъ, не могъ удержаться, чтобы не окинуть Сережу долгимъ вопрошающимъ взглядомъ.

— Послѣ, батюшка!—сказалъ молодой человѣкъ, сразу понявшій, что̀ означаетъ этотъ взглядъ.—Понемножку все вамъ объясню... А теперь вы мнѣ скажите про себя и про маму.

Они усѣлись въ тарантасъ, и Викторъ Николаевичъ коротко, будто нѐхотя, отвѣтилъ на торопливые разспросы Сережи, не переставая вглядываться въ него украдкою, какъ-то искоса. Что-то обидное ему чудилось въ самой одеждѣ сына. Безъ мундира Сережа казался ему далеко не такимъ молодцоватымъ красавцемъ, какъ въ послѣдній пріѣздъ. И старикъ не утерпѣлъ. До Ольшанки было всего шесть верстъ, но они не успѣли проѣхать и половины, какъ Викторъ Николаевичъ уже прямо спросилъ:

— Такъ что-жъ! говори!.. Коли меня, отца твоего, стыдишься,—какъ тебѣ чужихъ было не стыдно? Все хочу знать! Слава Богу, не пугливаго я десятка! Въ Севастополѣ одиннадцать мѣсяцевъ подъ ядрами прожилъ... Имѣю, кажется, право требовать, чтобы единственный сынъ моей старой головы не срамилъ...

Сережа не утаилъ ничего. Но это признаніе едва ли не обошлось ему труднѣе, чѣмъ все, что̀ перенесъ онъ тамъ, въ

Петербургѣ, за послѣднія недѣли. Онъ видѣлъ, какъ все ниже опускается сѣдая голова отца, какъ негодующія гнѣвныя восклицанія то-и-дѣло готовы у него сорваться и онъ сдерживаетъ ихъ лишь съ величайшимъ трудомъ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ:—и ты далъ Суздальскому изъ-за тебя стрѣляться, и...

— Батюшка!—тихо перебилъ его Сережа.—Еслибы вы знали, что̀ перенесъ я, когда увидѣлъ Бориса раненымъ на̀ смерть и присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ... Онъ промучился цѣлыхъ три дня, и хоть не вернулось къ нему полнаго сознанія, мнѣ все мерещился упрекъ въ его полу-раскрытыхъ неподвижныхъ глазахъ... Я любилъ его какъ родного брата! А когда онъ изъ-за меня...—Слезы заглушили голосъ молодого человѣка.

— Нечего хныкать! ты не баба,—сурово отозвался Викторъ Николаевичъ, а у него самого навертывались слезы. Онъ бы не пережилъ, быть можетъ, Сережи, еслибы его постигла судьба Бориса. Но въ эту минуту старому моряку казалось, что легче было бы лишиться сына, чѣмъ услыхать, что онъ не захотѣлъ драться.

— Просто не понимаю,—твердилъ онъ про себя.—Въ мое время молодежь такъ не разсуждала.

— А какъ вы думаете, батюшка, легко мнѣ теперь? и много я выигралъ отъ того, что не подчинился обычаю? Смерть во сто разъ лучше того, что̀ я перенесъ!

Старый морякъ не возражалъ. До Ольшанки они доѣхали молча. Мать Сережи, Катерина Ѳедоровна, не встававшая уже пятый годъ, встрѣтила сына съ открытою радостью, которой никакое иное чувство не мѣшало высказаться. Недоумѣніе мужа она не раздѣляла. „Кто знаетъ еще,—думалось ей,—увидала бы я сына до смерти, кабы не пріѣхалъ онъ теперь“! Близкая могила точно бросала на нее заранѣе предсмертную тѣнь; но въ этой тѣни ничего не было грустнаго или горькаго. Больная точно вся свѣтлѣла отъ ожиданія недалекаго конца. И Сережа, цѣлуя ее, на мигъ даже совсѣмъ позабылъ о своемъ личномъ горѣ. Передъ возможною утратою матери стушевывалось и оно.

Дни потекли въ Ольшанкѣ мирные, спокойные, ровные. Жизнь будто не шла, а притаилась въ неподвижности, какъ иная, хоть и прозрачная, но тихая рѣка, на глади которой незамѣтно теченіе. Въ состояніи больной замѣтныхъ перемѣнъ не было. Она все такъ же покорно улыбалась, когда сынъ ее навѣщалъ. Викторъ Николаевичъ, не суетясь, занимался своими маленькими дѣлами, которыя были, въ сущности, настолько же чужія, какъ

и свои. Къ нему то-и-дѣло навѣдывался кто-нибудь изъ крестьянъ за совѣтомъ или съ просьбою разрѣшить сосѣдскій либо семейный споръ. Викторъ Николаевичъ, никакой должности въ уѣздѣ не занимавшій, пользовался среди крестьянъ всеобщимъ довѣріемъ. Приходили въ Ольшанку за совѣтомъ и больные. Но это было уже не по части отставного моряка: завѣдывала этимъ племянница его Маша, которая и теперь, ставъ невѣстой, не забывала своихъ добровольныхъ медицинскихъ обязанностей. Счастье ея вообще глядѣло необыкновенно спокойнымъ и негромкимъ. Женихъ, котораго всѣ знавшіе его звали попросту Володей, хотя ему какъ разъ стукнуло тридцать, тоже казался очень скромнымъ, заурядньмъ малымъ, изъ тѣхъ, которыхъ хвалятъ всѣ, потому что иного про нихъ сказать нечего. Володя наѣзжалъ каждый день, и всѣ въ Ольшанкѣ были ему рады, хотя особеннаго ничего съ собою онъ не приносилъ. Сережѣ немного будничнымъ казалась эта слишкомъ уже незатѣйливая жизнь. И раза два онъ даже чуть-чуть подтрунилъ надъ кузиной Машей за чрезмѣрную невозмутимость и за страсть возиться съ больными. Но, услыхавъ ея кроткіе отвѣты, въ которыхъ и тѣни обидчивости не слышалось, Сережа устыдился своихъ насмѣшекъ. Ольшанка, правда, совсѣмъ не походила на Петербургъ съ его вѣчно суетливой толкотней, но, въ сущности, не было ли такъ лучше? Не здоровѣе, не чище ли былъ спокойный воздухъ, которымъ здѣсь дышалось?

И Сережа мало-по-малу входилъ во вкусъ этой неторопливо катившейся жизни. Вѣдь главное, настоящее въ ней было—миръ для себя и польза для другихъ. Пустою ее назвать было нельзя. И единственнымъ человѣкомъ въ Ольшанкѣ, не участвовавшимъ въ ея тихомъ движеніи, оказывался Сережа. Онъ обрадовался-было, впервые уловивъ въ себѣ зародившееся сочувствіе къ маленькимъ интересамъ окружавшихъ его людей. Стало быть, и онъ способенъ на безкорыстное, не-эгоистическое чувство.

Но въ то же время сознаніе собственной безполезности его давило. Ему искренно хотѣлось принять участіе въ скромной работѣ маленькаго ольшанскаго улья. Но какъ взяться за дѣло? Всѣ мѣста въ этомъ ульѣ были заняты. И Сережѣ чувствовалось, что ему дадутъ работу такъ только, для виду, какъ даютъ ее новичку въ министерствѣ. Выходило такимъ образомъ, что даже въ незатѣйливомъ ольшанскомъ міркѣ для блестящаго петербуржца не оказывалось дѣла.

Весна между тѣмъ наступила, яркая, радостная, широкая. Быстро стаяли снѣга. Ручьи шумно побѣжали по оврагамъ, и

какъ-то необыкновенно быстро, на глазахъ у всѣхъ зазеленѣли поля. И главная забота жителя деревни—состояніе этихъ полей радовало взоръ и сулило урожай. Сережа сразу понялъ, какою простою, недвусмысленною становится здѣсь, въ деревнѣ, жизненная задача, которая одна общая у всѣхъ, задача—выростить и собрать всѣмъ необходимый хлѣбъ. Нѣтъ тутъ ни колебаній, ни вопросовъ, нѣтъ тутъ въ особенности лжи. И ему сильнѣе прежняго захотѣлось войти въ общую колею, стать помощникомъ отца.

Но тотъ какъ-то добродушно отклонялъ эти предложенія сына.

— Гдѣ тебѣ!—повторялъ Викторъ Николаевичъ. — Этого нельзя вѣдь сразу, не подготовившись!

И тайная обида просачивалась въ сердце молодого человѣка. Онъ принялся за чтеніе—кстати въ Ольшанкѣ была довольно большая библіотека—надо было хоть этимъ наполнить время.

Скуки къ себѣ въ душу Сережа подпустить не хотѣлъ. Отецъ давалъ ему просимыя книги, но все-таки съ какой-то полу-скептическою улыбкою на губахъ.

— Да я вѣдь бывшій студентъ! Не забудьте, папа!—вырвалось какъ-то у молодого человѣка. — И не собираюсь я весь вѣкъ недорослемъ оставаться. Опредѣлюсь куда-нибудь, или въ земство пойду...

Викторъ Николаевичъ ничего не отвѣтилъ, но опять посмотрѣлъ на сына съ загадочнымъ сомнѣніемъ на лицѣ.

И такъ было неоднократно. Сережу особенно мучило это невысказанное безмолвное осужденіе. А теперь имъ приходилось какъ разъ чаще оставаться вдвоемъ. Послѣ свадьбы кузина Маша переѣхала въ усадьбу мужа, откуда она, правда, наѣзжала часто, но старинный уютный ольшанскій домъ все-таки глядѣлъ опустѣлымъ. И съ глазу на глазъ съ Викторомъ Николаевичемъ Сережѣ было еще тяжелѣе прежняго. Часто избѣгая даже глядѣть на отца, онъ чувствовалъ на себѣ скорбный, тяжелый взглядъ. И вотъ, разъ, въ первыхъ уже числахъ мая, Сережа какъ-то вдругъ спросилъ у Виктора Николаевича:

— А что̀, свадьба Вѣрочки состоялась?

— Нѣтъ, напротивъ! разстроилась, даже совсѣмъ!—коротко отвѣтилъ старый морякъ.

— Какъ же это? Отчего?—переспросилъ Сережа.

— Не знаю, право! А тебѣ что̀?

— Такъ!—на этотъ разъ отдѣлался уклончивымъ отвѣтомъ Сережа, и въ свою очередь спросилъ отца:

— А отчего вы совсѣмъ перестали видѣться съ Иваномъ Ѳедоровичемъ?

— Довольно понятно! — сурово отозвался Викторъ Николаевичъ.

„Да, въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ себѣ молодой человѣкъ.—Съ какой стати я этимъ интересуюсь". Но лгать самому себѣ онъ не захотѣлъ, и сразу признался передъ собою, что встрѣча съ Вѣрочкою ему доставила бы удовольствіе.

И встрѣча эта состоялась скорѣе, чѣмъ онъ думалъ—на слѣдующій же день.

Раннимъ утромъ Сережа осѣдлалъ своего гнѣдого жеребца, привезеннаго изъ Петербурга, и шагомъ поѣхалъ въ сосѣднюю дубовую рощу, тянувшуюся какъ разъ вдоль межи Ивана Ѳедоровича. Нерадостныя думы клонили внизъ голову молодого человѣка. Не внималъ онъ и тихой прелести майскаго утра, точно разносившаго во всю ширь полей бодрящую улыбку весенняго солнца. Сквозь прозрачную бахрому разорванныхъ легкихъ облаковъ оно свѣтило, но не жгло, косыми еще лучами пронизывая нечастый дубовый лѣсъ и не разгоняя наполнявшей его душистой свѣжести. Вдругъ, издали еще, за поворотомъ дороги Сережа увидѣлъ шедшую къ нему на встрѣчу легкую фигуру. Не трудно было угадать, чьи это были упругіе, быстрые шаги, кто приближался къ нему въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ. Онъ пришпорилъ лошадь и поскакалъ на встрѣчу къ Вѣрочкѣ. И сразу какъ-то у него просвѣтлѣло на сердцѣ. Давно онъ пересталъ думать о ней, какъ о близкомъ, миломъ существѣ, и послѣдняя ихъ встрѣча, годъ назадъ, оставила ему воспоминаніе, котораго приходилось стыдиться. А между тѣмъ, самъ не зная почему, Сережа чувствовалъ, что въ забытой подругѣ дѣтства онъ встрѣтитъ именно то, чего не было теперь въ его жизни,—открытое, неподдѣльное сочувствіе.

И онъ не ошибся. Увидѣвъ Сережу, Вѣрочка посмотрѣла на него прямымъ взглядомъ своихъ тихо свѣтившихся глазъ, и золотые огоньки будто забѣгали по ея каримъ зрачкамъ. Горечи, упрека не было и тѣни на ея лицѣ, когда они поровнялись, и въ ея голосѣ, когда, протягивая руку, Вѣрочка отвѣтила на его первый вопросъ,—какъ это въ такой ранній часъ онъ встрѣчаетъ ее за цѣлыхъ двѣ версты отъ ихъ усадьбы:

— Я привыкла рано вставать — будто вы забыли, Сергѣй Викторовичъ?—и занята тѣмъ, что въ деревнѣ въ эту пору лучшее занятіе—попросту гуляю и на свѣжее утро любуюсь. У васъ въ Петербургѣ время привыкли терять посложнѣе, не правда ли?—

добавила она, чуть-чуть засмѣявшись своимъ золотымъ голоскомъ.

Сережѣ вспомнилось вдругъ, что въ дѣтствѣ еще онъ именно такъ называлъ ея голосъ.—Ну, очень радъ,—отвѣтилъ онъ такъ же просто и открыто, соскакивая съ лошади и принимаясь ее привязывать къ дубовому суку.—Вы позволите съ вами пройтись—такъ, по старой памяти?

Она утвердительно качнула головкой и, подойдя къ лошади, сказала: — Какой онъ у васъ славный... и добрый, и умный, должно быть...

— Да, мы знаемъ другъ друга хорошо. Я съ нимъ разстаться не захотѣлъ, пріѣзжая сюда. Это единственный уцѣлѣвшій мой товарищъ.

— Един...—Она не договорила, понявъ, что готова коснуться больного мѣста въ его жизни, хотя до нея дошли только смутные слухи про то, что произошло въ Петербургѣ.

— Послушайте, — началъ онъ прямо, быстро поднимая наклоненную голову и вглядываясь ей въ лицо,—мнѣ передъ вами скрывать нечего. Я вижу, вы меня щадить хотите, а мнѣ именно пощады-то и не нужно. Нужно мнѣ одно изъ двухъ—открытая вражда или открытая дружба. Можетъ быть, хотя я и нехорошій человѣкъ,—да, Вѣра, не качайте головой,—очень нехорошій,—можетъ быть, какъ разъ теперь я не совсѣмъ пересталъ заслуживать... дружбы.

Она не отвѣтила, догадавшись, что любой отвѣтъ будетъ неумѣстенъ, и постаралась только улыбкѣ своихъ глазъ придать что-то еще болѣе кроткое. Это былъ почти тотъ же взглядъ, что у доброй кузины Маши, только золотыя искорки и красиво изогнутая линія розовыхъ губокъ придавали ему что-то иное, болѣе цѣнное и не такъ ужъ заурядно доброе.

И Сережа разсказалъ ей свою исторію, разсказалъ то, по крайней мѣрѣ, что можно было повѣдать ея дѣвичьимъ ушамъ. Но дѣло было не въ подробностяхъ, а въ томъ, какъ взглянетъ она на чувство, руководившее имъ въ роковую минуту встрѣчи съ Равичемъ—на охватившую его вдругъ жажду искупить незаслуженнымъ оскорбленіемъ все совершонное имъ зло. Женщина это, быть можетъ, пойметъ: ей доступнѣе, чѣмъ мужскому сердцу, постичь добровольное отреченіе отъ права отмстить за себя. Многимъ дѣвушкамъ, конечно, эта странная жертва показалась бы унизительной. Она лишила бы въ ихъ глазахъ всякаго обаянія того, кто ее принесъ. Но Вѣрочка, быть можетъ, не такова.

Насколько онъ знаетъ ее съ дѣтскихъ годовъ, ей вѣдь совершенно чужда всякая условность...

Дѣвушка слушала молча, слегка поникнувъ головкой, и краска понемногу выступала на ея изящно округленномъ личикѣ. Раза два, пока длился разсказъ, ее будто охватывало мгновенное волненіе, и, вздрогнувъ, она широко поднимала на молодого человѣка большіе, открытые глаза. Когда онъ кончилъ, она, скрестивъ руки и поблѣднѣвъ, вдругъ спросила:

— И неужели никто... Никто васъ тамъ, въ Петербургѣ, не понялъ? Никто, кромѣ этого бѣднаго Бориса Суздальскаго?

— Я нарушилъ обычай, Вѣра, а за обычай люди безпощаднѣе стоятъ, чѣмъ за убѣжденія... особенно, когда у нихъ послѣднихъ не водится... Да и легче вѣдь судить по внѣшности: я получилъ оскорбленіе и не дрался—стало быть, я трусъ. Это, по крайней мѣрѣ, очень несложно!

— Вы! Вы—трусъ?—воскликнула она.—Да стоитъ на васъ взглянуть хорошенько, чтобъ этому не повѣрить ни за что. Да неужели они не поняли тамъ, что страдать, какъ вы страдали,— это въ десять разъ хуже любой опасности!

О, какъ онъ былъ ей благодаренъ за эти искреннія слова!— Въ ихъ искренности онъ не сомнѣвался. То, чего онъ не нашелъ даже въ прямомъ, честномъ Викторѣ Николаевичѣ, сразу дала ему эта, оскорбленная имъ нѣкогда, простая деревенская дѣвушка.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ, горячо пожавъ ей руку и вглядываясь въ нее заблестѣвшими глазами:—вы мнѣ возвратили право себя не стыдиться, Вѣра.

— Вы этого права никогда не теряли,—было ея быстрымъ отвѣтомъ.—Да неужели же все дѣло въ чужомъ мнѣніи, а не въ голосѣ собственной совѣсти... для истинно честныхъ людей, по крайней мѣрѣ?

— Да, если бы всѣ думали, какъ вы...

— Многіе такъ думаютъ, я въ этомъ убѣждена... Не смѣютъ только высказать этого.

— Вы смѣете, потому что на это нужна та смѣлость, которая только у васъ, женщинъ, бываетъ,—и къ блеску его глазъ присоединилось теперь нѣчто иное, почти неуловимое, но снова вызвавшее краску на ея щекахъ. — Скажите, — рѣшился онъ вдругъ спросить, а они дошли уже до опушки лѣса и возвращались къ тому мѣсту, гдѣ произошла ихъ встрѣча:—когда я пріѣхалъ сюда, я слышалъ... что вы собираетесь...

Краска стала еще ярче на ея лицѣ, но она все-таки бодро отвѣтила, засмѣявшись даже:

— Выходить замужъ? хотѣли вы спросить.—Ну, да, это было и прошло,—какъ очень многое проходитъ. Я убѣдилась, что...—Вѣрочка запнулась на мигъ:—ну, просто, что мы съ женихомъ не сходимся характерами. И разстались мы очень мирно—я могла бы даже обидѣться такой спокойной развязкой.

Она проговорила это очень смѣло и быстро, но Сережа понялъ, какого труда ей стоили эти слова, въ которыхъ ему чувствовалась неполная правда. Молодой человѣкъ догадался, что его пріѣздъ не совсѣмъ былъ чуждъ новому рѣшенію Вѣрочки.

— Простите,—сказалъ онъ, и улыбка невольно проскользнула на его губахъ,—что я позволилъ себѣ коснуться вашей маленькой тайны.

— Мы товарищи дѣтства, полноте!—отвѣтила она, краснѣя.

— Ну, такъ еще одна просьба, Вѣра,—могу я пріѣхать къ вамъ, въ Теплое... могу я проводить васъ туда, хоть сейчасъ вотъ?

— Сейчасъ?—она показалась удивленной его вопросомъ:—ну, да, да, разумѣется—можете...

И когда они дошли до того мѣста, гдѣ была привязана лошадь, Сережа взялъ ее подъ уздцы и продолжалъ идти рядомъ съ дѣвушкой по дорогѣ къ усадьбѣ Ивана Θедоровича. Легкое кружево облаковъ теперь исчезло, солнце поднялось выше. Оно глядѣло прямо на молодыхъ людей, и обоимъ имъ казалось, что радостное свѣтило поднялось и надъ ихъ недавно еще затуманенной жизнью.

К. Головинъ.

СВИТЕЗЬ

Баллада Мицкевича.

Коль въ край Новогрудскій лежитъ вамъ дорога
По дикому, старому бору,
Тамъ озеро видно,—постойте немного
И дайте натѣшиться взору.

Свитéзь разстилаетъ тамъ тихія воды
Вокругъ необъятной картиной,
Въ опушкѣ изъ рощъ,—этой рамкѣ природы,—
Блеститъ онъ кристальною льдиной.

Придешь ли къ нему ты въ часы полунóчи—
И сверху, и снизу сверкаютъ
Все звѣзды и звѣзды, какъ ясныя очи,
Два мѣсяца вдругъ выплываютъ.

Вы мните, что зеркало тамъ подъ ногами
До неба равниной поднялось,
Иль небо само опустилось подъ вами
И такъ въ глубинѣ и осталось.

До той стороны не досмотрятся взоры,
Сливается берегъ съ водою,
И кажется, будто повисъ безъ опоры
Надъ бездною ты голубою.

Такъ озеро путника взоръ поражаетъ
Въ часъ ночи прозрачной и лунной,

Но ночью до озера тотъ достигаетъ,
Кто храбрости полонъ безумной.

Въ ту пору тамъ бѣсы снуютъ ежечасно,
Тамъ страшныя вѣдьмы гнѣздятся;
Объ ужасахъ этихъ разсказывать страшно,
И въ мысли ихъ страшно касаться.

На днѣ его шумъ городского движенья,
Огни подъ водою мелькаютъ,
И женщинъ стенанья, и клики сраженья,
И звонъ до ушей долетаютъ.

Но гаснутъ огни и смолкаетъ вдругъ ропотъ,
Шумятъ лишь вершинами ели,
Да тихой молитвы доносится шопотъ,
И пѣсенъ печальныя трели.

Что̀ значитъ все это?.. различно толкуютъ:
Нельзя же на дно опуститься,—
Повѣрья въ народѣ хотя существуютъ,
Но правды въ нихъ трудно добиться.

Задумалъ разъ панъ тотъ, котораго дѣды
Когда-то Свитéземъ владѣли,
Собравши сначала друзей для бесѣды,
Достигнуть таинственной цѣли.

Для этого неводъ большой приготовилъ,
Громадныя деньги затратилъ,
Вглубь футовъ на триста его онъ устроилъ,
И лодки, и чо̀лны наладилъ.

Я имъ говорилъ, что по-моему нужно,
Чтобъ дѣло молитвой нача̀ли,
И вотъ всѣ въ костёлѣ собралися дружно,
Ксендза̀ изъ прихода позвали.

Во всемъ облаченьи подходитъ онъ къ во̀лнамъ,
Съ молитвою снасть окропляетъ.
Велитъ панъ скорѣе отваливать чо̀лнамъ,
И неводъ съ нихъ шумно спадаетъ.

Спадаетъ онъ, тонетъ и съ верхомъ уходитъ,
Каменья до дна не хватаютъ;
Вотъ тянутся снасти, и неводъ подходитъ,
Но врядъ ли чтò въ тоню поймаютъ.

Ужъ нà берегъ втянуты длинныя крылья,
Ужъ стала мотня приближаться...
Сказать ли, чтò панъ получилъ за усилья?
И скажешь,—такъ вѣры не дастся.

Не чудище съ неводомъ тѣмъ подплывало,
Живая красавица плы́ла;
Уста ея ярче морского коралла,
Ленъ ку́дрей вода омочила.

Вотъ ближе она... и пока въ онѣмѣньи
Часть бывшихъ недвижима стала,
Другая же прочь убѣгала въ смятеньи,
Имъ дѣвушка нѣжно сказала:

„О, юноша! водъ сихъ, безъ кары ужасной,
„Весломъ человѣкъ не касался,
„И озера зѣвомъ, какъ пропастью страшной,
„Смѣльчакъ навсегда поглощался.

„Вся челядь твоя и съ тобой, безразсуднымъ,
„Всѣ были бы въ водныхъ могилахъ,
„Но предокъ владѣлъ твой симъ берегомъ чуднымъ,
„Течетъ наша кровь въ твоихъ жилахъ.

„Хоть кара за дерзость заслужена вами,
„Но дѣло молитвой начàто,
„И Богъ говоритъ вамъ моими устами,
„Чтò здѣсь совершилось когда-то:

„На мѣстѣ, чтò нынѣ пески ужъ замыли,
„Поросшемъ осокою мирной,
„И тамъ, гдѣ на лодкахъ вы съ неводомъ плыли,
„Когда-то былъ городъ обширный.

„Оружьемъ Свитéзь себя, городъ прославилъ
„И дѣвъ красотой величавой;

„Изъ рода Тугановъ князь городомъ правилъ,
„Вѣка процвѣталъ онъ со славой.

„Тогда еще сосны въ бору не чернѣлись,
„И за плодородной долиной
„Далеко Новгрудскія стѣны виднѣлись,
„Литовской столицы старинной.

„Однажды въ расплохъ и съ дружиной громадной
„Царь русскій напалъ на Миндовга;
„Миндовгу ли выдержать бой безпощадный...
„Литву охватила тревога.

„Князь войскъ не сзываетъ съ далекой границы,
„Къ отцу моему посылаетъ:
„—Туганъ, на тебя лишь надежда столицы,
„Князь съ войскомъ тебя ожидаетъ.

„Прочелъ лишь Туганъ это княжее слово,
„И тотчасъ походъ объявили,
„Пять тысячъ мужей было къ строю готово,
„Конями ихъ всѣхъ надѣлили.

„Рать вышла въ ворота подъ трубные звуки,
„Туганъ булавою сверкаетъ,
„Но сталъ вдругъ, какъ вкопанный, къ небу взвелъ руки,
„Обратно къ дворцу подъѣзжаетъ.

„И такъ говоритъ:—Неужли для спасенья
„Чужихъ я пожертвую вами?
„Иного Свитéзь не найдетъ укрѣпленья,
„Какъ мечъ нашъ и мощныя длани.

„Дѣлить мое войско нельзя безусловно,
„Родного лишить обороны,
„А всѣмъ уходить намъ на бой поголовно—
„Какъ бросить васъ, дщери и жены!

„—Отецъ, говорю я, чего устрашился,
„Иди, куда долгъ призываетъ;
„Богъ—наша защита! сегодня мнѣ снился
„Тотъ ангелъ, чтò насъ охраняетъ.

„Мечомъ опоясавъ Свитéзя твердыни
„И ихъ осѣняя крылами,
„Сказалъ, что пока не вернутся дружины,
„Онъ будетъ защитой надъ нами.

„Туганъ мнѣ повѣрилъ, вернулся обратно;
„Но ночь лишь на землю слетаетъ,
„Какъ издали шумъ вдругъ послышался внятно,
„И грозно ура долетаетъ.

„Грохочутъ тараны, и стѣны распались,
„Скрещаются стрѣлы, какъ сѣти,
„И старцы, и жены къ дворцу направлялись,
„И дѣвы, и малыя дѣти.

„—Спасайтесь! кричатъ всѣ, ворота заприте!
„Русь въ зáмкѣ появится скоро,
„Отъ собственныхъ рукъ уже лучше умрите,
„И смерть васъ спасетъ отъ позора!

„Но страхъ исчезаетъ, и съ бѣшенствомъ страшнымъ
„Всѣ тащатъ изъ дома пожитки,
„Въ костры ихъ бросаютъ и съ воплемъ ужаснымъ
„Въ огнѣ сожигаютъ до нитки.

„Себя не убьетъ кто, тотъ проклятъ будь Богомъ!
„Совѣтамъ моимъ не внимаютъ,
„Одни уже выи склоняютъ къ порогамъ,
„Другіе—сѣкиры хватаютъ.

„Минута настала: всѣ лучше готовы
„Отъ рукъ своихъ жизни лишиться,
„Чѣмъ рабски отдаться подъ вражьи оковы;
„Одна лишь я стала молиться:

„—О, Боже всесильный! коль нѣтъ ужъ спасенья,
„Дай смерть намъ руками Твоими!
„Пускай поражаетъ насъ грома паденье,
„Земля поглощаетъ живыми!

„Вдругъ вся я въ туманѣ себя ощущаю,
„День тьмою смѣнился ночною,

„Я съ трепетомъ взоры на землю бросаю—
„И нѣтъ ужъ земли подо мною.

„Вотъ какъ мы избѣгли рѣзни и позора!
„Ты видишь цвѣты предъ глазами?
„То жены и дщери Свитéзя,—для взора
„Ихъ сдѣлалъ Всевышній—цвѣтами!

„Какъ бабочки будто, они налетѣли
„На вòды, блестя бѣлизною,
„И въ листьяхъ зеленыхъ похожи на ели,
„Чтò снѣгъ опушилъ пеленою.

„Цвѣты тѣ, какъ образы жизни невинной,
„Невинности стали эмблемой,
„И смертный не смѣетъ до нихъ ни единый
„Коснуться рукой дерзновенной.

„Царь русскій съ дружиной ихъ силу узнали:
„Прельстившись невольно цвѣтами,
„Срывая ихъ, шлемы свои убирали,
„Главы украшали вѣнками.

„Но всякій, кто къ нимъ лишь протягивалъ руку,—
„Таилась въ нихъ грозная сила,—
„Испытывалъ тотъ безконечную муку,
„И смерть его быстро разила.

„Теперь ужъ забыли объ этихъ дѣяньяхъ,
„Лишь помнятъ о карѣ ужасной
„И царской травою, въ народныхъ преданьяхъ,
„Цвѣтокъ называютъ прекрасный“...

Сказавъ это, тихо она отдалилась...
Тонуть стали лодки съ сѣтями,
Лѣсъ дрогнулъ со стономъ, вода расходилась
И берегъ покрыла валами.

Вотъ воды подъ нею до дна распахнулись,
Но взоръ мы напрасно бросали,
Надъ дѣвою волны на вѣки сомкнулись,
И мы ужъ о ней не слыхали.

Съ польск. В. П. Марковъ.

СЛАВЯНОФИЛЫ, ЗАПАДНИКИ
и
ГЕРЦЕНЪ

I.

Былъ ли Герценъ славянофиломъ или западникомъ, и къ кому изъ нихъ онъ долженъ быть поставленъ ближе — вопросъ наименѣе выясненный изслѣдователями его публицистической дѣятельности. Въ то время, какъ одни считаютъ Герцена наиболѣе яркимъ и типичнымъ представителемъ такъ называемаго „западническаго“ направленія, другіе причисляютъ его къ „славянофильскому“ лагерю. Біографъ Герцена, В. Д. Смирновъ, рѣшительно заявляетъ, что „славянофиломъ Герценъ не былъ никогда и не могъ быть: его жизненный опытъ и темпераментъ по необходимости дѣлали его человѣкомъ другого лагеря“. Г-нъ Смирновъ, правда, ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего отрицанія въ Герценѣ славянофильства, а потому оно и не можетъ быть убѣдительно. Притомъ, съ другой стороны, извѣстный публицистъ славянофильскаго лагеря, Н. Страховъ, въ статьѣ своей: „Главное открытіе Герцена“, пытается убѣдить читателей въ томъ, что Герценъ былъ истиннымъ славянофиломъ въ томъ именно смыслѣ этого слова, какъ его понимаетъ самъ Н. Страховъ. „Съ невыразимой силой,—говоритъ онъ,—въ немъ (т.-е. въ Герценѣ) вкоренилось убѣжденіе, что *Западъ страдаетъ смертельными болѣзнями, что его цивилизаціи грозитъ неминуемая гибель, и что нѣтъ въ немъ живыхъ началъ*, которыя бы могли спасти его. Хорошо зная зап. Европу, Герценъ пришелъ къ заключе-

нію, что на Западѣ нѣтъ живого духа, что всѣ его (т.-е. Запада) мечты не имѣютъ внутренней силы, что одно вѣрно и несомнѣнно—смерть, духовное вырожденіе, гибель всѣхъ формъ тамошней жизни, всей западной цивилизаціи"... („Мнимая борьба съ Западомъ", стр. 53). Желая во что бы то ни стало сдѣлать Герцена славянофиломъ, Страховъ приписываетъ ему такіе взгляды которые, конечно, гораздо ближе къ взглядамъ самого автора, чѣмъ къ міровоззрѣнію Герцена, насколько послѣднее выразилось въ его публицистическихъ работахъ.

Всѣмъ извѣстно, съ какимъ благоговѣйнымъ восторгомъ относился Герценъ къ з. Европѣ, когда еще только мечталъ о ней, проживая въ Россіи. Даже такія крупныя и въ то время болѣе Герцена опредѣлившіяся личности, какъ Бѣлинскій, Грановскій, „были ослѣплены сіяніемъ Запада": контрастъ между русской дѣйствительностью и западно-европейскимъ общественнымъ строемъ былъ слишкомъ неблагопріятенъ для первой, чтобъ можно было устоять противъ „ослѣпленія" послѣднимъ. „Было время,—говоритъ Герценъ,—когда въ ссылкѣ, вблизи Уральскаго хребта, я облекалъ Европу фантастическими красками; я тогда вѣрилъ въ Европу и особенно во Францію. Я воспользовался первой минутой свободы, чтобъ летѣть въ Парижъ,—это было еще до февральской революціи"... „Это были времена наивной вѣры", пишетъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого въ своей статьѣ „Colonie russe" (Paris-Guide, 1867 г.). Разочарованіе Герцена въ зап. Европѣ начинается съ 1848 года: благоговѣйно-восторженное отношеніе смѣняется холоднымъ скептицизмомъ, переходящимъ порой въ полное отчаяніе передъ тѣмъ будущимъ, которое ожидаетъ Европу. Франція была первой страной, обманувшей Герцена въ его ожиданіяхъ и надеждахъ. Когда пришлось подводить итоги февральской революціи, они оказались далеко не такими, на какіе разсчитывали всѣ искренніе друзья свободы, съ глубокимъ интересомъ слѣдившіе за великой исторической драмой, разыгрывавшейся на берегахъ Сены. Причиной этой неудачи Герценъ считаетъ главнымъ образомъ національный характеръ французовъ, особенности ихъ психическаго склада. „Французы оказались французами,—не больше,—пишетъ онъ:—это народъ, который богатъ инціативой въ дѣятельности, но бѣденъ въ мышленіи; онъ думаетъ принятыми понятіями, въ принятыхъ формахъ; онъ даетъ пошлымъ идеямъ модный покрой—и доволенъ этимъ"... Фраза—разъ она высказана громко, или облечена въ красивую, блестящую форму—имѣетъ въ жизни этого народа огромное, часто рѣшающее значеніе:

ей охотно вѣрятъ, за нею идутъ... Въ минуты увлеченія ею французскій народъ грозно поднимается, какъ взбаламученное море, и смѣло вступаетъ въ борьбу со зломъ, беретъ Бастилію, разбиваетъ цѣлыя арміи. Но по мѣрѣ того, какъ онъ одолѣваетъ врага, силы его слабѣютъ, умъ тускнѣетъ, энергія исчезаетъ, и народъ дѣлается совершенно равнодушнымъ къ тому, за что̀ еще такъ недавно проливалъ свою кровь. Съ этимъ не можетъ не согласиться всякій, кто знакомъ съ Франціей и французами не по однѣмъ книжкамъ о ней, но и путемъ личныхъ наблюденій надъ ея жизнью, надъ психическимъ складомъ этого въ высшей степени впечатлительнаго и чуткаго къ красивой фразѣ народа. Но помимо причинъ внутреннихъ, лежащихъ въ психическихъ особенностяхъ французской націи, были, конечно, и причины внѣшнія, помѣшавшія осуществленію тѣхъ надеждъ, какія возлагались на движеніе 48-го года: въ наше время, полвѣка спустя, мы относимся къ оцѣнкѣ этихъ причинъ и слѣдствій гораздо спокойнѣе и объективнѣе, но въ тѣ „печальные дни“, когда Герценъ писалъ о Франціи, рана, нанесенная дѣйствительностью его надеждамъ, была еще слишкомъ свѣжа, чтобъ мы могли требовать отъ него спокойствія и безпристрастія, какія возможны на рубежѣ XX столѣтія. Вотъ почему слѣдуетъ осторожно относиться какъ къ „разочарованію“ Герцена въ Европѣ, такъ и ко всѣмъ тѣмъ „горькимъ мыслямъ“, которыя вылились изъ-подъ его пера подъ вліяніемъ этого разочарованія.

Республика, какъ понимала ее вся Франція въ 1848—49 годахъ, представляется Герцену плодомъ теоретическихъ измышленій, отвлеченной формулой,—„апоѳеозомъ существующаго государственнаго порядка“; такая республика—„послѣдняя мечта, поэтическій бредъ стараго міра“... Народъ не вѣритъ теперь въ республику—и превосходно дѣлаетъ; пора перестать вѣрить въ какую бы то ни было единую спасающую формулу. Формальная республика показала себя послѣ іюньскихъ дней. Теперь начинаютъ понимать несовмѣстимость равенства и братства съ этими капканами, называемыми устоями свободы,—и съ этими бойнями, извѣстными подъ именемъ военно-судныхъ коммиссій; теперь никто не вѣритъ въ подтасованныхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ въ жмурки судьбу людей безъ апелляціи,—въ гражданское устройство, защищающее только собственность, ссылающее людей въ видѣ мѣры общественнаго спасенія, содержащее хоть сто человѣкъ постояннаго войска, которые, не спрашивая причины, готовы спустить курокъ по первой командѣ. Такая республика не могла,

разумѣется, разсчитывать на сочувствіе къ ней народныхъ массъ, а слѣдовательно—и на прочность существованія; она неизбѣжно должна была превратиться въ имперію... И дѣйствительно, не прошло и пяти лѣтъ, какъ Наполеонъ III провозгласилъ себя императоромъ, а великій Парижъ, „очагъ безумныхъ надеждъ и дерзкихъ упованій", сталъ быстро превращаться въ огромный веселый трактиръ, „караванъ-сэрай всей Европы". Вслѣдъ за „разочарованіемъ", въ Парижѣ и Франціи начались и другія разочарованія. Римъ палъ подъ ударами французовъ, Баденъ былъ захваченъ пруссаками, Венгрію усмирялъ кн. Паскевичъ Эриванскій... Прояснившійся-было на короткое время горизонтъ политической жизни зап. Европы снова заволокло густымъ туманомъ. Теперь мы знаемъ, что этотъ туманъ не могъ помѣшать дальнѣйшему развитію тѣхъ освободительныхъ идей, которыя лежали въ основаніи политическихъ движеній Европы въ 1848 году. Спустя десять лѣтъ, началось объединеніе Италіи, которая своимъ недавнимъ торжественнымъ празднованіемъ пятидесятилѣтія своей конституціи съумѣла вполнѣ достойнымъ образомъ показать всему цивилизованному міру, чѣмъ именно она обязана 48-му году. Благодаря ему именно, Венгрія пріобрѣтаетъ въ составѣ австрійской имперіи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе доминирующую роль, что̀ должно будетъ привести въ концѣ концовъ, а можетъ быть въ недалекомъ будущемъ, къ полной политической автономіи венгерскаго народа. Чѣмъ былъ 1848-ой годъ для Германіи, можно хорошо видѣть изъ преній, происходившихъ въ германскомъ рейхстагѣ во время его послѣдней сессіи, въ мартѣ текущаго года. Когда консервативный депутатъ Путткамеръ, въ отвѣтъ на рѣчь Бебеля, сказалъ, что „за такимъ злоупотребленіемъ, какъ возстаніе 18 марта, должна была неизмѣнно наступить реакція",—изъ группы свободомыслящихъ поднялся извѣстный адвокатъ Мункель, убѣжденный либералъ, но далеко не сторонникъ какихъ-нибудь радикальныхъ идей. „Путткамеръ не могъ выбрать болѣе неудачнаго мѣста для своихъ нападокъ на 48-й годъ,—сказалъ Мункель:—этого рейхстага не было бы, какъ не существовала бы и объединенная Германія, если бы не было 48-го года. День 18 марта для насъ день траура, потому что грустно всякое зрѣлище междоусобной войны; но это и день радости, потому что отъ него начинается новая жизнь. Съ трибуны рейхстага я считаю долгомъ заявить, что пока въ Германіи не исчезнетъ любовь къ родинѣ и стремленіе къ свободному развитію, до тѣхъ поръ нѣмцамъ не придется стыдиться

18 марта 1848 года“. Для Германіи 18-ое марта означаетъ тоже самое, что̀ означало 24 февраля для Франціи. Въ библіотекѣ берлинской городской думы намъ показывали особую комнату, гдѣ собрано до десяти тысячъ томовъ книгъ, брошюръ и рисунковъ, относящихся къ событіямъ 1848 года. Будущій историкъ Германіи найдетъ въ этой сокровищницѣ богатый матеріалъ для характеристики этой замѣчательной эпохи и ея ближайшихъ послѣдствій; но уже и въ наше время ясно для каждаго не предубѣжденнаго человѣка, что именно „безумному“ 48-му году Германія обязана учрежденіями, которыми одинаково дорожатъ всѣ мыслящіе нѣмцы, какъ бы они ни расходились въ своихъ взглядахъ по другимъ вопросамъ общественнаго устройства.

О значеніи историческихъ событій гораздо легче судить, имѣя необходимую для правильной оцѣнки перспективу, чѣмъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ совершающихся на нашихъ глазахъ событій. Герценъ не имѣлъ передъ собой такой перспективы, и поэтому въ своихъ сужденіяхъ о событіяхъ 48-го года и ихъ послѣдствіяхъ онъ слишкомъ сильно поддается субъективному настроенію, мѣшающему ихъ безпристрастной оцѣнкѣ. Что̀ пережилъ онъ въ короткіе дни „томительной неизвѣстности относительно будущаго“—даетъ ясное понятіе его отзывъ о революціонной бурѣ, пронесшейся надъ Европой. „Мы довольно долго изучали,—писалъ онъ,—хилый организмъ Европы во всѣхъ слояхъ, и вездѣ находили вблизи перстъ смерти, и только изрѣдка, вдали, слышалось пророчество. Мы сначала тоже надѣялись, вѣрили, старались вѣрить. Предсмертная борьба такъ быстро искажала одну черту за другой, что нельзя было обманываться. Жизнь потухала, какъ послѣднія свѣчи въ окнахъ, прежде разсвѣта. Сложа руки, мы смотрѣли на страшные успѣхи смерти. Что̀ мы видѣли въ февральской революціи? Довольно сказать, что мы были молоды два года тому назадъ, и стары теперь“. Было время, когда слово „республика“ заставляло усиленно биться сердце Герцена, а теперь, послѣ 1848—51 годовъ, слово это возбуждаетъ въ немъ „столько же надеждъ, сколько и сомнѣній“. „Развѣ мы не видѣли, — спрашиваетъ онъ въ своемъ журналѣ,—что республика съ правительственной иниціативой, съ деспотической централизаціей, съ огромнымъ войскомъ, гораздо меньше способствуетъ свободному развитію, чѣмъ англійская монархія, безъ иниціативы, безъ централизаціи? Развѣ мы не видѣли, что французская демократія, т.-е. равенство въ рабствѣ, — самая близкая форма къ безграничному самовластію“?

(1-го янв. 1859 г.) „Утративъ вѣру въ слова и знамена, въ канонизированное человѣчество и единую спасающую церковь западной цивилизаціи, я вѣрилъ въ нѣсколько человѣкъ, вѣрилъ въ себя. Видя, что все рушится, я хотѣлъ спастись, хотѣлъ начать новую жизнь, бѣжать, скрыться... Я стучался, какъ путникъ, потерявшій дорогу, какъ нищій. во всѣ двери, останавливалъ встрѣчныхъ и разспрашивалъ о дорогѣ; но каждая встрѣча и каждое событіе вели къ одному результату: я уцѣлѣлъ, но *безо всего*".

Въ этомъ „безо всего", какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго, было сильное преувеличеніе: изъ своихъ наблюденій надъ западно-европейской общественной жизнью Герценъ вынесъ не только разочарованіе въ Европѣ съ ея „мѣщанствомъ", глубоко внѣдрившимся въ соціальную жизнь Запада, но и вѣру въ лучшее будущее, зародышъ котораго заключается въ самомъ буржуазномъ строѣ Европы. Сила европейскаго „мѣщанства", его живучесть, поражали и возмущали Герцена на каждомъ шагу, въ каждой странѣ, съ общественной жизнью которой ему приходилось соприкасаться въ годы своихъ заграничныхъ скитаній. Онъ считаетъ „мѣщанство" грозной и могучей силой, совершенно перевернувшей весь складъ европейской жизни: рыцарская доблесть, изящество аристократическихъ нравовъ, строгая чинность протестантовъ, гордая независимость англичанъ, роскошная жизнь итальянскихъ художниковъ, искрящійся умъ энциклопедистовъ и мрачная энергія террористовъ — все это переплавилось и выродилось въ „мѣщанство", которое представляетъ въ настоящее время цѣлое, вполнѣ законченное міровоззрѣніе съ своимъ собственнымъ нравственнымъ кодексомъ, со своимъ добромъ и зломъ, со своими правилами и преданіями. Рыцарская честь замѣнилась бухгалтерской честностью, гордость—обидчивостью, вѣжливость—чопорностью, дворцы и за̀мки—гостинницами, открытыми для всѣхъ, у кого есть деньги. Вся нравственность свелась на то, что неимущій долженъ всѣми средствами пріобрѣтать, а имущій—хранить и увеличивать свою собственность. Человѣкъ сдѣлался, такимъ образомъ, принадлежностью собственности, а общественная жизнь свелась на непрерывную и жестокую борьбу за существованіе, за средства къ жизни, за то или другое соціальное положеніе. Такъ какъ общество, построенное на такихъ анти-соціальныхъ началахъ, существовать долго не можетъ, то и западно-европейскій общественный строй, несмотря на всю его кажущуюся прочность, постепенно разлагается, умираетъ. Но „умираетъ" не самый міръ западно-европейскій, какъ думаютъ

наши славянофилы, а умираютъ тѣ внѣшнія формы, въ которыхъ проявляется общественная жизнь западно-европейскихъ народовъ. Историческія формы этой жизни не соотвѣтствуютъ больше современнымъ условіямъ, современному пониманію жизни; но это пониманіе развилось здѣсь же—на Западѣ, и съ тѣхъ поръ какъ оно было сознано и высказано, оно сдѣлалось общечеловѣческимъ достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей любой просвѣщенной страны земного шара. „Западъ носитъ въ себѣ зародышъ,—говоритъ Герценъ, — но желаетъ, какъ французская свѣтская дама, продолжать прежнюю жизнь, и дѣлаетъ все, чтобы произвести абортивъ. Кто изъ нихъ останется живъ, мать ли, ребенокъ ли, или какъ они примирятся, этого мы не знаемъ. Но что мать представляетъ больше воспоминаній, а зародышъ больше надеждъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣній“... „Мѣщанская Европа изживетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ тупоумія; слабыя, вырождающіяся поколѣнія протянутся какъ-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая покроетъ ихъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію лѣтописей. А затѣмъ настанетъ весна, молодая жизнь закипитъ на гробовой доскѣ только-что похороненнаго прошлаго; варварство младенчества, полное неустроенныхъ, но здоровыхъ силъ, замѣнитъ старческое варварство, дикая свѣжая мощь распахнется въ молодой груди новыхъ народовъ, выступившихъ на историческую арену, и тогда начнется новый кругъ событій,—третій томъ всеобщей исторіи. Объ основномъ его характерѣ, по представленію Герцена, можно легко догадаться: онъ будетъ принадлежать соціализму. Соціализмъ, по его мнѣнію, это—„необходимое послѣдствіе“, „живой силлогизмъ, неизбѣжно вытекающій изъ тѣхъ посылокъ, которыя созданы современной общественной жизнью цивилизованныхъ народовъ“. Но и при этомъ Герценъ не считаетъ этотъ „силлогизмъ“ послѣднимъ словомъ историческаго развитія человѣчества, и думаетъ, что когда соціализмъ разовьется во всѣхъ своихъ фазахъ и займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма, онъ будетъ въ свою очередь побѣжденъ новою, неизвѣстною намъ революціей... Это неизбѣжно, потому что этого требуетъ „вѣчная игра жизни, corsi e ricorsi исторіи, perpetuum mobile жизни“...

Одною изъ любимыхъ и—можетъ быть—болѣе другихъ обоснованныхъ мыслей Герцена въ области его историческаго міросозерцанія, является мысль о сходствѣ переживаемой нами эпохи съ другой, болѣе отдаленной эпохой, — временемъ появленія на землѣ христіанства. Эта мысль объ историческомъ параллелизмѣ этихъ двухъ эпохъ проходитъ яркой полосой черезъ большую

часть публицистическихъ работъ Герцена, составляя собою основаніе его взглядовъ на историческія судьбы Европы, ея прошлое, настоящее и ожидающее впереди будущее. Восемнадцать вѣковъ тому назадъ, когда появилось на землѣ христіанство, старый міръ не могъ быть спасенъ ни щегольскими фразами Цицерона, съ его жиденькой моралью, ни вольнодумствомъ Лукіана,—этого Вольтера римлянъ, ни нѣмецкой философіей Прокла. Но не надо забывать, что одинаково онъ не могъ быть спасенъ ни элевзинскими таинствами, ни Аполлономъ Тіанскимъ, ни всѣми опытами продолжить и воскресить язычество. Это было не только невозможно, но—какъ оказывается—и не нужно, потому что старый міръ окончательно дожилъ свой вѣкъ, чтобъ уступить дорогу новому міру, идущему ему на смѣну. Въ наше время „новый міръ“ точно такъ же приближается къ концу, какъ тогда. Правда, всѣ появлявшіяся до сихъ поръ новыя школы и ученія о преобразованіи стараго міра въ новый крайне бѣдны по своему содержанію: „это только первый лепетъ, чтеніе по складамъ“, какъ выражается Герценъ. „Но кто же не видитъ,—спрашиваетъ онъ дальше,—не чуетъ сердцемъ огромнаго содержанія, просвѣчивающаго черезъ одностороннія попытки, или кто станетъ казнить дѣтей за то, что у нихъ трудно рѣжутся зубы?“ Описывая положеніе римскихъ философовъ въ первые вѣка христіанства, Герценъ находитъ въ этомъ положеніи много сходнаго со своимъ собственнымъ: они также были во враждѣ съ прошедшимъ, у нихъ также ускользало и настоящее, и будущее. „Но они умѣли величаво и гордо дожидаться, пока разгромъ захватитъ кого-нибудь изъ нихъ, умѣли умирать, не напрашиваясь на смерть, но и безъ притязанія спасти себя или міръ; они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ свою тогу и въ молчаніи ожидать, что̀ станетъ съ Римомъ“... Послѣднее время, передъ вступленіемъ въ новую фазу жизни, становится тягостно, невыносимо для всякаго мыслящаго человѣка; всѣ вопросы принимаютъ какой-то „скорбный“ характеръ: люди готовы принять самое нелѣпое ихъ рѣшеніе, лишь бы успокоиться. Фанатическія вѣрованія идутъ рядомъ съ холоднымъ невѣріемъ, безумныя надежды—объ руку съ отчаяніемъ; томитъ предчувствіе, хочется событій, а повидимому, ничто вокругъ не совершается. „Промежуточныя поколѣнія“, на долю которыхъ выпало жить въ такія „переходныя времена“, погибаютъ на полдорогѣ, отъ изнуренія, отъ потери силъ. „Бѣдныя выморочныя поколѣнія!—восклицаетъ Герценъ:—они не принадлежатъ ни къ тому, ни къ другому міру,—они несутъ всю тягость зла про-

шедшаго и отлучены отъ всѣхъ благъ будущаго"... Тоска современной жизни представляется Герцену тоской сумерекъ, тоской перехода, предчувствія: извѣстно, что даже звѣри безпокоятся передъ землетрясеніемъ. Къ тому же жизнь какъ будто остановилась въ своемъ развитіи, и судорожно топчется на одномъ мѣстѣ: одни хотятъ силой раскрыть двери будущему, другіе—такъ же насильственно,—не выпускаютъ прошедшаго. У однихъ впереди пророчества, у другихъ—воспоминанія. Вмѣсто того, чтобы похоронить покойника и дать возможность вздохнуть наслѣдникамъ, люди непремѣнно хотятъ вылечить его, и всячески задерживаютъ смерть; вмѣсто того, чтобы провозгласить: vive la mort! и да водрузится будущее, они только мѣшаютъ другъ другу, и тѣ и другіе стоятъ въ болотѣ... Но стоять долгое время въ болотѣ, не двигаясь при томъ съ мѣста, нельзя безнаказанно: необходимо найти какой-нибудь выходъ изъ подобнаго положенія. Выходъ этотъ—въ признаніи, что человѣческое развитіе, человѣческая мысль достигли до одного изъ тѣхъ рубежей, которые развиваютъ всемірную исторію на огромныя законченныя части: между ними ложатся, какъ между материками, цѣлые океаны. Жертва, которой требовало восемнадцать вѣковъ тому назадъ христіанство отъ античнаго міра, была мала сравнительно съ той, которая потребуется теперь. „Христіанство за землю давало небо, за Олимпъ—Голгоѳу, за безсмысленный Рокъ—сознательный Промыселъ, за потерю временнаго богатства на землѣ—вѣчное блаженство въ раю. У новаго свѣта, толкущагося въ двери исторіи, нѣтъ неба, нѣтъ рая; въ немъ можетъ выиграть только тотъ, кому нечего терять"...

Таково въ общихъ чертахъ „разочарованіе" Герцена въ Европѣ, въ строѣ западно-европейской общественной жизни. Въ этомъ разочарованіи нѣтъ ни дряблой старческой ворчливости, съ какой относятся къ „гнилому Западу" славянофилы и самобытники, ни того безнадежнаго отчаянія въ будущемъ, голоса котораго раздаются по временамъ въ средѣ зап.-европейскаго общества. Напротивъ, убѣжденный и послѣдовательный „эволюціонистъ", Герценъ глубоко вѣритъ въ непрерывность человѣческаго развитія, въ неизбѣжность замѣны однѣхъ формъ общественной жизни, отжившихъ, другими—новыми, болѣе соотвѣтствующими измѣнившимся общественнымъ отношеніямъ. Этой вѣрой въ „новый міръ", грядущій на смѣну стараго, проникнуты особенно сильно позднѣйшія произведенія Герцена, написанныя имъ въ періодъ болѣе спокойнаго и потому болѣе безпристрастнаго отношенія къ окружавшей его дѣйствительности. Несмотря на ко-

лебанія и сомнѣнія, которыя часто приходилось ему переживать подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ его скитальческой жизни, онъ не измѣнилъ этой вѣрѣ до конца своей жизни. По весьма удачному выраженію г. Смирнова, Герценъ иногда „отходилъ“ отъ себя то въ ту, то въ другую сторону (но никогда слишкомъ далеко), и всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ, — тому внутреннему человѣку, какимъ онъ успѣлъ сложиться еще до начала своей публицистической дѣятельности.

Покончивъ со взглядами Герцена на сущность и характеръ западно-европейской общественной жизни, посмотримъ теперь, какъ относился Герценъ къ вопросамъ русской исторіи, къ современной ему родной дѣйствительности.

II.

Изъ біографіи Герцена мы узнаемъ, что романтическая струя идеалиста, сложившагося въ мечтательные тридцатые годы, не замолкала въ Герценѣ довольно долго. Его восторженное отношеніе къ Европѣ до 1848-го года смѣнилось потомъ, послѣ разочарованія, такимъ же восторженнымъ отношеніемъ къ Россіи, какъ къ странѣ, для которой будто бы легче, чѣмъ для какой-либо другой европейской страны, разрѣшить общественный вопросъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Герценѣ довольно рано проявилась и другая черта, которой онъ не измѣнялъ всю свою жизнь, и которая не разъ удерживала его отъ слишкомъ смѣлыхъ предсказаній относительно будущаго и черезчуръ прямолинейныхъ сужденій въ области настоящаго. Эта умственная осторожность, если можно такъ выразиться, проявляется и въ вопросѣ о томъ, какой народъ легче другихъ можетъ разрѣшить назрѣвающій съ каждымъ годомъ роковой вопросъ борьбы капитала съ трудомъ. Подобно людямъ, которые, благодаря ограниченности своего горизонта и узкости взглядовъ, удовлетворяются въ своей жизни очень малымъ, есть, по мнѣнію Герцена, и цѣлые народы (напр., китайцы), у которыхъ такія же скромныя, порой просто ничтожныя потребности; найдя наиболѣе удобную форму общественной жизни удовлетворенія своихъ потребностей, такіе народы обыкновенно останавливаются въ своемъ развитіи и застываютъ на этой формѣ навсегда.

Въ періодъ остраго разочарованія въ зап. Европѣ, когда Герценъ утратилъ всякую надежду на возможность быстраго измѣненія ея соціальнаго строя, онъ высказываетъ предположеніе,

правда, довольно робко, что—*можетъ быть*—Европа тоже близка къ насыщенію, и—усталая, утомленная своими неудачными попытками устроиться лучше, стремится теперь осѣсть, скристаллизоваться въ прочномъ „мѣщанскомъ" устройствѣ. Сравнительно съ предшествовавшимъ ему военно-олигархическимъ строемъ, „мѣщанское устройство представляетъ собою несомнѣнный шагъ впередъ, но Герценъ не допускаетъ даже и мысли, чтобы „все человѣчество дошло до мѣщанства и застряло на немъ окончательно. Правда, нѣкоторые народы (главнымъ образомъ народы германской расы) чувствуютъ себя въ мѣщанскомъ устройствѣ какъ рыба въ водѣ, зато другіе тяготятся имъ, стремятся найти изъ него какой-нибудь выходъ. Народы романской расы и въ особенности славяне кажутся Герцену менѣе другихъ способными примириться съ буржуазнымъ строемъ жизни, потому что ихъ общественные идеалы выше этого строя, переросли его. Вотъ почему „реформація" русской жизни должна, по убѣжденію Герцена, начаться съ сознательнаго возвращенія къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ. Отрекаясь отъ формъ, навязанныхъ народу извнѣ и потому совершенно чуждыхъ ему, мы только продолжаемъ насильно прерванное историческое движеніе, вводя въ него новую силу,—силу человѣческой мысли. Энергично отстаивая надѣленіе крестьянъ землей и крестьянское самоуправленіе, Герценъ считаетъ искусственное разрушеніе общины варварствомъ, преступленіемъ противъ исторіи; но онъ не требуетъ непремѣннаго сохраненія общины въ томъ именно видѣ, въ какомъ она существовала искони вѣковъ. Напротивъ, дорожа ею, какъ ячейкой, изъ которой при благопріятныхъ условіяхъ могутъ выработаться болѣе совершенныя общественныя формы, онъ ставитъ обязательнымъ условіемъ этого развитія постепенное видоизмѣненіе этого соціальнаго института въ зависимости отъ общаго хода развитія, въ союзѣ съ наукой и мыслью, съ опытомъ предшествовавшихъ поколѣній. Подчеркивая преимущества Россіи передъ другими европейскими государствами въ дѣлѣ соціальнаго обновленія человѣчества, Герценъ дѣлаетъ все-таки со свойственной ему осторожностью довольно серьезную оговорку. Изъ того, что нѣкоторые народы имѣютъ своимъ идеаломъ болѣе совершенное, чѣмъ „мѣщанство", общественное устройство, вовсе не слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—что они непремѣнно достигнутъ высшаго состоянія или не свернутъ на буржуазную дорогу. Одно стремленіе къ чему-нибудь, хотя бы и очень хорошему, еще ничего не обезпечиваетъ, потому что недостаточно знать, что такое-то устройство намъ противно, а на-

добно еще знать, какого именно строя мы хотимъ и возможно ли его осуществленіе. Вѣдь впереди много возможностей: самые буржуазные народы могутъ „взять другой курсъ“, пойти по новой дорогѣ; и наоборотъ—самые поэтическіе сдѣлаться лавочниками. Мало ли стремленій и возможностей гибнетъ, развитій отклоняется?—спрашиваетъ онъ.

Коснувшись вопроса объ отношеніи Россіи къ зап. Европѣ, Герценъ говоритъ, что дѣло вовсе не въ томъ, догнали ли мы Западъ или нѣтъ, а въ томъ, слѣдуетъ ли догонять его по длинному шоссе, когда можно пуститься въ объѣздъ. „Намъ кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можемъ стать на свои ноги и вмѣсто того, чтобы твердить чужіе зады и примѣривать стоптанные сапоги, намъ слѣдуетъ подумать, нѣтъ ли въ народномъ быту, въ народномъ характерѣ нашемъ, въ нашей мысли, въ нашемъ художествѣ, чего-нибудь такого, что̀ можетъ имѣть притязаніе на общественное устройство несравненно выше западнаго. Хорошіе ученики часто переводятся черезъ классъ“. Но въ русской жизни есть нѣчто такое, что̀ кажется Герцену выше общины и государственнаго могущества: это та внутренняя сила, которая, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія исторической жизни Россіи, сохранила лучшія черты психическаго склада нашего крестьянина, и на царскій приказъ учиться отвѣтила черезъ сто лѣтъ колоссальнымъ явленіемъ Пушкина. Въ то время, какъ другіе народы Европы чувствуютъ себя усталыми и отжившими, Россія, благодаря этой внутренней силѣ, является народомъ полнымъ юношескихъ стремленій и вѣры въ ожидающее его будущее. Передъ лицомъ исторіи русскій человѣкъ бѣднѣе бедуина пустыни, бѣднѣе еврея: въ прошломъ у насъ нѣтъ великихъ преданій, которыми стоило бы дорожить или которыя слѣдовало бы отстаивать. Но въ этой бѣдности есть и своя свѣтлая, утѣшающая сторона: намъ легче, чѣмъ кому бы то ни было, освободиться отъ самихъ себя, отъ вѣры и нравовъ своихъ отцовъ. „Мыслящій русскій человѣкъ—самый свободный человѣкъ на свѣтѣ; что̀ можетъ его остановить? Уваженіе къ прошлому? Мы свободны, потому что начинаемъ жить сызнова. Мы независимы, потому что ничего не имѣемъ“,—говоритъ Герценъ въ своемъ письмѣ къ Мишлѐ (22 сент. 1851 г.). У насъ нѣтъ умилительныхъ свѣтлыхъ воспоминаній, идущихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе; мы—бѣдное мужичье государство, „les gueux“ міра сего, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ стремленій, кромѣ вѣры въ себя. Благодаря исключительнымъ историческимъ условіямъ, при которыхъ совершалось развитіе русскаго

общества, мы, будучи лишены возможности заниматься своими собственными дѣлами, перебирали отъ скуки дѣла̀ не только давно рѣшенныя въ Европѣ, но и сданныя уже въ архивъ; при этомъ мы нашли, что дѣла эти большей частью или вовсе нерѣшены, или рѣшены пристрастно. Отъ этого мы спрашиваемъ и доискиваемся тамъ, гдѣ западно-европейскій умъ только справляется и отвѣчаетъ".

Въ этомъ неуваженіи къ общимъ предразсудкамъ Герценъ видитъ одну изъ національныхъ особенностей русской мысли, русскаго духа. Русскій человѣкъ лѣнивъ умомъ, проводитъ большую часть жизни въ спячкѣ или дремотѣ, но когда просыпается, его трудно бываетъ убаюкать авторитетами. „Не принося съ собой никакихъ унаслѣдованныхъ догматовъ, безъ связи со своимъ былымъ, книжно-соединенный съ чужими преданіями, онъ свободно и безбоязненно щупаетъ, осматриваетъ и качаетъ головой тамъ, гдѣ не вѣритъ. Отъ этого онъ не благоговѣетъ безъ разбора, но и не презираетъ по наслѣдству". Вѣра въ Россію, въ ея живыя творческія силы не покидала Герцена въ теченіе всей его публицистической дѣятельности, даже въ минуты самыхъ горькихъ разочарованій, какія ему тогда причиняла родная дѣйствительность. Россію онъ считаетъ фактомъ, который необходимо прежде всего признать, для того чтобы разобрать его и понять. „Мы можемъ разсуждать, слѣдовало или не слѣдовало быть, напр., Монблану въ Савойѣ, но это будетъ совершенно праздное разсужденіе: Монбланъ—фактъ, котораго не сотрешь никакимъ разсужденіемъ"... Герценъ признаетъ, что современная общественная жизнь Россіи не можетъ похвастаться какими-нибудь свѣтлыми и бодрящими духъ явленіями, но въ самомъ неустройствѣ Россіи, въ ея неловкихъ движеніяхъ, онъ видитъ молодую мощь будущаго богатыря: „чувствуется,—говоритъ онъ,—что въ этой колыбели, въ этихъ туго-затянутыхъ свивальникахъ расправляетъ члены будущая исторія. Участвовать въ ростѣ и судьбахъ такого народа—огромное, великое дѣло"... Весь новый періодъ нашей исторіи, начиная съ Петра Великаго, представляется Герцену какой-то загадкой; такой же загадкой кажется ему и нашъ настоящій бытъ,—этотъ разноначальный хаосъ взаимно-противоположныхъ направленій, гдѣ иной разъ вспыхиваетъ что-то европейское, прорѣзывается что-то широкое и человѣческое, и потомъ тонетъ или въ болотѣ косно-страдательнаго славянскаго характера, или въ волнахъ дикихъ понятій о народности исключительной, понятій, какъ трупные черви, выползающихъ порой изъ сырыхъ могилъ. До крымской войны никто и не подозрѣвалъ внутренней

работы Россіи: за нѣмыми устами всѣ предполагали нѣмой умъ и нѣмое сердце, а между тѣмъ критическая мысль, сѣмена которой залетали по временамъ Богъ вѣсть откуда-то издалека, постепенно разъѣдала и подтачивала устои, на которые опиралась жизнь до-реформенной Россіи. Когда устои эти, съ паденіемъ Севастополя, окончательно рухнули,—скрытое внутри, сдавленное движеніе вырвалось наружу со всей мощью искусственно сжатой силы, то забѣгая впередъ, то отставая, то отклоняясь въ сторону. Произошло это оттого, что задержать ростъ такъ же невозможно, какъ воспрепятствовать посѣянному и уже взошедшему зерну превратиться въ свое время въ зрѣлый колосъ. Къ счастью для человѣчества, судьбы народовъ совершаются независимо отъ желанія отдѣльныхъ лицъ; человѣку дана только власть „пособлять“ силамъ природы, а не останавливать ихъ; вотъ этой-то властью и должно пользоваться, чтобы направлять свой народъ въ сторону дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія, а не попятнаго движенія къ тому, что̀ умерло безвозвратно. „Когда народъ созрѣлъ и ясно заявляетъ свои требованія и права на лучшую жизнь, тогда надо смѣло рѣшаться на улучшенія и давать ихъ народу вполнѣ, а не клочками, не торгуясь изъ-за уступокъ, въ которыхъ приходится жертвовать своимъ личнымъ интересомъ“...

Вѣра въ Россію, въ русскій народъ, не мѣшала все-таки Герцену высказывать порою и горькія истины по адресу своей родины. Его художественную натуру глубоко огорчаетъ, что всякое историческое явленіе, просѣянное сквозь рѣшето ежедневности, вездѣ и всегда теряетъ для современника свою грандіозность; „но въ Россіи,—говоритъ онъ,—къ этому еще присоединяется такая пошлость обстановки, такая неправда, такая нравственная золотушность, что, признаюсь по совѣсти, любоваться Россіей можно только издали, съ береговъ Женевскаго озера, или въ гаданіяхъ о будущемъ, въ созерцаніи прошедшаго“. Чтобы жизнь въ Россіи была сколько-нибудь сносной, надобно постоянно напоминать самому себѣ и толковать другимъ объ общемъ всеміpно-историческомъ значеніи Россіи, „надобно постоянно влѣзать на какую-нибудь верхушку историческаго созерцанія, съ высоты которой только и можно мириться съ русской ежедневностью“. Русскую жизнь, не установившуюся, задержанную, искаженную въ своемъ развитіи, вообще трудно понимать безъ особаго къ ней сочувствія, но это пониманіе становится особенно труднымъ, благодаря нѣмецкому переводу (при томъ дурному), въ которомъ мы только и читаемъ эту жизнь. Она ускользаетъ отъ

готовыхъ, чужихъ опредѣленій, не поддается имъ, а сама не достигла еще того отстоявшагося полнаго сознанія и отчета, которые являются у старыхъ культурныхъ народовъ вмѣстѣ съ сѣдиной. Какъ понималъ Герценъ *патріотизмъ* въ истинномъ значеніи этого слова, видно изъ письма Герцена къ одному польскому патріоту: „Развитой человѣкъ,—пишетъ Герценъ,—можетъ любить по сердцу, по уму свою родину, служить ей, умереть за нее, но патріотомъ быть не можетъ. Христіанство еще восемнадцать вѣковъ тому назадъ стало полоть эту языческую добродѣтель, но ничего не сдѣлало, потому что обращало людей къ другой родинѣ, существующей на небѣ. Ее выполетъ соціализмъ снятіемъ земныхъ границъ, но отъ этого люди, должно быть, еще очень далеки, если даже мы съ вами хлопочемъ о ихъ обозначеніи“...

Мы уже видѣли, въ *какой* Европѣ разочаровался Герценъ, какія именно формы западно-европейской общественной жизни онъ обрекалъ на смерть и неизбѣжное исчезновеніе; остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о томъ, въ какую Россію вѣрилъ Герценъ. Отрицая жизнеспособность „гнилого Запада“, славянофильское ученіе, какъ извѣстно, признаетъ, что единственный міръ будущаго—это славянскій міръ, наиболѣе сильнымъ и типичнымъ выразителемъ идеаловъ котораго является Россія. Вѣра въ провиденціальное назначеніе Россіи, долженствующей обновить умирающій западный міръ, являясь однимъ изъ важнѣйшихъ догматовъ славянофильства, тѣсно связана съ вѣрой въ самобытность и вѣковѣчность устоевъ національной русской жизни, что̀ въ свою очередь ведетъ за собой отрицательное отношеніе къ реформѣ Петра Великаго и ко всему такъ-называемому „петербургскому періоду“ нашей исторіи. Разницу между славянофилами и западниками самъ Герценъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: „они (славянофилы) всю любовь, всю нѣжность перенесли на свою угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, довольно поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ да потому еще, что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей. Мы сильно ее полюбили, но... мы знали, что ея счастье *впереди* (тогда какъ славянофилы видятъ золотой вѣкъ *позади*), что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ, нашъ меньшой братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство“. Изъ этихъ строкъ ясно видно, въ какую Россію вѣрилъ Герценъ: это Россія будущаго, но никакъ уже не прошедшая, даже не

настоящая. Онъ вѣрилъ въ будущность своей родины, какъ мы вѣримъ вообще въ будущее народа молодого, имѣющаго свою исторію въ прошломъ, полнаго юношескихъ стремленій въ настоящемъ. Уже въ одномъ изъ своихъ раннихъ писемъ (1 марта, 1841 г.) Герценъ высказываетъ мысль, что послѣ нашего времени начнется для Россіи періодъ органическаго субстанціальнаго развитія, и при томъ — *чисто-человѣческаго.* Періодъ преобразованія Россіи въ европейское государство, потребовавшій столько неистовыхъ и кровавыхъ мѣръ, приходитъ къ концу и долженъ смѣниться положительной ролью европейски-національной державы, въ которой она и предстанетъ міру со временемъ. Позднѣе эта вѣра въ необходимость, неизбѣжность для Россіи превращенія въ европейское государство на общечеловѣческихъ, а не узко-національныхъ началахъ, опредѣлилась яснѣе, вылилась въ болѣе строгія и точныя формулы. За свою исторію, по мнѣнію Герцена, должны отвѣчать только тѣ народы, которые развивались органически, безъ рѣзкихъ перерывовъ, которые могутъ гордиться своимъ славнымъ прошлымъ; мы же напротивъ, только разрывая съ нашимъ прошлымъ, идемъ впередъ. „Въ этомъ отношеніи,—говоритъ онъ,—мы скорѣе похожи на двуутробку, бѣгущую съ обнищалаго поля, унося свое будущее поколѣніе, чѣмъ на верблюда, несущаго черезъ степи кивотъ со старымъ завѣтомъ“.

Реформаціонная дѣятельность Петра Великаго подвергалась, какъ извѣстно, жестокой критикѣ прежде всего со стороны представителей высшихъ привилегированныхъ классовъ; даже такая высокообразованная для своего времени женщина, какъ кн. Дашкова, высказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ неудовольствіе противъ Петра Великаго за то, что онъ посылалъ дворянъ за границу учиться. „Если нуждались въ рабочихъ рукахъ, — пишетъ она, — то каждый дворянинъ охотно послалъ бы за себя 3—4 человѣка своей дворни“. Въ XIX вѣкѣ Петровская реформа обсуждается въ связи съ вопросомъ о значеніи въ исторіи государственнаго начала, а также и тѣхъ важныхъ послѣдствій, какія оказало западно-европейское вліяніе на всѣ стороны русской общественной жизни. По ученію славянофиловъ, петербургскій періодъ нашей исторіи представляетъ собой насильственное сочетаніе различныхъ культурныхъ типовъ—Россіи и Европы, двухъ разнородныхъ міровъ, будто бы не имѣющихъ ничего общаго между собою. Преобразованія Петра I совершенно исказили характеръ нашихъ частныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній: государство, разорвавъ всякую связь

съ землею и подчинивши ее своей власти, положило тѣмъ самымъ начало новому порядку вещей,—такъ думаетъ одинъ изъ столбовъ славянофильства, И. С. Аксаковъ. Въ дѣйствительности же, „единеніе“ земли, какъ совокупности свободныхъ народныхъ общинъ, и власти, какъ охранительницы внѣшняго порядка, существовало лишь въ воображеніи ученыхъ, идеализировавшихъ московскую Русь. Крѣпостнымъ правомъ, въ области соціально-экономической, и системой приказнаго правленія, въ сферѣ политической, населеніе московскаго государства довольно рано раздѣлилосъ на высшіе и низшіе классы. При Петрѣ I и его преемникахъ это пирамидальное строеніе общества только рѣзче опредѣляется, чѣмъ это было прежде. Правовыя и имущественныя различія, существовавшія съ основанія государства, усиливаются еще различіемъ въ степени и типѣ культуры: въ высшіе, привилегированные классы проникаютъ чужеземныя понятія, нравы, обычаи, новыя начала образованности и общественности, не имѣющія ничего общаго съ народнымъ міросозерцаніемъ и складомъ народной жизни.

Герценъ считаетъ Петра I самымъ полнымъ типомъ эпохи, призванной имъ къ жизни; это—жестокій геній, начавшій, такъ сказать, каторжную работу нашей исторіи, продолжающуюся полтора вѣка и достигнувшую колоссальныхъ результатовъ. Герценъ согласенъ со славянофилами въ томъ, что реформа Петра убила весь московскій періодъ нашей исторіи: „онъ разсѣялся, какъ дымъ, и тихо перешелъ въ какое-то книжное воспоминаніе, и то не у народа, а у ученыхъ и духовенства“. Но то, что̀ было съ московскимъ періодомъ, неминуемо должно случиться, по убѣжденію Герцена, и съ петербургскимъ,—бюрократически-централизаціоннымъ періодомъ. Нашъ государственный строй постепенно реорганизовался, хотя и довольно медленно: процессъ раскрѣпощенія сословій, закрѣпощенныхъ нѣкогда государствомъ, растянулся почти на два столѣтія. Жалованная грамота дворянству 1785 г. завершила дворянскую эманципацію; крестьянская реформа 1861 г. положила начало еще болѣе важной и далеко еще не законченной эманципаціи народной массы. „Намъ нечего заводить вновь или усиливать тотъ бюрократическій строй, который господствовалъ до послѣдняго времени, да пожалуй кое-гдѣ еще господствуетъ и до сихъ поръ въ зап. Европѣ. Развитіе бюрократіи въ з.-европейскихъ странахъ объясняется тѣмъ, что тамъ главное — города, а села имъ подчинены; у насъ же городовъ нѣтъ, потому что нашъ городъ въ большинствѣ случаевъ только по названію городъ, а не въ дѣйствительности. Главное у насъ

села: дайте селамъ устроиться своимъ путемъ, и Россія останется спокойной, да и правительству будетъ легче".

Петръ В., конечно, былъ геній, — одинъ изъ тѣхъ геніевъ, которые родятся вѣками. Но въ наше время, чтобы продолжать его дѣло, вовсе не нужно быть геніемъ. Герценъ даже думаетъ, что геній въ данномъ случаѣ повредилъ бы многому, какъ это было съ самимъ Петромъ I: „онъ втѣснилъ бы свою личную волю на мѣсто зародышей, которые взошли и которыхъ не надо только ни полоть, ни топтать, ни насиловать, предоставляя имъ самимъ рости и устраняя препятствія". Петру В. приходилось создавать и казнить: въ одной рукѣ у него былъ заступъ, въ другой — топоръ. Онъ дѣлалъ просѣки въ дикомъ первобытномъ лѣсу и, разумѣется, рядомъ съ дурнымъ могъ порубить иное и хорошее; притомъ, онъ вбилъ намъ просвѣщеніе такимъ клиномъ, что Русь не выдержала и треснула на два слоя. И только теперь, черезъ полтораста лѣтъ, сдѣлалось ясно, какъ раздвинулась эта трещина, и какъ опасно дальнѣйшее ея увеличеніе... Отъ указанія нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ въ преобразовательной работѣ Петра I, конечно, еще далеко до отрицанія великаго историческаго значенія этой реформы или признанія ея ненужной, можетъ быть—даже вредной. При всемъ желаніи найти что-нибудь подобное въ сочиненіяхъ Герцена, этого нельзя сдѣлать: колоссальная фигура великаго преобразователя русской земли выступаетъ все время подъ перомъ Герцена въ такомъ яркомъ, вполнѣ достойномъ ея освѣщеніи, что врядъ ли еще можетъ оставаться какое-нибудь сомнѣніе въ рѣшеніи вопроса о томъ, какъ именно относился Герценъ къ реформѣ Петра; а вѣдь то или другое отношеніе къ этой реформѣ, какъ мы уже сказали,—своего рода пробный камень для отличія западника отъ славянофила, самобытника — отъ сторонника общечеловѣческихъ началъ въ культурѣ.

Исходной точкой для сужденія о реформѣ Петра I долгое время служило убѣжденіе въ возможности крупныхъ и внезапныхъ переворотовъ, не подготовленныхъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ историческаго развитія. Но теперь мы уже знаемъ, что реформа Петра была только итогомъ, конечнымъ выводомъ всего предъидущаго развитія. Петръ Великій только лучше другихъ понялъ и удачно разрѣшилъ назрѣвшіе вопросы времени. Руководящимъ принципомъ въ дѣятельности Петра являлось не расширеніе предѣловъ отечества, не организація бюрократическаго строя по европейскимъ образцамъ, но сознаніе потребности создать для Россіи условія, необходимыя для національнаго развитія на на-

чалахъ общечеловѣческой культуры и цивилизаціи. Идти въ настоящее время по слѣдамъ Петра В.—не значитъ разсуждать и дѣйствовать такъ именно, какъ разсуждалъ и дѣйствовалъ Петръ Великій: экономическая эволюція выдвинула на первый планъ новыя задачи, которыя требуютъ и новыхъ средствъ для ихъ разрѣшенія. Но значеніе государства, какъ фактора культуры, не только не уменьшилось въ наше время, но скорѣе возросло и вширь и вглубь. Благо народа и польза государства, сближеніе русской жизни съ общеевропейской, какъ необходимое условіе нашего дальнѣйшаго національнаго развитія, —таковы намѣченные еще той эпохой преобразованія историческіе пути и высокія нравственныя задачи государственной дѣятельности.

Н. Бѣлозерскій.

БРАТЬЯ

РАЗСКАЗЪ.

I.

У моихъ знакомыхъ, занятыхъ ежедневно на службѣ, почему-то выходитъ всегда гораздо больше свободнаго времени, чѣмъ у меня,—а я рѣшительно ничего не дѣлаю.

По крайней мѣрѣ, они поспѣваютъ всегда всюду, а я, несмотря на то, что съ октября до половины ноября ни одного утра, ни вечера, не провелъ дома,—обидѣлъ еще многихъ, у кого не успѣлъ побывать.

Я уже серьезно думалъ о томъ—не поступить ли на службу, чтобы имѣть больше свободнаго времени? Но такая крайняя мѣра оказалась преждевременною.

По николаевской дорогѣ жила у меня тетушка въ своемъ имѣньѣ и давно звала къ себѣ.

Въ имѣнье свое,—собственно небольшую усадебку, благопріобрѣтенную ея покойнымъ мужемъ,—переселилась она, овдовѣвъ, и жила тамъ, получая пенсію, съ горничной Ѳедосьей, котомъ Сувениромъ и собачкой Оскаркой.

Тетушка—тётя Соня, какъ звали мы ее—была барыня высокаго роста, сохранившая, по модѣ семидесятыхъ годовъ, шиньонъ на головѣ и совсѣмъ чуждая преданіямъ старой помѣщичьей жизни.

Въ усадьбу свою она укрылась главнымъ образомъ по тому, что не могла продолжать въ Петербургѣ той жизни, которую они вели съ мужемъ на его крупное жалованье. Сложнаго домашняго хозяйства онѣ съ Ѳедосьей не вели, жили по город-

скому, но варенье у нихъ все-таки было, и была мутная сладкая настойка, которую онѣ называли наливкой.

Тетя Соня очень обрадовалась моему пріѣзду, стала кормить меня куринымъ супомъ, битками, пилавомъ изъ курицы, и поить виномъ, которое я ей привезъ въ подарокъ...

Нѣтъ лучше тишины деревенскаго уголка зимою для работы, и работа у меня шла отлично, какъ вдругъ разъ утромъ послышался звонъ колокольчика у крыльца, и на порогѣ моей комнаты появилась тетя Соня:

— Ждутьевъ пріѣхалъ; ты выйдешь къ нему?

— Какой Ждутьевъ?

— Нашъ земскій начальникъ. Пожалуйста, приди въ гостиную. Я тебя прошу...

— А онъ меня не выпоретъ?

— Что̀ за глупости!—Такъ непремѣнно выйди къ нему...

И она величественно поплыла въ гостиную на встрѣчу гостю. На шиньонѣ у нея была неупотреблявшаяся въ ежедневномъ обиходѣ наколка изъ лентъ.

Ждутьевъ, за которымъ тетка, очевидно, ухаживала, какъ за человѣкомъ нужнымъ, оказался господиномъ въ сюртукѣ изъ толстой темной, пиджачной матеріи, съ большою, тщательно расчесанною бородою, прической съ проборомъ по серединѣ и зачесанными назадъ висками, какъ во время о̀но носили такъ называемые „фаты". На лѣвой рукѣ у него была лайковая перчатка на одну пуговицу.

— Авениръ Исидоровичъ,—повторяла тетка,—вотъ, Авениръ Исидоровичъ, мой племянникъ очень радъ познакомиться съ вами, Авениръ Исидоровичъ...

Самъ Ждутьевъ не отличался бойкостью рѣчи. Говорилъ онъ самыя простыя вещи съ такимъ значительнымъ выраженіемъ, точно воображалъ себя великимъ человѣкомъ, произносящимъ историческое изреченіе... Сообщилъ онъ нѣсколько извѣстій изъ старыхъ газетъ, которыя тетя Соня нашла очень интересными.

— Я газетъ не читаю,—заявила она.

Другого впрочемъ она тоже ничего не читала. Поговорили потомъ о погодѣ и о ревматизмѣ, и Ждутьевъ, просидѣвъ столько времени, сколько полагается на обыкновенный городской визитъ, надѣлъ перчатку на правую руку, поднялся и сталъ прощаться...

— Милости прошу къ намъ,—сказалъ онъ мнѣ на прощанье.

Я конечно былъ увѣренъ, что приглашеніе это ни къ чему меня не обязываетъ, но тетя Соня взглянула на дѣло иначе.

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, она стала спрашивать меня, когда я намѣренъ отправиться въ Будырьево?

— Куда, тетя?

— Въ Будырьево, къ Ждутьеву.

— Я думаю, никогда,—рѣшилъ я.—Чтò мнѣ у него дѣлать?

Тетушка такъ и забезпокоилась вся:

— Чтò ты, мой голубчикъ! Да вѣдь онъ же звалъ тебя. Неловко не поѣхать, для меня неловко. Нѣтъ, ты—поѣзжай, все-таки—ты петербургскій, онъ мнѣ человѣкъ нужный... и потомъ весьма образованный, а ужъ хозяинъ какой!.. Его Будырьево—образцомъ считаютъ. Хозяйство посмотришь у него... И онъ вовсе не деревенскій бирюкъ—ты видѣлъ его tenue, настоящій джентльменъ... У него камердинеръ Валеріанъ—бывшій парикмахеръ, и ты знаешь, мнѣ его жена разсказывала—какъ пріѣдетъ венгерецъ съ разными разностями, онъ ужъ никогда не утерпитъ—купитъ себѣ стклянку туалетнаго уксуса...

— Нынче, тетя, туалетнаго уксуса никто уже не употребляетъ...

— Ну, я не знаю,—словомъ, онъ человѣкъ вполнѣ порядочный...

И съ этихъ поръ началось каждый день все то же самое. Я уже пробовалъ отшучиваться. Звалъ кота не иначе, какъ Сувениромъ Исидоровичемъ, чтò неизмѣнно вызывало у тетки всегда одинаковую веселость, но все-таки она упорно стояла на своемъ, чтобы я ѣхалъ къ Ждутьеву.

Черезъ недѣлю представился этому удобный случай.

По дорогѣ изъ города, со станціи, заѣхалъ исправникъ, толстый мужчина съ сѣдѣвшими, опущенными книзу усами и лысой головой.

— Волнорѣзъ, Иванъ Адамычъ, нашъ исправникъ,—назвала его тетка, и потомъ въ минуту, заставшую меня врасплохъ, проговорила:

— Вотъ m-r Волнорѣзъ ѣдетъ прямо къ Авениру Исидоровичу и можетъ подвезти тебя, а я за тобой пришлю лошадей. Тутъ близко.

М-r Волнорѣзъ провелъ рукою по лысинѣ и скорѣе вздохнулъ, чѣмъ сказалъ:

— Отчего же-съ, я съ большимъ удовольствіемъ!..

II.

Исправникъ сидѣлъ рядомъ со мною въ кибиткѣ, молча, закрытый своею огромною шинелью съ широкимъ, желтобураго, грубаго, мохнатаго мѣха воротникомъ, на подобіе хомута, облегавшимъ его шею, голову и лицо,—только фуражка торчала сверху...

Трудно было разобрать—важничалъ онъ со мною, конфузился или просто лѣнился разговаривать.

Изъ-за края кибитки и спины кучера, въ сѣромъ армякѣ, виднѣлись ноги мохнатой пристяжной съ подвязаннымъ хвостомъ и искрившаяся на солнцѣ алмазно-бѣлая пелена снѣжнаго сугроба съ изрѣдка высовывавшимися изъ него тонкими черными прутьями кустарника да запушонными верхами молодыхъ елочекъ.

День былъ хорошій, солнечный, зимній, одинъ изъ тѣхъ дней, когда снѣгъ не таетъ, но липнетъ, полозья мягко скользятъ по немъ, и въ воздухѣ пахнетъ мокрою древесною корою. Отъ сырой бодрящей свѣжести пріятно стягивается кожа на щекахъ, и чувствуешь, словно молодѣешь...

Я злился на себя. Въ поѣздкѣ моей рѣшительно не было надобности. И чѣмъ дальше тянулось однообразіе сугроба и пристяжная старательнѣе перебирала мохнатыми ногами, тѣмъ досаднѣе становилось мнѣ...

— Вы знаете въ Петербургѣ генерала Рамызникова?—проговорилъ вдругъ Волнорѣзъ изъ-за воротника, не двинувшись, точно одна его шинель съ фуражкой лежали рядомъ со мною.

— Генерала Рамызникова?—Нѣтъ, не знаю...

Опять мы проѣхали нѣкоторое время, молча.

— Говорятъ, большія дѣла дѣлаетъ!—снова сказалъ исправникъ изъ-за воротника...

Одного дѣльца петербургскаго, старика Рамызникова — я зналъ. Это былъ человѣкъ беззастѣнчивый и въ былое время не стыдился получать до наивности большія деньги за довольно наивное тоже участіе въ дѣлахъ, до которыхъ ему рѣшительно не было никакого дѣла...

— Такъ какой же это генералъ?—спросилъ я.

— Чинъ „дѣйствительнаго“ имѣетъ, если не „тайнаго“...

Чинъ „дѣйствительнаго“ мой Рамызниковъ, правда, имѣлъ. Получилъ онъ его по благотворительнымъ учрежденіямъ. Даже лента у него была. Онъ управлялъ когда-то богатымъ, нелѣпымъ, но устроеннымъ на подобіе института пріютомъ, гдѣ, подъ ви-

домъ бѣдныхъ, воспитывались больше дочери петербургской барской челяди...

Я постарался объяснить все это Волнорѣзу.

— Та-аксъ,—протянулъ онъ:—а я думалъ—онъ изъ важныхъ...

— А вы знакомы съ нимъ?

— Недавно только знакомство свели у Авенира Сидорыча.

— У Ждутьева?

— Да-съ; онъ и посейчасъ тамъ. Акціонерное предпріятіе затѣваютъ... на земельныхъ началахъ. Будутъ крестьянъ въ долгъ обстраивать и скотомъ снабжать... дѣло, кажется, хорошее...

— Рамызниковъ, значитъ, въ отхожіе промыслы пошелъ...

— А чтò-съ?

— Да прежде имъ и въ Петербургѣ лафá была. Теперь тамъ люди умнѣе стали—такъ онъ въ провинцію норовитъ...

— Какъ вы изволили сказать?—переспросилъ Волнорѣзъ:—лафá?

Онъ вдругъ сталъ разговорчивѣе, снисходительнѣе и даже задвигался, пока я разсказывалъ ему про Рамызникова.

— Конечно, лафá. Прежде можно было получить концессію самую глупую...

Исправникъ досталъ серебряный портсигаръ и вынулъ толстую набивную папиросу, точно понюшку табаку изъ табакерки.

— Не прикажете ли?

— Благодарю—не курю на воздухѣ...

— Такъ вѣдь это дѣло затѣваютъ они настоящее,—заговорилъ онъ, закуривъ о фитиль:—его нельзя назвать глупымъ.

— Тѣмъ скорѣе онъ перепродастъ его, значитъ...

— Т.-е., какъ это перепродастъ?

— А видите ли, Рамызниковъ началъ съ того, что на его имя графъ Щуровскій откупа держалъ. Потомъ онъ къ золотому промыслу тоже въ качествѣ подставного лица пристроился... А потомъ черезъ графа самыя невозможныя концессіи получалъ...

— Только для того, значитъ, чтобъ продать ихъ?..

— Разумѣется...

— И находились покупатели?

— Находились. Пока Щуровскій былъ живъ, у него и шли дѣла, и деньги были...

— Ну, а теперь, значитъ, туго?

— Вѣроятно.

— Ну, а скажите, а въ Москвѣ господина Агодаева не знаете?

— Кажется, нѣтъ; но фамилію Агодаевыхъ слыхалъ.

— Лаврентія Борисыча Агодаева? — повторилъ Волнорѣзъ.

— Нѣтъ, Лаврентія Борисыча—не знаю...

— Очень важный баринъ... Всѣ замашки барственныя. Купца съ собой возитъ.

— Какого купца?

— Не то что сумасшедшаго, а такъ, какъ вамъ сказать—рехнувшагося... Фабрика у него была и сгорѣла. Онъ срокъ страховки пропустилъ, а она и сгори...

— Ну, и что̀ же онъ?

— Какъ загорѣлась фабрика ночью—онъ, говорятъ, одѣлся въ сюртукъ, какъ надо, взялъ подушку, пошелъ на берегъ Москвы рѣки, легъ и заснулъ. А проснулся—не въ своемъ умѣ... Теперь у господина Агодаева живетъ. Тотъ его съ собою всюду возитъ. Вотъ вы увидите.

— А этотъ Агодаевъ тоже въ Будырьевѣ?

— Тоже. И съ купцомъ. Они для окончательнаго обсужденія дѣла съѣхались. Тоже участіе принимаетъ. Ну, Агодаевъ—человѣкъ богатый, свои дома на Москвѣ имѣетъ... Только барственъ ужъ очень. Онъ мнѣ съ перваго разу довѣрія не внушилъ...

Онъ пыхнулъ два раза папиросой, опалилъ воротникъ и бросилъ ее.

Теперь онъ замолчалъ какъ-то уже скромнѣе, не такъ важно, уткнувшись въ уголъ.

Изъ-за воротника онъ лицо высунулъ и нѣсколько разъ заглянулъ на меня.

Только подъѣзжая къ самому Будырьеву, когда изъ-за оголенныхъ вѣтокъ лѣска показался на пригоркѣ каменный домъ усадьбы и лошади потянули въ гору, онъ вдругъ обернулся ко мнѣ:

— Я долженъ поблагодарить васъ за свѣдѣніе. Вѣдь чуть, было, у меня десять тысячъ не выманили они на предпріятіе...

III.

Въ Будырьевѣ мы застали все общество въ большой гостиной, въ нижнемъ этажѣ.

Самый будырьевскій домъ, правда, двухъ-этажный, камен-

ный, былъ построенъ на манеръ коробки, по той „мѣщанской“ архитектурѣ, въ которой единственную роскошь представляетъ „венеціанское окно“. Гостиная была обставлена съ большой претензіей на вкусъ, но вещи были новаго, рыночнаго производства, такія, что никогда старинными не станутъ, а только состарятся и придутъ въ негодность.

Жена Ждутьева, бѣлокурая, подслѣповатая, поднялась намъ на встрѣчу съ дивана въ углу, гдѣ сидѣлъ съ нею Рамызниковъ.

На другомъ концѣ комнаты игралъ въ пикетъ за ломбернымъ столомъ Авениръ Исидоровичъ съ Агодаевымъ, курчавымъ бариномъ съ усами и желтымъ, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. Рядомъ съ нимъ, смотрѣлъ ему въ карты коренастый старикъ, опрятно одѣтый въ черный сюртукъ, особенно рѣзко выдѣлявшій бѣлизну его сѣдой, окладистой, подстриженной бороды и густыхъ, тоже какъ снѣгъ бѣлыхъ волосъ.

— Купецъ Гудинъ,—представилъ его Агодаевъ, и сейчасъ же обратился къ Ждутьеву, взявшись за карты:—Что жъ, Авениръ Исидорычъ, кончимъ, или будемъ продолжать?

— Если гости позволятъ! — отвѣтилъ тотъ и усѣлся за столъ.

Я чувствовалъ, что непріятное для меня своею безцѣльностью посѣщеніе никому не доставило и въ Будырьевѣ особеннаго удовольствія.

Рамызниковъ узналъ меня и фамильярно протянулъ мнѣ на встрѣчу двѣ руки, но когда я пожалъ только одну изъ нихъ, напыжился и важно опустился въ кресло, подобравъ губы.

Онъ брилъ усы и подбородокъ и носилъ коротко подстриженныя бакенбарды котлетками.

— Золотое, золотое дѣло!—проговорилъ онъ г-жѣ Ждутьевой, какъ бы ставя точку прежнему ихъ разговору, который продолжать при насъ не считалъ нужнымъ...

Волнорѣзъ тяжело вздохнулъ при этомъ и какъ-то судорожно придержалъ карманъ на груди, топырившійся у него подъ сюртукомъ.

Лицо Ждутьевой выражало усиліе мысли. Очевидно, она силилась придумать, чѣмъ занять насъ, или же соображала, хватитъ ли у нея обѣда на всѣхъ.

— Вы давно изъ Петербурга?—спросила она, наконецъ, какъ будто ей очень важно было знать это навѣрное.

Я сообщилъ и, въ свою очередь, узналъ, что она съ мужемъ была въ Петербургѣ нынче весною.

— Двадцать-восемь, двадцать-девять, шестьдесятъ, — счи-

талъ Агодаевъ въ это время,—шестьдесятъ-одинъ, а это ваши... Мы, кажется, живемъ недурно, Гудинъ?—обратился онъ къ своему купцу, отмѣчая мѣломъ выигрышъ.

— Харчи тутъ хорошія,—согласился тотъ.

Агодаевъ захохоталъ:

— Поликсена Андреевна,—слышите? я говорю Гудину про карты, что хорошо живемъ мы, а онъ говоритъ, что у васъ харчи хорошія—развѣ не прелесть?..

И онъ, быстро стасовавъ колоду, сталъ сдавать новую игру.

Подслѣповатая Поликсена Андреевна глянула въ его сторону испуганно, точно ее бить оттуда собирались, и, сейчасъ же успокоившись, какъ только Агодаевъ умолкъ, снова пристала ко мнѣ—бываю ли я въ оперѣ?..

— А я по части музыки больше всего духовенство люблю,—заявилъ исправникъ.

— Духовенство? какое духовенство? почему духовенство?—вдругъ поднявъ брови, но пріятно улыбаясь, сталъ спрашивать Рамызниковъ.

— Духовую-съ музыку, —трубачей!—пояснилъ исправникъ и недовольно нахмурился.

Черезъ нѣкоторое время, когда Ждутьева наладила-таки со мной разговоръ, Рамызниковъ наклонился къ Волнорѣзу и сталъ ему важно, убѣдительно, но тихо говорить что-то.

— Нѣтъ-съ, я, по размышленіи, рѣшилъ подождать,—громко отвѣтилъ исправникъ и опять вздохнулъ.

— Чего же ждать, Иванъ Адамычъ?

— Да вотъ утвержденія, и потомъ вообще... какъ-съ это будетъ...

Рамызниковъ опустилъ углы губъ и развелъ руками.

— Какъ угодно-съ. Я для васъ хотѣлъ это сдѣлать—вотъ по просьбѣ Авенира Исидорыча, а если вы сами пришли къ иному конечному результату, то какъ вамъ угодно... Только имѣйте въ виду, что паи послѣ утвержденія увеличатся въ цѣнѣ въ полтора раза по крайней мѣрѣ...

Исправникъ ничего не отвѣтилъ, еще разъ вздохнулъ, сдѣлалъ попытку дернуться рукою къ карману, но раздумалъ и вынулъ свой серебряный портсигаръ.

Бывшій парикмахеръ Валеріанъ, въ сѣромъ пиджакѣ, черныхъ брюкахъ, красномъ галстухѣ и нитяныхъ перчаткахъ, показался въ дверяхъ и какъ-то скороговоркой произнесъ:

— Па-алыйте кушыть!..

Въ столовой, куда всѣ перешли сейчасъ же подъ предводительствомъ хозяйки, оказалось новое лицо:

— Степушка, родственникъ мой,—мелькомъ знакомя его со мною, проговорилъ Авениръ Исидоровичъ, разсаживая насъ за столъ.

— Ну, такъ какъ же, Гудинъ, харчи хорошія?—хохоча, повторялъ Агодаевъ, оборачиваясь къ купцу и засовывая салфетку за воротникъ.

— Вотъ грибки, грибки я люблю...—пригибаясь къ хозяйкѣ, проговорилъ Рамызниковъ, и потянулъ тарелку съ маринованными грибами.

Закуска была накрыта не отдѣльно, а стояла тутъ же, на столѣ.

— Водочки?—слегка наклоняясь въ мою сторону, проговорилъ Ждутьевъ, и взялся за маленькій, совсѣмъ чуждый остальной посудѣ графинчикъ, въ которомъ плавали кусочки апельсинной корки. Я отказался.

— Не желаете!—строго произнесъ Ждутьевъ и поставилъ графинъ на мѣсто.

— Селедочки?—вопросительно умильно обратилась ко мнѣ хозяйка, и показала на ничѣмъ не приправленную тощую селедку, сиротливо лежавшую на тарелкѣ...

Столовая была оклеена ярко-желтыми, глянцевитыми подъ дерево обоями съ совсѣмъ не подходившею къ нимъ темною панелью, что̀ порядочно рѣзало глазъ. По стѣнамъ, ничуть не украшая ихъ, на длинныхъ сукахъ торчали какія-то глупыя чучела птицъ, точно удивлялись, зачѣмъ ихъ примастили сюда на ярко-желтые обои? Одна изъ нихъ была удивительно похожа на самого хозяина. По срединѣ стола стояла жестяная корзинка съ кустомъ какого-то растенія.

— Лѣтомъ у насъ тутъ цвѣты стоятъ,—пояснила хозяйка, замѣтивъ, что я смотрю на растеніе...

Ждутьевъ сидѣлъ съ своимъ расчесаннымъ на двѣ стороны пробором и проводилъ рукою съ дѣланной граціей по длинной бородѣ, очень, повидимому, довольный и желтыми обоями, и птицами, и селедкой, и грибами и кустомъ въ жалкой корзинкѣ.

— Валеріанъ!—какъ-то пѣвуче позвалъ онъ своего парикмахера, и когда тотъ появился изъ-за дверей, приказалъ ему, хотя Рамызниковъ возился еще съ грибками:

— Подавай супъ и пирожки!..

„На правахъ хозяина"!—невольно мелькнуло у меня.

— А что же Гудинъ водки такъ и не пьетъ?—спросилъ,

ухмыляясь, Рамызниковъ, видимо, чтобы сдѣлать удовольствіе Агодаеву...

— Гудину водки нельзя, Гудинъ водки не пьетъ,—заговорилъ сейчасъ же Агодаевъ:—вы знаете, я далъ ему разъ сельтерской воды,—сталъ онъ разсказывать мнѣ, потому что вѣроятно остальнымъ анекдотъ былъ извѣстенъ:—онъ выпилъ бутылку и опьянѣлъ, да вѣдь такъ совсѣмъ зашатался отъ одного эрфиксу... Гудинъ, хочешь сельтерской воды, а?

Старикъ поднялъ глаза на Агодаева и поглядѣлъ тусклымъ, ничего не выражавшимъ взглядомъ.

Хозяйка вдругъ забезпокоилась и начала, стараясь незамѣтно наклониться вбокъ (кустъ по срединѣ стола мѣшалъ ей), тревожно поглядывать на противоположный конецъ, гдѣ помѣстился родственникъ Степушка. Онъ своими, немного слишкомъ большими для мужского лица, выпуклыми глазами пристально смотрѣлъ на Агодаева. Губы его слегка дергались. Казалось, онъ расплачется сейчасъ...

Но въ это время Валеріанъ сталъ разносить супъ, мокая въ тарелки большой палецъ, и Агодаевъ оставилъ Гудина, а Степушка успокоился.

Закуски онъ не бралъ—никто и не передавалъ ему ея—и съѣлъ только весь хлѣбъ, положенный ему на тарелку. Успокоившись, онъ неловко сталъ подбирать пальцемъ крошки со скатерти. Вообще весь онъ былъ не то что какой-то неловкій, но все на немъ—и сѣрый пиджачокъ, и галстучекъ „экоссé“, и отложные воротнички чистой, но плохо глаженной манишки—все казалось, точно не онъ самъ, а кто-то другой выбралъ ему это и увѣрилъ, что такъ будетъ хорошо; самъ же онъ не умѣлъ сказать, почему оно ему не годится, какъ слѣпой, которому покупаютъ и заказываютъ вещи другіе... И довольно коротко остриженные волосы—очевидный образчикъ парикмахерскаго искусства Валеріана—тоже не шли къ нему. Только, вотъ, когда поглядѣлъ онъ на Агодаева, взглядъ этотъ былъ настоящій, его собственный и не показался страненъ. Ѣлъ онъ, не разбирая кушанья, до тѣхъ поръ, пока не насытился. Когда Валеріанъ подалъ ему послѣднему послѣ супа ветчину съ горошкомъ, онъ сталъ накладывать себѣ кусокъ за кускомъ, такъ что Поликсена Андреевна, все время слѣдившая за нимъ, остановила его:

— Степушка, вѣдь другимъ не хватитъ, если пожелаютъ повторить,—проговорила она, и онъ, ничуть не смутившись, положилъ вилку на блюдо.

За обѣдомъ, по приказанію Ждутьева, Валентинъ приносилъ

стеклянную рюмку времени Анны Іоанновны—съ цвѣтной полоской внутри ножки, и мы всѣ эту рюмку разглядывали. Говорилъ больше другихъ Рамызниковъ. Онъ даже сказалъ нѣчто въ родѣ спича и упомянулъ о дѣлѣ, собравшемъ ихъ вмѣстѣ.

—Деньги,—сказалъ онъ,—представлены тутъ Москвою, т.-е. почтеннѣйшимъ Лаврентіемъ Борисовичемъ; знаніе и рабочая сила—уважаемымъ Авениромъ Исидоровичемъ, а администрація и вообще (онъ провелъ рукою по воздуху и показалъ на себя)—Петербургомъ!..

Исправникъ поглядѣлъ нѣсколько разъ въ окошко и выразилъ опасеніе, какъ бы не разгулялась погода. Надвигалась туча, и вѣтеръ что-то усилился.

Когда кончился обѣдъ и собирались уже вставать, Гудинъ, задремавшій на своемъ мѣстѣ, вдругъ вскинулъ голову и сказалъ Агодаеву:

— Вы, Лаврентій Борисычъ, заплатите пока коли что̀ за обѣдъ по счету...

IV.

Кофе послѣ обѣда подали въ гостиную. Я подошелъ съ чашкою въ рукахъ къ окну. Снѣгъ теперь былъ покрытъ пепельно-лиловою дымкою и не свѣтился алмазами. Солнце склонилось, и густая туча заслонила его. Воздухъ быстро темнѣлъ. Въ немъ уже кружились снѣжинки, пока, правда, еще весело и миролюбиво. Издали доносился слабый гулъ вѣтра. Окно выходило на деревянный балконъ, какіе бываютъ на дачахъ, и странно было видѣть досчатыя его перила занесенными снѣгомъ. Передъ балкономъ стояли деревья—единственная, кажется, старина въ Будырьевѣ, кромѣ рюмки съ цвѣтной полоской въ ножкѣ. У деревьевъ верхушки были низко срублены, такъ что они похожи были скорѣе на высокіе пни съ вѣтками. На подоконникѣ, въ видѣ предмета роскоши, стояла широкая ваза изъ мелкихъ сѣрыхъ раковинъ. Кой-гдѣ онѣ обвалились, и былъ виденъ картонъ съ засохшимъ на немъ клеемъ. На столѣ у окна въ тщательномъ порядкѣ стояли коробки, напоминавшія мнѣ дѣтство. Тутъ былъ „Гусёкъ“, „Аюнъ, или Стража королевы“, „Колоколъ и Молотокъ“...

— Еще играть заставятъ!—невольно подумалъ я, и поглядѣлъ на стоявшіе на зеркалѣ въ простѣнкѣ часы, наклонившись къ нимъ, чтобы узнать, не стоятъ ли они.

— Часики изволите разсматривать?—подошелъ ко мнѣ Аве-

ниръ Исидоровичъ.—Я-съ ихъ перехватилъ за семьдесятъ рублей въ городѣ, по случаю. Нарочнаго ко мнѣ прислали, давали сейчасъ же полтораста. Ну да ужъ что съ возу упало—то пропало...

Часы были плохенькой бронзы, съ привинченной кривоногой нимфой въ раковинѣ, какіе попадаются въ дешевыхъ гостиницахъ.

— А вотъ эти я въ приданое за женой взялъ—ну, они, конечно, полегче...

Онъ провелъ меня къ другому зеркалу, гдѣ стояли другіе часы, съ темно-бронзовой лошадкой, тоже плохенькіе, но все-таки лучше кривоногой нимфы.

— Вотъ, если вы знатокъ,—продолжалъ Авениръ Исидоровичъ,—посмотрите картинки...

И онъ сталъ показывать мнѣ висѣвшія у него на стѣнахъ четыре длинныя картины, совсѣмъ черныя и, судя по размѣрамъ, служившія когда-то створками ширмъ. На нихъ среди безконечно высокихъ деревьевъ съ курчавою зеленью прыгали кабаны въ видѣ крысъ съ очень длиннорылыми собаками.

— Вотъ-съ, — объяснилъ Авениръ Исидоровичъ, зажигая свѣчу и поднимая ее къ стѣнѣ, потому-что сумерки замѣтно сгустились:—отдалъ я въ городъ живописцу *ресторировать* эти картины, а онъ взялъ да и пририсовалъ рты всѣмъ животнымъ.

У кабановъ и собакъ дѣйствительно оказались неестественно разинутые, ярко-красные рты съ цѣлымъ частоколомъ такихъ длинныхъ зубовъ, что челюсти у нихъ никакъ сойтись не могли бы...

Авениръ Исидоровичъ имѣлъ, однако, видъ, по которому трудно было судить, доволенъ онъ этимъ художествомъ или нѣтъ...

— А отчего у васъ передъ окнами у деревьевъ верхушки срублены?—полюбопытствовалъ я...

— Видъ изъ верхняго этажа заграждали онѣ, такъ срубить ихъ пришлось ради пейзажа. Разростались слишкомъ сильно...

Рамызниковъ, про котораго ходили слухи, что до своей дѣятельности по откупамъ былъ онъ учителемъ музыки, сѣлъ за фортепіано и, смѣло ударивъ по клавишамъ, быстро забѣгалъ по нимъ пальцами.

Получилась довольно пріятная музыка, главное по тому, что чувствовалась очень ужъ большая увѣренность въ самомъ игравшемъ.

Должно быть, эта музыка въ соединеніи съ усилившимся завываніемъ вѣтра на дворѣ, гдѣ вмѣсто снѣжинокъ крутилось уже цѣлое облако метели, привела Агодаева въ подбодренное состояніе. Онъ не выказалъ желанія продолжать игру въ пикетъ

и, засунувъ руки въ карманы, ходилъ вдоль гостиной, выдвигая ноги одну за другою, скользя носкомъ и нагибаясь въ сторону выдвинутой ноги всѣмъ туловищемъ.

Исправникъ подсѣлъ къ подносу съ кофеемъ, гдѣ стояла бутылка съ коньякомъ.

Въ комнатѣ почти совсѣмъ стемнѣло.

Поликсена Андреевна юркнула въ дверь, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ явился Валентинъ и зажегъ сѣрной спичкой лампу на столѣ у дивана и на стѣнѣ надъ роялемъ.

Агодаевъ, все продолжая скользить, приблизился ко мнѣ и вдругъ проговорилъ шопотомъ:

— Хотите, весело сейчасъ будетъ, хотите?—и, не дожидаясь отвѣта, подмигнулъ и направился къ Ждутьеву.

— Авениръ Исидоровичъ, можно вѣдь, а?—спросилъ онъ его.

— Отчего же, пожалуйста!—пожалъ тотъ плечами.

Агодаевъ, крадучись, направился въ уголъ, къ печкѣ, гдѣ (я только-что замѣтилъ это) сидѣлъ Степушка.

Рамызниковъ продолжалъ бойко разыгрывать шумную импровизацію. Онъ встряхивалъ энергично головою и часто перекидывалъ руки крестъ на крестъ...

Ждутьева вернулась въ гостиную съ мотками шерсти и сверткомъ канвы и, внимательно прищурившись въ тотъ уголъ, гдѣ Агодаевъ, размахивая рукою, говорилъ со Степушкой, недовольно сдвинула брови, но сейчасъ же расправила ихъ.

Она стала устроиваться съ своею работой у лампы, и мужъ пододвинулъ ей подъ ноги скамеечку.

— Ну, а что̀ же драма?—вдругъ переставая играть и откидываясь на спинку стула, проговорилъ Рамызниковъ:—вѣдь monsieur Степушка обѣщалъ разсказать намъ свою драму...

Онъ произнесъ это французское „monsieur“ очень плохо, но съ не меньшей увѣренностью, чѣмъ игралъ...

— А вотъ мы только-что говоримъ о ней, — отвѣтилъ съ другого конца комнаты Агодаевъ: — видите,—обернулся онъ къ Степушкѣ,—вашей драмой интересуются...

Рамызниковъ всталъ отъ рояля и подошелъ къ столу, снисходительно улыбаясь, какъ улыбался, должно быть, графъ Щуровскій, когда находился среди подчиненныхъ.

— А какая разница между драмой и мелодрамой?..—спросилъ онъ, опустившись въ кресло и выше обыкновеннаго поднявъ брови.

— Драма—это когда актеры комедію на театрѣ... того...—на-

чалъ-было Гудинъ, все время молча сидѣвшій у стола до сихъ поръ...

— Когда чувства въ драмѣ, такъ сказать, доходятъ до сильнѣйшаго выраженія, то это уже мелодрама,—пояснилъ Рамызниковъ тихимъ голосомъ, какъ человѣкъ, привыкшій, что его слушаютъ въ молчаніи...

Гудинъ искоса и нѣсколько робко поглядѣлъ на него, провелъ концами пальцевъ по лбу и побарабанилъ ими потомъ по столу.

Авениръ Исидоровичъ подсѣлъ къ исправнику, налилъ ему еще коньяку въ рюмку и началъ что-то разсказывать вполголоса, показывая на бутылку и на ея этикетъ...

V.

— Ну, что̀ же, Степушка, мы ждемъ?—предательски сочувственнымъ голосомъ произнесъ Агодаевъ, и опять подмигнулъ мнѣ...

— Да что̀ же? — она у меня не сложилась еще совсѣмъ, лучше въ другой разъ какъ-нибудь,—отвѣтилъ Степушка не тихо, не громко, но точно разсуждалъ самъ съ собою...

— Ну, все равно, разскажите, что̀ у васъ есть,—настаивалъ Агодаевъ,—ну, первое дѣйствіе съ чего у васъ начинается, первое дѣйствіе....

— Съ эпиграфа.

— Какъ съ эпиграфа?

— Такъ. На сценѣ у меня маскарадъ... общественный какой-нибудь... Ну, хоть въ дворянскомъ собраніи въ Петербургѣ... Толпа костюмированныхъ. Выдѣляются двое. Одинъ одѣтъ Фаустомъ, другой—Мефистофелемъ. Тотъ и говоритъ: „Мнѣ скучно, бѣсъ“, изъ Пушкина— а Мефистофель отвѣчаетъ:—„Что̀ дѣлать, Фаустъ, — таковъ вамъ положёнъ предѣлъ“... и такъ далѣе, нѣсколько стиховъ...

— Позвольте,—перебилъ Рамызниковъ,—такого пріема, насколько я знаю, не употребляется въ драматургіи... Такъ ни одна пьеса не начинается...

— Ну, а у насъ она начнется, — мигая и якобы стараясь сдержать уже готовый смѣхъ, остановилъ его Агодаевъ:—ничего, Степушка, — продолжайте...

— Да это, впрочемъ, не важно,—махнулъ рукою Степушка: —это такъ только—ну, вотъ видите ли, Фаустомъ одѣтъ молодой человѣкъ такъ себѣ — полная ничтожность — богатый, безъ

отца и матери... Онъ мнѣ нуженъ, потому что его обдѣлываютъ кругомъ... Мефистофелемъ одѣтъ Бѣльскій. Вотъ этотъ очень труденъ для изображенія, какъ надо... Онъ долженъ быть и уменъ, и остроуменъ, и мѣшать...

— Въ печкѣ или въ каминѣ? — спросилъ Агодаевъ, вертя щипцами изъ каминнаго прибора, стоявшаго тутъ у печки.

— Правдѣ мѣшать, всякой правдѣ,—продолжалъ Степушка, отмахнувшись, точно отъ мухи:—онъ олицетвореніе ума человѣческаго, понимаете—не мысли, не разума, а того узкаго практическаго ума... Какъ это сказать... Словомъ, теперешніе люди, да не всѣ теперешніе, а такъ называемое общество наше, нашли бы его разсудительнымъ... Затѣмъ приходятъ и выясняются остальныя лица... Тутъ адвокатъ, финансистъ, репортеры, чиновникъ...

Агодаевъ, какъ будто взявъ уже подрядъ на „показываніе" Степушки, снова перебилъ онъ:

— Погодите, Степушка, какъ же это приходятъ „и выясняются"?..

Степушка опять махнулъ рукою.

— Ну, все равно, это ужъ зависитъ отъ таланта, какъ сдѣлать. Офицеръ тоже приходитъ.

— И выясняется,—подсказалъ Агодаевъ.

— Да. Онъ ухаживаетъ за одной барышней. Адвокатъ съ этой же барышней въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ указываетъ на ея мужа, когда финансистъ спрашиваетъ, нѣтъ ли у него когонибудь для подставного лица въ одномъ дѣлѣ. Наконецъ, сцена пустѣетъ. За колоннами въ залѣ танцы начинаются. Толпа уходитъ туда. Въ это время между колоннъ является человѣкъ. Я такъ вотъ и вижу этотъ выходъ. Онъ долженъ быть блѣденъ... или нѣтъ, не блѣденъ... а впрочемъ — не знаю... Только сразу должно быть ясно, что тяжело ему... Ужасно тяжело...

— Словомъ, Фатиница! — заявилъ неожиданно исправникъ, примѣриваясь отпить изъ рюмки, которую не успѣлъ еще донести до рта...

— Какая Фатиница?—удивился Степушка.

— А вотъ про которую поютъ:—„о, Фатиница, Фатиница, сколько ты перестрадала"! — пропѣлъ Волнорѣзъ и, какъ бы вдругъ рѣшившись, опрокинулъ всю рюмку въ ротъ.

Сидѣвшій рядомъ съ нимъ Ждутьевъ ухмыльнулся и положилъ нога на ногу.

Рамызниковъ крякнулъ, а Агодаевъ захохоталъ такъ, что Гудинъ вздрогнулъ и произнесъ:

— О, ваше превосходительство!..

— Его зовутъ Метузалемовъ,—сказалъ Степушка, обращаясь ко мнѣ.

— Какъ?—переспросилъ Рамызниковъ и поднялъ брови.

Степушка повторилъ.

— Метузалемовъ, почему Метузалемовъ? — словно обидѣлся Рамызниковъ...

— Ну, все равно, пусть такъ называется,—снова остановилъ его Агодаевъ, все еще хохоча,—ну, хорошо, такъ выходитъ человѣкъ...—обратился онъ къ Степушкѣ.

— Потомъ появляется маска. Онъ пришелъ потому, что она позвала его сюда. Тутъ она, какъ бы это сказать, вдохновляетъ его... И знаете, что̀ онъ дѣлаетъ? Онъ тутъ же, сейчасъ, въ маскарадѣ хочетъ сказать имъ всѣмъ, что жить такъ, какъ они живутъ, нельзя, что худо такъ жить... И онъ говоритъ... Становится у колонны и говоритъ... А тутъ скандалъ... Бѣгутъ распорядители, спрашиваютъ: „гдѣ скандалъ“? Составляютъ протоколъ. Выскакиваютъ репортеры. Пикантно это для нихъ. Маски спѣшатъ—гдѣ пьяный?—увели его!—„ахъ, какъ жаль, что мы опоздали“!.. На этомъ занавѣсъ, это первое дѣйствіе...

— Хорошее дѣйствіе, — одобрилъ Агодаевъ. — Гудинъ, оно тебѣ нравится?

— Мнѣ Степушка нравится,—отвѣтилъ Гудинъ, не поднимая глазъ.

Поликсена Андреевна поправилась на диванѣ, выбрала новую шерстинку, продѣла ее въ иголку, низко наклонившись подъ абажуромъ лампы, посмотрѣла на Степушку и снова начала шить, быстро и высоко махая рукою надъ канвой...

Степушка глянулъ на нее, точно подождалъ, не остановитъ ли она его, и снова заговорилъ:

— Второй актъ—на квартирѣ Метузалемова на другой день утромъ. Жена его, ну, хоть Вѣра Ивановна, бранится съ горничной. Та золоченый стулъ вытерла грязной тряпкой. Обстановка довольно богатая. Пріѣзжаетъ Бѣльскій. Онъ разсказываетъ, что Метузалемовъ, пьяный, вчера буянилъ въ маскарадѣ, и удивляется вообще, какъ Вѣра Ивановна могла выйти за него замужъ. А что̀ дѣлать? У нея еще пять сестеръ—не сидѣть же ей было въ вѣковушахъ. И потомъ онѣ думали, что онъ богатъ. Посмотрите обстановку—это ему отъ матери перешло. Онъ одинъ сынъ. Отецъ его занималъ такое мѣсто, что не могъ умереть ни съ чѣмъ, а ничего не оставилъ—вотъ и выходитъ хвалёная честность!.. Были бы деньги—никто бы не посмѣлъ кольнуть въ глаза, а за глаза все равно и теперь, при всей честности имени ругаютъ...

— Это разсужденіе не лишено правдоподобія!—вдругъ, какъ серьезный человѣкъ къ серьезному человѣку, оставляя шутки въ сторону, обратился Рамызниковъ къ Авениру Исидоровичу.

— Ну, Степушка, Степушка, повеселѣй, повеселѣй... продолжайте!—сказалъ Агодаевъ, сдерживая зѣвокъ...

Степушка оглянулся на него.

— Пріѣзжаетъ адвокатъ, предлагаетъ разныя комбинаціи Метузалемову. Сомнительныя дѣла, но сразу хорошія деньги зато. Тотъ ото всего отказывается. Говоритъ, что будетъ бороться съ ними. Вѣра Ивановна спрашиваетъ, можетъ ли женщина взяться за эти дѣла. Можетъ. Она на все готова для своего сына. И вездѣ на первомъ планѣ деньги, деньги и деньги...

— Какъ вообще въ жизни,—сказалъ Рамызниковъ.

— Вотъ именно,—подхватилъ Степушка,—и вѣдь ими можно принудить другихъ людей все что̀ угодно сдѣлать... а пріятно это? Ну, вотъ, Вѣра Ивановна и хочетъ имѣть больше денегъ. Она ловка, умна. Въ третьемъ актѣ у нея вечеръ. Для всѣхъ нужныхъ людей вечеръ. На сценѣ кабинетъ Метузалемова. Полная темнота. Одна только лампа подъ такимъ абажуромъ (Степушка приподнялъ руки и развелъ ихъ) на письменномъ столѣ. Въ среднія двери, когда отворяютъ ихъ, видна гостиная. Тамъ свѣтло, ярко. Оттуда входитъ Бѣльскій. Онъ спрашиваетъ, выйдетъ ли тотъ къ гостямъ? Нѣтъ, ни за что. Бѣльскій уходитъ, двери отворяются снова, но за ними темно, изъ темноты возвращается Бѣльскій, садится... Дразнитъ онъ тутъ, почти издѣвается надъ слабостью и безсиліемъ... Въ этой сценѣ—вся драма... Что̀ дѣлать?—Жить нельзя... эта жизнь—ложь... Жить ею нельзя, если созналъ ложь... А сдѣлать что-нибудь—силъ нѣтъ, возможности... Вѣдь былъ же Савонарола, вѣдь увлекъ же людей и послушались его...

— Въ послѣднемъ актѣ—идиллія, полная идиллія—въ гостиной Вѣры Ивановны пьютъ послѣобѣденный кофе. Тутъ всѣ: адвокатъ, Бѣльскій, финансистъ, офицеръ... Офицеръ такой, которые вдругъ отвѣчаютъ однимъ словомъ: „вдребэзги"... Всѣ очень благодушны, отлично настроены, и хвалятъ, и превозносятъ Вѣру Ивановну. Она—удивительная женщина. Она съ непостижимымъ умомъ ведетъ свои дѣла. Она воспитываетъ сына и содержитъ сумасшедшаго мужа въ больницѣ...

— Палата въ больницѣ. На койкѣ сидитъ Метузалемовъ... Являются сторожа, видятъ, что больной разбушевался... вяжутъ его... „Вяжите, вяжите!"—кричитъ онъ...

Степушка замолчалъ и опустился на стулъ.

Агодаевъ, скрестивъ на груди руки и склонивъ голову, спалъ,

или притворялся, что спитъ... Вѣтеръ гудѣлъ за окнами и въ трубахъ. Поликсена Андреевна низко пригнулась къ своему шитью, и что-то долго расправляла его, переставъ вышивать... Рамызниковъ поднялъ брови и поджалъ губы, какъ бы обдумывая—долженъ онъ выразить что-нибудь? Исправникъ прищурилъ лѣвый глазъ. Авениръ Исидоровичъ сидѣлъ съ яснымъ лицомъ, положивъ нога на ногу, и курилъ папиросу.

— Это все, такъ сказать, въ конечномъ результатѣ—эмпиреи!.. — проговорилъ Рамызниковъ, рѣшивъ, должно быть, что слово его необходимо...

— Степушка, вы кончили?..—какъ бы просыпаясь, спросилъ Агодаевъ, и даже вздрогнулъ.—Это вы, милый мой, какъ я вижу, уклонились отъ правильнаго пути мышленія... Вы меня простите, но, резюмируя все сказанное, я вижу, что ваша эта самая драма —чепуха...

Онъ говорилъ въ нѣсколько повышенномъ тонѣ, какъ человѣкъ, который во что бы то ни стало хочетъ разыграть до конца взятую на себя роль. По этому тону его ясно стало, что онъ притворялся, что спалъ.

Степушка опустилъ руки и тихо повернулся къ нему:

— Неужели для васъ это чепуха?

— Я думаю, не для меня одного, — возразилъ Агодаевъ:— вотъ и для Григорія Порфирыча то же... Степушка! — вдругъ, всплеснувъ руками, воскликнулъ онъ:—неужели я васъ оставлю неисправленнымъ? Мы уѣдемъ послѣ-завтра, а вы такъ и не воспользуетесь моими совѣтами. Вѣдь вы погибнете, Степушка... Или наши бесѣды, которыя мы вели здѣсь по вечерамъ, останутся втунѣ...

— Да какія же бесѣды?—сказалъ Степушка:—вѣдь вы смѣялись надо мной постоянно...

— Степушка!—опять всплеснулъ руками Агодаевъ:—да какъ вамъ не стыдно предполагать это! Я спасти васъ стремился, спасти, движимый человѣколюбіемъ, которымъ вы заражены сами. Я спасти желаю васъ!..

Агодаевъ всталъ, вынулъ папироску, постукалъ ею о портсигаръ, закурилъ о лампу и, сдѣлавъ въ сторону Степушки видъ, что я, дескать, хотѣлъ пошутить съ тобою, доставить тебѣ удовольствіе, а теперь пеняй на себя, подошелъ къ Ждутьеву и предложилъ докончить пикетъ, сказавъ:

— До чаю еще успѣемъ!..

VI.

Лошадей, очевидно благодаря снѣжной бурѣ, тетушка за мной не прислала. Послѣ чая мы вмѣстѣ съ исправникомъ, оставшимся тоже ночевать, были водворены въ такъ-называемую библіотеку—комнату, уставленную разнокалиберными шкафами, одностворчатыми, со стекломъ, какіе покупаютъ дѣтямъ, для ихъ книгъ и игрушекъ. Библіотека была похожа поэтому на шкафную лавку на рынкѣ. На подоконникахъ были разложены рубанки и стамески, а на стѣнѣ висѣли довольно игривыя гравюры...

Была принесена сюда складная кровать. Другую постель постлали на диванѣ.

— Прошу! — проговорилъ Волнорѣзъ, и показалъ мнѣ на кровать, а самъ направился къ дивану.

Онъ вѣрно зналъ уже по опыту эту кровать.

Какъ только легъ я на нее, она зашаталась и затѣмъ никакъ не могла уже придти въ спокойное положеніе. Малѣйшее движеніе усиливало качку. Ноги торчали наружу, а голова упиралась въ какую-то желѣзку. О томъ, чтобы повернуться—нечего было и думать. Крушеніе казалось неминуемымъ.

Волнорѣзъ улегся не скоро. Снявъ сюртукъ, онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ и толстый пакетъ и сталъ ихъ, сильно сопя, засовывать подъ подушку. Потомъ онъ принялся молиться, и долго кланялась его широкая спина въ голубыхъ муаръ-антиковыхъ помочахъ съ пузырившейся между ними рубашкой и болтавшимися ленточками галстуха на затылкѣ... Потомъ онъ началъ стаскивать сапоги, дребезжа колечками шпоръ, и кое-какъ стащилъ съ себя брюки...

Наконецъ кончилъ онъ свою возню, закряхтѣлъ, улегся, вытянулся и, словно желая отдохнуть послѣ тяжелой работы, закинулъ руки за голову. На груди у него висѣлъ образъ немного меньше его бумажника.

— Не ладно то, — протянулъ онъ, глядя въ потолокъ и, очевидно, увѣренный, что я на своемъ ложѣ не могъ заснуть такъ скоро:—что онъ позволяетъ издѣвки надъ братомъ своимъ...

— Надъ какимъ братомъ?—спросилъ я.

— Вѣдь Степушка-то братъ Ждутьеву будетъ. Отъ разныхъ матерей, правда, но все-таки братъ...

— Вотъ оно чтò! — а онъ мнѣ сказалъ: просто родственникъ...

— Это онъ всѣмъ говоритъ, стыдится, что тотъ въ эмпиреяхъ

витаетъ, какъ вашъ петербургскій генералъ выражается. Онъ, правда, сегодня не такъ, а иногда очень смѣшно выходило, какъ его господинъ Агодаевъ раздразнятъ и онъ на стѣну лѣзетъ. Сегодня не то совсѣмъ было. Но все-таки не ладно, что онъ за брата не заступится...

— Да вѣдь тотъ, кажется, не далъ и самъ себя въ обиду...

— Думаю это такъ себѣ, случайно, сегодня.—Господь, что называется, умудряетъ слѣпцы,—проговорилъ Волнорѣзъ и, помолчавъ, прибавилъ:—а скажите, пожалуйста, Савонарола, вѣдь это опера такая есть?

— Не помню. Можетъ быть.

— Должно, что есть. Вѣдь онъ монахомъ былъ?

— Савонарола—да, въ Италіи.

— Ну, и что-жъ?

— Проповѣдовалъ противъ роскоши. Богатства сносили, онъ жегъ ихъ на площади...

— Ныньче у насъ насчетъ этого чисто,—замѣтилъ исправникъ.

— Т.-е., какъ чисто?

— А я-то на что!.. Степушка тоже началъ-было...

— Проповѣдовать?

— А Богъ его знаетъ. Братъ послалъ его въ поле за работами присмотрѣть, поѣхалъ провѣрить, а тотъ собралъ мужиковъ въ кружокъ и „Гамлета“ имъ, принца датскаго, наизусть читаетъ, или что-то въ этомъ родѣ. Ну, тѣ, извѣстно, лишь бы лодырничать. Рады не работать-то.

— Ну, что-жъ, если „Гамлета“, то это ничего...

— Да кто его тамъ знаетъ, какого „Гамлета“. И потомъ, на что̀ мужику знать, какъ принцы разсуждаютъ?..

— А давно этотъ Степушка здѣсь?..

— Ныньче съ весны. Поликсена Андреевна привезли его. Онъ только ее и слушаетъ. Говорятъ, въ Петербургѣ совсѣмъ завертѣлся, бѣдняга... Если она его не исправитъ—ужъ никто ничего не подѣлаетъ... Мужа-то какъ она перевернула!..

— А что̀?

— Да до нея другой онъ человѣкъ былъ. Имѣнье запущено — никуда не годилось... Денежки ея тоже кстати пришлись. Съ ста тысячами можно имѣнье поправить... Только растрясетъ онъ ихъ по глупости...

Волнорѣзъ повернулся на бокъ, запустилъ руку подъ подушку, пошарилъ тамъ, ощупалъ и зѣвнулъ...

— Однако, пожалуй, и спать пора,—можно свѣчу тушить?—спросилъ онъ.

VII.

На другой день, когда я проснулся въ девятомъ часу,—исправникъ уѣхалъ уже, чѣмъ свѣтъ, и диванъ его оказался пустымъ.

Въ домѣ спали еще. Только Авениръ Исидоровичъ въ столовой кушалъ чай и недожаренную говядину, которую онъ назвалъ „кровавымъ ростбифомъ“, предложивъ мнѣ отвѣдать.

— Валентинъ!—какъ вчера, пропѣлъ онъ, и отдалъ затѣмъ суровое приказаніе: — Принеси гостю чая!...

— Ну-съ, — сказалъ онъ, наѣвшись до сыта говядины, и показалъ пальцемъ наверхъ:—тамъ еще встанутъ не скоро, такъ придется мнѣ занять ваше утро. Угодно прогуляться со мною?..

Волей-неволей я былъ въ его власти.

Въ передней надѣлъ онъ валенки, короткій кафтанъ на мѣху, круглую войлочную шапочку и ружье за спину.

— Зачѣмъ же ружье?—удивился я.

— А на всякій случай, можетъ, попадется что̀ — убить можно...

Мы вышли на крыльцо. Утро послѣ метели было хмурое. Небо заволоклось сѣрымъ покровомъ, низко спускавшимся къ землѣ. Даль туманилась безъ тѣней и свѣта.

Дорожка отъ крыльца была расчищена. Авениръ Исидоровичъ повелъ меня по хозяйственнымъ постройкамъ.

Молодой, съ хитрыми карими глазками, приказчикъ, въ новомъ тулупчикѣ и съ палочкой, очевидно, дожидался и, увидѣвъ насъ, поспѣшилъ на встрѣчу.

Авениръ Исидоровичъ оглянулся на домъ и сдѣлалъ затѣмъ крутой поворотъ къ приказчику:

— Отчего снѣгу съ крыши не сметаютъ?

— Да, Авениръ Сидорычъ,—замялся тотъ:—крыша крута...

— Крыша крута, а снѣгу цѣлый сугробъ!.. Я приказывалъ вчера...

Приказчикъ переступилъ съ ноги на ногу и повертѣлъ палочкой въ снѣгу...

— Идтить опасаются—рабочіе, которые... Говорятъ, соскользнуть боятся...

— А деньги получать не опасаются, — вдругъ взвизгнулъ Авениръ Исидоровичъ, и замахалъ руками, — не опасаются...

Имъ бы даромъ хлѣбъ ѣсть... А вы съ народомъ управиться не умѣете...

— Крыша крута, Авениръ Сидорычъ...

— Что-жъ мнѣ ее, передѣлывать, что-ли?—крикнулъ Ждутьевъ, и, вспомнивъ вѣрно обо мнѣ, замолчалъ, недовольно глянулъ въ мою сторону и пошелъ дальше...

— Молотилка работаетъ?—спросилъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ.

— Работаетъ, Авениръ Сидорычъ.

— У меня тутъ при чисткѣ работникъ съ крыши свалился— и до смерти—такъ вотъ боятся идти... — сталъ объяснять мнѣ Авениръ Исидоровичъ.

На гумнѣ стучала молотилка, выкидывая вороха мятой, всклоченной соломы, которая вздымалась, словно мыльная пѣна.

Старикъ рабочій подкладывалъ, разравнивая. Нѣсколько бабъ подавало ему.

— Самъ дѣлалъ—по чертежу!—сказалъ мнѣ Ждутьевъ, показывая на молотилку. —Хорошо работаетъ? — спросилъ онъ у старика.

— Хорошо, Авениръ Сидорычъ!..

У выхода изъ гумна по обѣ стороны лежали двѣ кучи соломы—одна изъ-подъ цѣповъ, другая—отъ молотилки.

Я нагнулся и за спиною Ждутьева взялъ одинъ колосъ, растеръ его на ладони—она оказалась полна зеренъ.

Машина Ждутьева не вымолачивала и трети.

— Ну-съ, теперь мы поѣдемъ въ лѣсъ, — ласково предложилъ онъ, приведенный видимо самодѣльною молотилкой въ наилучшее расположеніе духа.—Милости прошу!..

— А куда вы дѣваете солому?—спросилъ я, усаживаясь въ большія мужицкія розвальни, которыя подали намъ.

— Мы солому продаемъ крестьянамъ на пуды, — отвѣтилъ Ждутьевъ.

— Всю по одинаковой цѣнѣ?

— А то какъ же?

Я невольно взглянулъ на приказчика.

Приказчикъ съ невиннымъ видомъ, отвернувшись слегка въ сторону, вертѣлъ палочкой.

— Такъ прикажете снѣгъ сметать съ крыши, Авениръ Сидорычъ?—проговорилъ онъ дѣловито и вскинулъ головой, снимая шапку на прощанье.

— Да, да,—вѣдь я приказалъ...—сказалъ Авениръ Исидоровичъ, перебравъ возжи, и ударивъ ими лошади...

Розвальни тронулись.

Въ лѣсу мы видѣли молодой осинникъ, березовую рощицу, сосновыя деревья, и Ждутьевъ долго мнѣ разсказывалъ по какому хитрому плану онъ рубитъ лѣсъ и какъ это хорошо.

Порубокъ у него нигдѣ не было.

— У меня не вырубятъ!—значительно протянулъ онъ и добавилъ:—мнѣ нельзя не беречь лѣсу—вы знаете, сколько у меня дровъ выходитъ?

— Ну?

— Двѣ сажени въ день...

Онъ вовсе не смѣялся надо мной. Я это видѣлъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ остановилъ лошадь, просилъ подержать возжи, вылѣзъ изъ саней, прошелъ въ своихъ валенкахъ шаговъ десять въ сторону по снѣгу, вѣроятно представляя себѣ, что углубляется въ лѣсъ, остановился и началъ какъ-то особенно улюлюкать и прислушиваться...

Никто не отвѣчалъ ему.

— Нѣтъ, вѣрно онъ въ другомъ мѣстѣ, не слышитъ,—качая головой и ёжась, заговорилъ онъ, вернувшись...

Это онъ хотѣлъ перекликнуться по-лѣсничьи со сторожемъ, но оно у него не вышло...

— Вы не знаете,—таинственно сталъ спрашивать онъ меня по дорогѣ домой,—гдѣ въ Петербургѣ можно купить кольчугу?

— Какую?

— Чтобы подъ платьемъ носить. Здѣсь, знаете, народъ звѣрь,—того и гляди, ножомъ пырнетъ!..

Я сказалъ, что такого товара не покупалъ никогда, и не знаю, гдѣ продаютъ такія кольчуги...

VIII.

— А я ждалъ васъ, — встрѣтилъ меня Степушка, когда я вошелъ въ библіотеку:—я навѣрное зналъ, что вы зайдете сюда...

Онъ стоялъ спиною къ окну, опершись о подоконникъ, и внимательно разсматривалъ рубанокъ, который держалъ въ рукахъ.

— Отчего же вы знали навѣрное, что я зайду?—улыбнулся я.

— Да ужъ всегда человѣкъ, разъ выйдя, зайдетъ въ комнату, гдѣ ночевалъ...—онъ ниже нагнулся надъ рубанкомъ.—Я хотѣлъ васъ спросить,—Степушка вдругъ поднялъ голову, глянулъ на меня и положилъ рубанокъ на мѣсто:—вѣдь я не оказался смѣшнымъ вчера?

— Нѣтъ, нисколько!..

Это былъ не вчерашній, совсѣмъ другой Степушка.

Холщевая блуза, которая была теперь на немъ, гораздо больше шла къ нему, чѣмъ галстучекъ „экоссé“. Лицо казалось блѣднѣе, глаза горѣли, точно ночь не спалъ онъ, губы были красны.

— Я видѣлъ, что вы не смѣялись вчера,—заговорилъ онъ,— потому и ждалъ васъ. Агодаевъ издѣвается надо мной. Я это знаю. И надъ Гудинымъ онъ издѣвается. А все-таки я разговариваю съ нимъ. Вы, можетъ быть, думаете, что мнѣ это-то и пріятно, что онъ издѣвается—эта самая обида униженія пріятна? Издѣвайся, дескать, добивай... Ошибаетесь!..

— Я вовсе этого не думаю, — началъ-было я, и сѣлъ на диванъ.

— Все равно, можете думать,—только это неправда. Видите, каждый разъ до сихъ поръ кончалось тѣмъ, что онъ вышучивалъ меня, а я хотѣлъ добиться, чтобы захватить хоть немножко его самого...

— Ну, что-жъ, вчера захватили?..

— Не знаю, можетъ быть. А вотъ васъ не захватилъ, — вдругъ добавилъ Степушка.

— Я съ большимъ вниманіемъ слушалъ вчера...

— Вниманіе—это не то. Вы способны глубже заволноваться...

— То-есть, какъ это—глубже?

— А вотъ, напримѣръ, вѣдь вы сознаете, что всѣ люди— братья, т.-е. должны быть братьями?..

— Ну, хорошо, сознаю.

— Такъ можно вамъ представить по этому нѣкоторый образъ?

— Пожалуйста.

— Жаль, Агодаева нѣтъ,—онъ непремѣнно съострилъ бы, что мой образъ будетъ „безобразіе“... это каламбуръ въ его духѣ. У васъ есть сестра?—неожиданно спросилъ онъ меня.

— Есть.

— Ну, представьте себѣ, только добросовѣстно, во всей реальности, что сестрица ваша, набѣленная и нарумяненная...

Я невольно двинулся на диванѣ.

— Набѣленная и нарумяненная,—повторилъ Степушка,—въ этакой шляпкѣ соломенной, осенью, поздней осенью, въ дождь и слякоть, подобравши юбочку, по Невскому... и этакъ кавалеры... Вотъ,—вдругъ протянулъ онъ ко мнѣ руку,—вотъ, отъ одного только образа ужъ взволновались — какъ я смѣлъ!.. Ну, а будь

это на самомъ дѣлѣ, вѣдь вы бы ни одной ночи спокойно не проспали!.. Такъ что-жъ вы спокойно спите теперь, если считаете всѣхъ людей братьями?.. Вы, можетъ, думаете, что невозможно волноваться изъ-за нихъ?—Возможно, очень возможно. Еслибы вы только видѣли, что̀ тутъ у меня дѣлается,—онъ показалъ себѣ на грудь.—Какъ вспомню, что, вотъ, пока мы съ вами теперь въ теплой комнатѣ сытые, разговариваемъ,—сколько народу въ голодѣ и холодѣ! Банально это, пошло. Да въ этомъ-то и ужасъ весь, что оно—банально и пошло!

Онъ прошелся мимо меня по комнатѣ, вернулся снова къ окну и снова заговорилъ:

— И весь ужасъ въ томъ, что не знаешь, что̀ дѣлать?—Раздавать деньги?—Ихъ немного было у меня.—Роздалъ. Говорить, убѣждать?—Христіанство убѣдительнѣе меня говоритъ. Успокоиться подъ эгидой нашей Поликсены, забыть...

Степушка закрылъ глаза и точно дѣйствительно хотѣлъ въ эту минуту забыть и успокоиться...

— Не могу я, не могу,—снова открылъ онъ глаза,—и сдѣлать ничего не могу...

Онъ отвернулся къ окну, поставилъ локти на подоконникъ, закрылъ лицо руками.

Въ это время сверху послышался шумъ, и цѣлая лавина снѣгу, ссыпаясь, заслонила свѣтъ и бухнула на землю. Степушка вздрогнулъ.

— Что-жъ вы не смѣетесь?—вдругъ обернулся онъ ко мнѣ.—Вѣдь оно очень нелѣпо. Господина Агодаева это всегда въ восторгъ приводитъ. Въ самомъ дѣлѣ, Степанъ Ждутьевъ, въ Будырьевѣ, желаетъ плакать о мірской скорби! Кто такой Степанъ Ждутьевъ, что̀ онъ?

Онъ пріостановился и улыбнулся во весь ротъ.

— А сказать вамъ, что̀ такое Степанъ Ждутьевъ?—сами, небось, не догадаетесь:—негативъ! Ничего больше, какъ обыкновенный фотографическій негативъ...

Степушка нервно обдернулъ свою блузу.

— Поликсена испугалась разъ, когда я ей это объяснить хотѣлъ. Она слышала, что одинъ вообразилъ себя самоваромъ и садился вотъ такъ (онъ уперъ руки въ бока и присѣлъ на корточки), а я негативъ,—сказалъ онъ, снова выпрямляясь.—И все, что̀ для нихъ свѣтъ и тепло—у меня черно... Я воспринимаю отрицательно, положительнаго дать не въ силахъ—и выхожу нюня, кисляй, страдалецъ... Для меня нелѣпость то, что для мраморныхъ женщинъ, статуй, музеи въ родѣ дворцовъ строятъ, а живыя въ

подвалахъ живутъ... Вы слушали какъ-нибудь, какъ море стонетъ? Ну, вотъ, одинъ говоритъ, что напѣвы райскіе въ немъ слышитъ, а другой—стонъ людского горя. Какъ это въ стихотвореніи говорится: „Я въ кровавое сраженье шелъ бы, какъ на пиръ, но повсюду надъ враждою торжествуетъ миръ“! До стиховъ договорился:—глупо!..

И онъ замолчалъ.

— Такъ кто же позитивъ, по-вашему?—спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь:—братецъ вашъ, что-ли?

— Нѣтъ-съ, братецъ мой—цинкографія. У него всѣ тѣневыя мѣста глубоко выѣдены и не существуютъ. Позитивы негативами печатаются, и въ этомъ—единственная польза насъ, нытиковъ... А впрочемъ, прощайте. Сдѣлайте и изъ себя негативъ. До свиданія!..

Поликсена Андреевна наконецъ спустилась сверху, и я могъ проститься съ нею.

Тетушкины сани съ кучеромъ Андреемъ стояли у крыльца. Онъ медленно зашевелилъ возжами, когда я вышелъ, и подалъ безъ всякой претензіи на молодчество.

— Вчера дѣйствительно погода разыгралась, — отвѣтилъ онъ на мой вопросъ:—я ништо собрался ѣхать, можно было, а барыня не велѣли...

Коренникъ, скользя задними ногами, удерживалъ сани подъ гору.

Я оглянулся на безмолвный сѣрый будырьевскій домъ, какъ-то сурово глядѣвшій мнѣ вслѣдъ своими окнами.

На крышѣ копошились люди. Оттуда валились комья снѣгу и тяжело падали съ глухимъ, точно пушечное эхо, придавленнымъ гуломъ.

Кн. М. Н. Волконскій.

ПРОФЕССІОНАЛЬНЫЯ БОЛѢЗНИ РАБОЧИХЪ

ОЧЕРКЪ.

I.

Фабричная медицина въ Россіи—дѣло совершенно новое и мало извѣстное, хотя по своему назначенію она можетъ имѣть большое значеніе для рабочихъ, и въ нѣкоторыхъ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ центральной и западной Россіи уже начинаетъ пріобрѣтать право гражданства и при помощи земства захватываетъ все большее и большее число фабрикъ. Десять же лѣтъ тому назадъ, ея, можно сказать, почти не существовало даже въ такой губерніи, какъ московская. Профессоръ Эрисманъ, въ своемъ докладѣ московскому съѣзду врачей, бывшему въ 1885 году, крайне мрачными красками обрисовалъ положеніе фабричной медицины. Благодаря неточностямъ фабричнаго закона, дававшимъ возможность обходить его, медицинская помощь на фабрикахъ почти совершенно отсутствовала. Большинство фабрикантовъ находило совершенно излишнимъ заводить при своихъ фабрикахъ больницы и предоставляло рабочимъ лечиться гдѣ угодно или просто увольняло заболѣвшихъ. Существовавшія же немногочисленныя лечебницы являлись только показной стороной, а на дѣлѣ не приносили фабричному населенію никакой пользы. Въ 1884 году, удовлетворительное положеніе фабричной медицины наблюдалось лишь на 4% фабричныхъ заведеній; на 79% фабрикъ и заводовъ, съ сотней и болѣе рабочихъ было неудовлетворительное.

При этомъ надо замѣтить, что со стороны администраціи тогда

не принималось никакихъ мѣръ, да онѣ и не могли принести какихъ-либо результатовъ. Прежде всего, неточность закона 26 августа 1886 года давала фабрикантамъ полную возможность избѣгнуть лишнихъ расходовъ. Кромѣ того, мѣстная низшая администрація находилась въ большой зависимости отъ богатыхъ и вліятельныхъ заводчиковъ и сквозь пальцы смотрѣла на нарушеніе закона. Не больше могли сдѣлать городовые и уѣздные врачи, такъ какъ они получали извѣстное содержаніе за завѣдываніе медицинскою частью на большинствѣ заводовъ и въ ихъ интересахъ было поддерживать хорошія отношенія съ фабрикантами; кромѣ того, они слишкомъ были заняты своими полицейскими обязанностями. Подобное положеніе дѣла вело къ тому, что рабочіе почти не пользовались медицинскою помощью.

Постепенно, однако, фабричная медицина развивалась и расширяла свою область. Улучшеніе началось съ изданія въ 1886 г. московскимъ губернскимъ земствомъ обязательныхъ санитарныхъ постановленій, по которымъ содержатели промышленныхъ заведеній обязаны были оказывать за свой счетъ правильную медицинскую помощь своимъ рабочимъ. Затѣмъ, въ 1891 году былъ учрежденъ особый институтъ санитарныхъ врачей, которые занялись упорядоченіемъ фабричной медицины, совмѣстно съ новымъ органомъ и санитарнымъ совѣтомъ [1]). Благодаря имъ, медицинская помощь рабочихъ улучшилась, хотя для ея пользы осталось сдѣлать еще очень много. По даннымъ врача Скибневскаго, въ 1894 году, на 19,3% фабрикъ замѣчалось неудовлетворительное положеніе медицинской помощи, на 43%—сравнительно удовлетворительное, и только на 37%—вполнѣ удовлетворительное. Такъ какъ вторая группа не имѣетъ собственныхъ, постоянно живущихъ врачей, или одинъ врачъ завѣдуетъ нѣсколькими фабриками, то мы не ошибемся, сказавъ, что въ этой группѣ чисто санитарная работа поставлена очень плохо. Дѣло въ томъ, что „при существующихъ условіяхъ почти всѣ фабричные пункты съ наѣзжающими врачами (и, къ сожалѣнію, многіе изъ самостоятельно-врачебныхъ) собственно для санитарно-врачебнаго прогресса въ губерніи не имѣютъ рѣшительно никакого серьезнаго значенія. Въ настоящее время громадное большинство наѣзжающихъ врачей въ своей мимолетной фабричной дѣятельности ограничиваются единственно ролью лечащаго врача, которая очень и очень нерѣдко, по многимъ причинамъ, часто не зависящимъ отъ врачей, низводится до

[1]) Скибневскій. Прошлое и настоящее положеніе фабр. мед. въ москов. губ. „Труды XIII губернск. съѣзда врачей московскаго земства“.

возможнаго минимума. Все же, что̀ находится внѣ ихъ терапевтической дѣятельности, какъ-то: веденіе правильной записи больныхъ, изученіе причинъ заболѣваемости рабочихъ, принятіе мѣръ по предупрежденію развитія заразно-эпидемическихъ болѣзней, санитарное изученіе фабрики, населенія ея и окрестныхъ деревень и т. д., то-есть все, что̀ имѣетъ крайне важное значеніе съ общественной точки зрѣнія, все это обыкновенно не касается наѣзжающаго врача" [1]). Если сюда присоединить еще первую группу, то окажется, что на 62,3% фабрикъ на общественно-санитарную сторону дѣла обращается весьма мало вниманія.

Извѣстный изслѣдователь А. Погожевъ относительно положенія санитарій въ московской губерніи выражается очень ясно и опредѣленно. Указавъ на то, что, подъ давленіемъ обязательныхъ постановленій, многіе фабриканты пригласили врачей и медицинская помощь увеличилась, онъ прибавляетъ: „но что касается до другихъ отраслей санитарнаго благополучія, то врачи, *находясь въ прямой зависимости отъ своихъ хозяевъ-фабрикантовъ, должны быть волей-неволей солидарны съ ними, т.-е. если фабрикантъ человѣкъ гуманный и сговорчивый, то и санитарнымъ указаніямъ врача есть мѣсто.* Въ противномъ же случаѣ настойчивость врача, какъ бы она ни была законна, можетъ породить между ними непріязненныя отношенія, послѣдствіемъ коихъ сплошь и рядомъ бываетъ отставка врача" [2]). Погожевъ замѣчаетъ, что это справедливо не только для московской губерніи, но еще больше для другихъ, несмотря на увеличеніе фабричной инспекціи.

И дѣйствительно, въ остальныхъ промышленныхъ губерніяхъ замѣчается такое же печальное положеніе фабричной медицины, заставившее В. Святловскаго сказать слѣдующія печальныя, повѣрныя слова: „пока еще въ огромномъ большинствѣ случаевъ слово „фабричный врачъ является пустымъ звукомъ, фикціей, подъ которой можно понимать все, что̀ угодно, а не дѣйствительнаго фабричнаго врача, какъ онъ существуетъ въ Германіи и Англіи". По его даннымъ, въ харьковскомъ фабричномъ округѣ изъ 658 заведеній, съ 30.193 рабочими, только въ 4 заведеніяхъ съ 2.011 раб. медицинская помощь была вполнѣ удовлетворительна; остальныя заведенія или прямо не организовали у себя ничего для поданія помощи заболѣвшимъ рабочимъ, или же имѣли фиктивную организацію. Въ привислянскомъ краѣ меди-

---

[1]) Ibid., стр. 12.

[2]) А. Погожевъ. Санит. совѣты и фабр. врачи. „Мед. Бесѣда", 1896, 5 кн., стр. 158.

цинскою помощью на счетъ владѣльцевъ пользовался 41%, и не имѣли ея вовсе 59% рабочихъ; изъ 856 осмотрѣнныхъ заведеній, на 818 не было никакой помощи, на 10 она была фиктивна, на 24 сносна и только на 4 весьма удовлетворительна. Ни при одной изъ варшавскихъ фабрикъ не было ни постояннаго врача, ни больницы, ни даже постояннаго фельдшера. Во всей Лодзи, съ ея 200 фабрикъ, была только одна больница; въ Сосновицахъ врачъ завѣдывалъ 11 фабриками и 2 больницами на 80 кроватей. Вся медицинская помощь совершалась какъ бы на почтовыхъ. Въ извѣстный день докторъ мчался на всѣхъ парахъ по Сосновицамъ, и если на фабричныхъ воротахъ выкинутъ флагъ, значитъ—есть больные, и врачъ наскоро осматривалъ ихъ; нѣтъ флага—ѣхалъ дальше. Эта метода, по словамъ автора, напоминаетъ методу того уѣзднаго врача добраго стараго времени, который, по пріѣздѣ въ деревню, собиралъ всѣхъ больныхъ и, не выходя изъ брички, раскидывалъ въ толпу недужныхъ заранѣе приготовленные медикаменты, порошки, пилюли и пр. Что кто поймаетъ, тѣмъ и лечись [1]).

Если таково положеніе фабричной медицины и въ частности санитаріи въ промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ издаются обязательныя постановленія для фабрикъ и заводовъ, то еще хуже оно въ губерніяхъ отдаленныхъ и производствахъ мало извѣстныхъ. Здѣсь даже трудно встрѣтить правильный надзоръ за примѣненіемъ извѣстныхъ санитарныхъ требованій, такъ какъ врачи совершенно отсутствуютъ. Что касается фабричныхъ инспекторовъ, то они вѣдаютъ дѣла санитаріи только между прочимъ. Инструкція рекомендуетъ имъ обращать также вниманіе и „на устройство фабрикъ въ санитарномъ отношеніи", но при массѣ дѣлъ и перепискѣ на эту рекомендацію обращается мало вниманія. Кромѣ того, этотъ вопросъ требуетъ спеціальныхъ знаній, которыми наши фабричные инспектора,—въ большинствѣ случаевъ техники,—не обладаютъ. Если нѣкоторые инспектора и производили спеціальныя изслѣдованія санитарныхъ условій жизни нашего рабочаго, то подобныя изслѣдованія являются лишь счастливыми исключеніями. Обыкновенно же такія изслѣдованія производились врачами, хотя вообще такихъ работъ у насъ очень мало.

Несмотря на то, что работы московскихъ врачей, особенно Эрисмана, Дементьева и др., съ достаточной наглядностью выяснили всю важность изслѣдованій санитарныхъ условій фабричной работы,—подробныхъ изслѣдованій въ русской литературѣ

---

[1]) Святловскій. Фабричный рабочій, стр. 179—191.

насчитывается всего нѣсколько десятковъ, и то большинство ихъ принадлежитъ одному—двумъ лицамъ. Въ то время, какъ на Западѣ ежегодно появляется нѣсколько серьезныхъ трудовъ по вопросамъ фабричной санитаріи, у насъ они чрезвычайно рѣдки, неполны и недоступны для публики. Обыкновенно такія изслѣдованія появляются въ спеціальныхъ медицинскихъ журналахъ, которыхъ никто, кромѣ спеціалистовъ, не читаетъ, да и послѣдніе далеко не всегда интересуются ими. По крайней мѣрѣ, просматривая одинъ журналъ по общественной гигіенѣ, мы находили подобныя изслѣдованія неразрѣзанными, хотя журналъ читали всѣ врачи губернской земской больницы, въ томъ числѣ и санитарные.

Понятно, что обыкновенный читатель, желающій ознакомиться съ этимъ вопросомъ, далеко не всегда можетъ удовлетворить свое желаніе. Статьи разбросаны по отдѣльнымъ книжкамъ журналовъ и отыскать ихъ крайне трудно; поэтому приходится довольствоваться болѣе распространенными трудами, хотя бы уже и устарѣвшими. Въ виду этого мы рѣшились познакомить читателя съ нѣкоторыми весьма интересными выводами, къ которымъ пришли немногочисленные наблюдатели санитарныхъ условій жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ. Мы, конечно, не думаемъ въ журнальной статьѣ дать полное изслѣдованіе этого вопроса, такъ какъ считаемъ эту задачу непосильной для одного человѣка,—а затѣмъ, и въ литературѣ для этого нѣтъ еще достаточнаго количества данныхъ. Хотя многіе фабричные врачи ежегодно выпускаютъ отчеты о дѣятельности своихъ больницъ, но въ большинствѣ случаевъ эти отчеты не отвѣчаютъ на массу интересныхъ и важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ жизнью и здоровьемъ рабочаго. Такъ, изъ нихъ почти ничего нельзя узнать о той зависимости, которая несомнѣнно существуетъ между условіями работы на фабрикахъ и тѣми заболѣваніями, которыя наблюдаются у работающихъ. Поэтому воспользоваться этими отчетами при изслѣдованіи вопроса о профессіональныхъ заболѣваніяхъ рабочихъ почти совершенно невозможно.

Между тѣмъ эта сторона фабричной работы является весьма важной и въ то же время малоизслѣдованной. Знаніе санитарныхъ условій работы и вліянія ихъ на здоровье рабочаго важно прежде всего для рѣшенія чисто практическихъ вопросовъ фабричнаго законодательства. Когда доказанъ вредъ извѣстной работы, то она должна быть подвергнута особому наблюденію, и жизнь рабочихъ ограждена тѣмъ или инымъ способомъ. По крайней мѣрѣ такова должна быть связь между чисто научными выводами фаб-

ричной санитаріи и практическимъ примѣненіемъ фабричнаго законодательства. На Западѣ дѣло шло именно такимъ путемъ: фабричное законодательство основывалось всецѣло на данныхъ, полученныхъ спеціальными изслѣдованіями разныхъ производствъ. Эти изслѣдованія доказали вредъ продолжительной работы для дѣтей и женщинъ, вредъ ночной работы, вредное вліяніе нѣкоторыхъ производствъ, и при выработкѣ фабричныхъ законовъ полученныя данныя были приняты во вниманіе. Благодаря этому, явилась возможность точно регламентировать разныя отрасли промышленности и до извѣстной степени оградить рабочихъ, особенно женщинъ и малолѣтнихъ. То же сaмое должно быть и у насъ, и всякія изслѣдованія могутъ только принести пользу.

Съ другой стороны, этотъ вопросъ имѣетъ еще большее значеніе для самого рабочаго, такъ какъ касается его здоровья и даже, до извѣстной степени, жизни, а также и здоровья будущихъ поколѣній. Дѣло въ томъ, что въ фабричныхъ округахъ постепенно образуется особое фабричное населеніе, порвавшее уже связи съ землею и деревней и существующее всецѣло на свой трудъ. Дементьевъ высчитываетъ число ихъ равнымъ 55% всѣхъ рабочихъ, причемъ въ тѣхъ производствахъ, гдѣ примѣняются механическіе двигатели, этотъ процентъ доходитъ до 70 и выше. При этомъ замѣчается, что „дѣти рабочихъ, попавшихъ на фабрику съ семьями, неизбѣжно превращаются, по примѣру своихъ отцовъ, въ фабричныхъ же рабочихъ, рабочихъ съ самаго ранняго дѣтства, частью даже отъ рожденія взросшихъ на фабрикѣ въ разобщеніи съ деревней, въ смыслѣ условій земледѣльческаго населенія“ [1]).

Съ самаго почти рожденія дѣти фабричныхъ рабочихъ поставлены въ крайне неблагопріятныя условія, благодаря которымъ они развиваются очень медленно и неправильно. Это подтверждается тѣми немногочисленными наблюденіями, которыя производились надъ дѣтьми фабричнаго населенія. Такъ у насъ есть данныя о дѣтскомъ населеніи шести фабрикъ богородскаго уѣзда, московской губерніи. Данныя эти немногочисленны и неполны, главнымъ образомъ потому, что производившій ихъ врачъ, „желая быть краткимъ“, оставилъ въ сторонѣ бытовую обстановку дѣтскаго населенія фабрикъ, а занялся измѣреніемъ роста и вѣса дѣтей. Тѣмъ не менѣе и эти свѣдѣнія представляютъ большой интересъ.

Изъ данныхъ изслѣдованія оказалось, что среди фабричныхъ

---

[1]) Дементьевъ. Фабрика и т. д., стр. 48.

дѣтей имѣется громадный ($43^0/_0$) процентъ рахитиковъ. Причиной этого явленія нужно считать плохое питаніе и тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ живутъ дѣти рабочихъ. Матери этихъ дѣтей въ большинствѣ случаевъ работаютъ на фабрикахъ, т.-е. подвергаются тѣмъ же вреднымъ, истощающимъ вліяніямъ фабричной обстановки, которыя дѣйствуютъ и на ихъ мужей. Усталость и измученность вредно вліяютъ на молоко матерей, а отсутствіе по цѣлымъ днямъ заставляетъ прибѣгать къ искусственному вскармливанію жеванымъ хлѣбомъ, соской и т. п. Всѣ эти условія не могутъ не отражаться на дѣтскомъ организмѣ и не задерживать его развитіе. И дѣйствительно, рахитическая часть дѣтей носитъ на себѣ явные признаки слабости организма: они отстаютъ въ своемъ развитіи отъ дѣтей здоровыхъ, грудь ихъ развивается слабѣе и т. д.

Вліяніе плохихъ условій, въ которыхъ живутъ дѣти фабричныхъ рабочихъ, простирается не только на рахитиковъ, но и на здоровыхъ дѣтей. По даннымъ того же врача оказывается, что фабричныя здоровыя дѣти уступаютъ въ своемъ развитіи дѣтямъ, хорошо питающимся, а это прямо указываетъ на то, что они не пользуются грудью матери и питаются главнымъ образомъ смѣшанной пищей [1]).

По даннымъ д-ра Стерлинга, питаніе грудью дѣтей суконщиковъ гор. Томашева, петроковской губ., хотя и производится самими работницами, но отличается плохими качествами. Ребенокъ получаетъ грудь передъ уходомъ на фабрику, за обѣдомъ, вечеромъ и ночью, т.-е. остается безъ пищи 4—6 часовъ, и потому его приходится успокоивать разными кашками, настойками и остатками отъ обѣда взрослыхъ [2]). То же самое подтверждаютъ и другіе наблюдатели. „Съ первыхъ же дней жизни,—говоритъ Гусевъ,—фабричныя условія отнимаютъ у ребенка мать и отца, и любовь къ дѣтямъ, какъ главный залогъ прочности семьи, мало-по-малу уступаетъ мѣсто чувству покорности досадливой необходимости. Да и сами дѣти какъ ростутъ? Недокормленныя, недомытыя, постоянно подъ щелчками, съ задатками всевозможныхъ болѣзней, они мрутъ въ громадномъ количествѣ“ [3]). Хотя приведенныя данныя не охватываютъ значительнаго района и большого числа дѣтей, но въ виду однообразія условій, въ ко-

---

[1]) „Труды XI съѣзда моск. вр.“. Докладъ Александрова: „Къ вопросу о физич. разв. дѣтей фабр. насел.“, стр. 52.

[2]) Стерлингъ. Условія професс. труда на суконн. фабр. „Вѣстн. общ. гигіены“, 1895 г., 12, стр. 270.

[3]) Тимковскій. Новые матер. по вопросу о норм. раб. вр. „Р. Б.“, 12, стр. 4.

торыхъ живетъ нашъ рабочій и его семья, сдѣланные выводы могутъ быть распространены и на другія мѣстности. Выводы же эти говорятъ, что фабричное населеніе начинаетъ подтачивать свое здоровье съ самаго ранняго дѣтства.

При изслѣдованіи вопроса о заболѣваемости рабочихъ необходимо принимать во вниманіе и тѣ бытовыя условія, которыя ихъ окружаютъ, т.-е. заработную плату, условія труда, условія жизни и проч. Только при сопоставленіи всѣхъ этихъ условій возможно сдѣлать болѣе или менѣе правильное заключеніе о причинахъ болѣзней и той роли, какую играли въ нихъ условія работы. Можно, напримѣръ, съ увѣренностью сказать, что заработная плата и продолжительность труда играютъ весьма важную роль въ жизни рабочаго. Профессоръ Эрисманъ прямо заявляетъ, что „вся совокупность жизненныхъ условій рабочаго, опредѣляемая его матеріальнымъ благосостояніемъ, имѣетъ гораздо больше санитарнаго значенія, чѣмъ тѣ вредные моменты, съ которыми нерѣдко сопряжено его спеціальное занятіе“ [1]). Дементьевъ выражается еще болѣе опредѣленно: „съ какой точки зрѣнія ни разсматривать вопросы о рабочихъ на фабрикѣ, идетъ ли рѣчь о чисто экономическихъ условіяхъ ихъ жизни, о санитарныхъ ли, объ умственномъ ли развитіи, или, наконецъ, о состояніи среди нихъ нравственности, онъ всегда сводится въ концѣ концовъ къ матеріальнымъ достаткамъ, т.-е. заработной платѣ“ [2]). Хотя оба эти мнѣнія нѣсколько односторонни, но тѣмъ не менѣе громадное значеніе заработной платы въ санитарныхъ условіяхъ жизни нашего рабочаго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такое же точно значеніе для здоровья рабочаго имѣетъ длина рабочаго дня, и потому прежде всего остановимся на этихъ двухъ условіяхъ существованія нашихъ рабочихъ.

Заработная плата на тѣхъ фабрикахъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія, ничѣмъ не отличается отъ платы на такихъ же фабрикахъ другихъ мѣстностей Россіи. Такъ на суконныхъ фабрикахъ гор. Томашева плата получается поденно и поштучно. Малолѣтніе въ недѣлю получаютъ отъ 60 к. до 1 р. 5 к.; подростки—отъ 1 р. 20 к. до 3 р.; женщины, сортирующія шерсть, получаютъ 1 р. 75 к.—2 р.; работающія при механическихъ

---

[1]) Эрисманъ. Професс. гигіена, стр. 228.

[2]) Дементьевъ, стр. 113.

станкахъ—2 р. 50 к.—5 р. Мужчины получаютъ въ недѣлю 2 р. 50 к.—3 р.; прядильщики—6—11 р.; ткачи на механическихъ станкахъ—3 р. 50—5 р.: на ручныхъ—5—6 рублей [1]). Въ привислянскомъ краѣ средняя величина заработной платы для суконщиковъ въ мѣсяцъ равняется 18—20 р.; женщинъ—10—12 р.; малолѣтнихъ—6 руб. Въ харьковскомъ округѣ, для первыхъ—16½ р., для вторыхъ—8 р., третьихъ—3 рубля [2]). Суконщики московскаго округа выработывали отъ 10 до 30 руб., а петербургскаго—отъ 12 до 33 рублей въ мѣсяцъ [3]). Заработная плата томашевскихъ суконщиковъ настолько низка, что они едва могутъ свести концы съ концами. Вотъ, напр., рабочій А., 38 лѣтъ, занимается прессованьемъ, имѣетъ жену и 3 дѣтей, заработалъ 204 рубля и починкой башмаковъ за зиму 5 руб. Считается трудолюбивымъ и примѣрнымъ работникомъ; читаетъ и пишетъ; жена—хорошая хозяйка, сама обшивающая всю семью. Эта семья тратитъ на съѣстные припасы 143 р. 10 к., изъ нихъ на животную пищу 37 р. 60 к. (26%); причемъ мясо употребляется всего 2—3 раза въ годъ, водка тоже. Молокомъ, сахаромъ и чаемъ пользуются только дѣти. Не лучше живутъ и другіе рабочіе этихъ фабрикъ: хорошее питаніе встрѣчается у 12,4% мужчинъ и 10,2% женщинъ; среднее—у 67,1% мужчинъ и 48,6% женщинъ; неудовлетворительное—у 21,5% мужчинъ и 41,2% женщинъ.

На ярцевской мануфактурѣ, находящейся въ смоленской губерніи, мужчина въ недѣлю заработываетъ отъ 1 р. 50 к. до 4 р. 50 к.; подростокъ—отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 40 к.; малолѣтній—отъ 1 р. до 1 р. 20 к.; взрослая женщина—отъ 1 р. 8 к. до 3 р. 60 к.; подростокъ—отъ 1 р. 8 к. до 1 р. 92 к., и малолѣтнія—отъ 1 р. до 1 р. 32 к. Если принять во вниманіе, что многимъ рабочимъ этой фабрики приходится уплачивать довольно большіе (въ среднемъ до 62% заработка) штрафы, то ихъ заработокъ окажется весьма незначительнымъ и необезпечивающимъ существованіе семьи. Такъ, для семьи рабочаго, состоящей изъ мужа, жены и ребенка и добывающей въ среднемъ 20 рублей въ мѣсяцъ (12 р. мужъ и 8 р. жена), на пищу, одежду и прочія потребности останется только 18 р. 50 к., потому что изъ заработка вычитается 75 к. за квартиру, 45 к. за баню и кромѣ того неизбѣжный штрафъ копѣекъ 35 и больше [4]).

---

[1]) Стерлингъ. „Вѣстн. Общ. Гиг.", 1895, 12 кн., стр. 265.

[2]) Святловскій. Фабр. рабочій, стр. 51.

[3]) Отчетъ главнаго инспектора за 1885 г., стр. 56—59.

[4]) Жбанковъ. Санитарное изсл. фабр. и зав. смол. губ., стр. 335.

Понятно, что на такую сумму можно существовать только съ большимъ трудомъ, особенно при томъ условіи, что припасы приходится брать изъ фабричной лавки по повышеннымъ цѣнамъ.

Ткачи нанки въ егорьевскомъ уѣздѣ, московской губерніи, заработываютъ въ недѣлю около 3 рублей при самомъ напряженномъ трудѣ, часовъ 12—15 въ сутки. Такъ какъ они не имѣютъ возможности вести дѣло самостоятельно, то имъ еще приходится изъ своего скуднаго заработка переплачивать такъ-называемымъ „мастеркамъ". Это болѣе или менѣе зажиточные крестьяне, являющіеся посредниками между фабрикантами и рабочими. Они получаютъ на руки пряжу и уже за своею отвѣтственностью раздаютъ ее ткачамъ, получая за это отъ 20 копѣекъ и болѣе за кусокъ. Конечно, какъ цѣны за работу, такъ и за коммиссію различны и зависятъ отъ конкурренціи мастерковъ, бѣдности ткачей и пр. Понятно, что дѣло не обходится безъ злоупотребленій и прижимокъ со стороны мастерковъ, и ткачъ далеко не всегда получаетъ заработанныя деньги [1]). Рабочіе на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ за свой тяжелый трудъ получаютъ крайне ничтожное вознагражденіе. Мужчина, работающій на плоту, получаетъ въ день 31—36 копѣекъ; женщина—28—30 коп.; русскій, работающій у невода, получаетъ—38—40 коп.; киргизъ—32—39 коп. Между тѣмъ за каждый прогульный день съ плотоваго рабочаго взыскивается 50 коп., а за дни болѣзни—средняя ежедневная плата. Съ неводныхъ рабочихъ хозяинъ имѣетъ право вычитать со всей артели за каждую несдѣланную тоню по 5 рублей [2]).

Матеріальное обезпеченіе нашего рабочаго представляется особенно незавиднымъ, если его сравнить съ заработкомъ иностраннаго рабочаго. Въ Англіи, мѣсячный заработокъ превышаетъ нашъ—на 124%; въ Америкѣ—на 379%. Сопоставляя его съ количествомъ труда, получаемъ слѣдующую рѣзкую разницу: въ Англіи для мужчинъ—283%, женщинъ—114%, подростковъ—116% и малолѣтнихъ—1,6%; въ Массачузеттѣ для мужчинъ—404,9%, женщинъ—254, подростковъ—321,8%, малолѣтнихъ—350% [3]). Во Франціи заработная плата рабочихъ мужчинъ на сахарныхъ заводахъ превышаетъ таковую же въ Россіи почти въ 4 раза, женщинъ въ 3 раза, и даже подростки получаютъ на 50% больше, чѣмъ наши взрослые рабочіе. Если даже пред-

[1]) Санит. усл. нанк. пром. въ егорьевск. уѣздѣ. „Общественно-санитарное обозр.", 1896 г., № 17, стр. 394—5.

[2]) Шмидтъ. Къ гигіенѣ рыбнаго пром. въ устьѣ р. Волги, стр. 170—1.

[3]) Дементьевъ, стр. 160—1.

положить, что жизненные продукты во Франціи вдвое дороже нашихъ, то и тогда разница въ платѣ будетъ очень велика [1]). Такую разницу въ заработкѣ можно объяснить лишь бо́льшими потребностями заграничныхъ рабочихъ, благодаря которымъ они больше затрачиваютъ на жилище и пищу и другія потребности.

Вполнѣ понятно, что скудный заработокъ русскихъ рабочихъ не даетъ имъ возможности устроить свою жизнь болѣе или менѣе сносно. Имъ приходится отказывать себѣ въ хорошей пищѣ и жилищѣ, и ютиться въ конурахъ, питаясь чѣмъ придется. Большинство нашихъ рабочихъ живетъ въ казармахъ или на вольныхъ квартирахъ, но въ томъ и другомъ случаѣ квартиры ихъ одинаково плохи и негигіеничны. Врачъ Покровская, изслѣдовавшая жилища рабочихъ петербургскихъ пригородныхъ слободъ, описываетъ ихъ весьма мрачными красками. „Общее впечатлѣніе отъ жилищъ рабочихъ петербургскихъ пригородовъ,—пишетъ она,—безотрадное: тѣснота, духота, грязь, нерѣдко полутемное или совершенно темное помѣщеніе,—вотъ господствующія условія этихъ жилищъ. Немощеные, грязные и вонючіе дворы встрѣчаются всюду. Отвратительное состояніе отхожихъ мѣстъ составляетъ общее правило“. Спанье на одной кровати вдвоемъ составляетъ общее правило; на 1.016 чел. было всего 465 кроватей. Въ одной комнатѣ помѣщалось отъ 1 до 22 человѣкъ, въ среднемъ—6,3 человѣка [2]).

Такую же неприглядную картину рабочихъ помѣщеній рисуетъ д-ръ Самецкій, изслѣдовавшій пригороды Петербурга: шлиссельбургскій, петергофскій и др. Его выводы имѣютъ тѣмъ больше значеніе, что въ этомъ районѣ живетъ громадное количество рабочихъ. Напримѣръ, шлиссельбургскій трактъ тянется на 9 верстъ, на немъ находятся 27 большихъ фабрикъ и заводовъ и полсотни мелкихъ, и живетъ до 50 тыс. рабочихъ; въ петергофскомъ участкѣ также живетъ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочаго люда. Осматривая квартиры рабочихъ, онъ нашелъ, что почти всѣ онѣ крайне переполнены и отличаются страшной грязью. Смрадъ и чадъ отъ кухни и чугунки, накаленной въ холодной комнатѣ, паръ отъ самоваровъ, отъ пищи, испаренія отъ развѣшаннаго бѣлья и пеленокъ; обильныя парныя испаренія дѣлаютъ воздухъ такимъ, что въ немъ „хоть топоръ вѣшай“. Отсутствіе хорошей воды, грязные дворы и от-

[1]) Святловскій, Фабр. раб., стр. 53.

[2]) Покровская. О жилищахъ рабочихъ петерб. пригородовъ. „Вѣстн. общ. гиг.“, 1896 г., 3 кн., стр. 221.

хожія мѣста—весьма обычное явленіе въ рабочихъ кварталахъ [1]).

Весьма также печально положеніе квартиръ рабочихъ въ Варшавѣ, о чемъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ данныя, собранныя спеціальнымъ изслѣдованіемъ. Изслѣдовано было 207 квартиръ, въ которыхъ жило 1.235 человѣкъ. Изъ нихъ почти 76% квартиръ состояло изъ одной комнаты, 11%—изъ трехъ комнатъ, а остальныя—представляли чердаки и подвалы. На одну комнату въ среднемъ приходилось 5,83 человѣка, т.-е. квартиры были переполнены, и такъ какъ 3/4 ихъ не имѣли вентиляціи, то воздухъ въ нихъ былъ крайне испорченъ. Больше всего воздуха (0,95 к. с.) приходилось на первый этажъ, меньше—на средніе и очень мало—на подвалы (0,54 к. с.) и чердаки (0,33 к. с.). Вообще квартиръ совершенно переполненныхъ было почти на половину.

Несмотря на плохія условія, эти квартиры обходятся рабочему не дешево. Такъ, 31% квартиръ стоили больше 6 рублей въ мѣсяцъ, т.-е. были недоступны бѣднымъ рабочимъ. Если сравнить стоимость квартиръ съ ихъ размѣромъ, то окажется, что 1 куб. сажень воздуха въ первомъ этажѣ стоитъ 23 р., въ среднемъ—18 руб., въ подвалахъ—22 руб. и на чердакахъ—32 рубля. Изслѣдованныя квартиры ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ квартиръ рабочихъ Варшавы, такъ что относительно всѣхъ ихъ можно сказать, что „квартиры на чердакахъ являются самыми дорогими“ [2]).

Стоимость петербургскихъ квартиръ можно точно также считать очень высокою сравнительно съ имѣющимися въ нихъ удобствами. Коммиссія, изслѣдовавшая эти квартиры, нашла, что рабочая семья за квартиру безъ дровъ платитъ 7 р.; за отдѣльную комнату—отъ 2 до 12 р.; за кровать—отъ 1 до 3 р., чаще всего — послѣднюю сумму. Рабочіе нерѣдко размѣщаются по-двое на кровать; плата за полкровати равняется 1—2 р., чаще—1 1/2 р.; кромѣ того, существуютъ еще мѣста на нарахъ и верстакахъ: за первыя берутъ 1 р. 35 к. въ мѣсяцъ, за вторыя—2 р. 50 к. Въ пригородахъ большинство рабочихъ занимаетъ половину кровати, платя за это въ среднемъ 2 р. 50 к. При такихъ цѣнахъ, самая плохая комната даетъ

---

[1]) Самецкій. Санит. очеркъ пригор. Петерб. „Вѣстн. общ. гиг.“, 1895 г., кн. 9, стр. 239—47.

[2]) Тхоржницкій. Жилища раб. въ Варшавѣ. „Обществ.-санит. обозр.“, 1896 г., № 7—8.

хозяину 16 руб. въ мѣсяцъ. Домовладѣльцы, сдающіе квартиры рабочимъ, получаютъ 20% чистой прибыли, тогда какъ обыкновенный доходъ съ домовъ не превышаетъ 5—6% [1]).

Рабочіе томашевскихъ суконныхъ фабрикъ въ большинствѣ живутъ въ однокомнатныхъ квартирахъ, причемъ на каждую комнату приходится отъ 4,1 до 5,9 человѣкъ, что̀, при отсутствіи вентиляціи, сильно портитъ воздухъ. Этотъ воздухъ мѣстный докторъ признаётъ однимъ изъ „главныхъ факторовъ, вредящихъ здоровью рабочихъ“ [2]).

Если состояніе вольныхъ квартиръ рабочихъ оставляетъ желать очень многаго, то весьма неважны и тѣ казармы, которыя нерѣдко устраиваются при большихъ заводахъ. Возьмемъ, напримѣръ, хлудовскую мануфактуру, устроенную по послѣднему слову санитаріи. Рабочіе помѣщаются въ трехъ большихъ каменныхъ казармахъ, съ 307 каморками, въ 13 большихъ деревянныхъ казармахъ, съ 16—32 каморками въ каждой, и въ нѣсколькихъ деревянныхъ мѐньшаго размѣра. Всего зданій 55, съ 697 каморками, въ которыхъ живетъ до 5 тыс. человѣкъ. Изъ этихъ каморокъ только въ 19-ти живутъ по 1 человѣку, въ остальныхъ отъ 2 до 10, въ 17 же—отъ 21 до 26 человѣкъ въ каждой. Чтобы показать, насколько хороши эти квартиры, опишемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Вотъ казарма № 7, въ которой 18 каморокъ, отдѣленныхъ одна отъ другой досчатыми перегородками, оклеенными бумагой, благодаря чему слышно все, что̀ дѣлается у сосѣдей. Въ каждой каморкѣ по одному окну; размѣръ ея $5^1/_2$ арш. длины, $3^1/_4$ ширины и $4^1/_4$ вышины. Въ одной изъ такихъ каморокъ живетъ мужъ, жена и шестеро дѣтей; очень тѣсно, грязно, душно, воздуха на каждаго приходится $^3/_8$ саж. Въ другой камерѣ, немного побольше первой, живутъ 6 человѣкъ взрослыхъ и 2 ребятъ. Въ нѣкоторыхъ каморкахъ живетъ нѣсколько семей, совершенно чужихъ. Такъ, въ одной камерѣ живетъ 8 семей и нѣсколько братьевъ съ взрослыми сестрами, всего 32 человѣка. Для всѣхъ ихъ имѣется только 8 коекъ, т.-е. на каждую приходится по 4 человѣка [3]).

Незавидно также и состояніе казармъ на кужевской стеклянной фабрикѣ. Въ нихъ жило до 50 семей, причемъ обыкновенно каждая изъ нихъ помѣщалась въ особой каморкѣ, отдѣленной перегородкой, не доходящей до потолка. Почти въ $^2/_3$ каморокъ на человѣка приходилось менѣе 1 куб. сажени воздуха;

[1]) „Русск. Вѣдом.“, 1897 г., № 125.

[2]) Стерлингъ. „Вѣстн. общ. гиг.“, 1895 г., кн. 12, стр. 285.

[3]) Жбанковъ. Санит. изслѣд. фабр. и завод. смоленской губ., стр. 328—30.

самыя помѣщенія были совершенно негодны для жилья, благодаря ветхости зданій. Кромѣ того, въ большинствѣ избъ была замѣчена сырость и слышались жалобы на холодъ, борьба съ которымъ посредствомъ желѣзныхъ печей оказывалась мало успѣшной [1]).

На свеклосахарныхъ заводахъ подольской губерніи для пришлыхъ рабочихъ вездѣ устроены казармы. Такихъ пришлыхъ рабочихъ на 33 заводахъ было 5.461 чел., или 37% всѣхъ рабочихъ. Казармы для нихъ находятся при самыхъ заводахъ и въ большинствѣ случаевъ каменныя двухъ-этажныя или одноэтажныя, съ 2—5 палатами для рабочихъ. Почти всѣ казармы устроены на наличное количество рабочихъ, и рабочіе двухъ смѣнъ не помѣщаются въ однѣхъ и тѣхъ же казармахъ. Тѣмъ не менѣе, по отчетамъ врачей видно, что только въ 14 казармахъ кубическое содержаніе воздуха отвѣчаетъ нормѣ; въ 11-ти оно меньше (отъ 0,3 до 0,9 к. с.); въ остальныхъ—отъ 1,1 до 1,4 к. саж. Что касается вентиляціи, то она вездѣ примитивная; благодаря этому, воздухъ загрязненъ и удушливъ, особенно тамъ, гдѣ хранится грязное бѣлье. Въ порчѣ воздуха играетъ роль и близкое сосѣдство выгребныхъ ямъ [2]).

Въ санитарномъ отношеніи эти квартиры ничѣмъ не отличаются отъ квартиръ рабочихъ сахарныхъ заводовъ харьковской губерніи и привислянскаго края. Святловскій, изслѣдовавшій ихъ, нашелъ въ нихъ страшную тѣсноту и неопрятность отъ сильной скученности живущихъ. Обыкновенно на 1 комнату приходилось отъ 5 до 8 человѣкъ и на каждаго человѣка менѣе половины нормальнаго количества воздуха. Во многихъ казармахъ суконныхъ фабрикъ черниговской губерніи помѣщенія настолько тѣсны, что мѣстъ на нарахъ хватаетъ только для одной смѣны, а смѣна, возвратившаяся съ работы, ложится на мѣста, еще влажныя отъ чужого пота [3]).

Если жилища фабричныхъ рабочихъ неудовлетворительны, то не лучше и жилища рабочихъ не-фабричныхъ. Ткачи нанки въ егорьевскомъ уѣздѣ, московской губерніи, живутъ въ обыкновенныхъ крестьянскихъ хатахъ, никогда не вентилирующихся и потому душныхъ. По крайней мѣрѣ, изслѣдователь, входя нѣсколько разъ ночью въ домъ ткачей, испытывалъ тошноту и головокруженіе. Избы эти освѣщаются маленькими окнами, а ночью—лампочками, коптящими и темными. Въ этихъ же избахъ происхо-

[1]) К. И. Шидловскій. Кужевская стеклянная фабрика. „Общ.-сан. обозр.“, 1896 г., 9—10, стр. 205.

[2]) Сулима, О состояніи мед.-сан. части на свеклосах. зав. подольской губ., стр. 8.

[3]) Святловскій. Фабр. раб., стр. 72—3.

дитъ тканье нанки, помѣщается новорожденный скотъ, такъ что воздухъ въ нихъ страшно испорченъ [1]).

Рабочіе на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ помѣщаются въ землянкахъ или шалашахъ. Неводные рабочіе, живя въ камышевыхъ шалашахъ, нисколько не защищены отъ стужи и непогоды. Послѣ дождя и половодья, почва въ камышевыхъ шалашахъ дѣлается сырой и рабочіе спятъ на сырой землѣ, покрытой слегка камышемъ. Для сушки бѣлья и отдыха, послѣ работы, никакихъ приспособленій не имѣется. Промысловые рабочіе помѣщаются, хотя и не всегда, въ деревянныхъ казармахъ, но крайне скученно, такъ какъ весною и осенью число рабочихъ увеличивается въ нѣсколько разъ. Поэтому очень часто и имъ приходится ютиться въ шалашахъ и терпѣть массу лишеній [2]).

Рабочіе на лѣсныхъ промыслахъ новгородской губерніи живутъ 4—6 мѣсяцевъ въ особо построенныхъ избушкахъ, причемъ на каждаго изъ нихъ приходится отъ $^1/_3$ до $^1/_8$ саж. воздуха. Для сохраненія тепла воздухъ совсѣмъ не освѣжается, и такъ какъ избушки курныя, то въ нихъ постоянно угарно. Но и такія избушки встрѣчаются не вездѣ, и въ тихвинскомъ уѣздѣ рабочіе нерѣдко спятъ въ шалашахъ. Въ нихъ всю ночь горитъ огонь, раскладываемый въ разныхъ мѣстахъ прямо на земляномъ полу. Рабочіе спятъ въ такихъ шалашахъ головой къ стѣнѣ, а ногами къ огню, снявъ обувь и окутавъ голову шубой, а туловище армякомъ. Иногда даже они проводятъ ночи подъ открытымъ небомъ около костра [3]).

Такое крайне неудовлетворительное санитарное положеніе квартиръ рабочихъ должно, конечно, вредно отражаться на ихъ здоровьѣ. По крайней мѣрѣ въ Варшавѣ, въ округахъ, отличающихся наибольшей концентраціей заводской промышленности и бѣдными жилищами рабочихъ, замѣчается и бо̀льшая смертность [4]).

Насколько вредна скученность живущихъ—показываютъ данныя г. Карози. Изъ нихъ видно, что средняя продолжительность жизни въ Буда-Пештѣ равна 35 годамъ и 5 мѣс. въ квартирахъ, гдѣ въ 1 комнатѣ живутъ двое; 33 годамъ и 1 мѣс.—тамъ, гдѣ живутъ 2—5 человѣкъ; 31 году и 11 мѣсяцамъ—тамъ, гдѣ

---

[1]) Сан. усл. нанк. пром. „Сан.-общ. обозр.“, 1896 г., № 17, стр. 395.

[2]) Арустамовъ, Очеркъ санит. сост. астр. рыбн. пр. „Вѣстн. общ. гиг.“, 1894 г., кн. 5, стр. 143—4.

[3]) Къ вопросу о сан. надз. за лѣсн. пр. новгор. губ. „Общ.-сан. обз.“, 1896 г., кн. 12, стр. 268.

[4]) Святловскій. Фабр. рабочій, стр. 74.

приходится отъ 6 до 10 чел. на 1 комнату, и 30 годамъ 6 мѣс.— тамъ, гдѣ приходится болѣе 10 человѣкъ на комнату. Для Берлина также доказано, что чѣмъ тѣснѣе живетъ населеніе, тѣмъ сильнѣе среди него смертность [1]). По даннымъ д-ра Русселя, сопоставившаго для 8 шотландскихъ городовъ цифру смертности съ цифрами жильцовъ на 1 комнату, выходитъ, что смертность увеличивается съ увеличеніемъ числа живущихъ. Д-ръ Литльтонъ показалъ, что смертность въ квартирахъ Эдинбурга обратно пропорціональна ихъ наемной платѣ [2]). У насъ въ Россіи данныхъ по этому вопросу очень мало, и онѣ не отличаются научною цѣнностью, почему мы и не будемъ приводить ихъ, а перейдемъ ко второму фактору—рабочему времени.

Относительно рабочаго времени на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и вліянія его на рабочихъ въ послѣднее время собрано достаточное количество данныхъ, какъ въ трудахъ разныхъ коммиссій, такъ и въ докладахъ бывшему торгово-промышленному съѣзду. Г-нъ Голгофскій въ своемъ докладѣ о рабочихъ хлопчатобумажной и льняной промышленности говоритъ, что „продолжительность рабочаго дня и въ особенности ночная работа дѣйствуютъ на организмъ рабочаго самымъ угнетающимъ и самымъ губительнымъ образомъ". На тѣхъ фабрикахъ, гдѣ существуетъ ночная работа, рабочее время распредѣляется обыкновенно такъ, что послѣ 6 часовъ работы слѣдуютъ 6 часовъ отдыха. Въ большинствѣ случаевъ работающіе съ 4 часовъ утра приходятъ домой въ $10^1/_2$ часовъ утра, пьютъ чай и обѣдаютъ, а затѣмъ въ $3^1/_2$ часа опять уходятъ на работу. Въ этотъ промежутокъ имъ почти не удается уснуть, благодаря шуму и какой-нибудь неотложной домашней работѣ, такъ что они идутъ на работу, не возстановивъ силъ. Въ результатѣ получается, что „большинство рабочихъ одну недѣлю спятъ, настоящимъ сномъ, 4 часа въ сутки, а другую—только урывками, случайно и не всегда" [3]).

Такіе же точно отзывы о работѣ на ткацкихъ фабрикахъ имѣются въ трудахъ коммиссіи по нормировкѣ рабочаго времени. Эти отзывы принадлежатъ главнымъ образомъ директорамъ фабрикъ, т.-е. людямъ не особенно пристрастнымъ къ рабочему. Такъ, Денисовъ сообщаетъ, что ткацкая фабрика при $12—13^1/_2$-

---

[1]) Святловскій. Фабричная работа съ санит. точки зрѣнія. „С. В.", 1891, кн. 4, стр. 202.

[2]) Святловскій. Фабр. рабочій, стр. 71—2.

[3]) Анненскій. Вопросы труда на торговопр. съѣздѣ, „Русск. Бог.", 96 г., 12, стр. 161.

часовомъ рабочемъ днѣ и $2\frac{1}{2}$ часахъ на обѣдъ, ходьбу и проч., оставляетъ для сна и другихъ потребностей 8—$11\frac{1}{2}$ часовъ, т.-е. рабочій почти не живетъ внѣ фабрики. Алянчиковъ заявляетъ, что даже 11-часовая работа можетъ считаться легкой только при небольшомъ разстояніи до квартиръ. Двѣнадцати-же-часовой день „утомляетъ даже въ томъ случаѣ, если трудъ происходитъ при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ" [1]).

Что касается рабочаго времени на тѣхъ фабрикахъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія, то оно также весьма велико. На томашевскихъ суконныхъ фабрикахъ обыкновенно работаютъ $14\frac{1}{2}$ часовъ, считая въ томъ числѣ 1 часъ на обѣдъ; ткачи работаютъ 12 часовъ, прядильщики—13—17 часовъ, рабочіе по аппретурѣ—17 часовъ въ сутки. При этомъ для взрослыхъ мужчинъ существуетъ ночная работа; для женщинъ и малолѣтнихъ ея нѣтъ [2]). Если сравнить продолжительность рабочаго дня на этихъ фабрикахъ съ продолжительностью рабочаго дня на суконныхъ фабрикахъ въ Англіи, то окажется, что на первыхъ она значительно больше, чѣмъ на вторыхъ. По англійскимъ законамъ максимальная продолжительность рабочаго дня равняется для женщинъ и подростковъ 10 часамъ въ день, за исключеніемъ субботы, когда она не превышаетъ $6\frac{1}{2}$ часовъ. Однако, нѣкоторые фабриканты стараются удлиннить рабочій день, прибѣгая для этого къ разнаго рода уловкамъ. Напримѣръ, работа начинается на нѣсколько минутъ раньше, а кончается на нѣсколько минутъ позже назначеннаго времени; благодаря этому, въ недѣлю получается $1\frac{1}{2}$—2 часа лишней работы. Иногда же фабриканты прямо увеличиваютъ число рабочихъ часовъ, заставляя работать днемъ и ночью [3]).

У насъ такія прижимки тоже нерѣдки, хотя нашъ рабочій день и безъ того достаточно великъ. Такъ, на ткацкой фабрикѣ Хлудова въ прядильномъ отдѣленіи существуетъ три смѣны: 24-часовая, 18-часовая и 16-часовая. При 24-часовой смѣнѣ мужчины, женщины работаютъ слѣдующимъ образомъ: женщины работаютъ съ 5 до 11 утра, затѣмъ, съ 11-ти до 3 час. дня—мужчины, съ 3 до 9 ч. вечера—опять женщины, и съ 9 вечера до 5 утра—мужчины. Такимъ образомъ, мужчины и женщины работаютъ въ сутки 12 часовъ. Въ 18-часовой смѣнѣ женщины и подростки работаютъ по 9 часовъ; въ 16-часовой

---

1) Тимковскій. Новые мат. по вопр. о нар. раб. вр. „Русск. Бог.", 1896 г., 12, стр. 6.

2) Стерлингъ. „Вѣстн. общ. гиг.", 1895, 12.

3) Никольскій. Санит. очеркъ по обраб. волокн. вещ. въ Англіи, „Медиц. Бесѣда", 1896 г., № 1.

малолѣтніе по 8 часовъ. Въ ткацкой работа идетъ непрерывно съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера, т.-е. 15 часовъ, причемъ на обѣдъ дается $1^1/_2$ часа, такъ что ткачи работаютъ $13^1/_2$ часовъ. Утренній и вечерній чай рабочіе пьютъ въ мастерскихъ, причемъ работа не прекращается. Ночная работа въ ткацкой продолжается съ 10 вечера до 4 ч. утра, т.-е. 6 часовъ; въ ней участвуютъ только мужчины, смѣняясь по-недѣльно; ночная смѣна дѣлается дневной и обратно. Всего въ году работаютъ 270 дней, хотя рабочіе обязаны работать и въ праздники, получая за это полуторную плату [1]).

Такой длинный день особенно вредно отражается на здоровьѣ рабочихъ этой фабрики, такъ какъ они проводятъ его въ крайне пыльныхъ мастерскихъ. Наприм., по словамъ г. Жбанкова, въ трепальнѣ „очень пыльно, хотя всѣ трепальныя машины покрыты кожухами,—одежда рабочихъ (тѣмъ не менѣе) покрыта всегда хлопчато-бумажной пылью. Въ корридорѣ, гдѣ стоитъ волкъ-машина, воздухъ еще болѣе пыльный, да кромѣ того тамъ постоянный сквознякъ“. Въ чесальной „жарко, пыльно и шумно отъ машинъ“. Въ прядильной также „душно, пыльно и грязно“. Во всѣхъ мастерскихъ очень высокая температура, доходящая до 27° R., а въ нѣкоторыхъ бываетъ не ниже 20 и 22°. Поэтому рабочіе всегда въ поту, а находящіеся въ движеніи „буквально обливаются потомъ“. Несмотря на прикрытіе машинъ, механическую вентиляцію и форточки, увлажненіе, воздухъ въ мастерскихъ представляется загрязненнымъ громадной массой хлопчато-бумажныхъ волоконъ и пыли, въ томъ числѣ наждачной и металлической, обильными испареніями потныхъ рабочихъ и запахомъ газа. Какая масса пыли носится въ мастерскихъ, доказывается хотя бы тѣмъ, что особые подметальщики не успѣваютъ ее собирать и подметать [2]). Вся эта пыль вдыхается рабочими и страшно вредитъ ихъ здоровью, о чемъ мы подробно будемъ говорить дальше.

Насколько продолжительная работа утомляетъ организмъ, показываетъ примѣръ малолѣтнихъ, посѣщающихъ школу. Первая смѣна, проработавъ съ 5 до 9 ч. утра, черезъ полчаса должна быть въ школѣ и заниматься до $12^1/_4$ дня. Къ часу дня она должна быть уже на фабрикѣ и работать тамъ до 5 часовъ вечера. Вторая смѣна работаетъ съ 9 до часу дня, затѣмъ черезъ полчаса идетъ въ школу и учится до $4^1/_4$ дня, а съ 5

---

[1]) Жбанковъ. Санит. изслѣд., стр. 317.

[2]) Ibid., стр. 315.

до 9 ч. вечера работаетъ на фабрикѣ. Такимъ образомъ, малолѣтніе рабочіе, обучающіеся въ школѣ (обученіе обязательное), въ дѣйствительности работаютъ 12 часовъ, едва успѣвая поѣсть. Понятно, что толку отъ такого ученья не получается и ученики въ классѣ нерѣдко спятъ.

На свеклосахарныхъ заводахъ принятъ 12-часовой рабочій день для каждой смѣны, такъ что одна изъ нихъ работаетъ съ 12 часовъ дня до 12 ночи, другая—съ 12 ч. ночи до 12 ч. дня. Никакихъ перерывовъ въ работѣ не бываетъ и она не прекращается даже въ воскресные и праздничные дни [1]). Приблизительно такія же данныя о длинѣ рабочаго дня приводитъ г. Святловскій для сахарныхъ заводовъ привислянскаго края и харьковскаго округа (стр. 39—40). На писчебумажныхъ фабрикахъ работа ведется и днемъ и ночью, причемъ каждая смѣна работаетъ по 12 часовъ. Воскресный и праздничный отдыхъ имѣютъ постоянно только дневные рабочіе, смѣнные же свободны лишь 27—30 дней въ году. Въ воскресенье они на работѣ, и притомъ одну недѣлю работаютъ по 18 часовъ въ сутки, а другую по 6 часовъ. Обыкновенно имъ даже обѣдъ и завтракъ приносятъ на фабрику. Оставаясь безвыходно по 12 час. въ сутки на фабрикѣ, работая половину года въ ночное время и часто въ неблагопріятныхъ условіяхъ, такой рабочій, конечно, не можетъ отличаться крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и долговѣчностью [2]).

Сравнивая рабочій день у насъ и за границей получаемъ, что тамъ онъ гораздо короче. Главный фабричный инспекторъ Я. Т. Михайловскій доказалъ, что на 74% всѣхъ русскихъ фабрикъ работа начинается съ 5 ч. утра и кончается въ 9 ч. вечера, но на нѣкоторыхъ работаютъ 18 часовъ. Вообще фабричныя заведенія съ 12-часовымъ днемъ составляютъ 36,8% изъ общаго ихъ числа, съ 11-часовымъ 20,8%, съ 10-часовымъ 18,1%, съ 9 час. 2,1%, съ 8-часовымъ 1,6%, съ 7-часовымъ 0,4% и съ 6-часовымъ 0,2%. Двѣнадцати-часовая работа практикуется на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ рабочій день равняется 13½ часамъ, т.-е. 1½ часа дается на ѣду [3]). Между тѣмъ въ Массачузеттѣ число фабрикъ съ рабочимъ днемъ менѣе 10 часовъ составляетъ 17% (у насъ 4,3%), съ 10-часовой работой ⁴/₅ всѣхъ фабрикъ (у насъ 18,1%), наконецъ, 99% массачузетскихъ фабрикъ работаетъ меньше 12 часовъ и только 1%—12 часовъ,

[1]) Евтушевскій. Докладъ: О трудѣ женщ. и подрост. на свеклос. заводахъ, стр. 5.

[2]) Анненскій. Вопросы труда. „Русск. Бог.“, 1896, 10 к., стр. 111—12.

[3]) Михайловскій. Зараб. плата и продолж. раб. врем. на фабр. и заводахъ, стр. 38.

тогда какъ въ Россіи менѣе 12 часовъ работаютъ всего 14,6%, а остальные—12-ть и больше.

Понятно, что если на фабрикахъ, подчиненныхъ наблюденію фабричныхъ инспекторовъ, встрѣчается такой длинный рабочій день, то въ кустарныхъ и другихъ промыслахъ онъ еще больше. Напримѣръ, у ткачей нанки рабочій день неограниченъ; по зимамъ они спятъ всего 3—4 часа въ сутки. Иногда же такая работа продолжается круглый годъ [1]). Въ валяльномъ и щетинномъ производствѣ работаютъ 13—14 часовъ, начиная работу въ 6 часовъ утра и кончая въ 9—10 вечера [2]). На астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ работа продолжается отъ 10 до 15 час., причемъ неводные рабочіе, одѣтые въ тяжелую кожаную одежду, все время бредутъ по водѣ. Мало заботясь о рабочемъ, промышленники въ то время, когда рыба ловится плохо, заставляютъ рабочихъ дожидаться лучшаго улова, такъ что послѣдніе не знаютъ даже, когда имъ придется отдохнуть. Г-нъ Шмидтъ, изслѣдовавшій промыслы, пришелъ къ заключенію, что такая „непрерывная эксплоатація силы неводнаго рабочаго гораздо утомительнѣе фабричной работы" [3]). Если нѣтъ недостатка въ предложеніи такого труда, говоритъ онъ, то „велика должна быть нужда, заставляющая человѣка уподобляться въ этой работѣ животному, превращаться въ каторжника, весь грѣхъ котораго въ томъ, что онъ не имѣетъ дома достаточно хлѣба" (стр. 116). Если трудъ неводныхъ рабочихъ изнуряетъ ихъ интенсивностью, то трудъ плотовыхъ—продолжительностью. Большая часть рабочихъ здѣсь—женщины, обязанныя нанизать въ день 5 тыс. рыбъ. За лишнее количество полагается особая плата, и вотъ за ней-то и гонятся многія работницы, тѣмъ болѣе, что эти деньги поступаютъ въ ихъ полное распоряженіе. Конечно, добываніе этихъ грошей ведетъ къ крайнему переутомленію и страшному напряженію силъ. При рѣзкѣ рыбы работаютъ обыкновенно 10—15 часовъ въ день, но, по договору, рабочіе обязаны производить всѣ работы, требуемыя хозяиномъ, и имъ приходится еще очищать плоты и чаны для рыбы.

Едва ли нужно еще говорить о вредѣ, наносимомъ здоровью рабочихъ черезчуръ продолжительной работой и доказывать необходимость ея сокращенія до нормальнаго предѣла. Въ послѣднее время этотъ вопросъ достаточно трактовался нашей пе-

---

[1]) Гаузнеръ. „Общ.-сан. об.", 1896, 17, стр. 395.

[2]) Святловскій. Валяльное произв. „Вѣстн. общ. гиг.", 1895, 1 кн., стр. 13.

[3]) Шмидтъ. Къ гигіенѣ рыб. пром., стр. 221 и 239.

чатью, и потому приведемъ лишь слѣдующія слова старшаго санитарнаго врача московской губерніи, А. В. Погожева: „Не станемъ, конечно, отрицать громаднаго продуктивнаго значенія устройства мастерскихъ и жилыхъ помѣщеній для рабочихъ и т. д., тѣмъ не менѣе нельзя не присоединиться къ послѣднему слову промышленной гигіены, что главнѣйшимъ залогомъ успѣховъ промышленности въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи служитъ нормировка рабочаго дня“ [1]). Масса отзывовъ директоровъ фабрикъ и другихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ фабриками и заводами, вполнѣ доказали возможность такой нормировки рабочаго времени и уменьшенія его до 8 часовъ. Теперь лишь необходимо воспользоваться имѣющимся опытомъ и посредствомъ закона опредѣлить нормальный рабочій день. При этомъ, конечно, необходимо устроить болѣе правильный надзоръ за его примѣненіемъ, т.-е. улучшить фабричную инспекцію, увеличивъ число инспекторовъ и избавивъ ихъ отъ отнимающей массу времени канцелярской переписки. Безъ этого самый прекрасный законъ останется мертвой буквой, и интересы рабочихъ по прежнему не будутъ ограждены.

II.

Разсмотрѣвъ общія условія жизни рабочихъ, перейдемъ къ вопросу о томъ вліяніи, которое оказываетъ работа на ихъ здоровье. Слишкомъ длинный рабочій день, помимо общаго переутомленія, особенно вреденъ для рабочихъ, благодаря крайне ненормальнымъ условіямъ, въ которыхъ имъ приходится работать. Еще Фрейсине́ сказалъ, что на свѣтѣ не существуетъ здоровой фабричной работы, но во всякомъ случаѣ есть болѣе вредныя и менѣе вредныя производства, и кромѣ того вредъ отъ нихъ можетъ быть если не уничтоженъ, то значительно уменьшенъ. Техника и санитарія достаточно уже изслѣдовали какъ вредъ разныхъ работъ, такъ и средства огражденія рабочихъ. Въ этомъ отношеніи западная Европа обладаетъ большимъ опытомъ, хотя на практикѣ многія постановленія продолжаютъ нарушаться. У насъ огражденіе рабочихъ отъ вреднаго вліянія производствъ поставлено крайне плохо, и только въ послѣднее время замѣчаются кое-какія попытки къ улучшенію. А между тѣмъ санитарныя условія на нашихъ фабрикахъ и заводахъ на-

[1]) Тимковскій. „Русск. Бог.“, 1896, 12, стр. 7.

столько неудовлетворительны и даже прямо вопіющи, что нужно возможно скорѣе принять мѣры къ ихъ упорядоченію. Наши фабриканты какъ бы нарочно игнорируютъ всѣ указанія санитаріи и закона и дѣлаютъ то, что имъ вздумается, особенно въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ надзора фабричной инспекціи. И это вполнѣ понятно, такъ какъ до сихъ поръ у насъ нѣтъ ясно выработанныхъ правилъ объ устройствѣ промышленныхъ заведеній, а издаваемыя обязательныя постановленія фабричныхъ присутствій, земскихъ и городскихъ учрежденій—далеко не всегда исполняются.

Большинство нашихъ фабричныхъ заведеній, обработывающихъ волокнистыя вещества, по своему устройству ничѣмъ не отличаются отъ описанной выше ткацкой фабрики Хлудова. Помѣщенія въ нихъ тѣсны, наполнены пылью и вредными испареніями и не имѣютъ хорошей вентиляціи. При этомъ, въ ткацкой стоитъ такой адскій шумъ, какъ будто бы бѣгутъ сразу нѣсколько поѣздовъ. Этотъ шумъ вызываетъ глухоту у большинства ткачей, а также головокруженія и головныя боли. При опросѣ рабочихъ хлудовской фабрики оказалось, что 26 человѣкъ могли слышать только самый громкій разговоръ, а двое совсѣмъ оглохли.

На томашевскихъ суконныхъ фабрикахъ условія труда особенно вредно отзываются на здоровьѣ женщинъ. Всего на фабрикахъ работаетъ 2.546 чел., изъ нихъ 1.254 мужчинъ, 1.009 женщинъ, 263 подростка и 20 дѣтей. Самое производство суконъ раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, причемъ каждое изъ нихъ имѣетъ свои недостатки, хотя главнымъ образомъ преобладаетъ пылевая атмосфера и неудобное положеніе тѣла. Такъ, сортировка шерсти происходитъ при постоянно согнутомъ, сидячемъ положеніи, однообразномъ движеніи мышцъ и въ пыльной атмосферѣ; при пряжѣ и тканьѣ, ворсованіи и стрижкѣ также въ обильномъ количествѣ вдыхается пыль, а при окрашиваніи—и вредныя краски. Мойка шерсти ведетъ къ раздраженію слизистой оболочки, малокровію отъ влажнаго воздуха и склонности къ простудѣ. „Мы вынуждены признать,—говоритъ изслѣдователь этихъ фабрикъ,—воздухъ фабричныхъ помѣщеній г. Токмакова главнымъ факторомъ, вредящимъ здоровью рабочихъ“ [1]).

Вредный воздухъ и другія условія работы должны сильнѣе отражаться на здоровьѣ рабочихъ еще потому, что многіе изъ

---

[1]) Стерлингъ. „В. общ. гиг.“, 1895, 12, стр. 285.

нихъ работаютъ уже очень давно. Такъ изъ мужчинъ 3,3% начали работать съ 7 лѣтъ; 10% съ 8 лѣтъ; 8,8% съ 9 л.; 11,8% съ 10 лѣтъ; 10,8% съ 11-ти; 13,1% съ 12-ти; 12,1% съ 13-ти; 6,1% съ 14-ти; 4,8% съ 15-ти; 3,4% съ 16-ти; 1,7% съ 17-ти; 2,4% съ 18-ти; 1,2% съ 19-ти; 2,6% съ 20-ти, и 7,9% старше 20 лѣтъ. Слѣдовательно, малолѣтними начали работать 76%; подростками 9,9%, и взрослыми 14,1%. Изъ женщинъ 4,9% начали работать съ 7 лѣтъ; 6,7% съ 8 л.; 5,8% съ 9-ти; 5,4% съ 10-ти; 4% съ 11-ти; 5,4% съ 12-ти; 8,8% съ 13-ти; 4,9% съ 14-ти; 8% съ 15-ти; 5,8% съ 16-ти; 9% съ 17-ти; 8% съ 18-ти; 7,5% съ 19-ти; 6,2% съ 20-ти, и 8,4% съ 21 и старше. Значитъ, малолѣтними стали работать 44,2%; подростками 25,7%, и взрослыми 30,1%, причемъ отъ 3 до 5 лѣтъ пробыло на фабрикѣ 6%; отъ 5 до 10 лѣтъ—51%; отъ 10 до 15 лѣтъ—22%; отъ 15 до 20 л. —8%, и отъ 20 до 30 лѣтъ 13% женщинъ. Понятно, что при такой продолжительной работѣ вышеуказанныя вредныя условія производства порождаютъ среди рабочихъ массу болѣзней.

Изъ болѣзней, вызываемыхъ пылью, встрѣчается эмфизема легкихъ, воспаленіе слизистой оболочки, катарры носа и горла, воспаленіе глазъ и чахотка, уносящая не мало жертвъ. Высокая температура, насыщенная парами воды, и плохое питаніе вызываютъ малокровіе, ревматизмъ, пороки сердца; страшный шумъ и грязь — неврастеніи. Работающіе на волкъ-машинѣ страдаютъ экземой на бедрахъ и голеняхъ, такъ какъ жиръ, которымъ они пропитываютъ шерсть, проникаетъ сквозь одежду до кожи; ткачи отъ постояннаго движенія рукой получаютъ особую болѣзнь мышцъ предплечья (tendo vagenitis).

Вліяніе фабрики вызываетъ не только спеціальныя заболѣванія, но и вообще сокращаетъ жизнь рабочихъ и ведетъ къ вырожденію. Такъ, сравненіе размѣровъ груди томашевскихъ суконщиковъ съ размѣрами груди московскихъ, петербургскихъ рабочихъ и мясниковъ дали слѣдующіе результаты:

	Томашев.	Петерб.	Московск.	Мясники:
Въ 20 лѣтъ . .	82	83,1	84,5	85
„ 30 „ . . .	87,1	87,4	87,8	91,3
„ 40—45 „ . . .	87,7	87,5	88,9	92,5
„ 51—60 „ . . .	87,4	88,8	88,7	94,5

Такимъ образомъ, томашевскіе суконщики по размѣрамъ груди стоятъ даже ниже петербургскихъ сигарочниковъ, не говоря уже о мясникахъ. При этомъ надо замѣтить, что подобное вырожденіе должно увеличиваться, потому что дѣти фабричныхъ уже

гораздо слабѣе дѣтей крестьянъ. Было, напримѣръ, замѣчено, что мужчины, происходившіе отъ рабочихъ, гораздо хуже развиты, чѣмъ дѣти ремесленниковъ, чернорабочихъ и крестьянъ [1]). Происходитъ это, конечно, отъ плохого питанія и рано начатой работы. Такъ какъ среди мужчинъ и женщинъ число работающихъ болѣе 10 лѣтъ составляетъ почти половину, то вліяніе фабрики успѣло уже отразиться на нихъ и передалось дѣтямъ, среди которыхъ отъ 44 до 76% начинаютъ работать при неокрѣпшемъ еще организмѣ. Ждать отъ нихъ правильнаго развитія, конечно, не приходится.

Если сравнить положеніе томашевскихъ суконщиковъ съ положеніемъ англійскихъ, то окажется, что и послѣднимъ живется не легко, хотя въ послѣднее время ихъ положеніе значительно улучшилось. На шерстяныхъ фабрикахъ въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ условія работы крайне негигіеничны: работа трепальщиковъ нездорова и грязна, чесальщики вдыхаютъ пыль. У сортировщиковъ даже существуетъ особая профессіональная болѣзнь, которой они заражаются отъ нѣкоторыхъ сортовъ шерсти; смертность отъ нея весьма значительна. На джутовыхъ и льняныхъ фабрикахъ Шотландіи, самыхъ вредныхъ изъ производствъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, очень часто жалуются на отсутствіе вентиляціи и высокую или низкую температуру. Послѣдняя бываетъ зимой, когда, по небрежности или изъ экономіи, не пускаютъ пара въ нагрѣвательныя трубы, такъ что часто „бываетъ ледяной холодъ". Рабочіе на нарахъ страдаютъ отъ пыли и высокой температуры; молодыя женщины, работающія на ватерахъ, нерѣдко даже падаютъ въ обморокъ. Особенно вредно дѣйствуетъ на здоровье такъ называемое увлажненіе воздуха въ ткацкихъ посредствомъ пара, дѣлаемое для укрѣпленія пряжи. Паръ нагрѣваетъ воздухъ до 90—95° Ф. и пропитываетъ его влагою, которая осѣдаетъ на одежду рабочихъ, и когда они ее надѣваютъ и выходятъ на воздухъ, то очень часто простужаются. Между ткачами, особенно въ возрастѣ 15—25 лѣтъ, многіе умерли отъ чахотки, воспаленія легкихъ и т. п. [2])

Надо вообще замѣтить, что въ производствахъ, сопровождаемыхъ выдѣленіемъ пыли, грудныя заболѣванія встрѣчаются у рабочихъ чаще другихъ. Такъ, среди тряпичниковъ одной писчебумажной фабрики въ Петербургѣ 1 больной дыхательными органами приходится на 4,3 чел., а у остальныхъ рабочихъ—на

---

[1]) Ibid., стр. 290.

[2]) Никольскій. Санит. очеркъ, „Мед. Бес.", 1896, I.

7 человѣкъ. Авторъ почему-то старается скрыть этотъ фактъ, но данныя прямо подтверждаютъ его и даже показываютъ, что больныхъ легкими среди рабочихъ было больше, чѣмъ среди горожанъ. Точно также много было больныхъ глазами, что̀ объясняется массой тряпичной пыли [1]). На гусевской фабрикѣ въ прядильной рабочіе болѣютъ въ три раза меньше, чѣмъ въ трепальной, на ватерахъ—въ два раза, на кардъ-машинахъ—въ $2^1/_2$ раза. Это явленіе вполнѣ будетъ понятно, если вспомнить, что воздухъ въ трепальной наполненъ легкой пылью, отдѣляющейся при трепаніи. Вся эта пыль при дыханіи попадаетъ въ легкія и раздражаетъ слизистую оболочку и глаза. Поэтому, помимо обычныхъ заболѣваній, среди трепальщиковъ, а также прядильщиковъ и ткачей, особенно часто замѣчаются болѣзни кожи, грудныя и глазныя [2]). На жирардовскихъ мануфактурахъ, сравнительно хорошо обставленныхъ, общій видъ рабочихъ неважный: они блѣдны, худы, съ вялой мускулатурой; здоровые субъекты—исключеніе; особенно плохи дѣти. Что касается отдѣльныхъ видовъ заболѣваній, то болѣе $^1/_3$ составляютъ болѣзни органовъ дыханія; $^1/_4$—страданія органовъ пищеваренія, что̀ тѣсно связано съ низкой заработной платой и, какъ слѣдствіемъ, плохимъ питаніемъ; затѣмъ идутъ (11%) заразныя болѣзни, въ томъ числѣ чахотка. По мнѣнію Лайэ, главнѣйшими причинами развитія легочной чахотки въ прядильной являются ранняя и продолжительная работа малолѣтнихъ, неудобное положеніе тѣла, утомленіе отъ однообразныхъ движеній и плохія жилища. У ткачей чахотка является какъ бы профессіональной болѣзнью. Г-нъ Песковъ нашелъ, что они по размѣрамъ груди обыкновенно не годны къ военной службѣ, а г. Эрисманъ замѣтилъ, что у большинства ткачей лѣвая сторона груди развита лучше правой [3]).

Между прочимъ, такія же почти заболѣванія наблюдались у егорьевскихъ ручныхъ ткачей нанки. Изъ осмотрѣнныхъ врачомъ почти двухъ тысячъ рабочихъ, имѣвшіе отъ 12 до 15 лѣтъ составляли 4%; отъ 16 до 20 лѣтъ—11%; отъ 21 до 25 лѣтъ—13%, и старше 25 лѣтъ—72%; причемъ женщинъ было почти вдвое больше мужчинъ. Оказалось, что среди этихъ ткачей всего больше было больныхъ дыхательными органами. Это объясняется исключительно тѣмъ, что ткачамъ приходится дышать воздухомъ, наполненнымъ массой пыли и хлопчато-бумажныхъ

---

[1]) Фреймертъ. Къ вопросу о заб. рабоч. на писчеб. фаб., „Вѣстн. общ. г.“, 1892, 2 кн., стр. 500—6.

[2]) Отчетъ о гусевской больницѣ. „Труды VIII съѣзда владим. врачей“, стр. 10.

[3]) Святловскій. Фабр. рабочій, стр. 212—15.

волоконъ, отлетающихъ отъ пряжи. Продолжительное сидѣнье за станомъ и плохое питаніе вызвали значительное число заболѣваній катаррами и геморроемъ. Болѣзни нервныя, а между ними головныя, настолько распространены, что почти нѣтъ ткачей, не страдающихъ ими. Происходитъ это отъ постояннаго стука въ небольшомъ помѣщеніи (обыкновенная изба) и страшной жары и духоты. Напряженная работа при слабомъ свѣтѣ маленькой керосиновой лампочки очень вредно отражается на зрѣніи ткачей. Особенно жалуются они на усталость глазъ, когда имѣютъ дѣло съ синей кубовой нанкой.

Къ числу чисто-профессіональныхъ болѣзней этихъ ткачей надо отнести болѣзни ногъ, которыя къ веснѣ настолько усиливаются, что рабочіе едва ходятъ. Вызывается эта болѣзнь тѣмъ, что ткачамъ все время приходится приводить станокъ въ движеніе ногами, которыя въ концѣ концовъ страшно устаютъ. Кромѣ того, у ткачей замѣчается правостороннее искривленіе позвоночника. Оно настолько часто, что изъ 10 случаевъ осмотра 6 разъ наблюдается если не ясно выраженный сколіозъ, то болѣе низкое положеніе правой лопатки по сравненію съ лѣвой. Объясняется это тѣмъ, что за работу садятся съ 12—13 лѣтъ, когда кости еще неспособны сильно сопротивляться работѣ. При плохомъ же сидѣніи постоянное движеніе правой рукой можетъ быть выполнено не иначе какъ при боковомъ искривленіи позвоночника и приподнятомъ правомъ плечѣ. Постоянное же упираніе грудью въ валъ приводитъ къ вдавливанію нижней части грудины. У беременныхъ женщинъ такое надавливаніе ведетъ къ выкидышамъ и другимъ женскимъ болѣзнямъ. Для устраненія этого надавливанія ножки стана и сидѣнье опускаются; отъ этого работа дѣлается хотя безопаснѣе, но утомительнѣе. Поэтому болѣе состоятельныя оставляютъ работу за нѣсколько мѣсяцевъ до родовъ, а бѣдныя „родятъ изъ-за стану“ [1]). Такія ненормальныя условія особенно вредно отражаются на здоровьѣ женщинъ и дѣтей. Напримѣръ, Гирдъ показалъ, что изъ грудныхъ дѣтей, матери которыхъ работали на фабрикахъ Дольфуса въ Мюльгаузенѣ, умирало прежде на первомъ году 38—39%, но когда работницамъ позволено было оставаться дома три недѣли до и послѣ родовъ, то смертность пала на 25%). По словамъ д-ра Татама, въ то время какъ для 28 большихъ англійскихъ городовъ средняя смертность дѣтей (до

---

[1]) Гаузнеръ. Санит. усл. нанковаго пр., „Сан.-общ. обозр.“, 1896, 17, стр. 396.
[2]) Эрисманъ. Промышл. гигіена, стр. 839.

1 года) за 9 лѣтъ равна 162 на тысячу, для нѣкоторыхъ фабричныхъ округовъ она равнялась: Престона — 220; Блакбурна—191, Манчестера—171 и т. п. Если сравнить эту смертность со смертностью остальныхъ жителей, то она окажется еще выше. Причина этого заключается въ плохомъ питаніи и невозможномъ уходѣ за дѣтьми, матери которыхъ работаютъ на фабрикѣ. По даннымъ извѣстнаго ученаго Форра [1]), смертность новорожденныхъ въ Лондонѣ равняется 6,1%; въ фабричныхъ работахъ—13,8%, т.-е. она болѣе, чѣмъ вдвое. Для всей Англіи средняя смертность была равна въ 1861—65 году 11,2; въ періодъ 1886—90 года, она поднялась до 16, и главной причиной этого Форръ считаетъ увеличеніе числа рабочихъ женщинъ. Въ Бельгіи смертность фабричныхъ дѣтей постоянно ростетъ, тогда какъ общая смертность понижается; замѣчалось также, что во время забастовокъ дѣтская смертность падала.

Весьма любопытныя данныя о вліяніи женскаго фабричнаго труда приводитъ д-ръ Рейдъ по городу Стаффорду. Городъ дѣлится на двѣ части. Въ одной изъ нихъ сосредоточено исключительно фарфоровое, фаянсовое и горшечное производства, въ которыхъ преимущественно работаютъ женщины; въ другой находятся главнымъ образомъ металлургическіе заводы, на которыхъ работаютъ только мужчины. Опредѣляя смертность дѣтей въ обѣихъ частяхъ города, Рейдъ нашелъ, что тамъ, гдѣ женщины рѣже отлучались изъ дома и болѣе находились съ дѣтьми, средняя смертность между грудными дѣтьми составляла 152 на тысячу; въ другой части, гдѣ женщины работали на фабрикахъ, смертность дѣтей равнялась 195 на тысячу. Производя дальнѣйшія наблюденія, Рейдъ нашелъ, что то же самое явленіе наблюдается во всѣхъ фабричныхъ центрахъ, гдѣ существуетъ женскій трудъ. Такъ, въ городахъ, гдѣ есть 15% фабричныхъ женщинъ, процентъ смертности даетъ 175 на тысячу, въ городахъ, гдѣ ихъ 10%, смертность дѣтей равна 154 на тысячу [2]).

Пагубное вліяніе работы матерей отражается и на болѣе взрослыхъ дѣтяхъ. „Лишенныя присмотра,—говоритъ экспертъ Гольмсъ,—дѣти плохо посѣщаютъ школу и вообще дѣлу ихъ воспитанія наносится неизмѣримый вредъ“. „Я считаю позоромъ для человѣчества,—говорилъ одинъ свидѣтель коммиссіи, изслѣдовавшей положеніе рабочаго класса въ Англіи,—чтобы за-

[1]) „Вѣстн. общ. гиг.“, 1895, кн. VI.

[2]) „Волжскій Вѣстникъ“, 1892, № 219.

мужнія женщины вынимали по утрамъ своихъ дѣтей изъ кровати, завертывали ихъ и уносили, быть можетъ за полмили, во всякую погоду къ нянькѣ, а сами шли на фабрику и въ концѣ концовъ занимали мѣста мужчинъ и выбрасывали ихъ на улицу. Мое мнѣніе относительно работъ замужнихъ женщинъ таково, что онѣ должны оставаться дома и смотрѣть за дѣтьми; дѣти были бы гораздо крѣпче, здоровѣе и было бы меньше калѣкъ" [1]).

Чтобы покончить съ производствами, при которыхъ выдѣляется пыль, разсмотримъ еще цементное, валяльно-войлочное и стекольное производства. Данныя о заболѣваемости рабочихъ на крупномъ цементномъ заводѣ г. Подольска, московской губерніи, обнимаютъ періодъ въ пять лѣтъ, что даетъ полное право довѣрять тѣмъ выводамъ, которые дѣлаетъ изслѣдователь. Всего рабочихъ на этомъ заводѣ было 600 человѣкъ, въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ; все люди крѣпкіе и здоровые, выбираемые передъ поступленіемъ врачомъ, такъ какъ работа требуетъ значительной силы и крѣпкаго здоровья. Большинство изъ нихъ ежегодно мѣняется, и только незначительная часть работаетъ на заводѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Всего за пять лѣтъ было зарегистровано болѣе 10 тыс. заболѣваній, такъ что въ среднемъ каждый рабочій болѣлъ 3,3 раза въ годъ. Заболѣванія распредѣлялись такимъ образомъ: первое мѣсто занимали заболѣванія дыхательныхъ путей; второе—воспаленіе подкожной клѣтчатки, третье—раны; затѣмъ—болѣзни пищевыхъ органовъ, мышечный ревматизмъ и т. д.

Страданія дыхательныхъ путей, главнымъ образомъ въ видѣ катарровъ гортани, трахей и бронховъ, составляютъ, по мнѣнію врача, профессіональную болѣзнь рабочихъ цементнаго завода и зависятъ отъ попаданія въ дыхательные органы цементной пыли, встрѣчаясь какъ преобладающія одинаково у всѣхъ категорій рабочихъ. При вскрытіи одного умершаго рабочаго, врачъ нашелъ въ дыхательныхъ органахъ отложенія известковой пыли. Былъ также случай смерти отъ болѣзни бронхіальныхъ путей, вызванной вдыханіемъ въ теченіе 12 лѣтъ известковой пыли. Хотя случаевъ тяжелыхъ грудныхъ заболѣваній не встрѣчалось, но это можно объяснить тѣмъ, что рабочіе живутъ на заводѣ только часть года, а на остальное время уходятъ на родину, и вообще долго живущихъ рабочихъ на заводѣ очень мало. Если

---

[1]) Никольскій. Санит. очеркъ, „Мед. Бес.", 1896. I.

еще принять во вниманіе цвѣтущее здоровье и возрастъ рабочихъ, то % грудныхъ болѣзней будетъ весьма высокъ [1]).

Воспаленіе подкожной клѣтчатки происходитъ отъ впитыванія пыли въ кожу и особенно трещинъ на рукахъ; пораненія причиняются массой машинныхъ приспособленій и громоздкостью камней, а также неумѣньемъ рабочихъ обращаться съ механизмами, хотя въ несчастьяхъ бываетъ виноватъ и владѣлецъ, не оградившій нѣкоторыя машины, напримѣръ циркулярную пилу и др. Хорошее питаніе артелями, закупающими свѣжіе продукты, дало сравнительно малое количество желудочныхъ заболѣваній. Въ то время какъ по всей Россіи и въ частности московской губерніи эти заболѣванія даютъ 10—17,3%, на цементномъ заводѣ они составляли всего 9%. Большое сравнительно количество малярійныхъ больныхъ объясняется отчасти почвенными условіями мѣстности, а главнымъ образомъ плохими жилищами рабочихъ, которые лѣтомъ помѣщаются въ крытыхъ досками землянкахъ. Къ этому также нужно присоединить частое пребываніе въ сырой атмосферѣ, напримѣръ при размѣшиваніи цементной массы, ея вывозкѣ, подземной работѣ въ шахтахъ. Пыль вызываетъ глазныя заболѣванія, особенно въ лѣтнее время, а таскаціе тяжестей—ревматизмъ [2]).

Валяльно-войлочное и шляпное производства являются крайне вредными для рабочихъ, такъ какъ при очисткѣ шерсти выдѣляется масса пыли и мелкихъ волосковъ. При этомъ работы исполняются обыкновенно кустарями и, слѣдовательно, требованія санитаріи совершенно игнорируются. Такъ, шляпныя мастерскія подольскаго уѣзда не имѣютъ ни форточекъ, ни вентиляторовъ, потому что рабочіе боятся, что токъ воздуха разнесетъ пухъ. Температура избъ, несмотря на отсутствіе зимнихъ рамъ, равняется 17—19°, при влажности 85—90%, рѣже—70%. Содержаніе мастерскихъ вообще очень грязное, метутся онѣ нѣсколько разъ въ годъ, на полу масса сору, волоса, состригаемаго съ мѣха; стѣны и всѣ предметы, находившіеся въ мастерскихъ, покрыты пухомъ и т. п. Весь этотъ соръ собирается въ кучи и изрѣдка выбрасывается. Въ результатѣ получается тяжелый, застоявшійся и отравленный воздухъ, наполненный пылью и пухомъ. Отсутствіе какихъ бы то ни было предохранительныхъ снарядовъ и

---

[1]) Моровичъ. Очеркъ заболѣв. раб. на цементн. заводѣ, „Вѣстн. общ. гиг.“, 1894, 6, стр. 155—7.

[2]) Ibid, стр. 161—164.

нерѣдкія ночевки рабочихъ въ этихъ мастерскихъ ведутъ къ тому, что вредъ производства еще болѣе усиливается [1]).

Начиная съ чистки сырого продукта, рабочіе все время поглощаютъ массу пыли, которая засоряетъ легкія и раздражаетъ слизистыя оболочки. При работѣ съ лучкомъ шерстобитъ стоитъ въ настоящемъ облакѣ пыли изъ волосковъ, частичекъ ртутныхъ солей и мышьяка. Пуанкарè нашелъ, что у шляпниковъ замѣчается исхуданіе, жажда, астма, дрожаніе, а у женщинъ—выкидыши и мертворожденные. Аппретура шляпъ, производимая посредствомъ денатурированнаго спирта, вызываетъ общее чувство недомоганія, раздраженіе дыхательныхъ путей и нервные припадки. Но особенно вредно отзывается такъ-называемое отравленіе пуха, производимое посредствомъ ртутныхъ соединеній. Обыкновенно отрава (азотноватокислая ртуть съ примѣсью мышьяка и сулемы) приготовляется въ избѣ, такъ что она вся наполняется вредными парами азотноватой окиси ртути. Этой смѣсью натираютъ шкурки, и въ той же избѣ кладутъ на печь для просушки; конечно, воздухъ избы отравляется и отравляетъ рабочихъ. Гирдъ нашелъ, что вдыханіе отравленной пыли даетъ среди шляпниковъ 32% страдающихъ грудными заболѣваніями; изъ нихъ 15,5% страдаютъ чахоткой; 6,7%—бронхитомъ; 4,7%—эмфиземой, и 5,6%—воспаленіемъ легкихъ. Въ плохо вентилируемыхъ мастерскихъ этими болѣзнями хвораютъ отъ 50 до 75% всѣхъ рабочихъ. Бенуастонъ считаетъ, что на 1.000 больныхъ шляпочниковъ приходится 50 смертей отъ чахотки, а Требюнэ нашелъ, что въ Парижѣ на 3 смерти 1 происходитъ отъ чахотки. Стиклеръ замѣтилъ, что у нью-іоркскихъ шляпниковъ чахотка встрѣчается очень часто, особенно у занимающихся аппретурой шляпъ [2]).

Нельзя не замѣтить, что при машинномъ производствѣ вредные пылевые моменты почти совершенно устраняются при посредствѣ особыхъ машинъ съ втяжными аппаратами. По крайней мѣрѣ за границей такія машины уже давно примѣняются и даютъ прекрасные результаты.

Изслѣдованіе нашихъ стекольныхъ заводовъ въ санитарномъ отношеніи пока еще мало подвинулось впередъ, и до сихъ поръ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія имѣются лишь о восьми

---

[1]) Святловскій. Валяльно-войлочное производство. „В. общ. гиг.“, 1895, I, стр. 5—7.
[2]) Ibid., стр. 15—16.

заводахъ, хотя всѣхъ ихъ не менѣе 250. Эти заводы имѣютъ внутри себя массу отдѣльныхъ производствъ, весьма различно вліяющихъ на рабочихъ. Благодаря этому и заболѣваемость разныхъ группъ рабочихъ крайне разнообразна. Такъ, на кужевской стеклянной фабрикѣ, находящейся въ царевококшайскомъ уѣздѣ, казанской губерніи, у халявныхъ мастеровъ 43% падаетъ на болѣзни органовъ движенія и накожныя, и только 12,3%—на болѣзни органовъ пищеваренія, въ то время какъ у посудныхъ мастеровъ послѣднія болѣзни даютъ 32,1%, а первыя—всего 11%. Травматическія поврежденія у посудныхъ мастеровъ составляютъ 5,5%, а у хлопцевъ—19,2%; глазныя болѣзни у стекловаровъ и помощниковъ даютъ 18,4%, у остальныхъ группъ рабочихъ—только 0,9—5,7% [1]). Такая разница въ заболѣваемости не можетъ быть объяснена какой-нибудь случайностью, а зависитъ исключительно отъ условій производства. Такъ, болѣзни органовъ пищеваренія объясняются весьма неправильнымъ образомъ жизни, происходящимъ отъ нерегулярной и продолжительной работы. Съ другой стороны, дѣйствіе высокой и неравномѣрной температуры около плавильной печи и связанное съ этимъ окачиваніе холодной водой или поглощеніе ея въ значительномъ количествѣ способствуютъ простуднымъ и груднымъ заболѣваніямъ. Распространенію послѣднихъ способствуетъ также чрезмѣрное напряженіе легкихъ при выдуваніи посуды, въ особенности халявъ. Болѣзни органовъ движенія у халявныхъ мастеровъ должны быть объяснены тѣмъ, что при раскачиваніи тяжелой халявы происходитъ страшное напряженіе мускуловъ рукъ и ногъ, причемъ необходимость быстрой работы еще болѣе увеличиваетъ это напряженіе.

Въ доказательство той зависимости, которая существуетъ между условіями работы и заболѣваніями рабочихъ, можно привести сравнительную заболѣваемость рабочихъ кужевской фабрики и окружающаго крестьянскаго населенія, состоящаго главнымъ образомъ (60%) изъ черемисъ и затѣмъ поровну татаръ и русскихъ. Сравнивая главныя группы болѣзней и опредѣляя въ процентномъ отношеніи ихъ мѣсто въ общей болѣзненности фабричнаго и крестьянскаго населенія, получимъ слѣдующія данныя:

	Фабрич. раб.:	Фабр. нас. вообще:	Крестьяне:
Перемежающ. лихорадка	10,2	10,6	4,4
Чесотка	0,8	1,1	12,5

[1]) Кужевская стекл. фабрика. „Общ.-сан. об.“, 1896, 9—10, стр. 206.

	Фабрич. раб.	Фабр. нас. вообще:	Крестьяне:
Болѣзни нервныя	3,2	2,7	0,8
„ органовъ дыханія	13,8	13,4	7,7
„ „ пищеваренія	24,5	26,7	15,5
„ „ движенія	9,2	6,1	6,1
„ „ кожи и клѣтчатки	9,9	11	9,4
„ глазныя	5,3	4,8	31,9
Травмы и ожоги	13,5	8,9	4,7

Изъ этой таблицы видно, что среди фабричнаго населенія преобладаютъ лихорадки, травмы съ ожогами, болѣзни органовъ дыханія, пищеваренія, движенія, кожи и нервныя. Среди крестьянскаго населенія замѣчается громадное число глазныхъ и чесоточныхъ больныхъ, превышающее въ 6—12 разъ число такихъ же больныхъ среди рабочихъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ среди инородческаго населенія послѣднія болѣзни распространены особенно сильно.

Чтобы яснѣе выдѣлить наиболѣе существенныя группы заболѣваній, откинемъ въ первой группѣ населенія лихорадки и травмы, а въ другой—глазныя болѣзни и чесотку. Такимъ путемъ мы до извѣстной степени уничтожимъ вліяніе народности, культуры, условій почвы и получимъ зависимость заболѣваній отъ общихъ условій жизни и основныхъ занятій:

Болѣзни орган. дыханія	18,1	16,7	14
„ „ пищеваренія	32,3	33,2	27,9
„ „ движенія	12	7,6	11
„ кожи и клѣтчатки	13,1	13,7	17

Такимъ образомъ, для крестьянскаго населенія, кромѣ вышеуказанныхъ болѣзней, довольно типичными являются болѣзни кожи, а для рабочихъ—болѣзни органовъ дыханія и пищеваренія, причемъ послѣдняя группа рѣзче выражена у дѣтей и женщинъ. Что касается болѣзней органовъ движенія, то онѣ почти одинаковы у обѣихъ группъ и понижаются у дѣтей и женщинъ. Если онѣ и повышаются, то только у отдѣльныхъ группъ рабочихъ, напр. у халявныхъ мастеровъ [1]).

Приведенныя данныя по стеклянной фабрикѣ выдвигаютъ заболѣванія дыхательныхъ органовъ и травмы, какъ типическія для всѣхъ работающихъ и непосредственно зависящія отъ условій производства. Особенно характерна связь между травмами и профессіей; такъ, при среднемъ для рабочихъ процентѣ ихъ въ 13,5%, халявные мастера дали—15,3%; баночники—21,8% и хлопцы

[1]) Ibid., стр. 206—10.

—30,7%, посудные же мастера—6,4%. Объяснить причины такой разницы весьма легко, если припомнить условія работы каждой изъ этихъ группъ. Такъ, баночники получаютъ частые ожоги благодаря неосторожному обращенію съ мундштуками, при чисткѣ которыхъ нерѣдко отскакиваютъ куски горячаго стекла. Хлопцы, переносящіе посуду къ калильной печи, очень часто получаютъ ожоги потому, что совки для переноски устроены самымъ примитивнымъ способомъ. Кромѣ того, они причиняютъ себѣ раны острыми краями стекла и его осколками, валяющимися на полу.

Нельзя между прочимъ не упомянуть еще о чисто-профессіональныхъ болѣзняхъ этихъ рабочихъ. Такъ, у гутейскихъ мастеровъ встрѣчалась окраска кожи лѣвой щеки въ темнобурый цвѣтъ (васкуляризація), а у выдувальщиковъ—омозолѣлость губъ. У одного баночника встрѣтился случай воздушной опухоли щеки, образовавшейся во время выдуванія шарика [1].

Довольно близко къ стекольщикамъ по своимъ заболѣваніямъ стоятъ рабочіе фаянсовыхъ фабрикъ. Подвергаясь дѣйствію пыли и жары, они вообще склонны къ болѣзнямъ органовъ дыханія, пищеваренія и кожи. Напримѣръ, на гусевской фабрикѣ два первые рода болѣзней дали $^1/_3$ всѣхъ заболѣваній; надо сказать, что данныхъ о заболѣваніяхъ рабочихъ на фаянсовыхъ фабрикахъ у насъ почти совсѣмъ нѣтъ. Мы могли достать лишь свѣдѣнія о здоровьѣ рабочихъ на одной большой фабрикѣ въ тверской губерніи, причемъ главнымъ образомъ изслѣдованы грудныя болѣзни. Изъ имѣющихся данныхъ видно, что разныя группы рабочихъ не одинаково страдаютъ ими. Мужчины точильщики даютъ 25,2% легочныхъ больныхъ; женщины—20,8%, причемъ чахотка составляетъ—7,46%; рисовальщики даютъ 16,2% легочныхъ больныхъ и 4% чахоточныхъ; подавальщики 15,8% легочныхъ и 2,7% чахоточныхъ; машинные—20,9% легочныхъ и 5,5% чахоточныхъ. Изъ сравненія этихъ четырехъ группъ рабочихъ можно видѣть, что наибольшій процентъ заболѣваній даютъ точильщики и машинные, т.-е. рабочіе, больше другихъ подвергающіеся вліянію пыли въ теченіе 12—13-ти часовой работы. Рисовальщики даютъ меньшій процентъ заболѣваній, что, очевидно, зависитъ отъ менѣе вредныхъ условій ихъ работы. Дѣло въ томъ, что имъ приходится вдыхать пары скипидара, вредъ

[1]) Ibid., стр. 211.

которыхъ не особенно великъ. Скорѣе можно сказать, что болѣзни легкихъ вызываются работой въ согнутомъ положеніи и на одномъ мѣстѣ. Относительно подавальщиковъ видимъ, что они даютъ высокій сравнительно процентъ легочныхъ заболѣваній, но низкій—чахотки. Причины этого лежатъ въ отсутствіи пыли, но значительномъ колебаніи температуры и вообще тяжелыхъ условіяхъ труда [1]).

Зависимость отъ условій работы проявляется особенно ясно, если сравнить число чахоточныхъ въ каждой группѣ съ общимъ числомъ заболѣваній: оказывается, что точильщики даютъ 57,1°/₀; живописцы—40,7°/₀; машинные—35,7°/₀; подавальщики—22,2°/₀.

Разсматривая возрастъ заболѣвшихъ, видно, что процентъ больныхъ возростаетъ по мѣрѣ увеличенія возраста. Увеличеніе особенно замѣтно для возраста отъ 18 до 21 года, затѣмъ оно идетъ равномѣрно до 40 лѣтъ, потомъ процентъ понижается до 50 лѣтъ, послѣ чего опять повышается. Послѣдній фактъ, идущій въ разрѣзъ со всѣми наблюденіями, объясняется тѣмъ, что рабочіе, поступившіе на фабрику въ 35—45 лѣтъ, болѣе восиріимчивы къ заболѣванію чахоткой. По крайней мѣрѣ у точильщиковъ, въ среду которыхъ рабочіе такого возраста не попадаютъ, совсѣмъ нѣтъ чахоточныхъ, имѣющихъ больше 40 лѣтъ. То же самое подтверждается и процентнымъ отношеніемъ чахотки ко всѣмъ легочнымъ заболѣваніямъ. Процентъ чахоточныхъ увеличивается съ возрастомъ, давая въ возрастѣ 30—40 лѣтъ почти половину всѣхъ легочныхъ страданій этой группы; послѣ 40 лѣтъ число чахоточныхъ значительно понижается, но послѣ 50 лѣтъ опять повышается.

Весьма также интересны цифры, показывающія зависимость легочныхъ заболѣваній отъ продолжительности труда. Наибольшее число заболѣваній приходится между 1 и 5 годомъ, для чахоточныхъ—между 11 и 15-мъ; въ эти года изъ всѣхъ рабочихъ заболѣваютъ чахоткой 31,1°/₀, среди точильщиковъ—39,6°/₀. Вообще же заболѣваемость по годамъ работы для легочныхъ больныхъ распредѣляется гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ для чахоточныхъ; для послѣднихъ она ростетъ по мѣрѣ увеличенія лѣтъ работы, что очевидно зависитъ отъ истощенія организма.

Относительно смертности данныя показываютъ, что на легочную чахотку пришлось 72,7°/₀, или почти ³/₄ всѣхъ смерт-

---

[1]) Шеринъ. Къ вопр. о разв. хронич. легочн. заб. при фарфор.-фаян. произв. „Вѣстн. общ. гиг.", 1896 г., 6, стр. 124.

ныхъ случаевъ. Среднiй возрастъ умершихъ равнялся 37,2 годамъ, а средняя продолжительность работы на фабрикѣ—20,4 годамъ. Въ первый годъ умерло 1,08%, тогда какъ въ Берлинѣ—1,03% [1]).

Всѣ эти данныя являются крайне интересными, но незначительными по числу; другихъ же свѣдѣнiй по этому вопросу въ русской литературѣ не встрѣчается. Но цѣнность ихъ возростаетъ оттого, что всѣ выводы изъ нихъ вполнѣ подтверждаются данными иностранныхъ изслѣдователей. Такъ, Соммерфельдъ приводитъ весьма любопытныя свѣдѣнiя о заболѣваемости рабочихъ на фаянсовыхъ фабрикахъ. Изъ 82 рабочихъ страдало:

	Вертельщики.	Рисовальщики.	Обжигалы.	Шлифовальщики.
Туберкулёзомъ.	16%	15	20,5	25
Бронхiальнымъ катарромъ.	12,2	16,6	7,7	16,7
Легочной эмфиземой . . .	3,7	—	5,1	—
Плевритомъ.	—	—	2,5	—
Астмой.	—	—	—	16,7
Малокровiемъ.	14,6	18,7	—	—

Слѣдовательно, среди этихъ рабочихъ больше всего страдали легочными болѣзнями шлифовальщики (59,4%); затѣмъ обжигалы (35,8%); вертельщики (31,9%), и рисовальщики (31,6%). Причина такой сильной заболѣваемости среди этихъ рабочихъ заключаются во вдыханiи всякаго рода минеральной пыли, неправильномъ положенiи тѣла и усиленной работѣ [1]).

Насколько вредно отражаются условiя работы на рабочихъ, показываютъ данныя о причинахъ смертности между ними. По отчетамъ больничныхъ кассъ за 14 лѣтъ средняя продолжительность жизни этихъ рабочихъ равняется 41 году; но Соммерфельдъ признаетъ ее слишкомъ высокой, такъ какъ 693 рабочихъ, умершихъ въ Берлинѣ въ теченiе 13 лѣтъ, достигли въ среднемъ лишь 38 лѣтъ 1¼ мѣс., а рисовальщики—37 лѣтъ 8 мѣс. На русскихъ фарфоровыхъ фабрикахъ возрастъ умершихъ—какъ мы видѣли—почти такой же. Относительно возраста и смертности вертельщиковъ и рисовальщиковъ существуетъ слѣдующая зависимость:

---

[1]) Ibid. „Вѣстн. общ. гиг.“, 1896, 6, стр. 135.

[1]) Th. Sommerfeld. Die Berufskrankheiten der Porzellanarbeiter. Vierteljahresschrift f. off. Gesundheitspfl. T. 25, ч. 2. Цитируемъ по „Вѣстн. общ. гиг.“, 1895, кн. 8 стр. 173—4.

Возрастъ.	Вертельщики.	Рисовальщики.
14—20	0,49%	5,19%
20—30	14,9	42,85
30—40	22,66	16,44
40—50	34,3	18,61
50—60	21,2	6,51
60—70	4,88	6,06
70—80	1,47	4,34

Такимъ образомъ, у вертельщиковъ наибольшая смертность бываетъ въ возрастѣ отъ 40 до 50 лѣтъ, а у рисовальщиковъ— въ возрастѣ 20—30 лѣтъ. Что касается причинъ смертности, то, по даннымъ кассъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ туберкулёзъ (59,1%); вообще же смертность отъ грудныхъ болѣзней составляетъ 74,3%. Эти болѣзни по возрастамъ распредѣляются такимъ образомъ (берется отношеніе по всѣмъ легочнымъ болѣзнямъ):

	10—15	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—74	
Легочныя болѣзни .	0,9%	14,2%	36%	35%	10,9	2	7	=100%
Туберкулёзъ. . . .	—	16,8	36,7	35,5	9,5	1,5	—	=100%

Изъ этой таблицы ясно видно, что отъ легочныхъ болѣзней умираютъ главнымъ образомъ въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ; отъ туберкулёза—также въ этомъ возрастѣ, хотя и предъидущій возрастъ даетъ 1/6 всѣхъ умершихъ отъ чахотки. Еще болѣе поразительные выводы получаются при сравненіи числа умирающихъ отъ легочныхъ болѣзней и чахотки съ общимъ числомъ смертей по каждому возрасту. Оказывается, что въ первомъ возрастѣ процентъ умершихъ отъ легочныхъ болѣзней далъ 100%, второй —71%; третій—74%; четвертый—79,8%; пятый—44%; шестой—47%, и седьмой 100%. Даже выкидывая первый и послѣдній возрасты въ виду незначительнаго числа случаевъ, все-таки получаемъ весьма яркую картину смертности различныхъ возрастовъ отъ легочныхъ болѣзней, въ общемъ вполнѣ подтверждающую всѣ прежніе выводы. То же самое получается и для туберкулёза, причемъ, конечно, процентъ смертности немного понижается.

Всѣ эти выводы Соммерфельда вполнѣ подтверждаютъ выводы о заболѣваемости и смертности рабочихъ на русскихъ фаянсовыхъ фабрикахъ. Если о послѣднихъ у насъ нѣтъ болѣе подробныхъ данныхъ, то это не значитъ, что положеніе рабочихъ на нихъ лучше. Скорѣе можно утверждать обратное, такъ какъ несовершенство нашего фабричнаго законодательства, особенно въ области санитаріи, даетъ возможность фабрикантамъ уклоняться отъ исполненія обязательныхъ постановленій и не заботиться о здоровьѣ и жизни своихъ рабочихъ.

Ив. Керчикеръ.

ИЗЪ ДѢВИЧЬЯГО МІРА

„The Maiden's Progress", by V. Hunt.

I.

Въ своей спальнѣ, на кровати лежитъ въ бѣломъ капотикѣ Марія-Елизавета, или короче, Модъ Масклинъ, прозванная „Модерной",—современной. Ей всего восемнадцать лѣтъ; ее уложили „отдыхать" передъ баломъ.

На цыпочкахъ, тихонько, въ комнату входятъ ея сестры—Вэрона и Пегги: одна на годъ, другая на три года моложе ея.

— А? Чего вы? Платье принесли? Который часъ?—окликаетъ ихъ старшая сестра совсѣмъ заспаннымъ голосомъ.

— Ну, вотъ! Значитъ, ты спала, чтò ни говори!—слышится въ полутьмѣ возгласъ Пегги. — А еще увѣряла, что ни за чтò на свѣтѣ не въ состояніи глазъ сомкнуть! Ужъ пять часовъ; я спрашивала Минчингъ,—такъ она говоритъ, что и намека нѣтъ на платье...

— Не будетъ платья—я и не поѣду,—трагически заявляетъ Модъ.

— Ну, все обойдется: миссисъ Іонгъ никогда не надуваетъ. Да, наконецъ, ты можешь тогда надѣть свое бѣлое, или розовое, и...

— Ну, ужъ!.. Одинаковыя съ вами?—Въ тонѣ „старшей" слышится презрѣніе. — Развѣ вы не понимаете, что мое новое платье совсѣмъ особенное—настоящее бальное?

— Конечно, понимаю: съ длиннымъ шлейфомъ, съ лифомъ дэкольтè... О, Боже! Ты больше намъ ужъ не товарищъ!—и Пегги глубоко вздыхаетъ.

— Пустяки! Все будетъ по-старому: я васъ не брошу. Для васъ же лучше: я потомъ могу вамъ давать совѣты, когда *вамъ* придется выѣзжать... Я буду уже опытная и поразскажу вамъ чудеса!

— Господи! Какая ты будешь тогда несносная! Я отъ души желаю, чтобы до тѣхъ поръ ты уже вышла замужъ; а не то покою мнѣ отъ тебя не будетъ!

— Ну, не глупо ли, что этотъ *выѣздъ въ свѣтъ* вдругъ дѣлаетъ такую разницу между людьми!—задумчиво перебила ее Вэрона: — а вѣдь я всего на годъ моложе тебя и даже выше тебя ростомъ... Ну, словомъ, я уже теперь барышня, какъ барышня, а завтра!.. Завтра *ты* будешь *взрослая*; *ты* будешь сидѣть въ гостиной и принимать гостей, а не въ классной съ учителями. Ты ужъ дошла до половины „Вѣка Лудовика XIV“ и распростишься съ нимъ навсегда,—въ чемъ я тебѣ завидую, понятно! Ты перестанешь заниматься пустяками и предоставишь намъ съ Пегги дальнѣйшія заботы о своихъ птицахъ. У тебя явятся какіе-то таинственные интересы, о которыхъ ты будешь съ мамою шептаться... ну, словомъ, превратишься въ такую же несносную, противную взрослую женщину, какъ и всѣ другія, которыя бываютъ у мамы въ ея пріемные дни... *Женщина*?! Вотъ ужасъ-то!

— На дняхъ я гдѣ-то вычитала, что „женщина—орудіе въ рукахъ дьявола“,—замѣчаетъ поучительно Пегги.

— Что̀ ты? Откуда это?

— Въ библіотекѣ, на второй полкѣ отъ дверей есть такая смѣшная-пресмѣшная книга въ родѣ алфавита. Ну вотъ, на букву *Ж* тамъ прямо и стоитъ все, все про *женщину*. Постой, дай припомнить: „Эти нѣжныя созданья, опасныя, какъ притихшая морская зыбь, непостоянныя, какъ вольный вѣтеръ, коварныя, какъ тлѣющая искра... Въ ихъ улыбкѣ таится скрытый зародышъ всеразрушающей и смертоносной власти... Имъ сто̀итъ повести бровями—и цѣлыя государства падаютъ во прахъ...“ Нѣтъ, больше не припомню!

— Неужели все это скрыто... въ насъ?—задумчиво проговорила Модъ.

— Въ тебѣ? Какая же *ты* женщина? Тебѣ на видъ одиннадцатый годъ.

— Послушайте! Да неужели у меня *такой* ужъ юный видъ? Къ чему же тогда меня уложили спать? Если бы я устала хорошенько, я бы навѣрно казалась постарше.

— Да ты и такъ не Богъ знаетъ сколько отдохнешь. Лежи смирно, не вертись!

— Тутъ не завертишься, когда вы обѣ сидите у меня на ногахъ... А знаете, мнѣ кажется, мужчинамъ все равно—молоды мы, или нѣтъ... то-есть, конечно, если они сами не первой молодости...

— А если они сами слишкомъ юны, они, все равно, нами пренебрегаютъ. Замѣть, вотъ, напримѣръ, хоть этотъ Билли Данверсъ: онъ и говорить не хочетъ съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ м-съ Мортимеръ. Съ тобою онъ соблаговолитъ, пожалуй, протанцовать два танца, но не больше.

— Кому онъ нуженъ, этотъ Билли?—горячо возразила Вэрона:—тамъ будутъ и другіе. Модъ, душка, обѣщай намъ разсказать всѣ, всѣ любезности, которыя наговорятъ тебѣ.

— Конечно, обѣщаю!.. Если я ихъ услышу,—поправилась Модъ.

— А интересно, съ кѣмъ ты будешь танцовать? Можетъ быть, встрѣтишь тамъ свою судьбу...

— Или „Невѣдомаго бога",—задумчиво поправила младшую сестру Вэрона. — Папà говоритъ, что каждая дѣвушка поклоняется „невѣдомому богу...

— Если Модъ сразу найдетъ себѣ кумира, это ужъ будетъ слишкомъ глупо! Какъ будто ей необходимо сейчасъ же выйти замужъ! Нѣтъ, пусть себѣ сперва повеселится хорошенько. И, наконецъ, гости у тети Риддель все народъ серьезный. Я увѣрена, что ея „невѣдомаго кумира" тамъ не будетъ...

— Тамъ будетъ Билли и м-съ Мортимеръ, и м-ръ Дорси, и Ренсселеры, и Эдвардъ...—перебила Вэрона.

— Ну, Эдвардъ пріѣдетъ попозже, онъ мнѣ самъ сказалъ. Онъ спѣшитъ покончить съ каталогомъ; папа его торопитъ.

— А ты, Пегги, кажется, все время торчишь въ библіотекѣ,—замѣтила Модъ.—Я увѣрена, что ты страшно надоѣдаешь Эдварду...

— Напротивъ! Мы съ нимъ составили общество „взаимопомощи": онъ помогаетъ мнѣ писать французскіе переводы, а я чиню для него карандаши. Наконецъ, онъ секретарь у папá и какой-то намъ родственникъ; его обязанность—быть мнѣ полезнымъ. Папà вѣдь ему платитъ...

— Глупая! Онъ не нуждается въ деньгахъ, онъ и самъ богатъ. Онъ ходитъ заниматься, потому что любитъ рыться въ книгахъ и въ трудахъ древнихъ бриттовъ вмѣстѣ съ нашимъ папà; а я предпочитаю современныхъ писателей,—заявила Модъ и,

подумавъ, прибавила:—Я не намѣрена возиться съ Эдвардомъ; я и безъ того вижу его каждый день...

— А мнѣ, признаюсь, Эдвардъ даже очень нравится!—твердо возразила Пегги.

— Какъ и всѣмъ дѣтямъ вообще,—пояснила старшая сестра. Но прежде чѣмъ оскорбленная дѣвочка успѣла обидѣться, дверь отворилась, и Минчингъ вошла съ такою большою коробкою въ рукахъ, что скорѣе уронила ее, нежели поставила на полъ.

— Барышня, платье принесли! Миссъ Пегги, миссъ Вэрона, васъ, кажется, просили не мѣшать сестрицѣ отдыхать? А ноги-то, ноги, какъ это онѣ попали на чудесное, чистенькое покрывало? Право, я не знала, что вы обѣ здѣсь!

— Вамъ и не слѣдовало знать! Посмотримъ лучше, что̀ это за платье?

И Пегги помогаетъ вынимать изъ картонки изящное, воздушное бѣлое платье, съ отдѣлкою изъ бѣлыхъ ландышей.

— И молодо, и... прелестно! — объявляетъ авторитетно Минчингъ.

— Послушайте! Отъ этого выраженія „молодо“ просто можетъ стошнить! Лучше, давайте, примѣряемъ сначала: хорошо ли сидитъ?—и Модъ съ лихорадочной поспѣшностью натягиваетъ на себя платье, а Пегги критически оглядываетъ и сестру, и ея бальный нарядъ, глубокомысленно склонивъ голову на̀-бокъ:

— Ну, на тебѣ все, что̀ угодно, будетъ хорошо сидѣть: ты пряма, какъ доска... Что-жъ, вообще, довольно мило!

— А мнѣ нравятся эти банты на плечахъ. Только смотри, Модъ, не откуси ихъ какъ-нибудь невзначай.

— А талью что̀-жъ вы зашнуровали кое-какъ?—нетерпѣливо замѣчаетъ Модъ своей вѣрной Минчингъ.

— Не сто̀итъ, миссъ. Мы вѣдь только примѣряемъ.

— Ахъ, да! Я и позабыла. Ну, какъ по вашему: сойдетъ?

— Лицо твое немножко желтовато, но платье—просто прелесть! Сара Монтейсъ-Фуллертонъ (Младшая) превзошла себя... А! вотъ и вы, Aurélie! Это у васъ что̀ такое?

— Mademoiselle,—un bouquet. Ciel, que c'est jeune, que c'est simple! C'est l'innocence même!—восторженно восклицаетъ Aurélie, всплескивая руками.

— Модъ, что̀ съ тобой? — раздается возгласъ Пегги, и обѣ сестры съ ужасомъ видятъ, что „старшая“ подбѣжала къ свѣчкѣ. Мигомъ закоптивъ шпильку на огнѣ, Модъ раздраженно проводитъ ею въ углахъ глазъ.

— Ну, вотъ! Можетъ быть, двѣ-три морщинки придадутъ мнѣ болѣе солидный видъ...

— Не разсчитывай; только лицо твое будетъ казаться грязнымъ. Не дѣлай глупостей, лучше скажи скорѣе: отъ кого букетъ?

— О! Отъ Эдварда!

— А отъ кого же больше? Онъ *пока* единственный мужчина...

— Да: *пока*...—вторитъ ей Модъ и задумывается.

Платье осторожно откладываютъ въ сторону.

II.

Въ три часа ночи, въ комнатѣ Модъ еще горитъ огонь, въ ожиданіи ея. Она входитъ и молча сбрасываетъ съ плечъ ротонду. Минчингъ, тоже молча, расшнуровываетъ свою барышню.

— Ну, вотъ, готово. Минчингъ, можете идти; спокойной ночи! А это платье мнѣ рѣшительно не нравится; оно слишкомъ высоко вырѣзано, и шлейфъ слишкомъ коротокъ... Мама̀ выбирала фасонъ. А прическу носятъ теперь совсѣмъ по-новому; вамъ надо поучиться, Минчингъ. Ну, покойной ночи!..

— Боже! Мой вѣеръ сломанъ! Мнѣ его тетя Лиза подарила. Онъ чудо какъ хорошъ; только совсѣмъ не въ нашемъ вкусѣ. Бѣдная Минчингъ! Она и въ самомъ дѣлѣ не годится въ горничныя; мамой же завладѣла Aurélie, окончательно... А я вѣдь нисколько не устала; я хоть сейчасъ готова снова танцовать, хоть опять на балъ!..

Въ эту минуту, безъ шума распахнулась дверь большого платяного шкафа, и оттуда въ комнату выпрыгнула Вэрона въ длинномъ ночномъ халатикѣ, а за нею и шалунья Пегги:

— Ну, что̀ же?

— Ну, что̀ же?—вскричали обѣ разомъ.—Съ кѣмъ ты танцовала? Есть у тебя женихъ?.. Много тебѣ говорили любезностей?

— Только не моей наружности, дѣти!

— Вотъ еще! Она будетъ насъ называть „дѣтьми"?!—воскликнула Пегги, горячо негодуя на сестру, и, проворно закутавшись въ ея бальную длинную ротонду, отдѣланную розовыми перьями, усѣлась на полу: — Сядемъ поудобнѣе! (Какъ царапаются эти перья!) А мороженое у васъ было? Говори—какое?

— Неужели ты воображаешь и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я это замѣтила?

— Обыкновенно, мороженое ты болѣе, чѣмъ „замѣчаешь".

А Сесилія Риддель не разстается со своимъ „сердечкомъ"? Она мнѣ обѣщала носить его, не снимая, какъ я ношу свое.

— Какіе вы младенцы!

— Такъ я и знала, что она будетъ продолжать все въ томъ же духѣ!—вспылила Пегги.—Ну-съ, г-жа *взрослая*, лучше разскажите намъ про себя. Видѣла ты *его*?

— „Невѣдомаго бога",—подсказала Вэрона.

— Надоѣли мнѣ эти классики, до тошноты надоѣли! Ужасная старина!—ворчала Модъ.

— Да! Нашъ отецъ способенъ надоѣсть!—подхватила Пегги. —Я на половину не понимаю, про что онъ говоритъ, но, конечно, дѣлаю видъ, что понимаю. Это все же лучше, нежели плакать, какъ Вэрона.

— Терпѣть не могу, когда меня „начиняютъ" выдержками изъ классиковъ!—отозвалась послѣдняя.—Довольно съ меня этого удовольствія и въ училищѣ! Отецъ можетъ святого вывести изъ терпѣнія, а не то что простую школьницу. Кстати, а какъ *они* оба вели себя?

— Довольно сносно: мама все время посылала мнѣ улыбки черезъ всю залу, а отецъ даже спросилъ меня, во всеуслышаніе: весело ли мнѣ?

— А тебѣ было весело?

— О, да!.. то-есть: такъ себѣ! Но, все-таки, неприлично было спрашивать объ этомъ громко. Придется мнѣ объяснить ему...

— Господи помилуй! Она намѣрена учить отца!.. Впрочемъ, поживемъ—не то увидимъ. Послушай! Можешь ты вѣжливо отвѣтить на вѣжливый вопросъ: съ кѣмъ ты танцовала? Съ кѣмъ-нибудь изъ *моихъ* друзей?

— А кто это *твои* друзья? — насмѣшливо перебила молоденькую Пегги ея старшая сестра.—Я танцовала... постой, съ кѣмъ я танцовала?—и Модъ принимается сосредоточенно загибать пальцы, считая:

— М-ръ Деврель...

— Знаю! Нашъ Таузеръ какъ-то разъ укусилъ его за-ногу, когда онъ зашелъ къ намъ съ визитомъ. Такой чурбанъ! вѣдь такъ и промолчалъ объ этомъ... Ну, что же: сколько разъ?

— Два. Съ м-ромъ Дорси тоже два.

— А! Ну, съ кѣмъ еще?

— Съ м-ромъ Данверсомъ.

— М-ръ Данверсъ? Билли?.. О, онъ не считается: онъ и самъ-то еще только начинаетъ выѣзжать. Ну, дальше, дальше!

— Дальше, м-ръ Гонтрамъ Виръ, поэтъ; онъ мнѣ посвятилъ

стихи... И м-ръ Смэдгемъ, академикъ... онъ хочетъ писать съ меня... ангела.

— Какъ ты сказала: ангела?—Въ голосѣ Пегги ясно слышна ироническая нотка.

— Онъ говоритъ, что у меня профиль à la Ботичелли. М-ръ Виръ говоритъ, что я вылит...

— Да ну же, говори: съ кѣмъ ты больше всего танцовала?

— Постой... дай припомнить... Да! Кажется, съ Эдвардомъ.

— А ты говорила, что тебѣ до него дѣла нѣтъ?

— Ну, да. И сама знаю. Но съ нимъ такъ удобно танцовать...

— А за ужиномъ кто былъ твоимъ кавалеромъ?

— Эдвардъ.

— А кто усаживалъ тебя въ карету?

— Эдвардъ.

— Ну, все Эдвардъ, да Эдвардъ!

— Я въ этомъ не виновата: онъ почему-то всегда былъ подъ рукою...—сердито возражаетъ Модъ.

— Что-жъ, онъ мнѣ нравится, — зѣвая во весь ротъ, говоритъ Вэрона.—Какія странныя синеватыя тѣни ложатся на эту занавѣску!

— Глупая! Это заря.

— Ну, такъ зачѣмъ же говорятъ, что она „съ алыми перстами"? Напротивъ, она такая холодная, такая невзрачная... Она васъ окрасила обѣихъ, особенно Модъ, въ зеленый цвѣтъ.

— Терпѣть не могу, когда на меня глаза уставляютъ! Пора бы вамъ и въ постель: четыре часа!

— Ну, начинается: „Маленькимъ дѣвочкамъ не позволяется поздно спать ложиться" и т. д. Впрочемъ, мы не задерживаемъ тебя. Покойной ночи!

— Пойти-то я пойду; только навѣрно не усну совсѣмъ: эти птицы подняли такую пискотню! Покойной ночи!—уходя на цыпочкахъ, говоритъ Вэрона, и Модъ остается одна въ своей спальнѣ.

Дневникъ.

„29-го апрѣля.—Мой первый выѣздъ.

„Четыре часа утра. Минчингъ, Пегги и Вэрона только-что ушли. Попробую припомнить главнѣйшія событія этого бала. На мнѣ было бѣлое платье, отдѣланное ландышами; на Сесиліи Риддель—отдѣланное незабудками; тетя Риддель была вся въ бриліантахъ,—цѣлое состояніе! Я протанцовала двадцать-одинъ та-

нецъ, изъ нихъ два—съ молодымъ хозяиномъ дòма. Я трижды танцовала съ нѣкоимъ м-ромъ Донкиномъ и два или три—не припомню—съ м-ромъ Деверелемъ. Лансье я танцовала съ Эдвардомъ; къ столу меня велъ одинъ разъ м-ръ Виръ и одинъ разъ—Эдвардъ. Вотъ и все, чтò я могу припомнить. Сначала я была ужасно нервно возбуждена. Не думаю, чтобы меня находили хорошенькой; тамъ была масса страшно хорошенькихъ дѣвушекъ, которыя все и всѣхъ знали, и казались гораздо старше меня. У меня былъ страшно юный видъ. Но и Цисси Риддель казалась очень молодой въ своемъ свободномъ платьицѣ; хоть то утѣшеніе! М-съ Мортимеръ была очень добра ко мнѣ. Она спросила: „Кто васъ причесывалъ, дитя мое?"—и такъ ловко похлопала мою прическу, чтò совершенно ее измѣнила... къ лучшему, конечно. Ей только двадцать-восьмой годъ, а ея мужъ—уже членъ палаты. Она помыкаетъ Билли, такъ же точно, какъ и я Эдвардомъ. Эдвардъ сказалъ...

„30-го апрѣля.—Чтò сказалъ Эдвардъ?.. На этомъ я, кажется, вчера задремала. Я только-что вернулась изъ театра. Мы видѣли Кольдеръ-Марстона въ роли „Ингомара, сына лѣсовъ". Ничего подобнаго я въ жизни еще не видала; онъ—великій артистъ! Лицо его такъ и стоитъ передо мной,—и передъ Сесиліей, тоже. Спектакли мнѣ нравятся больше, чѣмъ балы. Кажется, цѣлый годъ я бы готова видѣть *его* ежедневно"!..

III.

Въ гостиной у м-съ Масклинъ сидитъ м-съ Риддель. За чайнымъ столомъ—обѣ дѣвицы. Гости съ визитомъ бесѣдуютъ съ хозяйкой дома.

Сесиль тихо шепчетъ подругѣ:

— Ну, милочка, какъ ты себя чувствуешь послѣ вчерашняго?

— Можешь себѣ представить, дорогая! Я нахожу, что въ этой роли онъ выше всего на свѣтѣ. Божественный! Чудесный... (Постой, дай, подамъ мамѣ чаю!) А ты замѣтила, какъ онъ вчера поскользнулся и такъ очаровательно, тихонько засмѣялся, совсѣмъ какъ свѣтскій человѣкъ въ гостиной,—не правда ли?

— Замѣтила, конечно! Какой онъ восхитительный, должно быть, въ частной жизни...

— Еще бы! Я развѣ тебѣ не говорила, что встрѣтилась съ одной барышней, въ домѣ которой онъ бываетъ.

— А я познакомилась съ господиномъ, который чудесно его

представляетъ. Я закрыла глаза — ну, совсѣмъ Ингомаръ! Мнѣ удалось убѣдить маму, чтобъ она позвала его обѣдать...

— Душка! Позови и меня!

— Конечно, позову. А ты читала—вотъ гнусность-то!—какой-то репортеришка отзывается о немъ... Нѣтъ, это вѣрно со злости...

— Отъ зависти, — рѣшила Модъ, и Сесилія молча съ нею согласилась.

— Отвращеніе что̀ за чай! — воскликнула м-съ Масклинъ, отхлебнувъ отъ чашки.—Чего положила въ него Модъ?

— Очень просто: вмѣсто сахару соли, — улыбаясь, догадалась м-съ Риддель.—Чего не дождешься отъ дѣвочки въ самомъ разгарѣ „марстоновской" лихорадки!

— Не смѣйся, Анна; меня не на шутку тревожитъ ея возбужденное состояніе. Мнѣ надобно уѣхать на недѣлю, и я на это время пригласила тетю Лизу; только боюсь, чтобъ наша Модъ не выкинула какой-нибудь штуки.

— Ты думаешь, что тетя Лиза можетъ ей въ этомъ помѣшать? Ты сама чудовищно ее избаловала!.. Но, все-таки, не думаю, чтобъ надо было опасаться съ ея стороны чего-нибудь серьезнаго. Это просто дѣвичья нормальная горячка, для излеченія которой я употребляю самое дѣйствительное средство — противоядіе въ видѣ интересныхъ молодыхъ людей. И ничего, дѣйствуетъ себѣ весьма успѣшно: у меня на излеченіи находятся въ настоящее время пять такихъ паціентокъ...

— Знаю, что это увлеченіе вещь обыкновенная, — возразила м-съ Масклинъ:—вѣдь, Модъ бредитъ имъ во снѣ и на-яву, всѣ его роли выучила наизусть и съ утра до ночи истязаетъ брата и сестеръ, заставляя ихъ подавать реплики... Она способна изъ-за презрѣннаго фигляра отказать самому лучшему изъ жениховъ!

— Моя Сесилія—не лучше вашей Модъ. Только я дѣйствую совсѣмъ иначе: я просто-на̀-просто смѣюсь, что она прячетъ у самаго сердца, за корсетъ, карточку своего кумира.

— А моя-то? Развѣсила ихъ цѣлыхъ сорокъ-девять у себя по стѣнамъ...

— И пятидесятую кладетъ себѣ украдкой подъ подушку?.. А это кто—такой длинноволосый, съ разинутымъ ртомъ, съ выпученными глазами? Какой-то заплесневѣлый купидонъ...

— Ш-шъ! Онъ можетъ услышать!

— Все равно. Я всегда говорю все, что̀ думаю, не стѣсняясь. А чѣмъ онъ занимается?

— Пишетъ стихи. Зовутъ его м-ръ Гонтрамъ Виръ. Модъ съ нимъ встрѣчалась въ одномъ домѣ.

— Не знаю, не слыхала; только онъ держитъ себя здѣсь, какъ будто ужъ давно знакомъ.

— О, это не опасно! Модъ потѣшается надъ нимъ.

Въ эту минуту Модъ, однако, не смѣялась: она чуть слышно говорила съ Эдвардомъ Конистомъ, который подошелъ къ ея столу.

— Два кусочка?—громко спросила она, наливая чай, и, чуть шевеля губами, прибавила шопотомъ:—Къ чему же вы явились?

— Благодарю васъ: одного довольно! — и тихо, чуть слышно: —Надо не прерывать обычнаго порядка, чтобы не догадались.

— А!.. Ну, хорошо; если это вамъ удобно... Можно васъ познакомить? Надо дать этимъ дамамъ въ собесѣдники мужчину. Пойдемте!..

Проворно вернулась Модъ къ подругѣ и продолжала прерванный разговоръ:

— Представьте себѣ, Флосси Реисселеръ призналась мнѣ, что караулила его у выхода, съ большимъ букетомъ розъ... И дождалась, но струсила въ послѣднюю минуту и не рѣшилась подойти, а только слышала, что онъ сказалъ своему кучеру: —Ну, Вильксъ, домой!—Ты понимаешь, его зовутъ Вильксъ!

— О, я бы хотѣла быть его кучеромъ, его лакеемъ и никогда ни за кого не вышла бы замужъ!

— И я тоже, душечка моя! Мнѣ, знаешь, надо тебѣ кое-что сказать... Мнѣ сдѣлали предложеніе...

— Какой восторгъ... то-есть, я хотѣла сказать: какой ужасъ! Но кто же это? Говори скорѣй!

— О, только Эдвардъ! Ты знаешь, тому назадъ съ недѣлю, умеръ его дядя, и теперь онъ—лордъ Конистонъ и ѣдетъ за границу; онъ думалъ, что онъ... что я... Ну, словомъ, сдѣлалъ предложеніе...

— Да какъ же именно? Что̀ онъ сказалъ? — допрашивала съ нетерпѣніемъ Сесиль.

— Онъ мнѣ сказалъ: „Я хочу кое-что у васъ спросить"... А я сказала:—Что̀ же именно?—Онъ сказалъ: „Ну, знаете, что̀ полагается всѣмъ"... А я сказала:—Это невозможно!

— Душечка моя! Ты должна была сдѣлать видъ, что не понимаешь, въ чемъ дѣло...

— Но я вѣдь прекрасно поняла! Онъ былъ такой... такой...

— Блѣдный, разстроенный?

— Нѣтъ, такой красный... Я сказала: извините меня!

— За что же?

— За то, что ему отказала.... вѣроятно. И онъ спросилъ: „Такъ, значитъ, кто-нибудь другой“?—И я утвердительно наклонила голову.

Сесилія пришла въ ужасъ.

— Надѣюсь, ты не проговорилась, кто такой?

— Конечно, нѣтъ! Неужели я захочу скомпрометтировать *его*!.. Какая досада! Къ намъ идетъ Гонтрамъ Виръ; придется еще съ нимъ вести разговоры...

Торжественно, напыщенно обратился молодой поэтъ къ юной хозяйкѣ дома:

— Миссъ Масклинъ! Позвольте вамъ преподнести эту бездѣлушку...—и онъ подалъ ей тоненькую книжонку въ зеленомъ переплетѣ.

Она взяла и принялась разглядывать.

„Посвящается *Модернѣ*“... Премило издано. Но какъ забавно, что вы такъ и оставили за мною мое прозвище „Современной“!

— Да вы и есть „Модерна“, или „Современная“: это прозвище къ вамъ какъ нельзя болѣе подходитъ. Вы развѣ не замѣтили, что всѣ подхватили его на лету и съ тѣхъ поръ иначе никто васъ не зоветъ? Я убѣжденъ, что даже дома, всѣ ваши родные васъ такъ и называютъ.

— Да, это правда!

— Видите? Это потому, что оно къ вамъ подходитъ. Вы такъ глубоко, такъ сильно современны. Вы—въ духѣ времени, и въ жизни вы будете идти съ нимъ въ ногу, воспринимая отпечатокъ каждаго видоизмѣненія, каждой складки, но въ то же время сохраняя въ корнѣ свою индивидуальность. Время будетъ стремительно нестись впередъ, и вы помчитесь вмѣстѣ съ нимъ, не отставая, такъ точно, какъ и я же. Въ васъ это броженіе глубоко засѣло, а это—весьма рѣдкое явленіе среди женщинъ. О, да, я въ васъ читаю, какъ въ раскрытой книгѣ. Придетъ день, когда вы вспомните мои слова и ихъ пророческое предсказаніе... Не прочитать ли вамъ поэму, которая посвящена... Модернѣ?

— О, нѣтъ! Пожалуйста не надо! Это меня только разстроитъ. Я лучше сама прочту на ночь.

— Только, прошу васъ, не принимайте ничего слишкомъ за чистую монету! Маленькій сборничекъ поэмъ и большая доля

цинизма—вещи необходимыя для пріобрѣтенія патентованнаго лоска свѣтскаго человѣка. Онъ долженъ умѣть танцовать, писать по требованію эпиграммы и сонеты...

— Терпѣть не могу сонетовъ; они тяжелы, какъ... камни.

— Да, пожалуй, такіе сонеты, которые пишутся небрежно между дѣломъ. Напримѣръ, во время визитовъ или когда завязываешь бѣлый галстухъ передъ зеркаломъ, собираясь въ гости. Вы должны быть настроены въ такомъ же духѣ, чтобы ихъ понять.

— „Я буду ихъ читать, шнуруя свои сапоги" (подумала про себя Модерна).—Благодарю васъ! Но скажите пожалуйста... (простите за вопросъ!) отчего у этой книжечки загнуты ослиныя уши?

— Символическое значеніе! Я всѣми силами старался подъискать подходящій переплетъ, который соотвѣтствовалъ бы непослѣдовательности содержанія, который самъ по себѣ былъ бы чѣмъ-то грубымъ, хаотическимъ, оборваннымъ, какъ и самыя мысли, выраженныя въ немъ; нѣчто такое же, какъ и само его содержаніе: растянутое, неопредѣленное, нѣжное и таинственное, какъ мечты юноши. Въ моей поэзіи нѣтъ ничего законченнаго, ничего установившагося; мои стихи подобны раннимъ цвѣтамъ въ саду поэта, блѣдные, помятые лепестки которыхъ гонитъ, суровый весенній вихрь, знаменіе бурнаго расцвѣта юности и смутныхъ впечатлѣній „растраченныхъ напрасно юныхъ лѣтъ". Замѣтьте, я такъ и назвалъ свой сборникъ: „Зеленыя мысли". Я его писалъ во время моего странствія съ компаніей прекрасныхъ молодыхъ людей: я самъ...

— Сколько мнѣ помнится, вы только-что сказали, что всегда жили на набережной Чельси?—перебила его строго Сесилія.

— О, миссъ Риддель! Развѣ вы не видите?.. Помните чарующія строки стихотворенія:

...„Свести земное все подъ сѣнь
Зеленыхъ думъ и разрушенья,
И зеленѣющую тѣнь"...

— Нѣтъ, вы себѣ представьте: прозрачная зеленая листва...

— Сесилія, вотъ стулъ, садись! Эдвардъ, еще чашечку чаю?

— Благодарю васъ, мнѣ пора!

— Куда?

— Въ Японію.

— Вотъ вздоръ!—рѣзко воскликнула „Модерна".

— Отчего не въ Бирмингамъ? Тамъ такъ же скучно...—подхватилъ поэтъ.

— Весьма возможно, но не такъ далеко...—невозмутимо возразилъ Эдвардъ Конистонъ, пожимая руки присутствующимъ, и ушелъ.

Виръ смотритъ ему вслѣдъ и сочувственно качаетъ головой:

— Бѣдный! Онъ въ жалкомъ состояніи... Онъ нервно разстроенъ, онъ бѣжитъ отъ людей подальше, онъ ненормаленъ... Словомъ, онъ—влюбленъ!

— М-ръ Виръ, вы не вѣрите въ любовь? — строго замѣчаетъ Сесилія Риддель.

— Почти не вѣрю. Я поэтъ.

— А я такъ вѣрю. Вотъ и Модерна—тоже.

— Право, миссъ Риддель, мнѣ кажется, что ваша добрая мамаша не такъ васъ воспитала...

— Не такъ?—переспросила молодая дѣвушка, начиная хихикать.—Пожалуйста, продолжайте: вы такой забавный!

— Вы только-что начали выѣзжать, если не ошибаюсь. Пройдутъ года, вы перестанете быть такой прямодушной и на краткій мигъ поддадитесь сладостному заблужденію, которое вамъ дастъ хоть временное счастье. И вы изъвѣдаете блаженство быть глупой, идіотски-глупой и счастливой... Но заблужденія, какъ зубы мудрости, являются позднѣе, а портятся скорѣе...

— Какой вы циникъ, м-ръ Виръ!

— Въ самомъ дѣлѣ? — въ восторгѣ восклицаетъ стихотворецъ. — Но вы-то, вы, миссъ Риддель, начали жизнь не съ того конца. Такъ молода и такъ еще невинна!

— Мнѣ все равно, я вѣрю, что въ наши дни возможна чистая любовь, самоотверженное чувство, которому ничего не надо, которое ничего не требуетъ, кромѣ наслажденія сознавать, что его чувствуешь, о немъ мечтаешь...

Щеки Сесиліи пылаютъ. Вспыхиваетъ и Модерна.

IV.

Во время костюмированнаго бала у м-съ Ренсселеръ, Модъ сидитъ на балконѣ съ незнакомцемъ; на лицѣ у нея маска. Съ улицы къ нимъ доносятся стукотня экипажей и уличный безпорядочный гамъ.

— Да?.. Прошу васъ, продолжайте!—говоритъ незнакомецъ.—Мнѣ это чрезвычайно интересно, и, конечно, нѣтъ ничего дурного въ томъ, что вы такъ откровенно говорите съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Такъ онъ сказалъ вамъ... Вонъ онъ, вонъ тамъ—въ костюмѣ Мазаніелло! Да вы не смотрите?

— Мнѣ и не надо. Этотъ типъ я знаю наизусть.

— Ну, такъ вотъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Такъ вы и въ самомъ дѣлѣ не имѣли никакихъ намѣреній"?—и я сказала:—Никакихъ, вѣрьте мнѣ! Мнѣ даже очень жаль, что это такъ случилось. „Ну, да! Всѣ вы, женщины, такъ говорите",—съ горечью въ голосѣ замѣтилъ онъ. — О, неужели,—спросила я,—вы это знаете по собственному опыту? — „Такая нескромность недостойна васъ, но все-таки я вамъ признаюсь: вы—первая женщина, которой я объясняюсь въ любви... и не думаю, чтобы пришлось мнѣ когда-либо полюбить другую".

— Не думаетъ?! Однако онъ юноша изъ осторожныхъ...

— А я сказала (продолжала Модерна):—О, не говорите такъ, м-ръ Донкинъ! И безъ меня не мало милѣйшихъ дѣвушекъ на свѣтѣ.

— И мнѣ случалось слышать эти рѣчи,—проговорилъ незнакомецъ.

— Я знаю; только не знаю, почему при такого рода обстоятельствахъ естественнѣе всего вырываются рутинныя выраженія..., по крайней мѣрѣ, у меня.

— За исключен...

— Не перебивайте!.. Вставая, онъ показался мнѣ какъ-то вдругъ постарѣвшимъ (и это было даже ему къ лицу!); затѣмъ, онъ посмотрѣлъ твердо мнѣ въ глаза и проговорилъ: „Они лгали, эти глазки... Они мнѣ говорили"... — Ничего они не могли вамъ говорить! Я не намѣрена быть за нихъ въ отвѣтѣ! Вы, надѣюсь, не станете доказывать, что я васъ успѣла обидѣть за то короткое время, что длилось наше знакомство? —„Нѣтъ, конечно, обидѣли, какъ только могли—жестоко!—вспылилъ онъ. — Вы присвоили себѣ мою любовь, а вамъ она на самомъ дѣлѣ вовсе не была нужна. Вы отняли у меня способность любить, вы похитили мою первую, мою чудную, юношескую любовь"! Я тотчасъ же отвѣтила ему, что я и не просила его „чудной, юношеской любви"; я высказала убѣжденіе, что, вѣроятно, частицы ея въ немъ еще уцѣлѣли, а затѣмъ попросила его отвести меня обратно къ мама, чтобы сейчасъ же ѣхать.

— Нѣтъ, серьезно вы хотѣли оказать ему это вниманіе?

— Нельзя же было послѣ этого продолжать танцовать...

— ...На развалинахъ человѣческаго сердца?.. Однако, вы

ужасно нетактично и безсердечно поступили, все-таки оставшись, а тѣмъ болѣе углубившись въ бесѣду со мною...

— Да, не правда ли, это ужасно? Я пустилась въ откровенность, а между тѣмъ я даже васъ не знаю.

— Съ женщинами это бываетъ.

— Но почему же? Или вы обладаете даромъ ихъ приворожить?

— Пожалуйста, не говорите такихъ ужасныхъ глупостей!

— Или я инстинктивно чувствую ваше превосходство надо мной, какъ превосходство человѣка сильнаго духомъ надъ слабымъ?

— Развѣ вы слабы духомъ? Но почему вы знаете, что я сильнѣе? Для васъ я совершенно незнакомый человѣкъ. Хотите, я вамъ скажу, почему вы со мною не боитесь откровенничать?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія. Скажите!

— Во-первыхъ, потому, что мы съ вами оба сегодня немножко ненормальны, т.-е. сравнительно съ нашимъ обычнымъ положеніемъ, какъ членовъ свѣтскаго общества. Сами того не замѣчая, вы сегодня отчасти заразились „маскараднымъ“ духомъ и поддаетесь ему, временно вдыхая въ себя атмосферу совершенно вамъ чуждаго, искусственнаго міра. И знаете ли что? Не будь вы такъ прелестны, вы были бы несносны и противны въ настоящую минуту... Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, ваша чуткость подсказываетъ вамъ, что на меня можно положиться: *узнать* это навѣрно вамъ было невозможно, да и неоткуда. Черезъ полчаса, какъ я вамъ уже самъ сказалъ, я уѣзжаю съ поѣздомъ одиннадцать-сорокъ, и тѣмъ окончится мое общеніе съ тѣмъ кружкомъ людей, къ которому вы принадлежите. Вамъ даже неизвѣстно мое имя, а мнѣ—ваше; но если хотите, я вамъ могу сказать свое?

— Нѣтъ, не хочу!

— Я такъ и зналъ, что вы именно это скажете! Вы рѣшительно умны. Такъ, можетъ быть, вы согласитесь поговорить со мною съ полчаса, какъ съ человѣкомъ, приговореннымъ къ смерти? Это недалеко отъ истины. Наконецъ, развѣ не отрадно хоть на часокъ отдаться наслажденію чувствовать на себѣ узы дружбы, но дружбы чистой, безъ малѣйшей примѣси горечи; безъ настоящаго, какъ и безъ прошедшаго, а равно и безъ будущаго? Говорите, говорите со мной еще и говорите не стѣсняясь: при такихъ условіяхъ, я смѣло гожусь вамъ въ духовные отцы.

— Но у меня вѣдь есть родной отецъ... и братъ!

— Нѣтъ, это не то!.. Если человѣкъ, который вамъ и не

отецъ, и не братъ, а просто какъ бы товарищъ,—словомъ, равный, который видитъ въ васъ не хорошенькое личико, а душу, которая сопутствуетъ ему, и которой не страшно прямо смотрѣть ему въ лицо...

— Вотъ и вы говорите со мной въ этомъ родѣ, какъ будто я не женщина, а вашъ товарищъ. Вы даже не заботитесь, красива ли я?

— Вы *будете* красивы. Но продолжайте; скажите мнѣ, сколько человѣкъ уже говорили вамъ, что они въ васъ влюблены?

Модъ смутилась и запнулась:

— Да я... я...

— Вы находите, что съ моей стороны это даже... дерзко? Да?

— Да, немножко, пожалуй.

— Нѣтъ, даже *очень*. Но вы вольны не отвѣчать на мои разспросы.

— Я знаю, что не должна бы вамъ отвѣчать, но все-таки я отвѣчаю и *буду* отвѣчать.

— Знаю, что будете.

— А что̀, еслибы я попросила васъ отвести меня къ мама̀?

— Собственно, такъ бы оно и слѣдовало съ вашей стороны. Кстати, вотъ и ваша мама̀ сидитъ, кушаетъ мороженое. Я ее узнаю по ея сходству съ вами. Что же, я доведу васъ до нея, расшаркаюсь и любезно выскажу сожалѣніе, что я не танцоръ, и потому лишенъ былъ удовольствія...

— Ну, такъ къ чему же вамъ ѣздить по баламъ?

— У меня, вѣрно, есть смутная надежда встрѣтить *настоящую* женщину, а балъ—самый удобный для этого случай. Обѣды—для этого неудобны. Ну, мыслимо ли, чтобы душа одного человѣка стремилась къ сродной ей душѣ сквозь паръ дымящагося супа или груды сочнаго жаркого? Или, напримѣръ, музыкальный вечеръ, гдѣ на васъ косятся и громко шикаютъ до того, что кровь вскипаетъ. Но балъ—совсѣмъ другое дѣло: тутъ само общество установило порядокъ, что кавалеру дается право побыть вмѣстѣ со своей дамой по крайней мѣрѣ минутъ десять... Я васъ замѣтилъ сразу, и надѣялся, что вы дадите мнѣ возможность съ вами говорить... И вамъ представили меня...

— Короля Абиссиніи,—улыбаясь, пояснила Модъ.

— А васъ назвали „дѣвушкой-негритянкой". Но я и безъ того заговорилъ бы съ вами. Такова моя самонадѣянная увѣренность.

— Развѣ я *настоящая* женщина?

— А! Вы возвращаетесь къ старому? Совсѣмъ по-женски! Да, да, вы *настоящая*, но только еще очень молодая. Я полагаю, мнѣ бы не слѣдовало съ вами такъ говорить; но вы такая... Вы наивны, какъ дитя; ваши уста—своевольный ротикъ ребенка, но ваши глаза... (какъ выражался и тотъ злополучный юноша на своемъ нарѣчіи любви) ваши глаза—не дѣтскіе глаза! Мнѣ бы хотѣлось знать, чѣмъ вы кончите; по всей вѣроятности, самымъ обыкновеннымъ образомъ придете къ самому обыкновенному концу.

— Надѣюсь, что нѣтъ!—горячо возразила Модерна.

— Какъ это восхитительно-юно сказано! Но вы... Однако, я боюсь сдѣлаться дерзкимъ, если буду такъ продолжать. Это вы виноваты, что съ чисто-женской непослѣдовательностью мы съ отвлеченной почвы перешли въ личную. Ну, спрашивайте у меня все, что̀ хотите, и я готовъ надавать вамъ сколько угодно дурныхъ совѣтовъ.

— Ну, начинайте!—согласилась Модъ, смѣясь.

— Нѣтъ, вы не нуждаетесь въ совѣтахъ; вашъ путь пока идетъ не уклоняясь въ сторону. Ваши правила въ жизни просты и нетребовательны; найдите себѣ человѣка, которому вы могли бы отдать свою любовь, свое довѣріе и...

— И... что̀?

— Не выходите за него!

— Вы боитесь, что я сдѣлаю его несчастнымъ? Однако, вы безцеремонны!

— Нѣтъ, я слишкомъ презираю безцеремонность: это прибѣжище нравственно-несостоятельныхъ людей... Но, кажется, я уже утомился. Я вамъ еще не говорилъ, что я—человѣкъ больной?

— Нѣтъ, но я догадалась.

— Такъ вотъ почему вы были такъ терпѣливы, такъ снисходительны ко мнѣ? Скажите откровенно: вы не жалѣете, что встрѣтились со мной? Скажите же скорѣе, мнѣ пора на поѣздъ. Куда позволите васъ отвести?

— О, пожалуйста, никуда!

— Я бы желалъ... Нѣтъ, даже не желалъ бы... васъ отвести къ вашей мама̀.

— Нѣтъ, нѣтъ! Лучше оставьте меня здѣсь...

— „И уходите такъ, чтобъ никого не встрѣтить“...—подсказалъ онъ.—Хорошо, понимаю: это для того, чтобы я ни у кого не могъ узнать, какъ васъ зовутъ? Какіе вы, женщины, однако, трусы!

— Значитъ, вы ихъ не знаете!—рѣзко перебила его собесѣдница.—Меня зовутъ Марія-Елизавета Масклинъ.

— Мнѣ это, все равно, ничего не говоритъ; но я извиняюсь за все высказанное мною. Можете ли вы меня простить?

— Конечно. И что̀ же? Вы серьезно уходите?

— Все впечатлѣніе будетъ испорчено, если бы я еще остался... Будьте здоровы!

Немного спустя, въ разговорѣ съ миссъ Ренсселеръ, Модерна спросила:

— А кто такой этотъ король абиссинскій?

— Сэръ Ричардъ Вайзъ, знаменитый метафизикъ. Говорятъ, онъ совсѣмъ помѣшанный и умираетъ отъ чахотки: у него что-то съ полъ-легкаго только уцѣлѣло, или что-то въ этомъ родѣ. Мѣсяцевъ шесть онъ еще проживетъ, но врядъ ли больше. Я познакомлю васъ съ его докторомъ,—онъ здѣсь въ костюмѣ Расселоса.

— О, нѣтъ, не надо!

— Вамъ не понравился сэръ Ричардъ?

— Не знаю, право,—онъ какъ будто невоспитанъ...

Но едва отошла отъ нея миссъ Ренсселеръ, какъ Модъ прибавила про себя:

— „Ну, къ чему я это сказала? Я теперь даже очень, очень объ этомъ сожалѣю! Вѣдь я, все равно, никогда больше его не увижу! Положимъ, съ его стороны было слишкомъ смѣло такъ говорить; но онъ—такой интересный собесѣдникъ! И жизнь была бы забавнѣе, если бы людямъ не приходилось такъ строго соблюдать свое достоинство. Какъ только человѣкъ осмѣлится сказать нѣчто такое, чего онъ не долженъ говорить, тотчасъ же полагается дать ему за это нагоняй, а все-таки послушать такихъ рѣчей пріятно“!

V.

Въ мастерской художника Фестюжера, въ Челси, стоитъ тихій говоръ. Молодые люди въ блузахъ, дамы и дѣвицы въ большихъ передникахъ шопотомъ обмѣниваются шутками или замѣчаніями; порою слышится сдавленный смѣхъ.

Съ другого конца комнаты, гдѣ самъ профессоръ возится надъ работой одной молодой ученицы, помогая себѣ при этомъ перочиннымъ ножомъ и пунцовымъ шелковымъ платочкомъ, доносится его строгое шиканье:

— Ст! Ст!.. Тише!—и мгновенно водворяется глубокое, гробовое молчаніе.

— А мнѣ все еще чудятся отголоски серебристаго голоска миссъ Масклинъ,—начинаетъ снова профессоръ, какъ бы думая вслухъ:

— Прошу васъ, приберегите свой жаргонъ для гостиныхъ вашей матушки... А? Что̀ вы тамъ творите?

— О, м-сьё Фестюжеръ! Подойдите ко мнѣ, пожалуйста! Я тутъ такъ напутала!

— Ну, что-жъ, посмотримъ! А знаете, вѣдь ничего себѣ, совсѣмъ недурно. Очень вѣрно схвачено! (Бормочетъ себѣ подъ носъ):—Есть талантъ, есть, только не хватаетъ увлеченія.

Пожимая плечами, онъ отходитъ прочь, и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ слышится мужской шопотъ:

— Миссъ Масклинъ!

— Не говорите со мной; онъ опять накинется! Еще часика два я хочу проработать, какъ негръ... Не мѣшайте.

И въ самомъ дѣлѣ, Модерна горячо принялась за работу.

Такъ прошелъ цѣлый часъ; наступилъ второй часъ...

Тихонько, незамѣтно склонилась ея голова на раму станка.

Миссъ Паркеръ потянулась къ ней и замѣтила сурово:

— Миссъ Масклинъ! Вы задремали?

— О, Паркеръ, душка! Не сердитесь! Я танцовала до четырехъ часовъ утра.

— Да! Ваша поза была крайне живописна; и я даже хотѣла набросить васъ на полотно; но все же это не извиненье: непозволительно танцовать такъ долго, чтобы потомъ сюда являться въ такомъ видѣ!

— Слушая васъ, можно, пожалуй, подумать, что я являюсь въ пьяномъ состояніи.

— Ну, а развѣ это не одинъ изъ видовъ неумѣренности? Вы что ни день, то разъѣзжаете по баламъ, а сюда являетесь высыпаться въ промежуткахъ. Какая вы недомосѣдка! Вы, повидимому, не подозрѣваете: жизнь—это трудъ, забо...

— „Жизнь серьезна, жизнь сурова“! Вотъ ненавижу эту поэму!

— Она и не взываетъ къ такимъ мотылькамъ общества, какъ вы. Всѣ мы здѣсь, безразлично—какъ женщины, такъ и мужчины—должны упорнымъ трудомъ пробивать себѣ дорогу въ жизни. И вотъ, вдругъ вы являетесь сюда въ своихъ прелестнѣйшихъ, воздушнѣйшихъ нарядахъ, распространяя вокругъ себя обаяніе бальной атмосферы. Ваше появленіе всѣхъ насъ

развлекаетъ и даже... ну да, развращаетъ: вѣдь вы поразительно милы, вы хороши настолько, что съумѣли бы обезоружить цѣлое судилище „исполнительнаго комитета", или совратить съ пути истиннаго правосудія самого предсѣдателя. Это не честно, говорю вамъ прямо. Такіе любители, какъ вы, заграждаютъ путь къ настоящей славѣ и загромождаютъ собой стезю искусства.

— Паркеръ! Вы говорите какъ по книгѣ.

— Ну, для чего вы ходите сюда, скажите?—круто обрываетъ ее та.

— Для того, чтобы учиться писать картины, сколько мнѣ кажется,—мягко возражаетъ Модъ.

— „Писать"! „Писать"!! Да въ васъ сидятъ адскія способности!.. Этого я не могу не признать. Для насъ, смиренныхъ кропателей, нѣчто ужасное—наблюдать, до чего малый „минимумъ" труда вамъ приходится затрачивать, чтобы достигнуть такихъ, результатовъ, надъ которыми намъ надо биться цѣлые дни напролетъ, да и то напрасно! Но—помяните мое слово!—это лишь первая ступень. Вы такъ и остановитесь на этомъ; дальше идетъ упорный и тяжелый трудъ, настоящая, суровая работа, а на *это* вы совершенно неспособны! Вы никогда и ничего не въ состояніи создать! Вы неспособны на творчество. Посмотрите на нашу миссъ Лэнъ: у нея на шеѣ фальшивый жемчугъ и дешевенькій, грошевый передникъ, а прическа—не то копна, не то птичье гнѣздо. А у нея въ мизинцѣ больше настоящаго таланта, чѣмъ у васъ, во всемъ вашемъ тѣлѣ.

— Ну, ну, душечка? Продолжайте!

— О, я знаю, что говорю грубо, но вѣдь на то я и „богема". Говорю вамъ прямо: я питаю особое уваженіе къ миссъ Лэнъ. Ну, какъ вы думаете, чѣмъ она занимается, вернувшись домой? Вы думаете, можетъ быть, что она порхаетъ по баламъ и вечеринкамъ, какъ, напримѣръ, ваша милость? Нѣтъ, она портитъ себѣ глаза, работая по ночамъ, въ видѣ упражненія, надъ своимъ собственнымъ изображеніемъ въ зеркалѣ. Ей некогда заниматься флёртомъ!

— Я, значитъ, должна заключить, что *я* имъ занимаюсь?

— О, да! Въ вашихъ глазахъ мы народъ не настолько еще презрѣнный, чтобы съ нами нельзя было „снизойти" пококетничать и влюбить насъ въ себя. Это вѣдь фактъ: вы положительно всѣхъ насъ обворожили, не исключая и меня. Для меня это даже своего рода отличіе, почетъ, что вы меня избрали вашимъ интимнымъ другомъ. Ирина Гэндъ ревнуетъ меня къ

вамъ и даже не хочетъ со мной говорить. Она васъ обожаетъ, но вы-то, вы?! Смотрите, сколько зла вы ей причинили. Цѣлыми годами Филипсъ былъ ея преданнымъ рабомъ; они вмѣстѣ приходили и вмѣстѣ отсюда уходили. Теперь онъ ходитъ одинъ, и всѣ его надежды сосредоточены на томъ, чтобы встрѣтить васъ у крыльца. Посмотрите на юношу Валентайна: ему выпало на долю быть художникомъ, и онъ долженъ самъ пробивать себѣ дорогу, но онъ больше заботится о счастіи промывать вамъ кисти, чѣмъ о своей работѣ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это очень дурно съ вашей стороны!

Модерна надулась.

— Сама буду мыть кисти!

— Постойте, я вамъ помогу.

— Нѣтъ, не надо!

— Миссъ Масклинъ! Кто вамъ подарилъ это бирюзовое колечко? Ужъ, конечно, не Валентайнъ: онъ не настолько богатъ.

— Ну, чего вы отъ меня хотите?—вдругъ спросила Модъ.

— Чтобъ вы отстранили отъ себя своего „смиреннаго вассала", или сами отъ него отстранились...

— Какъ это такъ?

— Удалитесь отсюда!

— Мнѣ и самой сейчасъ пришло это въ голову. Но развѣ это не жестоко по отношенію ко мнѣ? Вы понимаете,—вѣдь я ничѣмъ не могу помѣшать, чтобы...

— Чтобы всѣ въ васъ влюблялись?.. Ну, конечно, это выходитъ такъ само собой, помимо вашей воли; но вы вѣдь и не пробовали этому сопротивляться? А скажите, кстати, почему Франкъ Греэмъ ходитъ такой мрачный, и почему вы больше не бесѣдуете съ нимъ?

— Потому что онъ... Онъ какъ-то разъ вздумалъ сдѣлать мнѣ предложеніе...

— А сколько ихъ такихъ, что дѣлали вамъ предложеніе, осмѣлюсь спросить?

— Да, право же, не знаю; то-есть, я хочу сказать, что здѣсь я не могу этого избѣжать, тогда какъ въ свѣтскомъ обществѣ мнѣ это скорѣе удается. Здѣшніе выслѣживаютъ меня, подстерегаютъ на дорогѣ... И всѣ они—такіе глупые, такіе непрактичные...

— Если Дикъ Валентайнъ не кончитъ своей работы, онъ погибъ!—пророчески вѣщаетъ миссъ Паркеръ, перебивая пріятельницу.

— Я ѣду въ Стикльби, къ кузинѣ Сесиліи, сейчасъ же ѣду!— горячо заявляетъ Модерна.

— И потеряете остальное время учебнаго года?—недовѣрчиво возражаетъ Паркеръ.

— Ахъ, не все ли равно? Послѣ всего, что̀ вы сейчасъ мнѣ говорили, очевидно, изъ меня никогда настоящей художницы не выйдетъ.

— Ну, милая миссъ Масклинъ, если говорить откровенно... я искренно убѣждена, что вы пишете премило... но художницей вамъ никогда не бывать!

— Но должна же я, наконецъ, быть хоть чѣмъ-нибудь?

— Вы будете навѣрно *кѣмъ*-нибудь и, конечно, это для васъ же лучше. Вы выйдете замужъ, у васъ будетъ своя семья, свой домъ, свое мѣсто въ обществѣ, и въ этомъ отношеніи вы потрудитесь на пользу потомства. Искусство же предоставьте намъ, лишеннымъ возможности имѣть поклонника или мужа. Для насъ искусство—все на свѣтѣ, а для васъ оно не больше, какъ модная забава. О, не сердитесь! Сама знаю, что никогда не отличалась благовоспитанностью, а сейчасъ наговорила вамъ грубостей. Простите меня, но я такъ горячусь, глядя на васъ, изящныхъ и милыхъ „любительницъ“ искусства!.. Однако, нашъ профессоръ ужъ вернулся. Завтракъ его конченъ. Пойду, послушаю его окончательный приговоръ моей работѣ.

Въ то время, какъ Паркеръ возвращается къ своему станку, къ Модернѣ подходитъ Ва̀лентайнъ и говоритъ застѣнчиво, тихонько:

— Миссъ Масклинъ! Вы мнѣ позволите сказать вамъ пару словъ?

— Къ сожалѣнію, вѣроятно, не позволю. Я сію минуту ухожу домой съ миссъ Паркеръ.

— Нельзя ли мнѣ переговорить съ вами объ одномъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ... ну хоть мимоходомъ, въ раздѣвальнѣ?

— Да нѣтъ же, право, невозможно! Ступайте и лучше думайте о своемъ дѣлѣ: оно для васъ важнѣе всякаго другого,— прибавила она строго, а про себя подумала: „Паркеръ права; пора мнѣ удалиться отсюда“.

— Знаете, господа? Наша Масклинъ уѣхала и больше не вернется!—говорила одна изъ ученицъ своимъ подругамъ, собравшимся во время завтрака въ женской раздѣвальнѣ.

— Вотъ вамъ и разъ! Кто вамъ сказалъ?

— Нашъ сторожъ, Броунъ. Она собрала всѣ свои пожитки и увезла ихъ съ собой еще вчера.

— Наконецъ-то у насъ все станетъ тихо-смирно!

— Ужъ одинъ ея голосъ чего стоилъ!

— Таланта у нея не было ни крупицы! Фестюжеръ, положимъ, къ ней благоволилъ и даже додѣлывалъ за нее ея картины.

— О, нѣтъ, какъ можно! Я навѣрно знаю, что она никогда этого не допускала.

— Еще бы! Слишкомъ заносчива она отъ природы и самонадѣянна.

— Вотъ мнѣ и не придется кончить эскизъ съ нея...

— О, неужели вы считаете ее такой хорошенькой? У нея даже не художественный видъ.

— Если считать художественностью неряшливость...

— Она модница!

— Съ позволенія сказать, она вѣрно собралась подъ вѣнецъ. А тогда—конецъ искусству!

— Слышали, господа?—волновались мужчины.—Наша Масклинъ и въ самомъ дѣлѣ убралась совсѣмъ.

— Нѣтъ, серьезно? Какая тоска! Насъ всѣхъ заберетъ сонъ.

— Да, теперь все кончено! Остались все однѣ дурнушки!

— Я ѣду въ Парижъ.

— А знаете, она вѣдь писала недурно, и пожалуй доработалась бы до чего-нибудь серьезнаго.

— Еслибъ вы всѣ ей не мѣшали.

— Противная болтушка!

— Ловкая каррикатуристка.

— Вѣрно, выходитъ замужъ!..

— А! Это всѣхъ васъ интригуетъ?—перебилъ своего ученика самъ мосьё Фестюжеръ, направляясь черезъ мужскую „раздѣвальню“ въ мастерскую.—Успокойтесь, она больше не вернется. Довольно развлекаться!

— Не правда ли, она была не изъ настоящихъ работницъ? Бывало, войдетъ, небрежно кивнетъ головой натурщицѣ, граціознымъ движеніемъ усядется передъ своимъ станкомъ, вздохнетъ, зѣвнетъ, мазнетъ раза два-три по полотну за три-четверти часа... Ну, какой толкъ въ этихъ великосвѣтскихъ дѣвушкахъ?—горячился м-ръ Бриггсъ.

— Прекрасно, молодой человѣкъ! Этого еще не хватало, чтобы вы надъ нею издѣвались! Вы говорите—ни крупицы та-

ланта? Ну, такъ я вамъ предлагаю попробовать сравняться съ нею! Можете себѣ смѣяться, сколько вашей душѣ угодно, а я скажу вамъ по совѣсти чистую правду: ей не хватало увлеченія, восторженности, она была недостаточно прилежна, все это вѣрно. У нея не было того, что̀ Ренанъ такъ прекрасно называетъ „la sainte ardeur du travail“,—но зато у нея было... было... „elle avait ça!“—и Фестюжеръ выразительно щелкнулъ пальцемъ. —Желаю и вамъ того же!—прибавилъ онъ презрительно, взглянувъ мимоходомъ на уничтоженнаго Бриггса.

— А что̀ это за штука: „ça“?—спросилъ тотъ товарищей, подражая жесту профессора.

— Очень просто,—отвѣчали ему въ два голоса.—То̀, чего въ тебѣ, дружище, вовсе нѣтъ.

— Какъ бы то ни было, она съумѣла найти слабую сторону нашего старика,—возразилъ Бриггсъ.

— И фигура у нея прекрасная!

— И цвѣтъ лица чудесный!

— И бойкости въ ней пропасть...

— А это развѣ не все равно, что талантъ и геній?.. Да нѣтъ! Я увѣренъ, что *этого* не могъ подразумѣвать нашъ старикъ!—заключилъ убѣжденно его товарищъ Мергатройдъ.

VI.

Въ Іоркширѣ, въ своемъ помѣстьѣ, Сесилія Риддель сидитъ у себя дома за конторкой. Входитъ Модерна, запыхавшаяся, вся въ пыли.

— А, Модерна!—восклицаетъ кузина.—Какъ я рада! Ты знаешь, мы вѣдь тебя ждали только черезъ недѣлю.

— Да я и сама этого не ожидала! Но вы мнѣ говорили, что я могу пріѣхать къ вамъ когда угодно... Минчингъ еще поднимается по лѣстницѣ. Мы васъ не стѣснимъ? А гдѣ же тетя?

— Не знаю хорошенько, можетъ быть на скотномъ дворѣ.

— А можетъ быть и въ птичникѣ, или въ подклѣти... Напрасно ожидать встрѣтить ее въ гостиной.

— Это правда, мама терпѣть ее не можетъ, и она сидитъ тамъ только при гостяхъ или на своихъ засѣданіяхъ.

— Я бы страшно ея боялась, еслибъ она не унаслѣдовала отъ своей дочери нѣкоторыхъ изъ ея добрыхъ качествъ.

— Ну, можетъ ли она что-нибудь унаслѣдовать отъ меня!— кротко возразила Сесиль.—А гдѣ же твои вещи?

— На станціи. Пошли ихъ взять!

— Хорошо. Какъ я рада тебя видѣть, хотя у насъ праздничныя хлопоты въ домѣ.

— А! Очень рада тебя видѣть!—раздался голосъ лэди Риддель, и на порогѣ появилась она сама съ корзинкою яицъ въ рукахъ.

Модерна поспѣшила незамѣтно снять свои кольца и спустить ихъ въ карманъ, прежде чѣмъ подать руку теткѣ.

— Сесилія тебя предупредила, какъ у насъ распредѣлено время на сегодня? Жаль, что нельзя взять тебя съ собою: мѣста нѣтъ. Это было бы для тебя полезно.

— Я немного устала, тетя.

— Устала?! Въ твои-то годы? Да у меня Сесилія заикнуться не смѣетъ, что она устала; а если это и случится, она знаетъ, что̀ ее ожидаетъ...

— Бріонія!—(шепчетъ въ сторону кузинѣ молодая дѣвушка).

— Дѣлать нечего, тебѣ придется примириться съ участью обѣдать наединѣ съ капитаномъ Джикилемъ. Добрая душа, но ограниченъ! Онъ плохой радикалъ и даже, пожалуй, почти консерваторъ. Извлеки изъ него, какую съумѣешь, пользу, только не завлекай его, а не то Сесилія найдетъ, что̀ на это возразить... Пойду принять управляющаго, мнѣ надо его видѣть.

— Я, кажется, убить ее готова!—раздраженно восклицаетъ вслѣдъ матери Сесиль.

— Полно, дружокъ, это повредило бы всему дѣлу!

— Но зачѣмъ же она такъ сватаетъ меня? — укоризненно возразила Сесиль.

— Полно, я вѣдь не считаюсь. Помнишь, ты сама всегда мнѣ повѣряла свои сердечныя тайны? Кольдеръ-Марстонъ, напримѣръ...

— Это дѣло другое.

— Вы помолвлены?

— Нѣтъ еще, но...

— Этихъ двухъ словъ вполнѣ довольно: они все объясняютъ. Какія водятся за нимъ достоинства? Онъ хорошъ собою?

— Да... Нѣтъ... Не очень... Мнѣ кажется, что онъ хорошъ собою.

— Уменъ?

— Да!.. Такъ себѣ... Нѣтъ, не уменъ; то-есть, собственно, не въ твоемъ вкусѣ. Изъ всего графства онъ—самый лучшій стрѣлокъ, самый ловкій наѣздникъ. Его имѣнье граничитъ съ нашимъ.

— О, это обстоятельство уничтожаетъ всякое сомнѣніе. Конечно, ты выйдешь за него.

— Но онъ мнѣ еще не дѣлалъ предложенія!—вскрикиваетъ Сесиль возбужденно: — Модерна! Онъ еще не сватался, пойми ты! И вѣрно никогда не соберется съ духомъ. Смотри же,— будь осторожна, помни, что ты ничего не подозрѣваешь... Да не забудь: ты такъ легкомысленна!

— Не поковетничать ли съ нимъ, чтобы окончательно доказать ему мое невѣдѣніе?

— Да, и окончательно меня отстранить?—печально подсказала бѣдная Сесиль.

— Душка моя, не безпокойся,—онъ рѣшительно не въ моемъ вкусѣ.

— Онъ во вкусѣ кого угодно.

— Все равно, я не буду знать, о чемъ съ нимъ говорить; вотъ развѣ только о тебѣ...

— Пожалуйста, не надо!

— Сесилія! Коляска готова. Пора ѣхать!—окликнула дочь м-съ Риддель.

— Но, мамà...

— Ну, чтò еще?

— Я бы хотѣла сперва представить Модернѣ капитана.

— Ну, ужъ это! — Чѣмъ скорѣе эти глупѣйшія церемоніи отойдутъ въ вѣчность, тѣмъ лучше! Проще всего — подойти къ нему и объявить: „Я Модерна Масклинъ; а вы кто такой“? Затѣмъ, хорошенько пообѣдать и весело провести время, да пораньше улечься въ постель. Завтра поутру увидимся. Въ половинѣ девятаго у насъ завтракъ. Ну, до свиданія! Покойной ночи! —и лэди Риддель удалилась, вслѣдъ за нею и Сесиль.

„Это изъ рукъ вонъ скверно! Три часа просидѣть съ глазу-на-глазъ, не зная этого завзятаго собачника-лошадника! Я ничего не понимаю ни въ лошадяхъ, ни въ собакахъ“,—думала Модерна, спускаясь по лѣстницѣ въ столовую.

„Лучше бы мнѣ лежать въ могилѣ! Меня поцѣловалъ мужчина“!..—съ отчаяніемъ проносится въ головѣ у Модерны.

Вокругъ все тихо. Уже одиннадцатый часъ вечера. Модерна сидитъ одна въ амбразурѣ окна, въ большой, длинной галереѣ.

— Вотъ! Вотъ, въ это самое мѣсто! — вытирая щеку, говоритъ про себя Модерна: — И ничѣмъ, ничѣмъ не сотрешь этого униженія, этого позора! Могла ли я подумать, что со мной

случится что-нибудь подобное? Ну, есть ли во мнѣ хоть что-нибудь такое ужасное, дурное? Неужели я изъ такихъ, которыхъ мужчины не стѣсняются цѣловать для забавы? Чтò я, трактирная дѣвчонка или актриса? Конечно, я—ни то, ни другое; я слишкомъ серьезна. Глядя на меня, никто не скажетъ, что меня цѣловалъ мужчина; да и не цѣловалъ же... до сихъ поръ!.. Онъ меня обидѣлъ, оскорбилъ; я должна его ненавидѣть, а между тѣмъ... (и это для меня ужаснѣе всего!) я не чувствую къ нему никакой ненависти! Если бы я его презирала, я сама никогда бы не позволила ему... Да и не могла же я, ни на минуту, ожидать, что онъ. можетъ меня такъ оскорбить...

— Но, въ сущности, что же такое поцѣлуй, чтобы изъ-за него терзаться? Простое, мимолетное прикосновеніе къ щекѣ, такое же, какими меня награждаютъ братъ мой Вильямъ или кузина Сесилія! И къ чему мнѣ придавать этому значеніе?..

— Но вѣдь то былъ мужчина и чужой! И если мнѣ теперь когда-либо случится полюбить порядочнаго человѣка,—или если кому случится полюбить меня,—мнѣ придется... я буду обязана признаться, что меня... цѣловали! Мой первый поцѣлуй достался не „ему“, а кому-то нелюбимому, чужому, и никогда, никогда, больше этотъ первый поцѣлуй никто на свѣтѣ не получитъ. Я замужъ никогда не выйду; такъ даже лучше будетъ! Я и прежде никогда замужъ не собиралась, а теперь не могла бы, даже если бы захотѣла...

— Но какъ это случилось? Я припоминаю смутно и — не могу припомнить. Развѣ я кокетничала съ нимъ? Я ему пѣла, но вѣдь это еще не значитъ кокетничать или—завлекать... Только я никогда не пѣла такъ... такъ... Потомъ онъ вышелъ вмѣстѣ со мною и подалъ мнѣ свѣчу, чтобы идти наверхъ... и взглянулъ на меня своими потемнѣвшими глазами...

— Ахъ, зачѣмъ я на него взглянула?.. Мы пожали другъ другу руки и...

Модерна закрыла лицо руками.

— Я убѣжала!.. Я не дала ему сказать ни слова... Чтò онъ подумалъ про меня? Что я разсердилась или... или онъ улыбнулся мнѣ вслѣдъ? Нѣтъ, вотъ теперь я дѣйствительно его ненавижу! Онъ поцѣловалъ меня!..—и Модерна горько зарыдала.

Капитанъ Джикиль, поднимаясь вверхъ по лѣстницѣ, замѣтилъ въ галереѣ одинокую фигуру молодой дѣвушки, и она замѣтила его. Вскочивъ проворно на ноги, она бросилась бѣжать, но ея платье за что-то зацѣпилось. Капитанъ подоспѣлъ ей на помощь.

— Позвольте! — проговорилъ онъ церемонно и высвободилъ ея платье. Ну вотъ, готово! Покойной ночи!.. Боже! да вы въ слезахъ? Какой же я...

— Не будемъ объ этомъ говорить. Прощайте.

— Но я долженъ сказать...

— Да развѣ вы не видите, что вы только хуже сдѣлаете, распространяясь? О, уходите, пожалуйста, уходите! Это будетъ самое лучшее!

— Я знаю; но я готовъ сдѣлать все, что̀ угодно, чтобы васъ убѣдить... Послушайте! Я завтра рано поутру уѣду... такъ вы можете смѣло пожать мнѣ руку на прощанье и сказать, что прощаете меня?

— Вы уѣзжаете? Навѣрно? Какъ это хорошо съ вашей стороны!

— Но сперва вы должны пожать мнѣ руку!

— Я бы не особенно желала...

— Значитъ, вы меня не простили?

— Простила, уже простила... только мнѣ не хотѣлось бы смотрѣть прямо вамъ въ лицо. Я не хочу вспоминать про свой позоръ...

— Миссъ Масклинъ! На васъ нѣтъ позора... никакого! Я никогда самъ себѣ не прощу... Но вы-то, миссъ Масклинъ, вы не должны ни на минуту думать, что я принялъ вашу снисходительность за поощреніе... Я былъ какъ безумный... совершенно какъ безумный, въ теченіе всего пяти минутъ... Неужели вы не можете подарить меня вашимъ прощеніемъ? Скажите!

— Да!.. О, да...

— И постараетесь позабыть происшедшее?

— Нѣтъ, не могу я, не могу!.. — горячо воскликнула Модерна.—Я буду думать, буду вспоминать до конца жизни.

— Постойте! Есть еще средство все исправить...

— Нѣтъ, никакого и никогда!

— Я могъ бы... (запинаясь) могъ бы сдѣлать вамъ предложеніе... Неужели это такъ уже невозможно?

Водворилось молчаніе.

— Не знаю, какая выгода была бы въ томъ, чтобы мы обоюдно сдѣлали себя несчастными навѣки?

— О, за себя я отвѣчаю: я не былъ бы несчастливъ съ вами. Попробуйте, послушайтесь меня! Я не стану васъ увѣрять, что я люблю горячо, что я вамъ преданъ: я только нѣсколько часовъ тому назадъ встрѣтился съ вами въ первый разъ; но, клянусь спасеніемъ души моей, я васъ люблю, какъ не лю-

билъ еще никого въ жизни, и это слово ближе всего выражаетъ то чувство, которое я испытываю по отношенію къ вамъ. Я такъ хотѣлъ бы убѣдить васъ въ этомъ, дорогая!

— „Я и сама почти хотѣла бы въ этомъ убѣдиться!"—подумала про себя Модерна, но вслухъ проговорила:—Благодарю васъ! Ну, надѣюсь, теперь все въ порядкѣ? Вы сдѣлали мнѣ предложеніе, а я вамъ отказала. Чего же мнѣ больше? (съ горькимъ смѣхомъ прибавила она). Должна же я быть довольна? Ну, я и довольна. Я готова пожать вамъ руку и пожелать спокойной ночи.

— Ради Бога, отнеситесь ко мнѣ серьезно! Я самъ никогда въ жизни еще ни на что не смотрѣлъ такъ серьезно; никогда еще не былъ такъ влюбленъ. Честью васъ завѣряю, ни одна женщина въ мірѣ не была для меня дороже васъ. Развѣ этого мало? Женихъ имѣетъ право цѣловать свою невѣсту. Но пока мы лучше ничего не скажемъ, а дня черезъ четыре — чтобы сразу ихъ не пугать... Лэди Риддель будетъ очень довольна, а Сесилія...

— Сесилія?!—воскликнула Модерна:—Боже мой, что̀ я надѣлала? Сесилія... и вы...

— Къ чему вамъ понадобилось соединять наши имена? Я никогда не былъ и не буду ничѣмъ по отношенію къ ней.

— Не будете? Но вы уже теперь... Вы должны быть ей дороги. То-есть, я хочу сказать... Пустите меня!

— Нѣтъ, не пущу, пока не скажете: да или нѣтъ! Слышите стукъ колесъ? Онѣ сейчасъ подъѣдутъ. Вы завтра мнѣ отвѣтите: теперь ничего слушать не хочу! Покойной ночи, дорогая, милая! Кажется, все на свѣтѣ готовъ бы я отдать за право... повторить оскорбленіе... Нѣтъ, нѣтъ! Пока не возражайте. Спокойной ночи!

Поутру за чайнымъ столомъ сошлись всѣ, кромѣ Модерны.

— Вамъ чаю или кофе, Франсисъ?—спросила лэди Риддель.

— Позвольте кофе. А гдѣ же миссъ Масклинъ?

— Ахъ, ужъ и не говорите! Уѣхала съ поѣздомъ 8 час. 20 мин. утра.

— И не оставила никакой записки?

— Она вошла ко мнѣ въ спальню въ семь часовъ и простилась со мною, страшная, какъ привидѣніе; привела какіе-то нелѣпые резоны, почему ей нужно сейчасъ же вернуться въ городъ... Странная дѣвушка!

- По моему, это чрезвычайно нелюбезно съ ея стороны! — замѣтила капризно Сесилія.

— О, моя племянница — совсѣмъ сумасшедшая... Прелестнѣйшая дѣвушка, но совсѣмъ сумасшедшая!

— Совершенно съ вами согласенъ, лэди Риддель! — какъ-то особенно свирѣпо подтвердилъ капитанъ.

VII.

На дачѣ, въ Сёрреѣ, все общество увлекалось теннисомъ. Не принимала въ немъ участія только Пегги, предпочитавшая сидѣть въ тѣни, въ саду, за чайнымъ столомъ.

— Очень рада, что не играю! — разсуждала она. — Я слишкомъ велика, чтобы такъ играть! Модерна подгоняетъ шаръ Артура Девереля изъ боязни, что онъ можетъ промахнуться, а Вэрона до того углубилась въ разговоръ съ Томомъ, что пропускаетъ свою очередь играть. Не понимаю, почему эта игра называется „теннисъ": было бы правильнѣе назвать ее: „болтовня". Взрослые больше всего на свѣтѣ любятъ говорить. Мама и м-съ Дженкинъ вернулись домой. М-съ Дженкинъ бѣсится, что не можетъ играть въ теннисъ; ей мѣшаютъ высокіе каблуки и стянутый корсетъ. Она все можетъ дѣлать, что̀ угодно, только не играть въ эту игру. Вэрона терпѣть ее не можетъ. Охъ, ужъ эти мнѣ взрослые люди!..

— Меня все допрашиваютъ, не хочется ли мнѣ поскорѣе начать выѣзжать? Конечно, не очень, сколько мнѣ кажется; и къ чему мнѣ такъ стремиться къ выѣздамъ? *Они* не понимаютъ, они говорятъ: „Бѣдняжка! Ей только пятнадцать лѣтъ! Еще три года ждать, пока ее начнутъ вывозить"! Благодарю покорно! Знаю, прекрасно знаю, что̀ такое эти хваленые выѣзды: на своихъ сестрахъ видѣла, какъ это хорошо и весело. Во-первыхъ, вамъ заказываютъ бальное платье, и вы думаете, что это — прелестнѣйшее, единственное платье во всемъ мірѣ; оно готово, его приносятъ... Крики, слезы: платье сидитъ нехорошо, и некрасиво, и, словомъ, никуда не годится! Скорѣй умру, чѣмъ наряжусь въ такое безобразіе! Но передѣлывать некогда, — объ этомъ (можете быть спокойны!) позаботилась портниха. Во-вторыхъ, прическу надо сдѣлать по новому; волосы не привыкли и не хотятъ держаться. Вы волнуетесь, вы суетитесь; вы бросаетесь туда и сюда... Карета уже давно ожидаетъ у подъѣзда... Вы сыплете себѣ на лицо цѣлое море пудры и бѣжите къ выходу,

не стеревъ хорошенько ея бѣлый слой. Мои сестры, возвратившись домой послѣ бала, бросались на кровать, не раздѣваясь, и принимались вертѣться и пищать, жалуясь на понесенное разочарованіе: „веселое общество“—не что иное, какъ „обманъ пустой“; и ничто не складывается такъ, какъ бы того хотѣлось. Но я и безъ того могла бы имъ сказать, какъ и что будетъ. Конечно, онѣ остановили свое вниманіе на самомъ невозможномъ изо всѣхъ танцоровъ въ бальной залѣ, а онъ не только не былъ имъ представленъ, но даже не протанцовалъ ни одного тура. Я, съ своей стороны, вовсе не думаю, чтобы жизнь была „обманъ пустой“. Я всегда творю волю свою, и всегда съумѣю добиться всего, чего захочу...

— А что, не съѣсть ли мнѣ еще одинъ „petit four“! Я съѣла ихъ только шесть штукъ, а Вильямъ—цѣлыхъ восемь! Блюдо начинало замѣтно пустѣть,—ну, вотъ, я и прогнала его разыскивать лужайку для шаровъ...

— Вѣдь по моей же иниціативѣ, по моему желанью переѣхали мы на лѣто въ этотъ лѣсистый деревенскій уголокъ, вмѣсто церемонныхъ, несноснѣйшихъ купаній и модныхъ курортовъ. Тутъ у насъ, въ Мерро, даже сосѣдей нѣтъ по близости; вотъ развѣ только Деверели,—оба такіе милые и такіе красавцы, что я любого изъ нихъ выбрала бы себѣ въ зятья... Впрочемъ, Фредъ, по моему, лучше Арчера; жаль только, что онъ уже помолвленъ съ Флосси Ренсселеръ. Эта Флосси—порядочная шалунья; я намѣреваюсь часто съ ней видаться, когда она выйдетъ замужъ...

— Боже! Что за безконечная игра! Не выпить ли мнѣ еще чаю?.. Ахъ! чай совсѣмъ простылъ. Ну, вотъ — пятно на скатерти! Положу на это мѣсто... (что бы такое положить?) носовой платокъ! А, жаль, что онъ такой грязный! И гдѣ онъ могъ такъ изваляться? А, знаю: я имъ подбирала головастиковъ... Ну вотъ, эта глупая Модерна нарядилась въ юпку съ кружевами, да сама и запуталась въ нихъ...

— Я всегда ношу короткія юбки,—какъ можно короче: это я сама придумала такую хитрость, чтобы мнѣ подольше жилось привольно, какъ подростку. Взрослыя дѣвицы думаютъ, что меня такъ нарочно одѣваютъ, а это все—я сама! Будь на мнѣ длинная юпка, я тотчасъ же была бы обязана держать себя степенно, словно аршинъ проглотила; зато теперь я могу бѣситься, сколько моей душѣ угодно. И какъ смѣшно, когда я вдругъ выкину какую-нибудь шутку или произнесу цѣлыя рѣчи самаго невообразимаго содержанія! Мнѣ все сходитъ съ рукъ,—какъ я ни бываю дерзка и безразсудна...

— Понятно, у меня тоже есть уроки и занятія; дурацкіе уроки! Я думаю, что та женщина—набитая дура, которая не съумѣетъ провести своихъ учителей. У меня есть и учительница тоже,— скучнѣйшая изо всѣхъ француженокъ на свѣтѣ,—совершенно безобидное созданье. Я весьма старательно ее выбирала, и она мнѣ почти нравится. Она знаетъ, что я не люблю, чтобы она совала носъ въ мои дѣла... Я очень рѣдко съ нею вижусь. Положимъ, мнѣ подаютъ кушать въ классную комнату, и я обѣдаю вмѣстѣ съ нею; но она все время читаетъ свои любезные романы... все неприличные, конечно! И я была бы не прочь познакомиться съ ними поближе; но, право же, мнѣ нѣкогда!..

— Я всегда спѣшу ѣсть и глотаю жадно, причемъ она меня предупреждаетъ, что я испорчу себѣ цвѣтъ лица. Но и на это у меня есть отвѣтъ, я говорю: „Ну, и прекрасно! Когда я выросту, еще успѣю подумать о своемъ цвѣтѣ лица"... Зимою у насъ часто бываютъ званые обѣды, и также часто случается, что насъ всѣхъ тринадцать. Мамà говоритъ, что многіе не любятъ видѣть „тринадцать за столомъ"; но главное, это—она сама. Тогда меня зовутъ внизъ, и я обѣдаю „съ большими", хоть, говоря откровенно, я предпочитаю свои уединенные обѣды „наверху": тамъ ужъ прислуга знаетъ, что я люблю покушать, и мнѣ ни въ чемъ нѣтъ отказу. На дняхъ, зная, что у насъ будутъ гости, я упросила Билли Данверса остаться дома, чтобы не ему, а мнѣ досталось быть четырнадцатой. Для разнообразія, и внизу обѣдать иной разъ очень интересно. Милый мальчикъ! Онъ отговорился лихорадкой, а вечеркомъ все-таки пришелъ къ намъ, и я его поблагодарила за услугу.

— Модерна думаетъ, что онъ—*ея* поклонникъ. Вовсе нѣтъ:— онъ ничей! Ему даже вовсе не хочется жениться, и я вполнѣ раздѣляю его взгляды: я тоже не хочу выходить замужъ! Можетъ быть, потому мы съ нимъ такъ и дружны, что онъ не видитъ во мнѣ искательницы жениховъ?..

— Я лично не стою за бракъ, но это не мѣшаетъ мнѣ помогать бѣднымъ взрослымъ барышнямъ. Мнѣ, собственно, приходится при нихъ играть ту роль, которую играютъ при мошенникахъ маленькіе мальчишки: юркіе, смѣтливые, они пролѣзаютъ въ щели и окна, чтобы затѣмъ отпереть разбойникамъ изнутри. Вотъ барышни меня и посылаютъ лазить въ такія именно щели и окна. И ничего,—на этотъ счетъ я просто геній!..

— На дняхъ Модерна всю ночь не могла ни спать, ни сидѣть спокойно: она призналась мнѣ, что Арчеръ Деверель (какъ ей показалось) ушелъ домой въ полной увѣренности, что ей больше

нравится поэтъ де-Виръ. Модерна говоритъ, что ей дорого доброе мнѣніе каждаго; но я думаю, что дороже *каждаго* для нея именно не кто иной, какъ этотъ самый красавецъ-Деверель...

— Модерна повела меня къ себѣ въ комнату, закрыла поплотнѣе всѣ двери и окна (удивляюсь, какъ это она забыла заткнуть трубу въ каминѣ!) и повѣдала мнѣ свое желаніе, чтобы Арчеръ съ моихъ словъ могъ догадаться, что онъ ошибся... Только это все надо сдѣлать очень, очень тонко, чтобы онъ отнюдь не заподозрилъ, что она, Модерна, къ нему сама неравнодушна!.. Я обѣщала ей все, что угодно, только бы она, въ свою очередь, не разболтала мое приключенье съ моимъ пѣсикомъ Таузеромъ... И она обѣщала; да на придачу подарила свою старую шляпу и старый лоскутъ валансьеновъ, который у нея валялся безъ дѣла...

— Недолго думая, я поутру помчалась прямо туда. Я родственница, и потому никого не могло удивить мое появленіе. Нимало не смущаясь, я назвала, кого мнѣ было надо видѣть, а очутившись съ нимъ съ глазу-на-глазъ, я прямо, безъ какихъ бы то ни было подходовъ, объявила ему, что Модернѣ никто не нравится, кромѣ него. Онъ немного смутился, но сказалъ: „Неужели!?“—и видъ его былъ вообще такой, какъ будто онъ самъ этого никогда не замѣчалъ. Я сказала, что мы вообще терпѣть не можемъ поэтовъ, а слѣдовательно, и Модернѣ не можетъ нравиться де-Виръ. Но, можетъ быть, онъ и знать не хочетъ нашу Модерну? Все равно, я ему подала мысль, что онъ могъ ей понравиться,—и того довольно! Меня вдругъ осѣнила мысль позвать его съ братомъ на теннисъ и на чашку чаю и— не угодно ли полюбоваться?—вотъ они всѣ на лицо, на лужайкѣ, а онъ такъ углубился въ созерцаніе Модерны, что все даетъ мимо. Надо надѣяться, что его заберутъ въ руки!..

— Вильямъ! Плутяга! Гдѣ ты былъ? Досталъ гнѣздо? Небось, хочешь приберечь его для себя? Нѣтъ, нѣтъ: ты и не думалъ меня звать! Постой! Оставь печенья въ покоѣ! Ну, можешь съѣсть то, что упало въ муравейникъ,—по крайней мѣрѣ, не такъ жалко будетъ вкуснаго petit four'а! Ты можешь вытереть его и съѣсть. Джэмсъ! Джэмсъ! подайте еще пирожковъ: съ ними бѣда случилась. Вильямъ, потомъ пойдемъ, сыграемъ партію вдвоемъ,— да хорошенько! Покажемъ имъ, какъ надобно играть! Пойдемъ скорѣе!

Поздно вечеромъ въ комнату къ Модернѣ входитъ Вэрона въ своемъ ночномъ капотикѣ.

— Вышли вонъ свою Aurélie!—проситъ она сестру.

— Ну, вотъ, она ушла. Въ чемъ дѣло?

— Ни въ чемъ.

— Такъ знаешь, иди лучше спать сама, да и мнѣ не мѣшай.

— Какая ты безчувственная, право! Я хочу поговорить съ тобой про сегодняшній обѣдъ.

— Ну, и говори. Я буду слушать.

Водворяется довольно долгое молчанье.

— Ты обратила вниманіе на вдову? — начинаетъ опять Вэрона.

— Непремѣнно, какъ всегда. Это прекрасное упражненіе.

— Она очень ухитряется краснѣть.

— Ужъ хоть бы это предоставила намъ,—молодымъ дѣвицамъ.

— Но она сама вѣдь еще молода: ей двадцать-седьмой годъ. Ахъ, какъ бы я хотѣла быть вдовой! Томъ Лауренсъ говоритъ, что м-съ Дженкинъ выразила желаніе быть ему матерью.

— Да кто тебѣ сказалъ это?

— Да онъ самъ, Томъ Лауренсъ. Только онъ не хочетъ: у него дома есть родная мать...

— И все это онъ самъ добровольно говоритъ тебѣ?

— Онъ все мнѣ говоритъ, всегда!

— Ну, значитъ, побѣдила ты, а не вдова.

— Но, Модерна, она такая умная, такая хитрая! Онъ говоритъ, что она нестерпимо ему надоѣдаетъ; а все-таки въ концѣ концовъ самъ къ ней бѣжитъ. Она такъ хорошо умѣетъ вò-время сказать, вò-время промолчать.

— И даже смотритъ еще лучше, еще краснорѣчивѣе, чѣмъ говоритъ.

— Очень было нужно приглашать ее гостить!

— Если наняли на лѣто цѣлый домъ, надо же его кѣмъ-нибудь наполнить!—пошутила Модерна.

— Ну, ужъ ее-то можно бы не приглашать.

— Отчего же? Она такъ оживляетъ...

— Только не насъ съ тобою!

— Не для однѣхъ только барышенъ созданъ весь міръ!

Опять молчаніе.

— Боже! Никакъ ты завиваешься, Модерна? Конечно, для пикника у Деверелей?

— Нѣтъ, не совсѣмъ. Я вообще люблю быть миловидной.

— А какъ ты думаеше, будетъ завтра дождь?

— Нѣтъ, пусть ужъ лучше вѣтеръ: *ея* завитушки не выдерживаютъ вѣтра.

— Ну, такъ пусть будетъ вѣтеръ, буря!

— Вотъ глупая!

— Это еще за что̀?

— Ты сама лучше знаешь.

Сестры умолкаютъ.

— А м-съ Дженкинъ, какъ будто, ухаживаетъ за Томомъ?— начинаетъ опять Вэрона.

— Нѣтъ, это у нея просто такая ужъ привычка...

— Однако, онъ и за обѣдомъ сидѣлъ рядомъ съ нею.

— Понятно! Его мама тамъ посадила...

— Но говорилъ онъ больше со своей другой сосѣдкой.

— А кто она такая?

— Ну, одна барышня...

Еще молчаніе.

— Эта барышня была—я!—продолжаетъ Верона.

— Вотъ какъ? А я и не замѣтила!.. Послушай, Вэрона! Мнѣ надоѣла моя старая прическа; я хочу попробовать новую. Смотри, вотъ такъ! Хорошо?

— Отвратительно! Совсѣмъ тебѣ не къ лицу.

— Ну, а вотъ такъ?

— Нѣтъ, лучше вотъ такъ..., или такъ... Все равно, какъ-нибудь!

— Какая ты безучастная!..—и, помолчавъ, прибавила: —Я, кажется, спать пойду; ты не хочешь слушать...

— Нѣтъ, отчего же? Говори, только о чемъ-нибудь интересномъ...

— Ради Бога, не будь какъ Арчеръ Деверель!

— А ты не будь груба!

— О, Модерна, неужели ты въ самомъ дѣлѣ влюблена въ этого фатишку?

— Нельзя ли безъ такихъ названій?

— Что̀ же тутъ такого? Это не какая-нибудь вещь, которую можно измѣнить или передѣлать. И вдобавокъ онъ отвратительно играетъ въ теннисъ.

— Ну, кто его къ намъ приглашаетъ?

— Только не я.

— Ну, такъ, значитъ, Пегги! Она очень уже бойка на все, на что̀ угодно.

— Вотъ тебѣ и разъ! Ты уже въ постели?

— Кажется, уже довольно поздно?

— Мнѣ бы уйти?

— Пожалуй.

— Но я бы, кажется, готова всю ночь говорить.

— Помилосердуй!

— Сознайся, ты вѣдь злишься?

— Нѣтъ, только я спать хочу!

— Покойной ночи, милочка!

— Покойной ночи!..—и Вэрона уходитъ.

— Модъ, проснись! Проснулась, душка моя, ангелочекъ!—говоритъ, вернувшись, Вэрона.—Скажи ты мнѣ...

— Ну, что̀ такое?

— Да проснись хорошенько: дѣло серьезное!

— Отстань, Вэрона! Не мучай меня, не мѣшай мнѣ спать. Вотъ, вотъ уже засыпаю...

— Постой, Модерна, душка! Погоди минутку! Только скажи: по-твоему, которая изъ двухъ: я или вдова?

— Я думаю, ни та, ни другая!

— Модерна, ну, будь же милая!

— Дѣлать нечего, придется покориться, — согласилась Модерна. — Ну, слушай: она уѣзжаетъ съ поѣздомъ одиннадцать-десять, послѣ завтра,—если это можетъ служить для тебя утѣшеніемъ.

— А кто тебѣ сказалъ?

— Мама̀. И я сама свидѣтельница, какъ Томъ искалъ ей въ росписаніи подходящаго поѣзда.

— О, душка! Въ самомъ дѣлѣ?

— Конечно, дурочка! Развѣ ты не видишь, что она нарочно заигрываетъ съ Томомъ, чтобы поддразнить Девереля. А вчера—слушай же, слушай внимательно!—Томъ спрашивалъ у меня, есть ли на свѣтѣ глаза прекраснѣе твоихъ?.. Ну, что̀, теперь довольна?

— О, Модъ! Ты душка, ты восторгъ! Ты меня сдѣлала счастливой! Никогда въ жизни не забуду, какой ты была доброй для меня сестрой... Фу! Да никакъ она ужъ задремала?..

VIII.

М-съ Мортимеръ даетъ танцовальный вечеръ въ Кенсингтонѣ. Съ первыми звуками вальса, нѣсколько человѣкъ парами ухо-

дять изъ оранжереи въ залу. Модерна остается сидѣть на мѣстѣ и глядитъ имъ во слѣдъ.

— Вонъ, вонъ *она* идетъ! Я узнаю ее по спинѣ. Нѣтъ... Да нѣтъ же, я къ ней не ревную! Но все-таки мнѣ бы хотѣлось... Вэрона, ты чего?

Вэрона быстро къ ней подбѣжала, оставивъ на минутку своего кавалера, и принялась ее убѣждать.

— Ну, чего тебѣ сидѣть здѣсь, совсѣмъ въ сторонѣ, вмѣсто того, чтобы танцовать и веселиться? *Онъ* только и видитъ, и слышитъ, что Флосси Ренсселеръ.

— Я не понимаю, что̀ ты хочешь этимъ сказать?

— Ну, вотъ уже и разсердилась! А я-то даже бросила своего кавалера, чтобы только прибѣжать тебя утѣшить...

— „Утѣшить"?! Можешь убираться, откуда пришла!—вспыхнула Модерна, а про себя прибавила:—„Такой отвратительной дѣвчонки еще свѣтъ не производилъ! Все-то онѣ раскопаютъ, эти сестры!.. Ну, вотъ, только еще Флосси не хватало"!

— Чего вы тутъ сидите въ одиночествѣ, Moderna mia? У васъ нѣтъ кавалера?—бойко окликнула ее миссъ Ренсселеръ.

— Не говорите глупостей! Конечно, у меня есть кавалеръ.

— Къ чему же вы запрятались такъ далеко, что онъ навѣрно васъ не сыщетъ? Это можетъ даже показаться очень страннымъ...—и Флосси уходитъ.

— Я и сама такъ думаю,—разсуждала Модерна.—Не пойти ли назадъ? А! Вотъ и мой кавалеръ! Ну, что̀, Билли? Жарко въ залѣ? Идите скорѣй сюда, да посидимъ и поболтаемъ немножко. Танцовать я что-то не хочу.

— Ну, и я также! — подхватилъ Билли Данверсъ. — Когда угодно, я готовъ съ вами съ бо̀льшимъ удовольствіемъ болтать, нежели танцовать.

— Ужъ будто я такъ отвратительно танцую?

— Полноте! Вы прелесть, что̀ за дама! Только иной разъ больше удовольствія доставляетъ болтовня...

— Что̀ у васъ за прелесть бутоньерка!.. И какая большая!

— Это не моя; ее мнѣ уступилъ Арчеръ Деверель.

— Дайте взглянуть!

— О, нѣтъ! Я боюсь, что пожалуй не получу ея обратно.

— И не нуждаюсь! Такой кочанъ капусты! Неужели вы можете подумать, что я говорю серьезно?

— Однако, вашъ даръ умиротворяющимъ образомъ дѣйствовать на людей, кажется, пропалъ! И всѣ такіе несносные сегодня!

— А съ кѣмъ вы танцовали? Съ Флосси Ренсселеръ?

— Благодарю покорно! Я не желаю дѣлиться съ Деверелемъ.

— Ну, такъ кто же ваша дама? Я непремѣнно хочу знать, —лѣниво говоритъ Модерна.

— Да никто же, никто! Удивительно, что барышни считаютъ необходимостью для мужчины быть влюбленнымъ. Но жизнь, помоему, гораздо серьезнѣе такихъ пустяковъ.

— Ну, вамъ придется основательно изучить эти „пустяки", когда вы будете дипломатомъ: флёртъ и умѣнье играть въ любовь входятъ въ ваши обязанности, какъ дипломата.

— Ну, это-то я съумѣю! — убѣжденно говоритъ добродушный Билли. — Только серьезно влюбляться, по-моему, страшная нелѣпость! Я до сихъ поръ умѣлъ этого избѣгать, и ни въ кого не влюблялся,—даже въ васъ!

— Ну, въ меня не быть влюбленнымъ очень легко!—съ горечью замѣчаетъ Модъ.

— Вовсе нѣтъ! — вѣжливо протестуетъ Билли.—Только вы для меня еще недостаточно стары.

— Попробуйте влюбиться въ Флосси.

— А она старше васъ?

— Право, не знаю хорошенько.

— ...И вдобавокъ, я не хотѣлъ бы пересѣчь дорогу Деверелю...

— Развѣ онъ?..

— Вы только посмотрите, что̀ за парочка! Они вѣдь неразлучны, и Флосси такъ углубилась въ бесѣду съ нимъ! О, это дѣло рѣшенное. Развѣ вы не знали? Я даже готовъ объ закладъ побиться. Хотите пари?

— Я... мнѣ всегда казалось, что она—невѣста его брата, Фреда... Прошлымъ лѣтомъ въ Мерро...

— Знаю! Но они въ чемъ-то разошлись и больше не сближались. Я лично предпочитаю Фреда; Арчеръ—такой фатишка!.. И что̀ онъ въ ней нашелъ? Она—такая легкомысленная!.. Вотъ и сейчасъ, во время лансье́, она сунула мнѣ въ руку записочку... Показать вамъ?

— Эта записочка къ ...? Нѣтъ, я думаю, вы не имѣете права,—и Модерна, которая было-наклонилась впередъ съ горячимъ любопытствомъ, отшатнулась отъ своего собесѣдника.— Не смѣйте мнѣ показывать! Не то я больше слова съ вами не скажу!

— Ну, ну, конечно: — я вѣдь только пошутилъ! — Въ этой запискѣ она проситъ, чтобы я ей уступилъ тѣ три танца, которые она мнѣ обѣщала. Они понадобились ей для Девереля, это очевидно.

— Она, кажется, вообще дѣвица изъ такихъ, что̀ нравятся мужчинамъ?—спросила Модерна.

— Да, она все время интересничаетъ и дѣлаетъ имъ глазки. Я, съ своей стороны, терпѣть этого не могу... И хоть Арчеръ фатишка, а мнѣ жаль, что эта американка успѣла его закрутить. Но, можетъ быть, виною ея деньги? Ему такъ хочется попасть въ члены парламента...

— Билли!—вдругъ останавливаетъ его Модъ. — Слѣдующій танецъ вы свободны?

— Да. Но зачѣмъ вамъ знать? Вамъ надо кого-нибудь... обидѣть?

— Да, конечно.

— Бѣдный! Кто бы онъ ни былъ, мнѣ его очень жаль. Такая вы сегодня прелесть! Сначала, вы были немного блѣдны, но теперь разгорѣлись... А! Музыка заиграла... побѣгу скорѣе...

— Бѣгите, Билли; я подожду васъ здѣсь.

— А кстати: мы держимъ пари... только на что̀?

— Не знаю... все равно... Ну, хоть на вашу бутоньерку.

— Ага! Вамъ все-таки ее захотѣлось?

— Ну, ну, бѣгите, а не то я разсержусь и никогда ни слова съ вами не скажу!

На смѣну Билли вошелъ Арчеръ Деверель, съ дамской накидкой на рукахъ.

— Наша очередь!—проговорилъ онъ.—Но вмѣсто танцевъ не пойти ли лучше намъ въ оранжерею?

— Пожалуй, для этого немного свѣжо!—довольно холодно возражаетъ Модерна.

— Простите, но я взялъ на себя смѣлость позаботиться объ этомъ. Я замѣтилъ вашу накидку и зашелъ взять ее въ сѣняхъ. Пойдемте, посмотримъ на рѣдкостный цвѣтокъ, который цвѣтетъ только по ночамъ: онъ тамъ, въ оранжереѣ, въ концѣ сада. Всѣ уже видѣли его, а я ждалъ васъ, чтобы пойти намъ вмѣстѣ.

— Но вы вѣдь танцовали съ миссъ Ренсселеръ?

— Да. Наконецъ-то она согласилась выйти за моего брата, Фреда! Я радъ, что мнѣ удалось этого добиться: онъ, бѣдный, такъ по ней страдалъ! Вы вообразить себѣ не можете, до чего я измучился за эти нѣсколько мѣсяцевъ съ чужими дѣлами... Мнѣ некогда было подумать о своихъ... Идемъ скорѣе!—и онъ заботливо помогъ молодой дѣвушкѣ надѣть накидку...

Полчаса спустя, въ залѣ, гдѣ былъ накрытъ ужинъ, они встрѣтили Билли и Вэрону.

— А что̀, Билли: намъ здѣсь найдется мѣсто? — спросила Модерна.

— Да; мы съ Вэроной сейчасъ устроимъ вамъ мѣсто за столомъ,—проговорилъ онъ и, вглядываясь ей въ лицо, прибавилъ.— А что̀, Модъ, не хотите ли взять мою бутоньерку?

— Хочу!—мягко согласилась она.

Изъ дневника Модерны.

„28-го мая.—Я ему все сказала... Какъ мнѣ было противно признаваться! Онъ вовсе не такъ горячо принялъ это къ сердцу, какъ я ожидала; онъ даже нашелъ, что капитанъ Дживиль поступилъ прекрасно. Я ему сказала, что шесть мѣсяцевъ тому назадъ онъ женился на Цисси Риддель; значитъ, *я ей* во всякомъ случаѣ не повредила. И какъ я счастлива, что все ему сказала!.. Какъ я могла его такъ страшно ревновать,—и къ кому же? къ Флосси Ренсселеръ! Это представляется мнѣ теперь совсѣмъ невѣроятнымъ. Арчеръ считаетъ ее неособенно благовоспитанной дѣвицей, но конечно открыто въ этомъ никогда не признается: она вѣдь будущая его невѣстка... и моя также“!..

IX.

— Ну, что̀ подѣлывала вчера моя крошка Модъ?—спрашивалъ Деверель, идя съ невѣстой по Пикадилли, въ ясное весеннее утро.

— Постой, дай припомнить!.. Не легко мнѣ достался вчерашній день. Вильямъ въ отпуску и ожидаетъ, что я буду исполнять безпрекословно его волю, что̀ я и дѣлаю, конечно; затѣмъ, я пошла къ твоей „sainte mère“...

— Къ моей?..

— Ахъ, извини, пожалуйста! Къ лэди Деверель. Это было для меня своего рода испытаніе; но я надѣялась тамъ встрѣтиться съ тобой...

— Въ самомъ дѣлѣ? Я бы хотѣлъ,—нѣжно проговорилъ Деверель,—чтобы ты была въ добрыхъ отношеніяхъ съ моей матерью... Она во многомъ могла бы быть тебѣ полезна...

— Но я и безъ того ее люблю! Я считаю, что она—милѣйшая старушка! А твоя сестра—трещотка... О, прости, пожалуйста! Видно, моя судьба все просить у тебя прощенія; но право же, когда Вильямъ дома, я всегда отъ него заражаюсь мальчишечьимъ жаргономъ. Пожалуйста, не думай, что мы съ твоей матерью не ладимъ: совсѣмъ напротивъ! Она просила меня поиграть, и я сыграла ей цѣлую тему съ варіаціями въ старомодномъ духѣ. Въ сущности, она была болѣе современна, нежели слушатели могли себѣ представить. Отгадай!

— Конечно, не могу.

— „Бѣдняжка—понимаете?—И не подозрѣвала"... Прехорошенькая мелодія, а варіаціи импровизировала я сама. Такъ никто и не догадался, откуда тема.

— То-есть, *не хотѣлъ* догадаться! — сухо замѣтилъ Деверель.—Развѣ ты сама не...

— Ну чтò: „я сама"? — своевольно возразила Модерна. — Валерѝ Уайтъ вѣдь сыграла же на дняхъ фугу на мотивъ: „Не знаю, гдѣ мы, гдѣ мы"!..

— Что-жъ, очень умно съ твоей стороны,—замѣтилъ Деверель примирительнымъ тономъ.—Чего-жъ мы тутъ стоимъ?

— Посмотри, чтò за прелесть эта танцовщица! — восхищалась Модерна вмѣсто отвѣта, любуясь рисункомъ, изображеннымъ на афишѣ.

— Ради Бога, не останавливайся передъ объявленіями!

— Хорошо, пойдемъ дальше,—кротко согласилась Модъ.— Но послѣ свадьбы развѣ мы не можемъ побывать въ такихъ мѣстахъ?

— Какихъ? Кафе-шантанахъ? Дитя мое, да въ нихъ такая тоска!

— Знаю, что всѣ замужнія дамы такъ говорятъ, чтобы убѣдить въ этомъ своихъ невинныхъ сестеръ. Но Флосси Деверель, твоя невѣстка, была съ мужемъ въ одномъ изъ такихъ театровъ и превесело провела время, право! Она зашпилила булавкой отъ шляпы занавѣски въ ложѣ, и, не замѣченные публикой, они съ Фредомъ просидѣли, глядя въ щелочку, все представленіе.

— Пожалуйста, не бери примѣра съ моей невѣстки; „американизмъ" вовсе не къ лицу прелестной, изящной дѣвушкѣ-англичанкѣ.

— Но я серьезно хотѣла бы научиться легкимъ танцамъ. Неужели я такая неуклюжая? Право, я съумѣла бы изогнуться, какъ угодно...

— И будешь танцовать, что̀ тебѣ угодно, но только для меня одного, для твоего мужа.

— А!.. — не особенно радостно вырывается у невѣсты. — Смотри, Арчеръ, смотри! Пожарные! Пойдемъ, посмотримъ на пожаръ.

— Но тамъ будетъ такая давка!..

— Понятно! Это-то и смѣшно! Мальчикъ, скажи мнѣ: гдѣ горитъ?

— Бочарня въ Монпелье. Пожаръ почти утихъ.

— Прошу тебя не заговаривать на улицѣ съ мальчишками. Пойдемъ лучше въ садъ!

— Хорошо, милый!—покорно согласилась Модерна, и вдругъ, неожиданно для своего спутника, проскользнула между двумя общественными каретами и мигомъ очутилась на той сторонѣ улицы, гдѣ ее вскорѣ нагналъ женихъ.

— Люблю проскользнуть подъ самой мордой у лошадей!— воскликнула Модерна.—Сильное ощущеніе!

— Да, милая, конечно; только... брюки у меня всѣ въ грязи.

— Идемъ скорѣй; никто на тебя смотрѣть не будетъ!

Въ саду Модерна мимоходомъ протянула руку и сорвала полураспустившійся листъ дикаго каштана, зубами пощипала его и бросила, за нимъ—другой, за другимъ—третій.

— Брось, зубки позеленѣютъ!—остановилъ ее Деверель, и оба сѣли отдохнуть.

Модерна послушно перестала кусать ѣдкіе листья, а Деверель не сводилъ съ нея умиленнаго взора.

— Послушай, милая! Надо бы, чтобы твоя прелестная головка занялась когда-нибудь дѣломъ. Я бы хотѣлъ, чтобы въ извѣстный день...

— Отчего прямо не сказать: въ день свадьбы!

— Въ день нашей свадьбы я бы хотѣлъ уже знать заранѣе, куда я увезу свое сокровище, чтобы вполнѣ имъ безраздѣльно завладѣть.

— Я знаю, куда бы мнѣ хотѣлось! — горячо воскликнула Модерна.

— Въ Шотландію? Въ Норвегію? Прежде тамъ было тихо, но теперь ее наводняютъ иностранцы и туристы.

— Прелестно! Но мнѣ бы хотѣлось лучше въ Парижъ. Флосси и Фредъ проѣхали туда прямо послѣ свадьбы.

— До смерти надоѣлъ мнѣ вашъ Парижъ. Если-бъ ты только знала...

— Въ томъ-то и дѣло, что *мнѣ* онъ не надоѣлъ, и *я* не

знаю... Я хочу побывать въ театрахъ, въ кафé, и въ Латинскомъ кварталѣ, и въ „Хижинѣ“.

— Глупая! „Хижина“ приказала долго жить еще до твоего появленія на свѣтъ.

— О ней упоминается въ „Пришельцахъ“,—пояснила Модъ. —Но, вѣроятно, есть что-нибудь болѣе современное въ томъ же духѣ?

— Конечно,—сухо подтвердилъ Деверель.—Но не могу же я туда водить мое сокровище?

Водворилось молчаніе.

— Какія еще ужасныя продѣлки намѣревается продѣлать моя прелесть, когда мы будемъ мужемъ и женой?

— О, цѣлую кучу самаго запретнаго! Во-первыхъ, прочитать всѣ тѣ французскіе романы, которыхъ я теперь читать не смѣю!

— Но я хоть сейчасъ готовъ сдѣлать для тебя цѣлый выборъ французскихъ книгъ, которыя ты могла бы хоть сейчасъ прочесть,—снисходительно предлагаетъ Деверель.

— Знаю!—довольно рѣзко и грубовато говоритъ Модерна.—Въ родѣ тѣхъ, которыя стоятъ у насъ въ классной комнатѣ, на полкѣ? „Récit d'une Soeur“, или „Le roman d'un jeune homme... bête“, или какъ его тамъ? Я хочу читать Дроза, и Мопассана, и Золà, и...

— Скорѣй умретъ моя жена у ногъ моихъ, но не прочтетъ Золà!—свирѣпо восклицаетъ Деверель.

— Ну, и не прочту. Ты самъ разскажешь мнѣ ихъ содержаніе,—мягко и ласково говоритъ невѣста.

— Боже избави! Ты, кажется, не понимаешь, что я хочу уберечь тебя, мою голубку, мой цвѣтокъ благоуханный, мою чистую лилею, такою, какъ ты теперь есть; хочу оградить тебя моей любовью отъ всего неприглляднаго, тлетворнаго и злого, что̀ могло бы тебя коснуться...

— Арчеръ! Все это очень мило сказано, но я вовсе не такое нѣжное неземное созданіе... Я даже страшная силачка: ощупай мои мускулы!—И Модерна со смѣхомъ протянула къ нему руку съ твердо зажатымъ кулакомъ.

— У тебя не должно быть мускуловъ!—вспылилъ Деверель.

— Ни мускуловъ, ни руки, ни даже пальца, на которомъ могло бы красоваться твое хорошенькое обручальное колечко? Даже Вильямъ мною гордится!

Деверель слегка прикасается къ ея рукѣ, а самъ въ это время косится на какого-то старичка, который тутъ же, по близости, кормитъ утокъ.

— Чтò за прелесть у тебя ноготочки! Въ нихъ столько благороднаго изящества! Я никогда бы не влюбился въ дѣвушку съ квадратными ногтями!

— Я ихъ кусаю!—своенравно объявляетъ Модъ.

— Ахъ, ты, маленькая злючка! Надо тебя излечить отъ этого недостатка, и тогда у меня будетъ не жена, а совершенство!

— Ну, да. Вамъ, мужчинамъ, во всемъ и всегда подавай совершенство. Домъ—совершенство! Вино—совершенство! Жена—совершенство!

— Да, милая, конечно!—кротко говоритъ Деверель.—Я такъ считаю, что жена, такъ сказать, дополняетъ мужа.

— Значитъ, таково ужъ мое назначеніе въ жизни —дополнять собою... *тебя*? Ну, а *меня*-то кто же будетъ дополнять?

Деверель сталъ въ тупикъ, не сразу нашелся отвѣчать и, какъ бы нѣсколько смущенный, принялся ласкать ея ручку. Модерна капризно отдернула ее.

— Оставьте!

— Это почему?

— Кто-нибудь можетъ увидѣть изъ окна.

— Я что-нибудь сказалъ такое, чтò тебя разсердило, дорогая?

— Да... Нѣтъ... Ты не виноватъ, что говоришь такъ легкомысленно... Просто, у тебя такой узкій взглядъ на вещи. Ты какъ будто бы не хочешь видѣть, что у женщины, какъ и у мужчины, есть своя особая, живая душа, о спасеніи которой она должна заботиться: свои личныя свойства, которыя она должна развивать и измѣнять къ лучшему; своя жизнь, которую она должна прожить.

— Дорогая моя!—печально и тихо возразилъ Деверель:—я вижу, что ты, къ сожалѣнію, заразилась современнымъ жаргономъ и осѣдлала конекъ „Женскихъ правъ", попранныхъ несправедливостью и законами мужчинъ. Ты просто начиталась Ибсена! И развѣ ты не видишь, дорогая, что такой мужчина, какъ я, удовлетворяетъ—или, по крайней мѣрѣ, долженъ бы удовлетворять—всѣмъ требованіямъ и свойствамъ женщины. Женщина живетъ, такъ сказать, его жизнью, и ея болѣе поверхностная натура находитъ себѣ выраженіе въ его болѣе глубокихъ свойствамъ...

— Ты совершенно ошеломилъ меня своимъ краснорѣчіемъ! Никогда этотъ вопросъ не былъ мнѣ представленъ съ такою ясностью...

— Ты понимаешь мою точку зрѣнія?—не замѣчая саркастической нотки въ ея голосѣ, подхватилъ женихъ.—Ты знаешь, что я всю жизнь придерживался самыхъ рыцарскихъ воззрѣній на женщинъ. Ихъ хрупкость, ихъ безпомощность—такъ меня умиляетъ! Помнишь, у Теннисона: „Мужъ—древо Господа, а женщина—цвѣтокъ"!..

— Фу, это изъ „Поэтическихъ досуговъ". Тамъ найдется еще съ дюжину такихъ изреченій, какъ, напримѣръ: „Маститый дубъ и нѣжная лоза"...

— Таковъ законъ природы! Женщина рождена для того, чтобы быть зависимой: вы всѣ не въ силахъ поддерживать себя. И какъ это прекрасно, посуди сама! Мужчина выходитъ изъ дому на работу, и, грубымъ трудомъ добывая средства къ существованію, возвращается домой усталый; а дома его ждетъ любящая жена въ своемъ тепломъ гнѣздышкѣ...

— Въ своемъ прелестномъ будуарѣ, въ нарядномъ „домашнемъ" платьѣ, и разливаетъ чай гостямъ-мужчинамъ, которые пришли къ ней съ визитомъ и таращатъ на нее глаза...

— Модерна!—возмущенно перебилъ ее Деверель.

— Все равно, милый, я зла! Пойдемъ домой...

— Но...

— Сейчасъ будетъ дождь.

— Развѣ ты боишься дождя?

— Да, боюсь расклеиться,—пояснила Модъ, поднимаясь.

— Что-жъ, пойдемъ, если хочешь! Возьми меня подъ-руку.

— Нѣтъ, благодарю... милый...

Дойдя до воротъ парка, Модерна остановилась.

— Сегодня я была нехорошая,—проговорила она,—и думаю, что тебѣ лучше къ намъ не заходить. Вильямъ дома, и голова у меня какъ-то разболѣлась. Пойду, засяду у себя наверху, пока пройдетъ; а вечеромъ я ѣду на обѣдъ къ Мортимерамъ.—Она позвала извозчика.—Такъ будетъ лучше... какъ для тебя, такъ и для меня. До свиданія! Можете завтра придти къ обѣду, если не будетъ перемѣны.

— Ты сама позвала экипажъ?—съ удивленіемъ спросилъ Деверель.

Модъ кивнула головой, и принялась подбирать платье, чтобы сѣсть и уѣхать.

— Никогда не придется тебѣ ѣздить на извозчикѣ, когда ты будешь мнѣ принадлежать.

— А до тѣхъ поръ... Прощай!

— „Милая дѣвушка!—думаетъ ей вслѣдъ женихъ.—Только очень нуждается въ толковомъ руководителѣ. Моя мать“...

— „Съ милымъ рай и въ шалашѣ! — думаетъ, удаляясь отъ него, невѣста,—но рай въ игрушечномъ ящикѣ?!.. Да я скорѣй умру! Надо будетъ найти какой-нибудь исходъ“!..

— „Милая! Почему тебя не было на пріемѣ у матери моей, сегодня? Завтра буду у тебя въ три часа дня.—Твой А. Д.“

— „Милый! Вмѣсто трехъ, приходи въ четыре.—Твоя М. М.“

— „Милая! Заходилъ къ вамъ ровно въ четыре часа, но уже не засталъ тебя. Какъ же насчетъ четверга?..—Твой А. Д.“

— „Милый Арчеръ! Извини, но я ушла изъ дому въ пять минутъ пятаго, и мнѣ очень жаль... Прости, спѣшу.—Твоя М. М.“

„P. S. Въ четвергъ не могу; занята“!

— „Въ какое же время могу я придти, чтобы застать тебя? Мнѣ надо многое тебѣ сказать. Въ пятницу можно?—Твой А.“

— „Милый Арчеръ! Только не въ пятницу. Мнѣ поутру надо идти на курсы поваренняго искусства, а потомъ въ гимназію.. Послѣ этого я до того устану, что ни на что больше не буду способна. Въ субботу, я ѣду въ Итонъ, на пріемъ къ Уильяму—днемъ, а вечеромъ на обѣдъ. Въ воскресенье иду въ церковь съ Билли, а днемъ—на чашку чаю, и не хотѣла бы пропустить этого случая побывать въ кругу нашей богемы. Не предлагай мнѣ пойти со мною: тебѣ это было бы непріятно. И, пожалуйста, больше не безпокойся присылать мнѣ цвѣтовъ: я ихъ больше не ношу, это не въ модѣ и, вдобавокъ, портитъ платья.—Твоя М. Масклинъ“.

— „Дорогая Модерна! Замѣчаешь ли ты, что уже съ недѣлю все что-нибудь да мѣшаетъ намъ видѣться, и ты сама откладываешь наше свиданіе. Я начинаю чувствовать, что подъ этимъ что-нибудь да кроется. Напиши съ первой же почтой.—Твой навсегда Арчеръ Деверель“.

— „Ну, да, милый Арчеръ! Если ты хочешь знать всю правду, —конечно, кроется. Я и сама хотѣла все это время съ тобой объясниться, но ты всегда такой милый, что мнѣ трудно быть неласковой къ тебѣ. Я все обдумала, и догадайся, что̀ надумала?.. О, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты самъ догадался и меня избавилъ отъ мучительнаго признанія. Ты и самъ, дорогой Арчеръ, долженъ видѣть, что мы, въ самомъ дѣлѣ, не симпатизируемъ одинъ другому. Мы не должны жениться. Я никогда не дала бы тебѣ счастья, какъ, впрочемъ, и ты мнѣ. Но не

ты, а *я* въ этомъ виновата! Будь добръ и снисходителенъ ко мнѣ—и не требуй бо́льшихъ объясненій. Я ничего *не могу* объяснить; я просто чувствую, что мы отравили бы жизнь другъ другу. Поставь этотъ вопросъ на такую почву: допусти, что я несносна и дурна, а что ты милъ и добръ,—и ты убѣдишься, что ты можешь только поздравить себя съ благополучною развязкой нашихъ отношеній.

„На нѣкоторое время я уѣду изъ дому, и когда вернусь, то надѣюсь, что мы будемъ видѣться и останемся по прежнему друзьями. Но теперь, пожалуйста, не приходи: это будетъ для насъ обоихъ одинаково мучительно.—М. М.“

— „Если это дѣйствительно такъ и есть, я принимаю ваше рѣшеніе, но *долженъ* непремѣнно услыхать его отъ васъ самой. Зайду къ вамъ завтра, часовъ въ девять.—А. Д.“

X.

— И для чего имъ непремѣнно нужно *самимъ* слышать такія непріятности?—вслухъ разсуждала Пегги, прочтя послѣднее изъ посланій.—Ужасно глупо! Но неужели у тебя хватитъ жестокости уѣхать, когда онъ къ тебѣ придетъ въ послѣдній разъ?

— Не могу же я изъ-за него обмануть м-съ Мортимеръ? И зачѣмъ онъ такой недогадливый, такой безчувственный!—и Модерна жалобно стонетъ.

— Но кто же съ нимъ возьмется объясниться? Неужели мама́?

— А ты, или Вэрона? Да нѣтъ! Ты хоть кого способна озадачить, ты ему прямо такъ и вывалишь всю правду!

— Ну, а мама̀ напутаетъ...

— Тѣмъ лучше! Все-таки она сдѣлаетъ это вполнѣ прилично, какъ настоящая лэди; скажетъ ему, что я вообще не хочу выходить замужъ — ни за него, ни за кого-либо другого, что я считаю мужчинъ тѣмъ противнѣе, чѣмъ я ихъ ближе знаю...

— Это ему понравится!—сухо замѣчаетъ Пегги.—А что̀, Модерна,—случается, что онъ тебя цѣлуетъ?

— Д-да... Мнѣ кажется...

— И тебѣ это нравится?

— Я объ этомъ никогда не думаю. Это не считается: это неотъемлемая собственность или вѣрнѣе—право, которое даетъ жениху обрученіе. Терпѣть не могу быть невѣстой. Судьба меня

въ невѣсты *не* предназначала. Я бы скорѣй хотѣла быть мальчишкой, носить шпагу или шашку и широкій поясъ, и отчаянно кружила бы голову женщинамъ для того, чтобы сдѣлать ихъ несчастными... какъ настоящій мужчина. Должно быть, чудеснѣйшее ощущеніе — самому выбирать вмѣсто того, чтобъ ожидать (какъ это приходится намъ, дѣвушкамъ), пока тебя выберутъ.

— Слава Богу, что ты не мальчишка! Какимъ бы ты была негоднымъ и дряннымъ мужчиной!

— А пока, хоть я и дрянная дѣвчонка, а все-таки еще хочу повеселиться, хочу людей посмотрѣть, хочу имѣть право поддаваться своимъ заблужденіямъ и никому не отдавать въ нихъ отчета.

— Ну, знаешь, ты, пожалуй, натворишь что-нибудь такое, что бѣда! Мнѣ страшно становится!—и Пегги содрогнулась:—Ты можешь опозорить наше имя! Чтò бы ты ни сдѣлала, люди скажутъ, что въ этомъ виновата мать, которая тебя такъ дурно воспитала! *Мнѣ* было бы противно имѣть сестру-вѣтрогонку: это могло бы мнѣ повредить... Впрочемъ, нѣтъ! Вотъ уже два года, какъ я выѣзжаю, и стала практичнымъ человѣкомъ: я все подмѣчаю, все соображаю... Ты—человѣкъ слова, но не дѣла! Ты будешь говорить, и ничего не выполнишь; но еще это не бѣда, пока ты молода, пока на тебя смотрятъ снисходительно и добродушно и въ шутку принимаютъ твои промахи. Но когда тебѣ перевалитъ лѣтъ за тридцать, тогда „ты перестанешь быть дородной и станешь никуда негодной",—какъ говоритъ Билли про лэди Динъ, — и надъ тобой начнутъ смѣяться... а это будетъ ужъ совсѣмъ нехорошо!..

Двѣнадцать часовъ ночи.

Модерна входитъ въ комнату сестры, не снимая своего бѣлаго платья и накидки. Тихонько подойдя къ спящей Пегги, она осторожно трогаетъ ее за плечо и внушительно говоритъ:

— Это я—Модерна! Ну, чтò же тутъ безъ меня было?

— Погоди, дай проснуться!..—привставая и усаживаясь на постели, отвѣчаетъ Пегги, еще полусонная.—Ну, онъ былъ.

— И злился?

— Не знаю, какъ было сначала; я сидѣла на балконѣ и „вдыхала живительный весенній воздухъ"; но когда онъ пришелъ, я перестала „вдыхать" и прислушалась.

— Подслушивала?

— Слушала ихъ разговоръ,—но такъ, чтобы Арчеръ не могъ меня видѣть. Слушать чужой разговоръ съ балкона—все равно, что читать чужія „открытыя" письма: всѣ это дѣлаютъ и считаютъ весьма естественнымъ.

— Теперь я понимаю, почему открытыя письма такъ медленно идутъ отъ крыльца въ гостиную! — замѣчаетъ въ скобкахъ Модерна.

— Не перебивай меня, если все хочешь знать!.. Ну, мама̀, принимая его, имѣла страшно внушительный и почтенный видъ.— „Дома нѣтъ"?—спросилъ онъ. Мама̀ забормотала что-то непонятное. „Увѣряю васъ, мнѣ и во снѣ бы не приснилось"...—продолжалъ Арчеръ...—Ты, вѣрно, ловко притворялась?—вставила Пегги.

— Еслибы онъ не былъ такъ самонадѣянъ, онъ могъ бы давно догадаться! — возразила Модерна.—Мнѣ было непріятно, когда онъ бралъ меня за руку; онъ самъ только для виду интересовался моими дѣлами, моими любимыми занятіями, и воображалъ, что я такая дура, и не пойму его притворства; а послѣ свадьбы онъ намѣревался запереть меня въ туалетный ящикъ... Конечно, я люблю и наряды, и красивыя залы, и любезности, которыя мнѣ расточаютъ...

— А мама́ отвѣтила ему:—„Дочь моя, въ сущности, гораздо моложе своихъ лѣтъ; она ничего не понимаетъ въ дѣлахъ житейскихъ и въ своихъ собственныхъ: мало ли какія у нея явятся фантазіи! Лучше бы вамъ было подождать свататься".

— Совсѣмъ не то, не то!—горячилась Модерна.

— Постой!.. Вотъ онъ и говоритъ:—„Мать моя и сестра будутъ огорчены" (Онъ всюду суетъ свою мать!)...

— Неправда! Онѣ будутъ даже очень рады... Конечно, онѣ женщины благовоспитанныя и вида не покажутъ, но обѣ смотрятъ на меня съ отвращеніемъ...

— И мама̀ повторила:—„Вотъ и я тоже весьма огорчена, и совсѣмъ не знаю, что̀ мнѣ съ нею дѣлать"?..

— Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ потому-то я главнымъ образомъ и хотѣла выйти замужъ.

— „Какой я былъ дуракъ, что могъ вообразить, будто она влюблена въ меня"...—продолжалъ Арчеръ.

— И была влюблена, да еще какъ! Не понимаю, какъ это могло случиться. Вѣроятно, за неимѣніемъ ничего лучшаго.

— Очень жаль, что это лучшее теперь нашлось,—строго замѣтила младшая сестра: — Смотри, сколько ты горя и тревоги причиняешь! Я ему вѣдь сказала, что онъ никогда не пони-

малъ... ни тебя, ни твоихъ ужаснѣйшихъ теорій.—„Вотъ, никогда бы не подумалъ“! — повторялъ онъ, совершенно озадаченный моимъ картиннымъ описаніемъ твоихъ пороковъ: и упряма ты, и капризна, и лѣнива, и неаккуратна, и скучна. Онъ подумаетъ, что я изъ ревности тебя такъ очернила,—ну, и пусть! Все равно, я за него ни за что на свѣтѣ не пошла бы! Кромѣ манеръ, въ немъ нѣтъ ровно ничего хорошаго.

— Послушай! Ну, зачѣмъ же ты представила ему, что у меня такой дурной характеръ? Вовсе я ужъ не такая.

— Да, когда тебѣ не перечатъ! И, наконецъ, нельзя же быть особенно разборчивой на средства, если надо во что̀ бы то ни стало разочаровать человѣка. И я горжусь тѣмъ, что мои слова имѣли успѣхъ.

— Конечно, я... я очень тебѣ благодарна... Онъ очень огорчился?

— О, да... то-есть, сравнительно. Но въ сущности, вѣроятно, былъ даже радъ, что избѣжалъ такого неудачнаго брака.

— И не спросилъ, не замѣшанъ ли тутъ кто-нибудь другой?

— Право, не припомню. Но ты сама вѣдь не мучаешься раскаяніемъ, значитъ—и онъ не умретъ отъ горя. Онъ уѣзжаетъ на время, а когда вернется,—все будетъ по прежнему. Я заставила его дать обѣщаніе не писать тебѣ. Ну, ступай себѣ спать, —довольно!

— Сначала разстегни мнѣ платье... Значитъ, онъ никогда серьезно меня не любилъ, если отнесся такъ спокойно,—задумчиво прибавила Модерна.—Даже *я*, не любя его, я не могу удержаться отъ нервнаго возбужденія.

— Ты разстроена потому, что погрузилась...

— Во что̀?

— Въ состояніе „старой дѣвы“. Ужъ я не знаю, кто рискнетъ жениться на такой сварливой дѣвчонкѣ? Твое дѣло дрянь! Я напишу обо всемъ Эдварду.

— Вотъ еще! Къ чему это? — сердито воскликнула Модъ.

— Онъ поручилъ мнѣ, уѣзжая, быть для него, такъ сказать, газетой нашего семейства; а это такая крупная новость...

— Не смѣй! Я тебѣ запрещаю! Пусть самъ узнаетъ... Покойной ночи! Я полагаю, мнѣ все-таки надо поблагодарить тебя...

Модерна на минуту забѣгаетъ къ Билли Данверсу, на квартиру:

— Скорѣй, скорѣй! Пегги сейчасъ за мной зайдетъ! — то-

ропитъ она его.—Я сказала, что забѣгу сюда приготовить вамъ чаю...

— Не надо бы вамъ сюда ходить, особенно одной,—замѣтилъ Билли.

— Вотъ еще! Къ вамъ-то? Я помню васъ еще такимъ,—возражаетъ Модерна, и показываетъ рукой какую-то неопредѣленную высоту отъ полу.—Скорѣй, посмотримъ: есть письмо отъ папа? Вы видѣли?

— Нѣтъ, признаюсь, просто было лѣнь смотрѣть. Хотите, будемъ вмѣстѣ читать?

— Нѣтъ, нѣтъ! — восклицаетъ Модъ. — Я боюсь, что могу попасть на какое-нибудь раздушенное розовое посланіе... Вы много ихъ получаете?

— Такъ себѣ, случается,—говоритъ Билли.—Вотъ счетъ, другой... А подъ какимъ псевдонимомъ вы писали отцу?

— „Модъ Грэй". Солидное имя, а?

— Не хуже какой-нибудь Клары Монтэгю или Дэзи Монгомери. Вѣрнѣе всего—м-ръ Масклинъ совсѣмъ не отвѣтитъ.

— О, вы не знаете отца! Ему доставляетъ наслажденіе кого-нибудь отдѣлать, и я твердо вѣрю въ его критическое сужденіе. Онъ скажетъ мнѣ, конечно, что рукопись мою надо предать огню, но все равно! Лучше имѣть безпристрастное мнѣніе... Не этотъ ли большой пакетъ? Или этотъ? Фу, какія низкопробные духи!

— Это вотъ приглашеніе „отъ сестеръ Брэсъ на балъ въ честь ихъ юбилея на сценѣ"...

— И вы поѣдете? Возьмите меня съ собой!

— Подъ маской?

— Все равно, какъ-нибудь... О, Билли! Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ нѣтъ письма?

— Постойте! Ужъ не этотъ ли большой пакетъ? — спохватился Билли, и опять взялся за тотъ же конвертъ, который отложилъ-было въ сторону:—Да это не счетъ отъ портного, это—цѣлая рукопись!

— Скорѣй, скорѣй!—кричала Модерна въ волненіи.

— Ну, вотъ: — „Я глубоко польщенъ вашимъ мнѣніемъ о моей литературной опытности и европейской извѣстности"...

— Это его затронуло! Такъ я и знала.

„Но я послѣдній человѣкъ въ мірѣ, который можетъ вамъ служить въ качествѣ критика литературнаго произведенія. Я, въ сущности, никогда ихъ не читаю"...

— О!.. Онъ пишетъ еженедѣльное обозрѣніе романовъ въ „Неподкупномъ“.

„Я ихъ разбираю. Тѣмъ не менѣе я не прочь высказать вамъ мое мнѣніе, если оно можетъ быть для васъ полезно.

„Вы просите, чтобы я не щадилъ васъ,—извольте! Вы говорите, чтобы я высказалъ вамъ всю правду, какъ бы горька она ни была, увѣряя, что вы не обидчивы. Но никто изъ насъ не знаетъ, до какой степени онъ обидчивъ, пока не испробуетъ на дѣлѣ. Итакъ, пробѣжавъ вашу рукопись, я пришелъ къ убѣжденію, что принесу вамъ больше всего пользы, если въ своей оцѣнкѣ буду придерживаться общихъ правилъ. Я только могу предположить (но, конечно, могу ошибаться), что вы—дѣвушка молодая и, что̀ называется, „blasée“, т.-е пресытившаяся свѣтской жизнью и воображающая, что литературная карьера—это верхъ счастія и славы для хорошо проведенной юности. Поэтому, истощивъ описанія всевозможныхъ удовольствій, присущихъ вашему полу, вы принимаетесь за спеціально мужской... репертуаръ развлеченій: спортъ и другія, о которыхъ вы нѐ знаете (и не должны, *не можете* знать) иначе, какъ по наслышкѣ; а такого рода свѣдѣнія часто бываютъ невѣрны и грѣшать неточностью“...

— Ну, миссъ, какъ вамъ понравится? Вотъ каково мнѣніе вашего папа̀ о вашихъ „странствіяхъ и открытіяхъ“, въ которыя вы заставили меня васъ посвятить!—замѣтилъ Билли.

„Не спорю (продолжалъ онъ читать), что вы напали на благодарную завязку: чѣмъ она зауряднѣе, тѣмъ лучше для писателя! Впрочемъ, примите къ свѣдѣнію, что въ герои лучше брать не какого-нибудь маркиза (если вы любите таковыхъ), а показать примѣръ замѣчательнаго мужества (для женщины, конечно) и сдѣлать его чиномъ, или даже двумя, ниже. Избѣгайте герцоговъ и сыщиковъ, горничныхъ и нотаріусовъ, докторовъ и demi-monde'а: не стоютъ они хлопотъ. Не вздумайте описывать своихъ родителей, свою старшую сестру (слышите, Модъ?), свою тетку, старую барышню, и приходскаго пастора“...

— А вы ихъ описали?

— Да, всѣхъ, кромѣ пастора. Я съ нимъ незнакома.

— Тѣмъ хуже для васъ!

„Оставьте позади воспоминанія вашей юности,—ихъ было довольно у каждаго изъ насъ. Кто не бѣгалъ на огородъ воровать горохъ? Кто не привязывалъ лейки къ хвосту собаки“?

— Я первая не дѣлала такой пошлости! — въ негодованіи возразила Модерна.

„Чтò же касается героини,—примите мой совѣтъ: пусть она *не* соединяетъ въ себѣ всѣхъ совершенствъ ума, души и красоты; пусть лучше будетъ на васъ похожа. Не изображайте ее съ волнами золотисто-шолковыхъ кудрей, мягко ниспадающихъ на бѣлоснѣжное чело, съ пышнымъ и какъ цвѣтокъ прелестнымъ ротикомъ, съ очами, въ глубинѣ которыхъ можно все позабыть и потонуть, какъ въ безднѣ, съ длинными рѣсницами, которыя ложатся на блѣдныя щеки, чтò собственно — наглядная несообразность. Однако, не вдавайтесь въ крайность, не сдѣлайте ее приземистой, безцвѣтной, съ безцвѣтно-мышиными волосами, блѣдными глазами и блѣднымъ цвѣтомъ лица. Приземистыя героини исчезли со временъ Джэнни Эйръ, а зеленые глаза вывела изъ моды Бекки Шарпъ. Что же касается героя, вы вѣрно представите его похожимъ на единственнаго мужчину, котораго вы любили. Смотрите, не отдавайте всѣ ваши симпатіи вашей „злодѣйкѣ“, и не надѣляйте ее пурпуровыми губами „въ ниточку“, мрачными, какъ ночь, глазами, волнообразной походкой, густыми черными волосами и беззастѣнчивой совѣстью“...

— О, Боже! Да кто же послѣ этого рѣшится написать романъ?—вскричала Модъ.

„Пусть „злодѣй“ вашего романа не нашептываетъ ничего, ни дурного, ни хорошаго, вашей героинѣ, не выставляйте напоказъ „сильнаго волей, но сломленнаго судьбою“, не кончайте главу ходульнымъ выраженіемъ: „и уста ихъ слились въ долгомъ, упоительномъ поцѣлуѣ“... Пусть ваша героиня не идетъ бодро и безъ слезъ на встрѣчу своей судьбѣ, не мечетъ стрѣлы своей неустрашимости и негодованія въ своихъ многочисленныхъ преслѣдователей“...

— Далѣе слѣдуетъ рядъ краткихъ замѣчаній. Читать?—спросилъ Билли.

— Читайте!

„Будьте внимательнѣе къ правописанію. Не слишкомъ превозносите своихъ сестеръ, женщинъ, и не слишкомъ унижайте нашего брата, мужчину. Не расплывайтесь. Не будьте слишкомъ сжаты. Сократите три слова—въ два, и два прилагательныхъ—въ одно. Слѣдите тщательно за знаками препинанія, да не пренебрегайте скромной, но полезной запятою“!.. (Слушайте-ка, чтò онъ говоритъ въ заключеніе): — „Если послѣ этого отъ вашего произведенія хоть что-нибудь уцѣлѣетъ, примите мой совѣтъ—не посылать свою рукопись, перевязанную голубой ленточкой, первому попавшемуся господину, который имѣетъ несчастіе быть издателемъ.—Жервэзъ Масклинъ“.

— Ну, по-моему, это просто грубо!—объявилъ Билли, дочитавъ до конца.

— О, мнѣ все равно!.. Зато откровенно и остроумно. Я думаю, что и въ самомъ дѣлѣ никому не понесу моей рукописи; хоть она и не совсѣмъ такая, а все-таки дрянь!—возразила Модерна.—Я ее сожгу!.. А вотъ кстати и Пегги идетъ по двору; она идетъ за мною.

XI.

Въ библіотекѣ сидитъ надъ своими фоліантами отецъ Модерны, Жервэзъ Масклинъ, профессоръ нумизматики, египтологіи, филологіи и всякихъ „ологій“ вообще. Модерна отворяетъ дверь и останавливается на порогѣ.

— Папа́, ты звалъ меня?

— Ахъ, да войди же, Бога ради! Стоишь и стучишь ручкой у дверей!

— Я спѣшу на курсы поваренняго искусства, и забѣжала на минуточку спросить, можешь ли ты достать для м-съ Мортимеръ и для меня билеты для входа на лекцію о фагоцитахъ, въ Королевской Академіи.

— Боже! Ну, что̀ ты смыслишь въ фагоцитахъ?

— Не особенно много, а все-таки мнѣ нравится просвѣщать свой умъ. И вдобавокъ, это чудо какъ интересно! Совсѣмъ исторически вѣрная картина войны: Добро и Зло, Свѣтъ и Тьма.

— Ормуздъ и Ариманъ, Индра и Шива и т. п. другіе. У женщинъ есть непремѣнная склонность во всемъ разыскивать романическую подкладку! Пойди сюда, да присядь ко мнѣ; у тебя, конечно, нѣтъ никакого дѣла?

— Но, папа̀...

— Ты бы могла помочь мнѣ раскопать кое-что о древнихъ монетахъ Цизикуса, вонъ въ той грудѣ „Обозрѣнія нумизматики“. Вотъ, запиши это слово.

— А какъ оно пишется?

— Ахъ, отстань! Какъ ты мнѣ надоѣла!.. Ну, посмотри въ словарѣ.

— Да я не знаю, на какую букву искать: на *c* или на *ц*?.. Какая я недогадливая, право! Ну, сначала посмотрю на одну, потомъ на другую!..

И Модерна съ горячимъ рвеніемъ принимается перелистывать огромную книжищу.

— Какой ты вѣтеръ дѣлаешь!—воскликнулъ отецъ.—Оставь, я самъ найду скорѣе!..

— О, папà, позволь мнѣ быть тебѣ хоть чѣмъ-нибудь полезной!

— Нѣтъ, благодарю! Ты и такъ ужъ напутала!—сухо говоритъ профессоръ.—Постой, что̀ такое говорила мнѣ сегодня твоя мать? Дай припомнить...

— Припомни, я подожду, а пока понемногу буду приводить въ порядокъ твои фоліанты.

— А? Что̀?..—спрашиваетъ онъ въ отвѣтъ и, вынувъ изъ кармана лупу, углубляется въ разглядываніе рукописей.

Водворяется полное молчаніе.

— А! почеркъ Эдварда!—раздается возгласъ Модерны:—Только написана какая-то чепуха,—ничего не разобрать!

— Покажи! Вотъ это какъ читается: „Нынѣ главенство въ битвѣ остается за владыкою земли; изъ старшихъ въ родѣ убито трое князей. Земля переходитъ во власть Эллы“...

— И въ такомъ видѣ, все равно, въ этой замѣткѣ мало смысла.

— Такова ужъ привычка „скальдовъ“—переставлять слова, и благодаря этому скандинавскія письмена чрезвычайно затруднительно разбирать. Но откуда ты достала эту замѣтку? Я ее ищу цѣлую вѣчность, и не могу найти. Ахъ, еслибы подлѣ меня былъ Эдвардъ! И какъ ты все растрепала! Безобразіе, а не порядокъ! Пустить женщину въ библіотеку—все равно, что козла въ огородъ!.. Чортъ поб..!..

— Отецъ, какой ты вѣры?—серьезно спросила его дочь.

— Странный вопросъ, совсѣмъ неподходящій для дѣтища девятнадцатаго вѣка.

— Я долго спорила вчера съ Билли Данверсомъ. Онъ хотѣлъ убѣдить меня, что римско-католическая вѣра лучше всѣхъ: удобнѣе и меньше беретъ времени. Но я сказала:—Нѣтъ, я буду держаться вѣры моихъ предковъ (а? красиво сказано?). Онъ разсмѣялся и сказалъ, что для меня будетъ задачей опредѣлить вѣру хотя бы моего *отца*. Вотъ я и принялась ломать себѣ голову: какой ты вѣры?

— И какого добилась рѣшенія?

— Я вспомнила, что̀ ты вчера сказалъ по поводу шляпы, которую тебя просили дать почистить (когда ты шелъ въ гости): „Я не вѣрю въ загробный міръ, но и въ этомъ мірѣ не желаю, чтобы мнѣ надоѣдали“!

— Ты позабыла закрыть чернильницу! — мягко замѣчаетъ профессоръ.

И опять водворяется молчаніе.

— Чѣмъ я еще могу быть для тебя полезна? — начинаетъ Модъ.

— А вотъ сыщи мнѣ (на *Л!*) фамилію Лауренсовъ: мнѣ надо отыскать ихъ гербъ.

— Къ чему это тебѣ понадобилось?—удивилась молодая дѣвушка.

— Ахъ, да! Ты мнѣ напомнила... Есть такой молодой человѣкъ, по фамиліи Лауренсъ.

— Знаю, что есть: онъ отъ насъ не отходитъ ни на шагъ.

— Ты что-нибудь имѣешь противъ него?

— Особеннаго чувства къ нему не питаю,—возражаетъ Модъ, предугадывая нѣчто въ родѣ сватовства.

— То-есть, ты вообще противъ *жениховъ*? Но таинство брака было установлено...

— О, отецъ, пожалуйста, не говори такъ! Это съ ихъ стороны очень глупо говорить со мной не прямо, а черезъ тебя! Сказали бы мнѣ—я бы ихъ въ одну минуту осадила.

— Въ этомъ случаѣ—не думаю! Это весьма достойный молодой человѣкъ!

— Не спорю! Онъ и добрый, и красивый, и богатый, и... вообще прекрасный молодой человѣкъ; но я не люблю его,—онъ для меня рѣшительно не годится!

— Но, милая моя, ... ты...—онъ усердно роется въ бумагахъ на столѣ—ты ошибаешься... Ему надо не тебя, а... Вэрону!.. Д-да! Кажется, Вэрону... У меня тутъ гдѣ-то...

— Вэрону?!—смѣется Модерна.—Неужели ты и это записалъ на листкѣ? (А я-то, глупая гордячка, думала, что меня!)

Профессоръ продолжаетъ рыться и нервно бормочетъ:

— Твоя мать (я былъ тогда очень занятъ)... Она мнѣ говорила про молодого человѣка, который сватается за мою дочь Вэрону. Я записывалъ и... вотъ, наконецъ, нашелъ! Я вѣдь и самъ хотѣлъ бы выдать за него тебя, какъ старшую... Но если ты такъ противъ него настроена, я поставлю это на видъ твоей матери,—пусть сама разсудитъ... А затѣмъ, надѣюсь, могутъ оставить меня въ покоѣ!

— Папà, постой! Лауренсъ—премилый, право! Добрый и прелестный!

— А? Чтò? Ты вдругъ перемѣнила мнѣніе?

— Не мое, а сестры Вэроны. Ей онъ годится какъ нельзя

лучше! Онъ ее обожаетъ; она его... кажется, любитъ... Да! даже навѣрное любитъ. О, пожалуйста, разрѣши ему сдѣлать предложеніе; вѣдь ты ничего противъ него не имѣешь?

— Ничего, кромѣ дурного мнѣнія моей старшей дочери,— сухо возражаетъ ученый.

— Ну, на нее трудно угодить!—шутитъ полу-серьезнымъ тономъ Модъ.—Ей въ мужья не годится просто добрый и милый человѣкъ: ей скоро пріѣстся его доброта и ласка. Надо бы собственно составить смѣсь добра и зла, нѣчто среднее между Богомъ и чортомъ, чтобы *меня* удовлетворить, сдѣлать *меня* счастливою; но *ему* я все-таки не доставила бы счастья... Какъ видишь, я даже очень умно дѣлаю, что предпочитаю оставаться *холостой*.

— Я что-то не могу понять этого слова: *холостая*... Досадно, что вы отняли у меня цѣлое утро—ты и Верона.

— Сейчасъ уйду. Только, пожалуйста, будь поласковѣе съ Томомъ...

— Онъ уже просто—„Томъ"?.. А Вэрону не мѣшало бы спросить.

— Не безпокойся; объ этомъ я позабочусь!

— О тебѣ,—вотъ о комъ, сударыня, не мѣшало бы позаботиться хорошенько! Но постой! Дай мнѣ только кончить отвѣтъ моему другу профессору X—и въ пухъ разнести всѣ его нелѣпости...

— Пожалуйста, отецъ! А до тѣхъ поръ мнѣ надо ужъ самой о себѣ подумать!—И, пославъ отцу воздушный поцѣлуй, Модерна исчезла за дверью библіотеки.

XII.

„М-ръ и миссисъ Маслинъ имѣютъ честь покорнѣйше просить Васъ пожаловать на бракосочетаніе дочери ихъ, Вэроны-Алисы, съ м-ромъ Томасомъ Лауренсомъ, въ церкви св. Павла въ Найтбриджѣ, въ 2 ч. 30 м. поп., а оттуда въ д. № 280, Квинсгэтъ".

Пегги въ волненіи. Она повсюду летаетъ, обо всѣхъ хлопочетъ, всѣмъ даетъ наставленія.

— Смотри, Виль,—говоритъ она брату:—не смѣй повѣсничать ни съ кѣмъ, даже съ тетей Лизой! Я ужъ на тебя полагаюсь; смотри, чтобы она не очень выставлялась впередъ и вообще не привлекала на себя вниманія: не смѣши ее, не мели всякаго вздору. А если ужъ что̀ и случится смѣшное, стран-

ное, сейчасъ же пусти въ оборотъ слухъ, что она очень, очень богатая особа.

— Будь покойна! Я напущу на нее Билли Дапверса: онъ съумѣетъ ее прекрасно занять.

— Нѣтъ, ужъ лучше ты самъ. Пожертвуй хоть разъ своимъ удовольствіемъ ради общаго блага...

— Ахъ, и вотъ еще что̀! Посмотри за тѣмъ, чтобы подошвы у жениха были черныя, а то бѣда! Я какъ увижу прямо передъ собою его бѣлыя лепешки... расхохочусь, непремѣнно расхохочусь!..

— Будь покойна, все сдѣлаю, и тетушку усмирю, — говорилъ Виль.—Я ее познакомлю съ дядей Лауренса: тоже комикъ порядочный! Они стоютъ одинъ другого! Но какая ты, право,— стыдишься тетки: въ каждой семьѣ есть своя такая же тетя Лиза, которую хотѣлось бы не выставлять на показъ, но приходится, все-таки, допускать къ участію въ семейныхъ торжествахъ.

— Хорошо, познакомь ихъ, непремѣнно; а я пройду къ Вэронѣ,—говоритъ Пегги, и нѣсколько минутъ спустя уже стоитъ подлѣ нея, уговаривая хоть немножко покушать:

— Тебѣ сдѣлается дурно! И чего ты такъ разрыдалась за завтракомъ?

— Послѣдній завтракъ... Послѣдній!—и Вэрона снова залилась слезами.

— Вотъ чепуха! — воскликнула Пегги. — Можно подумать, что ты идешь не замужъ, а въ могилу. Вотъ, на̀, поѣшь, а не то ты хлопнешься, непремѣнно! Кто тамъ?

— М-ръ Лауренсъ приказалъ спросить, можно ли ему на минуту видѣть миссъ Вэрону?

— Конечно, нѣтъ! Гдѣ это видано, чтобы женихъ приходилъ къ невѣстѣ на домъ въ самый день свадьбы? Онъ долженъ самъ это понимать.

— Пегги!—перебила ее Модерна.—Почемъ ты знаешь: можетъ быть, ему дѣйствительно надо что-нибудь важное сказать? Выйди къ нему, узнай,—а я покормлю Вэрону.

— А вдругъ онъ потерялъ свое разрѣшеніе жениться? Съ него все станется!—и Пегги торопливо выбѣгаетъ вонъ.

— Какая она суетливая! — слабымъ голосомъ говоритъ ей вслѣдъ Вэрона.—А я была бы рада хоть на минуточку взглянуть на Тома!

— Увидишь его черезъ полчаса, моя милая. Ну, покушай хоть немножко и выпей за его здоровье.

— Хорошо,—кушая, говоритъ Верона.—А вѣдь онъ право такой прелестный!

— Ну да, конечно, милочка моя. Скушай-ка еще ложечку... Вотъ такъ.

— Я, кажется, послушное дитя? Ахъ, Модъ! Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы для тебя нашелся такой же Томъ, какъ мой. Онъ вѣдь красавчикъ, да?

— Да, да!

— И какая у него статная осанка... а, Модерна?

— Что̀ ты говоришь?

— А мнѣ кажется, ты его не очень-то любишь.

— Вотъ фантазія! Отчего?

— Ты такъ скупишься на похвалы ему.

— Вэрона, милая! Я вѣдь также думаю, что онъ—прелесть! Или тебѣ этого мало? Такъ что-жъ, ты, вѣрно, тогда только удовлетворишься, когда я скажу, что ревную его къ тебѣ? — шутила Модерна.—Да стой же смирно, я наколю тебѣ на прическу флеръ-д'оранжъ. Не разболѣлась бы только у тебя голова? Это вѣдь настоящій и слишкомъ сильно пахнетъ.

— Зато прямо изъ Ниццы!—радовалась, какъ дитя, невѣста.

— Via Paris!—подхватила Модерна.—Да стой же смирно!..

— Жервэзъ, куда ты?—окликаетъ мужа м-съ Масклинъ.

— Да какъ всегда, я полагаю: въ клубъ,—отзывается профессоръ.

— Пожалуйста, не забудь, что въ половинѣ третьяго свадьба твоей дочери, и тебѣ осталось двадцать минутъ одѣться!

— Правда, милая, правда! А я и позабылъ... Сейчасъ пойду, переодѣнусь.

М-съ Масклинъ, провожая его глазами и, спохватившись, восклицаетъ:

— А я-то сама? Тоже неодѣта. Aurélie! Aurélie!

— Miss Aurélie!—окликаетъ французскую горничную Минчингъ.—Слышите, „ваша“ старуха какъ оретъ?

— Иду, иду! Миссъ Пегги растрепала свою шляпу,—надо же ее подправить. Говоритъ, что она ей не къ лицу!..

Наступилъ часъ свадьбы...

Въ боковомъ портикѣ церкви кучка молодежи шопотомъ обмѣнивается замѣчаніями:

— А вѣдь, пожалуй, нашъ Томъ счастливѣе другихъ: на его долю достался самый цвѣтъ букета: хорошенькая, милая, кроткая жена!

— И вдобавокъ такая, которая глазъ съ него не сводитъ. И такая изящная, благовоспитанная, и роль свою прекрасно исполняетъ.

— А крошка Пегги? Какъ у нея глазенки бѣгаютъ,—замѣтили?

— Вертушка и черезчуръ много болтаетъ! Надо цѣлый мѣсяцъ трудиться, чтобы обтесывать да дрессировать хорошенько.

— А старшая?

— Довольно милая дѣвушка; только немножко вѣтрена; но пока бѣды отъ этого никакой не произошло. Посмотримъ, что̀ изъ нея дальше будетъ?

— Ужъ и не знаю; для меня она черезчуръ серьезна и учена. Я слышалъ,—даже стихи пишетъ; знаете, нѣчто въ такомъ родѣ: „Приди, приди! Лобзай меня,—Хоть холодна я, и мертва“!... Нѣтъ ужъ, благодарю покорно! На такую особу у меня бы не хватило времени.

— Это у нея только такая оболочка; въ корнѣ это также милая и простая дѣвушка, какъ самая обыкновенная смертная.

— Во всякомъ случаѣ, она не въ моемъ вкусѣ. Та, миссъ Флемингъ, больше мнѣ по вкусу.

Послѣ свадьбы, по возвращеніи въ домъ невѣсты, лэди Риддель въ гостиной остановила Модерну:

— Ну, душа моя, какъ ты себя чувствуешь? А? Пришлось тебѣ танцовать на сестриной свадьбѣ!

— Благодарю васъ, тетя, хорошо! Я очень бодро переношу свою участь. Не безпокойтесь обо мнѣ. Я на судьбу не жалуюсь! —смѣясь, возражаетъ ей Модерна.

— Вотъ еще, безпокоиться? Чепуха! Я и сама не думаю, что надобно жалѣть, если дѣвушка не идетъ замужъ,—нѣтъ, нѣтъ! Ты должна научиться быть полезнымъ членомъ общества, приносить настоящую пользу. Намъ нужны рабочія руки. Вотъ я узна̀ю, нельзя ли тебя къ намъ пристроить въ одинъ изъ нашихъ комитетовъ?

— Но, тетя, у меня нѣтъ рѣшительно никакихъ стремленій!— смѣясь, возразила Модъ.

— Въ твои годы и у Сесиліи ихъ не бывало! Во всякомъ случаѣ, ты можешь работать; а тамъ и стремленія придутъ сами собою! Кстати: я бы на твоемъ мѣстѣ не сходилась такъ близко съ этимъ толстощекимъ чортомъ...

— „Толстощекій чортъ"? Да кто-жъ это такой? А! Билли Данверсъ! О, тетя, онъ такой милый мальчикъ; мы съ нимъ неразлучны съ дѣтства. Онъ—мой „мальчикъ-игрушка", какъ говорятъ американцы.

— Однако, душа моя, совѣтую тебѣ осторожнѣе играть съ нимъ: у него такое неблагородное, пошловатое лицо. А впрочемъ, мнѣ все равно. Сама за собой смотри! Кстати,—Сесилія шлетъ тебѣ кучу поцѣлуевъ. Она идетъ назадъ, отъ нея проку никакого: Джикиль и его младенцы—вотъ всѣ ея интересы!

— Во всякомъ случаѣ, она чувствуетъ себя счастливой.

— Жвачное животное! Корова! Я отъ нея отказалась, а тебя беру вмѣсто дочери, если ты не прочь, конечно! Подумай объ этомъ. Прощай, я ухожу!

Въ пять часовъ, проходя черезъ оранжерею, Билли встрѣчаетъ Модерну:

— А! Вотъ вы гдѣ? Ну, что же, все обошлось благополучно? Молодая уѣхала, а вы блѣдны, какъ смерть. Ну, какъ она прощалась? Плакала?

— Какъ полагается.

— Вы-то, я знаю, плакали. Самъ видѣлъ, въ церкви, своими глазами.

— Билли, вы врете!—ласково говоритъ Модъ.

— На Конистона это произвело сильное впечатлѣніе. Ужъ какъ хотите, а онъ особенно къ вамъ расположенъ.

— Полноте, Билль!—сердито прерываетъ Модъ.

— Ну хорошо! Только помните одно: когда вы будете лэди Конистонъ, пригласите меня къ себѣ на охоту; да не забудьте! Развѣ это не соблазнительная для васъ перспектива?

— То-есть, это самая заманчивая ея сторона.

— Какой чудесный свадебный подарокъ получите вы отъ меня! По этой части ужъ меня никто не превзойдетъ.

— Нѣтъ, милый мальчикъ! Все равно, меня ничто не соблазнитъ.

— Вотъ еще? Это почему? Развѣ Эдвардъ—такой ужъ закоренѣлый, убѣжденный отшельникъ?

— Можетъ быть, это я—отшель...

— Отшельница? Ну, вы ужъ такъ давно объ этомъ говорите, что никто больше вамъ не вѣритъ.

— О, Билли! Что вы за сочинитель!

— Меня испортила ваша почтенная тетушка! Мы съ нею

прекрасно вѣдь дружили (я, знаете, приберегаю ея расположеніе, какъ сокровище, къ старости).

— Билли! Я устала!—говоритъ Модъ, зѣвая.—Оставьте меня въ покоѣ, уходите.

— Вонъ идетъ Конистонъ, я ускользаю!—И въ самомъ дѣлѣ, Билль проворно удалился, уступая мѣсто лорду Конистону.

— Очень радъ! Наконецъ-то вы отдѣлались отъ этого несноснаго мальчишки „fin de siécle“! Посидимъ немножко. А что̀, все сошло, кажется, благополучно? Вашъ папа̀ благословилъ ту самую дочь, какую предполагалось; и мама̀ тоже рыдала какъ разъ въ мѣру, чтобы ее не слишкомъ было слышно, и Вильямъ показалъ намъ, какъ умѣютъ себя вести въ обществѣ итонскіе питомцы; и Пегги не слишкомъ вертѣлась; и вы...

— Ну, что̀ же—я?

— Вы были самая хорошенькая изъ подругъ невѣсты, какихъ я когда-либо видѣлъ. Но теперь и вы сами, и вашъ букетъ, имѣютъ утомленный видъ. Такъ будьте здоровы! Сегодня уѣзжаю съ послѣднимъ поѣздомъ.

— Куда?

— Въ Парижъ; пожалуй, и въ Миланъ. Я было подумывалъ о томъ, чтобы попасть туда на праздникъ св. Амвросія, а оттуда—въ Константинополь. Я сдалъ въ наймы свое помѣстье „Конистонъ“ на два года... Не думаю, чтобы мнѣ случилось окончательно устроиться въ городѣ раньше этого срока...

— А вѣдь вы, пожалуй, такой же непосѣда, какъ и я,—замѣтила Модъ.

— Я люблю самъ все видѣть...

— Вотъ и я также. И я собираюсь... конечно, насколько это для меня доступно. Когда мы оба вернемся изъ своихъ странствій, мы поразскажемъ другъ другу свои впечатлѣнія... Надѣюсь, вы дадите намъ о себѣ вѣсточку?

— Пегги обѣщала вести со мною переписку,—грустно сказалъ Эдвардъ.—Прощайте!

XIII.

Отрывки изъ писемъ и др.

Дневникъ Модерны. 9-го іюня 18... г.

„Послѣдняя запись въ этомъ дневникѣ сдѣлана мною *два года* тому назадъ, въ день свадьбы Вэроны, и теперь, когда я ее перечла, она показалась мнѣ такой наивной! Но тогда я была другая, чѣмъ теперь,—совсѣмъ другая! И такое различіе между

тѣмъ, чѣмъ я была и чѣмъ стала за это время, просто меня пугаетъ... Но нѣтъ, я не сожгу своего дневника; я только припишу въ концѣ его: Finis! и... и спрячу на память, какъ вещественное доказательство"...

Отъ Пегги (изъ Лондона) къ Конистону (въ Римъ):

„Да, что-нибудь такое, изъ римскихъ „fazzoletti", чтобы сдѣлать платье... Модерна шлетъ свой привѣтъ. Не пишетъ, потому что слишкомъ занята"...

Отъ м-съ Фредъ Деверель къ А. Деверелю:

„Разузнайте, которой изъ дочерей Ж. Масклина Конистонъ сдѣлалъ предложеніе четыре года тому назадъ? Я знаю, что это—фактъ; но которой именно? Онъ былъ тогда секретаремъ у старика и почти безвыходно тамъ находился... Только не игривому котенку-Пегги! А Вэрона слишкомъ скромна для чего бы то ни было подобнаго"...

Отъ А. Кевереля къ м-съ Фредъ Деверель:

„Совершенно уклоняюсь отъ какихъ бы то ни было разслѣдованій по этому вопросу. Ни васъ, ни меня это не касается"...

Отъ Вэроны Лауренсъ къ Сесиліи Джикиль:

„Доктора посылаютъ папà за границу на всю зиму. Наши сдаютъ домъ и уѣзжаютъ. Модерна объявила, что остается и будетъ жить съ одной отчаянной дѣвицей-журналисткой, миссъ Тримэнъ"...

Отъ м-съ Мортимеръ къ миссъ Масклинъ:

„Мы обѣдаемъ въ 8 ч. веч.,—не забудьте. Вы должны за обѣдомъ занимать нѣкоего м-ра Брауна. Онъ—родственникъ моего мужа и, вдобавокъ, приходскій священникъ въ Вестъ-Эндѣ; довольно скучный и молчаливый господинъ, но вы (я знаю!) съумѣете его „разговорить". Знаю, что онъ не устоитъ; знаю также, что вамъ съ нимъ будетъ скучно; но все-таки, убѣдительно прошу васъ, не скупясь, осыпать его разсказами о кафешантанахъ и французскихъ романахъ. Знаю, что вы не знакомы ни съ тѣми, ни съ другими; но онъ-то будетъ увѣренъ въ противномъ, слушая, какъ вы прекрасно о нихъ говорите"...

Выдержки изъ газетъ:

1.—„На-дняхъ, на столбцахъ газеты „*Неподкупный*“ передаются опыты и впечатлѣнія одной молодой дѣвушки изъ свѣтскаго общества, которая поступила въ качествѣ горничной въ одно изъ всѣми уважаемыхъ семействъ. Ни для кого не тайна, что эта смѣлая піонерка — не кто иная, какъ дочь одного изъ нашихъ виднѣйшихъ профессоровъ, человѣка высокихъ какъ умственныхъ, такъ и нравственныхъ качествъ“...

2.—„И къ чему это всѣ наши юные поэты считаютъ своимъ долгомъ быть непремѣнно меланхоликами? Передъ нами лежитъ небольшая поэма, подписанная: „*М. Е. Масклинъ*“; вещица далеко не дурная, но вѣющая такимъ мрачнымъ и упорнымъ разочарованіемъ, что мы давно такихъ уже не видали. Со стороны поэтессы, только ея крайняя молодость можетъ служить ей извиненіемъ въ такихъ „загробныхъ изліяніяхъ“, какъ сказалъ бы Маркъ Твэнъ“...

Отъ миссъ Долли Тримэнъ къ миссъ Масклинъ:

„Смотрите же, не обманите, не раздумайте! Я вѣдь не со всякой рѣшусь поселиться. Мнѣ въ товарищи нужна такая дѣвушка, которая была бы не капризница и не трусиха, а не то наша затѣя рухнетъ. Привезите съ собой свои“...

Отъ Билли къ Модернѣ:

„Какая вы милая! Я попалъ въ петлю... запутался! Замолвите отцу за меня словечко... Онъ васъ послушаетъ во всемъ, въ чемъ угодно... А мнѣ никогда еще такъ круто не приходилось“!..

Отъ Сесиліи Джикиль къ Вэронѣ Лауренсъ:

„...Ничего не слыхала про эту миссъ Тримэнъ! Модерна больше мнѣ не пишетъ, и я боюсь, что она попала въ дурное общество. Мужъ говоритъ, что она—дѣвушка рѣшительная, идетъ своей дорогой безъ колебаній и благополучно переживетъ этотъ новый фазисъ въ своей жизни“...

Отъ лэди Риддель къ Сесиліи Джикиль:

„Модерна живетъ себѣ благополучно. Оставь ее въ покоѣ! Въ жизни каждой дѣвушки непремѣнно должны же быть своего рода „Wanderjahre“. И у тебя они были бы, конечно, если бы ты не вышла замужъ“...

Съ англ. А. Б—г—

ТРИ СВИДАНІЯ

ПОЭМА.

Заранѣе надъ смертью торжествуя,
И цѣпь временъ любовью одолѣвъ,
Подруга вѣчная, тебя не назову я,
Но ты почуешь трепетный напѣвъ...

Не вѣруя обманчивому міру,
Подъ тяжкою корою вещества,
Я осязалъ нетлѣнную порфиру
И узнавалъ сіянье божества...

Не трижды ль ты далась живому взгляду—
Не мысленнымъ движеніемъ, о, нѣтъ!—
Въ предвѣстіе, иль въ помощь, иль въ награду
На зовъ души твой образъ былъ отвѣтъ.

I.

И въ первый разъ,—о, какъ давно то было!—
Тому минуло тридцать-шесть годовъ,
Какъ дѣтская душа нежданно ощутила
Тоску любви съ тревогой смутныхъ сновъ.

Мнѣ девять лѣтъ, *она*... ей—девять тоже.
„Былъ майскій день въ Москвѣ“, какъ молвилъ Фетъ.
Признался я. Молчаніе. О, Боже!
Соперникъ есть. А! онъ мнѣ дастъ отвѣтъ!

Дуэль, дуэль! Обѣдня въ Вознесенье.
Душа кипитъ въ потокѣ страстныхъ мукъ.
Житейское... отложимъ... попеченье—
Тянулся, замиралъ и замеръ звукъ.

Алтарь открытъ... Но гдѣ жъ священникъ, дьяконъ?
И гдѣ толпа молящихся людей?
Страстей потокъ,—безслѣдно вдругъ изсякъ онъ.
Лазурь кругомъ, лазурь въ душѣ моей.

Пронизана лазурью золотистой,
Въ рукѣ держа цвѣтокъ нездѣшнихъ странъ,
Стояла ты съ улыбкою лучистой,
Кивнула мнѣ и скрылася въ туманъ.

И дѣтская любовь чужой мнѣ стала,
Душа моя—къ житейскому слѣпа...
А нѣмка-бонна грустно повторяла:
„Володинька—ахъ! слишкомъ онъ *глюпà*“!

II.

Прошли годà. Доцентомъ и магистромъ
Я мчуся за границу въ первый разъ.
Берлинъ, Ганноверъ, Кёльнъ—въ движеньи быстромъ
Мелькнули вдругъ и скрылися изъ глазъ.

Не свѣта центръ, Парижъ, не край испанскій,
Не яркій блескъ восточной пестроты,—
Моей мечтою былъ Музей Британскій,
И онъ не обманулъ моей мечты.

Забуду ль васъ, блаженные полъ-года?
Не призраки минутной красоты,
Не бытъ людей, не страсти, не природа—
Всей, всей душой одна владѣла ты.

Пусть тамъ снуютъ людскія миріады
Подъ грохотъ огнедышащихъ машинъ,
Пусть зиждутся бездушныя громады,—
Святая тишина, я здѣсь одинъ.

Ну, разумѣется, cum grano salis:
Я одинокъ былъ, но не мизантропъ;
Въ уединеніи и люди попадались,
Изъ коихъ мнѣ теперь назвать когобъ?

Жаль, въ свой размѣръ вложить я не съумѣю
Ихъ имена, не чуждыя молвы...
Скажу: два-три британскихъ чудодѣя
Да два иль три доцента изъ Москвы.

Все-жъ больше я одинъ въ читальномъ залѣ;
И вѣрьте, иль не вѣрьте,—видитъ Богъ,
Что тайныя мнѣ силы выбирали
Все, что̀ о ней читать я только могъ.

Когда же прихоти грѣховныя внушали
Мнѣ книгу взять „изъ оперы другой",—
Такія тутъ исторіи бывали,
Что я въ смущеньи уходилъ домой.

И вотъ однажды—къ осени то было—
Я ей сказалъ: о, божества расцвѣтъ!
Ты здѣсь, я чую,—что же не явила
Себя глазамъ моимъ ты съ дѣтскихъ лѣтъ?

И только я помыслилъ это слово,—
Вдругъ зототой лазурью все полно̀,
И предо мной она сіяетъ снова,—
Одно ея лицо,—оно одно.

И то мгновенье долгимъ счастьемъ стало,
Къ земнымъ дѣламъ опять душа слѣпа,
И если рѣчь *серьезный* слухъ встрѣчала,
Она была невнятна и глупа.

III.

Я ей сказалъ: твое лицо явилось,
Но всю тебя хочу я увидать.
Чѣмъ для ребенка ты не поскупилась,
Въ томъ—юношѣ нельзя же отказать!

„Въ Египтѣ будь!“—внутри раздался голосъ.
Въ Парижъ!—и къ югу паръ меня несетъ.
Съ разсудкомъ чувство даже не боролось:
Разсудокъ промолчалъ какъ идіотъ.

На Льонъ, Туринъ, Пьяченцу и Анкону,
На Фермо, Бари, Бриндизи—и вотъ
По синему трепещущему лону
Ужъ мчитъ меня британскій пароходъ.

Кредитъ и кровъ мнѣ предложилъ въ Каирѣ
Отель „Аббатъ“,—его ужъ нѣтъ, увы!—
Уютный, скромный, лучшій въ цѣломъ мірѣ...
Тамъ были русскіе, и даже изъ Москвы.

Всѣхъ тѣшилъ генералъ—десятый номеръ—
Кавказскую онъ помнилъ старину...
Его назвать не грѣхъ—давно онъ померъ,
И лихомъ я его не помяну.

То Ростиславъ Ѳаддеевъ былъ извѣстный,
Въ отставкѣ воинъ и владѣлъ перомъ.
Назвать кокотку, иль соборъ помѣстный,—
Ресурсовъ тьма была сокрыта въ немъ.

Мы дважды въ день сходились за табль-д'отомъ;
Онъ весело и много говорилъ,
Не лѣзъ въ карманъ за скользкимъ анекдотомъ
И философствовалъ по мѣрѣ силъ.

Я ждалъ межъ тѣмъ завѣтнаго свиданья,
И вотъ однажды, въ тихій часъ ночной,
Какъ вѣтерка прохладное дыханье:
„Въ пустынѣ я—иди туда за мной“.

Идти *пѣшкомъ* (изъ Лондона въ Сахару
Не возятъ даромъ молодыхъ людей,—
Въ моемъ карманѣ—хоть кататься шару,
И я живу въ кредитъ ужъ много дней).

Богъ вѣсть куда, безъ денегъ, безъ припасовъ,
И я въ одинъ прекрасный день пошелъ,—

Какъ дядя Власъ, что написалъ Некрасовъ.
(Ну, какъ-ни-какъ, а риѳму я нашелъ [1]).

Смѣялась, вѣрно, ты, какъ средь пустыни,
Въ цилиндрѣ высочайшемъ и въ пальто,
За чорта принятый, въ здоровомъ бедуинѣ
Я дрожь испуга вызвалъ и за то

Чуть не убитъ,—какъ шумно, по-арабски
Совѣтъ держали шейхи двухъ родовъ,
Чтò дѣлать имъ со мной, какъ послѣ рабски
Скрутили руки и безъ лишнихъ словъ

Подальше отвели, преблагородно
Мнѣ руки развязали—и ушли.
Смѣюсь съ тобой: богамъ и людямъ сродно
Смѣяться бѣдамъ, разъ онѣ прошли.

Тѣмъ временемъ нѣмая ночь на землю
Спустилась прямо, безъ обиняковъ.
Кругомъ лишь тишину одну я внемлю
Да вижу мракъ средь звѣздныхъ огоньковъ.

Прилегши нà земь, я глядѣлъ и слушалъ...
Довольно гнусно вдругъ завылъ шакалъ;
Въ своихъ мечтахъ меня онъ, вѣрно, кушалъ,
А на него и палки я не взялъ.

Шакалъ-то чтò! Вотъ холодно ужасно...
Должно быть—нуль,—а жарко было днемъ...
Сверкаютъ звѣзды безпощадно ясно;
И блескъ, и холодъ—во враждѣ со сномъ.

И долго я лежалъ въ дремотѣ жуткой,
И вотъ повѣяло: „усни, мой бѣдный другъ!"—
И я уснулъ: когда жъ проснулся чутко,—
Дышали розами земля и неба кругъ.

---

[1]). Пріемъ нахожденія риѳмы, освященный примѣромъ Пушкина и тѣмъ болѣе простительный въ настоящемъ случаѣ, что авторъ, будучи болѣе неопытенъ, чѣмъ молодъ, первый разъ пишетъ стихи въ повѣствовательномъ родѣ.

И въ пурпурѣ небеснаго блистанья
Очами полными лазурнаго огня [1])
Глядѣла ты, какъ *первое сіянье*
Всемірнаго и творческаго дня.

Чтò есть, чтò было, чтò грядетъ во вѣки—
Все обнялъ тутъ одинъ недвижный взоръ...
Синѣютъ подо мной моря и рѣки,
И дальній лѣсъ, и выси снѣжныхъ горъ.

Все видѣлъ я, и *все одно* лишь было,—
Одинъ лишь образъ женской красоты...
Безмѣрное въ его размѣръ входило,—
Передо мной, во мнѣ—одна лишь ты.

О, лучезарная! тобой я не обманутъ:
Я всю тебя въ пустынѣ увидалъ...
Въ моей душѣ тѣ розы не завянутъ,
Куда бы ни умчалъ житейскій валъ.

Одинъ лишь мигъ! Видѣніе сокрылось—
И солнца шаръ всходилъ на небосклонъ.
Въ пустынѣ тишина. Душа молилась,
И не смолкалъ въ ней благовѣстный звонъ.

Духъ бодръ! Но все-жъ не ѣлъ я двое сутокъ,
И начиналъ тускнѣть мой высшій взглядъ.
Увы! какъ ты ни будь душою чутокъ,
А голодъ вѣдь не тетка, говорятъ.

На западъ солнца путь держалъ я къ Нилу
И вечеромъ пришелъ домой въ Каиръ.
Улыбки розовой душа слѣды хранила,
На сапогахъ—виднѣлось много дыръ.

Со стороны все было очень глупо
(Я факты разсказалъ, видѣнье скрывъ).
Въ молчаньи генералъ, поѣвши супа,
Такъ началъ важно, взоръ въ меня вперивъ:

---

[1]) Стихъ Лермонтова.

„Конечно, умъ даетъ права на глупость,
Но лучше симъ не злоупотреблять:
Не мастерица вѣдь людская тупость
Виды безумья точно различать.

„А потому, коль вамъ прослыть обидно
Помѣшаннымъ, иль просто дуракомъ, —
Объ этомъ происшествіи постыдномъ
Не говорите больше ни при комъ“.

И много онъ острилъ, а предо мною
Уже лучился голубой туманъ,
И, побѣжденъ таинственной красою,
Въ даль уходилъ житейскій океанъ.

Еще невольникъ суетному міру,
Подъ грубою корою вещества
Такъ я прозрѣлъ нетлѣнную порфиру
И ощутилъ сіянье божества.

Предчувствіемъ надъ смертью торжествуя
И цѣпь временъ мечтою одолѣвъ,
Подруга вѣчная, тебя не назову я,
А ты прости нетвердый мой напѣвъ!

Владиміръ Соловьевъ.

26—29 сент., 1898. Пустынька.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое ноября 1898.

Взиманіе земскихъ сборовъ—прежде и теперь.—Различные способы улучшить положеніе земскихъ финансовъ.—Предѣлы земскаго обложенія.—Васильское уѣздное земское собраніе.—Вопросъ объ отношеніи губернскаго земства къ ходатайствамъ уѣздныхъ земскихъ собраній.—Земская адвокатура.—Реакціонная печать и земство.

Неурожай нынѣшняго года, ослабившій, во многихъ губерніяхъ, платежныя силы населенія, опять ставитъ на очередь вопросъ о способахъ веденія земскаго хозяйства при явномъ несоотвѣтствіи между земскими расходами и земскими сборами. Тотъ же вопросъ возникаетъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, не затронутыхъ недородомъ, и принимаетъ болѣе широкую форму: какъ обезпечить правильное поступленіе земскихъ сборовъ и какъ пополнять неизбѣжные, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ихъ недочеты? Земскія недоимки, вездѣ достигающія значительной высоты, зависятъ не столько отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ родѣ неурожая или другого общественнаго бѣдствія, сколько отъ причинъ болѣе общихъ, коренящихся въ способѣ взиманія и въ самомъ характерѣ земскихъ сборовъ. Усилія властей, завѣдывающихъ одновременно взиманіемъ налоговъ государственныхъ и земскихъ, направлены преимущественно къ исправному поступленію первыхъ, хотя бы и въ ущербъ послѣднимъ. Значительно бо́льшая часть земскихъ сборовъ падаетъ, притомъ, на землю, обремененную, кое-гдѣ, свыше мѣры и совершенно обезсиливаемую неурожаемъ. Никакими опредѣленными, надежными средствами на случай непредвидѣннаго дефицита земство не располагаетъ. А между тѣмъ, въ числѣ земскихъ расходовъ много такихъ, производство которыхъ совершенно неотложно: нельзя же закрывать, отъ времени до времени, земскія школы и больницы, оставлять безъ ремонта земскія дороги, прекращать уплату жалованья служащимъ въ земствѣ. Отсюда три постоянныхъ заботы земскихъ учрежденій: увеличеніе числа земскихъ доходныхъ статей, упорядоченіе взиманія земскихъ

сборовъ, организація земскаго кредита и экстраординарныхъ земскихъ рессурсовъ. Ни одна изъ этихъ задачъ не можетъ быть разрѣшена собственными силами земства, на почвѣ дѣйствующаго законодательства. Для земскихъ собраній открытъ только путь ходатайства передъ высшимъ правительствомъ, къ чему многія изъ нихъ обращались уже неоднократно и до сихъ поръ не перестаютъ обращаться. Остановимся, на этотъ разъ, на вопросѣ о взиманіи земскихъ сборовъ, разрабатываемомъ въ настоящее время, уже не впервые, с.-петербургскимъ губернскимъ земствомъ.

С.-Петербургская губернія не принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ земледѣліе составляетъ почти единственное или главное занятіе населенія. Не только въ подстоличныхъ уѣздахъ, но и въ болѣе отдаленныхъ, хлѣбопашество не даетъ достаточныхъ средствъ къ жизни; рядомъ съ нимъ вездѣ существуютъ промыслы, мѣстные или отхожіе, и неурожаи не имѣютъ здѣсь такого значеніи, какъ въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ. Несмотря на это, цифра земскихъ недоимокъ, какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ (напр. по обязательному страхованію рогатаго скота), въ большинствѣ уѣздовъ очень велика, и затрудняетъ не только развитіе, но и правильное веденіе земскаго хозяйства. Одно изъ уѣздныхъ земскихъ собраній—шлиссельбургское—пришло къ заключенію, что это зло можетъ быть устранено только радикальною мѣрою, и обратилось къ губернскому собранію съ просьбою возбудить ходатайство о томъ, чтобы всѣ земскіе расходы были приняты, наравнѣ съ государственными, на счетъ государственнаго казначейства. Коммиссія, на разсмотрѣніе которой губернское собраніе передало просьбу шлиссельбургскаго земства, высказалась противъ ея удовлетворенія, находя, что та же цѣль можетъ быть достигнута съ гораздо бо̀льшимъ удобствомъ, возстановленіемъ дѣйствія ст. 90 уст. о земск. повинн. въ той редакціи, какую она имѣла до введенія земскихъ учрежденій. На основаніи этой редакціи (о возвращеніи къ которой с.-петербургское губернское земство ходатайствовало и раньше), вносимыми отъ плательщиковъ суммами покрывались сперва всѣ земскіе сборы, а затѣмъ уже казенныя подати и особыя взысканія. Возвращеніе къ такому порядку устранило бы главную причину накопленія земскихъ недоимокъ, въ той ихъ части, которая касается сельскихъ обществъ. Только при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, встрѣчающихся сравнительно рѣдко, поступленіе платежей, лежащихъ на крестьянахъ, прекращается совершенно; въ большинствѣ случаевъ уменьшаются лишь его размѣры—и это уменьшеніе съ особенною силой отражается на земствѣ, разъ что ему не предоставлено закономъ никакого преимущества передъ казною, а на практикѣ земскіе интересы почти всегда приносятся въ жертву казен-

нымъ. Между тѣмъ, для земства недоборъ въ поземельныхъ сборахъ имѣетъ несравненно бо́льшее значеніе, чѣмъ для казны. Въ государственномъ бюджетѣ поземельные налоги составляютъ менѣе одной десятой части всего дохода, въ бюджетахъ земскихъ—до восьми и даже девяти-десятыхъ. Въ государственномъ хозяйствѣ недоимки поземельныхъ налоговъ уравновѣшиваются обыкновенно избыткомъ поступленій по другимъ статьямъ; въ земскомъ хозяйствѣ, почти всецѣло основанномъ на сборѣ съ земли, такое уравновѣшеніе немыслимо. Государство, въ случаѣ надобности, всегда можетъ прибѣгнуть къ кредиту; для земства онъ часто недоступенъ, или доступенъ только на крайне обременительныхъ условіяхъ. Обращеніе поземельныхъ налоговыхъ платежей прежде всего на покрытіе земскихъ сборовъ было бы, поэтому, вполнѣ согласно съ справедливостью. Ограждая интересы земства, оно соотвѣтствовало бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, истиннымъ интересамъ государства, для котораго далеко не безразлично все предпринимаемое земствомъ на пользу мѣстнаго населенія... На самой низшей ступени управленія существуетъ и теперь, de facto, нѣчто аналогичное тому, чего желаетъ земство: изъ платежей, вносимыхъ крестьянами, прежде всего покрываются мірскіе (т.-е. волостные и сельскіе) сборы. И это не можетъ быть иначе: накопленія мірскихъ недоимокъ не вынесли бы ни волость, ни сельское общество, не имѣющія другихъ источниковъ дохода, кромѣ мірскихъ сборовъ, или, въ лучшемъ случаѣ, удовлетворяющія изъ нихъ бо́льшую часть своихъ насущныхъ потребностей. Съ этой точки зрѣнія, положеніе земства отличается отъ положенія волости или села лишь весьма немногимъ; порядокъ, для послѣднихъ созданный самой жизнью, слѣдовало бы установить для перваго силою закона. Разсчитывать на практику здѣсь нельзя уже потому, что земскіе сборы, какъ и государственные, вносятся въ казначейство, между тѣмъ какъ мірскіе сборы поступаютъ непосредственно въ руки сельскихъ и волостныхъ властей.

Мысль о возвращеніи къ старому порядку распредѣленія налоговыхъ платежей встрѣтила, какъ и слѣдовало ожидать, ожесточенныя возраженія со стороны противниковъ земскаго самоуправленія [1].

Прежде—говорятъ намъ — земскія повинности опредѣлялись правительствомъ и выполнялись подъ непосредственнымъ наблюденіемъ администраціи, вслѣдствіе чего не могло быть сомнѣнія ни въ ихъ необходимости, ни въ неотяготительности ихъ для населенія; теперь „надзоръ за необремененіемъ населенія земскими сборами фактически совершенно не существуетъ“, и произволъ земскихъ учрежденій въ повышеніи земскихъ расходовъ доходитъ до крайней степени. Сдер-

[1]) См. № 240 „Московскихъ Вѣдомостей“.

живаетъ его нѣсколько только само населеніе, „отказываясь пополнять земскую кассу безъ крайнихъ понудительныхъ мѣръ“: земскія недоимки являются какъ бы „протестомъ противъ непомѣрныхъ земскихъ поборовъ“. Возстановленіе прежней редакціи ст. 90 могло бы быть допущено, поэтому, въ такомъ лишь случаѣ, еслибы былъ установленъ предѣлъ земскаго обложенія, а земскіе расходы—поставлены подъ „прямой и опредѣленный контроль правительства“... Обставленное подобными условіями, возвращеніе къ прежнему порядку было бы для земства настоящимъ „Данаевымъ даромъ“.—Не говоря уже о неудобствахъ, сопряженныхъ — по крайней мѣрѣ въ настоящее время, до предоставленія земству новыхъ доходныхъ статей,—съ назначеніемъ предѣла земскаго обложенія, усиленіе административнаго контроля надъ земскими расходами было бы равносильно потерѣ той небольшой самостоятельности, которую еще сохраняетъ земство. Министерство внутреннихъ дѣлъ и его мѣстные органы обладаютъ и теперь болѣе чѣмъ достаточными средствами надзора, дающими имъ полную возможность предупреждать расходы, очевидно, непроизводительные или явно непосильные для населенія; идти еще дальше, допустить положеніе безапелляціоннаго административнаго veto на каждый земскій расходъ, значило бы отдать все земское дѣло въ полное распоряженіе администраціи, т.-е. фактически упразднить земство или сдѣлать его совершенно излишнимъ (къ чему и направлены, впрочемъ, всѣ усилія газетныхъ реакціонеровъ). Усматривать въ накопленіи земскихъ недоимокъ какой-то *протестъ* противъ „земскихъ поборовъ“ можетъ только тотъ, кто не знаетъ или не хочетъ знать дѣйствительности. Совершенно невѣрно, во-первыхъ, что ростъ земскихъ недоимокъ вездѣ и всегда прямо пропорціоналенъ росту земской смѣты. Недоимки накопляются, сплошь и рядомъ, и тамъ, гдѣ земская смѣта остается почти неподвижной (и наоборотъ); увеличеніе ихъ зависитъ гораздо больше отъ способовъ взысканія, практикуемыхъ въ данной мѣстности, чѣмъ отъ прибавки нѣсколькихъ копѣекъ къ обложенію десятины удобной земли. Еще сильнѣе вліяютъ въ этомъ отношеніи общія причины, подрывающія благосостояніе населенія. Какіе плательщики, далѣе, „протестуютъ“, накопленіемъ земскихъ недоимокъ, противъ земскихъ „поборовъ“? Личные землевладѣльцы? Безспорно, со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ, индифферентныхъ или враждебныхъ къ земскому дѣлу, возможно тенденціозное, демонстративное уклоненіе отъ уплаты земскаго сбора; но мы увидимъ ниже, что оно осталось бы возможнымъ и при возстановленіи прежней редакціи ст. 90, такъ какъ эта статья касается только сельскихъ обществъ. Встрѣчается оно, во всякомъ случаѣ, не только тамъ, гдѣ земская смѣта растетъ быстро и сильно, но вездѣ, гдѣ есть наклонность къ

неисполненію гражданскаго долга—и гдѣ ее поощряетъ бездѣйствіе власти, взыскивающей земскіе сборы. Что касается до крестьянъ, то „протестовать" противъ „земскихъ поборовъ" они не могутъ по той простой причинѣ, что не знаютъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, куда именно идутъ вносимыя ими деньги. Крестьянину извѣстна только общая цифра всѣхъ слѣдующихъ съ него сборовъ; распредѣленіе между ними каждаго дѣлаемаго имъ платежа зависитъ отъ начальства—сельскаго старосты, волостного старшины и т. д., или отъ уѣзднаго казначейства. Аргументація, основанная на мнимомъ „протестѣ", падаетъ, такимъ образомъ, сама собою, свидѣтельствуя еще разъ о неразборчивости нашихъ „охранителей" въ выборѣ полемическихъ пріемовъ.

Ст. 90 уст. о земск. пов., въ прежней ея редакціи, появилась на свѣтъ въ то время, когда существовало еще въ полной силѣ различіе между податными и неподатными сословіями—и одни первыя несли на себѣ всю тяжесть казенныхъ и земскихъ сборовъ. Простое возстановленіе прежняго текста статьи обезпечило бы болѣе исправное поступленіе только той части земскаго сбора, которая вносится съ надѣльной земли, крестьянами, приписанными къ сельскимъ обществамъ. Между тѣмъ, земскій сборъ съ личныхъ землевладѣльцевъ составляетъ, въ большинствѣ уѣздовъ, весьма значительную долю земскихъ доходовъ, равняясь иногда земскому сбору съ сельскихъ обществъ. Необходимо было бы, поэтому, расширить дѣйствіе ст. 90, установивъ, что поземельные платежи личныхъ землевладѣльцевъ также идутъ прежде всего на покрытіе земскаго сбора. Еслибы въ счетъ государственнаго поземельнаго налога обращались только суммы, остающіяся за уплатою земскаго сбора, интересы казны совпали бы съ интересами земства, и это отразилось бы какъ нельзя болѣе благопріятно на земскихъ финансахъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что главной причиной накопленія земскихъ недоимокъ на земляхъ частнаго владѣнія является крайняя слабость мѣръ, принимаемыхъ для ихъ взысканія. Полиція не спѣшитъ, бо́льшею частью, исполненіемъ домогательствъ земскихъ управъ; проходятъ очень значительные промежутки времени, прежде чѣмъ она приступаетъ къ описи имѣнія; до продажи съ публичнаго торга дѣло доходитъ такъ рѣдко, что ея возможность перестаетъ служить стимуломъ къ исправной уплатѣ земскаго сбора. Чѣмъ медленнѣе процедура взыскаянія, тѣмъ больше накопляется недоимокъ, тѣмъ труднѣе, слѣдовательно, ихъ погашеніе; бываютъ случаи, когда ихъ не покрываетъ даже сумма, вырученная отъ продажи имѣнія. Единственнымъ радикальнымъ средствомъ къ устраненію всѣхъ этихъ неудобствъ было бы предоставленіе земству права производить, черезъ посредство своихъ исполнительныхъ орга-

новъ, взысканіе недоимокъ, накопившихся на земляхъ частнаго владѣнія, съ точнымъ опредѣленіемъ сроковъ и порядка взысканія. Землевладѣльцы сохранили бы, конечно, право обжалованія каждаго дѣйствія, совершённаго земскою управою или ея уполномоченнымъ. Въ концѣ концовъ въ выигрышѣ оказалось бы не только земство, но и сами землевладѣльцы, при нынѣшней системѣ часто, сами того не замѣчая, запутывающіеся въ недоимкахъ. Внести текущій земскій сборъ сравнительно нетрудно; настоящимъ бременемъ онъ становится только тогда, когда не уплачивается изъ года въ годъ и, съ присоединеніемъ пени, образуетъ все болѣе и болѣе крупныя суммы. Намъ извѣстны случаи, когда изъ нѣсколькихъ рублей ежегоднаго сбора составлялись недоимки въ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ рублей, разорительныя для земства, но крайне опасныя и для самихъ владѣльцевъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что самымъ простымъ выходомъ изъ затрудненій, въ которыя поставлено земство, былъ бы именно тотъ, о которомъ предлагаетъ ходатайствовать шлиссельбургское уѣздное земское собраніе, т.-е. принятіе всѣхъ земскихъ расходовъ на счетъ казны. На самомъ дѣлѣ, однако, это было бы равносильно полному извращенію земскихъ учрежденій. Получая всѣ свои средства изъ тѣхъ же источниковъ и тѣмъ же путемъ, какъ и другія отрасли государственнаго управленія, земство неизбѣжно вошло бы въ составъ административнаго механизма; земскія управы, и теперь уже имѣющія слишкомъ много точекъ соприкосновенія съ присутственными мѣстами, перестали бы отличаться отъ нихъ чѣмъ бы то ни было существеннымъ, а земскія собранія приняли бы характеръ исключительно совѣщательный. Кто держитъ, по извѣстному французскому выраженію, шнурки кошелька, тотъ не расположенъ отказаться отъ права регулировать расходы, производимые изъ этого кошелька. Слишкомъ наивно было бы думать, что финансовое вѣдомство ограничится ролью земскаго сборщика податей или земскаго кассира, безпрекословно отпускающаго земству всѣ суммы, включаемыя въ земскій бюджетъ. Расходы, производимые изъ общегосударственныхъ средствъ, непремѣнно предполагаютъ одобреніе государственной власти, въ лицѣ того или другого ея представителя. Теперь для производства земскихъ расходовъ достаточно отсутствія спора со стороны администраціи; тогда для него понадобилось бы прямо выраженное ея согласіе. Получилось бы, такимъ образомъ, именно то положеніе вещей, о которомъ мечтаютъ противники земскихъ учрежденій. Ходатайство о его водвореніи, идущее отъ самого земства, было бы чѣмъ-то въ родѣ покушенія на самоубійство. Другое дѣло, еслибы государство предоставило въ распоряженіе земства извѣстную часть

того или другого опредѣленнаго дохода или разрѣшило бы ему дѣлать, въ заранѣе установленныхъ предѣлахъ, надбавки къ тѣмъ или другимъ государственнымъ сборамъ (какъ это практикуется уже теперь по отношенію къ сбору съ патентовъ и свидѣтельствъ на право торговли). Земство осталось бы, въ такомъ случаѣ, хозяиномъ *своихъ* средствъ, и для новыхъ ограниченій его самодѣятельности не было ни повода, ни предлога. Трудно ожидать, однако, чтобы новые источники дохода, только-что упомянутые нами, могли замѣнить собою земскій поземельный сборъ и упразднить, этимъ самымъ, вопросъ о болѣе правильномъ его поступленіи.

Кстати о земскомъ обложеніи. Если вѣрить газетамъ, министерство финансовъ предлагало установить теперь же высшія нормы обложенія, въ размѣрѣ сборовъ, опредѣленныхъ земскими раскладками на 1897-й годъ. Къ нѣсколько иному заключенію пришла коммиссія, образованная ad hoc при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: она нашла, что впредь до окончанія оцѣночныхъ работъ по закону 8-го іюня 1893 г. не слѣдуетъ устанавливать предѣловъ обложенія, а достаточно предложить начальникамъ губерній слѣдить за тѣмъ, чтобы возрастаніе земскаго обложенія противъ существующаго было допускаемо лишь въ случаяхъ настоятельной необходимости. Различіе между обоими мнѣніями заключается, такимъ образомъ, только въ степени ихъ рѣшительности: первое закрѣпляетъ существующіе оклады, какъ максимальныя нормы, безусловно и силою закона, второе—административнымъ воздѣйствіемъ, допускающимъ исключенія изъ общаго правила. Справедливымъ и цѣлесообразнымъ нельзя, съ нашей точки зрѣнія, признать ни того, ни другого. Существующіе оклады земскихъ сборовъ до крайности различны: если въ иныхъ уѣздахъ они несоразмѣрно высоки, то во многихъ другихъ дальнѣйшій ихъ ростъ вполнѣ возможенъ безъ обремененія плательщиковъ и необходимъ въ интересахъ населенія. Далеко не вездѣ, напримѣръ, для народнаго здоровья сдѣлано все, что̀ можетъ и должно сдѣлать земство; далеко не вездѣ число земскихъ школъ соотвѣтствуетъ средствамъ земства и потребностямъ народной массы. Къ чему же останавливать или затруднять движеніе впередъ, тѣмъ болѣе желательное, чѣмъ сильнѣе оно запоздало? Къ чему подводить всѣ земства подъ мѣрку, подходящую только къ немногимъ? Ужъ лучше было бы установить предѣлъ земскаго обложенія, основанный на отношеніи сбора къ цѣнности или доходности имѣній; тогда, по крайней мѣрѣ, ничто не мѣшало бы росту земскихъ смѣтъ въ уѣздахъ, въ которыхъ еще слишкомъ мало развита земская дѣятельность. На какомъ основаніи, притомъ, губернаторы могли бы возражать противъ *всякаго* увеличенія земскихъ смѣтъ, даже весьма скромныхъ? Вѣдь имъ принадлежитъ

право протеста только противъ постановленій, *явно* нарушающихъ интересы мѣстнаго населенія — а постановленія о новыхъ земскихъ расходахъ представляются, сплошь и рядомъ, вполнѣ соотвѣтствующими этимъ интересамъ или даже прямо требуются ими. Мы думаемъ, поэтому, что въ газетныя сообщенія вкралась ошибка. Достовѣрно въ нихъ, повидимому, только одно: что разрѣшеніе вопроса о предѣлахъ земскаго обложенія отложено до окончанія оцѣночныхъ работъ, предпринятыхъ въ силу закона 8-го іюня 1893 г.

Мы исходили до сихъ поръ изъ предположенія, что земство, призванное къ исполненію обширныхъ и сложныхъ задачъ, въ высшей степени важныхъ для населенія, заинтересовано въ увеличеніи своихъ средствъ, насколько оно возможно безъ непосильнаго обремененія плательщиковъ. Къ несчастію, это предположеніе не всегда и не вездѣ оправдывается на практикѣ. Земское положеніе 1890 года, положивъ въ основаніе земской избирательной системы элементъ сословный и закрѣпивъ за дворянствомъ господствующую роль въ земскихъ собраніяхъ, создало опасность, все болѣе и болѣе усиливающуюся—опасность равнодушія къ общему благу, опасность служенія не столько цѣлому, сколько одной, безъ того уже привилегированной его части. Сначала она уравновѣшивалась—а мѣстами уравновѣшивается и теперь—традиціями, завѣщанными двадцатипятилѣтнею дѣятельностью прежняго земства; но по мѣрѣ того, какъ слабѣетъ воспоминаніе объ этой дѣятельности, все болѣе и болѣе берутъ верхъ новыя вѣянія. Все болѣе и болѣе, особенно въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, гдѣ гласные отъ крестьянъ, не столько избираемые, сколько назначаемые и стѣсненные присутствіемъ земскихъ начальниковъ, слишкомъ часто играютъ роль безмолвныхъ статистовъ,—распространяется тенденція къ сбереженіямъ во что̀ бы то ни стало, къ ограниченію земской иниціативы. Исходя изъ той мысли, что земскія школы и больницы не нужны для высшихъ сословій, дворянское большинство все чаще и чаще противится дальнѣйшему ихъ росту или даже объявляетъ ходъ назадъ, постановляя, напримѣръ, передать земскія школы въ вѣденіе духовенства. Понятно, что земскимъ собраніямъ, вступившимъ на этотъ путь, чужда забота о приращеніи земскихъ средствъ; они готовы даже сами приложить руку къ ихъ уменьшенію, если оно выгодно для дворянъ-землевладѣльцевъ. Вотъ, напримѣръ, что̀ произошло во время послѣдней сессіи васильскаго (нижегородской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія [1]). Двѣ изъ числа

---

[1]) См. № 264 „Нижегородскаго Листка“.

мѣстныхъ землевладѣлицъ обратились въ собраніе съ ходатайствомъ о сложеніи съ нихъ пени (съ одной—507, съ другой—421 руб.), въ виду обремененія ихъ имѣній долгами и труднаго экономическаго положенія. Докладывая эти просьбы, предсѣдатель уѣздной земской управы, А. А. Демидовъ, предложилъ собранію обсудить общій вопросъ о сложеніи пени со всѣхъ землевладѣльцевъ уѣзда, „матеріальныя силы которыхъ рядомъ неурожаевъ весьма ослаблены“. По мнѣнію г. Демидова, не слѣдовало бы насчитывать пени и впредь, по крайней мѣрѣ до 1 января 1900 г. Противъ предложенія предсѣдателя управы выступилъ предсѣдатель собранія, находя, что льготы могутъ быть оказываемы въ отдѣльныхъ случаяхъ, а не огульно. Другой гласный указалъ, что общая льгота была бы несправедлива по отношенію къ исправнымъ плательщикамъ. За предложеніе высказались многіе гласные, опираясь, между прочимъ, на то, что пенями, какъ доходами сверхсмѣтными, собраніе, по разъясненію сената, можетъ распоряжаться какъ ему угодно. Въ концѣ концовъ собраніе постановило всю накопившуюся пеню сложить со счетовъ и до 1-го января 1900 г. пеню за невзносъ въ срокъ земскихъ платежей не начислять [1]). Это постановленіе тѣмъ болѣе характеристично, что въ томъ же засѣданіи собраніе отклонило предложеніе одного изъ гласныхъ пригласить женщину-врача, необходимую въ особенности для татарскихъ селеній. Для существенно-важнаго расхода у собранія не оказывается средствъ—а оно лишаетъ себя добровольно одного изъ крупныхъ источниковъ дохода! Освобожденіе отъ пени не только за прошедшее, но и за будущее время уничтожаетъ одно изъ главныхъ побужденій къ исправному взносу срочныхъ платежей и неизбѣжно, поэтому, должно уменьшить ихъ поступленіе. Сложеніе пени разумно и справедливо лишь тогда, когда для него имѣются на лицо серьезныя основанія, указанныя владѣльцемъ и провѣренныя управою. Отсюда необходимость разсматривать отдѣльно каждое ходатайство о сложеніи пени и принимать во вниманіе, при его разрѣшеніи, исключительно то, что̀ есть, а не то, что̀ будетъ (или не бýдетъ). Весьма возможно, что 1899-й годъ окажется во всѣхъ отношеніяхъ благопріятнымъ для сельскаго хозяйства и позволитъ землевладѣльцамъ уплатить не только текущій земскій сборъ, но и недоимки или значительную ихъ долю; зачѣмъ же создавать искусственно такія условія, при которыхъ и то, и другое становится гораздо менѣе вѣроятнымъ? Зачѣмъ забѣгать впередъ и раздавать всѣмъ и каждому льготы, о которыхъ просятъ только немногіе? Да и что это за „рядъ неуро-

---

[1]) Припомнимъ, что пенѣ за несвоевременный взносъ земскихъ сборовъ подлежатъ только личные землевладѣльцы, а не сельскія общества.

жаевъ", разстроившихъ, будто бы, хозяйство землевладѣльцевъ васильскаго уѣзда? Сколько намъ помнится, послѣ 1891 г. васильскій уѣздъ ни разу не значился въ спискѣ мѣстностей, особенно сильно пострадавшихъ отъ неурожая... Въ той части, которая касается неначисленія пени въ 1899 г., постановленіе васильскаго собранія кажется намъ не только неправильнымъ, но и незаконнымъ. Признанное за земствомъ право *слагать* пеню не равносильно праву вовсе *упразднять* ее въ будущемъ, на болѣе или менѣе продолжительное время. Нельзя считать пеню доходомъ безусловно сверхсмѣтнымъ: по новымъ правиламъ составленія земскихъ смѣтъ, въ ихъ активъ вносятся, между прочимъ, пени и недоимки въ той суммѣ, поступленіе которой въ смѣтномъ году признается вѣроятнымъ—а эта сумма едва-ли можетъ равняться нулю... До сихъ поръ такія постановленія, какъ только-что разобранное нами, встрѣчаются рѣдко, такія собранія, какъ васильское, составляютъ меньшинство; но есть, къ сожалѣнію, достаточный поводъ думать, что ихъ будетъ все больше и больше. „Теперь въ Россіи"—пишутъ намъ изъ провинціи—„два сорта дворянскихъ собраній: въ собраніяхъ перваго сорта дворяне чинно сидятъ въ мундирахъ и не курятъ; на земско-дворянскихъ собраніяхъ или на дворянскихъ собраніяхъ второго сорта дворяне развалясь сидятъ въ пиджакахъ и курятъ". Въ настоящую минуту эти слова примѣнимы, и то, бо̀льшею частью, cum grano salis, только къ единичнымъ случаямъ; въ будущемъ, не особенно отдаленномъ, они могутъ сдѣлаться вѣрнымъ отраженіемъ земской жизни. Какъ ни велики внѣшнія препятствія, съ которыми должно бороться земство, еще серьезнѣе сѣмена разложенія и порчи, заключающіяся въ самомъ его составѣ. Предупредить ихъ развитіе можетъ только пересмотръ избирательной системы, созданной Положеніемъ 1890 года.

При дѣйствіи земскаго Положенія 1864 года, право ходатайства передъ правительствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ принадлежало одинаково губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Положеніемъ 1890 года оно сохранено за одними губернскими собраніями; уѣзднымъ собраніямъ предоставлено только вносить въ губернское предположенія о ходатайствахъ, съ которыми уѣздъ считалъ бы полезнымъ обратиться къ высшей власти. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разсматривается въ настоящее время вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли возстановить прежній порядокъ, т.-е. вновь уравнять, въ отношеніи къ ходатайствамъ, права губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ принадлежалъ къ числу особенно важныхъ. Если разногласіе между земствами губернскимъ и

уѣзднымъ имѣеть серьезное значеніе, оно непремѣнно дойдетъ до свѣденія центральной власти, или путемъ оффиціальнаго представленія, или путемъ печати. Возьмемъ, для примѣра, недавній случай, обратившій на себя общее вниманіе: брянское уѣздное земское собраніе рѣшило просить о присылкѣ въ уѣздъ православныхъ миссіонеровъ, въ виду упадка среди народа религіозно-нравственнаго просвѣщенія—а орловское губернское земское собраніе постановило подобнаго ходатайства не возбуждать [1]. Объ этомъ много и долго говорили въ газетахъ—и еслибы вѣдомство православнаго исповѣданія нашло желаніе брянскаго земства заслуживающимъ уваженія, отъ него зависѣло бы принять мѣры къ его исполненію, несмотря на отрицательный отвѣтъ орловскаго губернскаго земства. Мы готовы, однако, признать, что дѣйствующій законъ о ходатайствахъ подлежитъ измѣненію—но не въ смыслѣ простого возвращенія къ порядку, существовавшему до 1890 г. Интересы земствъ уѣздныхъ и губернскаго такъ тѣсно связаны между собою, что едва-ли цѣлесообразно признавать за первыми право возбужденія ходатайствъ безъ вѣдома и участія послѣдняго: особенную важность мнѣніе губернскаго собранія имѣетъ, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда ходатайство, проектируемое уѣзднымъ земствомъ, затрогиваетъ не одинъ только уѣздъ, а нѣсколько уѣздовъ или всю губернію. Губернское земство можетъ подкрѣпить его новыми соображеніями и данными, восполнить его пробѣлы, дать ему болѣе широкую постановку—или, наоборотъ, выставить на видъ его односторонность, непрактичность, несовмѣстность съ желаніями и нуждами большинства населенія; менѣе очевидна, но столь же несомнѣнна польза проведенія уѣздныхъ ходатайствъ черезъ губернское земство и тогда, когда они касаются непосредственно одного только уѣзда. Приведемъ примѣръ, подтверждающій нашу мысль. Въ прошедшемъ году нѣсколько уѣздныхъ собраній с.-петербургской губерніи возбудили ходатайства о назначеніи министерствомъ народнаго просвѣщенія пособій на открытіе новыхъ земскихъ школъ, въ которыхъ крайне нуждаются уѣзды, но которыхъ они не могутъ содержать всецѣло на собственныя средства. Если бы каждое изъ этихъ ходатайствъ поступило въ министерство прямо изъ уѣзда, удовлетвореніе или неудовлетвореніе ихъ зависѣло бы, быть можетъ, отъ случайныхъ обстоятельствъ, благопріятныхъ для одного уѣзда, неблагопріятныхъ для другого; только губернское собраніе могло, сгруппировавъ ходатайства, указать наиболѣе справедливый и ни для кого

[1] Въ виду нареканій, которымъ до сихъ поръ подвергается это рѣшеніе орловскаго губернскаго земства, не мѣшаетъ замѣтить, что противъ ходатайства брянскаго уѣзднаго собранія высказался, въ свое время, одинъ изъ спеціальныхъ духовныхъ журналовъ (если память намъ не измѣняетъ—„Церковный Вѣстникъ“).

не обидный способъ ихъ разрѣшенія. Мы думаемъ, поэтому, что всѣ безъ исключенія ходатайства уѣздныхъ земскихъ собраній должны проходить черезъ губернское собраніе, но съ тѣмъ, чтобы ни одно изъ нихъ не было отклоняемо имъ окончательно, а всѣ были направляемы дальше, съ заключеніемъ губернскаго собранія. Ограждая уѣзды отъ возможнаго, хотя и мало вѣроятнаго произвола губернскаго земства, этотъ порядокъ обезпечивалъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, полноту мотивировки ходатайствъ, поддержанныхъ губернскимъ собраніемъ, и обнаруживалъ бы слабыя стороны ходатайствъ, имъ не поддержанныхъ. Всѣ ходатайства доходили бы до правительства въ достаточно разработанномъ видѣ, чѣмъ значительно облегчалось бы ихъ разрѣшеніе. Еслибы масса уѣздныхъ ходатайствъ оказалась слишкомъ большой, можно было бы установить такой порядокъ: ходатайства уѣздныхъ земствъ, найденныя губернскимъ собраніемъ не заслуживающими уваженія, возвращаются въ уѣздъ, съ объясненіемъ причинъ, по которымъ губернское земство отказывается отъ ихъ поддержки; уѣздное земское собраніе разсматриваетъ отзывы губернскаго земства и, если не убѣдится его доводами, даетъ ходатайству, прямо отъ себя, дальнѣйшій ходъ, т.-е. представляетъ его, вмѣстѣ съ мнѣніемъ губернскаго земства и своими возраженіями, на усмотрѣніе правительства.

Какъ ни далекъ отъ „политики“ порядокъ, опредѣляющій отношеніе губернскаго земства къ ходатайствамъ уѣздныхъ земскихъ собраній, реакціонная печать пытается обратить и его въ орудіе подкопа подъ земское дѣло. Она спрашиваетъ себя, произошло ли, подъ вліяніемъ этого порядка, *качественное* измѣненіе земскихъ ходатайствъ, или же только уменьшилось ихъ количество? Чтобы дать правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно было бы сравнить ходатайства уѣздныхъ земствъ, представленныя при дѣйствіи прежняго закона (т.-е. непосредственно уѣздными собраніями), съ ходатайствами ихъ, прошедшими, на основаніи земскаго Положенія 1890 г., черезъ губернскія собранія. Ничего подобнаго „Московскія Вѣдомости“ (№ 264) не дѣлаютъ, ограничиваясь повтореніемъ обычныхъ выходокъ противъ широкаго пользованія правомъ ходатайства. „Отличительной чертой „земскихъ ходатайствъ въ 90-хъ годахъ,—восклицаетъ московская газета,—является все то же стремленіе раздвинуть предѣлы земской компетенціи и даже проникнуть весьма далеко за эти предѣлы. Не говоримъ уже о ходатайствахъ, отмѣченныхъ духомъ безсмысленныхъ мечтаній; но подавляющее большинство остальныхъ представляетъ собою не ходатайства о *мѣстныхъ* пользахъ и нуждахъ, а попытки вліянія на разрѣшеніе въ желаемомъ ими смыслѣ тѣхъ или другихъ государственныхъ вопросовъ. Достаточно указать многочисленныя ходатайства послѣдняго времени объ отмѣнѣ закона о дорожныхъ капиталахъ и объ обращеніи средствъ этихъ капиталовъ въ фонды на

народное образованіе, ходатайства о возстановленіи судебныхъ уставовъ въ ихъ первоначальной редакціи, о земской адвокатурѣ и т. д. Такимъ образомъ можно признать положительно, что въ отношеніи качества земскихъ ходатайствъ цензура губернскихъ собраній не дала, ожидавшихся результатовъ". Въ своемъ „охранительномъ" усердіи газета не видитъ—или не хочетъ видѣть, — что ходатайства, ею осуждаемыя, всѣ или почти всѣ исходили отъ *самихъ* губернскихъ собраній, помимо уѣздной инициативы. Понятно, что ихъ не могла коснуться „цензура", предоставленная губернскому собранію по отношенію къ уѣзднымъ. Рядомъ съ этой главной ошибкой, уничтожающей весь смыслъ статьи, допущены, по обыкновенію, и другія. Забыто, напримѣръ, что законъ 1-го іюня 1895 г. прямо предоставилъ земству право просить объ обращеніи суммъ, предназначенныхъ для образованія дорожнаго капитала, на какой-либо другой предметъ (или на уменьшеніе земскаго обложенія). Именно этимъ правомъ и пользовались земства, считавшія развитіе народнаго образованія дѣломъ еще болѣе важнымъ, чѣмъ улучшеніе путей сообщенія. Изъ того, что подобныя ходатайства не были удовлетворяемы правительствомъ, еще не слѣдуетъ, чтобы они были несогласны съ закономъ. Ходатайствъ объ *отмѣнѣ* закона 1-го іюня 1895 г. мы не знаемъ; если они и были гдѣ либо заявлены, то это—рѣдкое исключеніе. Не припомнимъ мы также ходатайствъ о „возстановленіи судебныхъ уставовъ въ ихъ первоначальной редакціи". Если подъ этимъ именемъ московская газета разумѣетъ ходатайство о сохраненіи или возстановленіи выборнаго мирового суда, то нужно совсѣмъ особое интерпретаціонное искусство, чтобы признать вопросъ о *мѣстной* юстиціи неотносящимся къ *мѣстнымъ* пользамъ и нуждамъ.

Чѣмъ полнѣе, въ данномъ случаѣ, разладъ между темой и аргументаціей, тѣмъ вѣроятнѣе предположеніе, что настоящая цѣль реакціонной газеты — нѣчто гораздо бо̀льшее, нежели возвращеніе къ прежнему порядку возбужденія уѣздныхъ ходятайствъ. „Тогда какъ гласные въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ"—читаемъ мы въ той же статьѣ—„въ большинствѣ состоятъ дѣйствительно изъ представителей сословій, изъ людей земли, выходящихъ прямо изъ нѣдръ народа, знающихъ его міровоззрѣніе и бытъ, губернскія земскія собранія все чаще и чаще наполняются представителями интеллигенціи и тѣми отщепенцами дворянскаго сословія, которые приносятъ ему въ послѣднее время столько зла... Всѣ отрицательныя стремленія земствъ находятъ себѣ поддержку прежде всего въ губернскихъ земствахъ— и наоборотъ, если въ земской средѣ и встрѣчается оппозиція явнымъ увлеченіямъ и тенденціозности, то она обыкновенно исходитъ отъ земствъ уѣздныхъ". Какимъ образомъ губернское земской собраніе, всѣ члены котораго (кромѣ предводителей дворянства и представи-

телей разныхъ вѣдомствъ) избираются уѣздными земскими собраніями. можетъ такъ рѣзко отличаться отъ послѣднихъ—это секретъ „Московскихъ Вѣдомостей". Одни и тѣ же лица не могутъ быть, очевидно, „представителями сословія" въ уѣздномъ собраніи, „представителями интеллигенціи"—въ губернскомъ; столь же невозможно допустить, чтобы „представители сословій", „люди земли", составляющіе большинство въ уѣздныхъ собраніяхъ, посылали отъ себя въ губернское собраніе именно „представителей интеллигенціи", неизвѣстно какимъ образомъ попавшихъ въ уѣздные гласные. Правда, въ губернское собраніе почти никогда не выбираютъ крестьянъ, и это весьма прискорбно: но вѣдь это неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока гласные отъ крестьянъ составляютъ менѣе одной трети уѣзднаго собранія, а гласнымъ отъ дворянъ принадлежитъ абсолютное большинство голосовъ. И что̀ же? Противъ всякаго измѣненія этого порядка возстаютъ именно тѣ, которые, когда нужно, ведутъ лицемѣрную рѣчь о „людяхъ земли, выходящихъ прямо изъ нѣдръ народа"... На самомъ дѣлѣ разница между губернскими и уѣздными собраніями сводится къ тому, что съ расширеніемъ задачъ расширяется и кругозоръ, растетъ иниціатива, выясняется связь между отдѣльными явленіями жизни и общими ихъ причинами. Оппозиція уѣздныхъ земствъ губернскому, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ она дѣйствительно существуетъ, обусловливается, бо̀льшею частью, именно отсталостью одного или нѣсколькихъ уѣздовъ сравнительно съ другими (напр. въ тамбовской губерніи—нѣкоторыхъ сѣверныхъ уѣздовъ сравнительно съ центральными и южными). Какъ бы то ни было, губернскія земскія собранія болѣе свободны отъ рутины, болѣе прогрессивны, чѣмъ уѣздныя—и вотъ разгадка того недоброжелательства, съ которымъ относится къ нимъ реакціонная печать. Говоря противъ цензуры губернскаго земства надъ уѣздными ходатайствами, органы этой печати говорятъ, въ сущности, противъ сохраненія за губернскимъ земствомъ права ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ—или даже противъ самаго существованія губернскихъ земскихъ собраній. Имъ хотѣлось бы заключить земскую жизнь въ узкія рамки уѣзда, уничтожить крупные центры, въ которыхъ растетъ ея напряженность, ея интенсивность, и благодаря которымъ она обращаетъ на себя общее вниманіе, нарушая тишь и гладь обычнаго русскаго безмолвія.

Къ числу ходатайствъ, которыя реакціонная печать ставитъ въ вину губернскимъ земствамъ, принадлежатъ, какъ мы видѣли выше, ходатайства о земской адвокатурѣ. Здѣсь противники земства нѣсколько забѣжали впередъ: ходатайства объ устройствѣ земской адвокатуры возможны и даже весьма вѣроятны въ будущемъ, но до сихъ поръ въ нихъ не было надобности, потому что земства считали себя

въ правѣ организовать, безъ особаго разрѣшенія, юридическую помощь населенію. Теперь прав. сенатъ разъяснилъ, что такого права земство, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, не имѣетъ, и это разъясненіе, обязательное для земскихъ учрежденій, оставляетъ для нихъ открытымъ только путь ходатайства объ измѣненіи или дополненіи закона. Болѣе чѣмъ странно заранѣе объявлять чуть не преступленіемъ желаніе достигнуть, легальными средствами, вполнѣ невинной цѣли. Что масса населенія, особенно сельскаго, нуждается въ юридическихъ совѣтахъ, безпристрастныхъ и компетентныхъ—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; столь же безспорно и то, что всего удобнѣе и легче эта нужда можетъ быть удовлетворена именно земствомъ. Совершенно естественно, поэтому, просить объ устраненіи преграды, которую, какъ призналъ сенатъ, представляетъ собою, въ данномъ случаѣ, молчаніе закона. Что побуждаетъ реакціонную печать вооружаться противъ незаявленныхъ еще ходатайствъ — этого она вовсе не скрываетъ. Земская адвокатура—по ея мнѣнію—„изобрѣтеніе, направленное исключительно противъ института земскихъ начальниковъ“; она должна составить „противовѣсъ ихъ вліянію и значенію въ сельской жизни“. Земскій адвокатъ „завалилъ бы жалобами уѣздныя учрежденія и, можетъ быть, вполнѣ парализовалъ бы хорошія стороны мѣстной реформы 1889 года“ [1]). Въ такихъ опасеніяхъ мало лестнаго для нынѣшнихъ судебно-административныхъ учрежденій. Представимъ себѣ, что вопросъ объ устройствѣ земской адвокатуры возникъ бы лѣтъ 15—20 тому назадъ, когда дѣйствовалъ еще въ полной силѣ мировой судъ. Пришло ли бы тогда кому-нибудь въ голову утверждать, что земская адвокатура поколеблетъ значеніе мировыхъ судей, „завалитъ жалобами“ мировые съѣзды и прав. сенатъ? Конечно—нѣтъ. Для всѣхъ было бы совершенно ясно, что правильно поставленному и правильно функціонирующему суду не страшны никакія жалобы, что повѣрка судебныхъ рѣшеній высшими инстанціями даже желательна для самихъ судей, въ особенности если жалующимися являются не закулисные „аблакаты“, не полу-грамотные кляузники, а образованные юристы, стоящіе, вдобавокъ, подъ контролемъ общественнаго учрежденія. Чѣмъ же объяснить паническій страхъ, внушаемый реакціонной печати одною мыслью о возможномъ увеличеніи числа жалобъ на рѣшенія и распоряженія земскихъ начальниковъ? Сознаніемъ, что многія изъ нихъ не выдерживаютъ сколько-нибудь серьезной критики и остаются въ силѣ только вслѣдствіе юридической безпомощности населенія? Или опасеніемъ, что вѣроятность жалобы помѣшаетъ земскимъ начальникамъ поступать „по усмотрѣнію“, т.-е. не стѣсняясь закономъ?.. Открещиваясь отъ земскихъ адвока-

[1]) См. №№ 237 и 247 „Московскихъ Вѣдомостей“.

товъ, какъ отъ нечистой силы, охранители спокойствія и всевластія земскихъ начальниковъ упускаютъ изъ виду, что, кромѣ дѣлъ, подвѣдомственныхъ администраторамъ-судьямъ, въ уѣздѣ есть еще не мало другихъ, правильному направленію которыхъ могла бы способствовать земская адвокатура. Нелегко, напримѣръ, крестьянину лично искать или отвѣчать передъ уѣзднымъ членомъ окружного суда. Еще настоятельнѣе потребность въ опытныхъ и честныхъ адвокатахъ сдѣлается тогда, когда на мѣстахъ появятся вновь проектируемые судебною коммиссіею участковые судьи, съ кругомъ дѣйствій гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ у нынѣшнихъ уѣздныхъ членовъ окружного суда. А если осуществится предположеніе коммиссіи, допускающее участіе защиты, въ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ, съ момента заключенія предварительнаго слѣдствія,—къ кому будутъ обращаться, въ уѣздной глуши, подсудимые изъ бѣднѣйшихъ классовъ деревенскаго и городского населенія?.. Не скоро еще мы дождемся того времени, когда въ каждомъ уѣздномъ городѣ будутъ жить присяжные повѣренные или ихъ помощники—а пока этого нѣтъ, единственнымъ выходомъ изъ ненормальнаго положенія представляется такъ или иначе организованная земская адвокатура. Доказавъ на практикѣ ея возможность, земство пустило въ оборотъ плодотворную мысль, осуществленіе которой, несмотря на встрѣченныя ею препятствія, составляетъ, думается намъ, только вопросъ времени.

Говоря о текущихъ земскихъ вопросахъ—о порядкѣ взиманія земскихъ сборовъ, о земскихъ ходатайствахъ, о земской адвокатурѣ,—мы постоянно наталкивались на давно знакомую намъ тенденцію, излюбленное орудіе которой—заподозриваніе и извращеніе всего сдѣланнаго и дѣлаемаго земствомъ, а конечная цѣль—уничтоженіе или искалѣченіе земскихъ учрежденій. Приведемъ еще два примѣра, бросающихъ яркій свѣтъ на намѣренія и пріемы реакціонной печати. Въ харьковской губерніи, или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея уѣздахъ, туго развивается дѣятельность земскихъ складовъ для продажи земледѣльческихъ орудій. Весьма вѣроятно, что это зависитъ отъ нераспорядительности или неумѣлости мѣстныхъ земскихъ управъ, отъ избытка формальностей, которыми обставлена продажа, особенно въ кредитъ. Еслибы недоброжелатели земства ограничились указаніемъ на эти отдѣльные факты, они не вышли бы изъ предѣловъ права, безспорно принадлежащаго печати; но они поспѣшили сдѣлать изъ нихъ общій выводъ, идущій прямо въ разрѣзъ съ истиной. Въ области воспособленія земледѣлію", — восклицаетъ харьковскій сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 265), въ статьѣ, озаглавленной: „Одна изъ земскихъ неурядицъ",—„земство (т.-е. земскія учрежденія вообще) не хотѣло ничего вѣдать, а если предпринимало кое-что, то какими-

то урывками, мѣропріятіями случайными, безсистемными, въ концѣ концовъ терпѣвшими полное фіаско". Для подобныхъ увѣреній нужна особенная смѣлость. Именно земство, и только земство заботилось до сихъ поръ объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства путемъ распространенія улучшенныхъ орудій, сѣмянъ и способовъ обработки. Земство московское, вятское, пермское, тверское и многія другія достигли въ этомъ отношеніи крупныхъ или даже блестящихъ результатовъ. Въ московской губерніи, напримѣръ, есть уѣзды, гдѣ плугъ рѣшительно вытѣсняетъ соху, гдѣ травосѣяніе прочно вошло въ крестьянскій обиходъ. Если можно ожидать, въ скоромъ времени, повсемѣстнаго появленія губернскихъ агрономовъ, какъ агентовъ министерства земледѣлія, то образцомъ для этого учрежденія послужатъ земскія агрономическія организаціи, подобно тому, какъ образцомъ для устройства уѣздной врачебной части въ западныхъ губерніяхъ послужила земская медицина. Что же значатъ, въ сравненіи съ этой капитальной заслугой земства, единичныя ошибки, неизбѣжныя при многочисленности уѣздныхъ земскихъ управъ и крайне разнообразномъ ихъ составѣ? Позволительно ли возводить такія ошибки на степень „одной изъ земскихъ неурядицъ"?.. Другой примѣръ еще болѣе характеристиченъ. Самарское губернское земство минувшимъ лѣтомъ открыло въ новоузенскомъ и николаевскомъ уѣздахъ лечебно-продовольственные пункты для пришлыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Къ пріемнымъ покоямъ были здѣсь присоединены ночлежные пріюты и дешевыя чайныя и столовыя съ раздачей пищи. Завѣдываніе пунктами было поручено студентамъ-медикамъ. Это вызвало грозную филиппику со стороны „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 198). „Недоучившіеся молодые люди"—восклицаетъ газета—„призваны не только подавать медицинскую помощь, къ чему они далеко еще не могутъ быть признаны способными, но и завѣдывать лечебно-продовольственными пунктами съ массой пришлаго рабочаго народа; они поставлены во главѣ дѣла и въ непосредственное соприкосновеніе съ бродячими толпами рабочихъ... Неужели самарское губернское земство не знаетъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводило *всегда* это соприкосновеніе учащейся молодежи, *иногда* увлеченной разными соціалистическими бреднями, съ рабочими массами [1])? Если самарская губернская земская администрація не считаетъ, можетъ быть, нужнымъ ограждать рабочій людъ отъ возможности пропаганды всякихъ противогосударственныхъ и противообщественныхъ ученій, то хотя бы дѣятели земства немного подумали объ интересахъ самой учащейся молодежи". Наклонность газетныхъ псевдо-охранителей къ добровольному принятію на себя полицейскихъ

---

[1]) Очень типично это сопоставленіе словъ *всегда* и *иногда*.

функцій рѣдко выступала на видъ болѣе беззастѣнчиво и въ болѣе антипатичной формѣ. Къ занятію земскихъ должностей и къ исполненію земскихъ порученій, въ чемъ бы они ни заключались, не допускается, никто безъ вѣдома и согласія административной власти. Не подлежитъ, слѣдовательно, никакому сомнѣнію, что студенты-медики, приглашенные къ завѣдыванію самарскими лечебно-продовольственными пунктами, были приглашены съ разрѣшенія губернскаго начальства; столь же несомнѣнно и то, что въ Самарѣ, какъ и вездѣ, это начальство озабочено больше всего предупрежденіемъ пропаганды „противогосударственныхъ и противообщественныхъ ученій". Напоминаніе ему объ этой обязанности имѣетъ, очевидно, только одну цѣль: побудить его къ принятію такихъ мѣръ, которыя, говоря языкомъ юридическимъ, могутъ быть названы превышеніемъ необходимой обороны. Искусственно возбужденная подозрительность видитъ опасность даже тамъ, гдѣ ея нѣтъ и слѣда—и, для пресѣченія мнимаго зла, сплошь и рядомъ налагаетъ veto на безспорно доброе дѣло... „Соприкосновеніе учащейся молодежи съ рабочими массами" безчисленное множество разъ оканчивалось совершенно благополучно: чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только припомнить исторію недавнихъ неурожаевъ и эпидемій. Отказываться отъ драгоцѣнныхъ, иногда *незамѣнимыхъ* услугъ только потому, что кое-гдѣ и кое-кому, вопреки всякому вѣроятію, онѣ могли бы привести къ злоупотребленіямъ—значило бы принимать на себя тяжелую отвѣтственность передъ бѣдствующимъ населеніемъ. Вѣроятность злоупотребленій мы отрицаемъ потому, что студенты-медики, исполняющіе земскія порученія, снабжены аттестаціей университетскихъ властей, подтверждающей полицейское удостовѣреніе о ихъ благонадежности—а *незамѣнимыми* или трудно замѣнимыми услуги учащейся молодежи могутъ быть названы всегда, когда въ основаніи ихъ лежитъ самоотверженная преданность народу, всего болѣе свойственная ранней молодости. *Способность* подавать медицинскую помощь студенты-медики доказали во время войны, во время эпидемій; еще легче, конечно, они могутъ справиться съ хозяйственною стороною дѣла, требующею только усердія и честности... Не знаемъ, какія послѣдствія имѣло, въ данномъ случаѣ, „предостереженіе" московской газеты; но если оно и оказалось „покушеніемъ случайно-негодными средствами", то нравственное его значеніе не измѣняется отъ того нимало... Вся эта травля земскихъ учрежденій принадлежитъ къ числу самыхъ позорныхъ явленій въ исторіи нашей печати.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1898.

Открытіе парламентской сессіи во Франціи.—Засѣданіе палаты депутатовъ 25 (13) октября и паденіе министерства Бриссона.—Дѣло Дрейфуса и антисемиты.—Рѣшеніе кассаціоннаго суда.—Англо-французскій споръ о Фашодѣ.

Открытіе парламентской сессіи во Франціи ожидалось на этотъ разъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ; палатѣ депутатовъ предстояло выяснить то положеніе, которое съ каждымъ днемъ становилось все болѣе натянутымъ и запутаннымъ. Министерство Бриссона подверглось во время вакацій тяжелому внутреннему кризису, измѣнившему отчасти его составъ и характеръ, подъ вліяніемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ; оно потеряло такого популярнаго министра, какъ Кавеньякъ, и возбудило противъ себя вражду представителей арміи своимъ рѣшеніемъ допустить пересмотръ процесса Дрейфуса. Министерство, смѣнившее умѣренный кабинетъ Мелина, не имѣло за собою прочнаго большинства въ парламентѣ; оно вступило во власть подъ знаменемъ борьбы съ „дрейфуссарами" и достигло наибольшаго успѣха, благодаря памятной оффиціальной рѣчи, которою будто бы окончательно устранялся вопросъ, вызывавшій столь горячіе споры. Разоблаченіе подлога, совершённаго полковникомъ Анри, уничтожило иллюзію „патріотовъ", рукоплескавшихъ категорическимъ заявленіямъ Кавеньяка, и послужило поворотнымъ моментомъ въ политикѣ кабинета. Слѣпое довѣріе къ главному штабу рушилось, и самъ генералъ Буадефръ, безусловно полагавшійся на Анри, долженъ былъ публично признаться въ ошибкѣ и выйти въ отставку. Бриссонъ и нѣкоторые изъ его коллегъ отреклись отъ своихъ прежнихъ взглядовъ по дѣлу Дрейфуса; они убѣдились въ необходимости пересмотра, противъ котораго раньше возставали, и вынуждены были разойтись съ главнымъ штабомъ въ пониманіи сравнительной важности интересовъ, затронутыхъ въ данномъ случаѣ. Разладъ съ представителями арміи давалъ себя сильно чувствовать при замѣщеніи должности военнаго министра; ни одинъ изъ видныхъ генераловъ не соглашался или не могъ усвоить ту точку зрѣнія, что нельзя жертвовать даже ничтожнѣйшею человѣческою личностью изъ уваженія къ догмату непогрѣшимости военнаго суда, и что этотъ странный догматъ вовсе не нуженъ для авторитета и достоинства арміи. Генералъ Цурлинденъ, назначенный министромъ уже послѣ оффиціальнаго возбужденія вопроса о пере-

смотрѣ процесса, счелъ своимъ долгомъ покинуть министерство, заявивъ публично о своей безусловной солидарности съ идеями своихъ предмѣстниковъ; замѣнившій его генералъ Шануанъ былъ скорѣе свидѣтелемъ, чѣмъ участникомъ министерскихъ рѣшеній, въ силу которыхъ дѣло Дрейфуса передано кассаціонному суду. Противъ „измѣнническаго" правительства велась шумная и энергическая кампанія среди людей, отличающихся наибольшею безцеремонностью въ нападеніяхъ и ругательствахъ,—среди бывшихъ буланжистовъ, съ Рошфоромъ во главѣ, и ихъ союзниковъ-антисемитовъ, вдохновляемыхъ Дрюмономъ. Кабинетъ, начавшій съ того, что заслужилъ восторженное одобреніе Дерулэда, окончилъ принятіемъ мѣры, которая для патріотовъ-шовинистовъ была величайшимъ преступленіемъ противъ отечества. Страсти разыгрались до нелѣпости; газетная полемика грозила перейти на улицу, и общественное настроеніе въ Парижѣ имѣло въ себѣ нѣчто болѣзненное, ненормальное. Печать серьезно обсуждала уже слухи о готовившемся будто бы военномъ переворотѣ, и значительная часть публики вѣрила въ основательность этихъ опасеній. Судьба кабинета зависѣла, впрочемъ, не отъ воинственныхъ „патріотовъ" и антисемитовъ; она была рѣшена заранѣе умѣренными группами палаты.

Въ самый день открытія парламента, 25 (13) октября, въ десять часовъ утра, состоялось въ Бурбонскомъ дворцѣ многолюдное собраніе партіи республиканцевъ-прогрессистовъ, подъ предсѣдательствомъ Рибо и при дѣятельномъ участіи Мелина, Поэнкарѐ, Барту и другихъ вліятельныхъ парламентскихъ вождей умѣренно-либеральнаго направленія. Послѣ непродолжительныхъ преній это собраніе *единогласно* приняло слѣдующую резолюцію, предложенную Шарлемъ Ферри: „группа республиканцевъ-прогрессистовъ, рѣшившись отказать въ своемъ довѣріи кабинету борьбы и разлада между республиканцами, переходитъ къ очередному порядку". Дальнѣйшее обсужденіе касалось лишь способовъ и формъ осуществленія этой резолюціи. Мелинъ совѣтовалъ не выступать съ самостоятельнымъ запросомъ о политикѣ министерства, а ограничиться участіемъ въ преніяхъ по предъявленнымъ уже интерпелляціямъ; Поэнкарѐ склонялся къ возможно мягкой и сдержанной аттакѣ, а Барту, не раздѣляя мнѣній націоналистовъ и антисемитовъ, находилъ, что кабинетъ поступалъ крайне непослѣдовательно и противорѣчиво; что онъ опирался на элементы, съ которыми позднѣе сталъ воевать, и издавалъ циркуляры, которыхъ не думалъ примѣнять на практикѣ (напр. относительно судебнаго преслѣдованія клеветническихъ нападокъ на армію и ея начальниковъ). Въ сущности, умѣренные республиканцы желали свергнуть Бриссона прежде всего потому, что его министерство состояло изъ такъ назы-

ваемыхъ радикаловъ, приверженцевъ подоходнаго налога, и что въ числѣ министровъ былъ самъ авторъ мнимо-соціалистической податной реформы, Леонъ Буржуа; ненавистная буржуазнымъ либераламъ идея подоходнаго налога не была оставлена кабинетомъ и легко могла вновь сдѣлаться предметомъ законодательныхъ попытокъ, съ нѣкоторыми шансами успѣха. При такихъ условіяхъ, министерство прямо шло на встрѣчу своему паденію, и обострившаяся агитація по дѣлу Дрейфуса создавала лишь удобную почву для натиска, исходъ котораго не трудно было предвидѣть. Радикалы и соціалисты не въ состояніи были сами по себѣ поддержать кабинетъ Бриссона, а союзниковъ въ палатѣ они не имѣли: и правая, и лѣвая, и центръ—стремились по разнымъ причинамъ отдѣлаться отъ правительства, которое ни одной изъ этихъ главныхъ составныхъ частей возможнаго большинства не внушало симпатіи и довѣрія. Всѣ знали заранѣе, что битву начнутъ націоналисты и антисемиты, и что они поведутъ ее съ свойственною имъ безпощадною прямолинейностью; умѣреннымъ республиканцамъ и консерваторамъ оставалось лишь выразить настроеніе палаты въ соотвѣтственныхъ дипломатическихъ формулахъ. Въ дѣйствительности, первымъ и наиболѣе ярымъ застрѣльщикомъ выступилъ въ засѣданіи Поль Деруледъ; но планъ аттаки былъ нарушенъ и едва не привелъ къ неудачѣ, благодаря чрезмѣрной пылкости пресловутаго поэта „возмездія".

Начало засѣданія 25-го октября было довольно прозаическое. Министръ финансовъ Пейтраль внесъ бюджетъ 1899 года и просилъ палату какъ можно скорѣе назначить бюджетную коммиссію, чтобы успѣть своевременно утвердить бюджетъ до конца года; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представилъ проектъ закона о государственномъ подоходномъ налогѣ, и палата тотчасъ же согласилась передать этотъ проектъ въ спеціальную коммиссію. Предложеніе подобныхъ задачъ парламенту звучало уже ироніей; оно встрѣчено было насмѣшливыми возгласами съ разныхъ сторонъ. Палатѣ было не до бюджета и не до финансовыхъ реформъ. Президентъ Дешанель прочиталъ списокъ запросовъ, обращенныхъ къ правительству, и предложилъ послѣднему высказаться о назначеніи дня для обсужденія ихъ. Бриссонъ взошелъ на трибуну и произнесъ краткую рѣчь при общемъ, все болѣе и болѣе усиливавшемся шумѣ. „Цѣлый рядъ интерпелляцій—сказалъ министръ-президентъ—касается пересмотра дѣла Дрейфуса, которымъ занята теперь уголовная палата кассаціоннаго суда. Передавая этотъ вопросъ кассаціонному суду, правительство желало изъять изъ области политики обсужденіе предмета, который никогда не долженъ былъ покидать судебную почву. Поэтому необходимо выдѣлить изъ числа предъявленныхъ запросовъ тѣ, которые относятся къ пересмотру; но правительство остается въ распо-

ряженіи палаты, если рѣчь зайдетъ объ общей его политикѣ". По-видимому, въ принципѣ ничего нельзя было сказать противъ такой постановки вопроса; но мыслимо ли было отдѣлить процессъ Дрейфуса отъ общей политики, когда вся внутренняя политика давно уже вертится около этого судебнаго дѣла и связана съ нимъ неоднократными заявленіями и дѣйствіями самого правительства? Если Бриссонъ смотрѣлъ на спорный вопросъ какъ на спеціально судебный, то почему онъ говорилъ о немъ въ своей вступительной министерской деклараціи и допустилъ обстоятельное обсужденіе его въ парламентской рѣчи своего товарища по кабинету, Каваньяка? Очевидно, бывшій военный министръ не имѣлъ никакихъ судебныхъ полномочій и не пользовался никакими судебными пріемами для того, чтобы категорически рѣшать вопросъ о виновности или невинности Дрейфуса, и онъ высказывался исключительно какъ политическій дѣятель, а не какъ судья; тѣмъ не менѣе Бриссонъ былъ тогда солидаренъ съ нимъ и даже извлекъ изъ успѣха его рѣчи несомнѣнную пользу для правительства. Обнаруженный позднѣе подлогъ Анри могъ поколебать убѣжденіе въ справедливости приговора, но не измѣнить принципіальный взглядъ на судебный или политическій характеръ дѣла. Противники имѣли основаніе нападать на министерство именно за то, что оно, вопреки своимъ первоначальнымъ заявленіямъ, дало оффиціальный ходъ требованію пересмотра и рѣшилось на этотъ шагъ „самовольно", не спросивъ мнѣнія палаты.

Дерулэдъ, въ своемъ отвѣтѣ Бриссону, указалъ отчасти на эту слабую сторону принятой министерствомъ позиціи, но по обыкновенію затемнилъ свою мысль громкими фразами и безсодержательными возгласами. „Есть нѣсколько родовъ республики, — заявилъ онъ, между прочимъ,—республика соціалистическая, республика оппортунистская, республика радикальная; я же кричу: да здравствуетъ республика французская"! При этомъ предполагается само собою, что подъ республикою французскою слѣдуетъ разумѣть республику Дерулэда и его единомышленниковъ, и что всѣ остальные роды республики не могутъ считаться французскими. Старый и хорошо знакомый всѣмъ способъ разсужденія! И въ нашей печати существуютъ публицисты, провозглашающіе чисто-русскими только свои собственныя мнѣнія, хотя бы самыя нелѣпыя и анти-національныя по существу. Всякій понимаетъ, что и радикальная республика, и оппортунистская, и соціалистическая—суть только различныя формы и проявленія французской республики вообще, что всѣ онѣ одинаково порождены условіями французской политической жизни и проникнуты однимъ и тѣмъ же національнымъ духомъ. Смѣшно утверждать, что небольшая горсть французовъ, раздѣляющихъ идеи Дерулэда, представляетъ собою цѣлую французскую націю, а осталь-

ная масса населенія состоитъ какъ будто изъ самозванцевъ. Высказавъ нѣсколько парадоксовъ въ этомъ родѣ, Дерулэдъ обвинилъ Бриссона въ нарушеніи прямыхъ обязательствъ, возложенныхъ на него палатой, и коснулся затѣмъ своей любимой темы—неприкосновенности и непогрѣшимости военнаго класса, нуждающагося будто бы въ защитѣ. „Защита арміи—воскликнулъ онъ—не можетъ быть оставлена въ рукахъ людей, извращающихъ правосудіе. Палата должна заставить исчезнуть это бѣдственное правительство. Только этой цѣной страна избавится отъ невыносимаго гнета, хотя бы при этомъ намъ пришлось загрязнить нашимъ голосованіемъ генерала Шануана"... Плохо связанная логически, отрывочная рѣчь Дерулэда прерывалась шумными сценами, которыя, впрочемъ, по французскимъ газетнымъ отчетамъ, не имѣли того значенія, какое придано имъ почему-то въ телеграммахъ нашихъ газетъ. Соціалистъ Басли напомнилъ оратору объ его буланжизмѣ и подвергся за это нападенію Поленъ-Мэри; произошли обоюдныя „оскорбленія дѣйствіемъ", не выходившія однако изъ предѣловъ частной схватки. Случаи кулачной расправы въ публичныхъ собраніяхъ и парламентахъ давно уже перестали казаться чѣмъ-то особеннымъ и исключительнымъ; они повторяются повсюду, гдѣ люди горячаго темперамента и противоположныхъ мнѣній сходятся слишкомъ близко между собою. Идея „разоруженія" не проникла, повидимому еще въ народные и общественные нравы даже въ передовыхъ культурныхъ странахъ Европы. Столкновеніе между Басли и Мэри обратило на себя мало вниманія, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ выступилъ задѣтый словами Дерулэда военный министръ, генералъ Шануанъ, и неожиданно заявилъ о своей отставкѣ, сообщивъ въ то же время о своей солидарности съ предмѣстниками по вопросу о дѣлѣ Дрейфуса. Озадаченный поступкомъ военнаго министра, Бриссонъ поспѣшилъ объяснить палатѣ, что генералъ Шануанъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ кабинета о пересмотрѣ процесса и ничѣмъ не обнаруживалъ желанія выйти въ отставку; заявлять же объ этомъ своемъ рѣшеніи въ парламентѣ, помимо главы министерства, значило явно нарушить принятые обычаи. По этому поводу Бриссонъ предложилъ палатѣ оказать ему содѣйствіе въ необходимомъ огражденіи единства и преобладанія гражданской власти въ республикѣ. Нѣкоторыя республиканскія группы готовы были отложить свое намѣреніе немедленно покончить съ министерствомъ, въ виду поразившаго ихъ инцидента съ генераломъ Шануаномъ; но не было уже почвы для компромисса, и къ вечеру кабинетъ Бриссона не существовалъ. Генералъ Шануанъ конечно поступилъ только какъ человѣкъ военный, мало свѣдущій въ конституціонныхъ и парламентскихъ дѣлахъ; это видно уже изъ того, что послѣ первой своей оплошности онъ со-

вершилъ другую—отправился къ президенту республики для подачи просьбы объ отставкѣ, чѣмъ подвергъ себя непріятности отказа въ пріемѣ, съ напоминаніемъ объ обычномъ порядкѣ сношеній черезъ президента совѣта министровъ, т.-е. въ данномъ случаѣ черезъ Бриссона. Такъ какъ генералъ Шануанъ не имѣлъ, очевидно, никакого повода желать возбудить противъ себя неудовольствіе президента Фора, то надо предположить, что онъ просто не зналъ существующихъ обычаевъ; притомъ самыя нарушенія, допущенныя имъ, были чисто формальныя и не могли имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Онъ полагалъ, что, какъ министръ, онъ непосредственно подчиненъ палатѣ и президенту республики; эта ошибка была бы существенна, еслибъ онъ хотѣлъ сохранить министерскій портфель вопреки главѣ кабинета, но неправильный способъ удаленія не долженъ былъ бы вызывать слишкомъ придирчивую оцѣнку. Почтенный генералъ и безъ того поставилъ себя въ крайне странное положеніе: онъ принялъ министерскій постъ послѣ Цурлиндена, когда отъ новаго военнаго министра именно и требовалось согласіе на пересмотръ дѣла Дрейфуса, и онъ былъ безспорно министромъ, когда этотъ пересмотръ былъ рѣшенъ, а между тѣмъ оказывается, что онъ былъ будто бы противъ пересмотра, подобно Цурлиндену и Кавеньяку. Удивительно только, почему онъ вспомнилъ о такомъ своемъ взглядѣ на дѣло лишь въ засѣданіи палаты 25-го октября, послѣ оскорбительныхъ словъ Дерулэда.

Отставка Шануана, заявленная при такихъ условіяхъ, произвела необыкновенное волненіе въ палатѣ и побудила правительство потребовать перерыва для совѣщаній съ президентомъ республики. Два часа спустя, засѣданіе возобновилось, и Бриссонъ могъ надѣяться еще на благопріятный для себя поворотъ въ настроеніи большинства. Онъ довелъ до свѣдѣнія палаты, что декретъ о назначеніи новаго военнаго министра будетъ подписанъ въ тотъ же вечеръ; онъ просилъ поэтому отсрочить дальнѣйшія пренія на два дня, до четверга, но предварительно подтвердить принципъ первенства гражданской власти. Соціалисты Фурніеръ и Босъ поддержали предложеніе, мотивируя его необходимостью „спасенія республики“, причемъ Босъ назвалъ Шануана „мятежнымъ генераломъ“. Оппортунистъ Эрнестъ Рошъ возражалъ, ссылаясь на то, что первая гражданская власть есть палата, которую правительство должно было созвать мѣсяцемъ раньше; сами министры выказали неуваженіе къ гражданской власти, и потому не заслуживаютъ довѣрія палаты. Графъ де-Мэнъ, отъ имени правой, рѣзко осуждаетъ министерство; Бодри д'Ассонъ предлагаетъ даже предать министровъ суду. Де-Лапортъ, Рибо, Мелинъ, Барту, Поэнкарѐ и другіе, отъ имени „всѣхъ республиканцевъ“, согласны на

требуемую отсрочку, противъ которой, однако, возстаетъ Кавеньякъ. Въ отвѣтъ на нападки Бержѐ и де-Маги, по поводу безнаказанныхъ оскорбленій арміи въ печати, министръ юстиціи Саррьенъ говоритъ, что онъ лично три раза обращался къ военному министру съ просьбою уполномочить его преслѣдовать судомъ виновныя газеты, такъ какъ преслѣдованіе не можетъ имѣть мѣста безъ жалобъ или заявленій со стороны обиженныхъ; но всякій разъ военный министръ отклонялъ преслѣдованіе. Однако этотъ недостатокъ судебныхъ мѣръ противъ печати продолжалъ служить главнымъ предметомъ обвиненій противъ министерства. Наконецъ, палата приступила къ голосованіямъ отдѣльныхъ резолюцій и различныхъ къ нимъ прибавокъ, болѣе или менѣе коварныхъ. Фраза о первенствѣ гражданской власти принята большинствомъ 559 голосовъ противъ 2; дополненіе Бержѐ, порицающее правительство за допущеніе газетныхъ выходокъ противъ арміи, отклонено 274 голосами противъ 261; прибавка представителя правой, де-Маги, приглашающая министерство положить конецъ газетной кампаніи противъ арміи, принята, несмотря на возраженія Бриссона, 296 голосами противъ 243. Послѣдняя дополнительная оговорка, предложенная Бертò, Мезюреромъ и Дюжарденъ-Боветцомъ, и выражающая надежду на пріисканіе правительствомъ мѣръ для прекращенія упомянутой кампаніи противъ арміи, отвергнута 286 голосами противъ 254. Противъ кабинета Бриссона высказалось такимъ образомъ большинство сначала 53, а потомъ 32 голосовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это большинство было бы гораздо значительнѣе, еслибы не случай съ Шануаномъ, побудившій умѣренныя республиканскія партіи отказаться отъ немедленной рѣшительной аттаки противъ ненавистнаго имъ „радикальнаго" министерства.

Побѣда осталась въ сущности за умѣренными, хотя торжествовали націоналисты и антисемиты, которые въ тотъ же день успѣли еще устроить безпорядки на улицахъ Парижа, въ окрестностяхъ Бурбонскаго дворца и площади Согласія; было нѣсколько раненыхъ, въ томъ числѣ одинъ полицейскій коммиссаръ. Любопытно, что площадь Согласія, какъ бы въ насмѣшку надъ своимъ названіемъ, чаще всего служитъ ареною явныхъ несогласій, доходящихъ до грубыхъ стычекъ. Вожди и представители націоналистовъ привѣтствовались криками: „долой жидовъ! смерть жидамъ!"—какъ будто окончившаяся борьба въ парламентѣ происходила съ евреями или изъ-за евреевъ. Правда, источникомъ всѣхъ волненій Франціи за послѣдніе два года было дѣло еврея Дрейфуса, осужденнаго въ 1894 году по обвиненію въ измѣнѣ и отбывающаго нынѣ свое наказаніе у береговъ Діаны, на Чортовомъ островѣ,—и эта историческая роль какого-то темнаго судебнаго дѣла кажется чудовищною загадкою для толпы. Не было ни-

чего легче, какъ возбудить въ народной массѣ подозрѣніе, что агитація создается и поддерживается еврейскими капиталами, и что все зло въ евреяхъ, а не въ чемъ-либо другомъ. Дрюмонъ, Рошфоръ и другіе подобные имъ искатели популярности и наживы обработывали эту тему съ удивительнымъ богатствомъ фантазіи; всѣ непріятныя и тягостныя явленія политической и общественной жизни связываются такъ или иначе съ синдикатомъ Дрейфуса или приписываются еврейскому вліянію и владычеству; министры, депутаты, сенаторы, журналисты, придерживающіеся нежелательныхъ мнѣній, объявляются измѣнниками, подкупленными еврействомъ; одна газета даже высчитала, что синдикатъ „дрейфусаровъ" истратилъ на подкупы ровно 137 милліоновъ франковъ. Съ этой точки зрѣнія выходитъ, что вся Франція продажна, что передовые и образованные люди ея готовы продать за деньги честь и совѣсть, что можно купить ея правительство, министровъ и депутатовъ, не только для какого-нибудь безразличнаго или полезнаго промышленнаго дѣла, въ родѣ прорытія Панамскаго перешейка, но и для прямыхъ преступленій противъ отечества. Если все движеніе въ пользу пересмотра дѣла Дрейфуса могло быть создано закулисными еврейскими вліяніями и подкупами, то чѣмъ должна представляться намъ сама современная Франція? И люди, изображающіе свою страну въ видѣ безнадежной общедоступной клоаки, выдаютъ себя за патріотовъ и привѣтствуются толпою, какъ истинные граждане, какъ проповѣдники національнаго величія и могущества. Злѣйшіе враги французовъ не рисуютъ Францію такою, какою выставляется она въ писаніяхъ и рѣчахъ Дрюмона, Рошфора, Деруләда и ихъ единомышленниковъ. При нѣкоторой долѣ здраваго смысла невозможно допустить, что, съ одной стороны, евреи стали бы помѣщать крупные капиталы въ дѣло, не обѣщающее никакихъ реальныхъ выгодъ, и что, съ другой стороны, во Франціи нашлись бы общественные и политическіе дѣятели, способные сознательно и, такъ сказать, публично продавать себя за деньги ради избавленія какого-то измѣнника отъ заслуженной кары, не останавливаясь предъ цѣлымъ рядомъ очевидныхъ опасностей для внутренняго спокойствія страны и для ея разнообразныхъ общихъ интересовъ. Націоналисты и антисемиты несомнѣнно клевещутъ на Францію; ихъ болѣзненный бредъ, ежедневно наполняющій столбцы популярныхъ и наиболѣе распространенныхъ газетъ, есть одно изъ печальнѣйшихъ явленій современной французской журналистики. Беззастѣнчивыя выдумки, наглядно опровергаемыя фактами, смѣняютъ одна другую и повторяются изо дня въ день въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ; лживость этихъ сообщеній и разсказовъ обличалась всячески, и изобрѣтатели ихъ не разъ формально объявлялись клеветниками, по приго-

ворамъ суда,—и тѣмъ не менѣе существующій въ публикѣ спросъ на сенсаціонныя извѣстія обезпечиваетъ прочный успѣхъ газетамъ этого рода. Мало того: эти сенсаціонныя свѣдѣнія, носящія на себѣ явную печать неудачнаго фантазерства, перепечатываются солидными органами печати, передаются по телеграфу за границу и появляются, между прочимъ, въ нашихъ газетахъ, въ качествѣ достовѣрнаго матеріала для пониманія и оцѣнки французскихъ дѣлъ. Мы имѣли уже случай указывать, что почти исключительно такого рода матеріаломъ пользуется, напр., „Новое Время" въ своихъ отчетахъ о внутренней политикѣ Франціи.

Какъ ни относиться къ событіямъ французской политической жизни за послѣднее время, но одинъ основной фактъ признается всѣми и не подлежитъ, кажется, никакому спору,—фактъ поразительнаго господства дѣла Дрейфуса надъ всевозможными вопросами и задачами внутренней политики въ современной Франціи. Никогда и ни въ одной странѣ не было еще, кажется, судебнаго процесса, который настолько поглощалъ бы политическую жизнь цѣлой націи и такъ долго и сильно волновалъ бы общественное мнѣніе. Дѣло это было уже почти забыто, и никто не придавалъ ему серьезнаго значенія, когда сенаторъ Шереръ-Кестнеръ предпринялъ свои первые робкіе шаги въ пользу пересмотра процесса, въ виду существованія нѣкоторыхъ данныхъ, указывавшихъ на возможность судебной ошибки. Съ тѣхъ поръ дѣло Дрейфуса постепенно и неудержимо разростается до степени центральнаго вопроса французской политики. Всѣ усилія правительства и генеральнаго штаба потушить дѣло и успокоить разыгравшіяся страсти оказались напрасными. Изъ-за этого дѣла смѣнилось нѣсколько военныхъ министровъ,—генералъ Бильо, Кавеньякъ, генералы Цурлинденъ и Шануанъ, палъ начальникъ генеральнаго штаба Буадефръ, уволены въ отставку полковники Пати-дю-Кламъ и Пикаръ, погибъ полковникъ Анри, и наконецъ пало министерство Бриссона. На этомъ дѣлѣ основалъ свою политическую карьеру Дрюмонъ, глава французскихъ антисемитовъ; изъ-за этого же дѣла пострадалъ Эмиль Зола, вынужденный нынѣ проживать внѣ Франціи. Послѣ горячей и страстной борьбы дѣло попало теперь на путь правосудія, и шумные толки и споры затихли на время, въ ожиданіи авторитетнаго рѣшенія кассаціоннаго суда. Разсмотрѣніе дѣла должно было начаться какъ разъ на слѣдующій день послѣ рокового для министерства засѣданія палаты,—и по всей вѣроятности Бриссонъ, домогаясь отсрочки парламентскихъ преній на два дня, руководился лишь естественнымъ желаніемъ дождаться результата предстоявшаго обсужденія дѣла Дрейфуса въ кассаціонномъ судѣ. Кассаціон-

ный судъ призванъ былъ высказаться только о томъ, имѣются ли въ дѣлѣ законные поводы къ пересмотру рѣшеннаго дѣла, согласно ходатайству жены осужденнаго офицера, въ виду новыхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ послѣ приговора; но вопросъ о виновности или невинности Дрейфуса оставался при этомъ въ сторонѣ, такъ какъ рѣшеніе подобныхъ вопросовъ по существу не входитъ въ кругъ компетенціи кассаціонной палаты. Выслушавъ обстоятельныя рѣчи докладчика Бара, генеральнаго прокурора Мано и адвоката Морнара, кассаціонный судъ, въ засѣданіи 29 (17) октября, постановилъ дать ходъ прошенію г-жи Дрейфусъ и произвести добавочное слѣдствіе для выясненія фактовъ, касающихся допущенныхъ неправильностей при первоначальномъ рѣшеніи дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ призналъ преждевременнымъ удовлетвореніе требованія генеральнаго прокурора о томъ, чтобы отбываніе осужденнымъ наказанія было прекращено. Дѣло Дрейфуса, бывшее такъ долго тяжелымъ кошмаромъ для Франціи, приближается уже къ законной и спокойной развязкѣ. Теперь выяснилось окончательно, что противъ осужденнаго не было выставлено никакой другой улики, кромѣ „бордеро", и что эксперты, изслѣдовавшіе почеркъ этого документа, не могли придти къ соглашенію относительно принадлежности его Дрейфусу. Что касается его мнимаго частнаго признанія, засвидѣтельствованнаго капитаномъ Лебренъ-Рено, то, какъ объяснилъ членъ-докладчикъ кассаціоннаго суда, Баръ, оно заключаетъ въ себѣ намекъ на сознательную передачу незначительныхъ и не-секретныхъ документовъ, съ цѣлью получить взамѣнъ болѣе важные,—что̀ не составляло бы преступленія государственной измѣны; но и это признаніе всегда рѣшительно и безусловно отвергалось Дрейфусомъ. Въ печати много говорилось объ имѣющихся въ военномъ министерствѣ секретныхъ свѣдѣніяхъ и уликахъ, дававшихъ основаніе нѣсколькимъ министрамъ и генераламъ категорически подтверждать виновность осужденнаго; эти таинственные документы, если они существуютъ, должны будутъ также подвергнуться разсмотрѣнію суда, при новомъ разбирательствѣ дѣла по существу, и тогда разъяснится, быть можетъ, легенда о письмѣ германскаго императора къ графу Мюнстеру, которое, по словамъ нѣмецкихъ оффиціозныхъ газетъ, есть не что̀ иное, какъ грубая и глупая поддѣлка. При обычномъ легковѣріи даже выдающихся французскихъ дѣятелей во всемъ, что̀ относится къ чужимъ государствамъ и правительствамъ, не было бы ничего удивительнаго и въ существованіи упомянутаго секретнѣйшаго письма, въ которомъ Вильгельмъ II заранѣе устраиваетъ, будто бы, Дрейфуса при германскомъ генеральномъ штабѣ на случай войны съ Франціею. Всѣ эти ребяческія исторіи перестанутъ наконецъ смущать наивные умы, и если

только вновь не вмѣшаются уличныя страсти, питаемыя невѣжествомъ, то агитація по дѣлу Дрейфуса получитъ правильный и законный исходъ, соотвѣтствующій требованіямъ чуткой общественной совѣсти французской націи. Во всякомъ случаѣ дѣло это, по своей оригинальной и вполнѣ исключительной судьбѣ,—одно изъ любопытнѣйшихъ, какія когда-либо возникали въ судебной практикѣ западной Европы.

При самомъ разгарѣ полемики относительно пересмотра дѣла Дрейфуса появились въ газетахъ тревожные слухи о военныхъ приготовленіяхъ Франціи и Англіи, въ виду возникшаго спора о малоизвѣстной африканской мѣстности, занятой сначала французами, а потомъ англичанами. Всѣ заговорили о Фашодѣ, какъ о чемъ-то важномъ и существенномъ, чего ни одна изъ спорящихъ сторонъ не можетъ уступить другой безъ ущерба для своего національнаго достоинства. Фашода находится въ области верхняго Нила, на пути отъ Хартума къ югу; туда попала еще въ началѣ іюля (нов. ст.) французская экспедиція Маршана, которой поручено было коммиссаромъ сѣверной части французскаго Конго, Ліотаромъ, изслѣдовать территорію отъ верхняго Убанги (притока р. Конго) до теченія Нила. Маршанъ водворился въ Фашодѣ и бѣдствовалъ, ожидая подкрѣпленій и припасовъ; нѣкоторые изъ его спутниковъ умерли отъ болѣзней, а одинъ былъ „съѣденъ крокодиломъ“. Въ распоряженіи французовъ было около сотни вооруженныхъ туземцевъ, одно судно и нѣсколько лодокъ; въ августѣ на нихъ напали дервиши (махдисты) и были съ трудомъ отбиты. Предвидя новое нападеніе болѣе значительныхъ непріятельскихъ силъ, Маршанъ послалъ судно по рѣкѣ къ югу, въ надеждѣ на отысканіе помощи. Въ это именно время подвигался къ югу по теченію Нила египетскій главнокомандующій („сирдаръ“), сэръ Гербертъ Китченеръ, занявшій передъ тѣмъ Хартумъ и разгромившій дервишей при Омдурманѣ; въ дорогѣ онъ наткнулся на тотъ самый непріятельскій отрядъ, который долженъ былъ съ новыми силами напасть на французовъ. Сэръ Китченеръ разсѣялъ дервишей и завладѣлъ ихъ судномъ и 11 лодками; очевидно, онъ, самъ не зная этого, спасъ Маршана и его спутниковъ отъ истребленія. О французской экспедиціи онъ имѣлъ уже свѣдѣнія отъ туземцевъ и отъ своего (т.-е. англійскаго) правительства, предупрежденнаго французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Сэръ Китченеръ прибылъ въ Фашоду 20-го сентября (нов. ст.) и засталъ тамъ Маршана съ восемью офицерами и 120 туземными солдатами; послѣ первыхъ привѣтствій онъ тотчасъ же заявилъ имъ, что присутствіе французовъ въ долинѣ нижняго Нила не можетъ быть допущено Англіею, и что онъ, Китченеръ, долженъ водрузить здѣсь

египетскій флагъ, въ виду безспорной номинальной принадлежности всей этой области Египту. Маршанъ возражалъ, ссылаясь на инструкціи своего правительства, но не могъ и думать о сопротивленіи. Такова была встрѣча между представителями двухъ передовыхъ европейскихъ народовъ въ пустынной африканской мѣстности, гдѣ люди съѣдаются иногда крокодилами.

Между Парижемъ и Лондономъ завязалась оживленная дипломатическая переписка. Англія доказывала, что на ея сторонѣ двойное и безспорное право,—во-первыхъ, право верховенства Египта надъ всѣми землями по Нилу, и, во-вторыхъ, самостоятельное право завоеванія. Франція имѣла за собою въ Фашодѣ право перваго занятія; но экспедиція Маршана была лишена военно-завоевательнаго характера и могла удержаться на мѣстѣ и спастись отъ неминуемой гибели исключительно лишь при помощи явившихся на выручку соперниковъ-англичанъ. Французы, обязанные своимъ спасеніемъ войскамъ сэра Китченера, очутились въ странномъ положеніи, и ихъ ссылки на право перваго занятія имѣли отчасти комическій оттѣнокъ. Дипломаты обѣихъ державъ обнаружили тонкое искусство діалектики въ этомъ важномъ международномъ спорѣ. Англійская „синяя книга" съ документами по этому дѣлу возбудила патріотическія чувства въ англійской печати; въ свою очередь французская „желтая книга" произвела большой эффектъ во Франціи и доставила популярность министру иностранныхъ дѣлъ Делькассè, который съумѣлъ въ своихъ депешахъ соединить твердость тона съ обстоятельною дѣловитостью аргументаціи, не упустивъ притомъ случая вставить нѣсколько громкихъ и внушительныхъ словъ о французской національной чести и достоинствѣ. Въ концѣ концовъ, споръ принялъ болѣе миролюбивое направленіе; быть можетъ, обѣ стороны вспомнили о выраженномъ ими еще недавно глубокомъ сочувствіи къ идеѣ „разоруженія".

МИРЪ—ИЛИ НОВАЯ ВОЙНА?

Письмо въ Редакцію.

Не разъ выражая свои взгляды и свое мнѣніе на страницахъ „Вѣстника Европы", по поводу мотивовъ и дѣйствительныхъ основаній къ прошлой испанско-американской войнѣ, я, конечно, отнюдь не разсчитывалъ придти съ его обозрѣніемъ иностранной политики къ полному соглашенію; съ самаго начала я такъ и понялъ его точку зрѣнія, что, какъ бы то ни было, все-таки миръ былъ бы предпочтительнѣе войны, и Америкѣ слѣдовало бы избѣжать войны, несмотря ни на что и во всякомъ случаѣ; словомъ—миръ во что̀ бы то ни стало!—такъ какъ всякая война, съ кѣмъ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, недостойна величайшей современной республики міра, отъ которой ожидалось нѣчто лучшее, чѣмъ употребленіе старыхъ, избитыхъ, безобразныхъ, дискредитованныхъ способовъ для разрѣшенія международныхъ столкновеній! Для меня лично все это, конечно, вполнѣ знакомо и понятно, но коренной американецъ,—а въ рѣшеніяхъ 19—22 апрѣля народныя массы несомнѣнно участвовали здѣсь своимъ давленіемъ почти цѣликомъ—не обинуясь, назвалъ бы такую точку зрѣнія чистѣйшимъ доктринёрствомъ, безусловно непригоднымъ уже по одному тому, что оно не разрѣшаетъ, такъ или иначе, живой, раздражающей всю страну и требующей немедленнаго отвѣта, жизненной проблемы, непосредственно касающейся ея собственнаго повседневнаго благополучія. Смотрѣть сложа руки, день за днемъ, годъ за годомъ, какъ сильный обижаетъ слабаго на вашемъ собственномъ порогѣ—оказалось такъ же невозможнымъ для всего американскаго народа, какъ было бы невозможнымъ для отдѣльнаго средняго американца пройти мимо взрослаго

тирана, истязующаго женщину или ребенка. По сю сторону океана, жизненная правда всегда сильнѣе прописной морали, и обычные американскіе методы мышленія, конечно, мало знакомы европейскому публицисту. Въ глазахъ здѣшняго народа, встать въ подобномъ случаѣ на ультра-отвлеченную точку зрѣнія—значило бы умыть руки, и изъ-за недозрѣлой еще до способности разрѣшать самыя мучительно-живыя задачи доктрины—пожертвовать своимъ ближнимъ и не только не бросить находящейся въ нашихъ рукахъ веревки утопающему, но еще и оттолкнуть его сознательно отъ берега. Имѣя все это въ виду, я въ моихъ соображеніяхъ совсѣмъ не касался основного положенія въ обозрѣніи, хотя и отлично понималъ его, и стремился только къ возстановленію истины относительно фактической стороны дѣла, полагая, что такое возстановленіе сыграетъ хотя бы роль „смягчающихъ вину обстоятельствъ"; въ окончательномъ же вердиктѣ: „виновенъ"—я не сомнѣвался ни на одну секунду, ибо, вставъ на вышеизложенную точку зрѣнія, и нельзя было вынести намъ, грѣшнымъ, ничего иного.

Въ настоящій моментъ война съ Испаніей, de facto, уже кончилась; ея финансовая и военная истощенность, ея общее безсиліе и народная апатія таковы, что, какъ факторъ, сколько-нибудь серьезный въ современномъ положеніи дѣлъ, она какъ бы перестала существовать. Но, къ сожалѣнію, благодаря своеобразности и сложности результатовъ войны, опасность новыхъ осложненій, если даже не съ нею, то съ другими европейскими государствами, далеко еще не миновала. Этой опасности, какъ она, будемъ надѣяться, ни отдаленна, въ самой значительной степени способствуетъ современное, крайне и по разнымъ причинамъ возбужденное состояніе сильнѣйшихъ военныхъ европейскихъ державъ. Здѣсь, у насъ, все чаще и чаще высказываются серьезныя опасенія, какъ бы слабость Китая, соперничество занятыхъ его фактическимъ дѣлежемъ государствъ, соприкосновенность Филиппинскихъ острововъ съ восточно-тихо-океанскимъ вопросомъ, честолюбіе германскаго императора, наконецъ, начиненное динамитомъ внутреннее состояніе Франціи, не вызвали бы, такъ или иначе, въ видѣ даже громоотвода, какого-нибудь новаго американскаго столкновенія? Общее недоброжелательство европейскихъ правительствъ и народовъ къ „дядѣ Саму" можетъ, чего добраго, послужить основой къ такому взрыву, съ которымъ не совладаютъ никакіе принципы, никакія доктрины; да и онъ самъ, съ теченіемъ времени сознавъ всю силу этого недоброжелательства, находится теперь далеко не въ уступчивомъ настроеніи, нервозенъ больше обыкновеннаго, и его общественное мнѣніе занято иностранными дѣлами гораздо больше, чѣмъ внутренними. Настоящимъ письмомъ я намѣренъ очертить это настроеніе и выяснить его причины—

предупреждая читателя, что въ немъ, какъ и въ предъидущихъ моихъ сообщеніяхъ по поводу этого конфликта, онъ найдетъ только добросовѣстно изложенную фактическую сторону дѣла,—то именно, чѣмъ здѣсь, „не мудрствуя лукаво", живетъ теперь изо дня въ день весь народъ.

Дѣйствительное положеніе дѣлъ на островахъ Кубѣ и Порто-Рико теперь уже выяснено съ безусловной точностью. Донесенія генерала Вуда, американскаго военнаго губернатора провинціи и города Сантъ-Яго, сданныхъ уже больше двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, больше чѣмъ поучительны. Такъ, первымъ, поступившимъ на его разсмотрѣніе, оффиціальнымъ заявленіемъ было требованіе мѣстнаго католическаго епископа провинціи о выдачѣ ему жалованья, въ опредѣленномъ испанскимъ режимомъ размѣрѣ въ 18.000^{00} въ годъ золотомъ; на испанскихъ Антильскихъ оо. до сихъ поръ держится серебряная валюта. Эта громадная сумма составляетъ его личное жалованье; на содержаніе же причта, дворца, прислужниковъ, и т. д., полагаются особыя, соотвѣтственныя, также очень значительныя суммы. Во всей провинціи Сантъ-Яго всего около 270.000 жителей обоего пола, всѣхъ цвѣтовъ и религій, и такихъ провинцій на островѣ Кубѣ шесть, каждая съ такимъ же отдѣльнымъ епископскимъ управленіемъ. $^9/_{10}$ этого населенія рѣшительно умираютъ съ голода; теперь уже признано, что возстаніе сократило бѣлое населеніе острова на 60%, цвѣтное—на 15%, но жалованье епископа было уплачено сполна по день занятія города американскими властями, и онъ же оказался первымъ съ своимъ требованіемъ. Само собою разумѣется, что какъ епископы эти, такъ и всѣ ихъ штаты—поголовно присылаемыя временно изъ Испаніи личности, не имѣющія съ кореннымъ кубанскимъ населеніемъ ничего общаго, кромѣ языка и религіи. Если читатель приметъ въ соображеніе, что въ С.-Ам. Союзѣ, гдѣ богатство жителей, per capita, больше, чѣмъ въ двадцать разъ превышаетъ кубанское,—за исключеніемъ президента Союза, получающаго $ 50.000^{00} въ годъ, высшимъ жалованьемъ оказывается получаемое членами верховнаго федеральнаго суда—$ 10.000^{00} въ годъ, и министрами — $ 8.000^{00}, сенаторы федеральнаго сената получаютъ только $ 5.000^{00}, а губернаторы большинства штатовъ—отъ $ 1.500^{00} до $ 4.000^{00},—то онъ, конечно, сообразитъ и самъ, какое впечатлѣніе произвело на наши массы опубликованіе такого епископскаго жалованья въ небольшомъ провинціальномъ, захолустномъ городишкѣ уже давно доведеннаго до абсолютнаго нищенства острова Кубы. Изслѣдованіе положенія дѣла народнаго образованія въ провинціи Сантъ-Яго извлекло на свѣтъ божій еще болѣе поразительные факты. Оказалось, что хотя въ кубанскомъ бюджетѣ ассигнованы на этотъ предметъ довольно значительныя, сравнительно, суммы,—деньги эти почти цѣликомъ рас-

ходовались на содержаніе разныхъ совѣтовъ и инспекторовъ, испанскихъ чиновниковъ, а очень немногія, существовавшія de facto, школы должны были поддерживаться изъ мѣстныхъ общественныхъ суммъ. Въ самомъ городѣ Сантъ-Яго расходовалось свыше пятидесяти тысячъ долларовъ золотомъ въ годъ на такое, якобы, народное образованіе, тогда какъ въ дѣйствительности въ немъ была только одна народная школа, на которую отпускалось изъ нихъ всего около двухъсотъ долларовъ серебромъ въ годъ. Таможенное дѣло оказалось еще, если возможно, въ худшемъ положеніи — издержки взиманія превышали доходъ,—тогда какъ за первый же мѣсяцъ американскаго управленія, принявшаго цѣликомъ испанскіе же тарифы и освободившаго отъ всякихъ пошлинъ всѣ ввозные съѣстные припасы, оказалось до $ 40.000°° чистаго дохода. Это ужъ не газетныя корреспонденціи, не частныя изслѣдованія и донесенія, а прямо оффиціальные факты, которыхъ ничто не можетъ поколебать.

Разоренность острова Кубы превышаетъ всякое вѣроятіе. Крайне сырой и въ то же время интенсивно-знойный тропическій климатъ удивительно быстро обращаетъ плантацію въ дикую заросль, требующую гигантской работы для своей расчистки. Нѣтъ ни построекъ, ни рабочаго скота, ни земледѣльческихъ орудій. Все развалилось, сгнило, истлѣло, заржавѣло. Около ста тысячъ нагихъ, голодныхъ, давно отбившихся отъ своихъ домовъ и обычныхъ занятій инсургентовъ, снабженныхъ въ то же время и огнестрѣльнымъ, и холоднымъ оружіемъ, разбросаны по всему острову маленькими отрядами и кучками. Необходимы десятки милліоновъ долларовъ для того, чтобы успокоить ихъ и пристроить къ какому-нибудь дѣлу. Слишкомъ три года они жили впроголодь, безъ одежды и жалованья; считаютъ страну у себя въ долгу, недовольны перемиріемъ и требуютъ—и денегъ, и обзаведенія всѣмъ необходимымъ. Не мало между ними и такихъ, которые предпочитаютъ ту, въ сущности, разбойничью жизнь, къ которой они привыкли, чему бы то ни было другому. Для ихъ умиротворенія однѣхъ денегъ недостаточно — необходимы и изъ ряду вонъ выходящія административныя способности, и тонкое пониманіе мѣстныхъ условій, энергичная, упорная и въ то же время самая осторожная борьба съ этими непокорными элементами, особенно въ офицерской средѣ. Культурные способы и методы не годятся для этого класса аборигеновъ, развращенныхъ въ конецъ и долголѣтнимъ игомъ, и кровавымъ возстаніемъ. Чисто-испанскіе элементы населенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще хуже этихъ эксъ-инсургентовъ. Съ тѣхъ поръ какъ сдѣлались извѣстны условія мирнаго протокола, громадное ихъ большинство круто измѣнило свою политику. Конечно военные и гражданскіе чины, тѣ „ташкентцы“, о которыхъ я говорилъ въ одномъ изъ моихъ предъидущихъ

писемъ, своимъ арбитрарнымъ, безчеловѣчно-жестокосердымъ управленіемъ вызвавшіе и возстаніе, и войну, успѣли сдѣлаться настолько ненавистными мѣстному населенію, что имъ и мечтать нельзя о томъ, чтобы оставаться на островѣ; но всѣ дѣловые элементы, купцы, фабриканты, владѣльцы плантацій и дѣловыхъ предпріятій—тоже почти безъ всякихъ исключеній пріѣзжіе кровные испанцы—поголовно намѣрены остаться при своемъ имуществѣ и дѣловыхъ интересахъ и сдѣлаться гражданами Кубы. Благодаря своимъ матеріальнымъ средствамъ, они обладаютъ большимъ вліяніемъ на мѣстныя дѣла, боятся утратить его, боятся кубанской мести, и шумятъ теперь едва ли не больше всѣхъ остальныхъ элементовъ населенія. Ихъ отношеніе къ настоящему положенію дѣлъ всего лучше характеризуется слѣдующимъ эпизодомъ. Пять мѣсяцевъ тому назадъ, когда была объявлена война, ихъ патріотическій энтузіазмъ въ пользу родины, между прочимъ, ознаменовался подпиской на постройку броненосца для испанскаго флота, подпиской, принесшей свыше $ 800.000°°. Островъ, какъ извѣстно, былъ немедленно и очень дѣйствительно блокированъ американскимъ флотомъ, и деньги эти такъ и остались до сихъ поръ на храненіи у маршала Бланко. Теперь подписавшіе ихъ эксъ-патріоты требуютъ ихъ назадъ, и, получивъ категорическій отказъ, даже вчинили уже гражданскій искъ для достиженія своей цѣли!

Какъ извѣстно, по предварительному мирному протоколу, Испанія безусловно отказалась отъ своихъ сюзеренныхъ правъ на острова Кубу и Порто-Рико, и обязалась немедленно начать съ нихъ эвакуацію своихъ военныхъ силъ. До сихъ поръ въ этомъ направленіи не было сдѣлано ни одного дѣйствительнаго шага, хотя установленныя протоколомъ общія военныя коммиссіи давно назначены и давно находятся на мѣстахъ. Здѣшняя пресса утверждаетъ, что секретныя инструкціи министерства Сагасты испанскимъ коммиссіямъ предписываютъ имъ прежде всего по возможности отсрочивать всякія рѣшенія и замедлить дѣйствительное начало эвакуаціи на возможно долгое время—объясняя такой образъ дѣйствій тѣмъ, что Испанія все еще разсчитываетъ на возможность европейскаго вмѣшательства по поводу рѣшенія вопроса объ окончательной участи Филиппинскихъ острововъ,—вмѣшательства, которое можетъ перевернуть и предварительный мирный протоколъ, и участь острововъ Кубы и Порто-Рико.

Занятіе американскими войсками и затѣмъ захватъ острова Порто-Рико оказались однимъ изъ самыхъ неожиданныхъ инцидентовъ и результатовъ войны. Быстрое паденіе Сантъ-Яго захватило еще невысадившимся на берегъ Кубы посланное генералу Шафтеру подкрѣпленіе, и находившійся при нихъ главнокомандующій арміей генералъ Майльсъ нашелъ эти силы достаточными для занятія Порто-

Рико, и занялъ его послѣ самаго незначительнаго сопротивленія. Американскій отрядъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ населеніемъ съ самымъ восторженнымъ энтузіазмомъ—всюду появилось звѣздное знамя, и началось поголовное возстаніе противъ испанскаго ига. Многолѣтняя скрытая ненависть выразилась самымъ положительнымъ образомъ, испанскіе отряды всюду должны были отступить, боясь за свой тылъ, и занятіе острова оказалось настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ для американскихъ войскъ. Порто-Рико хотя и небольшой, но очень богатый островъ, съ 800.000 населенія, и испанскій гарнизонъ, отрѣзанный отъ всякаго сообщенія съ метрополіей американскимъ флотомъ, не могъ и надѣяться оказать какое-либо существенное сопротивленіе нашествію въ виду общаго возстанія; словомъ, въ теченіе первыхъ же нѣсколькихъ дней выяснилось внѣ всякаго сомнѣнія, что и тутъ испанское владычество неминуемо пришло къ концу—и министерство Сагасты благоразумно уступило и этотъ островъ Америкѣ, предавъ предварительно „измѣнниковъ" настоящей анаѳемѣ въ своемъ откровенномъ сообщеніи о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на островѣ—прессѣ и народу.

Предварительный мирный протоколъ установилъ такимъ образомъ безусловную уступку Порто-Рико и фактическій протекторатъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ надъ Кубой до ея умиротворенія и установленіи прочныхъ республиканскихъ учрежденій. Этотъ фактъ самымъ кореннымъ образомъ измѣнилъ положеніе всѣхъ остальныхъ Антильскихъ острововъ, Большихъ и Малыхъ. Всѣ они почти совершенно однородны и по климату, и по главнымъ элементамъ населенія, и по своимъ произведеніямъ; американскій Союзъ доселѣ служилъ ихъ главнымъ рынкомъ, и экспортнымъ, и импортнымъ—и фактическое присоединеніе Кубы и Порто-Рико и неизбѣжное въ самомъ близкомъ будущемъ соотвѣтственное измѣненіе ихъ таможенныхъ тарифовъ относительно Союза грозитъ безчисленными опасностями всѣмъ остальнымъ Антилламъ, въ чьемъ бы владѣніи они ни находились. Подписаніе вашингтонскаго протокола немедленно вызвало на нихъ сильнѣйшее броженіе, особенно на островѣ Ямайкѣ, въ пользу присоединенія къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ; созвана была общая конференція представителей всѣхъ Антиллъ на островѣ Барбадосѣ, и почти единогласно проведены самыя восторженныя резолюціи въ этомъ смыслѣ. А увѣренность въ томъ, что однимъ изъ первыхъ осязательныхъ результатовъ войны будетъ немедленное прорытіе американскимъ правительствомъ Никарагуаскаго или Панамскаго канала, взволновала и всю центральную Америку, британскій Гондурасъ, Никарагуа, Санъ-Сальвадоръ, Гватемалу, Коста-Рику, даже Колумбію. Возбужденіе это все ростетъ, и уже успѣло до извѣстной

степени остановить и охладить иллюзію объ англо-американскомъ союзѣ, и во-очію убѣдить сомнѣвавшихся въ ихъ абсолютной безсодержательности.

Какъ частный вопросъ объ умиротвореніи и установленіи прочнаго правительства на островѣ Кубѣ, такъ и въ особенности общій—объ остальныхъ Антиллахъ—чреваты всяческими возможностями; и я лично думаю, что американскому правительству потребуется и громадный запасъ терпѣнія, и исключительная государственная мудрость, для того, чтобы въ концѣ концовъ выйти изъ этихъ осложненій съ честью и не вызвать новыхъ, несравненно болѣе серьезныхъ поводовъ къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ съ значительнымъ числомъ европейскихъ державъ, прямо и непосредственно заинтересованныхъ въ вестъ-индскихъ водахъ, а также и съ многочисленными центрально-американскими и островными народностями. Весь ихъ умственный и нравственный жизненный складъ, всѣ ихъ обычаи и нравы, весь ихъ государственный и общественный строй, такъ радикально различествуютъ отъ здѣшнихъ, что непримиримыя столкновенія на каждомъ шагу не только возможны, но и весьма вѣроятны,—а конфликтъ между американскими упорствомъ и послѣдовательностью съ воспламенимостью и невоздержностью латинскихъ расъ можетъ легко привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ.

Читатель, конечно, знаетъ изъ газетъ, что настоящая война ввела нѣкоторые, совершенно новые и небывалые въ военныхъ лѣтописяхъ пріемы; такъ, сдавшаяся въ Сантъ-Яго армія Торала была перевезена въ Испанію на американскій счетъ: здѣшнее правительство вычислило, что это самый скорый и, въ концѣ концовъ, самый дешевый способъ отъ нея окончательно отдѣлаться. Такой же новизной слѣдуетъ признать и тотъ пунктъ предварительнаго мирнаго протокола, который касается Филиппинскихъ островов. Испанія была безнадежно побита, и, ища мира, конечно не постояла бы и передъ уступкой Филиппинъ,—а Макъ-Кинлэй ограничился тѣмъ, что выговорилъ безусловно только морскую станцію, рѣшеніе же о ихъ конечной участи предоставилъ смѣшанной коммиссіи съ равнымъ числомъ членовъ отъ обѣихъ сторонъ. Объясненіе этого страннаго на первый взглядъ факта заключается исключительно въ томъ, что онъ не хотѣлъ отлагать подписанія мирнаго протокола, и въ то же время не желалъ себя связывать ничѣмъ относительно дальнѣйшей судьбы этихъ островов, такъ какъ ни самъ онъ, ни правительство, ни народъ, еще не успѣли тогда выяснить самимъ себѣ — нуженъ имъ этотъ отдаленный архипелагъ или нѣтъ? Макъ-Кинлэй желалъ имѣть время для того, чтобы успѣло высказаться общественное мнѣніе, выдающіеся государственные люди всѣхъ партій и дѣловыхъ

интересовъ, а также ученые,—словомъ, весь народъ. Это его постоянная политика по всѣмъ существеннымъ вопросамъ. Переговоры о мирѣ были сравнительно неожиданны и окончились очень быстро; народъ былъ всецѣло занятъ военными дѣйствіями, и ему некогда было заниматься подробно частностями мирныхъ условій, тѣмъ болѣе, что здѣшняя пресса и общественное мнѣніе не считали министерства Сагасты достаточно прочнымъ и сильнымъ, чтобы довести какіе-либо мирные переговоры до конца. Никто не предвидѣлъ той апатіи, которую на дѣлѣ проявилъ испанскій народъ по поводу всего этого разгрома; полный военно-морской „коллапсъ" послѣдовалъ необыкновенно быстро, и, въ главныхъ чертахъ, удивительно повторилъ недавній опытъ Италіи съ Абиссиніей. Здѣсь ждали или большого сопротивленія, или революціи въ Испаніи, а съ нею всевозможныхъ задержекъ, и потому основательно приготовлялись къ продолжительной войнѣ. Во всемъ этомъ всѣ радикально ошиблись, но Макъ-Кинлэй не позволилъ этой ошибкѣ задержать конца военныхъ дѣйствій хотя бы на одну минуту, и рѣшилъ удовольствоваться крайне великодушными и даже неопредѣленными, сравнительно, условіями перемирія. Благодаря всему этому, вопросъ о Филиппинахъ оказывается возможнымъ разобрать, съ одной стороны, безпристрастно и неторопливо, при возможно меньшихъ вліяніяхъ шовинистскихъ стремленій—а съ другой, принять въ соображеніе взгляды всѣхъ здѣшнихъ партій и общее международное положеніе на дальнемъ Востокѣ, все болѣе и болѣе угрожающее.

Дѣйствительное положеніе дѣлъ въ настоящій моментъ таково: американскія войска заняли городъ Маниллу съ боя уже послѣ подписанія протокола, и взяли въ плѣнъ и всѣ испанскія главныя власти, гражданскія и военныя, и весь гарнизонъ. Въ то же время инсургенты, подъ предводительствомъ энергичнаго и способнаго Агвинальдо, провозглашеннаго главой исполнительной власти филиппинской республики, въ числѣ около 40.000, хорошо сравнительно вооруженныхъ, захватили не только весь островъ Люцонъ, но и другіе главные острова, вездѣ разбивъ и плѣнивъ деморализованные испанскіе гарнизоны. Собравшійся изъ представителей всѣхъ главныхъ острововъ конгрессъ туземцевъ засѣдаетъ въ г. Малолосъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ миль отъ Маниллы, и, повидимому, находится въ совершенномъ согласіи съ Агвинальдо. Необходимо имѣть въ виду, что жителей на Филиппинахъ не менѣе 10—11 милліоновъ, большинство которыхъ состоитъ изъ дикихъ воинственныхъ племенъ, совсѣмъ не причастныхъ современной цивилизаціи; насколько Агвинальдо и его конгрессъ представляютъ ихъ—сказать, конечно, трудно, но несомнѣнно, что они держатъ ихъ въ достаточномъ повиновеніи, и въ данный моментъ съ ними необходимо считаться такъ или иначе и

Испаніи, и Америкѣ. До сихъ поръ между ними и американскими войсками не было никакихъ недоразумѣній или столкновеній, и, повидимому, адмиралъ Дюи, облеченный главной властью, такой же искусный дипломатъ, какъ и морякъ. Тѣмъ не менѣе, Агвинальдо, на легкій намекъ о томъ, что, въ виду перемирія, не худо бы было разоружить это многочисленное, плохо организованное и совсѣмъ не дисциплинированное инсургентское войско, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ и издалъ оффиціальную прокламацію къ американскимъ правительству и народу, въ которой самымъ положительнымъ тономъ заявляетъ, что неопредѣленность мирнаго протокола и неизвѣстность того рѣшенія, къ которому придетъ въ Парижѣ смѣшанная испанско-американская коммиссія, не позволяютъ ему разоружиться, такъ какъ населеніе Филиппинскихъ острововъ рѣшило безповоротно ни въ какомъ случаѣ не подчиняться снова испанскому владычеству; что оно требуетъ или независимости, или формальнаго протектората Соединенныхъ Штатовъ,—и мгновенно положитъ оружіе, какъ только получитъ увѣренность въ этомъ послѣднемъ. Въ то же время Агвинальдо отправилъ двухъ пословъ и въ Вашингтонъ, и въ Парижъ, для участія въ коммиссіи, если они будутъ къ тому допущены. Насколько онъ и его конгрессъ искренни—сказать, конечно, трудно; воспитаны они въ школѣ традиціоннаго испанскаго коварства и вѣроломства, и полагаться безусловно на ихъ увѣренія, конечно, небезопасно. Курьезнѣе всего то, что и здѣсь, какъ и на Кубѣ, испанскіе купцы и дѣловые люди стоятъ поголовно за присоединеніе къ Америкѣ; даже доминиканскіе и францисканскіе монахи, ненавидимые всѣмъ туземнымъ населеніемъ самымъ искреннимъ образомъ, интригуютъ въ томъ же смыслѣ и въ станѣ Агвинальдо, и въ его конгрессѣ, и въ самой Манилѣ. Испанскіе государственные люди, высказываясь публично каждый за себя, поголовно, якобы, противятся удержанію Филиппинъ за Испаніей; они говорятъ, что съ паденіемъ вѣкового испанскаго престижа, съ уничтоженіемъ флота, съ пораженіями, понесенными всюду ихъ мѣстными войсками, подавленіе возстанія совершенно безнадежно, и оно только будетъ безполезно истощать въ будущемъ и такъ уже достаточно пустое испанское государственное казначейство. Мысли эти высказываются ими, конечно, неоффиціально, и изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы испанское правительство готово было уступить Филиппины Америкѣ, здѣшняя же пресса думаетъ, что ими просто подготовляется общественное мнѣніе у себя дома, и что въ рѣшительный моментъ Испанія пожелаетъ продать острова эти какому-нибудь надежному заступнику въ будущемъ,—напримѣръ, хотя бы столь разнообразно-многообразному германскому императору. Въ теченіе всей войны,

Германія періодически раздражала здѣшнее общественное мнѣніе, что по меньшей мѣрѣ было безтактно. Ея эскадра въ Манильскомъ заливѣ была все время ненормально сильна; ея отдѣльныя суда всюду совали свой носъ; ея флагманскій корабль во время манильскаго сраженія послалъ свой катеръ за убѣгавшимъ испанскимъ генералъ-губернаторомъ Аугусти; ея инженеры изслѣдовали угольныя копи на островѣ Сэбу; одинъ изъ ея крейсеровъ взялъ на бордъ осажденный инсургентами и готовый къ сдачѣ испанскій гарнизонъ въ Илоило. Что не всѣ эти инциденты были простыми газетными сплетнями, слѣдуетъ изъ того, что вашингтонское правительство не разъ находилось вынужденнымъ успокоивать здѣшнее общественное мнѣніе особыми оффиціальными сообщеніями; а что оно и въ настоящій моментъ далеко не довольно германской „аттитюдой“ и желаетъ обезопасить себя на всякій случай,—это ясно изъ того, что только-что получены приказы немедленно отправить изъ Санъ-Франциско въ Маниллу еще двѣ полныя пѣхотныя бригады съ ихъ артиллеріей, и посланы изъ Нью-Іорка два броненосца перваго ранга, „Орегонъ“ и „Эйоуэ“, новый динамитный крейсеръ „Буффало“, корабль-морская мастерская „Вулканъ“ и съ ними пять большихъ угольныхъ пароходовъ, дабы вся эта эскадра могла добраться до Маниллы по возможности скорѣе и безъ всякихъ задержекъ. Что не инсургенты и не Испанія вызвали эти обширныя подкрѣпленія, особенно морскія, говорить конечно излишне, тѣмъ болѣе, что эскадра Дюи уже была подкрѣплена послѣ манильской битвы двумя сильными мониторами и однимъ крейсеромъ. Другимъ серьезнымъ доказательствомъ того, что правительство Союза считаетъ положеніе дѣлъ вообще ненадежнымъ, служитъ тотъ фактъ, что хотя, по подписаніи мирнаго протокола, и было объявлено о роспускѣ по домамъ ста тысячъ волонтеровъ,—мѣра эта и до сихъ поръ приведена въ исполненіе только отчасти, и то только въ формѣ временныхъ отпусковъ чиновъ изъ особенно пострадавшихъ въ кампаніяхъ въ Сантъ-Яго и на Порто-Рико частей, такъ что наличныя военныя силы Союза все еще значительно превышаютъ двѣсти тысячъ штыковъ.

Еще съ 7-го прошлаго іюля своими резолюціями о присоединеніи Сандвичевыхъ острововъ, прошедшими большинствомъ около двухъ третей голосовъ въ обѣихъ палатахъ, федеральный конгрессъ, этотъ единственный уполномоченный представитель всего народа, оформилъ до извѣстной степени преобладающія теченія общественнаго мнѣнія. Съ тѣхъ поръ расширители (expansionists) и присоединители (annexationists)—какъ называютъ себя сторонники возможнаго расширенія настоящихъ границъ Союза—постоянно росли и въ числѣ, а глав-

ное, и въ своемъ вліяніи на народныя массы. Саратогская конвенція, созванная изъ представителей самыхъ передовыхъ, самыхъ интеллигентныхъ сферъ всего Союза, послѣ нѣсколькихъ дней самыхъ оживленныхъ дебатовъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ высказалась въ пользу политики наивозможнаго расширенія. Блестящее финансовое и торговое положеніе страны, готовое на всяческія жертвы и случайности, до извѣстной степени способствуетъ распространенію этихъ теченій именно въ настоящій моментъ, давая имъ въ этомъ, столь существенномъ, отношеніи самое солидное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще С.-А. С.-Штаты не проявили такъ осязательно своего богатства и своихъ неограниченныхъ податно-платежныхъ способностей. Несмотря на то, что еще до объявленія войны было издержано изъ свободной наличности государственнаго казначейства на экстраординарныя „вооруженія“ пятьдесятъ милліоновъ долларовъ, и что съ конца прошлаго апрѣля военныя издержки превышаютъ милліонъ долларовъ въ день,—наличность эта съ двухсотъ милліоновъ, въ день объявленія войны, возросла до 350 въ настоящій моментъ, а запасъ золота—со 140 милліоновъ достигъ до 250. Правда, что за это время было получено казначействомъ, за счетъ внутренняго займа [1]) въ 200 мил., около 100 милл.; но заемъ этотъ оказался совершенно излишнимъ, такъ какъ доходъ съ внутренняго военнаго налога,—war revenue tax,—высчитывавшійся всего въ 20 м. въ мѣсяцъ, даетъ въ дѣйствительности около 50, и не только сполна покрываетъ всѣ экстраординарныя издержки, но и оставляетъ ежемѣсячно значительный избытокъ. Деньги скопляются въ государственномъ казначействѣ такъ быстро, что уже чувствуется нѣкоторая тугость въ денежномъ обращеніи, и все чаще и чаще слышатся голоса о необходимости созыва экстренной сессіи конгресса для отмѣны военнаго налога, не потому, чтобы онъ былъ слишкомъ тяжелъ, а потому что онъ переполняетъ казначейство и вытягиваетъ безъ нужды слишкомъ много денежныхъ знаковъ изъ обращенія. Въ то же время торговый международный балансъ въ пользу Союза никогда еще не достигалъ такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ нынѣ; коммерческій годъ, законченный 30 іюня 1898 г., опредѣлилъ этотъ балансъ въ нашу пользу на сумму въ 600 милл. долл., тогда какъ за тотъ же періодъ времени Германія показываетъ балансъ противъ себя въ 175 м. д., а Великобританія—въ 575 м. За прошлый іюль мѣсяцъ балансъ этотъ въ пользу Союза

---

[1]) Покрытаго, между прочимъ, слишкомъ 7 разъ въ суммахъ не свыше $ 20.000°° на одно лицо и принесшаго значительную премію, несмотря на то, что онъ былъ выпущенъ всего изъ 3% годовыхъ; теперь онъ котируется уже по 107% за сто.

былъ 55 м., а за августъ превысилъ 80 м., такъ что золото неудержимо течетъ сюда со всѣхъ концовъ міра. Аргументируя въ пользу политики „расширенія“, членъ федеральной палаты представителей Шафротъ, передъ самымъ закрытіемъ очередной сессіи конгресса, въ блестящей рѣчи сгруппировалъ цѣлую массу самыхъ подавляющихъ статистическихъ данныхъ. Хотя населеніе Союза составляетъ едва $1/21$ населенія всего земного шара, его собственность, по самой умѣренной оцѣнкѣ, стоитъ около $1/4$ всей собственности міра. Больше трети всѣхъ желѣзныхъ дорогъ міра находится въ предѣлахъ Америки, и ихъ ежегодный заработокъ составляетъ больше $2/5$ заработка всего остального. Въ то же время, тогда какъ всѣ наши перевозочныя компаніи перевозятъ ежегодно 845 м. тоннъ на протяженіи 100 миль, весь остальной міръ перевозитъ всего 503 милліона. Число паровыхъ силъ въ нашемъ торговомъ флотѣ составляетъ больше трети того же числа у всѣхъ остальныхъ націй міра. Изъ 13 м. кипъ производимаго всѣмъ міромъ хлопка, мы производимъ 10 м. и потребляемъ цѣлую четверть всего производства. Мы же производили больше $1/4$ всего производимаго земнымъ шаромъ зерна. Добыча угля достигла въ 1897 г. какъ разъ цѣлой трети добычи всего міра—200 милл. тоннъ изъ 600. Въ нашихъ предѣлахъ находится больше половины всѣхъ телеграфныхъ линій міра—2.506.000 миль изъ 4.908.000. Слишкомъ $2/7$ всѣхъ работающихъ на земномъ шарѣ машинъ дѣйствуютъ въ Союзѣ же. Изъ 17 милліардовъ отправляемыхъ ежегодно на земномъ шарѣ писемъ слишкомъ 5 приходится на долю Америки—и такъ далѣе, почти до безконечности. Только по числу постоянныхъ войскъ Союзъ стоитъ нетолько неизмѣримо ниже любой третьестепенной европейской державы, но даже и такихъ маленькихъ народностей, какъ Болгарія, Сербія или Данія. Оказывается, что прошло то время, когда можно было сравнивать богатство и производительность Америки съ какимъ-либо другимъ отдѣльнымъ государствомъ; чтобы имѣть подходящій критеріумъ для сравненія, нужно теперь брать весь остальной міръ, какъ одно цѣлое. „Расширители“, вооружась этимъ и тому подобнымъ матеріаломъ, утверждаютъ, что такой гигантскій ростъ не можетъ продолжаться, если территоріальные предѣлы страны будутъ оставаться неподвижными; что жизненныя силы націи начнутъ притупляться и пойдутъ на вырожденіе; что эволюція здорова только тогда, когда она дѣйствуетъ во всѣхъ направленіяхъ и вліяетъ одновременно на всѣ элементы государства; что исторія всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ учитъ этому;—словомъ, что „расширеніе“—неизбѣжный законъ, естественная потребность, искусственная задержка которыхъ излишнимъ консерватизмомъ и доктринерствомъ только

извратитъ ихъ пути и отзовется пагубной сторицей въ непосредственномъ будущемъ... Необходимо упомянуть при этомъ, что ожидаемое распаденіе Китая и неизбѣжные въ глазахъ всѣхъ здѣшнихъ вліятельныхъ государственныхъ людей и знатоковъ положенія дѣлъ на дальнемъ Востокѣ серьезнѣйшіе перевороты на противоположныхъ Америкѣ берегахъ Тихаго океана—негласно, но въ высшей степени существенно обостряютъ всѣ эти соображенія. Полагаютъ, что Союзу необходимъ надежный оплотъ по ту сторону океана; что дальнѣйшее устраненіе отъ прямого, энергичнаго участія въ дѣлахъ дальняго Востока въ предстоящихъ въ нихъ перемѣнахъ безвозвратно лишитъ Союзъ голоса въ нихъ и въ будущемъ, и что крайне недальновидно было бы упустить тѣ преимущества, которыя такъ кстати дала ему въ руки судьба и испанское упорство. Доктрина Монро,—говорятъ они, —какъ и всякая другая чисто политическая теорія, начинаетъ отживать свой вѣкъ, и уже утратила свою цѣлесообразность постольку, поскольку она касается новыхъ условій на Тихомъ океанѣ. Каналъ черезъ Панамскій перешеекъ [1]) придвинетъ къ Америкѣ дальній Востокъ и радикально измѣнитъ существующія отношенія. Американцамъ не только слѣдуетъ, но совершенно необходимо быть готовыми ко всѣмъ этимъ переворотамъ—а безъ фактической, близкой точки опоры въ тѣхъ водахъ они будутъ совершенно безсильны.

Само собой разумѣется, что я привелъ только основы, канву, такъ сказать, для всѣхъ этихъ соображеній; читатель и самъ въ состояніи развить ихъ въ любомъ направленіи. Нельзя, конечно, отрицать ихъ въ высшей степени серьезное принципіальное значеніе; въ практическомъ же отношеніи они въ настоящій моментъ особенно вліяютъ на рѣшеніе вопроса объ окончательной участи Филиппинъ. Что наше общественное мнѣніе все больше и интенсивнѣе склоняется съ каждымъ днемъ въ пользу безусловнаго присоединенія всего этого архипелага, и что наше правительство, въ началѣ склонявшееся-было, повидимому, въ пользу захвата одной морской станціи, а потомъ острова Люцона цѣликомъ, начинаетъ теперь уступать болѣе широкимъ народнымъ требованіямъ—едва ли все это подлежитъ теперь сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ требованія „практической“ политики совершенно совпадаютъ съ принципіальными требованіями „расши-

---

[1]) Упомяну кстати, что испанско-американской войнѣ безспорно слѣдуетъ отдать справедливость въ томъ, что она несомнѣнно рѣшила вопросъ объ этомъ каналѣ въ утвердительномъ смыслѣ—уже состоялось соглашеніе всѣхъ здѣшнихъ политическихъ партій въ томъ направленіи, что слѣдующій же конгрессъ признаетъ его государственною необходимостью, ассигнуетъ необходимыя средства и удостовѣритъ безповоротно его наивозможно быстрое осуществленіе.

рителей". Сохраненіе испанскаго владычества въ какой бы то ни было формѣ, въ части ли архипелага, или на всемъ его пространствѣ, повидимому, ѐдва ли осуществимо и, во всякомъ случаѣ, было бы противно основнымъ требованіямъ гуманности, во имя которой Америка объявила войну. И Испанія, и Америка, и инсургенты—отлично понимаютъ это. Независимость архипелага тоже едва ли практична, и во всякомъ случаѣ крайне опасна за предполагаемою неустойчивостью такой независимости, вѣроятностью и даже несомнѣнностью въ такомъ случаѣ быстраго подпаденія островов въ вліяніямъ европейскихъ державъ, и вслѣдствіе образованія такимъ образомъ новаго сильнаго и непріязненнаго Америкѣ оплота. Даже самые ярые противники политики „расширенія" не могутъ не признать, что если, съ точки зрѣнія доктрины Монро и принятыхъ доселѣ основъ иностранной политики Союза, присоединеніе къ нему Филиппинъ и является крайне нежелательнымъ,—въ то же время и подпаденіе ихъ вліянію Германіи, Англіи, или даже какого бы то ни было другого сильнаго военнаго европейскаго государства, будетъ, пожалуй, еще опаснѣе для прямыхъ современныхъ американскихъ интересовъ на дальнемъ Востокѣ, и ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено; гораздо уже предпочтительнѣе было бы, если это только возможно, оставить ихъ въ рукахъ слабой Испаніи, чѣмъ позволить переходъ ихъ владѣній въ чьи бы то ни было другія руки. Увѣренность въ томъ, что какой бы то ни было практичный компромиссъ крайне труденъ и, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, кажется просто недостижимымъ, — эта увѣренность распространяется во вліятельныхъ американскихъ сферахъ все больше и больше, и вызываетъ самыя серьезныя опасенія. Активная оппозиція политикѣ „расширенія" съуживается съ каждымъ днемъ именно благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ.

Принимая въ соображеніе все вышеизложенное, нельзя не видѣть, что ближайшее будущее полно неожиданностей и опасностей, и что предложенное Россіей разоруженіе, какъ ни увлекательно для всѣхъ истинныхъ друзей мира и цивилизаціи, едва ли найдетъ наше время благопріятнымъ для себя. Неразрѣшенный и разрѣшенный только съ необыкновенными трудностями вопросъ о Филиппинахъ имѣетъ гораздо большее общее значеніе, чѣмъ это обыкновенно принято думать,—если не самъ по себѣ, то по возможнымъ и вѣроятнымъ послѣдствіямъ. Едва ли можно отрицать, что, какъ бы ни опредѣлилась общая иностранная будущая политика Союза, онъ уже и теперь быстро и неудержимо идетъ къ тому, чтобы быть готовымъ, во что̀ бы то ни стало, защищать свои, до сихъ поръ совершенно игнорированные международной политикой, американскіе интересы на Тихомъ океанѣ

и дальнемъ Востокѣ,—интересы все ростущіе и неминуемо сталкивающіеся до извѣстной степени съ интересами Европы. Предсказывать, какъ именно отзовется этотъ новый, могучій факторъ на общемъ положеніи дѣлъ, и съ какимъ успѣхомъ онъ займетъ подобающее ему мѣсто,—было бы, конечно, крайне неблагодарнымъ трудомъ,—но и упускать изъ виду его значеніе было бы, въ то же время, верхомъ годарственной непредусмотрительности.

П. А. Тверской.

1-ое октября 1898.
Лосъ Анжелесъ, Калифорнія.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1898.

— **Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Импер. Академіи Художествъ. Составилъ академикъ В. В. Сусловъ. Четыре выпуска. Спб. 1895—98.**

Изученіе русской древности, въ разныхъ ея сторонахъ, за послѣднее время привлекаетъ не мало ученыхъ и любителей и обѣщаетъ впослѣдствіи принести свои поучительные результаты; нельзя однако не пожалѣть, что до сихъ поръ эти изученія все еще остаются слишкомъ отрывочны: нѣтъ обыкновенно какихъ-либо общихъ обозрѣній, которыя изложили бы тотъ или другой отдѣлъ русской археологіи въ цѣломъ составѣ—по крайней мѣрѣ настолько, насколько достигли того изслѣдованія въ настоящее время. Немногіе опыты цѣльныхъ изложеній (гр. Уварова—о каменномъ вѣкѣ, г. Полевого-Замысловскаго, г. Кондакова и гр. Толстого, г. Покровскаго, Забѣлина и др.), большей частью остаются незаконченными или только намѣченными. Археологи-спеціалисты обыкновенно (что̀ по складу ихъ работы весьма естественно) увлекаются тѣмъ частнымъ отдѣломъ предмета, которымъ заняты, и пугаются обобщеній, потому что имъ больше чѣмъ кому другому бываютъ видны недослѣдованные пункты; пробѣлы въ самомъ фактическомъ матеріалѣ дѣлаютъ общій выводъ рискованнымъ, и это ихъ устрашаетъ,—они довольствуются изслѣдованіемъ частныхъ вопросовъ.

Это положеніе вещей имѣетъ однако свои весьма прискорбныя послѣдствія, которыя отражаются на самомъ существѣ дѣла. Археологія, оставаясь собраніемъ чисто спеціальныхъ изслѣдованій, не обобщеннымъ до такой цѣльности (хотя бы въ извѣстныхъ отдѣлахъ), чтобы стать доступной обыкновенному образованному человѣку, пребываетъ достояніемъ исключительнаго круга спеціалистовъ и любителей, и отсюда получается, или поддерживается, то невѣжественное отношеніе къ самымъ предметамъ древности, на которое слышатся

постоянныя жалобы археологовъ, а при такомъ отношеніи—гибель самыхъ древностей... Русскія древности вообще сохранились мало; но и то сравнительно древнее, что̀ уцѣлѣло, продолжаетъ исчезать на нашихъ глазахъ: старыя зданія „реставрируются“ такъ, что отъ старины не сохраняется даже и слѣда, и, напр., вмѣсто оригинальнаго архаическаго зданія получается новѣйшій глупый сарай; фрески замазываются штукатуркой или замѣняются рыночной „живописью“; древнія рукописи еще не такъ давно выкидывались изъ монастырскихъ книгохранилищъ какъ ненужный хламъ и т. п. Такъ происходило и происходитъ не только въ захолустьяхъ, но и въ большихъ центрахъ: въ кіево-печерской лаврѣ произведены въ послѣднее время „реставраціи“, вслѣдствіе которыхъ нѣсколько любопытныхъ и характерныхъ памятниковъ старины исчезло.

Въ этомъ положеніи вещей особеннаго сочувствія заслуживаютъ тѣ археологическіе труды, въ которыхъ имѣется въ виду изслѣдованіе извѣстнаго цѣльнаго отдѣла нашей древности, не только описаніе, но и изображеніе, которое на худой конецъ можетъ сохранить видъ памятника, какъ онъ дожилъ до нашихъ дней. Подобный трудъ предпринялъ г. Сусловъ по изученію русскаго сѣвернаго зодчества,—трудъ, который онъ ведетъ постоянно уже многіе годы. Первымъ приступомъ къ этой работѣ была, если не ошибаемся, небольшая книжка: „Матеріалы къ исторіи древней новгородско-псковской архитектуры“ (1888). Этотъ предметъ уже занималъ нашихъ археологовъ, но г. Сусловъ, повидимому, нашелъ въ прежнихъ трудахъ мало опоры для своихъ изысканій. „Въ отношеніи новгородско-псковской архитектуры,—говорилъ онъ,—правда, существуютъ общіе взгляды на внѣшнія типичныя стороны памятниковъ, но затѣмъ, въ виду простыхъ формъ и повторенія ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, вопросъ о новгородско-псковской архитектурѣ считался законченнымъ. Между тѣмъ, кромѣ развѣ общаго (и то гадательнаго) плана новгородско-софійскаго собора, мы почти ничего не знаемъ о тѣхъ архитектурныхъ формахъ, которыя были принесены въ Новгородъ изъ Греціи, и о томъ, какимъ образомъ получился извѣстный типъ новгородско-псковскихъ церквей XIV и XV ст., т.-е. при какихъ условіяхъ появлялись тѣ или другія формы, то или иное ихъ развитіе“.

Въ этомъ первомъ трудѣ авторъ хотѣлъ только въ видѣ опыта намѣтить тотъ ходъ архитектуры, гдѣ „съ появленія византійскихъ формъ входили элементы запада и, соединяясь съ народнымъ творчествомъ, смѣшивались въ зависимости отъ практическихъ условій жизни новгородцевъ“. Авторъ говорилъ здѣсь только о каменной церковной архитектурѣ по сохранившимся памятникамъ, не касаясь деревянныхъ церквей, гражданской и крѣпостной архитектуры, живо-

писи, рѣзьбы, чеканки и пр. Описавъ архитектурныя особенности древнѣйшихъ новгородскихъ и псковскихъ церквей, авторъ находитъ, что это зодчество всегда искало своей самостоятельности, и хотя потомъ, въ XIV—XV вѣкѣ, когда установился извѣстный шаблонный типъ церквей и зодчество почти не развивалось, то внутреннее искусство, производство разныхъ церковныхъ вещей (рѣзьба по дереву, чеканка и пр.), „видимо шло довольно смѣло, и если заносились какія-либо новыя формы, всѣ онѣ получали какой-то своеобразный русскій оттѣнокъ". Съ упадкомъ общинной жизни Новгорода, когда наконецъ прекратилась самостоятельность Новгорода, измѣнился и самый ходъ искусства: начинаются громадныя выселенія изъ Новгорода, изъ Москвы являются намѣстники и владыки, и новгородская архитектура получаетъ характеръ московской. Что̀ же сталось съ новгородскими и псковскими мастерами? Одни,—говоритъ г. Сусловъ,—бѣгутъ цѣлыми артелями на сѣверныя окраины и продолжаютъ главнымъ образомъ деревянную плотничную архитектуру; другіе, лучшія силы, требуются на каменную работу въ Москву. „Всѣ лучшія вещи Новгорода, а затѣмъ и Пскова, потянулись цѣлыми возами въ Москву. Послѣдняя, съ уничтоженіемъ татарскаго ига, вызываетъ къ себѣ разныхъ художниковъ и обстраивается съ какимъ-то лихорадочнымъ воодушевленіемъ. Вотъ здѣсь-то и сталкиваются лицомъ къ лицу два сильныхъ направленія искусства—одно чисто народное, выразившееся во многихъ чертахъ новгородско-псковской каменной архитектуры и въ деревянныхъ постройкахъ со всевозможною рѣзьбою по дереву, а другое—въ цѣлой массѣ различныхъ вліяній византійско-ломбардской архитектуры, и все, что̀ родилось и воспиталось на нашей почвѣ, дало блестящій рѣшительный ударъ наноснымъ формамъ и съ могучей силой выступаетъ на арену самостоятельной жизни. Не мудрено, что въ XVI ст. столько скопилось у насъ новыхъ конструктивныхъ и художественныхъ формъ среди продолжавшагося тогда владиміро-суздальскаго зодчества, что подъ первыми же руками талантливаго художника является та комбинація архитектурныхъ формъ, которая весьма полно и оригинально вылилась въ церковь Василія Блаженнаго. И какъ только этотъ блестящій починъ величественно поднялся среди другихъ искусствъ, то народное творчество, боявшееся сначала показаться въ ряду окружающихъ насъ тогда иноземныхъ формъ, съ этихъ поръ начинаетъ окончательную борьбу за самостоятельность и съ полнымъ успѣхомъ выходитъ на свою давно желанную дорогу. Новгородско-псковскіе мастера начали припоминать, что въ ихъ новыхъ каменныхъ работахъ выходятъ какіе-то знакомые, давно родные имъ мотивы, и мы видимъ, что въ XVI и XVII вѣкахъ по всей

Руси великой пошло одно, такъ сказать, органически сложившееся національное русское искусство".

Въ 1889 является новый рядъ трудовъ г. Суслова. Во-первыхъ, „Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества" (съ 16-ю таблицами и 21 рисункомъ въ текстѣ). Здѣсь собраны различныя наблюденія и изученія автора во время путешествій автора на сѣверѣ, востокѣ и югѣ Россіи, которыя отчасти возвращаются и къ прежней его темѣ. Въ „Очеркахъ" помѣщены статьи: Взглядъ на одну изъ формъ наружнаго покрытія древне-русскихъ церквей,—результатъ изслѣдованій, сдѣланныхъ совмѣстно съ Н. В. Никитинымъ и А. М. Павлиновымъ при научной экскурсіи членовъ VII археологическаго съѣзда въ Ростовъ; Памятники древней деревянной архитектуры въ южной Россіи; Замѣтки о калмыцкихъ и древне-русскихъ постройкахъ (въ Астрахани, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ, Суздалѣ, Юрьевѣ-Польскомъ); О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи,—а именно въ архангельской и вологодской губерніяхъ; Древніе соборы въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ.

Въ книгѣ: „Путевыя замѣтки о сѣверѣ Россіи и Норвегіи" (1888—1889), г. Сусловъ разсказываетъ о новомъ путешествіи для изслѣдованій о сѣверно-русскомъ искусствѣ, особливо зодчествѣ. Цѣлью путешествія были архангельская и олонецкая губерніи, но авторъ выбралъ путь черезъ Швецію и Норвегію, не безъ особаго предположенія, а именно: авторъ хотѣлъ „познакомиться съ древнимъ искусствомъ сосѣдней страны и получить ясное представленіе, поскольку оно имѣло отношеніе къ нашему сѣверному искусству". Путешествіе въ Скандинавіи было непродолжительно: въ Стокгольмѣ авторъ осмотрѣлъ „Сѣверный музей" и затѣмъ отправился по желѣзной дорогѣ въ Дронтгеймъ, потомъ въ Вардэ и оттуда въ Колу. Въ стокгольмскомъ музеѣ г. Сусловъ обратилъ особенное вниманіе на старинные бытовые предметы, и нашелъ, что эти предметы (какъ, напр., ящики, пряжки, кружки и т. п.) „въ высшей степени интересны не только по своимъ сложнымъ и весьма художественнымъ украшеніямъ, но и потому, что они имѣютъ (въ рѣзьбѣ по дереву) поразительное сходство съ подобными вещами въ нашемъ поморьѣ; тѣ и другія имѣютъ почти одинаковыя формы и основныя линіи орнаментовъ, состоящихъ почти исключительно изъ геометрическихъ фигуръ, комбинирующихся въ различныя розетки, пояски, рамки и т. п.". Точно также „въ характерѣ древней шведско-норвежской мебели чувствуется много общаго съ нашею древней деревянной мебелью", и вообще относительно подобныхъ домашнихъ вещей между скандинавскими вещами музея и нашими сѣверными и „въ общихъ формахъ, и въ орнаментистикѣ, почти не увидимъ разницы". Между тѣмъ, въ памятникахъ

церковной архитектуры между двумя странами нѣтъ ничего общаго, и въ орнаментѣ скандинавской архитектуры можно замѣтить два направленія: одно—сходное съ нашимъ сѣвернымъ, другое—извѣстное подъ именемъ собственно „скандинавскаго", состоящаго изъ густыхъ растительныхъ сплетеній и фантастическихъ животныхъ. Такъ какъ въ искусствѣ нашего сѣвера этого различія незамѣтно, то г. Сусловъ дѣлаетъ такое предположеніе: церковная скандинавская архитектура была заимствована съ Запада, а орнаментика была унаслѣдована отъ древности; при этомъ, тотъ разрядъ украшеній, который сходенъ съ нашимъ сѣвернымъ, „по всѣмъ вѣроятіямъ явился въ Скандинавіи позднѣе, чѣмъ у насъ, такъ какъ онъ *болѣе распространенъ* въ русскомъ искусствѣ. Это отчасти подтверждается и тѣмъ, что новгородцы еще въ IX вѣкѣ (?) славились рѣзьбою по дереву". Это заключеніе, намекающее на заимствованіе, остается однако весьма гадательнымъ.

Переходя къ нашему сѣверу, авторъ не ограничивается архитектурными описаніями, но передаетъ также черты сѣвернаго быта, поморскихъ промысловъ, способовъ передвиженія (весьма первобытныхъ), разсказываетъ о Печенгскомъ и Соловецкомъ монастыряхъ, и т. д. Въ рисункахъ встрѣчаются изображенія нѣсколькихъ оригинальныхъ деревянныхъ церквей и образчики мѣстнаго пейзажа. На пути, въ архангельской и олонецкой губерніяхъ, снято было много фотографій, пріобрѣтены мѣстныя фотографіи видовъ, типовъ и древностей Соловецкаго монастыря,—и въ научномъ интересѣ сдѣланы для Академіи художествъ подробные рисунки (планы, фасады, разрѣзы, частію реставраціи) наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ архитектурной древности.

Въ своемъ первомъ трудѣ, спеціальномъ очеркѣ памятниковъ, г. Сусловъ сопроводилъ текстъ однѣми „таблицами" (между прочимъ на черномъ фонѣ, весьма нечеткими) съ мелкими изображеніями и архитектурными намеками; въ послѣдующихъ книгахъ онъ даетъ отчетливые рисунки.

Въ 1896 г. онъ принялъ участіе въ изслѣдованіи древностей города Ладоги, Н. Е. Бранденбурга: „Старая Ладога", гдѣ г. Суслову принадлежатъ рисунки и техническое описаніе.

Наконецъ, самымъ крупнымъ трудомъ по древне-русскому зодчеству, гдѣ г. Сусловъ принялъ участіе, является новѣйшее изданіе Академіи художествъ, заглавіе котораго мы привели въ началѣ. Это—цѣлое обширное предпріятіе, основанное на матеріалахъ Академіи и составляемое подъ редакціею г. Суслова. Въ предисловіи къ „Памятникамъ древняго русскаго зодчества" мы читаемъ:

„Изданіе памятниковъ древняго русскаго зодчества вызвано, съ одной стороны, интересомъ нашего общества къ возрождающейся оте-

чественной архитектурѣ, а съ другой—значительнымъ скопленіемъ въ Академіи матеріала по этому вопросу, собраннаго ея бывшими воспитанниками. Въ виду возростающаго съ каждымъ годомъ числа построекъ въ русскомъ стилѣ, сама собою возникла потребность къ болѣе широкому изученію нашихъ древнихъ памятниковъ зодчества; между тѣмъ, опубликованный матеріалъ въ этой области является весьма недостаточнымъ. Удовлетворительное изданіе памятниковъ русской старины должно несомнѣнно благотворно отозваться на серьезномъ ознакомленіи съ ними, а также и на правильномъ развитіи современной русской архитектуры".

Академія Художествъ начала заботиться объ изученіи отечественной старины со вступленіемъ въ президенты ея А. Н. Оленина (1817—1840), который, какъ извѣстно, между прочимъ былъ и любителемъ археологіи. Съ этою цѣлью посылались отъ Академіи художники въ различныя губерніи Россіи для собиранія древностей и воспроизведенія въ рисункахъ выдающихся древнихъ памятниковъ искусства. Такимъ образомъ составились обширныя коллекціи рисунковъ; но, за немногими исключеніями, эти рисунки оставались неизданными и мало доступными даже для спеціалистовъ.

„Художественный матеріалъ по древне-русскому искусству, имѣющійся въ распоряженіи Академіи, состоитъ изъ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Рихтера, Горностаевыхъ, Мартынова, Даля, Леонова, Веселовскаго, Павлинова, Суслова, Соловьева, Преображенскаго и Авдѣева.

„Работы означенныхъ лицъ въ количествѣ болѣе 800 листовъ, не считая альбомные наброски, касаются разныхъ памятниковъ русскаго искусства, сохранившихся преимущественно въ среднихъ и сѣверныхъ губерніяхъ. Лишь незначительная часть этого матеріала была обнародована въ спеціальныхъ изданіяхъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Сознавая настоятельную потребность въ опубликованіи означенныхъ работъ, Совѣтъ Императорской Академіи Художествъ, съ утвержденія ея Августѣйшаго Президента, постановилъ въ 1892 г. приступить къ изданію академическаго собранія рисунковъ по древне-русскому искусству и поручить это дѣло академику В. В. Суслову. Вмѣстѣ съ этимъ была образована особая коммиссія для разрѣшенія главныхъ вопросовъ по изданію.

„Изслѣдованіе нашихъ древнихъ памятниковъ искусства въ началѣ, очевидно, не могло имѣть общей системы, а потому и собранный матеріалъ представляется до извѣстной степени отрывочнымъ. Вслѣдствіе этого предположено издавать памятники въ видѣ сборника художественнаго матеріала. Въ составъ каждаго выпуска изданія будутъ входить: каменныя и деревянныя церковныя сооруженія, камен-

ныя и деревянныя частныя постройки, стѣнная церковная иконопись, орнаментальная роспись, раскраска изразцовъ и архитектурныхъ частей зданій, образцы металлическаго производства, рѣзного и пр.

„Памятники со старинной раскраской или живописью предположено издавать хромолитографіею, остальные—геліогравюрой.

„Каждый издаваемый памятникъ будетъ сопровождаться краткимъ пояснительнымъ текстомъ, касающимся лишь фактическихъ свѣдѣній о немъ".

Таковъ планъ. До сихъ поръ вышло четыре выпуска. Изданіе—въ форматѣ большого листа, принятомъ для художественныхъ изданій; рисунки—прекрасно исполненные, большинство въ краскахъ, передающихъ древнія росписи и изразцовыя украшенія и т. п.; рисунки сопровождаются отдѣльными листами объяснительнаго текста (составляемаго г. Сусловымъ), гдѣ сообщаются историческія свѣдѣнія о памятникѣ и даются архитектурныя описанія.

Весь этотъ матеріалъ исполненъ историческаго и художественнаго интереса. Въ четырехъ вышедшихъ выпускахъ помѣщены, напр., слѣдующіе рисунки: каменныя церкви (и ихъ отдѣльныя части) въ главнѣйшихъ пунктахъ древняго русскаго зодчества—Москвѣ, Ярославлѣ, Суздалѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Кіевской и Троицко-Сергіевской Лаврахъ, Муромѣ, Соликамскѣ, Балахнѣ (нижегородской губ.); гербовыя ворота въ московскомъ Кремлѣ, нынѣ не существующія; деревянныя церкви и частныя деревянныя постройки, дома и избы, изъ архангельской, олонецкой, вологодской, казанской губ.; образцы раскраски и росписи (церковные своды, галереи, кіоты, деревянные порталы, царское мѣсто и пр.). Это—конечно еще только начало изданія, которому предстоитъ принять обширные размѣры, если оно обниметъ (какъ и было бы должно) всѣ главнѣйшіе памятники стараго русскаго зодчества и смежныхъ искусствъ.

Любители древняго русскаго зодчества ожидаютъ, что его изученіе окажетъ свое дѣйствіе и на „правильное" развитіе архитектуры современной; эту надежду имѣютъ вообще любители стараго искусства, въ томъ числѣ поэзіи, насколько она сохранилась. Но этотъ вопросъ гораздо болѣе сложенъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Во-первыхъ, исторія, которая заставила (у насъ особливо съ XVIII вѣка) забыть о древнемъ искусствѣ, напр. зодчествѣ, вовсе не была произволомъ,—она представляла нарожденіе новыхъ потребностей практическихъ, новыхъ интересовъ, умственныхъ и художественныхъ, которые были ранѣе невѣдомы и имѣли недаромъ свою притягательную силу. Объемъ знаній несомнѣнно расширялся, и необходимо долженъ былъ возникнуть процессъ переработки старыхъ понятій и броженіе художественныхъ вкусовъ. Такимъ образомъ, „двухъ-вѣковое гоненіе"

(В. Сусловъ, Очерки, 1889, стр. 124) не было однимъ голымъ произволомъ и насиліемъ; если это старое искусство, самобытное и своеобразное, теперь „призвало науку“ (см. тамъ же), то эта наука есть именно новый элементъ, принесенный исторіей. Во-вторыхъ, старое искусство во всякомъ случаѣ отражало въ себѣ бытъ, міровоззрѣніе, настроеніе своего вѣка, которые потомъ не могли не испытать историческихъ измѣненій, и простое возстановленіе старины не отвѣчало бы новому историческому состоянію общества: новое искусство требовало бы не одного повторенія старины. Подражаніе, конечно, возможно, и напр. среди извѣстныхъ привычныхъ формъ старины, въ Москвѣ, Ярославлѣ, Ростовѣ, художественному инстинкту оно можетъ удовлетворять; но простое подражаніе не есть живая дѣятельность художества. Въ новѣйшей поэзіи подражаніе старымъ формамъ всего чаще бывало неудачно, и поэтическое возсозданіе возможно только для сильныхъ талантовъ; то же конечно и въ другихъ искусствахъ, —но сильный талантъ есть и самостоятельная личность, и художественная сила.

Къ сожалѣнію, цѣна изданія очень высокая, а именно: первый выпускъ, 26 листовъ рисунковъ съ объяснительнымъ текстомъ, стоитъ 16 руб.; второй, 14 листовъ—9 руб.; третій, 15 листовъ—11 руб., и четвертый, 15 листовъ—12 руб., итого—63 руб. Вѣроятно, стоимость исполненія такъ велика, что Академія не могла назначить цѣны болѣе умѣренной; но по крайней мѣрѣ было бы, кажется, возможно облегчить покупку разсрочками, какъ это дѣлается издателями.—А. П.

— Собраніе сочиненій Каронина (Н. Е. Петропавловскаго). Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Редакція А. А. Попова. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Два тома. М. 1899.

Настоящее изданіе гораздо полнѣе тѣхъ „Разсказовъ“ (1891—92), о которыхъ мы имѣли случай говорить („В. Европы“, 1893). Цѣлый рядъ разсказовъ и бытовыхъ очерковъ, не вошедшихъ въ прежній сборникъ, придаетъ настоящему изданію особенный интересъ. Таковы: Деревенскіе нервы; Братья; Путешествія мужиковъ; Свѣтлый праздникъ; Золотоискатели; По Ишиму и Тоболу; Очерки Донецкаго бассейна и др. Новое изданіе любопытно и біографическимъ очеркомъ, который даетъ понятіе о симпатичной личности и тяжкой судьбѣ даровитаго писателя, — но только понятіе, а не ясное и полное представленіе. Вѣроятно, какія-нибудь внѣшнія обстоятельства помѣшали редактору изданія дать болѣе подробную біографію, — но, судя по немногимъ подробностямъ, здѣсь сообщеннымъ, можно видѣть, что эта печальная

біографія можетъ представить характерныя черты какъ личности писателя, такъ и времени, когда ему привелось дѣйствовать.

Каронинъ, или Николай Элпидифоровичъ Петропавловскій (1853—92), былъ самарскій уроженецъ, сынъ деревенскаго священника. Жизнь была скудная, но на лонѣ природы, которая такъ овладѣвала мальчикомъ, что Петропавловскій всегда потомъ тяготился городскою жизнью, и его тянуло въ деревню. Учился онъ въ самарской семинаріи, но перешелъ изъ нея въ гимназію, въ поискахъ за болѣе живымъ преподаваніемъ,—и подъ вліяніемъ товарищескихъ бесѣдъ и чтенія у него стали складываться его жизненные идеалы. „Случайное знакомство съ нѣкоторыми личностями, глубоко преданными народнымъ интересамъ и уже успѣвшими выработать опредѣленную систему убѣжденій, помогло окончательному опредѣленію взглядовъ Петропавловскаго и на его личныя задачи". Но, прибавляетъ тутъ же біографъ,—„хорошее время, полное надеждъ и кипучей жизни, оказалось непродолжительно. 5 августа 1874 года Петропавловскій долженъ былъ разстаться съ гимназіей, не кончивъ курса, разстаться съ семьей, съ родной деревней, гдѣ онъ проводилъ эти послѣдніе дни. Наступили цѣлые мѣсяцы мытарствъ, въ которые онъ перебывалъ и въ Саратовѣ, и въ Москвѣ, въ самыхъ невозможныхъ и физическихъ, и нравственныхъ условіяхъ, потомъ болѣе 3½ лѣтъ въ Петербургѣ. За эти годы онъ почти не слыхалъ близко человѣческаго голоса, не видѣлъ ни одного знакомаго лица, не получалъ даже никакихъ извѣстій отъ своихъ родныхъ, не имѣлъ денегъ... Эти годы онъ цѣликомъ отдалъ задачѣ пополненія знаній и тѣмъ же поискамъ отвѣтовъ на вопросы, которые ставила русская жизнь. Это характерно для Петропавловскаго. Онъ не только никогда не спускался до приспособленія къ „обстоятельствамъ", но считалъ необходимымъ всякія обстоятельства, каковы бы они ни были, приспособлять къ себѣ и къ своимъ задачамъ. Перечиталъ онъ за это время массу, изучилъ французскій и англійскій языки".

Такимъ образомъ, онъ былъ еще юношей, когда ему пришлось переживать эти тяжкія испытанія. Очень жаль, что біографъ не нашелъ возможности яснѣе разсказать эти событія: въ нихъ очевидно заключаются факты, которые со всею точностью опредѣлили бы міровоззрѣніе и особенности писателя — очень характернаго для цѣлаго отдѣла нашей повѣсти.

Но и тѣмъ, что̀ указано, не окончились тяжелые опыты Петропавловскаго. Съ 1878 г. онъ могъ уже подумать объ устройствѣ своей жизни. Онъ остался въ Петербургѣ, существовалъ случайной работой, сталъ семьяниномъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ „разцвѣтавшія-было надежды и свѣтлая полоска, пробившаяся въ его жизнь, опять

зачеркнуты. Опять годы разлуки съ женой, съ друзьями и товарищами... Они были для него гораздо мучительнѣе недавняго, только было-кончившагося тоже нелегкаго времени, и, несмотря на это, они опять были шагомъ впередъ въ его внутреннемъ развитіи. Онъ продолжалъ лихорадочно работать, спѣша пользоваться каждою минутой. Въ это время онъ окончательно рѣшилъ посвятить себя литературѣ и написалъ свои первые разсказы"...

Въ декабрѣ 1880 г. онъ, по словамъ біографа, получилъ на нѣкоторое время возможность жить „внѣ этихъ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ". Онъ жилъ въ Петербургѣ и въ деревнѣ, а затѣмъ (повидимому, въ концѣ 1881) ему пришлось надолго поѣхать въ тобольскую губернію, гдѣ онъ два года прожилъ въ Курганѣ и три года въ Ишимѣ. Это опять были годы настоящаго бѣдствія. „Чисто личныя обстоятельства,—говоритъ біографъ,—у него сложились крайне тяжелыя, какихъ онъ раньше въ такой мѣрѣ не зналъ: онъ съ семьей страшно нуждался, потому что прекратилась возможность заработывать средства къ жизни. Его литературная работа въ журналѣ, гдѣ онъ считалъ-было себя постояннымъ сотрудникомъ, случайно оборвалась... Нужно было отыскивать другое литературное пристанище, что̀ ему было не легко при той полной опредѣленности его міросозерцанія и той требовательности къ литературному дѣлу, какими онъ отличался. Литература всегда была для него храмомъ. Теперь приходилось идти на улицу". Біографъ подразумѣвалъ, конечно, случившееся тогда запрещеніе „Отечественныхъ Записокъ". Дальше біографъ говоритъ: „Знавшіе его въ то время говорятъ прямо, что это была „ужасная" жизнь, такая жизнь, въ которой и очень сильные люди падаютъ духомъ и разбиваются. Эти годы легли самою тяжелою гирей на тотъ грузъ, который началъ съ самой цвѣтущей поры человѣческой жизни тянуть его въ могилу. Гиря росла, постепенно надламывая его слабое тѣло".

Одинъ собратъ по литературѣ видѣлъ Петропавловскаго въ Ишимѣ, и еще въ началѣ его пребыванія здѣсь изображаетъ его слѣдующимъ образомъ:

„Это былъ уже не бодрый, свѣжій юноша, а вполнѣ сложившійся человѣкъ, писатель съ опредѣленной физіономіей и установившеюся репутаціей, только по прежнему ласковый, добрый, до женственности деликатный, съ тѣми же скорбно вдумчивыми глазами, съ тою же улыбкой, которая всегда чаровала всѣхъ. Но была въ немъ и разительная перемѣна: онъ казался совсѣмъ изможденнымъ, совсѣмъ больнымъ,—до того былъ онъ худъ и блѣденъ; первая мысль при взглядѣ на него была мысль о зломъ недугѣ, о послѣдней степени чахотки.

Но тогда ея еще не было,—все это было продуктомъ въ конецъ почти разбитыхъ, истерзанныхъ нервовъ".

Въ это время онъ сдѣлалъ между прочимъ описаніе южныхъ округовъ тобольской губерніи, за которое ему присуждена была премія отъ Западнаго Отдѣла Географическаго Общества.

Только въ половинѣ 1886 г. онъ получилъ возможность вернуться на родину, жилъ и работалъ въ Казани, Екатеринбургѣ и на уральскихъ заводахъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Эти первые годы по выѣздѣ изъ Ишима заняты были поисками „такого угла, гдѣ онъ могъ бы чувствовать себя спокойно и выбиться изъ постоянной необезпеченности"; но нужда не покидала его. Съ 1889 года онъ поселился въ Саратовѣ, гдѣ его матеріальное положеніе стало нѣсколько лучше; ему удалось пожить и въ любимой имъ деревнѣ. Лѣто 1891 онъ прожилъ въ Святыхъ-горахъ, въ харьковской губерніи, и здѣсь началась болѣзнь, горловая чахотка, которая свела его въ могилу въ маѣ 1892.

Очень любопытно то, что̀ сообщаетъ тотъ же знакомецъ Петропавловскаго объ его литературныхъ взглядахъ. „Петропавловскій отстаивалъ положеніе, что намъ, беллетристамъ, пора оставить одни *типы людей*, которыхъ наберется у насъ цѣлая портретная галерея, а изображать одни *типы общественныхъ явленій*, пользуясь для этого людскими типами лишь какъ средствомъ, очерчивая ихъ слегка, поскольку это нужно для главной цѣли. Онъ думалъ, что каждая общественная эпоха опредѣляетъ собою характеръ и рамки творчества, налагаетъ на художника свои обязанности и задачи. И, прилагая это положеніе къ данному моменту, онъ также горячо отстаивалъ мысль, что задача современнаго художника сводится къ тому, чтобы, главнымъ образомъ, будить и шевелить чувства читателя, а не давать ему одно спокойно-объективное изображеніе. Теорій, схемъ, положеній, портретныхъ типовъ—собрано уже много, но мало и плохо *чувствуется*, —*чувство* не развилось еще или спитъ, и нужно будить его картиной, не гоняясь за детальною обрисовкой отдѣльныхъ чертъ каждаго лица, за протокольною правдой явленія или отдѣльнаго типа".

Самъ Каронинъ, какъ и нѣсколько другихъ писателей его поколѣнія, дѣйствительно стремились къ тому, чтобы ихъ произведенія будили чувство читателя изображеніемъ общественныхъ явленій, т.-е. вмѣстѣ съ „чувствомъ" будили и его общественное сознаніе. Самъ писатель такимъ тяжкимъ опытомъ извѣдалъ явленіе общественной жизни, такъ болѣзненно ощутилъ ихъ противорѣчіе съ идеаломъ, и лично былъ такъ исполненъ мягкимъ любящимъ чувствомъ къ народу и народной жизни, что естественно долженъ былъ придти къ упомянутому выводу. Онъ не могъ не думать, что писатель не исполняетъ своего „долга", если даетъ читателю только такъ называемыя „объектив-

ныя“ произведенія, т.-е. произведенія безразличныя, художественные анекдоты, изъ которыхъ ничего не слѣдуетъ для его нравственнаго сознанія и для пониманія той общественности, гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ,—и можетъ дѣйствовать хорошо или очень худо.

Итакъ, это—опять вопросъ о „чистомъ“ искусствѣ, которому такъ несправедливо противопоставляютъ искусство „тенденціозное“. Не говоря о томъ, что едва ли когда-нибудь, въ вѣчномъ историческомъ броженіи и въ вѣчныхъ волненіяхъ самой личной жизни, могло существовать дѣйствительное „чистое“ (т.-е. отвлеченное отъ жизни) искусство,—относительно того, о чемъ думалъ Каронинъ, едва ли справедливо было бы сказать, что онъ искалъ „тенденціознаго“ искусства. Онъ искалъ только болѣе серьезнаго пониманія писателями той жизни, которую они трудятся изображать; онъ искалъ настоящаго искусства, которое не ограничивалось бы поверхностью и анекдотической стороной дѣйствительности и, напротивъ, умѣло бы понять и изобразить жизнь въ ея глубокомъ смыслѣ, который не остался бы для читателя безразличнымъ. Русская литература имѣла уже великаго писателя, который такъ понялъ значеніе искусства; надо было только напомнить это пониманіе и развить его дальше, въ примѣненіи къ наступившимъ новымъ явленіямъ нашей общественной исторіи.

— А. А. Кауфманъ. Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній. М. 1898.

Г-нъ Кауфманъ ставитъ вопросъ, давно занимающій и правительство, и спеціалистовъ политической экономіи и русскаго народнаго быта и хозяйства, и рѣшаемый весьма различнымъ, даже прямо противоположнымъ образомъ. Взгляды автора на мудреный вопросъ заслуживаютъ тѣмъ больше вниманія, что авторъ не есть ни кабинетный теоретикъ, ни энтузіастъ-народникъ, а изслѣдователь, положившій не мало труда на изученіе народнаго хозяйства въ западной Сибири: его многотомныя изслѣдованія въ этой области представляютъ крупную авторитетную работу. Въ самомъ началѣ настоящаго разсужденія г. Кауфманъ устраняетъ оба весьма распространенные взгляда на народныя переселенія: одинъ, оптимистическій, который видитъ въ переселеніяхъ „проявленіе особо присущихъ русскому народу колонизаторскихъ способностей, помогшихъ русскому сѣрому зипуну пріобщить къ культурѣ такія разнообразныя мѣстности, какъ архангельскій сѣверъ и кубанскія степи, какъ амурская тайга и предгорья Тянь-Шаня“; и другой взглядъ, пессимистическій, по которому переселенія представляютъ „явленіе отрицательное, продуктъ некультур-

ности и инертности нашей земледѣльческой массы, мало того—даже продуктъ какихъ-то особенныхъ, характеризующихъ русскаго мужика бродяжескихъ инстинктовъ". Г-нъ Кауфманъ не считаетъ нашихъ переселеній какой-нибудь именно русской особенностью. Правда, цифра всѣхъ нашихъ переселеній статистически точно не опредѣлена, но главная масса идетъ въ Сибирь, и здѣсь есть достаточно точныя данныя; собравъ ихъ, г. Кауфманъ находитъ, что когда въ Россіи за 18 лѣтъ (по 1896 годъ) переселилось до 2% стомилліоннаго населенія, въ одни Сѣверо-Американскіе Штаты за 24 года (съ 1871 по 1894) переселилось изъ Великобританіи, Германіи и Швеціи до 8, 5 и 12 процентовъ всего ихъ населенія. Далѣе, между западными и русскими переселеніями есть существенная разница: въ то время, какъ первыя представляютъ собою именно эмиграцію, т.-е. выселеніе, удаленіе изъ страны, вторыя являются только разселеніемъ, передвиженіемъ въ предѣлахъ одного государства.

Причиною переселеній полагается обыкновенно малоземелье, недостаточность надѣловъ; но авторъ объясняетъ, что это обстоятельство надо понимать весьма относительно: переселяются вовсе не одни обездоленные бѣдняки, но и зажиточные хозяева; и надѣлы не были бы недостаточны — при другомъ способѣ хозяйства. Авторъ именно думаетъ, что переселеніе вообще—„результатъ одной и той же основной причины: относительнаго, *при данной системѣ хозяйства и полеводства*, перенаселенія и проистекающаго изъ него малоземелья, и *кризиса* существующей въ той или другой мѣстности *системы* хозяйства и полеводства"... „Данная густота населенія не позволяетъ продолжать вести, въ данной мѣстности, хозяйства на установившихся издавна основаніяхъ: населеніе должно либо перейти къ болѣе интенсивной культурѣ, соотвѣтствующей данной степени густоты населенія, либо искать бо̀льшаго простора и возможности продолжать вести хозяйство на прежнихъ основаніяхъ. Переселенцы выбираютъ послѣдній исходъ"...

Авторъ считаетъ это очень естественнымъ, такъ какъ во всякомъ хозяйствѣ прежде, чѣмъ переходить къ новымъ болѣе сложнымъ, а также и болѣе дорогимъ формамъ веденія дѣла, бываетъ стремленіе удерживать до послѣдней возможности старые пріемы, но главное: „для того, чтобы перейти къ болѣе высокой культурѣ, недостаточно одной *необходимости* въ такомъ переходѣ; нужно еще *сознаніе* этой необходимости, нужна и *возможность* произвести необходимую реформу въ своемъ хозяйствѣ—другими словами, нужны соотвѣтствующіе знанія и капиталъ; не обладая ни тѣмъ, ни другимъ, крестьянинъ видитъ передъ собою, въ сущности, одинъ исходъ—переселеніе"...

Авторъ останавливается потомъ на различныхъ подробностяхъ

предмета, указываетъ прежнія мѣры самого правительства о переселеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ министерство Киселева, для болѣе равномѣрнаго распредѣленія населенія и земли; отмѣчаетъ различные взгляды самой власти на вопросъ за послѣднее время; дѣлаетъ, наконецъ, любопытныя соображенія о количествѣ „свободныхъ„ земель, способныхъ принять новое населеніе въ Сибири, и т. д. Относительно послѣдняго, г. Кауфманъ опять расходится съ общераспространенными мнѣніями. А именно: до сихъ поръ продолжаютъ говорить объ „огромномъ выборѣ земель“ для переселенца въ Сибири. Такъ писалъ Ядринцевъ, по мнѣнію котораго Сибирь можетъ пропитать болѣе 50 милліоновъ населенія; г. Исаевъ думалъ, что въ тобольской и томской губерніяхъ можетъ вновь поселиться до 6—$6^1/_2$ милліоновъ жителей; публицистъ журнала „Русская Мысль“ насчитывалъ, что Сибирь можетъ помѣстить до 100 милліоновъ населенія. Мѣстные изслѣдователи еще съ конца восьмидесятыхъ годовъ предостерегали противъ этихъ широкихъ разсчетовъ и указывали, что громадная площадь даже культурной полосы Сибири занята необитаемыми горными странами, огромными болотами, безводными степями и непроходимыми дебрями, и что во многихъ изъ населенныхъ теперь районовъ, удобныхъ для культуры, уже замѣчаются признаки „перенаселенія“, конечно относительнаго,—и г. Кауфманъ вполнѣ соглашается съ справедливостью этихъ предостереженій. „Какъ ни дико,—говоритъ онъ,—звучитъ фраза: „въ Сибири мало земли“, въ Сибири съ ея 12 милліонами квадратныхъ верстъ,—тѣмъ не менѣе пришлось убѣдиться въ томъ, что въ Сибири земли дѣйствительно мало: тѣ 5,6, можетъ быть 7 милліоновъ десятинъ, на заселеніе которыхъ можно, въ лучшемъ случаѣ разсчитывать въ ближайшемъ будущемъ, это—ничего въ сравненіи съ тѣми надеждами, которыя возлагались на Сибирь, ничего въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ земли, какое было бы необходимо для дѣйствительно широкой постановки переселенческаго дѣла,—для того, чтобы отливъ переселенцевъ могъ серьезно отразиться на хозяйственной жизни сельскаго населенія Европейской Россіи“. Конечно, съ теченіемъ времени условія будутъ измѣняться и улучшаться: болота будутъ осушаемы, дебри будутъ расчищены и область населеній расширится,—но все это потребуетъ очень много времени, и все-таки „эти районы будутъ, сравнительно, очень невелики, ростъ колонизаціонной площади будетъ очень медленнымъ и никоимъ образомъ не дастъ права разсчитывать на возможность широкой, т.-е. быстрой колонизаціи“.

Общій результатъ переселеній г. Кауфманъ находитъ достаточно благопріятнымъ,—но замѣчаетъ, что это заключеніе требуетъ значительныхъ оговорокъ. Благопріятный результатъ можетъ быть при-

знанъ относительно раньше прибывшихъ переселенцевъ, которые поселялись въ лучшихъ мѣстностяхъ; но этого результата нельзя примѣнять къ нынѣшнимъ, а особенно къ *будущимъ* переселенцамъ. Давно замѣчено, что переселенцы, оставаясь въ Сибири, уже начинали мѣнять мѣста осѣдлости,, и въ послѣднее время эти переходы становятся все чаще. Такъ, съ 1880 по 1889, переселенцы, мѣнявшіе мѣста, составляли 9 процентовъ; въ 1890 ихъ было уже 17, въ 1892 году—23; въ 1893 г.—27 процентовъ. „Но,—говоритъ авторъ, —еще болѣе неопровержимымъ доказательствомъ возростающей рискованности переселеній, какъ результата *ухудшающихся* условій водворенія, является ростущее въ ужасающей прогрессіи *обратное* переселеніе. А именно, авторъ приводитъ такія цифры: съ 1885 по 1893 въ Россію вернулось изъ Сибири около 3½ процентовъ изъ общаго числа переселенцевъ этого періода, между тѣмъ какъ въ 1896 г. такихъ обратныхъ переселенцевъ изъ Сибири было уже почти 40 процентовъ! Бывали, конечно, частныя причины такихъ возвращеній—тоска по родинѣ, неумѣнье взяться за дѣло на новомъ мѣстѣ; но „въ *массѣ* случаевъ обратное переселеніе—несомнѣнный показатель возростающей трудности отысканія подходящаго мѣста для поселенія и необходимыхъ для прочнаго обзаведенія условій“.

Въ результатѣ своихъ соображеній о роли переселеній въ общемъ ходѣ русскаго народнаго хозяйства авторъ приходитъ къ заключенію, что переселеніе есть не болѣе какъ жалкій палліативъ, который можетъ только задержать неизбѣжный кризисъ въ хозяйственномъ и культурномъ развитіи страны: этотъ палліативъ можетъ быть до нѣкоторой степени полезенъ только при условіи, что одновременно съ нимъ къ уврачеванію страданій народнаго хозяйственнаго организма будутъ приняты, „въ широкомъ масштабѣ“, другія, „болѣе радикальныя“ средства, т.-е. тѣ самыя, о какихъ авторъ говорилъ ранѣе, именно введеніе, вмѣсто прежнихъ первобытныхъ формъ хозяйства, другихъ, болѣе современныхъ, для чего нужны съ одной стороны капиталъ, съ другой—знаніе. Въ своемъ нынѣшнемъ положеніи переселеніе окажетъ, быть можетъ, нѣкоторое улучшеніе въ хозяйствѣ какой-нибудь волости или уѣзда, но по вліянію на общій ходъ народнаго хозяйства оно „представляетъ собою *нуль*“. Переселеніе „безсильно стать *факторомъ* развитія русскаго народнаго хозяйства, а остается лишь болѣзненнымъ *симптомомъ* его ненормальнаго положенія,—наружнымъ страданіемъ, происходящимъ отъ глубокихъ внутреннихъ причинъ“.—Т.

— **Коркуновъ, Н. М. Исторія философіи права, второе изданіе. Спб. 1898.**

Въ 1896 году появилось первое изданіе „Исторіи философіи права" проф. Коркунова. Вызванное необходимостью дать слушателямъ учебникъ, первое изданіе носило слѣды спѣшной работы. Талантливому автору не удалось объединить разнообразнаго и обширнаго матеріала въ стройное цѣлое; нѣкоторые отдѣлы были разработаны болѣе подробно, чѣмъ то требовалось общимъ планомъ сочиненія, другіе, напротивъ того, были представлены только въ формѣ бѣглыхъ очерковъ; встрѣчались и фактическіе промахи, столь естественные при спѣшной работѣ. Во второмъ изданіи, въ коемъ удержанъ планъ перваго, существенные недостатки устранены, и потому оно вполнѣ правильно названо „дополненнымъ и переработаннымъ". Объемъ второго изданія вдвое больше объема перваго. Многіе отдѣлы прибавлены, и матеріалъ представленъ въ болѣе законченной и цѣльной формѣ.

Обратимъ вниманіе на особенности этого курса „Исторіи философіи права". несомнѣнно самаго удобнаго и приспособленнаго для университетскаго преподаванія изъ всѣхъ русскихъ печатныхъ курсовъ. Курсъ Пилянкевича устарѣлъ; „Очерки исторіи философіи права" слишкомъ рано умершаго проф. Бершадскаго не доведены до конца и страдаютъ крупными недостатками; превосходный курсъ проф. Б. Н. Чичерина слишкомъ объемистъ (4 тома); такимъ образомъ, съ внѣшней стороны только курсъ проф. Коркунова можетъ служить удобнымъ руководствомъ для студентовъ. Со стороны содержанія, книга проф. Коркунова тоже вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію; въ ней удачно выбранъ матеріалъ, лишнее опущено, необходимое представлено, въ большинствѣ случаевъ, сжато и отчетливо. Особенностью курса служитъ богатство свѣдѣній, заимствованныхъ изъ области права, въ замѣнъ спеціально философскаго матеріала. Напр., проф. Коркуновъ начинаетъ свой курсъ прямо съ софистовъ, не касаясь предшествовавшей софистамъ греческой и восточной философіи, и это можно только одобрить. Свѣдѣнія, сообщаемыя, напр., проф. Рѣдкинымъ, въ первомъ томѣ его сочиненія, съ такою подробностью, несомнѣнно интересны, но относятся къ общей исторіи философіи,—къ исторіи же философіи права никакого отношенія не имѣютъ. Въ этомъ устраненіи общаго философскаго элемента есть однако и своя опасная сторона: вѣдь преподаваемый предметъ не даромъ называется исторіей *„философіи права"*, т.-е. предполагается существованіе этой связи между исторіей развитія общихъ идей и правовыхъ теорій; эта зависимость съ теченіемъ времени мѣнялась и, можетъ быть, слабѣла, по мѣрѣ того какъ право отграничивалось отъ другихъ сродныхъ ему областей, но она

никогда не исчезала, и безъ ущерба для теоріи права исчезнуть не можетъ. Проф. Коркуновъ въ своемъ талантливомъ введеніи указалъ на особое значеніе для правовѣда изученія исторіи философіи права. „Нельзя понять,—говоритъ онъ,—и положительнаго права, не имѣя понятія о томъ, какими теоретическими воззрѣніями руководствовались люди, созидавшіе обычаи, законодательство, судебную практику". Это, можетъ быть, слѣдовало выразить еще общѣе: положительнаго права нельзя понять, не зная міровоззрѣнія лицъ, созидавшихъ право. Въ виду этого, въ выборѣ и устраненіи исторіи общихъ идей изъ курса философіи права нуженъ особый тактъ. Ежели усиленіе элемента историко-правового и слѣдуетъ одобрить, то все-же необходимо, чтобы ясно чувствовалась связь между господствующимъ направленіемъ въ философіи и развитіемъ права: „Критика чистаго разума" Канта непосредственно не имѣла, конечно, вліянія на развитіе права, но г. Коркуновъ, совершенно основательно, рѣшился не обходить молчаніемъ это крупное обвиненіе, ибо косвенно своимъ вліяніемъ философія Канта отразилась и на обработкѣ правовыхъ теорій. „Критикѣ чистаго разума", однако, проф. Коркуновъ удѣляетъ слишкомъ обширное мѣсто; онъ излагаетъ содержаніе ея болѣе подробно, чѣмъ это дѣлается во многихъ общихъ курсахъ исторіи философіи. Очевидно, что и въ другихъ случаяхъ (какъ, напр., въ эпохѣ возрожденія) слѣдовало выбрать наиболѣе характерное философское явленіе и показать связь его съ обработкою права; но, къ сожалѣнію, этого не сдѣлано. Благодаря тому, получается впечатлѣніе нѣкоторой пестроты и незаконченности, т.-е. основная мысль проф. Коркунова, что въ изложеніе исторіи философіи права должно внести бо̀льшее количество чисто правового матеріала, чѣмъ это обыкновенно дѣлается, проведена недостаточно послѣдовательно. Вторая особенность курса проф. Коркунова состоитъ въ томъ, что онъ удѣляетъ много вниманія изученію права въ Россіи и излагаетъ исторію главнѣйшихъ представителей и ихъ идей. И эта особенность заслуживаетъ полнаго одобренія. „Русскому юристу стыдно не знать своихъ предшественниковъ" (стр. 264), говоритъ проф. Коркуновъ; но ежели слѣдуетъ одобрить такую идею проф. Коркунова, то выполненіе все-же вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія. Одна пятая книги посвящена русскимъ правовѣдамъ; не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что идеи русскихъ юристовъ, приводимыя въ книгѣ проф. Коркунова, представляютъ въ большинствѣ случаевъ, за немногими исключеніями, лишь болѣе или менѣе точное воспроизведеніе идей западныхъ ученыхъ философовъ,—поэтому врядъ ли была необходимость въ столь подробномъ изложеніи въ общемъ курсѣ исторіи философіи права. Многія свѣдѣнія, сообщаемыя проф. Коркуновымъ, болѣе любопытны съ точки зрѣнія исторіи куль-

туры; они могли бы найти мѣсто даже въ общей исторіи просвѣщенія Россіи, но не въ курсѣ „Исторіи философіи права". Такъ, напр., что Дильтей купилъ себѣ, въ 1760 году, въ Москвѣ домъ за 1.800 рублей (286 стр.); что онъ часто являлся нетрезвымъ на лекцію и велъ себя неприличнымъ образомъ (стр. 287), за что и былъ удаленъ изъ университета... все это пусть будетъ интересно, но это вовсе не относится къ исторіи развитія идей философіи права...

Третья особенность курса проф. Коркунова состоитъ въ томъ, что онъ отводитъ весьма ограниченное число страницъ древности (78 стр.), еще меньше—среднимъ вѣкамъ (отъ 79-й стр. до 113), и налегаетъ главнымъ образомъ на новое и новѣйшее движеніе науки. Эта черта, какъ мнѣ кажется, связана съ первой изъ указанныхъ особенностей. Проф. Коркунову кажется необходимымъ изложеніе развитія правовыхъ понятій, и такъ какъ подробный анализъ этихъ понятій принадлежитъ по преимуществу новому времени, то онъ на немъ и останавливается съ особенной тщательностью. Правильна ли эта точка зрѣнія,—объ этомъ можно спорить. Если въ древней философіи и нельзя найти подробнаго разбора многихъ юридическихъ понятій, зато связь ихъ съ основными этическими понятіями болѣе очевидна; если исторія философіи права имѣетъ своей задачей выясненіе основныхъ понятій и исторію развитія ихъ, то объ анализѣ началъ слѣдуетъ особенно заботиться; проф. Коркуновъ держался, очевидно, иного взгляда,—поэтому, въ общемъ, его книга производитъ впечатлѣніе ряда отдѣльныхъ очерковъ, причемъ заботы о томъ, чтобы получилась цѣльная картина развитія,—не замѣтно.

Обратимся теперь къ частностямъ изложенія. Проф. Коркуновъ, мы сказали, прямо начинаетъ философію грековъ съ софистовъ. Слѣдовало бы хоть нѣсколько словъ сказать о предшественникахъ софистовъ, ибо смыслъ софистики замѣчается главнымъ образомъ въ отрицаніи предшествовавшаго развитія греческой мысли; этого отрицанія нельзя по достоинству оцѣнить, не зная, въ чемъ состояло положительное содержаніе ученія предшественниковъ. Благодаря такому началу ex abrupto, и философію Платона приходится характеризовать лишь какъ „дальнѣйшее развитіе философіи Сократа" (стр. 25), въ то время, какъ въ дѣйствительности эта философія представляетъ собою синтезъ всего предшествовавшаго развитія, поведшій Платона далеко за предѣлы Сократовскаго философствованія. Теоретическія воззрѣнія Платона характеризуются слишкомъ бѣгло, ученіе объ идеяхъ недостаточно опредѣлено, зато на политической сторонѣ ученія геніальнаго грека проф. Коркуновъ останавливается подробно, причемъ онъ высказываетъ оригинальное, хотя, какъ мнѣ кажется, и едва ли вѣрное воззрѣніе на Платона. Политическое ученіе Платона обык-

новенно характеризуютъ терминомъ коммунизма. Проф. Коркуновъ, напротивъ, находитъ, что „по внутреннему своему существу ученіе Платона во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ прямую противоположность коммунизму"; однако, проф. Коркунову удалось лишь указать на то, что мотивы, руководившіе Платономъ, отличны отъ тѣхъ, какими руководствуются нѣкоторые изъ коммунистовъ, по существу же—ихъ ученія принадлежатъ, несомнѣнно, къ одному и тому же порядку. Ученіе Аристотеля изложено съ достаточной подробностью и тщаніемъ. Глава II-ая названа: „философскія ученія у римлянъ", и въ этой главѣ говорится о стоикахъ и римскихъ юристахъ, причемъ, можетъ быть, недостаточно оттѣнено, что римляне не прибавили къ ученію греческихъ стоиковъ ничего принципіально новаго; объ эпикурейцахъ и скептикахъ, этическое ученіе коихъ имѣетъ значеніе, въ курсѣ проф. Коркунова ничего не говорится; философія среднихъ вѣковъ представлена лишь въ лицѣ Августина и Ѳомы Аквината, причемъ замѣтно, что Ѳому Аквината проф. Коркуновъ изучалъ по первоисточникамъ. Нѣсколько отрывочное изложеніе уступаетъ мѣсто систематическому лишь начиная съ XVII вѣка; однако и въ новой философіи встрѣчаются нѣкоторые не совсѣмъ понятные пробѣлы: почему, напр., проф. Коркуновъ говоритъ о Кантѣ и Гегелѣ и не упоминаетъ о Фихте, въ то время какъ система Фихте имѣла по преимуществу этическій характеръ, и нѣкоторыя изъ его сочиненій оказали несомнѣнное вліяніе на развитіе воззрѣній на общество и государство; стòитъ только вспомнить связь теоретическихъ воззрѣній соціализма съ ученіями Фихте. Опустивъ Фихте, проф. Коркуновъ въ то же самое время останавливается на французскихъ философахъ начала XIX столѣтія, которые въ общемъ ходѣ этико-юридическихъ понятій значенія не имѣли; напр., имя Кузена заслуживало бы упоминанія только въ очеркѣ развитія исторіографіи исторіи философіи. Изъ всѣхъ французскихъ философовъ конца XVIII вѣка заслуживаетъ упоминанія безъ сомнѣнія Кондилльякъ, какъ наиболѣе характерный выразитель эпохи непосредственно предшествующей революціи; между тѣмъ, ни о Кондилльякѣ, ни о Гольбахѣ, ни о Гельвеціѣ, мы не находимъ въ „Курсѣ" проф. Коркунова ни слова. Онъ говоритъ довольно подробно о самомъ геніальномъ французѣ до-революціоннаго періода, о Руссо, но Руссо не можетъ служить представителемъ общаго теченія мысли конца XVIII вѣка: онъ стоялъ выше общаго уровня, и его вліяніе замѣтно не столько на современникахъ, сколько въ позднѣйшее время, напр., на Кантѣ. Въ четвертой главѣ послѣдней части проф. Коркуновъ говоритъ о позитивизмѣ, причемъ упоминаетъ о предшественникахъ Конта, подробно излагаетъ принципы „Курса положительной философіи" и слѣдитъ за вліяніемъ позитивизма

на юриспруденцію—эта глава припадлежитъ къ лучшей изъ всего курса. Послѣдняя глава, названная „Утилитаріанизмъ", разсматриваетъ одного только Бентама, о которомъ, какъ мнѣ кажется, уже въ силу хронологическихъ соображеній, слѣдовало говорить ранѣе позитивизма. На Бентамѣ курсъ прерывается; настоящаго конца книга не имѣетъ, ибо не доведена до настоящаго времени и не высказано никакихъ заключительныхъ соображеній о томъ, къ чему привела или можетъ привести исторія этико-правовыхъ понятій. Въ общемъ, несомнѣнно, „Курсъ" проф. Коркунова весьма полезенъ и, по всей вѣроятности, найдетъ себѣ широкое примѣненіе въ университетскомъ преподаваніи. Это дастъ возможность автору сдѣлать въ слѣдующихъ изданіяхъ кое-какія поправки...—Э. Радловъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алекторовъ, Е. А.—Киргизская хрестоматія. Сборникъ статей для переводовъ на русскій языкъ, для классного и домашняго чтенія. Ч. I. Оренб. 98. Стр. 79.

Андреевъ, И.—Вольтеръ. По Коллини, Ваньеру, Штраусу и др. Перев. съ нѣм., п. р. Д. Протопопова. Спб. 99. Стр. 150. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Ѳ. К. Русскій лѣсъ. Т. II. ч. 1, съ 17 эстамп. и 125 гравюр. 2-е изд. Спб. 98.

Бальмонтъ, К.—Тишина. Лирическія поэмы. Стр. 150. 98. Ц. 1 р.

Б., В.—Сборникъ образцовъ диктанта, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей. Правописаніе согласовано съ руковод. Академіи Наукъ. Рига. 98. Стр. 200. Ц. 80 к.

Баранцевичъ, К. С.—Золотые дни. Разсказы и сказки. М. 98. Стр. 324. Ц. 75 к.

Блюмъ, *Боррисъ* и *Боркгаузенъ*.—Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Т. II. Верхнее строеніе желѣзныхъ дорогъ, съ 299 черт. въ текстѣ. Перев. Н. Д. Богуславскаго. Стр. 205. Т. III: Мастерскія, съ 119 рис. и 3 табл. Перев. В. С. Кноббе. Спб. 98. Стр. 143. Ц. 8 р. и 2 р. 50 к.

Бокъ. К. Э., д-ръ.—Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Настольная книга и руководитель семьи. Перев. д-ра С. Орѣчкина. Т. I. Спб. 98. Стр. 352. Подп. Ц. 4 р.

Бунинъ, Ив. А.—Подъ открытымъ небомъ. Стихотворенія. М. 98. Стр. 62.

Бюхеръ, К.—Четыре очерка изъ народнаго хозяйства. Перев. п. р. В. Э. Дена. Спб. 98. Стр. 44. Ц. 60 к.

Вальтеръ, В. Г.—Въ защиту искусства. Мысли музыканта по поводу статьи Л. Н. Толстого: „Что такое искусство?". Спб. 99. Стр. 62. Ц. 40 к.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XXVII и XXVIII (Бунаковъ-Бычковъ). Спб. 98. Стр. 289—384. Ц. 35. к.

Винаверъ, М. М.—Старыя и новыя вѣянія въ европейской адвокатурѣ. Спб. 98. Стр. 82.

Виноградовъ, П. Г.—О прогрессѣ. М. 98. Стр. 63. Ц. 30 к.

Гаршинъ, Всев.—Третья книжка разсказовъ. Съ приложеніемъ 2 портр. и біографіи.—А. М. Скабичевскаго. Изд. 5-е. Спб. 98. Стр. 277. Ц. 1 р.

Гатцукъ, А.—Календарь Крестный на 1899 годъ. М. 98. Стр. 63. Ц. 15 к.

Головинъ, К. (Орловскій).—Баловень счастья. Повѣсть. Спб. 98. Стр. 116. Ц. 60 к.

Гемань, Ф. — Пробужденіе еврейской націи. Путь къ окончательному рѣшенію еврейскаго вопроса. Перев. съ нѣм. Од. 98. Стр. 107. Ц. 40 к.

Герасимовъ, Н.—Путь къ истинѣ (Dhammapada). Изреченіе буддійской нравственной мудрости. Перев. съ предисловіемъ. М. 98. Стр. 100. Ц. 60 к.

Градовскій, А. Д. — Собраніе сочиненій. Т. I. Спб. 99. Стр. 419. Ц. 2 р. 50 к. Цѣна по подпискѣ за 9 томовъ—15 р.

Грыгаренко, Грыцько.—Наши люды на селп. Юрьевъ (Дерптъ). 98. Стр. 45. Ц. 15 к.

Гумиловичъ, Л. — Очеркъ исторіи соціологіи. Спб. 99. Стр. 130. Ц. 40 к. Перев. съ польск. Е. Леонтьевой.

Даль, В. И.—Полное собраніе сочиненій (Казака Луганскаго). Спб. 98. Стр. 399 (Безплатное приложеніе къ ж. „Новь").

——— Русскія сказки. Спб. 98. Стр. 312 (Тоже).

Дюкудрэ, Г.—Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени. Т. I. Перев. съ франц. А. Позенъ, п. р. А. Коропчевскаго, съ рис. въ текстѣ: М. 98. Ц. 1 р.

Зильберштейнъ, I.—Сводъ этики Iудаизма (по Библіи, Талмуду и раввинской письменности). Часть I. По Библіи. Варш. 99. Стр. 92. Ц. 40 к.

Зинченко, Николай.—Россія и Китай. Краткій историческій очеркъ русско-китайской торговли. Спб. 98. Стр. 16. Ц. 10 к.

Ибервегъ-Гейнце.—Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перев. съ 8-го нѣм. изд. Я. Колубовскій. Второе русск. изд., дополн. и передѣл. Вып. 1. Спб. 98. Стр. 320. Ц. 2 р. 50 к.

Iохельсонъ, В. И.—По рѣкамъ Ясачной и Карходану. Древній и современный юкагирскій бытъ и письмена. Спб. 98. Стр. 36.

Каронинъ (Н. Е. Петропавловскій). — Собраніе сочиненій. Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Т. I—II. М. 99. Стр. 714—733. Ц. 3 р.

Крыловъ, Викторъ.—Стихотворенія. Спб. 98. Стр. 215. Ц. 1 р. 50 к.

Кусаковъ, М. С. — Призрѣніе сиротъ крестьянскаго сословія въ 1-мъ уч. Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губ. Смол. 98. Стр. 74. Ц. 50 к.

Кузнецовъ. Н.—Къ фаунѣ „Macrolepideptera" псковской губерніи. Спб. 98. Стр. 47.

Лалаевъ, М. — Наши военно-учебныя заведенія, подъ главн. начал. в. кн. Михаила Николаевича. 1860-63 гг. Спб. 98. Стр. 80. Ц. 1 р.

Леруа-Болье, П. — Новыя англо-саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія, Южная Америка. Перев. съ франц. Спб. 98. Стр. 342. Ц. 2 р.

Лысовъ, А.—Народное образованіе въ Тюменскомъ округѣ въ 1897 г. Тюмень. 98. Стр. 25 in 4°.

Мамонтовъ, М. И. Указатель изданій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по сельско-хозяйственной и лѣсной части. Спб. 98. Стр. 179.

Маргеритъ, П. и В. — Пумъ. Изъ исторіи маленькаго мальчика. Пер. съ франц. Е. Н. Тихомировой. М. 98. Стр. 119. Ц. 35 к.

Марксъ, Карлъ. — Капиталъ. Критика политической экономіи. Т. I, кн. 1,

вып. 1. Процессъ производства капитала. Перев. съ 4-го нѣм. изд. подъ ред. П. Струве. Спб. 99. Стр. 300. Цѣна за оба вып. 3 р.

Меньшиковъ, М. О.—О писательствѣ. Спб. 98. Стр. 278. Ц. 1 р. 50 к.

Мельниковъ, П. И.—Полное собраніе сочиненій (Андрея Печерскаго). Спб. 98. Стр. 295 (Безплатное ежемѣсячное приложеніе къ ж. „Новь").

Микуличъ, В.—Черемуха.—Новенькая. Студентъ. Спб. 98. Стр. 250. Ц. 1 р.

——— Мимочка. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 266. Ц. 1 р.

——— Зарницы. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 225. Ц. 1 р.

Милль, Д. С.—Система логики, силлогистической и индуктивной. Перев. съ англ., п. р. В. И. Ивановскаго. Вып. V. М. 98. Стр. 449—608.

Михайловъ, И. В., д-ръ.—Вредныя послѣдствія раннихъ браковъ. М. 98. Стр. 26.

Независимый.—Этика обыденной жизни. Изд. 3-е. Спб. 99. Стр. 162. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, В. И.—На пути къ счастью. Ром. въ 2 ч. Спб. 98. Стр. 528. Ц. 1 р.

Немировъ, Г. А.—„Русь" и „Варягъ". Происхожденіе словъ. Замѣтки для выясненія древнѣйшей исторіи петербургскаго края. Спб. 98. Стр. 44.

Орловъ, Н. А.—Походъ Суворова въ 1799 г. По запискамъ Грязева. Спб. 98. Стр. 211. Ц. 2 р.

Панцеръ, Г., д-ръ. — Женщина. Разборная модель тѣла женщины. 26 отдѣльныхъ частей въ краскахъ, съ пояснительн. текстомъ и 8 рис. Перев. д-ръ А. Фейнбергъ. Спб. 98. Ц. 1 р.

Плоссъ, Г., д-ръ.—Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе. Перев. съ 5-го нѣм. изд., дополн. и переработан. д-ромъ М. Бартельсомъ, п. р. д-ра А. Фейнберга. Вып. 1—5. Спб. 98. Стр. 320. Цѣна по подп. 10 р.

Покровская, М. И.—Улучшеніе жилищъ рабочихъ въ Англіи. Спб. 99. Стр. 111. Ц. 60 к.

Порфировъ. П.—Кв. Горацій Флаккъ. Оды. Кн. 1. Перев. въ стихахъ, съ примѣч. Спб. 98. Ц. 50 к.

Потапенко. И. Н.—Два таланта. Повѣсть, съ рис. М. 98. Стр. 153. Ц. 50 к.

Прустъ, А., и *Балла*. Г. — Гигіеническое леченіе неврастеніи. Перев. съ франц. М. Петрункевича. М. 99. Стр. 251. Ц. 1 р.

Пѣтуховъ, С. П.—Стеклодѣліе. Руководство для производства бутылочнаго, листового, посуднаго и прочаго стекла, съ изложеніемъ теоретическихъ данныхъ для заводской практики. Съ 198 рис. въ текстѣ. Спб. 98. Стр. 315. Цѣна 3 р. 20 к.

Регель, Э., д-ръ.—Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Ч. I. Отдѣлъ общій и выгонка. Изд. 7-е, вновь обработанное Р. Э. Регелемъ. Съ 408 политипажами. Спб. 98. Стр. 581. Ц. 3 р.

Саводникъ, В. Ѳ.—Стихотворенія. 1891—1898 гг. М. 98. Стр. 156. Ц. 1 р.

Слюсаренко, О. В. — Указатель текущей педагогической литературы за 1898 г. Вып. 1. М. 98. Стр. 117.

Сорель, А.—Монтескье. Перев. съ франц. П. Виноградова. Спб. 98. Стр. 140. Ц. 40 к.

Суперанскій. М. Ѳ. — Симбирскъ и его прошлое (1648—1848 гг.). Историческій очеркъ. Симб. 98. Стр. 30. Ц. 15 к.

Сѣрошевскій В.—Матросы корабля „Надежда". Съ 10 рис. Спб. 99. Стр. 80. Ц. 35 к.

Фаминцынъ, А.—Современное естествознаніе и психологія. Спб. 98. Стр. 216. Ц. 1 р.

Фингеръ, Э., проф.—О наслѣдственномъ сифилисѣ. Съ нѣм. подъ ред. д-ра П. Крушеле. Харьк. 99. Ц. 80 к.

Финдейзенъ, Ник. — Каталогъ нотныхъ рукописей, писемъ и автографовъ М. И. Глинки, хранящихся въ рукописномъ Отдѣленіи Имп. Публ. Библіотеки въ Спб.. съ приложеніемъ описанія рукописей и предметовъ, находящихся въ томъ же Отдѣленіи, касающихся жизни и дѣятельности Глинки. Спб. 98. Стр. 133. Ц. 3 р.

Фойницкій, И. Я.—Курсъ уголовнаго судопроизводства. Т. II, вып. 2: Движеніе процесса. Спб. 98. Стр. 178.

Фортунатовъ, А. Ѳ.—Населеніе и хозяйство Австраліи. М. 98. Стр. 46. Ц. 25 к.

Франкъ, Луи.—Охрана материнства. Перев. съ франц. д-ра А. Рахманова съ предисл. проф. А. Макѣева. М. 98. Стр. 96.

Фругъ. С. Г.—Стихотворенія. Т. II и III. Спб. 98. Стр. 254 и 288. Ц. 1 р. 50 к. и 1 р. 25 к. За три тома 4 р. 50 к.

Цуриковъ, Я.—Природныя богатства Тифлиса. Тифл. 98. Стр. 37.

Шантени-де-ла-Шоссей, Д. Л.—Иллюстрированная исторія религій. Перев. съ нѣм. п. р. В. Линдъ. Вып. 6. Спб. 98. Стр. 80.

Шимкевичъ, В.—Популярные біологическіе очерки. Съ 65 рис. и 4 портр. Спб. 98. Стр. 203. Ц. 1 р. 25 к.

Шоу, Альб.—Городскія управленія въ западной Европѣ. Съ англ. А. Бяловескій. М. 99. Стр. 651. Ц. 2 р. 50 к.

Шумахеръ, Ар.—Указанія по вопросу о народныхъ чтеніяхъ, организуемыхъ попечительствами о народной трезвости. Спб. 98. Стр. 42.

Юндша, Климентсъ.—Еврейскій Донъ-Кихотъ. Произведеніе еврейской жаргонной литературы. Перев. съ польскаго В. Ф. Бородзичъ. Каз. 99. Стр. 104. Ц. 80 к.

Энгельмейеръ, П. К. — Критика научныхъ и художественныхъ ученій гр. Л. Н. Толстого. М. 98. Стр. 71. Ц. 35 к.

——— Техническій итогъ XIX-го вѣка. М. 98. Стр. 107. Ц. 80 к.

Bełza, Stan.—Brzegami Bosny i Narenty. Варш. 99. Стр. 307.

Raphael-Baury.—Mariage sur le tard. Roman. Par. 98. Стр. 342. Ц. 3 фр. 50 сант.

— Архивъ Клиники внутреннихъ болѣзней. С. П. Боткина. Т. XIII, за 1888—89 гг. Спб. 90. Стр. 156. Ц. 2 р.

— Горное дѣло и металлургія на Всероссійской промышленной и художественной выставкѣ 1896 г. въ Н.-Новгородѣ. Вып. 6, группа II: Желѣзо. П. р. Н. Нестеровскаго. Спб. 98. Стр. 764.

— Данныя для учета доходности мелкихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ Москвѣ. По работамъ столичныхъ податныхъ инспекторовъ и торговыхъ депутатовъ. М. 98. Стр. 82.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 окт. 1897 г. по 1 окт. 1898 г. Подъ ред. директора Коллегіи Я. І. Степовича. Кіевъ. 98. Стр. 298.

— Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе, предпринятое съ Высочайшаго соизволенія Имп. Общ. поощр. художествъ въ Спб., п. р. Н. П. Собко. № 1 и 2: октябрь и ноябрь 1898. Стр. 136. Ц. 2 р. Подп. ц. 6 р. безъ доставки.

— Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Вып. XXII. Спб. 98. Стр. 391 и 197.

— Общедоступныя изданія Новгородскаго уѣзднаго земства. № 8. О выдѣлкѣ черепицы и кирпичей; огнестойныя крыши и строенія. № 9: Приспособленія для необходимаго оздоровленія жилыхъ помѣщеній, инж. Кржиштеловича. Новг. 98.

— Описаніе отдѣльныхъ русскихъ хозяйствъ. Министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Вып. I—VIII: Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Рязанская, Саратовская и Тамбовская губерніи. Спб. 98.

— Полный каталогъ волшебныхъ фонарей для непрозрачныхъ картинъ на бумагѣ, изобрѣтеніе полковн. артилл. Малиновскаго. М. 98. Стр. 112. Ц. 20 к.

— Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. III: Великая пустыня и описаніе Сахары. Состав. С. Круковская. Съ 22 рис. Спб. 98. Стр. 94. Ц. 40 к.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Вып. IV. 1898. Мин. ин. дѣлъ. Спб. 98. Стр. 271—356. Ц. 75 к.—вып.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1897 г. Съ приложеніемъ докладовъ и отчетовъ Губернской Управы. Новг. 98.

— Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды Юридическаго Общества, состоящ. при Имп. Москов. унив. и его статистич. отдѣленія. Т. VIII. М. 98. Стр. 295 и 96.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1896—97 гг. Вят. 98. Стр. 120.

— Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія. Въ память имп. Александра III. Кн. 2. Спб. 98, Стр. 384. Ц. 2 р.

— Теорія государства у славянофиловъ. Сборникъ статей И. С. и К. С. Аксаковыхъ, Аѳ. В. Васильева, А. Д. Градовскаго, Ю. Ѳ. Самарина и С. Ѳ. Шарапова. Спб. 98. Стр. 95.

— Труды Коммиссіи по вопросу объ организаціи земско-статистическихъ оцѣночныхъ изслѣдованій. Февр. 1898. М. 98. Стр. 193.

— Труды Коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ, и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Журналы засѣданій и доклады Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. Вып. 1. Спб. 98.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Adolphe Brisson. Pointes sèches. Paris, 1898. Стр. 360.

„Pointes sèches“—третья книга, которую Адольфъ Бриссонъ посвящаетъ современнымъ французскимъ дѣятелямъ въ самыхъ различныхъ областяхъ духовной жизни. Прозаики и поэты, политики, журналисты, актеры и актрисы составляютъ его галерею сжато, но твердо написанныхъ портретовъ. Онъ старается передать въ нихъ не только духовный, но и физическій обликъ писателя или артиста, и говоритъ поэтому лишь о тѣхъ парижскихъ знаменитостяхъ, которыхъ имѣлъ случай часто наблюдать, бесѣдуя съ ними наединѣ или встрѣчая ихъ въ обществѣ. Такая портретная живопись весьма отлична отъ обычныхъ пріемовъ критики, которая имѣетъ дѣло съ творчествомъ художника, не принимая, большею частью, во вниманіе личность писателя, его внѣшнюю обстановку, привычки и т. д. Но если Бриссона,—съ его манерой опредѣлять писателя нѣсколькими бѣглыми штрихами,—нельзя назвать литературнымъ критикомъ, то во всякомъ случаѣ его родъ письма—очень полезное пособіе для критиковъ. Бриссонъ умѣетъ схватить быстро мѣняющуюся физіономію французской жизни въ тотъ или другой опредѣленный моментъ, и приготовляетъ тѣмъ матеріалъ для будущаго историка даннаго момента.

Но и не для будущаго историка, а для современнаго читателя книга Бриссона представляетъ интересъ, благодаря тому, что въ ней собраны очерки о наиболѣе интересныхъ новыхъ писателяхъ, и самые эти очерки, благодаря своему характеру непринужденной бесѣды, вводятъ читателя въ духовную атмосферу французской жизни. По книжкѣ Бриссона иностранный читатель составитъ себѣ иногда болѣе полное представленіе объ интеллектуальномъ Парижѣ, чѣмъ по болѣе серьезнымъ чисто критическимъ очеркамъ. Бриссонъ знакомитъ съ писателями, какъ въ обществѣ знакомятъ съ новоприбывшими гостями. Это своего рода „introducteur des ambassadeurs“ и въ такомъ качествѣ онъ и занимаетъ видное положеніе во французской журналистикѣ. Салонъ, въ который онъ вводитъ литературныхъ гостей—газета „Temps“; въ ней появлялись отдѣльные очерки и бесѣды его прежде, чѣмъ онъ собралъ ихъ въ томикъ освященнаго обычаемъ формата. И

предъидущія книжки Бриссона: „La comédie littéraire“ и три серіи „Portraits intimes“, составились изъ такихъ же очерковъ,—и во всѣхъ этихъ книгахъ французская современность изображена съ легкой манерой, удобной для читателя нашихъ дней, которому нѣтъ времени углубляться въ произведенія искусства. Самый родъ критики, который избралъ и такъ успѣшно развилъ Бриссонъ—продуктъ новѣйшей французской культуры. Всѣ хотятъ знать все, что̀ происходитъ въ мірѣ идей, но рѣдко кто углубляется въ самостоятельное изученіе того, что̀ создается писателями и мыслителями. Нужны резюмѐ, „послѣднія слова“. Кромѣ того, публика интересуется физіономіей писателя, его привычками жить—и вотъ эти потребности вызвали къ жизни нѣчто среднее между репортерствомъ и критикой. Бриссонъ—одинъ изъ талантливыхъ представителей этого рода, и книги его поэтому имѣютъ успѣхъ и у публики, и у его собратьевъ по перу.

Прежнія книжки Бриссона носили преимущественно хвалебный характеръ. Бриссонъ платилъ за любезность принимавшихъ его у себя писателей комплиментами ихъ таланту. Въ „Pointes sèches“ онъ однако измѣнилъ своей привычкѣ къ похваламъ, и во многихъ очеркахъ книги проглядываетъ скептическая и даже ироническая нота по отношенію къ нѣкоторымъ любимцамъ толпы. Такъ, Эмиль Бержера̀, ядовитый шутникъ, не знающій преграды своимъ нападкамъ и остроумнымъ выходкамъ, выходитъ на портретѣ Бриссона далеко не тѣмъ добродушнымъ весельчакомъ, какимъ его принято считать. Бриссонъ менѣе всего умаляетъ талантъ Бержера̀, и въ краткихъ чертахъ рисуетъ его блестящую литературную карьеру. Бержерра̀ былъ, по словамъ Бриссона, баловнемъ счастья съ молодыхъ лѣтъ. Онъ, правда, провалился на экзаменѣ на степень баккалавра, но тогда же написалъ одноактную пьесу, которая сразу была принята въ „Comédie Française“. Въ семнадцать лѣтъ онъ уже пожиналъ лавры драматурга. Ни Александръ Дюма, ни Ожье́, ни Пальеронъ, не могли похвастать столь раннимъ успѣхомъ. Потомъ Бержера̀ обратился къ журналистикѣ. Онъ сталъ писать въ „Figaro“, съ 1864 г., за подписью „Jean Rouge“, потомъ сотрудничалъ въ „Gaulois“, въ „Voltaire“, „Bien Public“ и другихъ газетахъ. Тамъ онъ брался за всѣ сюжеты, пробовалъ свои силы во всѣхъ литературныхъ родахъ, писалъ сказки, романы, статьи объ искусствѣ, сатиры, бытовые очерки. Его живость, блестящее остроуміе и въ особенности виртуозный стиль дѣлаютъ его первокласснымъ юмористомъ. „Бержера̀,—говоритъ Бриссонъ,—настоящій Стернъ, только менѣе флегматичный, почти Раблэ, только безъ его философскаго ума и здраваго смысла. Что касается здраваго смысла, то, уже начиная съ этихъ поръ, Бержера̀ не изъявляетъ никакихъ притязаній на него. Бержера̀ презираетъ здравый смыслъ. Онъ самъ является какъ бы

парадоксомъ, воплощеннымъ въ образѣ человѣческомъ. Ему нравятся шутливыя разсужденія, которыя держатся на остріѣ, подобно шапкамъ клоуна". Но, отдавъ должное таланту Бержерà, Бриссонъ набрасываетъ тѣнь на чистоту его намѣреній и доказываетъ, что большинство полемикъ у Бержерà порождены его личными неудачами. Если онъ ведетъ аттаку противъ театровъ, директоровъ театровъ и въ оообенности противъ драматурговъ, пользующихся успѣхомъ у публики, то это потому, что онъ самъ—авторъ „Capitaine Frakasse", не принятаго въ „Одеонѣ"; если онъ врагъ академіи и почетнаго легіона, то и это имѣетъ свои личныя причины. Такимъ представляется талантливый юмористъ его скептическому поклоннику.

Такой же двойственностью отмѣченъ въ книгѣ Бриссона портретъ Жоржа Онэ. Бриссонъ выступаетъ какъ бы защитникомъ Онэ противъ травли, которая, съ легкой руки Жюля Лемэтра, началась противъ автора „Maître de Forges". Бриссонъ видитъ въ этомъ походѣ противъ любимца средней публики отчасти ловкій пріемъ критика, только-что выступившаго тогда въ литературѣ. Когда Лемэтръ писалъ свою жестокую статью, онъ въ ней извинялся за то, что, говоря о литературѣ, занимается Жоржемъ Онэ; онъ повиновался различнымъ мотивамъ и выказалъ, между прочимъ, нѣкоторое коварство. Онъ былъ молодъ, стремился къ славѣ и считалъ, что низверженіемъ какого-нибудь кумира онъ сразу составитъ себѣ громкое имя. Жоржъ Онэ оказался намѣченной имъ жертвой. Бриссонъ считаетъ несправедливымъ огульное осужденіе всѣхъ романовъ Онэ и имѣетъ смѣлость утверждать—послѣ Лемэтра и Анатоля Франса, указавшаго Онэ мѣсто „внѣ литературы",—что „Maître de Forges" имѣетъ литературныя достоинства. Колоссальный успѣхъ этого романа Бриссонъ объясняетъ реакціей противъ натурализма и тѣмъ, что авторъ „Maître de Forges" въ достаточной мѣрѣ удовлетворялъ потребностямъ средней публики въ „идеализмѣ и чувствительности". Но помимо дешеваго идеализма, удовлетворявшаго среднюю публику, Бриссонъ находитъ болѣе серьезныя качества въ романѣ Онэ,—искусную интригу, пластичность въ обрисовкѣ характеровъ, живость дѣйствія, дающаго иллюзію жизни. Романъ Онэ, конечно, обладаетъ этими качествами, но они не спасаютъ его отъ пошлости, характеризующей всѣ произведенія Жоржа Онэ. При всемъ желаніи возстановить литературное имя романиста, уничтоженнаго приговорами нѣсколькихъ критиковъ, Бриссонъ не можетъ долго удержаться въ роли защитника. Защищая „Maître de Forges", онъ приноситъ въ жертву всѣ другіе романы Онэ: „Comtesse Sarah", „Volonté", „Lise Fleuron" и другіе, и сосредоточиваетъ на нихъ тѣ нападки, которыя обыкновенно направляются на всѣ романы Онэ безъ исключенія. Переходя на болѣе естественный для него тонъ порица-

нія, Бриссонъ указываетъ на стиль Онэ, какъ на главную причину его литературной несостоятельности. Онъ приводитъ множество образчиковъ языка изъ романовъ Онэ. По нимъ видно, до чего Онэ не владѣетъ даромъ изображать словомъ. Онъ употребляетъ въ описаніяхъ самыя общія опредѣленія, говоря, что отель какого-нибудь графа или князя былъ „феерически“ освѣщенъ, что „оживленная, веселая“ толпа двигалась въ „опьяняющей“ атмосферѣ, при звукахъ „упоительной“ музыки и т. д. Очевидно, что подобнаго рода описанія не могутъ вызвать никакого образа въ воображеніи читателя. А такимъ языкомъ, пестрящимъ самыми расплывчатыми, лишенными всякой картинности выраженіями („Ея розовый ротикъ имѣлъ нѣжныя очертанія ликовъ мадоннъ“... „Мадамъ Д. имѣла „прелестную“ квартиру, „дивную“ обстановку и т. д.) написаны всѣ романы. Обличивъ бѣдность языка и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе художественности у Онэ, Бриссонъ уже не имѣетъ возможности продолжать предпринятую имъ защиту. Онъ даже забываетъ свою роль защитника и позволяетъ себѣ шутить надъ своимъ кліентомъ: „Насъ увѣряютъ“,—говоритъ онъ,—„что имя Жоржа Онэ, утратившее прежнюю популярность во Франціи, широко пользуется ею въ южной Америкѣ. Слава этого писателя подобна солнцу: заходя на одномъ пунктѣ земного шара, она поднимается у антиподовъ. Можетъ быть, она вернется озарять Францію, свершивъ кругосвѣтное путешествіе“. Конечно, участь писателя, который вызываетъ подобныя шутки даже у своихъ сторонниковъ, не завидна.

Бриссонъ останавливается въ своихъ очеркахъ на нѣкоторыхъ другихъ любимцахъ публики. Таковы, напр., романистъ Марсель Прево и знаменитый своими „mots“ журналистъ Орельенъ Шолль (Aurélien Sholl). Бриссонъ признаетъ талантъ Прево, но очень справедливо доказываетъ, что той новизны, которую Прево самъ себѣ приписываетъ, въ его романахъ совершенно нѣтъ, и что весь характеръ его произведеній противоположенъ намѣреніямъ, высказаннымъ въ его предисловіяхъ. Одаренный тонкимъ пониманіемъ современности и нарождающихся въ обществѣ вкусовъ и требованій, Прево понялъ въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, что публика устала отъ романовъ, въ которыхъ „ничего не происходитъ“, и что близка реакція противъ реализма, дающаго сухую и обезцвѣченную картину дѣйствительности. Прево хотѣлъ стать во главѣ литературнаго движенія, отвѣчающаго новымъ требованіямъ. Онъ вступился за „попранныя права воображенія“ въ романѣ, и, написавъ романъ въ новомъ родѣ, обратился къ Александру Дюма съ просьбой присоединить къ нему предисловіе-манифестъ. Въ такихъ условіяхъ возникъ романъ „La Confession d'un amant“, ставшій предметомъ ожесточенной полемики. Прево выдумалъ и названіе для вызваннаго имъ къ жизни литературнаго жанра: „La

Confession d'un amant" названа была „романтическимъ романомъ". Прево говорилъ въ предисловіи: „я увидѣлъ никѣмъ не занятый стулъ и сѣлъ на него". Молодому писателю не замедлили указать, что „незанятый стулъ" на самомъ дѣлѣ служилъ уже многимъ писателямъ, что Андрэ Терье́, Гекторъ Мало, Шербюле́ и нѣсколько другихъ авторовъ писали такіе же „романтическіе романы", какъ и онъ. Но Прево не уступалъ своихъ правъ на роль новатора и продолжалъ быть въ собственныхъ глазахъ и по мнѣнію публики созидателемъ новаго или во всякомъ случаѣ возобновленнаго „романтическаго романа". Бриссонъ доказываетъ, что это новаторство Прево—мнимое, что „романтическій романъ", рисующій пропасть между идеалами человѣка и его дѣйствительной жизнью, всегда существовалъ. Кромѣ того, Прево въ своихъ романахъ идетъ въ разрѣзъ съ обѣщаніями, которыя онъ даетъ въ предисловіяхъ. Желая избѣгнуть и слащавости всецѣло выдуманныхъ сюжетовъ, и сухости научныхъ анализовъ, т.-е. держаться по срединѣ между отвлеченностями романтизма и грубостью натурализма, Прево даетъ торжественное обѣщаніе, что въ книгахъ его не будетъ ни „разоблаченій, касающихся мало изслѣдованныхъ классовъ населенія, ни примѣненій различныхъ медицинскихъ теорій или метафизическихъ открытій". А между тѣмъ „Demi-Vierges"—именно этюдъ неизслѣдованнаго общественнаго класса, разоблаченіе, касающееся нравовъ исключительной среды. Въ „Lettres de femmes" у Прево всѣ очерки посвящены далеко не здоровымъ натурамъ съ нормальной психологіей, а опять-таки исключительнымъ, полу-истеричнымъ женщинамъ, которыя ищутъ искусственнаго возбужденія нервовъ и обладаютъ очень своеобразными вкусами. Прево обнаружилъ такимъ образомъ совершенно иныя литературныя свойства, чѣмъ тѣ, которыя нужны для созидателя чувствительнаго „романтическаго романа". „Прево,—говоритъ Бриссонъ, резюмируя свой обстоятельный очеркъ объ этомъ романистѣ,—разсудочный, холодный и чуждый состраданія скептикъ. Его рѣдко что-либо трогаетъ. Въ его романахъ нѣтъ любви, озаряющей творчество Мопассана. И все-таки онъ нравится и производитъ обаятельное впечатлѣніе. Грація художника скрадываетъ рѣзкость мыслителя; Прево—первоклассный прозаикъ. Языкъ его—сочный, прозрачный, звучный и напоминаетъ своимъ богатствомъ стиль Жоржъ-Зандъ. Онъ не миніатюристъ, подобно Альфонсу Додэ, и не заботится о законченности и отдѣлкѣ отдѣльныхъ „morceaux". Нельзя выдѣлить изъ его произведеній картинъ, имѣющихъ самостоятельный интересъ. Описанія, портреты, отступленія, вплетены въ разсказъ, развивающійся очень оживленно и быстро. Марсель Прево весь отражается въ своемъ стилѣ. Не будучи наиболѣе чувствительнымъ изъ современныхъ писателей, онъ—одинъ изъ самыхъ умныхъ среди нихъ".

Умнымъ писателемъ иного рода является и Орельенъ Шолль, блестящій представитель чисто парижскаго бульварнаго ума. Бриссонъ обрисовываетъ въ краткихъ чертахъ карьеру этого талантливаго журналиста, какъ бы созданнаго самой природой для того, чтобы царить въ литературныхъ кофейняхъ своими мѣткими и остроумными изреченіями и питать парижскую прессу своими „mots". Какъ всѣ лучшіе парижане, Шолль родился въ провинціи. Его родина—Бордо. Жажда славы привлекла его въ Парижъ еще въ очень юномъ возрастѣ. Поборовъ всѣ домашнія препятствія, заручившись небольшой суммой денегъ, онъ добрался въ дилижансѣ до Парижа. „Шолль инстинктивно направился прямо къ „Boulevard des Italiens",—повѣствуетъ въ шутливомъ тонѣ Бриссонъ,—и передъ ярко освѣщеннымъ крыльцомъ ресторана Тортони услышалъ внутренній голосъ, возвѣщавшій ему: здѣсь ты будешь царить! Шолль попалъ сразу въ кругъ журналистовъ остроумныхъ и легкомысленныхъ отчасти по природѣ, отчасти по цензурнымъ условіямъ, затруднявшимъ во времена имперіи серьезное обсужденіе важныхъ вопросовъ дня. Его ближайшими товарищами и единомышленниками были: весельчакъ Шарль Монслѐ, авторъ беззаботныхъ застольныхъ пѣсенъ, Эдмонъ Абу, Сарсэ, Кларти, Рошфоръ. Шолль сталъ писать сначала въ „Naïade", „Satan", „Nain Jain" и наконецъ перешелъ въ „Figaro" и сразу сталъ знаменитымъ, наполняя нѣсколько разъ въ недѣлю столбцы газеты остроумной болтовней на всевозможныя темы. Предметъ бесѣды былъ для него безразличенъ, но таково было мастерство его манеры, что имя его сразу окружено было легендой. Дуэли, полемики, еще болѣе возвеличили его славу, и Шолль сдѣлался даже законодателемъ моды. Онъ ввелъ въ употребленіе монокль, очень импонирующій толпѣ, благодаря дерзкому, вызывающему виду, который онъ придаетъ лицу. Было рѣшено, что всякій журналистъ, не интересующійся исключительно одной политической экономіей, долженъ непремѣнно носить монокль. И по примѣру Шолля всѣ стали носить монокли.

Шолль не довольствовался писаніемъ своихъ хроникъ въ „Фигаро". Онъ изощрялъ свое остроуміе и въ живой бесѣдѣ, ежедневно появляясь въ опредѣленные часы въ своемъ café и тамъ поражая собесѣдниковъ цѣлымъ фейерверкомъ изреченій и эпиграммъ, очень мѣткихъ и злыхъ. Такъ создавались остроты, расходившіяся потомъ по всему Парижу. Конечно, при этомъ Шоллю приписывалось много такого, чего онъ никогда не произносилъ. Въ настоящее время Шолль —уже убѣленный сѣдинами старикъ, но, по свидѣтельству Бриссона, онъ еще сохранилъ неизсякаемую веселость прежнихъ лѣтъ, соединенную съ доброжелательнымъ, мягкимъ отношеніемъ къ людямъ.

Отдавая дань почтенія писателямъ прежнихъ поколѣній, доживаю-

щихъ свой вѣкъ среди совершенно иначе воспитаннаго и настроеннаго поколѣнія, Бриссонъ удѣляетъ въ своей книгѣ много мѣста молодымъ. Интересны портреты Гюисманса, Жоржа Куртелэна, автора остроумной и тонко задуманной комедіи „Boubouroche“, поэта Анри Ренье, драматурговъ Бека, Порто-Риша и другихъ.

Въ общемъ, новая книга Бриссона, какъ и предъидущія, интересна обиліемъ свѣдѣній о писателяхъ новыхъ и старыхъ, доживающихъ свой вѣкъ или вступающихъ въ кругъ бойцовъ. Интересны эти очерки еще и тѣмъ, что всѣ они проникнуты однимъ духомъ и отражаютъ очень полно современную умственную жизнь Франціи.

II.

Jules Renard. Bucoliques. Paris, 1898. Стр. 341.

Жюль Ренаръ создалъ особый жанръ во французской литературѣ послѣднихъ лѣтъ. Общему стремленію къ утонченности, къ психологическому анализу, доведенному до мельчайшихъ оттѣнковъ, онъ противопоставилъ изображеніе природы, предметовъ внѣшняго міра, простой и тихой жизни, въ которой ничего не происходитъ. Въ противоположность „городскому“ характеру большинства современныхъ писателей, произведенія Жюля Ренара обнаруживаютъ любовь къ полямъ и лѣсамъ, духовную близость къ зрѣлищамъ природы. „Онъ самъ называетъ себя „охотникомъ за òбразами и впечатлѣніями“, т.-е. за тѣмъ, что̀ внѣшній міръ даетъ взорамъ художника. Противоположная потребность—жажда познать себя, проникнуть въ глубь собственной души, постичь всѣ ея движенія—питается сложными переживаніями среди культурнаго общества; художникъ же, чуткій къ тому, что̀ внѣ его, ищетъ красоты въ непосредственномъ общеніи съ природой. Много разъ во французской литературѣ возникало стремленіе внести внѣшнюю природу въ искусство. Романтизмъ обязанъ своимъ успѣхомъ возрожденію чувства природы. Руссо, Шатобріанъ, Жоржъ-Зандъ боролись противъ привычекъ французскаго ума, болѣе склоннаго къ разсудочному искусству, къ психологическому анализу и философскимъ обобщеніямъ, чѣмъ къ непосредственной поэзіи, воплощенной въ природѣ. Но уже у позднѣйшихъ представителей романтической школы чувство природы измѣнилось, стало болѣе условнымъ и постепенно переходило въ экзотизмъ, т.-е. опять-таки въ болѣе отвлеченное увлеченіе невѣдомыми, воображаемыми красотами чуждыхъ странъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи литературной жизни во Франціи природа все болѣе отходитъ на второй планъ. Люди—отдѣльная личность и общественныя группы—поглощаютъ вниманіе

романистовъ и драматурговъ, и въ поэзіи проявляется такое же тяготѣніе къ тому, что̀ скрыто въ чувствахъ и настроеніяхъ людей, а не воплощено въ зрѣлищахъ внѣшней природы.

Въ новѣйшей французской литературѣ отчужденность отъ природы еще усилилась; предметы внѣшняго міра, зрѣлища внѣшней природы, не интересуютъ сами по себѣ, а лишь какъ отраженія человѣческихъ настроеній; даже анализъ чувствъ и страстей носитъ у новѣйшихъ писателей болѣе отвлеченный характеръ, какъ будто бы не самъ человѣкъ—наиболѣе достойный предметъ искусства, а то, что̀ онъ безсознательно воплощаетъ собой—его отношеніе къ основамъ жизни.

Среди этого отвлеченнаго искусства, свѣжее, проникнутое любовью къ жизни, дарованіе Жюля Ренара составляетъ отрадное исключеніе. Жюль Ренаръ не примыкаетъ ни къ одной изъ новѣйшихъ литературныхъ школъ и не имѣетъ ни учителей, ни послѣдователей среди писателей современной Франціи. Онъ наблюдаетъ природу и выноситъ изъ этихъ наблюденій очень своеобразныя поэтическія настроенія. Деревенскія идилліи Ренара совершенно иного типа, чѣмъ обычныя описанія природы и восхищенія ея красотами. Ренаръ не отдѣляетъ себя, зрителя, отъ жизни природы, и поэтому не восторгается тѣмъ, что̀ видитъ, не описываетъ своихъ états d'âme. Онъ какъ будто сливается съ жизнью природы, и неодушевленныя зрѣлища внѣшняго міра кажутся ему проникнутыми столь же глубокой жизнью, какъ его собственная личность. Такъ, въ одномъ разсказѣ—„Une famille d'arbres"—онъ говоритъ о семьѣ деревьевъ, какъ о чемъ-то живомъ, и рисуетъ подробности этой вѣковой жизни: „Я могу приблизиться къ нимъ, только пройдя черезъ изсушенную солнцемъ долину. Они не живутъ у самой дороги изъ боязни шума, а селятся на невоздѣланныхъ поляхъ вблизи водъ, какъ одинокія птицы. Издали они кажутся непроницаемыми, но какъ только я приближаюсь, стволы ихъ разступаются. Они принимаютъ меня съ осторожностью. Мнѣ хочется отдохнуть, освѣжиться, но я догадываюсь, что они слѣдятъ за мной и не довѣряютъ мнѣ. Они живутъ семьями,—самыя старыя по срединѣ, а молодыя, у которыхъ только начинаютъ пробиваться первые листки, разбросаны вокругъ, только не слишкомъ удаляясь отъ центра. Они умираютъ долго, и мертвецы ихъ продолжаютъ стоять, пока не разсыплются въ пыль. Они ощупываютъ другъ друга своими длинными вѣтвями, какъ бы для того, чтобы убѣдиться ощупью, какъ слѣпые, что всѣ на лицо. Они гнѣвно размахиваютъ вѣтвями, когда вѣтеръ пытается вырывать ихъ изъ земли. Но между собой они никогда не спорятъ и всегда согласно шелестятъ. Я чувствую, что они—настоящая семья". Въ этомъ сліяніи съ безмолвной

природой проявляется новый видъ пантеизма,—не прежнее стремленіе одухотворить природу, отыскивая скрытое въ ней божество, а нѣчто болѣе смиренное и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтичное,—пониманіе природы душой, непосредственное, чуждое разсудочности сліяніе съ ней. Ренаръ—не философъ; онъ не пытается подчинить природу разуму; повинуясь инстинктивному влеченію къ ней, онъ видитъ себя только такой же частицей мірозданія, какъ все вокругъ него. Онъ всѣмъ своимъ существомъ чувствуетъ стихійность своего существа—и она становится источникомъ его поэтическихъ вдохновеній. Ренаръ написалъ цѣлый рядъ разсказовъ о природѣ, и въ нихъ его пантеизмъ новаго типа выясняется со всей своей твердостью, смиреніемъ, спокойствіемъ и, главное, поэзіей. Въ „Vigneron dans sa vigne“, „Histoires naturelles“, „Les Roses“ и въ только-что вышедшемъ томикѣ „Bucoliques“ жизнь природы рисуется слитно съ жизнью людей, столь же драматичная, съ такими же индивидуальными чертами и столь же стихійная вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и жизнь человѣческая.

Природа, играющая первостепенную роль въ творчествѣ Ренара, не исчерпываетъ его однако. Отъ болѣзненныхъ лѣсовъ и водъ идиллическій художникъ переходитъ къ картинамъ деревенской жизни, въ которой въ одинаковой степени участвуютъ домашнія животныя и люди; и эта совмѣстность жизни, это общее слѣдованіе требованіямъ природы, открытая жизнь безъ всякихъ стѣсненій, преградъ и осложненій городской культуры, не унижаетъ человѣка, а напротивъ, дѣлаетъ его свободнымъ и даетъ ему ясность духа. Поэтическое изображеніе этой инстинктивной жизни чуждо всякой такъ-называемой „толстовщины“, всякаго принципіальнаго возвращенія къ землѣ во имя нравственныхъ требованій. Ренаръ только описываетъ то, что̀ онъ видитъ, что̀ радуетъ его взоръ и питаетъ воображеніе, влюбленное въ зрѣлища природы.

Въ послѣднихъ своихъ книгахъ Ренаръ начинаетъ изображать по преимуществу людей съ болѣе обособленной и сложной психологіей, чѣмъ сельское населеніе, сливающееся въ своихъ потребностяхъ и привычкахъ съ безмятежнымъ существованіемъ природы и животныхъ. Но, включивъ культурную жизнь города въ область своихъ наблюденій, Ренаръ не могъ стать исповѣдникомъ свѣтскихъ дамъ и праздныхъ фатовъ, на подобіе другихъ французскихъ романистовъ-психологовъ. Нельзя относиться одинаково и къ тишинѣ деревьевъ, и къ шумихѣ любовныхъ драмъ, разыгрывающихся среди суеты пустой жизни съ ея призрачной сложностью. Очевидно, Ренаръ долженъ былъ отмежевать себѣ въ изображеніи современной жизни уголокъ, куда еще не заглядывалъ любопытствующій взоръ психологовъ. Такую область Ренаръ нашелъ, изучая дѣтскую душу. Ребенокъ по природѣ—инстинк-

тивное существо, и это дѣлаетъ его близкимъ художнику, отзывчивому ко всѣмъ проявленіямъ жизни, какъ бы они ни были различны по практическому значенію. Ренаръ не дѣлаетъ различія между тѣмъ, что̀ считается важнымъ и неважнымъ у людей, и поэтому онъ съ особымъ мастерствомъ рисуетъ душу ребенка, воспріимчивую ко всѣмъ впечатлѣніямъ внѣшней жизни. Но дѣти, интересующія Ренара, живутъ не простой жизнью полей. Они осуждены воспринимать впечатлѣнія искусственной культурной сферы, откликаться на явленія, чуждыя ихъ инстинктивной чистотѣ и природнымъ простымъ чувствамъ. На этихъ контрастахъ инстинктивной жизни и невольнаго участія въ искусственной атмосферѣ городской жизни со всѣми ея условностями Ренаръ строитъ драматизмъ своихъ дѣтскихъ разсказовъ. Онъ создалъ въ „Poil de carotte“ оригинальный типъ ребенка, рано развившагося умомъ въ неподходящей лихорадочной сферѣ столичной суеты и направляющаго свой сарказмъ на самого себя. „Poil de carotte“—рыжій, неуклюжій ребенокъ; онъ всегда въ антагонизмѣ съ окружающими и мучается тѣмъ, что онъ смѣшонъ въ своемъ неумѣньѣ ни справиться съ обстоятельствами, ни подчиниться имъ. Онъ облегчаетъ свою наивно, но глубоко страдающую душу насмѣшками, неистощимыми остротами надъ всѣми и въ особенности надъ самимъ собой, уморительными разсказами о своихъ неудачахъ—но въ этомъ юморѣ сквозитъ жестокая нотка, подчеркивающая трагизмъ молодой души, стѣсненной искусственными условіями жизни.

Юморъ Ренара—болѣе свѣтелъ въ дѣтскихъ разсказахъ, составляющихъ половину „Bucoliques“. Трудно себѣ представить нѣчто болѣе свѣжее и непосредственно поэтичное, чѣмъ разсказы о Бертѣ и Пьерѣ со всѣми ихъ испытаніями, мыслями и пониманіемъ окружающаго. Въ этихъ двухъ дѣтяхъ какъ бы воплощено человѣчество въ его младенческую пору: все въ нихъ просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ все это глубоко отражаетъ безсознательную мудрость жизни. Дѣти веселы, наивно эгоистичны и уже инстинктивно соблюдаютъ свою выгоду въ своемъ ограниченномъ міркѣ. Когда мать грозитъ Пьеру оставить его безъ дессерта, онъ урезониваетъ ее: „Я совѣтую тебѣ, мама, отыскать другое наказаніе. Я не люблю сладкаго, даже кремъ мнѣ не по вкусу. Если ты мнѣ не дашь его, это не будетъ лишеніемъ. Поэтому, ты отлично можешь дать мнѣ его“. Отецъ, гордый своими педагогическими теоріями, развиваетъ ихъ съ достоинствомъ передъ своимъ сыномъ. „Видишь ли,—говоритъ онъ,—на этотъ разъ я тебѣ прощаю, но въ слѣдующій разъ ты будешь наказанъ на часъ, потомъ, если опять провинишься, на два часа и т. д. Ты понялъ?“ — „О, да, папа̀“,—отвѣчаетъ иронически сынокъ,—„я понялъ. Твой методъ восхитителенъ“. Берта также читаетъ проповѣди своей матери и подав-

ляетъ ее логикой своихъ разсужденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти дѣти безконечно довѣрчивы и полны любви—въ этомъ ихъ стихійная сила. И затѣмъ они поражаютъ неожиданнымъ проявленіемъ какихъ-то непонятныхъ желаній. Пьеру хочется изобрѣсти такое число, котораго еще никто не зналъ, которое больше квадрильона. Берта боится „чего-то" въ темной комнатѣ,—не разбойниковъ, не croque-mitaine'а, а именно „чего-то",—или вдругъ среди игры въ песокъ спрашиваетъ, можно ли играть „пылью мертвецовъ". Эта смѣсь наивности, житейской мудрости, веселости и чего-то безсознательно таинственнаго составляетъ поэзію разсказовъ Ренара.—З. В.

III.

G. F. Keary. The Journalist. London, 1898. Стр. 307.

Романъ молодого англійскаго романиста Кири—„Журналистъ" (The Journalist)—одна изъ интересныхъ новинокъ литературнаго сезона въ Англіи. Успѣхъ „Журналиста" среди лондонской публики и въ значительной части печати объясняется главнымъ образомъ бытописательной стороной романа. Кири рисуетъ міръ писателей, литературные клубы, затрогиваетъ разныя литературныя „злобы дня", говоритъ о литературныхъ лагеряхъ, рисуетъ портреты и каррикатуры журналистовъ, имѣющихъ успѣхъ, и тѣхъ, кто его напрасно добивается,—все это въ достаточной степени интригуетъ средняго англійскаго читателя, знакомя его съ сравнительно мало извѣстной стороной лондонской жизни. Англійскіе романисты изображаютъ обыкновенно или свѣтское общество, „верхнія десять-тысячъ" (the upper ten thousand), составляющія „сливки" общества, или же, въ угоду демократическимъ вкусамъ современности, берутъ свои сюжеты изъ жизни рабочихъ кварталовъ Лондона. Спеціально журнальная среда и психологія писателя сравнительно мало изображались въ англійской беллетристикѣ. Герои у Кири и та жизнь, которую они ведутъ, имѣютъ поэтому интересъ новизны.

Для иностраннаго читателя эта бытовая сторона романа представляетъ сравнительно мéньшій интересъ. Она только показываетъ, что Англія все болѣе утрачиваетъ прежнюю обособленность нравовъ и общаго характера жизни. Въ лучшихъ произведеніяхъ англійской литературы чувствовалась всегда крайняя самобытность, и, вплоть до самаго послѣдняго времени, въ каждомъ англійскомъ писателѣ сказывался островитянинъ, который во всемъ—въ жизни, въ мысляхъ и во вкусахъ—имѣетъ свои несхожіе ни съ чьими другими принципы.

Но сила времени повліяла и на стойкую обособленность островитянъ. И самая жизнь, и отраженіе ея въ искусствѣ, начинаютъ все болѣе сближать Англію съ остальной Европой. Нравы англійскаго общества утрачиваютъ свою обычную замкнутость, англійская эксцентричность становится достояніемъ исторіи, и въ изображеніи быта современной Англіи европейскій читатель нерѣдко узнаетъ знакомыя ему черты.

Литературные нравы и свѣтская жизнь въ изображеніи Кири уже не представляютъ, такимъ образомъ, ничего специфически англійскаго, кромѣ, быть можетъ, усовершенствованнаго комфорта, клубовъ и нѣкоторыхъ вполнѣ англійскихъ формъ общественной жизни въ богатыхъ замкахъ и въ лондонскихъ салонахъ. Самые же интересы, разговоры, условія литературнаго успѣха, о которыхъ такъ много говорится въ романѣ,—все это такъ же относится къ Англіи, какъ и ко всякой другой европейской странѣ. Типичность англійскаго литературнаго быта очень любопытна; отразивъ ее—быть можетъ, безсознательно, — Кири придалъ историческій интересъ своему роману и далъ еще одно доказательство того, что самая характерная черта нашего времени—космополитизмъ.

Болѣе интереснымъ, чѣмъ бытовая сторона „Журналиста", является его психологическое содержаніе. Кири описываетъ жизнь писателя, средняго по таланту, начиная съ первыхъ его шаговъ въ литературѣ и до того момента, когда въ сорокъ слишкомъ лѣтъ онъ покончилъ со всѣми своими стремленіями, вошелъ въ „колею" и чувствуетъ себя побѣжденнымъ жизнью. Это постепенное созрѣваніе молодого писателя, различныя вліянія жизни и литературы и упорная работа времени и среды надъ индивидуальными порывами—составляютъ драматическій элементъ романа. Психологія героя, Ричарда Во, интересна тѣмъ болѣе, что авторъ сильнѣе всего настаиваетъ на интеллектуальныхъ переживаніяхъ молодого писателя, рисуя лишь слабыми намеками его очень обыденную любовную исторію. Но, къ сожалѣнію, художественная сторона романа стоитъ ниже его замысла. То, чтò есть своеобразнаго въ душевной жизни Ричарда Во, расплывается среди слишкомъ пространныхъ описаній свѣтскихъ сборищъ и, главное, безконечныхъ разговоровъ и споровъ о Золà, Ибсенѣ, о сѣверной драмѣ, символическомъ искусствѣ и другихъ заѣзженныхъ вопросахъ дня. Почему-то англійская критика превозноситъ Кири именно за эти, по общему мнѣнію, блестящіе діалоги и пренія о новомъ и старомъ искусствѣ. Нужна, очевидно, англійская привычка къ разговорамъ на обѣдахъ и вечерахъ „общества", ко всей банальности англійскаго „small talk", чтобы найти свѣжесть и новизну въ литературныхъ бесѣдахъ, которыя ведутся въ романѣ Кири членами „Pyraean club". Самъ авторъ, очевидно, тоже придаетъ главное значеніе тому,

что составляетъ какъ бы фонъ романа, т.-е. общей физіономіи лондонскаго журнальнаго міра, отдѣльнымъ портретамъ литературныхъ львовъ, ироническому изображенію невѣжества и шарлатанства, изъ которыхъ на половину составляется успѣхъ писателя.

Такое отношеніе къ роману у Кири едва ли правильно. Если авторъ „Журналиста" обладаетъ нѣкоторой свѣжестью таланта, выдѣляющей его изъ общей массы шаблонныхъ англійскихъ беллетристовъ, то свѣжесть эта сказалась гораздо болѣе въ психологическомъ замыслѣ романа, чѣмъ въ бытовыхъ подробностяхъ.

Ричардъ Во испытываетъ на себѣ рядъ вліяній извнѣ, и среди нихъ крѣпнетъ, созрѣваетъ и старѣется въ сравнительно короткій срокъ личность молодого писателя. Первый толчокъ даетъ ему жажда успѣха, честолюбіе довольно поверхностнаго характера. Онъ выступилъ рядомъ остроумныхъ бесѣдъ въ видной газетѣ, обратилъ на себя вниманіе, и его радуетъ мелкая монета успѣха, — дружеское рукопожатіе вліятельнаго критика, приглашеніе въ аристократическій салонъ и, главное, то, что онъ сталъ членомъ литературнаго клуба, куда проникаютъ лишь избранные. Когда онъ вступаетъ въ завѣтную курительную комнату клуба, гдѣ засѣдаютъ боги журнальнаго Олимпа,— онъ чувствуетъ приливъ гордости и понятной молодой радости. Жизнь ему кажется прекрасной, всѣ бесѣды съ болѣе близкими литературными друзьями захватываютъ его, вдохновляютъ къ работѣ, и всякія встрѣчи въ обществѣ, вниманіе женщинъ возбуждаютъ въ немъ только умственный интересъ. Сердце въ немъ молчитъ, вѣрное памяти умершей возлюбленной его юности. Но положеніе дѣлъ скоро мѣняется— опьяненіе первыхъ успѣховъ проходитъ, и молодой писатель начинаетъ чувствовать внутреннюю отчужденность отъ литературной среды, съ такимъ радушіемъ принявшей его въ число своихъ собратовъ. Онъ разочаровывается въ умѣ и знаніяхъ знаменитаго критика, присутствуя нѣсколько разъ при ловкихъ маневрахъ, которыми тотъ старается поддержать ничѣмъ не заслуженную имъ репутацію. Другіе „львы" обнаруживаютъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ, дутость своей славы. Но не только эти разочарованія въ отдѣльныхъ людяхъ вліяютъ на молодого писателя—онъ начинаетъ понимать, до чего пагубно для писателя держаться старыхъ путей, до чего неуклонное слѣдованіе традиціямъ, давая легкій успѣхъ, умерщвляетъ мысль и парализуетъ всякое движеніе впередъ. Въ себѣ онъ чувствуетъ силу бороться противъ избитыхъ формъ въ литературѣ—и два новыхъ вліянія поднимаютъ въ немъ творческую силу. Первое изъ нихъ — чисто литературное. Онъ знакомится съ оригинальнымъ писателемъ, полу-датчаниномъ, полу-англичаниномъ, авторомъ пьесы мистическаго характера. Въ пьесѣ Джонсона, очевидно навѣянной Ибсеномъ, ставится также

своеобразная психологическая проблема: молодая женщина, инстинктивно стремящаяся къ материнству, но бездѣтная, уходитъ отъ мужа и хочетъ хоть тѣмъ отчасти исполнить свое призваніе, что беретъ къ себѣ ребенка крестьянки, которой она глубоко завидуетъ за ея материнство. Эта пьеса глубоко волнуетъ Ричарда, какъ нѣчто новое, разбивающее рамки условности. Но кромѣ своей пьесы, Джонсонъ вліяетъ на Ричарда загадочностью своей жизни и своимъ рѣзкимъ умомъ, своими нападками на застой въ англійскихъ литературныхъ кружкахъ, съ ихъ преклоненіемъ передъ „среднимъ читателемъ", создающимъ успѣхъ книги. Ричардъ подпадаетъ подъ личное обаяніе Джонсона, ѣдетъ за нимъ въ Германію, путешествуетъ съ нимъ—и возвращается въ Англію новымъ человѣкомъ, которому члены „Pyraean" уже далеко не кажутся жрецами истиннаго искусства. Этому духовному перерожденію Ричарда способствуетъ также переживаемая имъ любовная исторія. Онъ знакомится съ молодой красавицей, Кларой Варбуртонъ; мужъ ея—военный, увлеченный службой, жалующійся на то, что въ колоніяхъ недостаточно воюютъ съ туземцами; онъ получаетъ повышеніе по службѣ и уѣзжаетъ командовать своей бригадой въ Индію, оставляя временно жену въ Англіи на попеченіи родныхъ и друзей. Клара съ первой встрѣчи поражаетъ молодого писателя оригинальностью своего насмѣшливаго ума. Онъ чувствуетъ близость къ ней въ своемъ инстинктивномъ протестѣ противъ условности и банальности окружающей среды. Они часто видятся. Кларѣ нравится „мальчикъ", и она увѣрена, что питаетъ къ нему материнскія чувства: она, какъ героиня Джонсона, страдаетъ отъ обманутыхъ надеждъ на материнство, и вся оживляется, лаская чужихъ дѣтей; она кажется тогда Ричарду мадонной—съ выраженіемъ дѣвической чистоты и глубины материнскаго счастья на лицѣ. Клара и Ричардъ часто встрѣчаются; она устраиваетъ такъ, чтобы имъ приходилось вмѣстѣ проводить дни и недѣли въ гостяхъ у ея же родственниковъ. Дружба и близость ихъ ростетъ, отражаясь, однако, очень различно въ душѣ молодого писателя и молодой женщины, которая, до того, не испытала глубокой настоящей любви. Клара начинаетъ сильно любить Ричарда и страдать отъ его отсутствія. Онъ же извлекаетъ изъ своей дружбы съ умной, красивой женщиной только пищу для ума. Онъ укрѣпляется въ своемъ стремленіи къ самобытности, относится скептически къ тѣмъ любимцамъ публики, которыхъ прежде почиталъ, и очень непринужденно относится къ Кларѣ, общество которой ему отрадно. Когда ему приходитъ мысль путешествовать по Германіи и навѣстить Джонсона, Ричардъ уѣзжаетъ съ легкимъ сердцемъ и даже не предупреждаетъ Клару. Весь этотъ періодъ жизни Ричарда—отъ первой встрѣчи съ Кларой и Джонсономъ—до того, какъ онъ отправляется

въ Германію—цвѣтущая пора его жизни. Душа его свободна отъ всякихъ личныхъ связей и открыта всѣмъ вліяніямъ, поднимающимъ творческую силу. Онъ не нуждается въ поддержкѣ толпы, критически относится, къ общепризнаннымъ талантамъ, къ львамъ сезона, и вѣритъ въ свои силы, въ то, что̀ онъ пишетъ, хотя его рукописи, которыя прежде принимались издателями съ готовностью, начинаютъ возбуждать нѣкоторое колебаніе.

Все мѣняется съ возвращеніемъ Ричарда въ Англію. Онъ не съумѣлъ воспользоваться до конца тѣми двумя силами, которыя судьба послала ему — и жизнь побѣждаетъ его. Вліяніе Джонсона было плодотворно, пока личность страннаго датчанина оставалась въ тѣни и какъ бы только олицетворяла собой далекій сѣверъ, проповѣдь сильной воли, свободной личности. Но Ричарда влечетъ желаніе стать ближе къ этому для него роковому человѣку, — сорвать съ него покровъ таинственности. Онъ этого достигаетъ, проникнувъ въ частную жизнь Джонсона—и находитъ около возвышеннаго строгаго сѣверянина его друга—кутилу музыканта, вовлекающаго Джонсона въ свои грязныя похожденія. Ричардъ путешествуетъ съ обоими друзьями —и уже выноситъ изъ этого совмѣстнаго странствованія не одно облагораживающее вліяніе вдохновеннаго таинственнаго датчанина, но и воспоминаніе о циническихъ теоріяхъ его товарища. Возвращаясь въ Англію, Ричардъ разбиваетъ вторую опору своего творческаго духа—дружбу съ Кларой. На одномъ изъ свиданій молодая женщина, глубоко страдая въ душѣ и твердо рѣшившись никогда не выдавать Ричарду тайну своей любви къ нему, объявляетъ ему о своемъ скоромъ отъѣздѣ въ Индію. Ричардъ, измѣняя своему „интеллектуализму“ и своей свободѣ, начинаетъ говорить Кларѣ о своей любви и цѣлуетъ ее противъ ея воли. Эта грубость разбиваетъ всѣ чары. Клара уѣзжаетъ, не увидавъ болѣе Ричарда—и для него начинается иная жизнь безъ вдохновенія, безъ вѣры. Внѣшняя жизнь течетъ по прежнему, прежніе „львы“ продолжаютъ быть предметами поклоненія и царить въ „Pyraean“, но молодой энтузіастъ Ричардъ стушевывается. Идти своимъ путемъ ему оказалось не по силамъ, пойти по теченію—не по душѣ; онъ остался на перепутьи между старымъ и новымъ, способный только на критику и отрицаніе существующаго, а не на созиданіе новаго. Плодъ такого отрицанія—самая книга Кири, какъ обличителя современныхъ литературныхъ нравовъ въ Англіи.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

Яковъ Петровичъ Полонскій.

Род. въ Рязани 6 дек. 1819 г.; сконч. въ Спб. 18 окт. 1898 г.

Умеръ поэтъ *задушевнаго чувства*. Этимъ не исчерпывается поэзія Полонскаго, но это, конечно, самая отличительная ея особенность. Надо всѣмъ разнообразіемъ житейскихъ, общественныхъ и историческихъ мотивовъ, освѣщенныхъ мягкимъ свѣтомъ его поэзіи, господствуетъ у Полонскаго эта внутренняя основа простого и глубокаго человѣческаго чувства. Эта простота проявляется даже тамъ, гдѣ по сюжету всего менѣе можно было бы ее ожидать. Послѣ Пушкина и Лермонтова, но не по ихъ слѣдамъ, Полонскій отдалъ поэтическую дань Кавказу. Величіе природы, живописность туземнаго быта, героизмъ разнаго рода—русскій и черкесскій, мужской и женскій—все это у него на заднемъ планѣ, а по срединѣ—задушевная простота чувства, выступающаго и въ его прощаніи съ Кавказомъ:

....Одинокое сердце оглянется
И забьется знакомой тоской.
Вспомню домикъ твой, дворикъ, увѣшанный
Виноградными кистями, тѣнь,
Гдѣ, твоимъ лепетаньемъ утѣшенный,
Я вкушалъ безмятежную лѣнь.....

Чѣмъ, кромѣ простоты задушевнаго чувства, отличаются тѣ стихотворенія Полонскаго, которыя стали популярными пѣснями: „Погадай-ка мнѣ, старушка“; „Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ“; „Въ одной знакомой улицѣ“? И на тѣ жизненныя темы, которыя возбуждали въ другихъ поэтахъ обличительное негодованіе въ ту или другую сторону, Полонскій отзывался съ тою же задушевною простотою, напримѣръ: „Что̀ мнѣ она? не жена, не любовница, и не родная мнѣ дочь“... Поэтъ не былъ слѣпъ къ сложности исторической жизни, но болѣе всего онъ отзывался на тѣ простыя человѣческія отношенія, которыя скрываются за этою сложностью: такъ, въ запутанной и темной исторической трагедіи—второй имперіи—онъ отмѣтилъ только два лица—мать и сына. А удивительный „Кузнечикъ-Музыкантъ“, въ которомъ та же глубина чувства превращаетъ зачинавшуюся сатиру въ идиллію и заканчиваетъ такою трогательною элегіей?.. А какъ та же

сила задушевности боролась у Полонскаго съ классическою формою и подъ конецъ одолѣвала ее („Аспазія", „Кассандра")!.. Много оставилъ Полонскій для исторіи русской литературы, но то, что останется отъ него въ душѣ русскаго народа, пока живъ русскій языкъ,—то все написано имъ какъ главнымъ послѣ Пушкина поэтомъ простого задушевнаго чувства. Это въ немъ самое цѣнное, что сразу вспомнилось при вѣсти о его кончинѣ. А подробная оцѣнка его поэзіи—впереди.

Владиміръ Соловьевъ.

23 окт. 1898 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1898.

Дѣло ксендза Бѣлякевича и комментаріи къ нему въ печати.—Оффиціальное опроверженіе по дѣлу сектантовъ села Екатериновки.—Двѣ рѣчи финляндскаго генералъ-губернатора.—Особое совѣщаніе по вопросу о воинской повинности въ Финляндіи.—Письмо лифляндскаго генералъ-суперинтендента въ редакцію „Спб. Вѣдомостей".

Религіозный фанатизмъ принадлежитъ, повидимому, къ числу тѣхъ страстей, которыя, какъ остатокъ давно прошедшаго, дремлютъ въ глубинѣ человѣческой души и пробуждаются, порою, съ поразительною силой. Не гарантируетъ отъ такихъ пробужденій ни одно исповѣданіе, не создаетъ противъ нихъ непреодолимаго оплота ни ростъ вѣротерпимости, ни общее смягченіе нравовъ. Они возможны въ самыхъ культурныхъ странахъ, хотя, конечно, степень ихъ вѣроятности и интенсивности обратно пропорціональна степени культуры. Если они не вызываются и не поощряются извнѣ,—они относятся всецѣло къ области личной психологіи или, лучше сказать, психопатологіи; объясненія имъ можно искать только въ личныхъ свойствахъ изувѣра, въ болѣзненныхъ особенностяхъ его природы. Съ этой именно точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на недавнее „ковенское дѣло"—дѣло ксендза Бѣлякевича, обвиняемаго въ истязаніи нѣсколькихъ женщинъ. Какъ ни возмутительны приписываемыя ему дѣйствія—говоримъ: *приписываемыя*, потому, что о *доказанности* ихъ до судебнаго рѣшенія не можетъ быть еще рѣчи,—къ обобщеніямъ, неблагопріятнымъ для всей католической церкви въ Россіи или хотя бы для католическаго духовенства ковенской епархіи, они не даютъ никакого повода. Къ насилію, пыткамъ, лишенію свободы католическое духовенство, какъ сословіе, не прибѣгаетъ въ настоящее время даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ оно пользуется господствующимъ или вліятельнымъ положеніемъ; можно ли предположить, что оно дозволяетъ или допускаетъ ихъ тамъ, гдѣ къ нему могутъ относиться недовѣрчиво и подозрительно, гдѣ представители власти всѣ принадлежатъ къ другой церкви, гдѣ въ средѣ общества и печати довольно широко распространена вражда къ ксендзамъ и къ костелу? Можно ли предположить, что католическій епископъ или хотя бы настоятель костела смотрѣлъ сквозь пальцы на злодѣянія, прямо подходящія подъ дѣйствіе уголовнаго закона и грозящія скандальнымъ процессомъ, а затѣмъ и новыми стѣсненіями для всего русскаго католическаго духовенства. Одно изъ двухъ: или истязаніе „грѣшниковъ" входитъ въ

кругъ дисциплинарныхъ мѣропріятій, рекомендуемыхъ или терпимыхъ католическою церковью—но въ такомъ случаѣ злоупотребленія этого рода давно сдѣлались бы извѣстными правительству и публикѣ; или оно противно обычаямъ и правиламъ этой церкви—и въ такомъ случаѣ отвѣтственность за него всецѣло падаетъ на фанатика, дѣйствовавшаго по собственному побужденію, безъ вѣдома своего начальства. Таковы указанія простого здраваго смысла—но само собою разумѣется, что они необязательны для реакціонной и ультра-націоналистической печати. Она признаетъ, во-первыхъ, доказаннымъ, что побудительной причиной преступныхъ дѣйствій Бѣлякевича было „служеніе призраку Польши, культивированіе въ народѣ ненависти къ Россіи“ („Московскія Вѣдомости“, № 261). Между тѣмъ, мотивы преступленія всего меньше поддаются опредѣленію на основаніи слуховъ и догадокъ. Слѣдствіе, какъ и всегда, ведется въ тайнѣ; никто не можетъ знать съ достовѣрностью, что̀ показываютъ свидѣтели и что̀ говоритъ самъ Бѣлякевичъ. По мнѣнію епископа Паллюліона [1]), Бѣлякевичъ систематически и страстно преслѣдовалъ незаконныя сожительства, все равно, съ православными или съ католиками. Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ, повидимому, и прокуроръ ковенскаго окружного суда, не нашедшій въ дѣлѣ Бѣлякевича „ничего политическаго, никакихъ особенныхъ мотивовъ“. Подтверждается оно отчасти даже разсказомъ, помѣщеннымъ въ одной изъ полонофобскихъ и католикофобскихъ газетъ („Свѣтъ“, № 247): изъ двухъ женщинъ, которыхъ истязалъ Бѣлякевичъ, только одна (Жуковская) была, будто бы, въ связи съ русскимъ. Правда, истязаніе другой (Бернатовичъ) приписывается тому, что она держала Жуковскую у себя на квартирѣ; но даже самый завзятый охранитель чистоты нравовъ едва ли можетъ считать квартирохозяйку отвѣтственною за поведеніе жилицы... Несомнѣнна, далѣе, въ глазахъ усердствующей печати виновность іерархическихъ начальниковъ Бѣлякевича—виновность или прямая, если они знали о его преступныхъ дѣйствіяхъ, или косвенная, если они о нихъ не знали. „Если епископъ“—говорятъ „Московскія Вѣдомости“—„не зналъ о подвигахъ Бѣлякевича, то, значитъ, Бѣлякевичъ, свободный отъ всякаго контроля государственной власти, въ дѣйствительности остается столь же свободнымъ и отъ контроля своего епископа“. То же самое разсужденіе повторяется и по отношенію къ папѣ, при чемъ рѣчь идетъ уже не объ одномъ ксендзѣ Бѣлякевичѣ, а о *ксендзахъ* во множественномъ числѣ, какъ будто бы истязаніе ксендзами своихъ прихожанъ было чѣмъ-то общепринятымъ и зауряднымъ. Что̀ такое, однако, контроль епископа надъ священниками и

---

[1]) См. корреспонденцію изъ Ковно въ № 8115 „Новаго Времени“.

тѣмъ болѣе, контроль папы надъ епископами? Очевидно—не что иное, какъ наблюденіе за исполненіемъ обязанностей, проистекающихъ изъ священнаго сана. Если священникъ проповѣдуетъ съ каѳедры ученіе, несогласное съ догматами церкви, если онъ нарушаетъ установленные ею обряды, если онъ открыто, не какъ частное лицо, а какъ служитель вѣры, вторгается въ чуждую ей политическую область, если частная его жизнь служитъ предметомъ соблазна для вѣрующихъ,—это не можетъ и не должно оставаться, à la longue, неизвѣстнымъ его начальству: оно имѣетъ множество средствъ раскрыть истину и, раскрывъ ее, обязано принять соотвѣтствующія мѣры, подъ опасеніемъ упрека въ „слабомъ смотрѣніи" или въ бездѣйствіи власти. Совсѣмъ иное дѣло—проступки, совершаемые въ тайнѣ и одинаково противные какъ гражданскимъ, такъ и церковнымъ законамъ. Обнаруживать ихъ и возбуждать противъ виновнаго уголовное преслѣдованіе — задача свѣтской власти; духовное начальство отвѣтственно, въ подобныхъ случаяхъ, только тогда, когда оно, зная о преступленіи или рядѣ преступленій, ничего не предпринимало для ихъ предупрежденія и пресѣченія. Совершенно нелѣпо восклицать, какъ это дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости": „и мы принуждены признавать самостоятельность Бѣлякевича, его свободу дѣйствій во имя самостоятельности (католической) церкви"! Нисколько не принуждены, какъ это и показало самое арестованіе Бѣлякевича и привлеченіе его къ слѣдствію. Уваженіе къ самостоятельности иновѣрной церкви требуетъ только одного—примѣненія къ ея служителямъ общаго юридическаго начала: quilibet praesumitur bonus, donec probatur contrarium... Нельзя заподозривать *настроеніе* ксендза только потому, что онъ—ксендзъ; здѣсь, какъ и всегда, нужно, по извѣстному Щедринскому выраженію, „ожидать поступковъ". Когда „поступки", запрещенные закономъ, совершены и раскрыты, они должны повлечь за собою надлежащую кару; но даромъ предвидѣнія не обладаетъ никто, и принятіе мѣръ противъ *будущаго* преступника не входитъ въ кругъ обязанностей ни церковной, ни гражданской власти.

Если вѣрить корреспонденту „Новаго Времени", мѣстные представители суда и управленія относятся къ дѣлу Бѣлякевича далеко не одинаково. Прокуроръ ковенскаго окружного суда заявилъ корреспонденту, что обобщать дѣло Бѣлякевича, сваливать его вину на другихъ—нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, и что противъ ковенскихъ ксендзовъ *вообще* онъ, прокуроръ, ничего не имѣетъ. Должностныя лица административнаго вѣдомства (какія именно—этого изъ корреспонденціи не видно) держатся другого мнѣнія: они объясняютъ дѣйствія Бѣлякевича не только религіознымъ фанатизмомъ, но и нена-

вистью къ русскимъ, общею ему съ другими ксендзами и выражающеюся, между прочимъ, въ требованіи отъ прихожанъ знанія молитвъ не на родномъ ихъ языкѣ (жмудскомъ или литовскомъ), а непремѣнно на польскомъ. Интересы католицизма въ ковенской губерніи, имѣющей, при 32 православныхъ церквахъ, 900 католическихъ костеловъ [1]), ограждены совершенно достаточно, и если ксендзы все-таки занимаютъ боевыя позиціи и прибѣгаютъ къ террору, то поступаютъ они такимъ образомъ въ интересахъ польской „ойчизны". „Католики и поляки"—говорилъ корреспонденту „одинъ изъ самыхъ видныхъ и опытныхъ администраторовъ края"—между собою солидарны, евреи между собою солидарны, русскіе—нѣтъ. Когда судъ освободилъ Бѣлякевича подъ залогъ въ пять тысячъ рублей [2]), эти 5 тысячъ были тотчасъ же собраны среди мѣстныхъ польскихъ помѣщиковъ и присяжныхъ повѣренныхъ; мы же никакъ не можемъ между собой столковаться". Признаемся откровенно: въ нашихъ глазахъ болѣе чѣмъ сомнительна или точность передачи словъ, сказанныхъ корреспонденту, или компетентность его собесѣдниковъ. Что общаго между вопросомъ о языкѣ, на которомъ должны быть читаемы молитвы, и вопросомъ о мотивахъ преступленія, въ которомъ обвиняется Бѣлякевичъ? Допустимъ, что многіе изъ числа ксендзовъ—не только поляки по происхожденію, но и польскіе патріоты по настроенію; слѣдуетъ ли отсюда, что они способны истязать женщинъ за близкія отношенія къ православнымъ или становиться сообщниками истязаній, зная о нихъ и ничего не дѣлая для ихъ прекращенія? Какимъ образомъ, съ другой стороны, можно ожидать отъ русскихъ, да еще, вдобавокъ, отъ русскихъ должностныхъ лицъ, такой же солидарности, какая существуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ средѣ поляковъ или евреевъ? Между людьми, подвергающимися однимъ и тѣмъ же ограниченіямъ, стѣсненіямъ или преслѣдованіямъ, естественно образуется внутренняя связь, проявляющаяся съ особенною силой, когда нужно отстоять, поддержать, защитить одного изъ нихъ. При извѣстныхъ условіяхъ это явленіе повторяется вездѣ и всегда, какія бы ни принимались противъ него принудительныя мѣры; съ улучшеніемъ условій оно исчезаетъ само собою. Понятно, что ничего подобнаго не бываетъ въ тѣхъ сферахъ, откуда исходятъ ограниченія и стѣсненія: здѣсь нѣтъ мѣста для развитія чувствъ, вызываемыхъ общностью гнета. Еще меньше можетъ идти рѣчь о солидарности между представителями различныхъ отраслей управленія. Каждое должностное лицо обязано дѣйствовать на

---

[1]) Эти цифры вполнѣ соотвѣтствуютъ числу православныхъ и католиковъ въ ковенской губерніи, какъ оно опредѣляется самимъ корреспондентомъ (47.160 и 1.239.330).

[2]) Нѣсколько времени спустя Бѣлякевичъ былъ вновь заключенъ подъ стражу.

основанiи закона, примѣняя его по своему крайнему разумѣнiю, независимо отъ нацiональности и вѣроисповѣданiя тѣхъ лицъ, съ которыми оно имѣетъ дѣло. Если прокуроръ не видитъ въ дѣлѣ Бѣлякевича ничего другого, кромѣ единичной вспышки религiознаго фанатизма, а представитель администрацiи—напр. полицiймейстеръ или чиновникъ особыхъ порученiй—считаетъ его продуктомъ сословно-нацiональныхъ тенденцiй, то это не можетъ не отозваться на ихъ образѣ дѣйствiй, и попытка установить между ними искусственное согласiе была бы равносильна требованiю, чтобы одинъ изъ нихъ поступилъ вопреки своему убѣжденiю... Едва ли, наконецъ, можно утверждать, что интересы католической религiи въ ковенской губернiи „ограждены совершенно достаточно"; краснорѣчивымъ доказательствомъ противнаго служитъ всѣмъ памятное еще „крожское дѣло".

Газеты, поспѣшившiя обратить процессъ Бѣлякевича въ орудiе своихъ специфическихъ стремленiй, съ особеннымъ усердiемъ выводятъ изъ него заключенiе о необходимости преобразованiя католическихъ духовныхъ семинарiй. „Московскiя Вѣдомости" ставятъ этотъ вопросъ прямо; корреспондентъ „Новаго Времени" наводитъ на него окольнымъ путемъ, напоминая, что изъ той же ковенской духовной семинарiи, въ которой воспитывался Бѣлякевичъ, вышелъ и шавельскiй ксендзъ Рымейко (привлеченный къ административной отвѣтственности по поводу его образа дѣйствiй при введенiи въ западномъ краѣ новаго порядка чтенiя молитвъ иновѣрными воспитанниками учебныхъ заведенiй). Весьма возможно, что въ положенiи католическихъ духовно-учебныхъ заведенiй есть тѣ или другiя аномалiи: но реформа, предпринятая подъ давленiемъ предвзятой враждебной мысли, едва ли привела бы къ желанной цѣли. Объ учебномъ заведенiи нельзя судить по нѣсколькимъ отдѣльнымъ его ученикамъ, нельзя уже потому, что, кромѣ воспитанiя, есть множество другихъ влiянiй, обусловливающихъ развитiе юноши и въ стѣнахъ, и, тѣмъ болѣе, за стѣнами школы. Въ особенности рискованно возлагать на учебное заведенiе хотя бы небольшую долю отвѣтственности за такiе исключительные факты, какъ приписываемые Бѣлякевичу—факты, заставляющiе предполагать въ ихъ виновникѣ глубокую извращенность психическаго строя. О степени легкомыслiя газетныхъ обличенiй можно судить уже по сопоставленiю именъ Бѣлякевича и Рымейко: Бѣлякевича, нарушившаго—если основательны взводимыя на него обвиненiя—самыя элементарныя требованiя гуманности и нравственности, и Рымейка, обнаружившаго недостатокъ сдержанности и такта... „Увлеченiя" обличителей идутъ, впрочемъ, еще дальше: одинъ изъ нихъ прямо требуетъ отчета о причинахъ снисхожденiя, оказываемаго уже не мало пострадавшему ксендзу Рымейкѣ. „Я слышалъ"—съ такимъ замѣчанiемъ

обратился корреспондентъ „Новаго Времени“ къ епископу Паллюліону,— „что Рымейко, послѣ своего заточенія въ монастырѣ, не имѣлъ права занимать мѣсто въ ковенской епархіи, въ особенности же въ Шавляхъ“.—„Но куда же мнѣ было его дѣть!“—воскликнулъ, въ отвѣтъ на это, епископъ. „Я представилъ его на филію, генералъ-губернаторъ мнѣ отказалъ; потомъ представилъ его въ викарные, и до сихъ поръ отвѣта не получилъ. Что же мнѣ съ нимъ дѣлать! Не умирать же ему съ голоду! Въ Шавляхъ у него осталось кое-какое хозяйство и книги, настоятель костела его кормитъ, ну, онъ и живетъ себѣ въ Шавляхъ. Мессу онъ служитъ, но въ процессіяхъ не участвуетъ и проповѣдей не говоритъ“. При такихъ условіяхъ указаніе, въ газетной корреспонденціи, на неправильный образъ дѣйствій епископа по отношенію къ Рымейкѣ должно быть названо по меньшей мѣрѣ невеликодушнымъ. Удостовѣряться въ точномъ исполненіи своихъ распоряженій администрація имѣетъ полную возможность и безъ содѣйствія печати...

Рѣзкій контрастъ съ „обличительными“ статьями, вызванными въ газетахъ дѣломъ Бѣлякевича, представляетъ „письмо“ въ „Руси“ (№ 99) Влад. Серг. Соловьева. Остроумное по формѣ, глубокое по содержанію, оно написано на тему о комарахъ и верблюдахъ, вполнѣ подходящую къ данному случаю. Чтобы оцѣнить его по достоинству, нужно прочесть его съ начала до конца; но объ основной его мысли можетъ дать понятіе слѣдующая короткая цитата. Приведя евангельскія слова: „вожаки слѣпые, отцѣживающіе комара, верблюда же поглощающіе“, авторъ продолжаетъ: „я былъ бы неправъ, еслибы говорилъ, что нужно пить вино и чай съ комарами. Но вѣдь противъ такихъ комаровъ, какъ ковенскій ксендзъ, существуютъ хорошія сѣтки, которыя я вполнѣ уважаю: полиція и юстиція. А я хотѣлъ только сказать, что нечего думать о комарахъ, когда въ горлѣ застрялъ верблюдъ, и не хорошо безпокоиться о чужомъ сучкѣ, когда у себя въ глазу бревно“. Старинный афоризмъ: „лежачаго не бьютъ“, Вл. С. Соловьевъ весьма удачно дополняетъ новымъ: „довлѣетъ острогъ сидящему въ немъ“. Наша реакціонная печать руководствуется, повидимому, прямо противоположнымъ правиломъ.

Около года тому назадъ у насъ былъ приведенъ, со словъ „Приазовскаго края“, разсказъ объ отобраніи дѣтей у шалопутовъ села Екатериновки, мелитопольскаго уѣзда, таврической губерніи [1]). Недавно въ той же газетѣ (№ 237) появилось оффиціальное опроверже-

[1]) См. 1897 г., дек., 885 стр.

ніе этого разсказа, подписанное екатеринославскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ А. Дородницкимъ. „Фактъ отобранія дѣтей"—читаемъ мы въ опроверженіи—„дѣйствительно имѣлъ мѣсто, но обстоятельства, сопровождавшія его, искажены корреспондентомъ „Приазовскаго края" до неузнаваемости. Къ числу такихъ обстоятельствъ принадлежатъ: *тридцать* семействъ сектантовъ, торжественный выходъ на крыльцо властей и чтеніе оттуда циркулярнаго распоряженія, рѣчь священника о деморализаціи сектантства, цѣлованіе одеждъ у духовенства и многое другое". По удостовѣренію миссіонера, подтверждаемому сообщеніемъ екатериновскаго волостного правленія, семей, у которыхъ были отобраны дѣти, всего *четыре*; никакою торжественностью отобраніе дѣтей не сопровождалось; единственный присутствовавшій при немъ священникъ никакой „растерянности" не проявилъ и слезъ рукавомъ не утиралъ. Отобраніе дѣтей происходило на основаніи распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, въ два пріема, въ 1892 и въ 1895 г. (въ послѣдній разъ—у тѣхъ семей, которыя раньше обѣщали воспитывать дѣтей въ духѣ православія, но не исполнили обѣщанія). Первоначальнымъ поводомъ къ возбужденію дѣла послужило сообщеніе миссіонерскаго комитета, вызванное заявленіемъ одной крестьянки (Бондаренко), что мужъ ея всячески ее угнетаетъ за нерасположеніе къ сектѣ и требуетъ отъ нея, между прочимъ, истребленія плода еще во чревѣ, чтобы у нихъ не было дѣтей.—Такова фактическая сторона опроверженія, особенно настаивающаго на томъ, что отобраніе дѣтей у шалопутовъ с. Екатериновки совершилось „тихо, незамѣтно, безъ всякой толпы, какъ вообще исполняются распоряженія высшаго начальства, гдѣ субъективныя мнѣнія и чувства не должны имѣть мѣста". Самое существованіе у шалопутовъ нѣжныхъ родительскихъ чувствъ подвергается сомнѣнію, въ виду вышеприведеннаго заявленія крестьянки Бондаренко. „Пора, наконецъ"—восклицаетъ авторъ опроверженія,—„пора сознать всѣмъ защитникамъ нашихъ мнимо-угнетенныхъ сектантовъ, что законы гуманнѣйшаго русскаго народа не преслѣдуютъ сектантовъ за ихъ религіозныя заблужденія, и что если время отъ времени и возникаютъ отдѣльные эпизоды преслѣдованія сектантовъ, то причиною этому всегда бываютъ сектанты, своими дѣйствіями нарушающіе основные государственные законы". Событіе въ Екатериновкѣ было не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ закона: „изъ-за чего же въ этомъ случаѣ поднимать шумъ? Почему во всѣхъ другихъ случаяхъ примѣненія закона обыкновенно такого шума не бываетъ? Почему же тѣ же частные охранители государственныхъ интересовъ проходятъ молчаніемъ многочисленные случаи примѣненія закона къ ворамъ, убійцамъ и прочимъ темнымъ дѣятелямъ? Неужели они ду-

маютъ, что нарушеніе интересовъ церкви менѣе вредитъ основнымъ началамъ государственной жизни, чѣмъ, напримѣръ, конокрадство"?

Дальше выражается предположеніе, что „весь тотъ шумъ, который подняли либеральныя газеты, съ легкаго почина гр. Л. Толстого, по поводу отобранія дѣтей у сектантовъ, возбужденъ не сочувствіемъ къ угнетенному положенію сектантовъ, а чувствомъ ненависти къ святой православной церкви". Не будемъ говорить о томъ, насколько умѣстны подобныя предположенія въ оффиціальномъ опроверженіи, напечатаніе котораго обязательно для газеты въ силу закона. Для насъ достаточно указать на внутреннюю ихъ несостоятельность. Чтобы понять „шумъ", вызванный въ печати событіемъ въ Екатериновкѣ — если только можно назвать шумомъ нѣсколько газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ, одинаково скромныхъ и по содержанію, и по формѣ—нѣтъ надобности прибѣгать къ рискованнымъ догадкамъ; нужно только припомнить, что̀ такое насильственное разлученіе родителей съ дѣтьми, въ особенности если оно должно имѣть послѣдствіемъ и нравственное отчужденіе между тѣми и другими. Родительскія чувства у сектантовъ —тѣ же, какъ и у православныхъ; болѣе чѣмъ странно сомнѣваться въ ихъ существованіи или въ ихъ искренности и глубинѣ только потому, что *одинъ* изъ сектантовъ *будто бы* требовалъ отъ своей жены изгнанія плода (заявленіе жены, враждебно относящейся къ мужу, не можетъ, очевидно, считаться достовѣрнымъ доказательствомъ). Присутствовала ли при отобраніи дѣтей въ с. Екатериновкѣ цѣлая толпа или только немногіе, произошло ли оно „тихо", „незамѣтно" или при громкихъ выраженіяхъ отчаянія—это совершенно безразлично; значеніе самаго факта во всякомъ случаѣ остается неизмѣннымъ. Сдержанная, нѣмая скорбь не легче той, которая находитъ исходъ въ рыданіяхъ и вопляхъ. „Субъективныя мнѣнія и чувства" не поддаются предписаніямъ начальства, даже высшаго; подавить ихъ въ себѣ невластны иногда даже сами исполнители приказа, если должностное лицо не убило въ нихъ человѣка. Неважно, далѣе, число семействъ, у которыхъ отобраны дѣти; горе каждаго изъ нихъ не становится меньше отъ того, что оно раздѣляется не двадцатью-девятью, а лишь тремя другими [1]). Еслибы отобраніе дѣтей постигло только *одну* семью, впечатлѣніе отъ него все-таки было бы потрясающее; припомнимъ, какъ отнеслось европейское общественное мнѣніе, лѣтъ сорокъ тому назадъ, къ отобранію (въ бывшихъ папскихъ владѣніяхъ) одного ре-

[1]) Разница между цифрами корреспонденціи и опроверженія (30 и 4) объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что въ первой шла рѣчь о всѣхъ случаяхъ отобранія дѣтей въ с. Екатериновкѣ, а въ послѣднемъ—только объ имѣвшихъ мѣсто въ 1895 г.

бенка у одного еврея Мортары. Удивляться тому, что подобные случаи обращають на себя общее вниманіе, тогда какъ многочисленные приговоры надъ ворами, убійцами и другими „темными дѣятелями“ проходятъ незамѣченными,—значитъ не понимать глубокаго различія между сектантами и обыкновенными преступниками, между отобраніемъ дѣтей и обыкновенными наказаніями. Уголовная кара за воровство или убійство—явленіе нормальное, неизбѣжное, повсемѣстное; отобраніе дѣтей у родителей, отступившихъ отъ господствующей церкви —явленіе исключительное, несогласное съ основными началами вѣротерпимости и немыслимое, въ настоящее время, въ другихъ европейскихъ государствахъ. Русскій народъ совершенно правильно называется „гуманнѣйшимъ“; но отсюда еще не слѣдуетъ, что такими же и всѣ законы должны быть. Стремленіе къ измѣненію тѣхъ изъ нихъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ священнымъ чувствомъ родительской любви, не имѣетъ ничего общаго съ „ненавистью“, въ которой авторъ опроверженія такъ смѣло обвиняетъ либеральную печать; напротивъ того, оно вполнѣ совмѣстно съ глубокимъ уваженіемъ къ вѣрѣ и церкви.

Дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (ст. 190) грозитъ тюрьмою родителямъ, которые, бывъ по закону обязаны воспитывать дѣтей своихъ въ православной вѣрѣ, будутъ воспитывать ихъ по обрядамъ другого христіанскаго исповѣданія; та же статья предписываетъ отдавать дѣтей на воспитаніе родственникамъ или опекунамъ православнаго исповѣданія. Проектъ новаго уголовнаго уложенія, составленный особою редакціонною коммиссіею и внесенный на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, сохраняетъ, для подобныхъ случаевъ, уголовную кару (замѣняя тюрьму заточеніемъ), но ничего не говоритъ объ отобраніи дѣтей. Ошибочно было бы думать, однако, что съ утвержденіемъ проекта отобраніе дѣтей исчезнетъ изъ нашего законодательства. Оно и теперь совершается въ большинствѣ случаевъ не на основаніи уложенія о наказаніяхъ и не въ силу судебныхъ рѣшеній, а на основаніи устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Св. Зак. т. XIV, ст. 39 и 57) и въ силу распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ. Высочайшаго утвержденія эти распоряженія требуютъ только въ такомъ случаѣ, если мѣра, которую министръ признаетъ необходимою, превышаетъ его власть—а предѣлы власти министра опредѣлены въ этомъ отношеніи не особенно точно. Отобраніе дѣтей, т.-е. отдача ихъ на воспитаніе постороннимъ лицамъ, закономъ прямо не установлено; охраненіе православія дѣтей, родители которыхъ уклонились въ ересь или расколъ, можетъ быть достигнуто, слѣдовательно, и безъ употребленія столь крайняго сред-

ства (напр., обязательнымъ посѣщеніемъ школы, въ которой преподается ученіе православной церкви). Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій принадлежитъ къ числу наиболѣе устарѣвшихъ отдѣловъ нашего законодательства; онъ настоятельно нуждается въ пересмотрѣ, который и будетъ, вѣроятно, предпринятъ въ непродолжительномъ времени. Нужно надѣяться, что статьи, касающіяся отступившихъ отъ православія, въ новой редакціи устава будутъ существенно измѣнены, и повтореніе событій, совершившихся въ селѣ Екатериновкѣ, сдѣлается навсегда невозможнымъ.

Нашимъ читателямъ извѣстна, безъ сомнѣнія, рѣчь, которую произнесъ, при вступленіи въ должность, новый финляндскій генералъ-губернаторъ. „Россія"—сказалъ, между прочимъ, генералъ-адъютантъ Н. И. Бобриковъ—„едина и нераздѣльна, какъ единъ и нераздѣленъ ея Императорскій престолъ, подъ сѣнію котораго великое княжество достигло своего современнаго благосостоянія. Казалось бы, поэтому, въ душѣ каждаго финляндца, которому дороги интересы его родины, стремленіе къ единенію съ Россіей должно быть всегда естественнымъ чувствомъ... *Оставляя неприкосновенными, въ предѣлахъ Высочайшаго рескрипта 1891 г., особенности Финляндіи—ея церковное устройство, права, преимущества и внутреннее управленіе*,—насколько они, конечно, не противорѣчатъ пользѣ и достоинству Россіи, государственная власть не допуститъ, однако, дальнѣйшаго распространенія въ краѣ всего того, что̀ можетъ препятствовать сплоченію великой Имперіи". Успокоительными для Финляндіи являются подчеркнутыя нами слова, значеніе которыхъ едва ли ослабляется оговоркой о пользѣ и достоинствѣ Россіи. Если особенности Финляндіи не заключали въ себѣ до сихъ поръ ничего несовмѣстнаго съ матеріальными и нравственными интересами Россіи—а это доказывается какъ нельзя лучше подтвержденіемъ ихъ въ 1891 г., когда уже былъ поставленъ на очередь такъ называемый „финляндскій" вопросъ,—то нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать чего-либо иного въ будущемъ. Полезное для части государства—если оно не вредитъ другимъ частямъ [1],—всегда полезно и для цѣлаго. Процвѣтаніе Финляндіи, констатируемое въ рѣчи генералъ-губернатора, составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ русской исторіи XIX-го вѣка. Не подлежитъ ника-

---

[1]) Мы знаемъ, что финнофобы попрекаютъ Финляндію за каждый рубль, расходуемый на нее изъ русскаго бюджета; но такіе попреки едва ли требуютъ опроверженія, тѣмъ болѣе, что многое, предпринимаемое, повидимому, спеціально для Финляндіи служитъ на самомъ дѣлѣ всей имперіи.

кому сомнѣнію, что оно достигнуто „подъ сѣнію Императорскаго престола",—но столь же несомнѣнно и то, что оно оказалось возможнымъ лишь благодаря упомянутыхъ въ рѣчи „особенностямъ" великаго княжества; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить положеніе Финляндіи съ положеніемъ прилегающихъ къ ней русскихъ губерній... Въ государственной жизни, какъ и въ частной, чувства возникаютъ сами собою, являясь, конечно, косвеннымъ результатомъ фактовъ, но отнюдь не прямымъ продуктомъ требованій или предписаній. Подъ это общее правило подходитъ и стремленіе къ внутреннему единенію великаго княжества съ имперіей; оно будетъ рости тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше будетъ попытокъ установить, путемъ одностороннихъ мѣръ, внѣшнее единство, обезпечивающее Финляндію. Для *распространенія* условій, могущихъ препятствовать сплоченію имперіи,—о чемъ говорится въ рѣчи,—въ Финляндіи нѣтъ мѣста, такъ какъ ни одна „особенность" ея не можетъ быть усилена или обострена безъ согласія центральнаго правительства.

Кромѣ рѣчи, упомянутой выше и напечатанной во всѣхъ газетахъ, генералъ-адъютантъ Бобриковъ, если вѣрить гельсингфорсскому корреспонденту „Московскихъ Вѣдомостей", произнесъ еще другую, обращенную къ представителямъ русской и мѣстной печати. Пресса, по мнѣнію генералъ-губернатора, должна быть честною, справедливою, точною; задачей ея должно быть служеніе интересамъ отечества. Спеціально мѣстнымъ журналистамъ ген. Бобриковъ сказалъ слѣдующее: „Я понимаю пользу и значеніе прессы, и во мнѣ честная и правдивая печать всегда встрѣтитъ сторонника, иная же—строгаго карателя. Я убѣжденъ, что мнѣ не придется прибѣгать къ мѣрамъ кары, ибо я надѣюсь, что печать пойметъ свои задачи на пользу нашего общаго дорогого отечества". Что печать должна быть честной, правдивой, точной, что она должна служить интересамъ отечества,—это разумѣется само собою; но не такъ легко установить на практикѣ значеніе каждаго изъ этихъ требованій. У насъ широко распространенъ взглядъ, признающій честность и правдивость монополіей одного направленія, одной группы òрагановъ печати; широко распространена также привычка думать, что интересы отечества могутъ быть понимаемы только въ одномъ, заранѣе предопредѣленномъ смыслѣ. Позволительно ожидать, что не съ этой точки зрѣнія отнесется къ финляндской печати новый генералъ-губернаторъ. Услужливые друзья, болѣе опасные, чѣмъ враги, уже теперь усердно проповѣдуютъ необходимость строгихъ мѣръ, указывая даже газеты, на которыя должна обрушиться цензурная кара; удивляясь снисходительности генерала Гончарова (временно исправлявшаго должность гене-

ралъ-губернатора), они выражаютъ надежду, что при генералъ-адъютантѣ Бобриковѣ наступятъ другіе порядки [1]). И что же, между прочимъ, они считаютъ преступнымъ? Рисунокъ, символически изображающій первое представленіе генералъ-губернатору финской газеты „Matti Meikäläinen": мужчина во фракѣ, раскланиваясь передъ генералъ-адъютантомъ Бобриковымъ, подноситъ ему объемистую книгу, съ надписью: „Suomen Perustus Laki" (въ переводѣ „Московскихъ Вѣдомостей"—„финскіе конституціонные законы"). Ничего предосудительнаго въ этомъ рисункѣ, очевидно, нѣтъ: что Финляндія имѣетъ свои основные законы—это фактъ безспорный, а между словами: *основные* и *конституціонные* (въ обширномъ смыслѣ) разница почти неуловима.

Мы упоминали въ предъидущей хроникѣ о созывѣ чрезвычайнаго сейма „для согласованія устава о воинской повинности въ великомъ княжествѣ финляндскомъ съ началами, дѣйствующими въ семъ дѣлѣ въ имперіи". Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" (№ 217) напечатана обширная статья, излагающая исторію и настоящее положеніе этого вопроса. Проектъ новаго устава о воинской повинности въ Финляндіи, составленный взамѣнъ дѣйствующаго устава 1878 г., рѣшено направить сначала въ финляндскій сеймъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ заключеніемъ земскихъ чиновъ края, въ государственный совѣтъ; но прежде, чѣмъ дать ему это направленіе, Высочайше повелѣно было учредить особое совѣщаніе, для составленія редакціи Высочайшаго предложенія, при которомъ проектъ долженъ быть переданъ чрезвычайному сейму. Въ составъ совѣщанія вошли К. П. Побѣдоносцевъ (предсѣдатель), гр. Ѳ. Л. Гейденъ, статсъ-секретарь Э. В. Фришъ, военный министръ А. Н. Куропаткинъ, министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ, генералъ Н. И. Бобриковъ, генералъ-лейтенантъ С. О. Гончаровъ и генералъ-лейтенантъ В. Б. Прокопé. Совѣщаніе нашло желательнымъ предоставить чрезвычайному сейму возможность высказать наиболѣе обстоятельно свое заключеніе о новомъ уставѣ во всѣхъ его частяхъ, чтобы и государственный совѣтъ, при обсужденіи проекта въ видахъ государственной пользы цѣлой имперіи, полнѣе и правильнѣе могъ оцѣнить и принять во вниманіе особенныя потребности великаго княжества финляндскаго. Вслѣдствіе сего особое совѣщаніе признало полезнымъ, чтобы земскіе чины на предстоящемъ сеймѣ высказались по самому существу главнѣйшихъ положеній устава, имѣющихъ отношеніе къ особливымъ мѣстнымъ интересамъ края. На основаніи этихъ соображеній предложеніе сейму редактировано совѣ-

[1]) См. № 271 „Московскихъ Вѣдомостей".

щаніемъ въ слѣдующемъ видѣ: „единство всероссійской арміи требуетъ установленія полнѣйшаго единообразія въ законоположеніяхъ, опредѣляющихъ порядокъ ея комплектованія въ мирное и военное время; поэтому предлагаемый нынѣ чрезвычайному сейму проектъ устава о воинской повинности Высочайше повелѣно было составить, въ отмѣну положеній устава о воинской повинности въ великомъ княжествѣ финляндскомъ, утвержденнаго Его Императорскимъ Величествомъ 6-го (18-го) декабря 1878 года, и Высочайшаго Манифеста отъ того же числа и года, на слѣдующихъ основныхъ началахъ, одобренныхъ въ Бозѣ почивающимъ Августѣйшимъ Нашимъ Родителемъ и Нами: сроки службы, правила о состояніи, учетѣ и призывѣ запаса и ополченія, льготы, порядокъ опредѣленія численности комплектованія—установлены одинаковые съ соотвѣтственными сроками, правилами, льготами и порядками общаго устава о воинской повинности въ Имперіи, а также исключено изъ нынѣ дѣйствующаго финляндскаго устава все, неотносящееся непосредственно къ отбыванію воинской повинности и подлежащее включенію въ проектъ Положенія объ устройствѣ и управленіи финскими войсками. При согласованіи на сихъ основаніяхъ проекта устава о воинской повинности въ великомъ княжествѣ финляндскомъ съ началами, дѣйствующими въ семъ дѣлѣ въ Имперіи, отъ земскихъ чиновъ ожидается заключеніе о томъ, насколько новые порядки, проектируемые уставомъ, практически удобопримѣнимы по мѣстнымъ условіямъ къ укладу финляндской жизни". Къ журналу совѣщанія сдѣлана однимъ изъ его членовъ слѣдующая приписка: „Вполнѣ соглашаясь съ содержаніемъ журнала, я дополняю его лишь однимъ своимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ во время засѣданія особаго совѣщанія: когда вопросъ зашелъ объ измѣненіи финляндскихъ законовъ, я, ссылаясь на Высочайшій манифестъ 25-го октября 1894 г., подтверждающій права и привилегіи великаго княжества, напомнилъ о существующемъ порядкѣ измѣненія финляндскихъ законовъ, указанномъ въ сеймовомъ уставѣ 1869 года.—Викторъ Прокопé". Журналъ особаго совѣщанія Высочайше утвержденъ и переданъ финляндскому сенату.

Еслибы редакціи предложенія, выработанной особымъ совѣщаніемъ, не были предпосланы мотивы, на которыхъ она основана, можно было бы думать, что отъ сейма ожидается одно заключеніе о практической удобопримѣнимости законопроекта къ мѣстнымъ условіямъ, къ „укладу" финляндской жизни. Соображенія, изъ которыхъ исходило совѣщаніе, устраняютъ возможность такого предположенія: они удостовѣряютъ, что сейму предоставляется высказать свое мнѣніе объ уставѣ *во всѣхъ его частяхъ*. Хотя нѣсколько дальше и говорится *о главнѣйшихъ положеніяхъ, имѣющихъ отношеніе къ особливымъ мѣстнымъ интересамъ*

края, но, въ виду предъидущаго, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь разумѣются *всѣ* главнѣйшія положенія устава, которыя, конечно, всѣ касаются мѣстныхъ интересовъ края. Вопросъ, затронутый генералъ-лейтенантомъ Прокопе́, вовсе, повидимому, не былъ разсмотрѣнъ совѣщаніемъ, молчаніе котораго, очевидно, не можетъ считаться равносильнымъ отрицательному рѣшенію. Всего вѣроятнѣе, что обсужденіе этого вопроса было признано не входящимъ въ предѣлы задачи совѣщанія. Важность замѣчанія, сдѣланнаго генералъ-лейтенантомъ Прокопе, несомнѣнна уже потому, что нѣкоторыя постановленія нынѣ дѣйствующаго въ великомъ княжествѣ устава о воинской повинности были объявлены, Высочайшимъ манифестомъ 6-го декабря 1878 года, *основными* законами Финляндіи. Если для уничтоженія дѣйствующаго закона (въ томъ спеціальномъ смыслѣ, какой это слово имѣетъ въ Финляндіи) требуется вообще согласіе сейма, то тѣмъ болѣе это можетъ быть примѣнимо къ отмѣнѣ или измѣненію закона основного. Употребленное совѣщаніемъ выраженіе: „*заключеніе сейма*", едва ли можетъ быть понимаемо какъ признаніе за сеймомъ, въ настоящемъ случаѣ, значенія исключительно совѣщательнаго учрежденія.

Въ сентябрьской книгѣ журнала (стр. 370), по поводу обвиненій, высказанныхъ въ отчетѣ оберъ-прокурора св. Синода, лютеранскихъ пасторовъ, мы должны были ограничиться выраженіемъ нѣкотораго недоумѣнія съ нашей стороны, за отсутствіемъ болѣе подробныхъ фактическихъ указаній въ отчетѣ; „какъ бы то ни было,—заключили мы,—весьма интересно знать, что̀ скажутъ въ свою защиту представители лютеранскаго духовенства въ прибалтійскомъ краѣ"...!

На дняхъ, въ № 282 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", отъ 14 октября с. г., появилось письмо лифляндскаго генералъ-суперинтендента, вызванное именно отзывомъ того же отчета „о положеніи православія въ рижской епархіи", отпечатаннымъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ" и другихъ изданіяхъ, слѣдующаго содержанія:

„Всеподданнѣйшій отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1894 и 1895 годы оглашенъ особеннымъ изданіемъ въ С.-Петербургѣ 1898 г. Отдѣлъ „о положеніи православія въ рижской епархіи" отпечатанъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ" 1898 г., перепечатанъ въ „Рижскомъ Вѣстникѣ". Наконецъ, „Правительственный Вѣстникъ" 1898 г., въ № 209, также сообщилъ о семъ въ своемъ фельетонѣ въ видѣ сокращеннаго извлеченія. Такимъ образомъ, эта глава упомянутаго „отчета" печатью распространена въ весьма обширной мѣрѣ. Этотъ фактъ довольно замѣчателенъ въ виду того, что этотъ отчетъ весьма строго относится къ дѣятельности лютеранскихъ пасторовъ и

помѣщиковъ въ отношенiи ихъ къ православной церкви и къ принадлежащимъ къ оной прихожанамъ. Отчетъ вмѣняетъ лютеранскимъ пасторамъ въ вину „подстрекательство“ противъ православной церкви (стр. 180), „злонамѣренное распущенiе въ народѣ ложныхъ слуховъ“ (стр. 180), „скрытую пропаганду“ (страница 181) среди православныхъ, „хитрые прiемы для предупрежденiя присоединенiя лютеранъ къ православiю“ (стр. 181),—словомъ, „отчетъ“ описываетъ положенiе православной церкви въ такомъ видѣ, будто бы она преслѣдуется въ Прибалтiйскомъ краѣ и поставлена въ необходимость бороться—съ опаснѣйшимъ коварствомъ и съ „зловредною дѣятельностью лютеранскихъ насторовъ“ (стр. 180).

„Нельзя не удивляться тому, что столь одностороннiя заявленiя могли служить основанiемъ для оффицiальнаго „отчета“, между тѣмъ какъ хорошо извѣстно, что православная церковь ограждена всѣми возможными средствами гражданской власти, и что ей, притомъ, поставлено въ обязанность обращать иновѣрцевъ въ православiе, между тѣмъ какъ другiя исповѣданiя лишены даже права принципiальнаго заступничества за сущность своихъ вѣроученiй и за такую дѣятельность подвергаются даже уголовной отвѣтственности. О томъ свидѣтельствуютъ довольно ясно какъ законъ, такъ и практика.

„Такое положенiе православной церкви, особенно въ Прибалтiйскихъ губернiяхъ, привело къ тому, какъ и усматривается изъ оффицiальнаго „отчета“, что нынѣ отъ лютеранскихъ пасторовъ требуется содѣйствовать „упроченiю дѣла православiя въ Прибалтiйскомъ краѣ“ (стр. 183), чтобы не заслужить названiя „враждебныхъ пропагандистовъ“ (стр. 181).

„Представляется излишнимъ вдаваться въ разборъ отдѣльныхъ, приводимыхъ въ „отчетѣ“, обвиненiй и опровергать подлежащiя заявленiя. Неоднократно въ теченiе послѣднихъ десятилѣтiй, именно съ 1884 г., были представляемы правительственнымъ учрежденiямъ достовѣрныя изложенiя по предмету междуцерковныхъ отношенiй въ Прибалтiйскихъ губернiяхъ, оглашенiе коихъ представило бы картину, совершенно противорѣчащую изложенiямъ упомянутаго оффицiальнаго „отчета“. Что̀ „отчетъ“ нынѣ опять повторяетъ, то уже давно разъясняемо и опровергаемо было, какъ, напр., и въ извѣстномъ докладѣ графа Бобринскаго отъ 1864 года, представленномъ Государю Императору Александру II безпосредственно и еще нынѣ очень замѣчательномъ.

„Было бы безполезно вновь доказывать неосновательность нынѣ опять приводимыхъ такихъ же обвиненiй. Нельзя не предвидѣть, что всякiя возраженiя не будутъ приняты въ соображенiе и безпристрастно уважены.

„При такихъ обстоятельствахъ я считаю долгомъ отъ имени лифляндскаго евангелическо-лютеранскаго духовенства прямо отвергнуть взводимыя вновь и безъ малѣйшихъ доказательствъ въ „отчетѣ" противъ насъ обвиненія, и предаю дѣло Господу Богу. Онъ въ свое время услышитъ вопль уповающихъ на Него и ожидающихъ того времени, когда не только въ Сводѣ Законовъ т. I ст. 44, но въ самомъ дѣлѣ и въ Россійской Имперіи каждому христіанину предоставлено будетъ „безпрепятственно" слѣдовать тому вѣроисповѣданію, къ которому онъ по совѣсти своей принадлежитъ, по примѣру постановленія Св. Правительствующаго Синода отъ 5 августа 1825 г., коимъ опредѣлено: „за послѣдовавшею уже смертію родителей Минны Стимеръ, какъ виновниковъ того, что она была крещена по лютеранскому исповѣданію,— причисленіе или непричисленіе ея къ греко-россійской церкви предоставить ея, Минны, совѣсти".

ПОПРАВКА.

Въ октябрьской книгѣ журнала, на стр. 619, 620 и 621, слово: калучеръ, слѣдуетъ читать: „калугеръ" (или калогеръ—обычное привѣтствіе въ греческихъ монастыряхъ, съ которымъ обращаются къ старѣйшимъ монахамъ).

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе Имп. Общества поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ, подъ ред. Н. П. Собко. № 1 и 2: октябрь и ноябрь 1898 г. Стр. 136, in 4°. Ц. 2 р. Подп. ц. 6 р.

Новое періодическое изданіе, только-что появившееся въ свѣтъ въ двойномъ выпускѣ, за истекшій и наступающій мѣсяцы, имѣетъ обширную и весьма разнообразную программу: въ него входитъ художественная хроника, обозрѣнія отечественныхъ и иностранныхъ художественно-промышленныхъ выставокъ, музеевъ, школъ, заводовъ, фабрикъ, мастерскихъ и т. п.; очерки художественныхъ и кустарныхъ производствъ и дѣятельности художниковъ и художественныхъ учрежденій; обзоры отечественной и иностранной литературы по искусствамъ, археологіи и т. д., до объявленій промышленныхъ и торговыхъ фирмъ. Само Общество, предпринявшее настоящее изданіе, по своему уставу предназначено не только „содѣйствовать успѣхамъ художественныхъ произведеній въ Россіи, поощрять дарованія русскихъ художниковъ, распространять художественное образованіе среди ремесленниковъ", но и „вообще способствовать развитію вкуса къ изящному во всѣхъ слояхъ общества". Первые два выпуска одною своею внѣшностью могутъ вполнѣ удовлетворять каждаго, обладающаго самымъ требовательнымъ вкусомъ изящнаго; изданіе снабжено многочисленными и превосходно выполненными иллюстраціями, заглавными буквами, заставками, снятыми съ извѣстныхъ оригиналовъ, факсимиле и т. п.; бумага и печать не оставляютъ желать ничего лучшаго и при всемъ томъ изданіе, по цѣнѣ, весьма общедоступно. Въ первыхъ выпускахъ помѣщены статьи М. М. Антокольскаго, по поводу книги гр. Л. Н. Толстого объ искусствѣ; В. В. Стасова, о В. М. Васнецовѣ, о царѣ Берендеѣ и его палатѣ, о Книжницѣ гр. Л. Н. Толстого; А. Г. Сомова, о новыхъ Рембрандтѣ и Эльстеймерѣ въ Эрмитажѣ, и др. Сверхъ упомянутыхъ иллюстрацій въ текстѣ, настоящіе выпуски имѣютъ восемь особыхъ приложеній. Изъ историческаго очерка судьбы художественныхъ журналовъ въ Россіи, составленнаго Н. П. Собко, видно, что въ теченіе нынѣшняго вѣка было сдѣлано восемнадцать попытокъ основать подобныя изданія, но всѣ онѣ кончались болѣе или менѣе печально и были весьма недолговѣчны; пожелаемъ новой попыткѣ избѣгнуть участи предшествовавшихъ ей и вполнѣ достигнуть той цѣли, которую поставило себѣ „Общество поощренія художествъ", предпринимая настоящее изданіе.

А. Гулевичъ. Война и народное хозяйство. Спб., 1898. Стр. 188. Ц. 1 р.

Экономическія и финансовыя условія будущей войны, по мнѣнію г. Гулевича, слишкомъ мало обращали на себя вниманіе, а между тѣмъ эти условія совершенно измѣняютъ характеръ военныхъ предпріятій въ новѣйшее время сравнительно съ прошлымъ. Исходъ „грандіозной по размѣрамъ" борьбы между первоклассными европейскими государствами долженъ рѣшиться „совершеннымъ истощеніемъ моральныхъ и матеріальныхъ силъ и средствъ одной изъ сторонъ"; а „при разрушеніи экономическаго благосостоянія страны, при изсякновеніи матеріальныхъ средствъ борьбы должны упасть и нравственныя силы народа". Авторъ не останавливается надъ вопросомъ, для чего и для кого нужна эта будущая колоссальная война, похожая на сознательное самоубійство государствъ и народовъ; онъ старается только доказать, что необходимо заранѣе имѣть въ виду подготовку военныхъ предпріятій въ экономическомъ отношеніи, для избѣжанія опасныхъ замѣшательствъ и кризисовъ. Въ книгѣ собрано по этому вопросу много свѣдѣній и высказаны нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія.

Выборный мировой судъ. Сборникъ статей. Спб. 98. Стр. 104.

Сборникъ статей о выборномъ мировомъ судѣ появляется какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ систематическіе его противники, повидимому, не устали, тысячу разъ повторяя одно и то же. „Настоящая книга—говорится въ предисловіи—имѣетъ цѣлью напомнить, что̀ сдѣлалъ выборный мировой судъ для развитія въ народѣ уваженія къ закону и довѣрія къ суду; напомнить, что̀ такое мировой судъ и какое значеніе для его дѣятельности имѣетъ система выбора мировыхъ судей самимъ населеніемъ". Въ составъ сборника вошли статьи Бруна, Джаншіева, Оболенскаго, Н. Овунева и два оффиціальныхъ документа: „Замѣчанія Спб. столичнаго мирового съѣзда по вопросу о выборности мировыхъ судей", и извлеченіе изъ отчета министерства юстиціи, за 1886-87 г., откуда видно, что уже десять лѣтъ тому назадъ было заявлено съ самой компетентной стороны, что „дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій въ разсматриваемый періодъ можетъ быть признана весьма удовлетворительною, какъ въ смыслѣ правильности постановленныхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи судопроизводства"...

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. I. Спб. 99. Стр. 419. Ц. 2 р. 50 к. По подп. за 8 томовъ—15 руб.

Вскорѣ исполнится десять лѣтъ со дня безвременной кончины (род. 1841 г., ум. 1889 г.) проф. Спб. университета А. Д. Градовскаго, а потому весьма кстати предпринято нынѣ собраніе его научныхъ публицистическихъ трудовъ, такъ какъ многіе изъ нихъ за это время сдѣлались уже библіографическою рѣдкостью, не утративъ однако своего научнаго значенія. Въ настоящій томъ, которымъ открывается изданіе, вошли труды покойнаго изъ самыхъ первыхъ лѣтъ его дѣятельности, конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. Т. I и II. Стр. 940 и 1148. М. 98. Ц. тома 65 коп.; всѣ 4 тома—2 р. 50 к.

Новое изданіе сочиненій Бѣлинскаго, благодаря своей компактности, можетъ сдѣлаться весьма общедоступнымъ по цѣнѣ, причемъ однако не пострадала и внѣшность изданія. Въ первомъ томѣ помѣщены произведенія, относящіяся ко второй половинѣ 30-хъ годовъ, а второй томъ ограничивается первыми тремя годами сороковыхъ годовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1899 г.

(Тридцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. [illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель", Невск. пр., 68—40.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту, Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. Е. П. Распопова, Дерибасовская улица.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Свѣтъ.

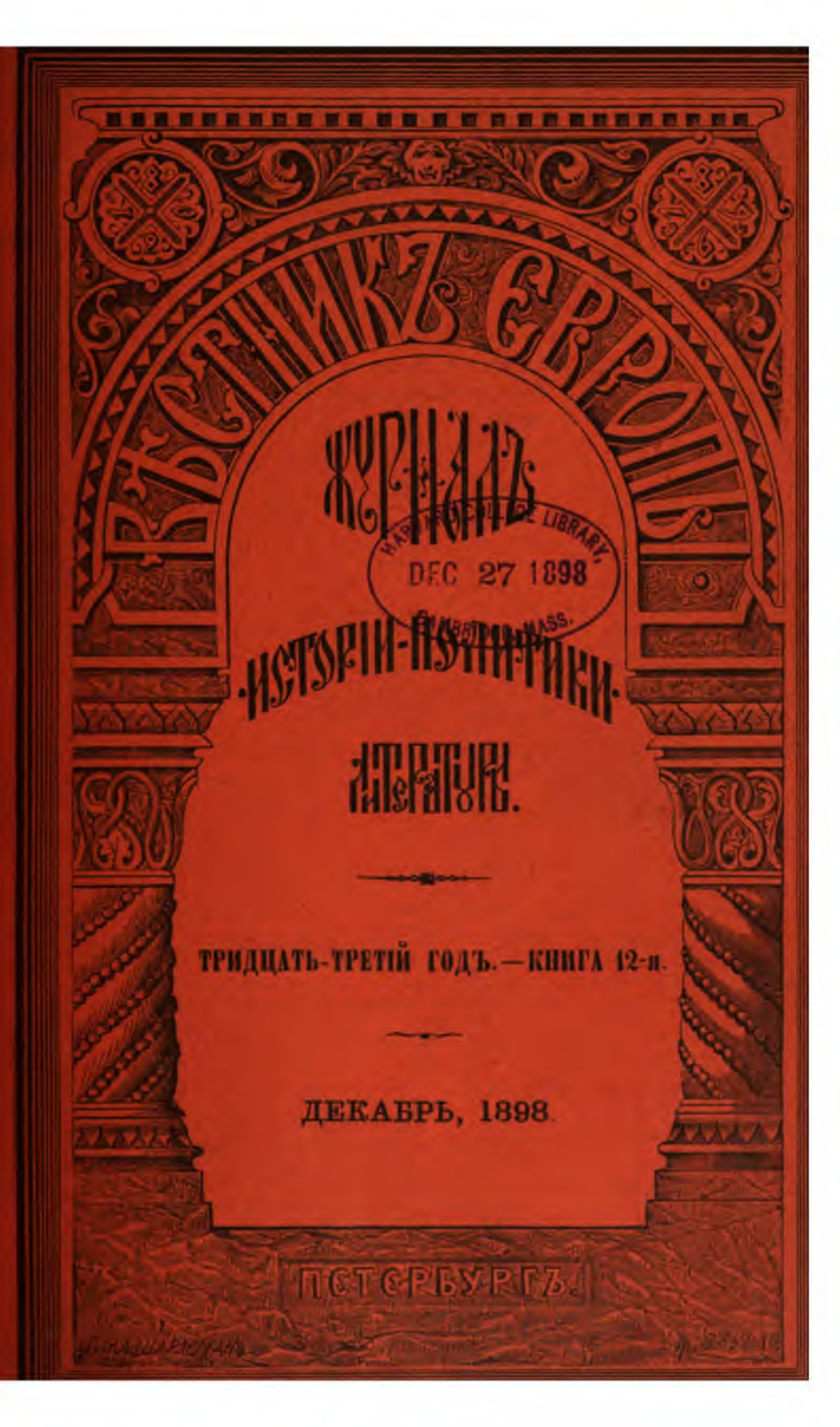
Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

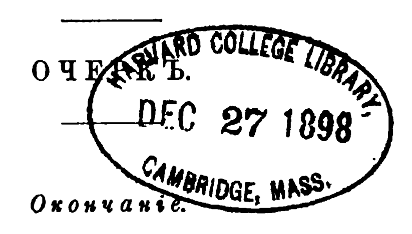

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.
ДЕКАБРЬ, 1898.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1898.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ
ГОРБУНОВЪ

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

IX *).

Живая наблюдательность Горбунова и его способность всматриваться во внутреннее содержаніе того или другого явленія русской жизни, влагая его въ яркое изображеніе,—не могли ограничиться однимъ *настоящимъ*. Какъ истинный художникъ, онъ умѣлъ представлять себѣ и *прошлое* въ выпуклыхъ и жизненныхъ образахъ.

Изучая нашу старую исторію, вдумываясь въ событія и общественный складъ XVII, XVIII-го и первой половины настоящаго вѣка, онъ въ рядѣ произведеній оставилъ очерки эпохъ, строя жизни и господствовавшихъ въ то или другое время воззрѣній на коренныя условія общественныхъ отношеній. Имъ захвачены и давно прошедшіе—и недалекіе сравнительно годы, отрѣзанные отъ насъ и нашихъ взглядовъ широкою благотворною бороздою реформъ шестидесятыхъ годовъ. Потому онъ является авторомъ бытовыхъ сценъ, на исторической подкладкѣ, причемъ его необыкновенное умѣнье усвоить себѣ

*) См. выше: нояб., 5 стр.

особенности и характерныя свойства языка въ различные періоды русской жизни даетъ ему возможность возсоздавать прошлое съ особенною правдоподобностью. Знатокъ родной исторіи чувствуется въ оригинальной формѣ его произведеній изъ области старой письменности, и ихъ шуточное подчасъ содержаніе заключаетъ въ себѣ нерѣдко мѣткія и сжатыя указанія на цѣлый порядокъ вещей, отошедшій въ вѣчность.

Но и помимо произведеній въ этомъ послѣднемъ родѣ, въ очеркахъ, изложенныхъ преимущественно въ видѣ воспоминаній и дневниковъ („Изъ московскаго захолустья", „Мысли на парадномъ подъѣздѣ", „Забытый домъ", „Дневникъ дворецкаго" и др.), проходятъ предъ нами въ разномъ освѣщеніи, дающемъ въ своей совокупности цѣльный и—судя по обнародованнымъ за послѣднія тридцать лѣтъ матеріаламъ—исторически вѣрный образъ, такія фигуры, какъ, напримѣръ, архимандритъ Фотій, графъ Закревскій и многіе другіе. Проходятъ исчезнувшіе типы приживалокъ изъ захудалыхъ родовъ („княжна съ флюсомъ и княжна безъ флюса") и величавыхъ генераловъ александровскаго времени, украшенныхъ иностранными орденами „святой Маріи Тверезіи" и „святого Парамерита" (pour le mérite), по объясненію швейцара, дежурящаго на парадномъ подъѣздѣ,—проходитъ рядъ людей, живьемъ взятыхъ изъ прошлаго.

Есть у Горбунова цѣлый историческій разсказъ: „Царь Петръ Христа славитъ", съ эпиграфомъ: „они (дьяки) учинили то дуростью своею негораздо и такого не бывало, чтобы его государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, которые отъ него Христа славить ѣздятъ во дворъ къ себѣ не пущать и за такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно и никакихъ имъ почестей и поминковъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать..." Вотъ какъ отмѣчаетъ Горбуновъ раздвоеніе между Москвою и ея молодымъ государемъ, вызванное началомъ переворота, произведеннаго этимъ „грознымъ властелиномъ судьбы", стянувшимъ „бразды рукой желѣзной". Тяжелое время переживали москвичи въ послѣдній годъ XVII столѣтія. Пять мѣсяцевъ съ ужасомъ натыкались они на стрѣлецкіе трупы, висѣвшіе на стѣнахъ Бѣлаго и Земляного города и валявшіеся на Красной площади... „Блудозрѣлищное неистовство" являли собою въ глазахъ благочестивыхъ людей обритые, въ венгерскихъ кафтанахъ, бояре. Кремлевскій дворецъ, дворъ великаго государя московскаго, былъ запертъ. Святѣйшій патріархъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Великій государь не показывался больше народу, подобно его предкамъ, во всемъ блескѣ

и величіи „царскаго сана“, въ большомъ царскомъ нарядѣ, въ сопровожденіи родовитыхъ бояръ „въ золотыхъ ферезяхъ“: въ селѣ Преображенскомъ онъ стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ иноземнаго покроя во главѣ своего лейбъ-регимента, салютуя князю Кесарю“...

Не менѣе рельефна и полна жизни картина Москвы въ 1812 г., наканунѣ ея взятія французами, когда „народъ со всѣхъ концовъ тронулся“, ряды войскъ все напираютъ, напираютъ, стискиваются, останавливаются, съ трудомъ разступаясь, чтобы дать дорогу „Владычицѣ“ въ дорогой ризѣ, и священникъ Маргаритовъ, увидавъ въ оторопѣвшей толпѣ своего прихожанина, протискивается къ нему, кропитъ его святой водой и дрожащимъ отъ волненія голосомъ говоритъ: „зрите и мужайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти, обаче и тогда не кончина“... Таково же и описаніе Москвы, разоренной послѣ пожара, когда, послѣ ухода французовъ, слуга, оставленный при покинутомъ домѣ, получаетъ наконецъ возможность написать своему господину: „при семъ рабски имѣю честь вашему превосходительству присовокупить, что по головѣ меня гладили... только словъ я ихнихъ разобрать не могъ; при семъ взяли часы изъ угловой гостиной“... Воспоминанія объ этомъ „забытомъ домѣ“ представляютъ характерныя черты смѣны поколѣній и ихъ взглядовъ въ старомъ московскомъ дворянскомъ гнѣздѣ. Какъ въ молодомъ организмѣ вслѣдъ за тяжкою болѣзнью чувствуется приливъ свѣжихъ силъ и особое жизнерадостное настроеніе, такъ и въ барской Москвѣ патріотическій подъемъ духа, вызванный войною и ея бѣдствіями, смѣняется усиленной жаждой удовольствій и, за отсутствіемъ общественной дѣятельности, учащеннымъ біеніемъ пульса жизни частной. Но и это настроеніе проходитъ; раскаты грома и шумъ отдаленной петербургской бури 14-го декабря, холера тридцатаго года и разныя внѣшнія обстоятельства кладутъ свой отпечатокъ на московскую жизнь. Раны, нанесенныя войною, забыты одними, отходящими,—не испытаны другими, вновь пришедшими,—а Западъ манитъ къ себѣ разными сторонами своей жизни. Барскіе дома, несмотря на затрудненія, которыми обставлена отлучка за границу, начинаютъ подолгу пустовать, и стѣны ихъ говорятъ краснорѣчиво о прошломъ лишь неотлучнымъ свидѣтелямъ пережитаго—старымъ и вѣрнымъ слугамъ исчезнувшаго нынѣ типа. Для этихъ слугъ настоящее еще полно своеобразныхъ впечатлѣній и выводовъ изъ прошлаго. Когда въ „забытомъ домѣ“ молодые господа, равнодушные къ покидаемому гнѣзду, „шумно снимаются съ якоря, надолго

уѣзжая на „теплыя воды“, въ чужіе края, дворецкій Михаилъ Егоровичъ въ тяжеломъ недоумѣніи трое сутокъ приводитъ домъ въ порядокъ, закрываетъ мебель и занавѣшиваетъ хмурые лики генераловъ двѣнадцатаго года. „Платова онъ закрылъ особенно тщательно, промолвивъ: „муха—вѣдь она дура, вѣдь она и тебя, батюшку, не пожалѣетъ... Блюхера онъ оставилъ открытымъ“.

Переживая, вмѣстѣ съ выводимыми имъ лицами, прошлые времена, Горбуновъ не могъ, конечно, пройти молчаніемъ крѣпостного права, бросавшаго почти на всѣ явленія русской жизни свою мрачную тѣнь. Въ дневникѣ дворецкаго, посвященномъ изо дня въ день описанію, подъ угломъ зрѣнія престарѣлаго слуги, распутной и расточительной жизни молодого знатнаго барина, не умѣющаго съ достоинствомъ носить свое старое имя и соблюдающаго лишь внѣшнимъ и поверхностнымъ образомъ домашнія традиціи предковъ, есть эпизоды, рисующіе созданныя крѣпостною зависимостью отношенія. Баринъ недавно достигъ совершеннолѣтія. „По случаю рожденія его сіятельства, исполнилось двадцать четыре года, былъ въ нашемъ домѣ молебенъ съ водосвятіемъ,—записано въ дневникѣ,—вечеромъ были танцы съ дѣвицами, а цыганскій таборъ пѣлъ пѣсни, кончили забавляться съ солнышкомъ“. Но предъ его волею склоняется масса дворовыхъ и челядинцевъ, и по пословицѣ: „гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость“, на нее возлагаютъ они свои житейскія упованія, отъ нея ждутъ гнѣва и безропотно принимаютъ его. Но какъ много нелѣпаго произвола и безсознательной, можетъ быть, жестокости и въ этомъ гнѣвѣ, и въ этой милости! Лакея Лаврушку, котораго въ *субботу* пришлось отпаивать квасомъ, послѣ того, какъ онъ, паря вчетверомъ барина въ Суконныхъ баняхъ, повалился замертво, въ *понедѣльникъ* приказано наказать въ оранжереѣ, но должно быть на его строптивый нравъ это не дѣйствуетъ, и въ слѣдующую субботу ему велѣно „забрить лобъ“, но онъ бѣжитъ, и когда черезъ пять недѣль является изъ бѣговъ, то неожиданно встрѣчаетъ смягченіе кары: приказано вновь наказать его въ оранжереѣ и выдать ему паспортъ. Поѣхавъ къ Яру, молодой хозяинъ „душъ“ остается тамъ цѣлый день, вслѣдствіе чего кучеръ Глѣбъ отмораживаетъ себѣ носъ, по словамъ доктора—„безвозвратно“, почему и въ больницу идти не желаетъ. Ему черезъ нѣсколько дней выдается вольная, ибо „безъ носу—не кучеръ“... „Былъ у племянницы своей на Поварской улицѣ, — говорится въ дневникѣ,—услыхалъ, что господа ея отправляются по веснѣ на теплыя воды, а ее отдаютъ замужъ за выѣздного Родіона Михайлова, а ея есть желаніе, по

нелюбви къ нему, выкупиться на волю. Плачетъ. Совѣтовалъ господамъ покориться. Противъ моихъ словъ говорила—лучше утоплюсь. Она дѣвица молодая, красивая, а онъ кривой. Вся причина въ барынѣ: желаетъ, чтобъ ея господскаго приказанія слушались". Чрезъ недѣлю въ дневникѣ записано: „племянница моя и крестная дочь Любовь Ивановна отъ грозящей ей неминуемой бѣды быть замужемъ за Родіономъ, проглотила три булавки и скончалась въ судорогахъ, въ чемъ священнику на духу и покаялась... Упокой, Господи, душу ея въ селеніяхъ праведныхъ! Вчера цѣлый день плакалъ. Мать ея, сестру мою Надежду, свезли въ больницу: чувствуетъ приближеніе живота"... Въ другомъ мѣстѣ дневника, отмѣчая, что умеръ скоропостижно отъ угара камердинеръ покойнаго графа, Григорій Никитинъ, старый дворецкій прибавляетъ: „жену приказано отправить на скотный дворъ, а малолѣтнихъ раздать въ ученье. Квартальному за хлопоты десять рублей и сукна на брюки"... Ученью подвергаются, впрочемъ, не одни малолѣтніе. Приходится обучаться по новому и старому человѣку. Одна изъ владѣтельницъ „забытаго дома" проситъ повара генерала Барканова взять поучить ея стараго повара Дмитрія, которому, по мнѣнію генеральскихъ поварятъ, „по божьему-то въ богадельню пора"... „Воля господская,—говоритъ имъ со вздохомъ старикъ,—ихняя воля... велятъ и фалеторомъ сядешь;—кто жъ имъ можетъ въ кушаньѣ потрафить: то имъ съ перцемъ давай, то зачѣмъ перецъ кладешь;—запарные левашники ужъ какъ я умѣю: положишь на блюдо-то—воркуетъ, словно живой, а онѣ кушать не могутъ. Да все!.. возьмите вы галантиръ—оттянешь его чище зеркала, причесываться можно, а они говорятъ: ты меня какъ собаку кормишь; такой въ себѣ капризъ имѣютъ, что ни одинъ поваръ на нихъ угодить не можетъ"... Но бываютъ и добрые дни. На пасху баринъ „христосовался со всѣми, по три раза, денежное положеніе роздано, какъ при покойномъ графѣ: по три рубля; тремъ семействамъ дворовыхъ людей объявили вольную, повару Герасиму, камердинеру Владиміру и старой горничной покойной графини—Егоровнѣ. И могутъ они вольными жить въ нашемъ домѣ и служить его сіятельству по прежнему. А на повара,—прибавляетъ въ своемъ дневникѣ дворецкій,—разставляла зубы Марья Алексѣевна, хотѣла его вымѣнять у графа на садовника Филиппушку: Богъ не попустилъ"!

Несмотря однако на возможность и даже на тогдашнюю закономѣрность такихъ проявленій барской воли, въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ проявленій крайней жестокости,

люди, рожденные въ крѣпостной зависимости, молчаливо мирились съ условіями послѣдней, создававшими своего рода „consortium omnis vitae“ для помѣщиковъ и для тѣхъ, кто составлялъ ихъ „крещеную собственность“. Долгіе годы преемственнаго терпѣнія, мягкость и добродушіе русской натуры выработали такимъ образомъ типъ старыхъ слугъ, преданность которыхъ господамъ и вѣрность ихъ интересамъ кажется нынѣ почти легендарною. У слуги стараго времени радости и скорби семьи, гдѣ онъ жилъ, были его скорбями и радостями; онъ ревниво оберегалъ честь дома и болѣлъ сердцемъ, видя ея умаленіе. Онъ не могъ не цѣнить значенія вольной, но, несмотря на горькія подчасъ условія своей жизни, нерѣдко даже гордился своею принадлежностью опредѣленному лицу, съ судьбою котораго была связана и его судьба. „Я прирожденный камердинеръ, а не мѣщанинъ какой-нибудь,—говоритъ слуга въ „Утрѣ молодого человѣка“,—и всѣми силами и умѣньемъ оберегаетъ своего барина отъ увлеченій и мотовства. Въ разгарѣ спора между крѣпостнымъ и вольнонаемнымъ лакеями о преимуществахъ соціальнаго положенія каждаго изъ нихъ, старикъ слуга, выходя изъ себя, кричитъ: „это вы—холопъ, а я—природный лакей! Моя душа *барская*, а ваша *окладная*, потому вы несчастный мѣщанинъ. Я коли какой непорядокъ на улицѣ сдѣлаю, должны меня къ моему барину съ будочникомъ предоставить, а васъ на веревкѣ въ часть поведутъ; вы на запяткахъ стоите, а я при моемъ господинѣ завсегда въ комнатахъ“.—„Что вы выражаетесь!?—восклицаетъ окладная душа...—Я не выражаюсь, а правду говорю! Вы холопъ, а не я!“—отрѣзываетъ барская душа.

Какъ изображеніе чувствъ, отношеній и міросозерцанія такого стараго слуги—особенно интересенъ уже упомянутый дневникъ дворецкаго, со своею надписью: „Сія тетрадь принадлежитъ дому его сіятельства графа Павла Павловича дворовому его человѣку Емельяну Дыркову. Пріобрѣтена покупкою пятьдесятъ копѣекъ ассигнаціями. Описаніе жизни въ домѣ его сіятельства. Описывалъ собственноручно крѣпостной дворовый его человѣкъ своею охотою. Емельянъ Дырковъ. 1847 году“. Въ этомъ дневникѣ нарисованъ искусною рукою и самъ авторъ, и его господинъ, сдѣлавшійся обладателемъ повидимому огромнаго состоянія и ведущій самую безшабашную жизнь въ домѣ, гдѣ еще недавно все было чинно, истово и строго... Онъ возвращается на разсвѣтѣ, встаетъ въ четыре часа дня, пропадаетъ по двое сутокъ въ цыганскомъ таборѣ, гдѣ самъ пляшетъ,—то чревоугодничаетъ, то обуревается внезапными аппетитами къ моченымъ

яблокамъ и т. п., занимается по цѣлымъ часамъ стрѣльбою изъ пистолета въ оранжереѣ, пѣніемъ романсовъ, игрою на гитарѣ и „разрисовываніемъ птицы въ клѣткѣ", пробуетъ силу, тягаясь на палкѣ съ кучерами и разрубая пополамъ живую собаку, устраиваетъ у себя, несмотря на „выговоры доктора Топорова", оргіи, причемъ „прислугѣ быть не приказано",—ведетъ крупную азартную игру и лишь иногда въ постели читаетъ „*смѣшную книжку*". На службу не ходитъ, хотя ему и „присылаютъ чинъ, какъ онъ значится по канцеляріи". По временамъ имъ овладѣваетъ внѣшнее благочестіе, онъ ѣздитъ въ Лавру, простаиваетъ подолгу на молитвѣ, читаетъ „четь-минею", служитъ у себя молебны съ знаменитыми и дорогими пѣвчими и принимаетъ многочисленное духовенство и знатныхъ особъ. Но эти промежутки становятся все рѣже и рѣже,—въ домѣ появляются темныя личности,—наконецъ надвигается, при угрозѣ со стороны родныхъ взятіемъ въ опеку и подачею „на высочайшее имя, чтобы на Кавказъ"—матеріальное разореніе и наступаетъ трагическая развязка уголовнаго характера.

Болитъ отъ всего этого сердце стараго, искренно-вѣрующаго и добраго слуги. Сначала онъ отмѣчаетъ лишь факты, въ ихъ краснорѣчивой неприглядности, но потомъ начинаетъ выражать тревогу. „Большихъ денегъ стоитъ графу эта цыганка"; „при такой расточительной жизни графъ можетъ разориться"; „великій былъ шумъ у насъ сегодня въ домѣ,—слава Богу, что графъ не былъ въ игру замѣшанъ,—великое будетъ несчастіе, коли графъ себя не сократитъ", отмѣчаетъ онъ разновременно въ дневникѣ.

Чаще и чаще рисуются ему въ воспоминаніяхъ и сновидѣніяхъ прежнія времена домашняго порядка и общаго почета его господамъ. „Тошно жить становится,—пишетъ онъ,—Господи! какъ вспомнишь, что̀ нашъ за домъ былъ! пожалуй, что ниже предводителя и господъ-то у насъ не бывало! Никто къ намъ изъ знакомыхъ не ѣздитъ, и подобный нашъ домъ сталъ обыкновенному дому, если не хуже... Помяни, Господи, во царствіи твоемъ раба твоего графа Павла и рабу твою графиню Софію. Большіе господа были!" Но онъ продолжаетъ строго надзирать за барскимъ добромъ и, презирая въ душѣ новыхъ гостей барина — цыганъ, игроковъ и людей подозрительной профессіи, тѣмъ не менѣе тщательно записываетъ, на сколько персонъ былъ сервированъ столъ и что̀ было подано. Здоровье его, однако, слабѣетъ, и несмотря на оставшійся послѣ покойнаго графа лекарственный порошокъ *кремартакторъ*, принимаемый имъ съ большою для себя пользою, — онъ начинаетъ чувствовать „отягченіе

ногъ“. Записавъ видѣнный имъ сонъ, въ которомъ Любушка—умершая отъ проглоченныхъ булавокъ дѣвушка—приходила къ нему въ кисейномъ платьѣ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ и двумя херувимами въ рукахъ,—спрашиваетъ онъ себя: „не зоветъ ли это она меня къ себѣ?“ Несмотря на ликующій вокругъ него грѣхъ, вѣра его тверда. Какъ трогательно частое обращеніе старика отъ картинъ житейской грязи и злобы къ величавымъ словамъ молитвъ и пѣснопѣній! „Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія! —Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!—О, дивное чудо! Невидимыхъ Содѣтель за человѣколюбіе плотію пострада!“—пишетъ онъ въ разныхъ, особо тягостныхъ для него по содержанію, мѣстахъ дневника. За то какою наивною гордостью звучитъ въ началѣ дневника запись, когда случилось такъ, что на одинъ день въ домѣ повѣяло былою торжественностью. По настоянію тетокъ, молодой графъ даетъ балъ „при полномъ освѣщеніи всего дома, съ ужиномъ на шестьдесятъ человѣкъ, при прислугѣ въ новыхъ ливреяхъ и хорѣ музыкантовъ за тюлевою занавѣсью въ малой гостиной“. Старому слугѣ, при видѣ барина, танцующаго съ княжною, думается, „не намѣчаютъ ли ему княжну въ невѣсты?“ „Все въ руцѣ Божьей — восклицаетъ онъ въ упованіи на новые побѣги родословнаго древа и восхищаясь разговоромъ генералъ-губернатора съ генеральшею, замѣняющею хозяйку, причемъ они „другъ другу противъ сказанныхъ словъ выговаривали“, и замѣчаетъ: „знатные люди! высокаго чину! Подумаешь, до какой высокой степени Богъ можетъ вознести человѣка!“

Какъ характеренъ, наконецъ, для изображенія воззрѣній и способа дѣйствій тогдашней административной юстиціи — эпизодъ съ оскорбленнымъ купцомъ! „Вчерашняго числа,—записано въ дневникѣ,—графъ въ театрѣ одному купцу далъ плюху. Хочетъ судиться. Потребовали графа къ военному губернатору, но онъ не поѣхалъ, по болѣзни, а отправилъ съ теткою просьбу къ губернатору: проситъ отъ купца защиты“. Дальнѣйшія распоряженія напоминаютъ знаменитый совѣтъ комендантши Бѣлогорской крѣпости въ „Капитанской дочкѣ“:—графа сажаютъ на Ивановскую гауптвахту, а купца забираютъ въ тверскую часть. „Купца заставили помириться,—говоритъ затѣмъ дневникъ,—приходилъ квартальный, отбиралъ отъ графа подписку, что онъ впредь *драться не будетъ* и *купца прощаетъ*. Дано три рубля“. Трагическій эпизодъ, на которомъ прерывается дневникъ, имѣетъ уже прямое отношеніе къ уголовной юстиціи сороковыхъ годовъ. Съ самаго начала записей Емельяна Дыркова—въ эпическую ткань его описанія вплетается, какъ красная нить, нѣкая Вѣра

Аѳанасьевна и ея отецъ, имѣющіе какую-то прикосновенность къ театру. Они, повидимому, уже довольно давно знакомы съ графомъ, который ужинаетъ съ отцомъ до разсвѣта и играетъ съ дочерью на фортепіано. Мало-по-малу отецъ Вѣры Аѳанасьевны, сначала благодарящій за то, что имъ не гнушаются, дѣлается persona grata въ домѣ. Его принимаютъ въ постели, пьютъ съ нимъ чай, онъ читаетъ „Апостолъ“ во время молебна и сопровождаетъ графа въ Лавру, куда тотъ ѣдетъ прямо съ гауптвахты, послѣ того, какъ „простилъ купца“, — его „допускаютъ“ на балу сидѣть съ музыкантами, причемъ онъ тайно уноситъ съ собою ананасъ. Подарки ему идутъ crescendo. Сначала лягавый кобель, потомъ пѣнковая трубка, которая „была съ покойнымъ графомъ подъ Бородинымъ, а ему подарена фельдмаршаломъ“, наконецъ, къ еще большему сокрушенію стараго слуги, графская соболья бекешь и шляпа... Въ дневникѣ оказываются вырванными болѣе половины страницъ, относящихся къ цѣлому лѣту, такъ что продолженіе его начинается съ переноса... „а она склонности къ нему не имѣетъ и какъ по замѣчанію хочетъ себя соблюсти и выговаривала на счетъ жизни и что въ карты играетъ, а онъ на колѣнкахъ плакалъ и божился цыганскій духъ изъ дому вывести и образокъ покойной графини цѣловалъ, а она его по головѣ гладила и какъ бы сама прослезилась“... Все, однако, какъ видно, остается по прежнему, только отецъ Вѣры Аѳанасьевны забираетъ все бо́льшую силу. Къ концерту, въ которомъ его дочь будетъ играть, модный портной шьетъ ему, за счетъ графа, новый коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и бѣлый жилетъ; пріѣхавъ пьяный на лихачѣ и не будучи допущенъ, въ отсутствіе графа, въ его кабинетъ, онъ буянитъ и требуетъ денегъ на извозчика. „Обругалъ насъ всѣхъ, прирожденныхъ дворовыхъ графскихъ слугъ, холуями, — записано въ дневникѣ, — а Владиміра налаживался бить, но только тотъ присутствія духа не потерялъ и сказалъ: „тронь!“ Послѣ концерта всѣ поѣхали къ Яру, а оттуда пріѣхали въ домъ въ два часа ночи. „Вѣру Аѳанасьевну графъ и его пріятель Линевъ ввели на лѣстницу подъ руки, — она хохотала и била, какъ бы въ шутку, Линева вѣеромъ, — говорила, что у нея голова кружится, что она пьяная, и дѣйствительно, какъ мною замѣчено, глаза у нея помутились. Приказано въ шампанское налить мараскину. Графъ стоялъ на колѣняхъ и цѣловалъ у нея руки, а она — то расхохочется, то заплачетъ. Все спрашивала — гдѣ отецъ? А Герасиму приказано возить его, пьянаго, по всей Москвѣ и изъ саней не выпускать. На рукахъ снесли въ желтую го-

стиную и заперлись. Какъ ударили къ заутрени, вырвалась изъ гостиной развращенная, металась по всему дому, кричала и кусала руки. Графъ былъ въ безчувствіи. Бросилась въ переднюю, хотѣла бѣжать на улицу: прислуга не допустила. Линевъ съ кучерами завернулъ ее въ салопъ и велѣлъ кучеру Трофиму везти домой, а тотъ пьяный, не понявши дѣла, свезъ ее въ Екатерининскую больницу".—Это происходитъ во вторникъ,—въ воскресенье „объ случаѣ въ нашемъ домѣ говоритъ вся Москва", а въ понедѣльникъ „Вѣра Аѳанасьевна скончалась въ Екатерининской больницѣ и, какъ полагаютъ, отъ какихъ-то порошковъ".— Чрезъ недѣлю дневникъ обрывается окончательно слѣдующею записью: „Графа свезли на гауптвахту. Завтра весь домъ пригонятъ къ присягѣ. Упокой, Господи, раба твоего графа Павла и рабу твою Софію,—сестру мою рабу Надежду, и дочь ея Любовь, и меня грѣшнаго совокупи! Глаза бы на свѣтъ не глядѣли...". Разсказывая объ участи „Вѣры Аѳанасьевны", дневникъ не только передаетъ правдоподобное и вполнѣ возможное по условіямъ мѣста и времени „описаніе жизни въ домѣ его сіятельства", но содержитъ въ себѣ указаніе на дѣйствительное событіе, рисующее собою, между прочимъ, и высоту нашихъ до-реформенныхъ судебныхъ порядковъ. Это разбиравшееся въ Москвѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ московскихъ театровъ Аршининой, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному молодому человѣку, который напоилъ ее возбуждающимъ растворомъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, окружавшіе его. Несчастная дѣвушка была возвращена домой лишь на третій день, съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и омертвѣніемъ и въ состояніи полнаго сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскіе судьи того времени нашли справедливымъ и непостыднымъ ограничиться отдачею главнаго виновника въ солдаты или военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ—и присужденіемъ отца жертвы за *потворство разврату дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы...

Составленіе историческихъ разсказовъ имѣетъ одну особенность, отмѣченную еще Монтескьё. Авторамъ ихъ приходится вплетать въ свой трудъ *вымышленные* факты, основанные однако на фактахъ *вѣрныхъ* или естественно изъ нихъ вытекающіе. Выходя за предѣлы простой и безцвѣтной хроники событій и изслѣдуя ихъ общую связь, причины и послѣдствія, автору, желаю-

щему въ живыхъ образахъ и краскахъ представить, *какъ именно* произошло или совершалось то или другое и какъ проявлялъ себя тотъ или другой дѣятель—приходится возсоздавать это путемъ фантазіи и психологическаго анализа человѣческой природы и *однородныхъ* отношеній. Быть можетъ, дѣйствительность была и нѣсколько иная; быть можетъ, на пути психическаго развитія описываемой личности были существенныя отклоненія отъ теоретически намѣченнаго авторомъ; но если настоящіе, не подлежащіе спору факты и свѣдѣнія таковы, что даютъ *право* на сдѣланные выводы, которые, въ конечномъ результатѣ, приводятъ къ тому же, что̀ было и въ дѣйствительности, то у произведенія нельзя отнимать названія *историческаго*, ибо оно правдоподобно передаетъ смыслъ и значеніе былого... Даже строгій историкъ не всегда можетъ вытравить изъ себя художника и оградить свое *изслѣдованіе* отъ *возсозданія*. Достаточно припомнить Маколея и Костомарова и въ особенности Шерра въ его „Menschliche Tragikomödie", или Карлейля въ его „Исторіи французской революціи". Не даромъ Эдмондъ Гонкуръ говоритъ: „l'histoire est un roman qui a été,—le roman c'est l'histoire qui aurait pu être".

Мы видѣли у Горбунова изображеніе домашняго строя, имѣющее полную житейскую достовѣрность и опирающееся въ существенной своей части, въ послѣдовательномъ заключительномъ аккордѣ, на фактъ, занесенный на темную страницу исторической хроники нашего суда. Но есть у него и явно вымышленный разсказъ, который тѣмъ не менѣе имѣетъ историческую правдоподобность, благодаря яркому и вѣрному воплощенію существовавшихъ личностей, въ которомъ чувствуется долгое и внимательное изученіе дѣйствительныхъ и непререкаемыхъ историческихъ данныхъ. Это—сказаніе „о нѣкоторомъ зайцѣ". Въ немъ какъ живой, со своимъ особымъ, полу-мистическимъ, дѣланнымъ слогомъ, встаетъ архимандритъ Фотій, зловѣщій лицемѣръ, то раболѣпно, то назойливо вопіявшій къ „мечу свѣтскому" и умѣвшій ловко приспособиться къ жестокости оффиціальнаго смиренномудрія начала двадцатыхъ годовъ;—нѣсколькими словами тонко очерчено отраженіе вліянія Фотія на министрѣ духовныхъ дѣлъ и исповѣданій—князѣ А. Н. Голицынѣ и на мѣстныхъ „правительствахъ" поставленными между невольною боязнью доносовъ юрьевскаго архимандрита и страхомъ предъ мрачными фигурами графа Аракчеева и его любовницы—крестьянки Настасьи Минкиной, о которой тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Кампенгаузенъ писалъ временщику: „дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ

могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей именинницей вашей!"—„Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія,—пишетъ Фотій князю Голицыну,—въ тонцѣмъ снѣ пребывалъ и присные мои дали покой очима своима и вѣждома своима дреманіе. И се гласъ нечеловѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку вопросить—какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человѣкъ, подобіемъ миѳологическій центавръ, отвѣтствовалъ—якобы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребывалъ, подъ камнемъ жилъ (писано бо есть: „камень прибѣжище зайцемъ") и кормилъ я его руками своими и того зайца центавры изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая псица старцу Досиѳею рясу, подаренную Анною, изорвала. Защити, другъ великій!"—Князь Голицынъ очевидно боится быть невнимательнымъ къ просьбѣ своего „друга", который, въ случаѣ надобности, съумѣетъ, конечно, обратиться и въ ядовитаго недруга. Онъ спѣшитъ написать новгородскому губернатору и, довольно двусмысленно отвѣчая Фотію, что „очень груститъ", что нарушили *безмолвіе* послѣдняго, необходимое *для спасенія души*", тутъ же поддѣлывается подъ его тонъ, находя, что „врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и нѣсть, яже укрыться отъ него"... Новгородскій губернаторъ оказывается, однако, человѣкомъ довольно наивнымъ, хотя и исполнительнымъ. По собраннымъ имъ *лично* свѣдѣніямъ, заяцъ затравленъ дворовыми Аракчеева „по приказанію Анастасіи Ѳеодоровны, для ея стола и сданъ повару Порфирію". Эти же дворовые застрѣлили трехъ *частныхъ* гусей дьякона Островидова и изжарили крестьянскую овцу, дѣлая все это именемъ Анастасіи Ѳеодоровны... Дѣло начинаетъ принимать скверный оборотъ, ибо такимъ образомъ обнаруживается, что „врагъ темный и оскверненный"—не кто иной, какъ наложница всемогущаго временщика, даже заочно называемая не иначе, какъ только по имени и отчеству... Но находчивый и еще болѣе исполнительный капитанъ-исправникъ—въ два-три хода разыгрываетъ запутанную партію, чреватую послѣдствіями. „Получивъ словесное повелѣніе вашего превосходительства,—рапортуетъ онъ губернатору, о разслѣдованіи затравленнаго зайца,—оный заяцъ по *негласнымъ* свѣдѣніямъ и *присяжнымъ* показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по поиманіи онаго, будетъ доставленъ отцу архимандриту. Касательно гусей, то отецъ дьяконъ отъ оныхъ отказался и при-

зналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ".

Дѣло покончено—и въ томъ, *какъ* оно покончено, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Если вдуматься, то за дьякономъ, вынужденнымъ признать своихъ гусей перелетными, и за „влетѣвшими въ острогъ" владѣльцами овцы—нарисуется цѣлая картина раболѣпной суматохи и всякаго насилія, предпринятаго для „замазанья" дѣла. И картина эта едва ли даже преувеличена. Стоитъ вспомнить хотя бы приводимые Ровинскимъ, въ его рѣчи къ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году, примѣры того, какъ производились слѣдствія во времена его молодости, т.-е. уже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Эти крестьяне, высланные въ Москву изъ рязанской губерніи *по этапу* для отобранія отъ нихъ подписки, что они представятъ *украденные у нихъ* тулупъ и поддевку для оцѣнки, забытой при возвращеніи вещей;—эти купцы, жалующіеся на кражу у нихъ четырехъ боченковъ сельдей и попадающіе, совершенно неожиданно, сами подъ слѣдствіе о томъ, откуда они этихъ сельдей взяли и имѣютъ ли право торговать ими;—этотъ мѣщанинъ, томящійся въ острогѣ по обвиненію въ *праздной* ѣздѣ по улицамъ,—конечно мало чѣмъ уступятъ дьякону съ гусями и крестьянамъ съ овцою...

Видѣвъ лично и переживъ ту тьму, которую смѣнилъ свѣтъ преобразованій Александра II, Горбуновъ съ душевной радостью рисуетъ признаки обновленія, совершавшагося у него на глазахъ. Не разъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ съ глубокою благодарностью обращается онъ къ памяти Освободителя. Но движеніе впередъ и измѣненіе сложившагося строя не можетъ, несмотря на свою желательность и историческую неизбѣжность, не имѣть и тѣневыхъ сторонъ. Городская жизнь, чрезвычайно развившаяся въ послѣдніе годы, съ ея фабриками, отхожими промыслами и нездоровыми приманками—дѣйствуетъ на деревню въ своемъ родѣ опустошительно, внося разложеніе въ ея нравственные и бытовые устои. Горбуновъ, со свойственной ему правдивостью, отмѣчаетъ это вліяніе. „С.-Петербургъ отъ насъ далеко, говоритъ у него „въ дорогѣ" крестьянинъ-извозчикъ,—которые вотъ съ нашей стороны живутъ тамъ въ половыхъ, или по мастерству по какому—придетъ въ деревню и сейчасъ себя такъ означаетъ, что съ нашимъ мужицкимъ разговоромъ и не подступишься. Куцую штуку надѣнетъ—спинжакъ, что ли, по ихнему и такъ онъ понимаетъ, что въ спинжакѣ въ этомъ вся сила... Бѣда эти санктъ-петербургскіе спинжаки. Другой горечь, а доказываетъ!"—„Не по закону ты жить сталъ",

—говоритъ старуха записавшемуся въ мѣщане.—„Тетушка Матрена,—отвѣчаетъ тотъ, — надѣнь спинжакъ-то, и ты по другому заживешь. Въ деревнѣ за сохой ничего не обучишься,—соха—она соха и есть. Простой кто ежели человѣкъ"... „Что-жъ ты соху-то позоришь?—прерываетъ его старый крестьянинъ,—соху-то намъ Богъ въ руки далъ!" — „Матушка, Ѳекла Семеновна, одинъ вѣдь разъ живемъ,—восклицаетъ купецъ, привыкшій „чертить",—одинъ разъ живемъ!.. Помремъ—все останется... Вѣдь не въ лаптяхъ ходимъ, голубушка, есть на что"...—„Что ты про лапти говоришь,—отвѣчаетъ богатая старуха-купчиха,—я сама въ лаптяхъ хаживала. Ты лапти не кори".—„Я не къ тому". — „То-то не къ тому! Покойникъ сертукъ-атъ надѣлъ, когда весь свой полный капиталъ скопировалъ, да и то, бывало, говоритъ: неловко, Семеновна, давай опять поддевку надѣну — поддевка-то, говоритъ, насъ съ тобой выкормила..."

X.

Не одна разговорная великорусская рѣчь, въ ея видоизмѣненіяхъ сообразно общественному положенію изображаемыхъ лицъ, была искуснымъ орудіемъ въ умѣлыхъ рукахъ Горбунова. Знатокъ бытовой исторіи древней Руси, онъ превосходно владѣлъ языкомъ различныхъ періодовъ XVII и XVIII вѣка. Этимъ языкомъ писалъ онъ письма къ пріятелямъ, на немъ излагалъ многіе свои разсказы и представлялъ оцѣнку разныхъ событій, бытовыхъ явленій или оффиціальныхъ порядковъ. Но не въ одномъ выработанномъ внимательнымъ изученіемъ источниковъ языкѣ состояла художественная особенность Горбунова. Онъ умѣлъ всѣмъ своимъ умственнымъ складомъ переселяться въ эпоху, соотвѣтствующую языку, понимать и улавливать ея особенности и говорить о томъ или другомъ современномъ намъ явленіи, оставаясь въ предѣлахъ міросозерцанія той эпохи и общественной среды, къ которой принадлежалъ пишущій или говорящій. Онъ пренебрегалъ нетрудною, при извѣстномъ знаніи языка, задачею —изобразить мысли и взгляды *нынѣшняго* человѣка словами и оборотами стариннаго языка; у него за безупречною точностью этого языка всегда слышался и современный языку человѣкъ, въ томъ видѣ, въ какомъ намъ представляютъ его историко-бытовыя изслѣдованія Соловьева, Забѣлина, Костомарова, Пыпина, Тихонравова и др. Поэтому, когда какая-нибудь грамота или письмо Горбунова переносятъ читателя въ давно-прошедшее

время, яркими чертами рисуя тогдашнюю дѣйствительность, передъ нимъ встаютъ—воевода на далекой границѣ русскаго царства,—посланный за западный „рубежъ“ бояринъ,—подъячіе, приказные, подсудимые,—московскіе „запойные и заблудные“ люди,—и наконецъ самъ „верховой (т.-е. придворный) скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ“, какъ любилъ называть себя И. Ѳ. Горбуновъ.

Замѣчательнымъ доказательствомъ глубокаго искусства, съ какимъ владѣлъ старымъ русскимъ языкомъ Горбуновъ, служитъ, между прочимъ, указаніе Т. И. Филиппова на то, что составленное имъ описаніе поѣздки русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже книжныхъ археологовъ въ недоумѣніе, такъ что ученый знатокъ старины П. И. Савваитовъ счелъ это описаніе за копію съ подлиннаго статейнаго списка XVII вѣка и удивлялся, что уже и въ то время за границею существовала рулетка. Точно также ввелъ многихъ компетентныхъ лицъ въ заблужденіе относительно своей подлинности, благодаря своему выдержанному языку, и составленный Горбуновымъ указъ царя Алексѣя Михайловича о нѣмцахъ и еретикахъ.

Рядъ шуточныхъ привѣтствій и наставленій, написанныхъ Горбуновымъ на церковно-славянскомъ языкѣ, показываетъ, что и съ нимъ онъ былъ знакомъ основательно и могъ бы, пожалуй, не уступить въ этомъ знаніи Костомарову, оставившему много превосходныхъ писемъ на этомъ языкѣ, образчикомъ которыхъ можетъ служить недавно опубликованное письмо къ Н. В. Барсукову отъ „недостойнаго и паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшаго старца Николая еже на рѣцѣ Невѣ суща“, отъ 24 ноября 1862 г. Вотъ, напримѣръ, „статьи, како увѣщевати глаголемаго лампописта“,—т.-е. москвича, излюбившаго приготовляемый въ лучшихъ московскихъ трактирахъ особый напитокъ изъ пива, сахару, лимона и поджареннаго хлѣба, называемый *Лампопо* (пополамъ). „Рци ми, о лампописте, коея ради вины къ душепагубному и умопомрачающему напою — алемански же речется лампопо̀ — присталъ еси? Не вѣси ли, о лампописте, егда ти сущу въ пьянственномъ пребываніи вси бѣси великаго града Москвы, со слободы и посады, ликоствуютъ и гласомъ радованія восклицаютъ: се, книжникъ лампопистомъ содѣяся и сыномъ отца нашего Вельзевула учинися; руками плещутъ, очима помизаютъ. Оле, твоего безумія лампописте! Не имаши тайнаго зрѣнія и не разумѣваеши, яко въ бѣлыхъ ризахъ, окрестъ тя стоящіе, не слузи гостинника Тѣстова, а бѣси ярославскіе, отъ нихъ же главоболѣзненные напои пріемлеши; не вѣси, нерадѣнія твоего

ради, яко дымъ, исходящій изъ сосуда — дыханія Вельзевуловы суть“.

Мы говорили уже о томъ, какъ интересовала Горбунова судебная реформа. Видѣвши во всей красѣ простоту и стремительность стараго административнаго суда въ московскихъ захолустьяхъ, отправляемаго полицейскимъ коммиссаромъ, онъ описалъ свои впечатлѣнія, по поводу воспоминаній о рѣдкой раскольничей рукописи, будто бы озаглавленной „о нѣкоторомъ коммиссарѣ, како стяжалъ и о купцѣ“, въ которой яко бы говорится: „не Богъ сотвори коммиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую“. Немногимъ лучшія впечатлѣнія вынесъ онъ и изъ знакомства съ общими судами и тѣми паразитами, которые ютились около нихъ, благодаря формальнымъ узамъ, опутывавшимъ преисполненное всякаго рода затяжекъ и отсрочекъ судопроизводство, не имѣвшее дѣла съ живымъ человѣкомъ, а лишь съ ворохомъ бумагъ. Въ разсказахъ его мелькаютъ яркія фигуры „иверскихъ“ юристовъ-дѣльцовъ и вѣдомыхъ лжесвидѣтелей, засѣдавшихъ въ Охотномъ ряду въ трактирѣ „Шумла“, гдѣ „вѣдалось ими и оберегалось всякое московскихъ людей воровство, и поклёпы, и волокита“. Любящая народъ душа Горбунова почуяла всю важность судебнаго преобразованія не только въ смыслѣ водворенія правосудія, но и въ смыслѣ поднятія народной нравственности. Онъ сталъ посѣщать суды, живо интересуясь не однимъ исходомъ дѣлъ, но и самымъ ихъ процессуальнымъ движеніемъ, вникая во всѣ его особенности. Ему чрезвычайно былъ дорогъ въ особенности судъ присяжныхъ. Исходъ и самое возбужденіе такихъ дѣлъ, какъ напр. дѣла властнаго милліонера Овсянникова, обвинявшагося въ поджогѣ мельницы, или дѣла опиравшейся на обширныя связи игуменьи Митрофаніи, немыслимыя при старыхъ судебныхъ порядкахъ и связанныхъ формальною рутиною дѣятеляхъ, радовали его несказанно и служили матеріаломъ для разнообразнѣйшихъ варіантовъ въ его разсказахъ въ дружескомъ кругу.

Живая мысль его переносилась въ далекое прошлое и рисовала судъ присяжныхъ въ рамкахъ и условіяхъ этого прошлаго.

Результатомъ этого явился въ 1878 году указъ тогдашнему предсѣдателю петербургскаго окружного суда *„отъ государя, царя и великаго князя окольничему нашему, Анатолію Өедоровичу“*.

„Били намъ челомъ всякихъ чиновъ люди, — говорилось въ указѣ, — емлютъ де съ нихъ въ разбойномъ приказѣ подъячіе деньги не малыя, волочатъ и убытчатъ безъ разсудку. И намъ

бы, великому государю, ихъ пожаловати—велѣти для сыску татинныхъ и разбойныхъ и убиственныхъ дѣлъ быти человѣку доброму, кому бъ въ такихъ дѣлѣхъ можно было вѣрить. И мы, великій государь, всякихъ чиновъ людей пожаловали, велѣли тебѣ, Анатолію, сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія татинныя и разбойныя дѣла вѣдати. И кому грѣшною мѣрою учинится смерть, или который человѣкъ удавится или, вина опився, сгоритъ, или кто межъ собою подерется хмельнымъ дѣломъ и убьетъ, и про то сыскивать подлинно—и которые людей волочатъ и убытчатъ, и тѣхъ людей вѣдати и оберегати и расправу промежъ всякими людьми чинити безволокитно—и въ поклепныхъ искѣхъ, и въ подметѣ, и въ бою, и въ грабежу, и кто крадетъ, и разбиваетъ, и до смерти людей убиваетъ, и въ какой сварѣ зубомъ ухватитъ и носъ отъястъ,—и женскій полъ и дѣвичъ, которыя, по насердкѣ, на всякихъ чиновъ людей б..... сказываютъ для своей бездѣльной корысти потому жъ сыскивати нáкрѣпко всякими сыски. И кто въ городѣ корчму держитъ и татинною рухлядью промышляетъ,—и мнишецкаго чину и гостиной сотни запойныхъ людей и чаровницъ и которыя дѣвки въ скоморошествѣ оголяются, глазами помизающе, сквернаго ради смѣшенія—сыскивати подлинно. А какова вора или татя или убійцу изымаютъ и приведутъ и видоковъ ставить къ кресту къ цѣлованію. А учнутъ видоки показывать подлинно и у него дворы и животы описывати и сажати въ тюрьму до указу. И будетъ воровство его и въ какихъ причинахъ онъ бывалъ сыщется до пряма, вынявъ изъ тюрьмы, судити въ разбойномъ приказѣ при всенародномъ множествѣ, а въ помочь ему ставити подъячаго добраго, который бы вины его очищалъ. Да для сидѣнья жъ въ разбойномъ приказѣ пожаловали мы, великій государь, велѣли выбирать судей по двѣнадцати человѣкъ да по два изъ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, добрыхъ, небражниковъ, которые бъ были душою прямы и всѣмъ людямъ любы. И тѣхъ людей приведчи къ крестному цѣлованію, а доводчику велѣти воровы вины честь. А какъ доводчикъ вины его прочтетъ и тебѣ, Анатолію, ставити его съ видоки на очи и допрашивати нáкрѣпко. А какъ подъячій учнетъ воровы вины очищать и противъ того подъячаго потому жъ говорить. А слушавъ вашихъ рѣчей, выборные судьи пойдутъ въ другую палату, за приставы, чтобъ сговору какого промежъ ихъ съ народомъ не было. А пришедъ въ палату судятъ сопча боевой часъ и больши, чего воръ доведется. И будетъ вышедчи скажутъ, что за воромъ вина есть и тебѣ судити по уложенію. А

будетъ учинишь ты не по уложенію, а тотъ воръ или тать или убойца или корчемникъ ударитъ челомъ въ нашу царскую думу, что учинилъ ты не по уложенію и того вора судити вдругорядь иными судьи. А тебѣ, Анатолію, будетъ учинилъ ты не по уложенію съ простоты—вины нѣтъ; а будетъ учинилъ ты по на́сердкѣ на того вора, или татя, или убойцу, или корчемника—наша царская опала съ записью въ разрядной книгѣ".

Къ этого же рода удивительнымъ—по правдивости языка, по стилю и по краскамъ — документамъ относится написанная въ семидесятыхъ годахъ, во время возникновенія въ Петербургѣ обширнаго дѣла о скопческой ереси, челобитная самого Горбунова, будто бы вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля по подобному же дѣлу въ концѣ XVII вѣка (когда и самой скопческой ереси еще не существовало) съ разсказомъ о томъ, какъ и о чемъ онъ былъ допрашиваемъ. Къ сожалѣнію многія существенныя ея части, заключающія и тонкую сатиру на одностороннюю оцѣнку доказательствъ въ подобныхъ дѣлахъ, неудобны для печати. Приходится ограничиться лишь небольшими выписками изъ этой жалобы Ивашки Ѳедорова, который „бьетъ царю челомъ", и повѣствуетъ, что „изыманъ я приставы и волоченъ пѣшъ до губныя избы и великія отъ того ихъ волоченія мнѣ, сиротѣ твоему, чинены убытки: однорядку вишневую, твое государево жалованье, изодрали всю безъ остатка и однорядочка къ свѣтлому дню у меня нѣтъ. И губной староста, да подъячій учали меня бить и за волосья таскать и истерзавъ довольно стали говорить распросныя рѣчи съ пристрастіемъ: „на Москвѣ живучи, Ивашка, ты лихихъ людей знавалъ ли и за пьянствомъ съ ними ходилъ ли? и будетъ ты лихихъ какихъ людей знавалъ и еретичество ихъ вѣдалъ, съ Гуріемъ на .... ходилъ ли? и ходючи съ нимъ и т. д.". Слѣдующіе за тѣмъ вопросы поразительны по своей неожиданности,—художественны въ своей непосредственной наивности и въ то же время вполнѣ соотвѣтствуютъ сущности преступленія, въ которомъ обвиняется впавшій въ ересь Гурій. Допросъ оканчивается требованіемъ сказать: „и онъ Гурій убоину ѣлъ ли и смердящую бѣсовскую богоненавистную табаку пилъ ли? Да онъ же Гурій на Москвѣ живучи, ежедень скрывался—и то тебѣ, кто скрывалъ и норовилъ ему вѣдомоль?"—Но усердіе тогдашняго слѣдователя, несмотря на энергическіе и чувствительные аргументы, предшествовавшіе допросу Ивашки, не исторгаетъ ничего полезнаго для дѣла по существу, ибо „я, сирота твой, памятуючи страшный судъ, противъ тѣхъ распросныхъ рѣчей сказалъ прямо вправду:

на Москвѣ живучи въ скоморохахъ—лихихъ людей не зналъ; всякихъ заблудныхъ, и зерщиковъ, и скомороховъ, и мнишецкаго чина и гостиной сотни запойныхъ людей зналъ довольно— и за пьянствомъ съ ними ходилъ и *составныя затѣйныя слова* говаривалъ, а кто Гурія ..... то мнѣ невѣдомо, а онъ, Гурій, человѣкъ смирный“...

Если приведенная выше грамота соотвѣтствовала идеальному для своего времени судопроизводству, то челобитная эта соотвѣтствовала печальной дѣйствительности, когда свидѣтель мало чѣмъ отличался отъ подсудимаго. Стоитъ припомнить Котошихина, житіе Аввакума и т. п. Вообще трудно жилось русскому человѣку въ XVII вѣкѣ. Съ востока и запада враждебно окружали его иноземцы, возбуждая его крайнее недовѣріе,— чуждые ему по вѣрѣ, по образу жизни, по языку,—всегда могущіе то угрожать силою, то дѣйствовать хитростью и коварствомъ. Противъ всѣхъ надо было быть насторожѣ. Но зорко слѣдя за ними издалека, не мѣшало узнать и поближе, что̀ они за люди и какимъ обычаемъ живутъ. И вотъ изъ-подъ пера Горбунова выливается сначала письмо изъ Эмса, а потомъ, въ 1885 г., донесеніе царскаго воеводы о битвѣ на Кушкѣ. „Въ нынѣшнемъ 377 году,—такъ начинается письмо,—прислана мнѣ твоя, великаго государя, грамота. Написано: — ѣхать тебѣ, Ивану, въ разные города нѣмецкаго государства и смотрѣть тѣхъ городовъ люди и намъ, великому государю, отписывать... и ѣхавъ землями нѣмецкаго государства не грабить, не пьянствовать и съ нѣмцы разговорныя слова говорить и отвѣтъ держать примѣрившись, съ вымышленіемъ, бояся нашея опалы и жестокаго истязанія безо всякія пощады. А будетъ который начальный нѣмецкій человѣкъ спроситъ—какія ради нужды посланъ? говорить: посланъ для его великихъ государевыхъ дѣлъ. А даровъ ему не давать. А прилучится который нѣмчинъ прошать будетъ, и тому дать кормы небольшіе да деньгами на пиво, по три алтына на человѣка“. Нашъ XVII-ый вѣкъ въ своей рѣчи и воззрѣніяхъ такъ и глядитъ со всѣхъ строкъ письма! Оказывается, что „городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ вода живая, а та вода шипитъ... и у котораго человѣка нутро болитъ, али утѝнъ, али порча, али ина хворь, и дохтуры тоя болѣзнь своимъ дохтурствомъ смотрятъ и ту живую воду велятъ пить и голымъ въ той водѣ сидѣть. А люди московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бываютъ. А ренское вино доброе“... Затѣмъ идетъ описаніе рулетки, столь смутившее Савваитова отпечаткомъ правди-

вости, положеннымъ на него искусною рукою Горбунова. „Палата построена каменная,—повѣствуетъ бояринъ,—большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и *вралетку вертитъ и прыгунца пущаетъ*—бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчины народное множество—и иныхъ государствъ люди, и жиды, и езовиты, и женки, и дѣвки, и старыя бабы, и воровскіе заблудные люди—и кладутъ тому нѣмчину золотые амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту". Если царскому боярину пришлось увидать много интереснаго за границею, то царскому воеводѣ (генералъ-лейтенанту Комарову, разбившему афганцевъ на Кушкѣ и занявшему городъ Пенде 18-го марта 1885 г.) пришлось пережить тревожныя минуты, требовавшія стойкости и большой рѣшительности.

Онъ стоялъ съ „великаго государя ратными, пѣшими и конными людьми на Кушкѣ рѣкѣ, и вѣдомо ему учинилося, что англинскіе люди ссылаются съ афганскимъ мурзою и говорятъ воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобы со своими татары соединячась къ злому воровству ихъ приставъ и противъ твоихъ, великаго государя ратныхъ людей, учинилъ бой, и мурза, предався въ неискусенъ умъ, тѣхъ рѣчей слушалъ"... Желая кончить дѣло миролюбиво, воевода ссылается съ мурзою, но тотъ указываетъ, что ему велѣно слушать англичанъ, при чемъ „королевинъ англинскій капитанъ" (серъ Чарльзъ Уетъ) посылаетъ письмо воеводѣ, который отправляетъ своего уполномоченнаго (подполковника Закржевскаго) говорить съ англичанами. „И съѣдчись говорили. Англинскіе люди говорили: вы де въ Индею идете. А полуполковникъ съ товарищи говорилъ: мы де въ Индеи будемъ когда нашъ великій государь похочетъ. А таперьво мы въ Индею не идемъ,—а пришли для береженья новыхъ государевыхъ городовъ, которые ударили челомъ великому государю, чтобъ быть имъ со всѣми людьми подъ его высокою рукою.— А будетъ государь вашъ похочетъ и вы въ Индею пойдете ли?—Коли великій государь, его пресвѣтлое царское величество похочетъ, и въ томъ будетъ его воля, и мы въ Индею пойдемъ того жъ числа, какъ указъ будетъ.—А зачѣмъ-де вамъ итти въ Индею: у вашего государя земли довольно? —У государя нашего земель много, и въ умъ не вмѣстится, а въ Индею намъ итти, чтобы милордамъ вашимъ и купцамъ и прочимъ королевинымъ англинскимъ людямъ надъ московскимъ государствомъ дуровать было негораздо. И какъ мы будемъ въ Индеи и вамъ-то будетъ за страхъ, а московскому государству утѣшеніе.—И пивъ боевой часъ ренское, разошлись". Вопросъ

остался открытымъ и на утро мурза ударилъ съ татарами на государевыхъ людей, но они бились „крѣпкостоятельно“, такъ что татары, „видя надъ собою великаго государя ратныхъ людей промыселъ и жестокій приступъ и пожарное разореніе— побѣжали розно, а англинскіе люди, снявъ порченки, тожъ побѣжали и городъ Пинжа отъ татаръ и англинскихъ людей очистился, а мурза англинскаго королевина капитана за бороду дралъ: въ своей-де землѣ вамъ не сидится, пришли къ намъ заводить смуту“. „А городъ Пинжу (Пенде) я взялъ для прицѣпленія онаго къ твоему великодержавному скиѳтру“—кончаетъ воевода свое донесеніе, пріобрѣтающее, благодаря Горбунову, почти эпическій характеръ по содержанію и по выдержанности языка.

Излишне доказывать вѣрность этого языка и тона, господствующаго во всѣхъ приведенныхъ произведеніяхъ Горбунова. Каждый, читавшій различныя бумаги конца XVII вѣка, оцѣнитъ бытовую и стилистическую ихъ близость къ несомнѣннымъ подлинникамъ и даже законодательнымъ актамъ, въ родѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Достаточно привести хотя бы находящійся у насъ подъ руками отрывокъ изъ слѣдственнаго дѣла 1692 года: „да онъ же Дмитрій Тверитиновъ, будучи перегибателенъ не токмо духомъ, но и тѣломъ и утѣшно-вѣжливо говоря и мастеря совратился въ люторову ересь — и другихъ соврати“... или часть челобитной ушедшаго изъ турецкаго плѣна стрѣльца. „И шелъ я,—говорится въ ней,—холопъ твой Ивашка, съ товарищи своими черезъ многія земли нагъ и босъ, и во всякихъ земляхъ призывали насъ на службу и давали жалованье большое, и мы, холопи твои, христіанскія вѣры не покинули, и въ иныхъ земляхъ служить не хотѣли, и шли мы, холопи твои, на твою государскую милость. Милосердый государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи! пожалуй меня, холопа твоего, съ моими товарищи за наши службишка и за полонское нужное терпѣніе своимъ царскимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ праведному и милосердому государю объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣститъ“, при чемъ на оборотной сторонѣ челобитной имѣется помѣта думнаго дьяка: „751 г. іюня въ 20 день государь пожаловалъ тому стрѣльцу... велѣть дать корму по 2 алтына, а достальнымъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ по 8 денегъ, казакамъ по 7, пашеннымъ крестьянамъ по 6 денегъ, для того, что освободились безъ окупу и отослать подначало къ патріарху для исправленья, для того, что у папы пріимали сакраментъ“. Или, наконецъ, можно привести челобитную царю Алексѣю Михайловичу отъ первыхъ

русскихъ актеровъ, подъячаго Василія Мѣшалкина съ товарищи, приводимую П. О. Морозовымъ въ его „Исторіи русскаго театра“:—„по твоему великаго государя указу, отослали насъ, холопей твоихъ, въ нѣмецкую слободу для изученія комидійнаго дѣла къ магистру Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и нынѣ мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему, магистру, и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапожёнками обносились, а пить, ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитаніе поденный кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комидійнаго дѣла, голодною смертію не умереть“.

Способность свою переноситься въ XVII вѣкъ, становясь въ способахъ выраженія и самомъ міросозерцаніи своемъ человѣкомъ этого вѣка, Горбуновъ примѣнялъ не только къ очерку порядка вещей или событій болѣе или менѣе значительной важности. Онъ любилъ излагать такимъ образомъ иногда мелкія происшествія своей жизни и вообще сноситься съ пріятелями, при чемъ его юморъ усугублялся челобитнымъ тономъ. Такъ, въ альбомъ покойнаго Михаила Ивановича Семевскаго онъ записалъ цѣлый шутливый разсказъ о путешествіи своемъ съ товарищемъ своимъ Б. по Волгѣ и Камѣ, для совмѣстнаго участія въ спектакляхъ и чтеніяхъ. „Бьетъ челомъ,—пишетъ онъ,—сирота твой государевъ, потѣшнаго приказа скоморохъ Ивашка Өедоровъ. Жалоба мнѣ государь того же приказа на скомороха на Өедьку Алексѣева. Въ нынѣшнемъ году сошелъ я на стругѣ внизъ по Волгѣ рѣкѣ до Перми великія для своихъ сиротскихъ промыслишковъ“... Описавъ какъ къ нему на стругъ (пароходъ) вышелъ у Работокъ на встрѣчу товарищъ и „крестъ цѣловалъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ и что̀ Божьей помощью испромыслимъ дѣлить на двѣ стороны ровно, а ему чтобы развратныя рѣчи не говорить и не ругаться; а мнѣ, Ивашкѣ, ѣдучи съ нимъ, съ Өедькою, Камою рѣкою, на берегъ и въ лѣса не сбѣжать“,—Горбуновъ жалуется, что „нынѣ тотъ Өедька, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, умышляетъ дурно: въ разсчетахъ творитъ хитрость, а себѣ корысть, ѣстъ псину и мертвечину и иное скаредное и пьетъ почасту; да онъ же, Өедька, рейтарскаго строя съ маеоромъ играетъ въ зернь и отъ той его игры сталъ онъ безъ портокъ. Царь-государь! смилуйся,—восклицаетъ онъ,—пожалуй, чтобы мнѣ отъ того Өедьки не придти въ конечное разореніе!“—Такъ, въ 1890 году, Горбуновъ написалъ

посланіе въ Москву, начинающееся словами: „вѣдомо намъ учинилося“ и содержащее въ себѣ великолѣпный и подробный разсказъ о томъ, какъ въ бѣлокаменной, во всѣхъ бражныхъ станахъ и у „нѣмчина Яра“ въ мясопустную седьмицу пьянство преумножается и въ какихъ дѣйствіяхъ оно выражается. Разсказъ этотъ, по характеру дѣяній „бражниковъ“ совершенно невозможенъ для передачи въ печати, ибо описываетъ недвусмысленнымъ и любящимъ точность языкомъ XVII столѣтія тѣ безобразныя сцены, которыми сопровождается обычный въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества и въ народѣ масляничный разгулъ и „чревонеистовство“, доводящее до разбирательства у мировыхъ судей и выражающееся, между прочимъ, въ томъ, что „въ мясопустную седьмицу на Москвѣ всѣ убогіе дома и бражныя тюрьмы полны увѣчными, избитыми, опившимися и умопомраченными“. Посланіе кончается такъ: „и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бы заказывали накрѣпко, чтобы московскіе люди отъ горькаго пьянства отстали и во всю мясопустную седьмицу въ домѣхъ своихъ сидѣли и во всякомъ благочестіи пребывали, а кому, по нуждѣ, сидѣть не можно и тѣ бы мимо бражныхъ становъ не ходили, а случится идти мимо бражныхъ становъ, шли бы не озираючись, памятуючи жену Лотову. А которые боярскіе дѣти не послушаютъ и по бражнымъ станамъ ходить будутъ и тѣхъ изъ бражныхъ становъ выбивать силою и сапоженки сымать и платьишко отбирать до указу“...

Въ началѣ XVIII вѣка, въ образный и цѣльный по своему источнику русскій языкъ, особливо въ языкъ оффиціальный, вторглась масса иностранныхъ словъ, замутившихъ его чистоту и придавшихъ ему новый, странный и очень часто несимпатичный характеръ. Однимъ изъ свойствъ его сдѣлалась изломанность и дѣланность, съ которыми потомъ пришлось бороться до XIX вѣка, причемъ настоящій русскій языкъ постепенно завоевалъ свои одно время поруганныя права и наконецъ сталъ снова на высоту, вызвавшую трогательную просьбу Тургенева: „берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ числѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ,—обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно способно совершать чудеса“...

Еще при Петрѣ, въ его распоряженіяхъ, указахъ и законодательныхъ актахъ, въ его письмахъ слышится прекрасный старый языкъ нашъ. „Не суетный на совѣсти нашей возъимѣли

страхъ", пишетъ онъ по поводу духовнаго регламента. „Не рабствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою и не плѣняясь страстями",—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Письма его, изданныя академикомъ Бычковымъ, полны оборотовъ и выраженій конца XVII вѣка, но иностранныя слова уже часто внѣдряются среди нихъ и сплетаются съ ними, по временамъ безъ всякой нужды, не имѣя себѣ оправданія даже и въ нѣкоторой бѣдности стараго языка для выраженія отвлеченныхъ понятій. „Воюя тайнымъ коварствомъ на истину въ образѣ правды",—пишетъ Петръ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ своей великой и многотрудной жизни — и въ то же время увѣковѣчиваетъ въ одномъ изъ указовъ, вставляемыхъ, по его повелѣнію, въ зерцало, такія выраженія, какъ „чинить мины подъ фортецію правды"... Но послѣ Петра нашъ оффиціальный языкъ, проникающій все болѣе и болѣе сверху внизъ, портится гораздо сильнѣе, особливо при Аннѣ Іоанновнѣ и въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны. Въ указахъ говорится о „дѣлахъ штатскаго теченія", являются названія „парадная бета" (ложе), „каструмъ долорисъ" (при похоронахъ), „драдорная (drap d'or) матерія", „синтура (ceinture) фузоральная" и т. п. Можно бы привести множество подобныхъ выраженій, указывающихъ ничѣмъ неоправдываемое пренебреженіе къ родному языку, но это не имѣетъ отношенія къ предмету настоящаго очерка. Мы упоминаемъ о языкѣ XVIII вѣка лишь для того, чтобы сказать, что и онъ былъ знакомъ Горбунову, хотя имъ онъ пользовался гораздо рѣже. Такъ исторія о нѣкоторомъ зайцѣ начинается со слѣдующаго письма Петра Великаго, въ которомъ въ точности соблюдена даже орѳографія государя. „Мингеръ графъ.—Зазаеца благодарствую і тово заеца немешкаѳъ на асамблеи с ели і івашку хмельницкава многажды неленосно тревожили понеже заецъ вельми жыренъ былъ и шпігусомъ зело чіненъ чаели и животу не быть да сілою ідействіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшего Кѵра живы сущі и ѳ здравіі пребываемъ і отомъ подлино вамъ отъ пісываю". Даря М. И. Семевскому рѣдкій литографированный портретъ цесаревича Константина Павловича съ подписью: „Константинъ первой, императоръ Всероссійскій", бывшій въ продажѣ лишь самое короткое время и затѣмъ изъ нея изъятый послѣ оглашенія отреченія великаго князя отъ престола, Горбуновъ пишетъ: „прилагаемая при семъ персона (такъ въ первой половинѣ XVIII в. назывался портретъ) сукцессора въ надлежащей конфиденціи у васъ находиться имѣетъ, и никому генерально оную не объявлять и отъ подлыхъ

(т.-е. отъ простонародья) всячески скрывать надлежитъ, дабы какой бездѣльный человѣкъ малоуміемъ своимъ сатисфакціи не учинилъ и въ тайную канцелярію о семъ не донесъ; а я милостивцу впредь служить готовъ"... Въ одной изъ своихъ милыхъ и продуманныхъ письменныхъ шутокъ, которую онъ любилъ разсказывать и на память, Горбуновъ послѣдовательно разрабатываетъ одинъ и тотъ же предметъ на языкѣ трехъ столѣтій, съ тонкою обрисовкою перехода отъ добродушнаго индивидуализированія, свойственнаго распоряженіямъ старины, къ формалистическимъ пріемамъ, нерѣдкимъ въ бюрократической практикѣ настоящаго.

„Бьетъ челомъ и плачется сиротишка твой, государьевъ, разбойнаго приказа писчикъ Павликъ,—начинается челобитная XVII вѣка, въ которой „писчикъ" объясняетъ, что приказано ему сидѣть въ приказѣ безотступно, получая половинное жалованье противъ другихъ подъячихъ, да сапоги, да однорядку и шапку,—но такъ какъ первые поистлѣли, а вторая износилась, отчего „въ приказъ ходить нудно: пальцы прихватываетъ и ногамъ тягота великая" — то и проситъ велѣть себя, сиротишку, обуть. На челобитной оказывается помѣта: „объявлено государево жалованье: дать однорядку, да сапоги, да шапку".

Иная уже резолюція на челобитной XVIII вѣка. Просителю приказано его сіятельствомъ генералъ-аншефомъ, генералъ-адъютантомъ и преображенскаго полка бригадиромъ быть въ юстицъ-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока, а затѣмъ отъ той же коллегіи послѣдовало распоряженіе — отъ оной коллегіи отставить. „А мнѣ, нижайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи невозможно. А посему..." —пишетъ онъ, и добивается неожиданнаго распоряженія—„опредѣлить ея императорскаго величества на молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда же натурою". Нетрудно замѣтить тонкую разницу въ характерѣ и языкѣ этихъ ходатайствъ. Писчикъ Павликъ — при несложности правительственной машины своего времени обращается къ власти, такъ сказать, непосредственно, ссылаясь лишь на то, что „онъ, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоемъ великаго государя дѣлѣ радѣлъ"... Дворцовые перевороты средины XVIII в. и развитіе служебнаго механизма сказываются во второмъ ходатайствѣ. Уже считается необходимымъ сослаться на то, что проситель опредѣленъ на службу по приказанію сильнаго человѣка и быть можетъ временщика, въ родѣ Бирона—и на то, что онъ, нижайшій, служилъ „интересу" своей повелительницы. Очевидно, что между этимъ *нижайшимъ* и *сиротишкою* XVII вѣка

не даромъ протекло цѣлое столѣтіе воспоминаній и наблюденій. Пришлось сдѣлаться не простымъ просителемъ, а дипломатомъ. И какъ умѣлъ Горбуновъ придать послѣдней челобитной надлежащую окраску! Какъ невольно видится за нею цѣлый періодъ исторіи, про который графъ Никита Панинъ докладывалъ Екатеринѣ II: „сей эпокъ заслуживаетъ особое примѣчаніе, въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ", и когда не только просители изъ „сиротъ" обращались въ „нижайшихъ", но когда даже сенаторы подписывались „всеподданнѣйшіе и природные В. И. В. рабы", а генералъ и оберъ-прокуроры называли себя, въ оффиціальномъ рапортѣ 1744 года, „по присяжной всеподданнической рабской должности и вѣрности всепослѣднѣйшими рабами".

Прошеніе XIX столѣтія,—склоннаго вообще стушевывать личность предъ государственными или даже фискальными требованіями,—не потребовало много времени на прочтеніе. „Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ,—пишетъ проситель,—и не имѣя возможности, при настоящей дороговизнѣ хлѣба и мяса"... „По непредставленію марокъ оставить безъ послѣдствій",—отвѣчаетъ ему резолюція надлежащаго начальства...

XI.

Отношеніе И. Ѳ. Горбунова къ театру и сценѣ было двоякое. Онъ былъ, въ рядѣ своихъ изслѣдованій—историкомъ русскаго театра. Онъ былъ съ 1854 года артистомъ на сценѣ императорскаго театра—сначала въ Москвѣ, а потомъ, съ 1855 г. —въ Петербургѣ.

Роль театра въ Россіи была съ половины XVIII вѣка очень видная. Его вліяніе на наши нравы несомнѣнно, и бывали періоды, когда онъ являлся настоящею, просвѣтительною, въ широкомъ смыслѣ слова, школою для общества. Не даромъ въ воспоминаніяхъ современниковъ о сороковыхъ годахъ, когда лучшіе представители и наиболѣе яркія проявленія благородныхъ сторонъ общественнаго развитія сосредоточивались преимущественно въ Москвѣ, мысль о сценѣ Малаго театра почти неразрывно сливается съ памятью о московскомъ университетѣ—и имена Грановскаго, Иноземцева и Крылова—переплетаются съ именами Мочалова и Щепкина. Нельзя, быть можетъ, сказать, чтобы русское общество было жадно на театральныя зрѣлища, но что оно всегда было вос-

пріимчиво къ тому, что̀ ему даетъ сцена — это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Такая сознательная воспріимчивость, рождающая строгую оцѣнку и критику, помогла русскому театру, несмотря на его, сравнительно съ западной Европой, недавнее существованіе, стать на надлежащую, а въ нѣкоторые годы даже и на завидную высоту. Еще при Екатеринѣ II, всего чрезъ сто лѣтъ послѣ проникновенія къ царскому двору представленій въ родѣ интерлюдій или „малой прохладной комедіи о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ“ — мы уже имѣемъ національную сцену съ прекрасными исполнителями и собственнымъ репертуаромъ. Неизмѣримая пропасть лежитъ между пониманіемъ публики, посѣщающей театръ во второй половинѣ XVIII вѣка, и наивнымъ взглядомъ посла московскаго царя къ флорентійскому двору—Лихачева, который писалъ въ 1658 году: „комидій было при насъ во Флоренскѣ три игры разныхъ“, при чемъ его заинтересовало вовсе не содержаніе и исполненіе пьесы, а то, что „объявилися палаты — и бывъ палата, и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли; да спущался съ неба на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица; а аргамачки подъ коретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ“...

Вотъ почему исторія нашего театра достойна глубокаго и внимательнаго изученія. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной степени и исторія господствующихъ въ обществѣ настроеній и вкусовъ. Но изслѣдованіе ея можетъ быть производимо съ троякой точки зрѣнія. Можно направить трудъ на систематическое изложеніе введенія и упроченія театра въ Россіи, правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ этому и постепеннаго развитія въ театральномъ дѣлѣ частнаго почина. Это будетъ, такъ сказать, *внѣшняя исторія театра*. Можно сосредоточить изученіе на проявленіяхъ вліянія театра на народъ и на значеніи его, какъ одного изъ факторовъ развитія общественнаго самосознанія и художественнаго пониманія, изобразивъ постепенное измѣненіе репертуара и, если можно такъ выразиться, взаимодѣйствіе сцены и зрительной залы. Это будетъ *внутренняя исторія театра*. Можно, наконецъ, обратиться къ жизни и личнымъ свойствамъ представителей сценическаго искусства, къ особенностямъ ихъ дарованія, къ ихъ способамъ ис-

полненія — и въ рядѣ живыхъ образовъ показать, *какъ* понимались и истолковывались подлежащія сценической передачѣ произведенія искусства въ разные періоды существованія у насъ театра. Это будетъ въ сущности самая трудная, но и самая интересная *критико-біографическая исторія сцены.* Нѣтъ сомнѣнія, что полная исторія русскаго театра должна заключать въ себѣ всѣ три рода изслѣдованій. Но такой исторіи, требующей громаднаго труда, знанія и личныхъ свѣдѣній, у насъ еще нѣтъ. Есть лишь рядъ чрезвычайно почтенныхъ ученыхъ изслѣдованій Тихонравова, Морозова и др., преимущественно по внѣшней исторіи театра, — есть интересные опыты изученія внутренней исторіи его. Но критико-біографическая часть разработана сравнительно гораздо меньше. Отдѣльныя воспоминанія и записки современниковъ слишкомъ отрывочны и субъективны, историческіе матеріалы для точныхъ выводовъ еще недостаточны и не всегда строго провѣрены—и въ попытки критико-біографической исторіи театра иногда вносится, быть можетъ невольно, значительный элементъ фантазіи. Между тѣмъ, славныя имена русской сцены — Волковъ, Плавильщиковъ, Резанцовъ, Шушеринъ и др. — заслуживаютъ серьезныхъ біографій. Горбуновъ со строгою разборчивостью и кропотливостью археолога собиралъ точныя данныя для такихъ біографій, тщательно провѣряя ихъ достовѣрность и отметая, не безъ боли, какъ онъ самъ сознавался, разныя позднѣйшія украшенія и сочувственные вымыслы. Изъ его рукъ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и преимущественно въ нашихъ историческихъ журналахъ, стали выходить фрагменты цѣльной и вѣрной біографической исторіи театра. Онъ занимался этимъ дѣломъ очень усердно, и былъ очень строгъ къ себѣ, лишь послѣ долгой провѣрки выпуская въ свѣтъ свои статьи или читая ихъ въ „русскомъ литературномъ обществѣ“. На ряду съ этимъ онъ собиралъ воспоминанія о русскихъ артистахъ, ихъ портреты, письма, старыя афиши, оффиціальныя бумаги, до нихъ относившіяся, и т. п. Изъ этихъ предметовъ, изъ этихъ вещественныхъ воспоминаній о прошломъ составилось цѣнное собраніе, помѣщенное имъ въ фойе Александринскаго театра. Горбуновъ охотно отдавался воспоминаніямъ о прошломъ русской сцены, которую любилъ искренно, и горячо желалъ видѣть всегда на неизмѣнной высотѣ. Онъ благоговѣлъ предъ именами Садовскаго и Мартынова. Садовскій разбудилъ въ немъ талантъ разсказчика. Встрѣчаясь съ Горбуновымъ въ „молодой редакціи Москвитянина“, онъ имѣлъ на него большое вліяніе. Будучи самъ превосходнымъ разсказчикомъ, владѣя въ совершен-

ствѣ даромъ говорить вызывающія неудержимый смѣхъ вещи съ самымъ серьезнымъ лицомъ, Провъ Михайловичъ далъ своими разсказами первый толчокъ вдумчивому юмору Горбунова. Послѣдній однако не былъ его подражателемъ, а пошелъ своею дорогою, не переставая чтить и прославлять своего „пробудителя". У Садовскаго было, повидимому (къ величайшему сожалѣнію, разсказы его не собраны, и тѣ, кто ихъ слышалъ лично, постепенно сходятъ въ могилу), больше соли, но и больше сочиненности въ томъ, что̀ онъ передавалъ въ дружеской бесѣдѣ. Его повѣствованія о французской революціи, о Наполеонѣ на островѣ Эльбѣ, при чемъ слово Эльба передѣлывалось болѣе, чѣмъ своеобразно, и другіе разсказы были полны захватывающаго юмора. Сто̀итъ припомнить описаніе острова, на которомъ заточенъ великій полководецъ: „ни воды, ни земли,—одна мгла поднебесная и союзный часовой ходитъ!" Несомнѣнно, что такъ *могъ* говорить простой русскій человѣкъ, поставленный въ исключительное положеніе разсказчика историческаго эпизода и передающій его по-своему, но у Горбунова этотъ русскій человѣкъ, представленный въ условіяхъ своей обыденной жизни, проще и глубже. У Садовскаго—особенность языка, картинъ и выраженій; у Горбунова—не только это, но и особенность міросозерцанія и отношенія къ жизни. Русскій человѣкъ у Садовскаго намъ забавенъ, у Горбунова—намъ близокъ и понятенъ...

Когда въ очеркахъ Горбунова говорится о театрѣ, въ нихъ, напримѣръ въ „Бѣлой залѣ", въ „Рыбной ловлѣ"и др., постоянно упоминается съ чувствомъ благодарнаго уваженія имя Садовскаго. „Ты знаешь ли, гдѣ скрывается талантъ у актера?"—спрашиваетъ новичка старый провинціальный актеръ, Хрисанфъ Николаевичъ, и отвѣчаетъ: „въ глазахъ! Посмотри когда-нибудь въ глаза Садовскому... А у Мочалова какіе глаза-то были! Я имѣлъ счастіе играть съ этимъ великимъ человѣкомъ въ Воронежѣ. Онъ игралъ Гамлета, а я — Гильденштерна. — „Сыграй мнѣ что-нибудь.—Я не умѣю, принцъ". Онъ уставилъ на меня глаза — все существо мое перевернулось. Лихорадка по всему тѣлу пробѣжала. Ка̀къ кончилъ я сцену—не помню. Вышелъ за кулисы—меня не узнали.—„Ты хочешь играть на душѣ моей, а не можешь сыграть на простой дудкѣ!"—и губы стараго актера дрожатъ, а глаза наполняются слезами...

Садовскій и Мочаловъ не даромъ сливаются въ памяти Хрисанфа Николаевича. Самъ Садовскій разсказывалъ, что когда, послѣ многихъ мытарствъ, онъ поступилъ, наконецъ, въ 1839 году на московскую сцену, дебютировавъ въ водевилѣ „Любовное

зелье или Цирюльникъ-стихотворецъ" — ему пришлось играть маленькую комическую роль послѣ представленія „Короля Лира". Занавѣсъ надъ умершимъ страдальцемъ-королемъ опустился, театръ гремѣлъ отъ рукоплесканій. Вполнѣ уже одѣтый, Садовскій встрѣтился за кулисами съ Лиромъ — Мочаловымъ, шедшимъ въ уборную,—и тотъ взглянулъ на него такъ, что Садовскій совершенно потерялся. Предъ нимъ стоялъ вовсе не Мочаловъ, а настоящій король, „король отъ головы до ногъ", и столько было мрачнаго огня, душевной муки и глубины въ его взорѣ, все еще какъ будто устремленномъ на Корделію, что у будущаго знаменитаго артиста почти подкосились ноги. Образъ Садовскаго сливался у Горбунова съ воспоминаніемъ о собственномъ его дебютѣ въ Москвѣ, въ 1854 году, который совершился подъ руководствомъ и съ благословенія Садовскаго, въ бенефисъ послѣдняго, причемъ Горбуновъ игралъ роль молодого купца въ пьесѣ Владыкина „Образованность".

Образъ другого знаменитаго артиста, служителя и творца жизненной правды на сценѣ, А. Е. Мартынова, дорогой и близкій Горбунову, былъ у него, по его личнымъ заявленіямъ, неразлученъ съ постановкою на петербургской сценѣ „Грозы", Островскаго, въ которой Горбуновъ игралъ свою лучшую роль—Кудряша. Горбуновъ благоговѣйно собиралъ все, что̀ относилось къ памяти о Мартыновѣ, и часть добытыхъ имъ матеріаловъ о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ его помѣстилъ въ „Русской Старинѣ". Тѣ, кто видѣлъ этого по истинѣ великаго русскаго артиста, не забудутъ, не въ состояніи забыть его—и непередаваемые звуки голоса молодого Кабанова предъ трупомъ жены: „это вы ее убили, маменька, вы!"—конечно часто звучатъ въ ихъ ушахъ при мысли о Мартыновѣ. Тяжела была судьба этого богато одареннаго человѣка... Поступивъ, благодаря совершенной случайности, въ театральное училище въ Петербургѣ, онъ былъ предназначенъ быть „первымъ танцовщикомъ", затѣмъ готовился въ декораторы и, наконецъ, былъ выпущенъ на сцену на комическія роли. Онъ исполнялъ ихъ мастерски. Не даромъ извѣстный итальянскій пѣвецъ Лаблашъ, самъ выдающійся комикъ, на вопросъ—чему онъ смѣется, глядя на игру Мартынова на невѣдомомъ ему русскомъ языкѣ, отвѣчалъ: „по-русски я не понимаю ни слова, но я *понимаю Мартынова*". Но комизмъ былъ не исключительною и не главною чертою таланта Мартынова. Въ смѣхѣ русскаго человѣка почти всегда есть нота затаенной скорби. „Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся"! Была эта нота и у Мартынова, и какая нота! Медленнымъ и тяжелымъ путемъ

вела его судьба, заставляя смѣшить публику, смѣшить заразительно и неудержимо, въ то время, когда подъ его „видимымъ смѣхомъ" давно уже накипѣли „незримыя міру слезы". Эти слезы пробились, наконецъ, благотворною и возвышающею душу струею въ строго драматическихъ роляхъ Мартынова въ пьесѣ Чернышева: „Не въ деньгахъ счастье", и въ особенности въ „Грозѣ", Островскаго. На мѣстѣ актера, одно появленіе котораго еще недавно, въ какомъ-нибудь нелѣпомъ водевилѣ въ родѣ „Дона Ранудо де-Калибрадосъ или что и честь, коли нечего ѣсть" (sic!), возбуждало громкій, заранѣе готовый, смѣхъ зрительной залы, внезапно выросъ человѣкъ, властно и могущественно заглядывающій въ самую глубину потрясеннаго сердца зрителей и силою своего генія дѣлающій его лучше, чище, добрѣе... Роль молодого Кабанова была апогеемъ славы Мартынова, она же была и его лебединой пѣснью. Въ августѣ 1860 года его не стало. Воспріимчивое общество шестидесятыхъ годовъ почувствовало свою потерю, и похороны тѣла высокаго художника, привезеннаго изъ Харькова, были первообразомъ того, что пришлось впослѣдствіи видѣть на похоронахъ Достоевскаго и отчасти Тургенева. „Гроза" была поставлена образцово во всѣхъ отношеніяхъ. Линская была удивительная Кабанова. Холодомъ вѣяло отъ нея. Снѣткова создала поэтическій и цѣльный образъ Катерины, а сцена свиданія Кудряша-Горбунова съ Варварою-Левкѣевой была проведена имъ съ такою жизненною правдою и эстетическимъ чутьемъ, что заставляла забывать, что находишься въ театрѣ, а не притаился самъ, теплою весеннею ночью, на нависшемъ надъ Волгою берегу, въ густой листвѣ, въ которой свиститъ и щелкаетъ настоящій соловей.

Горбуновъ дебютировалъ на петербургской сценѣ 16 ноября 1855 года, въ бенефисѣ Леонидова, въ пьесѣ Стаховича „Ночное", и вслѣдъ затѣмъ выступилъ публично разсказчикомъ сценъ изъ народнаго быта. Въ этой послѣдней роли являлся онъ преимущественно и всего охотнѣе во все время своей сценической службы. Здѣсь онъ былъ самимъ собою, не стѣсненный въ своемъ творчествѣ заранѣе данными рамками и задачею. Онъ вступилъ на сцену въ счастливую эпоху перерожденія театральнаго репертуара. Герои мелодрамъ и трагедій, которымъ приходилось, напримѣръ, предлагать злодѣю пить ядъ не только подъ „ножомъ Прокопа Ляпунова", но даже и „подъ анаѳемой святого царства" — уступили мѣсто представителямъ такъ называемыхъ „фрачныхъ ролей" и тонкій художникъ, какъ В. В. Самойловъ, не былъ болѣе вынужденъ изображать чухонца и пѣть ломанымъ

языкомъ якобы патріотическіе куплеты, въ родѣ: „лайба плылъ моя не пустъ, какъ я шелъ на Тавастгусъ"... Сцена приблизилась къ жизни и драматургія наша, подъ вліяніемъ Островскаго, Потѣхина, Чернышева и др., стала проще, и выше и серьезнѣе. Въ бытовыхъ роляхъ комедій Островскаго Горбуновъ бывалъ нерѣдко очень хорошъ. Мы уже говорили о Кудряшѣ, въ лицѣ котораго онъ изобразилъ памятную и типическую фигуру. Не менѣе хорошъ былъ онъ въ Аѳонѣ („Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ") и въ Гришѣ („Воспитанница"). Но вообще говоря, онъ былъ актеромъ посредственнымъ. Нѣкоторыя мелкія подробности въ гримировкѣ, въ одеждѣ — иногда бывали у него чрезвычайно удачны и поражали бытовою правдивостью, но въ общемъ его исполненіе въ комедіяхъ современнаго репертуара, написанныхъ на тему той или другой злобы дня, совсѣмъ не выдѣлялось надъ общимъ уровнемъ. И это оттого, что онъ самъ былъ вполнѣ самостоятельный художникъ, самъ творецъ, а не только истолкователь содержанія чужихъ произведеній. Его самобытная и творческая натура, чуждая условныхъ и предвзятыхъ пріемовъ и способовъ, вовсе не была склонна къ простому, хотя бы и талантливому выполненію даннаго рецепта. Поэтому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пришедшихся ему вполнѣ по душѣ ролей, предъ зрителемъ всегда стоялъ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, а не представляемое имъ, выведенное авторомъ лицо. Но такъ какъ авторъ не всегда имѣлъ въ виду изобразить именно Ивана Ѳедоровича, то видѣвшій Горбунова на сценѣ часто и не выносилъ изъ игры его какого-либо яркаго впечатлѣнія, подобнаго выносимому изъ сценъ, передаваемыхъ имъ въ качествѣ разсказчика.

Не представляя ничего выдающагося какъ актеръ, Горбуновъ, однако, глубоко понималъ сценическое искусство и любилъ его сознательно, тревожась за его судьбу всегда, когда оно, по его мнѣнію, уклонялось отъ своего настоящаго пути... Любилъ онъ и его представителей, съ ихъ трудными шагами въ началѣ, съ ихъ тернистымъ, несмотря на успѣхи, путемъ— позже. Въ его очеркахъ есть полныя теплаго участія картины быта провинціальныхъ актеровъ. Жизнь многихъ изъ нихъ, полная лишеній, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, тягостныхъ отношеній съ антрепренерами, трагикомическихъ встрѣчъ съ „меценатами", разочарованій въ себѣ на ряду съ болѣзненнымъ самолюбіемъ и самообольщеніемъ, проходитъ предъ читателями этихъ очерковъ.

„Ну, Богъ тебя благословитъ, — говоритъ старый актеръ

Хрисанфъ Николаевичъ молодому человѣку, начинающему свою артистическую карьеру,—можетъ, посчастливится, будешь знаменитымъ актеромъ... Да, путь нашъ узкій, милый человѣкъ, и много на немъ погибло хорошихъ людей. Мельпомена-то бываетъ безсердечна: выведетъ тебя на сцену въ плащѣ Гамлета, а сведетъ съ нея четвертымъ казакомъ въ „Скопинѣ Шуйскомъ". Старайся! Не свернись! Вышелъ на сцену — забудь весь міръ. Ты служишь великому искусству!"

Въ этихъ же очеркахъ встрѣчаются очевидно выстраданныя замѣчанія очевидца тѣхъ перемѣнъ во вкусахъ и настроеніи публики, которыя невольно переживала наша сцена. Горбуновъ отмѣчаетъ, какъ лѣтописецъ, цѣлыя эпохи въ исторіи современнаго сценическаго искусства въ Россіи. Онъ описываетъ публику низшаго уровня въ смыслѣ развитія, и впечатлѣніе, произведенное на нее, когда въ половинѣ 60-хъ годовъ „съ обнаженными чреслами" показалась на сценѣ „la Belle Hélène", отчего встрепенулось и молодое поколѣніе, и старцы, „и охватила,—говоритъ Горбуновъ съ горечью, — оперетка все мое любезное отечество „даже до послѣднихъ земли". Гдѣ не было театровъ, она располагалась въ сараяхъ, строила нàспѣхъ деревянные павильоны, эстрады въ садахъ и т. п. Появились опереточные антрепренеры изъ актеровъ, изъ прожившихся помѣщиковъ, изъ артельщиковъ, былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, одинъ лакей и т. п. Бросились въ ея объятія достойныя лучшей участи дѣвушки, повыскакивали со школьной скамьи недоучившіеся молодые люди, актеры всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ были „поверстаны" въ опереточные пѣвцы"... „Даже слава и гордость русскаго театра, — продолжаетъ онъ съ негодованіемъ, — П. М. Садовскій, уступая не духу времени, а требованію начальства, долженъ былъ напялить на себя дурацкій костюмъ аркадскаго принца". Когда, такимъ образомъ, драма была вынуждена,—по выраженію Горбунова,—„посторониться", чтò обошлось не безъ борьбы, на помощь опереткѣ вдругъ появился *куплетъ*. „Въ одинъ прекрасный вечеръ, выскочилъ на сцену въ черномъ фракѣ, — повѣствуетъ Горбуновъ, — куплетъ и запѣлъ:

Денегъ въ Россіи нѣтъ—смѣло
Каждый готовъ произнесть.
Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло —
На безобразіе есть!

— Браво!—закричали поврежденные нравы и задумались.

— Правда! Чудесно!—закричалъ Назаръ Ивановичъ, погля-

дывая на Ивана Назарыча:—расчесывай, расчесывай хорошенько"! И сталъ куплетъ расчесывать поврежденные нравы. И распространился тоже по всему лицу земли русской и засѣлъ не только въ театрѣ, но и въ клубахъ, и въ трактирахъ, даже на открытомъ воздухѣ... Почтительно отошелъ въ сторону и далъ дорогу куплету веселый водевиль, много лѣтъ царившій на сценѣ"...

XII.

Нашъ бѣглый и далеко не полный очеркъ творческой дѣятельности вполнѣ народнаго художника законченъ. Остается добавить къ нему краткія свѣдѣнія и воспоминанія о личности И. Ѳ. Горбунова.

Приходится поступить вопреки обычному правилу французскихъ авторовъ, которые ставятъ впереди „l'homme", а затѣмъ изучаютъ „l'oeuvre". Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ и его дѣло не сливаются между собою органически, или гдѣ извѣстныя части того, что̀ онъ произвелъ, не могутъ быть достаточно ясно поняты и оцѣнены безъ знанія свойствъ его ума и характера, и особенныхъ условій его жизни — такой пріемъ и необходимъ, облегчая задачу изслѣдователя и трудъ читателя. Но это нужно далеко не всегда. Часто въ практической дѣятельности человѣка, въ его творческой работѣ высказываются сами собою такія свойства его личности, что существенныя и достойныя сохраненія отъ забвенія черты его духовнаго образа выступаютъ сами собою, свободныя притомъ отъ излишнихъ подробностей. Развѣ въ борьбѣ Ровинскаго съ дореформенными судебными порядками, въ его работѣ по созиданію судебныхъ уставовъ и въ его изслѣдованіяхъ въ области русскаго искусства не чувствуется его нравственный и художественный обликъ? Развѣ д-ръ Гаазъ, вопіющій въ тюремномъ комитетѣ, провожающій далеко за Москву идущія по этапу партіи арестантовъ и грозящій губернатору „ангеломъ Господнимъ", который ведетъ „свой статейный списокъ", не виденъ въ этомъ со всею своею глубоко-любящею и гнѣвною за людей душою? Такъ и Горбуновъ смотритъ изъ совокупности того, что̀ онъ писалъ и разсказывалъ, всею своею личностью. Для внимательно перечитавшаго его разбросанныя сцены, припомнившаго его разсказы и вдумавшагося во все это, должно становиться яснымъ, что̀ и ка̀къ чувствовалъ и думалъ Горбуновъ, т.-е. раскрываться душевный складъ, составляющій главное въ личности человѣка.

Поэтому мы ограничимся немногими дальнѣйшими свѣдѣніями о Горбуновѣ. Онъ родился въ 1831 году, въ семьѣ служившаго при копнинской фабрикѣ (московской губерніи и уѣзда) двороваго человѣка помѣщицы Баташевой, Ѳедора Тимоѳеевича Горбунова. Къ отцу и къ матери сохранялъ онъ всю жизнь нѣжное уваженіе. Очень не любя переписки вообще, онъ сообщалъ имъ, однако, подробно о всѣхъ своихъ шагахъ въ Петербургѣ, въ началѣ своей артистической карьеры. Въ трудныя минуты онъ просилъ мать помолиться за него и высказывалъ увѣренность, что благодаря этому все кончится прекрасно. „Материнская молитва,—говоритъ онъ въ письмѣ, отъ 22 апрѣля 1855 г.,—со дна моря вынимаетъ“, и подписывается „покорнымъ сыномъ и преданнымъ другомъ“. Религіозное чувство не покидало его никогда. Оно сильно привлекало его и къ проявленіямъ своего внѣшняго выраженія. Онъ зналъ „писаніе“ и многія части нашего богослуженія наизусть, — любилъ читать памятники церковной письменности и въ предсмертные свои дни съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ чтеніе „Цвѣтной Тріоди“. Онъ не только любилъ простой русскій народъ, но онъ имѣлъ радость сливаться съ нимъ въ одномъ чувствѣ безъискусственной и нелицемѣрной вѣры. Учился и воспитывался онъ въ Москвѣ, въ училищѣ, учрежденномъ при Набилковской богадельнѣ, основаніе которой описалъ впослѣдствіи въ разсказѣ о холерномъ бунтѣ въ Замоскворѣчьѣ. Затѣмъ онъ былъ ученикомъ второй и третьей московскихъ гимназій.

Время его ученья не оставило въ немъ хорошихъ воспоминаній. „Бываютъ минуты,—говоритъ онъ въ письмахъ другу въ іюлѣ 1855 г.,—когда я вспомню „лѣта моей юности, лѣта невозвратно минувшаго счастья“,—вспомню о своихъ бездарныхъ и тупоголовыхъ учителяхъ и вѣчно нетрезвыхъ надзирателяхъ; вспомню своего чадолюбиваго инспектора, который, для болѣе вящшаго поощренія насъ въ наукахъ, хотѣлъ замѣнить розги какимъ-либо болѣе чувствительнымъ инструментомъ, — вспомню и покойнаго директора, который заставлялъ насъ насильно читать въ свободное время Макробіотику Гуфеланда“.

Онъ вышелъ изъ шестого класса и былъ, слѣдовательно, въ смыслѣ формальнаго багажа знаній, *недоучкою*. Но недоучка этотъ проникалъ на лекціи въ университетъ, водился со студентами и, несмотря на свою крайнюю бѣдность и необходимость бѣгать по урокамъ въ Замоскворѣчье, учился живому знанію родной исторіи и родного слова самостоятельно, упорно и плодотворно, удивляя впослѣдствіи разнообразіемъ своихъ свѣдѣній. Свѣжее и тонкое

критическое чувство помогало ему разобраться во всей массѣ жадно прочитываемаго, а огромная память прочно забирала въ себя все недостойное забвенія. Такъ выработался изъ него человѣкъ съ достаточнымъ общимъ образованіемъ и спеціалистъ въ области русской словесности, имѣвшій опредѣленные и серьезно обоснованные литературные вкусы и взгляды.

Отсутствіе опредѣленнаго общественнаго положенія заставляло однако окружающихъ долго смотрѣть на молодого Горбунова „свысока“, и ему жилось тяжело. „Помните,—пишетъ онъ въ 1856 г. въ Москву своей знакомой С. И. И., объясняя, почему считаетъ ее своимъ искреннимъ другомъ, — помните когда меня отнесли къ числу людей *никуда негодныхъ*, когда я, не видя никакого исхода, прозябалъ въ Сыромятникахъ. Вы однѣ протягивали мнѣ руку и говорили со мною *по душѣ*“.

Знакомство въ началѣ пятидесятыхъ годовъ съ „молодою редакціею Москвитянина“—и, слѣдовательно, съ Островскимъ, Садовскимъ, Писемскимъ, Аполлономъ Григорьевымъ, Алмазовымъ, Эдельсономъ, Т. И. Филипповымъ и А. А. Потѣхинымъ—имѣло большое вліяніе на развитіе Горбунова. Кружокъ молодой редакціи распозналъ въ скромномъ разсказчикѣ „Утра квартальнаго надзирателя“ и сценъ изъ быта фабричныхъ — настоящаго художника и, по выраженію Т. И. Филиппова, „усвоилъ себѣ“ Горбунова. Поощряемый новыми знакомыми, послѣдній сталъ вдумчивѣе и серьезнѣе относиться къ своимъ разсказамъ и записывать ихъ. Такъ приготовилъ онъ для печати нѣсколько своихъ сценъ. Въ это же время онъ сталъ „грѣшить“, какъ самъ выражался, стихами. Одинъ его романсъ былъ положенъ на музыку извѣстнымъ Дюбюкомъ. Въ письмѣ къ С. И. И., отъ 18 февраля 1855 г., онъ приводитъ свои стихи для пѣнія, „Гитара“, посвященные ей. Вотъ ихъ начало:

„Говори хоть ты со мной,
Душка семиструнная!
Грудь моя полна тоской...
Ночь такая лунная...

„Видишь—я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую!
Ты допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую!“

Въ началѣ 1855 года, Тургеневъ, имѣвшій случай слышать въ Москвѣ разсказы Горбунова, и Писемскій, жившій въ это время въ Петербургѣ, стали усиленно звать Горбунова въ Петербургъ. Весною того же года онъ, не безъ большой тревоги о томъ, какъ

устроится его жизнь, пріѣхалъ на ихъ зовъ и сталъ появляться въ обществѣ, какъ разсказчикъ сценъ изъ народнаго быта. Новизна у насъ того рода искусства, представителемъ котораго былъ Горбуновъ, и отсутствіе въ петербургскомъ обществѣ первой половины пятидесятыхъ годовъ настоящаго и живого интереса къ бытовой жизни народа, быть можетъ, могли бы долго не давать возможности проявиться въ истинномъ свѣтѣ и продолжать развиваться далѣе его таланту. Городъ, въ которомъ, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, „улицы постоянно мокры, а сердца постоянно сухи“, могъ запугать и лишить энергіи молодого артиста въ новомъ, мало знакомомъ дотолѣ родѣ творчества. Трудно было ожидать и серьезной оцѣнки, и поддержки, со стороны тогдашней эстетической критики, размѣнявшейся, по смерти Бѣлинскаго, на мелкую и стертую монету общихъ мѣстъ и близорукихъ сужденій. Самъ Горбуновъ вынесъ изъ ближайшихъ встрѣчъ съ нѣкоторыми представителями тогдашней печати не особенно выгодное о нихъ мнѣніе. „Съ петербургской литературой, — пишетъ онъ отцу своему, — я познакомился: купцы, а не литераторы!“ Не всѣ однако были *купцы* и среди нихъ свѣтился кроткимъ и согрѣвающимъ огонькомъ высокоразвитой князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Его познакомили съ Горбуновымъ, пріютившимся въ это время у драматическаго актера старой школы и прекраснаго, по общимъ отзывамъ, человѣка—Леонидова, въ старинномъ петербургскомъ домѣ Жако-Шамо, у Чернышева моста. Одоевскій, глубокій знатокъ искусства, оцѣнилъ талантъ молодого разсказчика и значеніе его сценъ изъ народнаго быта. Приглашенный на знаменитыя субботы Одоевскаго, при чемъ хозяинъ умѣлъ съ любовью и свойственной ему тихою восторженностью дать ему случай проявить свое дарованіе какъ слѣдуетъ, Горбуновъ завоевалъ себѣ симпатіи слушателей и, благодаря этому, предъ вступленіемъ на петербургскую сцену уже пользовался извѣстностью и нѣкоторою поддержкою въ обществѣ. Это придало ему, какъ видно изъ его писемъ того времени, бодрости и энергіи. Но Одоевскій пошелъ дальше. Онъ представилъ Горбунова одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ, посланныхъ судьбою Россіи — великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Чуткая душой, богато одаренная и глубоко образованная, сильная волей и умомъ, игравшая большую роль въ начинаніяхъ преобразовательнаго царствованія, великая княгиня любила отыскивать, приближать къ себѣ и поддерживать талантливыхъ людей во всѣхъ областяхъ знанія и дѣятельности. Одоевскій зналъ, что она оцѣнитъ и дарованіе Горбунова, и что ея проницательному пониманію не будутъ чужды сцены изъ

быта того народа, которому—мыслью и словомъ—она служила такъ, какъ служатъ своему родному. Онъ не ошибся, и Горбуновъ нашелъ въ Еленѣ Павловнѣ не только усердную слушательницу своихъ разсказовъ, но и покровительницу, предстательство которой открыло ему врата петербургской казенной сцены,—что̀, въ свою очередь, помогло ему упрочиться въ Петербургѣ.

Въ этомъ Петербургѣ провелъ онъ затѣмъ тридцать лѣтъ, сдѣлавшись однимъ изъ популярнѣйшихъ въ немъ людей. Но ни его извѣстность, ни общепризнанность его таланта, ни связи и отношенія съ самыми разнообразными общественными сферами, не имѣли вліянія на его душевный складъ и на отношенія его къ людямъ. Онъ неизмѣнно оставался человѣкомъ простымъ и скромнымъ, добрымъ и неразсчетливымъ. Его жизнь вовсе не была свободна отъ терній. Онъ извѣдалъ на своемъ вѣку и клевету, и зависть, онъ постоянно долженъ былъ заботиться о заработкѣ, онъ зналъ горечь безусловной подчиненности и, подобно Садовскому, вынужденъ былъ играть Меркурія въ „Орфеѣ въ аду". Его разсказы очень часто, если можно такъ выразиться, расхищались и обезцвѣчивались неумѣлымъ исполненіемъ и произвольными, иногда пошлыми вставками. Подъ его именемъ издавались сборники фальсификацій, въ которыхъ, употребляя выраженіе Тургенева, знаніе народнаго быта „и не ночевало".

„Иванъ Өедоровичъ", иначе „Ванюша Горбуновъ"—былъ желаннымъ гостемъ повсюду. „На него" приглашали, его пребываніемъ у себя хвастались, встрѣчу съ нимъ въ гостяхъ, въ собраніи, въ дорогѣ—считали счастливымъ и завиднымъ случаемъ. И это потому, что ему всегда было радостно доставить кому-либо удовольствіе. Отсюда вытекала широкая готовность служить своимъ талантомъ, и служить щедро, безъ всякихъ ломаній и необходимости упрашиванія. Когда онъ появлялся среди гостей, преимущественно за трапезою, всѣ уже были увѣрены, что само собою сдѣлается то, что вдругъ среди собесѣдниковъ окажется *генералъ Дитятинъ*, или что Иванъ Өедоровичъ, улыбнувшись нерѣшительно и обведя всѣхъ глазами, начнетъ какой-нибудь изъ своихъ безподобныхъ разсказовъ. Онъ бывалъ не въ силахъ отвѣчать на общія ожиданія молчаніемъ, въ спокойной увѣренности, что его имя и извѣстность уже „сдѣланы". Его простой и ласковой душѣ претило разсчетливо и постепенно снисходить на просьбы. Какъ электрическая банка, онъ былъ всегда заряженъ живыми образами и давалъ блестящую искру при первомъ прикосновеніи. Но бывали случаи, когда онъ долженъ былъ страдать глубоко. Проснувшійся

въ немъ, иногда не взирая на обстановку, глубокій артистъ и художникъ болѣлъ душою отъ окружающаго непониманія. Очень часто гостепріимные и любезные собесѣдники, въ отдѣланной „въ стилѣ“ столовой, или въ изящномъ салонѣ, восхищались лишь тѣмъ, *какъ* онъ разсказывалъ, не проникая въ то, *что* онъ разсказывалъ, или, уловивъ одну внѣшнюю сторону, ложно истолковывали смыслъ и значеніе слышанной сцены. Годами установившіяся отношенія, нежеланіе „огорчить“, добродушіе и терпимость, переходившія въ значительной мѣрѣ въ слабость характера, дѣлали то, что у Горбунова не хватало силы ограничить кругъ своихъ слушателей лишь тѣми, кто его дѣйствительно понималъ, и понималъ притомъ правильно. Съ другой стороны, его художественная натура пріобрѣла потребность высказываться, дѣлиться своимъ богатствомъ и, мечтая о *пониманіи*, часто довольствоваться однимъ лишь общимъ *вниманіемъ* окружающихъ. Французская поговорка: „qui a bu—boira“ примѣнима не къ однимъ любителямъ хмеля. Для артиста, для художника становится необходимымъ то, что̀ итальянцы выражаютъ словомъ „ambiente“, которое обозначаетъ одновременно и привычную среду, и условія, и обстановку. Нуждался въ этомъ „ambiente“, хотя бы и неполномъ и неудовлетворяющемъ его самолюбіе художника, и Горбуновъ. Этимъ злоупотребляли часто, и такъ какъ по чрезвычайной своей скромности онъ не умѣлъ „импонировать“ и дать, гдѣ нужно, почувствовать свою цѣну, то въ нѣкоторыхъ кружкахъ, преимущественно въ такъ называемомъ „свѣтѣ“, сложился тотъ взглядъ на него, о которомъ мы говорили въ началѣ нашего очерка.

„Забавникъ“ всегда разсказывалъ прекрасно, но когда среди смѣха и рукоплесканій, въ концѣ обѣда или ужина, приведенные въ веселое настроеніе гости забрасывали генерала Дитятина“ нелѣпыми вопросами, или приставали къ Ивану Ѳедоровичу съ просьбами о такихъ разсказахъ, въ которыхъ игривая форма преобладала надъ содержаніемъ, или самое содержаніе было нецензурно, его глаза смотрѣли грустно и на губахъ появлялась мимолетная горькая складка. Быть можетъ, въ шумномъ одобреніи окружающихъ ему слышалось въ эти минуты безжалостное: „смѣйся, паяцъ!“ итальянскаго композитора... Намъ передавали, что разъ, послѣ одного изъ такихъ ужиновъ, гдѣ разсказанныя по настойчивой просьбѣ присутствующихъ сцены особаго рода, построенныя на воспоминаніяхъ молодого „кипѣнья крови и силъ избытка“, были приняты гораздо болѣе восторженно, чѣмъ глубокія сцены изъ народнаго быта, — Горбуновъ, возвращаясь

поздно ночью на извозчикѣ, сталъ съ горечью говорить своему молодому спутнику о замѣченномъ имъ оттѣнкѣ въ одобреніяхъ. Въ его голосѣ слышались слезы обиды за себя и за искусство, и вдругъ, круто перемѣнивъ тему разговора, взволнованный и разгоряченный, онъ съ умиленіемъ сталъ говорить о русской литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ, и о томъ, что „они не умрутъ". Извѣстенъ, впрочемъ, случай, гдѣ, не зная, какъ отдѣлаться отъ назойливыхъ приглашеній свѣтской дамы, желавшей непремѣнно „видѣть своимъ гостемъ Ивана Ѳедоровича", онъ пріѣхалъ, былъ чрезвычайно „корректенъ" въ своемъ бѣломъ галстухѣ и фракѣ и, проскучавъ ужасно весь вечеръ, уѣхалъ, не разсказавъ ничего...

Если свѣтскій и бюрократическій Петербургъ не щадилъ подчасъ души художника, то хлѣбосольная Москва, гдѣ онъ всегда бывалъ желаннымъ гостемъ, не щадила и его здоровья, выражая свою симпатію къ нему непрерывными пирами и неотступными угощеніями, вредно вліявшими на него и, въ виду его слабаго характера создававшими поводы къ преувеличенному представленію о его привычкахъ и наклонностяхъ. Но Москву любилъ онъ нѣжно, и въ ней ему дышалось легче, чѣмъ въ Петербургѣ. Всѣ лучшія воспоминанія молодости и первыхъ опытовъ творчества влекли его къ ней. Каждый годъ онъ непремѣнно бывалъ въ Москвѣ великимъ постомъ и оставался до Ѳоминой недѣли. Когда наступала пасхальная заутреня и надъ чутко затихшимъ городомъ, съ ярко освѣщенными, безчисленными церквами раздавались первые могучіе удары колокола Ивана Великаго, когда торжественно настроенная толпа на Кремлевской площади зажигала свѣчи, а въ дверяхъ старинныхъ соборовъ показывались хоругви крестныхъ ходовъ,—Горбуновъ уже былъ тутъ, внимательно вглядывающійся и вслушивающійся во всѣ проявленія народнаго настроенія на великомъ праздникѣ. Его плѣнялъ московскій говоръ, московская старина. „Здѣсь вѣдь каждый камень говоритъ",—пояснялъ онъ.—Онъ зналъ исторію московскихъ улицъ и урочищъ, изучилъ своеобразные обычаи Замоскворѣчья старыхъ лѣтъ, повѣрья и привычки московскаго простонародья. Ему были знакомы московскія „заведенія" со всѣми особенностями не только ихъ кухни, но и ихъ привычныхъ посѣтителей. Онъ изучилъ на практикѣ, что̀ такое „воронины блины", —сошедшіе нынѣ со сцены „пироги подъ скрипкою" на Тверской и—знаменитая когда-то, незамѣнимая столовая въ „Сундучномъ ряду". Коренной москвичъ просыпался въ немъ, снисходительный къ недостаткамъ Бѣлокаменной, цѣнитель ея скрытыхъ до-

стоинствъ, ревнивый поклонникъ ея старины, восторженный почитатель незабвеннаго прошлаго московскаго театра и московскаго университета, предъ которымъ этотъ „недоучка“ преклонялся. Недаромъ, познакомясь въ Петербургѣ съ молодымъ студентомъ и полюбивъ его, Горбуновъ принесъ ему въ подарокъ портретъ Грановскаго и просилъ беречь его *какъ святыню*. Новое, выхваченное изъ нѣдръ Москвы выраженіе или просто отдѣльное словечко внушало ему, бывало, дѣтскую радость. Однажды, попавъ случайно, при посѣщеніи пріѣзжаго пріятеля, въ незнакомое московское семейство, онъ, обреченный судьбою слышать обыкновенно правильную, но безцвѣтную русскую рѣчь петербургскихъ образованныхъ дамъ и дѣвицъ, былъ такъ восхищенъ оригинальными, живыми оборотами разговора молодой москвички, выросшей среди традицій стараго московскаго дома, что остался, разговорившись съ нею и прислушиваясь къ ея умной, чисто-русской, колоритной и образной рѣчи, цѣлый вечеръ, далеко за полночь, заставивъ напрасно поджидать себя въ другихъ мѣстахъ. „Вѣдь какъ она меня за сердце застегнула! какъ застегнула!“—говорилъ онъ на другой день пріятелю, восхищаясь языкомъ своей мимолетной знакомой.

Нѣжный, заботливый семьянинъ, нетребовательный къ жизни, умѣвшій понимать чужое горе, расточительно щедрый, когда у него были деньги, Горбуновъ былъ чуждъ эгоистической замкнутости или унылаго настроенія духа. Онъ слишкомъ любилъ для этого людей вообще. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда готовъ на услугу, постоянно привѣтливъ и весело шутливъ. Не любя оставаться безъ занятія, онъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ или серьезныхъ собраніяхъ, прислушиваясь къ происходящему, излагалъ свои подчасъ скептическіе выводы въ письменныхъ подражаніяхъ (иногда на старинномъ языкѣ), неожиданныхъ стихотворныхъ пародіяхъ, или въ другихъ шуткахъ... „Же доръ, тю доръ, иль доръ и т. д.“,—написалъ онъ однажды на клочкѣ бумаги, отвѣчая на вопросительный взглядъ сосѣда въ концѣ чтенія ученаго изслѣдованія, которое не отличалось ни ясностью, ни живостью. „Сидящоу же честно̀му сѵноду и сладцѣ дремлюще внимающе гласоу ярости исходящоу изъ оустъ и т. д.“,—изобразилъ онъ полууставомъ, съ украшенной завитками первой буквою, сидя въ одномъ изъ ученыхъ сборищъ. Какъ истинный русскій человѣкъ, онъ любилъ шутить и надъ самимъ собою и разсказывать разныя недоразумѣнія, случавшіяся съ нимъ, конечно вслѣдствіе необыкновенной простоты, съ которою онъ себя держалъ. Не разъ вспоминалъ онъ, какъ однажды, на охотѣ

съ Некрасовымъ и его друзьями, они расположились закусывать; онъ пошелъ открывать консервы, и когда проголодавшійся и нетерпѣливый Некрасовъ крикнулъ ему: „ну, Ванюша, поскорѣе!“, то одинъ изъ загонщиковъ, видя его простое русское лицо, подбѣжалъ къ нему и тономъ приказанія сказалъ „слышь, Ванька,—поживѣе, вишь господа требуютъ“! Разсказывая о первыхъ своихъ артистическихъ шагахъ въ Москвѣ, онъ передавалъ, съ необыкновенной образностью и живостью, свое первое свиданіе съ всевластнымъ въ Москвѣ графомъ Закревскимъ, который зачѣмъ-то его потребовалъ. Молодого человѣка провели во „внутренніе покои“ генералъ-губернаторскаго дома. гдѣ камердинеръ, чистившій въ уборной комнатѣ, чрезъ которую пришлось проходить, графскія рейтузы, посмотрѣлъ на него съ внушительнымъ презрѣніемъ. Закревскій обошелся съ нимъ привѣтливо, проводилъ его до дверей кабинета и, въ знакъ особой ласки, приложилъ свою гладко-выбритую щеку къ его щекѣ, произведя на воздухъ звукъ поцѣлуя. Камердинеръ это видѣлъ и, когда юноша Горбуновъ проходилъ мимо, подскочилъ къ нему, захлебываясь отъ умиленія, произнесъ: „графъ васъ полюбили!!“—и чмокнулъ его въ плечо.

Живой юморъ не покидалъ Горбунова и тогда, когда онъ повѣствовалъ о своихъ невзгодахъ. Описывая, напримѣръ, свою артистическую круговую поѣздку съ извѣстнымъ пѣвцомъ М., онъ помѣщаетъ, въ качествѣ эпиграфа къ письму, выписки изъ краткихъ описаній Воронежа по географіямъ Гейма, Арсеньева, Ободовскаго и др., и отрывки якобы изъ частныхъ писемъ—гимназиста и актера: „мамаша, если вы не возьмете меня изъ воронежской гимназіи—я удавлюсь“!.. и—„сборовъ никакихъ“! На „Птички пѣвчія“ было 18 рублей. Я такого подлаго города еще и не видывалъ“... „То-есть я вамъ доложу!—пишетъ Горбуновъ далѣе извѣстной петербургской артисткѣ — такъ намаяться, какъ мы съ М. намаялись,—не дай Богъ никому! Прислушайте, голубка... Въ оба эти спектакля термометръ показывалъ 4°. Выходя на сцену, я физически находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ каждогодно на масляницѣ пребываютъ балконные комики. Въ Казани, 22 мая, Господь Богъ послалъ снѣжку съ сѣвернымъ вѣтеркомъ и чуть-чуть не заставилъ насъ отказать концертъ. Мы поспѣшили въ Саратовъ, думая тамъ укрѣпиться. Погода благопріятствовала: было жарко, даже душно. По выходѣ въ свѣтъ нашей афиши, народъ тронулся за билетами. *Баба* шла на М—ова, а *дворянство* и *купечество* на Горбунова... Нужно вамъ сказать, что концертъ нашъ давался на Волгѣ, въ лѣтнемъ помѣщеніи дворянскаго собранія. Начала со-

бираться публика, начали собираться и тучи. „Я помню чудное мгновенье“...—началъ нѣжно М..., а на Волгѣ заоралъ американскій пароходъ... „Передо мной явилась ты“, ... а подъ окошкомъ завизжала собака... „Проходимъ мы это съ приказчикомъ съ Иваномъ Ѳедоровымъ“... началъ Горбуновъ,—грянулъ ливень, засвистали пароходы, забѣгали по террасѣ гуляющіе. Такъ вся наша обѣдня... Пріѣхали въ Тамбовъ—тамъ лошадиная ярмарка и лошадиные вкусы. У всякаго въ рукахъ кнутовище, говорятъ только о лошадяхъ и посѣщаютъ только циркъ. Что̀ намъ здѣсь Богъ пошлетъ,—ужъ и не знаю“...

Въ интереснѣйшихъ личныхъ воспоминаніяхъ о былыхъ литературныхъ и сценическихъ дѣятеляхъ, и въ особенности въ воспоминаніяхъ о Писемскомъ, Горбуновъ былъ неистощимъ. Оригинальная, чрезвычайно талантливая, „неладно скроенная, но плотно сшитая“ личность извѣстнаго писателя, какъ живая вставала предъ слушателями и въ обстановкѣ частной жизни, и на литературныхъ чтеніяхъ, и въ визитахъ исключительнаго свойства. Въ послѣднемъ отношеніи воспоминанія Горбунова о поѣздкѣ съ Писемскимъ, отличавшимся чрезвычайною трусостью, на корабль генералъ-адмирала, лѣтомъ 1855 года, въ виду непріятельской эскадры, стоявшей предъ Кронштадтомъ, имѣли глубоко-комическій, несмотря на свою правдивость, характеръ. Около этого же времени Писемскій, писавшій тогда такую замѣчательную вещь, какъ „Тысяча душъ“, угрюмо сказалъ Горбунову о начинающемъ „великомъ писателѣ земли русской“ по поводу „Севастопольскихъ разсказовъ“, отрывки изъ которыхъ онъ только-что прослушалъ:—„этотъ офицеришка всѣхъ насъ заклюетъ! хоть бросай перо“...

До конца жизни любилъ Горбуновъ молодежь. Онъ возлагалъ на нее большія надежды, не смущаясь временными и преходящими явленіями. Ему доставляло удовольствіе приходить бесѣдовать съ молодыми людьми, знакомить ихъ съ русской жизнью, съ ея реальными условіями, чаяніями и невзгодами, и рисовать предъ ними поучительныя картины прошлаго. „Насъ, батюшка, —говаривалъ онъ,—чаще спрашивайте, все разскажемъ, ничего не утаимъ“...

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ здоровье Горбунова сильно и замѣтно пошатнулось. Его чаще стали видѣть задумчивымъ и иногда даже раздражительнымъ. Упорный діабетъ подтачивалъ его крѣпкій и выносливый организмъ. Онъ сталъ разсѣяннымъ и, упорно отрицая свою болѣзнь, какъ будто внутренно „махнулъ рукою“ на будущее, не желая серьезно лечиться. Но одинъ

разъ въ году, 14 сентября, празднуя день своихъ именинъ и собирая къ себѣ — по давно заведенному обычаю—на кулебяку друзей и добрыхъ знакомыхъ, онъ оживлялся по-старому, разсылая свои приглашенія на старинномъ языкѣ разныхъ эпохъ и поднося гостямъ остроумное меню строго обдуманной трапезы. „Худородный рабъ твоего благородія, зовомый Иванецъ, Ѳедоровъ сынъ, Тимоѳеевича,—пишетъ онъ въ одномъ изъ такихъ приглашеній,—много челомъ бьетъ и извѣствуетъ, что онъ, Иванецъ, въ Воздвиженье честнаго и животворящаго креста Господня прилучился быть имянинникъ. И тебѣ бы, государю, меня, Иванца, пожаловать—моего хлѣба соли прикушать и впредь меня, Иванца, въ своей милости держать до скончанія моего живота, а я тебѣ, государю, рабъ и служебникъ съ женишкою своею и съ дѣтишками. А будутъ къ ѣствѣ сослужебникъ твоего благородія, да царскія казны оберегатель (да не имутъ царское)... А ѣства будетъ московская и иныхъ городовъ, и съ Дону, и отъ рѣки великія".—„Высокородный господинъ, — пишется въ другомъ приглашеніи,—случился я, нижайшій, 14 сентября, въ часъ пополудни, имянинникъ и соберутся ко мнѣ, нижайшему, нѣкоторые гости, и будетъ трактаментъ пирогомъ съ грибами и разною конфетюрою и Вашему Высокородству, меня, худороднаго и худоумнаго, пожаловать не презрить моей хлѣбъ-соли, а я нижайшій и т. д.". На изящномъ меню, нарисованномъ покойнымъ Богдановымъ къ 14 сентября 1891 года, значились, между прочимъ: ветчина московская, городская—*жамбонъ*,— марсала *на манеръ настоящей*, телятина — *лево*, — лафитъ *серпуховской*, высокій, *тревье* и т. д.

Съ утра въ радостномъ и приподнятомъ настроеніи, съ довольною улыбкой на устахъ, цѣлуясь троекратно со своими посѣтителями, Горбуновъ сердечно наслаждался тѣмъ, что у него собрались люди, которыхъ онъ любилъ и въ искренность которыхъ онъ вѣрилъ, а быть можетъ, и тѣмъ, что, тоже любя и цѣня его, никто изъ нихъ не смотритъ на него съ нетерпѣливымъ любопытствомъ и не ждетъ отъ него какого-нибудь, якобы увеселительнаго, разсказа...

Въ 1894 году онъ отпраздновалъ этотъ день въ послѣдній разъ. Здоровье окончательно подломилось весною 1895 г., а къ зимѣ на организмъ, уже подточенный разрушительнымъ недугомъ, налетѣло воспаленіе легкихъ, и 24 декабря Ивана Ѳедоровича не стало. Онъ встрѣтилъ смерть спокойно и съ вѣрою— и скончался безъ особыхъ страданій. Русское общество лишилось рѣдкаго художника, въ трудѣ котораго сочувствіе къ на-

роду и знаніе народа переплетались неразрывно. Тѣ, кто лично узналъ его и умѣлъ его понимать, потеряли еще больше. Они могли по мѣсяцамъ и болѣе не видѣть Горбунова, но имъ было отрадно сознавать, что онъ *есть*, что существуетъ еще среди нихъ этотъ милый и живой изобразитель народнаго юмора и представитель, въ своеобразной формѣ, раздумья надъ русскою жизнью. Теперь это сознаніе исчезло... Но память о Горбуновѣ живетъ въ душѣ его знавшихъ. Ей не слѣдуетъ изгладиться и на страницахъ исторіи русскаго искусства и литературы.

Если намъ удалось немного оживить эту память и хотя бы самыми слабыми и несовершенными штрихами дать выглянуть изъ-подъ коры поверхностныхъ сужденій и предвзятыхъ взглядовъ образу *настоящаго* Горбунова—наша цѣль достигнута...

А. Ѳ. Кони.

3 іюля 1898 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

МУШКѢ.

О лѣтней ночи грезилъ я во снѣ.
Передо мной—добыча разрушенья,
Безмолвныя виднѣлись при лунѣ
Развалины эпохи Возрожденья.

Кой гдѣ столбы дорическихъ колоннъ
Нетронуты вздымалися изъ праха
И съ вызовомъ глядѣли въ небосклонъ,
Не вѣдая предъ молніями страха.

Разбитые—вездѣ лежали здѣсь
Фронтоновъ рядъ, порталъ, обвитый лавромъ,
И статуи—людей съ звѣрями смѣсь:
Сатиры, сфинксъ съ химерой и центавромъ.

Изъ мрамора виднѣлся саркофагъ,
Нетронутый подъ грудою развалинъ,
И въ немъ мертвецъ, съ покорностью въ чертахъ,
Покоился, недвиженъ и печаленъ.

Тотъ саркофагъ съ усиліемъ большимъ
Каріатидъ толпа приподнимала;
На цоколѣ высокомъ и надъ нимъ
Лѣпныхъ фигуръ виднѣлося не мало.

Съ разгульною толпой своихъ боговъ
Являлся тамъ Олимпъ во всемъ величьѣ,—
Адамъ и Ева—въ поясъ изъ листовъ
Облечены стыдливо, для приличья.

Тамъ былъ Парисъ, Еленою плѣненъ,
И Гекторъ самъ въ вооруженьѣ бранномъ;
Вотъ Моисей, а рядомъ—Ааронъ,
Юдиѳь, Эсѳирь и Олофернъ съ Аманомъ.

Вотъ богъ—Амуръ, Меркурій, Аполлонъ,
Вулканъ, супругъ красавицы Венеры,
Пріапъ и Вакхъ съ Силэномъ, и Плутонъ
Съ похищенною дочерью Цереры.

Вотъ и оселъ краснорѣчивый тотъ,
Который везъ когда-то Валаама;
Упившійся съ дѣтьми своими Лотъ
И жертвоприношенье Авраама.

Вотъ голова Крестителя видна,—
Ее несетъ царю Иродіада...
Апостолъ Петръ съ ключами, Сатана
И грѣшники во тьмѣ кромѣшной ада.

Тамъ не одинъ изящный барельефъ
Изображалъ Юпитера побѣду,
И царь боговъ, Данаей овладѣвъ,
Преслѣдовалъ, подъ видомъ птицы, Лэду.

Со свитою Діана мчится въ лѣсъ
На дикій ловъ, при громкихъ звукахъ рога,
И женщиной одѣтый Геркулесъ
Прядетъ кудель смиренно у порога.

Вотъ и народъ Израиля. Тельцамъ
Приноситъ онъ моленіе, какъ Богу;

Объ истинѣ вѣщаетъ мудрецамъ
Христосъ-Дитя, пришедшій въ синагогу.

Здѣсь—эллинскій и іудейскій духъ;
Подчеркнуты контрасты очень рѣзко,
И только плющъ, обвившійся вокругъ,
Ихъ обрамляетъ общей арабеской.

Межъ тѣмъ, какъ я глядѣлъ вокругъ себя,
Сознаніемъ душа была объята,
Что тотъ мертвецъ—не кто иной, какъ я,
Мертвецъ въ гробу, украшенномъ богато.

Тутъ въ головахъ замѣтилъ я цвѣтокъ;
Загадочный—лиловый съ золотистымъ,
Онъ страненъ былъ, но каждый лепестокъ
Проникнутъ былъ очарованьемъ чистымъ.

Въ ту ночь, когда лилася кровь Христа
(Въ народѣ есть преданіе объ этомъ),—
Впервые онъ расцвѣлъ въ тѣни креста
И потому зовется *страстоцвѣтомъ*.

Какъ будто бы въ застѣнкѣ палача,
На немъ видны орудья мукъ Христовыхъ:
Все, отъ креста, веревокъ и бича,
До молота—съ вѣнцомъ изъ иглъ терновыхъ.

Такой цвѣтокъ, мой осѣняя гробъ,
Какъ женщина, склонялся къ изголовью;
Онъ цѣловалъ глаза мои и лобъ,
И руки мнѣ онъ цѣловалъ съ любовью.

О, чары сна! Цвѣтокъ лиловый въ мигъ
Чудесное постигло превращенье:
Я въ немъ узрѣлъ любимый женскій ликъ.
Она, она! Въ томъ не было сомнѣнья.

Тебя узналъ въ лобзаньяхъ я твоихъ,
Ты надо мной рыдала безнадежно.
Нѣтъ у цвѣтовъ горючихъ слезъ такихъ
И такъ цвѣты лобзать не могутъ нѣжно!

Хотя открыть не въ силахъ былъ очей,
Но милый ликъ я созерцалъ духовно;
Блѣдна, какъ тѣнь, въ сіяніи лучей
Ты надо мной склонялася любовно.

Молчали мы,—но думы всѣ твои
Угадывалъ я сердцемъ—и желанья;
Нѣтъ прелести въ обмѣнѣ словъ любви,
Цвѣтокъ ея—стыдливое молчанье.

Чарующій, безмолвный разговоръ!
Повѣрятъ ли, что въ дивномъ созерцаньѣ,
Какъ сонъ любви, какъ свѣтлый метеоръ,
Промчалась ночь блаженства и страданья!

Что̀ молвили мы оба въ тишинѣ—
Не спрашивай! Пускай волна отвѣтитъ,
О чемъ она журчитъ другой волнѣ?
Спроси, зачѣмъ червякъ воココракѣ свѣтитъ?

О чемъ листва шепталась съ вѣтеркомъ?
Зачѣмъ цвѣты благоухаютъ лѣтомъ?
Но что̀ другъ другу молвили съ цвѣткомъ
Мертвецъ его—не спрашивай объ этомъ.

И долго ль я, покоясь въ гробу,
Блаженствовалъ въ отрадномъ сновидѣньѣ—
Не знаю самъ, но я молилъ судьбу
Продлить навѣкъ мое успокоенье.

О, смерть! Лишь тамъ, въ могильной тьмѣ твоей,
Мы счастія вполнѣ узнáемъ сладость;
Порывъ, борьбу безумную страстей—
Жизнь выдаетъ обманчиво за радость.

Но—горе мнѣ! Прервался дивный сонъ:
Послышался внезапно шумъ ужасный,
И мой цвѣтокъ спугнулъ собою онъ,—
Встревоженъ имъ, исчезъ цвѣтокъ прекрасный.

Возня и крикъ, проклятья, цѣлый адъ!
Прислушавшись къ безплодному раздору,

Я понялъ тутъ, что барельефовъ рядъ
Затѣялъ вдругъ отчаянную ссору.

Воскресшіе изъ мрамора—опять
Заспорили два вражескіе стана,
И Моисей спѣшилъ перекричать
Проклятьями языческаго Пана.

Пока живетъ и дышетъ человѣкъ—
Споръ двухъ началъ продлится—безпредѣленъ:
Здѣсь Истина съ Красою споритъ вѣкъ,
И съ варваромъ не примирится эллинъ.

Тàкъ я внималъ потоку бранныхъ словъ,
Но вдругъ, среди отчаяннаго гама,
Всѣхъ заглушилъ—и смертныхъ, и боговъ—
Оселъ, чтò везъ когда-то Валаама.

Мнѣ слухъ терзалъ его глупѣйшій ревъ;
Я всей душой невольно возмутился,
Почувствовавъ неудержимый гнѣвъ,
Я вскрикнулъ самъ—и сразу пробудился!

II.

КОВЫЛЬ.

На волѣ росъ степной ковыль,
Вблизи журчалъ потокъ,
Шепталъ таинственную быль
Залетный вѣтерокъ.

Любилъ онъ ясную лазурь,
Просторъ и солнца блескъ,
Любилъ могучій грохотъ бурь,
Волны мятежной плескъ.

Любилъ весенній первый громъ
Въ проснувшемся лѣсу,
Ручей, сверкавшій серебромъ,
И радуги красу.

Но какъ-то разъ, крутя песокъ,
Пригнувъ къ землѣ ковыль,—
Вдругъ поднялась съ большихъ дорогъ
Удушливая пыль.

Она зловѣщей тучей шла,
Отвѣсною стѣной,
И въ мигъ ея густая мгла
Затмила свѣтъ дневной.

Она легла, какъ мертвый слой,
На цвѣтъ полей и нивъ,
Живое все своею мглой
Жестоко схоронивъ.

Бороться съ ней? Но чѣмъ и какъ?
Оружья нѣтъ въ рукахъ:
Чѣмъ поразить зловѣщій мракъ,
Неуловимый прахъ?

О, буря, мощною грозой
Когда же грянешь ты
И животворною слезой
Прольешься съ высоты?

Омоетъ ливень дождевой
Удушливую пыль,
И вновь изъ праха головой
Поднимется ковыль.

ВЪ СТАРОМЪ ПАРКѢ.

Я иду тропой лѣсною,
И, сплетаясь надо мною,
Вѣтви тихо шелестятъ;
Межъ узорчатой листвою
Блещетъ небо синевою
И притягиваетъ взглядъ.

У плотины, въ полдень знойный,
Словно дремлетъ тополь стройный;
Гдѣ прозрачнѣй и быстрѣй
Ручеекъ журчитъ въ оврагѣ—
Онъ купаетъ въ свѣтлой влагѣ
Серебро своихъ кудрей.

На прудѣ волшебно сонномъ,
Камышами окаймлённомъ,
Распустился ненюфаръ...
Тишинѣ я внемлю чутко,
И таинственно и жутко—
Обаянье этихъ чаръ.

Межъ зелеными лугами
И крутыми берегами
Дремлютъ тихія струи;
Словно въ грёзахъ сновидѣнья,
Ждешь невольно появленья
Очарованной ладьи.

Не причалитъ ли неслышно
Къ камышамъ, ростущимъ пышно,
Челнъ волшебный,—и меня
Не умчитъ ли онъ съ собою,
Тамъ, за далью голубою—
Въ царство радостнаго дня?

III.

Дни бываютъ... Сладкой муки
Сердце чуткое полнò,
И завѣтныхъ пѣсенъ звуки
Въ сердцѣ зрѣютъ, какъ зерно.

Засіявъ среди ненастья
Темной ночи грозовой,—
Въ мертвый холодъ безучастья
Вторгся лучъ любви живой.

Все, что̀ сердцу смутно снилось,
Что̀ безплодно я зову—
Предо мною все открылось,
Все предстало на яву.

Надъ собой не чую гнета,
Снова дышется вольнѣй...
Что-то плачетъ, шепчетъ что-то
И поетъ въ душѣ моей.

О. Михайлова.

ПРОФЕССІОНАЛЬНЫЯ БОЛѢЗНИ РАБОЧИХЪ

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе *).

III.

Обратимся теперь къ другимъ отраслямъ промышленности и посмотримъ, какъ онѣ вліяютъ на здоровье рабочихъ. Прежде всего остановимся на весьма важной по распространенію обработкѣ желѣза и чугуна, и въ частности—на горнозаводскихъ рабочихъ.

Изъ числа всѣхъ фабрикъ европейской Россіи въ 1882 г. желѣзодѣлательныя составляли свыше 3% общаго числа и давали занятіе почти $^1/_6$ части всего фабричнаго населенія. Кромѣ того, съ каждымъ годомъ эта отрасль промышленности развивается больше и больше: въ теченіе десяти лѣтъ (1881—90) выплавка чугуна удвоилась, а желѣза и стали увеличилась на $^1/_3$. При томъ богатствѣ руды, которое заключаютъ въ себѣ Уралъ, Кавказъ и Сибирь, а также и югъ Россіи, ей предстоитъ блестящая будущность. Вмѣстѣ съ ея ростомъ возростетъ и число рабочихъ, а потому небезъинтересно посмотрѣть на тѣ условія, при которыхъ имъ приходится работать.

Разсматривая металлургическія (огневыя) работы, можно замѣтить, что, несмотря на все ихъ разнообразіе, рабочіе нахо-

*) См. ноябрь, 228 стр.

дятся почти въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. При выработкѣ чугуна, при обжиганіи руды, наконецъ при всѣхъ кричныхъ и пудлинговыхъ печахъ, рабочій подвергается дѣйствію страшнаго жара, ослѣпительнаго свѣта отъ раскаленнаго металла и усиленному мышечному напряженію. При этомъ, конечно, интенсивность вредныхъ вліяній при различныхъ работахъ различна. Такъ, дѣйствію высокой температуры будетъ больше всего подвергаться рабочій при пудлинговыхъ и кричныхъ печахъ,—при обработкѣ же металловъ температура гораздо ниже. Угаръ всего рѣзче чувствуется тамъ, гдѣ происходитъ выдѣленіе горючихъ газовъ, напр. у генераторовъ сталелитейныхъ печей; копоть и дымъ—у доменныхъ, пудлинговыхъ и кузнечныхъ печей. Ослѣпительный свѣтъ всего больше ударяетъ въ глаза рабочихъ, находящихся при тѣхъ же пудлинговыхъ печахъ; особенное же напряженіе мускуловъ требуется при ручномъ пудлингованіи, прокладкѣ и кузнечныхъ работахъ [1]).

Особенно вредна работа при пудлинговыхъ, сварочныхъ и кричныхъ печахъ. По прошествіи какихъ-нибудь 3—5 минутъ рабочій, обливающійся потомъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, налитыми кровью глазами, страшно учащеннымъ пульсомъ (90—120 въ 1 минуту) и дыханіемъ, выбѣгаетъ на холодъ и тушитъ внутренній жаръ огромнымъ количествомъ воды. Многіе рабочіе въ теченіе 12 часовъ работы выпиваютъ до 9 литровъ воды, а Румà видѣлъ случаи, когда рабочій выпивалъ $16^1/_2$ литровъ въ теченіе $11^1/_2$ часовъ. Д-ръ Никольскій наблюдалъ рабочихъ, которые за одинъ разъ выпили по 3—4 и болѣе фунтовъ воды [2]).

Температура тѣла нерѣдко повышается до 38—39 градусовъ и больше. Потѣніе такъ велико, что при высыханіи рубаха рабочаго дѣлается твердою отъ покрывающей ее коры поваренной соли, и д-ръ Никольскій не разъ видѣлъ эту соль на плечахъ и спинѣ рабочихъ. Такое потѣніе нисколько не удивительно, ибо температура околопечного пространства и особенно того мѣста, которое находится около заслонки, необыкновенно высока. По наблюденію д-ра Спасскаго, противъ печи, когда открыта заслонка, нельзя стоять даже на разстояніи сажени, и температура быстро доходитъ до 100° Ц., хотя заслонка открывается всего на 2—3 секунды. Температура же около печки обыкновенно равняется 45—52° Ц. Время года, не имѣющее вліянія

[1]) Святловскій. Различн. отрасли металл. съ санит. точки зрѣнія. Вѣстн. Общ. Гиг. 1894, 7 кн., стр. 13.

[2]) Никольскій. Къ вопросу о вліяніи горнозав. раб. Вѣстн. Общ. Гиг. 1895 г. 8 кн., стр. 110.

на температуру мѣста противъ заслонки, сильно отражается на температурѣ остальнаго пространства. По изслѣдованію Мартена, при внѣшней температурѣ въ 16—17° Ц., воздухъ на разстояніи 1½ шаговъ отъ печи нагрѣвался до 51,2°, на разстояніи 3 шаговъ—до 43—44°, шести шаговъ—28°; въ жаркіе дни жаръ около печей доходилъ до 65° [1]). Д-ръ Бертенсонъ говоритъ, что не только у самыхъ печей температура крайне высока (яйцо, привязанное къ шеѣ рабочаго, сваривается), но и въ срединномъ пространствѣ завода, благодаря тѣснотѣ, она доходитъ до 40° R. [1]).

Несмотря на обильную испарину, которая наблюдается у рабочихъ, охлажденіе ихъ тѣла не можетъ достигнуть той степени, чтобы вполнѣ уравновѣсить дѣйствіе повышенной температуры, и тѣло рабочаго остается разгоряченнымъ въ теченіе по крайней мѣрѣ 20 минутъ послѣ каждой усиленной работы около печки; затѣмъ температура быстро понижается. Такое охлажденіе обыкновенно происходитъ при крайне ненормальныхъ условіяхъ, способствующихъ простудѣ. Обыкновенно работаютъ въ помѣщеніяхъ холодныхъ, доступныхъ вѣтру, и нерѣдко термометры, повѣшенные на спинѣ и груди рабочаго, показываютъ разницу въ 20°. Послѣ работы у печи, рабочіе отправляются отдохнуть у выхода завода на сквозномъ вѣтру, при t° въ 12° и ниже. Разстегнутая и неподпоясанная мокрая рубашка можетъ, конечно, только способствовать простудѣ, но никакъ не предохранить отъ нея рабочаго.

Такія условія пудлинговыхъ работъ должны вредно влiять на рабочихъ, и дѣйствительно д-ръ Спасскій нашелъ, что всѣ занятые у огня рабочіе склонны къ инфекціоннымъ заболѣваніямъ, начиная отъ простого насморка и кончая воспаленіемъ легкихъ, и острымъ желудочно-кишечнымъ болѣзнямъ. Послѣднія обусловливаются массой выпитой тотчасъ послѣ работы холодной воды, нерѣдко сейчасъ же вызывающей давленіе подъ ложечкой, рвоту, поносъ и пр. Вдыханіе угольной пыли и копоти также способствуетъ бронхіальнымъ катаррамъ, и въ мокротѣ такихъ рабочихъ всегда находятъ частицы угля. Та же копоть и дымъ вредно вліяютъ на глаза рабочихъ, хотя вообще здѣсь главную роль играютъ высокая температура и ослѣпительный свѣтъ. Усиленныя мышечныя напряженія ведутъ къ перерожденію сердца, гры-

---

[1]) Эрисманъ. Профессіон. гигіена, стр. 367.

[2]) Никольскій. Цит. соч. В. Общ. Гиг. 1895 г., кн. 8, стр. 111.

жамъ и расширенію венъ [1]). Профессоръ Лайэ также утверждаетъ, что большая часть внутреннихъ болѣзней, наблюдаемыхъ на литейныхъ заводахъ, представляетъ результаты разныхъ перемѣнъ температуры, непрерывно повторяющихся въ этой профессіи.

По нѣкоторымъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, оказалось, что заболѣванія дыхательныхъ органовъ у горнозаводскихъ рабочихъ встрѣчаются чаще, чѣмъ у крестьянъ. По даннымъ Румы, въ легочныхъ заболѣваніяхъ фабричнаго и нефабричнаго населенія Мотовилихинскаго завода замѣчается рѣзкая разница. Легочные больные среди рабочихъ этого завода составляютъ 18,85% всѣхъ больныхъ, а у крестьянъ такихъ больныхъ значительно меньше. Напр., въ пермской городской амбулаторіи ихъ было 12,25% всѣхъ больныхъ, въ пермскомъ уѣздѣ 12,6%, въ 4-мъ тамбовскомъ участкѣ 12,2%, въ ижевской больницѣ 11,85%, въ кыштымскомъ заводѣ воспаленіемъ легкихъ въ теченіе 6 лѣтъ болѣло 12%.

Относительно вліянія горнозаводскихъ работъ на происхожденіе крупозной пнеймоніи есть нѣкоторое, правда небольшое, количество данныхъ, собранныхъ докторомъ Никольскимъ. Изъ нихъ видно, что на долю рабочихъ приходилось 50,9% всѣхъ больныхъ воспаленіемъ легкихъ. Если сравнить заболѣванія рабочихъ и не-рабочихъ, то окажется, что первые хворают въ четыре раза больше вторыхъ. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ указываетъ на существованіе въ горнозаводскихъ работахъ какихъ-то условій, ведущихъ къ заболѣваніямъ. Эти условія сразу выяснятся, если посмотрѣть на распредѣленіе больныхъ по отдѣльнымъ работамъ. Оказывается, что наибольшее (24,7%) количество больныхъ приходится на пудлинговыхъ рабочихъ, второе мѣсто занимаютъ дровоподставщики, третье—кузнецы, дальше идутъ рудокопы, работающіе на золотыхъ промыслахъ, доменные и др. [2]).

Тотъ фактъ, что наибольшее число больныхъ даютъ пудлинговые рабочіе, является понятнымъ вполнѣ, послѣ описанія тѣхъ условій, при которыхъ имъ приходится работать: постоянный переходъ отъ страшной жары къ холоду вызываетъ предрасположеніе къ простудѣ и легочнымъ заболѣваніямъ.

Далѣе, видное мѣсто по количеству больныхъ занимаютъ дро-

---

[1]) Спасскій. Опытъ изуч. вліянія нѣкоторыхъ ижевскихъ оружейниковъ на ихъ здоровье.

[2]) Никольскій. О вліяніи горнозав. работъ, В. Общ. Гиг. 1895 г., кн. 8, стр. 109.

воподставщики, т.-е. рабочіе (обыкновенно малолѣтніе и подростки), занимающіеся подбрасываніемъ дровъ въ печи. Находясь большею частью у печи въ такой же атмосферѣ, какъ пудлинговые, они кромѣ того постоянно подвергаются сквозняку. Кузнецы, слѣдующіе за дровоподставщиками, подвергаются рѣзкимъ перемѣнамъ температуры, благодаря плохому устройству кузницъ и вліянію металлической и угольной пыли. На горныхъ заводахъ обыкновенно употребляется древесный уголь, дающій массу пыли, замѣтной даже простымъ глазомъ, и кузнецы вдыхаютъ ее въ значительномъ количествѣ.

Среди работающихъ подъ землею или въ лѣсу въ сырое, холодное время, наибольшое количество больныхъ дали рудокопы и промысловые рабочіе. По словамъ Румы, на нижнетагильскомъ заводѣ воспаленіе легкихъ у рудокоповъ встрѣчалось почти въ 2½ раза чаще, чѣмъ у остальнoго мужского населенія, и въ 4½ раза чаще, чѣмъ у женщинъ. Подобное явленіе вполнѣ зависитъ отъ условій работъ въ рудникахъ. „Въ рудничной обстановкѣ рабочаго,—говоритъ Рума,—мы находимъ такія условія, которыя вполнѣ могутъ быть признаны этіологическими моментами этого (воспаленія легкихъ) заболѣванія, и значительное преобладаніе надо приписать всецѣло руднику, а не случайнымъ обстоятельствамъ“ [1]). Быстрые переходы отъ жаркой атмосферы рудника въ холодную, при совершенно мокромъ тѣлѣ и сыромъ платьѣ, несомнѣнно содѣйствуютъ легочнымъ заболѣваніямъ.

Нисколько не лучше условія труда на золотыхъ промыслахъ, такъ какъ работы ведутся самымъ примитивнымъ способомъ, и золотопромышленники менѣе всего обращаютъ вниманіе на положеніе рабочихъ. Д-ръ Никольскій, на основаніи личныхъ наблюденій, пришелъ къ убѣжденію, что эти рабочіе больше другихъ нуждаются въ защитѣ закона. Д-ръ Бертенсонъ говоритъ, что этотъ трудъ, особенно зимой, когда разработываются болѣе глубокія розсыпи, производится при условіяхъ, самымъ разрушительнымъ образомъ дѣйствующихъ на здоровье рабочихъ. На рабочихъ въ шахтахъ падаетъ постоянно въ видѣ дождя почвенная вода; земля на днѣ шахты превращается въ жидкую грязь, вершка 3—4 глубиной, и въ этой грязи долженъ лежать рабочій. Сапоги промокаютъ насквозь, и многіе рабочіе, несмотря на желѣзное здоровье, страдаютъ ревматизмомъ. На-

---

[1]) Рума. Къ гигіенѣ рудокоповъ, стр. 149.

сквозь промокшій рабочій вылѣзаетъ прямо на тридцатиградусный морозъ и, быстро покрываясь ледяной корой, бѣжитъ къ сосѣднему балаганчику, гдѣ ему даютъ большую рюмку „хозяйской водки отъ смертельной простуды". Если присоединить къ этому скверное помѣщеніе и плохое питаніе, то условія жизни этихъ рабочихъ будутъ вполнѣ понятны" [1]).

Наименьшее количество больныхъ воспаленіемъ легкихъ было среди служащихъ, работа которыхъ отличается меньшей трудностью. Они не подвержены рѣзкимъ перемѣнамъ температуры и сверхъ того сравнительно лучше обезпечены.

Относительно возраста больныхъ рабочихъ замѣчено, что наибольшее (23,3%) число приходится на возрастъ отъ 26 до 30 лѣтъ, затѣмъ отъ 21 до 25 и отъ 31 до 35 лѣтъ. Въ слѣдующихъ возрастахъ заболѣванія уменьшаются, но съ 46-ти до 50 лѣтъ—снова увеличиваются. Почти то же самое наблюдалось на Путиловскомъ заводѣ, гдѣ максимумъ больныхъ приходился на 25—30 лѣтъ, затѣмъ слѣдовали 20—25 лѣтъ и 30—35 лѣтъ. До 45 лѣтъ заболѣваемость уменьшалась, но съ 45 до 50 лѣтъ снова поднималась.

Въ концѣ своей работы г. Никольскій дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) изъ легочныхъ заболѣваній у горнозаводскихъ рабочихъ видное мѣсто занимаетъ воспаленіе легкихъ, причемъ рабочіе заболѣваютъ чаще не-рабочихъ; 2) наибольшее количество заболѣваній приходится на работающихъ у огневыхъ работъ вообще, какъ наиболѣе подвергающихся рѣзкимъ перемѣнамъ температуры; 3) изъ внѣшнихъ причинъ заболѣваній наиболѣе важной нужно признать быстрыя перемѣны температуры.

Разсмотрѣнныя нами группы болѣзней у горнозаводскихъ рабочихъ не охватываютъ всѣхъ болѣзней, которыми они страдаютъ. Съ другой стороны, мы описали болѣзни далеко не у всѣхъ категорій рабочихъ, и потому продолжимъ наше описаніе дальше.

Плющеніе и прокатка металла совершаются при условіяхъ, почти аналогичныхъ съ условіями огневыхъ работъ вообще. „Прокаточная мастерская,—говоритъ г. Святловскій,—похожа скорѣе на адъ, чѣмъ на одно изъ изобрѣтеній цивилизаціи. Страшный грохотъ, убійственная температура, всюду извивающіяся полосы раскаленнаго желѣза, обливающіеся потомъ рабочіе съ щипцами въ рукахъ—такая картина достойна Данте. Здѣсь каждый невѣрный шагъ грозитъ серьезнымъ несчастіемъ, и рабочіе считаютъ эту работу труднѣе работы при доменныхъ печахъ. Му-

---

[1]) Бертенсонъ. Санитарно-врачебное дѣло на промыслахъ Урала, стр. 112.

скулы страшно напрягаются, приходится быть въ повышенной отъ раскаленнаго металла температурѣ, страдать отъ ослѣпительнаго блеска, чада, угара, угольной пыли, и ежеминутно можно получить ожогъ по своей или чужой неосторожности. Понятно, что работающіе въ этихъ мастерскихъ страдаютъ тѣми же болѣзнями, какъ и огневые" [1]).

Послѣ прокатки, желѣзо подвергается ковкѣ, обыкновенно ручной. Между тѣмъ изъ всѣхъ ручныхъ работъ, работа кузнеца требуетъ наибольшаго мышечнаго напряженія и всего скорѣе ведетъ къ общему истощенію. Его мышцы, несмотря на свою видимую величину, быстро изнашиваются и даже неспособны производить обычную работу нормальной мышцы. Кромѣ того, кузнецы страдаютъ невралгіею сѣдалищнаго нерва, всевозможными воспаленіями слизистой оболочки и поврежденіями глазъ. Между прочимъ, многіе французскіе изслѣдователи единогласно признали, что болѣзни кузнецовъ, выковывающихъ гвозди, развиваются подъ вліяніемъ утомленія отъ спеціальныхъ тѣлодвиженій, жары и испорченнаго воздуха мастерскихъ [2]). Изъ чисто профессіональныхъ болѣзней у кузнецовъ наблюдался спазмъ во время подниманія руки, т.-е. то же, что замѣчалось у писцовъ, швей, граверовъ, телеграфистовъ и другихъ представителей профессій, въ которыхъ работа сопровождается комбинированными и сложными движеніями. Затѣмъ, Max. Vernoit констатировалъ развитіе катаракты, сыпи и ревматизма [3]). Въ виду тяжести и вреда работы, ее слѣдовало бы совершенно запретить для малолѣтнихъ и подростковъ.

Въ тѣсной связи съ металлургическими работами стоитъ изготовленіе различныхъ аппаратовъ изъ желѣза и чугуна. Обработка металловъ въ холодномъ состояніи раздѣляется на столько операцій, что описать ихъ всѣ не представляется никакой возможности. Да этого и не требуется для нашей цѣли, такъ какъ въ гигіеническомъ отношеніи они приносятъ почти одинаковый вредъ. Напримѣръ, въ котельныхъ мастерскихъ стоитъ шумъ пожалуй еще бóльшій, чѣмъ въ механическихъ ткацкихъ. Разговоры совершенно немыслимы, и нервная система страшно раздражается. Благодаря этому шуму, большинство заклепщиковъ становятся „глухарями" и способны воспринимать лишь особенно высокіе или низкіе звуки. Иногда рабочій совсѣмъ пере-

---

[1]) Святловскій. Различныя отрасли металлургіи, В. Общ. Гиг. 1894, кн. 7, стр. 19.

[2]) Ibid., стр. 20—21.

[3]) Ibid., стр. 25.

стаетъ слышать разговоръ при полной тишинѣ, и начинаетъ разбирать слова, если начнутъ шумѣть.

Особенно изнурительна и вредна работа котельщиковъ, которымъ все время приходится стучать тяжелымъ молотомъ и принимать при этомъ самыя неудобныя, неестественныя позы. Чаще всего приходится это дѣлать тѣмъ работникамъ, которые забираются внутрь котла. Руки такихъ рабочихъ, кромѣ ссадинъ, мозолей, сведеній и ушибовъ, поражаются еще особой сыпью; сами же они, по словамъ Пуанкарѐ, нерѣдко страдаютъ отъ прогрессивной атрофіи мышцъ и искривленій скелета, сердцебіенія, перерожденія сердца и легочнаго кровотеченія. А Шевалье даже считаетъ, что у каждаго добраго котельщика бываетъ искривленіе позвоночника и сведенныя внутрь колѣни. Съ теченіемъ времени плечо той руки, которая управляетъ молотомъ, опускается внизъ и въ то же время отодвигается назадъ, а на другой сторонѣ получается боковое искривленіе [1]).

Кромѣ того, при всякомъ ударѣ молота, вмѣстѣ съ пылью, нерѣдко отскакиваютъ металлическіе осколки, причиняющіе серьезныя пораненія. Больше всего страдаютъ глаза, и работникъ часто совсѣмъ лишается зрѣнія. При чисткѣ же старыхъ мѣдныхъ резервуаровъ рабочій отбиваетъ ударами молота толстые слои зеленой ржавчины и отравляется ею. Точно также при чисткѣ мѣдныхъ трубъ огнемъ ему приходится подвергаться дѣйствію дыма и мѣдной пыли [2]).

Остановимся еще на изготовленіи ножей, при которомъ практикуются точильныя работы. При такихъ работахъ происходитъ значительное отдѣленіе кремневой пыли отъ точильнаго камня и металлической—отъ обтачиваемаго предмета. Такое выдѣленіе пыли особенно сильно при сухомъ способѣ точенія и уменьшается при мокромъ. Но благодаря тому, что при второмъ способѣ работа идетъ медленнѣе, онъ въ Россіи употребляется рѣдко, несмотря на весь вредъ, наносимый пылью здоровью рабочихъ. Не нужно думать, что мокрый способъ точенія совершенно устраняетъ вліяніе пыли, нѣтъ,—она продолжаетъ выдѣляться и раздражать слизистыя оболочки и дыхательные органы. Кромѣ того, шлифовка камней производится сухимъ способомъ и даетъ массу кварцевой пыли. Относительно вреда кварцевой и металлической пыли для легкихъ работающихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; Напіасъ показалъ, что

1) Ibid., стр. 27.
2) Ibid., стр. 29.

каменотесы, точильщики иголъ и *ножевщики* даютъ отъ 60 до 80% больныхъ чахоткой [1]).

Болѣютъ, конечно, не только фабрично-заводскіе рабочіе, но и рабочіе другихъ отраслей промышленности, и потому скажемъ о нихъ нѣсколько словъ. Съ условіями работы на рыбныхъ промыслахъ, захватывающихъ до 100 тыс. человѣкъ, мы уже познакомились раньше; теперь посмотримъ, какъ они вліяютъ на здоровье рабочихъ. Кромѣ длиннаго дня и плохого питанія, астраханскій рабочій не мало страдаетъ отъ крайне негигіеническихъ условій работы. Плохо очищенные плоты, лари и чаны, казармы, почернѣвшія отъ копоти, грязи, съ грудами мусора подъ лавками, хлѣбопекарни съ тысячами тараканов и кучами сора въ углахъ, полуразвалившіяся бани; кашеварни, содержимыя хуже хлѣвовъ; переполненныя отхожія мѣста, помои, разлитыя передъ домами жилыхъ помѣщеній—такова санитарная картина промысловъ [2]).

Самое соленіе рыбы производится при условіяхъ, сильно способствующихъ заболѣванію рабочихъ. Дѣло въ томъ, что чаны для соленія рыбы врыты въ землю почти до почвенной воды, которая, поднимаясь во время половодья, можетъ ихъ разрушить. Для предохраненія чановъ, въ днѣ ихъ просверлены отверстія, такъ что почвенная вода проникаетъ въ нихъ, а затѣмъ, въ лѣтніе жары, начинаетъ гнить. Нечистоты изъ рѣки удаляются выкачиваніемъ прямо въ рѣку, причемъ эта очистка „иногда связана съ отравленіемъ рабочихъ на смерть газами, которыми насыщенъ воздухъ внутри чановъ". Выброшенныя нечистоты загрязняютъ воду и въ половодье разносятся по всему промыслу, превращая его въ клоаку [3]).

Подобныя условія работъ на рыбныхъ промыслахъ ведутъ къ развитію разнообразныхъ болѣзней. Особенно часты ревматизмы у неводныхъ рабочихъ, профессіональные уколы и порѣзы кожи у плотовыхъ рабочихъ и др. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ повреждений, для предупрежденія которыхъ не принимается никакихъ мѣръ: паденіе рабочихъ въ чаны, паденіе тачекъ на головы и спины рабочихъ, занимающихся кладкой рыбы. Эти ненормальныя условія особенно сильно отражаются на беременныхъ жен-

---

[1]) Святловскій. Различн. обл. мет. В. Общ. Г., стр. 31.
[2]) Шмидтъ. Къ гигіенѣ рыбн. пром., стр. 130.
[3]) Ibid., стр. 65.

щинахъ, у которыхъ часто случаются выкидыши и преждевременные роды.

Хотя по договорамъ съ рабочими беременныя женщины не должны приходить на промыслы, но онѣ приходятъ, гонимыя нуждой, и вслѣдствіе массы работы остаются тамъ все время. По вычисленіямъ д-ра Шмидта, беременныхъ женщинъ на промыслахъ оказалось 13% общаго ихъ числа, и, конечно, большинство ихъ рискуетъ своимъ здоровьемъ и жизнью будущихъ дѣтей. Законъ такимъ образомъ остается мертвой буквой. Кромѣ того, страдаютъ не только дѣти неродившіяся, но и живыя, приводимыя матерями. Дѣти приходятъ главнымъ образомъ съ весенними работницами: одинъ ребенокъ приходится весною на 1,73 женщинъ, а осенью—на 5,6 женщинъ. Объясняется эта разница тѣмъ, что осеннимъ рабочимъ приходится возвращаться домой въ холода, и потому они не берутъ съ собой дѣтей; весенніе же надѣются на лѣтнее время, но всегда ошибаются. Каждое лѣто изъ привозимыхъ дѣтей умираетъ 6,5%, что̀, конечно, нисколько не удивительно при существующихъ условіяхъ промысловой жизни.

Условія промысловой жизни сдѣлаются еще болѣе неприглядными, если принять во вниманіе полное почти отсутствіе за ними надзора и лечебной помощи. Хотя въ 1878 году и были приглашены для надзора два врача, но они не въ состояніи даже объѣхать 639 промысловъ, раскинутыхъ на пространствѣ въ 1.000 верстъ длины и 200 в. ширины. Впрочемъ, нѣкоторые крупные промышленники нанимаютъ для леченія фельдшеровъ и приглашаютъ для надзора врачей, которые показываются въ годъ 3—6 разъ и существенной пользы не приносятъ. Поэтому безусловно необходимо установить болѣе серьезный контроль за рыбными промыслами и улучшить медицинскую помощь населенію. До сихъ поръ промыслы почему-то обращали на себя мало вниманія, хотя по числу занятыхъ рабочихъ и условіямъ работы не уступаютъ многимъ фабричнымъ производствамъ. Безусловно вредное вліяніе ихъ на рабочихъ должно быть уничтожено, а для этого промыслы должны быть подчинены особой инспекціи, которая могла бы оградить рабочихъ отъ эксплоатаціи и наблюдать за санитарными условіями работы.

При описаніи профессіональныхъ заболѣваній среди различныхъ группъ рабочихъ, мы почти совсѣмъ не касались травматическихъ поврежденій, такъ какъ хотѣли поговорить о нихъ

отдѣльно. Прежде всего нужно сказать, что статистики несчастныхъ случаевъ въ Россіи почти совершенно не существуетъ. Объясняется это плохимъ состояніемъ фабричной медицины и несовершенствомъ нашего фабричнаго законодательства. Въ то время, когда на Западѣ вопросъ объ огражденіи машинъ разработанъ детально и изобрѣтена масса оградительныхъ приборовъ, у насъ онъ еще только намѣченъ и не получилъ законодательной санкціи. Фабрикантамъ, конечно, не интересно доставлять точныя свѣдѣнія о травмахъ, пораненіяхъ, на фабрикахъ, а фабричные инспектора не имѣютъ возможности добыть точныя свѣдѣнія по этому вопросу. Въ Англіи о всякомъ несчастіи, влекущемъ неспособность къ труду, немедленно доносится фабричному врачу и инспектору, и, благодаря этому, тамъ имѣются очень подробныя свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ. Въ Германіи фабричный инспекторъ также почти всегда узнаетъ о поврежденіяхъ на фабрикахъ по газетамъ, отчетамъ кассъ и т. п.

Благодаря лучшему надзору за огражденіями машинъ, число несчастныхъ случаевъ въ Англіи и Германіи значительно меньше, чѣмъ въ Россіи, и съ каждымъ годомъ оно уменьшается. Въ Англіи, въ 1850 году, одно увѣчье приходилось на 143 чел.; въ 1872 году—одно на 210 чел. Въ Саксоніи въ 1883 году одно увѣчье приходилось на 100 рабочихъ; во французскихъ горныхъ копяхъ и рудникахъ процентъ увѣчій равняется 1½. По даннымъ больничныхъ кассъ въ Германіи, для всѣхъ фабрикъ 1 несчастный случай приходится на 434 чел., въ томъ числѣ на хлопчато-бумажныхъ 1 на 288; на желѣзныхъ дорогахъ 1 на 51 чел., въ рудникахъ—1 на 37 человѣкъ. Изъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ 15% было тяжелыхъ; въ 18,5% послѣдовала смерть и въ 50,9%—постоянная, но неполная инвалидность [1]. Любопытны между прочимъ данныя о сельскихъ работникахъ въ Германіи. Въ 1891 году изъ нихъ было застраховано 12½ милл. человѣкъ, а подверглось несчастнымъ случаямъ 19.918 чел., т.-е. 1 несчастье приходилось на 622 рабочихъ; изъ числа пострадавшихъ 11,23% умерли, 3,44% навсегда потеряли способность къ работѣ, и 45,75% отдѣлались серьезными увѣчьями. На долю травматическихъ поврежденій приходилось болѣе 98% [2].

Въ Россіи число несчастныхъ случаевъ должно быть значительно выше. По вычисленіямъ г. Святловскаго, на сахарныхъ за-

[1]) Г. Іоллосъ. Страхованіе раб. въ Германіи, Русск. М., 1895 г., кн. 4.

[2]) Святловскій. Обзоръ успѣховъ пром. и фабр. гигіены, Вѣстн. Общ. Гиг., 1895, 8, стр. 157.

водахъ страдалъ 1 изъ 14 раб., на шерстомойняхъ—1 изъ пяти; по г. Пескову—1 изъ 20 чел., а по свѣдѣніямъ г. Эрисмана, ставильщики московскихъ фабрикъ дали 30,3 увѣчья на 100 рабочихъ [1]). На шести бумагопрядильныхъ мануфактурахъ московскаго уѣзда съ 6,718 рабочихъ, травматическихъ поврежденій было 10% общаго числа рабочихъ, а на нѣкоторыхъ доходило до 22%; на ярцевской мануфактурѣ они составляли 13,5% общаго числа рабочихъ. На послѣдней фабрикѣ въ настоящее время число несчастныхъ случаевъ значительно уменьшилось и составляетъ всего 1% рабочихъ. Произошло это благодаря огражденію опасныхъ частей машинъ, хотя отсутствіе огражденій менѣе опасныхъ частей, ночная работа, дѣтскій трудъ и др. почти вчетверо повышаютъ у насъ % поврежденій, сравнительно съ англійскими фабриками. Вообще же, по г. Святловскому, на каждую тысячу человѣкъ, обработывающихъ металлы, приходится 58,6%; обработывающихъ животные продукты—41,6%; волокнистыя вещества —37,6%; вкусовыя и пищевыя вещества—10,4%; минеральныя вещества—9,2%; на писчебумажныхъ фабрикахъ—9% несчастныхъ случаевъ [2]).

На одномъ цѣпочно-проволочномъ заводѣ близъ Варшавы, имѣвшемъ 600 рабочихъ, въ теченіе двухъ лѣтъ было 236 несчастныхъ случаевъ, т.-е. болѣе 1/3 рабочихъ получили увѣчье. Правда, большая часть пораненій были легкія, но за то мастерскія этого завода сравнительно хорошо обставлены: онѣ просторны, проходы между машинами широки, ручной трудъ въ большинствѣ случаевъ замѣненъ машиннымъ и проч. Очевидно, что на другихъ хуже поставленныхъ заводахъ число увѣчій будетъ еще больше.

На горныхъ заводахъ, рудникахъ и промыслахъ съ 1872 по 1890 годъ пострадало 15 тыс. человѣкъ, изъ которыхъ 20% приходилось на убитыхъ. Увѣчьямъ на заводахъ подверглось 55% общаго числа пострадавшихъ; смертные случаи дали 4—9%; на рудникахъ и промыслахъ увѣчья составили 45%, а смертные случаи—35—45% [3]). Кеппенъ, давшій далеко не полную статистику увѣчій за 10 лѣтъ на уральскихъ заводахъ, приводитъ слѣдующія поразительныя цифры. На пермскомъ заводѣ, гдѣ велись довольно точныя записи, на 1 тыс. человѣкъ приходилось 32,4 пострадавшихъ, изъ нихъ 6,1 тяжело и 0,57

[1]) Святловскій. Фабр. рабочій, стр. 129—30.

[2]) Ibid., стр. 141.

[3]) Никольскій. Фабрично-зав. отдѣлъ на Всеросс. гигіен. выставкѣ. Мед. Вѣс. 1894, сент.-октябрь.

убитыхъ. По всѣмъ же заводамъ пострадавшихъ было 9,6, убитыхъ 0,04, тяжело раненыхъ 1,7, легко—7,8, умершихъ 0,17. Самая опасная работа въ рудникахъ даетъ 17,7 увѣчій на 1 тыс. рабочихъ. По сравненію съ Германіей, число несчастныхъ случаевъ у насъ вдвое болѣе. При этомъ число убитыхъ также гораздо больше, потому что машины плохо или совсѣмъ не ограждаются. Сравнивая число убитыхъ въ Германіи и Россіи, получаемъ слѣдующія цифры: въ германскихъ горныхъ заводахъ убитые дали 0,7%, въ Россіи—4,7%; въ германскихъ металлическихъ рудникахъ 2,7%, въ Россіи—36,6% всѣхъ пострадавшихъ. Въ рудникахъ царства польскаго число убитыхъ рабочихъ было почти вдвое больше, чѣмъ въ рудникахъ Верхней Силезіи [1]).

Всѣ эти данныя, конечно, не являются точными, такъ какъ плохая организація медицины и желаніе фабрикантовъ скрыть убитыхъ и увѣчныхъ не даютъ возможности получить о нихъ болѣе или менѣе правильныя свѣдѣнія. Въ силу этого иногда въ отчетахъ врачей встрѣчается нелѣпый выводъ, по которому убитыхъ на заводѣ было больше, чѣмъ увѣчныхъ. Неполнота матеріала не даетъ возможности изслѣдовать этотъ важный вопросъ съ надлежащей полнотой и освѣтить его всесторонне. Тѣмъ не менѣе и имѣющійся у насъ матеріалъ представляетъ нѣкоторый интересъ. Травматическія поврежденія на многихъ фабрикахъ занимаютъ довольно видное мѣсто среди остальныхъ болѣзней рабочихъ. Такъ, на сахарныхъ заводахъ подольской и кіевской губерній въ больницахъ лежало отъ 17 до 20%; то же самое замѣчалось и на привислянскихъ заводахъ. Уже самый фактъ больничнаго леченія заставляетъ предполагать, что большая часть этихъ поврежденій относится къ болѣе или менѣе опаснымъ, лишающимъ пострадавшаго на нѣсколько дней способности къ работѣ. И дѣйствительно, 26% получили ожоги паромъ или горячими жидкостями, около 32% пострадали отъ машинъ, и остальные—отъ паденія [2]). По г. Святловскому, пораненія на сахарныхъ заводахъ харьковской губерніи также отличаются тяжелымъ характеромъ, особенно ожоги паромъ и горячей водой [3]). На томашевскихъ суконныхъ фабрикахъ травматическія поврежденія составляютъ 12% всѣхъ заболѣваній.

Всѣ данныя о травматическихъ поврежденіяхъ ясно указываютъ на зависимость ихъ отъ рода работъ. Всякое производ-

---

[1]) Цитир. по Святловскому. В. Общ. Гиг. 1894, 7 кн., стр. 25.

[2]) Сулима. О состояніи мед.-сан. части въ свеклосах. зав. подольск. губ. за 1894 годъ, стр. 85.

[3]) Святловскій. Фабр. рабочій, гл. VI.

ство имѣетъ тѣ или иныя машины или механизмы, производящіе пораненія и увѣчья при плохомъ огражденіи, невнимательности и пр. Такъ, на гусевской фабрикѣ рабочіе разныхъ производствъ различно страдаютъ отъ пораненій. Для всѣхъ рабочихъ процентъ поврежденій составляетъ 1,8% всѣхъ; для рабочихъ хрустальной фабрики—2,4%; работающихъ на торфу—1,3%; чернорабочихъ—6,4%. Если сравнить число поврежденій каждой группы рабочихъ съ общимъ числомъ поврежденій, то окажется, что 63,3% получены работающими при машинахъ, 10%—на хрустальной фабрикѣ, 22%—чернорабочими и 4,4%—работающими на торфу.

Большой процентъ увѣчій у работающихъ при машинахъ ясно говоритъ за то, что онѣ плохо ограждены или не ограждены совсѣмъ. И дѣйствительно, если посмотримъ, какими частями машинъ произведены поврежденія, то увидимъ слѣдующую картину фабричныхъ порядковъ. Оказывается, что 39% поврежденій причинены частями двигательныхъ механизмовъ, 25%—частями ткацкаго станка, около 16%—мюльной машиной, затѣмъ работами въ слесарной, кузницѣ, литейной и на кардъ-машинѣ. Если даже выкинуть отсюда поврежденія въ слесарной, кузницѣ и литейной, такъ какъ ихъ трудно бываетъ избѣжать, то все-таки получимъ 58% всѣхъ поврежденій, совершенно лишнихъ и происшедшихъ вслѣдствіе недостаточнаго огражденія машинъ [1]). На жирардовскихъ мануфактурахъ на машины пришлось 93,4% всѣхъ поврежденій, а остальныя произошли или внѣ фабрики, или отъ другихъ причинъ. Изъ числа этихъ поврежденій половина могла быть устранена настойчивостью администраціи, усиленіемъ надзора и надлежащимъ выясненіемъ рабочимъ опасности, сопряженной съ извѣстной работой" [1]).

Фабричная администрація очень любитъ объяснять причины несчастій неосторожностью рабочихъ, ихъ легкомысліемъ и проч., но довѣрять ей нужно съ большой осторожностью. Хотя вопросъ о причинахъ несчастій у насъ мало изслѣдованъ, но все-таки есть кое-какія данныя, косвенно указывающія на нихъ. Такъ, напримѣръ, д-ръ Бертенсонъ, изслѣдовавшій металлургическіе заводы на Уралѣ и въ царствѣ польскомъ, нашелъ большинство заведеній крайне тѣсными, а огражденіе машинъ—никуда негоднымъ. На одномъ громадномъ заводѣ, вырабатывавшемъ въ годъ болѣе $1^1/_2$ милл. пудовъ чугуна и стали, не только

---

[1]) Самарскій Вѣстн. 1897 г., № 55.

[2]) Святловскій. Фабричный рабочій, стр. 158—9.

не было новыхъ усовершенствованныхъ приборовъ и приспособленій по огражденію здоровья рабочихъ, но даже не соблюдались существующія требованія закона. Понятно, что на болѣе мелкихъ заводахъ положеніе дѣлъ еще хуже. Вездѣ изслѣдователь встрѣчалъ полное отсутствіе предохранительныхъ мѣръ по части предупрежденія несчастій и даже нежеланіе предупредить рабочихъ насчетъ опасностей исполняемыхъ ими работъ. Такими же точно порядками отличается и большинство нашихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Очень часто на этихъ заводахъ не существуетъ огражденій многихъ опасныхъ машинъ, въ родѣ рѣжущихъ металлъ, прокаточныхъ и др. А между тѣмъ огражденіе не только возможно, но даже и весьма просто. Возьмемъ, напр., прокатные вальки, употребляемые въ массѣ производствъ и отличающіеся сотнями приспособленій. Несмотря на крайнее разнообразіе, эти машины одинаково часто грозятъ пальцамъ, а иногда и всей рукѣ рабочаго. При этомъ для устраненія несчастій недостаточно даже внимательности, а обязательно нужны огражденія. За границей въ настоящее время изобрѣтено много простыхъ приборовъ, которые пропускаютъ предметъ между вальками, но задерживаютъ пальцы и руку работника. Насколько полезны эти приспособленія, показываютъ вычисленія швейцарскаго инженера Шуллера, показавшаго, что при ихъ примѣненіи изъ двадцати случаевъ несчастій на валькахъ не было бы 17-ти [1]). На нашихъ заводахъ такой защиты не существуетъ, хотя завести ее крайне легко и дешево. Вообще къ русскимъ заводчикамъ вполнѣ примѣнимы слова бельгійскаго инженера Готтрана: „если примѣненіе простыхъ устройствъ для предохраненія рабочихъ отъ опасностей, которымъ они ежеминутно подвергаются, до сихъ поръ не находитъ себѣ большого примѣненія, то причины этого лежатъ въ рутинѣ и косности владѣльцевъ промышленныхъ заведеній“ [2]).

Наше фабричное законодательство въ дѣлѣ огражденія рабочаго отъ несчастныхъ случаевъ поставлено крайне нераціонально. Въ сущности говоря, оно почти совершенно не ограждаетъ рабочаго, по крайней мѣрѣ внѣ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій. Всѣ другія промышленныя предпріятія подведены подъ общіе гражданскіе законы, возлагающіе отвѣтственность за причиненный вредъ и убытки. При этомъ рабочій долженъ доказать, что несчастье произошло по винѣ предпри-

[1]) Святловскій. Вѣстн. Общ. Гиг. 1894, 8 кн., стр. 33—4.

[2]) Gottrand. La prévention des accidents du travail dans les usines. Rev. univers. des mines.

нимателя. Все это сильно затрудняетъ для рабочаго возможность получить вознагражденіе за увѣчье, тѣмъ болѣе, что и размѣръ его не установленъ. Въ настоящее время предполагается измѣнить этотъ законъ, и министерство финансовъ даже составило особый проектъ спеціальнаго закона объ отвѣтственности предпринимателей за несчастья съ рабочими. По новому проекту прежде всего измѣнена система представленія доказательствъ, т.-е. доказывать свою невиновность долженъ предприниматель, а не рабочій. Владѣльцы промышленныхъ заведеній и другихъ предпріятій освобождаются отъ отвѣтственности только тогда, когда докажутъ, что причиной несчастія было: 1) непреодолимая сила; 2) проступокъ посторонняго предпріятію лица; 3) умыселъ или вина пострадавшаго. Въ проектѣ также опредѣляется и размѣръ вознагражденія, причемъ въ случаѣ смерти рабочаго пенсія можетъ равняться 60% платы.

Однако этотъ проектъ пока не сдѣлался закономъ, и потому болѣе интереснымъ и важнымъ является предполагаемое страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, уже примѣняемое на нѣкоторыхъ заводахъ. Вопросъ этотъ обсуждался на нижегородскомъ промышленномъ съѣздѣ, сдѣлавшемъ слѣдующее постановленіе: „По подробномъ обсужденіи вопроса о томъ, которая изъ двухъ системъ обезпеченія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, т.-е. страхованіе рабочихъ—или изданіе особаго закона объ имущественной отвѣтственности предпринимателей за тѣлесныя поврежденія и смерть рабочихъ, должна быть признана наиболѣе совершенною, съѣздъ пришелъ къ заключенію, что таковой должно быть признано страхованіе рабочихъ. Обращаясь засимъ къ предложеніямъ объ осуществленіи этой системы, съѣздъ призналъ, что съ точки зрѣнія интересовъ, какъ рабочихъ, такъ и нанимателей, наилучшею формою обезпеченія участи рабочихъ (и ихъ семействъ), утрачивающихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ способность къ труду и снискиванію себѣ или своей семьѣ пропитанія, представляется такое обязательное страхованіе рабочихъ, которое не преслѣдовало бы коммерческихъ выгодъ и потому находилось бы въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства, и что заботы объ обезпеченіи участи увѣчныхъ, больныхъ и дряхлыхъ рабочихъ должны имѣть въ виду не только исключительно фабрично-заводскихъ рабочихъ, но по возможности и рабочихъ, занятыхъ въ другихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности“ [1]).

---

[1]) Цитир. по Русск. Бог. 1896, 10 кн., стр. 185—6.

Нечего, конечно, доказывать, что введеніе обязательнаго государственнаго страхованія рабочихъ было бы наиболѣе цѣлесообразной мѣрой для огражденія рабочихъ. Хотя наши промышленники сильно возстаютъ противъ новыхъ расходовъ, связанныхъ съ обязательнымъ страхованіемъ, но ихъ жалобы совершенно неосновательны. Большинство несчастій является результатомъ тѣхъ ненормальныхъ условій, которыя существуютъ на фабрикахъ. Такъ называемая „собственная неосторожность" рабочихъ въ большинствѣ случаевъ вызвана тѣми же тяжелыми условіями работы. Такъ, продолжительная работа отражается на числѣ несчастій потому, что утомленному рабочему легче попасть въ машину, упасть и пр. На фабрикахъ привислинскаго края число несчастныхъ случаевъ до обѣда составляло 37%; послѣ обѣда—51%, ночью—12%. На томашевскихъ суконныхъ фабрикахъ число несчастныхъ случаевъ до обѣда равнялось 23,5%; послѣ обѣда—60%, ночью—7,3%; неизвѣстно когда—8,4% [1]). Данныя о несчастныхъ случаяхъ на западно-европейскихъ фабрикахъ говорятъ точно такъ же о зависимости ихъ отъ дней и часовъ дня. Въ Германіи 6% несчастныхъ случаевъ произошло между 6 и 7 часами утра; 11% между 7—8 часами, 12% между 8—9 ч.; 15% между 9—10 ч.; 23% между 10—11 ч., и 23% между 11—12 ч. дня. Очевидно, число несчастій увеличивается съ утомленіемъ отъ работы и достигаетъ максимума между 10—12 ч., т.-е. послѣ 4-часовой работы. Послѣ обѣда число несчастныхъ случаевъ опять постепенно увеличивается до чая, а затѣмъ послѣ чая до конца работы [2]).

На многихъ фабрикахъ, благодаря тому, что недостаетъ времени для чистки машинъ и послѣднія не останавливаются, рабочіе принуждены чистить ихъ на ходу, и нерѣдко получаютъ увѣчья. Святловскій говоритъ, что число несчастій въ субботу въ 2—3 раза превышаетъ такое число ихъ въ другіе дни недѣли и составляетъ почти треть (31%) всѣхъ несчастій [3]). Въ Англіи точно также несчастія чаще случаются въ концѣ недѣли, въ пятницу или въ субботу, что̀ объясняется чисткой въ эти дни машинъ и при томъ на ходу.

Въ нашихъ свѣдѣніяхъ ничего не говорится о вліяніи времени года на количество несчастій, но есть данныя о вліяніи возраста. Принято вообще думать, что менѣе опытные, т.-е. молодые рабочіе, больше подвергаются несчастіямъ, чѣмъ старые.

---

[1]) Стерлингъ. Цитир. соч., В. Общ. Гиг. 1895, 12.

[2]) Никольскій. Сан. очеркъ Мед. Бес. 1896 г., № 1.

[3]) Святловскій. Фабр. раб., стр. 245.

Лайэ утверждаетъ, что нá долю малолѣтнихъ приходится 41%, на 15—25-лѣтнихъ 36,4%, на долю 25—40-лѣтнихъ 13,1% и стариковъ—9,5%. То же самое почти выходитъ и по даннымъ о гусевской мануфактурѣ, а именно: на долю 10—20-лѣтнихъ пришлось почти 43% всѣхъ поврежденій, на долю 20—30 лѣтнихъ—25% и т. д. Такимъ образомъ, болѣе ²/₃ поврежденій приходится на самую здоровую и молодую часть рабочихъ, что̀ уже одно заставляетъ требовать лучшаго огражденія машинъ.

Этихъ данныхъ слишкомъ недостаточно, чтобы дѣлать изъ нихъ несомнѣнные выводы о связи возраста съ опасностью поврежденій, тѣмъ болѣе, что эта зависимость оспаривается нѣкоторыми изслѣдователями. Такъ, г. Святловскій ставитъ ее въ связь съ количествомъ дѣтей и стариковъ на фабрикахъ и заводахъ, хотя приводитъ слишкомъ мало доказательствъ. Скорѣе можно предположить, что здѣсь имѣетъ вліяніе малое знакомство съ машинами. По крайней мѣрѣ на гусевской фабрикѣ чѣмъ опытнѣе былъ рабочій, т.-е. чѣмъ больше онъ работалъ на фабрикѣ, тѣмъ рѣже получалъ поврежденія—и наоборотъ. Работавшіе отъ 1 мѣсяца до 1 года получили 29,6% всѣхъ поврежденій; работавшіе отъ 1 до 5 лѣтъ—22%; отъ 5 до 10 лѣтъ—17% и т. д. Работавшіе отъ 1 мѣсяца до 1 года получили въ три раза больше поврежденій, чѣмъ работавшіе 20—30 лѣтъ. Къ сожалѣнію, данныхъ по другимъ заводамъ нѣтъ, и потому этотъ вопросъ остается не вполнѣ выясненнымъ.

IV.

Ненормальныя и часто вредныя условія работы въ различныхъ отрасляхъ промышленности, описанныя выше, заставляютъ обратить на нихъ бòльшее вниманіе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Въ данномъ случаѣ, по справедливымъ словамъ Солсбери, „дѣло идетъ не о политикѣ или философіи, а объ общественномъ здоровьѣ". Наше фабричное законодательство или совершенно игнорировало этотъ вопросъ, или было настолько неопредѣленно, что промышленникъ при желаніи (а когда его нѣтъ!) могъ прекрасно его обходить. Напримѣръ, на практикѣ массу недоразумѣній породила та неопредѣленность понятій: „фабрика" и „заводъ", которая встрѣчается въ фабричномъ законѣ. Во время изданія правилъ этому вопросу не придавалось большого значенія, а между тѣмъ практика показала, что многіе фабриканты пользуются этой неопредѣленностью для обхода закона. Они нерѣдко заставляютъ работать у себя малолѣтнихъ, хотя бы по закону

ихъ производства относились къ числу тѣхъ вредныхъ производствъ, на которыхъ работа малолѣтнихъ воспрещена. Съ другой стороны, и самый списокъ вредныхъ производствъ значительно устарѣлъ и требуетъ пересмотра и дополненія.

Между прочимъ, на послѣднемъ профессіональномъ съѣздѣ фабричный инспекторъ Рыковскій указалъ на тѣ обходы, которые практикуютъ фабриканты относительно малолѣтнихъ рабочихъ. Напримѣръ, примѣненіе на основаніи § 5 правилъ, непрерывнаго 6-часового труда для малолѣтнихъ рабочихъ привело только къ увеличенію среди нихъ заболѣваній. Малолѣтній рабочій, являясь на фабрику въ 5—5½ ч. утра, не можетъ обойтись безъ пищи въ теченіе шести часовъ непрерывной работы. Въ виду этого имъ приходится ѣсть урывками, во время хода опасныхъ машинъ, т.-е. одной рукой работать, а другой держать завтракъ; или же они должны бросаться нѣсколько разъ отъ машины къ завтраку и отъ завтрака къ машинѣ. Такое спѣшное и неправильное принятіе пищи въ пыльныхъ фабричныхъ залахъ порождаетъ среди нихъ массу желудочныхъ заболѣваній, лишнія увѣчья, которыхъ не было бы при нормальной, внимательной и не столь продолжительной работѣ, и служитъ для фабрикантовъ предлогомъ къ удлиненію 6-часовой непрерывной работы до 7-часовой. Въ данномъ случаѣ они всегда могутъ оправдаться тѣмъ, что малолѣтніе во время работы тратили время на ѣду, и что непрерывная 6-часовая работа превратилась въ прерывную, могущую продолжаться 8 часовъ [1]).

Всѣ такія неясности закона должны быть уничтожены и фабричное законодательство улучшено, сообразно съ требованіями науки и справедливости. Прежде всего, конечно, долженъ быть уменьшенъ рабочій день и уничтожена ночная работа и работа малолѣтнихъ. Въ этомъ отношеніи уже имѣются строго опредѣленныя требованія, выраженныя въ слѣдующихъ тезисахъ: 1) максимальный рабочій день для взрослыхъ въ восемь часовъ; 2) воспрещеніе работы дѣтей моложе 14 лѣтъ на фабрикахъ; 3) уничтоженіе 8-часовой прерывной работы для подростковъ и установленіе 6-часовой; 4) воспрещеніе ночной работы для тѣхъ производствъ, въ которыхъ это возможно; 5) воспрещеніе ночныхъ работъ для женщинъ и подростковъ; 6) воспрещеніе работъ женщинъ на вредныхъ для нихъ производствахъ; 7) учрежденіе лучшаго надзора за примѣненіемъ фабричнаго закона. Всѣ эти требованія давно уже выставлены на Западѣ и большин-

---

[1]) Труды I отд. съѣзда русск. дѣят. по технич. образов., стр. 94.

ствомъ признаются какъ справедливыя и возможныя для исполненія. Для Россіи они такъ же безусловно необходимы и примѣнимы; съ нихъ-то и слѣдуетъ начать реформу нашего отсталаго фабричнаго законодательства.

Но кромѣ введенія этихъ требованій необходимо также улучшить и исправить существующія у насъ правила объ открытіи промышленныхъ заведеній и надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ. Недостатки существующихъ правилъ сознаны уже давно, и еще въ 1894 году особая ольхинская коммиссія приступила къ выработкѣ „проекта положенія объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и складовъ и надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ". Эта коммиссія въ 1896 году опубликовала свои труды и новый проектъ правилъ, представляющій весьма интересное знаменіе времени. По этому проекту всѣ заведенія, въ томъ числѣ и ремесленныя, дѣлятся на невредныя для здоровья и вредныя; для первыхъ разрѣшеніе дается фабричнымъ инспекторомъ, которому подается только заявленіе объ открытіи; для вторыхъ же требуется разрѣшеніе губернскаго фабричнаго присутствія.

При бѣгломъ чтеніи можетъ показаться, что новый проектъ ограждаетъ не только интересы промышленности, но и интересы рабочихъ. Такъ, всѣ заведенія, представляющія опасность для здоровья окрестнаго населенія или рабочихъ, а также причиняющія безпокойство сосѣднимъ жителямъ, открываются лишь послѣ согласія губернскаго фабричнаго присутствія и при условіи введенія обязательныхъ приспособленій для огражденія рабочихъ отъ несчастій. При этомъ передъ открытіемъ такого заведенія увѣдомляются всѣ общественныя учрежденія и населеніе, причемъ они могутъ въ мѣсячный срокъ заявить о вредѣ для нихъ новаго заведенія. Совѣтъ по дѣламъ промышленности составляетъ, измѣняетъ и дополняетъ общій списокъ вредныхъ заведеній; издаетъ правила объ охраненіи здоровья рабочихъ, объ организаціи медицинской помощи и руководитъ мѣстными присутствіями. Такимъ образомъ, новый проектъ является повидимому весьма широкимъ и захватывающимъ большую часть фабрично санитарныхъ вопросовъ. Но въ дѣйствительности значеніе его сильно уменьшится, если посмотрѣть на него болѣе детально и показать, какъ онъ будетъ примѣняться на практикѣ. Сначала разсмотримъ исторію этого проекта и тѣ вліянія, подъ которыми онъ вырабатывался.

Прежде всего нужно отмѣтить тотъ фактъ, что кромѣ чинов-

никовъ въ этой коммиссіи постоянно засѣдали свѣдущіе фабриканты, тогда какъ другія свѣдующія лица, въ родѣ гг. Эрисмана, Погожева, были приглашены всего одинъ разъ. Такой составъ коммиссіи не могъ не отразиться на новомъ проектѣ, и онъ дѣйствительно носитъ на себѣ явные слѣды преобладающаго вліянія крупныхъ фабрикантовъ. Во время преній гг. крупные торгово-промышленники настолько ясно выставили свое profession de foi, что съ нимъ необходимо познакомиться болѣе подробно, тѣмъ болѣе, что коммиссія сообразовала свой проектъ главнымъ образомъ съ ихъ желаніями.

Жалобы заводчиковъ и фабрикантовъ на стѣснительность существующихъ правилъ открытія промышленныхъ заведеній начались уже давно, и, конечно, на первый планъ выставлялся пресловутый вопросъ о „стѣснительности ихъ для развитія промышленности". Уже нѣсколько лѣтъ фабриканты вопіютъ о ненормальной системѣ дѣйствующаго теперь порядка изданія мѣстныхъ обязательныхъ постановленій по фабричной санитаріи и энергично добиваются его измѣненія. По этому вопросу годъ тому назадъ московскимъ отдѣломъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговли была подана особая записка, подробно излагавшая всѣ недостатки существующихъ правилъ.

Главнымъ недостаткомъ ихъ признавалась неопредѣленность, разнообразіе и нерѣдко произвольность требованій, предъявляемыхъ къ заводчикамъ при открытіи заведеній. Другимъ недостаткомъ осталась некомпетентность фабричныхъ присутствій въ разработкѣ техническихъ вопросовъ. Даже техники, по словамъ московскихъ фабрикантовъ, не обладаютъ достаточной „практической опытностью", что̀, конечно, уже есть не больше какъ non-sens.

Основываясь, очевидно, на своей опытности, московскіе фабриканты de facto добились того, что мѣстныя постановленія фабричныхъ присутствій на практикѣ почти не примѣняются. Такъ, московское присутствіе за первыя восемь лѣтъ своего существованія не издало никакихъ постановленій; большинство же приступило къ изданію только въ 1892 году. Правила, составленныя ими, не отличаются ни полнотой, ни точной формулировкой требованій. Вообще, какъ вѣрно выразились сами фабриканты въ вышеупомянутой докладной запискѣ, существующій способъ изданія обязательныхъ правилъ „не отличается быстротой" [1]).

---

[1]) Погожевъ. Дѣйствительный порядокъ изд. обязательныхъ постановленій по фабрич. санит., Общ.-сан. обозр. 1896, 14, стр. 316.

Понятно, что промышленники, призванные обсуждать новый проектъ, постарались по возможности оттѣнить стѣснительность существующихъ правилъ, получивъ кромѣ того помощь со стороны нѣкоторыхъ представителей фабричной инспекціи. Такъ какъ въ совѣщаніяхъ участвовали исключительно представители крупной промышленности, то они главнымъ образомъ и выступали съ тирадами о стѣснительности для торговли существующаго порядка по изданію обязательныхъ правилъ и необходимости лишить земства, думы и фабричныя присутствія права издавать обязательныя постановленія. Въ своихъ рѣчахъ они главнымъ образомъ указывали на различіе въ дѣятельности существующихъ учрежденій и на неопредѣленность издаваемыхъ правилъ. Въ этомъ отношеніи крайне любопытно засѣданіе коммиссіи 1 мая 1893 года, такъ какъ на немъ представители нашей буржуазіи вполнѣ проявили свою „практическую опытность", свои аппетиты и свободу отъ наукъ.

Одинъ изъ крупныхъ московскихъ фабрикантовъ крайне сожалѣлъ, что городское и земское управленія пользуются правомъ издавать обязательныя постановленія по санитарной части, хотя заботы о здоровьѣ рабочихъ „переданы въ вѣдѣніе фабричныхъ присутствій". Это тѣмъ болѣе неправильно, что въ такихъ обязательныхъ постановленіяхъ „все сваливается въ одну кучу: и вопросы санитарные, и техническіе, и экономическіе". И все это, продолжалъ фабрикантъ, „прикрывается требованіями санитарной науки, которыя между тѣмъ оказываются очень измѣнчивыми: сегодня выставляются одни, завтра—другія". Такъ, напримѣръ, московское земство, руководясь санитарными требованіями, отмѣняетъ одно постановленіе и издаетъ прямо противоположное, которое должно повести къ перестройкѣ нѣсколькихъ фабрикъ. Оно требуетъ, чтобы въ рабочемъ помѣщеніи не было сплошныхъ наръ, но извѣстно, что „существуютъ фабрики, гдѣ рабочіе спятъ на самыхъ станкахъ"; затѣмъ требуется проходъ между койками не менѣе аршина, благодаря чему цѣлая треть рабочихъ должна быть выброшена изъ нынѣшнихъ помѣщеній. Хотя фабриканты и опротестовали это постановленіе, но вѣдь протестъ, можетъ быть, и не достигнетъ цѣли.

Но г. фабрикантъ въ своихъ обвиненіяхъ не останавливается на этомъ, а идетъ дальше и окончательно приходитъ въ ужасъ отъ необузданности земства. Оказывается, что земство издало такое постановленіе, въ силу котораго „нельзя спускать съ фабрики воду не только въ рѣки, но и въ овраги, и чуть ли не всякій житель *обязанъ свои нечистоты удалять и дезинфициро-*

вать, — требованіе прямо невозможное, но „я, — прибавляетъ скромно заводчикъ,—не считаю себя компетентнымъ, чтобы подробно его опровергать". Такимъ образомъ, огражденіе почвы отъ загрязненія и удаленіе нечистотъ кажется г. фабриканту чѣмъ-то невѣроятнымъ, и, очевидно, только его скромность мѣшаетъ ему разнести такое требованіе въ пухъ и прахъ.

По его же мнѣнію, загрязненіе рѣкъ отбросами не причиняетъ вреда обывателямъ, да и вообще вредъ отъ промышленныхъ заведеній значительно преувеличенъ. Въ доказательство этого онъ приводитъ слѣдующія положенія: 1) существующее относительно порчи фабриками рѣкъ представленіе страдаетъ преувеличеніями; на самомъ дѣлѣ фабрики не особенно загрязняютъ рѣки; 2) интересы фабрикантовъ должны стоять выше удобствъ ближайшихъ жителей, интересовъ рыбопромышленности и т. п.; 3) у насъ такихъ производствъ, по сосѣдству съ которыми пропадала бы растительность, „совсѣмъ мало и, можно сказать, они даже почти совсѣмъ неизвѣстны", а жалобы жителей на сосѣдство химическихъ заводовъ происходятъ отъ желанія „окрасить свои крыши" за счетъ фабриканта; 4) шумъ и безпокойство отъ фабрикъ, котловъ, паровыхъ молотовъ и проч.— „дѣло привычки" и равносильно звону колоколовъ къ заутрени „для непривыкшихъ лицъ" и т. д. [1]). Этотъ ораторъ не остался, конечно, безъ поддержки, и его слова со всѣхъ сторонъ были подтверждены такими же „практически-опытными" людьми. Одинъ изъ петербургскихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ защищалъ безвредность спуска въ Неву ежедневно около 2 тыс. ведеръ всякихъ нечистотъ, отбросовъ и грязныхъ водъ, и жаловался на невозможность исполнить предъявленное къ нему требованіе дезинфицировать привозимое къ нему тряпье. Затѣмъ, онъ же доказывалъ „невозможность ежедневно мыть полы, стѣны и очищать воздухъ", благодаря большой величинѣ зданій и тому, что такое требованіе повело бы лишь къ усиленію заразы, ибо „если мыть полъ горячей водой и она будетъ попадать въ щели, то опасность зараженія увеличится". Другой фабрикантъ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что земство „предъявило требованіе, чтобы устроенъ былъ фильтръ и еще Богъ знаетъ что̀ такое". Конечно, такія требованія земства „трудно выполнимы на практикѣ, но еще большее затрудненіе встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда вы не можете точно узнать, что̀ же собственно обязаны вы сдѣлать, а вамъ просто говорятъ—очистите воду и

[1]) Ibid., стр. 317—18.

только“. Очевидно, что этотъ заводчикъ требуетъ подробнаго разъясненія своихъ обязанностей, такъ какъ имѣетъ о нихъ смутное представленіе и даже говоритъ что-то непонятное: „Богъ его знаетъ, что̀ такое“!

Противъ права земства издавать обязательныя постановленія высказались даже владимірскіе фабриканты, давно уже ведущіе съ нимъ войну и протестующіе почти противъ каждаго постановленія. Эта борьба началась еще въ самомъ началѣ изданія закона 1886 года, и о ней сто̀итъ сказать нѣсколько словъ. Когда фабричное присутствіе задумало издать обязательныя постановленія объ огражденіи машинъ, то для выработки проекта пригласило фабричныхъ инспекторовъ и восемь директоровъ по различнымъ отраслямъ промышленности. На приглашеніе отозвалось всего трое, но когда правила начали примѣняться, то многіе фабриканты стали жаловаться министру финансовъ на ихъ „полную непригодность и непримѣнимость къ дѣлу“. По распоряженію министра финансовъ для пересмотра этихъ правилъ устроено было особое засѣданіе фабричнаго присутствія съ участіемъ директоровъ фабрикъ и представителей отъ фабрикантовъ. Однако, существенныхъ поправокъ сдѣлано не было, а все дѣло ограничилось редакціонными поправками, послѣ чего фабриканты уже не жаловались.

Почти такая же исторія повторилась съ постановленіемъ фабричнаго присутствія, касающимся санитарной обстановки фабрикъ и медицинской помощи рабочимъ. Въ эти постановленія вошли правила, составленныя губернскимъ земскимъ собраніемъ 1892 года и утвержденныя губернаторомъ, но фабриканты возстали противъ нихъ лишь тогда, когда они были изданы, какъ обязательныя. Они поспѣшили обжаловать ихъ фабричному присутствію, но послѣднее, не считая возможнымъ собственною властью измѣнять постановленіе земства, утвержденное губернаторомъ, предложило имъ обратиться въ земское собраніе. Фабриканты не преминули, конечно, поднять крики о стѣснительности новыхъ правилъ и своей безпомощности въ борьбѣ съ земствомъ, но въ концѣ концовъ должны были исполнить эти правила [1]).

Очевидно, что наши фабриканты уже давно борются за свои интересы и отстаиваютъ ихъ довольно успѣшно. Одинъ изъ фабрикантовъ, защищая необходимость свободы для промышленности, даже сослался на заявленіе московскаго головы временъ Закрев-

---

[1]) А. Никулинъ. Очерки изъ исторіи примѣненія закона 1886 года, стр. 48—51.

скаго, который, поддерживая въ Петербургѣ московскихъ фабрикантовъ и прося „заставить мѣстную власть умѣрить свое рвеніе", угрожалъ тѣмъ, что въ противномъ случаѣ Москва опустѣетъ и останутся только „попъ, холопъ и подъячій" [1]). Такимъ образомъ, ссылка на паденіе промышленности есть очень давнее изобрѣтеніе и практиковалась нашими фабрикантами много лѣтъ тому назадъ.

Сторону фабрикантовъ въ коммиссіи приняли также и нѣкоторые представители интеллигенціи. Такъ, бывшій окружной фабричный инспекторъ московской губерніи, г. Никитинскій, заявилъ, что „фабрики и заводы терпятъ различныя неудобства не столько при своемъ основаніи и открытіи, сколько при своемъ дальнѣйшемъ существованіи". Неудобства же эти обусловливаются тѣмъ, что различныя власти издаютъ совершенно различныя обязательныя постановленія. Благодаря тому, что эти постановленія не согласованы между собою, между ними встрѣчаются разногласія и противорѣчія, порождающія недоразумѣнія. Для улучшенія дѣла г. Никитинскій требовалъ установленія одной власти, которая могла бы издавать обязательныя постановленія [2]). Одинъ изъ техниковъ, графъ Сюзоръ, указывалъ на то, что земскія и думскія постановленія имѣютъ совершенно случайный и неопредѣленный характеръ. Сопоставляя всѣ постановленія земства, можно найти въ нихъ полную разнородность: въ одномъ уѣздѣ разрѣшается то, что̀ въ другомъ запрещено и наоборотъ; то же самое и въ городахъ [3]).

Нѣкоторыя изъ заявленій фабрикантовъ справедливы, и многіе недостатки дѣйствующихъ правилъ дѣйствительно существуютъ и требуютъ измѣненія, но во всякомъ случаѣ не такого, какого добиваются фабриканты. Нельзя прежде всего не отмѣтить крайняго преувеличенія въ обвиненіяхъ земства и думъ. Изъ свода мѣстныхъ обязательныхъ постановленій по 244 пунктамъ Россіи можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) земско-думскія обязательныя постановленія обнаруживали разногласіе между собою только въ началѣ ихъ развитія, но въ послѣднее время всюду представляютъ повтореніе почти однихъ и тѣхъ же легко выполнимыхъ требованій и нормъ, сообразно съ особенностями мѣстной промышленности; 2) прежніе недостатки фабричныхъ присутствій обусловливались неполнотой фабричнаго законодательства и плохимъ ихъ составомъ; 3) изданіе обязательныхъ мѣстныхъ

---

[1]) Труды ольхинской коммиссіи. Т. I, стр. 56.

[2]) Ibid., стр. 76.

[3]) Ibid., стр. 20.

правилъ является менѣе стѣснительнымъ для промышленниковъ средствомъ выясненія задачъ государственнаго законодательства по охранѣ здоровья и жизни рабочихъ. Въ силу этого нужно согласиться съ предложеніемъ Пироговскаго съѣзда врачей въ Кіевѣ—ходатайствовать о расширеніи правъ земствъ и городовъ издавать обязательныя санитарныя постановленія [1]). За предоставленіе земствамъ и городамъ права издавать и дополнять обязательныя постановленія стоялъ между прочимъ московскій губернаторъ, по мнѣнію котораго подробная регламентація въ самомъ законѣ нежелательна, такъ какъ „техника быстро развивается, условія производства видоизмѣняются и потому регламентація могла бы представить нѣкоторыя неудобства“ [2]).

Сильныя нападки на существующія правила со стороны большинства коммиссіи привели къ тому, что въ новомъ проектѣ сдѣланы большія уступки въ пользу фабрикантовъ и при томъ исключительно крупныхъ. Такъ самый порядокъ открытія заведеній является выгоднымъ лишь для большихъ заведеній, но весьма стѣснителенъ для мелкихъ и среднихъ. Явочный порядокъ открытія заведеній, по мнѣнію гг. Янжула и Эрисмана, представляетъ массу затрудненій и можетъ даже повести къ матеріальнымъ убыткамъ. Большинство мелкихъ предпринимателей, невѣжественныхъ и необразованныхъ, съ трудомъ будетъ разбираться въ признакахъ вреднаго и безвреднаго производства, и противъ нихъ возникнетъ масса дѣлъ о нарушеніи правилъ. Сосредоточеніе же всѣхъ дѣлъ въ губернскихъ фабричныхъ присутствіяхъ можетъ повлечь лишь къ усиленію той волокиты, на которую жалуются уже въ настоящее время.

Съ другой стороны, новый проектъ предоставилъ фабрикантамъ слишкомъ большую роль въ совѣтѣ и губернскихъ фабричныхъ присутствіяхъ. Совѣтъ будетъ состоять изъ 15 промышленниковъ и 15 чиновниковъ; представители же санитаріи почти совершенно отсутствуютъ, хотя это учрежденіе является высшей инстанціей по всѣмъ санитарно-техническимъ вопросамъ, касающимся фабрично-заводской промышленности. Отсутствуютъ также представители городовъ и земствъ, хотя они болѣе другихъ заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и могли бы принести пользу своими совѣтами.

Благодаря такому составу совѣта, въ немъ будутъ преобладать исключительно купцы, и многіе спеціальные и важные во-

[1]) А. Погожевъ. Дѣйствующій порядокъ изданія обяз. пост., Общ.-сан. об. 1896, 14, стр. 319—20.

[2]) Труды коммиссіи. Т. I, стр. 38.

просы будутъ рѣшаться главнымъ образомъ на основаніи ихъ „практической опытности“. При отсутствіи нѣсколькихъ санитаровъ, которые могутъ не быть вслѣдствіе служебныхъ обязанностей, едва ли можно ожидать правильнаго разрѣшенія вопросовъ, касающихся здоровья рабочихъ. Для того, чтобы такіе вопросы могли быть рѣшены безпристрастно и правильно, необходимо увеличить число членовъ совѣта врачами-спеціалистами, которые подготовляли бы различные фабрично-санитарные вопросы и давали свое заключеніе. Кромѣ того, необходимо туда ввести представителей земствъ и городовъ, такъ какъ они болѣе заинтересованы въ томъ или иномъ рѣшеніи такихъ вопросовъ, чѣмъ представители различныхъ вѣдомствъ.

Весьма также односторонenъ составъ губернскихъ фабричныхъ присутствій. На этихъ присутствіяхъ лежитъ обязанность разрѣшать многіе санитарные и техническіе вопросы, имѣющіе значеніе для окружающаго населенія, а между тѣмъ, по проекту, въ немъ будетъ одинъ врачъ, одинъ техникъ и два фабричныхъ инспектора. Хотя здѣсь число представителей промышленности равняется только пяти человѣкамъ, т.-е. одной трети всѣхъ, но зато многіе изъ остальныхъ членовъ слишкомъ заняты своими обязанностями, чтобы серьезно работать по дѣламъ присутствія. Небольшое число спеціалистовъ тоже можетъ мѣшать правильному рѣшенію вопросовъ; поэтому составъ присутствій слѣдовало бы увеличить санитарными врачами, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ санитарный надзоръ. Исторія санитарнаго надзора за фабриками въ такихъ губерніяхъ, какъ московская и владимірская, показала всю ту пользу, которую могутъ принести санитарные врачи, если они независимы и снабжены надлежащими полномочіями. Если во многихъ мѣстностяхъ работа санитарныхъ врачей не принесла существенной пользы, то причины этого нужно искать въ недостаткахъ существующаго фабричнаго закона, лишающаго врачей права вмѣшиваться въ порядки фабрикъ, и въ недостаточномъ числѣ врачей. Кромѣ того, вступивъ, можно сказать, въ неизслѣдованную область, санитарные врачи должны были прежде всего ознакомиться съ окружающими ихъ условіями, и потому принялись за собираніе разнообразныхъ свѣдѣній о фабрикахъ и заводахъ. Съ теченіемъ времени появились и практическія мѣропріятія, принесшія кое-какую пользу. Такъ, напримѣръ, въ курской губерніи, подъ вліяніемъ обязательныхъ постановленій, владѣльцы заводовъ начали улучшать санитарное положеніе своихъ заведеній. Одни изъ нихъ рѣшили перестроить свои заведенія; другіе

расширили помѣщенія для рабочихъ; третьи заводятъ новые порядки, соотвѣтствующіе санитарнымъ требованіямъ. Самыя мастерскія расширились, сдѣлались болѣе высокими и свѣтлыми; большинство подвальныхъ этажей обращается въ склады, а жилыя помѣщенія переносятся въ верхніе этажи. Помѣщенія держатся въ чистотѣ, дворы очищаются, рабочіе снабжаются хорошею водой [1]).

Едва ли можно ожидать чего-либо подобнаго при введеніи новыхъ правилъ. Г-нъ Погожевъ, писавшій о нихъ, приходитъ къ заключенію, что новый проектъ „въ самомъ корнѣ нарушаетъ всѣ прежнія начинанія и заботы правительства, общественныхъ учрежденій и лучшихъ представителей русской промышленности по охраненію жизни и здоровья рабочихъ. Принятіе такого проекта было бы рѣзкимъ шагомъ назадъ ради неправильно понимаемыхъ выгодъ отдѣльныхъ предпринимателей и въ ущербъ развитію отечественной промышленности“ [2]). Тѣ шаги впередъ, которые сдѣлала фабричная санитарія въ послѣднее время, будутъ забыты, и санитарная техника вернется къ прежнему положенію.

Помимо преобладающаго вліянія представителей крупнаго капитала, новый проектъ страдаетъ еще крайне неполной организаціей надзора за примѣненіемъ новыхъ правилъ. Весь надзоръ возлагается на фабричную инспекцію и полицію, а мѣстныя учрежденія, частныя лица и рабочіе, жизни которыхъ или здоровью угрожаетъ опасность отъ производства, имѣютъ лишь право жаловаться въ фабричное присутствіе. Но при такомъ положеніи дѣлъ, какъ вѣрно замѣтили гг. Янжулъ и Эрисманъ, „надзоръ не достигнетъ цѣли, ибо онъ является случайнымъ и несистематизированнымъ“. Фабричная инспекція у насъ состоитъ изъ техниковъ, т.-е. лицъ, далеко не всегда компетентныхъ въ вопросахъ гигіены, и потому эти вопросы могутъ ими игнорироваться тѣмъ болѣе, что въ инструкціи инспекторамъ на санитарію обращается очень мало вниманія. Эти вопросы останавливаютъ вниманіе фабричнаго инспектора, такъ сказать, попутно. При той массѣ работы, которая возложена на фабричныхъ инспекторовъ, и недостаточномъ ихъ числѣ—нельзя ожидать дѣйствительно серьезнаго и обстоятельнаго наблюденія за примѣненіемъ новыхъ правилъ.

Такое наблюденіе не будетъ полнымъ даже и при увеличе-

---

[1]) „Новое Время“, 1894 г., № 6629.

[2]) А. Погожевъ. Дѣйствит. порядокъ, Общ.-сан. об., 1886, 14, стр. 365.

ніи числа фабричныхъ инспекторовъ, такъ какъ безъ дѣятельнаго участія общества, печати и санитарныхъ органовъ, имъ невозможно будетъ услѣдить за всѣми нарушеніями правилъ и своевременно устранить ихъ. Между тѣмъ, новый проектъ предоставляетъ (ст. 91, п. б.) мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ только доводить до свѣдѣнія фабричныхъ инспекторовъ о нарушеніяхъ правилъ, но лишаетъ ихъ самостоятельныхъ дѣйствій. Это не только умаляетъ значеніе этихъ учрежденій, но въ то же время и лишаетъ фабричную инспекцію серьезныхъ помощниковъ. Какъ бы ни былъ старателенъ фабричный инспекторъ, онъ физически не можетъ все знать и замѣнить общественный контроль. Надѣяться на бдительность полиціи тоже довольно рискованно, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ. Поэтому ст. 91 новаго проекта должна быть измѣнена сообразно съ 114 ст. Земскаго Положенія и 113 ст. Городового Положенія, которыя предоставляютъ этимъ учрежденіямъ право слѣдить за санитарнымъ благоустройствомъ заведеній и собственною властью прекращать замѣченныя нарушенія.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшее обсужденіе этого проекта, такъ какъ онъ неудовлетворителенъ въ своихъ основныхъ пунктахъ. Мелкіе недочеты и частности хотя и имѣютъ значеніе, но совершенно стушевываются передъ основнымъ недостаткомъ проекта—преобладаніемъ классовыхъ интересовъ хозяевъ надъ интересами рабочихъ. Пока этотъ главный недостатокъ не будетъ исправленъ, до тѣхъ поръ трудно ожидать серьезнаго огражденія здоровья рабочихъ. А между тѣмъ, описанные выше факты ясно говорятъ за необходимость такого огражденія, ибо безъ него вредныя условія работъ могутъ сильно пошатнуть здоровье рабочихъ и ихъ дѣтей. Такъ какъ здѣсь идетъ вопросъ объ общественномъ здоровьѣ, то надобно надѣяться, что новый проектъ будетъ измѣненъ въ лучшую сторону, а здоровье рабочихъ будетъ защищено съ достаточной полнотой.

И. Керчикеръ.

БАНКРОТЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Пароходъ летѣлъ быстро; позади него тянулся пѣнистый слѣдъ, надъ нимъ носился и таялъ въ воздухѣ бѣлый дымокъ, а внизу разсѣкаемыя колесами волны сердито кипѣли, пѣнились и глухо ворчали.

Уже вечерѣло. Послѣ жаркаго дня пріятно повѣяло прохладой, и въ то же время на пароходѣ стало замѣтно нѣкоторое оживленіе.

Публика, соблазненная хорошимъ вечеромъ, расположилась на палубѣ; тамъ-и-сямъ слышались разговоры, смѣхъ, отрывочные возгласы.

Григорій Павловичъ Голиневичъ помѣстился въ сторонѣ отъ другихъ. Онъ курилъ и разсѣянно смотрѣлъ на берега рѣки.

По сторонамъ мелькали поля, сады, хижины, заборы, церкви и кладбища, узкія и почти отвѣсно спускавшіяся къ рѣкѣ, живописныя тропинки. Въ дорогѣ, особенно когда человѣкъ одинъ, мысли часто возвращаются къ прошлому. Въ душѣ Григорія Павловича вставали далекія воспоминанія. Картины изъ его собственной жизни то быстро мелькали, то задерживались въ яркомъ освѣщеніи и потомъ смѣнялись одна другой.

Худощавое лицо молодого человѣка по временамъ хмурилось, тонкія губы нервно складывались въ горькую усмѣшку, острые сѣрые глаза сверкали недобрымъ огнемъ.

Голиневичу вспомнилось его раннее дѣтство. Онъ росъ въ забросѣ, хоть и былъ единственнымъ въ семьѣ ребенкомъ, пока

не родилась сестра Варя. Это случилось, когда ему шелъ уже шестой годъ. Къ тому времени его отецъ успѣлъ уже спустить всѣ свои наслѣдственныя недвижимыя и переселился съ семьей въ губернскій городъ Хрѣновскъ, гдѣ и прожигалъ послѣдніе остатки. Отецъ не служилъ, но дѣла у него было по горло. Онъ рыскалъ по городу съ цѣлью гдѣ-нибудь перехватить денегъ, прятался отъ кредиторовъ, угощалъ гостей, придирался къ домашнимъ, выигрывалъ и проигрывалъ въ карты. Мать выѣзжала, принимала у себя и безпрестанно терзалась муками ревности, вѣчно подозрѣвая отца въ измѣнахъ. Имъ обоимъ было не до дѣтей. Малютка Варя сдана была на руки прислуги, и братъ съ малыхъ лѣтъ привыкъ о ней заботиться.

Дѣвочка росла одна, не зная ни дѣтскихъ игръ, ни общества сверстницъ. Съ самаго ранняго дѣтства въ ея характерѣ стала проявляться склонность къ самоуглубленію и мечтательности. Она любила уединяться и могла цѣлые часы просиживать на одномъ мѣстѣ, о чемъ-то мечтая или раздумывая. По вечерамъ, когда онъ готовилъ уроки, Варя усаживалась около него и сидѣла тихо, какъ взрослая.

Случалось, ея утомленная головка склонялась въ дремотѣ,— тогда онъ бережно бралъ сестренку на руки и уносилъ въ дѣтскую. Иногда онъ испытывалъ къ ней такую жалость, что слезы рвались у него изъ глазъ. Время шло, и его любовь къ сестрѣ росла и превращалась въ какую-то исключительную, почти фантастическую. Живо помнитъ онъ зимніе вечера того года, когда Варя стала бѣгать въ гимназію. Бывало, въ гостиной ведутся веселые, шумные разговоры, а онъ въ сосѣдней комнатѣ зашиваетъ Варинъ башмачокъ или замазываетъ чернилами побѣлѣвшіе швы ея старенькой шубки. Сколько разъ она жаловалась ему, что ей стыдно въ гимназіи, что она одѣта хуже всѣхъ, что надъ ней смѣются! И однажды, вся взволнованная, она заговорила сдавленнымъ голосомъ: „Отчего, Гриша, намъ такъ плохо? Чѣмъ мы хуже другихъ? Что̀ мы кому сдѣлали? Вѣдь Богъ все видитъ, все можетъ, такъ пускай же бы взялъ да и сдѣлалъ такъ, чтобъ и намъ было хорошо"!..

Онъ досталъ урокъ. И какъ же онъ былъ счастливъ, когда, сжимая въ рукѣ первую заработанную пятирублевку, побѣжалъ покупать для Вари лакомства и подарки!....

Пароходъ далъ короткій тревожный свистокъ.

Григорій Павловичъ вздрогнулъ и выпрямился. Показалась пристань, и въ тотъ же мигъ на нижней палубѣ началась невообразимая сутолока. Стукъ бросаемыхъ тяжестей, дѣтскій

визгъ и плачъ, крики и брань, толкотня и возгласы,—все перемѣшалось, слилось въ какой-то адскій шумъ. Стояли долго: накачивали нефть, принимали большую партію переселенцевъ. Когда снова тронулись, надвигалась уже ночь. Становилось свѣжо, и пассажиры вскорѣ одинъ за другимъ разбрелись. Григорій Павловичъ остался: ему не хотѣлось ни спать, ни читать.

Было почти совсѣмъ темно. Съ правой стороны чернѣлъ густой лѣсъ; лѣвый берегъ весь потонулъ въ туманной мглѣ; внизу волны все такъ же кипѣли и что-то глухо ворчали. Григорій Павловичъ снова опустился на скамью. Прерванныя мысли продолжались, но приняли нѣсколько иное направленіе. Шесть лѣтъ назадъ онъ въ первый разъ проѣзжалъ по этимъ мѣстамъ, можетъ быть даже на этомъ самомъ пароходѣ. Онъ ѣхалъ тогда въ Петербургъ. Какъ радостно билось у него сердце при первомъ взглядѣ на этотъ заманчивый Петербургъ, сулившій такъ много новаго и хорошаго! Съ какимъ благоговѣніемъ онъ тогда думалъ объ университетѣ, какъ торжественно самъ себѣ клялся заниматься серьезно, не пропуская ни одной лекціи! Это настроеніе омрачалось тогда только мыслью о покинутой сестренкѣ, и въ первые дни разлуки ему все казалось, что не слѣдовало покидать ее. Потомъ онъ нѣсколько успокоился на томъ, что четыре года пройдутъ быстро, а тамъ, поступивъ на службу, онъ тотчасъ же возьметъ Варю къ себѣ.

И онъ мечталъ, какъ устроитъ ей жизнь, какъ окружитъ ее довольствомъ, и радовался, что она не будетъ терпѣть лишеній. Хорошо мечтается въ двадцать лѣтъ, но вышло все не такъ, какъ мечталось!..

Въ Петербургѣ онъ очень скоро завертѣлся: послѣ восьмилѣтняго томленія въ гимназіи, веселая кружковая жизнь показалась слишкомъ увлекательной. Въ концѣ года онъ неудачно влюбился и сошелся съ женщиной, доставившей ему цѣлый рядъ безконечныхъ душевныхъ мукъ. Онъ отбился отъ занятій—и годъ пропалъ даромъ. Отецъ поспѣшилъ придраться къ тому, что онъ не перешелъ на второй курсъ, и пересталъ высылать деньги. Онъ голодалъ, хворалъ, проваливался на экзаменахъ и все-таки тянулъ безнадежную лямку изъ-за грошеваго существованія. Въ самыя трудныя минуты его поддерживала мысль, что онъ долженъ жить для сестры. Изъ ея писемъ онъ зналъ, что дома у нихъ дѣла шли все хуже. Отецъ окончательно завязъ въ долгахъ, заскучалъ, сталъ часто прихварывать. Но Григорій Павловичъ не чувствовалъ къ нему ни малѣйшей жалости. О матери онъ думалъ съ состраданіемъ: эта кроткая женщина, обезличенная

своей покорностью, никогда не имѣла собственной воли. Но отецъ... О, этотъ виновникъ дней! Именно виновникъ: навязалъ жизнь и бросилъ на произволъ! Вытолкнулъ въ эту жизнь безъ матеріальной и нравственной поддержки. Ступай, изворачивайся, какъ самъ знаешь!.. И у такихъ, вотъ, отцовъ еще хватаетъ духу предъявлять дѣтямъ какія-то свои права!.. Такъ или почти такъ онъ тогда думалъ. Но когда послѣ трехлѣтней разлуки свидѣлся съ отцомъ, сердце у него дрогнуло отъ жалости. Старый жуиръ все еще бодрился, топорщился, старался держаться съ прежней независимостью; но это плохо ему удавалось. Старческая дряблость и безпомощность входили въ свои права. Вообще въ первый пріѣздъ, послѣ трехлѣтней отлучки, онъ вынесъ тяжелыя впечатлѣнія. Мать билась какъ рыба объ ледъ, чтобы въ угоду отцу замаскировать какъ-нибудь всюду замѣтное оскудѣніе. Это тоже не удавалось: нужда на каждомъ шагу такъ и бросалась въ глаза. Наружность сестры изменилась къ лучшему. Изъ довольно неуклюжаго подростка Варя превратилась въ красивую, стройную дѣвушку. Но безрадостное дѣтство видимо навсегда положило на нее отпечатокъ: улыбка рѣдко освѣщала ея лицо, въ серьезныхъ, вдумчивыхъ глазахъ по временамъ отражалась глубокая грусть...

Мать и сестра отказывали себѣ во всемъ; отецъ, какъ бы не замѣчая этого, все еще придерживался многихъ дорогихъ привычекъ!

Брату тогда стало страшно за сестру. Неужели она такъ и похоронитъ свою молодость, не узнавъ лучшихъ сторонъ жизни? Онъ посовѣтовалъ ей искать мѣсто, но она ни за что не соглашалась бросить безпомощныхъ стариковъ. И опять недобрыя чувства противъ отца закипали въ немъ. Безпомощный старикъ! Однако этотъ старикъ взялъ отъ жизни не только свою долю радостей, но еще захватилъ и чужую... Этотъ старикъ рѣшилъ, что нищета будетъ лучшей школой для его дѣтей, и прожилъ все безъ остатка!.. Онъ ломалъ голову, чѣмъ бы помочь сестрѣ, и не могъ ничего придумать. Такъ и уѣхалъ въ страхѣ за ея будущее. Ея доброта можетъ обойтись ей далеко не дешево, пожалуй будетъ стоить ей цѣлой жизни. Доброта и покорность сами по себѣ прекрасныя вещи, но онъ не хотѣлъ бы ихъ для сестры: съ ними ей плохо придется, онѣ дѣлаютъ изъ женщины рабу... Примѣръ на лицо—ихъ мать...

Голиневичъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по палубѣ, продолжая думать о прошломъ.

Два года назадъ онъ еще разъ пріѣзжалъ въ Хрѣновскъ.

Отца въ живыхъ уже не засталъ; мать была при-смерти. Она умирала въ тоскѣ и мукахъ поздняго раскаянія. Передъ смертью она сознала, какъ мало думала о дѣтяхъ, и это сознаніе грызло ее до конца... Въ первое время послѣ похоронъ Варя не находила себѣ мѣста отъ тоски и жалости къ дорогой покойницѣ. Блѣдная, сильно похудѣвшая, бродила она по комнатамъ. Особенно по ночамъ, когда поднималась метель и вьюга, ей чудились ужасныя картины. Иногда, глядя на разрисованныя морозомъ окна, Варя съ ужасомъ восклицала:

— Что̀ если мама проснулась и бьется въ гробу?

Богъ-знаетъ до чего бы довели ее эти тоскливыя безсонныя ночи, еслибъ тетка Марья Антоновна не увезла Варю къ себѣ на хуторъ. Съ тѣхъ поръ онъ и не видалъ сестры. Вотъ уже около года, какъ онъ числится кандидатомъ на судебныя должности, но до назначенія еще далеко. До тѣхъ поръ онъ не можетъ взять сестру къ себѣ. Ей впрочемъ и не дурно у Марьи Антоновны. Варя и въ дѣтствѣ любила хуторъ Зарѣчье, и всегда радовалась, когда ее отпускали къ Марьѣ Антоновнѣ...

Пароходъ снова далъ рѣзкій короткій свистокъ. На берегу замелькали огоньки. Это—Хрѣновскъ.

Голиневичъ тотчасъ же представилъ себѣ общую форменную физіономію родного города. На главной улицѣ помѣщается зданіе присутственныхъ мѣстъ, квартира губернатора, лучшая аптека и дома болѣе зажиточныхъ горожанъ; главную улицу пересѣкаютъ другія улицы, которыя въ свою очередь пересѣкаются переулками; на срединѣ города большая площадь съ двумя корпусами лавокъ и соборною церковью; на другой площади на краю города—семинарія, пріютъ, больница, острогъ... И всѣ эти зданія какъ будто построены по одному и тому же плану, что̀ и въ другихъ городахъ...

На пароходѣ засуетились, забѣгали съ узлами, подушками и чемоданами. Григорій Павловичъ отправился въ каюту за своимъ багажомъ. Въ Хрѣновскѣ ему незачѣмъ останавливаться. Онъ сейчасъ же отправится на почтовый дворъ и возьметъ лошадей до Зарѣчья.

II.

Заказавъ лошадей, Голиневичъ вошелъ въ станціонную комнату. Едва онъ успѣлъ окинуть взглядомъ давно знакомую обстановку, какъ въ ту же компату вошелъ небольшого роста старичокъ въ подрясникѣ и круглой широкополой шляпѣ и тотчасъ

же воскликнулъ, подходя бѣглымъ шагомъ къ Григорію Павловичу:

— А, къ намъ, наконецъ, пожаловали!

Это былъ священникъ села Сосновки. Къ его приходу принадлежалъ и хуторъ Зарѣчье, стоявшій всего въ двухъ верстахъ отъ Сосновки. Голиневичъ давно зналъ отца Петра и съ дѣтства привыкъ уважать старика.

— Вотъ и прекрасно!.. Тетеньку и сестрицу обрадуете!— весело говорилъ отецъ Петръ, обнимая Григорія Павловича.— А на долго ли, позвольте узнать, пожаловали?

— Всего на двѣ недѣли.

— Что̀ такъ?

— Нельзя иначе... отпускъ на двадцать-восемь дней, а въ дорогѣ, туда и обратно—четырнадцать...

— Маловато! Маловато!.. И отдохнуть у насъ, такъ сказать, на лонѣ природы, не успѣете!..

— Что̀ дѣлать!.. А вы, батюшка, какъ это попали сюда? Вы развѣ тоже на почтовыхъ, а не на своихъ?

— Такъ случилось. Благочинный вызвалъ по экстренному дѣлу, а коренникъ мой захворалъ...

Порѣшили ѣхать въ одной повозкѣ. Какъ только выѣхали за городъ, и лошади пошли привычной ровной рысцой, отецъ Петръ съ большимъ оживленіемъ заговорилъ о сосновскихъ новостяхъ. Самой важной и самой пріятной для него новостью—былъ слухъ, что въ Сосновку скоро пріѣдетъ помѣщикъ, проживавшій въ Петербургѣ.

— Пускай пріѣдетъ! Пусть онъ, голубчикъ, только явится, мы съ нимъ потолкуемъ!—тихо говорилъ отецъ Петръ и началъ перечислять всѣ нужды сосновцевъ. Надѣлы малы, земля вся выпахана, арендная плата высока... Въ волостной кассѣ—пусто, и мужики давнымъ-давно прозакладывали мѣстному кулаку самихъ себя... Надо непремѣнно открыть волостной ломбардъ; школьное зданіе совсѣмъ обветшало, и въ морозы ребятишки заболѣваютъ въ школѣ... А хворать въ Сосновкѣ—не приведи Богъ! Не угодно ли тащить больного за сорокъ верстъ, да въ большой морозъ либо въ распутицу!..

— А сами вы, батюшка, какъ поживаете? Все по прежнему работаете и дома, и въ полѣ?

— Тружусь, тружусь, покуда въ силахъ!..

— Да зачѣмъ вамъ, одинокому?

— А какой же примѣръ показалъ бы я простолюдину? Это нынѣшній нашъ братъ, форсунъ, настоящій чиновникъ, думаетъ,

что вся сила — въ словесныхъ поученіяхъ, а по-моему важнѣе всего примѣръ лично христіанской жизни самого проповѣдника!..

Старикъ долго еще говорилъ на эту тему, наконецъ смолкъ и, кажется, задремалъ. Григорій Павловичъ думалъ подъ однообразный звукъ колокольцовъ. Теплая весенняя ночь и разговоръ священника дѣйствовали на него успокоительно.

Отецъ Петръ представлялъ собою вымирающій типъ стараго духовенства. Своими пастырскими обязанностями онъ не тяготился и всегда неуклонно исполнялъ ихъ; философскими вопросами не задавался и всякихъ мудреныхъ толкованій благоразумно избѣгалъ, чувствуя себя по этой части не довольно состоятельнымъ. Поученія въ храмѣ онъ говорилъ рѣдко, и говорилъ совсѣмъ не краснорѣчиво, но зато въ словахъ простыхъ, понятныхъ, и съ такимъ чувствомъ, что слова его хватали за душу. Нерѣдко послѣ его проповѣди прихожане выходили изъ церкви съ задумчивыми, растроганными лицами. Своихъ прихожанъ отецъ Петръ зналъ не только по именамъ и въ лица, но и по характеру, по наклонностямъ каждаго, и внутренно считалъ себя отвѣтственнымъ за каждую ввѣренную ему душу. Чуждый гордыни, властолюбія и честолюбія, онъ одушевлялся истинно христіанскою любовью къ своей паствѣ.

Погруженный въ раздумье, Григорій Павловичъ и не замѣтилъ, какъ они проѣхали разстояніе въ сорокъ верстъ. Когда взобрались на пригорокъ, съ котораго Сосновка видна была какъ на ладони, стало совсѣмъ свѣтло.

Село живописно раскинулось между лѣсомъ и узкой рѣчкой. Почти на двѣ версты тянулась кривая улица крестьянскихъ избъ; на краю села—обширная помѣщичья усадьба, окруженная съ трехъ сторонъ садомъ и паркомъ; передъ стариннымъ барскимъ домомъ съ флигелями, погребами и другими надворными постройками разстилался большой дворъ, обнесенный кирпичной оградой съ высокими чугунными воротами. За помѣщичьей усадьбой стоялъ маленькій домикъ отца Петра.

Голиневичъ простился со старикомъ, сказалъ, что пришлетъ за своими вещами, и пошелъ въ Зарѣчье пѣшкомъ.

Шелъ онъ медленнымъ шагомъ, то задумчиво смотря себѣ подъ ноги, то окидывая взглядомъ красивую холмистую мѣстность.

Полосы озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ, разбросанныя по холмамъ, казались пушистыми зелеными коврами; кустарники и молодой березнякъ сверкали яркой свѣжей зеленью. Майское солнце грѣло совсѣмъ по лѣтнему.

III.

На балконѣ хуторскаго домика сидѣли трое: хозяйка дома Марья Антоновна, небольшого роста тучная женщина лѣтъ подъ шестьдесятъ, ея племянница Варя, молодая стройная дѣвушка, и Григорій Павловичъ Голиневичъ.

На столѣ передъ ними стояли пустые стаканы, остывшій самоваръ, тарелки съ творогомъ, ветчиной, хлѣбомъ. Очевидно, сидѣвшіе кончили ужинъ. Разговоръ между ними не клеился. Братъ и сестра изрѣдка перекидывались отрывистыми фразами; Марья Антоновна упорно молчала. Она была не въ духѣ съ самаго утра, какъ только узнала, что Гришинъ отпускъ кончается, и онъ уѣзжаетъ послѣ завтра; а тутъ еще, вотъ сейчасъ, за ужиномъ, этотъ же Гриша сказалъ, что не позже какъ черезъ годъ Варя переѣдетъ къ нему въ Петербургъ. Извѣстіе это такъ опечалило Марью Антоновну, что она дрожащей рукой заслонила глаза отъ свѣта, чтобы скрыть набѣгавшія слезы. За послѣдніе два года она такъ привязалась къ племянницѣ, что вся холодѣетъ при мысли о разлукѣ съ нею. Уѣдетъ зеница ея ока, свѣтъ ея жизни, и опять—скучная, одинокая старость!..

Но старуха покорялась необходимости: нельзя же молодой дѣвушкѣ вянуть въ глуши, безъ людей, безъ всякихъ развлеченій; ей уже двадцать лѣтъ, а она до сихъ поръ не знаетъ жизни...

Марья Антоновна поднялась, проглотила подступавшія слезы и стала убирать посуду.

Братъ и сестра отправились въ садъ.

Вечеръ былъ чудный, тихій и теплый. Въ росистомъ саду пахло отцвѣтающей сиренью; тамъ-и-сямъ перекликались соловьи. Одинъ изъ нихъ пѣлъ такъ восхитительно, что Варя встала со скамьи и потихоньку пробралась къ нему ближе. Но соловей, такъ чудно гремѣвшій за минуту назадъ, вдругъ смолкъ, очевидно перелетѣвъ на другое мѣсто. Немного погодя, смолкли остальные, и весь садъ погрузился въ спокойную тишину. Дѣвушка вернулась и сѣла на прежнее мѣсто, возлѣ брата. Оба молчали: имъ не хотѣлось нарушать окружавшую тишину.

Молчаніе длилось долго; наконецъ, Варя сказала: — Жаль тетю, а разстаться съ ней все-таки придется. И такъ уже два года я здѣсь тунеядствую.

— Ну, вотъ! Дѣлала же все-таки что-нибудь?

— Ничего ровно. Хозяйство здѣсь маленькое и давнымъ-давно налажено... Тутъ мои неумѣлыя руки совсѣмъ не нужны...

— Въ прошломъ году ты писала, помнится, что хочешь просить мѣсто сельской учительницы?

— Просила, но близко не было вакансій, а далеко—тетя не пускаетъ... Ахъ, да чтò же мы все обо мнѣ!—спохватилась дѣвушка:—ты про себя ничего и не разсказалъ! Такъ быстро промелькнули эти двѣнадцать дней, что мнѣ и сейчасъ кажется, будто ты только-что пріѣхалъ...

— Да мнѣ и разсказать-то про себя нечего. Все та же старая исторія бѣдняка-студента, живущаго уроками... Перебивался кое-какъ и скрѣпя сердце бралъ деньги отъ людей, которыхъ иногда презиралъ...

— За чтò?

— Въ семьяхъ, гдѣ я репетировалъ, происходило какъ разъ то же самое, чтò и въ нашей семьѣ. Отцы прожигали жизнь и деньги; матери безпомощно ныли или трепались по магазинамъ да по театрамъ и откупались отъ своихъ обязанностей къ дѣтямъ коробками конфетъ. Я помогалъ учиться будущимъ шалопаямъ, злился самъ на себя, на весь свѣтъ и проклиналъ минуту своего рожденія...

— Боже мой! И мнѣ объ этомъ не писалъ!

— Нѣсколько лѣтъ такой собачьей жизни въ конецъ измочалили мои нервы... Я съ трудомъ владѣю собой, и самъ знаю, что я невыносимъ въ самыхъ обыденныхъ сношеніяхъ съ людьми. Часто одинъ видъ человѣка бываетъ мнѣ противенъ, а разговоръ выводитъ изъ себя.

— Ты совсѣмъ отшатнулся отъ людей!

— Не могъ, еслибы и хотѣлъ... Въ томъ-то и дѣло, что, постоянно вращаясь среди людей, я былъ въ высшей степени одинокъ!

— Мое одиночество все-таки лучше твоего... Мнѣ не съ кѣмъ дѣлиться мыслями, но, по крайней мѣрѣ, не нужно кривить душой, не нужно дѣлать того, чтò мнѣ противно... Говорить не съ кѣмъ, но зато думать—сколько угодно... И еслибъ ты, Гриша, зналъ,—продолжала она послѣ небольшой паузы:—сколько я тутъ передумала! Особенно въ зимніе вечера: сидишь себѣ, кругомъ—ни звука, а мысли такъ и набѣгаютъ одна за другой... Часто дѣтство вспоминается, мои глупыя жалобы, слезы. Помнишь, какъ я завидовала богатымъ, какъ стыдилась своей бѣдности? Мнѣ и теперь хотѣлось бы имѣть много-много

денегъ, но не для себя, не для того, чтобы жить въ свое удовольствіе...

— А для чего же?

— Ахъ, это все мечты, глупыя, несбыточныя...

— Ну, выкладывай ихъ, подавай сюда твои мечты! Чтò-жъ бы ты стала дѣлать съ деньгами?

— Мало ли чтò! Ты только подумай, что я никогда не имѣла возможности помочь кому-нибудь въ нуждѣ. Я только здѣсь, у тети, стала подавать нищимъ, а прежде и этого не могла дѣлать, потому что никогда не имѣла карманныхъ денегъ. Бывало, въ жаръ бросаетъ отъ стыда, когда встрѣтишь нищаго. Мучительно сознавать себя безполезной, а помочь этому невозможно... Тетя сама едва концы съ концами сводитъ, и говоритъ, что нельзя крыть чужую крышу, когда сквозь свою каплетъ. Это вѣдь и правда, но съ такой горькой правдой душа не хочетъ мириться!..

— А вотъ погоди, будешь жить у меня, тогда и помогать станешь по возможности.

— Да, конечно, въ дѣйствительности хорошо и это, то-есть по возможности. Но въ мечтахъ мнѣ этого мало. О, въ мечтахъ я не разсуждаю, не разсчитываю! Я раздаю направо и налѣво, я не жду, пока у меня попросятъ, не жду, пока меня позовутъ, и сама иду на встрѣчу каждой чужой бѣдѣ... Я сама ищу, угадываю, гдѣ кроется нищета, порокъ, горе или болѣзнь...

— Однако...

— Постой! Я сама, безъ зова, поспѣваю всюду, у меня громадный запасъ знаній, и я не съ пустыми руками вхожу и туда, гдѣ деньги безсильны...

— Дѣйствительно, твои мечты крылаты и умѣютъ уносить тебя за предѣлы возможнаго!

— Смѣшно, правда?.. даже глупо, но я вѣдь это высказываю только тебѣ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни! И, знаешь, когда размечтаешься, сознаніе несбыточности мечтаній мало-по-малу отодвигается, потомъ совсѣмъ исчезаетъ, и получается такое высокое наслажденіе, что я не знаю, съ чѣмъ его и сравнить!..

— А каково-то возвращаться къ дѣйствительности?

— Горько... и стыдно. Сейчасъ и приходитъ въ голову, что вотъ я сыта, одѣта, сижу въ теплой комнатѣ, а въ это время сколько слезъ льется, сколько раздается стоновъ, проклятій...

Она умолкла. Голосъ у ней пресѣкся, застрялъ въ горлѣ.

Оба опять долго молчали. Вдругъ чудно гремѣвшій соловей снова залился; за нимъ откликнулись и другіе.

— А вотъ въ такія чудныя ночи навѣрно мечтаешь о личномъ счастьѣ?

— О, да! И тутъ тоже я себя не ограничиваю, даю полный просторъ моему воображенію. Да и зачѣмъ? По-моему, если ужъ взлетать въ вышину, то совсѣмъ подъ небеса, чтобъ земли не было видно, чтобъ духъ захватывало. Начнешь мысленно пересоздавать свою жизнь и увлечешься до того, что подъ конецъ видишь себя надѣленной необычайнымъ умомъ, талантами, красотой...

— Тутъ, откуда ни возьмись, влюбленный красавецъ, еще секунда—и ты его жена!

— Вотъ и не угадалъ! Въ моихъ мечтахъ нѣтъ мѣста замужеству. Именно въ томъ моя гордость и находитъ удовлетвореніе, что я не думаю о личной любви, я ее знать не хочу. Понимаешь, у меня все есть, все: умъ, красота, богатство, таланты, мнѣ стоитъ только протянуть руку, чтобъ взять это личное счастье, то-есть любовь; но я не беру его, я отъ него отворачиваюсь... Нѣтъ, даже не отворачиваюсь, а просто не замѣчаю... Я его знать не хочу!

— Откуда же и когда явились такія мысли?

— Не знаю; можетъ быть, въ тотъ моментъ, когда я въ первый разъ поняла, о чемъ плакала мама... Позже, уже безъ тебя, мама не скрывалась отъ меня, и я не разъ видѣла, какъ она ночи напролетъ не спала, когда отца не было дома. А, помню я эти долгія тоскливыя ночи и такіе же долгіе унылые дни! Я видѣла, что мама живетъ, дышетъ однимъ ожиданіемъ. Она теряла аппетитъ, сонъ и какъ тѣнь бродила по комнатамъ... Разъ какъ-то, когда отца не было нѣсколько дней, она, вся измученная напраснымъ ожиданіемъ, вдругъ быстро подошла ко мнѣ и, съ тоской хрустнувъ пальцами, скоро-скоро заговорила: „Ахъ, отчего онъ не возвращается? Признался бы только, и я все ему прощу“!..

— Это-то вотъ и скверно, что она все прощала,—замѣтилъ Григорій Павловичъ. — Говорятъ, что женщина, простившая обманъ, навсегда утрачиваетъ собственное достоинство въ глазахъ мужчины.

— А бѣдная мама думала не такъ! Она говорила, что въ открытомъ признаніи вины есть что-то трогательное, виденъ поворотъ къ лучшему, слышится стонъ скорби и раскаянія... Когда въ первый разъ признаніе вырвалось у нея, она видимо засты-

дилась, но потомъ ужъ перестала и скрывать, что человѣкъ, оскорблявшій, измучившій ее, разбившій всю ея жизнь, ей дорогъ, что онъ одинъ царитъ и властвуетъ въ ея душѣ, въ немъ одномъ сосредоточилась вся ея внутренняя психическая жизнь!.. Если я заговаривала съ ней, пробовала отвлечь ея отъ мрачныхъ мыслей, она или не слыхала, или отвѣчала разсѣянно, невпопадъ. Она вся отдавалась чувству ожиданія, и чуть, бывало, услышитъ какой-нибудь шорохъ, шумъ шаговъ или звонокъ, вдругъ вся встрепенется, заволнуется и сорвется съ мѣста.

— И ты, бѣдняга, натерпѣлась, глядя на нее!

— Да. Но хуже всего было то, что я ничѣмъ не могла помочь. Онъ оскорблялъ, она прощала, и такъ безъ конца. Каждый день и каждый часъ онъ убивалъ въ ней силы, покуда не взялъ все, оставивъ ей только стыдъ, жалость къ себѣ самой да позднія сожалѣнія!..

У дѣвушки снова дрогнулъ голосъ, и она вздохнула.

— Да, я не только въ мечтахъ, а всегда думаю, что я не возьму такого обманчиваго счастья, хотя бы оно само давалось мнѣ въ руки. Не возьму, потому что за него надо расплачиваться слишкомъ дорогой цѣной. Да и что̀ это за счастье, если оно убиваетъ способность страдать и радоваться за другихъ? Раньше я говорила себѣ: любовь, то-есть страсть—зло; оно порабощаетъ душу, туманитъ разумъ; съ нею надо бороться, какъ съ врагомъ...

— А теперь?

— Теперь я думаю, что даже самая борьба эта унизительна. Я просто не допускаю и мысли о такой любви. Еслибъ я полюбила такой любовью, я стала бы самой себѣ отвратительна, я возненавидѣла бы себя!..

— Все это слова! Ты говоришь такъ потому, что не испытала.

— А ты?

— Я испыталъ, знаю, — глухо проговорилъ Голиневичъ и умолкъ. Ему слишкомъ тяжело было говорить о своей любовной исторіи. На разспросы сестры онъ отвѣчалъ отрывисто и потомъ сказалъ:

— Не стоитъ говорить о подробностяхъ. Скажу только, что съ моимъ юношескимъ пыломъ я налетѣлъ на мерзавку, чуть-было не покончилъ съ собой, а когда перестрадалъ мою любовную горячку,—самъ себѣ поклялся всю жизнь плевать на всякіе любовные соблазны!

Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Такъ, значитъ, ты не пойдешь замужъ?—спросилъ онъ, стараясь стряхнуть нахлынувшія воспоминанія.

— Никогда!—убѣжденно воскликнула Варя.

— Положимъ, со временемъ, можетъ, и передумаешь; но во всякомъ случаѣ хорошо и то, что ты не слишкомъ падка до замужества.

— Нѣтъ, не передумаю. Мнѣ всегда противно было видѣть, когда дѣвушка, имѣющая возможность свободно располагать своею жизнью, непремѣнно стремится къ замужеству, старается отыскать кого-нибудь, кто взялъ бы ее подъ свою опеку... Требуютъ равенства, а сами добровольно закрѣпощаютъ себя, входятъ въ ярмо, добровольно становятся чьей-то собственностью...

— Значитъ, ты отвергаешь бракъ во имя свободы?

— Да. Въ бракѣ всегда есть притѣсняемый и притѣснитель, а я не хочу быть ни тѣмъ, ни другимъ. Однако, какъ мы засидѣлись!—перебила она себя, вставая и указывая глазами на востокъ, гдѣ показалась свѣтлая полоса.

— Погоди, погоди! Еще два слова: а что̀ если потомъ твои душевныя силы утратятся, тебѣ захочется отдыха, сердечной привязанности, а впереди у тебя только унылое одиночество?

— Почему-жъ непремѣнно одиночество да еще и унылое? Не только же свѣту, что̀ въ окошкѣ!.. Какъ будто только личной любовью и красна жизнь!.. А дружба и просто хорошія человѣческія отношенія? А природа, искусство, наслажденія ума? Наконецъ, кромѣ всего этого есть еще главное—стремленіе къ уменьшенію человѣческихъ страданій.

Голиневичъ не возражалъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Вдругъ свѣтлая полоса на востокѣ разгорѣлась въ цѣлое зарево и позолотила темную сѣть вѣтвей. Легкій вѣтерокъ зашелестилъ листьями, въ кустахъ раздалось радостное чириканье.

— Въ самомъ дѣлѣ мы засидѣлись,—проговорилъ Григорій Павловичъ:—должно быть три часа,—добавилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

IV.

Нѣсколько дней спустя, въ Сосновку пріѣхалъ помѣщикъ, Борисъ Петровичъ Ильчевскій, человѣкъ еще молодой, лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Въ Сосновкѣ онъ не бывалъ съ дѣтства и постоянно жилъ въ Петербургѣ. Тамъ же онъ кончилъ курсъ по юридическому факультету, и кончилъ съ грѣхомъ пополамъ. Диплома онъ добивался только для того, чтобъ имѣть

право называться человѣкомъ съ высшимъ образованіемъ, а служить не думалъ. Еще на первомъ курсѣ Борисъ Петровичъ слылъ самымъ бойкимъ и франтоватымъ студентомъ своего кружка. Въ самой ранней юности онъ былъ уже достаточно отравленъ ядомъ каскадныхъ удовольствій. Онъ принадлежалъ къ многочисленному классу петербуржцевъ, изо дня въ день убивающихъ свое время и деньги на однообразную, хотя и шумную жизнь ресторана, съ его казеннымъ весельемъ, кутежами и развратомъ. Въ женщинѣ онъ видѣлъ только забаву, считалъ себя большимъ знатокомъ и цѣнителемъ женской красоты. Сколько-нибудь серьезныхъ отношеній къ женщинѣ, налагающихъ обязанности, онъ старательно избѣгалъ, какъ избѣгалъ и семейныхъ домовъ, гдѣ требовалась извѣстнаго рода корректность. Онъ самъ открыто признавался, что дышетъ свободно только въ обществѣ женщинъ легкаго нрава. Умственныхъ наслажденій онъ не признавалъ и во время своего студенчества съ товарищами-тружениками не знался. Внутренно онъ подсмѣивался надъ ихъ корпѣньемъ за книгами и былъ увѣренъ, что если они отзываются презрительно о роскоши и пустотѣ свѣтской жизни, то только потому, что все это имъ недоступно. Онъ признавалъ въ жизни однѣ привлекательныя стороны, а до остального ему не было дѣла. Больше всего онъ боялся потерять здоровье, а вмѣстѣ съ нимъ и способность наслаждаться благами жизни, которыми такъ щедро надѣлила его судьба. Его нельзя было назвать красавцемъ, но свободные, смѣлые пріемы въ обращеніи, умѣнье искусно поддержать разговоръ, овладѣть вниманіемъ окружающихъ,—все это привлекало къ нему каждаго, кто съ нимъ сходился.

Большею частью лицо его носило выраженіе самой непоколебимой, свѣтски-нахальной самоувѣренности, презрительнаго ко всему равнодушія и цинизма не совсѣмъ нравственнаго человѣка; но онъ умѣлъ, когда было нужно, притворяться такимъ безпечнымъ, веселымъ и добродушнымъ, что, глядя на него, оживлялись даже самыя хмурыя, унылыя лица.

Въ послѣднюю зиму онъ почувствовалъ какую-то небывалую усталость, сталъ нервничать и какъ будто началъ утрачивать вкусъ къ жизни. Онъ испугался, обратился къ врачамъ; ему посовѣтовали отдыхъ въ деревнѣ, и, скрѣпя сердце, онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту. Уѣзжая изъ Петербурга, Борисъ Петровичъ прощался съ пріятелями такъ, какъ будто уѣзжалъ въ ссылку въ самыя отдаленныя мѣста.

Въ Сосновкѣ на первыхъ порахъ онъ скучалъ и отъ нечего дѣлать писалъ длиннѣйшія посланія пріятелю. Онъ любилъ раз-

глагольствовать о себѣ, носиться съ своей особой, и одно время велъ даже дневникъ, въ которомъ, впрочемъ, были записаны только любовныя встрѣчи и приключенія. Не имѣя возможности говорить о себѣ самомъ, онъ сталъ писать и вскорѣ вошелъ во вкусъ этого занятія.

Въ первыхъ письмахъ къ своему другу Бакшееву, онъ называлъ себя заживо погребеннымъ, но, спустя недѣли три по пріѣздѣ, писалъ уже слѣдующее:

„Мой дорогой Константинъ! Счастье наконецъ улыбнулось мнѣ и здѣсь, въ моемъ добровольномъ заточеніи. Судьба сжалилась надо мной и приподнесла мнѣ роскошный сюрпризъ, олицетворенный въ образѣ прелестнѣйшаго существа въ мірѣ. Это типъ интересной брюнетки: глаза—бархатные, обѣщающіе, такъ и сверкаютъ на чудномъ, словно выточенномъ личикѣ; фигурка стройная, нѣжная и гибкая. Впрочемъ, не стану вдаваться въ подробности: едва ли когда-нибудь словесное описаніе вызывало въ воображеніи слушателя живой человѣческій образъ. Замѣчу только, что на видъ ей лѣтъ двадцать, и вся она дышетъ свѣжестью, граціей и какимъ-то дѣвственнымъ изяществомъ. Ухаживать за ней я стану очень настойчиво, и мнѣ кажется, что это очаровательное созданіе обѣщаетъ многое множество совершенно новыхъ, еще неизвѣданныхъ ощущеній. Имя ея—Варвара Павловна, Варя; не правда ли,—чудное имя? Впрочемъ, сама она такъ восхитительна, что я, кажется, простилъ бы ей, еслибъ она называлась Маврой, Акулиной или даже Перепетуей. Она не только восхитительна, но въ высшей степени своеобразна и совсѣмъ непохожа на нашихъ дѣвицъ изъ общества. Ни одной чертой не напоминаетъ она этихъ мнимо-наивныхъ куколокъ, съ ихъ худо скрытой готовностью повиснуть кому-нибудь на шею. Жаль только, что она не замужняя; но въ силу обстоятельствъ приходится мириться съ этимъ, и былъ бы я дуракъ-дуракомъ, еслибы сталъ разсуждать на тему о чести, нравственности и прочее. Предоставимъ это плѣшивымъ и безногимъ старцамъ, которымъ, впрочемъ, ничего больше и не остается. Я увѣренъ, что милой дикаркѣ предстоитъ супружество съ какой-нибудь мелкой сошкой—такъ пускай же воспоминаніе о нашемъ романѣ оживляетъ ея безцвѣтное существованіе. Сейчасъ я назвалъ ее дикаркой, и не даромъ: вотъ уже третья недѣля какъ я знакомъ съ ней, но едва-едва добился нѣсколькихъ встрѣчъ — еслибъ ты зналъ, какихъ ухищреній стоили мнѣ эти встрѣчи!—но и онѣ не повели ни къ чему. Одни короткіе отвѣты, серьезные, точно испуганные взгляды—ничего больше! Я

махнулъ бы на нее рукой, еслибъ могъ предполагать въ ней деревяшку, и еслибъ не видѣлъ, что она вся соткана изъ нервовъ и пламени. Она поминутно мѣняется въ лицѣ: вспыхнетъ заревомъ и сейчасъ же поблѣднѣетъ, а чудные глаза ея то вдругъ тускнѣютъ и меркнутъ, какъ бы отъ затаенной печали, то снова загораются горячимъ блескомъ. Завтра отправляюсь къ нимъ въ Зарѣчье — она живетъ съ теткой въ двухъ верстахъ отъ моей Сосновки—и начну правильную аттаку. Пожелай же мнѣ, Костя, удачи, и непремѣнно предложи тостъ за мой успѣхъ"...

V.

Борисъ Петровичъ зачастилъ на хуторъ.

Марья Антоновна была отъ него въ восторгѣ. Замѣчая его ухаживанье за Варей, старуха мысленно выдавала уже племянницу замужъ, и благодарила Бога за посланное счастье сиротѣ. Марья Антоновна была до сихъ поръ межъ двухъ огней: она не видала ничего хорошаго въ предполагаемомъ Варином переселеніи въ Петербургъ,—Гриша можетъ жениться, и тогда изволь-ка смотрѣть въ глаза невѣсткѣ! — но съ другой стороны страшно было и удерживать на хуторѣ Варю, засадить ее въ глуши! Теперь же все это улаживалось само собой, и еще такъ хорошо, что лучшаго и желать нельзя.

По вечерамъ Ильчевскій часто засиживался до полуночи, разсказывалъ о петербургской жизни, о театрѣ, о литературѣ и писателяхъ, о журналахъ и современномъ литературномъ направленіи. Говорилъ онъ живо, занимательно, съ увлеченіемъ. Какъ почти всѣ свѣтскіе люди, онъ смѣло касался предметовъ совершенно ему незнакомыхъ, и съ замѣчательной ловкостью маскировалъ свое невѣжество. Слушая его, можно было подумать, что онъ много читаетъ, много знаетъ. Варя иногда не понимала того, что̀ онъ говорилъ, но разспрашивать стѣснялась. Никогда еще ея робость и застѣнчивость не проявлялись такъ сильно, какъ въ первое время знакомства съ Ильчевскимъ. Она постоянно волновалась, краснѣла, и если иногда говорила, ей все казалось, что она говоритъ глупо. Ее особенно смущали ласкающіе, нѣжные взгляды Ильчевскаго. Подъ этими взглядами ей было такъ неловко, что иногда она не выдерживала ихъ, и быстро выходила, почти выбѣгала изъ комнаты. Между тѣмъ, Ильчевскій все чаще и чаще бывалъ въ какомъ-то странномъ возбужденномъ состояніи. То онъ былъ необычайно оживленъ,

веселъ, то вдругъ становился задумчивъ. Обычное спокойствіе покидало его. Часто въ разговорѣ онъ вдругъ обрывалъ, умолкалъ, глаза его переставали улыбаться и подергивались не то грустью, не то тревогой. Въ такія минуты Варѣ становилось жаль его, но въ то же время она ловила себя на этой жалости и думала: „какія горести и печали могутъ быть у этого празднаго барина“? Ильчевскій, напротивъ, увлекался ею все сильнѣе. Въ концѣ іюня онъ писалъ Бакшееву:

„Держу пари, Константинъ, что ты подозрѣваешь милую дѣвушку въ посягательствѣ на мою свободу. Напускная недоступность съ цѣлью подзадорить и проч. Нѣтъ, другъ, этотъ устарѣлый пріемъ я распозналъ бы скоро. Тутъ совсѣмъ не то, даже слишкомъ не то, и пожалуй было бы лучше, еслибъ у дѣвушки было побольше житейскаго опыта и умѣнья носить маску. Конечно, для меня тогда пропалъ бы интересъ новизны, зато не было бы непріятнаго сознанія, что я не въ честномъ бою, а нападаю, такъ сказать, изъ-за угла, и мой медъ не былъ бы отравленъ дегтемъ... Бываю на хуторѣ почти каждый день. Домикъ у нихъ крошечный, и съ перваго взгляда видно, что онѣ бѣдны, какъ странствующіе артисты, только безъ артистическаго неряшества. Вокругъ нихъ такъ и вѣетъ патріархальной дворянской опрятностью и порядочностью. Замѣтно, что Варя чувствуетъ себя прекрасно въ этой бѣдной стародавней обстановкѣ, и, кажется, искренно презираетъ матеріальныя блага жизни. Со мной она уже не такъ дичится, но зато усвоила какой-то строгій, даже суровый тонъ“...

Къ этому письму Борисъ Петровичъ черезъ день сдѣлалъ такую длинную приписку:

„Вчера, Костя, мои дѣла нѣсколько подвинулись впередъ. Она была у меня въ домѣ, и притомъ одна, безъ тетки. Но убери, сдѣлай милость, твою скверную улыбку, и слушай дальше. Вотъ какъ это было: я возвращаюсь съ прогулки; утро прелестное; я жизнерадостенъ, какъ щенокъ, и въ душѣ у меня поютъ соловьи; меня неудержимо влечетъ въ Зарѣчье, но я раздумываю: не лучше ли пойти туда вечеромъ? Однако, послѣ минутнаго раздумья, поворачиваю къ хутору, и вдругъ вижу — она! Одѣта скромно, съ такой трогательной простотой, какую только можно себѣ вообразить: какое-то темненькое платьице и круглая соломенная шляпа, обвитая узкой лентой. Словомъ—бѣдная пастушка, только безъ барашка и собачки. Но по мѣрѣ приближенія она все меньше походила на пастушку и своимъ серьезнымъ, строгимъ лицомъ скорѣе напоминала англійскую миссъ,

посѣщающую „хижины своихъ бѣдныхъ“. Только вмѣсто традиціонной корзиночки съ бисквитами и малиновымъ вареньемъ — въ рукѣ книжка, романъ изъ самыхъ забористыхъ, съ идейной закваской. Я, разумѣется, предпочелъ бы корзиночку; по счастью книжка была мнѣ знакома по рецензіи, а для начала разговора этого было достаточно. Я заговорилъ о романѣ, и все пошло гладко. Началъ я выкладывать все когда-либо слышанное и вычитанное по женскому вопросу, потомъ коснулся стремленія къ общему благу, и кончилъ чуть ли не скорбью о недостижимости идеала или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Она слушала всю эту дребедень съ напряженнымъ вниманіемъ, затѣмъ попросила у меня книгъ. Въ это время мы подходили къ Сосновкѣ, и я, пользуясь случаемъ, предложилъ ей заглянуть въ мою библіотеку. По ея лицу мелькнули смущеніе и нерѣшимость, но черезъ мигъ она оправилась и, гордо закинувъ головку, проговорила: — Хорошо, пойдемте!

„Правда, она пробыла у меня какъ разъ столько, сколько нужно для того, чтобъ выбрать двѣ-три книжки, ни одной минуты дольше, но все же первый шагъ къ сближенію уже сдѣланъ. Увы, Костя, еще одинъ только шагъ, а между тѣмъ эта дѣвочка, сама того не зная, совсѣмъ заполонила меня. Она постоянно въ моихъ мысляхъ, ея милое лицо—въ моемъ воображеніи“...

VI.

По возвращеніи въ Петербургъ, Григорій Павловичъ подумалъ-было хлопотать о зачисленіи его кандидатомъ при хрѣновскомъ окружномъ судѣ, но потомъ раздумалъ. Ему хотѣлось познакомить сестру съ Петербургомъ. Вѣдь она ничего, кромѣ хрѣновскаго театра, не видала, и онъ воображалъ, въ какой восторгъ приведутъ ее настоящая музыка, пѣніе, тонкая артистическая игра. Въ ея впечатлительной натурѣ, конечно, проявится и глубокое пониманіе искусства. Только бы получить мѣсто здѣсь же, въ Петербургѣ. На этотъ счетъ онъ возлагалъ большія надежды на Карповича, своего близкаго знакомаго. Съ Карповичемъ онъ сошелся на короткую ногу давно, еще, кажется, на первомъ курсѣ, и съ тѣхъ поръ дружескія отношенія продолжались, хоть видѣлись они и не часто. Застать Карповича дома было большой рѣдкостью: знакомыхъ у него масса во всѣхъ слояхъ общества, а самъ онъ, по натурѣ добрякъ, безкорыстнѣйшій хлопотунъ, вѣчно гдѣ-то пропадалъ. Все онъ кого-то

выручалъ, кому-то помогалъ, о комъ-то хлопоталъ. Изъ-за того и университетъ бросилъ. Походилъ на лекціи что-то года два, и пересталъ. Махнулъ на дипломъ рукой и сталъ, какъ выражался самъ, изучать науку жизни. Изъ дому онъ получалъ не мало, но денегъ у него никогда не было. „Не понимаю, за что меня деньги не любятъ"!—восклицалъ онъ съ добродушной улыбкой, похлопывая по пустому карману.

И точно, его не любили деньги: утромъ получитъ, но за день разъ пять успѣетъ „войти въ положеніе" того, другого, и глядишь—къ вечеру въ кошелькѣ пусто. Заручившись обѣщаніемъ Карповича—у него и въ министерствѣ были знакомства,—Голиневичъ радовался, что еще нѣсколько мѣсяцевъ, — и Варя оживитъ его тоскливую одинокую жизнь. Подумываетъ онъ и о томъ, что позднѣе, когда сестра освоится съ новой жизнью, испытаетъ разныя развлеченія, она можетъ поступить на курсы. Конечно, пока онъ живъ, сестра не будетъ ни въ чемъ нуждаться, но у него часто ноетъ грудь, и вообще его здоровье не надежно. Такихъ средствъ, какъ, напримѣръ, иголка, переписка, частные уроки, теперь уже недостаточно, и женщина, желающая прожить самостоятельно, должна спеціализироваться иначе, должна пріобрѣтать знанія, которыя могли бы лучше обезпечить ее. Всецѣло занятый мыслями, какъ бы доставить сестрѣ возможно больше удобства, Голиневичъ сталъ иногда заходить на аукціоны, приглядывался и прицѣнивался къ разнымъ вещамъ, соображая, какъ лучше обставить квартиру къ пріѣзду сестры. Такъ проходило лѣто. Варя какъ-то писала брату, что сосновскій помѣщикъ относится совершенно равнодушно къ нуждамъ сосновцевъ, что отецъ Петръ уже совсѣмъ разочаровался въ своихъ надеждахъ на его помощь; хотя Ильчевскій прямо и не отказываетъ, но всѣ его отвѣты какіе-то неопредѣленные, уклончивые. Отецъ Петръ вздыхаетъ и говоритъ, что ничего нельзя ожидать хорошаго отъ этого человѣка, очевидно зачерствѣвшаго въ свѣтской, праздной жизни; а у нея, у Вари, иногда мелькаютъ соблазнительныя мысли о томъ, что хорошо бы попытаться разбудить въ немъ всѣ его хорошіе инстинкты, вызвать въ немъ жажду добра и полезной дѣятельности. Она думаетъ, что для этогдо достаточно только пріязни, искренности, наконецъ—дружбы. И все казалось ей такъ просто и такъ ясно, что Голиневичъ невольно улыбнулся, и вслухъ проговорилъ:

— Моя дорогая наивпая мечтательница!

Вскорѣ Григорій Павловичъ забылъ объ этомъ письмѣ: ему пришлось дня черезъ два ѣхать въ командировку, гдѣ его охва-

тили другой міръ, другіе интересы. Онъ, впрочемъ, и не придавалъ серьезнаго значенія Варинымъ мыслямъ насчетъ обращенія Ильчевскаго въ ея вѣру.

VII.

Тѣмъ временемъ Ильчевскій писалъ Бакшееву: „Слушай, Константинъ, я въ опасности: глупѣю, теряю самообладаніе, а это—слишкомъ зловѣщій признакъ! Вчера мы вдвоемъ сидѣли въ ихъ крошечной гостиной, слабо освѣщенной одной дешевой, подслѣповатой лампочкой. Марья Антоновна отправилась во всенощной. Кстати: старушка очень запаслива и, не довольствуясь заготовкой соленья и варенья, хочетъ припасти себѣ еще и добрую порцію райскаго блаженства. Итакъ, мы сидѣли вдвоемъ. Я мысленно одобрялъ Марью Антоновну за ея заботливость о будущей жизни и любовался Варей. Она говорила о только-что прочитанной повѣсти; что̀ она говорила—не помню, хоть зарѣжь, да я, кажется, и не слушалъ, но зато видѣлъ, что она волновалась, что въ повѣсти ее что-то задѣвало, и она говорила горячо. Глаза ея горѣли, лицо пылало. Я глядѣлъ на нее съ видомъ внимательнаго слушателя, едва скрывая свой восторгъ. Вдругъ кровь во мнѣ закипѣла, забурлила, бросилась въ голову. Не помня себя, я схватилъ ея руки и жадно припалъ къ нимъ губами. Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ раздались тяжелые шаги... Можешь себѣ представить мое дурацкое положеніе! Когда вошла Марья Антоновна, мнѣ оставалось только откланяться. Сегодня весь день ломаю голову: какъ объяснить ей мой неумѣстный порывъ? Боюсь, что онъ не пройдетъ мнѣ даромъ, и пожалуй придется начинать съизнова. Начинать, когда счастье, можетъ быть, было уже совсѣмъ близко! А старая индюшка вырвала у меня изъ рукъ такой случай, какого теперь, пожалуй, не скоро дождешься!.. Но знаешь, Костя, сейчасъ явилась идея: не проще ли взять да и сдѣлать формальное предложеніе? Что̀, ты удивленъ? Не хочешь вѣрить? Но пойми, я въ тискахъ; изъ моего настоящаго положенія только два выхода: бракъ или отступленіе. О послѣднемъ не можетъ быть и рѣчи: отказаться отъ нея—выше моихъ силъ! Мнѣ ли не знакомы всевозможные пароксизмы любовной горячки, я ли не испыталъ самыхъ жгучихъ страстей, но то, что̀ я испытываю теперь—нѣчто ни съ чѣмъ несравнимое. Остается—бракъ. И если хорошенько пораздумать, то онъ совсѣмъ уже не такъ и страшенъ, какъ мы при-

выкли думать. Чѣмъ онъ меня стѣснитъ? Что̀ такое въ сущности женитьба для мужчины? Перемѣна квартиры, обстановки — не больше. Жилъ одинъ, потомъ—вдвоемъ, вотъ и все. Чѣмъ собственно я рискую? А между тѣмъ, мнѣ предстоитъ отрада имѣть около себя наивное существо, постоянно витающее вдали отъ всякихъ житейскихъ дрязгъ и будничныхъ интересовъ. По правдѣ сказать, мы слишкомъ привыкли къ пороку, привыкли купаться въ грязи, а тутъ на меня повѣяла чистая атмосфера идеализма и умственнаго изящества. Повѣяла незнакомымъ и потому могучимъ очарованіемъ, предъ которымъ разомъ померкли всѣ наши прежнія утѣхи и радости. Вижу, у тебя готовъ сорваться вопросъ:—надолго ли померкли?—Не знаю. Но будь, что̀ будетъ, я рѣшаюсь на бракъ"...

Едва дождавшись вечера, Ильчевскій отправился въ Зарѣчье. Всю дорогу онъ обдумывалъ подходящія фразы, наконецъ рѣшилъ, что скажетъ о своей любви просто и коротко. Варя такъ цѣломудренна, что вѣроятно испугается слишкомъ пылкаго выраженія чувствъ. Но всѣ эти обдумыванія пропали даромъ: къ нему вышла Марья Антоновна и сказала, что Варѣ нездоровится. Завязался тотъ незначительный разговоръ, когда люди говорятъ не о томъ, что̀ ихъ въ ту минуту больше всего интересуетъ.

Ильчевскій не садился, а нервно переходилъ отъ окна къ окну. Наконецъ, улучивъ моментъ, когда наступила пауза, онъ поспѣшно простился. Онъ готовъ былъ бы прибить себя за свой глупый порывъ, очевидно оскорбившій дѣвушку. Она считаетъ себя оскорбленной, потому что не знаетъ о его намѣреніи просить ея руки. Онъ могъ бы все это объяснить Марьѣ Антоновнѣ, но за что же онъ лишитъ себя удовольствія видѣть внезапную радость на миломъ лицѣ дѣвушки? Все, разумѣется, кончится къ общему благополучію,—только къ чему эта досадная проволочка! Онъ чуть не вернулся съ полъ-дороги, чтобы высказать все Марьѣ Антоновнѣ, и снова передумалъ: чѣмъ дальше поскучаетъ Варя въ своемъ одинокомъ раздумьѣ, тѣмъ съ большимъ восторгомъ приметъ его предложеніе.

VIII.

Варя въ послѣднее время нѣсколько освоилась съ Борисомъ Петровичемъ, перестала дичиться, сдѣлалась разговорчивѣе. Слушая его, она иногда думала: „человѣкъ, такъ много знающій,

умѣющій такъ хорошо говорить—не можетъ быть дурнымъ". Ей казалось, что отецъ Петръ не правъ, называя Ильчевскаго зачерствѣвшимъ эгоистомъ; казалось, что только свѣтское воспитаніе и роскошь усыпили въ Борисѣ Петровичѣ лучшія стороны его души; что, столкнувшись ближе съ печальными сторонами жизни, онъ станетъ другимъ человѣкомъ.

Но когда Ильчевскій, не совладѣвъ съ своей страстью, бросился къ ней, обжегъ ея руки горячими поцѣлуями, Варя потерялась, утратила руководящую нить и не знала, что̀ дѣлать.

Она бросилась въ свою комнату, подбѣжала къ окну и высунулась на половину. Скоро-скоро вдыхала она свѣжій воздухъ тихой ночи.

Спазмъ сдавилъ ей горло, вся кровь прилила къ щекамъ. Ощущеніе гадливости охватило весь ея организмъ. Она ничего не думала, не чувствовала себя оскорбленной, даже не сознавала, что̀ случилось, только видѣла передъ глазами искаженное страстью лицо Ильчевскаго, и гадливое отвращеніе не покидало ея. Долго не могла она опомниться, не могла собрать мыслей и все стояла у окна. Наконецъ, успокоившись, она стала соображать, что теперь приходится отказаться отъ мелькавшей отрадной надежды вліять на Ильчевскаго, приходится признать свою несостоятельность,—и на нее напало уныніе.

Опять ея жизнь пойдетъ безцѣльно и праздно!.. Она обвела глазами звѣздное небо, вдругъ почувствовала собственное ничтожество, и слезы брызнули изъ ея глазъ. Всю ночь ей чудилось блѣдное, искаженное лицо Ильчевскаго, а въ первую минуту пробужденія ее охватила радость, что все это только сонъ. Вскорѣ, однако, предстала и непріятная дѣйствительность.

— Вотъ тебѣ письмецо отъ Бориса Петровича, — проговорила, входя въ комнату, Марья Антоновна.

Въ коротенькой запискѣ Ильчевскій просилъ принять его, дозволить разъяснить недоразумѣніе.

Варя встала разбитая, съ замирающимъ сердцемъ и тяжелой головой. Чего бы она не сдѣлала, чтобы только избѣжать этого свиданія!

Она подошла къ столу и опустилась на стулъ, собираясь написать отказъ, просить Ильчевскаго отложить свиданіе, но перо прыгало въ ея дрожащихъ пальцахъ, въ головѣ вмѣсто мыслей былъ только смутный и давящій хаосъ. Она бросила перо: лучше отложить до завтра, когда она, можетъ быть, хоть сколько-нибудь оправится.

Едва успѣла она одѣться и выйти въ столовую къ чаю, какъ

явился Ильчевскій. Не обращая вниманія на разливавшую чай Марью Антоновну, онъ стремительно подался впередъ и протянулъ Варѣ руку. Старуха догадалась, что готовится объясненіе, и безшумно, бѣглыми шагами удалилась изъ комнаты.

Выслушавъ Ильчевскаго, Варя долго молчала: она не могла говорить отъ волненія, а не потому, что обдумывала отвѣтъ.

Борисъ Петровичъ удивленнымъ взглядомъ смотрѣлъ на нее. Въ ея опущенныхъ глазахъ, въ ея блѣдномъ и грустномъ лицѣ онъ не видѣлъ и тѣни того, что̀ можно бы назвать радостью. Онъ долго вопросительно смотрѣлъ ей въ лицо; она все еще медлила отвѣтомъ.

— Да?—чуть слышно спросилъ Ильчевскій.

Варя, наконецъ, пересилила свое волненіе.

— Нѣтъ!—твердо отвѣтила она.

Отвѣтъ ошеломилъ Ильчевскаго. Въ первый разъ въ жизни онъ растерялся, нѣсколько секундъ не находилъ словъ, а въ это мгновеніе дѣвушка быстро скрылась.

Встрѣтивъ въ дверяхъ Марью Антоновну, Ильчевскій сухо, въ немногихъ словахъ передалъ ей о случившемся. Когда старушка стала его утѣшать, обнадеживать, совѣтовала повременить, онъ чуть не прокричалъ ей:

— Говори, говори, глупая индюшка! Хорошо тебѣ временить, а побывала бы ты въ моей шкурѣ!

Злость на самого себя, на весь свѣтъ разбирала его. На обратномъ пути изъ Зарѣчья онъ встрѣтилъ отца Петра̀ и вспомнилъ, какъ, бывало, мать бросала потихоньку булавку при встрѣчѣ священника. Помимо воли, рука Ильчевскаго поднялась и прикоснулась къ золотой булавкѣ его галстуха, но тотчасъ же и опустилась: онъ самъ себя устыдился.

Поровнявшись съ помѣщикомъ, старикъ заговорилъ-было о чемъ-то хозяйственномъ, но Борисъ Петровичъ рѣзко оборвалъ его:

— Извините, батюшка, мнѣ некогда!

Отецъ Петръ долго глядѣлъ ему вслѣдъ.

По намекамъ Марьи Антоновны, старикъ догадался, что молодой помѣщикъ ухаживаетъ за Варей, но относился къ этому по-своему.

— Мало ли ихъ, столичныхъ шалопаевъ, готовыхъ отъ праздности и скуки, либо ради прихоти, смутить чистую душу дѣвушки!—говорилъ онъ про себя.—Онъ догадывался, что Марья Антоновна надѣется выдать племянницу за Ильчевскаго, но приписывалъ эту надежду женскому легкомыслію, и въ душѣ не одобрялъ старуху.

— Хорошо было бы, еслибы этотъ баринъ женился на Варварѣ Павловнѣ; да нѣтъ, гдѣ же, какая она ему партія!— заключилъ про себя старикъ, провожая взглядомъ Ильчевскаго.

Того же дня вечеромъ Борисъ Петровичъ писалъ: „Я пораженъ, Костя, я уничтоженъ! Она отказала, отказала наотрѣзъ, не подавая надеждъ, не требуя времени на это общепринятое, пошлое „подумаю“. Прямо, рѣшительно сказала: „нѣтъ“—и кончено! А ты еще подозрѣвалъ ее въ хитрыхъ разсчетахъ! Нѣтъ, другъ, въ ней столько же фальши, сколько въ насъ съ тобой... ну, хоть готовности къ самопожертвованію. Тетка ея всполошилась, раскудахталась—еще бы: такая партія!—и увѣряетъ, что не нужно еще терять надежды. Я цѣпляюсь за ея увѣренія, хотя по временамъ они кажутся мнѣ соломинкой утопающаго. Я хожу какъ потерянный, въ головѣ все одно и то же, всѣ мои помыслы стремятся къ чудной дѣвушкѣ. Ахъ, эта стройность и грація, эти большіе глаза, пугливые и печальные, эти дивныя черныя косы! Я, кажется, съ ума схожу“!..

IX.

Марья Антоновна ждала воскресенья, чтобы зайти послѣ обѣдни къ отцу Петру и сообщить ему о сватовствѣ Ильчевскаго. Она хотѣла просить старика поговорить съ Варей, посовѣтовать ей не торопиться отказомъ такому завидному жениху. Если она не рѣшается сейчасъ дать согласіе, то пусть же по крайней мѣрѣ подумаетъ. Гдѣ же это видано, чтобы такъ отказывали? Вѣдь это прямо-таки оскорбленіе Борису Петровичу.

Въ ожиданіи воскресенья, Марья Антоновна занималась такимъ труднымъ и непривычнымъ дѣломъ, какъ составленіе письма племяннику Григорію Павловичу. Она просила его о томъ же, о чемъ намѣревалась просить отца Петра, и закончила письмо убѣдительной просьбой немедленно написать Варѣ. На это письмо старуха возлагала большія надежды: Варя очень любила брата.

Кромѣ всего этого, Марья Антоновна постоянно заговаривала съ племянницей насчетъ того, что въ настоящее время такіе люди, какъ Борисъ Петровичъ, большая рѣдкость, что каждая благоразумная дѣвушка сочла бы за честь и за большое счастье понравиться ему и проч. Всѣ эти разговоры до того раздражали дѣвушку и до того ей надоѣли, что она почти не жила дома. Она боялась теперь ходить по направленію къ Сосновкѣ, и ходила въ противоположную сторону. Погода, къ счастію, стояла

хорошая, и Варя постоянно совершала далекія прогулки. Она любила природу, и лицомъ къ лицу съ ней чувствовала себя свободнѣе и лучше, чѣмъ въ стѣнахъ дома. Проходя мимо сжатыхъ полей, мимо красиво пестрѣвшихъ деревьевъ, она задумчиво всматривалась въ даль. Въ воздухѣ плавно носились нити паутины, громко гудѣли шмели, сытые воробьи глядѣли смѣло, гдѣ-то вдали рѣзко заливалась какая-то голосистая птица... Кругомъ кипѣла жизнь, замѣчалось какое-то всеобщее довольство, а мысли Вари были невеселыя, горькія мысли. Куда ей дѣвать свои силы, свою жажду полезнаго дѣла? Сколько добра было бы сдѣлано, еслибъ не замѣшалась любовь!.. Не даромъ она всегда съ гадливымъ отвращеніемъ думала объ этомъ чувствѣ. Не замѣшайся оно, и ея дружба съ Ильчевскимъ все укрѣплялась бы, наконецъ дала бы ей власть надъ нимъ, а тогда она съумѣла бы призвать его къ добру... Теперь все это рухнуло. Она боится даже встрѣтиться съ нимъ и не въ силахъ будетъ говорить. Ей все мерещится его отвратительно измѣнившееся лицо, какъ-то звѣрски плотоядное.

Внезапное соприкосновеніе съ реальнымъ проявленіемъ страсти возмутило всю ея душу, и она трепетала при одной мысли видѣться съ Ильчевскимъ, говорить съ нимъ. Оставалась еще надежда, что онъ скоро покинетъ Сосновку, но вскорѣ выяснилось, что Борисъ Петровичъ и не думаетъ собираться въ Петербургъ. Онъ уѣзжалъ въ свое другое имѣніе, но дней черезъ десять вернулся. Спустя двѣ недѣли послѣ личнаго объясненія, Ильчевскій повторилъ предложеніе письменно. Въ концѣ письма онъ говорилъ, что готовъ перемѣнить свой образъ жизни, увѣрялъ Варю, что будетъ дѣйствовать по указанію ея гуманныхъ чувствъ, поможетъ ей осуществить всѣ ея планы.

Покуда Варя читала письмо, Марья Антоновна сгорала отъ нетерпѣнія. Дѣвушка прочитала и задумалась. Марья Антоновна не выдержала.

— Варя!—окликнула она, едва скрывая раздраженіе.

Варя повернула къ ней голову.

— Что же ты не даешь мнѣ прочесть?

Дѣвушка покраснѣла. На лицѣ у нея проступили смущеніе и досада.

— Ничего новаго... Повторяетъ предложеніе...

— Опять?—радостно вскрикнула Марья Антоновна.—И ты снова обидишь его рѣзкимъ отказомъ?? Нѣтъ, Варя, это невозможно! Ты хоть обсуди, разберись въ мысляхъ... Это такъ неожиданно...

Она встала-было со стула, потомъ снова опустилась и выжидательно глядѣла на племянницу.

Дѣвушка молчала, только нетерпѣливо шевельнула бровями. Ей и жаль было тетку, и въ то же время досадно на нее. Она знала, что Марья Антоновна желаетъ ей добра; но ей непріятно было теткино стараніе выдать ее за Ильчевскаго. Варѣ оно было противно потому, что вѣдь тетка хлопочетъ изъ-за его богатства.

— Наконецъ, разсуди хоть то, — заговорила Марья Антоновна,—что у тебя будутъ средства помогать бѣднякамъ, а развѣ для твоей сострадательной души это не великая отрада? — Голубка моя, — добавила она, — ты сама не знаешь, отъ чего ты отказываешься!..

Варя встала и, молитвенно сложивъ руки, тихо проговорила:

— Тетя, дорогая, не говорите больше объ этомъ, оставьте меня!.. Я не знаю еще... можетъ быть...—Она быстро повернулась и вышла.

Марья Антоновна облегченно вздохнула: если согласилась подумать, значитъ—сдастся!

X.

Прочитавъ теткино письмо, Голиневичъ усмѣхнулся: плохого ходатая выбрала себѣ старуха. Онъ не только не станетъ „урезонивать“ Варю, но, напротивъ, очень радъ за нее. Значитъ, она не на вѣтеръ говорила, что не пойдетъ замужъ. Да и чтò такое этотъ Ильчевскій? Должно быть, препорядочная дрянь уже потому, что равнодушенъ къ крестьянскимъ нуждамъ. На этихъ мысляхъ его засталъ Карповичъ. Въ разговорѣ выяснилось, что Карповичъ зналъ одно время и даже часто встрѣчалъ у общихъ знакомыхъ какого-то Ильчевскаго, но едва ли это—тотъ самый...

— Да нѣтъ, это другой! Тотъ бы не присватался, не таковскій!—добавилъ Карповичъ.—Это надо будетъ разузнать.

Спустя нѣсколько дней, онъ сообщилъ Голиневичу, что именно этого Ильчевскаго онъ и знаетъ.

— Чтò-жъ это за птица?

— Такъ себѣ, праздный виверъ, женолюбъ...

— Пошлякъ и подлецъ?

— Нѣтъ; просто свищъ. Вотъ какъ пустой орѣхъ: раскуси скорлупу—внутри одна пыль. Многіе впрочемъ находили, что въ немъ есть что-то обаятельное, покоряющее... И, кажется, онъ имѣлъ успѣхъ у женщинъ, не слишкомъ падкихъ до нравствен-

ныхъ качествъ. Правда, у него прекрасныя манеры, много свѣтскаго лоска и вообще...

— Вообще у него, какъ у большинства этихъ свѣтскихъ тунеядцевъ, культурна одна только внѣшность, а нутро самое плебейское, неотесанное!

— Имѣй, однако, въ виду, что у него солидное состояніе.

— Плевать намъ на его состояніе!

— А по здѣшнему—это партія завидная, и каждая дѣвушка, не задумываясь, пошла бы за него.

— Сестра на деньги не польстится.

— Твоя сестра странная дѣвушка,—сказалъ Карповичъ, задумчиво глядя на Варинъ портретъ.

— Да; она, впрочемъ, росла въ слишкомъ нездоровой атмосферѣ, и это наложило на нее свой отпечатокъ.

XI.

Нѣсколько дней Варя уединялась. Цѣлыми часами сидѣла она запершись въ своей комнатѣ или одиноко бродила въ лѣсу, въ полѣ. Въ ней происходила внутренняя борьба.

Отдать всю свою жизнь, всѣ силы, всю себя, ради возможности дѣлать добро—развѣ это не подвигъ? Сдѣлать это тихо, безъ фразъ, никому не признаваясь!.. Но хватитъ ли у нея силъ безропотно принести себя въ жертву? А какой подвигъ обходится безъ страданія? Развѣ легко солдату покидать по чужой волѣ родной домъ, родной очагъ и подставлять грудь подъ пули? Развѣ женщина, поѣхавшая на край свѣта лечить прокаженныхъ, не страдала отъ всевозможныхъ лишеній? Да мало ли жертвъ люди приносятъ, а она вотъ не рѣшается, носится съ своей особой.. Но вѣдь она не любитъ Ильчевскаго, и честно ли вступать въ бракъ съ человѣкомъ, къ которому не чувствуешь ни малѣйшаго влеченія? Нѣтъ, въ этомъ она не видитъ ничего безчестнаго, и теперь, въ виду ея цѣли, это даже и лучше: личная любовь всегда была и будетъ помѣхой всему хорошему, всегда будетъ неволей, насиліемъ человѣческой свободы... И снова въ душѣ дѣвушки возникаетъ надежда, что ея безцѣльная жизнь можетъ получить серьезный смыслъ; благородная роль подвижницы туманила ей голову и увлекала все сильнѣе; затѣмъ опять нападалъ страхъ и сомнѣніе въ собственныхъ силахъ.

Въ одну изъ минутъ такихъ горькихъ сомнѣній она написала обо всемъ брату, прося у него совѣта и поддержки. За-

канчивалось письмо словами: „часто вижу во снѣ грустное лицо мамы. Не знаю, религіозна я, или нѣтъ, но по временамъ мнѣ вѣрится въ загробный міръ и думается, что, можетъ быть, умершіе смотрятъ на насъ оттуда".

Отославъ письмо, дѣвушка нѣсколько успокоилась и стала ждать отвѣта.

Но все-таки ей тяжело было дома. Когда ее охватывали мучительные припадки душевной смуты, она уходила въ садъ или на дорогу. Иногда ей казалось, что, рѣшаясь на бракъ, она измѣняетъ самой себѣ, своимъ мечтамъ, всему тому, что̀ она любила, съ чѣмъ сжилась и сроднилась. Она обращалась къ природѣ, какъ бы ища у нея одобренія. Деревья тихо покачивали своими верхушками, опавшіе листья уныло шелестѣли подъ ногами, и въ этомъ покачиваніи, въ этомъ шелестѣ ей чудился укоръ. Тогда она рѣшала, что непремѣнно откажетъ Ильчевскому, и это ее успокаивало, но не надолго.

Разъ какъ-то она возвращалась съ прогулки въ довольно мирномъ настроеніи.

Стоялъ теплый и ясный сентябрьскій день. Тишина опустѣвшихъ полей, береза, медленно роняющая желтые листья, скирда сѣна съ молчаливой птицей на вершинѣ,—все какъ бы задумалось и приникло; все какъ будто дышало какой-то ласковой, трогательной грустью.

Варя уже приближалась къ хутору, какъ ее окликнула сосновская учительница, Анна Петровна Силина, немолодая, некрасивая дѣвушка, съ хмурымъ лицомъ, угловатыми манерами и рѣзкой, отрывистой рѣчью.

Она на дняхъ только вернулась изъ другого уѣзда, гдѣ провела каникулы.

— А я къ вамъ на минутку,—сказала Анна Петровна, поровнявшись съ Варей,—только проститься. Сдала школу и завтра уѣзжаю: поступаю на фельдшерскіе курсы.

— Учительство бросаете?

— Какое тутъ учительство! Ихъ прежде всего кормить да лечить надо... Вѣдь если „сытое брюхо къ ученью глухо", то больное да голодное—и подавно!.. Вѣдь тутъ страхъ что̀ дѣлается!..

И она стала разсказывать, что въ Сосновкѣ вчера похоронили молодую женщину, умершую въ родахъ. Повитухи па̀рили женщину въ банѣ, поили водкой, давали рвотный камень, подвѣшивали къ палатямъ и встряхивали за ноги. Акушерку не могли разыскать, а врача привезли только на третьи сутки, когда несчастную уже замучили.

Слушая разсказъ, Варя смертельно поблѣднѣла и заохала.

— Чтò тутъ охать!—досадливо проговорила Силина:—отъ вашихъ стоновъ никому не легче! И развѣ это единичный случай? Развѣ тутъ мало дѣлается возмущающихъ душу гадостей? Насмотрѣлась я всего. Я видѣла, какъ грудныхъ младенцевъ совали въ горячую печь на хлѣбной лопатѣ, видѣла, какъ отравлялись купоросомъ да сулемой; знаю, что къ нарывамъ и язвамъ прикладываютъ глину, овечью шерсть и всякія нечистоты...

— Боже мой, Боже!—снова глухо проговорила Варя. Анна Петровна иронически усмѣхнулась.

— Странно, что вы этого раньше не знали!—Варя вспыхнула, на глазахъ ея навернулись слезы стыда за себя. Какъ ничтожна и жалка она съ своей безсильной скорбью, съ своими безплодными порывами! Чтò она дѣлала эти два года, чтò? Смѣшная, жалкая мечтательница!..

Все это быстро пронеслось въ головѣ Вари, но она молчала. Иронія и рѣзкости Силиной всегда стояли между дѣвушками и мѣшали ихъ сближенію. Почти у самой усадьбы Марьи Антоновны Силина остановилась и сказала:

— Впрочемъ, можно и здѣсь проститься, очень тороплюсь. Дѣвушки стояли нѣсколько минутъ молча, наконецъ Анна Петровна спросила:

— А вы чтò думаете дѣлать? Скоро уѣдете къ брату?

Варѣ не хотѣлось откровенничать, но и не отвѣчать она считала неделикатнымъ.

— Есть кое-какіе планы, но я еще не рѣшила,—сухо проговорила она.

— Чтò же мѣшаетъ? Если насчетъ денегъ затрудненіе, то это—плевое дѣло: только на дорогу у тетеньки возьмите, а тамъ—товарищество выручитъ. Свѣтъ вѣдь не безъ добрыхъ людей и не клиномъ сошелся!..

— Нѣтъ, меня затрудняютъ не деньги, а такъ, являются сомнѣніе въ своихъ силахъ, страхъ...

— Это-то и скверно. Разъ есть цѣль и стремленіе что-нибудь сдѣлать для ближняго,—личныя соображенія надо гнать прочь...

— Это легко сказать! Бываютъ положенія, когда при всемъ желаніи трудно побѣдить жалость къ себѣ.

— А... Тогда надо махнуть на все рукой и жить празднымъ тунеядцемъ. Лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать на половину, съ оглядочкой да съ разсчетцемъ! Надо отдавать или всю себя, или ужъ совсѣмъ закрыть глаза и заткнуть уши, чтобъ не ви-

дѣть чужихъ страданій, не слышать стоновъ и воплей!.. Да: все или ничего! Компромиссы тутъ невозможны!.. Однако, прощайте, спѣшу къ отцу Петру.—Она наскоро пожала Варѣ руку и пошла обратно. Весь остальной день Варѣ нездоровилось: то въ жаръ бросало, то знобило. Легла она рано, но ей долго не спалось. Мысли ея были безпорядочны, мелькали какими-то обрывками, пережитое мѣшалось съ настоящимъ. Она старалась не думать о томъ, что̀ слышала отъ Силиной; но чѣмъ больше она старалась, тѣмъ упорнѣе воображеніе рисовало ей ужасныя картины. Наконецъ мысли совсѣмъ спутались, слились въ какой-то хаосъ и она уснула.

Ей снилось, будто она очутилась въ какой-то темной гущинѣ лѣса; она старается выбраться оттуда, бродитъ ощупью, натыкается на деревья, на кочки, царапаетъ себѣ лицо. И вдругъ свѣтъ: къ ней подходитъ мать, беретъ ее за руку и куда-то ведетъ. Онѣ идутъ долго, но наконецъ приходятъ въ ярко освѣщенную избу, гдѣ толпятся люди; всѣ что-то говорятъ, куда-то указываютъ; она глядитъ по направленію ихъ рукъ и холодѣетъ отъ ужаса: на лавкѣ лежитъ женщина съ запрокинутой назадъ головой, съ лицомъ, искаженнымъ муками; изъ груди женщины вырываются какіе-то хриплые, свистящіе стоны. Варя порывается къ ней, силится закричать—и не можетъ: ноги точно приросли, горло будто сдавилъ кто-то. А стоны женщины становятся все громче, все пронзительнѣе и наконецъ сливаются въ одинъ долгій нечеловѣческій вопль. Варя проснулась вся въ холодномъ поту...

Вскорѣ она опять заснула и болѣзненное сновидѣніе продолжалось. Этотъ страшный лихорадочный сонъ тянулся безконечно: дѣвушка просыпалась, тотчасъ же опять засыпала и снова видѣла все то же. Только къ разсвѣту она уснула спокойнѣе.

Утромъ ей тяжело было подняться, но она все-таки встала и одѣлась, боясь оставаться въ постели, чтобы совсѣмъ не расхвораться.

Цѣлый день она не могла отвязаться отъ видѣнной во снѣ картины и все время въ ушахъ ея раздавались укоры Силиной, слышался ея послѣдній суровый завѣтъ:

— „Все или ничего, компромиссы тутъ невозможны"!—Къ вечеру у нея наконецъ явилась рѣшимость побороть свое отвращеніе къ браку. Но когда она сказала объ этомъ теткѣ, ей опять стало холодно и жутко. Марья Антоновна на мигъ обрадовалась, но, взглянувъ на племянницу, вдругъ оторопѣла: въ лицѣ дѣвушки не было ни кровинки, а глаза горѣли нездоровымъ блескомъ.

— Ты совсѣмъ больна!—въ испугѣ воскликнула Марья Антоновна.

— Не обращайте на меня вниманія, прошу васъ!

— Но на тебѣ лица нѣтъ! Чтò съ тобой? Дитя мое, если тебѣ такъ тяжело, то зачѣмъ же спѣшить?.. Съѣздимъ въ монастырь, помолимся, а тогда ужъ и примешь рѣшеніе, какое тебѣ Господь положитъ на душу.

— Нѣтъ, я уже рѣшилась.

Вечеромъ пришелъ отецъ Петръ. Узнавъ отъ Марьи Антоновны о Варином рѣшеніи, онъ пристально взглянулъ на дѣвушку и перемѣнилъ разговоръ. Старикъ весь остальной вечеръ былъ разсѣянъ, какъ бы чѣмъ-то озабоченъ. При прощаньѣ онъ благословилъ Варю, и, опять пристально взглянувъ на ея печальное лицо, тихо произнесъ:

— Такъ ли, иначе ли, вамъ надо пристроить къ хорошему дѣлу вашу горячую душу, но избирайте путь, который указываетъ сердце... Добро всегда одно, только формы его разнообразны... И не надо вставлять себя въ тѣсныя рамки!..

Дѣвушка прижалась головой къ его плечу, и въ первый разъ за все время ея душевной борьбы слезы облегчили ей грудь.

XII.

„Ставь, Константинъ, крестъ надо мною,—писалъ Ильчевскій,—и скажи всѣмъ нашимъ, что для васъ я умеръ, я не существую: я женюсь!

„Варя, наконецъ, согласилась быть моей женой, и я счастливъ безмѣрно, безпредѣльно. Я пьянѣю отъ счастья и дѣлаю такіе промахи, что самъ себѣ удивляюсь. Не дальше какъ вчера, показывая ей зáново отдѣланныя комнаты, я подвелъ ее къ нашей будущей спальнѣ, и тогда только понялъ мою безтактность, когда почувствовалъ, какъ рука Вари дрогнула на моей рукѣ, а на миломъ личикѣ затрепетали тѣни страданія. Я постоянно долженъ сдерживаться: слишкомъ шумныя выраженія восторга пугаютъ и смущаютъ ее. Сама она не любитъ говорить о своихъ чувствахъ, вообще говоритъ мало, но, кажется, вся она—въ мечтахъ о благѣ меньшей братіи. Вижу, ты морщишься: это старо, избито, всѣмъ надоѣло. Согласенъ; но еслибъ ты хоть разъ взглянулъ на мою Варю, то понялъ бы, почему я смотрю сквозь пальцы на всѣ эти наивныя бредни. Потомъ онѣ, конечно, отойдутъ на заднiй планъ, сами собой улягутся и, я увѣренъ, мнѣ

не придется съ ними считаться; но теперь у меня не хватаетъ духу противорѣчить. Да и нельзя же молодой, красивой женщинѣ ставить въ счетъ всякій пустякъ! Я не согласенъ съ тобой, что глупость въ хорошенькой женщинѣ привлекательна, но, признаюсь, всегда боялся не совсѣмъ пріятной въ молодой женщинѣ разсудительной практичности. И надо бы тебѣ видѣть, съ какой смѣшной дѣловитостью Варя произноситъ, своими алыми губками, что-нибудь въ такомъ родѣ: „Мы не будемъ жить исключительно для себя; только тупой, самодовольный эгоизмъ можетъ удовлетворяться личнымъ счастьемъ"! И все это она говоритъ пресерьезно, очевидно воображая, что открываетъ Америку. Я ей поддакиваю, хоть въ это время мнѣ хотѣлось бы говорить ей всякій пламенный вздоръ и всю ее осыпать поцѣлуями. Бываютъ минуты, когда я испытываю почти невыносимыя муки, но и въ самыхъ этихъ мукахъ есть своего рода наслажденіе. Когда я беру на себя роль будущаго благодѣтеля сосновцевъ, изъ ея груди по временамъ вырываются возгласы переполненной радости, а глаза свѣтятся и сіяютъ какъ звѣзды. На дняхъ я въ какихъ-нибудь полчаса кругомъ облагодѣтельствовалъ всю Сосновку. Я завалилъ мужиковъ хлѣбомъ, топливомъ; выстроилъ имъ просторныя, свѣтлыя избы, образцовую школу, больницу; досталъ имъ фельдшера, питающаго органическое отвращеніе къ водкѣ, и безкорыстнѣйшаго врача, готоваго положить за бѣдняковъ свою душу. Хоровое пѣніе, свѣтовыя картины и воскресныя чтенія пришлись имъ до того по вкусу, что дорога въ кабакъ вдругъ заросла бурьяномъ, а жирный цѣловальникъ сталъ худъ какъ щепка. Но я великодушенъ, я сказалъ ему нѣсколько теплыхъ, прочувствованныхъ словъ, и это мгновенно перевернуло все его, цѣловальничье, міровоззрѣніе: онъ предалъ кабакъ анаѳемѣ и сдѣлался скромнымъ, трудолюбивымъ пчеловодомъ. Словомъ, все шло прекрасно, только, разсуждая о пчеловодствѣ и огородничествѣ, я что-то сморозилъ, и Варя посмотрѣла на меня широко открытыми глазами. Къ счастью, я очень быстро оправился и поспѣшилъ свернуть на то, что восхищенъ и пораженъ ея умомъ, отзывчивостью, великодушіемъ; женщина любитъ, чтобы ее ставили на пьедесталъ, въ этомъ она видитъ поэзію, отъ которой у нея слегка кружится голова. Я увѣренъ, что и въ моей Варѣ кроется эта милая женская слабость. Впрочемъ, въ ней все мило, все очаровательно, и я люблю ее до безумія! Вѣришь ли, Константинъ, вспоминая все пережитое, я не нахожу ни одного волненія, которое хотѣлъ бы вновь пережить, и ни одна изъ женщинъ, которыхъ я зналъ,

недостойна стать рядомъ съ моей несравненной Варей. Вчера тетка увезла ее въ сосѣдній монастырь говѣть, и, не видя ея, я нахожу большое наслажденіе думать о ней, излагать мысли о ней на бумагѣ. Вблизи Варя вызываетъ во мнѣ жажду объятій, поцѣлуевъ; отсутствующая—она кажется мнѣ окруженной ореоломъ идеализма, поэзіи, и я самъ какъ будто нахожусь подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь великаго произведенія поэзіи или музыки“...

Кончивъ письмо, Ильчевскій хотѣлъ-было вложить его въ конвертъ, потомъ развернулъ сложенный вчетверо листъ и приписалъ:

„P. S. Дня черезъ два или три Варя пріѣдетъ, и недѣли черезъ двѣ мы повѣнчаемся. Теперь, Константинъ, прощай надолго—мнѣ будетъ не до писемъ“.

XIII.

Григорій Павловичъ въ сильномъ волненіи нѣсколько разъ перечитывалъ письмо Вари.

Она проситъ совѣта и поддержки, но что̀ онъ ей скажетъ? Прежде всего ему хотѣлось бы сказать:

— Брось все и пріѣзжай! Бракъ не можетъ и не долженъ быть дѣломъ великодушія, и никакія побужденія и цѣли въ немъ неумѣстны, если нѣтъ любви или по крайней мѣрѣ симпатіи, влеченія... Но какъ взять на себя отвѣтственность за всю будущую жизнь сестры? При томъ же онъ все-таки ничего опредѣленнаго объ Ильчевскомъ не знаетъ. Тутъ онъ вспомнилъ опять Карповича, и побѣжалъ къ нему: можетъ быть, Карповичъ сообщитъ ему еще какія-нибудь подробности.

Ничего новаго Карповичъ сказать не могъ, только старался успокоить Голиневича: вѣдь Ильчевскій могъ измѣниться къ лучшему; если онъ добивается брака, значитъ—полюбилъ серьезно, а любовь, говорятъ, творитъ чудеса и прочее. Наконецъ онъ умолкъ и долго шагалъ по комнатѣ. Вдругъ онъ остановился, хлопнулъ себя по лбу и воскликнулъ:

— А знаешь, вѣдь я имѣю полнѣйшую возможность узнать, что̀ такое этотъ Ильчевскій *теперь* и ка̀къ онъ относится къ твоей сестрѣ!

Карповичъ припомнилъ, какъ мѣсяца два назадъ ему пришлось быть на одной пирушкѣ, гдѣ за Ильчевскаго пили и много толковали въ шутливомъ тонѣ о какихъ-то его письмахъ. Къ

этимъ толкамъ Карповичъ отнесся тогда безъ всякаго вниманія, но вотъ теперь припоминаетъ, что говорилось о новомъ увлеченіи Ильчевскаго, и нѣсколько разъ произнесено было: „деревенская идиллія".

— Быть не можетъ, чтобы въ этихъ письмахъ не говорилось о твоей сестрѣ,—замѣтилъ Карповичъ;—надо разспросить Бакшеева.

— Бакшеева, бѣлобрысаго, толстаго офицерика?

— Да; онъ вѣдь первѣйшій другъ Ильчевскаго.

Уговорились разспросить Бакшеева какъ можно скорѣе. Съ тѣмъ и разстались. Голиневичъ рѣшилъ, что если ничего опредѣленнаго черезъ недѣлю не узнаетъ, то броситъ все и махнетъ самъ въ Зарѣчье. Въ министерствѣ косо посмотрятъ на него за эту отлучку, но что́ же дѣлать? Чортъ съ ней, со службой, когда дѣло идетъ о Вариной будущности!

Возвращаясь отъ Карповича къ себѣ, Голиневичъ все время думалъ о сестрѣ. Изъ ея писемъ не видно, чтобы Ильчевскій ей нравился, и трудно понять, почему она вдругъ перемѣнила свой взглядъ на замужество. Она прямо не признается въ своемъ послѣднемъ письмѣ, что у нея есть какія-то другія цѣли и побужденія, но должно быть есть. Помнится, она еще при первомъ знакомствѣ съ Ильчевскимъ писала, что хотѣла бы попытаться „разбудить въ немъ его хорошіе инстинкты". И какъ онъ могъ не обратить вниманія на это? Ему нужно было тогда охладить ее, не дать разгораться этой мечтѣ, хотя и трогательной, но наивной до смѣшного. Впрочемъ, кто-жъ его знаетъ, каковъ теперь этотъ Ильчевскій. Можетъ быть, чистая душа Вари облагородитъ его умъ и сердце. На другой день явился Карповичъ и, бросивъ на столъ пачку писемъ, принялся съ увлеченіемъ расхваливать Бакшеева.

— Молодчина, настоящая военная косточка!.. Чуть только я объяснилъ, въ чемъ дѣло, онъ безъ лишнихъ словъ, живо отперъ ящикъ письменнаго стола, отобралъ и вручилъ мнѣ вотъ эти писульки... Я хотѣлъ-было просмотрѣть ихъ тамъ же, у него въ квартирѣ, а онъ схватилъ ихъ, засунулъ мнѣ въ карманъ и сказалъ, что даритъ ихъ тебѣ на память.

„Пусть, говоритъ, другъ вашъ успокоится: въ этихъ письмахъ Борька Ильчевскій превозноситъ его сестру до небесъ, молится на нее"!—Я, разумѣется, радъ-радёшенекъ, потому что спѣшу, да и самъ ты лучше поймешь, что́ и ка̀къ.

Карповичъ схватилъ шапку и протянулъ Голиневичу руку. Тотъ, не замѣчая протянутой руки, жадно набросился на письма.

Онъ пробѣжалъ ихъ наскоро, потомъ подобралъ по числамъ и еще разъ перечиталъ. Кончивъ послѣднее, онъ порывисто всталъ и воскликнулъ:

— Подлецъ, подлецъ! Все это тягучее краснорѣчіе—одно издѣвательство, одинъ сплошной цинизмъ!

Долго шагалъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Ему не хотѣлось вѣрить, чтобы Варя, съ ея чуткостью, не разгадала Ильчевскаго.

— Не можетъ быть, чтобы въ концѣ концовъ она не разглядѣла въ немъ подлеца!—снова воскликнулъ онъ, подходя къ звонку.

Онъ позвонилъ и велѣлъ позвать извозчика, а самъ сталъ наскоро укладываться. Было два часа ровно, а въ половинѣ третьяго отходилъ курьерскій поѣздъ.

Григорій Павловичъ рѣшилъ ѣхать немедленно, и надѣялся поспѣть въ Зарѣчье еще во-время. Чемоданъ былъ почти уложенъ, какъ въ дверь постучались и подали депешу. Она была отъ Марьи Антоновны.

„Сейчасъ повѣнчались. Поздравь молодыхъ телеграммой",—пробѣжалъ Голиневичъ и опустилъ руки. Все кончено, и поворотъ уже невозможенъ, хоть бы онъ летѣлъ на крыльяхъ!

Въ ту же минуту онъ бросился запирать дверь: мысль кого-нибудь видѣть казалась ему невыносимой. Онъ пролежалъ весь остатокъ дня. Грудь у него болѣла и ныла, на душѣ было холодно и пусто. Имъ овладѣло ощущеніе, какое люди испытываютъ послѣ похоронъ близкаго человѣка. Онъ какъ бы самъ себя хоронилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему жить теперь? Кому онъ нуженъ, какой смыслъ въ его существованіи? Варѣ не нужны ни онъ самъ, ни его заботы. Съ этихъ поръ ему нѣтъ мѣста въ ея душѣ, тамъ теперь царитъ и властвуетъ человѣкъ чужой и, главное, скверный человѣкъ. Такой человѣкъ перемѣниться къ лучшему не можетъ, но пусть бы онъ хоть притворялся, пускай бы она была счастлива, хоть въ невѣдѣніи!..

— Да, она должна быть счастлива, иначе я перерѣжу ему горло!—пробормоталъ Григорій Павловичъ, поднимаясь съ кровати.

Онъ накинулъ пальто, поднялъ воротникъ, надвинулъ на глаза фуражку и вышелъ. Онъ боялся встрѣчъ и хотѣлъ только подышать воздухомъ, чтобы хоть сколько-нибудь успокоить расходившіеся нервы.

Шагая по улицамъ, онъ все время думалъ о сестрѣ. Съ ка-

кой стороны ни взять — бракъ ея не представляетъ ничего хорошаго. Если у нея были какія серьезныя цѣли и стремленія, то онѣ разсѣются какъ туманъ: на такихъ господчиковъ, какъ Ильчевскій, можетъ вліять только скверная, безсердечная женщина, да и вообще участь такихъ кроткихъ женщинъ, какъ Варя—въ замужествѣ незавидная участь, особенно если она привяжется къ мужу, полюбитъ его. Тогда она погибла, она—раба. Мужчины любятъ глупо, безумно, только капризныхъ, жестокихъ женщинъ, скупыхъ на ласки и нѣжность. Только такая страсть вѣчно жаждетъ и не находитъ полнаго удовлетворенія. Иначе въ чемъ же разгадка непонятной власти дурныхъ, безсердечныхъ женщинъ? На каждомъ шагу мы видимъ образованныхъ, умныхъ и добрыхъ людей, трепещущихъ передъ ничтожнѣйшею изъ женщинъ, дѣлающихъ величайшія низости. Прекраснѣйшіе люди бросаютъ въ нищету женъ, дѣтей, заставляютъ ихъ проливать слезы. И все это дѣлается сплошь да рядомъ ради холодной, бездушной красивой куклы, иногда даже некрасивой, а только грубой, настойчивой, лживой... Такую бы вотъ жену нужно Ильчевскому, она бы скрутила его по рукамъ и по ногамъ... А Варя... Гдѣ ей! Что̀, еслибы она прочитала его письма, еслибы знала, что Ильчевскій видитъ въ ней только игрушку?..

Долго бродилъ Григорій Павловичъ въ глубокомъ раздумьѣ. Было уже далеко за полночь. Прохожіе попадались все рѣже; онъ не замѣчалъ времени и поворачивалъ изъ улицы въ улицу.

XIV.

Почти два года крѣпился Голиневичъ и не ѣхалъ на родину. Онъ получилъ мѣсто съ хорошимъ окладомъ и въ средствахъ не стѣснялся; но онъ не хотѣлъ быть навязчивымъ, все ждалъ отъ сестры приглашенія. Кромѣ того, онъ не довѣрялъ самъ себѣ, боялся, что не съумѣетъ сдерживаться и сразу станетъ съ Ильчевскимъ въ дурныя отношенія, а это можетъ повредить Варѣ. Онъ зналъ по письмамъ, что Ильчевскіе тогда же, вскорѣ послѣ свадьбы, переѣхали въ Хрѣновскъ. Въ послѣднее время у него все чаще мелькала мысль перевестись на службу куда-нибудь въ провинцію. Что̀ ему Петербургъ теперь, когда онъ не могъ уже переселить сюда сестру? Одиночество ему страшно надоѣло, а онъ былъ постоянно одинокъ. Онъ не запирался отъ людей, но чувствовалъ, что знакомые и сослуживцы его не любятъ, что среди нихъ онъ лишній, онъ только тяго-

титъ собою. Его считали чопорнымъ, потому что онъ не любилъ ни циничныхъ шутокъ, ни скабрёзныхъ анекдотовъ. Единственный человѣкъ, котораго онъ любилъ, Карповичъ,—какъ нарочно уѣхалъ надолго въ Кіевъ.

Остальные знакомые были или неинтересные, самые ординарные люди, или лживые, чего Голиневичъ совсѣмъ не выносилъ, и крайне былъ къ этому чутокъ. Усвоенная съ дѣтства наблюдательность и житейскій опытъ сдѣлали то, что отъ него не могла ускользнуть ни малѣйшая фальшь людская, какъ бы она ни была хорошо прикрыта; женскаго общества онъ избѣгалъ вообще, а молодыхъ, кокетливыхъ женщинъ—просто ненавидѣлъ.

Такъ проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, такъ миновало почти два года. Наконецъ его сильно потянуло на родину. Онъ уже не въ силахъ былъ противиться и, отбросивъ всякія соображенія относительно Ильчевскаго, взялъ двухмѣсячный отпускъ.

Въ Хрѣновскѣ онъ опять не останавливался, только взялъ лошадей до Зарѣчья. Ему хотѣлось сперва повидаться съ Марьей Антоновной и разспросить ее о Варином житьѣ.

Въ письмахъ Марья Антоновна постоянно выражалась уклончиво и осторожно, но племянникъ зналъ, что въ разговорѣ тетка отброситъ свою осторожность и выболтаетъ все.

Пріѣхалъ Григорій Павловичъ сюрпризомъ, и потому Марья Антоновна долго заливалась радостными слезами. Наконецъ, выплакавшись и успокоившись, старуха начала передавать разныя подробности изъ жизни Ильчевскихъ.

Изъ ея словъ выяснилось, что между Варей и ея мужемъ полная рознь во взглядахъ и вкусахъ.

— Этого надо было ожидать,—замѣтилъ Голиневичъ:—они совсѣмъ не пара.

— Ахъ, Боже мой, кто же зналъ? Варя сама виновата.

— Напримѣръ?

— Да какъ же: все не по ней, все ей не нравится. Борисъ Петровичъ жить не можетъ безъ общества, а она тяготится выѣздами и пріемами. Онъ любитъ видѣть ее хорошо одѣтой, постоянно заказываетъ ей дорогіе туалеты, а она говоритъ, что стыдно ходить въ шелку да въ кружевахъ, когда другіе ходятъ въ лохмотьяхъ.

— А онъ, конечно, вышучиваетъ ее?

— Онъ къ ней ласковъ, вѣжливъ, но жизнь идетъ все-таки такъ, какъ онъ хочетъ. У нихъ постоянно толкутся гости, по вторникамъ вечера...

— Бѣдняжка! Воображаю, какъ она устаетъ. Она никогда не любила сборищъ и всегда находила ихъ безцѣльными, скучными, совсѣмъ ненужными.

— Мало ли что находила! Вышла замужъ такъ и надо приноравливаться къ мужу. Да и чего ей? Другая бы на ея мѣстѣ жила припѣваючи, а она все какъ будто о чемъ-то грустить, печалится; не хочетъ жить, какъ всѣ добрые люди живутъ, а все бы по своему, все что-нибудь выдумываетъ...

— Выдумываетъ? Чтò же?

— Да вотъ только недавно уступила ему хоть въ томъ, что допустила къ себѣ горничную, а до сихъ поръ все сама для себя дѣлала: и комнату убирала, и платье себѣ чистила, даже починяла, гладила, штопала — все сама. Онъ и такъ и этакъ, то ласково, то съ усмѣшечкой уговариваетъ, а она все свое: „здоровому человѣку стыдно жить праздно"!..

Голиневичъ вздохнулъ; онъ вспомнилъ, какъ Варя не разъ говорила, что, превращая людей въ комнатную прислугу, мы ихъ развращаемъ, дѣлаемъ ихъ неспособными къ полезному труду, такими же тунеядцами, какъ мы сами. Еще дѣвочкой, лѣтъ двѣнадцати, Варя конфузилась, когда прислуга пыталась надѣвать ей калоши, и всегда уклонялась отъ этого. Тяжело ей ломать себя!

— Такъ, вы говорите, уступила мужу и теперь принимаетъ услуги горничной?—спросилъ онъ.

— Насилу удалось мнѣ уговорить. Ты, говорю, въ мелочахъ уступай, если ужъ тебѣ хочется добиться главнаго. А главное у нея—это ея разныя затѣи. На первыхъ порахъ ей удалось упросить мужа отпустить лѣсу па школу и еще кое-что сдѣлать для крестьянъ, а потомъ, какъ увидалъ Борисъ Петровичъ, что затѣямъ этимъ не будетъ конца, и пріостановился: прямо не отказываетъ, но видимо уклоняется. Теперь вотъ она все добивается больницы и пріюта для крестьянскихъ сиротъ, а къ веснѣ мечтаетъ выстроить баракъ для переселенцевъ. Ихъ теперь страхъ сколько проходятъ мимо Сосновки! И въ самомъ дѣлѣ бѣдствуютъ, жалость беретъ: мужики въ избы не пускаютъ, боятся заразы,— такъ иной разъ и мокнутъ въ полѣ подъ дождемъ съ ребятами да съ больными... Ну, это, положимъ, слѣдовало бы построить, но больницу, да еще родильный покой—это ужъ, какъ хочешь, разорительно.

— Но вѣдь и земство придетъ на помощь. Ильчевскому только нужно похлопотать да ассигновать для почина извѣстную сумму или землю пожертвовать да лѣсу на постройку...

— Не нравится ему это, замѣтно морщится, когда Варя начинаетъ говорить объ этомъ.

— Мало ли что̀ не нравится! Зачѣмъ женился? жилъ бы себѣ празднымъ шалопаемъ!

Марья Антоновна всполошилась:

— Что̀ ты это, Гриша, Господь съ тобой? да развѣ можно такъ? Борисъ Петровичъ—хорошій человѣкъ!

— Гмъ, да... конечно...—пробормоталъ Голиневичъ.

— А Варя, повторяю, сама виновата: не жалѣетъ совсѣмъ себя.. Не бережетъ, все волнуется...

— Какъ ея здоровье? Судя по фотографіи, она значительно похудѣла, вообще какъ-то измѣнилась.

— Можетъ быть потому, что она въ такомъ положеніи... и, кажется, уже во второй половинѣ. Ты только и виду не подавай, что знаешь: очень она не любитъ говорить объ этомъ, конфузится и смущается до слезъ. Въ послѣднее время часто ходитъ такая печальная, иной разъ и глаза бываютъ заплаканы. Впрочемъ, самъ все увидишь,—добавила она и вздохнула.

На другой день Григорій Павловилъ собрался въ Хрѣновскъ. Провожая его, Марья Антоновна просила:

— Ради Бога, Гришенька, не вмѣшивайся ты въ ихъ дѣла! Варя теперь—отрѣзанный ломоть, и намъ съ тобой лучше подальше!..

Голиневичъ и самъ понималъ, что лучше держаться подальше, а потому остановился въ гостинницѣ. Только почистившись въ номерѣ, онъ отправился, какъ посторонній гость, къ Ильчевскимъ. Когда онъ входилъ, зять поднялся ему на встрѣчу. Голиневичъ впился въ него глазами, и въ одинъ мигъ разглядѣлъ каждую черту его облика. Высокаго роста, бѣлокурый, съ большими темно-сѣрыми глазами, оттѣненными густыми темными рѣсницами, онъ былъ очень представителенъ; только русые усы, закрученные стрѣлками, нѣсколько портили общее впечатлѣніе, придавая его наружности видъ пошлаго фатовства.

Заговорилъ онъ съ шуриномъ какимъ-то ласковымъ, успокаивающимъ тономъ, хотя тотъ казался совершенно спокойнымъ.

Голиневичъ все время слѣдилъ за собой, чтобы ничѣмъ не выдать своей непріязни. Онъ даже стерпѣлъ, когда Ильчевскій, ведя его подъ-руку въ столовую, нѣжно прижималъ къ своему боку его локоть. За обѣдомъ говорилъ почти одинъ Ильчевскій, и говорилъ, надо правду сказать, живо, интересно.

Варвара Павловна говорила мало.

Она замѣтно похудѣла. Блѣдность и нѣкоторая утомленность

придавали ея лицу еще болѣе выразительности и духовной силы. Очевидно, она возмужала духовно, но по ея взгляду и голосу было видно, что ей недоставало яснаго спокойствія души. По временамъ лицо ея принимало такое выраженіе, какъ будто она чувствовала во всемъ тѣлѣ усталость и безпробудную тоску. Узнавъ, что братъ остановился въ гостинницѣ, она убѣдительно просила его переѣхать къ нимъ. Ильчевскій поддержалъ ея просьбу такъ радушно, что Голиневичъ согласился. Зачѣмъ сталъ бы онъ топорщиться, если зять держится такъ, что придраться рѣшительно не къ чему? Притомъ же было слишкомъ соблазнительно находиться постоянно около сестры, оказывать ей хотя бы мелкія услуги, говорить съ ней глазъ на глазъ безъ помѣхи.

XV.

Изъ разговора въ концѣ обѣда выяснилось, что Ильчевскій мало бываетъ дома. Онъ засѣдалъ въ качествѣ почетнаго мирового судьи въ съѣздѣ, предсѣдательствовалъ въ разныхъ комитетахъ, собраніяхъ, имѣлъ обширное знакомство.

— Всѣ эти визиты, обѣды, вечера,—говорилъ онъ съ лѣнивой усмѣшкой,—скучны и безцвѣтны...

— А хуже всего эти ежедневныя сборища по вечерамъ,—перебила его жена:—совершенная безсмыслица... Еще мужчины, ну, хоть за картами, а дамы... я никакъ не могу понять!.. Сначала, чуть соберутся, можно подумать, что всѣ необычайно рады другъ другу, разговариваютъ какъ будто съ захватывающимъ интересомъ; но не пройдетъ и полчаса, какъ всѣ эти разговоры безнадежно замираютъ... Наступаютъ длиннѣйшія паузы, съ трудомъ подавляется нервная зѣвота, но всѣ сидятъ почему-то, и сидятъ...

— Собираются потому, что никто не хочетъ отстать отъ другихъ. Живя въ провинціи, необходимо считаться съ извѣстными традиціями...

— Но, Боже мой, вѣдь это добровольное мученичество!.. Кружокъ общества небольшой, всѣ давнымъ-давно примелькались другъ другу, даже надоѣли; общая жизнь такъ бѣдна интересами и впечатлѣніями, что говорить совсѣмъ не о чемъ, и все-таки постоянно собираются, и каждый день происходитъ одно и то же, только стѣны мѣняются...

— Нельзя же иначе, всѣ такъ живутъ...

— Да кому же это нужно? Гдѣ цѣль, гдѣ смыслъ такой жизни?

Варвара Павловна начинала сильно волноваться.

— Но какъ бы ни была женщина серьезна по своимъ взглядамъ и вкусамъ, ей нельзя хоронить себя въ четырехъ стѣнахъ,— замѣтилъ Борисъ Петровичъ и потомъ шутливо добавилъ:—И что̀ было бы съ нами, еслибъ такія хорошенькія, какъ ты, женщины всѣ попрятались? жизнь бы стала скучной и прозаичной, потому что въ женской красотѣ—вся поэзія жизни...

Эта растянутая фраза вдругъ вызвала въ головѣ Голиневича воспоминаніе о письмахъ Ильчевскаго, къ которому онъ опять почувствовалъ нѣсколько охладѣвшую ненависть. Онъ понималъ, что для гостя—его долгое молчаніе почти неприлично, что ему нужно что-нибудь сказать, но молчалъ, дѣлая видъ будто ѣстъ съ аппетитомъ, чтобъ не выдать голосомъ и глазами охватившей его злости.

„Какъ онъ звѣрски ѣстъ“!—подумалъ про себя Ильчевскій, а вслухъ заговорилъ о Петербургѣ.

Только-что встали изъ-за стола, какъ вошелъ отецъ Петръ. Поздоровавшись съ хозяевами и троекратно поцѣловавшись съ Григоріемъ Павловичемъ, старикъ сейчасъ же началъ:

— Былъ я, Варвара Павловна, въ Калиновкѣ, все узналъ подробно. Вчера ѣздили мы съ учителемъ. Оказывается, что калиновскій пріютъ и мы можемъ взять за образецъ...

Находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ интересовавшаго его дѣла, старикъ принялся излагать подробности.

Пріютъ воспитываетъ круглыхъ крестьянскихъ сиротъ и даетъ имъ необходимыя въ крестьянскомъ быту сельско-хозяйственныя знанія; въ зимнее время дѣти посѣщаютъ школу, находящуюся въ одномъ дворѣ съ пріютомъ; по вечерамъ дѣти занимаются ремеслами; лѣтнія занятія дѣтей ведутся подъ руководствомъ завѣдующаго пріютомъ, получившаго сельско-хозяйственное образованіе; дѣтей назначаютъ на работы сообразно съ ихъ силами и возрастомъ; старшія дѣти ежедневно назначаются дежурными по кухнѣ, для ухода за домашнимъ скотомъ и для уборки двора; эти дежурства больше всего развиваютъ въ дѣтяхъ ловкость, сноровку и аккуратность.

Отецъ Петръ передалъ все это живо, съ увлеченіемъ, не замѣчая, что хозяинъ дома нѣсколько разъ посмотрѣлъ на часы.

— Начинали, знаете, съ малаго,—продолжалъ отецъ Петръ, —въ очень скромныхъ размѣрахъ, а нынѣ, благодаря субсидіи отъ министерства земледѣлія, пріютъ пріобрѣлъ собственную

землю, которую до сихъ поръ арендовалъ, и намѣренъ вести полевое хозяйство по возможности образцово...

Ильчевскій всталъ, протянулъ отцу Петру руку.

— Извините, батюшка, долженъ оставить васъ.

— Сдѣлайте милость, Борисъ Петровичъ, не стѣсняйтесь! Мы вотъ тутъ потолкуемъ съ Варварой Павловной, а къ вамъ ужъ потомъ обратимся за болѣе существенной поддержкой...

— Радъ служить, чѣмъ могу... До свиданія, батюшка, мое почтеніе!

Онъ подошелъ къ женѣ, поднесъ ея руку къ губамъ и проговорилъ:

— До свиданія, милая, я вернусь поздно,—и вышелъ нѣсколько ускоренной походкой.

Голиневича въ комнатѣ не было: онъ въ это время уѣзжалъ за своими вещами въ гостинницу.

Когда онъ вернулся,—отца Петра уже не засталъ.

Братъ и сестра провели вечеръ вдвоемъ.

Разговоръ между ними не клеился. Какъ это часто бываетъ съ людьми, которые долго не видались и хотѣли бы многое сказать другъ другу,—они не знали, съ чего начать.

Нѣсколько разъ собирался Григорій Павловичъ спросить сестру, счастлива ли она, но все не рѣшался: его останавливала какая-то смутная тревога. Они говорили съ долгими паузами, говорили о ненужныхъ пустякахъ; оба понимали, что каждому изъ нихъ хочется заговорить о другомъ, и оба чувствовали себя неловко.

Въ одиннадцать часовъ, ссылаясь на усталость, Голиневичъ пожелалъ сестрѣ спокойной ночи и направился къ выходу; но у самой уже двери онъ не выдержалъ и, круто обернувшись, спросилъ:

— Какъ же вообще тебѣ живется?

— Я... я... ничего!—оторопѣло отвѣтила Варвара Павловна. Густая краска залила ей щеки.

— Счастлива ли ты? Не сожалѣешь ли...

— Нѣтъ, нѣтъ, Гриша, не надо объ этомъ!.. Иди, уже поздно... Потомъ поговоримъ...

Голиневичъ не сталъ больше разспрашивать. Онъ постоялъ съ секунду и медленно вышелъ. Жалость защемила ему сердце.

XVI.

Былъ второй часъ ночи. Вся квартира Ильчевскихъ точно замерла. Въ передней сонный лакей дожидался Бориса Петровича. Въ полуосвѣщенной залѣ одиноко бродила Варвара Павловна. Вопросы брата не выходили у нея изъ головы и вызывали цѣлый рой мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ей живется? Счастлива ли она? Есть ли въ ней прежняя вѣра въ себя, или она должна наконецъ признать себя несостоятельной?

Эти вопросы и раньше вставали передъ ней, но она умѣла какъ-то отмахиваться отъ нихъ; теперь ужъ ей отъ нихъ не отдѣлаться, да и надо же когда-нибудь глянуть въ глаза дѣйствительности, надо подвести итогъ своего двухлѣтняго супружества. Что̀ она сдѣлала въ эти два года? Чего достигла? Ничего! или почти ничего! Она до сихъ поръ жила будущимъ, и только теперь съ мучительнымъ стыдомъ пришла къ сознанію, что, кажется, она взялась не за свое дѣло. Она должна была съ перваго дня замужества смѣло, энергично стремиться къ своей цѣли, бороться со всякими помѣхами, а она не умѣла быть настойчивой; она думала, что достигла главнаго. Ей казалось, что мужъ любитъ ее не только какъ женщину, но и какъ друга, какъ человѣка близкаго, любитъ со всѣми оттѣнками истиннаго чувства. Ея сердце стало откликаться на это чувство, въ ней самой совершился какой-то внутренній переворотъ. Взрывы стыда и негодующей гадливости, которые проявлялись въ ней при первыхъ супружескихъ ласкахъ, становились слабѣе, она стала привыкать къ мужу, стала относиться къ нему довѣрчиво и сдѣлалась уступчива. Да, она не съумѣла отстоять свою свободу и какъ-то незамѣтно для себя самой подчинилась во всемъ. Своего подчиненія она тогда и не стыдилась, потому что и не замѣчала его. Она уже начинала вѣрить, что между ними устанавливаются прочныя дружескія отношенія, какъ вдругъ получила первый толчокъ, заставившій ее внимательнѣе вглядѣться въ Бориса Петровича. Это случилось спустя мѣсяца два послѣ свадьбы, при переѣздѣ изъ Сосновки въ Хрѣновскъ. Она не хотѣла разставаться на зиму со своими цвѣточками и хотѣла перевезти ихъ. Правда, ея маленькіе жасмины и розы въ большихъ комнатахъ, среди роскошныхъ пальмъ и другихъ дорогихъ растеній, казались такими жалкими, приниженными; но когда мужъ посмотрѣлъ на нихъ съ пренебрежительной гримасой, она почувствовала обиду. Какъ не могъ онъ понять, что

она не въ силахъ бросить дорогіе ей цвѣтки, что она сама ходила за ними и привязалась къ нимъ, какъ къ живымъ существамъ! Все это она высказала ему, но Борисъ Петровичъ громко расхохотался. Потомъ онъ хотѣлъ смягчить свою грубую выходку какими-то цвѣтистыми фразами, да было уже поздно: ясно, что ему незнакомо чувство деликатности. Съ этого-то времени она и стала наталкиваться на разныя охлаждающія открытія. При утонченной вѣжливости и свѣтскомъ лоскѣ, Борисъ Петровичъ поражалъ своей крайней неразвитостью по вопросамъ задушевной жизни, невѣжествомъ въ литературѣ, равнодушіемъ къ книгѣ, къ научнымъ открытіямъ, къ общественнымъ вопросамъ. У него ничего не было своего, онъ пробавлялся только газетой, повторялъ газетныя новости и анекдоты; у него часто вырывались грубыя, циничныя шутки— вслѣдъ за самыми нѣжными изліяніями. Все это отталкивало ее отъ мужа, мѣшало ихъ нравственному сближенію, наконецъ приводило ее въ уныніе, и въ душу ея заползали прежнія дѣвическія сомнѣнія. Она гнала ихъ отъ себя, старалась увѣрить себя, что все лучшее—впереди, что она выполнитъ свою задачу. Да и некогда ей было подолгу вдумываться: съ самаго переѣзда изъ Сосновки Борисъ Петровичъ весь отдался шумной городской жизни и устроилъ такъ, что у нихъ ежедневно толклись гости.

Самъ онъ бывалъ дома только во время обѣда, но и то почти всегда при постороннихъ. Такая жизнь продолжается и до сихъ поръ.

Съ каждымъ днемъ она все больше теряетъ вѣру въ себя. Мужъ ея—человѣкъ свѣтскій, ищущій только радостей и веселья; ему нужна подруга во всемъ блескѣ и обаяніи красоты, здоровья, а она хирѣетъ, не можетъ скрывать своего унынія. Съ самаго начала беременности, ея здоровье какъ-то быстро пошатнулось. И вотъ, теперь, ей кажется, что бракъ ея—не больше какъ роковая ошибка...

Часы громко пробили два.

Варвара Павловна оторвалась отъ своихъ думъ и вдругъ почувствовала страшную усталость. Она приложила ладонь ко лбу, соображая какъ бы спросонья, гдѣ она и что̀ надо дѣлать.

Кое-какъ добралась она до спальни и, вся разбитая, не раздѣваясь, прилегла на кровать.

Ей вспомнилась недавняя жизнь въ маленькомъ домикѣ Марьи Антоновны. Правда, она и тамъ часто мучилась сознаніемъ своего безсилія, но тогда по крайней мѣрѣ она засыпала, подъ

своимъ байковымъ стареньким одѣяломъ, съ чистой совѣстью, съ успокаивающей мыслью, что и сама она живетъ въ бѣдности... Теперь, окруженная роскошью, она жалка самой себѣ. Чтò у нея общаго съ людьми, которыхъ она видитъ у себя каждый день? Имъ она просто смѣшна—съ ея старомодными стремленіями, съ отсталостью. Всѣ люди ея круга только и твердятъ, что нужно жить и жить, нужно спѣшить взять отъ жизни какъ можно больше счастья. Но пусть ея цѣли смѣшны, пусть онѣ отзываются прописью—она все-таки не измѣнитъ имъ, пока жива!.. Состраданіе къ обиженной судьбой темной массѣ никогда не можетъ быть опошлено, избито. Никогда не отречется она отъ этого луча правды, единственнаго просвѣта въ ея безрадостной жизни съ самаго ранняго дѣтства!.. И однакоже она живетъ и живетъ среди тунеядцевъ. Она все приглядывается къ нимъ, надѣется встрѣтить въ комъ-нибудь сочувствіе, поддержку!.. Только теперь, только сегодня ей стало ясно, что ни въ комъ ничего нѣтъ, за чтò можно было бы схватиться. Она очутилась въ пустомъ пространствѣ и по прежнему одинока... А здоровье все уходитъ, съ каждымъ днемъ увеличивается слабость, и все чаще охватываетъ леденящій ужасъ при мысли о предстоящихъ родовыхъ мукахъ!..

Тихія слезы текли по щекамъ Варвары Павловны, скатывались на подушку и высыхали.

Она ихъ не вытирала, продолжая лежать неподвижно въ полузабытьѣ, полная жалости къ самой себѣ. За чтò она отдала свою молодость, здоровье, всѣ свои силы? Она добилась только того, что незамѣтно для самой себя унизилась до полнаго рабства. Ея жизнь—безпрерывная цѣпь лжи...

Ей постоянно приходится лицемѣрить, говорить не то, чтò въ мысляхъ, дѣлать то, чего не хочется, чтò кажется лишнимъ, совсѣмъ ненужнымъ, съ любезнымъ вниманіемъ слушать всякій вздоръ... Побѣждать въ себѣ антипатіи, жать руку людямъ, которыхъ въ душѣ презираешь—все это такъ мучительно, что она готова была бы бѣжать отъ всего этого, куда глаза глядятъ!.. Еще годъ, два такой жизни, и вся эта пошлость заполонитъ и ее... Она и теперь уже становится терпимѣе, и то, чтò прежде возмущало ее до глубины души, теперь только слегка задѣваетъ ее. Отъ такой терпимости недалеко и до полнаго опошленія. И безъ того уже внутри у нея все какъ будто принизилось и загрязнилось, на душѣ накопилось много всякаго житейскаго сору...

Отъ легкаго стука въ дверь Варвара Павловна подняла го-

лову. Тутъ только она вспомнила, что лежитъ одѣтая, и сообразила, что должно быть очень поздно.

— Ты не спишь? — раздался вопросъ Ильчевскаго изъ-за пріотворенной двери.

Она съ трудомъ поднялась, быстро смахнула платкомъ слезы. Ильчевскій вошелъ осторожно, взялъ ее за руку, поцѣловалъ въ лобъ и сѣлъ въ стоявшее у кровати кресло.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ онъ.

Она хотѣла сказать, что ей нехорошо, нездоровится, но слова не вышли изъ горла: его вопросъ—не болѣе какъ условная вѣжливость хорошо воспитаннаго человѣка, и въ сущности ему нѣтъ до нея никакого дѣла. Ее тоже не интересовало, какъ онъ провелъ время, гдѣ былъ и проч., но изъ вѣжливости, усвоенной ею за два года совмѣстной жизни, и она задала нѣсколько вопросовъ.

Въ черномъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ, онъ былъ очень моложавъ, и по лицу его пробѣгала улыбка; глаза блестѣли мягко и весело. Онъ былъ весь подъ впечатлѣніемъ удачно проведеннаго вечера, во всемъ существѣ его замѣтно было полное удовлетвореніе.

Отвѣчая на вопросы, онъ разсѣянно скользилъ взглядомъ по блѣдному лицу жены, по всей ея фигуркѣ, одѣтой въ темный фланелевый капотикъ. Передъ его глазами все еще носился яркій, полный жизни и здоровья образъ другой женщины, съ которой онъ только-что разстался.

— Ты утомлена?—снова спросилъ онъ, вглядываясь пристальнѣе въ лицо жены:—тебя утомляетъ городская жизнь, но здѣсь нельзя же запереть дверь знакомымъ; а вотъ постъ наступаетъ,—ты могла бы провести его въ Сосновкѣ.

Варвара Павловна обрадовалась. Она дѣйствительно утомляется, и очень рада отдохнуть въ деревнѣ. Она и сама не разъ думала объ этомъ, но ее удерживало то, что, въ случаѣ нездоровья, тамъ не скоро дождешься доктора и акушерки. Пока она говорила, Борисъ Петровичъ думалъ, глядя на нее, что она сильно подурнѣла, и находилъ, что вообще хрупкія женщины очень быстро хирѣютъ. Не дальше какъ два года назадъ онъ съ ума сходилъ по Варѣ, а теперь она, какъ женщина, почти не существуетъ для него. Нѣжная жалость вдругъ ворвалась къ нему въ сердце, но въ то же время въ головѣ его мелькало, что помочь ей, облегчить ея страданія онъ не въ силахъ, а отказываться отъ житейскихъ радостей для совмѣстнаго нытья—было

бы глупо. Лучше всего сдѣлать такъ, чтобъ они не мѣшали другъ другу.

Онъ повторилъ, что ей необходимо пожить въ деревнѣ, и сталъ увѣрять, нѣжнымъ, ласковымъ тономъ, что будетъ навѣщать ее очень часто, а если она хочетъ, то можно пригласить врача навѣщать ее каждую недѣлю.

— Да этого пожалуй и не нужно,—возразила Варвара Павловна:—вѣдь со мной, конечно, поѣдетъ Гриша, и въ случаѣ чего можетъ привезти врача.

— Ну, вотъ и прекрасно,—сказалъ Борисъ Петровичъ, вставая:—а ты ложись, не засиживайся,—прибавилъ онъ, уходя.

Варвара Павловна сидѣла еще нѣсколько минутъ, облокотясь на подушку, потомъ, наскоро раздѣвшись, легла съ отрадной мыслью, что скоро уѣдетъ въ деревню. Тамъ опять все прежнее, все дорогое! Ребятишки прибѣгутъ съ подснѣжниками, съ пучками раннихъ полевыхъ цвѣтовъ. Она стала забываться, и въ полудремотѣ передъ ней мелькали знакомыя картины деревенскаго лѣта. Ей чудилось, будто она слышитъ шелестъ листьевъ, стрекотанье птицъ и еще какіе-то смутные лѣсные звуки; чудилось, будто видитъ зеленыя волны полей, сверкающую изгибами рѣчку, безоблачное голубое небо. У нея захватываетъ духъ отъ прилива радости, ей хочется крикнуть:

— Какъ чуденъ Божій міръ! какъ хотѣлось бы сдѣлать что нибудь хорошее, дать кому-нибудь много-много счастья!—Но она подавляетъ въ себѣ этотъ крикъ; ей становится стыдно собственной экзальтаціи, и потомъ она боится, что это можетъ показаться смѣшнымъ.

XVII.

У Ильчевскихъ собирались по вторникамъ. Въ кабинетѣ и въ залѣ всегда играли въ карты; въ большой гостиной хозяинъ занималъ дамъ. Хозяйка была плоха по этой части: летучіе разговоры, въ которыхъ слегка касаются всего, ничего не разбирая толкомъ, не давали ея мыслямъ удовлетворенія и вызывали въ ней чувство какой-то безпомощности. Раньше Варвара Павловна смотрѣла на эту игру въ разговоры съ досадливымъ недоумѣніемъ, пыталась возражать, спорить, но когда убѣдилась, что все это продѣлывается съ единственной цѣлью убить какъ-нибудь время—никогда не вставляла ни слова. Ильчевскій обыкновенно незамѣтно, но ловко управлялъ разговоромъ.

Говорили о театрѣ, о свѣжей сплетнѣ, циркулирующей въ

обществѣ, о народномъ образованіи, о политикѣ, о новомъ романѣ и о послѣднемъ научномъ открытіи. Этимъ винегретомъ Ильчевскій бывалъ доволенъ и старался, чтобы разговоръ не застаивался на одной темѣ. Вторникъ, на которомъ въ первый разъ присутствовалъ Голиневичъ, былъ особенно оживленъ. По случаю начинавшейся масляницы проводили время очень шумно. Обѣды, завтраки, катанья, танцовальные вечера, пикники, ужины — смѣнялись одни другими.

У Ильчевскихъ гостей собралось больше обыкновеннаго. До ужина вечеръ шелъ по обычной программѣ, но потомъ кто-то заигралъ на роялѣ вальсъ, и нѣсколько паръ понеслись по паркету. Спустя недолго, въ залѣ все закружилось и завертѣлось въ какомъ-то бѣшеномъ вихрѣ. Шелестъ платьевъ, восклицанія, хохотъ, блестящіе глаза и пылающія щеки усиливали нервное возбужденіе танцующихъ.

Дамы съ трудомъ переводили духъ; кавалеры быстро подбѣгали къ дамамъ, жадно подхватывали ихъ за талію, съ азартомъ вертѣли ими въ разныя стороны и почти на лету перебрасывали ихъ одинъ другому.

Варвара Павловна не могла танцовать и, глядя издали на танцующихъ, съ удивленіемъ замѣчала, что въ этомъ всеобщемъ возбужденіи не видно было безпечнаго, откровеннаго и молодого веселья. Картина имѣла характеръ чего-то вакхическаго, чего-то почти неприличнаго.

Голиневичъ весь вечеръ вслушивался въ то, что̀ говорилось вокругъ, но не подмѣтилъ ни одной свѣтлой или дѣльной мысли, ничего новаго, оригинальнаго во всей этой безсвязной болтовнѣ. Въ возгласахъ и восклицаніяхъ не слышно было ни смѣлаго задора, ни увлеченія—и хоть бы капля живой струи между всѣмъ этимъ пустымъ вздоромъ! Но когда послѣ ужина начались танцы, всѣ лица преобразились до неузнаваемости.

Григорій Павловичъ съ особымъ вниманіемъ всматривался въ Софью Львовну Никулину.

Сестра говорила ему, что эта барыня ей нравится больше другихъ, что она тактична, никогда не говоритъ глупостей, не занимается пересудами. Онъ уже видѣлъ ее днемъ и подмѣтилъ на ея лицѣ почти неуловимые признаки кольдъ-крема и пудры, а также и то, что ея красивыя полныя губы были слегка подцвѣчены карминомъ. Вечеромъ она казалась бодрою и свѣжею, какъ бы послѣ только-что принятой ванны. Но и теперь она не понравилась Голиневичу. Она сидѣла поодаль отъ всѣхъ, блистая бѣлизной лица и яркостью очень нарядного и моднаго туалета.

Въ ея взглядѣ свѣтилось спокойное сознаніе собственной вызывающей красоты. Высоко поднятая голова ея съ пышными свѣтлыми волосами была слегка откинута назадъ; отъ ея полныхъ плечъ и рукъ, отъ покроя платья, крѣпко облегавшаго талію и ясно обрисовывшаго всѣ очертанія стана, вѣяло чѣмъ-то смѣлымъ, почти дерзкимъ, чѣмъ-то такимъ, что̀ должно было дѣйствовать на чувственность мужчины. „Самодовольная, породистая корова“, — рѣшилъ про себя Голиневичъ. Но во время танцевъ онъ на минуту залюбовался ею. Щеки Софьи Львовны пылали, грудь вздымалась, глаза искрились. Эти глаза и смѣялись, и загорались страстью, а губы улыбались улыбкой, полной нѣги и влюбленнаго восторга. Казалось, каждая черта этого молодого лица трепетала отъ внутренняго огня, когда она кружилась съ Ильчевскимъ. Голиневичъ невольно перевелъ взглядъ на сестру. Отъ болѣзненно блѣднаго личика Вари, отъ всей ея худощавой фигурки вѣяло чѣмъ-то такимъ чистымъ, умиротворяющимъ, что Григорій Павловичъ мысленно воскликнулъ: — Голубка моя, милая, дорогая!

Ея прелестное лицо съ большими, глубокими и задумчивыми глазами напоминало картину, изображавшую грезу, мечту, чистую евангельскую любовь. Когда онъ снова посмотрѣлъ на Софью Львовну, она вся показалась ему слишкомъ грубою. Было что-то вульгарное во всей ея мощной, грѣшной плоти.

Ильчевскій вальсировалъ только съ Никулиной. Онъ бросалъ на нее слишкомъ выразительные взгляды, подсаживался къ ней такъ близко, что ея платье прикрывало его колѣни, вообще очень откровенно ухаживалъ за нею. Лицо ея говорило ясно, что и она къ нему неравнодушна. Замѣтивъ все это, Голиневичъ встревожился. Недоставало только этого! Онъ помнилъ, съ какимъ презрѣніемъ Варя говорила до замужества о любви и ревности, но мало ли что̀ говорится! Слова—одно, жизнь—другое. Оставаясь зрителемъ какого-нибудь явленія жизни, можно судить и такъ, и этакъ; а когда подобное явленіе задѣнетъ тебя самого, притиснетъ тебя, что называется, къ стѣнѣ, тогда заговоришь совсѣмъ другимъ языкомъ. Вѣроятно, Варя привязалась къ мужу, и муки ревности могутъ отозваться на ея здоровьѣ.

Григорій Павловичъ далъ себѣ слово стараться всѣми силами не допускать сестру до подозрѣній и догадокъ. Онъ зналъ по себѣ, что разъ что-нибудь подобное закопошится подъ черепомъ— и кончено, и закипитъ мучительная работа. Очевидно, Ильчевскій не намѣренъ щадить и оберегать жену, да онъ и неспособенъ на это. Такого сорта люди бываютъ нѣжны и предупре-

дительны къ женщинѣ, пока добиваются обладанія ею; но разъ грубый аппетитъ удовлетворенъ, женщина становится для нихъ вещью, принадлежностью домашняго обихода, нѣкотораго рода удобствомъ. Ея внутренній міръ интересуетъ ихъ такъ же, какъ прошлогодній снѣгъ.

Пока Голиневичъ все это думалъ, вальсъ кончился—и гости стали прощаться. Вскорѣ гостиная и зала опустѣли.

Было уже около трехъ часовъ, и Варвара Павловна ушла къ себѣ.

Въ кабинетѣ на одномъ столѣ еще доигрывали роберъ. Немного погодя, игра кончилась. Всѣ отправились вслѣдъ за хозяиномъ въ столовую, гдѣ уже все было послѣ ужина прибрано. На столѣ стояло только вино, нѣсколько сортовъ сыру и ящикъ съ сигарами.

Въ числѣ четырехъ запоздавшихъ партнеровъ былъ и присяжный повѣренный Никулинъ, мужъ Софьи Львовны.

Это былъ сутуловатый, тщедушный, съ желчнымъ лицомъ человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ, прикрывавшихъ его мутные глаза. Онъ слылъ въ городѣ за большого умника, хваталъ солидные куши, на судѣ говорилъ блестящія рѣчи. Видъ у него былъ такой, какъ будто онъ носилъ въ себѣ какія-нибудь застарѣлыя печеночныя или ревматическія боли. Ему не было еще и сорока лѣтъ, но онъ казался старше. Оставался онъ недолго, пока продолжался картежный разговоръ. Не отвѣчая на просьбу хозяина остаться, Никулинъ поспѣшно откланялся. Едва за нимъ затворилась дверь, всѣ тотчасъ же принялись надъ нимъ подшучивать. Смѣялись надъ его семейной жизнью, надъ его ревностью, дѣлали какіе-то двусмысленные намеки насчетъ его жены.

Посудачивъ и позлословивъ достаточно насчетъ Никулиныхъ, перешли къ обобщеніямъ. Говорили о женщинахъ, объ утратѣ ими женственности, о томъ, что женщины становятся слишкомъ разсудительны и скучны.

Вино окончательно развязало языки, и разговоръ свели на личныя воспоминанія.

Каждому хотѣлось разсказать про себя что-нибудь скандальное, похвастаться своей находчивостью или опытностью въ любовныхъ дѣлахъ. Ильчевскій былъ особенно въ ударѣ. Онъ говорилъ больше всѣхъ и, описывая свои любовныя похожденія, вдавался въ такія отвратительныя подробности, что Голиневичъ не могъ больше слушать и незамѣтно оставилъ компанію. У себя въ комнатѣ онъ долго шагалъ изъ угла въ уголъ. Тревожныя мысли одолѣвали его. Очевидно, Ильчевскій остался такимъ же

пошлякомъ, какимъ былъ до женитьбы. Тоскливый видъ Вари ясно говоритъ, что она разгадала его или, по крайней мѣрѣ, близка къ этому.

XVIII.

На другой день Софья Львовна заѣхала послѣ обѣда къ Ильчевскимъ пригласить Варвару Павловну кататься на тройкахъ, но та отказалась: ей нездоровилось съ утра.

Посидѣвъ недолго, Никулина встала. Варвара Павловна пошла проводить ее до прихожей. Ильческій, на колѣняхъ застегивая Софьѣ Львовнѣ теплыя ботинки, что-то очень долго копался; она беззастѣнчиво приподняла платье и съ такимъ самодовольнымъ видомъ протянула сперва одну ногу, потомъ другую, какъ будто она была выскочка изъ мѣщанъ, не привыкшая къ подобнымъ услугамъ. Укутавъ Софью Львовну въ платокъ и ротонду, Ильчевскій поспѣшно набросилъ шубу и бѣглымъ шагомъ кинулся вслѣдъ за Никулиной, не сказавъ женѣ ни слова, даже не взглянувъ на нее.

Голиневичъ подумалъ, что человѣкъ въ разгарѣ страсти всегда бываетъ звѣрски жестокъ. Ему мало одной измѣны любящему существу, ему надо еще унизить это существо, насмѣяться надъ нимъ, всячески издѣваться, — словомъ, терзать и мучить его безъ жалости, безъ пощады. Это какой-то злорадный крикъ торжествующей жестокости, и въ этомъ, вѣроятно, есть своего рода наслажденіе или опьяненіе.

Голиневичъ взглянулъ на сестру. Она уже выходила изъ комнаты, и ему не удалось видѣть выраженіе лица. Спустя полчаса, она пришла въ его комнату, и опять онъ не могъ ничего разглядѣть на ея лицѣ: надвигались сумерки, а зажечь лампу она не позволила, ссылаясь на то, что свѣтъ больно рѣжетъ глаза. Григорій Павловичъ пододвинулъ ей кресло, самъ сѣлъ напротивъ и молча ждалъ. Онъ былъ увѣренъ, что Варя страдаетъ отъ ревности. Молчаніе показалось ему долгимъ, и онъ не выдержалъ.

— Ты хочешь что-нибудь сказать?—спросилъ онъ.

— Да. Помнишь, ты въ первый день твоего пріѣзда спрашивалъ, какъ мнѣ живется? Тогда я ничего не сказала тебѣ, но теперь мнѣ хочется высказать все, что наболѣло и накипѣло у меня на душѣ... Тяжело, Гриша, жить, не дѣлясь ни съ кѣмъ жизнью души!..

Она умолкла, но черезъ минуту продолжала дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Я какъ въ пустынѣ въ этомъ огромномъ домѣ съ его ненужною роскошью!.. Вся эта обстановка и пустота нашей жизни надоѣли мнѣ до тошноты. Все это гнететъ и давитъ меня съ самаго утра, какъ только я проснусь... Я очутилась въ роли дѣвочки, которой постоянно дѣлаютъ замѣчанія, читаютъ нотаціи... Мужъ вѣжливъ со мной и какъ бы вскользь дѣлаетъ свои замѣчанія, но онъ умѣетъ ихъ дѣлать такъ, что у меня не хватаетъ духу, или какъ будто я не въ правѣ ему возражать! Я дѣйствую какъ лунатикъ, какъ автоматъ, и въ то же время мнѣ стыдно, что я такъ живу, стыдно за свою унизительную покорность, за неумѣнье дать отпоръ! Мнѣ кажется, что я уже ношу на себѣ отпечатокъ приниженности и зависимости... И неужели же, Гриша, мнѣ еще долго придется подчиняться чужимъ вкусамъ и взглядамъ?—воскликнула она горестно, и въ ея голосѣ послышались слезы. „Не долго, а всегда"!—подумалъ Голиневичъ, а вслухъ проговорилъ:

— Надо имѣть, Варя, терпѣніе; у тебя еще вся жизнь впереди; не надо только унывать!

— Я на все, на все согласна, только не на такую жизнь! Пусть лучше горе, пусть какая-нибудь бѣда случится, надвинется что-нибудь угрожающее; тогда я по крайней мѣрѣ испытаю что-нибудь сильное, что̀ разомъ встряхнетъ меня. Вѣдь если такъ пойдетъ дальше, то и сама я потону въ этой безсмыслицѣ, какъ всѣ эти люди, которыхъ я у себя вижу каждый день! Всѣ они въ свое время вѣроятно къ чему-нибудь стремились, желали другой жизни и опустились незамѣтно для самихъ себя...

— Успокойся, Варя,—сказалъ Григорій Павловичъ, зажигая спичку, чтобъ засвѣтить лампу.

Варвара Павловна снова просила не зажигать огня, и послѣ небольшой паузы воскликнула:

— Все, все лучше, чѣмъ такое жалкое, нелѣпое существованіе!

— Говорила ты объ этомъ съ мужемъ?

— Съ нимъ нельзя говорить: все, что̀ мнѣ дорого, для него не существуетъ; ко всему, что̀ для меня свято, онъ относится шутя или съ ироніей...—Она вздохнула и хрустнула пальцами.

— Теперь, о чемъ бы я ни заговорила, мужъ меня останавливаетъ, увѣряетъ, что мнѣ нельзя волноваться, что я должна заботиться только о себѣ...

— И онъ правъ въ этомъ отношеніи.

— Ахъ, эта беременность!.. Рожать дѣтей и воспитывать ихъ въ такихъ условіяхъ, какъ мы сами живемъ—просто преступно!..

Въ комнатѣ пронесся тихій стонъ. Лунный свѣтъ падалъ на лицо Варвары Павловны. Оно было очень блѣдно, по щекамъ медленно катились и блестѣли двѣ слезинки.

— Ты бы прилегла, отдохнула,—сказалъ Голиневичъ.

Варвара Павловна отрицательно покачала головой.

— О, еслибъ я могла спать! Теперь сонъ для меня былъ бы истиннымъ благомъ!..

Она встала. Григорій Павловичъ зажегъ свѣчу, чтобъ проводить сестру. Въ дверяхъ они столкнулись съ Ильчевскимъ.

— А, вотъ ты гдѣ!—обратился онъ къ Варварѣ Павловнѣ и, пристально взглянувъ на ея лицо, подумалъ:—„Теперь этотъ братецъ какъ разъ кстати... Пусть себѣ выслушиваетъ душевныя изліянія сестрицы! Женщины въ ея положеніи всегда чувствуютъ потребность ныть, а затѣмъ, изливъ всѣ свои печали, она успокоится, и ей будетъ легче“.

Въ столовой они застали только-что пріѣхавшую Марью Антоновну.

За чаемъ разговоръ вертѣлся преимущественно около Зарѣчья и Сосновки.

Между прочимъ Марья Антоновна упомянула, что привезла Варѣ письмо отъ отца Петра.

Когда Варвара Павловна сказала, что на будущей недѣлѣ собирается въ Сосновку, Марья Антоновна пришла въ ужасъ.

— Чтò ты это? Вѣдь теперь въ Калиновкѣ ярмарка и дорога такъ разбита обозами, что я и сама едва доѣхала! Нѣтъ ужъ, надо отложить по крайней мѣрѣ до апрѣля!..

Варвара Павловна возражала, Ильчевскій ее поддерживалъ. Старушка совсѣмъ всполошилась, и когда племянница зачѣмъ-то вышла, она съ негодованіемъ набросилась на зятя:

— А вы, Борисъ Петровичъ, чѣмъ бы отговорить жену, сами еще подбиваете ее! Вѣдь она на седьмомъ мѣсяцѣ, въ самомъ опасномъ періодѣ беременности!..

— Да, да,—согласился Ильчевскій:—вы правы! Простите, я забылъ...

— То-то забыли, а этого забывать нельзя!..

Голиневичъ съ удивленіемъ глядѣлъ на тетку. Всегда кроткая, ласковая, она вдругъ преобразилась, въ ея глазахъ сверкали гнѣвъ и укоръ.

— Да,—заговорилъ послѣ значительной паузы Ильчевскій:—

дѣторожденіе—одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ женской жизни.

Марья Антоновна не обратила вниманія на эту фразу, врядъ ли даже слышала ее, и, наскоро допивъ свой чай, простилась, говоря, что сильно устала и хочетъ отдохнуть съ дороги.

— Вы находите, что материнство—самая печальная сторона женской жизни?—спросилъ Григорій Павловичъ:—это новость!

— Конечно. Если ужъ оно необходимо, то пусть себѣ и будетъ, но только для дурнушекъ. Пусть себѣ онѣ рожаютъ сколько угодно—имъ терять нечего!.. Обидно главнымъ образомъ за хорошенькихъ женщинъ. Вы видите сами, на что стала похожа Варя!.. Потомъ она, конечно, поправится, но все ужъ не то. Не будетъ прежней гибкости стана, нѣжной свѣжести лица... У многихъ женщинъ грубѣетъ даже голосъ...

У Голиневича клокотало въ груди. Онъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія, стараясь подавить подступавшую злость, но наконецъ не выдержалъ.

— Я просилъ бы васъ, Борисъ Петровичъ, относиться къ этому серьезнѣе,—проговорилъ онъ медленно, тихимъ, сдавленнымъ голосомъ.

Ильчевскій слегка закинулъ голову и, прищурившись, нѣсколько секундъ глядѣлъ на собесѣдника молча. Голиневичъ весь поблѣднѣлъ и снова медленно проговорилъ:

— Порядочный человѣкъ обязанъ хоть изъ жалости заботиться о здоровьѣ близкой ему женщины.

— Вы хотите учить меня порядочности?

— Нѣтъ, я только хочу напомнить вамъ, что чувство жалости есть одно изъ самыхъ существенныхъ основъ нравственности.—Голиневичъ произнесъ это почти задыхаясь. Ильчевскій опять молча смѣрилъ его взглядомъ и, не проронивъ ни слова, взялся за газету.

Голиневича бросило въ жаръ. Въ немъ кипѣло бѣшенство. Какъ могъ онъ говорить серьезно съ этимъ наглецомъ!.. Почему онъ не держится съ нимъ его же пренебрежительно-вѣжливаго тона, холоднаго и равнодушнаго, безъ малѣйшаго оттѣнка искренности? Какъ онъ могъ забыть, что этотъ наглецъ неуязвимъ въ своей бронѣ свѣтской дрессировки?..

Голова Григорія Павловича кружилась отъ всѣхъ этихъ горѣвшихъ и жегшихъ его мыслей. Онъ сознавалъ необходимость найти какой-нибудь выходъ изъ своего неловкаго положенія, и ничего не могъ придумать.

XIX.

— Отецъ Петръ пишетъ, — заговорила Варвара Павловна, входя въ столовую, — что въ Сосновкѣ продается домъ церковнаго старосты, какъ разъ пригодный для больницы...

Голиневичъ всталъ и направился къ двери.

— Куда же ты, Гриша? Останься!—сказала Варвара Павловна, бросая на него укоряющій взглядъ. Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Онъ пишетъ еще, — продолжала Варвара Павловна,—что намъ нужно торопиться, такъ какъ крестьянское общество хочетъ пріобрѣсти этотъ домъ для волостного правленія.

Борисъ Петровичъ поморщился. Когда жена подошла къ нему и, положивъ руку на его плечо, сказала:—Я отвѣчу отцу Петру, что мы купимъ, — онъ взялъ ее за талію, бережно усадилъ рядомъ съ собой, и началъ говорить.

Видно было по всему, что онъ намѣревался высказывать уже готовыя, давно обдуманныя мысли.

— Прежде всего, я попрошу тебя не огорчаться,—началъ онъ, взявъ руку жены,—не перебивать меня и выслушать внимательно. Видишь ли, я всегда удивлялся и не могъ понять, зачѣмъ ты портишь себѣ жизнь. Ты молода, красива, живешь въ хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ. Тебѣ бы только радоваться да гордиться тѣмъ, что и сама ты—источникъ радостей и наслажденій, а между тѣмъ ты тратишь время и силы на какую-то безплодную скорбь о мѐньшей братіи. Ну, помогай бѣднякамъ, я ничего противъ этого не имѣю... Напротивъ, твоя доброта трогаетъ и умиляетъ меня, но...

— Но какъ разъ въ мѣру,—отозвалась Варвара Павловна: —какъ разъ настолько, чтобы не помѣшать вамъ вò-время остановить меня!

— Трогаетъ и умиляетъ, — спокойно продолжалъ Ильчевскій:—но должна же ты понять, что нельзя же вѣчно скорбѣть и печалиться о томъ, чему помочь невозможно...

— Невозможно!—горестно воскликнула Варвара Павловна. Она давно уже освободила свою руку изъ руки мужа, и теперь хрустнула пальцами, чтò всегда дѣлала, когда начинала сильно волноваться. Ильчевскій зналъ за ней эту привычку, но не обратилъ вниманія.

— Да, невозможно, — повторилъ онъ: — даже въ Англіи, странѣ всякихъ передовыхъ идей, свободныхъ учрежденій, есть

нищенство, пролетаріатъ... Всѣмъ давно извѣстно, что никакія культурныя начинанія не приводили къ результатамъ, которыхъ отъ нихъ ожидали... Мало того, всѣ эти начинанія приносятъ въ концѣ концовъ вредъ... Благотворительныя общества плодятъ нищенство, воспитательные дома и родовспомогательныя заведенія поощряютъ развратъ...

— Но чтò-жъ изъ этого слѣдуетъ? Чтò надо дѣлать?

— Изъ этого слѣдуетъ, что надо мириться съ этой печальной стороной жизни и, не мудрствуя, жить, какъ живутъ всѣ.

— Живутъ разно,—перебилъ Голиневичъ.—Есть люди, живущіе жизнью сытой свиньи, но есть, слава Богу, и порядочные люди.

— Напримѣръ?

— Хоть бы, напримѣръ, такіе, которые думаютъ, что каждый обязанъ стремиться къ уменьшенію человѣческихъ страданій.

— И прежде всего, конечно, къ уменьшенію собственныхъ страданій. Моя личная жизнь—тоже вѣдь человѣческая жизнь.

— А если вамъ и такъ хорошо?

— Но если я стану распинаться за другихъ, тогда и мнѣ хорошо не будетъ, и другимъ...

— Однако мы уклонились отъ предмета,—замѣтила Варвара Павловна:—такъ кàкъ же насчетъ пріобрѣтенія дома?

— Сейчасъ я говорилъ тебѣ, что не препятствую тебѣ, т.-е. не препятствовалъ до сихъ поръ въ твоихъ затѣяхъ, но теперь вижу, что имъ, кажется, и конца не будетъ. Надо же имѣть голову на плечахъ... Я вѣдь не Крезъ, а на пріютъ и больницу нужны солидныя затраты. Кромѣ того, я не сочувствую...

— Вамъ просто жаль денегъ,—перебила Варвара Павловна, —и сочувствіе тутъ ни при чемъ.

— Нѣтъ, я убѣжденъ, что больница совсѣмъ не нужна. Ты говоришь, что теперь сосновцы отравляютъ и калѣчатъ себя сулемой да купоросомъ; но станетъ ли имъ легче отъ того, что ихъ будетъ отравлять и калѣчить фельдшеръ? Разница вѣдь будетъ только въ названіи медикаментовъ.

— Фельдшеръ дѣйствуетъ по указанію врача, — замѣтилъ Голиневичъ.

— Врача-ремесленника. Талантливый врачъ сюда не пойдетъ, а пойдетъ ремесленникъ, который и за ремесло свое взялся съ голоду, и всѣ пять лѣтъ спалъ и видѣлъ только дипломъ, то-есть вѣрный кусокъ. Добросовѣстныхъ отношеній къ дѣлу и солидныхъ знаній отъ него и требовать нельзя. Онъ весь уйдетъ

въ стремленіе къ наживѣ. Исключенія, конечно, есть и среди нихъ, но я говорю о большинствѣ. Да это и понятно: наголодавшись за пять лѣтъ студенчества, они не могутъ быть равнодушны къ деньгамъ...

— Кому же охота голодать вѣчно!—промолвилъ Голиневичъ.

— Всѣмъ намъ извѣстно, какъ врачи увлекались матеріальными интересами; иные не стыдились публично ратовать и противъ безплатныхъ амбулаторій, и противъ женщинъ-врачей— за то, что тѣ идутъ на меньшіе оклады, и тѣмъ подрываютъ ихъ экономическое положеніе.

— Намъ нѣтъ дѣла до этого, намъ нужны ихъ знанія.

— Какія тамъ знанія!

Варвара Павловна почти не слушала словъ мужа. Она давно уже привыкла къ его разглагольствованію. Теперь она раздумывала о томъ, какимъ образомъ убѣдить его купить домъ, а тамъ ужъ видно будетъ, какъ дѣйствовать дальше. Съ пріютомъ можно подождать, но больница необходима. Сколько ужасовъ насмотрится она и наслушается всякій разъ, когда побываетъ въ Сосновкѣ: тамъ лекарки замучили, тутъ ребенокъ умеръ отъ угару, а тамъ трудно больной вторую недѣлю не своимъ голосомъ кричитъ, смерти у Бога проситъ...

— О знаніяхъ не намъ судить!—сказалъ Голиневичъ.

— Какія знанія! Бродятъ ощупью...

— Неправда! Медицина развивается, дѣлаетъ открытія... Нынѣшній новичокъ знаетъ во сто разъ больше, чѣмъ зналъ опытный врачъ лѣтъ двадцать назадъ. Врачъ никогда не перестаетъ учиться.

— Да, учатся, учатся, — подхватилъ Ильчевскій, — а насморкъ лечить не умѣютъ! Электричествомъ выдумали... Ха-ха!.. Втыкаютъ въ носъ иглы, заставляютъ больного лить слезы, корчиться и корежиться отъ головной и зубной боли, а затѣмъ уже, послѣ десяти часовъ такихъ истязаній, насморкъ слабѣетъ! Не угодно ли?.. Какъ вамъ это нравится?.. Ха-ха!..

— А хирургія, по вашему, не шагаетъ съ изумительной быстротой? Не дѣлаетъ изумительнѣйшихъ открытій?

— Правда, дѣлаетъ. Но за то вѣдь въ жертву каждому ея открытію приносятся сотни и тысячи человѣческихъ жертвъ.

Варвара Павловна поднялась съ мѣста.

— Я все-таки хотѣла бы знать, что̀ мнѣ отвѣтить на письмо отца Петра.

— Милая, вѣдь я уже сказалъ, что не мѣшаю тебѣ помогать бѣднякамъ, хоть и удивляюсь, какъ ты не хочешь понять,

что всякая частная благотворительность приноситъ только вредъ, —это доказано экономистами и моралистами...

— Довольно фразъ и общихъ мѣстъ, Борисъ Петровичъ, слишкомъ довольно!—проговорила Варвара Павловна.—Скажите прямо, что вы не хотите ни пріюта, ни больницы.

— Нѣтъ, Варя, я этого не говорю... Можетъ быть со временемъ... Словомъ, мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ, и вообще я нахожу, что въ твоемъ теперешнемъ положеніи не слѣдуетъ обременять себя большими заботами.

— О, Боже мой, вѣчно одинъ и тотъ же припѣвъ! — воскликнула Варвара Павловна. Глаза ея наполнились слезами, и чтобы скрыть ихъ, она поспѣшно удалилась.

— Опять будетъ волноваться и плакать! — сказалъ Борисъ Петровичъ, обращаясь къ шурину. — Хоть бы вы какъ-нибудь развлекли, успокоили ее... Я не могу, не выношу ея слезъ!..

— А вы думаете, меня ея слезы приводятъ въ восторгъ?— оборвалъ его Голиневичъ.

XX.

Никулинъ уѣхалъ по дѣламъ въ Кіевъ, на цѣлый мѣсяцъ. Софья Львовна, пользуясь свободой, заѣзжала къ Ильчевскимъ чуть не каждый день. Иногда она увозила съ собой Бориса Петровича, и Голиневичъ съ тревогой слѣдилъ за сестрой. Не замѣчая никакихъ проявленій ревности, онъ былъ увѣренъ, что она ничего не видитъ, не подозрѣваетъ, и страшно боялся за будущее.

На второй недѣлѣ поста любители давали спектакль въ пользу семьи недавно умершаго учителя гимназіи. Варвара Павловна не хотѣла ѣхать.

— Почему?—спросилъ Борисъ Петровичъ.

— Какъ-то неловко. Вызовы, аплодисменты, радостное волненіе исполнителей,—все это какъ-то не вяжется съ мыслью о смерти...

— Но вѣдь это принято, это дѣлается сплошь да рядомъ, и притомъ цѣль благая!

— Можно бы просто сдѣлать подписку... Впрочемъ, я никого не осуждаю, только сама не могу веселиться, если предлогомъ для веселья служитъ смерть. Мнѣ все казалось бы, что на меня съ укоромъ смотритъ покойникъ.

— Какая щепетильность!—воскликнулъ насмѣшливо Ильчев-

скій, но тотчасъ же перемѣнилъ тонъ, и совершенно серьезно добавилъ, что въ женщинѣ такая утонченность чувствъ понятна и даже привлекательна.

Голиневичъ, бывшій тутъ же, подивился такой быстрой перемѣнѣ въ тонѣ Ильчевскаго, но когда тотъ съ необычайной нѣжностью простился съ женой, эта перемѣна показалась ему подозрительной. Мысль, что Ильчевскій такъ нагло на каждомъ шагу обманываетъ Варю, не давала Григорію Павловичу покоя и невыносимо терзала его. Чтобы какъ-нибудь разсѣяться и освѣжиться, онъ вышелъ на улицу. Проходя мимо театра, онъ вдругъ почувствовалъ почти неодолимое желаніе посмотрѣть на Ильчевскаго и Софью Львовну. Онъ повернулъ къ театральному подъѣзду. Билетовъ въ послѣднихъ рядахъ не оказалось, а ему не хотѣлось быть замѣченнымъ. Послѣ минутнаго раздумья, онъ рѣшилъ занять мѣсто во второмъ ряду. Окинувъ взглядомъ ложи, Григорій Павловичъ нервно усмѣхнулся. Напрасно онъ безпокоился! Ильчевскій и Никулина были такъ заняты другъ другомъ, что не замѣтили бы, еслибъ онъ сѣлъ съ ними рядомъ.

Ильчевскій постоянно наклонялся къ Софьѣ Львовнѣ, почти касался ея волосъ, а она такъ и сіяла своей дерзкой, безстыдной красотой.

Передъ концомъ спектакля Голиневичъ выбрался на подъѣздъ, закрылъ лицо воротникомъ и шапкой, и сталъ ждать. Спустя недолго, показался Ильчевскій съ Никулиной. Усадивъ свою даму, онъ быстро вскочилъ въ сани.

— Въ „Москву“!—крикнулъ онъ кучеру, обнимая станъ Софьи Львовны.

— Свиданія въ грязныхъ номерахъ гостинницъ, — вотъ до чего дошло!—пробормоталъ Григорій Павловичъ брезгливо.

Подходя къ дому, у самаго фонаря, онъ почти носъ съ носомъ столкнулся съ Никулинымъ.

— А я вотъ только-что вернулся съ курьерскимъ, жены дома нѣтъ... сказали у васъ; оказывается, тоже нѣтъ,—говорилъ онъ впопыхахъ, и, наскоро пожавъ Голиневичу руку, пустился почти бѣгомъ. Перебѣжавъ улицу, онъ вдругъ обернулся и прокричалъ скороговоркой:

— Въ театрѣ были?.. Видѣли жену?

Григорій Павловичъ притворился, будто не слышитъ, торопливо взбѣжалъ на крыльцо и позвонилъ. Никулинъ, однако, успѣлъ нагнать его.

— Вы изъ театра?—повторилъ онъ:—жену не видали тамъ?

— Не замѣтилъ, не замѣтилъ! — съ суровой поспѣшностью

сказалъ Голиневичъ:—я смотрѣлъ на сцену. „Несчастный обманутый ревнивецъ"!—думалъ онъ, взбираясь по лѣстницѣ. Онъ вспомнилъ, какъ надъ Никулинымъ смѣялись, издѣвались надъ его ревностью, говорили, что жена „вьетъ изъ него веревки", разсказывали, какъ онъ неожиданно возвращается изъ своихъ поѣздокъ, чтобы накрыть жену. Вотъ и теперь онъ вернулся неожиданно и мечется какъ угорѣлый, въ то время какъ жена съ любовникомъ въ гостинницѣ. Неужели въ каждой семьѣ скрывается драма? Неужели въ бракѣ кто-нибудь непремѣнно долженъ страдать?

Въ домѣ было темно и тихо.

Григорій Павловичъ ощупью пробрался къ сестриной комнатѣ. Въ щель неплотно притворенной двери виденъ былъ свѣтъ.

Въ потемкахъ Голиневичъ на что-то наткнулся и произвелъ легкій шумъ.

— Кто тамъ?—раздался голосъ Варвары Павловны.

Голиневичъ пріотворилъ дверь и заглянулъ. Молодая женщина лежала нераздѣтая на кушеткѣ. Слабый свѣтъ голубого фонарика падалъ на ея прелестный лобъ, исполненный мысли и благородства; какая-то особенная, неуловимая красота была въ его линіяхъ, въ рисункѣ бровей. На лицѣ ея отражалось спокойствіе, задумчивое и тихое, какъ окружавшая ее тишина. Было что-то умилительное, что-то дѣтски-чистое во всей ея позѣ, когда, поднявшись на локоть, она глядѣла брату на встрѣчу.

— Отчего ты не въ постели? Уже поздно.

— Не стоитъ и ложиться; все равно не усну до разсвѣта.

Григорію Павловичу представилось, что она ждетъ мужа. Она до разсвѣта будетъ прислушиваться къ звонку, можетъ-быть пойдетъ къ нему, къ мерзавцу, который теперь развратничаетъ въ грязномъ номерѣ гостинницы!.. Она подойдетъ къ мужчинѣ, пресыщенному ласками другой женщины!..

Все это вихремъ пронеслось въ мозгу Голиневича. Кровь бросилась ему въ голову; смѣсь злобы, обиды, ненависти всколыхнулась въ его груди и подкатила къ горлу.

— Спокойной ночи!—проговорилъ онъ, не глядя на сестру и пряча лицо отъ свѣта. Въ своей комнатѣ, не зажигая огня, онъ, какъ былъ, не раздѣваясь, бросился въ постель и, уткнувшись въ подушку, заплакалъ мучительными, злыми слезами.

XXI.

Прибѣжавъ домой, Никулинъ узналъ, что Софьи Львовны все еще нѣтъ. Тутъ онъ вспомнилъ, что забылъ спросить у слуги, дома ли самъ Ильчевскій. Если нѣтъ, то значитъ они гдѣ-нибудь вмѣстѣ. Онъ послалъ за извозчикомъ, чтобы снова пуститься на поиски, а самъ забѣжалъ въ дѣтскую. Два мальчика, семи и пяти лѣтъ, крѣпко спали въ своихъ кроваткахъ. Онъ разбудилъ няню. Та вскочила и глядѣла на него испуганными глазами. Она служила всего второй мѣсяцъ, и врядъ ли, какъ думалъ Никулинъ, что-нибудь смыслила во взаимныхъ отношеніяхъ господъ. Онъ былъ увѣренъ, что нянька еще не научилась лгать и подделываться къ щедрой на подарки барынѣ.

Освѣдомившись о здоровьѣ дѣтей, Никулинъ спросилъ, не хворала ли и не скучала ли барыня.

Нянька вдругъ смѣшалась и скоро-скоро заговорила:

— Нѣтъ, слава Богу, не хворали... а только все такія скучныя... Все объ васъ вспоминали, скоро ль, молъ, они пріѣдутъ? И все-то барыня дома, даже жалость смотрѣть. Вотъ только нынче впервóй...

Никулинъ скрипнулъ зубами и кинулся вонъ изъ дѣтской. Очевидно, жена успѣла уже подкупить и эту служанку. Въ маленькой гостиной Софьи Львовны стоялъ запахъ дорогой сигары. Изъ всѣхъ знакомыхъ только Ильчевскій курилъ такія сигары. Невыносимыя муки ревности въ одинъ мигъ охватили весь организмъ Никулина. Какъ могъ онъ вѣрить въ расположенность жены къ Варварѣ Павловнѣ? Развѣ его жена способна привязаться къ подобной женщинѣ?.. Надо быть совершеннѣйшимъ идіотомъ, чтобы вѣрить въ эту дружбу!.. А онъ вѣрилъ, онъ постоянно отмахивался отъ возникавшихъ подозрѣній!.. Онъ подошелъ къ столику, на которомъ стояла хрустальная кружка съ водой, и выпилъ всю воду залпомъ. Это освѣжило его, помогло разобраться въ своихъ мысляхъ. Онъ сообразилъ, что въ такомъ состояніи ему лучше не видаться съ женой до завтра, и снова вышелъ изъ дому. У подъѣзда его ждалъ извозчикъ, но онъ отпустилъ его и пошелъ пѣшкомъ, надѣясь хоть сколько-нибудь успокоиться.

Онъ подумалъ-было, что всѣ эти опасенія—выдумка его ревнивой натуры. А, эта проклятая ревность! Сколько униженій, сколько стыда вытерпѣлъ онъ изъ-за этого мучительнаго чувства! Онъ знаетъ, что въ обществѣ онъ смѣшонъ; надъ нимъ, ко-

нечно, подтруниваютъ, можетъ-быть говорятъ о немъ съ улыбкой презрительнаго сожалѣнія!.. Вѣчный рогоносецъ, не умѣющій накрыть жену!.. Да, онъ ни разу не накрылъ ея; но откуда же эти вѣчно терзающія его подозрѣнія? Вотъ и сейчасъ: какъ онъ ни старается расхолодить себя, а они все сильнѣе сверлятъ и распаляютъ его мозгъ, полосуютъ его сердце. Онъ чувствуетъ, что жена измѣняетъ ему на каждомъ шагу. Она ловка и смѣла до дерзости, а такимъ всегда все сходитъ съ рукъ. Ее выдаютъ только ея лживые глаза... Гдѣ она теперь? Что̀ она говоритъ этому Ильчевскому?..

И передъ глазами Никулина замелькали въ яркомъ освѣщеніи такія картины, что онъ остановился разомъ и схватился за голову.

— О, му́ка-му́ченская!—стономъ вырвалось у него.

Онъ опять стремительно зашагалъ по тротуару, точно какая-то невѣдомая сила его толкала впередъ и впередъ. Съ широко раскрытыми глазами, съ судорожно вздрагивающимъ лицомъ, онъ шелъ, почти бѣжалъ, по временамъ останавливался, что-то бормоталъ и опять бѣжалъ. Онъ былъ близокъ къ сумасшествію, почти утратилъ сознаніе дѣйствительности.

Было уже очень поздно.

Мѣсяцъ скрылся, фонари потускнѣли; улицы безмолвствовали; ночь тихо совершала свой путь надъ спящимъ городомъ.

XXII.

На другой день Никулинъ проснулся позже обыкновеннаго и чувствовалъ себя очень нехорошо. Голова у него горѣла, во рту было сухо, во всемъ тѣлѣ чувствовалась какая-то ноющая, тупая боль. Нѣсколько минутъ онъ не могъ ничего сообразить, но вдругъ вспомнилъ, что ночью, возвратясь домой, слишкомъ много выпилъ вина. Въ одинъ мигъ со всѣми подробностями пронеслась передъ нимъ вся вчерашняя ночь. Она кончилась тѣмъ, что онъ пытался залить виномъ свои терзанія—и не могъ. Онъ пилъ и пилъ, но не пьянѣлъ, не находилъ забвенія.

Никулинъ поднялся съ дивана,—онъ ночевалъ въ кабинетѣ,—и сталъ торопливо одѣваться. Онъ былъ почти одѣтъ, когда въ дверь постучали.

— Отчего же ты за мной не прислалъ вчера?—живо и весело заговорила, входя, Софья Львовна.

Свѣжая и душистая, она была очень эффектна въ своемъ бѣломъ пеньюарѣ, съ распущенными по плечамъ пышными волосами.

Никулинъ нервно прикусилъ губу, силясь овладѣть собой, овладѣть внезапно нахлынувшими на него вчерашними ощущеніями.

— Куда не прислалъ?

— Да развѣ тебѣ не сказали?—воскликнула Софья Львовна съ досадливымъ изумленіемъ:—вѣдь я говорила, на всякій случай, прислугѣ, что изъ театра заѣду къ Ильчевскимъ...

— Послѣ спектакля я самъ былъ у Ильчевскихъ,—подхватилъ Никулинъ.

— На минутку...—безъ малѣйшаго смущенія продолжала Софья Львовна,—а отъ нихъ къ Ивановымъ.

— Къ Ивановымъ?.. Ты вѣдь у нихъ запросто не бываешь!

— У нихъ былъ званый вечеръ.

Онъ глядѣлъ на жену пристально и сурово.

— Ты опять не въ духѣ?—проговорила она, подсаживаясь къ мужу совсѣмъ близко и заглядывая ему въ лицо.—Удивляюсь, какъ тебѣ не надоѣстъ до сихъ поръ скучная и унизительная роль вѣчнаго ревнивца!..

Онъ отвернулся и процѣдилъ сквозь зубы:

— Роль вѣчнаго рогоносца тоже не очень красива.

— А, вотъ что!.. Ты опять бросилъ дѣла и летѣлъ сломя голову!.. Не понимаю, не могу понять...

— Гдѣ тебѣ понять!—злобно прошипѣлъ Никулинъ, и въ его глазахъ засвѣтилась ненависть. Софья Львовна выпрямилась, высоко подняла голову; глаза ея потемнѣли, сверкнули гнѣвнымъ презрѣніемъ и казались чудовищно прекрасными на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ.

Взглядъ Никулина постепенно смягчался и вдругъ загорѣлся страстью. Этотъ взглядъ заставилъ Софью Львовну, съ подавленнымъ отвращеніемъ, отодвинуться слегка отъ мужа. Онъ потянулся къ ней, припалъ головой къ ея колѣнямъ и спряталъ лицо въ мягкихъ складкахъ ея пеньюара. Софья Львовна усмѣхалась жестокою, злою усмѣшкой и, положивъ руку на опущенную голову мужа, вкрадчиво говорила:

— Ахъ, ты мой кипятокъ глупенькій! Какъ тебѣ не стыдно такъ оскорблять меня!..

— Прости, прости!—безсвязно лепеталъ онъ:—сжалься надо мной!.. прости!..

— Ну, мнѣ пора одѣваться,—проговорила Софья Львовна, вставая и слегка отстраняя голову мужа.

Никулинъ поднялъ голову и встрѣтилъ злой, торжествующій взглядъ жены. Глухое бѣшенство снова овладѣло имъ, но онъ его осилилъ и не сказалъ ни слова.

Когда жена наградила его холоднымъ поцѣлуемъ и пошла къ двери, онъ проводилъ ее утомленнымъ, тоскливымъ взглядомъ.

— О, Господи, какая мука!—глухо простоналъ онъ и, порывисто вставъ съ мѣста, рванулъ верхній бортъ жилета такъ сильно, что пуговицы посыпались на полъ.

Въ то же время Софья Львовна мысленно сравнивала мужа съ Ильчевскимъ.

— Какая разница! — восклицала она про себя: — тотъ ловокъ, красивъ и смѣлъ, самоувѣренъ даже въ своей дерзости!.. А этотъ... это—гадина! Тошнотворная гадина, умѣющая только отравлять жизнь!..

Она приложила къ носу ладонь, которую сейчасъ цѣловалъ мужъ, и съ гадливымъ отвращеніемъ отдернула: ей показалось, что отъ руки ея пахнетъ аптекой.

— Гадость какая! — прошептала она, тщательно вытирая платкомъ ладонь:—онъ лечится украдкой отъ какихъ-то тайныхъ болей!

XXIII.

Голиневичъ пилъ свой утренній чай одинъ. Варвара Павловна заспалась позже обыкновеннаго. Ильчевскій въ послѣднее время часто запаздывалъ, но на этотъ разъ было иначе. Онъ явился, когда Григорій Павловичъ кончалъ первый стаканъ.

— А Варя? Она еще не выходила?—спросилъ онъ разсѣянно, очевидно съ мыслью о чемъ-то другомъ.

Его свѣжее лицо, стрѣлками закрученные усы, бѣлыя, выхоленныя руки съ розовыми, тщательно отточенными ногтями, весь его самодовольный видъ, словно ужалилъ Голиневича. Онъ судорожно схватилъ свой стаканъ и залпомъ глотнулъ остатокъ чая. Онъ намѣревался напомнить Ильчевскому еще разъ о необходимости скрывать отъ Вари его связь съ Никулиной и долго молчалъ, запасаясь хладнокровіемъ.

— Вчера ночью я встрѣтилъ Никулина,—началъ наконецъ Григорій Павловичъ.

— Уже?.. Вернулся? Вотъ чудакъ!

— Почему чудакъ?

— По всему. Во-первыхъ, онъ стыдится своего мѣщанскаго происхожденія и, какъ настоящій „парвеню", старается придерживаться каждой буквы свѣтскаго кодекса,—а это безтактно, этимъ онъ только выдаетъ свою неопытность въ этомъ дѣлѣ... Кромѣ того, онъ смѣшонъ и вульгаренъ своей ревностью, кото-

рую онъ не умѣетъ скрывать даже въ обществѣ, которая такъ унижаетъ его.

— А, ревность! Съ этого надо было начать! Но почему, спрашивается, ревность смѣшна и унизительна? Онъ жену любитъ, а гдѣ любовь, тамъ и ревность. Считать это чувство унизительнымъ—просто предразсудокъ. Это чувство такъ же естественно, какъ и всякое другое, съ той, впрочемъ, разницей, что оно во сто кратъ сложнѣе и мучительнѣе. Тутъ все: и обида за свою поруганную любовь, и страхъ потерять любимое существо, и гнѣвъ за обманъ, и горечь незаслуженныхъ страданій, и стыдъ передъ самимъ собой за эти страданія, и, наконецъ, болѣзненный страхъ показаться смѣшнымъ или жалкимъ.

— Что же, Никулинъ, по обыкновенію, рыскалъ по городу, разыскивая жену?—перебилъ Ильчевскій.

Голиневичъ, не отвѣчая на вопросъ, продолжалъ:

— Возмутительно, когда ревность, величайшее изъ всѣхъ нравственныхъ страданій, вызываетъ смѣхъ! Почему человѣкъ не стыдится рыдать надъ трупомъ дорогого покойника? Почему не стыдясь колотится головой объ его гробъ?.. Только пошлякъ или глупецъ можетъ издѣваться надъ муками ревности!..

Голиневичъ чувствовалъ, что теряетъ самообладаніе, и замолчалъ, стараясь овладѣть собой.

— Сколько пылу и краснорѣчія!—насмѣшливо проговорилъ Ильчевскій:—вамъ непремѣнно надо сдѣлаться адвокатомъ и брать на себя защиту всѣхъ подсудимыхъ ревнивцевъ!

Въ то же время пытливо поглядывая на собесѣдника, онъ думалъ: „Что это съ нимъ?... Точно съ цѣпи сорвался“!

— Благодарю за совѣтъ,—сказалъ, послѣ небольшой паузы, Григорій Павловичъ:—очень можетъ быть, что я воспользуюсь имъ и сдѣлаюсь адвокатомъ. Очень можетъ быть также, что буду защищать на судѣ Никулина, когда онъ убьетъ свою жену или ея любовника, но теперь...

— Неужели вы думаете, что онъ дойдетъ до этого?

— Да, вчера ночью видъ у него былъ очень нехорошъ, и еслибъ онъ увидалъ Софью Львовну съ вами въ гостинницѣ...

— А, вы, кажется, слѣдите за мной?..

— Нѣтъ-съ, на такое вниманіе къ вамъ я, признаюсь, не способенъ, а вчера узналъ случайно. Да вы, кажется, и не заботились о сохраненіи своихъ нохожденій въ тайнѣ, если во весь голосъ отдавали приказаніе кучеру на театральномъ подъѣздѣ. Но теперь я хочу говорить не о Никулинѣ и не о себѣ, а главнымъ образомъ—о моей сестрѣ...

— Она васъ уполномочила?

— Она пока ничего не знаетъ, и я просилъ бы васъ вести себя такъ, чтобы она и дальше ничего не подозрѣвала, по крайней мѣрѣ до родовъ. Вѣдь вы знаете, что, по словамъ акушерки, она переживаетъ самый опасный періодъ беременности.

— Да вы о чемъ хлопочете? Увѣряю васъ, что ваши опасенія совершенно напрасны. Варя, съ ея голубиной чистотой и наивностью, ни о чемъ такомъ и не думаетъ, тѣмъ болѣе, что постоянно витаетъ въ своихъ мечтахъ.

— И вамъ не стыдно обманывать? Не стыдно грязнить эту чистоту?

— Въ любовныхъ дѣлахъ обманъ позволителенъ. Въ любви, какъ и на войнѣ, всѣ средства допускаются. Да, наконецъ, придавать серьезное значеніе всему этому по меньшей мѣрѣ наивно... Чтò тутъ особеннаго, что я ищу въ красивой женщинѣ развлеченія для своего сердца? Вѣдь и сердце, подобно другимъ органамъ, требуетъ извѣстнаго упражненія...

Голиневичъ поблѣднѣлъ и какимъ-то хриплымъ, прерывистымъ голосомъ воскликнулъ:

— Какое презрѣніе къ людямъ, какое холодное, резонерское отношеніе къ людскимъ поступкамъ и чувствамъ! Это просто возмутительно!

„Возмущайся, голубчикъ, на здоровье, сколько тебѣ угодно,— думалъ Ильчевскій,—а сестрицѣ все-таки ничего не скажешь! Напротивъ, самъ же будешь служить мнѣ громоотводомъ и помимо воли избавишь меня отъ семейныхъ бурь“... Борисъ Петровичъ снова подумалъ, что „братецъ“ пріѣхалъ очень кстати, и тутъ же рѣшилъ на всѣ его непріятныя выходки смотрѣть сквозь пальцы.

— И охота вамъ, милѣйшій Григорій Павловичъ, вѣчно топорщиться и кипятиться изъ-за пустяковъ!—сказалъ онъ вслухъ спокòйнымъ, почти ласковымъ тономъ.

— А знаете ли, милѣйшій мой Борисъ Петровичъ, чтò я подумалъ, когда впервые узналъ про васъ отъ Карповича? Я подумалъ наугадъ, что въ васъ культурна только внѣшность, а нутро самое плебейское, неотесанное!.. И теперь все больше и больше убѣждаюсь, что не ошибся.

— А я вотъ сейчасъ думалъ, что вамъ почему-то непремѣнно хочется поссориться со мной, и тоже, кажется, не ошибся; но я васъ не понимаю: неужели вы думаете, что наша ссора Варѣ будетъ пріятна?

Голиневичъ опомнился.

— Извините,—пробормоталъ онъ, вставая:—у меня скверный характеръ... я раздражителенъ, — и быстро вышелъ изъ комнаты.

Онъ мысленно обругалъ себя идіотомъ и далъ себѣ слово впередъ избѣгать всякихъ разговоровъ съ Ильчевскимъ. Только такимъ образомъ можно избѣгать ссоръ и непріятностей.

Но не прошло и двухъ дней, какъ Григорій Павловичъ не сдержалъ слова и наговорилъ Ильчевскому колкостей и дерзостей. Онъ дошелъ уже до того, что не могъ безъ раздраженія видѣть зятя и отъ каждой его фразы закипалъ гнѣвомъ. Разглагольствованія Ильчевскаго приводили Голиневича просто въ ярость, и между ними чуть не каждый день происходили отчаянныя пикировки. Только присутствіе Варвары Павловны нѣсколько сдерживало обоихъ.

XXIV.

Дня два спустя, Голиневичъ встрѣтилъ на улицѣ Никулину и пошелъ съ нею рядомъ.

Когда разговоръ какъ-то прервался, Софья Львовна освѣдомилась про Варвару Павловну. Какъ разъ въ это время они подходили къ квартирѣ Никулиныхъ. У Голиневича мелькнула вдругъ мысль поговорить съ Софьей Львовной о всей неприглядности ея поведенія относительно его сестры. Какова бы ни была женщина, она въ такихъ случаяхъ всегда отзывчивѣе мужчины. Онъ попросилъ позволенія зайти къ ней, узнавъ сначала, что самого Никулина нѣтъ дома.

— Вы такъ часто справляетесь о здоровьѣ сестры и съ такимъ участіемъ,—заговорилъ Григорій Павловичъ, входя вмѣстѣ съ Никулиной въ ея гостиную,—какъ будто она и въ самомъ дѣлѣ васъ интересуетъ.

Она густо покраснѣла.

— Конечно, интересуетъ.

— Врядъ-ли...

— Чтò?!.. Вы говорите какимъ-то страннымъ тономъ!

— Оставимъ, Софья Львовна, всякіе тоны да фасоны и поговоримъ прямо, по совѣсти!..

— Я ничего не понимаю... Чтò же вамъ угодно?

— Мнѣ угодно, чтобы вы меня выслушали.

— Хорошо, я слушаю,—сухо проговорила Софья Львовна, откидываясь на спинку кресла и опуская вѣки съ видомъ полнаго равнодушія.

— Бросьте Ильчевскаго, прогоните его!

— А, вотъ вы съ чѣмъ!—еще болѣе сухо сказала она.— Вашей сестрѣ непріятно, что Борисъ Петровичъ ухаживаетъ за мной?

— Она не выноситъ фальши вообще; кромѣ того, она любитъ васъ, и ей тяжело будетъ узнать, что она обманута ея мужемъ и вами.

— Да развѣ я виновата, что она не съумѣла удержать при себѣ мужа? Да и что̀ за преступленіе въ томъ, что я позволяю ухаживать?..

— Когда ухаживаютъ, то не прячутся въ номерахъ гостинницъ!—запальчиво вскричалъ Голиневичъ.

Никулина выпрямила станъ и поблѣднѣла.

— Вы дерзки до нахальства!—воскликнула она, вставая и окидывая его высокомѣрнымъ взглядомъ.

— Не уходите, ради Бога, не уходите! Еще два слова!

Она опустилась въ кресло.

Голиневичъ съ минуту смотрѣлъ на нее сумрачно и не находилъ словъ.

— Что̀ же вы?—она нетерпѣливо топнула ногой.—Чего вы хотите?.. Ваша сестра фантазёрка, отъ такихъ всегда бѣгутъ!..

— Не смѣйте такъ говорить про Варю!—вскипѣлъ Голиневичъ.—Вамъ ее не понять!.. Гдѣ вамъ!..

— Ну, конечно! Однакоже и она все-таки снизошла до такого низменнаго чувства, какъ ревность!..

— Ни до чего она не снизошла и ничего еще не знаетъ, почему я и прошу васъ...

— Въ угоду ей прогнать Ильчевскаго?..

— Если не прогнать, то хоть быть осторожнѣе... Зачѣмъ вамъ аффишировать его отношенія къ вамъ? Ради пустого женскаго тщеславія, вы рискуете уронить себя въ глазахъ вашего общества! Что̀ вы будете дѣлать, если всѣ отъ васъ отвернутся?

— Не безпокойтесь, никто не отвернется!.. Всѣ эти будто бы добродѣтельныя дамы, въ сущности, не больше, какъ мокрыя курицы!.. Всѣ онѣ сами жаждутъ поклонниковъ!..

— Поклонникъ—не любовникъ, и дѣлить...

— Вы дерзкій мальчишка! — перебила Голиневича Софья Львовна. Брови ея сдвинулись, яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ.

Вдругъ полу-презрительная, полу-заносчивая усмѣшка скользнула по ея свѣжимъ губамъ.

— Вы дерзкій мальчишка,—повторила она:—но вы искренни, и сердиться на васъ нельзя... Вамъ можно говорить правду, и я вамъ прямо говорю: я хочу жить, хочу счастья!..

— Счастья, основаннаго на чужомъ страданіи!..

— Пустое! Мертвой моралью, прописями нельзя жить! Вольно же вашей сестрѣ ныть, вмѣсто того...

— Если не Варю, то хоть вашего мужа пожалѣйте!

— Его жалѣть?! Онъ взялъ отъ жизни, что̀ могъ, женился уже истрепанный, съ гнилымъ здоровьемъ, и теперь хотѣлъ бы еще сдѣлать изъ меня сидѣлку!..

— Зачѣмъ же вы шли за него?

— Ахъ, что̀ вы понимаете въ жизни! Вышла потому, что не нашлось никого лучше по положенію, по матеріальнымъ средствамъ.

— Можно было и совсѣмъ не выходить, жить самостоятельной жизнью.

— Жизнью старой дѣвы? Благодарю покорно! Переносить насмѣшки, безпрестанные уколы самолюбію... Нечего сказать, хороша самостоятельность!

— А теперешняя ваша жизнь развѣ лучше? Характеръ вашего мужа таковъ, что отъ него всего можно ожидать... Въ минуту изступленія онъ убьетъ васъ! Я его видѣлъ въ такомъ состояніи.

Краска вдругъ сбѣжала съ лица Никулиной, въ ея глазахъ отразился испугъ, испугъ загнаннаго звѣрка. Но черезъ мигъ она съ какимъ-то дерзкимъ отчаяніемъ крикнула:—А, мнѣ все равно!

Въ этомъ возгласѣ слышалось что-то страдальческое, что-то вымученное. Голиневичъ входилъ къ ней почти съ ненавистью, а теперь глубокая жалость стѣснила ему грудь.

— И за что̀ вы любите Ильчевскаго?—заговорилъ онъ послѣ небольшой паузы:—сердце у него нехорошее, умъ неблагородный, невозвышенный.

— Сама не знаю,—задумчиво сказала Софья Львовна:—у него какая-то сатаническая власть надо мной...

— Власть негодяя!—горячо подхватилъ Голиневичъ.—Негодяй всегда властвуетъ надъ женщиной, потому-что неразборчивъ въ средствахъ. Онъ беретъ женщину хитростью, лестью, дерзостью, нахрапомъ, какъ придется... А потомъ, принизивъ, вьетъ изъ нея веревки, пока не броситъ для новой страсти!.. Вы этого хотите, этого дожидаетесь, Софья Львовна?

Она молчала. Голиневичъ нервно теребилъ свою бородку, глаза его тревожно бѣгали въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

Софья Львовна встала. Голиневичъ взялъ шапку и вопросительно смотрѣлъ ей въ упоръ.

Она отвела затуманенный взоръ отъ его взгляда и съ досадливымъ жестомъ воскликнула:

— Вѣдь я ужъ вамъ сказала... Что̀ же мнѣ дѣлать?..

— Надо, Софья Львовна, что-нибудь надо дѣлать!.. Надо взять себя въ руки, надо побороть свою страсть. У васъ дѣти... Наконецъ, вы живете съ мужемъ, живете на его средства, а дѣлить свою любовь, ради матеріальныхъ выгодъ, между мужемъ и любовникомъ—безчестно! Тутъ одинъ шагъ до проституціи, а проституція—агонія нравственной смерти женщины!..

— Какъ вы смѣете!.. Убирайтесь вонъ!..

— Я уйду, сейчасъ уйду,—заторопился Голиневичъ, направляясь къ выходу:—простите, я не хотѣлъ васъ оскорбить... Прощайте!—У самой двери онъ обернулся и прокричалъ:

— Но помните, помните, Софья Львовна, что этого рода рабство—рабство самое позорное, унизительное!..

— Довольно, уходите!—почти простонала Никулина, затыкая пальцами уши.

Голиневичъ страдалъ отъ негодованія и жалости. „Вотъ женщины!!—думалъ онъ, шагая по тротуару:—вотъ онѣ, женщины! Отдаваться нелюбимому человѣку, человѣку, внушающему отвращеніе, ради того, чтобы не видѣть насмѣшекъ какого-нибудь пошляка или идіота!.. Вотъ онѣ путы вѣковыхъ предразсудковъ!. Тутъ-то вотъ и кроется, тутъ и сидитъ легкій взглядъ на женщину даже лучшихъ людей"!..

XXV.

Дома онъ засталъ мальчиковъ Софьи Львовны. Она говорила ему, еще при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, что послала черезъ дѣтей цвѣтущій гіацинтъ Варварѣ Павловнѣ.

Красивые, здоровые малыши неустанно вертѣлись, дурачились и болтали всякій вздоръ.

При прощаньѣ, когда Варвара Павловна сказала: — Передайте мамѣ поклонъ,—младшій тотчасъ же подхватилъ:

— А у мамы насморкъ вчера былъ, она все сморкалась...

— Неправда, — перебилъ старшій мальчуганъ, таинственно понижая голосъ:—не насморкъ, а мама все плакала.... Видите, мама у насъ красивая, а папа сердитый... и они поссорились...

А Маша вчера прибѣжала и говоритъ нянѣ: „теперь, небось, прищемила хвостъ, баринъ засадилъ дома"!.. Это она про маму... Прищемила хвостъ!.. ха-ха!.. Маша у насъ потѣшная!..

— Что за дикое воспитаніе!—сказалъ Голиневичъ, по уходѣ дѣтей.

— Да,—согласился Ильчевскій.—Софья Львовна далеко не образцовая мать.

Варвара Павловна въ разговоръ не вслушивалась. Она восхищалась гіацинтомъ и теперь унесла его въ большую залу, гдѣ и занялась перемѣщеніемъ цвѣтовъ, созвавъ для этого всю прислугу.

Былъ конецъ марта, то именно время, когда, по собственному выраженію Варвары Павловны, растенія просыпались и начинали жить. Появлялись свѣжіе листья, отростки, завязь бутоновъ, приводившіе ее въ такой восторгъ, что она нерѣдко вслухъ обращалась къ нимъ въ нѣжныхъ, ласкающихъ выраженіяхъ.

Растеній было очень много, и ей пришлось долго возиться съ ними.

— И слава Богу, что Софья Львовна не образцовая мать!—проговорилъ Голиневичъ на слова Ильчевскаго.

— Почему же?

— А потому, что эти такъ называемыя образцовыя матери противны!.. Онѣ эгоистичны до жестокости и ради прихоти своего ребенка готовы отнять у чужого все! Онѣ восхищаются только своими дѣтьми и всегда стараются унизить чужихъ, всегда злорадно подхватываютъ каждый промахъ, каждую неловкость чужого ребенка. Такія матери не только противны, но и преступны, потому что, не задумываясь, развиваютъ въ дѣтяхъ тщеславіе, жажду похвалъ, первенство,—наконецъ, пріучаютъ ихъ къ роскоши!.. Гдѣ же тутъ преступленіе? Заботы воспитанія именно и должны сводиться къ тому, чтобы обезпечить дѣтямъ maximum пріятныхъ ощущеній и допустить только minimum страданій. Надо, чтобы дѣти развивались и росли спокойно, не пускаясь въ какія-то умствованія да исканія, и думали бы только о себѣ... Пусть себѣ дѣти будутъ и добры, но только потому, что доброта имъ нравится, а не въ силу какого-то отвлеченнаго долга.

— Такъ, такъ!—криво усмѣхаясь, подхватилъ Голиневичъ и хотѣлъ продолжать, но въ эту минуту Варвара Павловна позвала обѣдать.

За обѣдомъ Ильчевскій пилъ больше обыкновеннаго и становился болтливъ. Вставъ изъ-за стола, всѣ перешли въ кабинетъ.

Вскорѣ Варвару Павловну зачѣмъ-то вызвали. Минутъ черезъ десять она вернулась, вся раскраснѣвшись, и скоро, сбивчиво заговорила:

— А вдова кондуктора вернулась ни съ чѣмъ! Только время даромъ потеряла!.. Господи, Господи, гдѣ же, наконецъ, правда?

— Да не волнуйся же такъ!—остановилъ ее мужъ:—въ чемъ дѣло?

А дѣло было въ томъ, что два года назадъ кондукторъ товарнаго поѣзда, при сцѣпкѣ вагоновъ, попалъ подъ колеса, его перерѣзало пополамъ и, послѣ нѣсколькихъ часовъ страданій, кондукторъ скончался. Его вдова и шестеро малолѣтнихъ дѣтей остались безъ всякихъ средствъ. На просьбу вдовы о пособіи— какъ будто въ такихъ случаяхъ еще нужно ожидать просьбъ!— послѣ долгихъ проволочекъ вышло распоряженіе о выдачѣ на всю семью пенсіи по одиннадцати рублей въ мѣсяцъ. Кто-то увѣрилъ несчастную, обезумѣвшую отъ горя женщину, что ей выгоднѣе отказаться отъ этой жалкой пенсіи и просить единовременнаго пособія; ей растолковали также, что и эта ничтожная пенсія сократится, когда дѣти выростутъ, по меньшей мѣрѣ на двѣ трети. Вдова отказалась отъ одиннадцати рублей и вновь подала прошеніе. Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ лѣтъ, а на просьбу вдовы никакого отвѣта.

Варвара Павловна поддерживала семью, обращалась за совѣтами къ людямъ свѣдущимъ, но всѣ отвѣчали уклончиво, пожимая плечами. Варвара Павловна отправила на свой счетъ вдову въ городъ, гдѣ было главное управленіе дороги.

И вотъ теперь несчастная вдова вернулась ни съ чѣмъ и оттуда.

— Ходила я, матушка, ходила,—разсказывала вдова:—а все ничего! Кто говоритъ—срокъ пропустила, кто говоритъ—придти черезъ мѣсяцъ, а то опять говорятъ, что просьба не туда подана и не ладно написана!..

На вопросъ Ильчевскаго—„въ чемъ дѣло?"—Варвара Павловна ничего не отвѣтила, только съ печальнымъ укоромъ посмотрѣла на мужа. Сколько разъ говорила она ему объ этомъ дѣлѣ, сколько разъ, отправивши вдову, выражала при немъ надежду, что, можетъ быть, дѣло пойдетъ на ладъ, а онъ, оказывается, и забылъ обо всемъ этомъ! Она и сейчасъ хотѣла просить его принять въ этомъ дѣлѣ участіе, но, взглянувъ на него, безнадежно вздохнула и задумалась. Она соображала, что̀ еще можно сдѣлать. Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Наконецъ Ильчевскій отозвался:

— Сейчасъ я вспомнилъ... но право, Варя, на этомъ дѣлѣ надо поставить крестъ... Ну, помогай семьѣ... Наконецъ, сиротъ можно какъ-нибудь устроить, можно въ комитетъ обратиться.

— Ахъ, не въ этомъ дѣло!—съ досадой воскликнула Варвара Павловна:—тутъ возмутительна несправедливость! Вѣдь получаютъ же инженеры за увѣчья десятки тысячъ!.. А тутъ на семь человѣкъ семьи—одиннадцать рублей!..

Ильчевскій пожалъ плечами и вздохнулъ.

— И подумать только,—продолжала Варвара Павловна:—что отъ полуживого, пополамъ перерѣзаннаго человѣка,—человѣка, истекающаго кровью!—еще успѣли отобрать формальное показаніе, что онъ пострадалъ по собственной оплошности!..

Голиневичъ, молча, понуривъ голову, шагалъ по комнатѣ.

Варвара Павловна встала и тихо направилась къ двери. По ея щекамъ катились крупныя слезы.

— Варя, куда ты?—остановилъ ее мужъ:—ради Бога, не волнуйся напрасно... Посиди съ нами.

— Не могу,—глухо сказала она, не оборачиваясь.

XXVI.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Это тянется дольше, чѣмъ я думалъ,—проговорилъ Ильчевскій,—и наконецъ становится скучнымъ.

— Чтò-съ?

Голиневичъ круто повернулся и уставился на собесѣдника злыми глазами.

— Да вотъ эти стоны и вздохи.

— Вѣдь они не мѣшаютъ вашимъ сердечнымъ упражненіямъ съ госпожей Никулиной!

— Увы, я теперь нахожусь при печальномъ интересѣ!—съ комическимъ вздохомъ произнесъ Ильчевскій:—аргусъ дома и не скоро уѣдетъ!.. При томъ же у нея, говорятъ, насморкъ, а вѣдь это ужасно!—женщинѣ можно все простить, но только не насморкъ...

— Ну, однако, до свиданія! Я плохой цѣнитель подобныхъ остротъ. Лучше пойду спать.

— Полноте, останьтесь побесѣдовать.

Ильчевскій позвонилъ и велѣлъ подать вина.

Усѣвшись поудобнѣе въ креслѣ и раскуривъ сигару, онъ лѣниво произнесъ:

— За стаканомъ вина и хорошей сигарой отчего и не побесѣдовать?

— Отчего же и не побесѣдовать; только о чемъ? Мнѣ уже давно извѣстно, что все ваше міровоззрѣніе заключается въ томъ, что, во-первыхъ и прежде всего, надо заботиться о самомъ себѣ; во-вторыхъ—тоже о себѣ, и въ-третьихъ—опять-таки о себѣ!

— Ха-ха! сказано недурно!—А, знаете, вы отличный собесѣдникъ! Вашъ вызывающій тонъ какъ-то пріятно подзадориваетъ...

— Благодарю за любезность, но не могу отвѣтить тѣмъ же, ибо ваши тягучія разглагольствованія мнѣ совсѣмъ не нравятся.

— У всякаго своя манера говорить. Мнѣ, напримѣръ, не нравится ваша—вѣчно говорить грубости.

— Меня манерамъ некому было учить.

— Э, да о чемъ мы толкуемъ! Давайте лучше пить!

Ильчевскій наполнилъ стаканы.

— Давайте пить, — сказалъ Голиневичъ, присаживаясь къ столу: — только предупреждаю, я во хмелю непокоенъ, и впередъ прошу извинить, если назову васъ подлецомъ.

— Я тоже бываю рѣзокъ въ возбужденномъ состояніи, и, можетъ быть, назову васъ дуракомъ... не понимающимъ своихъ выгодъ...

— Выгодъ?—вскипѣлъ Голиневичъ:—въ какомъ, позвольте узнать, смыслѣ?—допрашивалъ онъ, срываясь съ мѣста и наступая на Ильчевскаго:—въ какомъ-съ?

— Въ такомъ, что вы совсѣмъ заглушили въ себѣ вкусъ къ жизни, вѣчно негодуете, точно какой-то уязвленный... Не понимаете выгоды и удобства жить безъ этого кипѣнья и умѣть пользоваться своими преимуществами... Вы молоды, образованны...

— Довольно и безъ меня на свѣтѣ нахаловъ, помнящихъ только свои права, свои привилегіи и думающихъ, что міръ созданъ для нихъ.

— Не будь у васъ этого мрачнаго взгляда,—было бы лучше и вамъ, и... ну, хоть бы вашей сестрѣ, которую вы такъ любите... и она васъ...

— При чемъ тутъ сестра?

— Вы могли бы убѣдить ее, что она только даромъ потеряетъ время въ безвкусной, скучной жизни и кончитъ все-таки сознаніемъ, что всѣ ея скорби о меньшей братіи—сущій вздоръ.

— Вѣдь вы на дняхъ прочли объ этомъ ей цѣлую лекцію!..

Вы повторяетесь, Борисъ Петровичъ, а это—нехорошій признакъ... Старѣетесь, вотъ что̀.

Ильчевскій чуть-чуть поморщился, но продолжалъ:

— Да, всѣ эти печалованія о меньшей братіи — просто наивны. Нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что если даже мы отдадимъ этой братіи все, что̀ имѣемъ, не оставивъ себѣ ничего, то и тогда получится только одна ничтожная капля на безчисленное множество жа́ждущихъ...

— Вотъ какъ вы все это кудревато изложили! А можно бы и проще, по-мужицки: я, молъ, не солнышко, всѣхъ не обогрѣю.

— А потомъ всѣ эти заботы наши о народѣ, о его развитіи совсѣмъ не нужны, даже вредны. Теперь мужикъ слѣпъ и глухъ, но зато онъ меньше и страдаетъ; у него нѣтъ нашихъ запросовъ, но нѣтъ и тоски отъ неудовлетворенности...

— Ха-ха!.. Такой, напримѣръ, тоски, какъ у васъ!

— Давъ ему зрѣніе и слухъ, мы сдѣлаемъ его несчастнымъ.

— И то: теперь у него этого самаго счастья—хоть отбавляй, а мы вдругъ стараемся его обездолить!—Голиневичъ отпилъ изъ своего стакана; Ильчевскій докончилъ свой и снова налилъ вина.

— Да, теперь мужику лучше, чѣмъ будетъ потомъ, когда онъ проснется и прозритъ... Теперь, по крайней мѣрѣ, ему не мѣшаютъ спокойно спать разные идеалы да идеи...

— А вамъ они мѣшаютъ?

— Мнѣ? Нисколько. Но до этого мужику далеко!

— До чего это?

— До того, пока онъ пережуетъ всѣ эти бредни и выплюнетъ...

— Какъ вы?

— Да, я плюю на все это.

— Вотъ это я понимаю. Ей-ей, вамъ можно поставить пятерку за находчивость! Въ самомъ дѣлѣ: свяжись только съ этими выдумками, сейчасъ тебя и на цугундеръ: докажи, дескать, жизнью, фактами, каковъ ты есть, потому, молъ, что всѣ эти самые идеалы да идеи—призываютъ къ труду, къ жертвамъ, словомъ—пошла писать губернія!

— При томъ же все это ужъ страшно надоѣло, всѣмъ набило оскомину.

— Да, это удобно:—не признаю—и баста! Что̀ съ меня возьмешь, коли я самъ открыто плюю на все!

— Положимъ, не на все... я признаю наслажденія...

— Да неужели? Это безподобно!—воскликнулъ Голиневичъ и разразился такимъ злымъ смѣхомъ, что съ посоловѣвшихъ глазъ

Ильчевскаго вдругъ соскочилъ хмель и въ нихъ сверкнуло раздраженіе, но, въ мигъ совладавъ съ собой, онъ продолжалъ:

— Мы эгоисты по природѣ и прежде всего намъ присуще желать не тяготы въ видѣ какихъ-то условныхъ обязанностей, не подвиговъ самоотреченія, а наслажденій,—ихъ я только и признаю... Да...—Онъ потеръ себѣ лобъ, какъ бы собираясь съ мыслями, потомъ позвонилъ и опять потребовалъ вина. Черезъ минуту, хорошо вымуштрованный слуга безшумно откупоривалъ вино, убиралъ посуду и на его лицѣ не отражалось ни луча мысли; но, выходя изъ комнаты и ловко притворяя дверь ногой, онъ презрительно покосился на господъ и въ головѣ его пронеслось: „Вишь, сколько вылакали, а все мало! Съ мужикомъ нянчатся, облагородить его стараются, а у самихъ только и на умѣ, что карты, развратъ да пьянство... Болтуны проклятые!.. У каждаго женатаго любовница, а сквернословятъ почище всякаго мужика даже трезвые... За картами иной возьметъ въ прикупкѣ вмѣсто туза двойку—сейчасъ и загнетъ такое слово, что и хорошій извозчикъ сказать постѣсняется... А туда же, въ комитетахъ галдятъ о смягченіи нравовъ“!..

Этотъ петербургскій лакей, человѣкъ бывалый, почитывалъ газеты, любилъ вслушиваться въ господскія бесѣды и вообще наблюдать господъ.

Когда онъ вышелъ, Ильчевскій проговорилъ:

— Я потерялъ нить разговора... о чемъ мы...

— О наслажденіи.

— Да, да!.. Не имѣй я средствъ, я добивался бы только того, чтобы обезпечить себѣ полную чашу наслажденія... Оно— единственная цѣль жизни и кромѣ него ничего нѣтъ, къ чему бы стоило стремиться.

— И пожалуй добивались бы, не разбирая средствъ?

— Очень можетъ быть.

— Однако вы откровенны!

— Не считаю нужнымъ притворяться и лгать.

— Хорошее дѣло! Жаль только, что вы не всегда были такъ правдивы. Еслибъ все сказанное сейчасъ было сказано три года назадъ при моей сестрѣ, вы были бы свободны... не связали бы себя бракомъ...

— Ахъ, я совсѣмъ не помню, что̀ я тогда ей говорилъ!.. Да и гдѣ же помнить бредъ влюбленнаго?..

— Зато я хорошо помню!—ѣдко усмѣхнулся Голиневичъ:— тѣмъ болѣе, что на дняхъ случайно нашелъ у себя одно изъ

вашихъ писемъ къ Бакшееву, въ которомъ вы издѣваетесь надъ міровоззрѣніемъ вашей невѣсты.

Сѣрые глаза Голиневича метали искры злобы; онъ выхватилъ изъ бокового кармана слежавшуюся бумажку и, швырнувъ ее на столъ, произнесъ:—Жаль, что уцѣлѣло только это одно, какъ-то случайно, а всѣ остальныя, я помню, рвалъ въ клочки.

Ильчевскій не обратилъ вниманія на письмо.

— Всѣ остальныя?—проговорилъ онъ, очевидно что-то соображая:—но какъ они къ вамъ попали?...

— Мнѣ ихъ отдалъ Бакшеевъ.

— А, Костя! — Ильчевскій вдругъ ожилъ, пріободрился.— Костя Бакшеевъ! Славный малый, не правда ли? Вотъ и онъ такъ же смотритъ на жизнь, и всѣ практическіе люди давно признали, что въ жизни все случайно, все—результатъ счастливыхъ или несчастныхъ случайностей... Говорятъ, напримѣръ, что, получая отъ жизни, отъ общества то и другое, надо и возвращать тѣмъ или другимъ. Но за что я стану возвращать, когда я...

— Ну, ужъ, извините, это даже и не умно: захватывать себѣ все, ничего не оставляя другимъ, умѣютъ и животныя!

— Но, позвольте, за что я стану возвращать, когда я знаю, что самъ я получилъ, благодаря слѣпому случаю? Не вздумай, напримѣръ, мой родитель гарцовать послѣ обильнаго завтрака верхомъ и не упади съ лошади,—онъ, вѣроятно, разорился бы, какъ и вашъ. Прежде чѣмъ раскланяться съ здѣшнимъ міромъ, онъ, конечно, постарался бы спустить все, и я, какъ вы, остался бы при печальномъ интересѣ... Тогда, можетъ быть, и я сталъ бы трактовать о какихъ-то тамъ гражданскихъ доблестяхъ, высшихъ интересахъ да идеалахъ...

Голиневичъ привсталъ, оперся обѣими руками о край стола и не сводилъ съ собесѣдника пристальнаго взгляда; глаза его горѣли гнѣвомъ.

— Обо всѣхъ этихъ пустякахъ,—продолжалъ Ильчевскій,— на которые давнымъ-давно пора махнуть рукой, пора ихъ сдать въ архивъ...

— Неправда! Вы сами знаете, что всѣ эти измышленія— ложь! Ложь, выдуманная людьми для того, чтобъ убаюкивать ими совѣсть, потому что какъ-ни-какъ, а совѣсть у каждаго человѣка по временамъ стучится въ сердце, хоть и не громко...

— Пустое!.. Все на свѣтѣ вздоръ, кромѣ...

— А честь, совѣсть?

— Вздоръ!

— Самоотверженная любовь?

— Вздоръ!

— Человѣческое достоинство?

Голиневичъ задыхался, едва сдерживая злость.

— Все вздоръ, все пустяки,—повторялъ Ильчевскій.—Надо стремиться только къ тому, чтобы пить и пить полной чашей отъ радостей жизни, хватать отъ жизни все, чтò можно, и выжимать изъ нея сокъ до послѣдней капли!..

— Но... но это ужасно! Это—полное нравственное банкротство! — воскликнула Варвара Павловна. Ильчевскій и Голиневичъ не замѣтили, какъ она появилась въ дверяхъ.

Блѣдная, съ широко открытыми глазами, стояла она, прислонясь къ косяку, съ трудомъ держась на ногахъ. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и опустилась, почти упала въ кресло. Ильчевскій бросился-было къ ней,—она отстранила его рѣзкимъ жестомъ.

— Не смѣйте ко мнѣ подходить!—тихимъ, сдавленнымъ стономъ вырвалось у нея. И вдругъ всѣ черты ея лица дрогнули и слезы внезапно брызнули ключомъ. Она быстро выхватила платокъ и закрыла имъ свое искаженное муками лицо.

Ильчевскій съ минуту оторопѣло помялся на мѣстѣ, потомъ безшумно, на цыпочкахъ пробрался въ прихожую, торопливо накинулъ пальто, схватилъ шапку и скрылся за дверью.

Голиневичъ побѣжалъ за водой.

Воды въ столовой не оказалось; пришлось звонить и ожидать. Когда онъ вернулся, со стаканомъ въ рукахъ, Варвара Павловна читала забытое на столѣ письмо. Она слышала, когда братъ говорилъ Ильчевскому про это письмо, видѣла даже, какъ онъ бросилъ его на столъ, и тогда же хотѣла взять и прочитать его. Но все сказанное ея мужемъ послѣ этого до того поразило ее, что она, стоя въ дверяхъ, вся превратилась въ слухъ и про письмо забыла. Теперь бумажка бросилась ей въ глаза. Голиневичъ растерянно смотрѣлъ на сестру. Въ головѣ его промелькнуло-было, что нужно отнять письмо, не позволить читать дальше; но онъ тутъ же сообразилъ, что объ этомъ нечего и думать: Варвара Павловна быстро разбирала хорошо знакомый почеркъ и теперь уже кончала послѣднюю страницу. Дочитавъ до конца, она уронила письмо на столъ, склонила голову на руки и блѣдное лицо ея точно окаменѣло.

Голиневичъ не смѣлъ нарушить молчаніе.

XXVII.

И надо же было уцѣлѣть этому несчастному письму! Голиневичъ вспомнилъ, что, читая письма, рвалъ и бросалъ ихъ на полъ, а надъ этимъ послѣднимъ задумался насчетъ приписки и, должно быть, машинально сунулъ его въ карманъ. Онъ самъ себѣ не могъ объяснить, зачѣмъ спряталъ его теперь, на дняхъ, когда нашелъ его въ своихъ бумагахъ. Еще менѣе было ему понятно, зачѣмъ онъ заговорилъ объ этомъ письмѣ съ Ильчевскимъ. Чего онъ хотѣлъ? Развѣ онъ не имѣлъ случая убѣдиться, что Ильчевскій неуязвимъ? Какъ могъ онъ самъ, своей рукой, нанести сестрѣ такую рану, какъ могъ усугубить ея страданія? Пусть бы она не знала, что и въ самую лучшую пору ея жизни всѣ ея дѣвическія мечты, стремленія, все, что она считала святымъ, неприкосновеннымъ, было уже поругано, осмѣяно! Пускай бы она не знала, что и тогда уже лучшія требованія ея души, весь ея внутренній міръ былъ загрязненъ человѣкомъ, въ которомъ она не съумѣла разгадать циника и пошляка! Пусть бы ей оставалось хоть то слабое утѣшеніе, что когда она отдавала ему себя, онъ былъ чище и лучше!.. Голиневичъ долго сидѣлъ молча, тоскливо поглядывая на сестру и не смѣя заговорить. Наконецъ, онъ сталъ просить ее уйти къ себѣ и лечь въ постель. Она безъ словъ покачала головой и сдѣлала знакъ оставить ее одну, не обращать на нее вниманія.

Когда братъ удалился изъ комнаты, она подошла къ окну.

Было уже около полуночи, но уличное движеніе еще не прекращалось.

Варвара Павловна съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣла на освѣщенную улицу. Единственнымъ исходомъ изъ овладѣвшаго ею отвращенія ко всему на свѣтѣ казалась ей смерть. Сколько нужды, горя и мелочной суеты кипѣло вокругъ!.. Люди неутомимо борются съ житейскими невзгодами, сами не зная—для чего... Для того только, чтобы добиться маленькихъ радостей, которыя потонутъ въ массѣ страданій!.. И какъ жалки казались ей всѣ эти идущіе и ѣдущіе люди теперь, когда она рѣшилась избавить себя отъ этого мелочного, недостойнаго существованія!.. Да, рѣшилась, но почему же она медлитъ? Неужели у нея недостаетъ мужества умереть? О, позорная женская трусость!.. Какой стыдъ и какое несчастіе родиться женщиной!.. Она сжала руки и хрустнула пальцами.

Вдругъ она почувствовала острую боль въ спинѣ. Мысль о беременности точно ужалила ее.

Варвара Павловна выпрямилась, но тотчасъ же со стономъ опустилась въ кресло.

Равнодушіе на ея лицѣ смѣнилось отчаяніемъ. А, вотъ оно—препятствіе! Въ эти послѣдніе часы она забыла, что жизнь ея связана съ другою жизнью. Она не имѣетъ права умереть, она должна жить для того, чтобы произвести на свѣтъ дитя, будущаго человѣка... Можетъ быть, будущаго Ильчевскаго!..

— Я съ ума сойду!—прошептала она, прижимая къ вискамъ холодныя ладони.

Спустя недолго, Голиневичъ заглянулъ къ ней потихоньку черезъ дверь. Она сидѣла неподвижно и смотрѣла въ одну точку, очевидно ничего не замѣчая. Она думала о будущемъ ребенкѣ. Нѣтъ, она не дастъ ему погибнуть; она не допуститъ, чтобъ ея дитя походило на отца! Съ самаго ранняго дѣтства она станетъ слѣдить за нимъ, искоренять въ немъ дурные инстинкты, она научитъ его любить добро... Надо только выбраться поскорѣй отсюда въ Зарѣчье, гдѣ никто не помѣшаетъ ей воспитывать свое дитя такъ, какъ ей подскажетъ ея сердце и разсудокъ. Ильчевскій не станетъ удерживать ребенка... На что̀ онъ ему? Хорошъ отецъ!.. Варвара Павловна вспомнила собственное дѣтство, своего отца, печальную жизнь матери. Ей стало страшно за себя.

Надо бѣжать отсюда какъ можно скорѣе.

Завтра же вонъ изъ этого постылаго дома, отъ этихъ людей, погрязшихъ въ мелочахъ, заглушившихъ въ себѣ все человѣческое! Вонъ, вонъ отсюда, изъ этого живого лѣса бездушныхъ людей! Здѣсь ей предстояла участь ея матери!..

Варвара Павловна вздрогнула всѣмъ тѣломъ и вдругъ почувствовала необычайную усталость. Умъ пересталъ работать, на душѣ стало холодно и пусто. Она откинулась на спинку кресла и опять уставилась, тупымъ взглядомъ, въ одну точку. Такъ просидѣла она еще сколько-то времени.

Она прозябла и судорожно зѣвала, но не имѣла силъ подняться.

Голиневичъ послалъ нарочнаго за Марьей Антоновной въ Зарѣчье, потомъ собрался ѣхать за врачомъ, но передъ уходомъ опять завернулъ къ сестрѣ. Почти слѣдомъ за нимъ въ комнату осторожно вошелъ Ильчевскій.

— Успокойся, Варя, прости!—заговорилъ онъ тихо:—я былъ грубъ, рѣзокъ... Такъ не говорятъ при женщинахъ, но... я тебя не видалъ...

Варвара Павловна опять вздрогнула. Невыносимая мука пронеслась какими-то зигзагами по ея лицу и снова исказила всѣ его черты.

Собравъ всѣ силы, она приподнялась и вдругъ пошатнулась, хватая рукой воздухъ.

Голиневичъ едва успѣлъ поддержать ее. Онъ отвелъ ее въ спальню и уложилъ.

— Уснуть бы, Гриша, уснуть бы на вѣкъ!—шептала она, зѣвая и сжимаясь всѣмъ тѣломъ.

XXVIII.

На разсвѣтѣ Голиневича разбудилъ стукъ въ дверь.

— Гриша!—послышался тихій голосъ Марьи Антоновны.— Голиневичъ вскочилъ, наскоро одѣлся и выбѣжалъ.

— Чтò такое? Чтò случилось?—спросилъ онъ.

— Муки начались. Надо за докторомъ и акушеркой... Несчастіе, преждевременные роды!—шептала Марья Антоновна побѣлѣвшими губами.

Голиневичъ схватился за голову; ноги у него подкашивались. Вдругъ онъ опамятовался, пересилилъ себя и сказалъ:

— Разбудите Бориса Петровича.

— Попробуй ты, я не могла достучаться.

Ильчевскій лежалъ на диванѣ и крѣпко спалъ, слегка похрапывая.

Голиневичъ громко окликнулъ его, затѣмъ два раза толкнулъ въ плечо и, не добудившись, кинулся въ прихожую, а оттуда на улицу.

За акушеркой Голиневичъ послалъ, а къ врачу самъ поѣхалъ. Когда онъ привезъ доктора, акушерка была уже возлѣ больной.

Въ домѣ происходила какая-то таинственная суета. По комнатамъ безшумно и торопливо сновали слуги; акушерка, отозвавъ въ сторону врача, что-то шопотомъ передавала ему; немного погодя, къ нимъ, съ озабоченнымъ лицомъ, подошла Марья Антоновна и увела обоихъ въ комнату больной. Голиневичу стало жутко.

День прошелъ какъ-то странно. Подавали чай и завтракъ, но никто не садился за столъ. Ильчевскій проснулся около полудня и потребовалъ чаю въ кабинетъ. Марья Антоновна часто выходила, на ходу комкала и прижимала къ заплаканнымъ гла-

замъ платокъ, и опять исчезала. Голиневичъ бродилъ изъ комнаты въ комнату, видѣлъ все, что̀ дѣлалось кругомъ, и ничего не понималъ, ни о чемъ не могъ думать. Въ головѣ былъ какой-то хаосъ, изъ котораго ясно выдѣлялось только то, что Варя страдаетъ, что, можетъ быть, она уже отходитъ, можетъ быть умерла.

Онъ то-и-дѣло подходилъ къ двери, прислушивался, что̀ дѣлается въ комнатѣ больной.

Тамъ время отъ времени раздавались глухіе стоны. Проходилъ часъ за часомъ, а Голиневичъ все бродилъ и бродилъ. Къ вечеру онъ едва держался на ногахъ, но не садился, боясь уснуть. Раза два къ нему подходилъ Ильчевскій, что-то шопотомъ спрашивалъ и, не дождавшись отвѣта, снова уходилъ. Въ полночь стоны больной стали громче. Голиневичъ весь похолодѣлъ, почти потерялъ сознаніе. Онъ стоялъ у окна, приложившись къ холодному стеклу лбомъ, когда до его руки дотронулся докторъ и сказалъ:

— Послушайте, не позвать ли мужа? Она очень плоха!

Голиневичъ мигомъ опомнился.

— Она хочетъ его видѣть?

— Нѣтъ, я такъ думаю...

— Ну, такъ не надо!

Докторъ пристально посмотрѣлъ на него своими умными сѣрыми глазами и отправился въ кабинетъ.

Связь Ильчевскаго съ Никулиной ни для кого не была тайной; зналъ о ней и докторъ.

Предполагая, что болѣзнь Варвары Павловны была вызвана сценами ревности, онъ мысленно не одобрялъ свою паціентку, хоть и жалѣлъ ее. Вообще докторъ съ полупрезрительнымъ сожалѣніемъ думалъ о людяхъ, способныхъ видѣть въ любви какую-то поэзію, что-то духовное, какъ бы возвышенное, не понимающихъ, что это—простое влеченіе другъ къ другу половъ, и не умѣющихъ относиться къ этому влеченію легче и проще. „Не могутъ понять, что любовь—такая же простая потребность, какъ одежда или пища, только обставленная множествомъ всевозможныхъ иллюзій“!—подумалъ онъ съ досадой, подходя къ двери кабинета.

Ильчевскій дремалъ въ креслѣ.

Докторъ передалъ ему, что положеніе больной очень серьезно, и предложилъ повидаться съ нею. Ильчевскій испугался, даже слегка поблѣднѣлъ, но не выдалъ себя и повидимому тоскливо проговорилъ:

— Боюсь, что я встревожу ее своимъ страдальческимъ видомъ.

— Дѣло ваше, — сухо сказалъ докторъ: — моя обязанность предупредить.

— Да, я понимаю... Благодарю васъ... Можетъ быть, потомъ, когда я нѣсколько успокоюсь, но теперь боюсь, что не съумѣю скрыть моего отчаянія.

— Дѣло ваше,—еще болѣе сухо повторилъ докторъ и направился къ двери.

— Погодите!.. Еслибъ вы знали, чтò я переживаю теперь... Пропишите мнѣ что-нибудь успокоительное!—тянулъ Ильчевскій жалобно.

— Ничего не надо, пройдетъ и такъ!—насмѣшливо усмѣхнувшись, отвѣтилъ докторъ.

Но Ильчевскій дѣйствительно страдалъ. Его одолѣвали раздражающія, даже вызывающія злость на самого себя мысли. Всегда, всю жизнь, при какой-либо непріятности онъ находилъ поводъ оправдать себя, свалить свою вину или ошибку на другихъ, но теперь, какъ ни старался, не могъ найти себѣ оправданія.

Онъ и только онъ одинъ виноватъ въ своей женитьбѣ. Какъ мальчишка—увлекся до полнаго ослѣпленія, какъ идіотъ—повѣрилъ въ прелести домашняго очага!.. Вотъ онѣ, эти прелести. Не угодно ли?.. А можетъ быть это еще только цвѣточки!.. Ему невыразимо жаль Варю, и онъ сдѣлалъ бы все, чтобы помочь ей, но вѣдь онъ безсиленъ! Идти же къ ней и напрасно разстраивать себя видомъ ея страданій—глупо... у него и такъ совсѣмъ разстроены нервы... Какой ужасный, томительный день! Все въ домѣ перевернулось. Онъ не ѣлъ цѣлый день: не могъ же онъ обѣдать, когда никто не садился за столъ! Кусокъ не пошелъ бы ему въ горло при видѣ „братца“ съ его трагическимъ лицомъ!.. О, Боже мой, когда же это кончится?.. Ильчевскій посмотрѣлъ на часы. Было около полуночи. Онъ почувствовалъ приступы голода, и не зналъ, чтò дѣлать. Онъ не рѣшался потребовать ужинъ въ кабинетъ: тутъ онъ никогда не ужиналъ, и теперь было бы похоже на то, что онъ ѣстъ украдкой. Вдругъ у него мелькнула мысль, что можно поужинать въ ресторанѣ. Онъ всталъ и началъ поспѣшно переодѣваться.

Въ коридорѣ онъ столкнулся съ докторомъ.

— Ну, чтò?—спросилъ Ильчевскій.

— Разрѣшилась мертвымъ,—громко отвѣтилъ врачъ.

XXIX.

Девять дней больная безпрестанно теряла сознаніе и бредила. Марья Антоновна и Григорій Павловичъ почти не отходили отъ нея. Она ни разу не спросила про мужа и только просила перевезти ее въ Зарѣчье какъ можно скорѣе.

— Я не хочу, не могу оставаться въ этомъ домѣ,—повторяла она всякій разъ, какъ только приходила въ себя:—эти стѣны давятъ меня... Тутъ нечѣмъ дышать!... Скорѣй бы, скорѣй въ Зарѣчье!..

Ильчевскій не рѣшился показываться больной на глаза послѣ того, какъ при его появленіи она лишилась чувствъ. Голиневичъ переживалъ тяжелое, мучительное время. Онъ жилъ подъ вѣчнымъ страхомъ, подъ бременемъ тяготѣвшей надъ нимъ грозы. Минутами въ душу его закрадывалась надежда, но потомъ страхъ охватывалъ еще съ большею силой, и онъ весь трепеталъ въ ожиданіи надвигавшейся бѣды. Тоска, безпрестанная тревога и безсонныя ночи довели его самого до какого-то болѣзненнаго состоянія.

По временамъ ему чудилось, будто Варя уже умерла, и онъ впивался въ ея лицо глазами, съ замираніемъ сердца прислушивался къ ея дыханію. Въ такія минуты ему казалось, что какъ только сестра перестанетъ дышать, онъ самъ упадетъ замертво.

Цѣлыми часами не отводилъ онъ глазъ отъ ея прозрачнаго лица, и когда представлялъ себѣ это лицо мертвымъ, его охватывалъ леденящій ужасъ.

Доктора все еще находили новыя средства, и это давало Голиневичу хоть слабую тѣнь надежды. Марья Антоновна ни на чтò уже не надѣялась. Она не спала, не ѣла, но имѣла еще силы удерживаться отъ слезъ въ присутствіи больной, видимо обольщавшей себя надеждой. Въ первые дни болѣзни Варвара Павловна догадывалась, что она близка къ смерти, даже выражала желаніе умереть. Но потомъ мысль о смерти смѣнилась жаждой жизни, явилась надежда, а затѣмъ и увѣренность въ выздоровленіи. Весь десятый день съ самаго утра больная была въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, увѣряла, что ей легче, что она скоро-скоро поправится. На нее страшно было смотрѣть: носъ совершенно заострился, прозрачное лицо приняло синеватый оттѣнокъ, а она все хваталась за жизнь. Невыносимая жалость тѣснила грудь Голиневича, когда она говорила, едва шевеля запекшимися губами.

— О, теперь я знаю, какъ жить!.. Теперь я съумѣю жить просто, не задаваясь никакими несбыточными цѣлями!.. Богъ наказалъ меня за гордость, и теперь я стану жить просто, со смиреніемъ!.. И добро буду дѣлать просто на каждомъ шагу... Кого накормлю, кого одѣну или утѣшу, а главное—буду спасать дѣтей... буду слѣдить и узнавать, гдѣ есть несчастныя, обиженныя судьбой дѣтишки!..

Осенью она собиралась ѣхать съ братомъ въ Петербургъ, а лѣто провести въ Зарѣчьѣ.

Въ полдень больная выразила желаніе видѣть отца Петра; за нимъ тотчасъ же послали. Вскорѣ явился докторъ, пробылъ всего минутъ пять и ничего не прописалъ. Голиневичъ сказалъ ему, что больная слишкомъ много говоритъ.

— Пусть себѣ говоритъ,—отвѣтилъ докторъ:—можетъ скоро умолкнуть навсегда!...

А она, какъ бы пользуясь разрѣшеніемъ, говорила и говорила, чуть слышнымъ голосомъ.

Апрѣльскій день былъ ясный и теплый. Яркіе лучи пробивались сквозь спущенныя сторы, и, глядя на нихъ, больная шептала:

— Ахъ, что тамъ дѣлается за окномъ!.. Солнце, зелень, птицы, бабочки... Такъ бы, кажется, и понеслась туда!.. Теперь ужъ я ни одной минуты не потрачу на тоску и слезы... Зачѣмъ тосковать?.. Въ жизни такъ много хорошаго!..—Къ вечеру она стала тревожиться, что отецъ Петръ долго не пріѣдетъ, а она желала бы исповѣдаться.

— Это ускоритъ мое выздоровленіе,—говорила она.

Марья Антоновна вышла распорядиться, чтобы привезли городского священника съ дарами. Голиневичъ остался при больной.

Она притихла, нѣсколько минутъ молчала, потомъ закрыла глаза и снова зашептала, какъ бы въ бреду:

— Гриша, я вижу звѣзды, миріады звѣздъ, вижу цвѣты... слышу шелестъ листьевъ, музыку... Мнѣ кажется, будто какая-то гармонія возносится отъ земли къ небу... А тамъ, можетъ быть, мама за насъ молится...

Какъ ни тихо вошла Марья Антоновна, но больная услыхала, полуоткрыла глаза и сказала, что ей хочется спать. Потомъ она стала просить брата пойти отдохнуть. Голиневичъ уступилъ, чтобы только не раздражать ее противорѣчіемъ. Онъ не спалъ нѣсколько ночей и теперь не хотѣлъ поддаться сну. Но едва онъ опустился на стулъ, имъ овладѣлъ тяжелый, непреодолимый сонъ. Ровно въ полночь онъ проснулся внезапно,

какъ бы отъ сильнаго толчка, сразу пришелъ въ себя и поспѣшилъ въ комнату больной.

Тамъ, стоя на колѣняхъ, молилась Марья Антоновна; отецъ Петръ тихо читалъ отходную; поодаль въ тѣни стоялъ Ильчевскій, низко-низко опустивъ голову.

— Все кончено, кончено!—молніей пронеслось въ головѣ Голиневича.

Нечеловѣческимъ усиліемъ подавилъ онъ сдавившее горло рыданіе и вышелъ вонъ.

XXX.

На другой день послѣ похоронъ Марья Антоновна и Григорій Павловичъ уѣхали въ Зарѣчье. Въ ожиданіи открытія навигаціи, Голиневичъ прожилъ у тетки двѣ недѣли.

Наканунѣ отъѣзда онъ лежалъ у себя на кровати въ невыносимой тоскѣ.

Въ комнату вошла Марья Антоновна, медленно приблизилась къ нему, обхватила руками его шею и вся затряслась отъ рыданій. Въ этомъ молчаливомъ рыданіи было что-то раздирающее. У Голиневича сердце заныло такъ больно, что онъ едва удержался отъ стона. Марья Антоновна плакала долго. Наконецъ, выплакавшись, она заговорила дрожащимъ голосомъ:

— Тошно мнѣ, Гришенька, тошно!.. Мѣста себѣ не нахожу, не знаю, что̀ съ собой дѣлать!.. И зачѣмъ я тогда уговаривала нашу голубку, зачѣмъ отдала ее недоброму человѣку!..

Марья Антоновна вытерла снова набѣжавшія слезы и передала въ немногихъ словахъ свой недавно созрѣвшій планъ.

Она давно рѣшила, что послѣ смерти отдастъ хуторъ, то-есть всю землю съ усадьбой и лѣсомъ, во владѣніе монастыря, но теперь перерѣшила и хочетъ завѣщать все это ему, Гришѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ, въ память Вари, открылъ въ усадьбѣ пріютъ для сиротъ.

— Пусть ея душенька порадуется хоть на томъ свѣтѣ!— закончила старуха, облегченно вздохнувъ. Голиневичъ посмотрѣлъ на тетку съ завистью. Чего бы онъ онъ не далъ, чтобъ вѣрить, какъ она вѣритъ, но у него нѣтъ и этого утѣшенія!..

Въ Хрѣновскѣ онъ узналъ, что̀ пароходъ отходитъ вечеромъ. Приходилось ждать нѣсколько часовъ. Голиневичъ взялъ билетъ, устроилъ въ каютѣ свой багажъ и отправился на кладбище.

„Какая нелѣпость вся наша жизнь“!—думалъ, онъ стоя у свѣжей могилы сестры.

— Прощай, Варя, прощай, дорогая моя!—громко произнесъ онъ, отходя отъ могилки.

Онъ шелъ по пустынному кладбищу, ярко освѣщенному солнцемъ: птицы, какъ ни въ чемъ не бывало, радостно чирикали, взлетая при его приближеніи; почки березы издавали благоуханіе.

Когда онъ вышелъ въ ворота кладбища, ему показалось, будто онъ оставляетъ за собой часть самого себя, и снова невыносимая тоска стѣснила ему грудь. Онъ хотѣлъ бы плакать, но слезъ не было. По дорогѣ къ пристани онъ вспомнилъ, что надо зайти къ Ильчевскому, взять книги и портфель съ документами, которые онъ забылъ, уѣзжая въ Зарѣчье.

XXXI.

Ильчевскій былъ дома. Голиневичъ входилъ къ нему въ довольно мирномъ настроеніи. Онъ былъ подъ впечатлѣніемъ грустныхъ размышленій на кладбищѣ. Но при первомъ взглядѣ на Ильчевскаго, всѣ мысли разомъ выскочили у него изъ головы, въ груди закипѣла злость. Его вылощенная физіономія, съ тщательно расправленными стрѣлковидными усами, показалась Голиневичу еще болѣе пошлой и отвратительной.

Ильчевскій сидѣлъ у письменнаго стола и что-то писалъ.

— А, вы за письмомъ,—сказалъ Голиневичъ, не здороваясь. —Ужъ не любовная ли переписка? можетъ быть, затѣвается новый романъ?

— Напротивъ, я заканчиваю старый,—сухо проговорилъ Ильчевскій. Онъ видимо былъ не въ духѣ.

— Значитъ, это письмо и есть развязка?

— Да, это отвѣтъ на письмо Софьи Львовны. Она, видите ли, накатала мнѣ цѣлое огромное посланіе на тему о томъ, что я теперь свободенъ, а ей надоѣло обманывать мужа, и проч., и проч. Хорошо еще, что у нея хватило смысла предварительно написать! А что̀ еслибъ она прямо нагрянула, какъ снѣгъ на голову, а? Со всѣмъ своимъ женскимъ скарбомъ да еще, пожалуй, и съ милыми малютками? Это тоже бываетъ, и нерѣдко... „Я твоя, бери меня всю!“—ну, и пришлось бы брать ее всю, со всѣми ея корзинами, баулами да картонками... Не выгнать же!..

— „Дрянь!—мысленно восклицалъ Голиневичъ: — вотъ онъ весь тутъ и больше у него ничего уже нѣтъ за душой“!..

— Бѣдная Софья Львовна!—проговорилъ онъ вслухъ.—Что̀ же вы ей отвѣчаете?

— Я ей пишу, что я разстроенъ, боленъ, что на дняхъ уѣзжаю и потомъ поѣду поправлять здоровье за границу... А главное, я разъясняю ей, что никакими прочными узами связывать себя не намѣренъ... Довольно и одной ошибки въ этомъ смыслѣ... Мой бракъ—огромная ошибка, и я за нее дорого поплатился!.. Одному Богу извѣстно, что̀ я пережилъ за послѣднее время!..

— Бѣдная Софья Львовна!—повторилъ Голиневичъ.

— Да, мнѣ самому жаль ее. Но вѣдь она не дѣвочка и должна была раньше понять, что если сходятся съ женщиной, живущей съ мужемъ, то, конечно, для того, чтобъ избѣжать болѣе прочной связи, отъ которой не легко будетъ отдѣлаться...

— Но что̀ жъ вы будете дѣлать? Не вѣкъ же довольствоваться сердечными упражненіями?—Голиневичъ уставился на собесѣдника злыми глазами.

Ильчевскій ничего не отвѣтилъ. Голиневичъ подождалъ немного, потомъ собралъ свои книги, взялъ портфель и молча простился съ Ильчевскимъ.

У самой двери онъ, однако, не вытерпѣлъ и, круто повернувшись, проговорилъ:

— А будущее-то ваше неказисто! Вѣдь вамъ, если не ошибаюсь, подъ-сорокъ: не сегодня-завтра вы станете отъ хорошей жизни припадать на ноги, а тамъ и не опомнитесь, какъ превратитесь въ безнадежнаго паралитика!.. И будетъ тогда какая-нибудь сидѣлка или экономка щипать да пинать васъ, тыкать вамъ ложкой въ зубы... Ха-ха!.. Тогда мы посмотримъ, на что̀ вамъ пригодится ваше ироническое отношеніе къ жизни, посмотримъ, какъ вы будете трепетать отъ страха смерти!..

Ильчевскій приподнялся. Но онъ мигомъ овладѣлъ собой, снова опустился на мѣсто и медленно произнесъ:

— Нѣтъ-съ, я не доставлю вамъ подобнаго зрѣлища...

Оба стояли неподвижно и въ упоръ глядѣли другъ на друга. Обоихъ душила злоба. Тяжелое молчаніе длилось нѣсколько секундъ.

Наконецъ, Голиневичъ опомнился и вышелъ.

XXXII.

Голиневичъ проснулся и посмотрѣлъ на часы—половина двѣнадцатаго. Его компаньоны по каютѣ спали первымъ крѣпкимъ сномъ. Онъ приподнялся на диванѣ и выглянулъ въ окно. На-

канунѣ весь день моросилъ скучный дождь, и теперь ночь была темная. Въ каютѣ тѣсно и душно; раздается непріятное храпѣніе спящихъ. Голиневичъ одѣлся, вышелъ на верхнюю палубу и сталъ ходить. Ему нужно было двигаться, чтобы хоть сколько-нибудь заглушить грызущую тоску. Мрачныя думы давили его мозгъ.

Онъ одинокъ, онъ никому не нуженъ, онъ какъ бы оторванъ отъ жизни! Кто тутъ виноватъ? Тяжелое, безотрадное дѣтство сгубило и его, и Варю... Еслибъ она и не умерла, то все равно никогда не знала бы счастья... А онъ? Правду сказалъ Ильчевскій, что онъ—какой-то уязвленный. Вѣдь онъ самъ, не живя, отвернулся отъ жизни, отъ людей... Что̀ онъ видѣлъ, что̀ зналъ? Никогда онъ не испыталъ на себѣ ни теплой женской ласки, ни горячаго порыва. Ни разу не испыталъ онъ обаянія душевной красоты любящей женщины!.. Онъ видѣлъ только модныхъ щеголихъ на гуляньяхъ, актрисъ—издали, со сцены, зналъ только продажныхъ женщинъ... Даже наслажденія, хотя бы купленной лаской, онъ не могъ брать безъ страданія! Онъ жалѣлъ несчастныхъ, выбѣгающихъ на людную улицу на ловлю мужчинъ... Онъ страдалъ за женщину, негодовалъ на все человѣчество, создавшее такой возмутительный видъ погони за хлѣбомъ...

Сжавъ плотно тонкія губы и заложивъ за спину руки, Голиневичъ шагалъ и шагалъ, перебирая прошлое. Все его прошлое такъ же уныло и безпросвѣтно, какъ эта темная ночь!

А въ этой темнотѣ почти неотступно носится образъ единственнаго дорогого существа. Вотъ передъ нимъ ея страшно исхудалое лицо... Большіе глаза горятъ сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ, безкровныя губы чуть слышно просятъ жизни... Вотъ она лежитъ на столѣ, озаренная свѣчами въ высокихъ церковныхъ подсвѣчникахъ, вся въ чемъ-то бѣломъ, воздушномъ, усыпанная свѣжими цвѣтами... Голова ея покоится на бѣломъ атласѣ, окаймленномъ розами... Ея лицо, полное ледяного спокойствія, навсегда сомкнуло свои рѣсницы!..

Голиневичъ вдругъ остановился, хватаясь за сердце,—кругомъ было все еще темно.

— Скорѣй бы разсвѣтъ!.. Какъ безконечно тянется время!.. Голиневичъ присѣлъ на скамью и безсильно положилъ голову на сжатыя руки.

Н. Стахевичъ.

ДВѢ ИТАЛІИ

— *Alfredo Niceforo*, L'Italia barbara contemporanea, 1898.

Ломброзо, какъ бы ни казалось парадоксальнымъ его ученіе о преступныхъ типахъ, объ анормальности геніальныхъ, имѣетъ, во всякомъ случаѣ, ту неоспоримую заслугу, что онъ далъ сильный толчокъ къ научнымъ изслѣдованіямъ въ итальянскомъ обществѣ, и вся живая, ищущая правды молодежь становится въ ряды его учениковъ. Вотъ и теперь предъ нами книга, написанная однимъ изъ учениковъ Ломброзо, Альфредомъ Ничефоро: „L'Italia barbara contemporanea" („Современная варварская Италія"); эта книга достойна самаго серьезнаго вниманія. Для итальянскихъ государственныхъ людей она можетъ служить строгимъ предостереженіемъ противъ ихъ политики, которая не только не улучшила положенія южной Италіи почти за 30 лѣтъ объединенія, а наоборотъ, еще болѣе бросила въ варварство. Безпорядки по поводу налоговъ и хлѣбныхъ цѣнъ служатъ, кажется, страшнымъ memento mori для цѣлости націи. Тѣмъ не менѣе, стоящіе у правленія, повидимому, продолжаютъ начавшійся процессъ разложенія и какъ бы всѣми средствами стараются еще ускорить этотъ процессъ.

Ничефоро говоритъ о южной Италіи и объ островахъ Сардиніи и Сициліи, которые вмѣстѣ составляютъ половину Италіи, —и всегда сопоставляетъ ее съ сѣверной. Если послѣдняя цивилизована, то первая находится еще въ варварской стадіи развитія. Но интересно было бы также прослѣдить ходъ прогресса за весь періодъ національнаго существованія и въ сѣверной Италіи. Мы бы получили болѣе полную картину жизни всего

итальянскаго королевства. Слишкомъ много имѣется данныхъ, говорящихъ объ упадкѣ столь расцвѣтшей въ первый періодъ своей національной жизни сѣверной Италіи. Въ послѣднее десятилѣтіе этотъ упадокъ съ каждымъ годомъ идетъ crescendo. Но остановимся на нашей „варварской“ Италіи.

Еще Massimo d'Aseglio, около 50 лѣтъ тому назадъ, писалъ: „Италія сдѣлана: недостаетъ итальянцевъ“. А Ломброзо недавно сказалъ: „Италія одна, но не объединена“ („è una, ma non unificata“). Италія до сихъ поръ представляетъ самую причудливую мозаику, гдѣ разница между отдѣльными провинціями такъ велика, что почти можно считать жителей принадлежащими къ разнымъ расамъ. Особенно рѣзка разница между сѣверной и южной Италіей. Профессоръ Серджи (Sergi) прямо заключаетъ, что антропологически сѣверяне—германскаго происхожденія, а южане—латинскаго. Въ своей книгѣ: „Ari ed Italici“, Серджи открылъ новую расу—„средиземную“. По его мнѣнію, дѣленіе расъ по цвѣту кожи или глазъ—слишкомъ поверхностно. Форма черепа только можетъ служить твердымъ научнымъ признакомъ той или другой расы. Дѣленіе на черную, бѣлую, желтую расы—безсмыслица, потому что члены одной и той же расы могутъ по условіямъ приспособленія принять тотъ или другой цвѣтъ кожи и вообще мѣнять внѣшніе физическіе признаки. Взявъ же за критерій неизмѣняющуюся форму черепа, Серджи пришелъ къ слѣдующей антропологической гипотезѣ. Въ доисторическія времена изъ Африки, приблизительно изъ той мѣстности, куда итальянцы отправились воевать, изъ Эритреи и Абиссиніи, одно племя—съ длиннымъ, элегантнымъ, формы элипсоидной и пятигранной, черепомъ—разсыпалось по бассейну Средиземнаго моря и по всей Италіи. Найденныя свайныя жилища принадлежатъ именно этому племени. Это и есть „средиземная“ раса. Въ началѣ металлической эпохи съ востока появилось другое племя другого типа, съ бронзовымъ оружіемъ, которое распространилось въ Европѣ по всѣмъ направленіямъ. Черепъ этого новаго племени—толстый и короткій, низкій, сфероидальный, приплюснутый, объемистый и тяжелый; лицо широкое, челюсти тяжелыя. Это—„арійская“ раса, къ которой принадлежатъ кельты, славяне, германцы. Въ новокаменную эпоху оно спустилось и въ Италію, поселилось по бассейну По и прогнало средиземныя племена. Позже было другое нашествіе этого племени, которое заняло Альпы, венеціанскую и болонскую провинціи. Потомъ нашествіе пошло дальше на югъ до Тибра. Итакъ, на югѣ остались средиземныя племена, а на сѣверѣ—арійцы, подраздѣленные на прото-

кельтовъ и прото-славянъ, до береговъ Тибра. Въ концѣ VIII столѣтія до Р. Х. произошло новое нашествіе „средиземцевъ“, съ высокой культурой, которые отвоевали у арійцевъ Умбрію. Они названы этрусскими. Тогда старые средиземцы съ новыми соединились и основали Римъ. Теорія Серджи принята Ломброзо, Ранке, фонъ-Гёльдеромъ, Лиссауэромъ, Некке и др.

Итакъ, сѣверяне нынѣшней Италіи, пьемонтцы, ломбарды, венеціане, романьолы, антропологически—братья германцевъ, славянъ и французовъ-кельтовъ. Южане же — братья испанцевъ, южныхъ французовъ, грековъ и большой части южныхъ русскихъ. Какъ физически сѣверные итальянцы отличаются отъ южныхъ, такъ и психологически. Пьемонтецъ сильно напоминаетъ по своему характеру нѣмца. Сициліецъ—грека и испанца. Арійцы имѣютъ сильно развитое чувство соціальной организаціи; у средиземцевъ, наоборотъ, индивидуалистическое чувство сильно развито. Сѣверяне сильны въ массѣ, южане—въ личностяхъ. Всѣ грандіозные факты прошлаго—въ средиземной расѣ, или у такъ называемыхъ латинскихъ народовъ, можно приписать инціативѣ отдѣльныхъ личностей,—геніямъ, создавшимъ имперію, искусство, литературу; въ арійской расѣ, т.-е. въ кельтахъ, славянахъ и германцахъ, индивидуализмъ слабъ, и только послѣ римскаго завоеванія они получили сильный толчокъ къ прогрессу.

Статистика даетъ намъ достаточныя указанія того, насколько глубоко различіе между обѣими Италіями: это—два міра, двѣ цивилизаціи, мѣшающія одна другой.

I.

Есть извѣстныя преступленія, свойственныя примитивнымъ обществамъ, и другія, свойственныя современнымъ и цивилизованнымъ обществамъ. И въ этомъ отношеніи разница между югомъ и сѣверомъ громадная. Разныя формы преступности хорошо объяснены въ книгѣ Сигеле: „Delinquenza settaria“. Одну онъ назвалъ атавической, другую—эволютивной. Первая форма имѣетъ въ своемъ основаніи грубую силу, насиліе; вторая—обманъ. Въ обществѣ съ первобытной или варварской культурой будутъ преобладать убійство, грабежъ, захватъ, причиненіе убытковъ; въ цивилизованномъ обществѣ преобладаетъ мошенничество, обманъ, обольщеніе. Конечно, обѣ формы преступности существуютъ въ одномъ и томъ же цивилизованномъ обществѣ, потому что цивилизація не означаетъ совершенное исчезновеніе

варварства. Весь вопросъ—въ количествѣ и тенденціи той или другой формы преступленія.

Въ годы 1890—94 на 100.000 жителей приходилось преступленій: въ сѣверной Италіи—142.67; въ центральной—279.86, и въ южной вмѣстѣ съ островами—460.49. Эти преступленія атавистическаго характера—убійства, тяжелыя пораненія, грабежи, захваты личности для выкупа. Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что югъ въ сравненіи съ сѣверомъ даетъ въ три раза больше варварскихъ преступленій. Центръ же занимаетъ среднее мѣсто между югомъ и сѣверомъ. Въ трехъ специфическихъ для юга и островов видахъ преступленія символизируются отжившіе остатки варварскаго общественнаго быта: въ бригантствѣ, мафіи и каморрѣ.

„Бригантство"—самая типическая форма дикой преступности. Вооружённое нападеніе совершается въ Сардиніи въ такомъ же родѣ, какъ походъ одного дикаго племени на другой. Это носитъ названіе „bardana" въ Сардиніи. Нападающіе бросаются на цѣлыя стада, пастухи защищаютъ ихъ, и кто больше убилъ людей, тотъ возносится въ герои. Разбойники становятся на трупы убитыхъ товарищей и кричатъ: „Coraggio! sopra su mortu su bibu!" („Смѣлѣй! На мѣстѣ мертваго становится живой!"). Читая Стэнли, Ливингстона и Швейнфурта о жизни дикихъ племенъ Африки, мы имѣемъ ту же картину предъ собою... Бригантство въ цивилизованныхъ странахъ—вещь невозможная.

Въ Италіи, въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ виденъ ростъ культуры, бригантство теперь исчезло, хотя столѣтія тому назадъ существовало. Такъ, Бергамо, въ Ломбардіи, дающій теперь самый незначительный процентъ грабежей, въ XVII столѣтіи былъ наводненъ разбойниками, которые блуждали по лѣсамъ, нападали на деревни и города. Въ то время какъ Джирдженти даетъ 61 на 100.000 жителей, Бергамо—только 3 убійства.

Мафія—преступленіе, такъ же свойственное нецивилизованному обществу, какъ банкротство злостное—современному. Мафія не есть шайка преступниковъ; это—индивидуальный и коллективный духъ возмущенія противъ принципа власти, тенденція разрѣшать всякій вопросъ концомъ ножа и своей силой. Сицилійская мафія состоитъ изъ трехъ элементовъ, которые нынѣ являются остатками старины: изъ феодальнаго духа, изъ арабскаго духа независимости и гордости и изъ средневѣковыхъ рыцарскихъ традицій. Мафія—частная власть, желающая заставить общественную власть дѣлать по-своему, какъ средневѣковой баронъ диктовалъ свои законы императору. Мафіозъ имѣетъ вокругъ себя вѣрныхъ

слугъ, какъ баронъ—своихъ „bravi". Мафіозъ самъ учиняетъ судъ и расправу, и никогда не обратится къ помощи суда и закона, считая это унизительнымъ для себя. Въ настоящее время мафія очень сильна въ Сициліи; сильная личность имѣетъ вокругъ себя вѣрноподданныхъ и съ помощью послѣднихъ заставляетъ другихъ слушаться и исполнять ея волю. Мафіозами бываютъ синдики, депутаты, землевладѣльцы; они требуютъ для своихъ кліентовъ въ коммунальной администраціи всякихъ уступокъ и услугъ, добиваются отъ судебной власти, чтобы ихъ друзей не подвергали суду за преступленія, чтобы тихонько была возвращена конфискованная контрабанда. И все дѣлается по волшебному мановенію мафіоза. Вся общественная жизнь Сициліи зависитъ отъ мафіи.

Въ мафіи, кромѣ духа феодализма, замѣтна черта дикой независимости, привитой сицилійцамъ арабами. Малѣйшее оскорбленіе вызываетъ въ сицилійцѣ жажду кровавой мести. Обычаи, слова, физическій типъ говорятъ о сильной примѣси арабской крови къ этой расѣ. Неаполитанцы—не то, неаполитанцы—трусы, и въ нихъ арабскаго ничего нѣтъ. Въ мафіи еще сохранилось средневѣковое рыцарство. Дуэли на ножахъ безъ секундантовъ очень часты. Раненый никогда не выдастъ того, кто его ранилъ. Смертельно раненый даетъ поцѣлуй своему противнику и совѣтуетъ ему убѣжать, чтобы не попасться властямъ. Картины на простыхъ повозкахъ изображаютъ рыцарей. Надписи гласятъ: „Карлъ Великій и его рыцари", „Роландъ и Ронсеваль", „Дуэль Оливьера", „Благословеніе епископа Турпина", „Родомонтъ во Франціи" и проч. Народъ сицилійскій знаетъ прекрасно имена и похожденія всѣхъ этихъ рыцарей, пѣвцы объ этомъ поютъ, въ театрахъ даются представленія изъ рыцарскихъ похожденій; если кто умѣетъ читать, то непремѣнно купитъ рыцарскій романъ. Этотъ рыцарскій духъ выразился въ мафіи.

Третій видъ атавистическаго преступленія, свойственнаго югу Италіи,—это каморра, родина которой—Неаполь. Для поступленія въ каморру существуетъ цѣлый рядъ церемоній, формулъ, символовъ, ритуаловъ, напоминающихъ собой обычаи примитивныхъ племенъ. Каморра управляется своими собственными законами, сильно смахивающими на неписанные законы „клана" дикарей. Напр., надо „лизать кровь товарища" для вступленія въ общество. Оно имѣетъ свой собственный судъ, свои понятія о чести, которыхъ нельзя переступить безнаказанно. Въ каморрѣ есть цѣлая іерархія, и повышеніе чинамъ совершается послѣ экзамена въ видѣ кровавой дуэли. Вендетта обязательна для всей

группы, которая считается семьей; за обиду одного члена отомщають другіе и не только обидчику, но и всякому члену той группы, къ которой тотъ принадлежитъ. Вендетта вообще распространяется на родню. Каморристы татуируются, какъ дикари, говорятъ на особомъ метафорическомъ жаргонѣ, устраиваютъ эротическіе балы, которые, подобно оргіямъ многихъ примитивныхъ племенъ, носятъ чуть ли не религіозный характеръ.

Отъ дуновенія культуры эти атавистическія формы преступности сглаживаются, теряютъ свои рѣзкости и жестокость и замѣняются болѣе мягкими, но не исчезаютъ. Южная Италія со своими характеристическими видами преступленій,—которыя, по выраженію Сигеле, являются тѣнью общества,—находится въ той стадіи развитія, которая уже пройдена Европой,—въ стадіи варварской культуры.

II.

Грамотность—одинъ изъ главныхъ признаковъ цивилизаціи, и ходъ ея въ данномъ обществѣ говоритъ намъ, прогрессируетъ ли она, или стоитъ на мѣстѣ, или же регрессируетъ. Въ варварскомъ состояніи культура равна нулю; въ средніе вѣка культура ограничивается нѣкоторыми слоями, какъ, напр., духовенствомъ; въ современномъ цивилизованномъ государствѣ культура охватываетъ все бóльшія и бóльшія массы населенія. Въ 1873 г. Левассёръ далъ сравнительную таблицу процента учащихся въ первоначальныхъ школахъ. Въ Саксоніи было 17 учащихся на 100 жителей, въ Вюртембергѣ 15,5, въ Швейцаріи 15,5, въ Пруссіи 15, въ Великобританіи 12, во Франціи 13. Турція же дала 1 процентъ, Венецуэла—0,3, Египетъ—0,3, Россія—0,2. Предъ нами, такимъ образомъ, два типа цивилизаціи: высшій и низшій.

Италія даетъ опять цифры, говорящія о рѣзкой разницѣ между сѣверомъ и югомъ, а центръ является и въ этомъ отношеніи переходной ступенью. Статистика 1875—76 гг. и послѣднихъ лѣтъ показываетъ, что въ то время, какъ Піемонтъ, Ломбардія, Лигурія, венеціанская провинція все болѣе и болѣе дѣлаются грамотными, въ южныхъ провинціяхъ, Калабріи, Пуліи, Базиликатѣ и проч., очень мало прибавляется грамотныхъ, —почти въ одинаковой степени все время.

Въ 1881 году безграмотныхъ, начиная съ 6-лѣтняго возраста, на 1.000 жителей, было: въ сѣверной Италіи 40,86, центральной—64,61, южной—75,19.

Новѣйшія данныя болѣе подробны. Въ 1892 году въ сѣверной Италіи на 100 новобранцевъ было безграмотныхъ 24,68, въ центральной—44,51 и въ южной—57,41.

Въ 1893 году изъ числа подписавшихъ брачный контрактъ въ сѣверной Италіи было 26,81 безграмотныхъ, на 100 сочетавшихся бракомъ, въ центральной 52,78 и въ южной—73,86. Неаполь, самый большой городъ южной Италіи, является дикаремъ въ сравненіи съ Туриномъ и Миланомъ. Безграмотныхъ новобранцевъ въ 1892 году въ Туринѣ—11,52%, Миланѣ—18,92% и Неаполѣ—44,59%. Безграмотныхъ жениховъ и невѣстъ въ 1893 г.: въ Туринѣ—6,34, Миланѣ—18,32, Неаполѣ—49,02.

Въ элементарныхъ школахъ въ 1893—94 году на 100 дѣтей школьнаго возраста, т.-е. отъ 6 до 12 лѣтъ, было: въ сѣверной Италіи 88, въ центральной 67, а въ южной 47. Коммуны тратятъ на обученіе на каждаго обитателя сѣверной Италіи 2,45 лиры, въ центральной 2,19, а въ южной 1,38.

Какъ коммуны относятся къ обученію, видно изъ донесенія депутата Торрани за 1897 годъ. Въ Абруццахъ многія коммуны считаютъ школу самымъ послѣднимъ дѣломъ. Когда является школьный инспекторъ, господа администраторы прячутся, чтобы не слышать вѣчной жалобы на недостатки школы. Назначили учителя, какъ велитъ законъ, а дальше имъ никакого дѣла нѣтъ до школы. Одинъ инспекторъ южныхъ провинцій объясняетъ причины такого отвращенія къ школѣ со стороны коммунальнаго управленія, между прочимъ, тѣмъ, что эти мѣстности долгое время находились подъ господствомъ власти, которая ненавидѣла азбуку, а теперь эта ненависть передана по наслѣдству въ видѣ равнодушія и нѣкотораго инстинктивнаго отвращенія къ школѣ. Въ Сициліи нѣкоторыя коммунальныя администраціи, составленныя изъ людей стараго закала, прямо ведутъ войну со школой, подъ пустымъ предлогомъ экономіи, что̀ не мѣшаетъ имъ въ то же время тратить тысячи лиръ на оркестръ, на театръ, на празднества и процессіи. Подъ школы идутъ самыя худшія помѣщенія, грязныя, темныя, тѣсныя,—о гигіенѣ ни малѣйшаго понятія. Въ Сардиніи еще хуже, если только возможно. Въ послѣдніе годы не мало было случаевъ закрытія народныхъ школъ, потому что управленія коммунъ не хотятъ ассигновать необходимыхъ суммъ. Крестьяне же сами особенной потребности къ обученію еще не чувствуютъ. Совершенно иначе дѣло обстоитъ на сѣверѣ.

О степени культурности двухъ Италій можно еще судить по

распространенности игры въ „лотто“. Сѣверяне тоже играютъ, но очень слабо въ сравненіи съ южанами: если итальянецъ въ среднемъ рискуетъ 2 лирами 80 centesimi въ годъ на эту игру, то неаполитанецъ рискуетъ цѣлыми 15 лирами и 75 cent. Неаполитанцы не пьютъ, зато опьяняются лотереею. Игра завлекаетъ всѣхъ, а нѣкоторые прямо дѣлаются помѣшанными на ней. Матильда Серао съ рѣдкимъ мастерствомъ рисуетъ этихъ безумцевъ, которые забываютъ все для своей пагубной игры. Начиная съ аристократовъ, которые видятъ, какъ они разоряются съ каждымъ днемъ больше и больше, до самыхъ послѣднихъ чистильщиковъ сапогъ, всѣ ждутъ отъ субботы счастья и носятъ всѣ свои деньги, закладываютъ драгоцѣнности, воруютъ, впадаютъ въ лапы ростовщиковъ и ростовщицъ, чтобъ имѣть возможность поставить въ банкѣ свою лепту, доходящую иногда до тысячъ лиръ за-разъ. Серао рисуетъ въ своемъ романѣ „Il paese di cuccagna“ стараго аристократа, который одержимъ безуміемъ игры въ лотто; день и ночь занятъ онъ мыслью о выигрышѣ для того, чтобы имѣть возможность выдать единственную свою дочь замужъ и спасти честь своего имени. Онъ окружаетъ себя друзьями кабалистами и спиритами, такими же безумцами, какъ и онъ, возится съ медіумомъ-шарлатаномъ, такъ-называемымъ „assistito“, т.-е. всегда окруженнымъ духами, и, наконецъ, когда онъ уже все велѣлъ распродать и заложить своимъ старымъ вѣрнымъ слугамъ, и во всемъ palazzo даже на обѣдъ не хватаетъ, онъ начинаетъ мучить свою дочь, чтобъ она, какъ невинное, чистое созданіе, призывала духа и спрашивала его, какія „numeri“ надо ставить, чтобы получить большой выигрышъ. Кончается тѣмъ, что дочь въ смертельномъ ужасѣ и въ страшной лихорадкѣ видитъ духа и отвѣчаетъ отцу на всѣ его требованія. Старикъ ее такъ долго мучилъ, что она умерла отъ воспаленія мозга.

Но кромѣ стараго аристократа, Серао рисуетъ и другихъ лицъ разныхъ слоевъ, которыхъ эта пагубная страсть сначала разоряетъ, а потомъ приводитъ къ страшнымъ катастрофамъ.

Всѣ предразсудки неаполитанцевъ съ фотографической вѣрностью сняты съ дѣйствительности, ибо всѣ научные изслѣдователи и всякій, кто знакомъ съ жизнью Неаполя не только по книгамъ, говорятъ объ этомъ. Для романиста это представляетъ прекрасный матеріалъ; соціологъ же видитъ въ этомъ признакъ страшной отсталости, „варварства“, какъ выражается Ничефоро. Выиграть, разбогатѣть сразу—доминирующая страсть всего неаполитанскаго населенія. Для того, чтобы выиграть, приходится

прибѣгнуть или къ вычисленіямъ, или къ сверхъ-естественной силѣ, божественной или дьявольской—не важно. Главное, чтобы получить „хорошіе нумера“. Особенно вѣрятъ, что монахи обладаютъ способностью заглядывать въ тайны будущаго, такъ какъ они это узнаютъ отъ умершихъ святыхъ. И вотъ монаховъ, въ особенности тѣхъ, которые пользуются особой славой, благодаря своей строгой жизни, еженедѣльно осаждаютъ вопросами. Монахъ не обязанъ сказать цифры—достаточно, если скажетъ какое-нибудь слово. Слово сію же минуту перекладывается по кабалѣ на цифры. Бѣда та, что каждый слушатель истолковываетъ по-своему слова монаха, или „assistito“, или какой-нибудь гадалки. Если не выходитъ, то это не значитъ, что нельзя знать настоящихъ выигрышныхъ цифръ; это только значитъ, что слова невѣрно были истолкованы. Вотъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ, до какого фанатизма доходитъ эта вѣра въ возможность получить „настоящія, хорошія“ цифры.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, полиція нашла на углу одного изъ грязныхъ переулковъ Неаполя умирающаго монаха. Онъ еще могъ разсказать, что нѣсколько неизвѣстныхъ лицъ заперли его въ погребъ, и еженедѣльно, наканунѣ игры въ субботу, спрашивали у него числа. Такъ какъ они не выигрывали, то его подвергали пыткѣ, и послѣ нѣсколькихъ недѣль избили до смерти, вытащили его ночью на улицу и бросили.

Въ 1892 году полиція подобрала на улицѣ нѣкоего Калигари, котораго неаполитанцы прозвали Cagli-Cagli. Нѣсколько человѣкъ заманили его въ одинъ домъ и стали допрашивать. Чтобъ онъ не лгалъ, а далъ истинные „нумера“,—его раздѣли; одни крѣпко держали за руки и за ноги, а кто-то взялъ длинную желѣзную вилку, наткнулъ кусокъ сала и, накаливъ вилку, сталъ проводить по его спинѣ. У несчастнаго, дѣйствительно, вся спина была обожжена точно раскаленнымъ желѣзомъ.

Въ Неаполѣ есть также масса колдуновъ и вѣдьмъ, которые имѣютъ сношенія со святыми или съ дьяволомъ, и продаютъ свои „нумера“ за нѣсколько soldi. Если найдется такой священникъ, который согласится на „черную службу“, т.-е. прослужитъ молебенъ въ честь сатаны, то послѣдній сейчасъ же даетъ „terno“, самый большой лотерейный выигрышъ. И говорятъ, что среди духовенства, шатающагося по переулкамъ Неаполя и не знающаго, чѣмъ пережить день, находятся такіе охотники.

Кромѣ оффиціальной государственной лотереи, есть еще „маленькая“ игра, воровская, воспрещенная, въ которой каморристы играютъ большую роль.

III.

Въ Европѣ замѣчаютъ слѣдующее явленіе: съ увеличеніемъ культуры, процентъ рожденій уменьшается. Въ странахъ, стоящихъ во главѣ культуры, процессъ ограниченія рождаемости выражается въ слѣдующихъ данныхъ:

Года:	Франція:	Германія:	Англія:	Бельгія:
1873	100	100	100	100
1878	96	97	100	99
1885	93	94	87	95
1890	87	92	81	92

Чѣмъ безграмотнѣе народъ, тѣмъ выше процентъ рожденій. Спенсеръ полагаетъ, что цивилизація вліяетъ на плодовитость, и съ ходомъ прогресса необходимо уменьшается число рожденій. Среди низшихъ классовъ рождаемость больше, чѣмъ среди высшихъ, которые болѣе культурны. И въ Италіи замѣчается уменьшеніе рожденій: въ 1890 году 36,03%, а въ 1896—35,11%. По областямъ на 1.000 новорожденныхъ въ сѣвер. Италіи—33,20; въ центральной—34,87, и въ южной—37,29.

Эта разница въ 4,09 на тысячу говоритъ также о низшей культурѣ юга и острововъ. Зато въ смертности мы имѣемъ прямой указатель культуры: чѣмъ меньше смертность, тѣмъ выше культура, чѣмъ больше, тѣмъ ниже. Вообще во всей Европѣ замѣтно уменьшеніе процента смертности. Такъ, по вычисленіямъ Лапласа, въ концѣ XVIII вѣка смертность во Франціи была 34%, а теперь 22,2%. Въ Италіи въ 1774 году въ миланскомъ герцогствѣ смертность была 41,3 на тысячу, а теперь 27,9. Въ началѣ этого столѣтія въ Римѣ умирали 39%, теперь—26,7%. Нынѣ смертность Италіи по мѣстностямъ такова: въ сѣверной Италіи—2,87%; въ центральной—2,08%; въ южной—3,27%.

Такъ было въ среднемъ за періодъ 1872 — 75 г. Въ 1895 году: въ сѣверной Италіи—23,77%; въ центральной—24,07%; въ южной—29,00%.

Незаконнорожденныхъ, среди которыхъ вообще смертность больше, тѣмъ не менѣе больше въ сѣверной Италіи—74,38 на 1.000 новорожденныхъ,—чѣмъ въ южной—52,10%.

Если разсмотримъ самоубійство, то окажется, что за періодъ 1864—1877 на 1 милліонъ обитателей въ сѣверной Италіи было по 45,2 самоубійства ежегодно, въ центральной—по 37,7 и въ южной—11,8. Въ 1895 г. сѣверъ даетъ—85,8, центръ—

68,6 и югъ—34,2. Это печальное пріобрѣтеніе, ростъ самоубійствъ, кажется, очень мало говоритъ въ пользу особой культурности, тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что разстояніе между югомъ и сѣверомъ—все еще громадное. Еслибы судить пришлось о культурѣ исключительно по проценту самоубійствъ, то Италія сдѣлала удивительные успѣхи въ цивилизаціи. Но всѣ данныя, выше приведенныя и приводимыя ниже, говорятъ совершенно противоположное.

IV.

Сѣверная Италія почти можетъ сравняться съ самыми передовыми странами въ Европѣ по своей индустріи. Стòитъ только проѣхаться по всему полуострову, чтобы видѣть рѣзкую разницу между сѣверной и центральной Италіей съ одной стороны и южной и островной—съ другой. Въ Удино и Беллуно вы имѣете гидравлическія и дорожныя постройки; въ окружности Турина—шахты, какъ и вокругъ Генуи, въ Ломбардіи и венеціанской провинціи. Металлургическіе и механическіе заводы въ Alessandria, въ Комо, Новарѣ, Туринѣ, Генуѣ, Венеціи. Въ Новарѣ добывается гранитъ, въ Alessandria—фабрики цементовъ, въ Удине—горшковое производство; въ Ровиго и Болоньѣ обжигаютъ известь. Химическіе продукты приготовляются въ большомъ количествѣ въ Миланѣ, Туринѣ, Веронѣ, Феррарѣ. Индустрія съѣстныхъ припасовъ сильно развита въ Кремонѣ, Веронѣ, Болоньѣ. Ткацкое производство прекраснаго качества—въ Бріанцѣ, Комо, Кунео, Новарѣ, Удине, Сондріо, Виченцѣ, Миланѣ, Генуѣ, Туринѣ. Разныя другія отрасли промышленности можно видѣть въ Туринѣ, Порто-Маурицiо (въ Лигуріи), въ Мантуѣ. Словомъ, на сѣверѣ распространена въ сильной степени обработка шолка, льна, конопли, кожъ, шерсти, кирпича, дерева, желѣза, мрамора, драгоцѣнныхъ камней, бумаги, мыла, химическихъ продуктовъ, съѣстныхъ и пр. и пр.

На югѣ изъ всего этого имѣются однѣ только шахты. Въ Сициліи 27.800 рабочихъ на сѣрныхъ шахтахъ, въ Сардиніи—9.800. Другихъ заводовъ, фабрикъ, нѣтъ и въ поминѣ. Въ 1878 году статистика указывала на громадную разницу между сѣверомъ и центромъ съ одной стороны, югомъ—съ другой: для юга данныя почти тѣ же самыя по сіе время. Фабрикъ на сѣверѣ 3.650 было, когда на югѣ всего 179. Рабочихъ на фабрикахъ для выдѣлки шолка—около 200.000, а на шерстяныхъ фабрикахъ 22.000 на сѣверѣ; на югѣ—соотвѣтственно 6.000

и 2.700. Ткацкихъ станковъ на сѣверѣ свыше 2 милліоновъ, на югѣ—немного больше 9 тысячъ. Паровыхъ котловъ въ сѣверной и центральной—3.994, а въ южной и островной—465. Та незначительная индустрія, которая существуетъ на югѣ, имѣетъ характеръ примитивный, ручной.

Разрѣшеній на открытіе промышленныхъ предпріятій въ 1893 году выдано 477 для сѣвера, для центра—143, а для юга—62. На югѣ есть цѣлыя провинціи, которыя не имѣютъ ни *одного* разрѣшенія, напр. Базиликата; Сардинія и Калабрія—по два всего, между тѣмъ какъ Ломбардія получила цѣлыхъ 195 разрѣшеній за 1893 годъ.

Агрикультура на сѣверѣ достигла высокой степени развитія; на югѣ и на островахъ она—еще въ самой примитивной степени. Въ Сициліи въ центральныхъ провинціяхъ господствуютъ латифундіи, безконечныя пространства земли безъ обработки; въ Сардиніи—то же самое; на югѣ Италіи—тоже.

Данныя, которыя имѣются о распредѣленіи экстенсивной и интенсивной формъ агрикультуры для областей Италіи, очень неточны, такъ какъ земли не измѣрены, владѣльцы недовѣрчивы, и, чтобы не пришлось платить налоговъ, даютъ невѣрныя указанія; мѣстныя же власти не особенно любятъ земледѣліе и мало интересуются имъ. Признакомъ интенсивной культуры служитъ виноградъ и огороды. Часто одна и та же земля идетъ подъ хлѣбъ и подъ виноградъ. Приблизительныя цифры 1894 года указываютъ слѣдующее.

Экстенсивная культура (на 100.000 гектаровъ) въ сѣверной Италіи—17,010 гект., въ средней — 19.333 гект.; въ южной-островной—20.081. Интенсивная культура (на 100.000 гект.) въ сѣверной Италіи 26.903 гект.; въ средней—27,573 гект.; въ южно-островной—10.532.

Эти цифры говорятъ намъ, что на югѣ, если земля культивируется, то большей частью подъ пшеницу и овесъ, дающіе меньшіе доходы, чѣмъ виноградъ, огородныя растенія, фрукты, культура которыхъ преобладаетъ на сѣверѣ.

„Сѣверная и южная Италія,—говоритъ Groppali, — разсматриваемыя съ экономической точки зрѣнія, находятся въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ. Сѣверныя провинціи представляютъ „Англію“ Италіи: тутъ индустрія процвѣтаетъ, въ земледѣліи все болѣе и болѣе распространяются новѣйшіе усовершенствованные способы обработки. На югѣ же вся экономическая жизнь носитъ еще патріархальный характеръ: лавка, мастерская замѣняетъ фабрику. Въ своихъ главныхъ линіяхъ южная

Италія воспроизводитъ физіономію среднихъ вѣковъ; она представляетъ цѣпь прошлаго, привязанную къ ногамъ современной Италіи".

Послѣ сравнительнаго статистическаго обзора двухъ Италій, остается разсмотрѣть каждую часть „варварской" Италіи въ отдѣльности и потомъ подвести итогъ.

V.

Сардинія—одна изъ самыхъ отсталыхъ странъ въ Европѣ. Коллективная мораль сардинцевъ, въ особенности въ областяхъ Nuoro и Ogliastra, которыя можно назвать „преступнымъ поясомъ", совершенно напоминаетъ первобытную мораль дикарей. Разбойникъ, грабитель—герой въ глазахъ сардинцевъ. Они не понимаютъ, какъ это кодексъ наказываетъ за убійство. Пастухи области Nuoro хвалятся среди своихъ знакомыхъ и родныхъ своими разбойничьими подвигами. Одинъ сардинскій писатель говоритъ про нихъ, что кто не умѣетъ красть или грабить—считается у нихъ человѣкомъ никуда негоднымъ, а кто донесетъ на вора—подлецъ. Пастухи соединяются между собою для нападеній на какую-нибудь деревню гораздо больше изъ храбрости и для славы, чѣмъ для хищенія. Извѣстно, что нѣкій Onano Liberato, за голову котораго полиція назначила 4.000 лиръ, обвиняющійся въ пяти грабежахъ, одномъ убійствѣ, одномъ растлѣніи и другихъ преступленіяхъ, и считающійся до сихъ поръ въ бѣгахъ, спокойно занимается въ теченіе 15 лѣтъ въ своей глуши разведеніемъ стадъ скота. Для поимки какого-нибудь разбойника высылаются цѣлые батальоны карабинеровъ и солдатъ. Въ 1895 году карабинеры осаждали городокъ Tortoli, и на утро нашли единственный трупъ, но безъ головы, съ бѣлой кожей и тонкими руками. Голову товарищи отрѣзали, чтобы полиція не узнала, и унесли. Корреспонденція изъ Sassari, отъ 25 декабря 1897 года, говоритъ, что въ окружности Nuoro (провинціи Сассари) около 40 бѣглыхъ составили шайку, и дня не проходитъ, чтобы не было грабежа или убійства. Особенно страшны братья Elia, которые убѣжали, прежде чѣмъ полиція ихъ арестовала за воровство, и дали клятву другимъ такимъ же молодцамъ изъ ближайшей мѣстности отомстить за несправедливость полиціи. Первый подвигъ ихъ былъ тотъ, что они убили полевого сторожа у одного помѣщика по ошибкѣ, принявъ перваго за послѣдняго. Помѣщикъ безъ вооруженной свиты не показы-

вается. Тогда война началась противъ его собственности. Свыше 50 быковъ зарѣзано, пастуховъ избиваютъ до полусмерти, женщинъ насилуютъ, такъ что никто не рѣшался идти работать на полѣ помѣщика, и маслины бралъ, кто хотѣлъ. Одинъ изъ слугъ помѣщика убилъ разбойника изъ этой шайки; черезъ мѣсяцъ его нашли убитымъ, съ отрѣзанными головой и руками. Они не только убиваютъ, но еще предаютъ пыткамъ. На стѣнахъ домовъ города Nuoro можно было читать объявленіе, воспрещавшее подъ страхомъ смерти работать у такого-то помѣщика. Трое ослушались и поплатились жизнью.

„Бриганты“ пользуются симпатіями всѣхъ. Даже интеллигенты, писатели, съ энтузіазмомъ говорятъ и пишутъ о похожденіяхъ бригантовъ, возмущаясь полиціей. Въ пѣсняхъ воспѣваются разбойники. Вотъ какъ разсказывается въ пѣсняхъ о знаменитомъ разбойникѣ De Rosas, котораго одинъ крестьянинъ хотѣлъ выдать карабинерамъ: „оба (De Rosas и его товарищъ) какъ только увидѣли мужика, выстрѣлили въ него собственной своей чудесной и полной добродѣтели рукою. Только крикнули ему страшнымъ голосомъ, чтобъ онъ бросилъ свое ружье, какъ оба попали въ него съ ловкостью. Крестьянинъ умеръ и никто его не услышалъ“. „Когда Джіованни вмѣстѣ съ Чичіо (De Rosas), солнце затмевается и земля дрожитъ. Когда оба участвуютъ въ схваткѣ, одинъ быстрѣе другого“. „Чичіо и Джіованни знамениты. Сердце у нихъ изъ бронзы. Кто идетъ имъ на встрѣчу, готовь себѣ гробъ“. „Бандиты, убивающіе шпіоновъ, хорошо дѣлаютъ: зачѣмъ они идутъ за поисками вознагражденія? Они васъ будутъ уважать, если вы, о, бриганты, будете защищаться, какъ волки храбрые и какъ львы“!

Обычаи напоминаютъ здѣсь нравы дикарей. Мелодія пѣсенъ, танцы—тоже остались такими же, какъ много вѣковъ тому назадъ. Вся культура сардинскаго народа застыла въ первобытной формѣ. Есть, правда, и исключенія. Кальяри—чисто европейскій городъ, и жители много успѣли въ культурѣ.

Причины такой отсталости заключаются, главнымъ образомъ, въ историческомъ изолированномъ положеніи острова. Онъ и теперь почти забытъ итальянскимъ правительствомъ. Въ XI вѣкѣ папа Гильдебрандъ жалуется, что „люди изъ Сардиніи сдѣлались для Рима бо̀льшими иностранцами, чѣмъ обитатели самыхъ отдаленныхъ странъ земли“. Cattaneo описываетъ исторію острова такъ: „Въ первые годы аррагонцевъ островъ имѣлъ коммерческія сношенія съ пизанцами, генуэзцами, венеціанцами, неаполитанцами, марсельцами, греками и евреями изъ Берберіи. Феодализмъ

аррагонцевъ прогналъ всѣхъ этихъ людей. Въ 1479 г. прогнали съ острова всѣхъ корсиканскихъ купцовъ, въ 1492 году введена инквизиція и изгнаны евреи, которые въ теченіе 15-ти вѣковъ занимались тамъ промышленностью. Въ самое короткое время древней житницѣ римскаго народа уже недоставало зерна для обсѣмененія полей. Сассари, второй городъ королевства, до того упалъ, что населеніе не превышало 3.000 душъ. Всякая связь съ матерью Италіей была порвана, и именно тогда, когда всѣ чудеса итальянской мысли возрождались вмѣстѣ съ Колумбомъ, Маккіавелли, Аріостомъ и Миккель-Анджело". Это—узкое пространство моря, отдѣляющее Сардинію отъ полуострова, какъ-то сильнѣе изолировало островъ, чѣмъ цѣлый океанъ.

Кромѣ изолированности, пагубно было вліяніе испанскаго феодализма, начавшагося около XV вѣка. Въ теченіе двухъ вѣковъ островъ долженъ былъ выносить гнетъ правительства, которое грабило, мотало и ничего не дѣлало для подданныхъ, даже не заботилось объ общественной безопасности.

Всѣ народы, которые завоевывали островъ, грабили и ничего не оставляли взамѣнъ; савойское правительство тоже очень мало заботилось о насажденіи культуры. Эти исторически неблагопріятныя обстоятельства еще усиливаются тѣмъ, что и антропологически раса сардинская—совершенно вырождающаяся. Профессоръ Серджи изслѣдовалъ свыше сотни череповъ сардинцевъ, собранныхъ Ничефоро въ разныхъ мѣстахъ Сардиніи, и нашелъ въ нихъ такую массу анормальностей, что вопросъ о вырожденіи расы не подлежитъ никакому сомнѣнію.

VI.

Сицилію въ сравненіи съ Сардиніей можно уже считать цивилизованной, но и она, какъ уже сказано выше, представляетъ намъ остатокъ феодализма. Сицилійская жизнь гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, и трудно ее охватить однимъ общимъ опредѣленіемъ, одной формулой. Прошлое Сициліи необыкновенно богато, и всѣ народности, которыя завоевывали райскій островъ, не проходили, какъ въ Сардиніи, а поселялись надолго и оставили поэтому свои слѣды повсюду. Въ характерѣ сицилійца можно найти подвижность и гордость сарацинъ, тщеславіе грековъ, хвастливость испанца. Сохранились и обычаи всѣхъ этихъ народностей. Въ одномъ мѣстѣ цивилизація пустила ужъ корни, въ другомъ—еще самая дикая самобытность. Изъ всѣхъ остатковъ отъ

прошлаго самую главную окраску сицилійской жизни даетъ—феодализмъ, проявляющійся во всей моральной жизни общества и народа, и не только въ области преступленій. Какъ въ Сардиніи, бригантъ пользуется и здѣсь уваженіемъ у самыхъ честныхъ людей. И сицилійскія народныя пѣсни восхваляютъ добродѣтели „malandrini", т.-е. людей съ скверной репутаціей, которые у сицилійцевъ имѣютъ совершенно противоположное значеніе.

Экономическая жизнь Сициліи—чисто феодальнаго характера: аристократы-латифундисты—съ одной стороны, крестьянство—съ другой; буржуазіи нѣтъ. Семейная жизнь высшихъ классовъ напоминаетъ восточную. Женщинъ прячутъ отъ глазъ чужихъ. Народъ также не заставляетъ работать женщинъ на поляхъ. Любовь къ роскоши и блеску свойственна всѣмъ.

Предразсудки и суевѣріе—такіе же, какъ въ Неаполѣ. И тутъ о Богѣ меньше думаютъ, чѣмъ о святыхъ, чудодѣйственныхъ статуяхъ и иконахъ и о сатанѣ. Въ ноябрѣ 1896 г. въ Мессинѣ пропалъ ребенокъ. Послѣ полиція узнала, что нѣсколько крестьянъ въ поискахъ за кладомъ принесли невинную жертву Богу. Въ Сициліи даются еще средневѣковыя мистеріи въ народныхъ театрахъ и въ деревняхъ. Въ городахъ Палермо, Мессинѣ, Катаніи цивилизація наложила лакъ на верхніе слои, но народъ мало чѣмъ отличается отъ крестьянства. Во время возстаній 1848—49 и 1860 гг. происходили сцены до того дикія, что не вѣрится просто, еслибъ это не были историческіе факты. Сотнями вооруженные ружьями и пиками бунтовщики въ Палермо заходили въ дома, откуда вытаскивали свои жертвы и медленно убивали ихъ. Многіе носили на пикахъ головы убитыхъ по городу. Случалось, что зубами рвали внутренности убитыхъ. Во время возстанія 1866 года женщины Misilmeri носили куски мяса убитыхъ солдатъ и карабиньеровъ и кричали: „A sei grana la carni du surdatu! A otto chidda du carabinieri"! (Шесть гранъ мясо солдата! 8—карабиньеровъ!)

VII.

Весь югъ Апеннинскаго полуострова находится также въ самомъ дикомъ состояніи. Въ Калабріи жизнь общественная и частная ничѣмъ не отличается отъ жизни самыхъ глухихъ угол-ковъ Сициліи. Жители отличаются тѣмъ же гордымъ, воинственнымъ, часто жестокимъ характеромъ, что и сицилійцы. Мафія и каморра и тутъ распространены. Гимназисты городовъ

и деревень хвастаются, что они—мафіозы, и таковъ и ихъ внѣшній видъ. Природа самая богатая, мѣстность одна изъ лучшихъ въ Европѣ, но страшно запущена. Въ средніе вѣка лигурскіе и венеціанскіе мореплаватели по пути къ востоку проходили черезъ эти земли и сѣяли опустошенія на своемъ пути. Развалины анжуйскихъ и испанскихъ построекъ до сихъ поръ видны, а въ легендахъ народа еще жива память о нашествіяхъ африканскихъ пиратовъ, похищавшихъ женщинъ и имущество. Но бурбонскій абсолютизмъ сильнѣе и живѣе чувствуется до сихъ поръ.

Жители Пуліи отличаются уже другимъ характеромъ: апатичны до крайности, податливы, слабы, какъ и жители неаполитанской провинціи. Грегоровіусъ подтверждаетъ эту характеристику. „Народъ живетъ въ условіяхъ временъ анжуйскаго и аррагонскаго дома. Онъ апатично живетъ, безъ движенія, безъ надежды, точно заснувъ на землѣ, какъ жилъ тысячи лѣтъ тому назадъ, забытый міромъ и забывшій самъ себя". Не только обычаи старины сохранились, но даже форма домовъ. На равнинахъ Пуліи „дома напоминаютъ жилища троглодитовъ",—говоритъ одинъ изъ современныхъ французскихъ наблюдателей.

Неаполь — моральная столица юга. По внѣшности городъ какъ будто и прогрессировалъ, но внизу, подъ этимъ лакомъ, осталась та же первобытная дикость. Въ безчисленныхъ переулкахъ—грязь страшнѣйшая; всѣ отправленія совершаются на улицѣ, на виду у всѣхъ, въ самой патріархальной формѣ. Неаполь, за исключеніемъ главныхъ улицъ, гдѣ введено электричество, имѣющихъ очень приличный видъ, сильно напоминаетъ собой старое гетто въ Римѣ, которое теперь помнятъ еще очень хорошо, такъ какъ оно очень недавно уничтожено. Гетто и теперь служитъ сравненіемъ: „тутъ такъ грязно, какъ въ гетто", говорятъ римляне. Неаполитанцы боятся мыла и воды, такъ что сѣверяне смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и говорятъ: „Боже мой! Неужели это наши братья"? Неаполитанскіе нищіе имѣютъ всемірную славу. Развратъ тоже невозможный. Даже по главной улицѣ Толедо, гдѣ самые богатые магазины, нѣтъ проходу отъ женщинъ. Часто осаждаютъ и мужчины, предлагающіе „piccirilla"—„маленькую". Можно ему плюнуть въ лицо, выругать, дать пощечину—онъ пробормочетъ что-то и исчезнетъ въ одной изъ этихъ лабиринтообразныхъ улицъ.

Неаполитанцы—трусы, но въ душѣ добры и легкомысленны, какъ дѣти. Это народъ женственный, такой же капризный, увлекающійся, и со слабой волей. Вся исторія неаполитанцевъ гово-

рить, что они никогда не защищались, какъ слѣдуетъ, а поддавались первому завоевателю. Masaniello—рѣдкое исключеніе. Александръ Дюма говоритъ про нихъ, что они всегда бѣгали отъ врага, будь они подъ бурбонскимъ правительствомъ или національнымъ. Коллективнаго мужества нѣтъ у нихъ и въ поминѣ. Національнымъ патріотизмомъ они очень мало прониклись, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей-идеалистовъ. Неаполитанскіе ладзароне становились на сторону бригантовъ, подъ командой кардинала Руффо, для подавленія образовавшейся партенонейской республики въ 1799 г., и когда вели республиканцевъ-патріотовъ, хотѣвшихъ освободиться отъ ига Бурбоновъ, на висѣлицу, народъ пѣлъ слѣдующую пѣсенку:

Viva lu papa santu
Che ha mannatu i cannuncini
Per ammazzare i giacobini!
Viva la forca e masto Donato!
Sant' Antonio sia lodato!

(Да здравствуетъ святой папа, пославшій пушки, чтобъ убить якобинцевъ! Да здравствуетъ висѣлица и maestro Donato (палачъ), да будетъ благословенъ св. Антоній!)

Высшій классъ тоже чувствуетъ очень мало потребности въ свободѣ и прогрессѣ. Карнавалъ, пѣсенки, любовныя похожденія—въ этомъ проходитъ вся жизнь ихъ. До чего неаполитанское общество пало—видно изъ слѣдующаго: въ дѣтскомъ пріютѣ, содержимомъ на счетъ города, слѣдовательно и подъ его контролемъ, въ прошломъ году открылось, что изъ 900 дѣтей, принятыхъ въ пріютъ за нѣсколько лѣтъ, въ живыхъ осталось всего три! Этотъ чудовищный фактъ былъ сообщенъ въ парламентѣ, много говорили объ этомъ; одинъ депутатъ, членъ коммиссіи, которая должна была слѣдить за пріютомъ, оправдывался самой пустой отговоркой,—и слѣдствіе идетъ до сихъ поръ!.. „Дѣти Мадонны", какъ народъ называетъ подкидышей, очень мало нарушили сонъ докторовъ пріюта, администраціи города и всего итальянскаго общества.

Испанцы и Бурбоны оставили свои неизгладимые слѣды на неаполитанскомъ населеніи. Изъ него всѣми средствами выбивали налоги, подавляли всякую иниціативу, всякую свободу; страшнѣйшій произволъ царилъ до 1860 г., когда Неаполь былъ присоединенъ къ Италіи, и озвѣрѣніе народа легко объясняется этимъ. Но и національное правительство до сихъ поръ мало сдѣлало для поднятія уровня массъ на югѣ.

Правительство „третьяго Рима“ не имѣетъ ни достаточно силы, ни желанія, чтобы извлечь южную Италію изъ ея варварскаго состоянія. Настоящее время—время затишья. Авторъ полагаетъ, что будущіе историки обозначатъ нынѣшній періодъ періодомъ декадентства. Бурбонизмъ сдѣлалъ южную Италію варварской. Настоящее правительство, увлекшись миражемъ высшей политики и внѣшняго могущества, разрушаетъ и убиваетъ всю Италію, отнимаетъ послѣднюю энергію у націи и приближаетъ ее къ полному банкротству. Послѣ того какъ національное объединеніе совершилось, — а это была самая чудная страница въ современной исторіи, — патріоты, ведшіе за собой народъ, превратились въ орду и набросились на свою же націю, чтобы поскорѣе нажиться, захватить лучшія мѣста. Вокругъ этихъ патріотовъ группируются кліенты, родные, и всѣ жадно ищутъ теплыхъ мѣстечекъ. Начались грабежи банковъ, и нѣтъ почти ни одного государственнаго человѣка, который бы не былъ замѣшанъ въ этомъ. Юстиція, съ своей стороны, подкуплена и даетъ возможность преступникамъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Послѣ банковъ, парламентаризмъ и бюрократія представляютъ сильныя средства для обогащенія. Въ то время, какъ страна нуждается въ самыхъ безотлагательныхъ реформахъ во всѣхъ областяхъ, правящіе классы думаютъ о своихъ личныхъ выгодахъ. Нынѣшніе патріоты потеряли чувство національности. Мученики сложили свои головы для великаго дѣла, а оставшіеся, окруженные ордой жаждущихъ теплаго мѣстечка, потеряли всякіе идеалы. Бюрократія и войско должны дать пищу этимъ голоднымъ. За 50 лѣтъ итальянской жизни число чиновниковъ учетверилось. Для того, чтобы положеніе этого класса было прочно, приходится создавать себѣ крѣпкую защиту, въ видѣ войска. Милитаризмъ развивается въ Италіи не изъ потребности защищать страну отъ внѣшнихъ враговъ, а для поддержки бюрократіи. Низшіе классы должны выносить на своихъ плечахъ этотъ высшій классъ, и не смѣютъ роптать. Результатъ—„бѣлая смерть“, т.-е. медленное вымираніе отъ голода, невѣжество и моральное паденіе. Италія находится какъ бы въ агоніи. Нынѣшнее поколѣніе не въ состояніи вырвать Италію изъ этого положенія. Нужны новые люди съ новыми силами и новыми идеалами, — вотъ заключеніе, къ которому можно придти, по прочтеніи книги Ничефоро.

З.

„ЧЕРНАЯ ДѢВУШКА"

РАЗСКАЗЪ.

За кулисами холодно, мрачно. Сквозь тусклое окно, затянутое слоемъ пыли, гдѣ-то тамъ, на высотѣ поддугъ, еле пробиваются лѣнивые октябрьскіе лучи. Желтый язычокъ огня стеариноваго огарка сильно колышется на изрѣзанномъ и исчерченномъ карандашами столѣ; суфлеръ, ёжась отъ сквозняка и держа ладони рупоромъ, надрывается, откидываясь то вправо, то влѣво. Темная бездна за его спиной гудитъ отраженными голосами.

Репетиція идетъ довольно бойко; большинство бормочетъ роли по тетрадямъ, въ пальто, съ зонтиками и палками въ рукахъ. Спектакль репетируемой пьесы долженъ состояться сегодня; стараются запомнить главнымъ образомъ мѣста.

Кончивъ свое „явленіе", выхожу покурить. Состояніе духа отвратительное... Положимъ, городъ хорошій, театральный, платятъ исправно, но уже такова участь актера: вѣчно быть недовольнымъ, вѣчно желать чего-то лучшаго; а лучшее никогда не приходитъ.

Спустившись въ корридоръ, я задумчиво иду мимо каменныхъ арокъ. Папироса вынута, вотъ уже чиркнула спичка—вспыхнулъ огонекъ, и я испуганно отшатываюсь; изъ темной ниши неожиданно выступаетъ впередъ какая-то черная фигура. Я успѣваю разглядѣть сверкающіе глаза, руки, судорожно поднятыя къ горлу... Спичка погасла, красный червячокъ конвульсивно искривился, почернѣлъ—мы остались въ темнотѣ.

— Кто это?..

Тихо... Я вглядываюсь въ темноту... Черная фигура—здѣсь, въ двухъ шагахъ... Мнѣ слышно ея взволнованное дыханіе,

— Кто здѣсь?..

Вторично не получивъ отвѣта, поворачиваю обратно и дѣлаю нѣсколько шаговъ.

— Не уходите... не уходите!..—вдругъ раздается дрожащій полушопотъ.

Возвращаюсь.

— Вамъ кого-нибудь надо?

— Васъ...

„Гмм... Значитъ, одна изъ „психопатокъ"... Сейчасъ будетъ благодарить за высокое, за „блаженство дивныхъ минутъ"... и въ концѣ концовъ попроситъ фотографическую карточку или по меньшей мѣрѣ вручитъ таковую для надписи".

— Что̀ прикажете?

— Ахъ, это трудно... Только, ради Бога, не смѣйтесь... Мнѣ такъ стыдно... такъ страшно...

„Ну вотъ, вотъ..."

— Помилуйте, смѣяться?.. Тутъ такъ темно—пройдемъ въ фойé.

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога, не надо!.. Мнѣ такъ страшно... такъ много, много надо сказать... Простите, я васъ безпокою, но я... я увѣрена... мнѣ такъ показалось... вы такой добрый...

„Вѣдь вотъ, никогда не начнутъ сразу, непремѣнно подходы!.."

Я вдругъ озлился, ужъ почему—не знаю... Просто съ утра былъ золъ.

— Вамъ, вѣроятно, карточку?..

— Какую?—удивилась незнакомка.

— *Мою* карточку?..

— Нѣтъ... зачѣмъ?.. Мнѣ совсѣмъ не то...

— Ну-съ?..

— Мнѣ необходимо поговорить съ вами, много-много сказать... Я увѣрена, что только вы, одинъ вы... Ахъ, такъ не скажешь...

Она внезапно схватила мои руки, прижала ихъ къ своей груди и, вся трепеща, задыхаясь, стала бормотать умоляющимъ голосомъ, съ сильнымъ южнымъ акцентомъ, ударяя на „о":

— Прошу, прошу васъ, позвольте мнѣ придти къ вамъ!.. Я должна вамъ открыть свою душу... У меня никого нѣтъ... Вся моя жизнь—въ этой надеждѣ... Ради Бога, позвольте!..

Тутъ я узналъ ее.

Съ мѣсяцъ тому назадъ, у насъ, за кулисами, появилась какая-то странная черная дѣвушка, очень бѣдно одѣтая, очень застѣнчивая. Она постоянно улыбалась не совсѣмъ обычной улыб-

кой, потупляла глаза и жалась къ декораціямъ. Изъ-за портала или ободранной лѣсной кулисы вѣчно выглядывала ея склоненная голова. Говорили, что антрепренерша разрѣшила незнакомкѣ присутствовать на всѣхъ репетиціяхъ, что эта дѣвушка—просто помѣшанная, мечтавшая поступить въ актрисы.

Первое время косились, потомъ стали заговаривать, подтрунивать, потомъ просто издѣваться надъ ней самымъ пошлымъ и грубымъ образомъ. То въ двухъ шагахъ отъ портала, гдѣ навѣрное пряталась черная, сутуловатая фигура дѣвушки, говорили невозможныя сальности, то надѣвали ей на голову вѣнокъ Офеліи и увѣряли, что она—олицетворенная героиня Шекспира.

Бѣдняжка краснѣла, терялась, съ жалкой улыбкой прятала лицо и никогда никому не отвѣтила рѣзко, даже обиженно.

Какъ-то репетируя, я просто утомился видомъ напряженно стоящаго человѣка, схватилъ стулъ, отнесъ его за кулису и поставилъ передъ незнакомкой, предлагая сѣсть. Она задохнулась, судорожно оперлась о спинку стула и, не найдя, видимо, словъ, опустила голову.

Я продолжалъ репетировать, искоса поглядывая въ сторону „черной дѣвушки“. Одно время она точно снимала съ своего лица паутину, потомъ, робко озираясь, медленно опустилась на самый кончикъ стула, сгорбилась и, вытянувъ шею впередъ, принялась ловить каждое мое слово.

Этотъ зритель невольно заставилъ меня играть... Чортъ знаетъ изъ какого самолюбія я воодушевился, поднялъ тонъ, и репетиція пошла „въ голосъ“, что называется—во всю.

Съ тѣхъ поръ черная дѣвушка больше не появлялась. Постепенно о ней забыли—и вотъ...

— Если вамъ угодно, я съ большимъ удовольствіемъ, но... вашъ визитъ... За нами, актерами, большой глазъ...

— Ахъ, мнѣ все равно!.. Пусть говорятъ, пусть... Я увѣрена, вы, вы... Позвольте придти!..

— Сдѣлайте одолженіе! Когда?..

— Я всегда могу... Умоляю васъ!..

Эпизодъ со стуломъ былъ еще свѣжъ; поэтому, продолжая быть галантнымъ, я сказалъ:

— Репетицію мы окончимъ черезъ часъ: я къ вашимъ услугамъ отъ трехъ до пяти. Вечеромъ спектакль.

— Въ три можно, да?.. Я приду!..

— Сдѣлайте одолженіе. Вамъ угодно подождать, или...

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, гдѣ вы живете.. Я сама приду... Благодарю, благодарю васъ!..

Она порывисто сжала мою руку и утонула въ темнотѣ.

Возвращаясь на сцену, я уже забылъ свою галантность и, признаться, посылалъ къ дьяволамъ всѣхъ психопатокъ на свѣтѣ. Отъ трехъ до пяти надо было успѣть пообѣдать, прочесть роль, отдохнуть, отъ пяти до шести напиться чаю, собрать вещи и къ началу седьмого уже сидѣть въ уборной передъ зеркаломъ, а тутъ... Значитъ—обѣдать нàскоро, значитъ—не спать...

II.

Звонокъ.

Незнакомка скользнула въ прихожую, какъ тѣнь, и замерла словно въ ожиданіи побоевъ.

— Вы аккуратны.

— Я помѣшала... Я надоѣдаю...

— Ахъ, нисколько, помилуйте, очень радъ...

Я чувствовалъ себя тоже нѣсколько взволнованнымъ, какъ каждый холостякъ, впускающій къ себѣ молодую женщину и желающій быть чрезвычайно любезнымъ.

Не снимая драповой кофты, гостья вошла въ комнату, служащую мнѣ и гостиной, и кабинетомъ, и столовой. Замѣтивъ приборъ на столѣ, она всполошилась.

— Ахъ, вы будете обѣдать?.. Пожалуйста, пожалуйста, обѣдайте, прошу васъ!..

— Чтò вы, помилуйте, я совсѣмъ не голоденъ... Обѣдъ не уйдетъ.

Я страшно хотѣлъ ѣсть, но настойчиво придвинулъ кресло къ письменному столу и жестомъ пригласилъ гостью его занять.

Она сѣла, восторженно, робко оглядывая стѣны.

Тамъ висѣли лавровые и серебряные вѣнки, мои портреты въ роляхъ, все это убранное красными и бѣлыми лентами съ золотыми надписями. Всюду, на стульяхъ, на диванѣ, валялись разноцвѣтныя подушки отъ подношеній.

Пока незнакомка жадно пожирала своимъ блестящимъ взоромъ мои трофеи, я успѣлъ разсмотрѣть ее впервые при полномъ освѣщеніи.

Это была дѣвушка лѣтъ двадцати, сутуловатая, очень блѣдная, очень нервная, съ желтыми дряблыми щеками, выпуклыми глазами цвѣта туманнаго неба, съ искривленной улыбкой на влажныхъ губахъ. Вздернутый носъ съ круглыми ноздрями и ямка на подбородкѣ придавали ея лицу что-то необыкновенно дѣтское, наивное; въ то же время сильно развитая грудь, по-

стоянно двигающіеся пальцы, игра синеватыхъ тѣней на лицѣ говорили о натурѣ страстной, чувственной, живущей глубоко и сильно.

Преодолѣвая волненіе, гостья принялась стягивать съ себя нитяныя перчатки, очень ветхія, распустившія усики вокругъ дыръ на пальцахъ... Руки... ахъ, женскія руки! какъ онѣ много говорятъ!.. ея руки были обезображены множествомъ заусеницъ и объѣденными ногтями.

— Вы постоянно живете здѣсь?

— Нѣтъ, я пріѣзжая.

— А! Давно вы пріѣхали?

— Да... нѣтъ... къ началу спектаклей... Я изъ деревни... У тетки хуторъ... Я тамъ почти постоянно...

— Вы, вѣроятно, очень любите театръ?

Она даже отшатнулась.

— О!.. Развѣ можно не любить театръ?!.. Я... ахъ, вы будете смѣяться... я съ дѣтства грежу театромъ, какъ помню себя... Я постоянно играю сама... У насъ глушь... На хуторѣ я, тетка и рабочіе... Управлюсь съ хозяйствомъ и ухожу съ книжкой въ садъ или въ степь... Тамъ я играю, играю... Вы знаете, я лазаю по деревьямъ, какъ мальчикъ... (она стала говорить все быстрѣй и быстрѣй). Такъ взлѣзу на дерево, качаюсь на вѣткѣ и читаю стихи... Меня тетка хотѣла выдать замужъ за... ну, это все равно... Тамъ есть одинъ помѣщикъ... не совсѣмъ богатый, но и не бѣдный... Я и убѣжала сюда...

— Вотъ какъ!.. Значитъ, вы бѣглая?.. улыбнулся я.

— Не совсѣмъ. Тетка знаетъ, гдѣ я, и уже два раза писала. Пусть!.. Я вѣдь не робкая... Я опять убѣгу, и ужъ такъ... А можетъ быть и вернусь...

Она хрустнула пальцами, потомъ спохватилась.

— Ахъ!.. Вѣдь я вамъ не сказала своей фамиліи!..

— Пожалуйста, не трудитесь.

— Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь я не боюсь... Но она такая смѣшная... Меня зовутъ Вереска... Она не годится для сцены?.. правда?..

— Вереска?.. Мм.. да... пожалуй.

— А имя мое Елена... Елена Вереска.

— Позвольте ужъ и отчество.

— Назаровна...

— Елена Назаровна... Вашъ отецъ, вѣроятно, малороссъ?..

— Да, онъ умеръ.

— Это замѣтно.

— Чтò?

— Не то, что онъ умеръ, а что вы—малороссіянка... У васъ довольно сильный акцентъ.

Гостья испугалась.

— Неужели? Это нехорошо?..

— Для сцены?.. Нехорошо... Но вѣдь акцентъ можно исправить, хотя малорусскій акцентъ — одинъ изъ самыхъ упорныхъ.

— О, я исправлю, я исправлю!..

— Вы желаете поступить на сцену?

— О, да, да... но я не знаю, смѣю ли?.. На сцену!.. Боже мой, Боже мой!..

Черная дѣвушка даже задохнулась и опять хрустнула пальцами.

— Ну, вотъ мы и договорились. Вы желаете поступить на сцену и не знаете, есть ли у васъ талантъ, какъ вообще начинаютъ?

— Да.

— Вы желаете, чтобы я провѣрилъ васъ и затѣмъ указалъ путь къ началу?...

— Да, да!.. Умоляю!..

Она сложила руки и вся потянулась ко мнѣ, какъ люди сильно вѣрующіе тянутся къ иконѣ.

Съ каждой минутой я убѣждался, что имѣю дѣло не съ обыкновенной барышней или дамой, какія обращались ко мнѣ десятками съ той же просьбой. У тѣхъ всегда бывало одно изъ трехъ побужденій: или жажда блистать мишурой въ чаду атмосферы подмостковъ; или разсчетъ подороже продать себя съ выставки, гдѣ товаръ искусно подкрашенъ и пикантно обнаженъ; или — нужда. Послѣднее—рѣже всего. О любви къ искусству ради искусства я не говорю, какъ о такомъ исключеніи, котораго, признаться, не встрѣчалъ. Положимъ, всѣ онѣ дышали этой любовью, всѣ онѣ умирали безъ театра, всѣ готовы были даже на отчаянныя жертвы—лишь бы служить „высокому и прекрасному“, „пробуждать чудныя чувства“, обнажать порокъ, воспѣвать добродѣтель и красоту во имя блага, но... поскобливъ всѣ эти восторги и умиранія, всегда можно было найти побужденія болѣе простыя.

Впервые я почуялъ не то. Ужъ одно качаніе на вѣтвяхъ подъ собственную декламацію чего-нибудь да стоило.

— Надо мной всѣ смѣются,—продолжала она еле слышно: —меня считаютъ помѣшанной... Ахъ, они не добрые!..

— Вы говорите про нашихъ актеровъ?

— Да... Я, правда, странная...

„Положимъ, зайцы-то у тебя въ головѣ скачутъ“... — подумалъ я.

Она какъ будто прочла мою мысль.

— Это отъ одиночества... Вѣдь я росла совершенно одна, въ степи...

— Какъ же вы познакомились съ театромъ?

— Изъ книгъ. Я много-много читала, все, что̀ пришлось; и лечебники, и журналы... что̀ попадется, то и читаю. Пробовала учиться по-французски—учебникъ нашла у священника,—да не вышло, многихъ листовъ не хватало.

„Должно быть, небогатый, но и не бѣдный помѣщикъ ей книги носилъ“...

Она и тутъ меня поймала.

— „Ниву“ привозилъ мнѣ тотъ... женихъ мой...— Вереска улыбнулась. — Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Я за него все равно бы не пошла...

— Отчего же?

Она добросовѣстно обдумала мой глупый вопросъ и просто отвѣтила:

— Не люблю его...

— Онъ, должно быть, старше васъ?..

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... но онъ... нехорошій... не знаю... нѣтъ... я просто не могла бы его любить... А вамъ зачѣмъ это?

Я немного сконфузился.

— Видите ли... Когда ко мнѣ обращаются дѣвицы съ такими же просьбами, какъ у васъ, я обыкновенно совѣтую имъ выйти замужъ. Сцена для большинства—очень горькое поприще. Она такъ часто не оправдываетъ и сотой доли надеждъ, что лучше постараться выйти замужъ, чѣмъ всю жизнь потомъ бороться и съ нищетой, и съ закулисными дрязгами.

Тутъ я произнесъ своими словами монологъ Кина къ Аннѣ Демби. Вереска слушала не шевелясь, и когда, давъ волю своей краснорѣчивой желчи, я умолкъ,—съ глубокимъ изумленіемъ произнесла:

— Такъ что̀ же?

— Какъ? Вамъ этого мало?..

— Жертвы... тѣмъ лучше!.. Развѣ можно безъ жертвъ?... Чѣмъ больше, тѣмъ лучше!.. тѣмъ дороже!.. Ахъ, жить для театра, подъ насмѣшками, или когда ненавидятъ... А игра? Вѣдь этого не отымутъ?..

— Бываетъ, что и отымутъ. Станутъ обходить ролями, станутъ...

— Ну, я уйду, пойду искать, гдѣ лучше...

— А жить на что̀ вы будете?

— Я живу теперь на шесть рублей въ мѣсяцъ и уже счастлива, потому что меня пускаютъ даромъ въ театръ.

Лучистый огонь засвѣтился въ ея выпукло-сѣрыхъ глазахъ, спина выпрямилась, лицо сдѣлалось строгимъ, только едва замѣтная судорожная улыбка подрагивала на губахъ.

Странно созданъ человѣкъ! Меня вдругъ охватила не то зависть, не то грусть... Чего мнѣ было жаль? Утраченной вѣры въ возможность жить для искусства, исковерканныхъ надеждъ, смерти въ себѣ самомъ того живого духа, который оправдываетъ всѣ условности нашей профессіи и на самомъ дѣлѣ обращаетъ въ чистыхъ жрецовъ? Или я почуялъ въ своей собесѣдницѣ силу, и по актерской замашкѣ уже ревновалъ ее къ своему богу?

Какъ бы то ни было, пройдясь по комнатѣ, я остановился передъ книжной полкой и, по минутномъ размышленіи, досталъ почему-то Надсона.

— Давайте читать.

— Сейчасъ?

— Чего же откладывать? Рано или поздно... Вы Надсона читали?

— Нѣтъ...

— А вообще вслухъ читали когда-нибудь?

— Очень мало... теткѣ...

— О знакахъ препинанія, тонѣ, колоритѣ понятіе имѣете?

— Нѣтъ... Надо останавливаться на знакахъ препинанія?

— Да... Но тѣмъ лучше, что вы совсѣмъ неопытная,—значитъ, увидимъ самый корень. Читайте такъ, какъ бы вы читали теткѣ,—или нѣтъ: какъ бы вы читали самой себѣ, качаясь на вѣткѣ.

Я открылъ книгу и случайно попалъ на стихотвореніе „Грезы“.

— Ну-съ!..

Она долго задыхалась и снимала съ лица паутину, какъ тогда, за кулисами. Пальцы трепетно разстегивали кофту; обтрепанное вороново крыло на шляпкѣ съ поломанными перьями дрожало.

— Прочтите сначала про себя.

Черная дѣвушка, шевеля губами, впилась въ стихотвореніе. Я закурилъ папиросу, продолжая наблюдать. Брови Елены Верески то сдвигались, то поднимались кверху, лицо озарялось то радостью, то печалью, то восторгомъ, то тоской ожиданія...

Дверь въ прихожей взвизгнула.

Появилась Матрена. Свирѣпо поглядѣвъ на гостью, она подняла свой грязный передникъ.

— Обѣдать подавать, что-ли?..

Я замахалъ рукой.

— Подождите, послѣ...

— Простынетъ, чего жъ его ждать? Плиту погасили.

— Хорошо, хорошо, уходите.

Матрена собрала что-то на своихъ губахъ лакированными пальцами, глубоко вздохнула и, шлепая туфлями, уплыла.

Моя гостья даже не оглянулась: она, очевидно, ничего не видѣла и не слышала.

— Прочли?

— Да...

— Нравится?

— О, да!..

— Итакъ—давайте вслухъ.

Я забился подальше на диванъ, чтобы не смущать дебютантку.

Вереска погладила лобъ, провела пальцами по измятой сѣрой рубашкѣ, вылѣзшей изъ-подъ верхней одежды.

— Снимите кофточку, такъ неудобно.

— Нѣтъ, ничего... Сейчасъ...

Еще минуты двѣ колебанія—и экзаменъ начался.

Боже мой, чтò это было за чтеніе!.. Нѣтъ возможности передать, изъ чего оно состояло. Едва слышно вылетали обрывки фразъ, полуслова, полудыханія. Невольно рисовалось поле сраженія, гдѣ всѣ воины передрались и лежали полумертвые въ неописанномъ хаосѣ, перемѣшавшись съ пушками, ружьями, издавая стоны и глухіе, отрывистые вздохи.

Я зналъ стихотвореніе, но долго ничего не могъ разобрать. Малорусскій акцентъ отчетливо покрывалъ общую кашу неожиданныхъ звуковъ. Можно съ увѣренностью сказать, что такъ—никто въ мірѣ никогда не читалъ.

По временамъ я едва удерживалъ порывы безумнаго смѣха, но... какое-то неуловимое предчувствіе чего-то глубоко зарытаго въ необыкновенномъ чтеніи „черной дѣвушки"—глушило мой смѣхъ.

Я не далъ ей дочитать до конца и всталъ.

— Хорошо... позвольте... Да довольно... Я уже вижу...

Она откинулась на спинку стула; ея блѣдное лицо покрылось пòтомъ, глаза устремились въ одну точку, еще видимо не

оторвавшись отъ образовъ пира, робкаго пажа и прекрасной королевы, воспѣтыхъ въ стихотвореніи.

— Простите... я въ затрудненіи... Такъ вообще не читають, —заговорилъ я, съ трудомъ подбирая слова.

Она вдругъ перебила:

— Я раздѣнусь...

И не ожидая моихъ услугъ, медленно, съ кошачьимъ изгибомъ, стала стягивать съ себя кофту.

— Позвольте я помогу...

— Не надо... благодарю васъ... Жарко.

По первому взгляду на ситцевую рубашку можно было отгадать, что корсетъ отсутствовалъ.

Оправивъ измятые рукава, гостья вытерла глаза пуховымъ шарфомъ; взоръ ея все еще былъ устремленъ на пажа и королеву...

Я ждалъ вопросовъ, оханья—ничуть не бывало, и молчали мы довольно долго.

— Это Надсонъ?—спросила она.

— Да.

— Тутъ все его стихи?

— Его... Но это всѣ... Онъ не много успѣлъ написать.

— Отчего?

— Умеръ...

Она вздрогнула и задумалась, потомъ еле внятно прошептала послѣдній стихъ, на которомъ я прервалъ ее: „Такъ въ дѣтствѣ я мечталъ“...

— Мнѣ можно будетъ унести эту книгу? Я скоро принесу назадъ...

— Можно, можно, пожалуйста.

Опять мы оба замолчали... Положеніе становилось глупымъ.

— Итакъ, давайте объясняться, — рѣшилъ я приступить къ дѣлу.—Я уже сказалъ вамъ, что такъ не читаютъ, но дѣло не въ томъ. Главное—у васъ сильный акцентъ; прежде всего надо его искоренить... Но это въ будущемъ, а теперь — прочтите-ка мнѣ что-нибудь наизусть. У васъ вѣдь есть какіе-нибудь излюбленныя стихотворенія или отрывки?..

— Есть...

— Что̀ же?

— Я много знаю изъ Пушкина...

— Вотъ и прекрасно.

— Хотите „Русалку“?

— Очень хочу.

Черная дѣвушка, теперь ставшая на половину сѣрой, поднялась со стула.

— Вы не смѣетесь?..

— Помилуйте!..

Она неровно сдѣлала два шага, приглаживая пальцами обѣихъ рукъ пряди желтовато-каштановыхъ волосъ, свисшихъ на виски.

— Снимите шляпку, она стѣсняетъ.

— Да... да...

Резинка, зацѣпившись за гребень, щелкнула. Дѣвушка положила шляпку на столъ, скрестила руки на груди, прижавъ ладони въ ключицамъ, потомъ, подойдя къ стѣнѣ, прислонилась бокомъ, почти спиной ко мнѣ,—такъ и начала читать...

Опять долженъ сказать: никогда ничего подобнаго я не слыхалъ... Это не было ни чтеніе, ни игра... это была сама жизнь, сама правда. Условность сценическихъ положеній всегда принудитъ хотя бы генія придать любому моменту незамѣтную искусственную окраску въ болѣе напряженномъ голосѣ, въ движеніяхъ рукъ, головы. „Черная дѣвушка“ не имѣла понятія ни о какихъ условностяхъ театра. Она разучивала свои роли на деревьяхъ, въ стогахъ сѣна, на берегу рѣки, въ кустахъ сирени, или въ безсонныя ночи на своей узкой и жесткой кровати, разметавшись въ жару вдохновенія, устремивъ воспаленные глаза въ темноту, наполненную яркими живыми образами. Сказать, что это былъ экспромптъ самороднаго таланта—нельзя. Правда, передо мной несомнѣнно обнажался талантъ огромный, самобытный, но въ то же время я видѣлъ страшную по своей болѣзненной оригинальности работу, работу нѣсколькихъ лѣтъ, упорную, кропотливую... Она сжилась съ этой сценой, она ее перечувствовала во всѣхъ мелочахъ, и теперь, управляемая вдохновеніемъ, гармонично развивала въ длинной цѣпи едва уловимыхъ оттѣнковъ... Не было возможности услѣдить, поймать ту спайку, которая разграничивала артиста отъ изображаемаго лица: они сливались цѣльно и неизмѣнно.

Говорила и Наташа, и князь, что̀ усложняло задачу, ставило ее на почву рискованной подражательности. Меня поразило, какъ просто и легко вышла изъ этого положенія Елена Вереска. Не было противной актерской мгновенной смѣны интонацій,—говорила одна русалка; рѣчи князя шли какъ бы отъ нея, какъ бы передаваемыя ею; поэтому, слегка освѣщенныя горькой ироніей, онѣ были согрѣты ея собственнымъ горемъ.

И откуда степная дикарка взяла эти натуральныя паузы,

иногда необычайно длинныя, но одухотворенныя цѣлой гаммой ощущеній, проносившихся на ея мертвенно-блѣдномъ лицѣ? Я ясно видѣлъ, что все это переживалось, что любовь, страхъ, ожиданіе, жгучая душевная боль потрясали ее съ ногъ до головы, можетъ быть, даже выпуклѣе, чѣмъ это могло быть въ дѣйствительности.

Начала она тихо, какъ обыкновенно тихо разговариваютъ о самыхъ интимныхъ вещахъ два взволнованныхъ любовника. Признаніе о беременности совершенно не походило на все слышанное мною до сихъ поръ. Наши ученицы или актрисы придаютъ фразѣ выраженіе стыдливаго упрека; онѣ опускаютъ голову и выжимаютъ изъ себя признаніе отрывистымъ лепетомъ.

Верески-Наташа уже любила ребенка; въ ея голосѣ прозвучала тоска, страхъ за участь своего дѣтища, бросаемаго отцомъ; глаза смотрѣли прямо въ глаза любовника съ мутнымъ огнемъ страданія и уже зародившагося презрѣнія къ этому жалкому отродью, способному на подлую измѣну во имя условности свѣта.

На признаніе князь восклицаетъ: „Несчастная“! Это восклицаніе на сценѣ почему-то всегда отдаетъ комизмомъ. Неудачно ли оно поставлено Пушкинымъ, или вина актеровъ, не умѣющихъ избѣжать водевильнаго оттѣнка,—не знаю; скорѣй виновна актриса, своимъ вышеприведеннымъ институтскимъ тономъ не дающая настроенія ни публикѣ, ни князю. Елена Вереска и тутъ выручила партнера. Ея князь не глупо испугался и не отшатнулся, какъ ужаленный; онъ не скоро нашелъ дыханіе для злополучнаго слова, а найдя, все еще подавленный стыдомъ, подъ горящимъ взоромъ любовницы, скользнулъ имъ по воздуху, потупясь въ сторону... Такимъ образомъ сцена вышла какъ разъ наоборотъ въ смыслѣ общепринятыхъ интонацій.

А вотъ и монологъ—одинъ изъ классическихъ у Пушкина.

Что̀ можетъ быть нелѣпѣе монолога на сценѣ?.. Нуженъ огромный талантъ, огромная сила выразительности, чтобы сохранить иллюзію правды. Произносить на сценѣ монологи такъ, какъ Вереска произнесла монологъ „Русалки“, конечно, нельзя: ее бы никто не услышалъ. Она его продумала. По едва уловимому шопоту, я, сидя въ трехъ шагахъ, еле разбиралъ отдѣльныя мѣста... Но это опять была сама жизнь,—самая тонкая, художественная правда, какую только мнѣ приходилось встрѣчать. Идя наперекоръ актерскому шаблону, къ концу монолога Вереска совсѣмъ затихла, но я невольно дрожалъ, такъ какъ передо мной шевелилось что-то безумное, страшное... Когда она

сдѣлала движеніе къ рѣкѣ, я уже не сомнѣвался, что Наташа утонетъ вотъ сейчасъ, на моихъ глазахъ... и еслибы теперь передъ этой „черной дѣвушкой“ была рѣка—она бы непремѣнно бросилась и утонула...

Никогда не забуду одного движенія въ послѣднее мгновенье. Наташа прижала къ себѣ ребенка, своего еще не родившагося ребенка—да такъ и бросилась... Можетъ быть, этотъ жестъ, взятый въ отдѣльности, вышелъ бы на сценѣ смѣшнымъ или уродливымъ,—не берусь судить; но въ общемъ тонѣ исполненія онъ былъ страшно силенъ и драматиченъ. По крайней мѣрѣ я не улыбнулся, а, глубоко потрясенный, вскочилъ. Наташа спускалась на дно рѣки, т.-е., скорчившись, лежала на моей кушеткѣ лицомъ внизъ. Минута пролетѣла въ молчаніи, потомъ раздались подавленные стоны... Они наростали все сильнѣй и сильнѣй, наконецъ рыданія вырвались наружу.

Стòитъ женщинѣ заплакать—ей сейчасъ же подаютъ воду. Я это зналъ, но самъ воды никогда не пью,—значитъ, графина у меня не оказалось, а извлекать воду изъ умывальника я счелъ неудобнымъ, и мнѣ оставалось бѣжать въ кухню. Тамъ, разумѣется, пришлось торговаться съ Матреной изъ-за стакана. Она все еще негодовала, что я не обѣдаю, угрожая выбросить обѣдъ свиньямъ, которыхъ, впрочемъ, во дворѣ не было...

Возвращаюсь обратно съ стаканомъ—Елена Вереска уже диво хохочетъ. На мои упрашиванія выпить воды—мотаетъ головой... Я утомился и сѣлъ... Сосѣди... Боже мой, чтò должны были думать сосѣди!..

Къ счастью, истерика была непродолжительна; хохотъ постепенно перешелъ въ всхлипыванія, потомъ въ икоту... По многимъ признакамъ я догадался объ отсутствіи носового платка у гостьи, и принесъ ей свой... Просморкавшись, вытеревъ глаза и лицо, „черная дѣвушка“ сразу проглотила всю воду и встала.

— Вамъ надо обѣдать... Простите... — прошептала она съ растерянной улыбкой, щуря припухшія, красныя вѣки...

— Нѣтъ, не безпокойтесь, еще есть время...

— Вы вечеромъ играете... Я пойду...

И опять ничего не спрашиваетъ!.. Взяла свой пуховый шарфъ, однимъ движеніемъ надѣла шляпку, потянулась за кофтой...

Я не противорѣчилъ и помогъ одѣться. Когда нитяныя перчатки тоже оказались на мѣстѣ, гостья вдругъ пошатнулась и сѣла.

— Дайте еще воды... пожалуйста...

Снова пришлось бѣжать въ кухню...

Второй стаканъ такъ же залпомъ былъ осушенъ до дна, но Вереска уже не встала, а, положивъ ногу-на-ногу, охватила колѣно обѣими руками и глубоко задумалась.

Я понялъ, что настала очередь говорить.

— Видите ли, Елена Назаровна, я вамъ прямо скажу: такъ постоянно играть нельзя. Жизни не хватитъ и на годъ. Это не искусство.

Я обстоятельно развилъ свой взглядъ, совѣтуя обратить вниманіе на главное, чтò ложилось преградой между нею и театромъ —на ея здоровье: временно уѣхать въ деревню, забывъ про всякія роли, стихи, и зажить одной растительной жизнью...

Она глухо отвѣтила:

— Я прожила такъ, какъ вы говорите, девятнадцать лѣтъ, и еслибы не книжки и не роли, то навѣрное сошла бы съ ума.

На это я указалъ, что самымъ убійственнымъ ядомъ для нея было—при страстной любви къ искусству—сомнѣніе въ возможности служить ему, но что теперь... Я говорилъ о ея оригинальномъ талантѣ, блестящемъ будущемъ, убѣждая заняться прежде всего леченіемъ...

„Черная дѣвушка“ качала головой.

— Нѣтъ... нѣтъ... только не въ деревню... Меня вылечитъ одинъ театръ... Я знаю... Здѣсь, за кулисами, я ожила... Вѣдь я была еще хуже... Тетка и то говорила, что меня уже надо посадить въ больницу, потому и сватала за помѣщика... Ужасъ, ужасъ!.. Нѣтъ, ради Бога!.. умоляю васъ!.. Не надо въ деревню!..

Я растерянно пожалъ плечами.

„Чортъ знаетъ! можетъ быть, ты и права“,—мелькнуло въ головѣ.

— Какъ же быть?.. Надо, значитъ, пристроиться къ труппѣ...

— О, да, да!..

— Попробуемъ...

Вереска такъ и вспыхнула; безумная радость озарила ее всю, щеки окрасились румянцемъ, глаза заискрились... Она даже похорошѣла.

— Вы съ антрепренершей знакомы?..

— Да... немного... Я просилась въ труппу,—она отказала, но разрѣшила бывать на спектакляхъ и репетиціяхъ...

— Гмм... Значитъ, жалованья не дастъ...

— Я не прошу жалованья...

— Да вѣдь и шесть рублей на улицѣ не валяются... Вотъ чтò... не знаю, выйдетъ ли прокъ,—я переговорю съ режиссеромъ, попрошу его занимать васъ на выходà... Статистки по-

лучаютъ у насъ по 30 копѣекъ въ вечеръ, на десять вечеровъ разсчитывать можно, значитъ три рубля будутъ обезпечены... Вы хорошо пишете?..

— Нѣтъ, скверно...

— Я думалъ насчетъ переписки ролей... Ну, да ужъ какъ-нибудь рублей 15 наскребёте...

Затѣмъ я назначилъ „черной дѣвушкѣ“ часы для подготовительныхъ занятій.

Прощаніе было трогательно. Трепеща отъ восторга, Вереска сжимала мои руки и все переспрашивала, правда ли, что у нея есть способности.

Уже совсѣмъ уходя, она вспомнила о Надсонѣ, вернулась, бережно прижала его къ груди... Какъ на грѣхъ—гребень вылетѣлъ изъ волосъ, и тѣ распустились. Дѣвушка торопливо закрутила ихъ, не глядя въ зеркало, и наконецъ вышла за порогъ, вся красная, съ припухшими вѣками, съ космами, торчащими изъ-подъ шляпки въ разныя стороны.

На мой послѣдній поклонъ въ коридорѣ она вдругъ звонко разсмѣялась.

— Чтò вы?

— Ничего... такъ...

— Я, кажется, догадываюсь.

— О чемъ?..

— Гмм... не очень богатый помѣщикъ вѣроятно останется съ носомъ.

Она даже съёжилась отъ смѣха и убѣжала, прикрывая лицо Надсономъ и шарфомъ.

Еслибы кто-нибудь встрѣтилъ насъ въ эту минуту—репутація ЕленыЫрески погибла бы навсегда...

— Матрена, обѣдать!..

Матрена не замедлила явиться съ миской въ рукахъ; она сурово поставила ее на столъ.

— Никакъ ревѣла?..

— Гостья?..

— Кто же еще...

— Н-да, плакала...

— Заревешь!..

Матрена покосилась на кушетку. Тамъ еще валялся скомканный носовой платокъ...

— То-то вы за водой прыгали... Ахъ, безстыжія!..

— Вздоръ говорите.

— Чего же она ревѣла?..

— Роль проходила...

— Ро-о-ль?.. Знаемъ мы эту роль...

— Ну, ну, пожалуйста!..

— Креста на васъ нѣтъ... Сказано: актерщикъ...

— Вотъ что̀, Матрена: думайте, что̀ вамъ угодно, а на сторонѣ дѣвушку не марайте,—оно зря выйдетъ.

— Зря... какъ же... Драть ее надо... Мать-то, небось, не знаетъ... Вотъ ужъ я ей скажу...

— Да она сирота, пріѣзжая.

Матрена дернула себя за носъ и даже локоткомъ подперлась.

— Сирота-а?

Это открытіе неожиданно вернуло намъ добрую репутацію. Очевидно, почтенная женщина не могла допустить, чтобы я обидѣлъ сироту.

— Чего же ее разносило?

— Въ театръ хочетъ...

— Ишь-ты... Въ актерки?

— Да...

Она грустно покачала головой.

— Городъ-то, городъ... всѣхъ пожретъ, и сироту не пожалѣ-етъ... Охъ, грѣхи наши тяжкіе, Мать Пресвятая Богородица, спаси насъ и помилуй!..

Матрена собрала испарину со всей нижней половины лица, вытерла руку о животъ и, поглаживая голыя локти, побрела за жаркимъ...

III.

Вечеромъ, въ антрактѣ, я зашелъ въ уборную къ примадоннѣ. Та растирала на рукахъ арбатскую пудру.

— Вы Елену Вереску знаете?

— Какую Вереску?

— „Черную дѣвушку“.

— А! знаю. Это сумасшедшая?

— Не совсѣмъ... Она больна театральнымъ зудомъ.

— Не все ли равно?

— Она очень талантлива...

— Перестаньте!.. Какой тамъ талантъ! Просто кривляка. Въ началѣ онѣ поклонницы, обожательницы, а потомъ—глядишь, и сами лѣзутъ на сцену...

— Я ее слушалъ: это нѣчто совсѣмъ исключительное.

— Да вѣдь у васъ, мужчинъ, всегда такъ.. Повиснетъ дѣвушка на шеѣ, застонетъ—вы и давай открывать таланты... Она мнѣ тоже читала...

— Какъ, и вамъ?...

— Ну, разумѣется!.. Лѣзла, лѣзла... Чтобы отвязаться, я какъ-то и приняла ее... Стала она читать монологъ Маріи изъ „Керимъ-Гирея“... Ну, я не выдержала и расхохоталась... Богъ знаетъ что̀ такое!.. Ничего не разберешь: задыхается, стонетъ... Фу!.. Кривлякъ не люблю.

— Все-таки, Надежда Степановна, надо помочь...

— Охъ, ужъ эти подписки!.. Конца имъ нѣтъ...

— Да не о подпискѣ рѣчь: помочь ей пристроиться на выхода̀.

— Вы съ ума сошли!.. Такую-то въ театръ?

— Почему же нѣтъ?.. Вынести письмо или сказать пару словъ—не Богъ вѣсть что̀.

Примадонна даже обидѣлась.

— Я-то тутъ при чемъ? Поговорите съ Люковой или съ Олимпійцемъ... Только во что̀ она одѣваться будетъ?

— Съ міру по ниткѣ—голому рубашка. Хламу-то у васъ много... соберите кое-что...

Пристальный взглядъ.

— Вамъ это надо?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Клянусь—тутъ чистое искусство...

Беру ея набѣленную руку и цѣлую въ ладонь (чтобы не стереть бѣлилъ, разумѣется).

— Вѣдь вы добрая... Такъ только пугаете...

Шлепокъ по щекѣ.

— Хорошо... соберу... а пристраивать — это уже ваше дѣло, мужчинское...

— Въ бенефисъ—займете?..

— Милый, да что̀ же ей дать?

— Говорю—на выходъ!.. Ну, два слова какихъ-нибудь...

— Увидимъ...

— Надежда Степановна...

— Уходите!.. Второй звонокъ—а я еще безъ платья.

Складываю ладони, умильно наклонивъ голову.

— Прелесть... ангелъ доброты... на выходъ...

Розовая туфля поднимается на воздухъ.

— Ну?!.

Посылаю воздушный поцѣлуй и медленно проскальзываю въ дверь.

Рядомъ—высокая рулада... „Энженю" пробуетъ голосъ... „Ладно!.. примадонна-то—наша"!..

Лечу къ режиссеру. Тотъ одержимъ маніей величія, почему въ труппѣ его и окрестили Олимпійцемъ. Въ сущности, это человѣкъ добрый.

Олимпіецъ игралъ; я застаю его поправляющимъ румяна на щекахъ,

Недоумѣвающіе взгляды, пожатія плечъ — все какъ слѣдуетъ.

— Я-то при чемъ? Обратитесь къ Люковой...

— Къ Люковой я пойду только отъ васъ...

Это смягчаетъ первоначальную интонацію.

— Хорошо... Когда понадобится—займу.

Антрепренерша—уже немолодая дѣва, существо мягкое, безвольное и презирающее актеровъ, растерянно мямлила: „Къ чему, зачѣмъ? труппа и безъ того полна".—Въ результатѣ—на мои клятвы, что примадонна даже отдаетъ Верескѣ половину своего чуднаго гардероба—объявила: если режиссеръ нашелъ это возможнымъ и нужнымъ, то противъ участія г-жи Берески въ спектакляхъ она ничего не имѣетъ, но безъ жалованья, на разовыхъ, поднятыхъ до одного рубля.

IV.

Первый выходъ „черной дѣвушки", взявшей фамилію Назаровой, былъ назначенъ въ бенефисъ примадонны. Дебютантка должна была изобразить камеристку, докладывающую о приходѣ портного. Затѣмъ на сценѣ происходитъ примѣрка бальнаго платья. Примадонна спрашиваетъ: хорошо ли она дѣлаетъ реверансъ; камеристка отвѣчаетъ, что „очень хорошо-съ!", затѣмъ собираетъ картонку и уходитъ. Вотъ и вся роль.

Зная капризность бенефиціантки, я трусилъ. Дебютантка могла сконфузиться, промолчать, сказать не вò-время, не сумѣть подать платье, и въ концѣ концовъ или совсѣмъ не уйти со сцены,—чтò тоже бываетъ,—или уйти не въ ту дверь.

Первые дни Вереска являлась ко мнѣ аккуратно. На третьемъ же урокѣ она стала читать громче и правильнѣе, слѣдя за акцентомъ и, чтò важнѣе всего въ данномъ случаѣ, сама научилась ловить себя на неправильномъ произношеніи. О тщательномъ изученіи роли камеристки я уже и не говорю... Она меня этими двумя фразами положительно измучила. „Да такъ

ли, да хорошо ли, да не лучше ли такъ“...—тысячу разъ кланялась, входила, выходила, дѣлала реверансы, улыбалась, удивлялась, восторгалась, всплескивала руками, какъ бы одѣвала и раздѣвала меня передъ воображаемымъ трюмо... Но вотъ и репетиція.

Въ пьесѣ участвовала вся труппа. Нечего и говорить, какіе взгляды и замѣчанія выдержала дебютантка. Ее обстрѣливали со всѣхъ сторонъ, маленькія актрисы презрительно сторонились. Олимпіецъ глядѣлъ съ мрачнымъ недоумѣніемъ. Несчастная дрожала какъ листъ.

Кто изъ актеровъ не знаетъ, что репетиція для дебютанта куда мучительнѣе самого спектакля!.. Тамъ и костюмъ, и гримировка какъ бы накладываютъ маску, за которой чувствуешь себя гораздо покойнѣе. Наконецъ—тамъ имѣете дѣло съ публикой, т.-е. съ судьями болѣе или менѣе безпристрастными.

Не то на репетиціи. Здѣсь судьи всегда жестоки, безжалостны, грубы и пристрастны елико возможно. Ядовитыя улыбки, смѣхъ, какъ бы невзначай брошенное слово — дѣлаютъ свое дѣло: дебютантъ окончательно теряетъ равновѣсіе; ему кажется, что онъ летитъ въ какую-то темную, удушливую бездну...

Конечно, моя Вереска съ перваго же шага оглохла и ослѣпла... Конечно, она была смѣшна съ своей потерянной, жалкой улыбкой, съ дрожащими поломанными перьями на шляпкѣ, съ слезами на глупо вытаращенныхъ глазахъ, съ трясущимися руками и ногами.

И все это изъ-за двухъ фразъ? Да, но сказать двѣ фразы куда труднѣе, чѣмъ сыграть настоящую роль. Нѣтъ времени овладѣть собой, услышать собственный голосъ. Только оправился —глядь, а роль ужъ и сыграна и не на чемъ отыграться...

— Помните: кричите!..—шепнулъ я передъ самымъ выходомъ дебютанткѣ, и направился къ рампѣ, гдѣ у суфлерскаго столика величественно возвышалась фигура Олимпійца.

Какъ разъ когда Вереска появилась въ дверяхъ, я спросилъ его, читалъ ли онъ сегодняшнюю рецензію? (Въ ней хвалили Олимпійца за наканунѣ сыгранную роль.)

— Чтò?.. Нѣтъ... просматривалъ... Виноватъ... позвольте, сейчасъ... Съ начала, съ начала!.. Позвольте выходъ, я не слышалъ!..

Больше мнѣ ничего и не надо было. Задавая вопросъ Олимпійцу, я однимъ ухомъ уловилъ какой-то безпомощный лепетъ камеристки.

Повторить-то она, конечно, лучше...

Примадонна сидитъ съ обиженно-изумленнымъ видомъ... Она уже злится...

Помощникъ, щипля бородку, выскочилъ впередъ.

— Пожалуйте къ выходу... Еще разъ!

Вереска стоитъ съ недоумѣніемъ, глядя на насъ.

— Повторяютъ, пожалуйте!.. Ну-съ?.. Что̀ же вы?..

— Идіотка!..—буркнула примадонна, поведя плечами.

Кругомъ. смѣшки.

— Будьте любезны повторить, я не слышалъ, — процѣдилъ Олимпіецъ холодно и строго.—Не задерживайте репетицію...

Наконецъ, та догадалась.

„Г. портно́й Оберни проситъ позволенія у герцогини войти. Онъ принесъ бальное платье“.

Вошла хорошо, реверансъ сдѣлала отчетливо, проговорила внятно.

Олимпіецъ поправилъ пэнсъ-нэ.

— У васъ слышно: „*пу*зволенія“... Не „*пу*зволенія“, а „позволенія“. Во-вторыхъ, зачѣмъ реверансъ?..

Примадонна обидѣлась еще больше, но уже на режиссера: реверансъ было ея указаніемъ!

— Если лакеи кланялись во время доклада, значитъ—камеристки дѣлали реверансы!

— Хорошо, но... почему же реверансы? Мнѣ кажется, просто поклонъ... Дамы, я понимаю, но камеристки...

— Вотъ именно камеристки!.. Это не современныя горничныя!..

— Да мнѣ рѣшительно все равно,—понялъ наконецъ режиссеръ происхожденіе реверанса. — Отъ этого ни ваша роль, ни пьеса ничего не выиграютъ и не проиграютъ...

Примадонна вскочила.

— Нѣтъ, вотъ именно моя роль проиграетъ!.. Потому что въ слѣдующей сценѣ я прохожу цѣлый урокъ реверансовъ, и то, что горничная кланяется лучше меня, оттѣняетъ мою роль, мое происхожденіе...

Олимпіецъ поднесъ обѣ руки къ лицу ладонями наружу.

— Извольте, извольте.

— Повторите, пожалуйста, такъ нельзя... Это не репетиція...—простонала примадонна въ сторону Верески.

Я уже былъ на выходѣ и снова шепнулъ:

— Сдѣлайте полуреверансъ, слегка.

На этотъ разъ прошло совсѣмъ хорошо. Герцогиня сидѣла

спиной, слѣдовательно не видѣла ея полупоклона, а „*пу*зволенія“ замѣнилось—„*по*зволенія“.

Олимпіецъ кивнулъ головой, репетиція продолжалась.

Сцена съ переодѣваніемъ была отложена до генеральной, и притворно-восторженное: „Очень хорошо-съ!“ попало на мѣсто и довольно удачно.

Спектакль...

Что о немъ сказать?.. Одѣлась Вереска прекрасно и была очень мила въ своемъ бѣломъ чепчикѣ, походя на невиннаго младенца... Полуреверансъ, докладъ и „очень хорошо-съ“ — миновали превосходно. Много апплодировали—примадоннѣ, конечно, подносили массу цвѣтовъ, подарковъ...

Вереска восторженнымъ взоромъ слѣдила за ходомъ спектакля. Она упивалась этой чадной атмосферой, утопая въ блаженствѣ отъ осязанія бѣлилъ и румянъ на своемъ лицѣ, отъ вида самой себя въ коротенькой юбочкѣ, отъ сознанія, что и она незамѣтнымъ винтикомъ попала въ грохочущую машину, что она—*актриса*, что богъ, ея дивный, чарующій богъ—такъ близокъ, что робкой, дрожащей рукой и она кладетъ свою крошечную долю ѳиміама на золотую курильницу его священнаго алтаря...

V.

Занятія наши прервались сами собой. Нѣсколько разъ, утомленный безсонными ночами, я просто проспалъ время уроковъ, потомъ и ученица стала манкировать... Правда, успѣхи она дѣлала большіе, но играть ужъ ей не давали. Помимо камеристки, заняли еще два или три раза—безъ словъ, вотъ и все...

Какъ-то въ началѣ января она пришла ко мнѣ очень блѣдная, худая и объявила:

— Уѣзжаю...

— Куда?..

— Домой...

— А театръ?..

— Я вернусь... О, я вернусь!..

На всѣ разспросы она мучительно повторяла:

— Надо, надо...

Къ чему я разспрашивалъ?.. Довольно было вглядѣться въ эти провалившіеся глаза.

„Черная дѣвушка“ просто изнемогала отъ нужды. На дворѣ стояли жестокіе морозы, а та же ветхая драповая кофточка еле

прикрывала ея похудѣвшія плечи. Гдѣ она обѣдала? Не знаю. Она получила изъ театра всего девять рублей и прожила на нихъ всю зиму, платя за каморку гдѣ-то на окраинѣ по два рубля въ мѣсяцъ. Оставались гроши. Какъ жить?.. О, другія находятъ пути... и нельзя винить ихъ... Вѣдь ѣсть необходимо...

Очевидно, Вереска не могла сломить своей чистой дѣтской, глубоко талантливой натуры...

Наканунѣ я заплатилъ въ ресторанѣ двадцать съ чѣмъ-то рублей... Мнѣ стало больно... и серебряные вѣнки на стѣнахъ показались отвратительны.

Я придвинулся ближе.

— Возьмите у меня немножко денегъ.

Она, какъ подкошенная, склонилась на столъ и зарыдала.

Я глядѣлъ на эти дрожащія плечи и думалъ:

„Да, не твои силы и не твой талантъ нуженъ, чтобы проложить себѣ дорогу на нашемъ подломъ болотѣ... Всѣ искусства ведутъ къ поднятію духа, стремятся оторвать человѣка отъ звѣря. Такъ понимаютъ, такъ и относятся къ тѣмъ, кто имъ честно служитъ. Да, всѣ—кромѣ нашего. Къ чему лицемѣрить?.. мы служимъ не искусству, а толпѣ, ея развлеченію и разврату. Такъ всегда было, во всѣ времена, такъ и теперь. Театръ—школа?.. Почему же на преподавательницъ этой школы смотрятъ какъ на доступныхъ женщинъ?.. Почему званіе музыкантши, художницы, писательницы не кладетъ этого клейма?.. Вѣдь исторія не говоритъ, что онѣ отличались образцовой нравственностью. Почему однѣ могутъ встрѣтить поддержку въ обществѣ путемъ стипендій, пособій, а другія—только продажей своего тѣла или происками закулисныхъ интригъ?.. Значитъ, мы служимъ не искусству... Да и есть ли оно?.. Не пройдетъ ли еще много вѣковъ, прежде чѣмъ театральная школа станетъ на ряду съ академіей художествъ, консерваторіей или университетомъ... Да и станетъ ли когда-нибудь"?..

Вереска отдышалась.

— Благодарю васъ... Не надо.

— Я не разорюсь...

— А дальше какъ?..

— Дальше?.. Получите мѣсто и возвратите.

— Получу мѣсто?.. Нѣтъ, я не скоро получу мѣсто... Надо переждать...

Настаивать... когда она права... Я слишкомъ хорошо зналъ театръ, чтобы не понимать этого...

Мы простились...

Я поцѣловалъ руку „черной дѣвушки“, не боясь испортить бѣлилъ,—она была чиста...

Сезонъ оконченъ, всѣ разъѣхались.

VI.

Новый сезонъ, новый городъ...

Получаю письмо... Почеркъ убійственный, кривыя буквы лѣзутъ во всѣ стороны... Видны безсильныя старанія загнать ихъ въ строчку... Тутъ кляксы, тамъ потеки, какъ будто отъ слезъ.

„Наконецъ-то узнала вашъ адресъ... Ахъ, какъ много, много надо сказать!.. Я все еще дома... Каждый день ложусь и встаю съ мыслью о васъ и о театрѣ... Неужели не скоро наступитъ минута, когда можно будетъ вернуться къ вамъ?.. Не бойтесь, я больше не буду надоѣдать вамъ ни просьбами, ни слезами, ни своимъ ужаснымъ чтеніемъ и игрой... Я теперь сама занимаюсь тайкомъ... У меня отобрали всѣ книги и тетради, но я кое-что припрятала... Чтобы не попасться, ухожу въ садъ и провожу все время на деревьяхъ... Тамъ меня слушаютъ только птицы... за то мечты уносятъ далеко-далеко... Какъ мнѣ стыдно за первое впечатлѣніе, которое я произвела на васъ, которое всегда производила и на другихъ... Правда, я была больна... Я помню ваши совѣты, и все думаю о здоровьѣ... Мнѣ кажется, я очень, очень поздоровѣла... Только почему-то грудь ноетъ сильнѣй и сильнѣй и въ ушахъ шумитъ... Нѣтъ, я не могу вамъ лгать!.. Я написала: „почему-то“—и мнѣ стало стыдно... Я вамъ признаюсь... Этой весной, только тронулась рѣка—такая невыразимая тоска охватила меня, такъ потянуло и за облачками, свободно убѣгавшими вдаль, и за льдинками, уносимыми рѣкой... что я хотѣла утопиться... Свѣтило солнце, меня видѣли и скоро нашли... Я захворала, мнѣ обрили голову... Теперь я почти здорова, вотъ только шумъ въ ушахъ... Это меня страшно мучитъ... Неужели я оглохну?.. Какъ же я буду играть“?..

Въ концѣ было:

„Умоляю: откликнитесь на мое письмо, поддержите мой духъ... Я изнемогаю... Хоть двѣ строки!.. Вѣдь вы въ моемъ раю!.. Каждое ваше слово будетъ для меня голосомъ неба... Хоть что-нибудь“!..

А вотъ еще P. S.:

„Меня все сватаютъ за помѣщика... но я борюсь... Я его просто возненавидѣла съ тѣхъ поръ, какъ онъ назвалъ театръ

„чортовымъ балаганомъ"... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!.. Вѣдь это равносильно навсегда отказаться отъ искусства, равносильно смерти"...

Письмо застало меня самого угнетеннымъ и желчнымъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Я отвѣтилъ слишкомъ правдиво, слишкомъ рѣзко:

„Неужели вы не убѣдились, проведя годъ за кулисами подъ градомъ глумленій и чуть не умирая съ голоду, что театръ не для васъ?!.. Вы все грезите о какихъ-то идеальныхъ режиссерахъ, священнодѣйствіи... Нѣтъ этого!.. Нѣтъ и нѣтъ!.. Нашъ театръ—торговое предпріятіе, а не храмъ!.. Нужна кожа гипопотама, мозги идіота или самоувѣренная наглость, чтобы пройти къ намѣченной цѣли. Бросьте иллюзію, не мучьте себя напрасно!.. Идеальные режиссеры и антрепренеры, безкорыстно помогающіе талантамъ стать на ноги, живутъ только въ воображеніи гимназистокъ... Поймите же, наконецъ: у насъ легко дѣлаютъ карьеру или жены и любовницы покровителей, заправилъ, вліятельныхъ актеровъ, рецензентовъ,—или пройдохи, умѣющія водить за носъ, но не брезгающія ничѣмъ остальнымъ. Развратъ, деньги и реклама—вотъ три рычага, возносящіе на пьедесталъ. Умѣнье повернуть одинъ изъ нихъ—талантъ, идущій впереди таланта актрисы. Безъ него—тяжелая, неблагодарная лямка, полутѣнь и нужда, висящая надъ головой, какъ камень, готовый сорваться каждую минуту. Быть хорошей матерью и воспитать честныхъ людей—куда выше, чѣмъ, теряя по дорогѣ совѣсть, разумъ и сердце, наконецъ взобраться на пьедесталъ... Хорошо—взберетесь, но придетъ минута, оглянетесь на себя и страшно станетъ: во что, во *что* вы превратились!.. Все изломано, издергано, забрызгано грязью... Что-то завистливое, злобное, лицемѣрное очутилось тамъ, гдѣ еще недавно живымъ ключомъ били чувства, способныя на добро... Помните Матрену?.. Она по-своему опредѣлила: „Городъ-то, городъ, все пожретъ"!.. И вѣрно,—пожретъ"!..

Можетъ быть, я сгустилъ краски, но я ихъ не выдумалъ, я взялъ ихъ съ натуры... Тѣмъ не менѣе, дня черезъ два сомнѣніе и страхъ овладѣли мной... Да вѣдь такой отвѣтъ измученной, больной, страдающей дѣвушкѣ равносиленъ удару ножомъ въ сердце! Не теряя ни минуты, пишу второе письмо, предлагая денегъ на проѣздъ и хлопоты по устройству дебюта—отвѣта нѣтъ и нѣтъ...

Вскорѣ я успокоился и махнулъ рукой... Тѣмъ лучше... При всѣхъ удачахъ—наслажденія первыхъ минутъ пронеслись бы вих-

ремъ, а тамъ—разочарованія, горечь... Ей, вотъ именно ей, было бы очень тяжело...

Вѣроятно, поразмыслила и вышла замужъ за не „очень бѣднаго помѣщика"... а можетъ быть—повѣсилась на излюбленной вѣткѣ, но ужъ ночью, чтобы никто не видѣлъ.

Вотъ и три года миновали... а о „черной дѣвушкѣ" ни слуху, ни духу...

Такъ и погасъ этотъ блѣдный, робкій лучъ невзошедшаго солнца на нашемъ парусиновомъ небѣ... Понятно—почему!.. Настоящее солнце для парусины не годится. Нуженъ рефлекторъ изъ стали, два уголька вольтовой дуги и мѣдный проводникъ... Тогда солнце свѣтитъ и ночью...

„Общая участь"... какъ говоритъ Горацію у Шекспира—а я добавлю: участь всего живущаго идеаломъ въ нашъ... *реальный* вѣкъ...

Григорій Ге.

ИЗЪ ГОРДОСТИ

Эскизъ изъ романа: „Par orgueil", m-lle Marie Anne de Bovet.

I.

— И что бы вамъ найти мужа для моей внучки!—говаривала часто своимъ знакомымъ дамамъ адмиральша де-Рошморъ. Ей неизмѣнно возражали тѣмъ, что mademoiselle Сибилла такъ прелестна, что ей будетъ не трудно самой найти себѣ мужа.

Но старуха покачивала скептически головою, хорошо зная, что нѣтъ ничего хуже для дѣвушки, какъ принадлежать къ богатой семьѣ, не имѣя собственнаго состоянія. Адмиральша имѣла, правда, сто тысячъ франковъ годового дохода, но изъ нихъ двадцать тысячъ составляли ея вдовью пенсію, а остальное придется раздѣлить послѣ ея смерти между четырьмя ея дѣтьми: тремя замужними дочерьми и сыномъ, капитаномъ перваго ранга. Второго ея сына, Жоффруа де-Рошмора, бывшаго секретаря французскаго посольства въ Константинополѣ, не было уже въ живыхъ.

Жоффруа де-Рошморъ, женатый на лэди Гильдѣ Кольвинъ, дочери англійскаго посланника и безприданницѣ, обладалъ умомъ живымъ и острымъ, но склоннымъ къ химерамъ и нѣсколько страннымъ. Онъ былъ кутила и игрокъ, вѣчно нуждался въ деньгахъ, и кончилъ тѣмъ, что, бросивъ дипломатію, занялся финансовыми операціями на Востокѣ. Ему везло лѣтъ десять подъ-рядъ. Зимою онъ жилъ въ Египтѣ съ женой и двумя дѣтьми, дочерью Сибиллой и сыномъ Джеральдомъ, а лѣтомъ—его жена и дѣти гостили у родныхъ, то въ Англіи, то во Франціи. Затѣмъ Джеральда помѣстили въ іезуитское училище въ Парижѣ, поручивъ

надзоръ за нимъ бабкѣ, адмиральшѣ де-Рошморъ. Кончивъ курсъ, онъ поступилъ въ Сенъ-Сирскую школу; Сибиллѣ только-что минуло 15 лѣтъ, когда она и братъ ея осиротѣли. Мать ихъ скончалась въ Каирѣ, а Жоффруа уѣхалъ съ дочерью въ Парижъ, явился немедленно къ адмиральшѣ и объявилъ ей напрямикъ:

— Я разорился; потеря милости хедива, неудачныя операціи,—словомъ, я лишился всего, но долговъ у меня нѣтъ, и честь осталась неприкосновенной. Я уѣзжаю въ Тэхасъ. Говорятъ, тамъ можно при энергіи разбогатѣть на коннозаводствѣ. У меня есть тамъ старый товарищъ, и я вступаю съ нимъ въ компанію... Оставляю вамъ Сибиллу; вы теперь—ея единственная опора. Простите причиненныя вамъ мною огорченія; я самъ теперь искупаю прошлое тяжелой цѣной. Но краснѣть вамъ за меня не придется, я не сдѣлалъ ничего безчестнаго... Благословите меня, maman, мы долго не увидимся.

На другой день онъ уѣхалъ, а черезъ недѣлю пришла телеграмма отъ французскаго консула въ Нью-Іоркѣ, увѣдомлявшая адмиральшу, что наканунѣ прибытія парохода графъ де-Рошморъ, чистя свой револьверъ, нечаянно застрѣлился. Адмиральшѣ припомнилось волненіе сына при прощаніи съ нею,—волненіе, несвойственное его твердой натурѣ, и она поняла, что смерть эта не была случайностью. Она не ошибалась: Жоффруа не зналъ никого въ Тэхасѣ, а уѣхалъ такъ далеко только для того, чтобы обставить свое самоубійство какъ можно правдоподобнѣе, конца же плаванія онъ дождался для того, чтобы не быть опущеннымъ въ море, а погребеннымъ на родинѣ, въ гробницѣ предковъ.

Несмотря на свои преклонные годы и сопряженныя съ ними немощи, адмиральша сохранила крѣпость духа. Она хорошо поняла, почему сынъ ея лишилъ себя жизни, и хотя порицала его, какъ христіанка, но извиняла, какъ свѣтская женщина, понимающая, что онъ не могъ перенести потери всего своего положенія. Она скрыла правду отъ Сибиллы и скоро привязалась къ ней нѣжнѣе, чѣмъ къ ея покойному отцу, котораго всегда рѣдко и мало видѣла. Но, несмотря на всю свою любовь къ ней, она не могла оставить ей по завѣщанію болѣе двѣсти тысячъ капитала; она только рѣшила—дать ей эту сумму въ приданое, въ счетъ наслѣдства. Само по себѣ приданое было недурно, но о mademoiselle де-Рошморъ принято было думать, что она не можетъ жить въ скромной обстановкѣ. И кавалеры призадумывались.

Сама Сибилла, благоразумная по природѣ, не стремившаяся ни къ роскоши, ни къ удовольствіямъ, была убѣждена, что не дорожитъ богатствомъ, какъ это свойственно людямъ, не испытавшимъ лишеній. Широкое довольство окружало ее въ домѣ отца и у родныхъ въ Англіи; то же самое нашла она и въ домѣ бабушки. Мыслимо ли пріучать къ умѣренности дѣвушку-безприданницу, ростущую среди роскоши, когда къ ея услугамъ и лошади, и экипажъ, и цѣлый полкъ прислуги? Адмиральша понимала, что переходъ отъ этой роскоши къ иной жизни будетъ очень тягостенъ для Сибиллы, если его не скраситъ бракъ по любви. Но подобные браки рѣдкость, и къ тому же нельзя сказать, чтобы они были наиболѣе счастливыми. Будь еще Сибилла красавицей, ее было бы легче пристроить, хотя и большой красоты мужчины побаиваются, если не могутъ предложить взамѣнъ большого богатства.

Но Сибилла не была ни красавицей, ни дурнушкой; у нея были чудесные свѣтло-золотистые волосы, воздушные, пушистые, непокорные, обрамлявшіе ореоломъ ея лицо; хорошо сложенная, хотя еще худощавая, она отличалась превосходнымъ цвѣтомъ лица и ослѣпительною бѣлизною зубовъ. Глаза ея были невелики, но живые, неопредѣленнаго зеленовато-сѣраго оттѣнка; въ минуты оживленія въ нихъ мелькали огненныя искорки, какъ у молоденькаго, еще невѣроломнаго котенка. Остальныя черты лица были неправильны, ротъ немного великъ, носъ средній. Снисходительные судьи признавали за нею красоту молодости, но сужденіе это было ошибочно: красота молодости, сотканная всецѣло изъ свѣжести и чистоты, скоропреходяща, а бываетъ другая красота—духовная, исходящая изнутри и развивающаяся подъ вліяніемъ жизненнаго опыта, страсти, свободнаго расцвѣта личности. Внимательный наблюдатель подмѣтилъ бы въ Сибиллѣ именно подобный темпераментъ, удѣлъ великихъ чаровницъ, волшебныя чары которыхъ берутъ начало въ неисчерпаемыхъ тайникахъ ихъ души. Характеръ у нея былъ симпатичный и веселый, натура рѣшительная, хотя и разсудительная; она отличалась тактомъ, деликатностью и полной непринужденностью дѣвушки изъ хорошей семьи, увѣренной въ себѣ и всегда умѣющей удержаться на должной чертѣ между смѣлостью и застѣнчивостью. Полная жизни и здоровья, она обладала утонченно-гордой душой, но не сознавала своей внутренней сложности; отъ бабушки она унаслѣдовала прямоту сужденій, ясный и положительный умъ, а англо-саксонская кровь ея матери привила ей энергію, выносливость, пренебреженіе къ опасности и пре-

зрѣніе къ слабости. Была ли въ ней частица испорченности отца—то было тайной ея дѣвственной души.

Къ браку Сибилла не питала никакого отвращенія, но не вносила въ этотъ вопросъ ни малѣйшей сантиментальности: она считала, что выйти замужъ ей такъ же необходимо, какъ брату ея необходимо служить. И то, и другое—нормально. Весь вопросъ лишь въ томъ, за кого ей выходить. О любви она не мечтала потому, что не отличалась мечтательностью, а также и потому, что слишкомъ ясно сознавала, что любовь—роскошь, безъ которой множество женщинъ прекрасно обходятся. „Съ милымъ рай и въ шалашѣ"—это не прельщало ея; за деньгами она не гналась, но и спускаться съ высоты своего общественнаго положенія не желала. Она готова быть милой, преданной и вѣрной подругой для своего будущаго мужа, но нѣкоторая привязанность между супругами представлялась ей необходимой сверхъ всего.

Этимъ дѣло, впрочемъ, не ограничивалось. Аристократка по природѣ, Сибилла не хотѣла выходить замужъ за человѣка простого происхожденія, не изъ тщеславія или высокомѣрія, а въ силу того убѣжденія, что ей легче ужиться съ равнымъ себѣ. За титуломъ она не гналась,—титулъ всегда можно купить, но дорожила родовитостью, связями, чистотою крови. Пристроиться при такихъ условіяхъ ей было трудновато, и хотя въ душѣ адмиральша была согласна съ нею, но все же осталась недовольна отказомъ Сибиллы выйти замужъ за сына разбогатѣвшаго подрядчика, Жюля Лабургада. Сибилла оставалась глуха на всѣ уговоры бабушки. Она заранѣе примиряется съ замужествомъ безъ энтузіазма, но не можетъ однако чувствовать къ мужу отвращеніе; а эти грубые, разбогатѣвшіе выскочки, лишь слегка подернутые лакомъ цивилизаціи, внушаютъ ей одно это чувство. Да и самое его богатство черезъчуръ колоссально,—можно довольствоваться меньшимъ, и напрасно бабушка увѣряетъ ее, что дѣло не въ знатномъ имени, а въ одномъ богатствѣ!—вѣдь сама же она надѣется, что Джеральдъ сдѣлаетъ выгодную партію именно потому, что онъ—графъ де-Рошморъ. И господинъ Лабургадъ влюбленъ не въ нее, а во всѣхъ ея предковъ, адмираловъ, генераловъ, звѣздоносцевъ и посланниковъ. Генеалогическое дерево ея рода, фамильные портреты, гипнотизируютъ его. А вѣрно, все это имѣетъ цѣнность, если онъ предлагаетъ въ обмѣнъ свои семь или восемь милліоновъ. Она знаетъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ найти для нея вполнѣ подходящаго мужа въ ихъ кругу, но и вводить въ свою среду сына какого-то каменьщика—по меньшей мѣрѣ неудобно.

— Да будь еще дѣло только въ этомъ,—докончила Сибилла, видя, что бабушка побѣждена:—мнѣ могли бы доказать, что я просто тщеславна и глупа. Но передъ чувствомъ всѣ доводы безсильны. А этого человѣка я не только не могла бы полюбить, но прямо возненавидѣла бы. И подумайте, что̀ тогда могло бы случиться... Вѣдь грѣхъ палъ бы на вашу голову, бабушка...

Подобный аргументъ былъ вызванъ самымъ воспитаніемъ, даннымъ Сибиллѣ старухой, познакомившей ее съ жизнью, а потому адмиральша только улыбнулась. Лабургадъ получилъ вѣжливый отказъ, но отнынѣ на просьбы адмиральши пристроить ея внучку отвѣчали уклончиво, думая про себя: „черезчуръ ужъ барышня разборчива“.

Однако одинъ изъ окружавшихъ Сибиллу мужчинъ внушалъ одно время смутныя надежды адмиральшѣ. То былъ нѣкій Фабрицій Пизани, съ которымъ Сибилла встрѣтилась у своей тетки, г-жи Дора̀ де-Флэксъ, бездѣтной и богатой женщины, очень сердечно относившейся къ Сибиллѣ. „Красавецъ Пизани“—такъ величали его въ свѣтѣ, на языкѣ котораго слово это выражаетъ не физическую красоту, а ту совокупность изящества и элегантности, что̀ создаетъ успѣхъ подобнымъ мужчинамъ. Это—„декоративные“ господа, всюду бывающіе, вездѣ пріятные—салонныя знаменитости. Отецъ его былъ итальянецъ и принадлежалъ къ хорошей семьѣ; мать—француженка, а самъ онъ родился во Франціи и перешелъ во французское подданство. Совершенно свободный и обладающій недурнымъ состояніемъ, онъ велъ утонченную, лѣнивую жизнь дилеттанта. Какъ это часто случается съ богато и разнообразно одаренными натурами, которымъ незачѣмъ извлекать матеріальную пользу изъ своихъ природныхъ способностей, онъ безплодно разбрасывался, рисовалъ изящныя картинки, писалъ изысканные стихи. Но, глубоко понимая и любя искусство, онъ самъ сознавалъ недостатки своихъ произведеній, и если преподносилъ, когда было нужно, свои сонеты, тріолеты и рондо̀, блестящіе по формѣ и чисто итальянскіе по духу, прекраснымъ дамамъ, за которыми ухаживалъ, то никогда своихъ стиховъ не печаталъ. Не выставлялъ онъ также нигдѣ и тѣхъ хорошенькихъ картинокъ, что̀ раздаривалъ своимъ знакомымъ.

— Къ чему? — говорилъ онъ:—литераторовъ и художниковъ и безъ того слишкомъ много. Впрочемъ, ни одинъ истинный артистъ не любитъ тѣснаго общенія съ толпой, и дѣлаетъ это только по неволѣ. А когда имѣешь счастіе въ томъ не

нуждаться,—съ какой стати отдавать себя живьёмъ на съѣденіе зѣвакамъ, ядовитымъ критикамъ и вѣроломнымъ льстецамъ!

Онъ отличался такой музыкальной памятью, что могъ сыграть на роялѣ и спѣть любую Вагнеровскую оперу, прослушавъ ее всего разъ; но самъ не согрѣшилъ ни однимъ романсомъ, потому что подобное любительство представлялось ему глупой претензіей. Не желалъ онъ быть и салоннымъ виртуозомъ, и садился играть только тогда, когда чары музыки могли служить ему подспорьемъ въ дѣлѣ обольщенія: вѣдь волшебные звуки музыки будятъ желанія, ослабляютъ волю, усыпляютъ совѣсть. Это пренебреженіе къ салоннымъ успѣхамъ, отличительная черта его характера, проистекало не изъ скромности, а изъ нѣкотораго высокомѣрія. Онъ наслаждался прекраснымъ, отворачивался отъ уродливаго и постоянно вращался въ свѣтѣ, гдѣ всегда ловко, блестяще и изящно разсуждалъ объ искусствѣ и любви, вѣчныхъ темахъ свѣтской бесѣды. Словомъ, то былъ чистѣйшій типъ дилеттанта.

Онъ оставался такимъ и въ любви, въ которую вносилъ болѣе воображенія, нежели чувственности, и на которую смотрѣлъ тоже какъ на художественное наслажденіе. Довольно холодный по темпераменту, онъ велъ себя подлѣ каждой женщины такъ, что она могла считать его безумно влюбленнымъ въ нее, тогда какъ на дѣлѣ ни одна изъ нихъ не кружила ему головы. Онъ не былъ ни скептикомъ, ни циникомъ, но, увлекаясь во всемъ красотой, онъ привыкъ считать нравственнымъ все то, что̀ прекрасно, и это извратило его природную прямоту. Онъ никакъ не могъ согласиться со старой поговоркой, гласящей: „безобразенъ, какъ смертный грѣхъ“, и находилъ, что грѣховно одно безобразное. Не взирая на такую нравственную распущенность, онъ вовсе не былъ тѣмъ Донъ-Жуаномъ, какимъ его выставляли. Продажная любовь казалась ему невѣроятно глупой; волокитство за простой мастерицей оскорбляло его эстетическое чувство, и стоило ему начать интригу со свѣтской дамой, онъ пускался въ такія ухищренія, что зачастую упускалъ удобную минуту, но быстро утѣшался, находя, что предварительныя смѣлыя ухаживанія куда интереснѣе самой влюбленности, которая можетъ завести невѣдомо куда.

Приглашая его погостить осенью въ своемъ за̀мкѣ, тетка Сибиллы разсчитывала на сближающую дачную жизнь съ ея катаньями, гуляньями и садовыми играми, влекущими за собою постоянное непринужденное общеніе. Хотя Сибилла вообще держала себя непринужденно съ мужчинами, что̀ вызывало даже нѣ-

которое осужденіе,—все же въ свѣтѣ молодыя дѣвушки всегда стѣснены. Взгляды Фабриція Пизани на взаимныя отношенія половъ были таковы, что не подходили къ дѣвическимъ приличіямъ, а потому онъ никогда не обращалъ вниманія на молодыхъ дѣвицъ. Но въ ту осень онъ только-что порвалъ съ одной давнишней связью, ему было немного скучно, и онъ внезапно заинтересовался здравой и сильной натурой Сибиллы. Однако, искушеніе было весьма мимолетно, и стоило ему сопоставить свою эгоистически безпечальную жизнь съ супружескими обязанностями, какъ онъ немедленно отступилъ. Матеріальныя соображенія только подкрѣпили его рѣшимость. Онъ не гнался за выгодной партіей, но и уменьшать свое благосостояніе ничуть не желалъ: приданаго Сибиллы ей хватитъ едва на туалетъ, а привыкнувъ къ подобной роскоши въ жизни, она не можетъ оказаться благоразумной женой человѣка, годовой доходъ котораго не превышаетъ 30-ти тысячъ франковъ. Какъ эстетикъ, онъ даже не могъ представить себѣ Сибиллу въ иной рамкѣ. Къ тому же она сама ничѣмъ не ободряла его, влюбленность его не росла, и отношенія держались на почвѣ товарищества. Быть можетъ, ея сердце и открылось бы ему, постучись онъ въ него сильнѣе, но, несмотря на все свое пристрастіе къ любовнымъ опытамъ, онъ находилъ, что съ молодой дѣвушкой подобные опыты не безопасны, потому что ведутъ прямо къ браку. Неотразимымъ онъ себя не считалъ, а быть принятымъ только потому, что партія онъ не дурная, онъ не хотѣлъ. И вотъ, поразмысливъ обо всемъ, онъ покинулъ замокъ де-Флэксъ, встрѣтился вскорѣ въ Ниццѣ съ professional beauty, лэди Родерикъ Сенъ-Моръ, и имѣлъ честь понравиться ей. Красавица брюнетка только-что поссорилась съ однимъ знаменитымъ теноромъ di forza, человѣкомъ грубымъ, и ее прельстилъ этотъ изящный, средняго роста, стройный Фабриціи, нервный, съ тонкими чертами лица, живыми и мягкими глазами, насмѣшливой и манящей улыбкой и курчавой темно-рыжеватой бородкой клиномъ.

Но когда Сибилла встрѣтила его вновь въ Парижѣ, онъ былъ уже свободенъ отъ чаръ знаменитой кокетки. Никто не зналъ, раздѣляла ли Сибилла разочарованіе своей родни, потому что она была необщительна, какъ это зачастую бываетъ съ веселыми, непринужденными натурами. Ни бабушка, ни тетка, не допрашивали ее—и все обошлось молчаливо.

Тѣмъ не менѣе, Сибилла начинала тяготиться своимъ выжидательнымъ положеніемъ. Ей было 24-е года, и она уже на-

чинала спрашивать себя, не напрасно ли отвергла сына подрядчика, какъ въ одинъ прекрасный вечеръ, на раутѣ въ англійскомъ посольствѣ, она встрѣтилась неожиданно съ своимъ кузеномъ со стороны матери. Клодъ Олифаунтъ, графъ Боклеркъ, былъ единственный сынъ и наслѣдникъ маркиза Лайсмора. Сибилла встрѣчала его въ дѣтствѣ, когда гостила у своихъ англійскихъ родственниковъ, а потомъ потеряла его изъ вида. Теперь ему было 32 года. Это былъ типъ чистѣйшаго аристократа-британца, здороваго и крѣпкаго, благодаря постояннымъ упражненіямъ въ спортѣ, обязательнымъ для каждаго джентльмэна. У него были сѣро-голубые, стального блеска глаза, глядѣвшіе ясно и немного жестко, правильный, энергичный профиль, острые зубы, сверкавшіе здоровой бѣлизной изъ-подъ шелковистыхъ, бѣлокуро-рыжеватыхъ усовъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и красивъ, безупречно-изященъ и корректенъ, со спокойно-увѣренной, нимало не фатовской, но немного дерзкой осанкой, съ высокомѣрными, немного пренебрежительными манерами.

Весьма неглупый и довольно образованный, онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, исколесилъ чуть-ли не весь земной шаръ и имѣлъ знакомыхъ во всѣхъ столицахъ Европы. Не болтливый въ обществѣ, онъ держался безукоризненно, но кутежи, вино и карты—уже наложили на него свой отпечатокъ. Когда его представили адмиральшѣ, та пригласила его къ обѣду на другой же день; потомъ онъ катался съ Сибиллой на конькахъ въ Булонскомъ-лѣсу, ѣздилъ съ дамами въ оперу, гдѣ превѣжливо проскучалъ весь вечеръ, а въ другой разъ свезъ кузину и ея тетку въ Новый-циркъ, гдѣ очень веселился, а затѣмъ они поѣхали поужинать въ ресторанъ. Онъ забавлялъ Сибиллу, какъ нѣчто совсѣмъ новое, но ни о чемъ серьезномъ она не думала, какъ вдругъ, танцуя какъ-то съ нею котильонъ, онъ спросилъ ее со своимъ равнодушно-спокойнымъ видомъ:

— А какъ вы думаете, кузина Сибилла, не выйти ли вамъ за меня замужъ?

— По правдѣ вамъ сказать,—отвѣчала она, смѣясь:—я совсѣмъ объ этомъ не думала, и вы захватили меня врасплохъ. Развѣ необходимо отвѣчать сейчасъ же?

— Да, желѣзо слѣдуетъ ковать пока оно горячо. Впрочемъ, тутъ, во Франціи, это вамъ покажется немного безцеремонно, хотя вы и полу-англичанка?

— Потому-то я и не очень удивлена. Все же, кузенъ, мнѣ необходимо переговорить съ бабушкой.

— Сколько у васъ усложненій!—замѣтилъ онъ лѣнивымъ,

скучающимъ тономъ, излюбленнымъ британскою золотою молодежью.—Завтра утромъ мнѣ необходимо уѣхать...

— А отложить отъѣздъ на нѣсколько дней нельзя?

— Невозможно, ma chère... Я получилъ телеграмму отъ моего тренёра о болѣзни моей скаковой кобылы. Скачки близко, и мнѣ необходимо убѣдиться самому, въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что за послѣднее время мнѣ не везло.

— О, конечно, колебаться между вашей скаковой лошадью и мною никакъ нельзя,—отвѣчала она съ улыбкой.

— Не сердитесь, Сибилла. Вы черезчуръ разсудительны для того, чтобы не понимать, что я не могу пренебрегать своими интересами.

— Я и не сержусь... Мнѣ забавно.

— Отлично. Сдѣлаемте такъ: я уѣду въ Калé не съ утреннимъ, а съ вечернимъ поѣздомъ, а вы дадите мнѣ отвѣтъ завтра до шести часовъ вечера.

— А если до тѣхъ поръ вопросъ не будетъ рѣшенъ?

— Тогда я повторю свое предложеніе черезъ недѣлю. Но къ чему тратить время даромъ? Жизнь такъ коротка, а размышленія такъ утомительны... и такъ безполезны... Долго ли отвѣтить: да или нѣтъ?

Сибилла опять разсмѣялась и позволила ему придти за отвѣтомъ на слѣдующій день до пяти часовъ.

Узнавъ эту исторію, адмиральша сначала удивилась, но очень скоро сообразила, что внучка ея будетъ со временемъ маркизой Лайсморъ, одною изъ знатнѣйшихъ дамъ Великобританіи, и пришла въ восторгъ. Сибилла также разсудила, что замужъ выходить ей пора, предложеніе же кузена для нея вполнѣ лестно, потому что онъ могъ сдѣлать болѣе блестящую партію. Когда ровно въ пять часовъ лордъ Боклеркъ явился, помолвка состоялась.

Далѣе все шло такъ быстро, что задумываться было некогда. Женихъ торопился необыкновенно, и Сибилла охотно ему уступила, потому что къ ухаживаньямъ мужчинъ привыкла —и періодомъ жениховства не дорожила. Контрактъ былъ скоро подписанъ, и свадьба состоялась въ одной изъ аристократическихъ парижскихъ церквей, при самой блестящей обстановкѣ. Выходя подъ-руку съ мужемъ, чрезвычайно красивымъ въ живописной формѣ своего полка, Сибилла услыхала восторженное замѣчаніе какой-то кумушки въ толпѣ:

— Какого, однако, красавчика подцѣпила!

Сибилла слегка покраснѣла, а по высокомѣрно-холодному лицу ея мужа промелькнула неуловимая усмѣшка.

Молодые уѣхали въ тотъ же вечеръ на Лаго-Маджіоре, а черезъ три мѣсяца лэди Боклеркъ вернулась одна и остановилась у бабушки. Графъ уѣхалъ, какъ было сказано, по дѣламъ въ Америку, а молодая женщина была въ такомъ положеніи, что сопровождать его не могла. Несмотря на основательность выставленныхъ предлоговъ, въ свѣтѣ пошли разныя сплетни. Была ли тутъ супружеская драма,—никто не зналъ. Сибилла была непроницаема и много выѣзжала, слишкомъ много, говорили иные, находя, что ея поведеніе похоже на вызовъ. Но отъѣздъ Сибиллы въ Англію на лѣто къ роднымъ мужа положилъ конецъ всѣмъ толкамъ. Въ концѣ года она родила въ семьѣ мужа сына, и только тогда разрывъ между супругами сталъ очевиденъ. Сибилла проводила остатокъ зимы въ Италіи съ одной пріятельницей, а графъ, по слухамъ, сопровождалъ по свѣту какую-то кафе-шантанную пѣвицу. И тутъ всѣмъ стало понятно, почему семья ея мужа приняла такъ открыто сторону Сибиллы. Мало-по-малу унялись и самые злые языки. Въ Парижѣ лэди Боклеркъ бывала рѣдко и мало, а когда вскорѣ умерла ея бабушка, она переселилась и вовсе въ Лондонъ, гдѣ заняла въ свѣтѣ видное мѣсто. Но Лондонъ далеко, и въ Парижѣ о ней забыли, какъ забывается всякій остывшій скандалъ.

II.

Какъ-то весною пріѣхалъ въ Лондонъ Фабрицій Пизани, у котораго были тамъ родственники. Хотя онъ не видалъ Сибиллы цѣлыхъ восемь лѣтъ, и хотя многіе женскіе образы заслоняли за это время ея образъ въ его сердцѣ, гдѣ она чуть-было не водворилась,—первый его визитъ былъ къ ней. Въ эпоху ея свадьбы онъ былъ на Востокѣ и узналъ ея исторію только изъ противорѣчивыхъ сплетенъ. Всякая душевная тайна неотразимо манила его, и онъ много думалъ надъ оригинальной смѣлостью поведенія молодой женщины, явно оскорбленной въ своемъ достоинствѣ. Дома онъ ея не засталъ и сильно на это досадовалъ.

Вечеромъ онъ поѣхалъ въ оперу, гдѣ пѣли братья Решке и пѣвица Мельба. Огромная зала Ковентгарденскаго театра сіяла блескомъ бриллiантовъ и бѣлизной женскихъ плечъ. Въ антрактахъ кузенъ Фабриція, сэръ Максвель, знавшій въ Лондонѣ всѣхъ и вся, развертывалъ передъ нимъ цѣлую скандальную хронику большого свѣта. Скоро онъ обратилъ вниманіе Фабри-

ція на одну ложу бенуара, говоря ему, что вошедшее въ нее лицо—самъ герцогъ Корнваллисъ. И, обернувшись въ противоположную сторону, онъ добавилъ:

— А вотъ, разумѣется, и лэди Боклеркъ въ ложѣ своей свекрови, лэди Лайсморъ.

— Лэди Боклеркъ?

— Ну, да, сама красавица Сибилла!..

„Красавица Сибилла"! Какъ странно звучали эти слова для Фабриція. Думалъ ли онъ, что mademoiselle де-Рошморъ заслужитъ когда-нибудь это прозвище? Онъ изумлялся происшедшей въ ней метаморфозѣ, хотя черты ея собственно не измѣнились. Она была задрапирована въ мягкія складки шолка Liberty, нѣжнаго тона блѣдной бирюзы, и сверкала бриліантами, но красилъ ее не этотъ нарядъ. Только плечи ея замѣтно измѣнились, пріобрѣли полноту и пышность тридцатилѣтняго возраста, когда женщина расцвѣтаетъ вполнѣ, не теряя прежней стройности и гибкости. Воздушные бѣлокурые волосы окружали попрежнему ореоломъ ея молодое лицо. А между тѣмъ перемѣна въ ней была несомнѣнная, хотя и неуловимая! Это была другая женщина. „Она жила, вотъ и вся разгадка",—подумалъ Фабриції, добавляя мысленно:—„и какъ это можно влюбляться въ дѣвушекъ"? И онъ продолжалъ наблюдать за нею издали. Благоговѣйно слушала музыку публика,—публика Ковентгарденскаго театра, съ разборомъ апплодирующая, и, за исключеніемъ нѣмецкой публики, быть можетъ, единственная, не разражающаяся апплодисментами вслѣдъ за послѣдней вокальной нотой, не дожидаясь конца всей симфонической идеи.

Въ антрактѣ Фабриції прошелъ въ ложу лэди Лайсморъ, найти которую было нетрудно, благодаря обычаю выставлять на дверяхъ имя владѣльца ложи. Сибилла встрѣтила его привѣтливо, жалѣла, что онъ не засталъ ее днемъ, пригласила его къ себѣ на завтра къ двумъ часамъ, на lunch, потому что въ Лондонѣ это—единственная возможность побесѣдовать на свободѣ. Лэди Лайсморъ, высокая, худощавая дама, съ необычайно черными бандо̀ волосъ, со строгимъ, леденящимъ лицомъ, въ сущности добрѣйшая женщина, обошлась съ нимъ тоже весьма милостиво и пригласила бывать у нея.

Другой вошедшій въ ложу господинъ, высокій и красивый, но немного тяжеловатый, съ длинными каштановыми усами, съ сѣдиной на вискахъ, съ носомъ хищной птицы и выцвѣтшими глазами утомленнаго вивёра, говорилъ Сибиллѣ, что собирался самъ быть у нея завтра въ два часа, и очень жалѣетъ, что она

пригласила другого гостя.—Но кто же мѣшаетъ вамъ явиться?—Сибилла сдѣлала ему этотъ вопросъ скорѣе беззаботнымъ, чѣмъ любезнымъ тономъ. Но она назвала Фабриція своимъ другомъ дѣтства и, быть можетъ, не пожелаетъ принимать никого болѣе, а этому господину необходимо поговорить съ нею съ-глазу-на-глазъ, онъ имѣетъ нѣчто предложить ей... Въ такомъ случаѣ она приметъ его въ часъ, послѣ прогулки верхомъ, хотя рѣшительно не понимаетъ, что̀ ему угодно...

Вернувшись на свое мѣсто, Фабрицій освѣдомился у Максвеля, кто этотъ „верзила", котораго онъ сейчасъ видѣлъ въ ложѣ лэди Боклеркъ, и который входитъ теперь въ ложу герцога Корнваллиса.

— Это полковникъ сэръ Арчибальдъ Лесли, приближенный герцога, блестящій представитель веселящагося свѣта, спортсмэнъ, клубмэнъ, отчаянный кутила и игрокъ... Кажется, онъ имѣетъ виды на вашу прекрасную пріятельницу...

Хотя такая манера говорить о лэди Боклеркъ и не нравилась Фабрицію, но онъ подумалъ, что все это, въ сущности, въ порядкѣ вещей и наблюдать за этимъ будетъ весьма любопытно...

На другое утро въ гостиной перваго этажа хорошенькаго домика, занимаемаго Сибиллой въ Берклей-скверѣ вестъ-эндскаго квартала, въ низенькомъ креслѣ сидѣлъ въ небрежной позѣ сэръ Арчибальдъ Лесли. Это былъ любимый уголокъ Сибиллы; тутъ вся мебель была въ чисто-англійскомъ вкусѣ, бѣлая лаковая, обитая дорогими шолковыми матеріями нѣжныхъ тоновъ. На окнахъ прозрачныя свѣтлыя сторы, повсюду хорошенькія бездѣлушки. Воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ букетовъ розъ и туберозъ и неуловимымъ запахомъ духовъ.

Сибилла вошла, извиняясь, что немного запоздала. И безъ того она уже очень скоро переодѣлась, а это должно цѣниться тамъ, гдѣ мужчины тратятъ болѣе времени на туалетъ, чѣмъ женщины. Элегантный и до крайности изысканный костюмъ Лесли какъ нельзя лучше оправдывалъ ея замѣчаніе.—О, ничего, онъ обладаетъ настоящимъ терпѣніемъ охотника.—Да? Тѣмъ лучше для него. А она, вотъ, считаетъ, что нѣтъ на свѣтѣ вещи, которую стоило бы ждать. И она небрежно прилегла на свѣтло-лиловую кушетку, а Лесли умѣстился на пуфѣ у ея ногъ, къ большому неудовольствію большой шотландской собаки, не спускавшей съ гостя враждебнаго взора. Разговоръ начался обмѣномъ насмѣшливыхъ фразъ, но скоро Лесли заявилъ, что пойдетъ прямо къ цѣли, какъ она это любитъ. И тѣмъ болѣе,—

замѣтила лэди Боклеркъ,—что она голодна какъ волкъ... Итакъ, что̀ ему отъ нея нужно?..—Очень просто: онъ хочетъ обладать ею...

— Словомъ, совершенные пустяки... И это пришло вамъ въ голову такъ, вдругъ?..

— О, лэди отлично знаетъ,—возразилъ онъ,—что онъ давно ее любитъ...—Нисколько! она такихъ вещей никогда не знаетъ, по принципу...—Онъ проситъ допустить, что онъ ее любитъ, вѣрнѣе, желаетъ обладать ею, и притомъ онъ облекъ свою мысль въ такую галантную форму... Ей эта форма непріятна?—О, нѣтъ, ей все равно, но ей хочется знать, почему именно вчера, въ 11 часовъ вечера, у него явилось желаніе сообщить ей эту интересную новость. Онъ вѣдь намекнулъ, что хочетъ что-то предложить ей. Но что̀ же?

Онъ просто пожелалъ положить къ ея ногамъ еще одну любовь и преданность.

Она улыбнулась и замѣтила, что въ числѣ его пороковъ имѣется, однако, одна добродѣтель... наивные называютъ это цинизмомъ, а умные—откровенностью. Итакъ, пусть онъ говоритъ всю правду.—Нѣтъ! онъ знаетъ женщинъ! Онѣ всегда просятъ правды, а выскажи ее, и онѣ васъ возненавидятъ.—Пора бы ему, однако, знать, что она вообще не похожа на остальныхъ женщинъ и почти лишена предразсудковъ,—отвѣчала лэди Боклеркъ.

Итакъ, она требуетъ, чтобы онъ высказался? Прекрасно. Если не сегодня-завтра ей понадобится дружеская помощь—онъ сочтетъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, если выборъ ея падетъ на него... Всѣ добиваются чести служить ей... но онъ думаетъ, что его услуги могутъ быть наиболѣе цѣлесообразны. Это все, что̀ онъ хотѣлъ сказать ей.—Неужели? Очень тонко сказано, онъ могъ бы быть превосходнымъ дипломатомъ. Въ цѣломъ же, смыслъ его словъ таковъ: милѣйшая лэди Боклеркъ, я знаю, что времена нынче тяжелыя и инымъ бѣднажкамъ свѣтскимъ дамамъ бываетъ трудненько сводить концы съ концами. Я имѣю основаніе предполагать, что у васъ имѣются кой-какіе должишки, и съ радостью готовъ вывести васъ изъ затрудненія, если только вы пообѣщаете мнѣ свою признательность?.. Развѣ не такъ? Напрасно онъ протестуетъ противъ формы,—оба они выше этихъ лицемѣрій... А потому она ужъ заодно ставитъ ему вопросъ: извѣстна ли ему цифра ея долговъ?.. На минуту Лесли опѣшилъ.

— Вы сконфузились? Или боитесь, что цифра окажется черезчуръ крупной? Нѣтъ? Цифра не страшная... всего тысяча гиней. И еслибы лэди Боклеркъ продавала себя, то такъ дешево ку-

пить ее все-таки было бы нельзя... Прощайте, сэръ Арчибальдъ.

И, вся дрожа, но спокойная, она внезапно направилась къ двери.

Такъ и есть, она разсердилась, и все потому, что сама придала его предложенію грубую форму. Онъ и не думалъ предлагать ей никакой постыдной сдѣлки, и не ожидалъ отъ нея такого отношенія къ дѣлу. Онъ хорошо помнитъ, какъ недавно въ ея присутствіи обсуждали какой-то скабрёзный случай, въ которомъ деньги и любовь были тѣсно связаны, и она замѣтила тогда, что нѣтъ бо́льшаго счастія въ любви, какъ доставлять любимому существу все нужное. Такъ какъ до сихъ поръ она не отвергала его ухаживаній, то онъ и позволилъ себѣ предложить ей прямо и честно свои услуги. Но если съ ея стороны это лишь ловушка, игра, то имъ никогда не сговориться, такъ какъ онъ не смотритъ на любовь какъ на игру.

— Само собой, разъ вы изъявляете претензію вносить въ нее честность.

При этихъ небрежно брошенныхъ словахъ, злой огонекъ сверкнулъ въ глазахъ Лесли, и онъ сказалъ, указывая на одинъ изъ многочисленныхъ фотографическихъ портретовъ на столикѣ:

— Вы разсчитываете на него? Повѣрьте, что онъ ничего для васъ не сдѣлаетъ.

— Довольно,—рѣзко возразила Сибилла, теряя терпѣніе.— Я уже просила васъ удалиться... Не заставляйте меня позвонить и велѣть лакею выпроводить васъ.

— Мнѣ остается лишь смиренно извиниться. Оправданіе мое въ томъ, что вы не пріучили меня къ подобной строгости. Должно быть это правда, что Боклеркъ собирается вернуться, чтобы вновь сдѣлать изъ васъ честную женщину.

Хотя онъ поразилъ ее въ самое сердце, она отпарировала ему быстрѣе молніи:

— Смотрите, какъ бы вамъ самому не лишиться раньше своей чести!

— Господинъ Пизани!—доложилъ появившійся лакей.

Выходя, Лесли задѣлъ собаку за хвостъ, и та свирѣпо на него зарычала, точно говоря: „какъ бы я васъ куснула, если бы не была благовоспитаннымъ животнымъ“... И собака повернулась къ нему спиной.

— Ваша собака тоже обидчива,— замѣтилъ Лесли уже на порогѣ, усмѣхаясь.

— Это потому, что она всегда раздѣляетъ мнѣніе своей госпожи, а высказываетъ его—еще откровеннѣе.

Фабрицій проводилъ Лесли взглядомъ и сказалъ, лаская животное, довѣрчиво тершееся о него:

— Я раздѣляю мнѣніе вашей собаки объ этомъ господинѣ. Вчера мой кузенъ Максвель разсказалъ мнѣ о немъ довольно-таки некрасивыя вещи.

— У Максвеля презлой языкъ.

— Развѣ не правда, что полковника Лесли подозрѣваютъ въ несовсѣмъ правильной игрѣ въ карты?

— Какъ знать!

— Понимаю! Подобное сомнѣніе стóитъ подтвержденія! — Да, но намекнуть объ этомъ самому Лесли весьма рискованно. На дуэли въ Англіи, правда, не дерутся, но вы рискуете быть избитымъ палкой; а если еще окажется, что вы были неправы, то общественное мнѣніе будетъ противъ васъ. Ей, какъ полуфранцуженкѣ, подобные нравы противны, но она должна замѣтить, что англичане не даютъ понапрасну воли своему языку. Напримѣръ, вздумай кто-нибудь отказаться играть съ Лесли, не доказавъ, что онъ плутуетъ,—тотъ будетъ имѣть право обозвать публично обидчика негодяемъ и клеветникомъ. Обидчикъ имъ и прослыветъ, а сэра Арчибальда сильнѣе подозрѣвать въ плутовствѣ не будутъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ Англіи-то и зародился принципъ невинности подсудимаго до той минуты, пока его виновность не доказана. Но приди кому-нибудь фантазія изобличить Лесли, за нимъ примутся слѣдить съ неумолимымъ терпѣніемъ, а когда удастся его уличить, онъ будетъ исключенъ изъ арміи. Вотъ и все.

Глаза Сибиллы горѣли страннымъ блескомъ и загадочная улыбка блуждала по ея губамъ...

Фабрицій замѣтилъ, что самооборона—наилучшій залогъ свободы, и англичане прекрасно это понимаютъ.

— Англичане практикуютъ не одну самооборону,—сказала ему Сибилла,—а также и защиту слабаго противъ сильнаго. Это, разумѣется, противорѣчитъ обще-распространенному понятію объ эгоизмѣ и грубости коварнаго Альбіона. Совершенно напрасно считаютъ англо-саксонскую расу простою—она, напротивъ, весьма сложна по внутреннему содержанію. И часто ея темпераментъ подчиняется личной волѣ. Она понимаетъ, что англичане непріятны Фабрицію, какъ во многомъ непріятны они и ей, но это потому, что оба они принадлежатъ къ латинской расѣ, особенно онъ. Отъ смѣшенія этихъ двухъ расъ получаются довольно любопытные продукты, разобраться въ которыхъ нелегко...

— А вы позволите мнѣ попытаться?

— Пожалуй. Но я боюсь, чтобы труды ваши не оказались напрасны; я не вполнѣ увѣрена даже, что понимаю саму себя.

— Иду на рискъ! И если сфинксъ пожретъ меня, я не стану роптать.

Но Сибилла не поддержала этой лирики, а вернулась къ вопросу о любопытномъ британскомъ рыцарствѣ. Въ подтвержденіе она разсказала Фабрицію одинъ случай съ антипатичнымъ ей Лесли, свидѣтельницею котораго она была сама. Сэръ Арчибальдъ, облеченный въ безукоризненный фракъ, выходилъ какъ-то изъ самаго великосвѣтскаго лондонскаго клуба, въ обѣденный часъ. На улицѣ онъ увидалъ громаднаго дѣтину, рыжаго, краснощекаго мясника, тузившаго какого-то бѣднягу тряпичника, нечаянно задѣвшаго его своей ручной телѣжкой. Лесли хладнокровно подошелъ къ дѣтинѣ, схватилъ его за шиворотъ, и нѣсколькими мастерскими пріемами бокса отшвырнулъ его на мостовую. Такъ же спокойно онъ бросилъ ему въ лицо свою визитную карточку, предлагая искать съ него удовлетворенія судомъ, если ему такъ нравится. Дѣтина, конечно, сейчасъ же удралъ; собравшаяся толпа осталась довольна тѣмъ, что джентльмэнъ такъ ловко его отдѣлалъ, а блестящій полковникъ вернулся въ клубъ, чтобъ поправить бантъ галстука и орхидею въ петлицѣ, и если и опоздалъ въ тотъ вечеръ на обѣдъ, то, разумѣется, и не подумалъ сослаться на задержавшій его инциндентъ, тѣмъ болѣе, что такая простая вещь и сама по себѣ никому не интересна. Да не подумаетъ Фабрицій, что этотъ фактъ дѣлаетъ ей Лесли симпатичнѣе: дѣло очень просто, она страстно любитъ утонченность во всемъ, но не пренебрегаетъ и проявленіями силы. Въ Англіи вяжется и то, и другое; онъ еще не знаетъ страны, а потому не можетъ понять ее. Пріятно ли ей здѣсь? О, да, пріятно, но она беретъ отсюда только то, что̀ ей по душѣ.

— Значитъ, вы уѣхали отъ насъ навсегда? — И ставя ей этотъ вопросъ, онъ вспомнилъ таинственность ея соломеннаго вдовства, и сталъ искать на ея лицѣ слѣдовъ волненія или сожалѣнія. Но ничего не прочелъ онъ на этомъ лицѣ, и она отвѣчала ему невозмутимо:

— Да, я имѣю полное основаніе поселиться здѣсь навсегда. Сынъ мой долженъ воспитываться на родинѣ, а его семья стала давно и моею. Послѣ смерти бабушки, связь моя съ Франціей ослабѣла... Братъ мой женился на богатой и живетъ далеко; мой дядя, де-Рошморъ, вѣчно въ плаваніи, а отношенія мои къ теткамъ всегда были поверхностны. По пути на югъ и оттуда, я

дѣлаю имъ короткіе визиты. Это не позволяетъ мнѣ забыть окончательно далекую, законченную главу моей жизни.

— Да, жизнь часто похожа на театръ: когда послѣ антракта вновь поднимается занавѣсъ, оказывается, что между двумя актами случилось много новаго.

— Для меня то время было только прологомъ...

И загадочная улыбка вновь промелькнула на ея губахъ, а въ душѣ Фабриція шевельнулась смутная досада, что онъ упустилъ тогда этотъ „прологъ" изъ рукъ.

А не жалко ей друзей Парижа?—Друзья, вѣрнѣе—свѣтскіе знакомые, находятся повсюду, а что касается парижской атмосферы, то Лондонъ не уступитъ ей по части испорченности. Впрочемъ, лэди Боклеркъ ничего не имѣетъ противъ испорченности, это—обычная атмосфера свѣта, и стоитъ только умѣть лавировать въ ней. Ни малѣйшей горечи не подмѣтилъ Фабрицій въ ея словахъ. На странную драму ея супружеской жизни она даже не намекнула. Зная, что женщины склонны скорѣе рисоваться своей скорбью, онъ оцѣнилъ эту душевную гордость, и ему еще сильнѣе захотѣлось проникнуть ея тайну. И между ними завязалась самая милая, непринужденная бесѣда. Сибилла сказала, что очень рада его видѣть, и что ей пріятно вспомнить съ нимъ прошлое. Онъ тоже радъ, и ему тутъ такъ хорошо, что онъ не уйдетъ, пока она его не прогонитъ... А вѣдь именно ей пора его прогнать... Или нѣтъ!.. Онъ ничѣмъ не занятъ?—Отлично, пусть онъ посидитъ тутъ, пока она переодѣнется, а потомъ она возьметъ его съ собою къ сэру Фердинанду Сэнтону, президенту Королевской Академіи.

— Ахъ, да... вашъ Веласкецъ.

— Именно. Онъ не только великій художникъ, но и милѣйшій человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ мѣстное учрежденіе и сила... Я представлю васъ ему,—это необходимо для всякаго знатнаго иностранца. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь написать мой портретъ, и сегодня у него должны собраться мои друзья, чтобы взглянуть на этотъ новый шедёвръ. Его домъ—одна изъ здѣшнихъ достопримѣчательностей, и вамъ непремѣнно надо побывать тамъ.

Въ эту минуту въ гостиную вошла гостья, которую Сибилла встрѣтила радостнымъ восклицаніемъ, представила ей Фабриція и оставила ихъ вдвоемъ. Это была лучшая пріятельница Сибиллы, Маріонъ Морганъ, авторъ серьезныхъ, подробныхъ и любопытныхъ исторически-художественныхъ очерковъ итальянскаго возрожденія. Фабрицій былъ знакомъ съ ея произведеніями,

изобличавшими дилеттанта-мыслителя, художественнаго критика, одареннаго возвышеннымъ, необычайно изящнымъ стилемъ и философскимъ, чуткимъ къ красотѣ, умомъ. Читалъ Фабрицій и ея романъ изъ флорентинской жизни,—живое и яркое изображеніе этой сладострастной, коварной эпохи. Хотя онъ не имѣлъ наивности составлять себѣ представленіе объ авторѣ по ея книгамъ, все же его поразилъ внѣшній видъ этой женщины, написавшей такую страстную поэму любви. Контрастъ между ея любовью къ красотѣ и пониманіемъ любви съ ея внѣшностью женщины, очевидно не знающей личной любви, былъ до того рѣзокъ, что его покоробило, какъ отъ фальшивой ноты. Отсутствіе красоты почти всегда выкупается въ женщинѣ присущей ей женской прелестью, но необходимо выдѣлить и обставить какъ должно эту прелесть. А Маріонъ Морганъ, очевидно, объ этомъ не думала, удѣляя нѣкоторое вниманіе лишь маленькой, изящной ножкѣ, что̀ такъ рѣдко встрѣчается у англичанокъ, которую она удостоивала обувать въ черный шолкъ. Но ея близорукіе, мутно-голубые глаза подъ pince-nez, точно привинченнымъ къ носу, ея короткіе, жидкіе волосы неопредѣленнаго цвѣта, приглаженные, а не причесанные, вся ея худощавая фигурка, облеченная въ одинъ изъ тѣхъ костюмовъ мужского покроя, которые бываютъ хороши только на красиво-сложенныхъ женщинахъ, когда еще ихъ сухость смягчена кой-какими изящными фіоритурами, — все обличало въ ней пренебреженіе къ самому элементарному кокетству. Она была совершенно проста и естественна, безъ всякаго признака неловкости и робости, отличающихъ обыкновенно физически обдѣленныхъ женщинъ. Она первая такъ мило вышучивала свое безобразіе и до того его преувеличивала, что у собесѣдника являлось желаніе противорѣчить ей.

Разговоръ сейчасъ же коснулся Италіи, и миссъ Морганъ говорила о ней такъ тонко, съ такимъ знаніемъ и пониманіемъ ея, на такомъ чистомъ, краснорѣчивомъ и о̀бразномъ французскомъ языкѣ, что Фабрицій поддался очарованію, спрашивая себя, куда дѣвалось вдругъ безобразіе этой странной дѣвушки, съ такими рѣзкими, неграціозными движеніями? Она сидѣла передъ нимъ, закинувши небрежно ногу на ногу, и курила точно студентъ, но онъ совсѣмъ уже забылъ, что она лишена всякой женской прелести...

День былъ лѣтній и солнечный. Фабрицій ѣхалъ теперь съ обѣими пріятельницами въ открытомъ экипажѣ, и, разсматривая обѣихъ женщинъ, сидящихъ напротивъ него, спрашивалъ себя, не выбрала ли лэди Боклеркъ миссъ Морганъ какъ выгодный

контрастъ для себя. Но, присмотрѣвшись внимательнѣе, онъ сообразилъ, что ихъ связываетъ серьезная, прочная дружба. Хотя мужчины, опираясь на примѣръ Кастора и Поллукса, охотно приписываютъ себѣ монополію дружбы,—она процвѣтаетъ между женщинами не менѣе, чѣмъ между ними, при чемъ и тамъ и тутъ она бываетъ тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ невозможнѣе соперничество.

Онъ чувствовалъ себя теперь до того превосходно, что принялъ мысленно рѣшеніе послѣдовать совѣту Максвеля и нанять элегантную холостую квартиру одного его пріятеля, внезапно уѣхавшаго путешествовать. Сибилла, очаровательная въ своемъ легкомъ, батистовомъ, свѣтло-лиловомъ платьѣ и въ большой черной шляпкѣ на своихъ бѣлокурыхъ волосахъ, обратилась къ нему:

— Не вздумайте заговорить съ сэромъ Фердинандомъ по-англійски; кстати, и говорите-то вы неважно. Онъ обратится къ вамъ сначала по-французски, и даже на парижскомъ жаргонѣ, а узнавъ, что вы полу-итальянецъ, перейдетъ на чистѣйшее тосканское нарѣчіе. Если къ нему явятся нѣмцы, испанцы, даже русскіе, онъ станетъ говорить съ каждымъ на его родномъ языкѣ. Разъ къ нему заѣхалъ грекъ, и они разговорились на языкѣ Гомера. Злоязычные, завистливые люди, всегда готовые оклеветать знаменитость, увѣряютъ, что онъ иногда нарочно нанимаетъ цѣлый космополитическій персоналъ.

— И не только онъ успѣлъ научиться всѣмъ этимъ языкамъ, а онъ ухитряется еще быть весьма недурнымъ скульпторомъ и писать весьма приличныя стихотворенія, — вмѣшалась миссъ Морганъ.—Кромѣ того, онъ превосходный спортсмэнъ и фехтовальщикъ. И вотъ одинъ изъ его милыхъ собратій отпустилъ какъ-то по его адресу острое словечко: „Я слыхалъ, что онъ занимается и живописью“. Къ сожалѣнію, онъ разбрасывается, безразсудно тратитъ свои богатые дары, и не успѣваетъ сосредоточиться настолько, чтобы создать достойное его произведеніе. Живетъ онъ по-царски, и ему нужно много денегъ. Долговъ у него куча, пишетъ онъ нынче меньше, а расходовъ не сокращаетъ. Всѣ сливки общества бываютъ на его знаменитыхъ пирахъ, до принца Уэльскаго и герцога Корнваллиса включительно... Да, кстати, Сибилла, герцогъ тоже пріѣдетъ взглянуть на твой портретъ.

И она внезапно умолкла. Молчала и Сибилла, и разговоръ не возобновился. Скоро они подъѣхали къ дому знаменитаго художника.

Въ обширной, чрезвычайно простой, залитой свѣтомъ мастер-

свой, всѣ стѣны которой были увѣшаны этюдами художника, Фабриція представили высокому господину, стройнаго и крѣпкаго сложенія, съ тонкимъ лицомъ, голубыми, необычайно живыми глазами, съ могучимъ лбомъ, обрамленнымъ густыми, шелковистыми сѣдыми волосами, съ улыбающимся умнымъ ртомъ и выхоленной, слегка серебрящейся бородой. Онъ радушно привѣтствовалъ Фабриція, но поспѣшно удалился, и Фабрицій могъ спокойно предаться наблюденіямъ, что̀ онъ такъ любилъ.

Гости толпились передъ портретомъ во весь ростъ лэди Боклеркъ, написанномъ ловко и блестяще, но вычурно. Миссъ Морганъ спросила Фабриція, что̀ онъ думаетъ о немъ?—О, то же самое, конечно, что̀ и она: талантъ огромный, но дѣланный и поверхностный. Развѣ мы сами не поверхностны и не лишены внутренняго содержанія? Художники отражаютъ въ своихъ произведеніяхъ эпоху.

Фабриція заинтересовалъ издали какой-то эскизъ на стѣнѣ, и онъ направился въ ту сторону, но по дорогѣ его остановила Сибилла. Она бесѣдовала съ кѣмъ-то, стоящимъ спиной къ Фабрицію. Это былъ герцогъ Корнваллисъ, и Сибилла представила ему Фабриція, какъ своего друга, пріѣхавшаго погостить въ Англію. Фабрицій глубоко поклонился и почтительно пожалъ протянутую ему благосклонно руку. Герцогъ сказалъ ему нѣсколько милостивыхъ фразъ и изъявилъ надежду, что ему понравится въ Англіи, и что лэди Боклеркъ съумѣетъ задержать его у нихъ подольше, послѣ чего снова обратился къ Сибиллѣ, а Фабрицій отошелъ къ другимъ гостямъ. Довольно громко герцогъ сказалъ:

— Лэди Боклеркъ, сэръ Фердинандъ согласенъ со мною и утверждаетъ, что во многомъ обязанъ своему оригиналу. Онъ хотѣлъ даже увѣрить меня, что всѣмъ ему обязанъ; простите, но я протестовалъ.

Сибилла возразила, что и герцогъ, и сэръ Фердинандъ—большіе льстецы. По ея мнѣнію, волшебныя чары художника совсѣмъ преобразили ее.

— Вашъ голосъ, какъ голосъ оригинала, не авторитетенъ. Кажется, вѣжливость требуетъ обвинять художника въ томъ, что онъ не понялъ модели, и это часто справедливо. И хотя нашъ дорогой президентъ не слышитъ меня, я вынужденъ сознаться, что онъ воздалъ оригиналу должное.

— Надо отдать справедливость герцогу,—шепнула миссъ Морганъ Фабрицію:—что его комплименты всегда мѣтки. Онъ обладаетъ безукоризненнымъ тактомъ.

— Это всегда говорится о великихъ міра сего. Не мы ли сами изъ снобизма толкуемъ такъ всѣ ихъ рѣчи?

— Да ужъ вы не анархистъ ли! Это теперь въ модѣ, особенно во Франціи.

— Это правда, монархизмъ устарѣлъ, а республиканскія убѣжденія приняли удивительно буржуазный характеръ... Но почему вы это спросили?

— Потому, что вы выразились иронично о герцогѣ.

Въ первую минуту Фабрицій растерялся.

— Развѣ я былъ ироничнѣ? Это просто скверная парижская привычка вышучивать. Напротивъ, я глубоко чту его, какъ герцога, а что̀ же я могу имѣть противъ него лично?

Да, что̀ онъ можетъ имѣть противъ него? И вдругъ ему вспомнились вчерашнія слова Максвеля о герцогѣ и Сибиллѣ, и въ немъ вспыхнула глухая досада. Онъ взглянулъ на герцога, разговаривавшаго съ Сибиллой, и подъ улыбающейся невозмутимостью этого красиваго лица ему почудилось торжествующее выраженіе влюбленнаго побѣдителя.

Когда герцогъ уѣхалъ, разговоры стали развязнѣе. Сэръ Фердинандъ завладѣлъ Фабриціемъ, показывая ему подробно мастерскую. Скоро мимолетная досада Фабриція исчезла, и онъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Сибиллы подвезти его. Они уѣхали вдвоемъ, потому что миссъ Морганъ уже съ кѣмъ-то исчезла. Сибилла торопилась; ей предстояло еще заѣхать на музыкальный five o'clock, побывать во французскомъ посольствѣ, прокатиться по парку и ѣхать куда-то на обѣдъ къ $8^1/_2$ ч. Куда именно, она не помнила, но пригласительная карточка у нея въ уборной. А потомъ концертъ у богачей Берри, гдѣ будутъ играть Сарасате и Падеревскій, пѣть Эмма Кальве и Морель; Фелисія Малле исполнитъ пантомиму, Иветта Гильберъ пропоетъ шансонетки, а испанская танцовщица Кандиди, изъ-за которой всѣ сходятъ съ ума, будетъ танцовать. Говорятъ, что и сама Сара заѣдетъ послѣ спектакля. Только денежные цари могутъ позволить себѣ подобную программу.

— Кажется, и герцогъ Корнваллисъ бываетъ у этихъ Берри,— замѣтилъ немного сухо Фабрицій.

— Я и не подозрѣвала, что вы такой аристократъ.

— Вовсе нѣтъ. Но я не терплю этихъ денежныхъ мѣшковъ.

— Я тоже. Но вѣдь кому-нибудь надо же глотать трюфели этихъ богатыхъ выскочекъ и пить ихъ шампанское. Такъ ужъ лучше мы покажемъ имъ, какъ это слѣдуетъ сдѣлать изящнѣе. Погодите, васъ тоже потомъ пригласятъ.

— Я готовъ, любопытно взглянуть... А сегодня герцогъ будетъ?

— Я его объ этомъ не спрашивала.

Она не лгала, потому что онъ самъ предупредилъ ее, что будетъ.

Разставаясь съ Сибиллой, Фабрицій спросилъ ее:

— И весело вамъ такъ жить?

— Иногда весело. Въ остальное же время я вооружаюсь терпѣніемъ. Но вы застали разгаръ сезона... Бываютъ и передышки.

— И вы счастливы?—спросилъ онъ послѣ легкаго колебанія.

Загадочная улыбка промелькнула вновь на губахъ Сибиллы.

— Восточная мудрая сказка разсказываетъ, что когда стали искать безусловно счастливаго человѣка, таковымъ оказался бѣднякъ, не имѣвшій даже рубашки. Это счастіе не по мнѣ, и я довольствуюсь тѣмъ, что̀ имѣю. До свиданія!

III.

Въ прекрасный іюньскій день Фабрицій катался верхомъ по Ричмондскому парку. Пока его лошадь шла шагомъ по тѣнистой уединенной аллеѣ, Фабрицій отдался раздумью. Не разъ встрѣчался онъ за это время съ Сибиллой, на раутахъ, обѣдахъ, въ театрѣ, но не узналъ о ней ничего новаго. Не было сомнѣнія въ томъ, что герцогъ Корнваллисъ ее замѣтилъ, но далеко ли зашло дѣло? Сначала Фабрицій думалъ, что въ немъ говоритъ любопытство психолога, но скоро любопытство это приняло такіе размѣры, что Фабрицій не могъ заблуждаться долѣе на свой собственный счетъ. Очевидно, онъ за̀ново влюбляется въ Сибиллу. Неужели онъ бѣжалъ отъ молодой дѣвушки, чтобы добиваться потомъ благосклонности молодой женщины? И мысль эта была ему непріятна. Но вѣдь все это случилось нечаянно, безъ всякаго разсчета съ его стороны; всему виной поразительная перемѣна въ Сибиллѣ. Заинтересованный этой перемѣной, онъ думалъ, что въ немъ говоритъ мимолетная вспышка, желаніе разгадать тайну этого женскаго сердца, какъ отразились на ней ея супружеская трагедія, внезапно раскрывшая передъ ней всю грубость жизни и пороковъ, и эти семь лѣтъ соломеннаго вдовства посреди легкихъ нравовъ свѣта? Не желая никого разспрашивать, онъ рѣшилъ произвести дознаніе лично, чтобы не слыхать чужихъ пересудовъ.

Лошадь его споткнулась, и легкій толчокъ вывелъ его изъ раздумья. Поднявъ голову, онъ увидалъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя коляску, въ которой различилъ Сибиллу. Сначала онъ думалъ подъѣхать къ ней и предложить сопровождать ее, но внезапно ему вспомнилась гдѣ-то услышанная имъ подробность о томъ, что герцогъ Корнваллисъ имѣетъ въ Ричмондскомъ паркѣ охотничій павильонъ, гдѣ бываетъ инкогнито... Вотъ куда ѣдетъ лэди Боклеркъ—и сопровождать ее, по меньшей мѣрѣ, глупо... Онъ сейчасъ же свернулъ въ сторону и внезапно выѣхалъ на дорогу, какъ будто на встрѣчу экипажу Сибиллы. Раздалось удивленное восклицаніе, экипажъ остановился; Сибилла протянула ему руку, и ему при этомъ почудилось, что она покраснѣла. На ея равнодушный вопросъ, возвращается ли онъ въ Лондонъ, онъ притворился, что не знаетъ дороги, и назвалъ своей цѣлью такое мѣсто, къ которому былъ какъ разъ спиной... Она обратила его вниманіе на это, и онъ разсыпался въ благодарностяхъ, несмотря на ея мало-одобрительный тонъ. Онъ видитъ, что и она ѣдетъ въ ту же сторону, и ему чрезвычайно пріятно продолжать путь съ нею. И хотя онъ сознавалъ, что его ревнивое шпіонство—неумѣстная выходка, онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ рядомъ съ экипажемъ. Сибилла вновь откинулась на подушки и сосредоточенно молчала.

— Ахъ, да,—сказала она внезапно:—предупреждаю васъ, что вы получите приглашеніе отъ моей невѣстки, лэди Росмондъ, старшей дочери лорда Лайсмора, на празднества—по случаю совершеннолѣтія ея старшаго сына—въ ея шотландскомъ имѣніи. Букананъ-Тоуэрсъ—историческій зàмокъ, и я нарочно устроила, чтобы васъ пригласили. Для васъ это будетъ интересно.

— Вы слишкомъ добры. Когда состоятся эти торжества?

— Въ Троицынъ день.

Она добавила, что по окончаніи празднествъ они останутся въ семейномъ кружкѣ, и вдругъ Фабрицію припомнилось его пребываніе въ замкѣ де-Флэксъ, восемь лѣтъ тому назадъ, когда одно его слово могло бы измѣнить жизнь ихъ обоихъ. И онъ жалѣлъ теперь, что не сказалъ этого слова.

— Здѣсь мы съ вами разъѣзжаемся,—неожиданно и рѣшительно сказала она на поворотѣ одной аллеи. Ему оставалось только откланяться ей. Она замѣтила ему вдогонку черезъ плечо: —Если вы пріѣдете въ субботу утромъ на вокзалъ св. Панкратія къ курьерскому поѣзду, отходящему въ четверть одиннадцатаго въ Эдинбургъ, вы будете имѣть удовольствіе путешествовать со мною...

Онъ такъ и сдѣлалъ, но удовольствіе совмѣстной поѣздки было испорчено для него присутствіемъ ея сына Реджинальда, прехорошенькаго мальчугана въ матроссвомъ костюмѣ, съ длинными свѣтло-золотистыми волосами, обрамлявшими свѣжее, бѣлое и розовое личико съ большими синими глазами. Фабрицій считалъ дѣтей предметомъ роскоши и терпѣлъ только красивыхъ. Сибилла, очевидно, нѣжно любила этого ребенка отъ человѣка, нанесшаго ей, по всей вѣроятности, жестокое оскорбленіе.

Подъ-вечеръ они высадились на маленькой желѣзнодорожной станціи, принадлежавшей семьѣ Росмондъ, какъ и вся эта мѣстная линія, выстроенная еще покойнымъ герцогомъ. Самое помѣстье было огромное, а замокъ, со всѣми оранжереями, конюшнями, службами, псарней и башнями, представлялъ собою истинно царское жилище. Доходы этихъ громадныхъ наслѣдственныхъ земель не покрываютъ расходовъ на ихъ содержаніе.

Настоящій герцогъ Росмондъ, обладатель этого царскаго помѣстья и цѣлой вереницы титуловъ, составлялъ полный контрастъ съ окружавшимъ его великолѣпіемъ, и контрастъ этотъ сейчасъ же поразилъ Фабриція. Герцогъ былъ маленькій, тщедушный человѣчекъ съ гладко-выбритыми щеками, близорукими глазами и рѣдкими волосами. Молчаливый и кроткій по природѣ, онъ отличался скромностью, робостью и необыкновенной вѣжливостью. Онъ точно просилъ прощенія за то, что осмѣливается занимать на свѣтѣ такое видное мѣсто. Безукоризненно прямодушный, проникнутый сознаніемъ обязанностей, налагаемыхъ его положеніемъ, онъ добросовѣстно исполнялъ все, чтò полагалось, внося въ это немного ребяческую серьезность и тщаніе, присущее посредственнымъ умамъ.

— Герцогъ —рабъ и мученикъ своей знатности,—сказала про него Сибилла.

Съ того дня какъ смерть его отца, 25-ть лѣтъ тому назадъ, сдѣлала его обладателемъ майората, онъ ни разу не поступилъ такъ, какъ ему того хотѣлось бы. Ему приходилось вести жизнь, совершенно противорѣчившую его скромнымъ вкусамъ. Его окружала пышность, тогда какъ онъ былъ бы гораздо счастливѣе посреди болѣе простой обстановки; у него имѣлся цѣлый полкъ прислуги, а камердинеру его было нечего дѣлать; онъ любилъ тишину, а принужденъ былъ устраивать блестящіе пріемы. Самъ онъ не охотился, но держалъ охоту для сосѣдей. Въ качествѣ крупнаго землевладѣльца, онъ занимался агрономіей, сельскимъ хозяйствомъ, скотоводствомъ, а также рыболовствомъ, потому что у него были и береговые участки. Но всѣ эти разнообраз-

ныя занятія были ему не по душѣ, а была у него своя страсть: онъ собиралъ коллекцію афишъ и программъ всѣхъ сортовъ, всѣхъ странъ и на всѣхъ языкахъ, иллюстрированныхъ или обыкновенныхъ. Коллекцію эту онъ имѣлъ въ виду завѣщать Британскому музею, а пока ему пришлось пристроить для нея еще одну башню. Ему хотѣлось бы посвятить себя исключительно этой коллекціи, но времени у него на это не было, и онъ поручилъ все дѣло одному своему университетскому товарищу-неудачнику, котораго сдѣлалъ у себя библіотекаремъ.

Жена его, высокая дама, сильно смахивавшая на мужчину, обладала лошадинымъ профилемъ, рѣзкими чертами лица и грубымъ голосомъ. Все существо ея носило печать глубокой скуки, заразительно дѣйствовавшей на ея собесѣдниковъ и мало-одобрительной. На дѣлѣ она проявляла банальную любезность, удѣляя каждому гостю ровно столько вниманія, сколько ему подобало. Она принадлежала къ тому сорту англичанъ, которые не признаютъ ничего внѣ своего отечества, и могутъ исколесить весь свѣтъ, не поддавшись космополитизму. Не признавая въ теоріи никого, кромѣ своихъ соотечественниковъ, на практикѣ она только терпѣла остальныхъ, хотя, въ сущности, не ихъ была вина, если они не родились дѣтьми Великобританіи. А потому она оказала прекрасный пріемъ Фабрицію Пизани, тѣмъ болѣе, что онъ былъ лишенъ титула; она признавала только англійскую знать и питала непобѣдимое недовѣріе къ итальянскимъ маркизамъ, французскимъ графамъ, русскимъ князьямъ и нѣмецкимъ баронамъ! Безукоризненно добродѣтельная сама, она считала добродѣтель не только самымъ первымъ долгомъ женщины, но главной обязанностью знатной дамы. Вся скандальная хроника свѣта, всѣ эти исторіи, достовѣрныя или нѣтъ, глубоко огорчали ее, и она считала необходимымъ тушить всякій вспыхнувшій скандалъ. И пока подозрѣваемая женщина не оказывалась безнадежно скомпрометтированною, она такъ твердо защищала ее и прикрывала своей собственной безупречностью, что въ ея присутствіи робко смолкали самые отпѣтые сплетники. Примѣрная жена своему хилому супругу, она любила и уважала его какъ мужа, но еще болѣе какъ герцога Росмонда. Она нѣжно любила и превосходно воспитала своихъ семерыхъ дѣтей, а если оказывала нѣкоторое предпочтеніе старшему, лорду Буканану, такъ это потому, что тотъ былъ наслѣдникомъ имени и титула. Но какъ ни гордилась она именемъ Росмондъ, она не забывала, что принадлежитъ по рожденію къ роду Лайсморовъ, почему и прощала Сибиллѣ ея полу-французское происхожденіе, твердо помня, что

она—жена ея брата Боклерка. Герцогиня Викторія, Вики—въ домашнемъ кругу,—была ни добра, ни зла, а только безупречно корректна.

Въ этой аристократической средѣ, гдѣ царили благопристойность и благовоспитанность, гдѣ все шло спокойно, точно разъ навсегда заведенная машина, Фабрицій сразу почувствовалъ себя превосходно. За обѣдомъ онъ предавался своему излюбленному занятію—наблюденіямъ. Сосѣдкой его была сестра хозяйки дома, лэди Гладисъ, миссисъ Вилье-Кемпбель по мужу, женщина не первой молодости, съ совершенно безцвѣтнымъ лицомъ и жидкими волосами, до того незамѣтная, что ее можно было бы принять за простую гувернантку, не сверкай великолѣпные сафиры на ея атласномъ платьѣ кофейнаго цвѣта, прискорбно схожаго съ цвѣтомъ ея лица. Но стоило ей заговорить—и природное благородство сейчасъ же ярко выступало въ ней. Она была добра, проста, очень образованна, умѣла поддерживать разговоръ и во̀время молчать. Фабрицій слѣдилъ издали за оживленной Сибиллой, спрашивая себя неотступно: „Что̀ таится у нея въ прошломъ? А въ настоящемъ? Что̀ у нея на сердцѣ“?

Послѣ обѣда дамы удалились въ гостиную, а мужчины остались курить. Французы находятъ этотъ обычай дикимъ, но это сужденіе неправильно: уходя, дамы избираютъ лучшую долю, не дожидаясь, чтобы мужчины сами оставили ихъ, чтобы удрать потихоньку въ курилку. Когда всѣ опять сошлись, Фабрицію удалось поговорить довольно долго съ Сибиллой, и они условились пойти на слѣдующее утро къ обѣднѣ въ католическую церковь.

Когда дамы удалились,—мужчины ушли въ курилку и долго сидѣли тамъ. Всѣ переодѣлись предварительно въ шолковые или фланелевые вестоны разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ, такъ какъ гардеробъ всякаго элегантнаго англичанина изобилуетъ всевозможными сюрпризами, не хуже женскихъ гардеробовъ. Закурили сигары и даже трубки. Фабрицій охотно ушелъ бы къ себѣ, но онъ находилъ, что если не хочешь мѣнять свои привычки, то безполезно мѣнять среду, а потому и остался съ другими. Каждый наперерывъ старался оказать ему любезность, и ему пришлось сначала выдержать длинный, безцвѣтный разговоръ съ хозяиномъ дома, а потомъ имъ завладѣлъ маркизъ Лайсморъ, желая оказать особое вниманіе пріятелю Сибиллы. Это былъ 70-лѣтній старикъ, съ удивительно тонкой таліей, поразительно изящными чертами лица и небольшой сѣдой бородой. Онъ улыбался тонкой улыбкой стараго дипломата и отличался привѣтливыми, мягкими манерами. Въ заключеніе, Фабрицій попалъ въ

плѣнъ къ мистеру Вилье-Кемпбелю, умному весельчаку, отважному охотнику и страстному любителю моря, гдѣ онъ проводилъ все свободное отъ засѣданій палаты общинъ время, катаясь на собственномъ парусномъ катерѣ. Но ничто не интересовало Фабриція. Машинально разговаривая, онъ думалъ свою неотвязную думу, слышалъ только голосъ Сибиллы, видѣлъ передъ собою ея прощальную улыбку...

На слѣдующее утро, возвращаясь изъ церкви, Сибилла отослала экипажъ и повела Фабриція черезъ паркъ, желая показать ему пресловутую Букановскую рододендровую рощу. Роща эта утопала теперь въ цвѣтахъ.

— Я не могу осуждать васъ за ваше предпочтеніе, отдаваемое француженкамъ,—говорила Сибилла.—Но не забывайте, что вы здѣсь въ странѣ флёрта.

— Я не люблю его... По моему, дѣвушекъ слѣдуетъ уважать безусловно, иначе онѣ много теряютъ...

— Пожалуй... Но иногда уваженіе къ нимъ доходитъ до того, что ихъ совсѣмъ забываютъ любить.

Былъ ли это намекъ на прошлое? Въ тонѣ Сибиллы слышалась легкая иронія, но ни тѣни горечи.—Да, она права, но извиненіе мужчинъ—въ томъ, что они не знаютъ, какъ приступиться къ дѣвушкамъ. Имъ оттого не легче? Возможно, но все же эта манера англичанокъ ловить мужей съ помощью флёрта весьма непріятна, хотя онъ отнюдь не сомнѣвается, что онѣ, все-таки, безупречныя дѣвушки и будутъ такими же женами. Впрочемъ, флёртъ—вещь глупая, а настоящее удовольствіе—это ухаживанье за молодыми женщинами.

— О, безнравственный французъ!.. Здѣшнія дамы добродѣтельны... когда онѣ добродѣтельны...

Вотъ это-то и непріятно. Дѣло не въ безнравственности, нельзя же вѣчно быть безнравственнымъ. Но такіе, какъ онъ, для здѣшнихъ дамъ не существуютъ. Можно быть и добродѣтельной, и слегка пококетничать: а то чтò проку въ тѣхъ женщинахъ, которыя не занимаются мужчинами!

— Вы же ихъ осуждаете, когда онѣ это дѣлаютъ.

— Это мы изъ ревности... Намъ хочется, чтобы всѣ женщины старались намъ нравиться, даже если мы не влюблены въ нихъ. И женщины должны быть обольстительны или казаться такими. Безъ легкаго, тонкаго кокетства женщина ничего не стоитъ. Возьмемте, напримѣръ, маленькую миссисъ де-Лесль... Она могла бы быть прелестной, если бы хоть немного принарядилась, а то можно подумать, что она себя умышленно уродуетъ...

— Именно умышленно. Мужъ ея—настоящій Отелло, довольно рѣдкій типъ на родинѣ Шекспира. Служилъ онъ офицеромъ въ Индіи и встрѣтился какъ-то въ деревнѣ, во время отпуска, съ этой маленькой Анни, третьей или четвертой дочерью одного епископа... И къ этому вамъ слѣдуетъ привыкать. Завтра у насъ обѣдаетъ тоже одинъ епископъ съ цѣлымъ эскадрономъ дочекъ, хорошихъ невѣстъ и бойкихъ барышенъ... Анни была безприданница, но ни одинъ влюбленный англичанинъ надъ этимъ не задумывается. Черезъ недѣлю они были помолвлены.

— Вотъ-то скоропалительность! Впрочемъ, браки тутъ оттого не несчастнѣе...—сказавъ это, онъ спохватился, но слишкомъ поздно, и Сибилла замѣтила:

— Но и не счастливѣе. Бракъ всегда—лотерея. Мужъ Анни вышелъ въ отставку и увезъ жену въ свое имѣніе, гдѣ они и живутъ круглый годъ точно дикари. Онъ ревнуетъ жену ко всему міру, хочетъ, чтобы она принадлежала ему одному. Онъ приходится единственнымъ племянникомъ герцогу Росмонду, почему и не могъ отказаться отъ поѣздки сюда, но съ его стороны это величайшая жертва. Жена его боготворитъ, уступаетъ во всемъ его волѣ и совсѣмъ собою не занимается... Но теперь ей придется декольтироваться каждый вечеръ, и для бѣднаго де-Лесль это будетъ пыткой.

— О, Боже, не станутъ же люди смотрѣть на ея плечи, хотя они стòютъ вниманія. Нехорошо только, что они не одного цвѣта съ шеей...—Мужу ея это нравится. Дездемона избавила бы себя отъ многихъ непріятностей, еслибы подражала этой Анни.—Впрочемъ, въ Англіи не убиваютъ по страсти, а такъ какъ по закону за убійство вѣшаютъ, то эта перспектива расхолодитъ любого ревнивца, почему здѣсь скорѣе разводятся.

— Но какъ же поступали прежде? Измѣняли, полагаю, не рѣже, убивали меньше, и не разводились вовсе.

— Какъ-нибудь устраивались, — возразила Сибилла. — Изъ всякаго положенія можно найти выходъ, чтò гораздо предпочтительнѣе скандала...

Когда они очутились передъ замкомъ, Сибилла освѣдомилась у лакея, пріѣхалъ ли съ ночнымъ поѣздомъ лейтенантъ Монтэгю, и получила утвердительный отвѣтъ. Фабрицій не разъ встрѣчался въ Лондонѣ съ этимъ Монтэгю, рослымъ офицеромъ, прозваннымъ „маленькимъ Бобби“, чтò противорѣчило его громадной фигурѣ.

— Вы такъ нетерпѣливо ждали пріѣзда этого верзилы? —

спросилъ Фабрицій, на что̀ Сибилла отвѣчала насмѣшливо и сухо:

— Я имѣю къ нему дѣло...—Она поручила лакею передать лейтенанту Монтэгю, что ждетъ его послѣ завтрака въ библіотекѣ, и ушла къ себѣ.

Фабрицій самъ не понималъ, отчего онъ злится? Неужели онъ ревнуетъ ее къ этому молокососу? Какой вздоръ!..

Празднества въ Букананъ-Тоуэрсѣ начались съ того, что избирательные комитеты графства явились привѣтствовать молодого лорда Буканана, будущаго представителя ихъ въ палатѣ общинъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ имъ настоящими политическими рѣчами, и это побудило Фабриція обратить вниманіе на героя этихъ празднествъ, которымъ онъ до сихъ поръ менѣе всего интересовался. Онъ оказался умнымъ и образованнымъ. Пройдя черезъ кембриджскій университетъ, онъ перешелъ въ одинъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, а въ промежуткахъ между ученіемъ успѣлъ объѣхать Индію и весь крайній Востокъ, Америку и Канаду. Теперь онъ собирался посѣтить Австралію.

Празднества продолжались три дня, и никто изъ вассаловъ герцога не былъ забытъ или обдѣленъ. Послѣ парадной трапезы третьяго дня состоялись живыя картины подъ руководствомъ сэра Фердинанда Сэнтона, пріѣхавшаго съ цѣлымъ новымъ транспортомъ гостей, а затѣмъ танцы. Невзрачная фигурка хозяина дома до того терялась посреди грандіознаго великолѣпія всей обстановки, что кто-то изъ гостей обратилъ на это вниманіе другихъ. Но Фабрицій возразилъ:

— Хотя я и рискую прослыть снобомъ, но лично мнѣ герцогъ кажется почти величественнымъ въ этой атмосферѣ пышности.

— Вотъ гдѣ тайна престижа великихъ міра сего,—нравоучительно замѣтилъ Бобъ Монтэгю.—Не протестуйте, господа, а спросите лучше, какъ думаютъ объ этомъ дамы.

Фабрицій пожалѣлъ, что нечаянно вызвалъ эти непріятныя слова.

Наканунѣ отъѣзда гостей, Вилье-Кемпбель предложилъ желающимъ морскую прогулку. Предложеніе его было одними принято, другими—нѣтъ. Не приняла его и Сибилла, говоря, что непремѣнно уѣзжаетъ на слѣдующій день, потому-что приглашена къ богачамъ Берри на всю недѣлю скачекъ. Герцогиня промолчала изъ благовоспитанности, а Бобъ Монтэгю объявилъ, что тоже ѣдетъ къ Берри. Это было безтактно, и Фабрицій злорадно отмѣтилъ про себя его неловкость.

Какъ ни уговаривали Сибиллу остаться еще на два дня, она не сдавалась, а на замѣчаніе одного изъ родственниковъ, что ее никогда не считали такой ярой любительницей скачекъ, она возразила:

— Да, я мало интересуюсь ими.

— Кстати объ этихъ Берри,—вдругъ заявила Анни де-Лесль невпопадъ, какъ и всегда:—я прочла сегодня въ „Morning Post", что герцогъ Корнваллисъ тоже обѣщалъ быть у нихъ...

Вышло неловко. Первымъ заговорилъ Вилье-Кемпбель:

— Лесли тоже приглашенъ. Я слыхалъ, что будетъ крупная игра.

Посыпались всевозможныя замѣчанія. Сибилла сидѣла невозмутимо. Герцогиня поспѣшила замять этотъ разговоръ; вопросъ о морской прогулкѣ возобновился, и Фабрицій тоже отказался принять въ ней участіе, ссылаясь на необходимость вернуться немедленно въ Лондонъ.

— Отчего вы не хотите остаться? — спросила его, немного спустя, Сибилла.—Онъ отвѣчалъ, что безъ нея ему тутъ дѣлать нечего, потому что его приняли здѣсь только ради нея.—Это только доказываетъ, что онъ незнакомъ съ англійскимъ,—нѣтъ, вѣрнѣе—съ шотландскимъ гостепріимствомъ. Отнынѣ онъ будетъ здѣсь всегда желаннымъ гостемъ, тутъ ли она, или нѣтъ.—Все равно, онъ предпочитаетъ уѣхать, но надѣется, что ему скоро удастся вновь увидѣть ее, если только она не погибнетъ совсѣмъ въ этомъ капищѣ золотого тельца, куда обѣщала ввести и его.

— Непремѣнно... въ другой разъ.

— На этотъ разъ вы довольствуетесь своими обычными обожателями?

Она отвѣчала съ серьезной улыбкой:

— Я ѣду туда только для одного человѣка... Нѣтъ, не для того, о которомъ вы думаете... Если же вамъ хочется непремѣнно знать, для кого, то слушайте: меня влечетъ туда полковникъ Лесли.

И улыбка ея обострилась.

„Отчаянная кокетка, вотъ и все", — разочарованно подумалъ Фабрицій.—„Какъ жаль"!..

IV.

Недѣлю спустя, весь Лондонъ читалъ слѣдующія строки въ утреннихъ газетахъ:

„Мы предпочли бы умолчать о скандалѣ, происшедшемъ въ

замкѣ одного изъ членовъ палаты общинъ, извѣстнаго своимъ богатствомъ. Но исторія эта, къ несчастію, настолько огласилась, что мы не можемъ пройти ее молчаніемъ. Одинъ изъ высшихъ чиновъ арміи, принятый въ большомъ свѣтѣ повсюду, позволилъ себѣ неправильность въ игрѣ въ баккара, и это не взирая даже на присутствіе высокой особы, удостоивающей его своего особаго расположенія. Мы приведемъ болѣе обстоятельныя подробности тогда, когда наши свѣдѣнія подтвердятся настолько, что мы не будемъ рисковать ввести въ заблужденіе публику насчетъ этой прискорбной исторіи".

Вѣсть эта разнеслась сейчасъ же повсюду, а для гостиныхъ и клубовъ загадки тутъ не было. На другой же день появилась новая замѣтка:

„Наши читатели сами поняли, на кого мы намекали вчера. Отнынѣ нѣтъ никакой нескромности назвать имя, которое теперь уже у всѣхъ на устахъ. Прискорбный инцидентъ случился у мистера Лорана Берри, въ замкѣ котораго гостилъ герцогъ Корнваллисъ. Назовемъ въ числѣ гостей, собравшихся туда, чтобы имѣть счастіе встрѣтиться съ герцогомъ,—графиню Боклеркъ, миссъ Маріонъ Морганъ, знаменитую authoress, полковника сэра Арчибальда Лесли, лейтенанта Роберта Монтэгю, вице-адмирала Гаскойна, многихъ выдающихся парламентскихъ дѣятелей и тузовъ финансоваго міра.

„Повидимому, сэра Арчибальда Лесли подозрѣвали уже съ нѣкоторыхъ поръ. За игрой его было рѣшено слѣдить, и вотъ разъ вечеромъ, когда герцогъ Корнваллисъ удалился уже въ свои аппартаменты, присутствующіе гости убѣдились во-очію, что полковникъ позволилъ себѣ нѣсколько разъ передернуть. Приводя здѣсь это обвиненіе, мы не можемъ не оговориться, что приводимъ только слухи. Говорятъ, что сначала полковникъ Лесли защищался необыкновенно энергично и сослался на своего высокаго покровителя. Но послѣ бесѣды съ герцогомъ въ присутствіи хозяина дома, его старшаго сына, лейтенанта Монтэгю и вице-адмирала Гаскойна, своихъ понтеровъ, говорятъ, что полковникъ далъ слово никогда болѣе не играть въ карты, за что ему было обѣщано молчаніе о случившемся.

„Какимъ образомъ огласилась эта тайна? Въ первую минуту это кажется удивительнымъ, но вѣдь не слѣдуетъ забывать, какъ трудно скрыть совершенно подобную исторію отъ многочисленной домашней челяди. Нечего и говорить, что гости мистера Берри не могутъ быть заподозрѣны въ этой огласкѣ"...

Третій разсказъ кончался иначе:

„Говорятъ, что герцогъ не допустилъ къ себѣ полковника Лесли, вполнѣ ввѣрившись честному слову игроковъ, уличившихъ полковника, особенно лейтенанта Монтэгю, взявшаго на себя обязанность прослѣдить игру сэра Арчибальда. Приписывать же огласку фактовъ, подлежавшихъ тайнѣ, домашней прислугѣ, какъ дѣлаютъ это иные изъ нашихъ собратій, могутъ только люди, не слыхавшіе разсказа одного изъ офицеровъ, очевидцевъ этой исторіи. Значитъ ли это, что полковникъ уже нарушилъ данное слово и тѣмъ развязалъ остальныхъ. Въ виду недавности всего случившагося, предположеніе это неправдоподобно, и мы предпочитаемъ не вѣрить существованію какого бы то ни было договора, потому что мы не можемъ допустить нарушеніе слова со стороны одного изъ присутствовавшихъ“.

По другимъ свѣдѣніямъ можно было, дѣйствительно, предположить, что полковникъ Лесли не давалъ никакого обѣщанія, потому что оно было бы равносильно полному признанію... При подобныхъ условіяхъ обвинять некого, а потерпѣвшій воленъ обличать клевету.

Но если газеты, трепеща предъ грознымъ закономъ о пасквилѣ, не обвиняли прямо, то ни одна изъ нихъ не отрицала возможности вины. Иныя утверждали, что полковникъ Лесли не прибѣгалъ къ заступничеству герцога, котораго вовсе не было въ залѣ во время игры; другія утверждали противное. Возгорѣлась отчаянная полемика; радикальныя газеты поощряли огласку, требуя, чтобы уличенный въ неправильной игрѣ офицеръ не сохранялъ своего почетнаго званія военнаго. Впрочемъ, самое лучшее—ждать окончанія слѣдствія, конечно производящагося въ главномъ штабѣ. Консервативныя газеты жалѣли объ огласкѣ, помѣшавшей замять прискорбное дѣло, потому что общественная нравственность никогда не выигрываетъ отъ выставки на показъ слабостей и пороковъ. Единичный фактъ не можетъ затрогивать чести британской арміи въ глазахъ каждаго здравомыслящаго гражданина. Дѣло начальства добиться добровольной отставки виновнаго. Газетная полемика всполошила и общественный муравейникъ. Повсюду пошли нескончаемые толки и пересуды. Но неизмѣнно самые горячіе, бурные споры завершались чьимъ-нибудь совершенно безобиднымъ замѣчаніемъ: „Все это весьма прискорбно“...

Какъ-то разъ у Максвеля, въ присутствіи Фабриція, кто-то намекнулъ, что полковникъ былъ, пожалуй, жертвой тайныхъ козней.—А развѣ у сэра Арчибальда имѣлись такіе свирѣпые враги?—А если тутъ замѣшана женщина?—Но это еще худшее

обвиненіе—и примѣнить его не къ кому.—Но куда же дѣвался самъ Лесли?—Онъ скрывается.—Ну, вотъ, будь это только клевета, развѣ онъ спасовалъ бы?—А если дѣйствительно замѣшана женщина, то и искать ему не съ кого.—Ну, все-же Берри отвѣтственъ, какъ хозяинъ дома. Да и Монтэгю трубитъ объ этомъ повсюду, и будь это неправда—Лесли давно бы исполосовалъ его хлыстомъ.—На-дняхъ полковника видѣли въ главномъ штабѣ. —А какой у него былъ видъ?—Надменный, по обыкновенію.—Да, его на это хватитъ.—Нисколько, его встрѣтили на черингъ-кросскомъ вокзалѣ, и, говорятъ, на немъ лица не было.—Удралъ, значитъ, на континентъ! Скверно.—Вовсе нѣтъ, уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе. Такъ ли, сякъ ли, а фактъ тотъ, что онъ точно сквозь землю провалился.

Фабрицій призадумался, а когда и его кузенъ Максвель присоединился къ мнѣнію о возможности тайнаго женскаго вмѣшательства, онъ прямо вспылилъ.

— Иныя женщины вполнѣ способны на это, — возразилъ тотъ съ своей слегка насмѣшливой флегмой.—Впрочемъ, я ничего не утверждаю. Лесли плутовалъ въ картахъ, это доказано. Онъ самъ попался въ подставленную ему ловушку. Что̀ же тутъ дурного? Сорвавшій съ него маску—только исполнилъ общественный долгъ.

Фабрицій припомнилъ, что ему уже разъ говорили, что это непремѣнно случится, и спросилъ, почему этого не сдѣлали раньше.

— Э! mon cher, развѣ вы не знаете, какая царитъ въ клубахъ беззаботность. Такія грязныя исторіи и поднимать-то страшно: въ случаѣ неудачи, самъ рискуешь осрамиться. Но подъ вліяніемъ иныхъ давленій люди иногда рѣшаются,—что̀ и сдѣлалъ нашъ отважный маленькій Бобби.

— Вы какъ будто что-то знаете.

— Ровно ничего. Я возстановляю факты по собственному разумѣнію. И вотъ какъ мнѣ представляется вся эта исторія. Лесли—циникъ, нахалъ и ядовитъ, какъ змѣя. Допустимъ, что какая-нибудь женщина имѣетъ на него зубъ. И вотъ она тихонько подстраиваетъ такую месть, которая въ то же время обличаетъ общественное злоупотребленіе. Для этого она заручается помощниками. Полковникъ имѣлъ всегда глупость идти по стопамъ герцога въ любовныхъ похожденіяхъ. А потому допустимъ, что онъ ухаживаетъ за близкой герцогу женщиной; та открываетъ своему высокому покровителю глаза, и герцогъ, вопреки своей обычной добротѣ, приходитъ въ негодованіе и предоставляетъ

вѣроломнаго любимца его судьбѣ. Все это, какъ видите, очень просто, и некрасиво только поведеніе самого Лесли, поплатившагося за свое нахальство. Скоро о немъ позабудутъ вовсе... Наконецъ, я, быть можетъ, и ошибаюсь, хотя гипотеза и вѣроятна.

Фабриції понималъ ея вѣроятіе лучше всѣхъ. Вскорѣ въ газетахъ появилась краткая замѣтка, гласившая о назначеніи другого офицера на мѣсто Лесли, вычеркнутаго изъ списковъ арміи потому, что „ея величество не нуждается болѣе въ услугахъ этого офицера". Это было до того жестоко, что Фабриції похолодѣлъ отъ ужаса.

Во все время этого скандала, Сибиллы не было въ Лондонѣ, и Фабриції не видѣлъ ея; но когда скандалъ поутихъ, онъ получилъ отъ Сибиллы приглашеніе отобѣдать съ нею на слѣдующій день. За столомъ въ началѣ между ними царила нѣкоторая неловкость. Сибилла не заикнулась объ исторіи Лесли, но Фабриції, наконецъ, не вытерпѣлъ, заговорилъ о ней, и, конечно, они заспорили. Когда Фабриції намекнулъ, что тутъ должна быть тайна, разъ честный офицеръ рѣшился нарушить данное слово, она сейчасъ же возразила, что секретъ, извѣстный пятнадцати лицамъ, не можетъ считаться секретомъ. Наконецъ, хотя Берри и хорошіе люди, отъ нихъ нельзя требовать скромности и такта, необходимыхъ въ такомъ дѣлѣ.

— Да, тѣ, кто выбрали ихъ своимъ орудіемъ,—знали, что̀ дѣлали.

Сибилла не сморгнула. Въ такомъ случаѣ нечего обвинять одного Боба Монтэгю; онъ легкомысленный повѣса и всегда можетъ проговориться.—Полно, не дѣйствовалъ ли онъ съ умысломъ?—Что же, онъ предполагаетъ, что Бобу было выгодно обезчестить Лесли. Зачѣмъ?—Чтобы понравиться какой-нибудь прекрасной дамѣ... Надо надѣяться, что эта дама вознаградила своего рыцаря по заслугамъ...

Легкая краска бросилась Сибиллѣ въ лицо и гнѣвный огонекъ сверкнулъ въ ея глазахъ, но она сейчасъ же овладѣла собой и улыбнулась.—О, доблестному рыцарю служитъ наградой позволеніе носить цвѣта̀ своей дамы.

— Все же месть слишкомъ жестока.

— Не слѣдуетъ судить объ этомъ, не зная, каково было оскорбленіе,—серьезно отвѣчала Сибилла.—Сама жизнь виновата въ этой жестокости, а люди защищаются по мѣрѣ своихъ силъ.

Фабриції понималъ, что ему не слѣдуетъ идти дальше, но онъ не могъ остановиться. Какъ это непріятно, что все это слу-

чилось при герцогѣ, и какъ жаль, что онъ бываетъ въ такихъ домахъ, гдѣ подобныя исторіи всегда возможны!—Отнынѣ герцогъ въ такихъ домахъ бывать не будетъ.—Вотъ какъ! Онъ ей это обѣщалъ?—Да, она взяла на себя смѣлость намекнуть ему на это. И Сибилла высокомѣрно оборвала разговоръ. О, какъ мало интересовался теперь Фабрицій психологіей этой женщины! Онъ былъ просто влюбленъ и безумно ревновалъ, понимая, что сердце ея занято не имъ. Онъ любовался ею. Какъ прелестна она въ этой странной, длинной туникѣ изъ индійскаго мягкаго шолка блѣднаго цвѣта морской волны, такъ чудно гармонирующаго съ ея нѣжнымъ цвѣтомъ лица и золотистыми волосами. Египетскіе аграфы изъ ляписъ-лазури придерживали драпировки на плечахъ, а ея безупречно прекрасныя, изящныя руки, плечи и шея выступали во всей своей красотѣ. Она сидѣла спокойная и улыбающаяся, точно не чувствуя на себѣ его страстнаго, жгучаго взгляда.

Къ концу обѣда ей подали письмо. Хотя Фабрицій сейчасъ же отвернулся, онъ успѣлъ разсмотрѣть квадратный блѣдно-желтый конвертъ изъ толстой веленевой бумаги, безъ всякаго вензеля или герба. Фабрицій былъ такъ настроенъ, что въ этомъ обыкновенномъ явленіи ему почудилась тайна. Ему показалось, что Сибилла слегка покраснѣла, и что въ глазахъ ея промелькнуло смущеніе, колебаніе и какъ бы сожалѣніе.

— Скажите, что хорошо,—отвѣтила она лакею.

Они перешли въ большую гостиную нижняго этажа, и между ними закралась смутная неловкость, ими самими не сознаваемая. Фабрицій досадовалъ, что она принимаетъ его такъ чинно тутъ, а не въ своемъ „будуарѣ“, какъ всегда. Онъ сознавалъ, что это глупо, что англійскій этикетъ требуетъ этой чинности послѣ обѣда, и что нарушеніе этого правила скандализировало бы прислугу; но раздраженъ онъ былъ до того, что придирался ко всему.

Вечеръ былъ душный, и хотя широкія окна, выходившія въ паркъ, были распахнуты, воздуху было мало, и Сибилла обмахивалась большимъ вѣеромъ изъ павлиньихъ перьевъ. По ея просьбѣ, Фабрицій сѣлъ за рояль. Исполнивши Rêverie Шумана, онъ перешелъ къ вещицамъ Грига и Мошковскаго, а потомъ къ отрывкамъ изъ Вагнера. Отъ *Лоэнгрина*, *Тангейзера* и *Валькиріи* онъ перешелъ къ *Зигфриду*, *Парсифалю* и, наконецъ, къ прелюдіи *Тристана*, этой дивной и скорбной симфоніи любви, любви роковой, любви смертельной, любви плотской, любви нервовъ, символу и синтезу любви. Онъ игралъ долго, съ увлеченіемъ,

самъ пьянѣя отъ этой сладострастной музыки. Висѣвшее противъ него зеркало отражало Сибиллу, слушавшую его въ мечтательной позѣ, съ полу-прищуренными глазами и блуждающей улыбкой на полу-открытыхъ губахъ. Но внезапно взглядъ его упалъ на фотографическій портретъ въ серебряной рамкѣ съ короной. Не разъ видалъ онъ этотъ портретъ и не обращалъ на него вниманія, но сегодня кровь бросилась ему въ голову, онъ скомкалъ конецъ пьесы и всталъ, ссылаясь на усталость.—Еще бы! Она поблагодарила его и предложила прохладительнаго питья. И пока онъ пилъ, онъ чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, какой-то странный. Разговоръ не вязался. Она рвала машинально на клочки полученную записку, украдкой взглядывая въ глубину гостиной. Фабрицій взглянулъ туда же и замѣтилъ столовые часики, стрѣлка которыхъ показывала 11; слегка потягиваясь и подавляя зѣвокъ, она сказала:

— Конечно, это съ моей стороны не любезно, но мы съ вами немного устали, и не слѣдуетъ забывать, что мы ѣдемъ завтра на гонку въ Генлэ. Самый удобный поѣздъ десятичасовой и опоздать на него не слѣдуетъ.

— Иначе говоря, вы меня выпроваживаете.

— Замѣтьте,—вѣжливо. Къ тому же, мы такъ скоро увидимся...

Никогда еще Фабрицій не допускалъ себя до ревниваго шпіонства, но сегодня, пройдя уже порядочный конецъ по парку, онъ повернулъ обратно и очутился вновь передъ домомъ Сибиллы. Огни были потушены вездѣ, свѣтились только окна ея спальни въ верхнемъ этажѣ. Ему стало вдругъ стыдно, и онъ чуть-было не ушелъ, какъ вдругъ освѣтились окна того будуара, куда его сегодня не допустили. Онъ спрятался подъ деревьями. Скоро къ дому Сибиллы подъѣхала рысью карета, запряженная превосходною лошадью, и остановилась. Изъ кареты вышелъ господинъ во фракѣ, и Фабрицій узналъ въ немъ именно того, кого ожидалъ увидѣть. Посѣтитель позвонилъ, дверь моментально отворилась и сейчасъ же захлопнулась за нимъ. Кучеру въ черной ливреѣ не было отдано никакихъ приказаній, но онъ сейчасъ же тронулъ лошадь и уѣхалъ.

„Болванъ!—заскрипѣлъ сквозь зубы Фабрицій.—Ну, вотъ, ты хотѣлъ убѣдиться лично, и убѣдился, нечего сказать, приличнымъ способомъ“!..

V.

Недѣля гонокъ въ Генлэ, отстоящемъ отъ Лондона всего на часъ ѣзды, считается самой фешенебельной цѣлью прогулки. Вокзалъ принимаетъ въ эти дни особенно праздничный видъ; весь блестящій свѣтъ стекается сюда. Цвѣточницы такъ и снуютъ между группами. Передъ раскрытой дверкой вагона, гдѣ онъ заранѣе занялъ два мѣста, Фабрицій ходилъ взадъ и впередъ, поджидая Сибиллу. Утромъ, проснувшись, онъ чуть-было не телеграфировалъ ей, что не можетъ ѣхать, но непобѣдимое желаніе влюбленнаго видѣть, слышать и говорить съ предметомъ страсти погнало его на станцію.

Сибилла явилась въ самую послѣднюю минуту. Чего онъ волнуется? Она не опоздала. А въ Англіи всегда такъ: хотя бы въ Индію уѣзжали,—являются къ отходу поѣзда, а иначе, съ этой маніей перемѣщенія, жизни не хватитъ.

Въ вагонѣ она сидѣла съ немного утомленнымъ видомъ, съ наслажденіемъ вдыхая время отъ времени пряный ароматъ снопа пестрой гвоздики, положеннаго Фабриціемъ ей на колѣни, улыбаясь какой-то далекой, загадочной улыбкой. Вотъ она подавила зѣвокъ... Не плохо ли она спала? Ничуть, она всегда отлично спитъ. Вставать рано утромъ всегда неохота. Вотъ и теперь ей еще хочется спать. Онъ видитъ, что она хорошо сдѣлала, отославши его вчера пораньше... Онъ съ трудомъ воздержался отъ дерзкаго отвѣта и только смотрѣлъ на нее въ упоръ. Но она выдерживала его взглядъ такъ невозмутимо, что онъ первый опустилъ глаза.

Волшебное зрѣлище представляетъ въ Генлэ Тэмза, съ своей прозрачной голубой водной поверхностью между извилистыхъ зеленыхъ луговыхъ береговъ. Но ни красота окружающей природы, ни пестрая, оживленная картина безчисленныхъ лодокъ, разнообразно и изящно украшенныхъ цвѣтами и зеленью, съ яркими, нарядными туалетами сидѣвшихъ въ нихъ дамъ и свѣтлыми костюмами мужчинъ, ничто не веселило Фабриція. Онъ не выходилъ изъ мрачной задумчивости, и скоро Сибилла, пытавшаяся въ началѣ развеселить его, предоставила его самому себѣ. Онъ попробовалъ заинтересоваться гонкой, но видъ состязующихся гребцовъ, съ горящими какъ уголья глазами и потными лицами, показался ему до-нельзя противнымъ и смѣшнымъ. Но когда одинъ изъ побѣдителей, Бобъ Монтэгю, явился на лодку, гдѣ находились Сибилла и Фабрицій, видъ этого высо-

каго молодца съ могучими руками и шеей, бѣлыми какъ у женщины, вывелъ Фабриція изъ себя. Побѣдителя громко привѣтствовали, и, подъ шумъ общаго гама, Фабрицій сказалъ на ухо миссъ Маріонъ Морганъ, которую онъ избралъ съ утра повѣренной своихъ колкихъ замѣчаній:

— Нечего сказать, вотъ подвигъ, достойный гренадерскаго офицера!

— А греческія преданія? А олимпійскія игры? А—mens sana in corpore sano?

— Полноте... просто своего рода каботинство, не болѣе; а что касается до ума, то этотъ юный герой—не что̀ иное, какъ простодушный малый...

— Излишество ума имѣетъ тоже свои неудобства,—замѣтила Сибилла, услыхавшая его слова...—А съ простодушными какъ-то отдыхаешь... Да перестаньте дуться и ѣдемте съ нами пить чай въ Isthmian Club.

Скрѣпя сердце, онъ отправился съ Сибиллой, Маріонъ и Монтэгю въ клубъ, но сегодня ему рѣшительно не везло. Среди элегантной толпы на лужайкѣ находился герцогъ Корнваллисъ, и съ замираніемъ сердца слѣдилъ издали Фабрицій за тѣмъ рукопожатіемъ, которымъ Сибилла обмѣнялась съ герцогомъ. Отнынѣ онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Сибиллы съ совершенно инымъ чувствомъ, чѣмъ прежде: то не было уже дилеттантское любопытство наблюдателя, а ревнивое волненіе влюбленнаго...

На обратномъ пути, и Сибилла, и онъ, утомленные дневными впечатлѣніями, молчали, и только она останавливала на немъ порою загадочный взоръ. Въ городѣ она попросила его посадить ее въ наемный кэбъ, потому что она отпустила сегодня изъ дому своего кучера.

— Если позволите, то я буду имѣть честь проводить васъ до дому.

Ему живо вспомнилось, что̀ онъ видѣлъ вчера въ этотъ же часъ у ея дома, и голосъ его прозвучалъ такъ странно, что она съ удивленіемъ взглянула на него. Они подъѣзжали уже къ ея дому, когда она спросила его, долго ли думаетъ онъ пробыть еще въ Лондонѣ. Онъ отвѣчалъ мрачнымъ тономъ, что скоро уѣзжаетъ.

— А!.. Вамъ тутъ болѣе не весело?

— Хуже: я боюсь почувствовать себя скоро несчастнымъ... нѣтъ, я уже несчастенъ.

— И вы больше никогда не вернетесь?

— Боюсь, что такъ... Я началъ-было изучать Англію, но скоро явился одинъ интересъ, который заслонилъ собою все остальное... Занимающій меня вопросъ я изучилъ настолько, что съ меня довольно... Я не стремлюсь узнать то, чего еще не знаю...

Прощаясь съ нимъ на порогѣ своего дома, она сказала:

— Приходите завтра въ пять часовъ... Мнѣ хочется поговорить съ вами.

И на другой день она говорила ему:

— Я замѣчаю, что вы близко присматриваетесь къ моей жизни.

— Да, это правда, — и, краснѣя, онъ спросилъ: — быть можетъ, ей это непріятно? — Нимало; къ тому же она знаетъ, что это его любимѣйшее развлеченіе, и она понимаетъ, что ему хотѣлось разгадать ту загадку, что̀ онъ встрѣчалъ въ ней. Но онъ хорошо сдѣлалъ, что не наводилъ о ней справокъ у другихъ, а пытался разобраться самъ. Иначе онъ составилъ бы себѣ о ней совершенно превратное мнѣніе. Что̀ думаютъ о ней остальные—ей все равно, но онъ, во имя прошлаго и давности ихъ дружбы, имѣетъ право знать больше, чѣмъ другіе. Обстоятельства толкнули ее на такой путь, котораго она никогда не избрала бы сама. Онъ зналъ ее Сибиллою де-Рошморъ, и вотъ эта-то Сибилла и хочетъ довѣрить ему свою тайну, какъ другу. И, плотно усѣвшись въ низкомъ креслѣ, она разсказала ему слѣдующее. Выходя замужъ, она не чувствовала еще любви къ своему мужу, но твердо рѣшилась быть ему вѣрной и преданной женой, потому что обладала честною по природѣ натурой. Райскаго блаженства отъ брака она благоразумно не ожидала и невозможной добродѣтели отъ мужа не требовала. Считать его влюбленнымъ въ себя она имѣла полное право, потому что богатства ему не приносила. Но едва прожили они три мѣсяца на Лаго-Маджіоре, какъ ей пришлось убѣдиться, что мужъ ей измѣняетъ. Была ли вообще между новобрачными нѣкоторая холодность, или потому, что Сибилла всегда любила проводить нѣсколько часовъ въ день наединѣ съ самой собою, но она не требовала постояннаго присутствія мужа, на что такъ падки молодыя жены. А лордъ Боклеркъ частенько оставлялъ ее одну, подъ предлогомъ упражненій въ спортѣ, такъ излюбленномъ истыми британцами. И вотъ онъ переправлялся ежедневно на ту сторону озера, въ Палланцу, къ своей любовницѣ, которую онъ поселилъ тамъ одновременно

съ водвореніемъ жены на противоположномъ берегу. Это была давнишняя связь, прерванная лишь на время...

На этомъ мѣстѣ голосъ Сибиллы оборвался... Никогда не проститъ она этого оскорбленія... Фабрицій долженъ знать, что, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родныхъ и ея друга Маріонъ Морганъ, эта тяжелая тайна неизвѣстна никому...

Узнала Сибилла правду про мужа совершенно случайно, отъ болтливаго итальянца-лодочника, катавшаго ее по озеру и не знавшаго, съ кѣмъ онъ говоритъ. Оказалось, что лордъ Боклеркъ давно уже состоялъ въ связи съ каскадной пѣвицей изъ „Альгамбры", поссорился изъ-за нея съ родными и погрязъ въ омутѣ разврата. Его родители, лордъ и лэди Лайсморъ, постоянно дрожали, какъ бы ихъ сынъ не обвѣнчался съ каскадной пѣвицей,— въ Англіи подобные браки такъ легко заключаются. Никакія вразумленія не дѣйствовали. Но вотъ Боклеркъ запутался въ дѣлахъ до того, что и ростовщики не могли помочь ему. Тогда лордъ и лэди Лайсморъ предложили ликвидировать всѣ его долги, но подъ тѣмъ условіемъ, что онъ женится и выберетъ себѣ жену изъ хорошаго круга. Они думали, что женитьба положитъ конецъ его связи, полагая, что сынъ ихъ не потерялъ еще окончательно свою честь. Бросая чистую дѣвушку въ его нечистыя объятія, они думали, что близость непорочной дѣвической души очиститъ его испорченную душу. Лордъ Боклеркъ принялъ ихъ предложеніе, но въ Англіи найти невѣсту ему было трудно, кредиторы сильно прижимали его, и вотъ онъ отправился въ Парижъ, гдѣ случайная встрѣча съ Сибиллой рѣшила все. Она подходила вполнѣ къ требованіямъ его родныхъ и даже приходилась имъ родственницей.

Все это Сибилла узнала отъ него самого, потому что потребовала отъ него немедленнаго объясненія. Разсказалъ онъ все это крайне вѣжливо, но имѣлъ наглость пожалѣть, что она узнала правду именно въ этотъ день, такъ какъ на завтра особа эта уѣзжаетъ изъ Италіи, и все могло бы быть исправлено. Цинизмъ этотъ пробудилъ въ Сибиллѣ не ревность, а бѣшенство, и она готова была убить мужа. Онъ оставилъ ее одну; она успокоилась и рѣшила просто уѣхать отъ него. Въ ней говорила оскорбленная гордость: это не простая измѣна, когда прощеніе возможно, а гнуснѣйшая продѣлка. Но какъ ей быть? Она хорошо понимала, что нарушить съ шумомъ и скандаломъ союзъ, освященный религіей и закономъ, нельзя, потому что это покроетъ позоромъ два безупречныхъ имени. Для ея бѣдной старухи-бабушки это будетъ страшнымъ ударомъ. Жить съ му-

жемъ она отнынѣ не можетъ, но слѣдуетъ найти удобный и приличный исходъ. Она заперлась у себя, и мужъ не безпокоилъ ея. Въ Палланцу онъ болѣе не ѣздилъ, потому что было незачѣмъ. Супруги встрѣчались только за столомъ, и его холодно-корректныя манеры не внушали неопытной Сибиллѣ никакихъ опасеній. Но вотъ разъ вечеромъ онъ явился въ ея спальню совершенно пьяный. До той поры она не замѣчала въ немъ этого порока—такъ хорошо онъ умѣлъ владѣть собою. Онъ бросился на нее. Ей подвернулся подъ руку арабскій кинжалъ, принадлежавшій ея отцу, и съ которымъ она никогда не разставалась. Она всадила его въ мужа наугадъ. Онъ вырвалъ кинжалъ и, казалось, готовился заколоть ее, но споткнулся о медвѣжью шкуру, упалъ и выронилъ оружіе. Сибилла вновь завладѣла кинжаломъ; мужъ внушалъ ей теперь такое омерзѣніе, что вздумай онъ вновь броситься на нее—она заколола бы его какъ бѣшеную собаку. Но видъ крови отрезвилъ обоихъ. Онъ всталъ съ пристыженнымъ видомъ, сдѣлалъ надъ собою усиліе, оторвалъ рукавъ, при чемъ на плечѣ обнаружилась довольно глубокая рана, и попросилъ Сибиллу перевязать ее полотенцемъ. Затѣмъ онъ хладнокровно посовѣтовалъ ей смыть кровь, пока она свѣжа, и ушелъ къ себѣ, отказавшись отъ ея предложенія проводить его. На другой день онъ попросилъ ее забыть обо всемъ происшедшемъ, и она должна признаться, что тутъ онъ выказалъ себя настоящимъ джентльмэномъ. Натура у него была желѣзная, да и рана легкая,—и Сибилла уѣхала въ Парижъ, какъ только рана зажила. Она должна была написать ему оттуда и условиться насчетъ будущаго, но на другой же день онъ телеграфировалъ ей, что уѣзжаетъ въ Америку, а потомъ она узнала, что онъ вернулся къ своей любовницѣ и разъѣзжаетъ вмѣстѣ съ нею. Съ тѣхъ поръ она его болѣе не видала. Лордъ Лайсморъ явился немедленно въ Парижъ, умолялъ ее не затѣвать развода, и она уступила ему, тоже не желая публичнаго скандала. Къ тому же она готовилась стать матерью. Ея собственныя средства были невелики, и она приняла предложенія родни мужа, съ которою осталась въ наилучшихъ отношеніяхъ, и которая дѣлала все возможное, чтобы облегчить ея положеніе, считая себя невольною виновницей ея несчастія. Она обязалась жить въ Англіи. Ея сынъ, Реджинальдъ Олифаунтъ, наслѣдникъ титула маркиза Лайсмора, родился подъ кровлею дѣда. Не сразу полюбила она этого ребенка, этотъ живой залогъ ея ненавистнаго замужества. Но мать одержала въ ней верхъ, и она нѣжно привязалась къ крошкѣ Реджи,—къ сожалѣнію, очень похожему на

отца. Съ самаго ея возвращенія въ Парижъ, она никогда не принимала вида покинутой Аріадны и никому не повѣряла нанесеннаго ей оскорбленія. Чувство личнаго достоинства не позволяло ей этого, да и рана была не сердечная, а она была молода, и ей хотѣлось жить. Поведеніе ея мужа возвратило ей свободу. За нею, конечно, ухаживали, и мужчины воображали, что она нуждается въ утѣшеніи. Нѣтъ, она хотѣла не утѣшеній, а реванша; она не хотѣла, чтобы ее жалѣли и удивлялись, какъ мужъ могъ пренебречь ею? Она добивалась мести за свою поруганную честь, за свое обманутое довѣріе, и не заботилась, какъ эта месть отразится на ея репутаціи. Она хотѣла имѣть толпу поклонниковъ, внушать восторгъ; пусть добиваются ея благосклонности, пусть трубятъ о ней повсюду. Но для подобной цѣли необходима рамка утонченностей роскоши, среди которыхъ женщина хорошѣетъ и кажется особенно красивой. Вотъ почему она и согласилась на сдѣлку, предложенную ей родней мужа. И ей скоро удалось прослыть за модную женщину довольно легкаго поведенія, и если толки молвы дошли до лорда Боклерка, то онъ знаетъ теперь цѣну того, что̀ онъ отвергъ. Но молва преувеличиваетъ, приписывая ей нѣсколькихъ любовниковъ. Любить она не хотѣла или не могла, а просто предавалась немного жестокому спорту разжиганія мужскихъ вожделѣній, не уступая никому. Тѣ, кто хвастаются ея благосклонностью, просто лгутъ изъ тщеславія или досады. Въ началѣ эти сплетни ее волновали, но потомъ она закалилась. Бываютъ и очень крупныя непріятности; случается подвергнуться оскорбленію, а это влечетъ подчасъ за собою крупное возмездіе...

Фабрицій понялъ, на кого она намекаетъ.

Выслушавъ ея разсказъ, онъ замѣтилъ ей, что, должно быть, она никогда не встрѣчала истинно любящаго сердца...—Впрочемъ, нѣтъ: кажется, одинъ разъ она отъ этой игры и воздержалась... Да, онъ не ошибается, иногда встрѣчаешься съ такою страстью, что съ нею шутить нельзя: все или ничего... Наконецъ, герцогъ—разъ уже Фабрицій принуждаетъ ее высказаться до конца—вполнѣ достоинъ любви... Кромѣ того, такая блестящая побѣда вполнѣ отвѣчала ея планамъ. Рано ли, поздно ли, а это было неминуемо. И вотъ она уступила герцогу... Ничего лучшаго и придумать было нельзя!

Говоря это, она улыбнулась такой прелестной, намѣренно циничной улыбкой, что Фабрицій не вытерпѣлъ... Положимъ, она права, но вѣдь въ такихъ случаяхъ приходится зависѣть отъ своего высокаго покровителя. Нельзя отказываться ни отъ его

приглашенія... ни отъ его посѣщенія...—Ахъ! вотъ это прекрасно! онъ осмѣлился шпіонить за нею! Тѣмъ хуже для него... Кто подслушиваетъ у дверей, тотъ рискуетъ услышать что-нибудь тяжелое для себя. Шпіонство должно терпѣть кару. Но она на него не сердится, она не таитъ своей жизни, если и не выставляетъ ея напоказъ. Имѣющій очи, да видитъ... или угадываетъ.

— Но какъ прикажете поступить влюбленному въ васъ ревнивцу?

Любить ее не надо. Поздно. Она любитъ другого...—Полно, такъ ли? Она только-что говорила объ удовлетвореніи своей гордости...—Вотъ именно, она, можетъ быть, способна любить не иначе, какъ изъ гордости...

— Вы клевещете на себя.

— Нисколько. А хотите ли знать, что̀ именно заставило меня отрѣшиться отъ обычной холодности? Герцогъ обратилъ вниманіе на лэди Родерикъ Сенъ-Моръ. И вотъ я вспомнила, что нѣкогда эта красавица отвлекла отъ меня интересовавшаго меня человѣка, и мнѣ показалось интереснымъ отбить у нея герцога.

Что̀ она говоритъ?! Возможно ли это? И, глубоко потрясенный, онъ спросилъ.

— Вы любили меня, Сибилла?

Да, она полюбила бы его тогда, еслибы онъ этого захотѣлъ. Иныя гордыя дѣвственныя натуры не поддаются чувству, когда не имѣютъ основанія надѣяться на взаимность. А какъ могла она надѣяться на его взаимность, когда онъ ни разу объ этомъ не заикнулся!..

И пусть онъ теперь не оправдывается и не лжетъ—она предпочитаетъ не знать его тогдашнихъ побужденій. И пусть онъ не думаетъ, что его поведеніе ее огорчило; вовсе нѣтъ, къ чему ей скрывать правду! А просто, онъ промолчалъ тогда—изъ осторожности, а она—изъ гордости, и они прошли мимо одинъ другого, тогда какъ, пожалуй, могли бы быть счастливы вмѣстѣ. А всего лучше было бы, еслибы ихъ пути никогда не встрѣчались.—Почему? Развѣ это не реваншъ для нея—его жгучія, безплодныя сожалѣнія? И пусть она не говоритъ, что она сдѣлала ему зло... Какъ ни тяжело для него сознаніе прошлой ошибки, все-же то, что̀ онъ узналъ сегодня, вноситъ отраду въ его душу... —Вотъ и выходитъ, что ей слѣдовало промолчать... Пусть теперь они забудутъ обо всемъ и останутся друзьями...

— Друзьями? Теперь моя очередь отвѣтить: поздно! Если

всѣ эти воспоминанія прошлаго вызываютъ въ васъ лишь легкое умиленіе, то для меня это страшно важно, потому что съ той самой минуты, какъ я вновь встрѣтился съ вами, я всецѣло принадлежу вамъ. Забыть? Прошлое? Охотно, потому что это—тяжелое воспоминаніе. Но будущее, Сибилла? Вѣдь будущее въ нашей власти. Или вы воображаете, что жизнь для васъ кончена? Неужели вы думаете, что исполненіе притворной роли всегда будетъ наполнять вашу жизнь? Вы кинули вызовъ оскорбителю и восторжествовали надъ нимъ... прекрасно. Но вѣчная война и даже побѣды—утомляютъ подъ конецъ. Неужели вы думаете найти въ одномъ удовлетвореніи гордости то, чего вамъ не далъ ненавистный бракъ? Не говорите мнѣ, что вы не хотите любви... она говоритъ всего сильнѣе въ самыхъ гордыхъ сердцахъ...

И онъ завладѣлъ руками Сибиллы. Но она оттолкнула его, напомнивъ о томъ, кто былъ тутъ вчера, на этомъ самомъ мѣстѣ и почти въ той же самой позѣ... Фабрицій гнѣвно всталъ, и между ними наступило продолжительное молчаніе.

— Вамъ пора уходить, поздно,—сказала усталымъ голосомъ Сибилла.

Нѣтъ, онъ не можетъ разстаться съ нею такъ. Онъ любитъ ее, безумно любитъ, и никакія слова не въ силахъ это измѣнить.

— Къ чему любить, развъ я не свободна?

— Свободу всегда можно себѣ вернуть.

— Развѣ вамъ неизвѣстно мое непоколебимое рѣшеніе никогда не разрывать связывающихъ меня узъ?

— Вы отлично знаете, что я подразумѣваю вовсе не лорда Боклерка... Не возражайте, я вашъ всецѣло и навсегда. Я не въ силахъ оторваться отъ васъ, еслибы даже и захотѣлъ. Я просто стану ждать, сколько вамъ будетъ угодно.

Онъ снова завладѣлъ ея руками, поцѣловалъ ихъ и быстро вышелъ.

VI.

Сибилла, дѣйствительно, приняла нѣкогда рѣшеніе жить безъ любви. Три мѣсяца супружеской жизни съ такимъ испорченнымъ человѣкомъ, какъ лордъ Боклеркъ, вселили въ ней такое отвращеніе, что она поклялась изгнать навсегда любовь изъ своего сердца и обихода. Материнское чувство, глубокая привязанность къ немногимъ тщательно выбраннымъ друзьямъ и безпечальная жизнь въ обстановкѣ утонченной роскоши и художественныхъ

наслажденій—развѣ всего этого не достаточно для счастья? Ей нравилось внушать любовь мужчинамъ и самой не поддаваться любви. Но подобная игра не проходитъ безнаказанно и развращаетъ душу. Когда герцогъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на Сибиллу, она искренно вообразила, что сердце ея согласно съ ея гордостью, и понимая, что паденіе неизбѣжно, искренно пыталась полюбить герцога. Онъ вполнѣ могъ внушить страсть женщинѣ: онъ былъ красивъ, обольстительно изященъ и надѣленъ блестящими душевными качествами. Подобно прирожденнымъ побѣдителямъ сердецъ, онъ обладалъ способностью всегда быть искренно влюбленнымъ въ каждую новую женщину. Весьма проницательный по природѣ, онъ сейчасъ же распозналъ въ Сибиллѣ здравый умъ, прямоту, энергію, гордость, и понялъ, что должны имѣться тайныя причины, толкнувшія ее повидимому на избранный ею путь. Она не заикнулась ему ни о чемъ, но онъ самъ догадался, въ чемъ дѣло, и сталъ окружать ее совершенно особыми вниманіемъ и уваженіемъ. Но хотя проявленія его любви и трогали Сибиллу, она не полюбила его настолько, чтобы простить себѣ самой свое паденіе. И чтобы заглушить голосъ своей совѣсти, она повторяла себѣ, что это нужно для ея мести. Упрекая себя въ отсутствіи страсти, она утѣшала себя тѣмъ, что ей будетъ, по крайней мѣрѣ, не трудно перенести неизбѣжный разрывъ. Она знала, что это не могло длиться всегда. И то уже удивительно, что это непостоянное сердце занято ею вотъ уже два года. Не любя его сама, она и не пыталась удержать герцога. Ея прямая натура начинала тяготиться созданнымъ ею положеніемъ. Опьяненіе мести прошло. Но какъ быть? Какъ сбросить съ себя добровольно надѣтую маску? Бросить свѣтъ она не могла, потому что все въ ней требовало жизни вокругъ себя.

Да и потребность любить, насильно подавленная ею, предъявляла теперь свои права, а Фабрицій, котораго она разъ чуть-чуть не полюбила, подвернулся именно тогда, когда она начинала чувствовать пустоту жизни безъ любви. Въ ней вспыхнуло прежнее чувство, и оно-то и побудило ее высказаться Фабрицію. Что̀ будетъ съ ними дальше, она не знала, но себя она считала совершенно свободною. Даже семья ея мужа, сознавая его вину, не посягала нимало на ея свободу. Все зависѣло теперь отъ нея самой. И теперь она презирала себя за то, что отдалась безъ любви. Быть можетъ, искренняя любовь искупитъ ея прошлое поведеніе. У нея кружилась голова, точно на краю пропасти... Никому не признавалась она, даже своей

вѣрной Маріонъ, но та угадывала чутьемъ ея душевную борьбу и нѣжно наблюдала за своей подругой, немного поблѣднѣвшей, но по-прежнему непроницаемой...

Нѣсколько дней спустя, обѣ подруги сидѣли на террасѣ Вестминстерскаго дворца надъ Тэмзой, гдѣ такъ прохладно въ жаркіе лѣтніе дни. Сотни столиковъ разбросаны по террасѣ, а за ними сидятъ группы дамъ въ свѣтлыхъ лѣтнихъ туалетахъ. За этими гордыми стѣнами засѣдаетъ палата общинъ. Но депутаты не сидятъ тамъ цѣлый день, а выходятъ на террасу поболтать съ многочисленными посѣтителями, уѣзжаютъ обѣдать въ гости или спускаются въ ресторанъ при дворцѣ. Отъ пяти до семи часовъ галантные законодатели предлагаютъ на террасѣ чай своимъ прекраснымъ пріятельницамъ, и тутъ бываютъ всѣ сливки общества. Прислуживаютъ гостямъ прехорошенькія maids, скромно, но кокетливо одѣтыя.

При первомъ звукѣ электрическаго звонка, депутаты, болтавшіе съ дамами или курившіе, бросаются обратно въ залу засѣданій, потому что звонокъ означаетъ приступленіе къ голосованію. Серьезные члены, остававшіеся въ залѣ засѣданій, сейчасъ же сообщаютъ своимъ сотоварищамъ, какой именно вопросъ обсуждался, и каждый узнаётъ, за что ему подавать голосъ. Для правительства и оппозиціи только и важно, чтобы вотировали всѣ.

На террасѣ Сибилла указывала Маріонъ на очаровательно хорошенькую, но черезчуръ разряженную и колоссально богатую американку, миссисъ Моррисонъ, съ нѣкоторыхъ поръ всюду вывозимую сидѣвшею подлѣ нея лэди Родерикъ Сенъ-Моръ. Красавица-американка была пустой, взбалмошной и безсердечной куколкой. За послѣднее время герцогъ Корнваллисъ такъ ухаживаетъ за этой новой красоткой, что дѣло было ясно. Пусть его ухаживаетъ,—Сибилла и не думаетъ оспаривать его у другой. Она знаетъ, что дружбы его она никогда не потеряетъ, а только это и важно, такъ какъ она глубоко его уважаетъ и дорожитъ его симпатіей. А все остальное давно уже тяготитъ ее. Когда же Маріонъ спросила ее, давно ли она помышляетъ объ этомъ разрывѣ, Сибилла отвернулась и отвѣчала:

— Кто можетъ опредѣлить навѣрное, когда ему пришла впервые та или другая мысль.

На дѣлѣ, она давно объ этомъ думала. Но ей хотѣлось удержать его еще при себѣ, чтобы покончить съ Лесли, а кромѣ нея никто не могъ бы добиться его нейтральности въ этомъ вопросѣ, безъ которой избавить его отъ Лесли было бы невозможно. Ей пришлось сознаться герцогу въ томъ, что люби-

мецъ его ухаживаетъ за нею. Лесли отлично понялъ, въ чемъ дѣло, а потому и не пытался обратиться къ своему высокому покровителю. Все вышло именно такъ, какъ она желала. Она хорошо поступила, избавивъ герцога отъ такого опаснаго любимца, но теперь ей почти жаль, что она поддалась тогда ненависти. Отнынѣ она не хочетъ болѣе ненавидѣть.—А увѣрена ли она, что не хочетъ болѣе любить?

— Замолчи, замолчи! — съ трепетомъ отвѣчала Сибилла.— Я сама не знаю еще, что̀ сдѣлаю завтра. И пусть падетъ вина за мою испорченную жизнь на того, кто ее испортилъ и осквернилъ...

Въ эту минуту она думаетъ уѣхать—и подальше, хотя не знаетъ еще, куда именно...

Давъ ей немного успокоиться, Маріонъ заговорила съ нею о лордѣ Боклеркѣ. Она передала ей то, что̀ слышала отъ своего брата, только-что вернувшагося изъ Трансвааля и встрѣтившагося тамъ съ Боклеркомъ. Боклеркъ пріѣхалъ туда охотиться, но, узнавъ объ экспедиціи, снаряжавшейся противъ какого-то дикаго племени, присоединился къ ней. Во время кампаніи понадобилось послать парламентера къ одному изъ племенъ. Никто не рѣшался. Лордъ Боклеркъ вызвался самъ, взялъ съ собою переводчика, налетѣлъ на ошеломленныхъ дикарей, потребовалъ къ себѣ самого ихъ короля, предложилъ ему трубку, любезно представилъ ультиматумъ и вернулся обратно невредимымъ. Хладнокровіе его терроризировало дикарей, и они приняли его за колдуна. Пока въ человѣческой душѣ живутъ такая твердость и отвага, отчаяваться въ человѣкѣ нельзя. Неизлечимы только слабые духомъ.—Сибилла согласилась съ этимъ, и отъ всего сердца пожелала для своего сына, чтобы отецъ его исправился.

— Какъ знать, что̀ ждетъ тебя въ будущемъ?.. Мирный исходъ былъ бы для тебя наилучшимъ...

Никогда! Впрочемъ онъ не посмѣетъ! И съ какой стати Маріонъ на это намекаетъ?—А потому, что на разсказы ея брата о Сибиллѣ Боклеркъ отвѣчалъ: „Да этакъ мнѣ захочется вернуться въ Англію, хотя бы для того, чтобъ стать любовникомъ моей жены“.

Сибилла вспыхнула, и странная улыбка мелькнула на ея губахъ. Да! эта гнусная фраза вполнѣ въ духѣ ея мужа.

Къ нимъ подошелъ Фабрицій; онъ попросилъ Сибиллу позволить ему проводить ее до дому и зайти къ ней, потому что онъ рѣшился уѣхать завтра, и ему нужно съ нею поговорить. Сибилла согласилась.

Очутившись вдвоемъ въ гостиной Сибиллы, они обмѣнялись

взволнованнымъ взглядомъ.—Итакъ, онъ уѣзжаетъ... значитъ, онъ раздумалъ ждать?..—О, нѣтъ, онъ будетъ ждать... но тутъ ему тяжело... Онъ вернется, когда справится съ собою и не будетъ надоѣдать ей видомъ своихъ терзаній...

Всевластныя чары любви побѣдили Сибиллу, и она тихо спросила:

— Вы ѣдете завтра утромъ?

— Съ одиннадцати-часовымъ поѣздомъ въ Калé.

— А оттуда?..

Онъ поднялъ на нее изумленный взоръ. Что̀ значитъ этотъ кроткій блескъ ея глазъ?

— Пока въ Парижъ.

— А потомъ?

Онъ отвѣчалъ неопредѣленнымъ жестомъ, а она сказала:

— Оставайтесь въ Парижѣ и ждите меня.

На этотъ разъ любовь смела все остальное въ душѣ Сибиллы. Гордость умолкла. Не теряя времени, она все устроила: потребовала обратно свою свободу, которую ей галантно возвратили, прося вѣрить въ почтительнѣйшую дружбу; привела въ порядокъ дѣла̀, оставила ребенка Лайсморамъ и уѣхала, давъ только имъ свой адресъ на континентѣ. Старики ни о чемъ не допытывались, не считая себя въ правѣ посягать на ея свободу. Въ Англіи, впрочемъ, принято разъѣзжаться въ разныя стороны, не сообщая даже своего адреса. А потому знакомые Сибиллы не удивлялись.

Сибилла наняла небольшой охотничій павильонъ въ Компьенскомъ-лѣсу, а Фабрицій поселился въ ближайшемъ мѣстечкѣ въ гостинницѣ. Никто ихъ тамъ не зналъ, и они свободно катались и гуляли по лѣсу. По вечерамъ Фабрицій уѣзжалъ къ себѣ, но какъ-то разъ сильнѣйшая гроза задержала его поздно у Сибиллы... Горничная Сибиллы была безусловно предана ей, а остальная прислуга была нанята въ Парижѣ, и ничего не знала о своей госпожѣ.

И потянулись блаженные дни. Утомленная годами душевныхъ треволненій и искусственной жизни, гдѣ все приносилось въ жертву самолюбію и гордости, Сибилла отдыхала душой. Она любила Фабриція всѣмъ сердцемъ, а страсти того не было границъ. Только сознаніе непрочности этого счастья омрачало ихъ восторги. Три мѣсяца прожили они душа въ душу. Но вотъ наступилъ октябрь, и, глядя на падающіе, пожелтѣвшіе листья, они съ грустью

думали о разлукѣ. Порядочность Сибиллы не позволяла ей ввести въ домъ Лайсморовъ, на охотничій сезонъ, своего любовника. Значитъ, ихъ ожидала трехмѣсячная разлука. Послѣ Рождества Сибилла пріѣдетъ съ ребенкомъ въ Италію съ вѣрной Маріонъ, и тамъ они опять будутъ вмѣстѣ, а потомъ вернутся всѣ въ Лондонъ. Но свѣтскія обязательства будутъ ежеминутно отрывать ее отъ него, а теперь онъ не могъ больше жить безъ нея. Несмотря на всѣ его мольбы, Сибилла не соглашалась требовать у мужа развода, не желая огорчать этимъ публичнымъ скандаломъ такъ хорошо отнесшихся къ ней отца и мать мужа. Когда она давала имъ обѣщаніе не затѣвать развода, она, правда, никого не любила, но простая честность не позволяетъ ей нарушить даннаго слова. Наконецъ, ея природная религіозность не позволяетъ ей разрывать узы, освященныя церковью, пока мужъ ея не сдѣлалъ ничего такого, что̀ обезчестило бы его непоправимо... Но къ чему объ этомъ говорить,—они теперь такъ счастливы!..

По мѣрѣ того, однако, какъ время шло, безотчетная тоска все глубже закрадывалась въ ихъ душу. И внезапно одно мрачное, дождливое утро рѣшило все... Къ Сибиллѣ явился покрытый грязью, промокшій нарочный и подалъ ей телеграмму. Она измѣнилась въ лицѣ, читая ее. Лордъ Лайсморъ опасно занемогъ, и ее вызывали немедленно къ нему.

Фабрицій почувствовалъ, что все погибло. Почему? Онъ и самъ не могъ объяснить, но блѣдность Сибиллы говорила, что и она раздѣляетъ его смутное опасеніе. Но она не предавалась сложнымъ размышленіямъ, вся охваченная тревогой за старика, къ которому была искренно привязана. Она лихорадочно искала указателя поѣздовъ; кажется, изъ Компьена идетъ курьерскій поѣздъ въ 5 ч. 14 м., и она поспѣетъ къ ночному пароходу. Въ сущности этотъ поспѣшный отъѣздъ ускориваетъ ихъ разлуку только на двѣ недѣли; но когда дѣло идетъ о смерти, задумываться нельзя. Онъ выѣхалъ съ нею въ Парижъ. Было рѣшено, что Фабрицій поселится въ павильонѣ Сибиллы, распустить лишнюю прислугу и будетъ ждать дальнѣйшихъ событій. Когда на вокзалѣ сѣверной желѣзной дороги она сѣла съ горничной въ вагонъ, они обмѣнялись грустной улыбкой, онъ поцѣловалъ поверхъ перчатки ея руку, и они разстались.

VII.

Семидесятилѣтній Лайсморъ, здоровый и крѣпкій старикъ, сохранилъ удивительную бодрость и многія привычки молодости. Между прочимъ, онъ былъ страстный охотникъ. И вотъ въ одно осеннее, холодное и туманное утро онъ простудился на охотѣ, схватилъ воспаленіе легкихъ, и скоро всякая надежда была потеряна. Вся семья собралась у его изголовья; пріѣздъ Сибиллы особенно его порадовалъ, потому что онъ питалъ къ ней истинно отеческую любовь съ нѣкоторой долей уваженія. Съ самаго начала онъ съумѣлъ положить конецъ всякимъ пересудамъ на ея счетъ и упрочить ея положеніе въ семьѣ, какъ жены его единственнаго сына и наслѣдника и какъ матери будущаго наслѣдника ихъ имени.

До послѣдней минуты маркизъ сохранилъ свое сознаніе и ясность духа честнаго человѣка и христіанина. Сибилла не отходила отъ него. Незадолго до агоніи, уже заплетающимся языкомъ, онъ попросилъ, чтобы ему привели маленькаго Реджинальда, положилъ на его свѣтлыя кудри свою уже холодѣющую руку, другою взялъ за руку Сибиллу и взглядомъ благословилъ обоихъ. Слезы помѣшали Сибиллѣ разобрать тайный смыслъ этого потухающаго взора, но вскорѣ это должно было объясниться ей. Въ ту же ночь старикъ скончался. Лорду Боклерку была отправлена телеграмма уже на третій день болѣзни его отца, но никто еще не зналъ, дошла ли до него эта телеграмма.

Въ день похоронъ sollicitor, завѣдывавшій дѣлами семьи до пріѣзда наслѣдника, передалъ Сибиллѣ запечатанный конвертъ, найденный имъ въ бумагахъ покойнаго. На конвертѣ стояла надпись: „Передать моей невѣсткѣ, графинѣ Боклеркъ, послѣ моей смерти". Не сразу вскрыла его Сибилла, заранѣе смущаясь передъ тѣмъ, что̀ ожидало ее. Но когда она рѣшилась, —видъ листковъ, исписанныхъ уже слабѣющей рукою, тронулъ ее. Она стала читать:

„Опасаясь, что мои преклонныя лѣта не восторжествуютъ надъ какимъ-нибудь злымъ недугомъ, я спѣшу исполнить свой долгъ прежде, чѣмъ предать себя Господней волѣ.

„Я попросилъ вызвать мою дорогую невѣстку, Сибиллу Боклеркъ. Но она можетъ прибыть, когда меня не будетъ уже въ живыхъ, или когда слабость помѣшаетъ мнѣ высказать ей все необходимое. Впрочемъ, избавляя ее отъ потрясающихъ сценъ у смертнаго ложа, я тѣмъ самымъ отнимаю у моего послѣдняго

желанія характеръ насилія. Я не хочу, чтобы она насиловала свою душу, желая скрасить мои предсмертныя минуты. Я знаю, какъ возвышенны ея чувства и великодушна ея душа, я знаю, какъ она любитъ своего ребенка, какъ привязана ко мнѣ и къ моей семьѣ, и увѣренъ, что она исполнитъ мое желаніе, если найдетъ это возможнымъ.

„Вы, конечно, догадываетесь, въ чемъ дѣло, милая Сибилла. Быть можетъ, вы думали уже не разъ, что настанетъ день, когда я скажу то, чтò вы прочтете дальше. Вы знаете, что я никогда не пытался смягчить передъ вами вину Боклерка. Я знаю, что обязанъ вамъ признательностью за то, что вы почтили наше имя, продолжая носить его. Еще разъ благодарю васъ въ эту торжественную минуту,—пусть таково будетъ мое послѣднее прости.

„Недолгое знакомство ваше съ мужемъ показало вамъ его въ такомъ позорномъ свѣтѣ, что вы имѣете право быть строгой и неумолимой. Тѣмъ не менѣе, какъ отецъ, я знаю его лучше васъ, и, несмотря на все его гнусное поведеніе, я убѣжденъ, что въ немъ сохранилась природная честь, которая потомъ возьметъ свое. Нѣтъ сердца недоступнаго раскаянію! Я знаю, до чего онъ гордъ, и увѣренъ, что, быть можетъ, на другой же день прискорбной сцены, разлучившей васъ, онъ мечталъ о вашемъ прощеніи, но не посмѣлъ идти на встрѣчу отказу. Но время сдѣлало свое дѣло. Онъ понялъ, наконецъ, что сознаніе въ своей винѣ его не унизитъ, а возвыситъ. И вотъ онъ обратился ко мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, прося моего заступничества передъ вами и предоставляя мнѣ выборъ минуты, подходящей для этого сообщенія. Мнѣ некогда объяснять вамъ теперь, почему я колебался до настоящей минуты. И я не жалѣю объ этой отсрочкѣ, потому что думаю—вы отнесетесь лучше къ словамъ умершаго.

„Я хорошо знаю, что вы имѣете полное право быть непреклонной. Но вы также хорошо знаете, какія у меня могутъ быть основанія желать этого примиренія, и у васъ слишкомъ много сердца, чтобы не понять меня. Главнѣйшее основаніе, конечно,—вашъ ребенокъ, которому придется же объяснить, наконецъ, почему онъ не знаетъ своего отца, а слѣдовательно—опозорить этого отца.

„Къ тому же, рано ли, поздно ли, Боклеркъ вернется. Если смерть и пощадитъ меня еще, все-же конецъ мой близокъ. И вотъ онъ долженъ будетъ вернуться подъ отцовскій кровъ,—а вѣдь этотъ кровъ также и вашъ, дочь моя. Каковы будутъ тогда ваши взаимныя отношенія? Но самая лучшая изъ всѣхъ суще-

ствующихъ для подобныхъ положеній комбинацій ни къ чему не приведетъ. Что̀ будетъ съ Реджи? Права ваши надъ нимъ неоспоримы, а между тѣмъ онъ—наслѣдникъ своего отца, котораго онъ никогда не видалъ!

„Но, помимо этого важнаго соображенія, у меня имѣется еще и другое. И здѣсь я обращаюсь къ благородству вашей души! Отъ васъ всецѣло зависитъ спасеніе и возстановленіе общественной чести вашего мужа. Для того, чтобы будущій маркизъ Лайсморъ занялъ вновь въ свѣтѣ подобающее ему мѣсто, ваше содѣйствіе необходимо. Вы одна можете вернуть ему утраченное. Вѣрьте, что онъ искупилъ уже свою вину добровольно наложеннымъ имъ на себя изгнаніемъ, а также сожалѣніемъ объ утраченной нѣжности. Теперь онъ созрѣлъ и сможетъ смыть пятно своей молодости. Вы знаете, какую отвагу выказалъ онъ недавно въ Трансваалѣ. Все остальное вполнѣ зависитъ отъ васъ. Это дѣло достойно вашего женскаго великодушія: развѣ ваша гордость не была бы удовлетворена, если бы вамъ удалось вернуть вашему сыну отца?

„Осмѣлюсь ли добавить, дорогая дочь моя, что и для васъ лично все это можетъ быть полезно? Я понялъ лучше, чѣмъ вы думаете, почему вы такъ добивались свѣтскихъ успѣховъ и поклоненія, лестныхъ для гордости громкихъ побѣдъ. То было для васъ справедливымъ реваншемъ за жестокое разочарованіе, постигшее васъ въ началѣ вашей замужней жизни. Я не моралистъ, а просто свѣтскій человѣкъ, старикъ, снисходительный къ заблужденіямъ молодого сердца. А потому я и не пытаюсь насиловать чужую совѣсть. Но я слишкомъ высоко ставлю васъ, и увѣренъ, что настанетъ время, когда всѣ эти мимолетныя удовлетворенія гордости, замѣняющія для васъ то семейное счастье, въ которомъ отказала вамъ судьба, станутъ тяготить васъ. А что̀ же можетъ всего лучше удовлетворять вашу гордость, какъ не ваше законное, первенствующее положеніе въ семьѣ, не лишенной знатности и значенія въ своей странѣ?

„Прося васъ вернуться къ совмѣстной супружеской жизни, я надѣюсь, что не требую отъ васъ черезчуръ тяжелой сердечной жертвы. Нѣсколько времени тому назадъ, я могъ бы утверждать это съ увѣренностью... И, конечно, я поступилъ бы лучше, высказавшись тогда же. Если же обстоятельства теперь измѣнились, то, быть можетъ, вы почерпнете мужество подавить свои чувства въ сознаніи совершенія вами добраго дѣла.

„Что же касается вашего личнаго достоинства, то оно только выиграетъ отъ вашего великодушія. Сынъ мой приметъ безпре-

кословно всѣ ваши условія. Порукой въ этомъ—мое слово. Онъ сознаётъ, что потерялъ всѣ права мужа. Но какъ носитель нашего имени, какъ отецъ вашего сына, онъ проситъ вернуть ему имъ самимъ покинутое мѣсто у его очага.

„Никто не знаетъ о моемъ ходатайствѣ за него, дорогая дочь моя. Я нарочно скрылъ его, чтобы вы могли спокойно обсудить свое рѣшеніе, не подвергаясь ничьему давленію. Когда состоялся этотъ бракъ, который долженъ былъ принести всѣмъ намъ радость, я былъ счастливъ, что вы стали моей дочерью. И никогда не приходилось мнѣ раскаяваться въ этомъ. Вы оправдывали всегда мои надежды, и я вѣрю, что вы превзойдете ихъ теперь и примете такое рѣшеніе, которое обезпечитъ миръ и честь моего дома.—Лайсморъ“.

Всю ночь проплакала Сибилла надъ этимъ письмомъ, а на утро пришла телеграмма отъ ея мужа, извѣщавшаго, что онъ высадится черезъ двѣ недѣли въ Соутгэмптонѣ. Сибилла уѣхала въ Лондонъ наканунѣ его пріѣзда, потому что хотѣла принять его тамъ, и въ знаменательный день старый камердинеръ невозмутимо выслушалъ слѣдующее приказаніе:

— Лордъ Боклеркъ... нѣтъ! лордъ Лайсморъ вернулся изъ Африки. Онъ будетъ здѣсь въ четыре часа... Никого другого я не принимаю.

И теперь она ждала этого человѣка, котораго не видала цѣлыхъ восемь лѣтъ, и который никогда не видалъ своего ребенка. Гнѣвъ и ненависть клокотали въ ней, потому что теперь-то и начнутся ея муки. Оскорбленная гордость давно отомщена, но что̀ утѣшитъ теперь ея сердце? Зачѣмъ покойный Лайсморъ не высказался раньше, когда она готовилась порвать лживыя узы, и когда для нея это было бы наилучшимъ исходомъ!.. За эти дни она получала почти ежедневно письма отъ Фабриція, и отвѣчала ему полными грусти письмами. Не скрыла она отъ него и возвращенія мужа; писала, что вынуждена дождаться его, для приведенія въ порядокъ дѣлъ наслѣдства. Это было ложью только отчасти, но и за нее она упрекала себя... Все остальное зависѣло отъ поведенія ея мужа.

Сегодня, въ своемъ длинномъ черномъ платьѣ изъ crêpe de Chine, оттѣняющемъ ея золотистые волосы и блестящіе глаза, она красивѣе, чѣмъ когда-либо, и сознаніе это вызываетъ у нея легкую усмѣшку. Ровно въ четыре часа у дома останавливается экипажъ, раздается громкій звонокъ, и въ ея гостиную входитъ новый маркизъ Лайсморъ, входитъ чужимъ, просителемъ. Для Сибиллы это торжество.—Въ свои сорокъ лѣтъ онъ красивъ по-

прежнему, хотя слегка отяжелѣлъ; въ волосахъ легкая сѣдина, лицо загорѣло. Мѣсяцъ тому назадъ онъ носился по пустынѣ въ небрежномъ костюмѣ искателя приключеній, а теперь онъ тщательно выбритъ, одѣтъ въ безупречный черный сюртукъ, изобличающій покрой знаменитаго Пуля, и до мельчайшей подробности его костюмъ и осанка обличаютъ истаго британскаго аристократа. Его отважное сердце менѣе билось въ лагерѣ дикарей, чѣмъ теперь, подъ этимъ выжидающимъ неумолимымъ женскимъ взоромъ. Но стальные нервы не выдаютъ его. Твердо проходитъ онъ гостиную, увѣренный, но не самодовольный, подходитъ къ сидящей у камина Сибиллѣ, беретъ пассивно предоставленную ему руку и почтительно подноситъ ее къ губамъ. Быстрый взглядъ его выражаетъ восхищеніе, и вновь легкая усмѣшка пробѣгаетъ по губамъ Сибиллы, но сейчасъ же она подавляетъ невольный вздохъ...

Мужъ заговорилъ. Онъ вернулся совершенно другимъ человѣкомъ, и хотя не хочетъ оправдываться, но долженъ сказать, что докажетъ ей на дѣлѣ происшедшую въ немъ перемѣну. Лучше, впрочемъ, поменьше говорить объ этомъ... Онъ прочелъ присланное ею письмо ему покойнаго отца и всецѣло отдаетъ себя въ ея руки. Отецъ не напрасно поручился за него. Сибилла ему отвѣчала.—Пусть онъ не забываетъ, что совмѣстная жизнь ихъ будетъ только показною, на дѣлѣ каждый изъ нихъ сохраняетъ свободу.—Онъ принялъ ея ультиматумъ— и, конечно, самое лучшее—забыть совсѣмъ о прошломъ ихъ обоихъ... Пусть она не подозрѣваетъ въ немъ злого умысла... Онъ не имѣетъ права рыться въ ея жизни... То былъ дурной сонъ... Онъ вышелъ изъ него исправившимся, а она стала еще прелестнѣе... Сибиллѣ вспомнилась фраза, приписанная ему Маріонъ Морганъ, и она покраснѣла отъ досады, что не чувствуетъ себя оскорбленною...

— А когда мнѣ удастся вернуть себѣ ваше уваженіе, быть можетъ, вы разрѣшите мнѣ попытаться заслужить и вашу любовь...

Отвѣчать было нечего. Все было кончено—и какъ скоро!.. Любовь ея погибла... Но подъ упорнымъ взглядомъ мужа Сибилла не выдала себя. Она предложила ему повидаться съ сыномъ.—Конечно, но что̀ подумаетъ о немъ ребенокъ?—Ребенокъ слишкомъ малъ, чтобы думать о такихъ вещахъ, а отъ матери онъ не слыхалъ ничего такого, что̀ бы помѣшало ему уважать отца...—Не стоитъ благодарности, она дѣйствовала во имя прин-

ципа... И она позвонила и приказала привести ей „мастэра Реджинальда“.

— „Лордъ Боклеркъ“ только-что изволили вернуться,—поправилъ ее шокированный камердинеръ, а новый маркизъ и его жена не могли не обмѣняться улыбкой. То было первымъ звеномъ вновь завязавшихся узъ...

Лордъ Лайсморъ ходилъ по гостиной. Онъ замѣтилъ портретъ герцога Корнваллиса, взялъ его въ руки и невозмутимо обратился къ столь же невозмутимой Сибиллѣ.—Портретъ недавній. Герцогъ какъ будто похудѣлъ.—Да, это вслѣдствіе его послѣдняго сезона въ Маріенбадѣ... Наступила пауза.—А скверная штука—эта исторія съ Лесли,—снова заговорилъ онъ.—Очень скверная.—Говорятъ, тутъ замѣшана женщина?—Да, говорятъ.—Женщины отважнѣе мужчинъ, онъ всегда это утверждалъ... А что съ Лесли покончили, тѣмъ лучше! Фатъ и наглецъ!..

На порогѣ показался Реджинальдъ и остановился въ замѣшательствѣ при видѣ неизвѣстнаго господина, но сейчасъ же подбѣжалъ къ матери, которая сказала ему серьезно и по-англійски, что̀ случалось только при особо важныхъ случаяхъ:

— Это, Реджи, вашъ отецъ, вернувшійся домой изъ далекихъ странствій. Теперь онъ будетъ жить съ нами. Поцѣлуйте его.

Ребенокъ вспыхнулъ, самъ не зная почему, и шагнулъ къ этому высокому незнакомому господину, видъ котораго внушалъ ему робость. Маркизъ притянулъ его къ себѣ, подвергъ внимательному обзору, положилъ на его свѣтлыя кудри свою сильную, но изящную руку и сказалъ:

— Надѣюсь, мой мальчикъ, что мы будемъ добрыми друзьями, когда получше познакомимся. Но сегодня я освобождаю васъ отъ преждевременныхъ нѣжностей. Дайте мнѣ вашу руку, какъ это подобаетъ маленькому джентльмэну.

Затѣмъ онъ его выпустилъ, всталъ и отошелъ къ окну. Готовый заплакать, но понимая смутно, что это будетъ неумѣстно, ребенокъ стоялъ посреди гостиной, вопросительно посматривая на мать. Она улыбнулась и сказала ему нѣжно, по-французски, что онъ можетъ идти къ себѣ.

Когда онъ ушелъ, лордъ Лайсморъ обратился къ женѣ съ глубокимъ умиленіемъ въ голосѣ:

— Мнѣ писали, что онъ похожъ на меня... Къ сожалѣнію, это правда... Но вы съумѣете воспитать его душу...

Теперь все было сказано, и имъ оставалось только разой-

тись. Онъ передалъ ей приглашеніе сестры его, лэди Гладисъ, обѣдать сегодня у нея въ семейномъ кругу. Сибилла отвѣчала согласіемъ, освѣдомляясь, въ какой гостинницѣ онъ остановился, и предложила переѣхать, изъ приличія, къ ней.—Нѣтъ, онъ завтра уѣзжаетъ въ Лайсморъ... не присоединится ли и она къ нему?.. —Да, только не теперь... Пусть онъ уѣзжаетъ съ ребенкомъ... А ей надо съѣздить по дѣламъ въ Парижъ, и черезъ нѣсколько дней она вернется...—О, конечно, пусть она устроитъ всѣ свои дѣла... До свиданія. Позволяетъ она ему заѣхать за нею вечеромъ?

Она отвѣчала утвердительнымъ жестомъ и на этотъ разъ протянула ему руку.

Только-что онъ ушелъ, какъ ей подали телеграмму отъ Фабриція: „Не могу долѣе быть безъ васъ. Могу ли ѣхать въ Лондонъ“? Сибилла отвѣчала: „Выѣзжаю сама. Буду завтра утромъ съ первымъ поѣздомъ. Не встрѣчайте“.—А на слѣдующее утро Фабриціи принялъ ее въ свои объятія на порогѣ компьенскаго павильона.

Узнавъ о принятомъ ею рѣшеніи, Фабриціи былъ внѣ себя, и произошла тяжелая сцена. Отъ нѣжности и объятій онъ переходилъ къ слезамъ и отчаянію, или упрекалъ ее въ жестокости и нелюбви къ нему. Истерзанная Сибилла успокаивала его, доказывала, что иначе поступить она не можетъ, и что сама мучится не менѣе его... Нѣтъ, болѣе, потому что терзаетъ любимаго человѣка изъ-за нелюбимаго. Но она смотритъ на это страданіе какъ на искупленіе, угодное Богу, потому что все-же любовь ея преступна. Господь хочетъ, чтобы она принесла себя въ жертву,—это успокоитъ ея мятежную душу. Со временемъ успокоится и онъ. И позднѣе, когда-нибудь, оба умиротворенные, они встрѣтятся друзьями.

— А теперь, Фабриціи,—добавила она, нѣжно обнимая его: —будемъ плакать вмѣстѣ... Для этого-то я и пріѣхала...

Онъ опустилъ голову къ ней на колѣни, а она утѣшала его, какъ ребенка, убаюкивая ласковыми, кроткими словами...

Черезъ полтора года, въ большой залѣ моднаго Savoy-Hôtel, гдѣ сливки общества собираются поужинать послѣ спектакля, появилась парочка, вызвавшая цѣлый потокъ замѣчаній:—Это правда, они помирились.—Это возвращеніе послѣ свадебной поѣздки...—Съ девятилѣтнимъ ребенкомъ въ качествѣ

третьяго лица!..—А это оригинально... обольстить свою собственную жену!—Какъ это на него непохоже!—Говорятъ, онъ проявилъ необычайное упорство.—Да гдѣ же они скрывались эти полтора года? — Сначала они жили въ Лайсморѣ, а потомъ ѣздили путешествовать.—И знаете, теперь къ ней и подступиться нельзя...—О, сэръ Фердинандъ, кто можетъ поручиться въ такихъ вещахъ?—Я, молодой человѣкъ... Иныя женщины сбиваются случайно съ пути, но, возвратившись на него опять, никогда болѣе не свернутъ въ сторону.—Тѣмъ лучше! все хорошо, что̀ хорошо кончается.

Лордъ Лайсморъ и Сибилла лавировали тѣмъ временемъ между столиками, обмѣниваясь улыбками и поклонами съ знакомыми. Сибилла сіяла въ своемъ бѣломъ бархатномъ платьѣ, затканномъ серебромъ, и въ знаменитомъ жемчужномъ фамильномъ ожерельѣ. Она была моложавѣе, чѣмъ когда-либо. Лайсморъ посѣдѣлъ, но пылалъ здоровьемъ и мужественной красотой. Видъ у него былъ по прежнему высокомѣрный, но подъ этимъ высокомѣріемъ чувствовалось что-то смягченное, что̀ придавало ему неотразимое обаяніе.

— Клянусь Юпитеромъ, славная парочка!—раздался чей-то голосъ.—Сибиллѣ вспомнилось восклицаніе въ этомъ родѣ въ день ея свадьбы въ Парижѣ, и на этотъ разъ она улыбнулась.

Но вотъ изъ сосѣдней залы вышелъ герцогъ Корнвалисъ, обѣдавшій тамъ съ офицерами своего полка и проходившій теперь по общей залѣ. Гулъ голосовъ немного стихъ. Поровнявшись съ новоприбывшей парочкой, герцогъ обратился къ лорду Лайсмору:

— Очень радъ видѣть васъ въ нашей средѣ, дорогой маркизъ... и очень благодаренъ вамъ за возвращеніе свѣту лэди Лайсморъ. Надѣюсь, что отнынѣ вашимъ друзьямъ не придется жалѣть о вашемъ отсутствіи.

Лордъ Лайсморъ почтительно поклонился и поблагодарилъ своего высокаго собесѣдника за милостивое вниманіе. Герцогъ обернулся къ Сибиллѣ, которая слегка покраснѣла, но стояла невозмутимо-спокойно. Лордъ Лайсморъ почтительно отступилъ на нѣсколько шаговъ и заговорилъ съ офицерами, пока герцогъ обращался по-французски размѣреннымъ голосомъ къ Сибиллѣ:

— Искренно радъ встрѣчѣ съ вами. Надѣюсь, что часто буду имѣть это удовольствіе, но спѣшу немедленно сказать вамъ, какъ я доволенъ случившимся. Полагаю, что вы не найдете въ моихъ словахъ ничего кромѣ искренности и неизмѣнной къ вамъ симпатіи.

Она, разумѣется, не сомнѣвается нимало, потому что доброта герцога извѣстна ей.—Онъ проситъ ее считать его самымъ своимъ преданнымъ и почтительнымъ другомъ. И онъ надѣется, что она сохранитъ къ нему доброе чувство.—О, да, она глубоко чувствуетъ оказываемую ей честь и постарается доказать ему свою почтительную признательность...

— Итакъ, лэди Лайсморъ, до свиданія! — сказалъ герцогъ немного громче.

И, поцѣловавъ ей руку, онъ обернулся пожать руку маркизу, догадавшемуся, что аудіенція кончена, и во-время подоспѣвшему къ женѣ.

Черезъ минуту Сибилла и онъ сидѣли у маленькаго столика, и лордъ Лайсморъ спрашивалъ тономъ любовной галантности юнаго мужа:

— Что прикажете, Сибилла: кларетъ или шампанскаго?

— Все равно, Клодъ,—отвѣчала она мужу премило.

Долго Фабрицій Пизани мечталъ вновь увидѣть Сибиллу, хотя бы только для того, чтобы подышать однимъ воздухомъ съ нею. Но вотъ, пробѣгая какъ-то столбцы англійскихъ газетъ, которыя онъ просматривалъ единственно для того, чтобы встрѣтить ея имя, онъ наткнулся на двѣ строки, рѣзнувшія его сердце точно холоднымъ лезвеемъ:

„Родились...—Лэди Гильда Олифаунтъ, дочь маркиза Лайсмора и маркизы Лайсморъ, рожденной де-Рошморъ“.

Никогда болѣе не увидитъ онъ Сибиллы, и никогда онъ не утѣшится!

Ю. З—а.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Такъ прочень въ сердцѣ и въ мозгу
Высокій строй эпохи прошлой,
Что съ современностію пошлой
Я примириться не могу.

Но я, безсильный, ужъ не спорю;
И, вспоминая старину,
Не столь волнуюсь и кляну,
Какъ предаюсь тоскѣ и горю.

Что̀ я?.. Пѣвецъ былыхъ кручинъ,
Скрижалей брошенныхъ обломокъ;
Въ пустынномъ домѣ, въ часъ потёмокъ,
Я—потухающій каминъ.

То трескъ огня совсѣмъ затихнетъ,—
Какъ будто смерть его пришла;
То дрогнетъ теплая зола,—
И пламя снова ярко вспыхнетъ.

Тогда тревожно по стѣнамъ
Толпой задвигаются тѣни,
И лица прежнихъ поколѣній
Начнутъ выглядывать изъ рамъ...

II.

О, когда бъ мнѣ было можно
Упредить мой день послѣдній!
Чтобъ, еще владѣя духомъ
Не больнымъ, не помраченнымъ,
Я успѣлъ пойти проститься
Съ милой матерью-землею.
Въ благодатную погоду
Выйду я на воздухъ сельскій
И, укрытый темнымъ лѣсомъ,
Иль среди полей пустынныхъ,
Такъ я съ ней прощаться стану:
Съ непокрытой головою
На востокъ, на югъ, на западъ
И на сѣверъ поклонюся,
И скажу: прости, міръ Божій!
Преклоню потомъ колѣни
И земли коснусь поклономъ;
И задумаюсь надъ нею;
И быть можетъ, затоскуя,
Орошу ее слезами;
И скажу: прими отъ сына
Благодарность зà хлѣбъ, зà соль.
Долго ты его, родная,
Ублажала и кормила;
Жить онъ долѣе не въ силахъ;
Онъ теперь покоя проситъ;
Упокой его на вѣки!

Алексѣй Жемчужниковъ.

ИЗЪ
ДѢВИЧЬЯГО МІРА

„The Maiden's Progress", by V. Hunt.

Окончаніе.

XIV *).

Прошло два года. Вэрона Лауренсъ и Модерна бесѣдуютъ вдвоемъ, въ ожиданіи возвращенія мужчинъ съ охоты.

— Они теперь скоро будутъ,—замѣтила Вэрона.—Я кстати голодна; а ты?

— Я никогда не бываю голодна...

— Ты слишкомъ много выѣзжаешь. Сколько вечеровъ было у тебя на прошлой недѣлѣ?

— Да, кажется, всѣ вечера подъ-рядъ. И такая тоска эти выѣзды, сказать невозможно! — со вздохомъ, устало произноситъ Модерна.

— Тогда къ чему же ты выѣзжаешь?

— Пожалуйста, Вэрона, не прикидывайся такой наивной! За два года твоей супружеской жизни ты не могла вѣдь такъ перемѣниться. Я выѣзжаю потому, что иначе нельзя.

— Да почему нельзя?

— Потому что... Право, не знаю... Если вдругъ перестать выѣзжать... И, наконецъ, это какъ-то входитъ въ привычку...

---

¹) См. выше: ноябрь, 264 стр.

Ахъ, да не разыгрывай изъ себя дурочку, Вэрона! Сама прекрасно понимаешь...

— Да! Вы, свѣтскія дѣвушки, воображаете, что вы такъ ужъ необходимы! — поучительнымъ тономъ говорила Вэрона. — Я думаю, общество можетъ свободно обойтись безъ васъ; вѣдь обходится же оно безъ меня?

— „Еще бы! — возразила ей мысленно Модерна. — Вэрона никогда не была хорошенькой“. — Нѣтъ, въ томъ-то и ужасъ моего положенія, — продолжала она вслухъ, — что я сама не могу обойтись безъ общества... то-есть, по крайней мѣрѣ, не могу сидѣть дома. Меня все что-то подгоняетъ наряжаться, и причесываться, и выѣзжать, прыгать и болтать съ людьми, которымъ все равно, есть я на свѣтѣ, или нѣтъ.

— Пустяки! Ты хорошенькая, живая дѣвушка, и всякому пріятно видѣть васъ у себя на вечерахъ: вы съ Пегги способствуете успѣху...

— О, да! — съ горечью подхватила Модерна. — Мы часть неизбѣжной мебели, часть обстановки бала или раута; мы на нихъ необходимы, какъ гнутый стулъ, какъ блюдечко для мороженаго. „Дѣвицъ Масклинъ *нельзя* не пригласить“!.. Но, Боже мой, до чего я устала отъ этой вѣчной и однообразной сутолоки; отъ этого вѣчнаго шатанья по чужимъ домамъ, по чужимъ обѣдамъ и ужинамъ...

— Пріятно имѣть тебя своей гостьей, нечего сказать! — сухо перебила ее Вэрона.

— Душа моя! Надѣюсь, ты не можешь допустить, чтобы я имѣла грубость дать замѣтить радушной хозяйкѣ, что я у нея скучаю? Я даже въ состояніи заставить ее и окружающихъ предположить, что, наоборотъ, я очень веселюсь... Но, зато, какъ я бываю зла, когда вернусь домой! Я наскоро глотаю свой крѣпкій бульонъ и бѣгу скорѣе спать, ни съ кѣмъ не говоря ни слова. Никогда больше я не разсуждаю съ Пегги про танцоровъ, да и они больше не проявляютъ ко мнѣ интереса: всѣ они ко мнѣ приглядѣлись, какъ и я къ нимъ.

— Ну, положимъ, ты и въ самомъ дѣлѣ давно выѣзжаешь, — небрежно замѣтила Вэрона.

— Мнѣ только бы хотѣлось на время, какъ въ сказкѣ, уйти прочь отсюда и опять вернуться: я бы тогда опять была готова выѣзжать, и робѣть въ первый разъ на „большомъ балу“, и красоваться въ воздушномъ бѣломъ платьѣ, съ отдѣлкою изъ незабудокъ...

— Ну, не думаю, чтобы тебѣ было теперь легко опять ка-

заться застѣнчивой или скромной; и, наконецъ, мужчинамъ должна нравиться всякая хорошенькая дѣвушка, но бойкая и не такая недотрога, или какая-нибудь простушка, только-что явившаяся на свой первый балъ.

— Однако, на такую недотрогу всякій разумный человѣкъ готовъ промѣнять любую остроумную собесѣдницу... какъ бы опытна и мила она ни была.

— Позволь, но и ты вѣдь не такъ еще стара... Тебѣ только двадцать-пятый годъ...

— А я чувствую, что мнѣ цѣлыхъ сто! Меня ничто ужъ больше не волнуетъ, даже не развлекаетъ... Я сама себѣ кажусь однообразной...

— Выходи замужъ!

— Всѣ вы заладили одну и ту же пѣсню!—сердито восклицаетъ Модерна.—Это глупо! И говорить больше не стóитъ: ты знаешь, что я никогда не выйду!

— Знаю, что ты такъ говоришь...

— А чтò я говорю, то и думаю!

— Ну, слушай: если тебѣ въ самомъ дѣлѣ общество такъ надоѣло, займись живописью, какъ бывало.

— Благодарю! Я ужъ довольно насмотрѣлась на свое неумѣнье...

— Полно!—снисходительно говоритъ ей сестра.—Вотъ, иной разъ, тебѣ удаются премиленькіе стишки...

— Пустяки! Кто изъ дѣвицъ нынче не пишетъ? И я никогда не нашла бы сбыта своей работѣ, еслибъ не Долли Тримэнъ. Чего мнѣ хочется, такъ это всепоглощающаго интереса къ жизни.

— Отчего бы тебѣ не заняться моими дѣтьми?

— Благодарю покорно!—язвительно возражаетъ Модерна.—Быть „тетей Модъ“, служить справочнымъ листкомъ и ходячею хроникой всего семейства; вязать носки и сопровождать больныхъ родственниковъ на морскія купанья. Нѣтъ, ужъ благодарю покорно!

— Все это хорошо и прекрасно, но мое мнѣніе таково: и мотыльки, подобные тебѣ, когда-нибудь да перестаютъ порхать. Почему бы тебѣ не выйти замужъ? Тогда у тебя будетъ постоянный и усердный поклонникъ, вѣчно у ногъ твоихъ...

— Какъ? Для того только, чтобы я имъ помыкала? Для того, чтобы навсегда связать его брачными узами? Ничего болѣе жестокаго я и придумать не могу!

— Но это придумываетъ каждая дѣвушка. Дойдя до извѣстнаго возраста, всякая невольно начинаетъ подумывать о томъ,

чтобы заручиться мужемъ, для котораго она была бы и осталась на вѣки самой прекрасной, самой обаятельной женщиной на свѣтѣ.

— Для него одного?! Да это просто дерзко.

— Ну, такъ найди себѣ такого, который считалъ бы тебя одинаково привлекательной и для другихъ; но зато не пеняй ни на кого, если онъ будетъ тебя ревновать и превратитъ всю жизнь твою въ адъ кромѣшный. Чѣмъ тебѣ не угоденъ м-ръ Браунъ?

— Онъ черезчуръ серьезенъ.

— Серьезные—самые лучшіе мужья! А м-ръ Донкинъ?

— Онъ предлагалъ, что сдѣлаетъ мнѣ жизнь „и лучше, и полнѣе"... Самыя слова его были для меня уже обидой.

— А Гэвисайдъ? Я его позвала гостить только ради тебя.

— Напрасно! У него нѣтъ ни намека на юморъ!

— А Конистонъ? Ну, зачѣмъ ты ему отказала. Постарайся быть съ нимъ поласковѣе, когда онъ вернется...

— Но онъ уже вернулся; онъ теперь въ Парижѣ, и я ни за какія тысячи не согласилась бы возвратить прошлое.

— Но ты могла бы!.. Ну, а Дорси? Тотъ готовъ хоть сейчасъ жениться.

— Да, если я ему сама сдѣлаю предложеніе! Впрочемъ, не стоитъ объ этомъ говорить! У каждаго есть непремѣнно какой-нибудь недостатокъ... Черезъ недѣлю я опять вернусь въ городъ, и все пойдетъ своимъ порядкомъ, какъ заведенная машина. Опять я буду выѣзжать и болтать всякій вздоръ, чтобы дразнить другихъ, и вообще влюблять въ себя и потѣшаться надъ людьми... Нѣтъ, нѣтъ, Вэрона! Я откажусь отъ общества и окунусь въ міръ „богемы"; все-таки тамъ хоть что-нибудь новое для меня найдется. Или пойду на сцену, или поступлю въ наборщицы... Ну, буду хоть чѣмъ-нибудь заниматься; а такъ жить, какъ теперь,—мнѣ просто невозможно!

— Что̀ ты, Модерна! У тебя будутъ красные глаза!.. Да полно же! Сейчасъ наши вернутся...

— Мнѣ все равно! Мнѣ ни до чего... ни до кого дѣла нѣтъ!..—чуть не захлебываясь, говоритъ Модерна.

— Послушай! Еслибъ я не была увѣрена, что у тебя нѣтъ сердца, я бы могла подумать...

— Ну, что̀ такое?

— ...Что ты влюблена!

— Я бы сама хотѣла!—горячо вырвалось у Модерны, и, помолчавъ, она прибавила:—Тебѣ стыдно за меня?

— Мнѣ просто противно слушать...

— Все-таки тогда было бы для чего жить на свѣтѣ и вол-

новаться, и тревожиться; было бы къ чему стремиться, о чемъ мечтать на яву и во снѣ.. Нѣтъ, ты представь себѣ, какой это восторгъ—тайкомъ получать письма и упиваться счастьемъ, читая ихъ! Представь себѣ горечь разлуки, и радость тайной встрѣчи, и прелесть тихой ночи, когда, глядя въ открытое окно, спрашиваешь себя: гдѣ-то *онъ* въ эту самую минуту; и сознавать, что ты влюблена... что ты...

— Какая ты... странная! Вотъ никогда бы не подумала... Но отчего же, въ такомъ случаѣ, ты не выходишь замужъ?

Модерна засмѣялась; но какъ-то натянуто звучалъ ея смѣхъ.

— Я вѣдь, кажется, тебѣ сказала, что хочу влюбиться; но про замужество я ничего не говорила! Это—дѣло совсѣмъ другое.

— Я нахожу, что ты говоришь рѣзко и... даже неприлично...

— Извини, я не на тебя намекала...

— Ты хочешь сказать, что *я* не люблю своего мужа?

— И сама не знаю,—задумчиво продолжала Модерна:—пожалуй, даже скажу, что любишь... А! вотъ и наши мужчины! Пойдемъ скорѣе къ нимъ на встрѣчу!.. Но ты имъ командуешь, ты обращаешься съ нимъ, какъ съ какой-нибудь „старой старухой"; ты говоришь (я то-и-дѣло слышу!), что ты умѣешь съ нимъ управляться... Нѣтъ, вы себѣ представьте, что̀ можетъ означать такое выраженіе, какъ „управляться", относительно существа, которое боготворишь! Какъ тебѣ кажется, душечка Вэрона, могу я боготворить, напримѣръ, м-ра Гэвисайда? Но управляться съ нимъ я бы съумѣла, несомнѣнно!

На вечерѣ въ академіи м-съ Масклинъ издали провожаетъ глазами дочерей, которыя уходятъ подъ-руку со своими кавалерами: Билли Данверсомъ и Дорси.

— До самаго конца вечера я ихъ больше не увижу,—думаетъ она имъ вслѣдъ. Теперь вовсе не принято непремѣнно возвращаться къ „старшимъ"; мнѣ это Пегги объяснила. Впрочемъ, теперь вообще не принято дѣлать то, чего не желаешь... сколько мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ. Если Пегги думаетъ, что Билли готовъ ей сдѣлать предложеніе, она жестоко ошибается; я бы могла ей сообщить (но она у меня ни въ чемъ не проситъ совѣта), что если кто его интересуетъ, такъ это только... ея сестра, Модерна; но онъ слишкомъ влюбленъ въ самого себя для того, чтобы привязаться къ кому бы то ни было другому...

— На Пегги, все равно, никто не женится: слишкомъ у нея язычокъ остеръ. Все, что̀ она ни скажетъ остроумнаго, возста-

новляетъ всѣхъ противъ нея. Модерна умнѣе, но въ ней есть что-то такое милое и болѣе женственное. Что̀ ни говори, а обѣ онѣ—мои дѣти, и я имѣю право знать ихъ и судить о нихъ. О, я нашла бы много кой-чего о нихъ поразсказать! Я вижу гораздо больше и гораздо глубже, чѣмъ онѣ сами думаютъ. Со стороны виднѣе! Дочки предполагаютъ, что ихъ мать видитъ и понимаетъ только то, что̀ онѣ ей сами скажутъ; но имѣть дѣло со взрослыми дѣвушками—нелегкая задача, и самое лучшее—дѣлать видъ, что замѣчаешь только то, что̀ онѣ тебѣ разрѣшаютъ замѣчать. Такъ оно много спокойнѣе...

— Меня спрашиваютъ иной разъ, зачѣмъ я позволяю дочерямъ своимъ то или другое? „Позволяю"?! Но, Боже мой! Онѣ все равно творятъ свою волю; а это, наоборотъ, *матерямъ* „не позволяютъ" то или другое; матери опять попали въ школу и находятся подъ постоянною опекою, сообразно съ современными обстоятельствами. Я то-и-дѣло „попадаюсь"; я „ничего не смыслю"; я „отстала отъ вѣка". Но, можетъ быть, я сама не иду съ ними рука-объ-руку? На мой темный, непросвѣщенный взглядъ, „современность", въ буквальномъ переводѣ, означаетъ: дурныя манеры, невмѣняемость, пошлость и вѣтренность, а говоря короче: себялюбіе!..

— Я терпѣть не могу Ибсена. А Модерна видѣла многое множество его пьесъ и заявляетъ, что она хочетъ жизнь „прожить", она не смѣетъ „подавлять въ себѣ всякую индивидуальность"; она должна „развивать въ себѣ свои личныя, отличительныя свойства". Она хочетъ до всего дойти сама, и не хочетъ довѣриться моему материнскому долголѣтнему опыту: она вѣритъ только тому, до чего дошла собственнымъ опытомъ. Мать, существо старое, отжившее, загостившееся слишкомъ долго на семъ свѣтѣ; существо неудобное во всѣхъ отношеніяхъ и требующее извѣстной дрессировки, насколько она возможна при ея тупости и упрямствѣ...

— Мнѣ это больно; но я не могу помочь такому положенію дѣлъ, и потому стараюсь, насколько возможно, идти объ руку съ условіями современной жизни и „современной мысли"; читаю „Небесныхъ близнецовъ" и „Бѣглые наброски". Самое большее, что̀ дозволяетъ мнѣ мое званіе хозяйки дома, это—хмуриться на ужаснѣйшія вещи, которыя вообще говорятся въ гостиныхъ; я даже согласна носить ихъ шляпки, чтобы не отставать отъ моды...

— Глупенькая, простоватая, но практичная Вэрона—вотъ единственная удачная изо всѣхъ моихъ дочерей. Она вышла за-

мужъ, остепенилась и устроилась безъ всякихъ хлопотъ или непріятностей. У нея хорошенькое имѣнье въ Шотландіи, парочка прелестныхъ дѣтишекъ, мужъ, который любитъ ее и бережетъ... А между тѣмъ, она—проще Модъ и Пегги...

— А! Вотъ идетъ Модерна. Она бросила своего кавалера—Дорси, и теперь у нея новый адъютантъ; кажется, тотъ самый писатель, который вывелъ ее въ своемъ романѣ. Я бы и говорить съ нимъ не стала, а она ничего, будто ей это все равно. Удивляюсь, какъ она не шокируетъ его? Бѣдная дѣвочка, какая она блѣдненькая, утомленная! И какъ она худѣетъ! Говорятъ, въ ней нравится ея „morbidezza"... кажется, такъ это называютъ? Нечего сказать, пріятно матери слышать, что ея дочь называютъ „болѣзненной", „мрачной"; но господа, въ родѣ м-ра Тримэна, этимъ восхищаются, и желаютъ писать съ нея портреты. Еще свѣтъ не производилъ такой здоровой дѣвушки, какъ моя Модерна. Посмотрѣли бы вы на нее, когда она ѣздитъ верхомъ или пускается въ „lawn-tennis"! Тогда вы не замѣтите въ ней и слѣда какой-то такой „morbidezz"'ы!

— Нѣтъ, благодарю васъ, м-ръ Битгэмъ! Мнѣ тутъ прекрасно, и ни откуда не дуетъ. Благодарю васъ, я мороженаго не хочу... —И для чего они пристаютъ къ такой старухѣ, какъ я? Терпѣть не могу, когда мнѣ надоѣдаютъ! Мнѣ бы только посидѣть спокойно и закрыть глаза, чтобы дать имъ отдохнуть немножко. А „они" всѣ любезничаютъ со мной, какъ бы изъ милости, потому что влюблены въ Модерну. И какое ихъ множество! Все, впрочемъ, премилые молодые люди, которыхъ я не прочь имѣть своими зятьями; но Модъ такихъ-то какъ разъ и не любитъ! Ей нравятся художники и журналисты,—все такіе люди, которые, какъ она говоритъ, „составили себѣ имя". Я же, напротивъ, люблю особый типъ молодого англичанина, человѣка бодраго, здороваго. Онъ не портитъ себѣ глаза, просиживая ночи напролетъ надъ книжками; онъ не трагикъ и не педантъ, онъ—просто джентльмэнъ...

— Вотъ, напримѣръ, хоть бы Эдвардъ Конистонъ! Я его любила какъ родного сына, и такъ онъ намъ пришелся кстати. Бывало, я совѣтовалась съ нимъ рѣшительно обо всемъ; съ мужемъ онъ работалъ въ качествѣ секретаря. Когда-то онъ былъ въ *нее* влюбленъ. Въ настоящее время онъ вернулся въ Англію; Пегги получила отъ него письмо... Очень бы мнѣ хотѣлось, чтобы Модерна имъ заинтересовалась!..

— Не люблю я ея друзей,—представителей богемы! Можетъ быть, это выдающіеся таланты, но благовоспитанности въ нихъ

нѣтъ,—даже хотя бы самой заурядной. Не люблю я и этого Кронòвскаго — съ его сѣрой физіономіей, длинными космами и дурными зубами; онъ неизбѣжно приноситъ съ собою запахъ театральной рампы, когда является съ визитомъ. Онъ — музыкантъ, и рветъ струны на моемъ роялѣ. Я терпѣть не могу миссъ Долли Тримэнъ, или, какъ величаютъ ее въ ихъ кругу, „Д. Т.“; не выношу ни ея жаргона, ни ея неприличныхъ французскихъ разсказовъ, ни ея головы, остриженной подъ гребенку. Она распѣваетъ пѣсенки Иветтъ-Гильберъ, и не выпускаетъ даже тѣхъ стиховъ, которые Иветтъ считаетъ слишкомъ смѣлыми для нашей публики. Живетъ она надъ хлѣбопекарней, и увѣряетъ, что ея запахъ—„ароматъ боговъ“. Въ „Родныхъ Всходахъ“ она подписывается „Церера“, а въ изданіяхъ „Ученыхъ Женщинъ“— „Сибилла“; она принимаетъ подачки отъ лавокъ и магазиновъ, и живетъ, повидимому, чуть не впроголодь, пьетъ водку и читаетъ „Красненькій Листокъ“. Модерна находитъ, что она умна и энергична, и вообще „fin de siècle“. Я просто нахожу, что она неприличная особа,—вотъ и все!..

— Ея братъ, Нэдъ Тримэнъ, просилъ у Модерны позволенія писать съ нея картину; онъ, кажется, „импрессіонистъ“. Не знаю хорошенько, чтò значитъ это „импрессіонистъ“, но мнѣ думается, что такая живопись не должна требовать многочисленныхъ сеансовъ...

— Но который это часъ? Кажется, первый? Вотъ ненавижу эту сутолоку и болтающую толпу! И какъ я ни добра и снисходительна отъ природы, а охотно бы осталась дома, и давнымъ-давно лежала бы себѣ въ постели. Вотъ было бы теперь прекрасно полежать!.. Да нѣтъ, все равно, я вѣдь и дома, лежа, не могу заснуть, когда ихъ дома нѣтъ: все прислушиваюсь, не заскрипитъ ли дверь, не защелкнетъ ли ключъ въ замкѣ? Ужъ лучше тутъ сидѣть...

— Нѣтъ, душечка моя, я нисколько не устала,—прерывая свои думы, говоритъ вслухъ м-съ Масклинъ, отвѣчая на вопросъ дочери.—Я закрыла глаза просто для того, чтобы мнѣ удобнѣе было думать. Мнѣ надо бы поговорить немножко съ м-съ Флемингъ, и я обѣщала, что пойду съ адмираломъ смотрѣть твой портретъ. Иди себѣ, милочка моя, иди, не заботься обо мнѣ; мнѣ тутъ прекрасно!..

— Модерна—доброе дитя; вотъ Пегги никогда и въ умъ не придетъ забѣжать посмотрѣть, чтò я и гдѣ я! Не знаю, съ кѣмъ это говоритъ Модерна. Какое это странное положеніе—не имѣть понятія о томъ, съ кѣмъ водитъ дружбу ваша собственная дочь!

Она, кажется, сговаривается съ этой женщиной вмѣстѣ идти обѣдать; вотъ и вчера она у кого-то обѣдала, а я не знаю—у кого? Вѣроятно, мнѣ было сказано объ этомъ, да я забыла.. Почему знать, можетъ быть даже у какихъ-нибудь молодыхъ людей? Обѣ мои дѣвочки имѣютъ въ своемъ распоряженіи собственные ключи, теряютъ ихъ безпрестанно, и двери остаются открыты для какихъ угодно воровъ и мошенниковъ. Это меня пугаетъ, и какъ меня ни увѣряютъ, что это ничего не значитъ, я все-таки не могу преодолѣть своей тревоги, въ которой, какъ онѣ говорятъ, никто, кромѣ меня, не виноватъ. Большею частью, дочери мои выѣзжаютъ однѣ; не понимаю, къ чему имъ понадобилось сегодня тащить меня съ собою? По нынѣшнимъ временамъ вовсе нѣтъ надобности, чтобы молодыхъ дѣвицъ сопровождала непремѣнно почтенная особа.

— „Какъ это мило съ вашей стороны, миссъ Масклинъ, что вы привезли съ собой свою maman“!—сказала разъ Модернѣ м-съ Ренсселеръ,—по всей вѣроятности, шутя, потому что улыбнулась.

— Но ни я, ни Модерна (я это замѣтила) не были довольны такой шуткой...

— Какъ? Ты опять вернулась? — воскликнула вслухъ мать Модерны.—Дитя мое! Да ты страшно блѣдна!.. Домой? Значитъ, соскучилась? Или тебѣ на что-нибудь досадно?.. Ну, хорошо, хорошо! Если хочешь, я готова ѣхать... только, вотъ, какъ Пегги?.. Поговори съ нею... вотъ она идетъ...

— Что-нибудь да не такъ!—продолжаетъ она думать—Кто-нибудь не пріѣхалъ, или не пригласилъ ее танцовать, когда она на это разсчитывала... Всѣ дѣвушки вѣдь таковы: хоть вся гостиная будь у ногъ ея,—ей нужды нѣтъ, если отсутствуетъ предметъ ея вниманія. Хотѣлось бы мнѣ знать, кто это такой? Еслибъ она только рѣшилась мнѣ сказать, я могла бы ей помочь! Но она не скажетъ. А между тѣмъ, несмотря на всю свою независимость, сегодня же ночью, вернувшись домой, она прижмется головкой къ моему плечу и со слезами станетъ увѣрять, что „это ничего, право же, ровно ничего“! Но она „совершенно и безповоротно, глубоко, безнадежно несчастна!“— На это мать еще можетъ пригодиться!..

XV.

М-съ Фрэдъ Деверель зашла однажды въ мастерскую Нэда и смущенно задумалась передъ одною изъ картинъ, глядя на нее въ „pince-nez“.

— Нѣтъ, все равно, ничего не понимаю! — съ отчаяніемъ говоритъ она;—не особенно мнѣ нравится этотъ вашъ... импрессіонизмъ! Только и всего за десять сеансовъ?

— Я самъ не особенно собой доволенъ,—пробормоталъ недовольный художникъ;—это еще надо „выписать“...

— А эти полосы,—красныя и синія, — на заднемъ планѣ?

— Развѣ вы не узнали? Это салонъ Локгарта. Миссъ Масклинъ—дѣвица современная; вотъ я и *написалъ* ее посреди лондонской улицы, на фонѣ лавочныхъ вывѣсокъ, кіосковъ и прочихъ знаменій современной цивилизаціи. Знаете,—холодный синій цвѣтъ, означающій трезвость, и огненный, кровяной,—цвѣтъ сырого мяса... Видите? Вглядитесь!

— Вижу, вижу! Сочетаніе красокъ, достойное духа времени. Ну, должна признаться, что Модерна—дѣвушка вовсе не тщеславная; когда мнѣ придется служить моделью...

Флосси Деверель запнулась, и за нее поспѣшилъ закончить Нэдъ Тримэнъ:

— Тогда ужъ вы пойдете къ художнику, „выписывающему“ корсеты и кружева, и онъ вамъ устроитъ такое лицо безъ морщинокъ и безъ складокъ, что просто восторгъ! И такихъ художниковъ тьма тьмущая! А, вотъ и она сама! Миссъ Масклинъ, пожалуйте! Скорѣе становитесь въ позу; кажется, сегодня выйдетъ весьма удачно!

— О, м-ръ Тримэнъ!—воскликнула Модерна, глядя на свой портретъ:—развѣ у меня губы сургучнаго цвѣта? Или, напримѣръ, цвѣта краснаго генеральскаго сукна?

— Вы говорите, миссъ, какъ настоящій критикъ: а они вѣчно несутъ безсмыслицу!—возразилъ Нэдъ Тримэнъ.—Впрочемъ, есть критики, которые вобьютъ себѣ въ голову, что только ихъ идеалы и есть настоящіе, а вы, я твердо увѣренъ, ничего не смыслите въ законахъ искусства, и потому вашимъ мнѣніемъ нельзя пренебрегать. Вы улыбаетесь? Вотъ, вотъ: эту самую улыбку вы и должны мнѣ подарить.

— Конечно, я ничего не смыслю въ искусствѣ, но у меня есть свое особое мнѣніе, и я не увѣрена, будетъ ли оно согласно съ вашимъ?

— Кто насъ, художниковъ, обидитъ, какъ не наши друзья?— трагически замѣтилъ художникъ и углубился въ работу.

— Вы извините? Я зайду на минутку по-сосѣдству,—проговорила Флосси и ушла, оставивъ модель и художника вдвоемъ.

— Вы будете на сходкѣ соціалистическаго клуба „Впередъ“?..—спросилъ Нэдъ.

— Конечно, я состою членомъ.

— И поѣдете, конечно, вмѣстѣ съ Долли? — продолжалъ онъ.—Странно васъ видѣть въ этой компаніи!

— Это не особенно вѣжливо по отношенію къ вашей сестрѣ.

— Чтò же тутъ такого? Долли и въ самомъ дѣлѣ, какъ хищная птица, норовитъ съ кого-нибудь сорвать рецензію или интервью.

— Въ клубѣ бываютъ ужасно умные люди; потому-то я въ него и записалась.

— Положимъ, отъ этого къ вашимъ бѣлымъ крылышкамъ ничего не пристанетъ, а вамъ забавно. Вотъ я—другое дѣло. Я поневолѣ долженъ окунаться во всякую грязь въ поискахъ за сюжетомъ; надо же мнѣ всего испробовать...

— На долготерпѣливой публикѣ?

— Мы, артисты-художники, все равно, что странники въ землѣ приключеній... мы ищемъ новизны...

— Мнѣ кажется,—робко вставила Модерна свое словечко: —еслибы вы немножко тщательнѣе выписывали свои картины...

— Мало я вамъ объяснялъ принципы живописи! — смѣясь, возразилъ Нэдъ Тримэнъ. Самое важное — первое впечатлѣніе, которымъ картина поражаетъ наши зрительные органы. Всѣ подробности должны подчиняться требованіямъ воображенія, воспринимающаго эти впечатлѣнія. Картина должна сразу произвести эффектъ, или вовсе не производить его. Какъ молнія должна она броситься прямо въ глаза зрителю...

— И, зато, какъ молнія же исчезнуть... А чтò если устроить вращающіяся картины на выставкѣ?

— Вы сбиваетесь съ толку...

— И критики также... Молчу, молчу! Пишите.

Во время минутной тишины раздается звонокъ.

— А! Вѣроятно Конистонъ; онъ обѣщалъ зайти посмотрѣть на портретъ m-me Бельинфанты. Я обыкновенно не пишу никого въ костюмахъ, но изъ любезности къ нему я согласился сдѣлать ее маркизой... Помпадуръ. Вотъ и костюмъ ея лежитъ. Интересная женщина! Чертовски умна; вдова и богачка, и мо-

жетъ позволить себѣ всѣ прихоти, какія угодно. Я слышалъ про нее еще въ Парижѣ...

— А! Вотъ она какая особа!

— Миссъ Масклинъ! Пожалуйста, замѣтьте, что я хочу именно указать только на то, что она имѣетъ возможность жить, какъ ей угодно. Въ Парижѣ она, что называется, „très-bien vue"... Говорятъ, Конистонъ собирается на ней жениться.

— А!.. Какимъ это образомъ?

— Не знаю; по слухамъ, онъ за нее когда-то дрался на дуэли; онъ ли скомпрометтировалъ ее, или она его,—уже, право, не знаю. Только фактъ тотъ, что она была замужемъ за какимъ-то звѣремъ, который ее билъ...

— И добилъ до того, что самъ умеръ... а ея горести и ея краса плѣнили Конистона, который теперь хочетъ на ней жениться?—подсказала ему Модерна.

— Да, приблизительно вѣрно сказано. Она теперь въ Лондонѣ и хочетъ увезти съ собою свой портретъ...

— Покажите!

— Я такъ и зналъ, что вы захотите его видѣть...

— Ну, пожалуйста!

— Извольте!.. Видите, это написано въ моемъ прежнемъ духѣ.

Модерна долго смотритъ молча.

— Я бы хотѣла, чтобы вы и меня такъ написали! — говоритъ она...

— Вы находите, что она красива?

— Восхитительна!—восторженно восклицаетъ Модерна.

„Молодецъ дѣвушка! — думаетъ про себя художникъ:— Ручаюсь, что она уже ревнуетъ къ этой женщинѣ, а между тѣмъ отдаетъ должное ея красотѣ"!—Смотрите, вотъ ея нарядъ: фижмы, и парикъ, и пышный лифъ...

— Да она съ меня ростомъ!

— Пожалуй...

— Боже, какъ долго Флосси не идетъ!—вдругъ восклицаетъ Модъ.—Вотъ бы вамъ пойти за ней!

— Очень мнѣ нужно!

— Не вамъ, но мнѣ!—высокомѣрно возражаетъ Модерна, и Нэду остается только повиноваться.

— Вотъ какъ! — разсуждаетъ Модерна, оставшись одна:— Эдвардъ уже четвертый день какъ вернулся въ Лондонъ, а еще ни разу не заглянулъ ко мнѣ... Онъ удивится, что я здѣсь. Но кто она такая, эта женщина, которую онъ разсчитываетъ здѣсь

встрѣтить?.. Вотъ бы мнѣ нарядиться въ ея костюмъ! Интересно знать, чтò онъ на это скажетъ? Скорѣй, скорѣй!.. онъ сейчасъ придетъ: онъ и въ старину былъ до того аккуратенъ, что это меня всегда злило. Да это платье чудо, до чего мнѣ впору... на мое собственное, конечно. Она, вѣроятно, порядочно-таки толста?..

Разсуждая въ умѣ такимъ образомъ, она встала въ позу и подумала:

— Не хватаетъ только бѣлилъ и румянъ, и... нахальства, чтобы пополнить общую картину... Звонятъ!.. Отчего мнѣ вдругъ стало такъ жутко? Я вся дрожу!..

Въ комнату входитъ Конистонъ и торопливо направляется къ маркизѣ.

— А, Элиза!..

— Развѣ ее зовутъ Элизой? — сухо спросила Модъ, спускаясь съ эстрады.—Ну, какъ же вы поживаете? Помогите мнѣ снять всѣ эти доспѣхи, пока еще не пришли Флосси и Нэдъ Тримэнъ!—продолжала она, съ лихорадочной поспѣшностью принимаясь сдергивать съ себя платье маркизы.

— Ну, а вы какъ?—не спѣша, отвѣчалъ Конистонъ.— Но зачѣмъ вы нарядились въ костюмъ m-me Бельинфанте?

— Затѣмъ, чтобы разыграть изъ себя порядочную идіотку... Все равно, мое же собственное оружіе и обратилось мнѣ во вредъ!..

— Я васъ не понимаю,—холодно говоритъ Конистонъ.

— Тѣмъ лучше!—возражаетъ Модерна и, блѣднѣя, откидывается на спинку кресла.

— Вамъ дурно? Вы страшно поблѣднѣли...

— Устала позировать. А, вотъ и Флосси! Я могу уходить...

— Очень жалѣю, что меня не было дома; но надѣюсь, что миссъ Масклинъ заняла васъ...

— Прекрасно! Она даже устроила въ мою пользу маленькую сценку... М-ръ Тримэнъ, какое у васъ, однако, въ вашей манерѣ писать, замѣчается очаровательнѣйшее пренебреженіе къ деталямъ!

— Душа моя, чтò съ тобой случилось? — спрашивала тѣмъ временемъ Флосси у подруги. — Ты даже какъ-то вдругъ позеленѣла!

— Флосси, пожалуйста, поѣдемъ! Я больше не въ состояніи сидѣть сегодня на сеансѣ,—отвѣчала Модъ и сухо прибавила, обращаясь къ Конистону:—Очень рада, что вы вернулись

на родину. Не хотите ли быть моимъ гостемъ завтра на вечеринкѣ въ нашемъ „пѐредовомъ“ клубѣ?

— Почту себя счастливымъ!

— Я вамъ пришлю билетъ, прощайте!.. М-ръ Тримэнъ, а вамъ могу дать знать хоть черезъ Флосси, когда будетъ у насъ слѣдующій сеансъ. Скажите Долли, что я за ней заѣду, и мы поѣдемъ вмѣстѣ прямо въ клубъ.

На вечерѣ въ клубѣ, раздѣваясь въ сѣняхъ, Долли Тримэнъ пристально всмотрѣлась въ свою спутницу и проговорила:

— Ну, и почтенный же у тебя видъ! Въ этомъ дѣвственно-чистомъ бѣломъ платьѣ ты даже черезчуръ прилична! Не понимаю, почему ты такъ скромно одѣваешься на наши вечера?

— Можетъ быть, я это дѣлаю нарочно,—замѣтила Модерна.

— Ну, все равно, ты очень мила. Вонъ тамъ я вижу стоитъ мой братъ, какъ святой какой: ему нѣтъ цѣны, до того онъ некрасивъ... Ахъ, Модерна! Надо тебя познакомить съ моимъ издателемъ: онъ такъ и рвется, чтобы добиться твоего сотрудничества въ газетѣ.

— Вотъ нелѣпость!

— Нѣтъ, серьезно. Ему нужно твое имя; ты вѣдь имѣешь свободный доступъ въ высшее общество...

— Какія мерзости ты говоришь, Долли!

— Я говорю дѣло... Пойти мнѣ да побранить его за то, какъ онъ скомкалъ мою статью о „верхахъ“ омнибусовъ,—прибавила она, и обѣ пріятельницы вошли въ комнату, наполненную дымомъ и безпорядочною толпой людей.

— Ба! Это нашъ хорошенькій философъ и его тѣнь!—воскликнулъ художникъ де-Шагюонъ.

— Почему вы ее такъ называете?—спросила Флосси, которая бесѣдовала съ нимъ.

— Потому-что она премило разсуждаетъ о вопросахъ, въ которыхъ ничего не понимаетъ... да и слава Богу, что не понимаетъ! О той, о другой—я не говорю...

— О, эта „Д. Т.“ и ея пѣсенки слишкомъ мнѣ надоѣли! Она опередила даже направленіе „fin de siècle“... Какъ поживаете, миссъ Тримэнъ? Собираетесь танцовать въ своей короткой юбочкѣ?

— Ah, mademoiselle, bonsoir!—обратился къ Модернѣ профессоръ живописи. — Blanche comme une fée! Когда можно будетъ съ васъ сдѣлать эскизъ?

— Не знаю; вы, кажется, говорила, что къ вамъ надо приходить безъ провожатыхъ?

— Ah, pour ça, non! Mille fois non! Могу ли я работать, зная, что у меня за плечомъ возсѣдаетъ британская матрона? Всякое вдохновеніе способно отлетѣть!..

— Такъ я когда-нибудь къ вамъ загляну съ Вильямомъ, когда онъ пріѣдетъ въ отпускъ изъ Итона...

— Un garçon?.. Diable! Mademoiselle, merci; я предпочитаю набросать свой эскизъ на память...

— Знаете, я какъ-нибудь сама завезу къ вамъ Модерну,— успокоительно замѣтила Флосси Деверель, и тихонько шепнула подругѣ:—Ты не должна отталкивать отъ себя такихъ геніальныхъ людей, глупышка! А вы, миссъ Долли, откуда къ намъ явились? Изъ какого-нибудь истъ-эндскаго притона или обиталища опіума?

— Истъ-Эндъ немножко устарѣлъ, и я думаю теперь обратить свое вниманіе на подонки высшихъ кварталовъ. „Трущобный мірокъ въ Бельвуарѣ!"—развѣ это не будетъ своего рода новинкой? Я прямо изъ закулиснаго міра театра „Тщеславія". Тилли-Дру была чудо какъ хороша въ своей новой шансонеткѣ, но бѣдная! Вы знаете, у нея жара не хватаетъ, пока она не хватитъ хорошенько Б. и С. [1]). Ей самой это непріятно, но безъ этого она ничего не можетъ сдѣлать!—оживленно болтала журналистка.

— Что же дѣлать: „talent oblige"! — насмѣшливо вставила Флосси.

— Мнѣ очень жаль, что меня тамъ не было, когда Тилли и Бесси (въ театрѣ имъ дали кличку: „чертенокъ" и „котенокъ") вцѣпились другъ въ друга! — продолжала Долли. — Въ третьемъ актѣ, когда танцуетъ Тилли и, понятно, хочетъ, чтобы все вниманіе было устремлено на нее, Бесси ухитряется выставлять свою ножку. Уже Тилли грозила, грозила ей, что пожалуется антрепренеру,—все нипочемъ! Такъ вотъ вчера Тилли подошла къ ней и громко сказала:—„Ахъ ты, ты, ты"!..

— Очевидно, не находила словъ?..

— Да, сначала, но потомъ!.. — и Долли выразительно качнула головой.

— А съ кѣмъ это говоритъ миссъ Масклинъ?—перебилъ ее поэтъ Гонтрамъ Виръ.

— Съ моимъ братомъ.

— Непохоже!

---

[1]) Т.-е. брэнди (водки) и соды (съ содовой водой).

— Почему? Потому что онъ на видъ такой добрый и такой некрасивый?

— Совершенная противоположность своей сестры.

— Да! Могу похвалиться; какъ будто про меня сложена пѣсенка: „Не слишкомъ добра"... Терпѣть не могу вашихъ святыхъ и недотрогъ! Заходите ко мнѣ: дамъ чашку чая и сандвичъ...

И въ самомъ дѣлѣ, Модерна углубилась въ бесѣду съ Нэдомъ Тримэномъ:

— И знаете,—говорила она горячо,—этотъ издатель предложилъ мнѣ писать очерки общественной жизни. Я отказалась: Еще бы! Разбирать и осмѣивать своихъ друзей и знакомыхъ!

— А Долли пишетъ.

— Но ея друзьямъ это, повидимому, нравится; а моимъ было бы непріятно.

— Видите ли, большинство ея друзей вынуждено прокладывать себѣ дорогу въ жизни, какъ и она сама. Имъ приходится бывать вездѣ...

— Долли все хочетъ, чтобы я съ ней пошла въ кафе-шантанъ...

— Не ходите съ ней, а подите со мной!

— Нѣтъ, я никогда бы на это не рѣшилась!

— Полноте! Какой же я мужчина... Я такъ некрасивъ!..

— Что же, можетъ быть... когда-нибудь...—сострадательно проговорила Модъ.

— Но я не смѣю задерживать васъ дольше: и то ужъ давно мечетъ на меня молніеносные взгляды какой-то замѣчательно-красивый господинъ, и я уже обмеръ отъ страха!

Модерна простилась съ нимъ и подумала про себя:

„А вѣдь Эдвардъ дѣйствительно здѣсь имѣетъ видъ принца крови среди этихъ людей!.. А! вы пришли? — вслухъ прибавила она.

— Вы сами меня пригласили.

— Есть у васъ здѣсь знакомые?—нервно допрашивала Модерна.

— Только художникъ Шагюонъ. Чей онъ гость?

— Миссъ Тримэнъ!—побѣдоносно возглашаетъ Модъ.

— Я бы могѣлъ представиться миссъ Тримэнъ, — кротко заявляетъ онъ.

— Эдвардъ! Я вамъ этого не позволю...

— Чего вы не позволите? И почему вы не курите? — самымъ невиннымъ тономъ спросилъ Конистонъ.

— Вы сами знаете, что я не курю! — съ упрекомъ возразила Модъ.

— Нѣтъ, не знаю; я долго былъ въ отъѣздѣ. И, наконецъ, всѣ здѣсь курятъ. Есть ли у нихъ нервы, скажите, пожалуйста!

— Если вы пришли для того, чтобы насмѣхаться надъ моими друзьями...

— Я и не зналъ, что все это—ваши друзья; да и *не могутъ* они быть вашими друзьями! Впрочемъ, я постараюсь ничего и никого, кромѣ васъ, не замѣчать. Не будемъ о нихъ спорить; лучше потолкуемъ о васъ,—конечно, если вамъ не покажется напраснымъ—бесѣдовать съ такимъ постороннимъ человѣкомъ, какимъ я являюсь передъ вами. Я просто частное лицо, которое не имѣетъ возможности увѣковѣчить васъ въ печати, или хотя бы дать вамъ случай заполнить газетный столбецъ: „О дамскихъ дѣлахъ“...

— Эдвардъ! Вы злы, и безпощадны, и даже дерзки! Да развѣ вы не видите, что это и есть настоящіе, живые мужчины и женщины, которые въ тысячу разъ интереснѣе вашихъ глупыхъ, вздорныхъ франтовъ и пустоголовыхъ женщинъ, которыя трещатъ, не умолкая, въ залахъ и гостиныхъ...

— Всякому свое!..

— Можетъ быть,—продолжала Модерна,—можетъ быть, они немного грубоваты или даже безцеремонны, и слишкомъ прямо называютъ все своимъ именемъ; но зато это такіе люди, которые посредствомъ печатнаго слова ворочаютъ вселенной! Они— рычаги міра сего!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что, можетъ быть, рычаги, да *не настоящіе*! Или вы полагаете, что и въ литературѣ, и въ журналистикѣ, нѣтъ своего рода тины, своей стоячей воды, которая гдѣ-нибудь въ глубинѣ клокочетъ и бурлитъ, не вызывая волненія на поверхности воды?

— Недурно для прописи! Но ваши метафоры довольно-таки безпощадны,—смѣясь, сказала Модерна. — Я знаю, что вы ненавидите „богему“.

— Да; но не ту, не *настоящую* богему, полу-голодную, полу-нагую, у которой нѣтъ ни близкихъ, ни друзей, ни визитныхъ карточекъ, ни вечернихъ туалетовъ,—словомъ, ничего, ровно ничего, кромѣ печати геніальности, которая даетъ ей возможность подняться высоко...

— Да, понимаю, вы были бы покровителемъ Джонсона, какъ лордъ Соутгэмптонъ былъ покровителемъ Шекспира.

— Но въ душѣ моей ничего, кромѣ презрѣнія, я не питаю къ людямъ, которые обладаютъ всѣми свойствами богемы, за исключеніемъ ея геніальныхъ сторонъ. Эти люди гордятся своей невѣжливостью, и ставятъ себѣ въ заслугу не отвѣчать на письма, не держать своего слова, опаздывать къ условленному часу, и считаютъ, что достаточно вѣская причина для нарушенія законовъ божескихъ и человѣческихъ—сказать: „C'était plus fort que moi". Не думаю, чтобы во всей этой комнатѣ нашелся хоть одинъ человѣкъ, у котораго были бы твердыя основы самыхъ начальныхъ понятій о долгѣ и совѣсти. И видѣть васъ, васъ—посреди нихъ! Голову свою дамъ на отсѣченіе, если еще хоть на минуту здѣсь останусь! Покойной ночи и... простите! Завтра вечеромъ увидимся у Флемингов.

— Не думаю; прощайте!—сухо возразила Модерна, и едва очутился за дверью Конистонъ, какъ она нервно обратилась къ Нэду, едва переводя духъ:—Завтра я съ вами ѣду на шансонетки... Добудьте мнѣ Долли!

— Она не можетъ, у нея репетиція.

— Ну, все-равно; тогда поѣдемте безъ нея, вдвоемъ. Напишите мнѣ... нѣтъ! лучше не надо. Кланяйтесь Долли,—не могу ее дольше дожидаться... Нѣтъ, пожалуйста, меня не провожайте! Я всегда *одна* возвращаюсь домой. Это—мой принципъ... Ну, прощайте!

XVI.

Лѣтній вечеръ.

Модерна поджидаетъ своего спутника, какъ сама назначила, въ Кенсингтонъ-Гарденѣ, и досадуетъ на себя за свою затѣю.

— Даже противно, отвратительно! На какой скамейкѣ я ему назначила сойтись? Его нѣтъ; ужъ не ошиблась ли я? Это первый разъ въ жизни, что я назначаю свиданіе. И ждать его тутъ... унизительно! А что̀, если я отойду подальше и вернусь запыхавшись, будто спѣшу, потому что запоздала?.. Да какъ онъ смѣетъ заставлять себя ждать?!..

— Чего бы я не дала за то, чтобы вернуться! Но нѣтъ, не хочу давать надъ собой волю Эдварду! Тутъ ужъ не до веселья. Все время я буду терзаться и тревожиться. Лучше бы мнѣ было ѣхать къ Флемингамъ. Наши долго еще не вернутся домой, а я постараюсь поскорѣй покончить съ этою затѣей, и буду ужъ

давно въ постели, когда они пріѣдутъ. Побуду съ Нэдомъ не дольше, чѣмъ того требуетъ простая вѣжливость и... Вотъ идетъ полицейскій... Боже, какъ онъ на меня смотритъ! Да нѣтъ же, я не дѣлаю ничего дурного; и наконецъ, нельзя меня арестовать за то, что я просто сижу на скамейкѣ! Я „не мну травы и не ломаю деревьевъ"... А вдругъ мнѣ встрѣтится кто-нибудь изъ прислуги? Они, вѣрно, сюда бѣгаютъ на свиданіе со своими возлюбленными... Вотъ идетъ Нэдъ!.. Ну, я пропала. Убраться поскорѣй во-свояси и послать ему телеграмму, что я не буду...

Модерна поспѣшно подбираетъ платье и бѣжитъ прочь, но сталкивается какъ разъ со своимъ спутникомъ.

— Миссъ Масклинъ!—восклицаетъ онъ.

— Какъ, это вы?—спокойно оборачиваясь, говоритъ она.

— А то кто же? Мнѣ очень жаль, что я васъ заставилъ дожидаться; но право же—ни одна женщина не была еще со мной такъ аккуратна...

— Вы говорите, точно имѣете обыкновеніе не запаздывать на свиданіе! (Ну, зачѣмъ я это говорю?)

— Однако, какъ вы сердитесь, что вы первою пришли на мѣсто!

— (Да какъ онъ смѣетъ говорить, что я сержусь?) О, не все ли равно?

— Нѣтъ, не все равно. Я прибѣжалъ сюда, чтобы поспѣть на пять минутъ скорѣе васъ... Скажите, вамъ пришлось долго меня ждать?

— Пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ!

— Ну, хорошо. Куда же мы направимся обѣдать? Я думаю, къ Николини.

— А тамъ бываетъ *настоящая* богема? Самая низкопробная?

— Самая настоящая! На первый разъ—ужъ чего ниже. Я васъ угощу настоящимъ итальянскимъ обѣдомъ. Для меня тамъ сдѣлаютъ все, чтò угодно. Во время обѣда мы потребуемъ листокъ „Антрактъ" и посмотримъ, гдѣ самое лучшее представленіе; впрочемъ, мнѣ кажется, что въ Тиволи. Мы возьмемъ ложу.

— Нѣтъ, я хочу сидѣть со всей публикой.

— Такъ вы соціалистъ? Ну, дѣлайте, какъ вамъ угодно; только въ ложѣ вѣдь можно сидѣть такъ, что васъ не видно.

— Я вовсе не желаю прятаться, мнѣ нéчего стыдиться... „А вѣдь я вру"!—думаетъ она про себя и садится въ наемный экипажъ. Нэдъ подсаживаетъ ее, поддерживая подъ локоть.

— Прикажите заѣхать на ближайшій телеграфъ; я хочу послать телеграмму своей портнихѣ.

— Съ горячею мольбою обождать гарнировать лифъ? Надо измѣнить цвѣтъ бантовъ, сдѣлать голубые, вмѣсто бѣлыхъ? — шутя, подсказывалъ ей художникъ.

— Вижу, что вы все это понимаете...

— Еще бы! На то вѣдь я и портретистъ.

Экипажъ останавливается у телеграфной станціи; Модерна выходитъ и пишетъ на бланкѣ телеграмму.

— Какъ вы изволили написать это слово, миссъ?—спрашиваетъ ее телеграфистъ.

— „К-о-н"... кажется, достаточно ясно? — отвѣчаетъ Модерна и ѣдетъ дальше.—А что̀,—тревожно освѣдомляется она,— какъ вамъ кажется: мое платье довольно скромно?

— Конечно, и шляпа, и двѣ плотныя вуалетки. Но вы непослѣдовательны, вы только-что сказали, что вамъ нечего стыдиться...

— Почему же я должна непремѣнно быть послѣдовательна? —капризно замѣчаетъ Модерна въ то время, какъ они подъѣзжаютъ къ ресторану.

— Ну, какъ же вамъ нравится итальянскій обѣдъ? — говоритъ, подъ-конецъ его, Тримэнъ.

— Очень нравится; только все здѣсь такъ чисто и прилично, что я невольно задаю себѣ вопросъ: неужели у васъ въ Парижѣ, въ разныхъ вашихъ „Chat-noir" или „Rat-mort", все такъ же чинно и благопристойно?

— Ну, пожалуй, несовсѣмъ. Но для начала съ васъ и этого довольно. Сегодня вы запаслись двумя вуалетками; на слѣдующій разъ вы уже удовольствуетесь одной, а затѣмъ найдете, что ни одной не нужно.

— „Слѣдующій разъ"?!—переспрашиваетъ Модерна.—А который теперь часъ?

— Пожалуй, ужъ пора. Allons! — и Нэдъ любезно помогаетъ ей одѣться.

Доѣхавъ до „Тиволи", онъ всталъ и просилъ свою даму обождать въ коляскѣ, пока онъ пойдетъ взять ложу.

— Что вы такъ тревожно оглядываетесь?—прибавилъ онъ.

— Смотрю, не увижу ли кого изъ знакомыхъ...

— Осторожная дѣвица! — проговорилъ, уходя, Тримэнъ и исчезъ за дверью театра.

Еще разъ выглянула Модерна изъ-подъ верха экипажа и вдругъ замѣтила Эдварда, который стоялъ у крыльца, подъ навѣсомъ.

— О, Эдвардъ! Вы получили мою телеграмму? Вы будете меня охранять?

— Конечно, съ удовольствіемъ; только ужъ устройте это сами. Вотъ онъ идетъ!

— А, Конистонъ! Какъ здоровье? Миссъ Масклинъ, пожалуйте: у насъ прехорошенькая ложа..

— М-ръ Тримэнъ, мнѣ очень жаль, но у меня такъ страшно разболѣлась голова, и... и я бы не хотѣла лишать васъ удовольствія... Я ужъ просила Конистона довезти меня домой... Вы, конечно, поймете...

— Что вашъ опытъ васъ немного уже напугалъ?..—вѣжливо подсказалъ ей художникъ.—Во всякомъ случаѣ, вы со мной отобѣдали у Николини; по крайней мѣрѣ, мнѣ будетъ что̀ вспоминать. Добрый вечеръ!

— Это онъ со злости!.. Чѣмъ вы это заслужили, и что̀ это значитъ? Какъ это такъ случилось, что вы разъѣзжаете вдвоемъ съ этимъ господиномъ? Вы меня позвали, и я явился; но не могу сообразить, что̀ тутъ такое происходитъ?

— А то, что я поступила какъ дура.

— Прекрасно; но какъ же именно?

— Не могу входить въ подробности; но знаю только, что больше своего опыта не повторю. Всю жизнь мою ни разу не чувствовала я себя такой несчастной!

— Неужели онъ?..

— О, нѣтъ, онъ держалъ себя вполнѣ прилично, съ своей точки зрѣнія. Я сама виновата; я сунула себя въ яму и теперь прошу васъ помочь мнѣ вылѣзть изъ нея. Ну, вотъ и все!

— Нѣтъ, далеко не все! Онъ—свинья и скотина, что смѣлъ предложить вамъ...

— Я сама напросилась, увѣряю васъ!.. Будетъ намъ осуждать бѣднаго Нэда; онъ такъ страшно некрасивъ, что, я думала, его не считаютъ мужчиной... Только и всего! А теперь, пойдемте туда вмѣстѣ.

— Какъ! туда! Въ театръ? И вы хотите, чтобы я сдѣлалъ то же самое, за что̀ я только-что его бранилъ?

— Но, Эдвардъ, вы—другое дѣло!

— Надѣюсь! — со смѣхомъ замѣтилъ Конистонъ:—а все-таки, лучше я васъ довезу домой...

— Лучше бы мнѣ было не посылать за вами,—проговорила Модерна и надулась.

— Нѣтъ, вы серьезно намѣрены остаться въ Лондонѣ?— допрашивалъ Билли Данверсъ старшую миссъ Масклинъ.

— Совершенно серьезно. Наши уѣдутъ на Ривьеру.

— Да что̀ вы?..

— „Идіотка, что-ли“? Договаривайте прямо.

— Ну, ужъ если вы того хотите, я, признаюсь, не понимаю, какъ это дѣвушка не можетъ ужиться въ родительскомъ домѣ?

— Ну, а вашъ братъ, мужчина?

— Это другое дѣло! У насъ есть свои, особые отъ семьи, развлеченія и интересы, служба... наконецъ, друзья... Мужчина хочетъ жить въ независимости и не терпитъ допросовъ...

— И дѣвушка также.

— Глупость! Въ сущности, она вовсе ничего этого не хочетъ, а если и захочетъ, то ей этого не полагается хотѣть, да и не пристало! Говорю вамъ такъ потому, что мнѣ это хорошо извѣстно. Вамъ хочется все дѣлать и вездѣ бывать одной; а когда вы этого добьетесь, то сами не знаете, что̀ съ собой дѣлать; а попробуй кто-нибудь изъ мужчинъ не обратить на васъ вниманія, или не отворить вамъ двери, или не предложить вамъ руку!.. Ему не сдобровать.

— Это все простая вѣжливость съ его стороны.

— Ну, однако, мужчина для мужчины не станетъ отпирать дверей... Просто—эта привычка явилась сама собой, въ силу того, что женщина—слабое и отъ природы зависимое созданіе, и мы тотчасъ же сторонимся отъ васъ, женщинъ, какъ только отъ васъ отпадаютъ эти оба свойства, какъ только вы становитесь независимы. Я собственно считаю, что женщины теперь становятся препротивныя... Надѣюсь, однако, что гдѣ-нибудь да уцѣлѣетъ для меня милая, скромненькая дѣвушка подъ хорошимъ присмотромъ, съ хорошимъ, обезпеченнымъ положеніемъ... А кто изъ старшихъ будетъ вашимъ провожатымъ: тетя Лиза?

— Нѣтъ, домъ сдали внаймы на четыре мѣсяца, а я буду жить у пріятельницы... вы ее знаете, Долли Тримэнъ.

— Да, отчасти знаю. Кто ее не знаетъ? Не можетъ быть, чтобы вы такъ были близки съ этой... съ этою „Д. Т.“. Отъ васъ всѣ отшатнутся, помяните мое слово!

— Но она вполнѣ прилична.

— Настолько же, какъ любая горничная! Она—ярая представительница богемы, въ обществѣ она не бываетъ. Ну, можетъ ли быть, чтобы вы...

— Я *никогда* не уѣду изъ Лондона.

— Зимою я васъ понимаю, но лѣтомъ! О, вы никогда не

разубѣдите меня: я увѣренъ, что васъ здѣсь должно удерживать что-нибудь вѣское... или... кто-нибудь...

Модерна молчитъ и затѣмъ возражаетъ:

— Думайте, чтò вамъ угодно, Билли: я васъ разувѣрять не стану. Но сейчасъ я жду къ себѣ миссъ Тримэнъ, а послѣ всего, чтò вы о ней говорили... До свиданія!.. Нѣтъ, я на васъ не сержусь!..

Вскорѣ послѣ ухода Билли, въ комнату стремительно влетаетъ Долли.

— Ну, чтò? Побѣдила?

Да.

— Горячее было сраженіе?

— Да, цѣлыхъ три дня мы ни о чемъ другомъ не говорили; а еще послѣдніе три дня мы и совсѣмъ перестали разговаривать между собою. Я—въ немилости, но все равно, поставлю на своемъ.

— Понятно, ты взрослая женщина! Я съ самаго начала чуяла, что ты не подчинишься имъ. Такое унизительное притѣсненіе! Упечь тебя на цѣлыхъ три мѣсяца въ какія-то заграничныя дебри! Зато здѣсь мы навеселимся вволю, окунемся по горло въ самый источникъ жизни, насладимся ея кипучею волной... Это будетъ чудесно!

— Чудесно!—повторяетъ Модерна безъ малѣйшаго признака одушевленія.

— Какіе хорошенькіе, непринужденные ужины мы будемъ устраивать: ты будешь приглашать на нихъ своихъ мужчинъ, а я—своихъ. Можно позвать поэта Вира, только одного, безъ жены; она намъ все испортитъ. И новаго жильца въ третьемъ этажѣ, прехорошенькаго анархиста.

— Онъ можетъ, для забавы, принести съ собой свои разрывныя бомбы,—насмѣшливо вставила Модъ.

— А Нэдъ—неоцѣненный собесѣдникъ! Кстати, онъ очень на тебя сердитъ: ты сдѣлала съ нимъ порядочную подлость: притворилась, что у тебя разболѣлась голова, а сама просто захотѣла уѣхать съ Конистономъ. Конистонъ меня презираетъ, но мнѣ все равно! Можешь и его приглашать къ себѣ на наши вечера. Я чужда мелочныхъ обидъ!

— Конечно, милочка! (Да Эдвардъ и самъ не пойдетъ, еслибъ я даже позвала его!) Все очень мило на словахъ, но на дѣлѣ...

— Да, относительно матеріальныхъ условій, я думаю, тебѣ будетъ довольно твоихъ „костюмныхъ“ денегъ; ну, сошьешь себѣ на два, на три платья меньше, вотъ и все!

— Конечно, Долли. Но все-таки... ужасно тяжело...

— Ужасно тяжело экономить? Не безпокойся, душка, я тебѣ помогу; во что̀ бы то ни стало, я хочу жить съ тобою!

— Благодарю тебя, но не въ этомъ дѣло... Бѣдная мама...

— Ну, что̀ такое: бѣдная твоя мама?

— Ты знаешь, до чего ей противно то, что̀ я затѣваю, а между тѣмъ она сама пошла къ папа̀ и просила, чтобы онъ меня простилъ, и заставила его написать для меня чекъ на 100 ф. Она мнѣ принесла и поцѣловала, и сказала, что для нея невыносима мысль, чтобы я была лишена того, что̀ мнѣ необходимо и къ чему я привыкла, и спросила, хватитъ ли намъ на четыре мѣсяца?

— Да это просто роскошь!..

— И выразила еще надежду, что мой опытъ оправдаетъ ея ожиданія... Долли, да неужели ты не чувствуешь, какъ это трогательно?

— Ловкій пріемъ! Ваша мать умница, что̀ и говорить...

— Меня такъ это растрогало! Я вдругъ почувствовала, что мой долгъ—ѣхать съ ними и бросить все остальное.

— Никогда бы я не подумала, что она такая хитрая, твоя мать! Да она для того только это и сдѣлала.

— Ну, Долли, полно!

— Что̀ жъ дѣлать, если ты ужъ такъ перерѣшила. Прощай, мнѣ пора.

— Да, я рѣшила, Долли, и скажу мама̀, что готова ѣхать съ ними.

— Упрямица! Въ сущности, я ни на минутку не повѣрю, чтобы ты раздумала и окончательно отъ меня отказалась. Ты сама знаешь,—улыбаясь, прибавила она,—что у тебя никогда не хватитъ духу уѣхать изъ Лондона, когда дѣло дойдетъ до этого, въ послѣднюю минуту!.. Au revoir. Сегодня еще увидимся.

Долли ушла, а Модерна невольно задумалась:

— Вотъ и Билли тоже говоритъ. Удивляюсь, отчего бы мнѣ такъ было жалко уѣхать изъ Лондона?!..

XVII.

Въ Фоксширѣ, у м-съ Деверель, охота съ борзыми была въ полномъ разгарѣ. Она сама, ея мужъ и Модерна остались втроемъ.

— Фрэдъ, тебя хочетъ видѣть сэръ Генри Греэмъ! — обра-

тилась къ мужу Флосси Деверель и, едва онъ отошелъ отъ нихъ, продолжала.—Послушай, Модерна! Будь полюбезнѣе съ Джорджемъ Провисъ: ты и вообразить себѣ не можешь, до чего его здѣсь цѣнятъ...

— По моему, онъ просто повѣса, бездѣльникъ...

— Все равно,—всѣ важные господа и богачи начинаютъ съ того, что бываютъ бездѣльниками и повѣсами; и наконецъ, ты сама умная женщина, и, конечно, съумѣешь такъ устроиться, чтобы имѣть съ мужемъ какъ можно меньше дѣла. Не уступай его Віолеттѣ Флемингъ и ея маменькѣ. Ты—самая умная, самая хорошенькая изо всѣхъ лондонскихъ барышенъ,—я ему такъ и сказала; сказала еще, что ты танцуешь, какъ ангелъ, охотишься съ борзыми и летаешь, какъ птица...

— Очень ему нужно... особенно послѣднее!—смѣясь, перебила ее Модерна.

— Въ нашемъ округѣ и для такого страстнаго охотника, какъ Провисъ, это обстоятельство имѣетъ большое значеніе. Да знаешь ли ты, что за него любая барышня-невѣста отдала бы „свѣтъ очей своихъ"; а тебѣ стòитъ только шевельнуть мизинцемъ, и еще вчера Арчэръ говорилъ...

— Арчэръ?! Ахъ, да: она боится, чтобы я опять въ него не влюбилась!

— Нѣтъ, не онъ, а... Эдвардъ Конистонъ.

— Ну?.. Что̀ же онъ сказалъ?—сухо спросила Модъ.

— О, онъ такой свѣтскій человѣкъ! Онъ считаетъ, что всякая дѣвушка изъ общества сдѣлаетъ глупость, если откажется отъ такой прекрасной партіи. Мы съ нимъ долго, долго вчера говорили, и все о тебѣ...

— *Только* обо мнѣ?

— Ну, положимъ, несовсѣмъ. А все-таки, онъ умѣетъ быть совсѣмъ очаровательнымъ, этотъ самый Эдвардъ Конистонъ, особенно же... съ глазу-на-глазъ. Я вѣрю въ прелесть tête-à-tête'овъ; а ты?..—и Флосси ушла, не дождавшись отвѣта. Вдали показался капитанъ Провисъ.

— „Такъ ты меня нарочно оставляешь съ нимъ наединѣ"?—подумала Модерна ей вслѣдъ.—„А сама хочешь, чтобы я приняла его предложеніе, предоставляя тебѣ полную свободу кокетничать съ Эдвардомъ?.. Мнѣ все равно, вскружишь ты ему голову или нѣтъ; но я все-таки не хочу играть тебѣ въ руку! Я поведу свою игру самостоятельно, какъ захочу и какъ съумѣю"...

— А, капитанъ! Какъ поживаете?

— Благодарю васъ. Пріѣхалъ посмотрѣть, какъ отличаются наши фоксширцы.

— Мнѣ также вздумалось прокатиться верхомъ, и я попросила конюха выбрать мнѣ лошадь...

— Конюха? Лошадь?—переспросилъ озадаченный Провисъ.— Я ее знаю: это Селима. Вы на ней—картинка!

— Я совсѣмъ не умѣю ѣздить. Я круглая невѣжда!—убѣдительно возражала Модерна, нарочно стараясь сѣсть болѣе неуклюже.—Смотрите, какой ласковый видъ у этихъ собачекъ! Какъ онѣ безмятежно поводятъ хвостомъ...

— Борзыя дѣлаютъ стойку! Какъ это такъ: „собачекъ"?— восклицаетъ онъ.

— А развѣ у васъ здѣсь не такъ говорится?—наивничаетъ Модерна...

Они тронулись въ путь, продолжая разговоръ, пока не доѣхали до рва, который надо было „взять". Для Модѐрны такое препятствіе было сущей бездѣлицей; но она приложила всѣ усилія къ тому, чтобы притвориться неуклюжей и ничего не понимающей; она усердно понукала свою лошадь, но старушка Селима, видимо, ея не понимала и отказывалась скакать. Модерна свернула въ сторону и переѣхала ровъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его края шли отлого.

— „Да она портитъ лошадь! Никогда этого еще не бывало"! Назадъ! Назадъ!..—кричитъ озадаченный капитанъ.—„Боже! да она наѣхала на борзую"!..

— Капитанъ, помогите! Я потеряла шляпу! — кричитъ ему въ отвѣтъ неловкая наѣздница.

— „Клянусь Юпитеромъ! Это ужъ черезчуръ! — негодуетъ про себя Провисъ.—Извольте вы ей сотню разъ подбирать шляпу?! Нѣтъ, ужъ извините! я умываю руки"!..

Онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не слышитъ, и спѣшитъ ускакать въ противоположную сторону. Модерна остается одна и заливается громкимъ хохотомъ въ то время, какъ подъѣзжаютъ Флосси Деверель, Конистонъ и Билли Данверсъ.

— Модерна, что̀ съ тобой? Ты вся въ грязи и царапинахъ!

— Знаю; но зато какъ мнѣ было весело!

— Гм! Что-то непохоже! Видно, Провисъ плохо заботился о тебѣ...

— О, Флосси, Флосси! Зачѣмъ ты ему разсказала, что я—прекрасная наѣздница?

— Да вѣдь это правда.

— А я себѣ почти весь день испортила тѣмъ, что старалась

доказать ему противное. Передай Конистону, что ваши планы относительно меня, къ сожалѣнію, не состоятся. Билли, живѣй! Не отставайте отъ меня, и мы нагонимъ охоту!..

Модерна стегаетъ бѣдную Селиму и несется въ карьеръ.

— Да она свернетъ себѣ шею! Она такъ неосторожна! — замѣчаетъ ей вслѣдъ Конистонъ.

— Пустяки! Вы не понимаете женщинъ. Она притворяется; ее просто что-нибудь или... кто-нибудь вывелъ изъ себя...

Обѣдъ давно оконченъ. Десять часовъ вечера. Въ сѣняхъ Модерну провожаетъ Эдвардъ Конистонъ: она идетъ къ себѣ, наверхъ.

— Покойной ночи, Эдвардъ.

— Покойной ночи!.. Но почему вы собрались такъ рано?

— Не знаю; голова болитъ... По крайней мѣрѣ, я такъ сказала.

— И вѣрно очень утомились послѣ всего такого...—холодно прибавляетъ онъ.

— Вы этого не одобряете?

— Да и вы сами также?

— Нѣтъ!

— И въ самомъ дѣлѣ, чего вамъ стѣсняться? Ваши танцы дѣлаютъ честь миссъ Летти Линдъ!

— Я вовсе не хотѣла танцовать; Флосси заставила меня... и такъ рѣшительно!.. Отказывать же непріятно.

— Конечно, вѣдь не подъ кустомъ же танцовать, украдкой? Для этого не надо и учиться. Бѣдная Віолетта Флемингъ готова бы полъ-жизни отдать за то, чтобы танцовать такъ же бойко...

— Мать не допустила бы ее... и, наконецъ, это ей не къ лицу... Флосси такъ ко мнѣ пристала!..

— Понятно, м-съ Деверель хочетъ, чтобъ на ея сторонѣ осталась побѣда!

— Послушайте! — перебила его Модерна. — Я вѣдь и не подозрѣвала, что этотъ капитанишка—другъ семейства Деверель; сегодня же, навѣрное, кто-нибудь ему скажетъ, что я вовсе не такая дура и невѣжда, какую разыграла изъ себя.

— Вашъ вѣрный другъ и товарищъ, Билли, навѣрное разболтаетъ!—смѣясь, подтвердилъ Конистонъ.

— О, Эдвардъ, пожалуйста! — вдругъ обратилась къ нему Модерна.—Вы сдѣлаете, что̀ я васъ попрошу?

— Если это возможно и... благоразумно.

— Конечно, нѣтъ!.. А все-таки, я рада, что вы здѣсь; хотя сначала, признаюсь, мнѣ это было непріятно.

— Вотъ какъ? Но почему же?

— А потому, что я твердо помню, какъ вы меня заставили поступить съ бѣднымъ Нэдомъ... Ну, чѣмъ онъ виноватъ, что „женщина обольстила“ его?—смѣется Модъ.—Съ тѣхъ поръ я не могу себя принудить перекинуться съ нимъ хоть словечкомъ.

— Развѣ я васъ бранилъ за это? Да и права не имѣю...

— Конечно, вы не отвѣтственны за мои поступки... Эдвардъ, пожалуйста... спрячьте меня въ „билліардной“, такъ, чтобы *они* меня не видали, а мнѣ все будетъ слышно.

— Нѣтъ, не могу!—поспѣшно отвѣтилъ Конистонъ.

— Нѣтъ, можете, конечно! Вотъ, напримѣръ, за этой занавѣской очень удобно...

— Я нравственно отвѣчаю...

— Вы только-что сказали, что не отвѣтственны за мои поступки... Эдвардъ, послушайте! Мнѣ необходимо хоть одинъ единственный разъ послушать, какъ говорятъ между собой мужчины. Кругозоръ женщины ограниченъ, потому что ее нарочно держатъ въ полномъ невѣдѣніи... Она бродитъ, какъ въ умственныхъ шорахъ... Она многаго и въ глаза не видала...

— И слава Богу!.. Но лучше не пытайтесь: васъ только огорчитъ...

— Я вовсе не такая нѣженка, и не обижусь, увѣряю васъ. Вы сами должны навести ихъ на разговоръ обо мнѣ...

— Милая, не надо!

— Эдвардъ, поймите: можетъ быть, это единственный случай въ моей жизни... Я обѣщаю вамъ, что больше ужъ это не повторится!.. Мнѣ было бы полезно... поучительно...

— Ну, васъ ничто не исправитъ!—смѣется Конистонъ.

— Пожалуйста, сдѣлайте это для меня...

— Нѣтъ, милая, не надо!

Модерна передразниваетъ его сердито:

— Отстаньте съ вашимъ „милая, не надо“! И чего вы боитесь? Что̀ можетъ случиться?

— Мужчины такіе скоты!

— Но вы, вѣроятно, говорите, не стѣсняясь, зло и остроумно?

— Напротивъ; мы глупы и скучны... какъ я не знаю что̀!

— Ну, все равно! Мнѣ спорить некогда. Хотите вы, или нѣтъ, мнѣ помочь? Я, все равно, обойдусь и безъ васъ. Но если вы сами спрячете меня, тогда будетъ меньше вѣроятія, что меня тамъ увидятъ. Ну, идете или нѣтъ?

— Да, какъ дуракъ!..—медленно слѣдуя за нею, говоритъ Конистонъ.

— Я вижу, что вы все-таки добры ко мнѣ,—нѣжно звучитъ голосъ Модерны, и вся ея изящная фигурка скрывается за тяжелою портьерой.—Эдвардъ, смотрите, чтобы моихъ ногъ не было видно!.. О, какъ тутъ душно! Отъ этой занавѣски у меня горятъ щеки!

— Если-бъ отъ одной только занавѣски!.. Модерна, бросьте эту затѣю, выходите!.. Ахъ, нѣтъ, нельзя! Останьтесь, они тутъ!..

Въ билліардную входятъ братья Деверель, Билли, Провисъ, Гэвисайдъ и Греэмъ. Фрэдъ Деверель и Греэмъ играютъ на билліардѣ; остальные курятъ.

— Что̀, много было вамъ съ охотою хлопотъ, а, Провисъ?— спросилъ послѣдній.—Я, кажется, немного потерялъ?

— Зато я потерялъ гораздо больше!—проворчалъ недовольный Провисъ.—Облава была чудесная, но мнѣ все дѣло испортили тѣмъ, что навязали эту танцовщицу... какъ ее, тамъ, зовутъ?

— Ну, Провъ, однако, признавайся: ты по ней сумасшествовалъ послѣ послѣдняго „охотничьяго“ бала?

— Ну? Въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ, тому уже прошло полгода; и вдобавокъ, эта пляска сегодня меня окончательно добила. Долженъ признаться, что считаю совершенно неприличнымъ для барышни высшаго круга подражать профессіональнымъ танцовщицамъ: она вѣдь думаетъ, что вся штука въ томъ, чтобы показывать свои ножки...

— Ну, однако, капитанъ, позвольте!.. Я, напримѣръ, увѣренъ...

— Что дальше этого свѣтскія барышни и не пойдутъ!—а граціи въ нихъ ровно столько же, сколько въ кенгуру, у которой ревматизмъ. Да вотъ, хотите, для примѣра, сравнить эту дѣвицу— чортъ ее знаетъ, какъ ее зовутъ?—напримѣръ, съ Китти Клейтонъ или съ Мани Брэсъ! Сравнительно съ ними, она—просто чурбанъ, невѣжда!

— И чего вы такъ на нее напали?

— И ты, Билли, напалъ бы на нее не хуже меня, еслибы она тебѣ испортила охоту. Въ сѣдлѣ она такой же чурбанъ, какъ и въ танцахъ...

— Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха! — покатились со смѣху Конистонъ и Билли.

— Да, да! Вамъ хорошо смѣяться, а мнѣ-то каково?.. Билли!.. чортъ, чего ты хохочешь? Не будь осломъ, да не скаль зубы,

какъ шакалъ! Конистонъ! И съ вами тоже что-то неладное творится. Чтò это значитъ?

— Ахъ, ты, филинъ слѣпой! Ахъ, идіотъ!.. Оселъ! Значитъ, ты не знаешь...

— Никогда не слыхалъ?..

— Да чего?.. Чего?

— Того, что миссъ Масклинъ, то-есть барышня, которую *мы* зовемъ „Модерна", потому что она больше другихъ идетъ объ руку съ направленіемъ нашихъ дней...

— Ну, такъ я-то чтò долженъ знать?

— Что миссъ Масклинъ (заливаясь хохотомъ, пояснилъ Конистонъ)... просто-нà-просто... самая лихая и ловкая наѣздница въ охотѣ съ борзыми!

— Ха-ха-ха!—подхватилъ сэръ Генри Греэмъ, натирая мѣломъ свой кій:—провели тебя, Провъ, на этотъ разъ! Мнѣ даже странно, что ты не знаешь, какъ она беретъ препятствія! Какъ она ни неловка въ гостиной, а брать рвы мастерица!

— Ну, Греэмъ, однако!..

— Да я ничего дурного и не говорю!—спокойно цѣлясь въ шаръ, возразилъ Греэмъ.—Если вамъ нравятся такія,—ваша воля, а я такихъ не люблю!

— Не любите? А? Не любите?—сердито крикнулъ Конистонъ.

— Конечно, не люблю! По-моему, такъ себя вести неприлично, чертовски неприлично!

— Ч-ч-чортъ! Я...

— Полно, Конъ! Не пытайся ее защищать: я о ней того же мнѣнія. Это такая особа, которая воображаетъ, что всѣ увиваются за нею. Я ее помню еще на свадьбѣ ея сестры Вэроны,—разсуждалъ капитанъ Гэвисайдъ.—Посмотри, чтò за прелесть миссъ Віолетта Флемингъ, такая спокойная, кроткая...

— Но и скучная также! — возразилъ Билли. — Что же касается нравственныхъ принциповъ Модерны, не могу сказать, чтобы я былъ о нихъ высокаго мнѣнія... манеры у нея также не могу похвалить... Но съ нею не скучно, а ѣздитъ она верхомъ—первый сортъ!

— Билли, заткни глотку!—вспылилъ Конистонъ.

— Но она вѣдь, дѣйствительно, прекрасно сидитъ въ сѣдлѣ, —а, чтò ты скажешь, Провисъ?

— Куль муки,—вотъ она чтò, ваша хваленая наѣздница!—возразилъ тотъ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, къ чему ей надо было тебя одурачить?—удивлялся Билли.

— Все равно! Пусть ее сунется еще разъ,—я ей покажу!..

— Не смѣйте ее трогать, Провъ!—вступился хозяинъ дома: —она и легкомысленна, и, можетъ быть, рѣзка, но...

— Она мнѣ немного сродни, да будетъ вамъ извѣстно!—заявилъ строго Конистонъ.

— А!.. Я не зналъ... Извиняюсь!..—смиренно проговорилъ капитанъ.

— Я не нуждаюсь въ вашихъ извиненіяхъ, только прошу васъ впредь оставить миссъ Масклинъ въ покоѣ!

— Повѣрьте, еслибы я только зналъ!.. Можете быть спокойны... Вы всѣ отправляетесь гулять? А я останусь; по болоту пришлось-таки порастрястись,—усталъ ужасно!—Ну, покойной ночи!..—И капитанъ Провисъ, въ заключеніе, усердно зѣвнулъ, уходя.

Остальные понемногу послѣдовали его примѣру, и въ билліардной остался одинъ только Конистонъ.

Модерна тихонько выходитъ изъ-за портьеры и, закрывая лицо руками, хочетъ проскользнуть мимо него.

— Милая! Мнѣ очень жаль...

— „Жаль?! жаль?!“... Теперь уже нечего жалѣть: все равно не поможешь! Вы сами меня подвели... Пустите!

— Все неприглядное, что̀ они говорили...

— Я сама неприглядная... Пустите! Видѣть васъ не хочу, никого... никого!—восклицаетъ Модерна.—Никогда бы не подумала, что мужчины—такіе скоты!

— Но мы и есть скоты, настоящіе скоты!

— О, пожалуйста! Можете себя къ нимъ не причислять; вы извернулись превосходно, даже пытались меня защищать. Въ этомъ ваше преимущество передъ другими, но вы вѣдь знали, кто спрятанъ за драпировкой.

— Вы, кажется, намекаете на то, что я говорилъ бы иначе, еслибы васъ не было здѣсь?—замѣтилъ Эдвардъ.

— Почему я знаю? Все это звучало такъ благородно, возвышенно и... такъ красиво! Я думаю, вы все это нарочно!.. Пустите! я не знаю, что̀ говорю...

— Вы видѣли, что я поссорился со своими друзьями?..

— Хороши друзья, нечего сказать: негодяи!

— Однако, они еще такъ недавно были и вашими друзьями! Они вѣдь ни въ чемъ не измѣнились. Не будьте къ нимъ несправедливы: таковъ ужъ заурядный человѣкъ. Они—самые обыкновенные люди; что̀ у нихъ на умѣ, то и на языкѣ! Они и не гонятся за тѣмъ, чтобы смотрѣть на вещи глубоко, они

не чутки душою, не впечатлительны. Какъ себя держитъ дѣвушка, такую и оцѣнку отъ нихъ получаетъ. Женщина никогда не можетъ быть слишкомъ осторожна...

— Еще бы! въ такомъ мірѣ, который населяютъ хищные звѣри, готовые растерзать за каждое слово, за каждое движеніе, показавшееся имъ въ ложномъ свѣтѣ! О, я съ ума сойду! Вѣдь вотъ, живешь и говоришь, и думаешь въ простотѣ душевной, а они все истолковываютъ въ дурную сторону...

— Ну, да! Такая ужъ у нихъ привычка...

— И вамъ за нихъ не стыдно? — горячо вырвалось у Модерны.

— Нельзя брать на себя обязанность стыдиться за всѣхъ людей на свѣтѣ... Положимъ, Провисъ былъ слишкомъ обозленъ...

— А Греэмъ? А Гэвисайдъ?.. Я къ нимъ была всегда такъ ласкова, добра...

— Боюсь, что даже *черезчуръ* добра.

— Они оба такіе простоватые, такіе скучные! Они у барышенъ въ такомъ пренебреженіи... Изъ жалости я къ нимъ была внимательна...

— Самый дрянной мужчина мнитъ о себѣ гораздо больше, чѣмъ лучшая изъ женщинъ.

— Я знаю, что для меня будетъ совершенно невозможнымъ дѣломъ завтра подать имъ руку, какъ обыкновенно. Будто я не подозрѣваю, какіе они въ корнѣ отвратительные, низкіе люди!

— Но прежде вѣдь вы думали иначе?

— Да, пока я ихъ не знала. Но какъ же я, напримѣръ, сяду за однимъ столомъ съ человѣкомъ, который воображаетъ, что я въ него влюблена?

— Боже мой! Развѣ это такая новость? Мужчины такъ честолюбивы!..

— Но для мужчины нѣтъ ничего унизительнаго влюбиться.

— А для женщины, по-вашему, наоборотъ?

— Послушайте! Не можемъ же мы тутъ стоять и спорить всю ночь напролетъ о вопросахъ отвлеченныхъ?

— Нѣтъ, конечно! Чтò же я задерживаю васъ... Идите себѣ, ложитесь спать!..

— Хорошо!—послушно отвѣтила Модерна, но на порогѣ обернулась къ Эдварду: — Вы такъ были добры ко мнѣ, а я... Не знаю, почему я такъ на васъ сердилась? Я сама виновата... моя настойчивость, упрямство... Хотите оказать мнѣ услугу?

— Какую? Вызвать Греэма на дуэль? Или ихъ всѣхъ?.. Да

они сами завтра же утромъ вызвали бы меня, еслибы поединки были въ модѣ!—со смѣхомъ заключилъ онъ.

— Да, вы ихъ осадили!.. Но не въ этомъ дѣло! Я хочу, чтобы вы вышли черезъ полчаса ко мнѣ,... за Восточныя ворота...

— Нѣтъ!—круто оборвалъ Эдвардъ.—Будетъ съ насъ безчинствовать всю ночь.

— Итакъ, Эдвардъ! Черезъ полчаса... у Восточныхъ воротъ... Ш... ш!.. не смѣть допрашивать! Приходите, приходите, милый, пожалуйста! Я васъ прошу, голубчикъ Эдвардъ! Вы *должны* мнѣ помочь!.. Я утоплюсь, если вы не придете...

— Вздоръ!—хриплымъ голосомъ перебилъ ее Конистонъ.— Постойте! Не могу слышать, когда вы такъ просите... Хорошо, я приду; но если вы ко мнѣ не выйдете, я подумаю, что вы избрали болѣе благоразумное рѣшеніе и легли спать. Вы обѣщаете обдумать этотъ вопросъ хорошенько... да и право, все это не такъ важно, какъ кажется на первый взглядъ...

Модерна простилась и пошла вверхъ по лѣстницѣ, но вдругъ остановилась.

— О, никогда бы я не подумала, что Билли будетъ противъ меня! Мой милый, мой дружокъ Билли, котораго я воспитывала чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ...

— Не оплакивайте его: онъ того не стоитъ! У него сердца нѣтъ... Покойной ночи; спите хорошенько, да не забудьте...

— Нѣтъ, *вы*-то не забудьте!

И съ высоты лѣстницы еще разъ къ Эдварду доносится голосъ Модерны:

— Au revoir!..

Полчаса спустя, подходя къ воротамъ, Эдвардъ издали замѣтилъ Модерну и послушно послѣдовалъ за нею въ конюшню. Она мигомъ выкатила пролетку и съ фонаремъ въ рукѣ принялась разбирать сбрую.

— Модерна!

— Вотъ! Натяните постромки!—подавая ихъ, сказала она вмѣсто отвѣта.—Я совершенно позабыла, какъ ихъ приладить...

— Но что̀ же это значитъ?

— Живѣй! Ну, помогайте же, да не болтайте. Взнуздайте Китти. Я спѣшу на поѣздъ, который идетъ на югъ отъ скрещенія дорогъ при Беллингтонѣ; вы ѣдете со мною; а оттуда доставите обратно и шарабанъ, и пони.

— Но куда же вы ѣдете?

— Прочь, прочь отсюда... Куда ни попало! Не хочу видѣть этихъ негодяевъ!

— Какая нелѣпость!

— Пусть такъ; а все-таки я возьму и уѣду!

— Но ваши всѣ за границей. Вы не можете вернуться въ пустой домъ.

— Я вернусь къ Долли; я теперь у нея живу. Въ Лондонъ я пріѣду къ первому завтраку, а дорогой, изъ Стараго-форта, пошлю ей телеграмму, что буду рано утромъ. О, Эдвардъ, пожалуйста не возражайте! Понятно, я и безъ вашей помощи могу запрячь Китти, но будьте добры, все-таки, помогите... Все въ порядкѣ; я оставила для Флосси традиціонную объяснительно-извинительную записочку въ моей комнатѣ и приколола ее къ подушечкѣ для булавокъ. Ей хорошо извѣстно, что я сумасшедшая...

— Я думаю, что вы и въ самомъ дѣлѣ потеряли разсудокъ... Ну, виданное ли это дѣло...

— Конечно, невиданное и неслыханное! Кто-то когда-то сочинилъ для меня надгробную надпись такого содержанія: „Она была создана для затруднительныхъ положеній“... И это вѣрно... Смирно, Китти, смирно!

— Нѣтъ, нѣтъ, Модерна, я вамъ не дамъ уѣхать! Ну, переждите же хоть до утра!

— Тогда я, значитъ, не уѣду и послѣ полудня!—воскликнула она и прибавила умоляющимъ голосомъ:

— Эдвардъ! Вы—мой единственный другъ! Я увѣряю васъ, что выйду изъ этого затрудненія, если вы мнѣ поможете!

Конистонъ пошелъ въ стойла и вывелъ оттуда пони,—хорошенькую Китти.

— Вы помните, что̀ вы мнѣ только-что сказали?

— Нѣтъ, а что̀? Я вамъ наговорила сгоряча массу такихъ вещей, въ которыхъ мало-по-малу мнѣ, безъ сомнѣнія, придется каяться.

— Вы сказали, что я не взялся бы васъ отстаивать, еслибы не зналъ, что вы прячетесь за драпировкой?

— Ну, да!—усталымъ голосомъ, медленно влѣзая въ экипажъ, проговорила Модъ.—Пожалуй, вы и при другихъ обстоятельствахъ стали бы защищать меня, для того только, чтобы имъ противорѣчить... (Вы будете править? Да?) Вѣдь въ глубинѣ души вы все-таки съ ними согласны.

— Какъ? Я согласенъ съ Провомъ? О, Боже мой! Конечно, нѣтъ!

— Ну, можетъ быть, если не фактически, то по существу.

Вы сами знаете, что вы меня считаете... словомъ, что вы неодобряете меня...

— Если вы спросите у меня моего мнѣнія, я вамъ отвѣчу, что съ моей точки зрѣнія васъ окружаютъ дурные друзья и плохіе совѣтчики...

— Не вижу причины, которая дала бы вамъ право... всю вину взваливать на моихъ друзей! Каждый, прежде всего, самъ себя воспитываетъ, создаетъ себѣ тотъ или другой характеръ; каждый самъ за себя и отвѣчаетъ. Я родилась, я развивалась согласно законамъ, которыми было обусловлено мое развитіе,— какъ дубъ зарождается, ростетъ и выростаетъ изъ жолудя. Никто мнѣ не препятствовалъ, никто не вмѣшивался въ дѣло моего развитія. Посмотрѣла бы я, какъ попробовалъ бы кто-нибудь вмѣшаться! Я всю жизнь дѣлала все, что̀ хотѣла.

— Знаю, знаю! Ваша мать...

— Не смѣйте ничего говорить ей въ осужденіе! Могла ли она помѣшать чему бы то ни было? Я „росла, росла (какъ Топси, въ „Хижинѣ дяди Тома“) и выросла (какъ она же) дурная“.

— Не смѣйте бранить себя! Я вамъ запрещаю.

— Эдвардъ, говорите серьезно; не шутите!

— Чего ужъ серьезнѣе?—смѣясь, возражаетъ Конистонъ.— Я никому не позволяю васъ обижать, даже вамъ самой!

— Но и моихъ друзей вы не смѣете также обижать!

— Вашихъ идеаловъ?

— Да кто они, эти идеалы? Кажется, у меня ихъ вовсе нѣтъ.

— Такъ я бы вамъ совѣтовалъ ими обзавестись. Женщина безъ идеаловъ, по-моему, существо безчеловѣчное, неудобное и неестественное...

— Женщина безъ условныхъ идеаловъ, конечно, существо болѣе человѣчное, и прекрасное, и совершенное, и свободное... чѣмъ злополучная зауряд...

— Ну, ужъ вы расходились! — слегка похлестывая бичомъ свою пони, прервалъ ее Эдвардъ: — я начинаю думать, что условность въ нашей жизни—вещь необходимая и даже весьма картинная ея принадлежность. Какъ тончайшая сѣть, какъ воздухъ, окружаетъ она женщину, обвивая ее прозрачно-нѣжной, смягчающей дымкой, которая придаетъ ей видъ чего-то особеннаго, почти неземного... идеальнаго... если осмѣлюсь употребить такое выраженіе.

— Словомъ, чего-то такого, что̀ мужчина постарается разрушить, какъ только сдѣлается ея мужемъ. Мужчины выбираютъ себѣ въ жены именно дѣвушку при такихъ условіяхъ... сколько

мнѣ кажется. Вотъ, напримѣръ, хоть Віолетта Флемингъ? У нея есть тончайшая сѣточка для волосъ, которою она придерживаетъ свои кудри, чтобы они не путались и не распускались; есть и крохотная книжечка-молитвенникъ, который она носитъ съ собою въ церковь; есть такія же крохотныя понятія о нравственности, которыя служатъ для нея мѣриломъ того, съ чѣмъ она должна считаться, поступая такъ или иначе. Она преисполнена всевозможныхъ мелкихъ привычекъ, которыя перешли бы въ несносную манію, если бы она была старой дѣвой. Кто женится на ней, тотъ все-равно что положитъ капиталъ въ банкъ, на проценты: оборотъ неспѣшный, но зато надежный!

— Д-да!—задумчиво согласился лордъ Конистонъ:—кто женится на ней, могъ бы попасть и на худшее. Да кто-нибудь и женится, я полагаю...

— Кто-нибудь?

— Только не я! — поспѣшно вставилъ Эдвардъ. — А Провисъ... Да! Провисъ—пожалуй.

— Вы знаете, Эдвардъ,—робко начала Модерна: — я вѣдь всегда думала, что вы женитесь на этой красивой дамѣ,—Бельинфанте, портретъ которой я видѣла въ студіи Тримэна...

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Постойте! Если вамъ все-равно, лучше бы подвинуть подушки нѣсколько назадъ, а? Не присмотрите ли вы пока за Китти, чтобы она не шалила, пока я все устрою.

Модерна вышла изъ экипажа и стала привѣтливой, нѣжной рукой водить по мордочкѣ пони.

— Милая, дорогая Китти! Какъ я тебя люблю!.. Ну что, Эдвардъ? Готово?

Она усаживается, и они ѣдутъ дальше.

— Нѣтъ! — продолжаетъ говорить Модерна:— я не думаю, чтобы вамъ годилась въ жены Віолетта Флемингъ. Помните, вы когда-то сдѣлали мнѣ предложеніе? Тогда я была еще молодой и глупенькой дѣвчонкой.

— Помню; а вы мнѣ отказали такъ вѣжливо и такъ серьезно. Но не такъ насмѣшливо, не такъ шутливо, какъ отказали бы теперь.

— Въ тѣ времена я во всемъ и всегда, даже въ танцахъ, отказывала съ весьма серьезнымъ видомъ. Я была настоящій грудной младенецъ!.. А вы? Вамъ никогда не было интересно узнать, кто такой вашъ соперникъ?

— Конечно, я не разъ, и даже очень часто, думалъ объ этомъ. Бывало, я пытливымъ взглядомъ слѣдилъ за всѣми гостями,

которые чаще другихъ бывали на пріемахъ у вашей матери, и въ концѣ концовъ я остановился на поэтѣ Гонтрамѣ де-Виръ. Но онъ всегда казался мнѣ такимъ осломъ!!.

— И *былъ* оселъ на самомъ дѣлѣ. А вѣдь вотъ не сдѣлалъ же мнѣ предложенія... ни разу!

— А говорятъ—обратное. Но вотъ чтò вы мнѣ скажите, Модерна, если ужъ мы напали на эту тему,—можетъ-быть, вы согласитесь мнѣ признаться... кто былъ, въ дѣйствительности, мой соперникъ?

— Актеръ; человѣкъ, съ которымъ я никогда ни слова не сказала...

— Такъ какъ же это случилось?

— Ну, просто, театральная горячка! Въ то время ею болѣло множество дѣвицъ, и всѣ онѣ пылали страстью къ Кольдеръ-Марстону. Цецилія Риддель даже исхудала и продолжала все худѣть, покуда не съѣздила въ Гертонъ. Вы и вообразить себѣ не можете, до чего мы всѣ по немъ съ ума сходили!

— А видѣли его лишь издали за огнями рампы. Чтò за странный народъ эти барышни! Ну, знаете, если бы вамъ пришлось быть свидѣтельницами того, какъ этотъ самый Кольдеръ-Марстонъ каждый вечеръ, изо дня въ день, вваливался пьяный въ трактиръ „Дикаря" и, не стѣсняясь, принимался поносить свою жену передъ пьяными людьми, которые тамъ сидѣли,—онъ весьма скоро потерялъ бы для васъ свое обаяніе, и вы бы живо разочаровались. Значитъ, вы изъ любви къ такому человѣку, съ которымъ даже не перекинулись ни словечкомъ..?

— Развѣ для васъ это не ясно? Мы влюблялись въ Яго, и въ Гамлета; да! Мы даже особенно любили его въ роли Яго, но его самого, какъ человѣка, Марстона... Посмотрите на кончикъ хлыста: онъ мелькаетъ, извиваясь, какъ огненная змѣйка, надъ свѣтомъ фонаря. Луны не видно... а вы еще погнали такъ скоро!

Конистонъ разсмѣялся.

— Мнѣ всегда казалось, что вы—любительница „смотрѣть всякой вещи прямо въ глаза". Развѣ вы трусите?

— Чего? Что вы меня вывалите? Понятно, не боюсь.

Молчаніе. Модерна пытливо вглядывается въ ночную темноту.

— А, кажется, ужъ виденъ сигнальный фонарь въ Беллингэмѣ.

— Но онъ не спущенъ?—тревожно восклицаетъ Эдвардъ.

— О, нѣтъ! У насъ еще масса времени впереди,—успокои-

ваетъ его Модерна.—О чемъ мы говорили? Ахъ, да! Вѣдь все-таки опасно было...

— Нисколько! Я пони удержу, не дамъ ей споткнуться.

— Я не про Китти говорю!—поправляетъ его Модерна и съ горечью прибавляетъ:—я говорю про опасность, которой вы счастливо избѣжали... опасность имѣть женою дѣвушку, которая „чертовски неприлична“!—которая „всюду и всѣмъ извѣстна“, и которую даже Билли Данверсъ не желаетъ защищать.

— Пожалуйста, не приводите выдержки изъ рѣчей этихъ идіотовъ!

— Но все это вѣдь сущая правда! Будь я мужчина, я сама никогда бы на себѣ не женилась. Я думаю, я сжила бы со свѣту своего мужа. А? Что̀ вы скажете?

— Пожалуй... Я даже въ этомъ увѣренъ; еслибы онъ васъ не любилъ... конечно.

— *Даже* еслибы любилъ! Тѣмъ хуже для него! Но на это нѣтъ никакого вѣроятія: я не такого рода дѣвушка, въ которую влюбился бы мужчина, или на которой онъ захотѣлъ бы жениться. Да я сама не очень-то стремлюсь быть именно такою! Я не какая-нибудь красавица-черкешенка, которую ростили и холили для того только, чтобы она исполняла свою *благородную* службу „замужней женщины“. Я еще не дожила до такого идеала и устроила жизнь свою совсѣмъ иначе.

— Я вижу!—сухо замѣтилъ Конистонъ.

Водворилось тяжелое молчаніе.

— О, хоть бы ужъ поскорѣй пріѣхать! — вырывается невольно у Модерны.

— Что̀ такъ? Неужели вамъ такъ страшно неловко сидѣть?

— Да! Отвратительно.

— Постойте! Не можемъ ли мы такъ положить подушки, чтобы вамъ было удобнѣе сидѣть?

— Ахъ, совсѣмъ не то!—вертясь на мѣстѣ, возразила Модъ. —Мнѣ неловко... неловко въ отвлеченномъ смыслѣ. Не понимаю, —горячо и раздраженно воскликнула она: — не понимаю, къ чему это нужно, чтобы я чувствовала себя такой ничтожной! Я не дѣлаю ничего дурного.

— Конечно, ничего дурного.

— А между тѣмъ вѣдь я чувствую себя какъ будто виноватой и пристыженной, и чуть не готова извиняться... И я чувствую себя какой-то одинокой, а вы возсѣдаете тутъ, подлѣ меня, и отъ васъ вѣетъ такимъ страшнымъ холодомъ...

— Себя перемѣнить я не могу; но отъ меня вовсе не вѣетъ

холодомъ, и вы это напрасно говорите. Впрочемъ, не могу же я править хорошенько и въ то же время сидѣть къ вамъ лицомъ? Какъ же теперь быть?

— Да никакъ! Только, пожалуйста, не выражайте своей спиною и затылкомъ, до какой степени вы находите поведеніе мое предосудительнымъ и даже преступнымъ! Я сейчасъ разрыдаюсь...

— Нѣтъ, ради Бога,—*не надо*!

Ну, такъ пустите *меня* править!

— Въ такомъ случаѣ, мы опоздаемъ на поѣздъ! Будьте покойны, милая, и не выдумывайте ничего подобнаго. Я васъ ни въ чемъ не упрекаю... да и не имѣю на то ни права, ни охоты...

— Но я все-таки хотѣла бы, чтобы мы были друзьями!

— Да вѣдь мы и безъ того друзья,—возразилъ Конистонъ и, смѣясь, прибавилъ:—Только... только не ждите, чтобы я слѣдовалъ за вами по тому пути, куда васъ заведутъ ваши своеобразныя теоріи. Я, что̀ называется, человѣкъ простой, и вдобавокъ, говоря откровенно, не сочувствую вашимъ взглядамъ.

— Какъ? Это вы-то человѣкъ простой?

— То-есть, вѣрнѣе говоря, устарѣлый въ своихъ воззрѣніяхъ. Я видывалъ людей на своемъ вѣку, я много путешествовалъ и я съ гораздо бо̀льшимъ уваженіемъ отношусь къ женщинамъ, нежели большинство мужчинъ, про которыхъ я знаю, что ихъ постигли разочарованія. Никогда я еще не видывалъ, чтобы привело къ добру ненасытное любопытство и непостоянство тѣхъ женщинъ, которыя не могутъ примириться съ дѣломъ, заповѣданнымъ имъ законами тысячелѣтій... Такое поведеніе по меньшей мѣрѣ неприлично!

— Я знаю, что съ вашей точки зрѣнія это не красиво. Для женщины—некрасиво (или даже: непристойно?) заявлять о своихъ правахъ... Но долженъ же кто-нибудь объ этомъ позаботиться, Эдвардъ! Ваши взгляды чрезвычайно узки!

— Ну, да. И я даже начинаю этимъ гордиться...

— Вы не понимаете женщинъ... ну, ни капельки!

— Но васъ, мнѣ кажется, я понимаю! О, какъ мнѣ жаль, какъ жаль...

— Чего вамъ жаль-то?

— Ничего, ничего! Прошу прощенія. Не будемъ больше спорить. Посмотрите лучше, не увидите ли вы сигнала на станціи?

— Онъ спущенъ! Поѣздъ вышелъ съ сосѣдней станціи! Какъ мы долго переливали изъ пустого въ порожнее!

— Не бѣда: какъ разъ поспѣемъ... Ну, вотъ и пріѣхали!

Стой, Китти, смирно! Модъ, я пойду, возьму вамъ билетъ. Эй, мальчикъ, подержи-ка лошадь!..

Оба уходятъ на станцію и выходятъ на платформу.

— Съ этимъ поѣздомъ ни души, кромѣ васъ, — говоритъ Конистонъ.—Не поѣхать ли мнѣ проводить васъ, Модерна? Я не предлагалъ вамъ своихъ услугъ сначала, потому что боялся скомпрометтировать васъ; но теперь мнѣ уже положительно не нравится мысль отпустить васъ въ дальнія странствія одну...

— А назадъ-то вы съ кѣмъ поѣдете?—спросила Модъ, поднимаясь на площадку вагона. — Благодарю васъ, я ничего не боюсь!.. (Она вздрагиваетъ.) Фу, какъ холодно!

— Бѣдная! Вы вся такая худенькая и такая маленькая! Позвольте мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ вами?

— Нѣтъ, благодарю васъ, не надо! Но все-таки вы меня навѣстите, когда вернетесь въ городъ? Да?

— Но гдѣ же именно?

— У Долли Тримэнъ!

— Вы развѣ туда ѣдете? — холодно и сдержанно проговорилъ Эдвардъ. — Нѣтъ, я не думаю, чтобы я могъ васъ навѣщать, пока вы у миссъ Долли; я лучше обожду, когда вы совсѣмъ вернетесь домой.

— Да, если вы намѣрены откладывать до тѣхъ поръ?!.. Я вижу, что должна буду обходиться безъ васъ. Покойной ночи! Сейчасъ поѣздъ тронется!

— Постараетесь обходиться безъ меня? — переспросилъ ее Конистонъ.—Не могу ли я, однако, быть вамъ хоть чѣмъ-нибудь полезенъ?..

— Нѣтъ, не можете. Впрочемъ, вы сами только-что отказались...

Поѣздъ трогается.

— Покойной ночи!..—прибавляетъ она.

Поѣздъ уходитъ...

На Рождествѣ у Флеминговъ былъ вечеръ.

Модерна очутилась въ сторонкѣ отъ толпы въ полномъ одиночествѣ.

— Лучше бы мнѣ было лежать теперь въ гробу! — думала она.—Мнѣ минуло уже двадцать-семь лѣтъ, но я до этой минуты никогда еще не замѣчала, что я такъ стара! Я „быстра на ходу“ и „крѣпка на ногахъ“, какъ говорятъ про лошадей. Какъ пристально ни смотрю я въ зеркало, а ни одной морщинки не могу найти ни на лбу у себя, ни на лицѣ; танцовать я могу

хоть всю ночь напролетъ, не переставая, а между тѣмъ... „Мой день", мой праздникъ конченъ, и чѣмъ скорѣе я приду къ этому убѣжденію, тѣмъ будетъ лучше для меня!

— Но, Боже мой, какъ онъ тянулся, этотъ праздничный день!

— Какъ посмотришь, какъ оглянешься на прошлое—оно было длинное-предлинное, а я не успѣла ничего сдѣлать путнаго. Положимъ, я дѣлала все то же, что̀ дѣлаютъ мои сверстницы, и еще массу такого, чего барышни вообще *не* дѣлаютъ. Я царапала перомъ по бумагѣ; я малевала; я бренчала; я выступала на подмосткахъ; я все испробовала на себѣ; я изучила всѣ занятія и всѣ ремесла въ мірѣ... И вотъ къ чему пришла! Въ настоящую минуту я живу въ меблированныхъ комнатахъ вмѣстѣ съ одной женщиной-журналистомъ, надъ хлѣбной лавчонкой. Я перессорилась со *своими* по поводу все той же журналистки Долли; они выѣхали за границу, а я,—я осталась въ Лондонѣ одна... Да! *Одна*, потому что Долли не считается: она, все равно, никогда дома не сидитъ. Я совершенно независима... да, совершенно!..

— Сегодня рождественскій сочельникъ...

— Я вообще не податлива на сантиментальности, но все-же какъ-то жутко въ эти дни чувствовать себя одинокой. Мнѣ кажется, я могла бы даже откопать въ себѣ нѣчто похожее на настоящее „рождественское" чувство, но только не при Долли! О, до чего она мнѣ надоѣла! Я, кажется, скорѣе бы уѣхала къ своимъ въ Ривьеру, чѣмъ сидѣть тутъ съ нею, а это уже много значитъ! Впрочемъ, я сама этого хотѣла, а дѣлать по-своему всегда было для меня самымъ главнымъ наслажденіемъ. Значитъ, и жаловаться на свою судьбу мнѣ не приходится. Всю свою жизнь я дѣлала, что̀ хотѣла, и конечно должна быть вполнѣ довольна своей долей...

— Въ сущности, почему бы мнѣ не быть вполнѣ счастливой и довольной?.. Въ общемъ, я много веселилась, много выѣзжала. За мной ухаживало множество народа; меня чествовали и баловали; въ меня влюблялись,—а это вѣдь почему-то принято считать особенно пріятнымъ и... забавнымъ, но только не для нихъ... бѣдныхъ влюбленныхъ! Но вотъ вѣдь въ чемъ штука: ни одна женщина объ этомъ не подумаетъ—сначала, а сообразитъ только потомъ...

— Я танцовала, я порхала и кокетничала, я болтала и, вообще говоря, веселилась и ставила себѣ въ обязанность доставлять себѣ удовольствія. Еслибы собрать всѣ тѣ башмаки, которые я истрепала, танцуя на балахъ,—то-то былъ бы громаднѣйшій

ворохъ! А платья, юбки, которыя я износила и порвала, наступая на оборки ногами? А букеты, которые мнѣ подносили, и которые я разоряла, исщипывая безпощадно?! А любезности, которыя мнѣ расточали? А предложенія, на которыя я отвѣчала поголовнымъ и безпощаднымъ отказомъ?..

— О, да! Безъ сомнѣнія, я имѣла успѣхъ, безспорный успѣхъ! Ну, а теперь-то, теперь? Что̀ отъ этого блестящаго успѣха? Какая въ немъ польза? Къ чему все это нужно? Я многихъ огорчила, многихъ сдѣлала несчастными, но сама ни разу, сколько мнѣ кажется, ни одного разу не была влюблена. Безчисленное множество разъ мнѣ говорили, что у меня „нѣтъ сердца". Но вѣдь мужчины всегда такъ говорятъ, если на ихъ исканія женщина отвѣчаетъ отказомъ,—это служитъ утѣшеніемъ ихъ тщеславію. Интересно знать, вѣрно ли это наблюденіе по отношенію ко мнѣ? Теперь никому дѣла нѣтъ, есть ли у меня сердце, или нѣтъ? Теперь у меня есть опредѣленное число друзей, съ которыми мы идемъ рука объ руку; они приглашаютъ меня на танцы (но безъ особаго восторга), и невоспитанность ихъ доходитъ до того, что они пускаются со̀ мною въ разговоры о какой-нибудь „прелесть дѣвочкѣ, которая (смотрите, вонъ она тамъ сидитъ!) чудо какъ веселится"! Теперь мужчины говорятъ про меня:—Она „добрый малый" и вѣрный, настоящій „другъ"!.. „Другъ"? Дружбѣ нѣтъ мѣста въ бальной залѣ... По крайней мѣрѣ, между нами, дѣвушками, этого не существуетъ: никому изъ нихъ не нравится, чтобы ее занимали разговоромъ о другой, которая имѣетъ успѣхъ тутъ же, въ одной съ нею залѣ. Если васъ спросятъ, хороша ли она,—соглашайтесь, что да, не разстроивайте ея плановъ, если они у нея есть; предупредите ее, когда ея прическѣ грозитъ развалиться; представляйте ей кавалеровъ, которые вамъ не нужны...

— Я всегда такъ и дѣлала. Віолетта Флемингъ такъ же точно отнесется и ко мнѣ, если я поймаю ея взглядъ въ данную минуту. Но я не хочу, чтобы она меня жалѣла. Не хочу, чтобы она изъ милости уступала мнѣ своихъ кавалеровъ! Я ей скажу, что уже танцую, потому что не хочу танцовать ни со стариками, ни съ мальчишками. Лучше ужъ я высижу свое время сполна...

— Боже, какъ печально звучитъ музыка для танцевъ! Я прежде никогда этого не замѣчала. Кажется, я хоть сію минуту готова броситься на полъ и ревѣть, ревѣть неудержимо... конечно, еслибы дала себѣ волю. Мнѣ чудится, что всѣ здѣсь танцующіе справляютъ тризну...

— А что, если я подойду къ м-съ Флемингъ и спрошу совсѣмъ просто: ожидаетъ ли она, что и въ эту зиму ее постигнетъ инфлюэнца?.. Я, кажется, на все готова,—лишь бы не казаться скучающей, забытой! Нѣтъ, м-съ Флемингъ дремлетъ; но еслибъ она даже была въ состояніи бесѣдовать со мной, то ни о чемъ другомъ не стала бы мнѣ говорить, кромѣ совершенствъ и добродѣтелей своей Віолетты... Но, Боже мой! Я же сама ихъ вижу... ихъ всякій видитъ, эти удивительныя совершенства...

— Вонъ сидитъ и она сама, съ Эдвардомъ. Онъ смотритъ на нее такъ же точно, какъ смотрѣлъ, бывало, на меня, много, много лѣтъ тому назадъ... когда еще не утерялъ своего чувства уваженія ко мнѣ. Да!.. а теперь онъ положительно пересталъ меня уважать съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что я живу съ Долли, которую онъ считаетъ не особенно пріятной особой. Положимъ, я и сама такъ на нее смотрю; но дѣлать нечего, я не могу въ этомъ признаться, не могу это дать замѣтить другимъ. Эдвардъ ни разу не навѣстилъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я поселилась у нея, и избѣгаетъ со мною встрѣчаться съ тѣхъ поръ, какъ я тогда бѣжала отъ Флосси, какъ полоумная. Интересно бы знать, благополучно ли онъ доѣхалъ тогда одинъ, обратно? Съ тѣхъ поръ о Девереляхъ я ничего больше не слыхала. Надо полагать, что Флосси немножко разсердилась на меня... Мнѣ иногда казалось, что она ревнуетъ меня къ Эдварду.

— Бѣдный Эдвардъ!—продолжала думать Модерна, пристально глядя на него.—Какое у него серьезное лицо! Ему, чего добраго, противно даже взглянуть на меня? Намъ, конечно, приходится иногда встрѣчаться; а все-таки, мнѣ кажется, что онъ старается избѣгать всякой возможности со мною танцовать; онъ, повидимому, выжидаетъ такой минуты, когда я уже иду танцовать съ другимъ, или уѣзжаю, и тогда только подходитъ приглашать меня... Еслибы вдругъ случилось, что онъ подошелъ и заговорилъ бы со мной, я бы подумала, что пришелъ конецъ свѣту. Я даже предпочла бы, чтобъ онъ такъ и не подходилъ ко мнѣ: съ нѣкоторыхъ поръ мы какъ-то стѣсняемся другъ друга; и намъ пришлось бы только чувствовать обоюдное смущеніе и неловкость...

— Впрочемъ, что ужъ тутъ такого? Мнѣ нечего бояться, что онъ подойдетъ. Я слишкомъ ужъ противна! Для меня не было бы удивленіемъ, еслибъ я вдругъ узнала, что онъ женится на Віолеттѣ Флемингъ. Она такъ обаятельно молода, восторженна, наивна. Я знаю, что онъ такого, именно такого мнѣнія о ней... Но руки у нея!!.. Самыя гусиныя, самыя красныя руки, какія

только мыслимо себѣ представить!.. О, неужели я злюсь или... завидую ей?!..

— А, знаю, знаю этотъ вальсъ... онъ скоро кончится, и тогда всѣ придутъ сюда. Это—самая для меня тяжелая, ужасно тяжелая минута! Мнѣ только хотѣлось бы съ кѣмъ-нибудь—ну, хоть дѣлать видъ, что я занята разговоромъ. Какъ безгранично трудно и противно притворяться, что я будто сижу здѣсь, въ одиночествѣ, не по необходимости, а потому, что мнѣ это пріятно...

— О, нѣтъ, нѣтъ! Не могу больше терпѣть! Я выйду замужъ; выйду за перваго встрѣчнаго,—ну, хоть за м-ра Брауна. Онъ меня обожаетъ! Онъ увѣряетъ, что ему не страшна даже моя приверженность къ богемѣ. Онъ готовъ терпѣть даже мою близость съ Долли, изъ любви ко мнѣ. Должна признаться, что иной разъ *у меня* не хватаетъ на это мужества. Пожалуй, я согласна снизойти даже до того, чтобы дать ему поводъ подумать, что онъ мнѣ... несовсѣмъ противенъ... Итакъ, я буду женой служителя алтаря. Боже мой, какъ это ужасно! Но это единственный выходъ изъ моего положенія... Да, *для меня* единственный, это правда; но для него? Я его не люблю; да и какъ я могла бы полюбить его? Мнѣ пришлось бы объяснить ему мои чувства,—а вѣдь даже какой-нибудь м-ръ Браунъ и тотъ еще настолько благороденъ, что пожалуй не захочетъ жениться на женщинѣ, которая въ глаза говоритъ ему, что не любитъ его—и самое бóльшее, что можетъ милостиво сносить его присутствіе около себя. А если я не скажу ему откровенно, это будетъ страшной низостью съ моей стороны. Нѣтъ, ужъ я лучше пойду въ монастырь! Тамъ скука, это правда, но все-таки ужъ не такая скука, какъ быть супругой м-ра Брауна!...

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы *наши*, наконецъ, вернулись домой. И я бы тоже къ нимъ вернулась, и разыграла бы изъ себя раскаявшуюся „блудную дочь“, просила бы у нихъ прощенія въ томъ, что хотѣла быть отъ нихъ независимой; просила бы разрѣшенія опять жить у нихъ по прежнему, „въ родительскомъ домѣ“... И эта жизнь вѣдь тоже порядочная скука; а все-таки гораздо лучше и менѣе стѣснительно, чѣмъ брачныя узы! Я такъ и просижу, до самой смерти, въ старыхъ дѣвахъ...

— А, вонъ и всѣ идутъ! Надо мнѣ скорѣй сдѣлать видъ, что я чувствую себя весело и беззаботно... Я знаю уже не сегодня каждую мелочь въ рисункѣ моего вѣера; онъ не разъ видѣлъ меня и еще не въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ. Но я сдѣлаю видъ, что меня глубоко заинтересовалъ его рисунокъ; а смотрѣть впередъ передъ собою я могу и поверхъ его краевъ...

— А, вотъ первая парочка! Билли Данверсъ и миссъ Форестъ. Я была его первая любовь; но теперь Билли изо всѣхъ силъ старается доказать Грэсъ Форестъ, что это она впервые его воспламенила... Ну, и пусть его!

— М-съ Дженкинъ—и хозяинъ дома!.. Она вдова. О, какъ мы съ Вэроной, бывало, ревновали къ ней! Бывало, мы изучали малѣйшія ея ужимки. Она тогда была уже вдовой, да такъ и осталась вдовою до сихъ поръ. Вѣроятно, она предпочитаетъ не выходить замужъ. Мнѣ тоже хотѣлось бы, чтобы меня кто-нибудь наградилъ званіемъ вдовы!.. Господи, да что-жъ я это говорю? Но она на цѣлыхъ десять лѣтъ старше меня, а смѣется совсѣмъ какъ дитя. Это оттого, что она вдовѣетъ...

— А, вотъ и Арчэръ Деверель. Онъ былъ дѣйствительно влюбленъ въ меня когда-то, а теперь, буквально, меня не выноситъ! „Оскорбленный мужчина“ въ тысячу разъ хуже оскорбленной женщины. Онъ и смотрѣть-то на меня не хочетъ. Да! Прошелъ мимо и даже не взглянулъ!

Каково? Это Віолетта подъ-руку съ м-ромъ Дорси. Я думала, она сидитъ въ голубой гостиной съ Эдвардомъ. А Эдвардъ гдѣ же?.. Эдвардъ одинъ... одинъ!..

— Эдвардъ, вы можете довезти меня домой?—Пожалуй, да, какъ хотите. Черезъ полчаса? Нѣтъ? Черезъ десять минутъ?—Хорошо; я пойду одѣваться...

— О, Боже! Что̀ же это значитъ? Конецъ свѣта? Или начало?—подумала про себя Модерна.

Экипажъ останавливается у крыльца. Изъ него выходятъ лордъ Конистонъ и Модерна.

— Видите, вотъ хлѣбная лавчонка по одну сторону крыльца. А вотъ и нашъ подъѣздъ. Мы живемъ въ четвертомъ этажѣ; пожалѣйте меня!—говоритъ Модерна, отпирая дверь собственнымъ ключомъ.—Ну, спокойной ночи!

— Позвольте проводить васъ наверхъ?

— О, я не боюсь,—заносчиво отвѣчаетъ Модъ. — Правда, мы еще не удостоились имѣть газовый рожокъ.

Дверь отворяется; на лѣстницѣ темно, какъ въ преисподней или въ пропасти.

— Мнѣ надо бы съ вами кой о чемъ поговорить, — замѣчаетъ полу-вопросительно Конистонъ.

— Чего же вы молчали? Мы успѣли бы поговорить дорогой,—возражаетъ Модъ.—Очень намъ было нужно пускаться въ

разсужденія о погодѣ и о Віолеттѣ Флемингъ? Ну, хорошо, хорошо: идемте вмѣстѣ. Только заранѣе предупреждаю: Долли, по всей вѣроятности, еще сидитъ надъ своей корректурой... Помните, тутъ будетъ ступенька по дорогѣ, да потише! Не разбудите нашего анархиста: онъ живетъ во второмъ этажѣ.

— Хорошо!—соглашается Конистонъ, и оба начинаютъ медленно подниматься вверхъ по лѣстницѣ.

— А на этой площадкѣ кто живетъ?—спрашиваетъ онъ.

— „Сердце женщины"—еженедѣльное изданіе. Если бы здѣсь было свѣтло, вамъ было бы видно, что на дверяхъ прибита большая вывѣска. Я всегда стѣсняюсь заглядывать туда... О, Господи!

Модерна запыхалась. Она останавливается и тяжело переводитъ духъ.

— Не говорите такъ много, когда идете наверхъ. Вы не въ состояніи даже передохнуть,—замѣчаетъ Эдвардъ.

У Модерны вырывается какое-то восклицаніе.

— А? Вы, кажется, бранитесь?

— Нѣтъ!—слышится въ отвѣтъ ея усталый голосъ.—Я еще не настолько опустилась. Просто я ногой запуталась въ своей оборкѣ, вотъ и все! О, этой лѣстницѣ, кажется, конца не будетъ!

— Вы слишкомъ много танцовали, вотъ и утомились!

— Нѣтъ, это не отъ танцевъ... А вотъ мы и пришли!—продолжаетъ она, отворяя дверь.—Да тутъ темно! Долли легла спать и потушила лампу.

— Я лучше уйду?—предложилъ Конистонъ.

— Нѣтъ ужъ, прошу васъ не оставлять меня одну, пока я не зажгу огня!—заявляетъ Модерна.—Въ этой комнатѣ все что-нибудь да чудится,—такъ я думаю со страху. Помогите мнѣ разыскать спички!

Модерна вздрагиваетъ и продолжаетъ:

— Вотъ тьма кромѣшная!.. Какъ холодно и грустно!..

— Да нѣтъ, ужъ вовсе тутъ не такъ темно! Только всегда бываетъ жутко въ этой неопредѣленной темнотѣ. Я смутно вижу васъ, какъ бѣлый метущійся призракъ...

Модерна почти кричитъ:

— Эдвардъ! Если вы начнете говорить о привидѣніяхъ, я громко закричу.

Она нервно шаритъ на столѣ и не находитъ спичекъ.

— Онѣ обыкновенно у насъ тутъ лежатъ въ китайской собачкѣ. И куда это угораздило Долли ихъ запропастить?.. Ай!.. Это что?

— Ничего! рояль былъ открытъ—и я задѣлъ за клавишу.

— Только-то? Какая же я дура! А я-то думала... О, Эдвардъ, отыщите спички. Я, кажется, не выдержу больше ни минуты. Ну, вотъ! Еще этого не хватало. Я стукнулась головой о притолку. Какъ больно!.. Господи! Голова кружится... Гдѣ я?

— Въ моихъ объятіяхъ! О, неужели вы не захотите такъ остаться на вѣкъ?..

— Такъ вотъ чѣмъ приходится кончать!—проговорила Модъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— И это вамъ непріятно!

— Нѣтъ, не очень... Не до такой степени, какъ я ожидала... —О, Эдвардъ! До чего я изнемогла! Меня невыразимо утомили и наша богема, и Долли, и танцы, и литература, и сама жизнь, и все, все на свѣтѣ! Я думаю, вамъ это понятно?

— И даже не сегодня. Въ этомъ моя единственная заслуга: я всегда васъ понималъ.

— Да я-то сама того не стою, чтобы меня стараться понимать!.. Постойте! Это Долли.

И въ самомъ дѣлѣ, заслыша въ сосѣдней комнатѣ шорохъ, Долли Тримэнъ выглянула изъ-за двери.

— Модерна, это вы? Отчего такъ поздно?.. Ай!..—и она моментально скрылась за дверью, испугавшись Конистона.

— Отчего она исчезла?—спросилъ тотъ.

— Чтобы принарядиться,—пояснила Модъ:—но вамъ лучше уйти, прежде чѣмъ она вернется.

— Хорошо,—покорно согласился Эдвардъ.—А завтра вы позволите мнѣ къ вамъ придти на чашку чаю?

— Ко мнѣ и къ Долли?—многозначительно пояснила Модъ.

— Я готовъ терпѣть общество вашей Долли, готовъ претерпѣть все, что̀ вамъ угодно, лишь бы не разлучаться съ вами.

— Мнѣ и самой-то не особенно легко ее терпѣть, но все-таки сознайтесь, что вы нехорошо къ ней относились... Это у меня такъ сегодня было, минутное настроеніе,—прибавила она, откидывая назадъ пряди волосъ, сбившіяся на лобъ и на лицо.—Мнѣ теперь стыдно за себя; завтра и помину ни о чемъ не будетъ. Все будетъ хорошо...

— Хорошо для васъ, а для меня—дурно? То-есть, вы хотите сказать, что завтра вы раздумаете? Возьмете свои слова назадъ?

— Да развѣ вы счастливы?

— Еще бы!

— Вы всегда были такъ добры ко мнѣ! Но, кажется, мужчины любятъ, чтобы такой торжественный моментъ былъ болѣе торжественно обставленъ? Не правда ли, обстановка для этого должна быть болѣе поэтичная, а не такая жалкая, лишенная романтической подкладки. Передъ вами нервная женщина, полуистеричная, пугливая. Она боится темноты и плачетъ у васъ на плечѣ, потому что ей нездоровится; она устала сидѣть на балу, гдѣ никто ее не приглашалъ на танцы, и ея самолюбіе оскорблено, и вообще она... она... не имѣла успѣха.

— Неужели? А я и не замѣтилъ! Для меня вы—самая милая, самая красивая, самая прелестная на свѣтѣ!

— Красивая?—съ горечью переспросила Модъ.—Я очень рада, что теперь темно, и вамъ не видно, что у меня красные глаза... Какая я глупая!

— Ну и будьте глупой! Будьте глупой, но для меня восхитительной и обожаемой, неоцѣненной! Мнѣ дѣла нѣтъ до того, что̀ именно привело васъ ко мнѣ, лишь бы вы пришли добровольно.

— Ну, вотъ я и пришла,—положивъ ему руки на плечо, съ тихою лаской въ голосѣ проговорила Модерна.—Но, Эдвардъ, знаете, вы вѣдь собственно еще не сдѣлали мнѣ предложенія.

— Никакой мужчина не долженъ два раза просить руки женщины.

— Но вы...

— Ну, да, да! Я дѣйствительно одинъ разъ ужъ просилъ вашей руки, помните, тогда, давно... въ первый разъ? А во второй—я вами просто завладѣлъ, безъ всякаго спроса!

А. Б—г—

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1898.

Предполагаемое введеніе земскихъ учрежденій въ девяти западныхъ губерніяхъ.— Главныя отступленія отъ общеземскаго типа: отсутствіе уѣздныхъ собраній; значительное число назначенныхъ членовъ губернскихъ земскихъ собраній; выборъ губернскихъ гласныхъ на уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ и на волостныхъ сходахъ; назначеніе предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ; подчиненіе уѣздныхъ управъ губернскимъ.—Положеніе дѣлъ въ неурожайныхъ губерніяхъ.

Два мѣсяца тому назадъ, намъ пришлось отмѣтить ликованіе реакціонной прессы по поводу „отрадной вѣсти", что въ западномъ краѣ земская реформа ограничится введеніемъ института земскихъ начальниковъ—т.-е. не состоится вовсе. Преждевременная радость скоро уступила мѣсто горькому разочарованію: „отрадная вѣсть" оказалась вымышленною. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изготовленъ проектъ распространенія земскихъ учрежденій на девять западныхъ губерній; извѣстно, съ бо̀льшею или меньшею достовѣрностью, и содержаніе этого проекта, во многомъ отступающаго отъ земскаго положенія 1890-го года. Уѣздныхъ земскихъ собраній въ западномъ краѣ не предполагается. Губернскія земскія собранія образуются отчасти изъ членовъ по должности (губернскій и уѣздные предводители дворянства, предсѣдатель и члены губернской земской управы, представители вѣдомствъ духовнаго, удѣльнаго и государственныхъ имуществъ, городской голова губернскаго города), отчасти изъ выборныхъ гласныхъ; послѣдніе избираются, съ одной стороны, уѣздными избирательными собраніями, соединяющими въ себѣ (подъ условіемъ, конечно, избирательнаго ценза) личныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, не исключая и крестьянскаго, съ другой—волостными сходами [1]. Города Кіевъ и Вильно ставятся въ положеніе аналогичное съ Петербургомъ, Мо-

[1]) Гласнымъ отъ сельскихъ обществъ предполагается выдавать прогоны въ оба пути, въ размѣрѣ 3 коп. на версту, и суточныя, въ размѣрѣ одного рубля.

сквой и Одессой: гласные отъ нихъ избираются городскими думами. Вмѣсто лицъ русскаго происхожденія, по ихъ уполномочію, въ избирательномъ собраніи могутъ участвовать управляющіе имѣніями, если они также принадлежатъ къ числу лицъ русскаго происхожденія [1]); они могутъ быть также избираемы въ гласные. Гласными могутъ быть только лица, свободно владѣющія русскимъ языкомъ и умѣющія читать по-русски [2]). Губернскимъ собраніямъ предоставляется возлагать предварительное разсмотрѣніе текущихъ дѣлъ на особыя мѣстныя совѣщанія, образуемыя, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ губернскихъ по данному уѣзду гласныхъ и предсѣдателя и членовъ уѣздной управы. Предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ присутствуютъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, въ губернскомъ земскомъ собраніи. Предсѣдатели и члены земскихъ управъ (какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ) назначаются правительствомъ, безсрочно, *по возможности* изъ числа лицъ, владѣющихъ, въ предѣлахъ губерніи, недвижимымъ имуществомъ, дающимъ право на участіе въ земскомъ избирательномъ собраніи. Размѣры содержанія ихъ опредѣляются закономъ. Уѣздныя земскія управы, дѣйствуя, какъ и губернская, подъ надзоромъ губернскаго земскаго собранія, подчиняются ближайшему руководству и наблюденію губернской земской управы. Доклады по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію губернскаго земскаго собранія, представляются уѣздными управами губернской управѣ, которая вноситъ ихъ въ собраніе съ своимъ заключеніемъ.

Итакъ, въ составъ земскихъ учрежденій западнаго края не должны входить уѣздныя земскія собранія. Такое земство будетъ чѣмъ-то существенно отличнымъ отъ знакомаго намъ типа земскихъ учрежденій — и вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ-то мало согласнымъ съ основными началами мѣстнаго самоуправленія. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что коренной недостатокъ обоихъ земскихъ положеній, 1864 и 1890 г.— отсутствіе мелкой земской единицы, которая сливалась бы съ сельскимъ обществомъ или служила бы посредствующимъ звеномъ между нимъ и уѣзднымъ земствомъ. Уѣздъ слишкомъ великъ, его части, сплошь и рядомъ, слишкомъ разнородны, населеніе его окраинъ слишкомъ мало соприкасается съ центромъ. Это отражается, въ бо̀льшей или меньшей степени, на всѣхъ отрасляхъ земскаго хозяйства, лишаетъ земство надежныхъ исполнителей на мѣстахъ, тормазитъ предпріятія, требующія, съ одной стороны, немалыхъ средствъ, съ другой— ближайшаго контроля. Каждое новое общественное бѣдствіе (неуро-

[1]) Лицами русскаго происхожденія считаются тѣ, которыя имѣютъ право пріобрѣтать въ западныхъ губерніяхъ помѣщичьи имѣнія.

[2]) Это правило предполагается сдѣлать общимъ для всѣхъ губерній, гдѣ введены земскія учрежденія.

жай, эпидемія, эпизоотія), каждое новое расширеніе земской дѣятельности, осуществившееся или проектируемое, выдвигаетъ на первый планъ мысль о всесословной волости (или всесословномъ приходѣ, всесословномъ сельскомъ обществѣ), какъ о неотложномъ требованіи жизни — мысль, сходящую со сцены только въ минуты наибольшаго торжества реакціонныхъ стремленій. Возможно ли, въ виду этого, разсчитывать на успѣхъ земской организаціи, еще гораздо болѣе отдаленной отъ населенія? Не ясно ли, что если уѣздному земскому собранію не всегда по силамъ одинаково внимательное отношеніе ко всѣмъ частямъ уѣзда, одинаково успѣшная охрана ихъ спеціальныхъ интересовъ, то отъ губернскаго земскаго собранія тѣмъ меньше можно ожидать правильнаго разрѣшенія вопросовъ, касающихся только одного уѣзда, одной части уѣзда, одной волости? Не слѣдуетъ ли ожидать, что de facto рѣшающій голосъ будетъ принадлежать, въ подобныхъ случаяхъ, наиболѣе вліятельнымъ представителямъ даннаго уѣзда, т.-е. двумъ-тремъ членамъ собранія—или даже одному? При недовѣріи большинства къ представителямъ уѣзда, возможенъ и другой исходъ, столь же нежелательный—рѣшеніе дѣла на основаніи догадокъ, не провѣренныхъ знаніемъ мѣстныхъ условій. Восполнить пробѣлъ, образуемый отсутствіемъ уѣздныхъ собраній, особыя уѣздныя совѣщанія не могутъ, какъ вслѣдствіе малочисленности ихъ состава (выборныхъ гласныхъ полагается только отъ 3 до 7 на уѣздъ), такъ и потому, что они ничего не рѣшаютъ, а только высказываютъ мнѣнія; самый созывъ ихъ, притомъ, зависитъ отъ усмотрѣнія губернскаго собранія. Совершенно призрачнымъ, наконецъ, является надзоръ губернскаго собранія надъ дѣйствіями уѣздныхъ управъ, извѣстными большинству собранія только по бумагамъ или по сообщеніямъ отдѣльныхъ лицъ, далеко не всегда точнымъ и безпристрастнымъ.

Всѣ указанные нами недостатки обостряются проектируемымъ составомъ губернскихъ собраній. Припомнимъ, что въ западномъ краѣ предводители дворянства не выбираются сословіемъ, а назначаются правительствомъ; назначать предполагается, какъ мы видѣли, и предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ. Назначенныхъ членовъ губернскихъ собраній (считая и представителей вѣдомствъ) будетъ, такимъ образомъ—смотря по числу уѣздовъ въ губерніи—отъ 14 до 19 (а можетъ быть и больше, если нѣкоторыя губернскія управы будутъ образованы въ составѣ четырехъ или пяти лицъ). Немаловажную роль, несмотря на совѣщательный голосъ, будутъ играть, во многихъ случаяхъ, и назначенные предсѣдатели уѣздныхъ управъ, въ числѣ отъ семи до двѣнадцати. Выборныхъ губернскихъ гласныхъ будетъ отъ 39 до 53; отношеніе между ними и назначенными членами (не считая предсѣдателей уѣздныхъ управъ) будетъ колебаться между 3 : 1

и $2^1/_4$: 1. Другими словами, назначенные гласные будутъ составлять отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ общаго числа членовъ собранія. Изъ числа выборныхъ гласныхъ около одной трети (въ иныхъ губерніяхъ—нѣсколько больше, въ другихъ — нѣсколько меньше) приходится на долю сельскихъ обществъ. Способъ выбора гласныхъ отъ сельскихъ обществъ въ западныхъ губерніяхъ проектируется тотъ же, какой введенъ положеніемъ 1890 г. въ центральныхъ губерніяхъ. Каждый волостной сходъ избираетъ одного кандидата въ гласные; затѣмъ, губернаторъ выбираетъ изъ числа кандидатовъ опредѣленный росписаніемъ комплектъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и установляетъ очередь, на основаніи которой остальныя избранныя лица замѣняютъ утвержденныхъ, въ случаѣ выбытія послѣднихъ до окончанія трехлѣтняго срока. Что при такомъ порядкѣ выборы обращаются въ фикцію и гласные отъ крестьянъ являются, обыкновенно, не чѣмъ инымъ, какъ излюбленными людьми своего ближайшаго начальства—это не подлежитъ никакому сомнѣнію: именно поэтому способъ избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ земскаго положенія 1890-го года. Само собою разумѣется, что еще меньше онъ можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ для выборовъ въ губернское собраніе. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ центральныхъ губерній число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ доходитъ до 15, рѣдко понижаясь до 4 или 5; въ московской губерніи, напримѣръ, оно равняется, въ среднемъ, восьми, въ саратовской и тамбовской—девяти. Волостей въ уѣздѣ бываетъ отъ десяти до тридцати; изъ избранныхъ волостными сходами кандидатовъ попадаетъ въ собраніе, такимъ образомъ, отъ $^1/_3$ до $^1/_2$, и подборъ лицъ, угодныхъ и удобныхъ для администраціи, представляетъ все-таки нѣкоторыя затрудненія. Въ губернскихъ собраніяхъ западныхъ губерній предполагается, на уѣздъ, не больше *двухъ* гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, а на долю многихъ уѣздовъ (43 изъ 89, т.-е. почти половины) приходится только по *одному* гласному этой категоріи. Здѣсь, слѣдовательно, ничто не стѣсняетъ „усмотрѣніе" администраціи: изъ 10—30 кандидатовъ всегда можно найти одного или двухъ, вполнѣ, съ точки зрѣнія начальства, благонадежныхъ. Если присоединить, затѣмъ, гласныхъ отъ сельскихъ обществъ къ назначеннымъ членамъ собраній, то получатся слѣдующія цифры: для кіевской губерніи—34, для подольской—35, для волынской—34, для витебской—33, для минской—30, для могилевской—33, для виленской—28, для ковенской—28, для гродненской—34. Гласныхъ отъ землевладѣльческихъ избирательныхъ собраній (съ присоединеніемъ къ нимъ, какъ лицъ выборныхъ, городскихъ головъ губернскихъ городовъ), въ кіевской губерніи будетъ 39, въ подольской—27, въ волынской—29, въ витебской—32, въ минской—31, въ могилевской—32,

въ виленской—29, въ ковенской—26, въ гродненской—30. Итакъ, только въ трехъ губерніяхъ (кіевской, минской и виленской) послѣдняя цифра выше первой, и притомъ весьма немногимъ; въ остальныхъ шести назначенные члены собранія, вмѣстѣ съ гласными отъ сельскихъ обществъ, составятъ абсолютное большинство, иногда довольно значительное. Чтобы понять все значеніе этого факта, необходимо дать себѣ отчетъ въ различии между положеніемъ гласныхъ-крестьянъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи—и положеніемъ ихъ въ собраніи губернскомъ, если они вошли въ составъ послѣдняго не по выбору перваго. Въ уѣздномъ собраніи крестьянинъ встрѣчается съ знакомыми, болѣе или менѣе, людьми и дѣлами. Его стѣсняетъ, конечно, присутствіе начальства, но ободряетъ, за то, общество близкихъ сосѣдей. Онъ хорошо знаетъ и многихъ изъ числа землевладѣльцевъ; ему извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ готовы стоять за интересы крестьянства, готовы поддержать заявленія и требованія, для которыхъ крестьяне затрудняются пріискать надлежащую формулировку. Самая обстановка уѣзднаго собранія безпритязательна, свободна отъ формальностей. Здѣсь рѣдко произносятся длинныя рѣчи; главную роль играетъ обмѣнъ мыслей по чисто практическимъ вопросамъ; одно за другимъ слѣдуютъ короткія замѣчанія, въ самой простой, общедоступной формѣ. Привыкнувъ къ земскому дѣлу въ уѣздѣ, крестьянинъ можетъ съ честью занять мѣсто и въ губернскомъ собраніи, тѣмъ болѣе, что выборъ уѣзднаго собранія упадетъ, въ большинствѣ случаевъ, на самыхъ способныхъ, толковыхъ и независимыхъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Возьмемъ теперь крестьянина, прямо отъ сохи—или хотя бы изъ волостного правленія или волостного суда—попавшаго въ губернское земское собраніе, да еще, вдобавокъ, крестьянина-бѣлорусса, робкаго по природѣ, не освободившагося еще отъ преданій вѣкового гнета, не особенно хорошо владѣющаго русскимъ языкомъ. Товарищей-крестьянъ того же уѣзда у него нѣтъ; изъ другихъ представителей уѣзда онъ знаетъ, пожалуй, только должностныхъ лицъ, передъ которыми привыкъ трепетать у себя дома; въ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ, можетъ быть, никогда раньше не бывалъ, онъ чувствуетъ себя какъ бы потеряннымъ,—wie verkauft und verrathen! Его подавляетъ торжественность открытія сессіи, смущаетъ нѣкоторая церемонность, постоянно господствующая въ засѣданіяхъ. Въ вопросахъ, служащихъ предметомъ обсужденія, для него почти все чуждо и мало понятно; дѣло идетъ, бо̀льшею частью, объ уѣздахъ, извѣстныхъ ему только по имени; ораторы говорятъ иногда подолгу, не стараясь или не умѣя приспособиться къ степени развитія наименѣе подготовленныхъ изъ своихъ слушателей. Если крестьянинъ и усвоитъ себѣ смыслъ преній, онъ

едва ли рѣшится принять въ нихъ участіе, потому что не найдетъ словъ, которыя не звучали бы диссонансомъ среди правильно построенныхъ и хорошо сказанныхъ рѣчей. О самостоятельности дѣйствій, при такихъ условіяхъ, не можетъ быть и помину; подавать голосъ гласный-крестьянинъ будетъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, или по прямому указанію властнаго надъ нимъ лица, или подъ косвеннымъ, но неотразимымъ вліяніемъ того, кто станетъ для него авторитетомъ. Весьма небольшого труда, поэтому, будетъ стòить тому или другому изъ назначенныхъ членовъ собранія сплоченіе гласныхъ-крестьянъ въ одну гибкую массу, послушную велѣніямъ или внушеніямъ—а руководитель этой массы будетъ, въ свою очередь, „творить волю пославшаго его". Это окажется очень удобнымъ для администраціи, но едва ли полезнымъ для населенія, и во всякомъ случаѣ внесетъ въ земское дѣло элементъ неискренности, искусственности, мало благопріятный для его преуспѣянія.

Сколько-нибудь самостоятельными членами губернскихъ земскихъ собраній въ западномъ краѣ могутъ быть, въ силу вышеприведенныхъ соображеній, только гласные, выбранные уѣздными избирательными собраніями, т.-е. владѣльцы (на правѣ собственности и на правѣ вѣчнаго чинша) земельныхъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ. Въ самомъ составѣ избирательныхъ собраній допущено, однако, отступленіе отъ общаго порядка, могущее отразиться весьма чувствительно и на результатѣ выборовъ. Избирательное право, по самому своему существу, есть право личное, не передаваемое, развѣ если его обладатель лишенъ возможности пользоваться имъ—лишенъ не случайно, не на короткое время, а въ силу причинъ постояннаго или длящагося свойства (полъ, возрастъ). Единственное общее, т.-е. повсемѣстное исключеніе изъ этого правила допущено у насъ въ пользу неотдѣленныхъ сыновей, которые могутъ участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ вмѣсто своихъ отцовъ, по ихъ довѣренностямъ. Другое изъятіе имѣетъ силу только въ немногихъ, отдаленныхъ и мало населенныхъ мѣстностяхъ (губерніи вятская, олонецкая и пермская, семь уѣздовъ вологодской и одинъ уфимской губерніи), немногочисленные (бòльшею частью крупные) землевладѣльцы которыхъ рѣдко живутъ въ своихъ имѣніяхъ: законъ уполномочиваетъ ихъ передавать свое избирательное право управляющимъ ихъ имѣніями. Въ такихъ мѣстностяхъ этотъ порядокъ никому не наноситъ ущерба, никакой привилегіи или неравноправности не установляетъ: онъ вызванъ, притомъ, необходимостью, такъ какъ иначе избирательныя собранія оказались бы слишкомъ малочисленными и самые выборы—невозможными. Въ западномъ краѣ онъ будетъ имѣть совершенно другое значеніе, какъ потому, что его предполагается распространить

только на землевладѣльцевъ русскаго происхожденія, такъ и потому, что въ западныхъ губерніяхъ не можетъ быть недостатка въ избирателяхъ. Изъ двухъ сосѣдей-землевладѣльцевъ одинъ будетъ имѣть право замѣнить себя своимъ управляющимъ, другой—не будетъ. Предположимъ, что первый никогда не живетъ въ своемъ имѣніи и весьма мало интересуется какъ собственнымъ хозяйствомъ, такъ и дѣлами уѣзда или губерніи, а второй, наоборотъ, только случайно—напр. по болѣзни или вслѣдствіе необходимой отлучки—лишенъ возможности пріѣхать на выборы, которые онъ аккуратно посѣщаетъ, какъ горячій радѣтель о пользахъ и нуждахъ своей мѣстности. Аномалія, обусловливаемая неравенствомъ правъ, становится здѣсь особенно замѣтной: для передачи голоса гораздо больше основаній было бы именно тамъ, гдѣ законъ ея не допускаетъ. Безспорно, живущихъ у себя въ имѣніи землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ между русскими меньше, чѣмъ между поляками; но предоставленіе первымъ исключительнаго права, которымъ не пользуются послѣдніе, было бы прямымъ поощреніемъ абсентеизма, съ которымъ, наоборотъ, необходимо бороться. Нельзя сказать, притомъ, чтобы всѣ или почти всѣ землевладѣльцы польскаго происхожденія постоянно проживали въ своихъ имѣніяхъ: въ гродненской губерніи, напримѣръ, систематическихъ абсентеистовъ между помѣщиками-дворянами польскаго происхожденія насчитывается около 30% (163 изъ 570), между русскими — около 40%. Если замѣна себя управляющимъ будетъ разрѣшена послѣднимъ и не разрѣшена первымъ, это можетъ повліять весьма существенно на исходъ выборовъ, искусственно усиливъ число избирателей одной категоріи. Съ другой стороны, управляющіе имѣніями вовсе не составляютъ желательнаго элемента въ избирательныхъ и, тѣмъ болѣе, въ земскихъ собраніяхъ. Лишенные, въ большинствѣ случаевъ, всякой внутренней связи съ данной мѣстностью, всегда готовые промѣнять ее на другую, ничего не платящіе изъ своихъ личныхъ средствъ въ земскую кассу, они будутъ вносить въ отправленіе своихъ обязанностей или полнѣйшій индифферентизмъ, или пассивную покорность чужимъ инструкціямъ. Отсюда, иногда, только одинъ шагъ до готовности подчиниться такимъ вліяніямъ, которыхъ отнюдь не предусматривалъ довѣритель, въ моментъ выдачи уполномочія...

Соединеніе въ одномъ избирательномъ собраніи землевладѣльцевъ всѣхъ сословій имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, безспорное преимущество передъ сословной избирательной системой, установленной земскимъ положеніемъ 1890-го года; въ особенности справедливо признаніе избирательнаго права за крестьянами-личными собственниками, въ центральной Россіи исключенными, съ 1890 г., изъ состава избирательныхъ собраній. Нельзя не замѣтить, однако, что порядокъ, нормаль-

ный самъ по себѣ, возбуждаетъ серьезныя недоумѣнія, когда онъ вводится только въ одной мѣстности, съ явнымъ отступленіемъ отъ общепринятаго. Если въ витебской или могилевской губерніи дворяне сливаются въ одну группу съ остальными землевладѣльцами, а въ сосѣднихъ губерніяхъ—смоленской или черниговской—выдѣляются въ особое собраніе, избирающее, притомъ, сравнительно бо́льшее число гласныхъ, если крестьяне-собственники здѣсь—признаются, тамъ—не признаются избирателями, то невольно возникаетъ сомнѣніе въ правильности одной изъ двухъ системъ, взаимно исключающихъ другъ друга. Одними это сомнѣніе можетъ разрѣшаться въ одномъ, другими—въ другомъ смыслѣ; но оно во всякомъ случаѣ вредитъ авторитетности порядковъ, приспособляемыхъ къ обстоятельствамъ. Съ нашей точки зрѣнія двойственность земскаго строя будетъ имѣть только ту хорошую сторону, что она можетъ облегчить возвращеніе, въ центральной Россіи, къ всесословному земству, созданному въ эпоху великихъ реформъ императора Александра II... Нѣчто аналогичное слѣдуетъ сказать и о назначеніи губернскимъ гласнымъ отъ крестьянъ, въ западномъ краѣ, прогонныхъ и суточныхъ денегъ. Сама по себѣ эта мѣра справедлива и цѣлесообразна—но сочувствовать ей вполнѣ можно будетъ только тогда, когда она будетъ распространена на всѣ земскія губерніи. Участіе крестьянъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ желательно и полезно не въ одномъ только западномъ краѣ.

Не менѣе важнымъ, чѣмъ отсутствіе уѣздныхъ земскихъ собраній, слѣдуетъ признать непримѣненіе выборнаго начала къ образованію земскихъ управъ. Правильное взаимодѣйствіе между распорядительными и исполнительными органами земства мыслимо лишь при существованіи между ними внутренней связи, коренящейся въ общности происхожденія. Увѣренность, что рѣшенія собранія будутъ исполнены именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ они постановлены, возможна только тогда, когда члены управы являются избранниками собранія, солидарными съ нимъ и передъ нимъ отвѣтственными. Отсюда, въ нормальномъ земскомъ строѣ, срочность земскихъ исполнительныхъ должностей: измѣнившемуся послѣ новыхъ выборовъ, настроенію собранія должно соотвѣтствовать измѣненіе состава управы. Назначеніе правительствомъ предсѣдателя и членовъ земской управы встрѣчается, правда, и въ центральныхъ губерніяхъ, но лишь какъ исключеніе, довольно рѣдкое — и почти всегда отзывающееся неблагопріятно на ходѣ земскаго дѣла. Возвести назначеніе на степень общаго правила, значитъ, въ сущности, обратить самоуправленіе въ управленіе, менѣе всего пригодное для завѣдыванія мѣстнымъ хозяйствомъ. Исполнительными органами земства должны быть мѣстные

землевладѣльцы, хорошо знакомые съ краемъ и прямо заинтересованные въ его благосостояніи; между тѣмъ, въ западныхъ губерніяхъ имущественный цензъ (для предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ управъ пріурочиваемый, притомъ, не къ уѣзду, а къ губерніи) предполагается признать не необходимымъ, а только желательнымъ условіемъ назначенія. Допускается, такимъ образомъ, назначеніе лицъ, совершенно чуждыхъ данной мѣстности и рѣшительно ничѣмъ не отличающихся отъ чиновниковъ, сегодня служащихъ въ Сибири, завтра—на Кавказѣ, послѣ-завтра—въ остзейскомъ краѣ или царствѣ польскомъ... Другимъ отступленіемъ отъ общихъ земскихъ порядковъ, тѣсно связаннымъ съ принципомъ назначенія и съ отсутствіемъ уѣздныхъ земскихъ собраній, является подчиненіе уѣдныхъ земскихъ управъ руководству губернской земской управы. Изъ самостоятельнаго учрежденія (насколько можетъ быть рѣчь о самостоятельности при дѣйствіи земскаго положенія 1890-го года) уѣздная земская управа превращается въ низшую инстанцію, исполняющую указанія начальства, и становится присутственнымъ мѣстомъ, въ которомъ бумагописаніе неизбѣжно должно взять верхъ надъ живымъ дѣломъ... Менѣе существенно, но все же ненормально назначеніе предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ однообразнаго содержанія, не зависящаго отъ размѣровъ земскихъ бюджетовъ. Опредѣляя цифру содержанія, земскія собранія центральныхъ губерній руководствуются, въ большей или меньшей степени, положеніемъ мѣстныхъ финансовъ. Въ глухомъ, бѣдномъ уѣздѣ предсѣдатель и члены управы почти всегда получаютъ меньше, чѣмъ въ богатомъ и густо населенномъ—и это совершенно согласно съ справедливостью, потому что въ первомъ дешевле жизнь, меньше дѣлъ у управы и меньше средствъ у населенія. Цифры содержанія, проектируемаго для земскихъ управъ западныхъ губерній (4.500 р.—предсѣдателю губернской управы, 3.000 р.—члену губ. управы, 2.000 р.—предсѣдателю уѣздной управы, 1.800 р.—члену уѣздной управы) довольно высоки, особенно послѣдняя. Въ проектѣ земскаго положенія, составленномъ въ 1887 г. гр. Д. А. Толстымъ, соотвѣтствующія цифры, кромѣ содержанія предсѣдателя уѣздной управы (или, какъ его называлъ проектъ, предсѣдателя уѣзднаго присутствія) были гораздо ниже (3.500, 2.000, 1.000 рублей)—и все-таки ихъ совокупность (1.759.000 руб.) превышала общую сумму вознагражденія, которое получали въ то время, по опредѣленію земскихъ собраній, предсѣдатели и члены земскихъ управъ (1.350.000 руб.). Правда, въ продолженіе десяти лѣтъ эта послѣдняя сумма значительно повысилась—но все же едва ли найдется много членовъ уѣздныхъ земскихъ управъ, содержаніе которыхъ доходило бы до 1.800 р. Несоразмѣрно велики и оклады губернскихъ управъ. Въ петербург-

ской губерніи, напр., выборный председатель губернской управы получаетъ до сихъ поръ только 4.200, членъ губернской управы — только 2.800 руб.

Намъ могутъ возразить, что къ земскому строю, проектируемому для западнаго края, непримѣнимы обычные критическіе пріемы. Положеніе края таково, что о земствѣ обычнаго типа здѣсь не можетъ быть и рѣчи; большимъ шагомъ впередъ будетъ здѣсь уже самый фактъ введенія земскихъ учрежденій, хотя бы и въ существенно иномъ видѣ, чѣмъ въ центральной Россіи. Въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени можно будетъ, притомъ, уничтожить различія, теперь неизбѣжныя, и уравнять западный край съ другими земскими губерніями. Согласиться съ такимъ возраженіемъ, по нашему мнѣнію, нельзя. Совершенно понятно, что въ 1864 г., когда только-что были подавлены попытки мятежа, земское положеніе не было распространено на западныя губерніи; неудивительно, пожалуй, и то, что ни въ семидесятыхъ годахъ, слишкомъ еще близкихъ къ возстанію, ни въ восьмидесятыхъ, ознаменованныхъ рядомъ контръ-реформъ, не возникалъ вопросъ о введеніи въ западномъ краѣ земскихъ учрежденій. Началомъ новой эры можно считать именной высочайшій указъ 27 марта 1897 года, которымъ отмѣненъ особый процентный сборъ съ недвижимыхъ имѣній лицъ польскаго происхожденія. Въ этомъ указѣ, вмѣстѣ съ желаніемъ „изгладить въ народной памяти слѣды преступныхъ заблужденій“, выражена надежда, что монаршее снисхожденіе „вящше побудитъ польскихъ землевладѣльцевъ къ мирному развитію своего благосостоянія подъ сѣнью россійской державы“. Именно такому развитію могло бы способствовать примѣненіе къ западному краю, въ полной мѣрѣ и полномъ объемѣ, земскаго положенія 1890 г. Чѣмъ дальше это положеніе отъ идеала самоуправленія, чѣмъ больше вліяніе, предоставляемое имъ администраціи, тѣмъ меньше, очевидно, препятствій къ распространенію его на губерніи, до сихъ поръ остававшіяся непричастными къ земской жизни. Посмотримъ, прежде всего, что̀ можно сказать, съ политической точки зрѣнія, противъ учрежденія въ западномъ краѣ уѣздныхъ земскихъ собраній. Существуетъ предположеніе, что уѣздныя земскія собранія легче губернскихъ поддаются личнымъ и партійнымъ вліяніямъ, почему и возникаетъ, мѣстами, борьба между уѣздными и губернскими собраніями. Въ западныхъ губерніяхъ такая борьба могла бы разразиться съ особенною силой, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія между уѣздами землевладѣльцевъ русской и польской національности. Мы думаемъ, что если губернскія земскія собранія и расходятся иногда—вовсе не особенно часто и не особенно рѣзко — съ уѣздными собраніями, то это объясняется не партійностью, будто бы преобладающею въ послѣднихъ,

а появленіемъ на сцену новыхъ вопросовъ, по которымъ еще не успѣла установиться демаркаціонная черта между земствами губернскимъ и уѣздными (таковъ, напримѣръ, вопросъ объ участіи губернскаго земства въ основаніи и содержаніи земскихъ училищъ). Дѣленіе на партіи здѣсь ни при чемъ: все сводится къ различному пониманію круга дѣйствій губернскаго земства. Личныя вліянія, правда, больше чувствуются въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ — но именно *личныя*, т.-е. прямо противоположныя *принципіальнымъ* или партійнымъ. Земскія *партіи*—если только можно называть этимъ громкимъ именемъ группы, создаваемыя однородностью стремленій—формируются именно въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, гдѣ этому способствуетъ и бо̀льшая широта кругозора, и болѣе общее значеніе постановляемыхъ рѣшеній. Яблокомъ раздора между земскими охранителями и земскими прогрессистами являются, сплошь и рядомъ, ходатайства передъ правительствомъ, инициатива которыхъ—если рѣчь идетъ о чемъ-нибудь бо̀льшемъ, чѣмъ такъ называемые „интересы колокольни", — почти всегда принадлежитъ губернскимъ земскимъ собраніямъ. Если признается возможнымъ учредить, въ западномъ краѣ, губернскія собранія, то еще меньше затрудненій представляло бы, поэтому, открытіе тамъ уѣздныхъ собраній, какъ необходимой составной части нормальнаго земскаго организма. Для враждебнаго столкновенія различныхъ національныхъ элементовъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ было бы гораздо меньше поводовъ, чѣмъ въ губернскихъ. Практическій, житейскій характеръ текущихъ вопросовъ, сонная атмосфера уѣзднаго города, отсутствіе большой публики—все способствовало бы мирному, спокойному теченію уѣздныхъ сессій. Привыкнувъ, при такихъ условіяхъ, къ дружной работѣ, гласные разныхъ національностей переносили бы эту привычку и въ болѣе подвижную, болѣе оживленную обстановку губернскаго города. Иное дѣло, если они встрѣтятся здѣсь въ первый разъ: шероховатости, ничѣмъ предварительно не сглаженныя, могутъ оказаться гораздо болѣе рѣзкими. При существованіи уѣздныхъ собраній губернскому собранію приходится разрѣшать дѣла, касающіяся, болѣе или менѣе, цѣлой губерніи. Это, очевидно, уменьшаетъ вѣроятность разногласія, обусловливаемаго національными стремленіями—и наоборотъ, она значительно возрастаетъ, если губернское собраніе, за отсутствіемъ уѣздныхъ, должно заниматься дѣлами отдѣльныхъ уѣздовъ. Представимъ себѣ, что въ бо̀льшей части уѣздовъ преобладаютъ землевладѣльцы-поляки, и это преобладаніе отражается и на составѣ губернскаго собранія. Если вѣдѣнію послѣдняго подлежатъ только дѣла губернскія, опасность предпочтенія уѣздовъ по преимуществу польскихъ, въ ущербъ уѣздамъ по преимуществу русскимъ, не можетъ быть особенно велика, потому что

въ основаніи рѣшеній должны лежать, за рѣдкими изъятіями, общія нормы, не поддающіяся произвольному измѣненію въ ту или другую сторону. Напротивъ того, губернскому собранію, исполняющему функціи уѣздныхъ, гораздо легче примѣнить къ различнымъ уѣздамъ различныя мѣрки, сообразуясь съ племеннымъ составомъ населенія. То же самое, mutatis mutandis, можно сказать и о губернскомъ собраніи, въ которомъ господствовали бы представители русскаго землевладѣнія. Опасны, притомъ, не только дѣйствительныя злоупотребленія, которыя, по всей вѣроятности, встрѣчались бы не часто — опасна самая ихъ возможность, подрывающая довѣріе къ собранію. При русскомъ большинствѣ обиженными считали бы себя, сплошь и рядомъ, поляки, даже когда никакой обиды на самомъ дѣлѣ не было бы; при польскомъ большинствѣ роль жалующихся принадлежала бы русскимъ, съ тою только разницей, что въ послѣднемъ случаѣ было бы больше шансовъ удовлетворенія жалобъ, хотя бы и неосновательныхъ. Вмѣсто сближенія и примиренія, явились бы, такимъ образомъ, новые поводы къ неудовольствію и раздраженію...

Противъ учрежденія уѣздныхъ земскихъ собраній можно привести еще одинъ аргументъ: затруднительность надзора за ними, въ виду отдаленности нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ мѣста пребыванія губернской администраціи. Едва ли, однако, этотъ аргументъ можетъ быть признанъ убѣдительнымъ. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ губернская администрація имѣетъ нѣсколькихъ представителей (уѣздный предводитель дворянства—въ западномъ краѣ назначаемый правительствомъ, мировой посредникъ, уѣздный исправникъ), отъ которыхъ она можетъ получать точныя и полныя свѣденія о всемъ происходящемъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи. На одномъ изъ нихъ —уѣздномъ предводителѣ—лежитъ, притомъ, отвѣтственность за дѣйствія и постановленія собранія, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ. Всѣ уѣздные города соединены съ своимъ губернскимъ городомъ телеграфными линіями, многіе — желѣзными дорогами. Сессія уѣзднаго собранія продолжается недолго; въ экстренныхъ случаяхъ губернаторъ самъ можетъ отправиться на это время въ уѣздный городъ, или послать туда довѣренное лицо. Да и что̀ можетъ предпринять уѣздное собраніе такого, что̀ требовало бы немедленныхъ мѣропріятій со стороны губернской администраціи? Скажемъ болѣе: ка̀къ вообще оно можетъ выразить свое антиправительственное или антирусское настроеніе? Расточая земскія суммы въ пользу польскаго (католическаго) населенія и забывая о русскомъ (православномъ)? Всякая подобная попытка, если ее не съумѣютъ предупредить гласные отъ сельскихъ обществъ, можетъ быть пріостановлена въ самомъ началѣ протестомъ губернской администраціи. Облагая русское населеніе зем-

скими сборами въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ польское? Этому мѣшаютъ дѣйствующія узаконенія—и еще больше будетъ мѣшать новая оцѣнка земельныхъ имуществъ (на основаніи закона 8-го іюня 1893 г.), когда она будетъ приведена къ концу. Уѣздъ — это уголокъ земли, менѣе всего удобный для тенденціозныхъ начинаній и болѣе всего благопріятный для простой, безпритязательной, будничной работы надъ развитіемъ народнаго благосостоянія; для „политики“ здѣсь рѣшительно нѣтъ мѣста... Правда, въ настоящее время земскія дѣла пріурочены въ западномъ краѣ всецѣло къ губерніямъ, безъ всякаго активнаго участія уѣздовъ; но вѣдь именно этимъ и объясняется, отчасти, крайняя неудовлетворительность мѣстнаго земскаго хозяйства. Въ новый земскій строй едва ли есть основаніе переносить одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ существующаго порядка.

Въ пользу открытія въ западномъ краѣ только губернскихъ земскихъ собраній и тѣсно связаннаго съ этимъ выбора губернскихъ гласныхъ прямо уѣздными избирательными собраніями и волостными сходами—можно привести доводъ, съ перваго взгляда не лишенный серьезнаго значенія: можно сказать, что при существованіи уѣздныхъ земскихъ собраній и при выборѣ ими, на общемъ основаніи, губернскихъ гласныхъ, въ число послѣднихъ попадутъ только одни личные землевладѣдьцы—т.-е., въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, преимущественно поляки,—и масса русскаго населенія останется почти безъ всякаго представительства въ губернскомъ собраніи. Такой результатъ и съ нашей точки зрѣнія былъ бы крайне нежелателенъ; но предупредить его весьма легко и безъ изувѣченія земскаго строя исключеніемъ изъ него уѣздныхъ земскихъ собраній. Сто̀итъ только установить (для западнаго края), чтобы въ числѣ губернскихъ гласныхъ, избираемыхъ уѣзднымъ собраніемъ, непремѣнно находились гласные отъ сельскихъ обществъ, хотя бы въ той самой пропорціи, какая проектируется теперь между обѣими категоріями выборныхъ губернскихъ гласныхъ. Цѣль этимъ путемъ была бы достигнута гораздо лучше и вѣрнѣе: гласные-крестьяне, попавшіе въ губернское земское собраніе черезъ посредство уѣзднаго, оказались бы, какъ уже объяснено нами выше, несравненно болѣе способными къ активному, самостоятельному участію въ дѣлахъ собранія, чѣмъ гласные-крестьяне, присланные туда прямо волостными сходами (или, вѣрнѣе, администраціей). Ничто̀ не мѣшало бы, далѣе, увеличить число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, а также процентное отношеніе губернскихъ гласныхъ, обязательно избираемыхъ изъ среды крестьянъ.

Не вызывается необходимостью, какъ намъ кажется, и второе существенно-важное отступленіе отъ основныхъ началъ земскаго самоуправ-

ленія—образованіе земскихъ управъ не по выбору земскихъ собраній, а по назначенію правительства. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что главная цѣль этого отступленія—недопущеніе въ составъ земскихъ управъ лицъ польскаго происхожденія, для которыхъ, за рѣдкими исключеніями, закрытъ и доступъ на государственную службу въ западномъ краѣ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, не настала ли пора отмѣнить или смягчить это послѣднее ограниченіе, мы думаемъ, что устраненіе поляковъ изъ области земской службы было бы сопряжено съ такими серьезными неудобствами, которыхъ не можетъ уравновѣсить проблематичная польза этой мѣры. Чѣмъ меньше извѣстная часть населенія принимаетъ участія въ чисто практической дѣятельности, въ служеніи государству и обществу путемъ заботы о мѣстныхъ интересахъ,—тѣмъ больше она остается склонною къ мечтамъ, находящимъ для себя пищу въ воспоминаніяхъ о прошломъ. Вынужденный досугъ усиливаетъ недовольство, въ особенности если для послѣдняго имѣются на лицо реальные поводы—а къ числу такихъ поводовъ легко можетъ присоединиться неумѣлое хозяйничанье пришлыхъ людей. Представимъ себѣ уѣздъ съ большимъ числомъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія, соединяющихъ въ себѣ всѣ условія для успѣшнаго завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ. Они пользуются довѣріемъ населенія, готовы поработать на его пользу, тяготятся невольнымъ отчужденіемъ отъ всякаго общественнаго дѣла. Русскихъ землевладѣльцевъ, способныхъ и желающихъ занять мѣсто въ земской управѣ, въ уѣздѣ, наоборотъ, очень мало или нѣтъ вовсе. Управа, вслѣдствіе этого, наполняется пришельцами, не знающими ни мѣстности, ни ея жителей, равнодушными къ ихъ благосостоянію, видящими въ земской службѣ только способъ „пристроиться", въ ожиданіи лучшаго, и вносящими въ земское дѣло рутину единственнаго знакомаго имъ, канцелярскаго труда (что между „обрусителями" западнаго края всегда было много людей такого типа—это всѣмъ извѣстно). Не ясно ли, что введеніе, при такихъ условіяхъ, земскихъ учрежденій не только ничего не измѣнитъ къ лучшему, но создастъ новые источники племенной вражды и взаимнаго недовѣрія? Съ другой стороны, какой вредъ могли бы принести, даже при желаніи, поляки, избранные въ предсѣдатели или члены земскихъ управъ? Не говоря уже о принадлежащемъ администраціи во всѣхъ земскихъ губерніяхъ правѣ утвержденія—или неутвержденія—избранныхъ на земскія должности, что̀ антиправительственнаго можетъ предпринять управа, состоящая подъ бдительнымъ административнымъ надзоромъ? Какимъ образомъ она можетъ окружить себя неподходящими, съ административной точки зрѣнія, людьми, развѣ что на каждый ея выборъ можетъ быть наложено администраціей ничѣмъ не мотивированное, безапелляціонное veto? Мыслимо ли, въ

виду этого, обращеніе земскихъ школъ, больницъ, страховыхъ агентуръ, техническихъ бюро въ очаги политической агитаціи или хотя бы въ средоточія специфически-польскихъ тенденцій? Національное чувство не нуждается въ такихъ внѣшнихъ точкахъ опоры; оно держится и даже растетъ среди всевозможныхъ ограниченій и стѣсненій.

Все сказанное нами до сихъ поръ сохраняетъ свою силу и въ такомъ случаѣ, еслибы проектируемому для западнаго края земскому строю былъ данъ характеръ временной мѣры. Навсегда не пишется и не издается ни одинъ законъ; рано или поздно наступаютъ обстоятельства, неизбѣжно вызывающія его измѣненіе или отмѣну. Различіе между постановленіями постоянными и временными имѣетъ смыслъ только тогда, когда дѣйствіе послѣднихъ съ самаго начала ограничено срокомъ короткимъ и опредѣленнымъ: въ противномъ случаѣ мѣра, временная по имени, легко можетъ оказаться длящеюся—usque ad infinitum. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, стоитъ только припомнить дѣйствующія у насъ правила о печати: временными называются не только тѣ изъ нихъ, которыя изданы въ 1882 г., т.-е. шестнадцать лѣтъ тому назадъ, но и тѣ, которыя уцѣлѣли изъ закона 6-го апрѣля 1865 г.!.. Въ такой области общественной жизни, какъ земское самоуправленіе, временной законъ тѣмъ скорѣе можетъ, de facto, обратиться въ постоянный, что дѣйствіе его создастъ новыя комбинаціи условій, не легко поддающіяся измѣненію. Крѣпко будутъ держаться за свои позиціи пришлые предсѣдатели и члены управъ, зная, что ихъ власти придетъ конецъ съ распространеніемъ на западный край общеземскихъ порядковъ; противодѣйствовать коренной реформѣ будутъ и тѣ изъ мѣстныхъ русскихъ землевладѣльцевъ, которымъ выгодно отстраненіе поляковъ отъ состязанія съ ними на поприщѣ земской службы,—и тѣ администраторы, которые видятъ въ правѣ назначенія на земскія должности желанное расширеніе своей власти. Вокругъ новыхъ учрежденій образуется, такимъ образомъ, цѣлая армія „охранителей“; дальнѣйшій шагъ впередъ окажется значительно затрудненнымъ, тѣмъ болѣе, что введеніе земскихъ учрежденій, хотя бы и въ искалѣченномъ видѣ, положитъ конецъ самымъ вопіющимъ недостаткамъ нынѣшняго порядка и водворитъ въ западномъ краѣ нѣкоторое подобіе земскаго благоустройства... Еслибы насъ спросили, что̀ болѣе желательно—немедленное введеніе въ западномъ краѣ земскихъ учрежденій, съ тѣми отступленіями отъ общеземскаго строя, которыя указаны нами выше, или отсрочка земской реформы на нѣсколько лѣтъ, но затѣмъ осуществленіе ея въ полномъ объемѣ,—мы высказались бы за послѣднее изъ этихъ двухъ рѣшеній.

Какая бы ни была дальнѣйшая судьба разобраннаго нами проекта,

въ одномъ отношеніи онъ долженъ быть признанъ безусловно благопріятнымъ для земства: онъ удостовѣряетъ, что въ глазахъ министерства внутреннихъ дѣлъ земское самоуправленіе имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ до-реформеннымъ, бюрократическимъ строемъ мѣстнаго хозяйства. Доказать противное реакціонная пресса въ последнее время старалась чаще и усерднѣе, чѣмъ когда-либо. Игнорируя или искажая общеизвѣстные факты, она утверждала, что въ не-земскихъ губерніяхъ земское хозяйство не только обходится дешевле, но и ведется лучше, чѣмъ въ земскихъ. Къ иному выводу пришло, очевидно, министерство внутреннихъ дѣлъ, если оно высказалось, въ принципѣ, за распространеніе на западный край земскаго положенія 1890 г. Отступленія отъ этого положенія проектированы министерствомъ не потому, чтобы они составляли, сами по себѣ, перемѣну къ лучшему, а только потому, что они представляются ему нужными *въ настоящую минуту.* Положеніе учебной, медицинской, страховой, пожарной, почтовой части, насколько все это входитъ въ сферу земскаго хозяйства, оффиціально признано болѣе удовлетворительнымъ въ земскихъ губерніяхъ. Что здѣсь гораздо выше процентъ врачей, больницъ (общихъ и спеціальныхъ), богаделенъ, сиротскихъ домовъ, гораздо лучше организація врачебной помощи, гораздо шире достигаемые ею результаты [1]—это, авось, перестанетъ теперь быть предметомъ спора; не будутъ отрицать и того, что въ области попеченія о земледѣліи и промышленности отличительная черта земскихъ губерній—предпріимчивость и прогрессъ, не-земскихъ—апатія и застой. При сравненіи земскихъ бюджетовъ въ губерніяхъ земскихъ и не-земскихъ не будетъ болѣе упускаема изъ виду стоимость такихъ повинностей (напр. дорожной и подводной), которыя въ губерніяхъ не-земскихъ сохранили характеръ натуральныхъ, а въ земскихъ бòльшею частью переложены на деньги. У систематическихъ враговъ самоуправленія будутъ отняты, такимъ образомъ, особенно излюбленные ими способы борьбы противъ земскихъ учрежденій.

Область недорода хлѣбовъ оказалась въ нынѣшнемъ году менѣе обширной, чѣмъ въ прошломъ, но самый недородъ—болѣе полнымъ и интенсивнымъ. По свѣденіямъ министерства финансовъ, въ прошломъ году, ни въ одной губерніи не было сбора ниже 22 пудовъ съ десятины; въ текущемъ году онъ составляетъ въ уфимской губерніи

[1]) Приведемъ по этому поводу только одну цифру, съ которою намъ до сихъ поръ не приходилось встрѣчаться: въ девяти земскихъ губерніяхъ число сифилитиковъ, обращающихся къ врачамъ, въ семь разъ больше, чѣмъ въ девяти западныхъ губерніяхъ, между тѣмъ какъ распространеніе сифилиса въ тѣхъ и другихъ, судя по числу новобранцевъ-сифилитиковъ, почти одинаково.

—19, въ симбирской 17, въ самарской и казанской—по 13 пудовъ, въ отдѣльныхъ уѣздахъ падая еще ниже. Одинаково слабо уродились, во многихъ мѣстахъ, и озимые хлѣба, и яровые, и травы; въ саратовской губерніи—неурожай на подсолнуху, очень важную для крестьянъ какъ предметъ сбыта; въ симбирской губерніи нѣтъ даже лебеды, служившей подспорьемъ для голодающихъ въ 1891-92 г. Помощь пострадавшему населенію оказывается скорѣе и шире, чѣмъ въ прошломъ году; поѣздка министра внутреннихъ дѣлъ въ приволжскія губерніи послужила нагляднымъ доказательствомъ тому, что серьезность бѣдствія признана центральной администраціей. Рѣшено, какъ извѣстно, принять мѣры и къ поддержкѣ рабочаго скота, о чемъ безуспѣшно ходатайствовали, годъ тому назадъ, нѣкоторыя земства. Своевременно принялось за дѣло помощи голодающимъ и общество Краснаго Креста, въ прошломъ году не выступавшее на сцену до конца марта. Гораздо меньше, чѣмъ въ 1891-92 и 1892-93 гг., слышно только о самостоятельной организаціи частной помощи. Дѣлаются, конечно, попытки привлечь вниманіе общества къ тѣмъ или другимъ особенно пострадавшимъ пунктамъ—но въ какой степени онѣ удаются, сказать трудно. Починъ этихъ попытокъ часто принадлежитъ тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвовали въ „кампаніи“ 1891-92 г. Въ чистопольскомъ уѣздѣ (казанской губ.) дѣйствуетъ, напримѣръ, госпожа Булыгина, въ корсунскомъ уѣздѣ (симбирской губ.)—госпожа Сѣрова (письма ихъ обѣихъ напечатаны въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“; газета кн. Ухтомскаго удерживаетъ свое мѣсто въ первомъ ряду тѣхъ органовъ печати, для которыхъ народная нужда важнѣе чѣмъ дѣло Дрейфуса или вопросъ о Фашодѣ. Семь лѣтъ тому назадъ, госпожа Булыгина могла, благодаря стекавшимся къ ней пожертвованіямъ, прокормить, съ октября по іюнь, цѣлую волость. Нынѣшній годъ, по ея словамъ, еще ужаснѣе: не только нѣтъ хлѣба, но нѣтъ ни картофеля, ни капусты, ни гороха, ни другихъ овощей, которыми привыкли питаться крестьяне; голодаетъ и скотина, за неимѣніемъ соломы. Работъ нѣтъ никакихъ, и работникамъ, не получающимъ продовольственной ссуды, остается умирать съ голоду. Между тѣмъ, пожертвованій поступило къ госпожѣ Булыгиной только 125 руб. (около 48 руб. отъ неизвѣстнаго, черезъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, и 74 руб. отъ Вольнаго Экономическаго Общества). Устроить столовыя въ той мѣстности, гдѣ она живетъ, невозможно, за неимѣніемъ крупъ и овощей; она желала бы, по крайней мѣрѣ, открыть пекарни, для надѣленія хлѣбомъ неполучающихъ ссуды [1]). Какими средствами для помощи нуждающимся располагаетъ госпожа Сѣрова—этого изъ ея письма не видно;

[1]) Адресъ О. Н. Булыгиной—с. Красный Яръ, чистопольскаго уѣзда.

но она даетъ чрезвычайно интересную картину деревни, типичной, повидимому, для цѣлаго края. Настроеніе крестьянъ, сравнительно съ 1891 г., отличается крайнимъ упадкомъ духа—а потребности деревни нѣсколько увеличились, вслѣдствіе развитія грамотности и лучшаго пониманія требованій гигіены, такъ что сознаніе нужды еще тягостнѣе, чѣмъ прежде. „Въ 1891 г.,—говоритъ госпожа Сѣрова,—функціонировало сельское попечительство, понаѣхало въ деревню много свѣжаго, бодраго люда, съ нервами, еще не притупленными лицезрѣніемъ вѣчнаго бѣдствія: живо была оказана помощь, и народъ пережилъ грозу". Повторится ли то же самое въ нынѣшнемъ году—покажетъ время; покамѣсть признаковъ оживленія еще слишкомъ мало... Особенно ужасна во время голодовокъ судьба дѣтей, остающихся безъ молока, вслѣдствіе распродажи коровъ или крайне скуднаго ихъ питанія [1]). Невольно вспоминаешь, при этомъ, что въ 1891—92 г. петербургскій комитетъ грамотности образовалъ коммиссію спеціально для устройства школьныхъ столовыхъ, работавшую весьма энергично и успѣшно. Предпринимаетъ ли что-либо подобное преемникъ комитета грамотности, т.-е. общество грамотности—объ этомъ ничего не слышно. А между тѣмъ,—въ такую минуту, какъ переживаемая нами теперь, важна каждая активная сила, важно каждое учрежденіе, привыкшее къ самодѣятельности и не ждущее приказа, чтобы принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Нельзя отталкивать ничьей руки, протягиваемой для помощи народу; нельзя затруднять обществамъ и частнымъ лицамъ заботу о голодающихъ. Бѣдствіе такъ велико, что всѣмъ найдется дѣло. Прочитавъ письмо госпожи Булыгиной, мы пожалѣли еще разъ, что не дѣйствуетъ больше комитетъ для сбора пожертвованій, существовавшій весною и въ началѣ лѣта при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Еслибы онъ продолжалъ свою работу, въ чистопольскомъ уѣздѣ давно, быть можетъ, появились бы пекарни, о которыхъ пишетъ госпожа Булыгина... До крайности странно, что до сихъ поръ приходится еще доказывать пользу участковыхъ попечительствъ, въ качествѣ органовъ помощи голодающимъ (какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, „Пермскія Губернскія Вѣдомости"). Неужели опытъ послѣднихъ восьми лѣтъ не доказалъ еще съ достаточною ясностью, что вполнѣ успѣшно борьба съ послѣдствіями неурожая можетъ быть ведена только на мѣстахъ, съ предоставленіемъ широкаго простора общественной и личной иниціативѣ?!...

---

[1]) См. въ № 45 „Недѣли" письмо г. Пругавина изъ Самары, озаглавленное: „Начало голода".

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1898.

Воинственное настроеніе въ Англіи.—Рѣчи лорда Сольсбери и Чамберлэна.—Внутреннія противорѣчія въ теоріи „миролюбивыхъ вооруженій".—Новѣйшіе факты: очищеніе Крита отъ турецкихъ войскъ, мирный раздѣлъ Африки и части Китая.—Вильгельмъ II на Востокѣ.

Послѣднія рѣчи англійскихъ министровъ подтверждаютъ тотъ фактъ, что Англія серьезно готовилась къ войнѣ съ Франціею изъ-за спора о Фашодѣ и о верховьяхъ Нила. Воинственный духъ, какъ будто, овладѣлъ англичанами послѣ блестящаго окончанія англо-египетской кампаніи въ Суданѣ; побѣдитель при Омдурманѣ, „сирдаръ" Китченеръ, сдѣлался героемъ дня, и прибытіе его въ Лондонъ подало поводъ къ цѣлому ряду торжествъ, въ которыхъ участвовали представители всѣхъ партій. Корпорація лондонскаго Сити оффиціально привѣтствовала его дважды, въ одинъ и тотъ же день, 4-го ноября: утромъ ему поднесли званіе почетнаго гражданина столицы и почетную шпагу, а вечеромъ его чествовали банкетомъ въ резиденціи лорда-мэра, въ собраніи выдающихся дѣятелей парламента и правительства. Однимъ изъ первыхъ ораторовъ на этомъ банкетѣ былъ бывшій либеральный премьеръ, лордъ Розбери, который въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ говорилъ о великихъ заслугахъ Китченера. Его военныя дѣйствія, по словамъ Розбери, „украсили новымъ блескомъ даже безсмертную славу британской арміи и привели къ уплатѣ долга, который въ теченіе 13 лѣтъ лежалъ на совѣсти и сердцѣ каждаго англичанина; вмѣстѣ съ тѣмъ они устранили кровавую и варварскую тираннію", составлявшую позоръ для человѣчества. Лордъ Сольсбери, предложившій тостъ за „здоровье сирдара", указалъ на общій энтузіазмъ, съ какимъ англичане слѣдили за подвигами этого „великаго солдата", и напомнилъ, между прочимъ, объ его драгоцѣнныхъ качествахъ дипломата и финансиста: Китченеръ необыкновенно разсчетливъ въ употребленіи государственныхъ средствъ, и по отзыву такого компетентнаго цѣнителя, какъ лордъ Кромеръ (Бэрингъ), „онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ канцлеровъ казначейства, если бы не былъ однимъ изъ первыхъ генераловъ въ мірѣ". Сирдаръ—„единственный генералъ, совершившій кампанію съ гораздо меньшими затратами, чѣмъ предполагалось"; онъ истратилъ на 300 тысячъ фунтовъ стерлинговъ меньше, чѣмъ назна-

чено было по смѣтѣ. Лордъ Сольсбери хвалилъ также дипломатическое искусство, обнаруженное Китченеромъ въ щекотливомъ столкновеніи съ начальникомъ французской экспедиціи, майоромъ Маршаномъ, и по этому поводу премьеръ сообщилъ слушателямъ пріятную новость, полученную имъ отъ французскаго посла утромъ того же дня,—что Франція отказалась отъ дальнѣйшаго занятія Фашоды. „Я не скажу,—продолжалъ лордъ Сольсбери,—что этимъ устранены всѣ поводы къ разногласіямъ между нами и французскимъ правительствомъ; но причина спора, имѣвшаго отчасти острый и опасный характеръ, устранена, и мы можемъ только радоваться этому".

Нѣсколько дней спустя, 9 ноября, на банкетѣ въ Гильдголлѣ, по случаю вступленія въ должность новаго лорда-мэра, британскій премьеръ выразился еще яснѣе. „Мы недавно должны были обсуждать вопросъ объ европейской войнѣ, хотя и не въ смыслѣ очень близкой опасности, но во всякомъ случаѣ съ большою тревогою. Въ результатѣ все обошлось благополучно. Былъ моментъ, когда казалось, что будетъ иначе; но благоразуміе и здравый смыслъ, проявленные французскимъ правительствомъ въ этихъ необыкновенно трудныхъ обстоятельствахъ, избавили Европу отъ крайне опасной и грозной бури. Пока дѣла находились еще въ неопредѣленномъ положеніи, печать по обѣимъ сторонамъ Канала заставляла публику думать, что война, быть можетъ, ближе, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ. Правительство вынуждено было принять мѣры предосторожности, чтобы событія не застигли насъ врасплохъ, еслибы опасность внезапно предстала предъ нами. Эти мѣры предосторожности приняты были съ большою быстротою и съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Необходимость такихъ мѣръ—или непосредственная необходимость—теперь миновала, и многіе удивляются, что эти приготовленія не тотчасъ прекратились. Но нельзя въ данный моментъ остановить всѣ предохранительныя мѣры, внушенныя возможною опасностью, и если эти предосторожности не остановлены немедленно, то это еще не значитъ, что чувства, которыми онѣ первоначально были вызваны, сохраняютъ свою силу".

Лордъ Сольсбери вообще не раздѣляетъ вѣры въ осуществимость идеи разоруженія; онъ глубоко сочувствуетъ русскому проекту, но считаетъ пока обязанностью правительства обращать вниманіе на окружающія опасности и заботиться о необходимыхъ мѣрахъ для предотвращенія ихъ. „Великое предложеніе Россіи, которое составитъ эпоху въ жизни людей", сдѣлано при неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ: „впервые могущественная сила американской республики введена въ кругъ націй, владычество которыхъ распространяется, и орудіемъ которыхъ служитъ въ извѣстной степени война". „Я не имѣю въ виду ни малѣйшаго порицанія,—прибавилъ лордъ Сольсбери,—и не отказываю

въ симпатіи американской республикѣ въ ея трудныхъ задачахъ: но никто не станетъ отрицать, что появленіе ея въ ряду факторовъ азіатской и, быть можетъ, европейской дипломатіи есть важное и серьезное событіе, которое едва-ли приведетъ къ интересамъ мира, хотя, по всей вѣроятности, будетъ соотвѣтствовать интересамъ Великобританіи. Но что̀ особенно заставляетъ насъ быть на-сторожѣ,—это то, что матеріалы и поводы для войны страшно выступаютъ со всѣхъ сторонъ. Мы видимъ націи, клонящіяся къ упадку и которыхъ правительства столь плохи, что не могутъ ни поддерживать власть самозащитою, ни обезпечить себѣ сочувствіе своихъ подданныхъ. Мы видимъ это съ разныхъ сторонъ, и мы видимъ также, что когда появляется такой феноменъ, всегда находятся сосѣди, которые по тѣмъ или другимъ побужденіямъ—изъ высшей ли филантропіи, или вслѣдствіе естественнаго желанія власти—расположены вступать между собою въ споры о томъ, кто будетъ наслѣдникомъ націи, падающей съ своего стараго мѣста. И это есть причина войны. Еще болѣе серьезны соображенія, вытекающія изъ недавнихъ событій; они показываютъ, что эти войны обрушиваются съ полною неожиданностью и съ ужасающей быстротою. Военныя тучи поднимаются на горизонтѣ внезапно, не поддаваясь никакимъ разсчетамъ, и черезъ мѣсяцъ или два послѣ перваго предостереженія можно уже очутиться лицомъ къ лицу съ перспективою войны, въ которой поставлено на карту самое существованіе государства. Вспомнимъ, что мы—великая колоніальная и морская держава. Было нѣсколько великихъ морскихъ и колоніальныхъ державъ, четыре или пять, но всѣ онѣ пали, потому что имѣли сухопутную границу, черезъ которую могли перейти враги и напасть на ихъ столицу. Мы не имѣемъ такой сухопутной границы, но если мы когда-либо допустимъ упадокъ нашей морской обороны до такого состоянія, что перейти въ наши предѣлы моремъ будетъ столь же легко, какъ перешагнуть сухопутную границу, то наша великая имперія, простирающаяся по всѣмъ частямъ земного шара и повсюду охраняемая морскою силою, разрушится до основанія при первомъ ударѣ, нанесенномъ столицѣ Англіи. Все наше существованіе, не только все благополучіе, но и весь механизмъ, которымъ питаются и поддерживаются наши милліоны населенія,—зависятъ отъ нашей способности защищать наши берега отъ нападенія, а эта способность зависитъ отъ власти располагать въ каждый данный моментъ далеко болѣе значительными морскими силами, чѣмъ какія могутъ быть выставлены противъ насъ противниками. Если вы подумаете объ этомъ, то увидите, почему мы не можемъ допустить пріостановки нашихъ морскихъ и военныхъ приготовленій при современномъ состояніи и настроеніи міра. Морскія и военныя силы должны быть

всегда на-готовѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, что мы замышляемъ великія и опасныя предпріятія, или что мы одушевлены страстью къ завоеваніямъ или любовью къ войнѣ. Кромѣ небольшого и невліятельнаго меньшинства, едва-ли кто-либо въ Англіи относится къ войнѣ иначе, чѣмъ съ чувствомъ ужаса. Но и они (не одобряющіе войны въ принципѣ) готовы исполнить свой долгъ; они проникнуты рѣшимостью сохранить честь, ввѣренную ихъ защитѣ, и передать потомкамъ полученную отъ отцовъ имперію въ нетронутомъ и неуменьшенномъ видѣ. Поступая такъ, они неповинны въ жаждѣ войны и не подвергаютъ себя упреку въ измѣнѣ громко провозглашеннымъ принципамъ мира. Напротивъ, они поддерживаютъ, охраняютъ и даютъ единственную вѣрную опору тому миру, который составляетъ славу и основу нашей имперіи".

Заявленія лорда Сольсбери дополняются любопытными комментаріями министра колоній, Чамберлэна. Въ двухъ рѣчахъ о внѣшней политикѣ, произнесенныхъ имъ 15 и 16 ноября въ Манчестерѣ, Чамберлэнъ входитъ въ подробности, которыхъ не касался премьеръ; онъ говоритъ въ томъ же духѣ, но съ большею откровенностью, безъ обычныхъ дипломатическихъ умолчаній и оговорокъ. Чамберлэнъ не стѣсняется обвинять Францію въ постоянныхъ посягательствахъ на интересы и спокойствіе Англіи въ разныхъ частяхъ свѣта. „Фашода —только символъ, и французское занятіе этого пункта потому и взволновало англичанъ, что оно было заключительнымъ звеномъ цѣлаго ряда дѣйствій, несогласныхъ съ дружественными и сосѣдскими отношеніями. Уступчивость и миролюбіе британскихъ правительствъ принимались за малодушіе и страхъ, и мало-по-малу утвердился взглядъ, что государственные люди Англіи всегда уступятъ при надлежащемъ давленіи извнѣ. Это—весьма крупное недоразумѣніе, зависящее отъ полнаго непониманія британскаго характера,—и въ интересахъ мира, для котораго эта идея чрезвычайно опасна, надо желать, чтобы отъ нея отказались иностранные кабинеты. Если инцидентъ съ Фашодой обезпечилъ намъ только этотъ результатъ, то онъ долженъ быть признанъ благодѣтельнымъ. Въ то же время онъ показалъ, съ какимъ единодушіемъ британскій народъ можетъ идти на встрѣчу серьезнымъ событіямъ, и съ какимъ спокойствіемъ и довѣріемъ онъ можетъ готовиться къ отраженію грозящей опасности"... Чамберлэнъ отдаетъ справедливость вождямъ оппозиціи, которые дѣйствовали безусловно за-одно съ правительствомъ въ этомъ „трудномъ и даже опасномъ кризисѣ". „Облегченіемъ отъ острой напряженности и отчасти непосредственной опасности — замѣтилъ министръ колоній — мы обязаны настолько же этому зрѣлищу абсолютно единодушнаго народа, сколько и тѣмъ военнымъ и морскимъ приготовленіямъ, о которыхъ иностран-

ная печать такъ много говоритъ и такъ мало знаетъ"... Соглашеніе съ Россіею въ дѣлахъ дальняго Востока кажется британскому министру практически безполезнымъ и мало надежнымъ; онъ предпочитаетъ опираться на тѣсную дружбу и солидарность съ Японіею, Германіею и особенно Соединенными Штатами. Но отъ дружбы и солидарности далеко еще до формальнаго союза. „Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Англія нуждается въ союзѣ для своей собственной безопасности или для того, чтобы другія державы таскали для нея каштаны изъ огня. Нѣтъ, мы можемъ стоять сами за себя, а если мы вступимъ въ союзъ, то мы будемъ столько же давать, сколько получать. Пока дѣло идетъ о нашей собственной чести и о нашихъ собственныхъ владѣніяхъ, намъ не потребуется никакой посторонней помощи, и британская имперія въ своей блестящей изолированности будетъ вполнѣ въ состояніи заботиться о себѣ". Только въ вопросахъ общаго интереса возможны совмѣстныя дѣйствія съ другими державами, и въ этомъ смыслѣ, по словамъ Чамберлэна, „соединеніе двухъ великихъ родственныхъ народовъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ, было бы комбинаціею, для которой не были бы страшны никакіе другіе союзы; это была бы гарантія для спокойствія и цивилизаціи міра".

Англичане готовились къ войнѣ съ Франціею изъ-за пустынной африканской мѣстности, занятой горстью французовъ, и англійскіе министры громко заявляютъ объ этомъ, какъ о великой патріотической заслугѣ; они собирались поднять кровавую грозу, послѣдствія которой были бы неисчислимы. Между тѣмъ эти же государственные дѣятели считаютъ себя представителями и защитниками великихъ интересовъ общаго мира; они говорятъ прямо, что огромное большинство націи относится къ войнѣ не иначе какъ съ ужасомъ. Если судить по приподнятому тону англійскихъ политическихъ рѣчей и газетъ во время спора о Фашодѣ, то надо думать, что Англія—самая воинственная страна въ Европѣ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ мірѣ, особенно въ области человѣческихъ отношеній; но трудно даже представить себѣ, чтобы въ концѣ нашего вѣка неожиданно возгорѣлась борьба между Англіею и Франціею. Всякія столкновенія и катастрофы ожидались и предсказывались къ концу столѣтія; чаще всего имѣлись въ виду войны между Германіею и Россіею, между Франціею и Германіею, или между двумя континентальными коалиціями, наконецъ между Россіею и Англіею изъ-за Индіи и дальняго Востока,—но мысль объ англо-французской войнѣ была внѣ воинственныхъ соображеній и пророчествъ.

Оффиціальный руководитель англійской внѣшней политики, лордъ Сольсбери, краснорѣчиво изобразилъ внезапное наступленіе этой опасности, какъ будто онъ и его товарищи по кабинету были въ данномъ

случаѣ орудіями слѣпого рока. Англія, завоевавшая обратно Суданъ для Египта, имѣла, быть можетъ, законное право требовать удаленія французовъ изъ занятаго ими пункта въ долинѣ верхняго Нила, и всѣ искусственные аргументы французской дипломатіи уничтожались тѣмъ голымъ фактомъ, что французы не могли тамъ вовсе держаться безъ англійской помощи, и что подошедшія къ нимъ англо-египетскія войска генерала Китченера спасли ихъ не только отъ истребленія, но и отъ голода. Китченеръ явился туда, какъ покоритель цѣлаго края, послѣ разгрома полчищъ дервишей при Омдурманѣ; и очутившійся въ этомъ краѣ маленькій французскій отрядъ могъ только радоваться столь своевременному прибытію англичанъ. О серьезномъ правѣ оккупаціи не могло быть и рѣчи со стороны майора Маршана, при его положеніи; а занятіе маленькаго мѣстечка французами не исключало власти англичанъ надъ цѣлою областью и въ томъ числѣ и надъ Фашодою. Китченеръ дѣйствовалъ, какъ главнокомандующій въ военное время, и онъ даже не обязанъ былъ вступать въ дипломатическія пререканія съ иностранцами, найденными имъ въ очищенной отъ непріятеля территоріи; онъ могъ просто предложить французамъ подчиниться его распоряженіямъ или же удалиться, а впослѣдствіи лондонскій кабинетъ легко загладилъ бы эту военную невѣжливость обычными дипломатическими объясненіями. При нѣкоторой искренности и прямотѣ, инцидентъ съ самаго начала не представлялъ бы ничего опаснаго; споръ разрѣшался уже фактическимъ военнымъ господствомъ англичанъ въ предѣлахъ спорной мѣстности, и французы, конечно, не стали бы посылать войска въ Суданъ, къ верховьямъ Нила, противъ англо-египетской арміи. Какимъ же образомъ и откуда грозила Европѣ перспектива англо-французской войны? Мыслимо ли допустить, что французы вдругъ забудутъ о Германіи и о своихъ открытыхъ сухопутныхъ границахъ, и займутся безцѣльною борьбою съ Англіею изъ-за какихъ-то оазисовъ южнаго Египта? Едва ли кто-нибудь въ Англіи вѣрилъ въ возможность французскаго нападенія; если же французы не могли угрожать англичанамъ войною, то опасность, о которой говорили британскіе министры, зависѣла, очевидно, только отъ нихъ самихъ или была лишь условною фикціею. Британскіе патріоты и государственные дѣятели, повидимому, разсуждали такъ: мы потребовали очищенія Фашоды, наше требованіе не исполняется добровольно, а уступить или сдѣлать шагъ назадъ мы не можемъ; слѣдовательно, придется употребить силу, а употребленіе силы означаетъ войну; поэтому необходимы быстрыя военныя приготовленія, чтобы пойти на встрѣчу внезапно возникшей опасности. Есть нѣчто роковое въ такой цѣпи выводовъ и дѣйствій; катастрофа приближается сама собою,

послѣ того какъ сказано первое слово, отъ котораго нельзя отречься. Въ результатѣ вышло бы нѣчто ужасное—колоссальная борьба двухъ культурныхъ націй, изъ которыхъ ни одна не желаетъ воевать съ другою,—которыя связаны между собою сильнѣйшими жизненными экономическими интересами и дѣлами и имѣютъ всевозможные мотивы къ поддержанію хорошихъ взаимныхъ отношеній, по свидѣтельству самихъ британскихъ министровъ и патріотовъ. И хуже всего то, что устроители подобной войны смотрѣли бы на нее какъ на приговоръ судьбы, и заботились бы только объ одномъ — о нанесеніи возможно болѣе сильныхъ и жестокихъ ударовъ, для скорѣйшаго принужденія противниковъ къ заключенію мира. Теперь лордъ Сольсбери и Чамберлэнъ сочувственно отзываются о благоразуміи французскаго правительства, предупредившаго великое бѣдствіе; но не странно ли хвалить чужое благоразуміе за то, что оно помѣшало намъ сдѣлать отчаянный шагъ? Весь вопросъ могъ быть поставленъ иначе: Англія предупреждаетъ Францію, что вынуждена будетъ удалить Маршана изъ территоріи, занятой англо-египетскими войсками, и это рѣшеніе, обставленное самыми дружественными увѣреніями, ни въ какомъ случаѣ не могло бы побудить французовъ предпринять что-либо противъ Англіи. О войнѣ изъ-за такого факта странно было бы и говорить. Подобно тому какъ Маршанъ не сопротивлялся и не могъ сопротивляться поднятію египетскаго флага въ Фашодѣ, точно такъ же онъ долженъ былъ бы исполнить и просьбу о своемъ удаленіи; нашлись бы тысячи оправданій для совершившагося насилія, и споръ о верховьяхъ Нила никогда не вышелъ бы за предѣлы мѣстнаго и второстепеннаго конфликта. Не прибѣгая къ поспѣшнымъ вооруженіямъ и довольствуясь лишь фактическимъ осуществленіемъ своихъ требованій на мѣстѣ, Англія достигла бы своей цѣли безъ явной обиды для національнаго чувства Франціи. Военныя приготовленія, имѣющія характеръ угрозы, всегда оскорбляютъ противника и дѣлаютъ для него уступчивость крайне трудною, несовмѣстимою съ правилами чести; уступка, которая, безъ этого, далась бы легко и не оставила бы послѣ себя никакого горькаго чувства, является уже униженіемъ національнаго достоинства, когда она вызвана угрожающими рѣчами и дѣйствіями противной стороны. Вотъ почему вооруженія, предназначенныя къ тому, чтобы побудить оппонентовъ къ миролюбію, чаще всего приводятъ къ войнѣ, ибо нельзя безнаказанно подвергать сомнѣнію мужество даже слабѣйшей націи и задѣвать чувствительныя струны чужого патріотизма. Система вооруженій для устрашающаго воздѣйствія на противниковъ не согласуется съ человѣческою психологіею и съ историческимъ опытомъ, по крайней мѣрѣ среди современныхъ культурныхъ народовъ; эта система есть въ

сущности рутина, полная внутреннихъ противорѣчій, и печально видѣть, что на нее до сихъ опираются дипломаты и правители даже въ области взаимныхъ отношеній такихъ державъ, какъ Франція и Англія. Ни французы, ни англичане, не поддаются чувствамъ страха, когда затронуты вопросы національной чести, и со стороны Англіи было не только безцѣльно, но и рискованно пугать французовъ оружіемъ и войною.

Замѣчанія лорда Сольсбери о многочисленныхъ поводахъ къ войнѣ между государствами и приводимые имъ по этому случаю примѣры наглядно опровергаются нѣкоторыми новѣйшими фактами, имѣющими значеніе уроковъ для будущаго. Раздѣлъ Африки между главными европейскими націями совершился и совершается безъ войны; раздѣлъ прибрежныхъ областей и портовъ Китая обходится пока также мирными способами; наконецъ, недавнее окончательное очищеніе Крита отъ турецкихъ войскъ достигнуто безъ помощи военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Вопреки мнѣнію британскаго премьера, кровавыя распри не возникли даже при дѣлежѣ цѣлаго африканскаго материка между европейскими державами; крупные захваты въ Китаѣ не нарушали общаго мира, хотя отдѣльныя націи могли быть недовольны распредѣленіемъ добычи; точно такъ же нельзя отрицать возможности мирной развязки всего восточно-турецкаго вопроса. Мы остаемся при высказанномъ нами взглядѣ, что и судьба Кубы могла бы быть устроена Соединенными Штатами безъ формальной войны съ Испаніею,—подобно тому, какъ и Кандія избавлена наконецъ отъ турецкаго гнета путемъ твердаго международнаго соглашенія. Любопытно, что злосчастный критскій вопросъ, съ которымъ дипломатія возилась безуспѣшно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и который въ ея рукахъ обратился въ оружіе противъ Греціи, окончился благополучно лишь послѣ того, какъ перешелъ въ распоряженіе адмираловъ, не связанныхъ дипломатическою рутиною. Адмиралы, дѣйствующіе у береговъ Кандіи, легко осуществили на практикѣ тотъ „европейскій концертъ", который долго былъ предметомъ насмѣшекъ и оставался для дипломатовъ только безсодержательною фикціею; а когда согласіе превратилось изъ мнимаго и условнаго въ реальное и дѣйствительное, то положеніе сразу измѣнилось кореннымъ образомъ. Лордъ Сольсбери въ своей гильдголльской рѣчи, упомянувъ объ этой перемѣнѣ въ дѣлахъ Крита, высказалъ оригинальную мысль, что „если бы всѣ кабинеты уволены были въ отставку и на мѣсто каждаго изъ нихъ назначили бы адмирала, то дѣла въ Европѣ пошли бы лучше, чѣмъ теперь". Это юмористическое замѣчаніе представляетъ собою самую ядовитую оцѣнку традиціонныхъ правилъ и пріемовъ европейской дипломатіи, блестящимъ представителемъ которой служитъ нынѣшній британскій премьеръ.

———

Первая военная держава въ Европѣ, Германія, давно уже стоитъ въ сторонѣ отъ всякихъ воинственныхъ плановъ и увлеченій; она подаетъ англичанамъ примѣръ дѣйствительнаго миролюбія и весьма сдержанно относится къ частымъ намекамъ англійскихъ государственныхъ людей на желательность болѣе тѣснаго сближенія или союза между родственными націями, британскою и нѣмецкою. Германія отлично устраиваетъ свои дѣла и соблюдаетъ свои интересы, не возбуждая никакихъ щекотливыхъ международныхъ споровъ и не задѣвая чужихъ самолюбій; нѣмцы убѣдились на опытѣ, что политическіе и національные интересы гораздо вѣрнѣе и спокойнѣе обезпечиваются неустанною мирною работою, чѣмъ лихорадочными вооруженіями и дипломатическими эффектами, которымъ придавалъ такую важность еще князь Бисмаркъ. Идеи покойнаго канцлера о мирѣ и войнѣ, сверхъ ожиданія, значительно чаще повторяются въ новѣйшее время въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, чѣмъ въ Германіи; нынѣшніе берлинскіе дипломаты и публицисты несомнѣнно болѣе миролюбивы и умѣренны, чѣмъ англійскіе или американскіе, и едва ли найдется теперь нѣмецкій министръ, который сталъ бы говорить о внѣшней политикѣ въ духѣ и тонѣ Чамберлэна. Самъ Вильгельмъ II, несмотря на свою репутацію любителя военнаго дѣла, посвящаетъ свою энергію и предпріимчивость мирнымъ усиліямъ и задачамъ; даже въ сферѣ международныхъ связей и отношеній онъ достигаетъ многаго съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ надѣяться на одно лишь превосходство оружія. Недавнее путешествіе его съ императрицею на Востокъ имѣло большое политическое значеніе и едва ли пройдетъ безслѣдно для будущаго хода событій въ Турціи. Германія намѣтила свою долю участія въ турецкомъ наслѣдствѣ, не въ смыслѣ грубой военной добычи, а въ смыслѣ постепеннаго культурнаго завоеванія, на почвѣ дружескаго сближенія съ мусульманскимъ міромъ и его главою, турецкимъ султаномъ. Вильгельмъ II провелъ съ этою цѣлью больше пяти недѣль на Востокѣ (съ половины октября до двадцатыхъ чиселъ ноября нов. ст.), сдѣлался другомъ и гостемъ Абдулъ-Гамида въ Константинополѣ и держалъ себя съ султаномъ такъ свободно, на равныхъ правахъ, какъ никогда еще не случалось христіанскому монарху. Германскій императоръ обставилъ свое путешествіе особеннымъ блескомъ и роскошью, такъ какъ внѣшность всегда играла большую роль для народовъ Востока; въ концѣ октября онъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Іерусалимъ, присутствовалъ при освященіи новой евангелической церкви у Гроба Господня, подарилъ купленный у турокъ участокъ земли для новаго храма католикамъ и выказывалъ одинаковое вниманіе и сочувствіе представителямъ всѣхъ европейскихъ общинъ въ Палестинѣ. Тѣмъ временемъ въ областяхъ Малой Азіи множество

нѣмецкихъ рукъ находитъ себѣ полезное примѣненіе; нѣмецкая желѣзнодорожная компанія притягиваетъ къ себѣ и распространяетъ кругомъ тѣ культурные элементы, которыми такъ богата Германія; образуются цѣлыя нѣмецкія поселенія въ запущенныхъ издавна турецкихъ мѣстностяхъ; организуются техническія и промышленныя предпріятія, и вліятельная нѣмецкая дипломатія считаетъ своимъ первымъ долгомъ покровительствовать всякимъ частнымъ начинаніямъ въ этомъ родѣ. Нѣкоторыя новыя крупныя концессіи въ пользу нѣмецкихъ предпринимателей въ Турціи получены несомнѣнно благодаря личному вліянію Вильгельма II. Пройдетъ извѣстное число лѣтъ, и мы можемъ увидѣть, что значительная часть Малой Азіи фактически занята или, вѣрнѣе, заработана нѣмцами и составляетъ какъ бы ихъ пріобрѣтеніе; а подобныя завоеванія, основанныя на мирномъ культурномъ трудѣ, принадлежатъ къ числу самыхъ прочныхъ и законныхъ. Не мѣшаетъ напомнить, что передовые нѣмецкіе умы съ давнихъ поръ интересовались культурною миссіею нѣмцевъ въ турецкихъ земляхъ; знаменитый Лассаль не разъ говорилъ въ своихъ письмахъ, что турецкій Востокъ есть законный удѣлъ трудолюбивой германской расы, и эта идея исподоволь осуществляется на дѣлѣ. Такимъ образомъ, и ликвидація запутанныхъ турецкихъ дѣлъ подготовляется вовсе не тѣми способами, въ которые еще безусловно вѣритъ лордъ Сольсбери. Безспорные новѣйшіе успѣхи Германіи на Востокѣ какъ нельзя яснѣе подтверждаютъ ту истину, что при современныхъ условіяхъ жизни существуютъ болѣе вѣрные способы дѣйствія, чѣмъ военные,—для достиженія серьезныхъ политическихъ и экономическихъ выгодъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1898.

— М. О. Меньшиковъ. О писательствѣ. Спб. 1898.

Эта книга собралась, какъ замѣчаетъ авторъ въ предисловіи, изъ статей, писанныхъ имъ въ началѣ его сотрудничества въ „Книжкахъ Недѣли". Въ то время намъ не случилось познакомиться съ этими статьями; но впослѣдствіи г. Меньшиковъ не однажды увлекался въ довольно странные парадоксы, и мы съ нѣкоторымъ недовѣріемъ встрѣтили книгу, въ предметѣ которой для парадокса могла быть изобильная пища, между тѣмъ предметъ таковъ, что наше общество въ особенности нуждалось бы въ здравомъ его объясненіи.

Авторъ останавливается въ книгѣ на слѣдующихъ темахъ: О литературѣ и писателяхъ; Литературное безсиліе; О чтеніи; Талантъ и публика; Призваніе журналистики; О талантѣ и честности; О литературѣ будущаго; О критикѣ; Предѣлы литературы.

Опасеніе парадокса, къ счастію, не оправдалось. Правда, въ книгѣ г. Меньшикова иное можетъ показаться парадоксомъ для тѣхъ, чьи мнѣнія онъ оспариваетъ; но въ дѣйствительности основаніе взглядовъ, изложенныхъ въ этой книгѣ, есть высокое представленіе о значеніи литературы въ жизни общества и вытекающемъ отсюда нравственномъ долгѣ писателя. Если въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ можно не согласиться съ авторомъ, то въ цѣломъ его точка зрѣнія, для насъ по крайней мѣрѣ, чрезвычайно симпатична, и особенно своевременна въ настоящемъ положеніи нашей литературы. Стало общимъ мѣстомъ говорить объ этомъ положеніи, какъ объ „упадкѣ"; о немъ говорятъ даже тѣ, чья дѣятельность служитъ однимъ изъ явленій этого упадка и ему, по мѣрѣ силъ, содѣйствуетъ. Въ области художественнаго творчества, въ новѣйшей литературѣ—послѣ великой плеяды, дѣйствовавшей съ конца сороковыхъ годовъ,—дѣйствительно уровень понизился, быть можетъ, до новаго подъема исторической волны литературнаго

развитія. Но если нарожденіе сильныхъ талантовъ есть невѣдомая историческая судьба, не поддающаяся никакому разсчету, то существуетъ и другая сторона „упадка", подлежащая наблюденію, а также и воздѣйствію; это—упадокъ въ самомъ пониманіи нравственнаго и общественнаго значенія литературы и долга писателя. Такая мысль проходитъ и въ книгѣ г. Меньшикова.

Авторъ начинаетъ замѣчаніемъ одного писателя, что литература есть „громкое *мышленіе* народа", и находитъ, что это дѣйствительно—не мысль, а мышленіе, т.-е. сырой процессъ, со всѣмъ шумомъ и мусоромъ всякаго процесса работы. „Ошибочно также думать,—продолжаетъ авторъ, — что литература есть работа только *лучшихъ* умовъ страны, что въ ней, какъ въ священной скиніи, хранятся только высокіе завѣты мысли, собранные вѣками. Этотъ взглядъ возвышенъ, но не вѣренъ... Можетъ быть, и было время, когда письменность была доступна лишь аристократіи духа: на камень и пергаментъ заносились лишь боговдохновенныя рѣчи, откровенія пророковъ, законы вождей. Но эти времена давно прошли. Изобрѣтеніе бумаги, книгопечатаніе, появленіе журналистики, паровой скоропечатный станокъ, выбрасывающій по сту тысячъ экземпляровъ въ часъ, развитіе народнаго образованія, общее развитіе демократіи—все это растворяло шире и шире двери литературы, пока, въ наше время, онѣ не раскрылись настежь: въ литературу хлынулъ народъ, хаосъ мышленія котораго не пересталъ быть хаосомъ, сдѣлавшись громкимъ".

На это могутъ возразить,—говоритъ авторъ,—что этотъ хаосъ, броженіе и столкновеніе идей, и представляетъ настоящую жизнь. Литература, спустившись съ высоты Парнасса, стала болѣе человѣческой, болѣе близкой и родной для массы,—но при этомъ,—говоритъ авторъ,—она какъ бы утратила свои „божественныя" свойства. „Изъ нея исчезло творчество, она перестала покорять и вдохновлять сердца, разучилась „языку боговъ" и измельчала до жалкаго уличнаго листка. Пріобрѣвъ „жизненность", литература потеряла свое безсмертіе; питаясь случаями, она безпрерывно, вмѣстѣ съ ними, умираетъ; не можетъ умереть слово, воплощающее лишь вѣчныя явленія: оно живетъ съ ними. И только такое слово могло бы имѣть власть надъ жизнью, какъ верховный ея законъ. Приблизясь къ толпѣ и слившись съ случайною, беззаконною (?) ея жизнью, современная литература утратила власть надъ людьми".

Этотъ слишкомъ общій и рѣшительный приговоръ можно было бы поставить и совсѣмъ наоборотъ. Въ прежнее время, когда не было бумаги, книгопечатанія съ паровымъ станкомъ, не было народнаго образованія и „общаго развитія демократіи", литература имѣла „власть" только надъ очень небольшимъ кругомъ „людей". Ея знаменитыя имена

извѣстны были въ сущности только въ этомъ кругѣ; въ немъ только могли, болѣе или менѣе, дѣйствовать и тѣ идеи, которыя создавались знаменитыми писателями. При всѣхъ недостаткахъ современной литературы, какіе указываетъ г. Меньшиковъ, нельзя отрицать того факта, что благодаря своему нынѣшнему распространенію, благодаря тому, что она „спустилась къ толпѣ", литература могла внести въ умственную жизнь „толпы" не мало такого, что̀ могло содѣйствовать развитію въ этой толпѣ человѣческаго сознанія. До того времени, когда книгопечатаніе, развитіе народнаго образованія и т. д. произвели широкое распространеніе литературы, „толпа" существовала (въ огромной степени, у насъ и доселѣ существуетъ) среди самаго первобытнаго мрака, среди не только матеріальной, но умственной и нравственной нищеты. Можно ли забыть, что „литература" давно заботилась о школѣ для народа; можно ли сожалѣть, что школа успѣваетъ вносить нѣкоторый свѣтъ въ этотъ первобытный мракъ, иногда, быть можетъ, нѣсколько помочь толпѣ въ ея дѣйствительной и тяжелой „борьбѣ за существованіе"?

Авторъ, безъ сомнѣнія, не отвергаетъ этой стороны вліянія литературы, гдѣ ея приближеніе къ толпѣ, т.-е. къ народной массѣ, есть не прискорбный, а весьма благотворный и желательный фактъ; но, не отмѣтивъ его, авторъ впадаетъ въ односторонность, которая можетъ возбудить въ читателѣ недоумѣніе... Своимъ огульнымъ приговоромъ онъ хотѣлъ болѣе ярко указать другое явленіе современной литературы, гдѣ его осужденіе падаетъ на ея дѣйствительное зло,— хотя и здѣсь, какъ увидимъ, не обошлось безъ преувеличеній.

„Да,—продолжаетъ авторъ,—литература съ каждымъ днемъ теряетъ свое прежнее правящее (?) значеніе, ея облагораживающая сила падаетъ, изъ хозяина литература дѣлается слугою и даже, какъ это ни позорно, часто *лакеемъ* публики. Не говорите о чрезвычайномъ развитіи журналистики въ культурныхъ странахъ—это-то и есть конецъ собственно литературы. Журналистика, въ ея послѣднемъ предѣлѣ, есть *репортерство*... Воспроизвести событія, важныя и неважныя, со всѣми подробностями и разобрать ихъ со всѣхъ точекъ,—вотъ задача журналистики. Но важное, какъ все великое, встрѣчается рѣдко, и журналистика невольно превращается въ вихрь незначительныхъ, ничтожныхъ мелочей, развѣвающихъ вниманіе читателя и растворяющихъ его мысль... Журналистика втягиваетъ толпу въ литературу и качество мнѣній замѣняетъ количествомъ ихъ; въ толпѣ же какъ былъ хаосъ мысли, такъ и остается... Тысячи „интеллигентныхъ" людей... (не смотря на свое чтеніе) остаются удивительно необразованными, грубыми, черствыми и узкими, то-есть такими, каковы чаще всего и авторы этихъ книгъ. Не будучи выше публики, *толпа* писателей не

можетъ вліять на *толпу* читателей сколько-нибудь благотворно, чаще же вліяетъ дурно, какъ дурное общество. Давно подмѣчено развращающее вліяніе нѣкоторыхъ авторовъ. Есть сортá литературы, насыщенные ядомъ тонкой, иногда ароматной порнографіи, сословнаго тщеславія, національнаго шовинизма, денежной лихорадки, мошенничества и всякаго рода порока. Спускаясь съ вершинъ жизни и проникая до низменностей и пропастей ея, творчество, какъ горный ключъ, растворяетъ въ себѣ попутную грязь и, питая искусство, нерѣдко отравляетъ его. Современная литературная школа—натурализмъ—есть наиболѣе *жизненная* изъ всѣхъ школъ, наиболѣе загрязненная и наименѣе вліятельная... Она столько же васъ вдохновляетъ и учитъ, какъ и сама обыденная жизнь, т.-е. очень мало".

И здѣсь авторъ слишкомъ поспѣшно сдѣлалъ свои заключенія. Если обратиться къ нашей литературѣ, — потому что въ концѣ концовъ онъ думаетъ въ особенности о ней, — было ли лучше, когда единственной частной газетой была „Сѣверная Пчела"? Читатель вовсе не страдалъ отъ „толпы" писателей, но низменный нравственный уровень былъ на лицо. Сортá литературы, насыщенной ядомъ порнографіи, сословнаго тщеславія, шовинизма и т. п., были также на лицо,—только порнографія, при надзорѣ цензуры, распространялась не печатно, а письменно. Мы нé питаемъ никакого пристрастія къ натурализму и не считаемъ полезнымъ пріобрѣтеніемъ для „искусства" ту грязь, въ которую онъ такъ любитъ погружаться, — но за нимъ есть и несомнѣнная заслуга: извѣстныя стороны, самый механизмъ общественной, даже политической жизни, никогда не бывали изображены такъ, какъ сдѣлано это въ нѣкоторыхъ романахъ Зола,—и вмѣстѣ съ этимъ открывались для суда общественнаго мнѣнія.

Новый рядъ парадоксовъ встрѣчаемъ далѣе.

„Для благотворнаго вліянія на общество, — говоритъ г. Меньшиковъ, — было бы недостаточно сильно поколѣніе даже такихъ талантовъ, какъ Тургеневъ, Гончаровъ и Толстой. Сколько бы мы ни были обязаны имъ тончайшими наслажденіями, по совѣсти мы должны признать *вліяніе* этихъ писателей на общество незначительнымъ; иначе общество было бы вовсе не тѣмъ, чтò оно есть (?)... Какъ и во времена Лермонтова, оно къ добру и злу *постыдно равнодушно*, хотя послѣ великаго поэта-юноши прошло полъ-вѣка и мы имѣли цѣлую плеяду большихъ писателей". Въ чемъ же оказалось ихъ вліяніе? „Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, *до* Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Островскаго, Толстого, Некрасова, Щедрина, небольшая тогдашняя интеллигенція была одушевлена болѣе высокими идеалами, чѣмъ теперешняя, болѣе отзывчива на призывъ къ добру, болѣе способна на жертвы (?). Дальнѣйшее литературное вліяніе не усилило, а какъ бы

даже ослабило это горячее настроеніе, и въ концѣ литературнаго пятидесятилѣтія народъ (?) такъ же теменъ и несчастливъ, какъ и въ началѣ".

Мы опять недоумѣваемъ. Русская „интеллигенція" 30-хъ и 40-хъ годовъ, *до* Тургенева, Достоевскаго и т. д., была столь немногочисленна, что извѣстна наперечетъ; дѣйствительно, она отличалась большимъ идеализмомъ, какого теперь мало,—но извѣстно, что ея идеализмъ былъ отвлеченный, кабинетный, книжный, и трудно понять, кого разумѣлъ г. Меньшиковъ, указывая на ея бо̀льшую „отзывчивость на призывъ къ добру, способность на жертвы". Напротивъ, дальнѣйшіе годы, 50-е и 60-е, на которые простиралось уже вліяніе Тургенева и его современниковъ, именно отмѣчены гораздо бо̀льшимъ идеализмомъ, отзывчивостью къ добру и т. д. „Народъ" поставленъ здѣсь весьма некстати — какъ бы въ видѣ укора дѣятелямъ нашей литературы. Русскіе идеалисты всегда составляли весьма небольшую часть общества, не въ ихъ силахъ было измѣнить судьбу народа,—но авторъ могъ бы не забыть, что интересъ къ народу въ нашемъ вяломъ обществѣ развитъ былъ именно литературой, и что даже практически „идеалисты" имѣли свою долю труда въ реформахъ, напр. крестьянской, которыя направлены были къ улучшенію народнаго быта. Одна фракція идеалистовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ произвела то народничество, теоретическое и практическое, которое не имѣло въ прежней жизни русскаго общества ничего себѣ подобнаго.

Авторъ предвидѣлъ подобныя замѣчанія. „Намъ возразятъ,—говоритъ онъ,—неужели литература повинна въ несчастьяхъ русскаго народа? Не литература ли, со временъ Некрасова и юнаго Григоровича, толковала о народномъ горѣ,—до того, что даже наскучила публикѣ? Не литература ли предсказывала, въ лицѣ Успенскаго и народниковъ, народное истощенье? Не она ли, съ Щедринымъ во главѣ, ополчалась на разныхъ хищниковъ, заѣдающихъ народъ? Былъ ли хоть одинъ самый мелкій вопросъ общественной и народной жизни, который печать не тормошила бы по сотнѣ разъ? И если изъ этого ничего не вышло, неужели литература виновата въ этомъ?"

И г. Меньшиковъ не усумнился кругомъ обвинить литературу.

„Да, виновна. Она виновна, какъ разумъ, который не только долженъ все предвидѣть и отъ всякой опасности предостеречь, но и обязанъ быть достаточно сильнымъ, чтобы заставить волю повиноваться себѣ. Литература виновна въ недостиженіи своихъ хорошихъ цѣлей уже тѣмъ, что ихъ не достигла.

„Русская литература говорила много, но, очевидно, слѣдовало говорить еще больше. Она говорила иногда правильно и ясно, но

слѣдовало говорить еще правильнѣе и яснѣе. Иногда вспыхивалъ въ этой литературѣ яркій огонь, зажигавшій чуткую совѣсть, но слѣдовало разгораться цѣлымъ пожаромъ и накалять даже каменныя сердца. Предположите, что въ надлежащее время и въ должномъ числѣ у насъ явились бы литературные пророки, которые ясно увидѣли бы ложь жизни и истинный, спасительный путь,—которые имѣли бы силу открыть это людямъ, поднять ихъ, возбудить, воспламенить, облагородить,—наша исторія сложилась бы совсѣмъ не такъ, какъ сложилась".

Прекрасное пожеланіе,—къ сожалѣнію только трудно ожидать его совершенія. Въ этихъ строкахъ авторъ принимаетъ, что „литература" есть воплощеніе разума и лучшихъ нравственныхъ цѣлей; но за нѣсколько страницъ передъ тѣмъ онъ самъ предупреждалъ, что литература не есть только работа *лучшихъ* умовъ страны, что она есть отраженіе *хаоса* мнѣній и стремленій. И дѣйствительно, тотъ лучшій, высокій, благородный трудъ нравственнаго сознанія, который объединяютъ (какъ и нашъ авторъ въ приведенныхъ выше строкахъ) подъ именемъ литературы, этотъ трудъ совершается при величайшихъ препятствіяхъ, въ тяжелой борьбѣ противъ хаоса и мрака. Дѣятели литературы состоятъ не изъ однихъ „друзей человѣчества", но также изъ людей, нравственно испорченныхъ—себялюбіемъ, своекорыстіемъ, обскурантизмомъ, проникнутыхъ не стремленіемъ къ общему благу, а всякой нетерпимостью—религіозной, національной, сословной и т. д.; и эти послѣдніе являются не одиночными представителями мрачныхъ тенденцій, а представителями цѣлыхъ слоевъ и круговъ общества, имѣющихъ интересъ въ сословной нетерпимости, обскурантизмѣ и т. д. и т. д., какъ, напр., цѣлый слой общества вооружался противъ освобожденія крестьянъ и въ настоящее время ратуетъ за отмѣну реформъ. Литература есть только отголосокъ реальной общественной борьбы, и бываютъ времена, когда тѣ представители лучшихъ задачъ литературы, къ которымъ нашъ авторъ предъявляетъ свои строгія требованія, должны заботиться только о томъ, чтобы сохранить теплющійся огонекъ литературы...

Авторъ требуетъ этого оживляющаго и возбуждающаго дѣйствія литературы безусловно, и несмотря даже на всѣ „независящія обстоятельства", несмотря на приводимые „примѣры Радищева или Новикова". По мнѣнію г. Меньшикова, эти независящія обстоятельства „дѣйствительно представляютъ силу, но она необорима лишь для слабыхъ душъ, „ничѣмъ не жертвующихъ ни злобѣ, ни любви". Что̀ значатъ независящія обстоятельства для настоящихъ пророковъ, для великихъ подвижниковъ и страстотерпцевъ духа?.. Вѣщее слово избранныхъ людей, вынесенное ими изъ глубины сердца, являлось въ

міръ въ видѣ новой и грозной силы: какъ атмосферное возмущеніе, оно опрокидывало не только физическія слабыя преграды, но и болѣе тяжкія—психическіе устои рутины, низвергало даже ту всесильную „Dummheit“, противъ которой, по словамъ Гёте, тщетно борются сами боги. Совершалось великое чудо: милліоны „дрожащей твари“ людской приходили въ броженіе, заражались страстной печалью бѣдняковъ - пророковъ, и на многія сотни и тысячи лѣтъ грузный ходъ исторіи склонялся по новому, невѣдомому до того, пути“...

Авторъ опять увлекся. Въ христіанскомъ мірѣ, во все время его существованія, былъ только одинъ пророкъ, склонившій такимъ образомъ ходъ исторіи по новому пути; но и донынѣ христіанское человѣчество не смогло осуществить на дѣлѣ его ученій, въ обществѣ и государствѣ.

Впрочемъ, самъ г. Меньшиковъ спохватился, что, пожалуй, злоупотребилъ словомъ „пророкъ“ въ примѣненіи не къ Лютерамъ и Магометамъ, а къ русскимъ писателямъ. „Одно сопоставленіе зауряднаго литератора съ пророкомъ звучитъ забавно“. Но,—продолжаетъ онъ,—„это сопоставленіе древнее и принадлежитъ не мнѣ. Лучшіе изъ писателей охотно называли себя пророками; вспомните Пушкинскаго или Лермонтовскаго „Пророка“—оба они написаны какъ „Credo“ поэзіи. Вовсе не кокетничая съ публикой и не рядясь въ театральныя тоги, какъ дѣлаютъ бездарности, великіе писатели вполнѣ искренно считали себя носителями какой-то высшей воли, носителями „глагола, жгущаго сердца“, обладателями пророческаго „всевѣдѣнья“. И эта несомнѣнная для нихъ истина и для насъ должна быть несомнѣнной... Да, это были истинные пророки, но, къ несчастію для общества, они *пророчествовали* не въ мѣру долга. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ (можетъ быть, вслѣдствіе ранней смерти), не сосредоточили и малой доли дарованія на своихъ пророческихъ задачахъ. Они владѣли способностью прозрѣнія въ суть вещей, но добровольно или невольно уклонялись отъ наиболѣе важныхъ интересовъ и отдавались менѣе важнымъ... Къ сожалѣнію, волшебный лучъ свѣта, исходящій изъ великаго сердца, блуждалъ въ пространствѣ безъ опредѣленной цѣли; онъ освѣщалъ не темныя пропасти, гдѣ гнѣздилось, изнывая, бѣдное человѣчество, а красивыя снѣговыя вершины, „гдѣ носились лишь туманы да цари-орлы“. Напрасно „безсмысленный народъ“ взывалъ къ поэту: „свой даръ, божественный посланникъ, на *благо* намъ употребляй, *сердца собратьевъ исправляй*“... Извѣстно, какою презрительною рѣчью отвѣчаетъ на это поэтъ (уже не юноша: ему было тогда 28 лѣтъ)... Это могучее стихотвореніе, излившееся изъ сердца (иначе оно не было бы такъ великолѣпно), было измѣною себѣ, отрицаніемъ своего пророчества, и хотя Пушкинъ не могъ не быть

благотворною силой, но значеніе его было несоразмѣрно меньше, чѣмъ могло бы быть. То же слѣдуетъ сказать и о Лермонтовѣ". Оба поэта, по словамъ г. Меньшикова, чувствовали, что истинное призваніе художника-пророка есть проповѣдь чистыхъ ученій любви и правды, что заслуга есть пробужденіе лирой добрыхъ чувствъ,—„но именно сами Пушкинъ и Лермонтовъ этой заслуги и не оказали":— такое служеніе любви и правдѣ не было выдающеюся чертой ихъ поэзіи.

Приведенныхъ цитатъ достаточно, чтобы показать взглядъ автора на долгъ и значеніе литературы. При всѣхъ неточностяхъ и преувеличеніяхъ, какія есть въ изложеніи этого взгляда, въ немъ есть глубокая нравственная правда, и указать ее, быть можетъ, въ особенности важно для нашей литературы. Сколько ни находитъ авторъ отталкивающихъ явленій въ литературѣ западной (откуда онѣ переселяются частію и къ намъ), эта литература живетъ столь широкою и свободною жизнью, что тамъ можетъ найтись противовѣсъ въ лучшихъ сторонахъ общественной мысли. Наша литература крайне стѣснена условіями своего существованія,—и если къ намъ легко могли приходить и водворялись на русской почвѣ даже такія безсмыслицы, какъ декадентство, то несравненно труднѣе существовать тому возвышенному идеализму, о которомъ напоминаетъ книжка нашего автора. Не всегда правильно г. Меньшиковъ понимаетъ происхожденіе нынѣшняго положенія литературы и средства къ повышенію ея уровня,—но ея современные нравственные недостатки онъ опредѣляетъ вѣрно и, насколько дѣятели ея, участники въ ея испорченности, могутъ быть доступны убѣжденію, онъ старается объяснить давнюю истину, что съ словомъ надо обращаться честно.

Мы упомянули выше, какъ г. Меньшиковъ негодуетъ и скорбитъ, что литература превращается въ журналистику и падаетъ до репортерства. Онъ утверждаетъ далѣе, что въ современномъ реальномъ романѣ нѣтъ поэзіи и нѣтъ нравственнаго вдохновенія, а есть только разсудочное; цѣль натуралистическаго искусства есть дѣйствительность, а не идеалъ, и въ концѣ концовъ изображеніе однихъ уродствъ и ненормальностей жизни дѣйствуетъ на читателя, т.-е. на общество, удручающимъ и обезсиливающимъ образомъ; безсильна становится сама литература. Современный романъ „обветшалъ", и „для новаго пророческаго слова великій художникъ найдетъ вѣроятно новый языкъ". Но причинъ измельчанія, по мнѣнію автора, безполезно искать въ самой литературѣ: „литературное оскудѣніе есть лишь частный случай болѣе широкаго явленія—всеобщаго, хотя, вѣроятно, временного упадка духа въ современномъ европейскомъ обществѣ". Но, замѣ-

тимъ опять, общество русское имѣетъ свои особыя нравственно-бытовыя условія.

Убѣжденный, что „пророчество", направленное къ общему нравственному благу, есть основная и истинная задача поэзіи, авторъ относится отрицательно къ ученіямъ о „чистомъ искусствѣ".

„Литература есть искусство,—говоритъ авторъ,—а истинное искусство несомнѣнно свободно, какъ свободенъ источникъ его — чувство. Только жалкіе подражатели, ремесленники искусства работаютъ безъ свободнаго вдохновенья, безъ горячей страсти къ своей работѣ. Они рабы; они ждутъ указанія или урока...

„Въ этомъ *внутреннемъ* смыслѣ искусство свободно; но эта свобода составляетъ лишь частный случай свободы, какъ необходимаго условія для всякаго творчества: научнаго, философскаго и моральнаго...

„Геній свободенъ въ своемъ источникѣ, но *внѣшняя* свобода проявленій его не безгранична. Абсолютная свобода—понятіе безумное, и въ природѣ ея нѣтъ... „Wie der Vogel singt...", да, но соловей не можетъ пѣть малиновкой или скворцомъ. Онъ поетъ лишь какъ соловей... Художникъ зависитъ отъ природы и души своей, и въ этомъ смыслѣ искусство не свободно. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ привычки различать естественные предѣлы жизни, и мы всегда страдаемъ—то избыткомъ, то недостаткомъ свободы.

„Напримѣръ, первыми и самыми опасными нарушителями „святой свободы искусства" являются... ея упорные защитники. Такъ называемые „чистые" эстетики, по насмѣшкѣ судьбы, всего крѣпче и неумолимѣе связываютъ искусство. Съ настойчивой, но странной логикой они доказываютъ, что чистое, *свободное* искусство *должно* служить лишь двумъ цѣлямъ: красотѣ и любви. Всего двѣ цѣли. Но если *только* двѣ цѣли, то какая же это свобода? Если творческая мысль ограничивается разъ навсегда двумя мотивами, то не есть ли это ниспроверженіе свободы искусства и грубѣйшая изъ тенденціозностей?"

Авторъ напоминаетъ чистымъ эстетикамъ Гомера, „тенденціознѣйшаго изъ поэтовъ, если стать на точку зрѣнія педантовъ эстетики", Данта, Шекспира, Гёте: „всѣ они служили не только любви и красотѣ, но и разнообразнѣйшимъ и глубокимъ общественнымъ настроеніямъ; всѣ они, сознательно или безотчетно, своимъ высокимъ духомъ удовлетворяли главной жаждѣ своего вѣка: политической, нравственной, религіозной, философской. Все это настолько очевидно, что бьетъ въ глаза даже совершенно окаменѣвшимъ жрецамъ „чистаго" искусства", и т. д.

Приведемъ еще одну, послѣднюю, цитату. Останавливаясь на современномъ упадкѣ литературы, превращающейся въ репортерство, авторъ говоритъ:

„...Тѣ юноши, которые почувствуютъ въ себѣ власть духа и обрекутъ себя на счастливую, хотя часто и подвижническую дорогу, должны нести къ центрамъ жизни не только талантъ и не только энергію. Есть нѣчто еще болѣе драгоцѣнное и даже болѣе могущественное: это—*совѣсть*“...—А. П.

— Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Томаса Карлейля. Переводъ съ англійскаго В. И. Яковенко. Съ портретомъ автора и статьей переводчика о Карлейлѣ. Второе удешевленное изданіе. Спб. 1898.

„Великіе люди,—говорилъ Карлейль на первыхъ страницахъ своей книги,—какимъ бы образомъ мы о нихъ ни толковали, всегда составляютъ чрезвычайно полезное общество. Даже при самомъ поверхностномъ отношеніи къ великому человѣку, мы все-таки выигрываемъ коечто отъ соприкосновенія съ нимъ. Онъ—источникъ жизненнаго свѣта, близость котораго всегда дѣйствуетъ на человѣка благодѣтельно и пріятно. Это—свѣтъ, озаряющій міръ, свѣтъ, освѣщавшій тьму міра; это—не просто возженный свѣтильникъ, а скорѣе—природное свѣтило, сіяющее какъ даръ неба; источникъ природной, оригинальной прозорливости, мужества и героическаго благородства, распространяющій всюду свои лучи, въ сіяніи которыхъ всякая душа чувствуетъ себя хорошо“. Это и было основаніе, которое побудило Карлейля къ изученію роли героевъ въ исторіи.

Книга Карлейля давно была замѣчена въ нашей литературѣ,—и если до послѣдняго времени онъ не встрѣчалъ русскаго переводчика, причиной этому было, безъ сомнѣнія, то, что наша литература до сихъ поръ мало доступна для мужественной и прямой рѣчи европейскихъ мыслителей. Къ ихъ числу принадлежитъ и Карлейль. Второе изданіе „Героевъ“ показываетъ, что русскіе читатели съумѣли оцѣнить этого оригинальнаго философа.

Въ началѣ своего предисловія г. Яковенко указываетъ, что̀ было до сихъ поръ говорено о Карлейлѣ въ нашей литературѣ, и обрушивается на г. Карѣева, который въ своей книгѣ о „сущности историческаго процесса“ отнесся отрицательно ко взглядамъ Карлейля на значеніе героевъ въ исторіи; г. Карѣевъ находилъ, что взглядъ англійскаго историка не выдерживаетъ критики и противорѣчитъ новѣйшимъ понятіямъ объ этомъ предметѣ. Переводчикъ Карлейля въ негодованіи называетъ разборъ г. Карѣева „педантически-безжизненнымъ“ и указываетъ, что „въ Англіи о Карлейлѣ, какъ историкѣ, думаютъ иначе“, и приводитъ отзывы Морлея, Стюарта Милля и Гарнетта (объ „Исторіи французской революціи“).

У насъ нѣтъ подъ руками упомянутой книги г. Карѣева, но, сколько можно видѣть изъ самыхъ обличеній, рѣчь идетъ здѣсь о совсѣмъ разныхъ вещахъ: г. Карѣевъ говорилъ только о героической теоріи Карлейля и не имѣлъ въ виду его чисто историческихъ сочиненій. Но въ первомъ случаѣ г. Яковенко, обличая г. Карѣева, ничего не доказалъ. Взглядъ, изложенный г. Карѣевымъ, не есть только его исключительный взглядъ, и чтобы вполнѣ опровергнуть отрицательное мнѣніе о героической теоріи, надо было обратиться къ европейской исторіографіи, къ которой взгляды г. Карѣева примыкаютъ, и, напр., нѣмецкая критика судила о взглядахъ Карлейля еще суровѣе,—туда бы и слѣдовало г. Яковенку въ своей защитѣ Карлейля обратить свои опроверженія,—притомъ нѣсколько болѣе вооружившись. Въ самой русской литературѣ г. Яковенко могъ бы найти и еще примѣръ недовѣрія къ героической теоріи, напр. у г. Милюкова, который, упоминая Карлейля, считаетъ, что принимать историческій процессъ за созданіе личныхъ усилій героевъ есть „обманъ зрѣнія“ (Очерки ист. р. культуры, I, стр. 17).

Но, хотя бы теорія Карлейля была ошибочной или недостаточной, это не мѣшаетъ его книгѣ имѣть великій интересъ. Самъ переводчикъ признаетъ дальше, что вопросъ о значеніи „героевъ“ остается спорнымъ, но онъ справедливо замѣчаетъ, что, несмотря на то, „Карлейль вліяетъ самымъ благотворнымъ образомъ въ смыслѣ подъема нравственнаго самочувствія, что, проникая въ самое сердце человѣка, онъ заставляетъ его стряхнуть съ себя апатію, отрѣшиться отъ жалкаго прозябанія и, *вопреки* всему, устроивать свою жизнь сообразно своимъ убѣжденіямъ. Если онъ не съумѣетъ убѣдить васъ въ правильности своихъ воззрѣній, то во всякомъ случаѣ онъ заронитъ въ ваше сердце искру божественнаго огня, искру нелицемѣрнаго стремленія къ правдѣ въ своей жизни“. Мы желали бы согласиться съ мнѣніемъ переводчика, что для насъ, русскихъ, особенно въ настоящую пору, Карлейль „можетъ имѣть такое же значеніе, какое онъ имѣлъ для англичанъ въ свое время“, или даже до сихъ поръ имѣетъ. А именно, Карлейль имѣлъ, между прочимъ, на лучшихъ людей англійской литературы глубокое вліяніе въ выработкѣ ихъ нравственнаго и общественнаго міровоззрѣнія. Но для этого прежде всего было бы нужно, чтобы писатель былъ извѣстенъ въ русской литературѣ сполна; мы не увѣрены, возможно ли это и въ настоящее время — прежде это было невозможно.

Но это вліяніе можетъ дѣйствовать только при условіи извѣстной подготовки. Самъ Стюартъ Милль, слова котораго приводитъ г. Яковенко, замѣчаетъ, что далеко не сразу умѣлъ понять этого „поэта и созерцательнаго мыслителя“. „Карлейль, — говоритъ еще перевод-

чикъ,—это англійскій Руссо по силѣ своихъ чувствъ и страстей, а по глубинѣ своей мысли онъ выше Руссо. Но своеобразная манера писать и его языкъ долго служили камнемъ преткновенія для широкаго распространенія его сочиненій. Всякому, кто въ первый разъ читаетъ его, приходится дѣлать надъ собой нѣкоторое усиліе, пока онъ не освоится съ этимъ языкомъ и не научится цѣнить его особенностей". Должно прибавить, что Карлейль и вообще нуждается въ объясненіи: его „вѣрующій радикализмъ" переходилъ, наконецъ, въ настроеніе совсѣмъ реакціоннаго свойства.

Въ предисловіи не лишними были бы хотя краткія біографическія свѣдѣнія. Заглавіе книги напрасно не передано въ точности; книга называется „О герояхъ и поклоненіи героямъ". Русская литература о Карлейлѣ указана не сполна.

— Р. Гаймъ. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Описаніе его жизни и характеристика. Переводъ съ нѣмецкаго. Приложеніе. Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ: О границахъ дѣятельности государства. М. 1899. Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Вильгельмъ Гумбольдтъ—еще великое имя, мало знакомое въ нашей литературѣ. У насъ извѣстно, если не ошибаемся, только одно его сочиненіе: „О различіи строя человѣческаго языка" (Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues), переведенное нѣкогда Билярскимъ въ интересѣ филологовъ. Въ нѣмецкой наукѣ и литературѣ это — одно изъ знаменитѣйшихъ именъ въ періодъ съ конца прошлаго столѣтія и до половины нынѣшняго: Гумбольдтъ (1767—1835) былъ знатокъ классической древности, эстетикъ, филологъ, государственный дѣятель и мыслитель, наконецъ—поэтъ. Это былъ одинъ изъ характерныхъ представителей могущественнаго движенія, которое совершалось тогда въ германской національной жизни, когда въ поэзіи дѣйствовали Гёте и Шиллеръ, въ философіи—Кантъ и его современники, въ изученіи классическаго міра—школа Гейне и Фридриха Августа Вольфа и ихъ преемниковъ, и когда настойчивый критическій анализъ сталъ неизмѣннымъ свойствомъ нѣмецкой науки и, переживъ метафизическія увлеченія, сталъ основой ея богатаго развитія. Кромѣ этой стороны, тогдашнее движеніе имѣло и другую сторону—выработку нравственнаго идеала и характера: ставился вопросъ объ идеальной, всесторонне развивающейся личности и переходилъ наконецъ на вопросъ объ обществѣ и государствѣ. Личность и дѣятельность В. Гумбольдта представляетъ особенный интересъ въ исторіи этого движенія какъ по силѣ его ума и дарованія, такъ и по разнообразію тѣхъ областей науки, поэзіи и политической жизни, какимъ онъ посвящалъ свой

трудъ и изученіе. Біографія Гайма есть въ особенности исторія его внутренняго развитія и его идей.

Трактатъ Гумбольдта „О границахъ дѣятельности государства", написанный еще въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, извѣстенъ былъ тогда лишь въ небольшихъ отрывкахъ и изданъ былъ въ полномъ составѣ (за исключеніемъ нѣсколькихъ затерявшихся страницъ) только въ 1851. Онъ очень любопытенъ, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ научнаго построенія новой теоріи государства, которой, по идеямъ Гумбольдта, предстояло развиваться взамѣнъ стараго государства, создававшаго безконечную регламентацію и опеку. Раннее сочиненіе Гумбольдта было протестомъ противъ этой опеки, не оставлявшей обществу никакой свободы движенія, и защитой общественной самодѣятельности и самаго человѣческаго достоинства.

Гаймъ уже достаточно извѣстенъ въ нашей литературѣ какъ историкъ и біографъ: переведены его книги о Гегелѣ и Гердерѣ, о романтической школѣ; въ томъ же стилѣ написана и біографія В. Гумбольдта. Изложеніе его—довольно тяжеловѣсно; онъ не даетъ ни широкой картины той сцены, на которой совершалась исторія лица, ни живыхъ портретовъ, но внимательно слѣдитъ за развитіемъ идей своего героя, его философскихъ и поэтическихъ интересовъ, и обиліе деталей мѣшаетъ цѣльному впечатлѣнію. Есть еще неудобство, которое встрѣчаетъ русскій читатель: Гаймъ считаетъ, конечно, упоминаемыя имъ лица и событія нѣмецкой жизни совершенно извѣстными нѣмецкому читателю, — между тѣмъ какъ русскому они нерѣдко извѣстны мало. Намъ кажется, что переводчикъ очень содѣйствовалъ бы пользѣ своего труда, еслибы въ подобныхъ случаяхъ дополнялъ текстъ хотя краткими примѣчаніями.

Собственныя имена переводчикъ иногда прямо ставитъ по-нѣмецки или по-французски: это совсѣмъ напрасно пестритъ текстъ, и въ случаѣ надобности можно просто ставить иностранное написаніе въ скобкахъ. Къ сожалѣнію, у насъ очень распространена эта дурная манера. Напр. въ предисловіи переводчика къ трактату „О границахъ дѣятельности государства": онъ былъ изданъ „приватъ-доцентомъ Cauer'омъ"; „въ основаніе Cauer'овскаго изданія"; „см. введеніе Cauer'а къ изданію". Неужели русское письмо не въ состояніи передать имени этого Кауэра?—иначе, для послѣдовательности, нужно писать: „сочиненіе Humboldt'а", „Schiller'овская драма", „письмо къ Stein'у" и т. д.!

— Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи. Очерки по этнографіи края. Подъ редакціей В. В. Иванова. Изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго Комитета. Томъ I. Харьковъ, 1898.

Въ Харьковѣ идетъ вообще весьма дѣятельная работа по историческому и этнографическому изученію края. Не мало подобныхъ трудовъ находитъ мѣсто въ изданіяхъ университетскихъ и затѣмъ въ изданіяхъ Статистическаго комитета, какъ напр. „Календарь“ съ его приложеніями, гдѣ помѣщено, между прочимъ, много этнографическаго матеріала.

Новое изданіе Комитета названо нѣсколько громко; второе заглавіе объясняетъ, какое здѣсь разумѣется „творчество“: это народная поэзія и бытовой обычай. Заглавіе, однако, не точно, потому что и эта поэзія и обычай принадлежатъ творчеству не однихъ крестьянъ харьковской губерніи, а всего больше творчеству цѣлаго малорусскаго (частію и великорусскаго) племени.

Книга представляетъ большой томъ, болѣе тысячи страницъ, и произошла, какъ читаемъ въ предисловіи редакціи, слѣдующимъ образомъ:

„Запросы жизни и науки побудили Харьковскій губернскій статистическій Комитетъ приступить къ собиранію матеріаловъ по этнографіи и отдѣльно по обычному праву харьковскаго края. Полагая, что изученіе народной жизни доступнѣе тѣмъ интеллигентнымъ силамъ, которыя посвятили себя обученію подростающаго населенія, Харьковскій статистическій Комитетъ обратился къ народнымъ учителямъ и учительницамъ съ предложеніемъ заняться изученіемъ народнаго быта и собираніемъ памятниковъ народнаго творчества. Попытка сплошного этнографическаго описанія губерніи, предпринятая Харьковскимъ статистическимъ Комитетомъ, при содѣйствіи народныхъ учителей и учительницъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ“.

Вышедшій теперь первый томъ заключаетъ въ себѣ сообщенія только по одному, старобѣльскому, уѣзду харьковской губерніи. Редакція сборника заявляетъ свою благодарность бывшему инспектору народныхъ училищъ этого уѣзда, г. Ознобишину, который поощрялъ учительскій персоналъ уѣзда къ этому труду, объясняя важность предпринимаемой работы для науки. Въ книгѣ собрано до пятидесяти частныхъ этнографическихъ описаній по селамъ и деревнямъ, и этимъ описаніямъ предпослана общая статья редактора изданія, г. Иванова: „Современная деревня харьковской губерніи“, гдѣ авторъ останавливается въ особенности на экономическомъ состояніи населенія, на земельныхъ отношеніяхъ, формахъ труда, выдѣленіи болѣе зажиточной части жителей въ особый классъ, на положеніи общиннаго вла-

дѣнія. Прибавимъ, что кромѣ этого сборника вышло подъ редакціей г. Иванова особое изслѣдованіе по обычному праву у крестьянъ харьковской губерніи (два выпуска).

Въ руководство мѣстнымъ этнографамъ дана была краткая программа, простое оглавленіе тѣхъ предметовъ народнаго быта, которые требовали описанія. Статьи получились вообще весьма любопытныя и вѣроятно точныя: предметъ описанія былъ постоянно на виду, и авторы могли говорить съ полнымъ знаніемъ дѣла. Содержаніе статей очень разнообразно, касаясь всѣхъ сторонъ крестьянской жизни: численность и наружность жителей, инородческія примѣси; языкъ, мѣстныя слова; малоруссы и великоруссы и ихъ взаимныя отношенія; жилища, одежда, пища; формы труда—земледѣліе, кустарные промыслы и т. д.; бытъ внутренній—состояніе народа религіозное, умственное, нравственное; обычаи, обряды при разныхъ случаяхъ семейнаго быта, при церковныхъ и народныхъ праздникахъ и т. п.; повѣрья и суевѣрья, заговоры, пѣсни, сказки, мѣстныя преданія и проч. Описанія неравномѣрны; большею частію онѣ сжаты, но тѣмъ не менѣе богаты фактами; одно, описаніе слободы Бѣло-Куракина, составленное г. Шинкаревымъ, занимаетъ цѣлыя сотни страницъ (349—489, 641—730) и, между прочимъ, любопытно по сообщеннымъ здѣсь преданіямъ о давнемъ владѣльцѣ этой слободы, князѣ Александрѣ Бор. Куракинѣ; преданія — полу-фантастическія (харьковская деревня разсказываетъ о парижской жизни), но заслуживаютъ вниманія историковъ этого княжескаго рода. Другое обширное описаніе, слободы Никольскаго, составлено гг. Калашниковыми. Разнообразный матеріалъ, рѣдко гдѣ собранный въ такомъ количествѣ изъ одной мѣстности, представляетъ множество подробностей для этнографическаго опредѣленія современнаго быта, а съ другой стороны, для исторіи народнаго преданія. Таково множество новыхъ пѣсенъ; любопытные заговоры изъ понынѣ дѣйствующей практики вѣдуновъ и знахарокъ; полу-языческія молитвы и заклинанія, гдѣ между прочимъ достигаютъ до нашего времени древнія „лживыя молитвы“; оригинальные мѣстные разсказы.

Населеніе харьковской губерніи смѣшанное. Къ основному малорусскому прибавляется—повидимому все въ возростающей степени—пришлое населеніе великорусское. Объ ихъ отношеніяхъ г. Ивановъ (къ сожалѣнію, напрасно пишущій манернымъ языкомъ; авторъ хочетъ дѣлать его оригинальнымъ — но дѣлаетъ ухищреннымъ и неяснымъ) говоритъ: „Традиціонная вражда между „хохлами“ и „москалями“, коренное различіе ихъ бытовыхъ устоевъ начинаетъ смягчаться. Эти „совсѣмъ разные народы“, столько лѣтъ живущіе бокъ-о-бокъ за своими „національными стѣнами“, начинаютъ „перегляды-

ваться", оказывать обоюдное вліяніе. Уравниваетъ ихъ общее теченіе жизни помимо ихъ воли. „Крутая" рѣчь хохла дѣлается предметомъ насмѣшки со стороны хохловъ же „жупàныкивъ" (людей болѣе зажиточныхъ). „Русьскіе" начинаютъ употреблять хохлацкія выраженія, вводить въ свою жизнь хохлацкіе обычаи. Представители разныхъ національностей еще мало „беруцьця" (заключаютъ браки); хохолъ не женится на „московкѣ", такъ какъ она „кислая"; но русскіе, особенно изъ богатыхъ, уже берутъ хохлушекъ. Прежніе кочевники-промышленники изъ русскихъ осѣдаютъ въ хохлацкихъ селеніяхъ и принимаются въ общество... Обычаи слабо „пересаживаются"; но характерные обычаи временемъ разлагаются; костюмы не перенимаются, но національная одежда, сильно мѣшавшая сліянію,—эти „плахты", „запаски", эти „сарафаны", „юпки"—исчезаютъ подъ напоромъ болѣе дешеваго фабричнаго ситца. „Русьскій" устойчивѣе хохла: „москаля хоть въ росòли варù, все винъ, стéрво, москаль". Но у мѣстныхъ москалей замѣчается уже „выщелачиваніе" (?) національныхъ особенностей. Вырабатывается нѣчто нейтральное, общее"... Но въ частныхъ описаніяхъ приводится не мало данныхъ, которыя свидѣтельствуютъ, что племенная отчужденность еще довольно сильна и понынѣ. Такъ, въ описаніи Никольской слободы читаемъ, что мѣстные крестьяне „относятся къ великороссамъ недовѣрчиво и боязливо, считаютъ ихъ хитрыми, лукавыми, лѣнивыми, злыми и мстительными", избѣгаютъ имѣть съ ними какое-нибудь дѣло; русскіе, съ своей стороны, „считаютъ малоросса грубымъ, упрямымъ и глуповатымъ", „всегда стараются обмануть хохла, выпросить у него что-нибудь и вообще поживиться на его счетъ, за что послѣ смѣются надъ нимъ". Обѣ стороны надѣляютъ другъ друга насмѣшливыми или ругательными прозвищами и разсказываютъ соотвѣтственныя исторіи.

Мысль Харьковскаго Комитета собрать эти этнографическія описанія была дѣйствительно счастливая; надо только желать, чтобы изданіе было доведено до конца. Можно было бы также пожелать, чтобы харьковское предпріятіе послужило и для другихъ статистическихъ комитетовъ примѣромъ полезнаго и удобоисполнимаго дѣла: масса описаній, которая получилась бы этимъ путемъ, была бы богатымъ источникомъ не только этнографическихъ, но и соціологическихъ изученій.—Т.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аллу и *Шеню*, адвок.—Великіе адвокаты XIX вѣка, съ предисл. Ж. Симона. Перев. В. Быховскаго. Вып. 1-й, съ портретами. М. 98. Стр. 120. Ц. 75 к.

Амինторъ, фонъ.—За правду и за честь женщины. Cis-moll соната. Противъ „Крейцеровой сонаты" Л. Н. Толстого. Переводъ съ нѣмецкаго М. Калмыкова. Изданіе второе. Спб. 98. Стр. 104. Ц. 50 к.

Анненковъ, К.—Система гражданскаго права. Т. I. Введеніе и Общая часть. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 672. Ц. 4 р.

Анненская. А. Н.—Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. Стр. 532. Ц. 2 р.

Архангельскій, А.—Къ лекціямъ по исторіи русской литературы. Программа лекцій съ указаніемъ источниковъ и пособій. Вмѣсто введенія. I. Памятники устнаго народнаго творчества. Казань. 98. Стр. 38. Ц. 30 к.

Баранцевичъ, К. С.—Чудныя Ночи. Рождественскіе и пасхальные разсказы и очерки. М. 99. Стр. 123. Ц. 45 к.

Блиновъ, свящ. Николай.—Языческій культъ Вотяковъ. Вятка, 98. Стр. 103. Ц. 30 к.

Бородинъ, Н.—Рыболовство и рыбный промыселъ въ западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Ч. I: Рыболовство. Съ 105 чертеж. и рис. Спб. 98. Стр. 276. Ц. 1. р. 50 к.

Брандесъ, Г.—Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Англійская литература. Перев. съ нѣм. М. Іолшина. Спб. 98. Стр. 340. Ц. 75 к.

Бульверъ-Литтонъ, Эд.—Ріенци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Перев. съ англ. С. Гулишамбаровой. Спб. 99. Стр. 518. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XXIX: Бычковъ-Бѣлоруссовъ. Спб. 98. Стр. 385—432. Ц. 35 к.

Вознесенскій, В.—Гидрогеологическія изслѣдованія въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи. Спб. 98. Стр. 341.

Гаймъ, Р.—Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, описаніе его жизни и характеристика. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова, М. 99. XIII, 529; VIII, 166 стр. Ц. 3 р.

Горбовъ, М. А.—Дантъ Алигіери. Божественная Комедія, часть вторая Чистилище. Перев. съ итальян., съ объясненіями и примѣчаніями. М. 98. Стр. 765.

Гоффманъ, полковн.—Школа артиллерійскаго солдата. Ч. I: Книжка учителя молодыхъ солдатъ, канонира и ѣздового. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 233.

Гюйо, М.—Собраніе сочиненій. Т. I: Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. Перев. Н. Южина. Спб. 98. Стр. 458.

Данилевскій, К. Я.—Управляемый летательный снарядъ. Харьк. 98.

Догановичъ, Анна.—Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. Съ рис. М. 98. Стр. 79. Ц. 40 к.

Дюковъ, д-ръ, Е.—За и противъ гомеопатіи. Харьк. 98. Стр. 103. Ц. 50 к.

Ермоловъ, В. Е.—Нашъ родной учитель. К. Д. Ушинскій. Біограф. очеркъ, съ портр. и рис. М. 99. Стр. 66. Ц. 20 к.

Еропкинъ, А. В.—Ряжскій уѣздъ. Изслѣдованіе по нѣкоторымъ податнымъ вопросамъ надѣльнаго землевладѣнія. Ряжскъ, 98. Стр. 114.

Заволжская, д-ръ, Юл. И.—Школьная гигіена. Съ 10 рис. Спб. 98. Стр. 176.

Ивановъ, В. В.—Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи. Очерки по этнографіи края. Томъ I. Харьковъ, 1898. XXXII и 1012 стр. Ц. 2 р.

——— Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи. Вып. 3. Харьковъ, 98. Стр. 240. Ц. 75 к.

Ивинъ, А.—Друзья дѣтей. Сборникъ разсказовъ. М. 98. Стр. 74. Ц. 40 к.

——— Въ городѣ и деревнѣ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. М. 98. Стр. 54. Ц. 20 к.

Ильинъ, Влад.—Экономическіе этюды и статьи. Спб. 99. Стр. 290. Ц. 1 р. 0 коп.

Инфантьевъ, П. П.—Путешествія къ лѣснымъ людямъ. М. 98. Стр. 64.

Канторовичъ, Я. А.—Законы о бракѣ и разводѣ. Сборникъ постановленій дѣйствующаго законодательства, относящихся къ союзу брачному и расторженію брака, съ прилож. свода разъясненій по кассаціоннымъ рѣшеніямъ Сената. Спб. 99. Стр. 285. Ц. 1 р. 25.

Карлейль, Томасъ.—Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды. Переводъ съ англійскаго, В. И. Яковенко. Съ портретомъ автора и статьей переводчика о Карлейлѣ. Спб. 98. Стр. 340. Ц. 1 р.

Клоддъ, Э. — Исторія первобытныхъ людей. Съ 38 рис. Перев. съ англ. М. Д. Энгельгардта. Спб. 98. Стр. 154. Ц. 40 к.

Контъ, Огюстъ. — Положительная философія, въ изложеніи д-ра Робине. Перев. съ франц. Б. Предтеченскій. Спб. 98. Стр. 133. Ц. 50 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. I: Введеніе и общая часть. Изд. 3-е. Спб. 99. Стр. 573. Ц. 3 р.

Коршъ, В. Ѳ.—Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйш. изслѣдованіямъ. Спб. 1880. Стр. 161—320.

Котляревскій, Н. — Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Спб. 98. Стр. 360. Ц. 2 р.

Кругловъ, А. В. — Маленькимъ читателямъ. Разсказы въ прозѣ и стихахъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рис. М. 98. Стр. 47. Ц. 35 к.

——— Новая звѣздочка. Три разсказа. М. 98. Стр. 46. Ц. 25 к.

Лабріола, Антоніо.—Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію. Переводъ съ франц. Спб. 98. Стр. 95. Ц. 50 к.

Лавриновичъ. Ю. Н. (Надеждинъ).—Съѣздъ начальниковъ промышленныхъ училищъ. Спб. 98. Стр. 45. Ц. 30 к.

Лансонъ, Г.—Исторія французской литературы. XVII вѣкъ. Перев. съ франц. З. Венгеровой. Спб. 99. Стр. 257. Ц. 1 р.

——— XVIII вѣкъ. Перев. съ франц. П. О. Морозова. Спб. 99. Стр. 230. Ц. 1 р.

Лихачева, Е. — Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. 1086—1856 гг. Въ трехъ частяхъ. Удостоено Имп. Академіею Наукъ почетнаго отсыва. Спб. 99. Ц. 3 р.

Мельшинъ, Л.—Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. II. Спб. 99. Стр. 402. Ц. 1 р. 50 к.

Мухинъ, В. Ф. — Очеркъ магометанскаго права наслѣдованія. Спб. 98. Стр. 236.

Орловъ, Е.—Александръ Македонскій и Юлій Цезарь, ихъ жизнь и военная дѣятельность. Съ портр. Спб. 98. Стр. 96. Ц. 25 к.

——— Демосѳенъ и Цицеронъ, ихъ жизнь и дѣятельность. Спб. 98. Стр. 88. Ц. 25 к.

Переферковичъ, Н.—Что такое Шулханъ-Арухъ? Къ освѣщенію еврейскаго вопроса. Спб. 99. Стр. 225. Ц. 1 р. 30 к.

Позняковъ, Н. И.—Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 256.

Полиновскій, М. Б. — Искорка. Юмористическія и сатирическія стихотворенія. 2-е изд. Од. 98. Стр. 107. Ц. 30 к.

Порозовская, Б. Д. — Мартинъ Лютеръ, его жизнь и реформаторская дѣятельность. Спб. 98. Стр. 112. Ц. 25 к.

Раухфусъ, К. А.—Успѣхи примѣненія противодифтерійной сыворотки въ Россіи. Спб. 98. Стр. 136.

Ревилль, проф., Альбертъ.—Какъ я повѣрилъ въ невинность Дрейфуса. Перев. съ франц. Я. Билибина. Од. 98. Стр. 47. Ц. 25 к.

Рибо, Т.—Эволюція общихъ идей. Перев. съ франц. М. Гольдсмитъ. Спб. 98. Стр. 210. Ц. 60 к.

С., Л.—Основные вопросы воспитанія, по сочиненіямъ Пирогова. Съ его портретомъ. Спб. 99. Стр. 32. Ц. 25 к.

Сабатье, А. — Жизнь и смерть. Перев. съ франц. В. Обресимова. Спб. 98. Стр. 201. Ц. 75 к.

Санчурскій, Н. — Краткій очеркъ римскихъ древностей. Изд. 2-е, съ планомъ Рима и 135 рис. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 190. Ц. 1 р. 50 к.

*Сенигов*ъ, І. П.—Коммерческій Словарь. Спб. 98. Стр. 298. Ц. 2 р.

Сеньобосъ, Ж.—Политическая исторія современной Европы. 1814—1896 г. Перев. съ франц. п. р. проф. А. Трачевскаго, съ предисловіемъ автора, написаннымъ для русской публики. Спб. 98. Стр. 866. Ц. 1 р. 50 к.

Сидней Веббъ.—Положеніе труда въ Англіи за послѣднія 60 лѣтъ. Спб. 99. Стр. 32. Ц. 15 к.

Смирновъ, В. Д.—Герценъ, его жизнь и литературная дѣятельность. (Жизнь замѣчательныхъ людей, Ф. Павленкова). Спб. 98. Стр. 160. Ц. 25 к.

Соколовъ, Е. Ѳ.—Положеніе начальнаго народнаго образованія въ Тобольской губерніи за 1896—97 учебный годъ. Тоб. 98. Стр. 34.

Спенсеръ, Г. — Хорошее и дурное поведеніе. Съ англ. Спб. 99. Стр. 122. Ц. 50 к.

Твэнъ, Маркъ.—Эскизы, I—III. Перев. п. р. И. Ф. Василевскаго (Буква). Изд. журн. „Стрекоза". Спб. 98. Съ рис.

Тиндаль, Дж.—Уроки по электричеству. Съ англ. перев. Е. Предтеченскій. Съ рис. Спб. 98. Стр. 143. Ц. 50 к.

Тиченеръ, З. Б.—Очерки психологіи. Перев. съ англ. М. Чепинской. Спб. 98. Стр. 286. Ц. 1 р.

Трайлъ, І. Д.—Общественная жизнь Англіи, отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени. Т. V: Отъ воцаренія Георга I до битвы при Ватерлоо. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 98. Стр. 544. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Ип.—В. Шекспиръ. Перев. съ франц. Од. 98. Стр. 92. Ц. 15 к.

*Филиппов*ъ, М. М.—Историческія повѣсти. Спб. 98. Стр. 240. Ц. 1 р.

Фулье, А.—Психологія французскаго народа. Переводъ съ франц. Н. Кончевской. Спб. 99. Стр. 310. Ц. 1 р.

Церетели, Е.—Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Біографическій очеркъ въ связи съ исторіей того времени. Въ пользу Об—ва вспоможенія окончившимъ курсъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 98. Стр. II и 356. Ц. 1 р. 50 к.

Цигельротъ.—Нервность нашего времени, причины ея и средства къ устраненію. Переводъ Н. У. Спб. 98. Стр. 80. Ц. 25 к.

Чепинскій, В. — Вашингтонъ, его жизнь, военная и общественная дѣятельность. Съ портр. Спб. 98. Стр. 96. Ц. 25 к.

Штейнгауеръ, И.—Слово и слогъ. Учебное руководство къ постепенному

изученію русскаго языка. Вып. 1-й: Букварь и первая книга для чтенія, съ образцами рисованія по сѣткѣ, письменными упражненіями, матеріаломъ для чтенія и картинками въ текстѣ. Изд. 3-е. Спб. 98. Стр. 108. Ц. 25 к.

Юзефовичъ, Б.—Основы самопознанія. Философскій очеркъ для юношества. Кіевъ. 98. Стр. 91. Ц. 40 к.

Юревичъ, Г. Я.—Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. Ч. I и II. Спб. 99. Стр. 70 и 80. Ц. по 10 к.

Эспинасъ, А.—Соціальная жизнь животныхъ. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 319. Ц. 1 р.

Cossa, Luigi, prof. à l'Université de Pavie. Histoire des doctrines économiques. Avec une préface de A. Deschamps, prof. agregé à la Faculté de droit de l'Université de Paris. P. 99. Стр. XII + 574. Ц. 10 фр.

Lupus, Dr. Alexis.—Der eherne Reiter. Eine petersburger Erzählung von A. S. Puschkin. Deutsch, nebst Puschkin's Vorwort und Anmerkungen, sowie Anmerkungen Vor- und Nachwort des Uebersetzers. Leipz. 98. Стр. 125.

——— Les calomniateurs de la Russie, par A. S. Pouchkine. Traduit du russe. St.-Pét. 94. Стр. 14.

——— Einige Worte über A. S. Puschkin, seine deutschen Uebersetzer und deutschen Kritiker. Eine Erwiderung. Спб. 98. Стр. 28.

Petrinjensis, Dr.—Bosnien und das Kroatische Staatsrecht. Eine historisch-juridische Studie. Agram. 98. Стр. 261.

Piotrowski, St.—Niemcy o Niemcach. Warszawa. 99. Стр. 63.

— Изданіе Историческаго Общества при Имп. Московскомъ университетѣ. Рефераты, читан. въ 96—97 гг. Т. II. М. 98. Стр. 408.

— Литературный Сборникъ „Волжскаго Вѣстника". Каз. 98. Стр. 464. Ц. 1 р. 50 к.

— Маленькая Антологія. № 18: Поэты Финляндіи и Эстляндіи. Изд. п. р. Н. Невича. Спб. 98. Стр. 159. Ц. 50 к.

— Медицинскій отчетъ по вѣдомству императрицы Маріи за 1895—96 г. Спб. 98. Стр. 414.

— Отчетъ по Главному тюремному управленію за 1896 г. Спб. 98. Стр. 170 in 4°.

— Отчетъ по Лѣсному Управленію Министерства Земледѣлія и Госуд. Имуществъ, за 1897 годъ. Спб. 98. Стр. 151, съ прилож. вѣдомостей.

— Программы чтенія для самообразованія. 3-е изд. Спб. 99. Стр. 251. Ц. 40 к.

— Рецензія народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ. Труды Коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. М. 98. Стр. 93. Ц. 50 к.

— Русскій торговый флотъ къ 1 января 1898 г. Спб. 98. Стр. 63.

— Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. IV. М. 98. Стр. 297—605. Ц. 1 р. 20 к.

— Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. VIII. М. 98. Стр. 128.

— Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 годъ. Изд. Департамента Мин. Народ. Просвѣщенія. Спб. 98. Стр. 277, съ общими сводами и приложеніями.

— Торгово-промышленная Россія. Справочная книга для купцовъ и фабрикантовъ, составл. п. р. А. А. Блау, начальника Статистич. Отдѣл. Департамента Торговли и Мануфактуръ Министерства Финансовъ. Спб. 99. Столбц. 2.703, съ Алфавитн. Указ. фамилій и фирмъ и картою пароходныхъ сообщеній, желѣзн. и почтов. дорогъ Росс. Имп. Ц. 10 руб.

НОВАЯ КНИГА Г-на Ѳ. ЕЛЕНЕВА

И ПОПРАВКИ КЪ НЕЙ.

— Чего достигли и чего домогаются впередъ достигнуть финляндцы по пути отпаденія (?!) ихъ отъ русской государственной власти. Ѳ. Еленева. 117 стр. 8°. Москва 1898 г.

Само заглавіе книги говоритъ столь же коротко, сколь и ясно, о томъ, что авторъ ея задался цѣлью не писать исторію, а собственно обвинить, во чтò бы то ни стало, въ тяжкомъ преступленіи финскій народъ. Съ самагò начала, авторъ завѣряетъ, что сочиненіе его „основано исключительно на оффиціальныхъ документахъ и несомнѣнныхъ историческихъ фактахъ“, а въ концѣ книги, на трехъ послѣднихъ страницахъ ея, онъ предлагаетъ читателямъ раздѣленный на 16 статей собственный проектъ „Положенія для управленія финляндскими губерніями“. Этотъ проектъ долженъ, по мнѣнію автора, однимъ ударомъ положить конецъ дерзкимъ притязаніямъ финляндцевъ продолжать пользоваться внутреннимъ порядкамъ, установленнымъ съ начала истекающаго нынѣ столѣтія, а самая книга, можно думать, предназначена къ тому, чтобы представить мотивы къ упомянутому проекту г. Еленева. Но въ этихъ мотивахъ содержится цѣлая масса погрѣшностей, а также и оскорбленій многихъ извѣстныхъ лицъ въ Финляндіи, о чемъ нельзя не пожалѣть. Нѣтъ надобности перечислять всѣ эти погрѣшности; довольно ограничиться главнѣйшими изъ нихъ, чтобы охарактеризовать значеніе всей книги г. Еленева. Для полнаго и подробнаго опроверженія ея потребовался бы цѣлый томъ,—но чтобы обнаружить истинный характеръ сочиненія г. Еленева, достаточно ограничиться разборомъ главной части его содержанія.

Первое положеніе г. Еленева состоитъ въ томъ, что шведскіе основные законы 1772 и 1789 гг., по его мнѣнію, не сохранили силы въ

Финляндіи, послѣ того, какъ эта страна въ 1809 г. была отдѣлена отъ Швеціи и соединена съ Россіею. Конечно, онъ не можетъ отрицать существованія Высочайшаго манифеста 15 (27) марта 1809 г.; онъ даже приводитъ подлинный текстъ этого акта, которымъ императоръ Александръ I утвердилъ и удостовѣрилъ „религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались". Но г. Еленевъ называетъ этотъ манифестъ простою „привѣтственною грамотою", и утверждаетъ, что подъ коренными законами подразумѣваются здѣсь не основные законы, а лишь общее уложеніе 1734 г. и церковный уставъ 1686 г. Если императоръ Александръ I въ разныхъ рѣчахъ и манифестахъ объявлялъ финлянцамъ, что онъ сохранилъ „la constitution" и „les lois fondamentales", то это, по объясненію г. Еленева, соотвѣтствовало тогдашнему настроенію императора, который, однако, не придавалъ своимъ словамъ серьезнаго значенія, а хотѣлъ только обезпечить себѣ вѣрность сословій въ виду предстоявшей борьбы съ Наполеономъ. „Всѣмъ извѣстно,—говоритъ авторъ,—что императоръ Александръ I любилъ употреблять громкія фразы и пользовался ими для своихъ цѣлей, какъ тонкій политикъ".

Подобный взглядъ на слова и дѣйствія монарха—заимствованный, впрочемъ, г. Еленевымъ у Ордина,—былъ бы оскорбителенъ для памяти каждаго даже частнаго лица, а потому и представляется, по меньшей степени, легкомысленнымъ.

Высочайшій манифестъ 15 (27) марта 1809 г. едва ли можетъ быть, безъ униженія памяти Александра I, признанъ простою „привѣтственною грамотою", изданною для того, чтобы неопредѣленными фразами обмануть финляндцевъ, какъ то очевидно представляется г. Еленеву. Самый актъ, какъ извѣстно и самому автору, былъ объявленъ при самой торжественной обстановкѣ, прочтенъ въ каѳедральномъ соборѣ, въ присутствіи земскихъ чиновъ Финляндіи, собравшихся для принесенія присяги Александру I, какъ великому князю Финляндіи, и затѣмъ онъ былъ переданъ предводителю перваго сословія, ландмаршалу. Объ этомъ императоръ объявилъ всѣмъ жителямъ Финляндіи въ особомъ манифестѣ 23 марта (4 апрѣля) 1809 г., который въ подлинникѣ начинается слѣдующими словами:

„Ayant réuni les états de la Finlande en une Diète générale et reçu leurs serments de fidèlité, Nous avons voulu à cette occasion par un acte solennel émané en leur présence et proclamé dans le sanctuaire de l'Etre Suprême confirmer et assurer le maintien de la Religion, des lois fondamentales, les droits et les privilèges dont chaque état en

particulier et tous les habitants de la Finlande en général ont joui jusqu'à présent".

Все это, по мнѣнію г. Еленева, было не больше, какъ театральная сцена. Александръ I утвердилъ,—продолжаетъ г. Еленевъ,—только уложеніе 1734 г. и церковный уставъ 1686 г. Но изъ текста манифеста ясно вытекаетъ, что имъ утверждаются всѣ дѣйствовавшіе передъ тѣмъ въ Финляндіи законы, какъ гражданскіе, такъ и государственные. Такъ именно понималъ манифестъ самъ императоръ, и притомъ не только въ рѣчахъ и манифестахъ, предназначавшихся для финляндцевъ, которыхъ, согласно толкованію г. Еленева, императоръ Александръ I хотѣлъ только усыпить,—онъ ясно высказывается въ томъ же смыслѣ и тогда, когда не могло быть и рѣчи объ „ораторскомъ" искусствѣ. Въ рескриптѣ, отъ 14 (26) сентября 1810 г., въ которомъ Александръ I сообщалъ генералъ-губернатору Штейнгейлю свою волю по вопросу о политикѣ, которою слѣдуетъ руководствоваться по отношенію къ Швеціи, онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Съ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи, вся цѣль нашихъ къ сей странѣ предположеній была достигнута. Два главныя правила отсюда' проистекали:

„1) Чтобъ не входить ни подъ какимъ видомъ во внутреннія дѣла Швеціи.

„2) Чтобъ внутреннимъ устройствомъ Финляндіи предоставить народу сему несравненно болѣе выгодъ въ соединеніи его съ Россіею, нежели сколько онъ имѣлъ, бывъ подъ обладаніемъ Швеціи"...

Далѣе, излагается слѣдующее:

„Намѣреніе Мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать народу сему бытіе политическое; чтобъ онъ считался не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными его очевидными пользами; для сего—

„1) Сохранены ему не только гражданскіе, но политическіе его законы" [1]), и т. д.

Такимъ образомъ, защищаемое г. Еленевымъ собственное его толкованіе манифеста 1809 г. совершенно опровергается этими словами монарха,—о которыхъ г. Еленевъ въ своемъ сочиненіи, впрочемъ, совсѣмъ умалчиваетъ, хотя этотъ рескриптъ едва ли ему былъ неизвѣстенъ. И тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что встрѣчающіяся въ манифестѣ 9 (20) февраля 1816 года „фразы" объ утвержденной для Финляндіи конституціи ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поняты въ такомъ смыслѣ, что императоръ при этомъ имѣлъ въ виду прежніе шведскіе

---

[1]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ третій. Изданъ подъ редакціею Н. Дубровина. С.-Петербургъ, 1890 г.

основные законы, потому что онъ здѣсь говоритъ только о *гражданской свободѣ*, которою финляндцы пользовались согласно съ прежнимъ своимъ закономъ, а не о *политической свободѣ*, каковое выраженіе, по мнѣнію г. Еленева, вездѣ принято понимать, какъ совокупность конституціонныхъ правъ. Характерно при всемъ этомъ, что авторъ вовсе не приводитъ тѣхъ словъ манифеста, которыя не согласуются съ его взглядомъ, и затѣмъ говоритъ: „Послѣ такого громкаго вступленія слѣдовало ожидать, что въ этомъ манифестѣ Финляндіи даруются какія-нибудь весьма важныя права, осуществляющія надежды финляндцевъ на конституцію. Вмѣсто того, все дѣло ограничилось только тѣмъ, что Правительствующій Совѣтъ повелѣно называть впредь Финляндскимъ Императорскимъ Сенатомъ". Между тѣмъ, въ текстѣ манифеста сказано, что финляндское высшее правительство должно получить то же названіе, какъ и высшее правительство въ имперіи и въ присоединенномъ къ ней съ недавняго времени царствѣ польскомъ, для вящшаго ознаменованія *непосредственнаго отношенія финляндскаго правительства къ лицу монарха*, „безъ отмѣны однако въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ". Перемѣна *названія* финляндскаго правительства, дѣйствительно, не имѣла особеннаго политическаго значенія. Но ту часть этого акта, которую г. Еленевъ обходитъ молчаніемъ, финляндцы всегда высоко цѣнили, какъ несомнѣнное доказательство того, что имп. Александръ I не отказался и позже, когда уже кончилась борьба съ Наполеономъ, отъ принциповъ, которые руководили имъ въ 1809 г. Великія войны, которыя повели къ паденію Наполеона, были окончены. Императоръ былъ безспорно самымъ могущественнымъ монархомъ Европы. Сохранитъ ли онъ и послѣ того за Финляндіею тѣ права, которыя онъ обѣщалъ въ то время, когда быстрое умиротвореніе страны могло вызываться общими политическими интересами Россіи? Въ настоящее время трудно опредѣлить, возникали ли тогда подобнаго рода сомнѣнія у финляндцевъ. Быть можетъ, что среди русскихъ государственныхъ дѣятелей высказывалось мнѣніе въ смыслѣ измѣненія той политики, которою руководствовались императоръ Александръ I и Сперанскій относительно Финляндіи. Какъ бы то ни было, въ манифестѣ 1816 г., Александръ I ясно и положительно разъяснилъ, для чего онъ предоставилъ Финляндіи тѣ порядки, какими жители ея передъ тѣмъ пользовались, и объявилъ, что онъ теперь „на всегдашнія времена" возобновляетъ свое обѣщаніе „о святомъ сохраненіи" особеннаго порядка для Финляндіи „подъ державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ". Здѣсь вовсе не имѣлось въ виду „осуществить надежды финляндцевъ на конституцію", какъ полагаетъ

г. Еленевъ,—въ манифестѣ только подтверждено, что за Финляндіею сохраняется ея прежнее устройство, обезпечивающее прочность положеннаго Александромъ I основанія для будущаго благоденствія страны.

„Конституція", когда въ актахъ того времени рѣчь идетъ о Финляндіи, означаетъ не государственное учрежденіе, а только древнее гражданское уложеніе и церковный уставъ,—таково убѣжденіе автора книги. Между тѣмъ императоръ говоритъ о финляндскихъ законахъ, съ которыми будетъ сообразоваться *жизнь* страны. Въ данномъ случаѣ, очевидно, прежде всего имѣются въ виду основные законы, потому что только они содержатъ нормы осуществленія государственной власти. Далѣе, указывая на непосредственное отношеніе финляндскаго правительства къ лицу монарха, Александръ I констатируетъ важный, съ точки зрѣнія государственнаго права, фактъ, что финляндскія правительственныя власти остаются обособленными, или иначе Финляндія была бы провинціею.

Г-нъ Еленевъ ссылается на 4-ую ст. фридрихсгамскаго мирнаго трактата, отъ 17 сентября 1809 г., въ которомъ онъ видитъ неопровержимое доказательство неосновательности притязаній финляндцевъ. Здѣсь, по мнѣнію г. Еленева, императоръ, оставляя въ сторонѣ пріятныя для финляндцевъ фразы, „выражается вполнѣ автократически, и при томъ въ такой рѣшительной и ясной формѣ, которая не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Финляндія безусловно подчиняется самодержавной власти русскаго монарха". Такое выраженіе не встрѣчается ни въ одной изъ 21 статьи трактата, такъ какъ этимъ трактатомъ опредѣлялись правовыя отношенія между Россійскою державою и *Швеціею*. Четвертую, а также шестую статью трактата можно только привести въ доказательство того, что императоръ Александръ I, окончательно установившій, за полгода передъ тѣмъ, въ согласіи съ земскими чинами, будущее отношеніе Финляндіи къ Россійской Имперіи, не желалъ, чтобы этотъ вопросъ сталъ предметомъ какого-либо соглашенія съ Швеціею или былъ обставленъ какими-нибудь условіями со стороны шведскаго короля. Что касается международнаго права, то редакція трактата доказываетъ также, что императоръ Александръ I, принимая мѣры къ обезпеченію внутренней самостоятельности Финляндіи, не имѣлъ въ виду поколебать этимъ единство россійской державы въ ея отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ. Только предвзятою мыслью автора можно объяснить то, что статья 4-ая мирнаго трактата, въ которой вовсе не говорится объ образѣ управленія Финляндіи, получаетъ въ глазахъ г. Еленева значеніе статьи закона, въ силу которой основные законы Финляндіи, утвержденные Александромъ I и всѣми его августѣйшими преемниками, не имѣли никакого значенія.

Далѣе, г. Еленевъ утверждаетъ, что при Александрѣ I и Николаѣ I и даже до 1863 г. правительственная власть въ Финляндіи осуществлялась помимо какихъ бы то ни было финляндскихъ основныхъ законовъ, и въ этомъ онъ видитъ новое доказательство важнѣйшаго изъ выставленныхъ имъ положеній, а именно, что имп. Александръ I никогда не утверждалъ прежнихъ шведскихъ основныхъ законовъ. Со времени боргоскаго сейма, земскіе чины не созывались, ни при Александрѣ I, ни въ царствованіе Николая I, а поэтому можетъ казаться, что прежній порядокъ былъ отмѣненъ, или Финляндія не пользовалась прежними правами.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ утвержденныхъ Александромъ I основныхъ законахъ вовсе не содержится опредѣленія о срочности сеймовъ. Согласно § 38 „Формы Правленія" 1772 г., срокъ созыва сословій всегда зависѣлъ исключительно отъ благоусмотрѣнія монарха. Дѣйствительно, сеймъ въ теченіе длиннаго періода времени не созывался, но это и означаетъ только то, что ни Александръ I, ни Николай I, не находили нужнымъ созывать сеймъ. Но въ то же время, при обоихъ монархахъ, земскіе чины продолжали рѣшать всѣ такіе вопросы, по которымъ, согласно основнымъ законамъ 1772 и 1789 гг., было необходимо участіе земскихъ чиновъ.

Согласно съ этими же основными законами, законодательная власть, въ области основныхъ законовъ и общаго уложенія, осуществлялась монархомъ и земскими чинами совмѣстно; но затѣмъ монархъ, безъ всякаго участія земскихъ чиновъ, всегда могъ издавать постановленія, имѣющія силу закона, по вопросамъ административнаго и полицейскаго права. И дѣйствительно, всѣ постановленія, изданныя въ царствованіе имп. Александра I (за исключеніемъ трехъ законовъ, основывающихся на рѣшеніяхъ и проектахъ боргоскаго сейма), касаются именно такихъ вопросовъ, которые въ силу основныхъ законовъ рѣшаются безъ участія земскихъ чиновъ. Когда въ теченіе этого періода возникали вопросы, требовавшіе измѣненія общаго уложенія, то имп. Александръ I постановлялъ, чтобы они были переданы на обсужденіе сейма, который онъ намѣренъ былъ созвать. Сеймъ не состоялся, и проекты эти остались безъ движенія.—Въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія императора Николая I законодательство по прежнему вращалось въ предѣлахъ административнаго и полицейскаго права. Только въ двухъ постановленіяхъ было оговорено, что обстоятельства времени не допускаютъ созыва сейма, но и данный законодательный вопросъ также не можетъ быть отсроченъ.

Въ 1835 г., по Высочайшему повелѣнію, была учреждена „коммиссія для составленія систематическаго свода дѣйствующихъ постановленій, изданныхъ при прежнемъ и нынѣшнемъ правительствѣ". Послѣ того,

какъ часть этой работы была окончена, имп. Николай I, въ 1842 г., поручилъ особой коммиссіи разсмотрѣть составленный проектъ. Эта новая коммиссія въ представленномъ государю донесеніи, подвергнувъ проектъ строгой критикѣ, изложила въ частности, что общее уложеніе 1734 г., изданное въ свое время монархомъ и сословіями, согласно „Формѣ Правленія", должно быть измѣнено тѣмъ же путемъ, хотя бы только въ формальномъ отношеніи, и что первоначальная коммиссія не соблюдала надлежащимъ образомъ различіе между тѣми законоположеніями, по которымъ въ силу основныхъ законовъ требуется участіе земскихъ чиновъ,—и экономическимъ законодательствомъ, составляющимъ исключительное право монарха. Ознакомившись съ донесеніемъ коммиссіи, имп. Николай I уважилъ сдѣланныя ею замѣчанія и повелѣлъ составить новый проектъ съ тѣмъ, чтобы уложеніе 1734 г. оставлено было безъ измѣненій.

Изъ этого ясно вытекаетъ, что не только Александръ I, но и Николай I допускалъ участіе земскихъ чиновъ въ законодательствѣ, въ томъ, конечно, видѣ, какъ это было опредѣлено въ основныхъ законахъ 1772 и 1789 гг. Такое утвержденіе не выразилось положительно, т.-е. созваніемъ сейма для участія въ законодательныхъ трудахъ, тѣмъ не менѣе, однако, самый законъ не былъ подвергнутъ измѣненію.

То же самое соблюдалось и при рѣшеніи финансовыхъ вопросовъ. Ординарный бюджетъ, на основаніи § 24 „Формы Правленія 1772 г.", утверждался монархомъ единолично. Ординарными доходами считались доходъ отъ государственныхъ имуществъ и публичныхъ учрежденій, принятые земскими чинами безсрочные налоги и разнаго рода сборы, взимаемые по таксамъ, утверждаемымъ монархомъ. Согласно указанной статьѣ закона, ординарный бюджетъ долженъ обнимать не только штаты содержанія, но и особый кредитъ на непредвидѣнные расходы. На боргоскомъ сеймѣ Александръ I, въ особомъ финансовомъ законопроектѣ, передалъ всѣ относящіеся сюда вопросы на обсужденіе земскихъ чиновъ; при этомъ онъ замѣтилъ, что доходы Финляндіи должны употребляться исключительно на благо страны, и что величина налоговъ „должна соотвѣтствовать государственнымъ потребностямъ", потому что „внутреннее управленіе страны можетъ быть свободнымъ и самостоятельнымъ лишь при томъ условіи, если страна располагаетъ достаточными средствами для удовлетворенія своихъ потребностей". Составленныя на этомъ сеймѣ смѣтныя исчисленія и предположенія положены были въ основаніе финансоваго управленія Финляндіи. Въ государственномъ хозяйствѣ соблюдалась строгая экономія, такъ какъ приходилось довольствоваться ординарными поступленіями, которыя лишь медленно увеличивались, вслѣдствіе есте-

ственнаго роста таможеннаго и другихъ косвенныхъ налоговъ. Земскіе чины не созывались, и потому не было случая вводить новыхъ налоговъ. Два раза только правительство распорядилось иначе: въ 1842 г., при введеніи упрощенныхъ основаній для исчисленія поземельнаго налога, и въ 1842 г., при изданіи новаго постановленія о гербовомъ сборѣ. Инціатива въ обоихъ этихъ случаяхъ, повидимому, исходила отъ финляндскаго сената, и притомъ все это вызывалось неотложными практическими потребностями. Послѣ 1863 г., оба эти финансовые вопроса были окончательно урегулированы—и на этотъ разъ уже при участіи земскихъ чиновъ.

Если императоръ Николай I не созывалъ сейма, то это объясняется прежде всего отношеніемъ его къ общеевропейскимъ политическимъ движеніямъ того времени. Но и г. Еленевъ не можетъ утверждать, что онъ отмѣнилъ основные законы, такъ какъ они и при немъ оставались неотмѣненными. Развитіе страны, правда, затруднялось вслѣдствіе застоя въ области законодательства, и средства казначейства не могли быть усиливаемы введеніемъ новыхъ налоговъ. Но, во всякомъ случаѣ, если не принимать въ разсчетъ вышеуказанныхъ исключительныхъ случаевъ, то и при имп. Николаѣ I общій порядокъ оставался безъ измѣненія.

По примѣру своего предшественника, который неоднократно заявлялъ, что основные законы 1772 и 1789 гг. должны быть соблюдаемы, имп. Николай I также сообразовался съ опредѣленіями утвержденныхъ имъ законовъ. Когда учрежденная въ 1811 г. коммиссія финляндскихъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ была признана излишнею и учрежденъ былъ нынѣшній статсъ-секретаріатъ, имп. Александръ I въ составлявшемся по этому поводу манифестѣ объявилъ, что онъ желалъ „установить для Финляндіи сообразный съ утвержденными Нами коренными законами и основными постановленіями сего края порядокъ по докладу Намъ дѣлъ, зависящихъ отъ разрѣшенія Высочайшей власти“. Слова эти, очевидно, относятся къ „Формѣ Правленія“ 1772 г., потому что ни въ какомъ другомъ законѣ не говорится о томъ, что статсъ-секретарь сообщаетъ по принадлежности и скрѣпляетъ бумаги, въ которыхъ объявляется рѣшеніе монарха. Императоръ назначалъ на финляндскія должности исключительно финляндцевъ, такъ какъ объ этомъ постановлено въ законахъ 1772 и 1789 гг. „При императорѣ Николаѣ,—замѣчаетъ г. Еленевъ,—также ничего не было сдѣлано для установленія русскаго контроля надъ дѣлами Финляндіи и для административнаго ея сближенія съ остальною Россіею“. Это случилось вовсе не вслѣдствіе того, что на интересы Россіи, какъ полагаетъ г. Еленевъ, не обращалось вниманія, а потому что такія мѣры заключали бы въ себѣ отступленіе отъ основныхъ законовъ, со-

гласно которымъ управленіе Финляндіи осуществлялось исключительно финляндскими властями. Какъ императоръ Николай I смотрѣлъ на основные законы Финляндіи, это всего лучше видно изъ того факта, что по его повелѣнію былъ утвержденъ сводъ этихъ основныхъ законовъ и законовъ о государственныхъ властяхъ имперіи. Въ ст. 4-ой основныхъ законовъ сказано, что престолъ великаго княжества финляндскаго нераздѣльно соединенъ съ императорскимъ всероссійскимъ престоломъ. Далѣе, Финляндія упоминается въ статьяхъ объ императорскомъ титулѣ и гербѣ. Но глава о законахъ не содержитъ ни одного слова, которое касалось бы финляндскаго законодательства. Это вполнѣ согласуется со взглядами, которыхъ придерживался Александръ I въ 1809 г., когда онъ, не подчиняя Финляндію, въ видѣ провинціи, общимъ правительственнымъ учрежденіямъ имперіи, утвердилъ за нею особое управленіе и особое законодательство. Г-нъ Еленевъ, конечно, умалчиваетъ о содержаніи упомянутыхъ законовъ имперіи, потому что они уже сами по себѣ опровергаютъ всѣ его соображенія, да и при томъ онъ не могъ бы утверждать, что великимъ дѣломъ кодификаціи русскихъ законовъ руководили дерзкіе финляндскіе интриганы, вліяніе которыхъ ему видится повсюду.

Замѣтимъ мимоходомъ, какъ характерно г. Еленевъ „основывается на оффиціальныхъ документахъ“. Онъ, напр., приводитъ *въ ковычкахъ* нѣкоторыя опредѣленія учрежденія правительствующаго совѣта 1809 г. (§§ 15—18), но при этомъ формулируетъ ихъ содержаніе въ такомъ видѣ, какъ будто въ нихъ не принято въ соображеніе предоставленное земскимъ чинамъ, по основнымъ законамъ 1772 и 1789 гг., право участія въ законодательствѣ и въ установленіи налоговъ. Проредактировавъ самъ текстъ закона, онъ пользуется своею редакціею для того, чтобы доказать, будто императоръ Александръ I не утверждалъ этихъ основныхъ законовъ. Между тѣмъ, учрежденіе 1809 г. имѣло единственною цѣлью организовать правительство Финляндіи. Права земскихъ чиновъ при этомъ вовсе не затрогивались.

Двѣ главы своего сочиненія г. Еленевъ назвалъ слѣдующимъ образомъ: „Пропаганда ученія о финляндскомъ государствѣ“ и „Продолженіе пропаганды о финляндскомъ государствѣ“.

Вотъ его собственныя слова: „Тотчасъ по кончинѣ императора Николая, въ Финляндіи начинается дѣятельная подготовка къ невооруженной и легальной революціи противъ русской власти“. Профессора и писатели „стали пропагандировать въ лекціяхъ и въ печати придуманное ими ученіе о финляндскомъ государствѣ, соединенномъ

съ Россіею только единствомъ царствующаго дома, но имѣющемъ свои собственные основные законы". Исторически это не совсѣмъ вѣрно, и во всякомъ случаѣ пришлось бы обвинять въ такомъ „ученіи" императора Александра I; въ актахъ его времени Финляндія называлась государствомъ, націею съ политическимъ бытіемъ, управляемою согласно собственнымъ основнымъ законамъ. Затѣмъ слѣдуетъ обвинять также Сперанскаго, относившагося къ Финляндіи, какъ къ государству, а не какъ къ провинціи. Если обратимся къ финляндской литературѣ временъ Александра I, то найдемъ, что, напр., въ самой вліятельной тогдашней финляндской газетѣ „Abo Morgonblad" 1821 г., въ статьѣ: „Взглядъ на наше отечество" (En blick på vårt fosterland), говорилось слѣдующее: „Императоръ Александръ осуществилъ соединеніе нашей страны съ могущественною россійскою державою такимъ образомъ, что императоръ не только не смотрѣлъ на насъ какъ на покоренный народъ, но предоставилъ намъ нашу конституцію. Александръ объявилъ, что Финляндія отнынѣ перестала быть провинціею, что она, напротивъ, будетъ пользоваться полноправнымъ самоуправленіемъ, подъ его благословеннымъ скипетромъ".

При Николаѣ I это же „ученіе" получило могущественную опору въ Высочайшемъ манифестѣ о восшествіи на престолъ отъ 12 (21) декабря 1825 г. и, какъ выше замѣчено, въ сводѣ законовъ. „Государственное право" Финляндіи также въ его царствованіе читалось на юридическомъ факультетѣ университета, согласно уставамъ 1828 и 1852 гг. Систематическая разработка этого предмета ведетъ свое начало отъ лекцій и сочиненій выдающагося юриста И. Я. Нордстрема, состоявшаго профессоромъ университета съ 1834 по 1845 г. Даже иностранные юристы не оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно внутренняго положенія далекой Финляндіи. Французскій юристъ O. F. Angelot издалъ въ 1834 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: „Sommaire des législations des Etats du Nord, Danemark, Norvège, Suède, Finlande et Russie. Pour servir à l'étude de la législation comparée". Здѣсь мы читаемъ: „La grande principauté de Finlande, apres avoir été pendant près de sept siécles reunie à la Suède, dont elle partagea les vicissitudes politiques et législatives, est depuis 1809 unie à la Russie, mais sans y être incorporée, et de manière qu'elle forme un petit Etat à part, ayant, comme naguère la Pologne, ses frontières, sa constitution, sa législation, son administration, son armée et ses finances particulières". Затѣмъ, Анжелò подробно передаетъ содержаніе основныхъ законовъ 1772 и 1789 гг., утвержденныхъ манифестомъ 15 (27) марта 1809 г.

Этого довольно, чтобы усомниться въ утвержденіи г. Еленева, будто „ученіе о финляндскомъ государствѣ" было выдумано по восшествіи

на престолъ Александра II. Кромѣ того, вопреки мнѣнію автора, въ то время на первый планъ выступили вовсе не теоретическія ученія. Пробудилась надежда на болѣе широкій режимъ, а потому было доведено до свѣдѣнія монарха о желаніи финскаго народа, чтобы вновь былъ созванъ сеймъ.

Независимо отъ финляндскихъ авторовъ, выдающіеся русскіе ученые изслѣдовали вопросъ о правовомъ положеніи Финляндіи и пришли, въ главныхъ чертахъ, къ тому же результату, какъ и финляндскіе, а именно, что Финляндія не есть только провинція. Уже въ изданномъ въ 1866 г. сочиненіи: „О народномъ представительствѣ“, Б. Чичеринъ говоритъ, что даже русскіе основные законы признаютъ существованіе финляндскаго государства, неразрывно связаннаго съ Россіею, но не входящаго въ составъ; Финляндія не инкорпорирована съ Россіею, а лишь соединена съ нею подъ общимъ монархомъ. Профессоръ А. Градовскій въ своемъ капитальномъ трудѣ: „Начала русскаго государственнаго права“, первое изданіе котораго вышло въ 1875 г., приходитъ къ такому выводу: „слѣдовательно, Финляндія представляетъ совершенно обособленное во внутреннемъ управленіи государство, хотя и нераздѣльно связанное съ русскою императорскою короною“. Профессоръ В. Сергѣевичъ (Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, 1883) говоритъ между прочимъ, что присоединенная къ Россіи Финляндія волею императора Александра I-го стала государствомъ, и что верховная власть въ Финляндіи имѣетъ другой характеръ, чѣмъ въ Россіи, ибо монархъ правитъ Финляндіею при содѣйствіи сейма. Приведемъ еще свидѣтельство двухъ русскихъ ученыхъ, которые, обладая необходимою научною компетенціею, изслѣдовали вопросъ о политическомъ положеніи Финляндіи. Профессоръ В. В. Ивановскій, въ своемъ сочиненіи: „Русское государственное право“ (Казань, 1895—1898), подвергъ этотъ вопросъ тщательному и всестороннему разсмотрѣнію, причемъ онъ, оставляя въ сторонѣ всякія политическія соображенія, на чисто юридическихъ основаніяхъ приходитъ къ тому заключенію, что соединеніе Финляндіи съ Россіею ближе всего подходитъ къ реальной уніи, хотя нѣкоторыя неясности могутъ подать поводъ къ другому взгляду на дѣло. Г-нъ Д. В. Философовъ, въ статьѣ: „Финляндія и Россія“, недавно появившейся въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, т. VIII, по поводу сочиненія нѣмецкаго профессора Эллинека: „Ueber Staatsfragmente“ (о государственныхъ фрагментахъ), разсмотрѣлъ всѣ факторы, вліяющіе на положеніе Финляндіи. Примыкая къ теоріи, согласно которой реальною уніею можетъ быть названо только такое соединеніе государствъ, которое основывается на договорѣ двухъ суверенныхъ государствъ, онъ не считаетъ возможнымъ отнести соединеніе Россіи и Финляндіи къ реальнымъ уніямъ. Но такъ какъ оче-

видно, „что верховная власть въ Финляндіи основывается на финляндскомъ законѣ, и что юридически она отдѣлена отъ имперской верховной власти", великое княжество должно быть признано государствомъ, хотя и не суверереннымъ государствомъ, а подчиненнымъ суверенной имперіи.

Если г. Еленевъ обвиняетъ финляндцевъ въ томъ, что они выступили съ „ученіемъ о финляндскомъ государствѣ" только въ видахъ пропаганды неосновательныхъ политическихъ притязаній, то онъ опять грѣшитъ противъ истины, такъ какъ и въ самой русской научной литературѣ высказывалось то же самое, и притомъ публицистами, авторитетъ которыхъ несомнѣненъ.

Въ главѣ о первомъ гельсингфорсскомъ сеймѣ 1863 г., г. Еленевъ усиливается доказать, что важное значеніе этого сейма въ политической жизни Финляндіи не соотвѣтствовало намѣреніямъ императора, а является только результатомъ коварной тактики финляндскихъ государственныхъ дѣятелей.

Александръ II, — говоритъ г. Еленевъ, — согласился на созваніе сейма по образцу боргоскаго, т.-е. совѣщательнаго собранія, но сенатъ такъ повелъ дѣло, что сеймъ явился настоящимъ законодательнымъ собраніемъ, на подобіе прежнихъ шведскихъ „риксдаговъ".

На это слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что такой взглядъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ манифестѣ Александра I, отъ 20-го января (1-го февраля) 1809 г., о созваніи общаго сейма въ городѣ Борго прямо говорится, что сеймъ долженъ состояться согласно дѣйствующимъ законамъ, т.-е. согласно шведскимъ законамъ о риксдагахъ, а эти риксдаги имѣли не одинъ совѣщательный характеръ.

Съ другой стороны, факты ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что Александръ II съ самаго начала вполнѣ сознательно относился къ праву земскихъ чиновъ участвовать въ законодательствѣ съ рѣшающимъ голосомъ. Послѣ того, какъ генералъ-губернаторъ донесъ государю, что множество законодательныхъ и финансовыхъ вопросовъ остаются безъ движенія, потому что они, согласно основнымъ законамъ края, не могутъ быть рѣшены административнымъ путемъ, императоръ, въ маѣ 1859 г., повелѣлъ сенату представить свѣдѣніе о тѣхъ дѣлахъ, которыя прежде всего должны бы быть рѣшены при участіи земскихъ чиновъ. Это Высочайшее повелѣніе было опубликовано въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ Финляндіи. О немъ говорится также въ одномъ сочиненіи, часто цитируемомъ г. Еленевымъ. Такимъ образомъ, онъ не по невѣдѣнію утверждаетъ, будто Александръ II смотрѣлъ на предстоящій сеймъ только какъ на совѣщательное собра-

ніе. Вопреки фактамъ, которые г. Еленеву не могли быть неизвѣстны, онъ излагаетъ исторію приготовительныхъ мѣръ и созванія сейма въ такомъ видѣ, какъ будто императоръ, озабоченный польскими дѣлами, не могъ внимательно относиться къ тому, что̀ ему докладывалъ министръ статсъ-секретарь гр. Армфельдъ. Между тѣмъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени упомянутаго нами Высочайшаго повелѣнія сенату, состоявшагося въ маѣ 1859 г., до іюня 1863 г., когда былъ объявленъ манифестъ о созваніи сейма, разные вопросы, касавшіеся созванія сейма и подготовительныхъ мѣръ, восходили на собственное благовоззрѣніе государя. Въ 1861 г., императоръ склонялся къ тому, чтобы еще отсрочить созваніе земскихъ чиновъ, и хотѣлъ предварительно передать нѣкоторыя дѣла на заключеніе делегаціи изъ представителей четырехъ сословій. Объ этомъ было объявлено въ Высочайшемъ манифестѣ 29-го марта (10-го апрѣля) 1861 г. Въ томъ же нумерѣ оффиціальныхъ вѣдомостей, въ которомъ былъ опубликованъ этотъ манифестъ, напечатано также слѣдующее оффиціальное сообщеніе: „Его Императорскому Величеству благоугодно было недавно, въ С.-Петербургѣ, пригласить предсѣдателя и одного члена государственнаго совѣта, генералъ-губернатора Финляндіи, министра статсъ-секретаря и членовъ комитета для финляндскихъ дѣлъ, а также временно пребывавшаго въ С.-Петербургѣ предсѣдателя финансовой экспедиціи императорскаго сената; этимъ лицамъ государь императоръ соизволилъ прочесть проектъ Высочайшаго манифеста“ (а именно, проектъ упомянутаго нами манифеста 29-го марта 1861 г.). Этотъ манифестъ начинается слѣдующими словами:

„Въ теченіе шести лѣтъ съ того дня, какъ Провидѣніе вручило Намъ судьбы финскаго народа, Мы имѣли случай неоднократно убѣдиться въ необходимости многихъ законодательныхъ мѣръ, отъ которыхъ существенно зависитъ преуспѣяніе края, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ развитіи, но которыя по основнымъ законамъ Великаго Княжества не могли быть приняты безъ содѣйствія государственныхъ чиновъ, и такимъ образомъ нѣкоторыя дѣла съ самаго присоединенія Финляндіи къ Имперіи оставались въ прежнемъ положеніи“, и т. д.

Когда редакція нѣкоторыхъ пунктовъ манифеста подала поводъ къ извѣстному толкованію, что составленная изъ делегатовъ четырехъ сословій коммиссія временно будетъ осуществлять права, которыя по основнымъ законамъ принадлежатъ только сейму, и когда это обстоятельство было доложено государю, то уже 12-го (24) апрѣля императоръ, въ особомъ Высочайшемъ рескриптѣ, объявилъ по этому поводу, что относительно тѣхъ вопросовъ, по которымъ, въ силу основныхъ законовъ, требуется рѣшеніе сейма, коммиссія должна только пред-

ставить законопроекты, которые будутъ переданы земскимъ чинамъ Въ Высочайшемъ объявленіи, 23-го августа 1861 г., о 52 вопросахъ, подлежащихъ передачѣ на обсужденіе коммиссіи, императоръ вновь указалъ на различіе между дѣлами, которыя по основнымъ законамъ подлежатъ разсмотрѣнію сейма, и тѣми, которыя относятся къ вѣдѣнію правительственной власти.

Въ достопамятной великодушной рѣчи, которою Александръ II, 18-го сентября 1862 г., открылъ сеймъ въ Гельсингфорсѣ, г. Еленевъ видитъ только результаты козней финляндскаго сенатора Снельмана.

„Въ этой рѣчи,—говоритъ г. Еленевъ,—въ первый разъ отъ лица самой верховной власти признано существованіе основныхъ законовъ Финляндіи". Это упоминаніе объ основныхъ законахъ, и также заявленіе государя о намѣреніи повелѣть составить къ слѣдующему сейму проектъ реформъ основныхъ законовъ, все это было только „приготовительнымъ маневромъ" со стороны редактора рѣчи къ тому, чтобы выдвинуть потомъ на сцену шведскіе законы 1772 и 1789 гг. Столь же тяжко, по мнѣнію г. Еленева, согрѣшилъ редакторъ рѣчи, включивъ въ нее указаніе, что принципъ конституціонной монархіи присущъ нравамъ финляндскаго народа.

Участвовалъ ли Снельманъ, или кто-либо иной, въ редактированіи этой рѣчи, это совершенно безразлично. Это была рѣчь Александра II, а не кого-либо другого; она, навѣрно, не содержитъ ни одной мысли, которую императоръ, по зрѣломъ обсужденіи, не пожелалъ бы высказать. Что касается упоминанія основныхъ законовъ Финляндіи и правъ земскихъ чиновъ, то императоръ уже въ 1859 и 1861 гг. ясно выразилъ свои взгляды. Но въ тронной рѣчи заключалось еще нѣчто другое. Это была вѣсть о будущемъ и безпрепятственномъ развитіи, объявленная народу, который безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ ждалъ полнаго осуществленія учрежденій, которыя были обезпечены за нимъ. Эти слова исходили изъ сердца монарха.

Александръ II лично явился въ Гельсингфорсъ, чтобы открыть первый сеймъ, который уже такъ долго занималъ его мысли. Окруженный своими августѣйшими Сыновьями и министрами, онъ прочиталъ свою рѣчь въ присутствіи сословій. Эта рѣчь была великимъ дѣломъ, которое болѣе, чѣмъ какая-либо другая мѣра, укрѣпило узы, *тѣсно соединяющія Финляндію съ Россіею.*

Но, въ глазахъ г. Еленева, императоръ въ данномъ случаѣ былъ только орудіемъ въ рукахъ финляндскихъ интригановъ!!..

Въ 1864 г., императоръ назначилъ коммиссію для пересмотра основныхъ законовъ, согласно выраженному въ тронной рѣчи намѣренію.

Государь самъ утвердилъ программу работъ коммиссіи. Въ этой программѣ было опредѣлено, что основные законы 1772 и 1789 гг. должны быть соединены въ одинъ законъ, съ необходимымъ поясненіемъ текста древнихъ постановленій и съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя были особо указаны въ программѣ. Кромѣ того, коммиссія должна была составить полный проектъ сеймоваго устава въ видѣ кодификаціи, съ соотвѣтственными измѣненіями древнихъ шведскихъ законовъ о риксдагахъ.

Этотъ историческій фактъ особенно огорчаетъ г. Еленева. Въ утвержденіи основныхъ законовъ Александромъ I-мъ эти законы не были перечислены съ указаніемъ года ихъ изданія, потому что въ этомъ актѣ утверждались всѣ вообще основные законы, которые дѣйствовали въ Финляндіи до отдѣленія ея отъ Швеціи. Отсутствіе подобнаго указанія—въ данномъ случаѣ совершенно излишняго—послужило поводомъ къ тому, чтобы внушить читателю совершенно несообразное мнѣніе, будто торжественное удостовѣреніе Александра I было только громкою фразою!

Но приведенная нами Высочайше утвержденная программа неопровержимо доказываетъ ложность подобнаго мнѣнія, а потому г. Еленевъ опять прибѣгаетъ къ излюбленному имъ способу толкованія историческихъ фактовъ: императоръ былъ обманутъ дерзкими составителями программы!

Передавъ такимъ образомъ содержаніе проекта коммиссіи относительно новой „Формы Правленія", въ извращенномъ видѣ, г. Еленевъ утѣшается, однако, тѣмъ, что этотъ проектъ не былъ переданъ земскимъ чинамъ, а остался безъ движенія. Причину такого исхода дѣла онъ видитъ въ замѣченномъ, будто бы, государемъ „враждебномъ" настроеніи противъ Россіи среди сеймовыхъ представителей. Въ доказательство того, г. Еленевъ приводитъ выдержку изъ рѣчи, произнесенной императоромъ при закрытіи сейма. Государь выражаетъ здѣсь сожалѣніе, что „нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи". Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что программа работъ коммиссіи была утверждена 7-го декабря 1864 г., какъ указано также и у г. Еленева,—слѣдовательно, значительно *позже*, чѣмъ произнесены были эти слова. Анахронизмы, видимо, г. Еленева не затрудняютъ. При безпристрастномъ взглядѣ на дѣло скорѣе можно предположить, что (временная) отсрочка реформы финляндскихъ основныхъ законовъ была послѣдствіемъ событій, происшедшихъ не въ Финляндіи. Упомянутый законопроектъ былъ доложенъ государю послѣ печальнаго событія 4 апрѣля 1866 г. Не удивительно, если это и другія подобныя глубоко при-

скорбныя явленія охладили симпатіи великодушнаго монарха ко всякимъ реформамъ.

Вторая часть Высочайшей программы была, однако, осуществлена изданіемъ сеймоваго устава, принятаго земскими чинами въ 1867 г. и утвержденнаго 15-го апрѣля 1869 г. Важнѣйшая реформа, проведенная въ этомъ новомъ основномъ законѣ, безъ сомнѣнія заключается въ періодичности сеймовъ. Этимъ на будущее время устранялась возможность продолжительнаго застоя въ законодательствѣ, испытаннаго страною послѣ 1809 г. Большое практическое значеніе имѣютъ также улучшенія въ отношеніи состава сословій и порядка дѣлопроизводства на сеймахъ. Но взаимныя отношенія монарха и земскихъ чиновъ сеймовымъ уставомъ не были измѣнены. Относительно участія земскихъ чиновъ въ законодательствѣ и въ рѣшеніи финансовыхъ вопросовъ по прежнему остаются въ силѣ опредѣленія основныхъ законовъ 1772 и 1789 гг. Другими словами: прерогативы правительственной власти въ сеймовомъ уставѣ были ограничены только въ томъ отношеніи, что сеймъ теперь созывается черезъ каждыя пять лѣтъ, тогда какъ прежде созваніе сейма зависѣло исключительно отъ благоусмотрѣнія монарха.

Г-нъ Еленевъ придерживается, однако, другого взгляда на дѣло. Онъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не заподозрить козней и обмановъ финляндцевъ каждый разъ, когда финскій народъ, по великодушному соизволенію монарховъ, дѣлаетъ шагъ впередъ на пути улучшеній. Поэтому онъ пространно доказываетъ, что финляндцы, втиснувъ въ сеймовый уставъ § 71-ый, своимъ коварствомъ добились для земскихъ чиновъ права постановлять обязательныя рѣшенія по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ, тогда какъ имъ въ этомъ случаѣ долженъ бы принадлежать только совѣщательный голосъ. Въ § 71 сказано: „изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона могутъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и съ согласія всѣхъ сословій“, и т. д. Такъ какъ проектъ „Формы Правленія“, составленный на основаніи вышеупомянутой программы, оставленъ былъ безъ послѣдствій, то этотъ параграфъ, по мнѣнію г. Еленева, слѣдовало бы исключить изъ сеймоваго устава или измѣнить въ такомъ смыслѣ, что согласіе всѣхъ четырехъ сословій требуется для постановленія рѣшенія о *заключеніяхъ*, представляемыхъ земскими чинами по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ. Благодаря нынѣшней редакціи параграфа 71, финляндцамъ, будто бы, удалось добиться постановленія, лишающаго верховную власть возможности свободно постановлять о введеніи или измѣненіи основныхъ законовъ въ Финляндіи.

Эти разсужденія и намеки лишены, однако, всякаго основанія. Въ

„Формѣ Правленія 1772 г.“, уже было опредѣлено, что монархъ, безъ согласія сословій, не издаетъ и не отмѣняетъ основныхъ или общихъ законовъ. Этотъ законъ 1772 г. не потѣрялъ силы вслѣдствіе того, что предположенная реформа его была отсрочена. Но, дѣйствительно, въ прежнихъ законахъ о сословномъ представительствѣ не было ясно выражено, когда для законнаго сеймоваго рѣшенія требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій, и когда достаточно согласія трехъ сословій. Эта неясность была устранена въ §§ 71 и 72—74 сеймоваго устава. Права земскихъ чиновъ при этомъ вовсе не были расширены.

Сеймовый уставъ былъ утвержденъ съ оговоркою, что права монарха сохраняются въ томъ видѣ, какъ они установлены въ „Формѣ Правленія 1772 г.“ и въ актѣ соединенія и охраненія 1789 г.

„Опять новая загадка и новое широкое поле для толкованій“,— замѣчаетъ по этому поводу г. Еленевъ.—Самъ онъ, впрочемъ, не затрудняется разрѣшить эту загадку. Хитрые финны помѣстили здѣсь ссылку на основные законы 1772 и 1789 гг., чтобы такимъ образомъ заручиться доказательствомъ, что законы эти признаны монархомъ. А императоръ опять, будто бы, не зналъ, что̀ творилъ!

Между тѣмъ, вовсе не трудно понять, отчего утвержденіе сеймоваго устава изложено въ приведенной нами редакціи. Въ тронной рѣчи 1863 г., императоръ выразилъ намѣреніе предоставить земскимъ чинамъ право законодательной иниціативы и расширить ихъ права въ финансовыхъ дѣлахъ. Эти вопросы находились въ связи съ проектомъ новой „Формы Правленія“, и потому они, вмѣстѣ съ этимъ проектомъ, были отложены. Чтобы, однако, предупредить всякое слишкомъ широкое толкованіе опредѣленій новаго сеймоваго устава, при утвержденіи его было оговорено, что монархъ не отказывается отъ правъ, принадлежащихъ ему въ силу старыхъ основныхъ законовъ.

Финляндскіе совѣтники императора не могли же быть настолько проницательны, чтобы за двадцать лѣтъ до появленія сочиненія Ордина пріуготовить себѣ оружіе для защиты отъ нападковъ Ордина и его учениковъ.

Въ Высочайшемъ манифестѣ 18-го декабря 1878 года было объявлено, что нѣкоторыя статьи устава о воинской повинности, „въ виду особеннаго ихъ значенія и отчасти заключающихся въ нихъ измѣненій основныхъ законовъ“, должны считаться основными законами.

„Здѣсь,— говоритъ г. Еленевъ,— опять вставлено упоминаніе о прежнихъ основныхъ, т.-е. шведскихъ законахъ, наперекоръ тому факту, что дотолѣ русскіе императоры, въ теченіе 70 лѣтъ, не при-

знавали для себя обязательными никакихъ шведскихъ законовъ о воинской повинности".

Въ § 18 „Формы Правленія" 1772 г. постановлено, что поселенная система войска остается въ силѣ, и что она подлежитъ измѣненію не иначе, какъ на основаніи рѣшенія монарха и сословій.

Согласно этому постановленію основныхъ законовъ, на боргоскомъ сеймѣ разсматривались вопросы о поселенномъ войскѣ и о казенныхъ сборахъ, которые землевладѣльцы должны были платить въ казну, пока они были освобождены отъ содержанія солдатъ по правиламъ поселенной системы.

Императоръ Николай I, въ манифестѣ 11 (23) іюня 1854 г., повелѣлъ вновь сформировать часть поселеннаго войска—„согласно кореннымъ законамъ и прочимъ постановленіямъ".

Слѣдовательно, оба августѣйшихъ предшественника Александра II признавали существованіе законовъ по вопросу объ организаціи финляндскаго войска.

Пространныя сѣтованія г. Еленева по поводу порядка изданія этого закона только доказываютъ, что онъ затруднился различать, съ одной стороны, законъ о воинской повинности, который устанавливаетъ предѣлы и характеръ обязанности отдѣльныхъ гражданъ по отбыванію воинской повинности, а также организацію призыва военнообязанныхъ, по которой обезпечиваются интересы государства, какъ и частныхъ лицъ,—и, съ другой стороны, чисто военныя распоряженія по части обученія и подготовки войскъ. Рѣшеніе этихъ послѣднихъ вопросовъ должно зависѣть исключительно отъ военныхъ властей, а изданіе устава о воинской повинности относится къ задачамъ общаго законодательства, хотя и при этомъ требуется совѣщательное содѣйствіе военныхъ авторитетовъ.

Г-нъ Еленевъ утверждаетъ, что финляндскій сеймъ 1877 г. хотѣлъ, при помощи устава о воинской повинности, создать національную милицію, которою финляндскіе сепаратисты при благопріятномъ случаѣ могли бы воспользоваться, чтобы сбросить русскую власть!! Для этой цѣли было введено опредѣленіе объ учебныхъ сборахъ запаса. Въ доказательство такого безцеремоннаго обвиненія онъ приводитъ отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ во время преній по вопросу объ уставѣ о воинской повинности. Хотя эти цитаты вырваны изъ общей связи и настолько измѣнены напечатанными курсивомъ дополненіями, что онѣ уже не согласуются съ протоколомъ,—все-таки онѣ не содержатъ ни одного слова, которое давало бы право подозрѣвать сеймовыхъ депутатовъ въ какихъ-либо измѣнническихъ планахъ. Онѣ только доказываютъ, что въ пользу введенія воинской повинности приводилось и то соображеніе, что этимъ устранялся бы очевидный пробѣлъ въ

учрежденіяхъ великаго княжества и что на усиленіе обороны Финляндіи слѣдуетъ смотрѣть какъ на національное дѣло. Во всѣхъ этихъ преніяхъ нельзя найти ни малѣйшей тѣни сепаратистическихъ тенденцій, если не считать сепаратизмомъ и враждебностью къ Россіи, по примѣру г. Еленева, заботу о томъ, чтобы организація финляндскаго войска развивалась сообразно условіямъ, представляющимся въ краѣ.

Что касается въ частности опредѣленій объ учебныхъ сборахъ запаса, то они были внесены въ уставъ по слѣдующимъ причинамъ. Многіе депутаты были принципіальными противниками идеи воинской повинности. Но и тѣ, которые склонялись въ пользу этой совершенно новой для Финляндіи системы, полагали, что если меньшинство военнообязанныхъ, на основаніи жеребьевки, въ теченіе трехъ лѣтъ будетъ состоять на дѣйствительной службѣ и затѣмъ въ теченіе восьми лѣтъ числиться въ запасѣ, тогда какъ большинство прямо зачислялось бы въ ополченіе, вовсе не отбывая дѣйствительной службы, —то такое неравномѣрное распредѣленіе воинской повинности слишкомъ рѣзко нарушило бы принципъ равенства передъ закономъ. Чтобы по крайней мѣрѣ нѣсколько смягчить это радикальное различіе, рѣшено было установить временные учебные сборы въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ для всѣхъ военнообязанныхъ, не призываемыхъ по жребію на дѣйствительную службу, и соотвѣтственно съ симъ измѣнить опредѣленія проекта касательно запаса войскъ. Благодаря этому измѣненію,—вызванному исключительно требованіями справедливости, а отнюдь не какими-либо политическими разсчетами,—во всѣхъ сословіяхъ получилось большинство въ пользу принятія устава о воинской повинности.

Согласно § 120 устава о воинской повинности, офицерами финскихъ войскъ могутъ быть только финляндскіе граждане. Въ этомъ постановленіи г. Еленевъ также видитъ проявленіе враждебности къ Россіи, особенно неумѣстное въ виду того обстоятельства, что финляндцамъ открытъ свободный доступъ въ русскія войска.

Это замѣчаніе мало основательно. Финляндцы, состоящіе офицерами въ русскихъ войскахъ, получили необходимую для сего подготовку въ русскомъ военномъ учебномъ заведеніи или въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ преподаваніе еще съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія приноровлено къ тому, чтобы готовить воспитанниковъ къ поступленію не только въ финляндскія, но и русскія войска, вслѣдствіе чего особенное вниманіе обращается и на изученіе русскаго языка. Засимъ офицеры-финляндцы въ русскихъ войскахъ обязаны во всѣхъ отношеніяхъ приспособляться къ условіямъ русской жизни. Что же касается назначенія русскихъ офицеровъ

въ финскія войска, то вопросъ можетъ принять совершенно другой оборотъ. Не получивъ спеціальной подготовки для несенія службы въ Финляндіи, они лишь съ трудомъ могли бы освоиться съ господствующими въ краѣ условіями. Къ тому же незнаніе языка народа мѣшало бы имъ исполнять важнѣйшую обязанность офицеровъ въ мирное время, а именно: обученіе и нравственное воспитаніе солдатъ. Если же законодательство налагаетъ на гражданъ бремя воинской повинности, то оно должно будетъ также требовать соотвѣтственной компетентности отъ офицеровъ, которымъ поручается ихъ обученіе.

Г-нъ Еленевъ какъ будто не желаетъ понять, что въ Финляндіи живетъ народъ иной чѣмъ русскій. Онъ, между прочимъ, полагаетъ, что русскій языкъ слишкомъ мало распространенъ въ Финляндіи, и это онъ объясняетъ пассивностью сената въ дѣлѣ введенія обязательнаго преподаванія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Конечно, и здѣсь ему представляются политическіе мотивы.

Желательно, чтобы, при сужденіи объ этомъ вопросѣ, принималось въ соображеніе то, что̀ въ данномъ случаѣ возможно и что̀ невозможно.

Финскій народъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ разнородныхъ элементовъ—финскаго и шведскаго. Такое положеніе вещей объясняется историческимъ прошлымъ, а прошлое это не можетъ быть вычеркнуто,—точно также, какъ, напр., двойственная національность Бельгіи. Поэтому каждый финляндецъ, поступающій на государственную службу, долженъ знать оба языка края, шведскій и финскій—иначе онъ не можетъ исполнять своихъ обязанностей передъ обществомъ. Необходимость изученія другого туземнаго языка, сверхъ родного, затрудняетъ основательное изученіе еще третьяго языка. Въ виду этого въ школахъ ученики могутъ ознакомиться только съ самыми элементарными основаніями русскаго языка. А какъ же имъ потомъ усовершенствовать свои знанія? Безъ долговременной практики нельзя вполнѣ освоиться съ языкомъ. Между тѣмъ, въ Финляндіи весьма рѣдко приходится примѣнять на практикѣ знаніе русскаго языка. Изъ 2.600.000 жителей Финляндіи русскихъ всего только около 7.000. Въ виду такой малочисленности русскаго элемента, лишь немногимъ финляндцамъ представляется случай объясняться по-русски. Не слѣдуетъ также забывать, что большинство людей, вступивъ на практическое поприще, настолько заняты своимъ дѣломъ, для добыванія средствъ къ существованію или достиженія цѣлей жизни, что они уже не могутъ заниматься языками. За отсутствіемъ же практики, знанія, пріобрѣтенныя въ школѣ, скоро забываются.

Вотъ въ чемъ и заключается самая естественная причина того, что знаніе русскаго языка не получило и не можетъ получить широкаго распространенія въ Финляндіи. Однако, въ Финляндіи правительство озаботилось, чтобы русскіе въ своихъ сношеніяхъ съ правительственными учрежденіями не испытывали неудобствъ изъ-за языка. Переводчики состоятъ при всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ услуги ихъ могутъ понадобиться. Множество стипендій выдается студентамъ и молодымъ чиновникамъ для изученія русскаго языка въ Россіи. При замѣщеніи высшихъ правительственныхъ должностей, за послѣднее время, нерѣдко обращалось больше вниманія на знаніе русскаго языка, чѣмъ на необходимыя знанія для надлежащаго отправленія должности, что̀ нельзя признать безусловно полезнымъ для страны, особенно въ виду того, что и среди этихъ должностныхъ лицъ лишь для немногихъ, по роду ихъ дѣятельности, важно знаніе русскаго языка.

Сочиненіе г. Еленева содержитъ, наконецъ, также подробную критику предварительнаго проекта кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи, составленнаго въ 80-хъ годахъ особою коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ А. фонъ-Вейсенберга. Такъ какъ г. Еленевъ вовсе не признаетъ дѣйствующей силы тѣхъ законовъ, которые содержатъ главный матеріалъ этого кодификаціоннаго труда, и кромѣ того не обнаруживаетъ желанія правильно понять источники финляндскаго права, то критика его не представляетъ возможности отнестись къ ней серьезно.

Въ заключеніе г. Еленевъ выступаетъ съ своимъ собственнымъ проектомъ уничтоженія Финляндіи:

Законодательною властью имперіи издается особое постановленіе объ управленіи финляндскими губерніями.

Финляндія перестаетъ быть великимъ княжествомъ и превращается въ группу губерній.

Какіе-либо основные законы для этихъ губерній не должны существовать.

Сеймъ формально сохраняется, но земскіе чины пользуются правомъ рѣшающаго голоса лишь по вопросамъ, касающимся измѣненія сеймоваго устава 1869 г., церковнаго устава 1867 г. (должно быть 1869 г.) и закона о финляндскомъ банкѣ 1867 г.

По остальнымъ законодательнымъ вопросамъ земскіе чины представляютъ только всеподданнѣйшія заключенія, если затребованы ихъ соображенія.

Всѣ законы и постановленія публикуются, во-первыхъ, въ русскомъ оффиціальномъ текстѣ и сверхъ того въ переводѣ на мѣстныя нарѣчія.

О финансовыхъ правахъ земскихъ чиновъ ничего не говорится.

Всѣ россійскіе подданные, имѣющіе право по законамъ имперіи вступать въ гражданскую службу, могутъ быть назначаемы на оную и въ губерніяхъ финляндскихъ" (надо полагать, безъ обязанности знать законы и „нарѣчія" этихъ „губерній").

Вотъ существенное содержаніе всего проекта.

Г-нъ Еленевъ предусмотрительно не совѣтуетъ передавать этотъ проектъ на обсужденіе сейма, въ виду того, что это вызвало бы возраженія со стороны земскихъ чиновъ.

Проектъ этотъ слѣдуетъ обнародовать немедленно, безъ дальнѣйшихъ околичностей. Въ настоящее время это было бы еще совершенно невинной мѣрой; но если финляндскіе чиновники и публицисты успѣютъ извлечь изъ своихъ шведскихъ законовъ новыя ограниченія правъ русскаго монарха, то подобная мѣра можетъ получить „нежелательный характеръ coup d'état"!

Намъ кажется, что болѣе легкомысленнаго отношенія къ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ невозможно себѣ представить!

Чтобы склонить читателя въ пользу проектируемаго имъ „государственнаго переворота", г. Еленевъ въ своей книгѣ всюду говоритъ о господствующемъ въ Финляндіи враждебномъ отношеніи къ Россіи.

Такое враждебное настроеніе противъ Россіи, по его словамъ, особенно ярко выступило во время войны 1854—1856 гг. Но совершенно несогласно съ г. Еленевымъ высказался въ данномъ случаѣ императоръ Александръ II, 24-го марта 1856 г., когда онъ, занявъ предсѣдательское мѣсто въ финляндскомъ сенатѣ, произнесъ слѣдующія слова:

„J'ai à vous remercier de tout Mon coeur de la coopération cordiale que vous avex prêtée aux mesures pour la défense du pays, vous et tous Mes fidèles sujets de la Finlande. Mon Père comptait sur vous et vous avez tous rempli votre devoir" (Протоколъ этого засѣданія императоръ подписалъ собственноручно).

Г-нъ Еленевъ утверждаетъ, что это враждебное настроеніе все возростаетъ. Но еслибы въ его словахъ была хоть капля правды, то Государь Императоръ не осчастливилъ бы финскій народъ слѣдующими словами, при открытіи сейма 1897 г.:

„Открывая первый въ царствованіе Мое сеймъ земскихъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго, Я съ душевнымъ удовлетвореніемъ изъявляю вамъ, какъ представителямъ всѣхъ сословій финскаго народа, благодарность и благоволеніе за ту непоколебимую вѣрность и преданность, которыми этотъ народъ постоянно радовалъ своихъ монарховъ".

Но, можетъ быть, въ финляндской печати проявлялось непріязненное отношеніе къ Россіи? Нѣтъ! Въ теченіе 1883—1894 гг., а также за послѣднее время, нѣкоторыя русскія газеты и публицисты нападали на Финляндію и ея права съ яростью, достойною лучшаго дѣла, и непозволительно оскорбляли руководящія лица въ Финляндіи съ безпримѣрнымъ озлобленіемъ. Финляндскія газеты отвергали эти нападки и раскрывали лживость обвиненій, но за все время этой продолжительной полемики не было высказано ни одного слова порицанія или враждебности, направленнаго противъ Россіи.

Г-нъ Еленевъ въ своей книгѣ, къ сожалѣнію, также не воздержался отъ пріемовъ вышеупомянутыхъ публицистовъ извѣстной части русской печати. Коварство и интриги, систематическое обманываніе по отношенію къ монархамъ, дерзость и хитрость въ проведеніи честолюбивыхъ плановъ,—только такія качества онъ видитъ въ выдающихся дѣятеляхъ Финляндіи. Личности, которыя своею полезною и добросовѣстною дѣятельностью заслужили довѣріе монарховъ и почетное мѣсто въ исторіи своего края, осыпаются г. Еленевымъ самыми оскорбительными обвиненіями.

Защищать ихъ отъ такихъ обвиненій не приходится. Но не излишне указать, отчего г. Еленевъ и нѣкоторыя газеты стараются заподозрить особенно финляндскихъ министровъ статсъ-секретарей. Они полагаютъ, что на эту должность должны быть назначаемы русскіе, а по финляндскимъ основнымъ законамъ на такую должность могутъ быть назначаемы только финляндцы. Но они, конечно, не принимаютъ въ соображеніе, какія затрудненія и ошибки могли бы возникнуть, если бы министръ статсъ-секретарь, не будучи знакомъ съ финляндскими законами и внутреннимъ строемъ Финляндіи, не быть въ состояніи дать необходимыя въ семъ отношеніи разъясненія при всеподданнѣйшемъ докладѣ или при сношеніяхъ съ министрами имперіи. Но если даже стать на почву подозрительности, то противъ всякихъ случайностей, которыя могли бы возникнуть въ будущемъ, существуетъ вѣрная гарантія, такъ какъ генералъ-губернаторъ всегда, когда подлежитъ рѣшенію важный вопросъ, можетъ исходатайствовать разрѣшеніе присутствовать при всеподданнѣйшемъ докладѣ...

Каковы бы ни были проекты г. Еленева относительно будущаго Финляндіи, ея прошедшаго онъ не можетъ измѣнить, такъ какъ вся исторія этой страны представляетъ несомнѣнные факты въ доказательство того, что дальнѣйшее развитіе и культурные успѣхи шли не путемъ „отпаденія отъ русской государственной власти", но тѣмъ путемъ, который съ 1809 г. предначертанъ ему самими монархами. Осуществлено было и намѣреніе Александра 1-го, которое,—по словамъ императора,—„при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ,

чтобъ онъ (народъ) считался не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными его очевидными пользами".

Эта высокая мысль и честный трудъ народа принесли благіе плоды. Страна дѣлала постепенные успѣхи въ области нравственной и матеріальной культуры. Общественный порядокъ никогда не нарушался политическими преступленіями и тайными заговорами, которые во многихъ другихъ странахъ причиняли правительствамъ заботы и затрудненія. Стремленія финскаго народа никогда не переступали границъ того, что было обезпечено за нимъ. Національное честолюбіе его заключалось только въ томъ, чтобы безостановочно развивалось просвѣщеніе и производительный трудъ въ той странѣ, въ которой онъ обитаетъ съ незапамятныхъ временъ. Нигдѣ и никто не въ состояніи понять, чтобы такія стремленія могли вредить могущественной притомъ державѣ, съ которою Финляндія неразрывно соединена, или чтобы законы и учрежденія, составляющіе главное условіе существованія и культурныхъ успѣховъ финскаго народа, противорѣчили интересамъ и достоинству Россіи,—а именно это-то усиливается доказать г. Еленевъ въ своей книгѣ; неудивительно, что для достиженія такой цѣли ему было необходимо отступить отъ фактовъ, гдѣ они мѣшали ему,—создать факты, гдѣ ихъ не было, отложивъ при этомъ въ сторону обязательные для каждаго историка пріемы исторической критики.

Л. Мехелинъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Jules Lemaitre. Impressions de Théatre. Paris, 1898. Стр. 394.

Десятая серія „Impressions de Théatre" Жюля Лемэтра состоитъ изъ очерковъ о театральныхъ новинкахъ за послѣдніе два года. Среди разбираемыхъ авторовъ встрѣчается, конечно, много знакомыхъ именъ, и большинство пьесъ, обсуждаемыхъ критикомъ, принадлежитъ писателямъ вполнѣ опредѣлившимся. Въ число писателей, о которыхъ говоритъ Лемэтръ, входятъ не только Ибсенъ, Мюссé, Ришпенъ и тому подобныя знаменитости парижской и европейскихъ сценъ, но даже древніе классики, какъ, напр., Эсхилъ—по поводу постановки „Персовъ" въ „театрѣ Одеонъ".

Но Лемэтру приходится говорить и о массѣ молодыхъ драматурговъ, и говоритъ онъ о нихъ интересно и оригинально. Два года, отдѣляющіе десятую серію Лемэтровскихъ „Impressions" отъ предъидущей, девятой серіи, были особенно плодовиты въ французской драматической литературѣ. За эти годы прославился Эдмондъ Ростанъ, Бріё (Brieux), и нѣсколько еще болѣе молодыхъ драматурговъ, изъ которыхъ наиболѣе выдаются Анри Батайль (Henri Bataille) и Романъ Коолюсъ (Coolus). Лемэтръ отмѣчаетъ возродившееся у французскихъ писателей тяготѣніе къ обсужденію такъ называемаго „женскаго" вопроса въ драмахъ и комедіяхъ. Но при этомъ оказывается, что драматурги заняты, главнымъ образомъ, обсужденіемъ юридической стороны, законами, опредѣляющими положеніе женщины, какъ жены и матери. Такова, напр., пьеса Эрвье: „Въ тискахъ" (Tenailles). Авторъ ея съ нѣкоторымъ паѳосомъ нападаетъ на разводъ въ томъ видѣ, какъ онъ практикуется во Франціи. Въ такомъ же родѣ другая пьеса—„Вассалка" (La Vassale), Жюля Каза. Пьеса эта новая; она поставлена была въ Comédie Française и возбудила много толковъ. Жюль Лемэтръ высказывается противъ нея, говоря, что вообще не любитъ тенденціозныхъ пьесъ. Авторъ „Вассалки" горячо защищаетъ права женщины на свободу. Онъ изображаетъ семью, въ которой и мужъ, и жена нарушили обѣтъ вѣрности, причемъ жена сдѣлала это уже въ видѣ мести, для того, чтобы показать, что она тоже „имѣетъ право". Удовлетворивъ чувство мести, она готова продолжать со-

вмѣстную жизнь съ мужемъ, требуя для себя „равноправія“. Мужъ не соглашается на странныя условія жены, и героиня пьесы покидаетъ семью и дочь во имя своей самостоятельности. Жюль Леметръ справедливо говоритъ, что, несмотря на нѣкоторую Ибсеновскую приправу, пьеса Жюля Каза фальшива. Между такъ называемой „вассалкой“ и ея мужемъ разыгрывается вовсе не „правовая“ и принципіальная драма, а нѣчто болѣе интимное. Они оба одинаково страдаютъ, потому что мужъ также угнетенъ поступками жены, какъ и она его поступками, и расходятся они изъ-за чисто психологическихъ причинъ, изъ-за вѣчныхъ и непонятныхъ законовъ влеченія и антипатіи; вопросъ же о равноправіи и свободѣ съ точки зрѣнія закона пристегнутъ лишь совершенно внѣшнимъ образомъ къ внутренней драмѣ. То же самое относится и къ большинству французскихъ пьесъ о бракѣ и разводѣ, о положеніи женщины и т. д. Уже Дюма началъ серію этихъ походовъ противъ закона, забывая, что душевная жизнь и страданія, чувства и страсти—подчиняются лишь своимъ роковымъ законамъ, и ничто не можетъ измѣниться отъ какихъ-либо законодательныхъ реформъ. Но французы слишкомъ привыкли считать формы жизни и всякія общественныя рамки самой сутью и привыкли понимать вопросъ о томъ, какъ жить—лишь въ смыслѣ законодательныхъ и общественныхъ условій. Такія пьесы, какъ „Вассалка“, или пьеса Эрвье: „Законъ для мужчинъ“ (La loi de l'homme), также какъ и его „Въ тискахъ“, показываютъ, какъ твердо укоренился во французахъ формализмъ. Ибсенъ поднялъ вопросъ о свободѣ совѣсти и воплотилъ этотъ общій вопросъ въ судьбѣ женщины, какъ наиболѣе угнетеннаго и наиболѣе страстно желающаго свободы существа. Французскіе писатели, вдохновляясь Ибсеномъ, восприняли только эту внѣшнюю проповѣдь свободы и стали защищать женщину отъ закона. Много драмъ и комедій, о которыхъ говоритъ Леметръ въ своихъ очеркахъ, посвящены разбору, выясненію и обличенію все того же правового безсилія женщины.

Исключеніе изъ общаго правила составляютъ двѣ пьесы, о которыхъ Леметръ говоритъ съ особенной любовью. Это—„Enfant malade“, Романа Коолюса, и „Ton Sang“, Анри Батайля. Критикъ привѣтствуетъ каждаго изъ этихъ молодыхъ писателей за то, что они, какъ поэты, взглянули на женскую душу со стороны внутренней, психологической; они не рѣшаютъ вопроса, на что̀ женщина имѣетъ право, или не имѣетъ права; ихъ занимаютъ лишь столкновенія, создаваемыя роковымъ теченіемъ чувствъ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Пьеса Анри Батайля: „Ton Sang“, очень любопытна и по замыслу, и по исполненію. Въ ней дѣйствительность изображена съ большими подробностями, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствіе все время происходитъ какъ

бы на границѣ дѣйствительности и мечты. Многое совершается въ мірѣ полубезсознательномъ и похоже на поэтическое сновидѣніе. Въ центрѣ трагедіи—два брата, чрезвычайно различные по характеру и темпераменту. Максимъ, старшій, очень здоровъ, дѣятеленъ и обладаетъ сильнымъ, твердымъ умомъ. Онъ управляетъ фабрикой. Братъ его, Даніилъ, больной, анемичный юноша, неврастеникъ, очень мягкій по природѣ. Въ домѣ живетъ молодая дѣвушка, Марта, возлюбленная старшаго брата. Она же сидѣлка младшаго, который въ нее страстно влюбленъ и не знаетъ объ отношеніяхъ ея къ брату. Старая бабушка братьевъ все это знаетъ, и мечтаетъ лишь о томъ, чтобы вылечить Даніила или хоть не дать ему умереть. Но Даніилъ все болѣе ослабѣваетъ, и спасти его можно только посредствомъ переливанія крови. Марта предлагаетъ для этого себя. Операція удается; Даніилъ замѣтно поправляется и чувствуетъ, что совершенно выздоровѣетъ, если женится на Мартѣ. Бабушка уговариваетъ дѣвушку согласиться на бракъ и порвать со старшимъ братомъ. Но во время праздника, устроеннаго по случаю помолвки, Даніилъ узнаетъ, что Максимъ былъ возлюбленнымъ Марты. Тогда, чтобы исторгнуть изъ себя кровь, которую она ему дала, онъ срываетъ повязку, наноситъ себѣ удары ножемъ по рукѣ и умираетъ отъ потери крови. Въ этой исторіи масса реальныхъ подробностей: жизнь фабрики, отель въ Швейцаріи или Тиролѣ, хирургическая операція—все это вполнѣ обыденно. Но изъ этого почти пошлаго сюжета поэтъ съумѣлъ сдѣлать то, что̀ приближаетъ его пьесу къ поэтической мечтѣ. Драматурги обыкновенно стараются изображать сильныя и глубокія страсти, и сюжетъ Батайля въ достаточной мѣрѣ могъ служить матеріаломъ для такого рода драматизма; но поэтъ извлекъ изъ него нѣчто менѣе рѣзкое и болѣе тонкое, чѣмъ страсть,—ощущенія, создаваемыя болѣе всего воображеніемъ, оттѣнки страданія, художественную поэтическую грусть. Среди современной буржуазной дѣйствительности Батайль увидѣлъ возможность чисто созерцательныхъ настроеній, тихихъ и печальныхъ. Поэтиченъ образъ больного юноши Даніила съ его странной любовью къ дѣятельной фабричной жизни, гулъ которой до него доносится, которая его привлекаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кажется ему какимъ-то адомъ. Самая операція переливанія крови становится въ пьесѣ Батайля чѣмъ-то поэтическимъ: операція происходитъ за дверью, и кажется, какъ все, что̀ невидно и о чемъ можно лишь догадываться, чѣмъ-то таинственнымъ. Прислуга, толпящаяся въ банальномъ нумерѣ гостинницы передъ запертой нумерованной дверью, напоминаетъ загадочныхъ служанокъ или монахинь Метерлинка, толпящихся около глухой стѣны, за которой происходитъ нѣчто трагическое и необъяснимое. Восторгъ Даніила, который чувствуетъ въ своихъ жилахъ кровь

Марты, опять возводить банальное происшествіе въ нѣчто возвышенное, многозначительное. Но болѣе всего драма Батайля приближается къ сказочному видѣнію тѣмъ, что Марта, дѣвушка, любимая обоими братьями,—слѣпа. Этотъ физическій недостатокъ объясняетъ странную пассивность ея кроткой души. Она стала возлюбленной Максима, чтобы дать ему радость, но нѣжность ея души принадлежитъ Даніилу, съ которымъ ее роднитъ схожая судьба—его болѣзнь и ея слѣпота.

Но сердце ея томится, когда она должна порвать съ Максимомъ и послать ему письмо, продиктованное ею бабушкѣ и переписанное маленькимъ братомъ. Въ печали своей она полна трагической нѣжности и говоритъ странными, загадочными словами, напоминающими героинь Метерлинка. Прощаясь съ Максимомъ изъ любви къ Даніилу, она цѣлуетъ прежняго возлюбленнаго, глубоко его любя. Эта сказочная Марта владѣетъ страннымъ обаяніемъ именно потому, что живетъ волею другихъ. Все ея существо говоритъ: „Я хочу того, что̀ вы хотите“. Ей самой отрадна эта пассивность, и она постоянно отмѣчаетъ ее въ себѣ. „Я всѣмъ принадлежу, и почему-то, сама не знаю почему, каждому различнымъ образомъ. Я рождена какой-то покорной рабой“. Слѣпота Марты создаетъ еще много поэтическихъ оттѣнковъ и осложненій дѣйствія и превращаетъ драму въ поэму больныхъ существъ. Написанная съ большимъ лиризмомъ, драма Батайля странно выдѣляется среди вышеназванныхъ драмъ и комедій о женщинѣ. Тутъ тоже рѣчь идетъ о женщинѣ, измѣняющей и мѣняющей свои отношенія и свои обязательства. Но здѣсь простыя происшествія подняты па высоту художественнаго вымысла, и благодаря этому они далеки отъ тенденціознаго изображенія общественныхъ нравовъ.

„Enfant malade“, Романа Коолюса, тоже полу-сказочная драма, но созданная не поэтомъ-мечтателемъ, а философомъ и моралистомъ новаго типа. Дѣло опять идетъ о женщинѣ и о томъ, какъ къ ней нужно относиться. Авторъ рѣшаетъ вопросъ нѣсколько наивно: онъ помнитъ слова Альфреда де-Виньи о томъ, что „женщина—больной ребенокъ“, и говоритъ, что по отношенію къ ней у мужчины одинъ только долгъ—быть безконечно добрымъ, прощать ее и оказывать ей поддержку. Вѣрность этой теоріи драматургъ доказываетъ примѣромъ своей героини и ея мужа, необычайно послѣдовательнаго моралиста. Жермена въ самомъ дѣлѣ „больное дитя“. Жанъ только изъ жалости къ ея внезапно вспыхнувшему къ нему чувству женится на ней. Изъ жалости же онъ предоставляетъ ей потомъ стать возлюбленной его друга и потомъ опять принимаетъ ее къ себѣ, готовъ дѣлить съ нею радость и горе, когда, разочарованная и усталая, она возвра-

щается къ нему. Тутъ нѣтъ и рѣчи о правахъ женщины, о разводѣ, о законахъ, но есть попытка человѣчно взглянуть на возможныя осложненія въ людскихъ отношеніяхъ и стараться разрѣшить ихъ единственнымъ достойнымъ средствомъ—взаимной жалостью. Боюсь, быть можетъ, не правъ, и современная женщина—не „больное дитя", какъ онъ думаетъ; несомнѣнно только, что люди вообще, а не однѣ женщины въ частности—больныя и жалкія дѣти, если глядѣть на нихъ съ высоты просвѣтленнаго безстрастнаго пониманія, и поэтому всѣхъ ихъ нужно жалѣть, а не осуждать, и относительно всѣхъ такъ поступать, а главное, такъ думать, какъ Жанъ думалъ и поступалъ относительно своей жены.

Со свойственной ему гибкостью вкуса, Жюль Лемэтръ сочувствуетъ и начинаніямъ молодыхъ писателей, если они обнаруживаютъ искреннюю любовь къ прекрасному, и художникамъ прежнихъ поколѣній, уже сказавшихъ свое слово и отошедшихъ въ прошлое. Для всякаго искренняго служителя какой бы то ни было формы красоты Лемэтръ находитъ откликъ въ „одной изъ своихъ душъ", какъ онъ самъ съ тонкой усмѣшкой говоритъ про себя. Однимъ изъ объектовъ его симпатій является на этотъ разъ Анри Мельякъ. Онъ посвящаетъ ему обстоятельное посмертное слово и даетъ чрезвычайно удачныя опредѣленія основной черты Мельяка, сдѣлавшей автора остроумныхъ, но, казалось бы, непритязательныхъ, поверхностныхъ, при всей своей веселости, комедій и водевилей—однимъ изъ самыхъ характерныхъ представителей французскаго юмора. Лемэтръ останавливается сначала на второстепенныхъ свойствахъ Мельяка, на томъ, что будущій историкъ найдетъ въ его комедіяхъ драгоцѣнный матеріалъ для сужденій о нравахъ, привычкахъ, особенностяхъ, языкѣ и образѣ мыслей свѣтскаго общества второй имперіи и начала третьей республики. По комедіямъ Мельяка будутъ изучать праздныхъ свѣтскихъ женщинъ и куртизанокъ этой эпохи, со всѣми привычками и подробностями ихъ жизни среди роскоши и сомнительнаго веселья. Но, конечно, не въ описаніи этихъ нравовъ значеніе Мельяка. Кромѣ него ихъ описывали и Дюма̀, и Ожье́, и всѣ ихъ послѣдователи среди молодыхъ современныхъ драматурговъ. Лемэтръ спѣшитъ, однако, отдѣлить беззаботно веселаго Мельяка отъ моралистовъ, которыхъ принято считать въ нѣкоторомъ родѣ творцами современной комедіи. Театръ Мельяка Лемэтръ хвалитъ за отсутствіе тенденціи и всякаго рода общественной сатиры. Это было чѣмъ-то новымъ въ то время, когда выступилъ Лемэтръ. Начавъ очень скромно—съ водевилей, Мельякъ создалъ постепенно новый родъ комедіи, менѣе напряженной и искусственной, чѣмъ театръ Ожье́ и Дюма̀, менѣе теоретичной, болѣе интимной,—и

даже болѣе правдивой, несмотря на ея частое отклоненіе въ сторону фарса.

Но и это свойство комедій Мельяка, ихъ естественность и непринужденность, не опредѣляетъ собою ихъ главнаго значенія. Лемэтръ подходитъ все ближе къ цѣльному опредѣленію драматурга, говоря о реализмѣ пьесъ, о томъ, что въ нихъ часто встрѣчаются такъ называемыя на жаргонѣ натуралистовъ „tranches de vie" (салонъ ясновидящей въ „Ma Cousine"; театральный корридоръ въ „Roi Candaule"; комната консьержа въ „La Boule" и т. д.), что Мельякъ любитъ сочныя народныя выраженія, „des mots nature", и такъ правдивъ въ своей острой наблюдательности, что, подобно Мольеру, не умѣетъ придумывать развязки пьесъ и заканчиваетъ свои комедіи какъ попало. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдательный, правдивый бытописатель, Мельякъ не угрюмъ: правдивость сочетается въ немъ съ неистощимой фантазіей: „Belle Hélène", „Barbe Bleue", „La Grande-Duchesse" и другія либретто къ оперетамъ Оффенбаха—блестящее доказательство этой стороны таланта Мельяка. Но реализмъ и фантастичность, веселость и правдивость комедій Мельяка лишь потому такъ просто и цѣльно сплетаются между собой, что они проникнуты основнымъ свойствомъ французскаго юмора — добродушной насмѣшливостью, которая не знаетъ для себя предѣловъ. Французскій умъ не знаетъ святынь и стремится разрушить всѣ кумиры. Мельякъ—чистѣйшій продуктъ этого духа непочтительности — esprit irrévérencieux. Въ этомъ его основное свойство,—то, что отличаетъ его отъ юмористовъ другихъ странъ, напр. отъ англичанъ, и лишаетъ его всякой сантиментальности, вооружая его ироніей и скептицизмомъ. „Я составилъ,—говоритъ Лемэтръ,—перечень разныхъ понятій, въ большей или меньшей степени почтенныхъ, надъ которыми смѣется Мельякъ въ одной оперетѣ: оказалось, что тамъ выставлены въ смѣшномъ видѣ любовь, цѣломудріе, пастушеская поэзія, романтическая литература, королевскій престижъ, принципы 89 года, вѣра въ свободу воли, наука—и наконецъ смерть. Если же, тѣмъ не менѣе, ему нравится добродѣтель, то онъ самъ не знаетъ и не можетъ объяснить, въ чемъ заключается ея основа"... Въ такомъ всеобъемлющемъ смѣхѣ есть дерзновеніе и сила, и въ немъ основа нео-эпикурейства, мирящагося съ пріятными и красивыми формами культурной жизни и отрицающаго всѣ традиціи, которыми она тѣшитъ свою жажду идеала. Считая идеальные порывы человѣчества безплодными, можно стать или пессимистомъ, или эпикурейцемъ; Мельякъ избралъ послѣднее. Его смѣхъ освобождаетъ его отъ философскаго углубленія въ жизнь, охраняетъ его отъ самообмана, обнажаетъ правду жизни и какъ-то естественно и незамѣтно примиряетъ съ существующимъ. Таковъ юморъ Мельяка, менѣе

поверхностный, чѣмъ кажется на первый взглядъ, и, что̀ чрезвычайно важно, искренно гуманный. Лемэтръ отождествляетъ его съ „парижскимъ духомъ", „l'esprit de Paris", особой разновидностью esprit français. Среди многочисленныхъ опредѣленій, которыя дѣлались и часто дѣлаются, слова Лемэтра выдѣляются своей особой мѣткостью и тонкостью анализа. „Парижскій духъ (или, вѣрнѣе, парижскій юморъ) отличается тѣмъ, что онъ заключаетъ въ себѣ maximum доброты, совмѣстимой съ исканіемъ удовольствія, что въ немъ эгоизмъ смягченъ желаніемъ нравиться, что онъ вноситъ умиленіе или иронію въ то, что̀ безъ этого стало бы холодной развращенностью, и никогда не впадаетъ ни въ грубый комизмъ, ни въ трагичность, не доходя до крайностей ни въ наслажденіи, ни въ страданіяхъ. Скептицизмъ приводитъ его къ свободѣ отъ страстей—весьма близкой къ мудрости, и къ мягкосердечію, которое, не будучи активнымъ, во многихъ случаяхъ, однако, замѣняетъ милосердіе"...

Характеристику Мельяка Лемэтръ заканчиваетъ опредѣленіемъ новаго рода юмора, выработаннаго сложной и шумной культурной жизнью Парижа, обнажающей всѣ инстинкты въ человѣкѣ; она заставляетъ его забывать лишь свое лучшее „я", свою духовную жизнь, для которой нужны тишина и трудъ, а не шумъ и суета.

Кромѣ названныхъ нами нѣсколькихъ очерковъ, въ книгѣ Лемэтра есть другія очень интересныя характеристики новыхъ писателей. Его „Театральныя впечатлѣнія" на этотъ разъ особенно разнообразны и красиво написаны. Отмѣтимъ художественный разборъ небольшой комедіи Жюля Ренара: „Joie de rompre"; затѣмъ, страницы о пьесахъ Бріэ, въ особенности о послѣдней и самой талантливой изъ нихъ: „Les trois filles de M. Dupont". Въ статьѣ объ игрѣ Элеоноры Дузе Лемэтръ описываетъ внѣшность артистки, ея прекрасные „милосердные глаза", скорбное лицо, странное впечатлѣніе улыбки, обнаруживающей болѣзненные контрасты сверкающихъ зубовъ, блѣдныхъ губъ и матовой смуглости лица, не знающаго румянъ и бѣлилъ. Описаніе Лемэтра—мастерская живопись словами, возсоздающая въ воображеніи живой образъ великой артистки.

II.

Edouard Rod. Le Ménage du pasteur Naudié. Paris, 1898. Стр. 301.

Эдуардъ Родъ, профессоръ въ Женевѣ, извѣстенъ теоретичностью своихъ художественныхъ произведеній. Въ области романа онъ кажется случайнымъ гостемъ; все, что̀ онъ имѣетъ сказать, выражается гораздо полнѣе и убѣдительнѣе въ его критическихъ и нравственно-

философскихъ сочиненіяхъ. Романы же являются у него какъ бы демонстраціей идей въ жизни, провѣркой отвлеченнаго міросозерцанія на психологическихъ примѣрахъ. Проникнувшись нравственнымъ ученіемъ Толстого, онъ сталъ проповѣдовать нео-христіанство и писалъ на эту тему много хорошо обдуманнаго и заслуживающаго вниманія. Одновременно съ этимъ, въ его повѣстяхъ и разсказахъ отвлеченный долгъ ставился выше человѣческой жалости. Въ „La Sacrifiée" любимая женщина приносится въ жертву голосу совѣсти, возстающему противъ незаслуженной счастливой любви. Всѣ лучшія повѣсти и романы Рода, какъ его „Sens de la vie", „Course à la Mort", „Silence"— написаны на отвлеченныя темы и рѣшаютъ болѣе теоретически, чѣмъ психологически, вопросъ о смыслѣ жизни и о значеніи смерти.

Новый романъ Рода, „Le Ménage du Pasteur Naudié", носитъ такой же слегка поучительный характеръ и обличаетъ въ авторѣ профессора. Но сухость тона искупается искренностью и простотой незамысловатаго повѣствованія и серьезностью идейнаго замысла. Родъ задался вопросомъ о томъ, какъ слѣдуетъ исполнять свое призваніе,— если человѣкъ вѣритъ въ него, конечно,—когда для этого нужно принести въ жертву свои личные интересы. Для освѣщенія этой психологической задачи, Родъ избираетъ то поприще, на которомъ яснѣе всего выступаютъ контрасты отвлеченнаго долга и непосредственныхъ интересовъ жизни. Герой его—протестантскій пасторъ, вѣрный служитель церкви, мирно исполняющій свой незатѣйливый гуманный долгъ. Онъ живетъ въ тѣсномъ общеніи со своей паствой, принимаетъ къ сердцу всѣ нужды окрестныхъ поселянъ, пользуется ихъ полнымъ довѣріемъ и, сильно стѣсненный въ средствахъ, ведетъ самый скромный образъ жизни. Онъ—вдовецъ, у него четверо дѣтей; когда одинъ изъ его сыновей изорвалъ новое платье въ дракѣ съ товарищемъ, онъ серьезно озабоченъ неожиданнымъ расходомъ на новое. И вдругъ этому скромному, терпѣливому пастору судьба даетъ возможность совершенно измѣнить существованіе: въ него влюбляется молодая, капризная красавица, наслѣдница милліоннаго состоянія, и дядя ея предлагаетъ пастору Нодье ея руку. Въ первую минуту этотъ бракъ кажется совершенно немыслимымъ: Жанна на пятнадцать лѣтъ его моложе, она совершенно не знаетъ жизни; если ея полудѣтское сердце увлеклось благороднымъ порывомъ стать матерью для сиротъ и помощницей пастора въ его служеніи людямъ, то это случайное увлеченіе несомнѣнно пройдетъ такъ же быстро, какъ оно пришло, и ничего не можетъ выйти угоднаго Богу изъ этого неравнаго союза. Но голосъ разума не помогаетъ Нодье противостоять соблазну. Жанна ему очень нравится. Прежде въ немъ не могло возникнуть и мысли о ней; теперь эта мечта всецѣло имъ овладѣла. Онъ боится пока-

зать дѣвушкѣ, до какой степени онъ ее любитъ; доводами разсудка онъ старается отклонить симпатіи Жанны, которая ему вполнѣ довѣряется и только нѣсколько задѣта его кажущимся равнодушіемъ. Успокоивъ свою совѣсть честнымъ объясненіемъ съ Жанной, указавъ ей на всю трудность ея будущихъ обязанностей, семейныхъ и общественныхъ, Нодье́ счастливъ однако, что всѣ эти доводы ею отвергнуты, и женитьба на Жаннѣ, т.-е. нѣчто для него совершенно сказочное и несбыточное, становится фактомъ.

Но этотъ бракъ, по прошествіи перваго же года, становится источникомъ глубокой душевной драмы. Жанна сразу обнаруживаетъ свой истинный характеръ. Она увлеклась пасторомъ изъ пустого романтизма. Ей казалось интересной роль самоотверженной героини, заботы о дѣтяхъ, о паствѣ, но, подойдя ближе ко всѣмъ этимъ воображаемымъ радостямъ, она быстро разочаровалась въ нихъ. Дѣтей Нодье́ она не любитъ, и они въ ней видятъ чужую, отнявшую у нихъ любовь отца. Заботы о бѣдныхъ и страждущихъ ей надоѣдаютъ, и она очень скоро начинаетъ скучать и томиться. А Нодье́ между тѣмъ все болѣе привязывается къ молодому, красивому существу и любитъ Жанну сосредоточенной страстью, скрывая силу своихъ чувствъ подъ внѣшней почтенностью служителя церкви. Въ немъ происходитъ тяжелая борьба. Его призваніе столкнулось съ вопросомъ о земномъ счастьѣ. Въ угоду капризной Жаннѣ онъ долженъ вести роскошный образъ жизни, пользоваться доходами, которые тяготятъ его совѣсть, отдавать почти все свое время пустому свѣтскому образу жизни, между тѣмъ какъ душа его требуетъ иного, и въ немъ все болѣе властно и настойчиво поднимается вопросъ о необходимости выбора между долгомъ совѣсти и личнымъ счастьемъ. Жанна́ — воплощеніе земной радости, которая какъ будто дается ему и вмѣстѣ съ тѣмъ ускользаетъ изъ его рукъ, и она знаетъ, твердо зна́етъ, что лишь тогда онъ будетъ ей милъ, когда забудетъ о своемъ призваніи. Прежде онъ могъ тѣшить себя тѣмъ, что молодая женщина станетъ идеальной подругой, сподвижницей его въ служеніи людямъ. Но теперь онъ видитъ, что это не такъ, что Жанна вполнѣ равнодушна къ тому, о чемъ скорбитъ его душа. Стремиться къ счастью ея любви и вмѣстѣ съ тѣмъ думать о пасторскомъ долгѣ —значитъ, служить двумъ господамъ. Но что̀ избрать, что̀ окажется болѣе сильнымъ: отвлеченный долгъ или сила земной страсти? Пока пасторъ Нодье́ разбирается въ своихъ чувствахъ и хочетъ согласовать велѣнія долга и влеченія чувствъ, жизнь не ждетъ. Судьба рѣшаетъ вопросъ за него и готовитъ ему искупленіе за то, что онъ поддался соблазну и пошелъ на компромиссы. Нодье́ въ концѣ концовъ вернется къ непреклонному служенію высшему долгу, но прежде

чѣмъ онъ отвоевываетъ себѣ душевный покой, ему приходится пройти чрезъ тяжкія испытанія. Въ семейной жизни пастора разыгрывается драма. Жанна скучаетъ, она вполнѣ равнодушна къ мужу, не старается даже заглянуть въ его душевный міръ и не подозрѣваетъ ни о его страданіяхъ, ни даже о его мучительной любви къ ней. Но—какъ всегда въ „психологическихъ“ французскихъ романахъ—на горизонтѣ показывается молодой человѣкъ, и дѣйствіе романа постепенно сводится къ вопросу: будетъ адюльтеръ, или не будетъ? Нравственное чувство строгаго читателя можетъ успокоиться: адюльтера не будетъ; но въ этомъ заслуга—или вина—не Жанны. Она ищетъ только развлеченія, и когда однообразіе ея жизни нарушается пріѣздомъ кузена Анри, она сразу забываетъ семью и мужа сначала для волнующихъ ее и его разговоровъ о томъ, что и она, и онъ, „непонятыя натуры“, потомъ для прогулокъ верхомъ и для флёрта, который она рада была бы превратить въ нѣчто разбивающее ея семейную жизнь. Жанна знала Анри и до своего замужества, но не обращала вниманія на слишкомъ серьезнаго, занятаго своими книгами юношу. Теперь онъ явился передъ ней въ новомъ свѣтѣ мученичества. Послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшился объявить отцу о томъ, что въ немъ изсякла вѣра и онъ не можетъ стать священникомъ, какъ это предполагалось. Жанна, которой надоѣла благочестивость мужа, видитъ въ религіозномъ кризисѣ Анри особаго рода подвигъ и преклоняется передъ нимъ. Анри не понимаетъ, что онъ просто интересенъ для скучающей молодой женщины, и сочувствіе ея становится для него источникомъ силы. Болѣзнь юноши—слѣдствіе его душевной борьбы—еще болѣе сближаетъ его съ Жанной, которая, вмѣстѣ съ матерью Анри, не отходитъ отъ кровати больного. Съ выздоровленіемъ Анри, наступаетъ самое опасное время для влюбленныхъ, не дающихъ себѣ отчета въ томъ чувствѣ, которое проснулось въ нихъ обоихъ. Они только подъ разными предлогами стараются какъ можно болѣе бывать вдвоемъ, и Жанна нетерпѣливо уклоняется отъ всѣхъ семейныхъ обязанностей, могущихъ помѣшать ей быть съ Анри. Отрезвленіе наступаетъ, однако, очень скоро. Анри первый рѣшается порвать сношенія, съ которыми совѣсть его не можетъ примириться. Предупредивъ мать и написавъ Жаннѣ искреннее письмо о мотивахъ своего поступка, онъ уѣзжаетъ въ далекое путешествіе. Жанна разочарована и въ немъ. Когда она была влюблена въ Нодье, ее отталкивала въ немъ его строгая добропорядочность и совѣстливость. Ея капризному незанятому воображенію хотѣлось бы, чтобы ради нея нарушались обѣты и законы—и въ Анри, смѣломъ мятежникѣ противъ церковнаго долга, она надѣялась встрѣтить достойнаго героя своего романа. Когда же и онъ рѣшается слѣдо-

вать лишь велѣніямъ совѣсти, она чувствуетъ величайшее презрѣніе къ жизни, разбивающей всѣ ея мечты. Однако, оставаться въ домѣ пастора она не можетъ послѣ промелькнувшаго сна о болѣе яркомъ счастьѣ любви. Она уходитъ отъ мужа и требуетъ развода, безучастная къ дальнѣйшей судьбѣ человѣка, котораго она увлекла на иной путь, чтобы бросить его, когда игрушка надоѣла.

Исторія Жанны и Анри—очень обыденная и напоминаетъ типичные французскіе адюльтерные романы съ добродѣтельной развязкой (есть и такіе, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ романы съ грѣховнымъ концомъ). Интересъ романа Рода, однако, не въ этомъ банальномъ приключеніи, а въ томъ, какъ оно отражается на душевной драмѣ пастора Нодье́. Есть моментъ, когда страданія его утрачиваютъ всякую возвышенность. Оскорбленный возможностью измѣны Жанны, онъ переживаетъ всѣ муки ревности, не смѣя въ нихъ признаться. Онъ забываетъ свои сомнѣнія, не думаетъ уже о своемъ пасторскомъ долгѣ, забрасываетъ дѣтей, несправедливъ къ нимъ въ ихъ столкновеніяхъ съ Жанной, сознаетъ все это, но думаетъ только о томъ, чтобы не потерять Жанну, устраиваетъ ей сцены ревности, смѣняющіяся порывами нѣжности и мольбы, и совершенно утрачиваетъ власть надъ собою. Можно пожалѣть о томъ, что романистъ не показываетъ, какъ бы должна была закончиться душевная борьба Нодье́ по исключительно внутреннимъ психологическимъ причинамъ: какъ бы онъ справился самъ съ явнымъ противорѣчіемъ велѣній совѣсти и требованій чувства. Очевидно, долгъ справедливаго и безстрастнаго служителя религіи требовалъ, чтобы онъ предоставилъ свободу женѣ, отрекся отъ богатства и роскоши, внесенныхъ ею въ его домъ, и самъ радостно и смиренно вернулся къ тихому и мирному исполненію своихъ обязанностей. Но служитель церкви полюбилъ и соблазнился земными радостями. Любовь заставляетъ его желать счастья, и онъ готовъ поступиться справедливостью, готовъ настаивать на своемъ правѣ и, въ силу его, удержать разлюбившую его жену. Это столкновеніе Родъ разрѣшаетъ, однако, не чисто психологически. Внѣшнія событія указываютъ пастору истинный путь, съ котораго его совлекло безуміе чувства. Жанна ушла отъ него противъ его желанія и временно поселилась у своей тетки (матери Анри), требуя развода. Пасторъ не можетъ настаивать на своемъ правѣ не допускать развода, потому что это покрыло бы его, какъ служителя церкви, величайшимъ позоромъ и отразилось бы на добромъ имени его дѣтей. Его обвинили бы въ желаніи удержать богатство жены, и никакихъ доказательствъ того, что имъ управляютъ другіе мотивы, онъ бы представить не могъ. Нодье́ настаиваетъ долго на своихъ правахъ, возстаетъ противъ нечестивости развода, повинуясь опять-

таки не тѣмъ церковнымъ велѣніямъ, о которыхъ онъ говоритъ, а голосу ревнивой страсти. Потомъ, подъ гнетомъ обстоятельствъ, на него находитъ просвѣтленіе. Къ нему въ домъ переселилась его старшая сестра, Анжелика, осиротѣвшая со смертью своего отца, знаменитаго ученаго, гордости всей семьи. Анжелика проникнута величіемъ духа, отличавщимъ умершаго старца, и вноситъ въ семью брата тотъ же духъ мудрости и смиренія. Она своимъ тихимъ вліяніемъ помогаетъ пастору „найти себя". Онъ окончательно постигаетъ, что нельзя служить двумъ господамъ, и твердо вступаетъ на путь служенія Богу. Онъ рѣшается стать миссіонеромъ, оставить семью на попеченіе сестры. Прощальная его проповѣдь собнраетъ въ церкви огромную аудиторію молящихся и любопытствующихъ. Но пасторъ разочаровываетъ тѣхъ, кто ожидалъ какихъ-нибудь отзвуковъ личной драмы въ послѣдней проповѣди. Онъ уже всецѣло отдался долгу вѣры и занятъ только мыслью о будущихъ дѣяніяхъ среди непросвѣщенныхъ массъ.

Романъ Рода заканчивается примирительнымъ аккордомъ, торжествомъ духа надъ страданіями и препятствіями жизни. Пасторъ Нодье́—типичный представитель борьбы за призваніе, на что̀ бы оно ни было направлено. Душевная драма Нодье́ могла произойти въ жизни художника, мыслителя, иаучнаго дѣятеля—всѣхъ, кто живетъ отвлеченными, безкорыстными задачами. Этотъ общечеловѣческій характеръ увеличиваетъ интересъ новаго романа Эдуарда Рода.

III.

S. J. Nadson. Gedichte. Autorisierte Verdeutschung im Versmass des russischen Originals, von *Friedrich Fiedler*. Leipzig.

Нѣмецкій переводчикъ лучшихъ русскихъ поэтовъ нашего прошлаго,—Пушкина, Лермонтова, Кольцова, гр. Алексѣя Толстого,—дѣлаетъ въ своемъ послѣднемъ томикѣ, вышедшемъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, большой шагъ впередъ — въ смыслѣ времени, конечно. Отъ классиковъ онъ переходитъ прямо къ новѣйшимъ поэтамъ, къ современникамъ. Предполагая, повидимому, познакомить нѣмецкихъ читателей съ наиболѣе характерными представителями новѣйшей русской поэзіи, г. Фидлеръ начинаетъ новую серію своихъ переводовъ съ покойнаго Надсона. Выборъ г. Фидлера можно назвать удачнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не привести противъ него нѣкоторыхъ возраженій. Всякій, кто любитъ русскую поэзію и питаетъ справедливое желаніе познакомить иностранныхъ читателей съ тѣмъ, что̀ въ ней есть лучшаго и наиболѣе своеобразнаго, почув-

ствуетъ нѣкоторое разочарованіе при видѣ этого новаго томика переводовъ г. Фидлера. Зачѣмъ почтенный переводчикъ такъ быстро перешелъ къ новѣйшей русской поэзіи, когда еще остались непереведенными многіе самобытные и глубоко интересные поэты прошлаго. Почему онъ сдѣлалъ такой быстрый переходъ прямо къ Надсону, не переведя ни Тютчева, ни Баратынскаго? Творчество этихъ поэтовъ по настроеніямъ своимъ, быть можетъ, болѣе близко современности,—не только русской, но и общеевропейской,—чѣмъ даже Надсонъ,—недавній кумиръ русской молодежи. Но и кромѣ этихъ поэтовъ, какъ много другихъ, на которыхъ слѣдовало бы остановиться внимательному переводчику! Прежде чѣмъ переходить къ новому поэту среди умершихъ, быть можетъ, слѣдовало бы заняться тѣми изъ живыхъ, которые принадлежатъ прошлому по характеру творчества. Избранныя стихотворенія Полонскаго (переводъ Надсона вышелъ до смерти послѣдняго) имѣли бы въ нѣмецкомъ переводѣ большой интересъ, какъ образцы неподдѣльнаго, чистаго лиризма.—Мы не сомнѣваемся, впрочемъ, что эти пробѣлы будутъ восполнены въ дальнѣйшихъ переводахъ г. Фидлера, и что съ теченіемъ времени всѣ перлы русской поэзіи станутъ доступными нѣмецкимъ читателямъ въ прекрасной передачѣ г. Фидлера.

Но если, въ самомъ дѣлѣ, переводъ Надсона не случайный и обусловленъ не однѣми личными симпатіями переводчика къ рано умершему поэту, то какъ начало серіи онъ имѣетъ несомнѣнное значеніе. Поэзія Надсона и длящійся успѣхъ ея въ нашемъ обществѣ — несомнѣнный историческій фактъ, заслуживающій вниманія. Иностранный читатель, если онъ захочетъ понять судьбы русской поэзіи, найдетъ въ поэзіи Надсона много интереснаго матеріала для ознакомленія съ художественными вкусами и мотивами душевной жизни у значительной части русскаго общества. Быть можетъ, поэзія Надсона ей покажется мало оригинальной, а художественная форма — недостаточно сильной, хотя и мелодичной. Но все-таки эта искренняя, то горячо негодующая, то разслабленно тоскующая поэзія обратитъ на себя вниманіе: въ ней—основные мотивы жизни цѣлаго поколѣнія.

О достоинствахъ перевода г. Фидлера мы на этотъ разъ распространяться не будемъ. Мы имѣли случай говорить о томъ, какъ онъ умѣлъ справляться съ трудностями въ поэзіи Пушкина и Лермонтова. Тѣмъ ярче и свободнѣе выходятъ его переводы поэмъ и стихотвореній, не требующихъ благоговѣйнаго отношенія къ каждому стиху. Знаменитыя строфы Надсона: „Другъ мой, братъ мой"... и другія, сохраняютъ въ передачѣ всѣ свойства оригинала, весь свой несложный драматизмъ и всю привлекательную искренность молодого чувства.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1898.

Проектъ положенія о личномъ наймѣ и контролѣ частной прислуги въ Петербургѣ.—Различное отношеніе къ договаривающимся сторонамъ.—Возстановленіе аттестацій прислуги.—Лучшій способъ разрѣшенія вопроса о прислугѣ.—Открытіе памятниковъ гр. М. Н. Муравьеву и П. С. Нахимову.—Сорокалѣтіе ученой дѣятельности В. И. Герье.—„Русскій Начальный Учитель" о числѣ школъ и учащихся въ спб. губерніи.

Обычнымъ предметомъ „обывательскихъ" разговоровъ въ Петербургѣ служатъ, какъ извѣстно—наравнѣ съ жалобами на погоду,—жалобы на извозчиковъ и на прислугу. Весьма вѣроятно, что среди извозчиковъ и прислуги отнюдь не мѐньшую роль играютъ жалобы на ѣздоковъ и на хозяевъ; вся разница въ томъ, что послѣдняя категорія жалобъ гораздо рѣже проникаетъ въ печать, гораздо рѣже обращаетъ на себя вниманіе властныхъ и вліятельныхъ сферъ. Еслибы обѣ стороны находились въ одинаковыхъ условіяхъ, еслибы ихъ претензіи выслушивались и разсматривались съ одинаковымъ безпристрастіемъ, то пришлось бы, быть можетъ, признать, что ходячія, огульныя обвиненія, взводимыя на извозчиковъ и на прислугу, не менѣе преувеличенны и односторонни, чѣмъ знаменитая формула, провозгласившая „лѣность грубаго простонародья". А между тѣмъ, подобными обвиненіями поддерживается цѣлый рядъ предубѣжденій, создающихъ, въ свою очередь, благопріятную почву для разныхъ экстраординарныхъ мѣропріятій. Только этимъ путемъ можно объяснить появленіе такихъ проектовъ, какъ обсуждаемое теперь въ с.-петербургской городской Думѣ „Положеніе о личномъ наймѣ и контролѣ частной прислуги въ гор. С.-Петербургѣ и пригородныхъ участкахъ" [1]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наемъ прислуги, какъ одинъ изъ видовъ личнаго найма, входитъ въ сферу дѣйствія общаго гражданскаго права и подлежитъ регулированію на томъ же основаніи и въ томъ же порядкѣ, какъ и всякое другое гражданское правоотношеніе. Если дѣйствующія по этому предмету узаконенія неполны или несовершенны, ихъ слѣдуетъ дополнить или исправить, сохраняя за ними, во всякомъ случаѣ, *общее* значеніе. Нельзя установлять особыя правила о наймѣ прислуги для *одного* города, хотя бы и столичнаго; нельзя издавать законъ, сила котораго ограничена городскою чертою, и еще менѣе возможно *замѣнять* законъ, въ этихъ предѣлахъ, ин-

---

[1]) Оно напечатано въ № 22 „Извѣстій С.-Петербургской Городской Думы", 1898 г.

струкціей или административнымъ распоряженіемъ. Проектъ положенія, составленный коммиссіею при с.-петербургскомъ градоначальникѣ и внесенный послѣднимъ на заключеніе городской Думы, соединяетъ въ себѣ всѣ признаки *законопроекта*—и вмѣстѣ съ тѣмъ пріурочивается къ одному только Петербургу. Это—первая, коренная аномалія; изъ нея, а также изъ предвзятаго недовѣрія къ прислугѣ, истекаютъ всѣ другіе недостатки проекта. Онъ опредѣляетъ срокъ договора найма, его форму, способы его прекращенія, права, обязанности и отвѣтственность обѣихъ сторонъ, т.-е. все то, что составляетъ предметъ *общаго* законодательства о личномъ наймѣ. Одно изъ двухъ: или нововведенія проекта оправдываются самымъ характеромъ договора найма, соотвѣтствуютъ справедливости, вызываются требованіями жизни—въ такомъ случаѣ они должны быть распространены на всю Россію; или они не удовлетворяютъ этимъ основнымъ условіямъ—въ такомъ случаѣ для нихъ не должно быть мѣста и въ Петербургѣ.

Разсматриваемый съ формальной стороны, всякій законопроектъ долженъ отличаться точностью и опредѣленностью выраженій, избѣгать всякой казуистики и содержать въ себѣ только предписанія юридическаго свойства, т.-е. допускающія ту или другую санкцію, въ видѣ понудительнаго исполненія или уголовной кары. Проектъ положенія о наймѣ прислуги не соединяетъ въ себѣ ни одного изъ этихъ внѣшнихъ условій. Домашнею прислугою, по 1-й ст. проекта, признаются лица, „нанявшіяся для исполненія своимъ физическимъ трудомъ домашнихъ и хозяйственныхъ работъ и услугъ, не имѣющихъ ремесленнаго или фабрично-промышленнаго значенія". Подъ это опредѣленіе не подходятъ ни кондукторы общественныхъ каретъ, ни баньщики, ни оффиціанты въ гостинницахъ и ресторанахъ, трудъ которыхъ, очевидно, не имѣетъ *домашняго* характера; не подходятъ и бонны для присмотра за дѣтьми, трудъ которыхъ не можетъ быть названъ чисто *физическимъ*. Между тѣмъ, всѣ эти лица отнесены, въ ст. 3-й, къ домашней прислугѣ. Если домашней прислугой можно считать кондукторовъ общественныхъ каретъ, то почему же не поставлены на ряду съ ними лодочники, разсыльные, артельщики, положеніе которыхъ по отношенію къ своимъ хозяевамъ совершенно аналогично? Если трудъ боннъ признанъ физическимъ, то почему не признается такимъ же трудъ ключницъ или экономокъ? Не ясно ли, что перечень, составляющій содержаніе ст. 3-й, страдаетъ либо излишествомъ, либо неполнотою, какъ всякая попытка—все предвидѣть и все регламентировать? Еще опаснѣе подобныя попытки становятся тогда, когда рѣчь идетъ объ обстоятельствахъ, обусловливающихъ собою пользованіе правомъ. Сюда относится, напримѣръ, ст. 11-я проекта, опредѣляющая, когда именно договоръ найма можетъ быть на-

рушенъ (правильнѣе было бы сказать: „признанъ несостоявшимся“) еще до его осуществленія. Здѣсь предусматривается, между прочимъ, необходимость для нанявшагося выѣхать изъ Петербурга по требованію родителей или по поводу открывшагося наслѣдства. А если такая необходимость вызывается пожаромъ дома въ деревнѣ, или смертью родителей, или тяжкою болѣзнью ребенка? По буквальному смыслу ст. 11-й, это не освобождаетъ нанявшагося отъ обязанности приступить къ исполненію договора, хотя, конечно, причины, только-что упомянутыя нами, отнюдь не менѣе важны, чѣмъ причины, предусмотрѣнныя проектомъ. Такою же неполнотою отличается и перечень обстоятельствъ, дающихъ прислугѣ право требовать увольненія раньше срока найма (ст. 33). Къ числу этихъ обстоятельствъ отнесено, напримѣръ, антигигіеническое *помѣщеніе* прислуги, но не отнесено антигигіеническое ея *питаніе*; отнесена смерть мужа служащей женщины, но не отнесена смерть жены служащаго мужчины [1]); не отнесены другія семейныя бѣдствія, въ родѣ тѣхъ, которыя пропущены въ ст. 11-й. Къ ст. 33-й проекта намъ еще придется, впрочемъ, возвратиться, потому что она возбуждаетъ возраженія не только по формѣ, но и по существу... Какой смыслъ имѣютъ, далѣе, постановленія въ родѣ слѣдующихъ: „прислуга обязана служить честно и вѣрно, исполнять свои обязанности усердно и *безропотно* (!), вести себя трезво, прилично и благопристойно, обращаться съ другими слугами нанимателя—вѣжливо, съ имуществомъ его—умѣло“ (!); или: наниматель „обязанъ обращаться съ прислугой кротко и справедливо“ (ст. 13, 16, 20)? Вѣдь это не узаконенія, а наставленія, для которыхъ не должно быть мѣста въ положительномъ законѣ. Мы знаемъ, что такихъ наставленій немало въ нашемъ сводѣ (напр. въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и даже въ законахъ гражданскихъ)—но это остатокъ старины, котораго не слѣдуетъ переносить въ новѣйшіе законодательные акты.

Общій духъ разбираемаго нами проекта выразился довольно ярко въ заголовкахъ двухъ главъ, третьей и четвертой. Первая изъ нихъ названа такъ: „Объ обязанностяхъ прислуги во время службы“; вторая—„Объ отношеніяхъ нанимателей къ прислугѣ, вытекающихъ изъ условій договора“. Такому различію терминовъ соотвѣтствуетъ, отчасти, и различіе содержанія. Обязанности прислуги опредѣлены съ гораздо бо̀льшею строгостью, чѣмъ обязанности нанимателя, пользующагося, за то, значительно бо̀льшими правами. По ст. 31 проекта, законными причинами къ увольненію прислуги во всякое время до срока окончанія дого-

---

[1]) Это замѣчаніе заимствовано нами изъ отзыва юрисконсульта городской управы; въ этомъ отзывѣ вообще много основательнаго.

вора считается, между прочимъ, обнаруженіе у прислуги прилипчивой или заразной болѣзни; но обнаруженіе такой болѣзни у нанимателя не даетъ прислугѣ, по ст. 33-ей, права на уходъ раньше срока,—а вѣдь опасность, въ обоихъ случаяхъ, совершенно одинакова. Поводомъ къ увольненію прислуги признается не только нанесеніе оскорбленія нанимателю или кому-нибудь изъ его семьи, или приближенныхъ, но и дерзкое обращеніе съ нанимателемъ, сплетни и разглашеніе о нанимателѣ чего-нибудь оскорбительнаго; поводомъ къ досрочному освобожденію прислуги отъ дальнѣйшей службы не признается даже оскорбленіе дѣйствіемъ, нанесенное ей нанимателемъ или однимъ изъ членовъ его семейства. Можетъ, слѣдовательно, получиться такая комбинація обстоятельствъ: горничная или кухарка, которую ударилъ хозяинъ, должна будетъ испросить у него разрѣшеніе отлучиться для подачи на него жалобы, подъ опасеніемъ очутиться въ положеніи виновной стороны (законною причиной къ досрочному увольненію прислуги признается, между прочимъ, недозволенная ея отлучка)! Этого мало: если наниматель будетъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи и приговоренъ къ аресту, горничная должна будетъ остаться у него въ услуженіи и во время содержанія его подъ арестомъ, и послѣ его освобожденія, такъ какъ законнымъ поводомъ къ расторженію договора найма проектъ признаетъ только личное задержаніе служащаго, но не личное задержаніе нанимателя. Эквивалентомъ столь явной неравноправности едва ли можетъ служить право (или, какъ выражается проектъ, обязанность) нанимателя заступаться за прислугу и привлекать ея обидчиковъ къ суду безъ всякаго уполномочія со стороны потерпѣвшей прислуги (ст. 25 проекта); напротивъ того, это является ограниченіемъ правъ прислуги и низводитъ ее на одинъ уровень съ малолѣтними, неспособными къ самозащитѣ... Ограждая права нанимателя, проектъ не отступаетъ передъ нарушеніемъ общихъ началъ гражданскаго права и процесса. Вопреки основному правилу, по которому обязанность доказать убытокъ возлагается на потерпѣвшаго, ст. 17-я позволяетъ нанимателю вычитать изъ наемной платы стоимость убытка, причиненнаго ему, по его мнѣнію, слугою, а послѣднему предоставляетъ лишь право жаловаться на то суду, обращая его изъ отвѣтчика въ истца и возлагая на него бремя доказательства. Вопреки основному правилу, по которому каждый отвѣчаетъ только за себя, ст. 18-ая признаетъ слугу отвѣтственнымъ за злоупотребленія другихъ слугъ, если онъ не донесъ о нихъ нанимателю.

Особенно рельефно неодинаковое отношеніе проекта къ договаривающимся сторонамъ выразилось въ постановленіяхъ объ отвѣтственности ихъ за нарушеніе договора. По ст. 36-ой, наниматель, уволившій прислугу безъ законныхъ причинъ до истеченія срока найма,

обязанъ заплатить ей жалованье по срокъ договора. Сопоставленіе этого правила съ перечнемъ законныхъ причинъ досрочнаго увольненія прислуги приводитъ къ убѣжденію, что на практикѣ оно оказалось бы мертвою буквой. Въ самомъ дѣлѣ, законными причинами увольненія ст. 31-ая признаетъ, между прочимъ, *неумѣлость* прислуги и *небрежное отношеніе* ея къ своимъ обязанностямъ. Подъ эти два понятія, особенно подъ послѣднее, можетъ быть подведено все, что угодно. Если *умѣлость* прислуги можетъ, пожалуй, быть подтверждена экспертизой (во всякомъ случаѣ весьма дорогой и затруднительной), то доказать *усердіе*, т.-е. опровергнуть обвиненіе въ *небрежности*, почти немыслимо, особенно при возложеніи на прислугу роли истца, обязаннаго доказать свой искъ. Понятіе о небрежности въ высшей степени относительное и эластичное: нанимателю всегда легко будетъ отыскать и выдвинуть на сцену отдѣльный фактъ или даже рядъ фактовъ, свидѣтельствующій о какомъ-нибудь упущеніи со стороны прислуги. Въ иномъ положеніи окажется прислуга: причинъ, оправдывающихъ досрочное, съ ея стороны, прекращеніе договора, сравнительно мало, и ни одна изъ нихъ не отличается растяжимостью. Между тѣмъ, за „самовольный уходъ" со службы прислуга подвергается аресту на время отъ одного до семи дней, и по отбытіи наказанія обязана возвратиться къ нанимателю, если послѣдній пожелаетъ ее принять (а если прислуга не пожелаетъ возвратиться?); въ противномъ случаѣ, сообразно съ прежнею ея службою и поведеніемъ, она или остается въ городѣ, для поступленія на новую службу, или высылается на родину, по распоряженію градоначальника, съ воспрещеніемъ жительства въ столицѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ. Крайне несправедливымъ является уже лишеніе свободы за неисполненіе договора, угрожающее, притомъ, только одной изъ договаривающихся сторонъ; что же сказать о столь серьезномъ правоограниченіи, какъ высылка изъ столицы, съ воспрещеніемъ возвращаться туда въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока? Мы знаемъ, что такая мѣра практикуется, по разнымъ поводамъ, и въ настоящее время; но это—еще не причина узаконять ее для цѣлой категоріи случаевъ, важность которыхъ вовсе не соотвѣтствуетъ тяжести взысканія. Проектъ идетъ еще дальше: для всѣхъ тѣхъ, кто однажды поступилъ или хотя бы только выразилъ желаніе поступить въ ряды прислуги, онъ ограничиваетъ право жить въ столицѣ безъ мѣста мѣсячнымъ срокомъ (ст. 57 и 58). Какъ поступать съ прислугой, въ этотъ срокъ не нашедшей мѣста и не представившей особыхъ основаній для отсрочки — это въ проектѣ опредѣленно не выражено; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, по мысли его составителей, прислугѣ и здѣсь угрожаетъ высылка. Если въ служебной книжкѣ

лица, обратившагося съ просьбой о выдачѣ ему билета на право проживанія безъ мѣста, имѣются три неодобрительныхъ аттестата, градоначальникъ въ правѣ отказать просителю и выслать его въ мѣсто приписки, съ воспрещеніемъ жительства въ столицѣ на срокъ отъ одного года до трехъ лѣтъ (ст. 60). Для одного класса гражданъ создается, такимъ образомъ, цѣлая серія ограниченій, крайне тяжелыхъ, иногда прямо разорительныхъ. Если крестьянинъ пріѣхалъ въ Петербургъ для пріисканія работы фабричной, ремесленной или просто поденной, ему не назначается для того никакого срока; но горе ему, если онъ захочетъ поступить въ дворники или кучера—и поиски мѣста не приведутъ къ цѣли въ теченіе одного мѣсяца. Почему и для чего признается нужной такая разница — это неразрѣшимая загадка; нѣтъ никакихъ основаній думать, что неблагонадежныхъ элементовъ между желающими поступить въ услуженіе больше, чѣмъ между другими искателями мѣстъ и работы. Огульныя мѣры предосторожности, направленныя не противъ отдѣльныхъ лицъ, а противъ цѣлыхъ группъ, характеризуемыхъ чисто внѣшними, случайными признаками, едва ли когда-нибудь приводили къ желанной цѣли.

Въ довершеніе неравноправности между нанимателями и прислугой, проектъ возстановляетъ аттестацію послѣдней первыми, отмѣненную со времени закрытія адресной экспедиціи. Непрактичность и несправедливость этой мѣры давно уже доказана опытомъ. Дурной аттестаціи на практикѣ вовсе не существовало; наниматель, недовольный прислугой, ограничивался тѣмъ, что отмѣчалъ *только* время нахожденія ея у него въ услуженіи. И такая отмѣтка представляла, однако, большія неудобства, въ виду полной неувѣренности въ безпристрастіи нанимателя. Проектъ пытается гарантировать это безпристрастіе двоякимъ способомъ: во-первыхъ—однимъ изъ тѣхъ наставленій, на которыя онъ такъ щедръ, и которыя лишены всякаго реальнаго значенія (ст. 41: „аттестатъ долженъ быть написанъ безпристрастно и справедливо, чтобы не повредить прислугѣ и не ввести никого въ заблужденіе“); во-вторыхъ—предоставленіемъ прислугѣ, получившей пристрастный и несправедливый аттестатъ, права жаловаться въ судъ, который или предлагаетъ нанимателю дать другой аттестатъ, или же выдаетъ его отъ себя, съ указаніемъ, по какой именно причинѣ онъ выданъ судомъ (ст. 42). Обезпеченіе, такимъ образомъ создаваемое для прислуги, только кажущееся: многіе ли изъ ея среды будутъ имѣть и средства, и досугъ, и умѣнье, необходимые для веденія судебнаго процесса? Непреодолимымъ препятствіемъ для судебной защиты явится, притомъ, во многихъ случаяхъ высылка жалующагося изъ столицы, вслѣдствіе непріисканія имъ, въ срокъ, новаго мѣста—а пріискать мѣсто ему бу-

деть трудно или невозможно—именно вслѣдствіе дурной аттестаціи, данной нанимателемъ.

Для веденія списковъ прислуги, для снабженія ея служебными книжками (замѣняющими собою договоръ между нанимателемъ и прислугой) и билетами на право проживанія безъ мѣста, для взысканія вновь установляемыхъ сборовъ (15 коп. за служебную книжку, 1 рубль за перемѣну мѣста служенія) и штрафовъ (за нарушеніе требованій проекта) предполагается учредить при управленіи с.-петербургскаго градоначальника особый „контроль частной прислуги въ гор. С.-Петербургѣ и пригородныхъ участкахъ", состоящій изъ начальника, его помощника, трехъ дѣлопроизводителей, шести помощниковъ дѣлопроизводителя, казначея, бухгалтера, журналиста и архиваріуса. На содержаніе всѣхъ этихъ лицъ потребовалось бы 23.910 руб., на помѣщеніе, съ освѣщеніемъ и отопленіемъ, на наемъ писцовъ, курьеровъ и сторожей, на канцелярскія принадлежности и непредвидѣнные расходы—19.100 руб., а всего 43.010 рублей. Эта сумма должна быть покрыта изъ названныхъ выше сборовъ и штрафовъ; изъ нея же предполагается выдавать пособія и награды чинамъ контроля, а также наружной полиціи, за содѣйствіе успѣшному выполненію требованій положенія. Немного же, затѣмъ, окажется остатковъ, которые можно было бы употребить, согласно указаніямъ проекта, на нужды самой прислуги. Весьма легко можетъ случиться, что вся сумма сборовъ и штрафовъ, весьма чувствительныхъ для плательщиковъ, уйдетъ цѣликомъ на содержаніе учрежденія, функціи котораго будутъ имѣть чисто формальный характеръ. А между тѣмъ, чинамъ контроля предполагается разрѣшить производство—не только въ общественныхъ заведеніяхъ, но и въ частныхъ домахъ, — „фактическихъ повѣрокъ", съ цѣлью удостовѣренія, снабжена ли прислуга служебными книжками и внесены ли своевременно сборы за право служенія. Съ какими неудобствами подобныя повѣрки будутъ сопряжены и для самой прислуги, и для жителей столицы, нанимающихъ прислугу—это не требуетъ поясненія. Далеко не цѣлесообразнымъ слѣдуетъ признать и предоставленіе полицейскому учрежденію права награждать прислугу за *безупречную службу*. Оно можетъ вызвать предположеніе, что награды выдаются за услуги, оказанныя полиціи.

Слѣдуетъ ли заключить изъ всего вышесказаннаго, что объ упорядоченіи отношеній между нанимателями и прислугой не можетъ быть и рѣчи? Нѣтъ; мы думаемъ только, что къ этому дѣлу нужно приступить съ другой стороны. Ст. 89-ая проекта предоставляетъ градоначальнику право открыть *со временемъ* при контролѣ прислуги справочный отдѣлъ для указанія хозяевамъ—прислуги, а прислугѣ—свободныхъ мѣстъ. Намъ кажется, что именно съ подобнаго учрежде-

нія слѣдовало бы начать, открывъ его, конечно, не при градоначальникѣ, а при городскомъ общественномъ управленіи. Обращеніе къ нему должно быть добровольнымъ, но отъ лицъ, прибѣгающихъ къ его содѣйствію, можно было бы требовать подчиненія извѣстнымъ условіямъ (напр., отъ прислуги — представленія свѣдѣній о томъ, гдѣ она находилась до тѣхъ поръ въ услуженіи), а также *небольшого* денежнаго взноса, который *весь* шелъ бы на надобности прислуги (престарѣлой, больной, или не по своей винѣ оставшейся безъ мѣста). За границей бюро для посредничества между нанимателями и прислугой (или вообще между работоискателями и работодателями) все чаще и чаще открываются именно городами, и такія бюро оказываютъ обѣимъ сторонамъ существенно-важныя услуги. У насъ, къ сожалѣнію, плодотворная иниціатива городскихъ общественныхъ управленій значительно затруднена недостатками дѣйствующаго городового положенія и въ особенности установленной имъ избирательной системы. Къ преобразованію этой системы сводится всякая мысль о дальнѣйшемъ развитіи городского благоустройства...

Годъ тому назадъ, говоря о закладкѣ памятника гр. М. Н. Муравьеву, мы выставили на видъ явное искаженіе истины, допущенное въ слишкомъ усердныхъ газетныхъ панегирикахъ. Такимъ же безцеремоннымъ отношеніемъ къ исторической правдѣ отличаются многія изъ статей, вызванныхъ состоявшимся въ минувшемъ мѣсяцѣ открытіемъ виленскаго памятника. Въ одинаково ложномъ свѣтѣ выставляется значеніе гр. Муравьева и въ внѣшней, и въ внутренней политикѣ Россіи. „Англія, Франція и Австрія“—восклицаютъ, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости“ (№ 306),—„обращались къ намъ съ дерзкими дипломатическими совѣтами, на которые мы при данныхъ обстоятельствахъ не могли отвѣтить такъ, какъ слѣдовало, потому что приходилось избѣгать разрыва, пока не было покончено дѣло усмиренія мятежа... Патріотическія рѣчи (Каткова), показавшія западно-европейскимъ державамъ, что за царемъ стоитъ весь русскій народъ, не остановили бы дипломатической кампаніи, еслибы въ это время не послѣдовало назначеніе М. Н. Муравьева, который одинъ имѣлъ мужество заявить, что эра примирительной политики должна быть закончена, что надлежитъ сразу подавить мятежъ, и который потребовалъ, чтобы притязаніямъ иностранныхъ державъ былъ данъ твердый отпоръ... Онъ покончилъ съ мятежемъ на Литвѣ, а за Литвой затихла и Польша, и замолчала европейская дипломатія. Послѣ энергическихъ нотъ, которыми заговорилъ кн. Горчаковъ, опираясь съ одной стороны на дѣйствія Муравьева, съ другой—на патріотизмъ русскаго народа, Фран-

ція и Англія быстро умѣрили свои требованія". Въ другой статьѣ („Новое Время", № 8154) мы читаемъ, что М. Н. Муравьева „просили (?) сохранить хотя бы Литву", и что онъ „оберегъ растерявшійся Петербургъ отъ униженія, въ виду коалиціи западныхъ державъ". Никакимъ измышленіямъ не удастся, однако, затемнить факты, хронологическая послѣдовательность которыхъ краснорѣчивѣе самыхъ громкихъ фразъ. М. Н. Муравьевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ 1 мая 1863 г.—а первыя отвѣтныя депеши кн. Горчакова, отклонившія, въ сдержанной формѣ, но *категорично*, представленія западныхъ державъ, отправлены не позже 21-го апрѣля. Для „требованія", приписываемаго М. Н. Муравьеву, не было, слѣдовательно, никакого повода; „отпоръ" иностраннымъ государствамъ былъ данъ еще до его призыва въ Вильно. О „примирительной политикѣ" по отношенію къ мятежу уже съ самаго начала не было и рѣчи; мѣры противъ повстанцевъ принимались весьма дѣйствительныя; предпріятія Мѣрославскаго и Лангевича еще въ концѣ зимы окончились неудачей; въ губерніяхъ виленской и гродненской военное положеніе было объявлено 8-го февраля. Съ другой стороны, европейская дипломатія „замолчала" задолго до окончательнаго подавленія возстанія—замолчала какъ потому, что русское правительство оставалось вѣрнымъ сразу занятой имъ позиціи, такъ и потому, что слишкомъ различны были виды и намѣренія кажущихся союзниковъ: Англія и Австрія едва ли думали серьезно о разрывѣ съ Россіей изъ-за польскаго вопроса. Если рѣчь кн. Горчакова, и прежде твердая, становилась, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе энергичной, то достаточнымъ объясненіемъ этому служитъ быстро возраставшая боевая готовность Россіи и столь же быстро слабѣвшая,—какъ въ западномъ краѣ, такъ и въ царствѣ польскомъ,—интенсивность и экстенсивность мятежа. Пускай неумѣренные хвалители гр. Муравьева приведутъ доказательства, на основаніи которыхъ они утверждаютъ, что его просили (?) отстоять „хотя бы Литву". Эти доказательства должны быть очень достовѣрны, очень убѣдительны, чтобы уравновѣсить противоположный выводъ, вытекающій изъ всего хода событій... Столь же неумѣренны тенденціозные хвалители гр. Муравьева въ оцѣнкѣ того, что̀ сдѣлано имъ на пользу сѣверо-западнаго края. „Бо̀льшая часть его неутомимой дѣятельности" — утверждаютъ „Московскія Вѣдомости" (№ 305)—„сразу была направлена на освобожденіе крестьянъ отъ панскаго гнета и произвола. Надѣленіе крестьянъ землею, организація крестьянскаго управленія, охрана народа отъ всякой эксплуатаціи пронесли славу Муравьева по всему народному морю". И здѣсь фантасмагоріи разбиваются въ прахъ о цифры и факты. Указъ о прекращеніи въ пяти сѣверо-западныхъ губерніяхъ (виленской, ковенской, гродненской, минской и, отчасти, витебской) обязательныхъ от-

ношеній крестьянъ къ помѣщикамъ состоялся еще 1-го марта 1863 г., за два мѣсяца до назначенія М. Н. Муравьева; затѣмъ, еще 9-го апрѣля, послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ сѣверо-западномъ краѣ коммиссій для провѣрки уставныхъ грамотъ. Инидіатива лучшаго устройства литовскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ принадлежала, такимъ образомъ, не М. Н. Муравьеву; онъ только распространилъ принятыя раньше мѣры на могилевскую губернію и остальные уѣзды витебской. Что при осуществленіи ихъ на практикѣ М. Н. Муравьевъ дѣйствовалъ преимущественно въ интересахъ крестьянъ—это безспорно; но столь же несомнѣнно и то, что онъ руководился при этомъ чисто политическими соображеніями. Главный противникъ общаго освобожденія крестьянъ не могъ обратиться, du jour au lendemain, въ ревнителя народнаго блага. Сознавая, по всей вѣроятности, эту невозможность, панегиристы М. Н. Муравьева не выходятъ, обыкновенно, за предѣлы виленскаго періода его дѣятельности. Исключеніемъ, въ этомъ отношеніи, является статья въ „Новомъ Времени", цитированная нами выше — но исключеніемъ, если можно такъ выразиться, робкимъ и именно потому весьма характеристичнымъ. „Достигнувъ въ 1857 г." — говоритъ авторъ — „положенія министра, въ пору расцвѣта самыхъ широкихъ преобразовательныхъ замысловъ, тягостно пережитыхъ имъ еще въ юные годы [1]), М. Н. Муравьевъ оказался среди тогдашнихъ дѣятелей въ положеніи исключительномъ. То, о чемъ мечтали и писали молодые офицеры въ двадцатыхъ годахъ, сдѣлалось предметомъ повседневныхъ сужденій и заботъ государственныхъ людей, стоявшихъ у престола. Могъ ли такой просвѣщенный человѣкъ, видѣвшій язвы отечества съ такою ясностью еще въ тридцатыхъ годахъ, не призывать всею душою лучшихъ порядковъ и прекращенія безправія и самовластія, противъ которыхъ онъ всю жизнь свою ратовалъ? Онъ это и доказалъ впослѣдствіи на дѣлѣ, при устройствѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. Между тѣмъ, его прославили крѣпостникомъ и ретроградомъ. Не умѣя подлаживаться подъ господствующій тонъ, М. Н. Муравьевъ покидаетъ одну должность за другою". Мы назвали эту аргументацію робкой, потому что въ ней нѣтъ ни доказательствъ, опровергающихъ крѣпостничество М. Н. Муравьева, ни даже прямого увѣренія, что онъ стоялъ, въ 1857-61 г., за освобожденіе крестьянъ; все ограничивается неопредѣленной ссылкой на его прошедшее и указаніемъ на образъ дѣйствій, котораго онъ держался *впослѣдствіи*, въ западномъ краѣ... Когда и какъ М. Н. Муравьевъ „ратовалъ противъ безправія и самовластія", когда и гдѣ онъ провозгла-

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду близость М. Н. Муравьева, въ началѣ 20-хъ годовъ, къ будущимъ декабристамъ.

шалъ крѣпостное право „язвой отечества“ — этого авторъ не объясняетъ; онъ хочетъ, чтобы мы приняли это на вѣру, только потому, что М. Н. Муравьевъ нѣкогда не былъ чуждъ великодушныхъ мечтаній. Кому же неизвѣстно, однако, что между мечтаніями молодости и дѣйствіями зрѣлаго возраста лежитъ, сплошь и рядомъ, цѣлая бездна, углубляемая иногда именно воспоминаніями о прошломъ и желаніемъ его загладить? Противодѣйствіе М. Н. Муравьева общей крестьянской реформѣ—историческій фактъ, подтвержденный свидѣтельствомъ современниковъ (напр. Я. А. Соловьева, П. А. Валуева); онъ сохраняетъ все свое значеніе, какъ бы ни смотрѣть на послѣдующую дѣятельность М. Н. Муравьева... Напрасно, наконецъ, авторъ приписываетъ выходъ М. Н. Муравьева изъ министерства государственныхъ имуществъ, а затѣмъ и изъ департамента удѣловъ и межевого корпуса, неумѣнью его „подлаживаться подъ господствующій тонъ“. Въ концѣ 1861 и въ 1862 г., когда Муравьевъ удалился отъ дѣлъ, „господствующій тонъ“ былъ уже далеко не тотъ, что до освобожденія крестьянъ...

Та сторона дѣятельности гр. Муравьева, за которую ему воздвигнуть памятникъ въ Вильнѣ, была въ русской исторіи періодомъ ожесточенной борьбы, мало имѣющимъ общаго съ обычнымъ теченіемъ государственной и народной жизни. Нельзя, поэтому, ставить ее въ образецъ для всѣхъ и каждаго, выводить изъ нея уроки, примѣнимые и къ другимъ условіямъ, къ другой обстановкѣ. Совершенно напрасно, поэтому, совѣтуютъ русской „интеллигенціи“ „вникнуть въ душу М. Н. Муравьева, чтобы научиться у него любить Россію“ (см. „Московскія Вѣдомости“, № 305). Нѣтъ одного, для всѣхъ обязательнаго типа любви къ отечеству—но еслибы онъ и существовалъ, то воплощеніе его слѣдовало бы искать не въ гр. М. Н. Муравьевѣ и вообще не въ тѣ моменты, когда на первый планъ выступаетъ усмиреніе и укрощеніе... Не въ такіе моменты пролагаются „широкіе и вѣрные пути грядущему“ (выраженіе одного изъ ораторовъ, говорившихъ въ день открытія памятника гр. Муравьева): самое бо́льшее, чего отъ нихъ можно ожидать—это рѣшеніе старыхъ тяжбъ, не поддающихся миролюбивой развязкѣ. Все остальное — дѣло созидательной работы, свободной отъ раздражающихъ традицій. Такой работой не было и не могло быть управленіе М. Н. Муравьева: въ его рукахъ даже такія мѣры, какъ устройство быта крестьянъ, принимали боевой характеръ... Въ только-что упомянутой нами рѣчи Н. В. Муравьева (министра юстиціи) мы находимъ ссылку на слѣдующія „пророческія“ слова М. Н. Муравьева, сказанныя имъ императору Николаю задолго до мятежа 1863 года: „никакія строгія, но справедливыя мѣры не страшны для народа; онѣ гибельны для законопреступниковъ, но пріятны

массѣ людей, сохранившихъ добрыя правила и желающихъ блага общаго". Много лѣтъ спустя,—продолжалъ ораторъ,—„изъ виленскаго дворца были блистательно примѣнены тѣ же разумнѣйшія мѣры, и скоро правда вѣчная, правда, бьющая въ глаза всякому, не ослѣпленному страстью или разсчетомъ, правда нравственная и законная неизбѣжно привела и къ распространенію русскаго просвѣщенія, и къ устроенію обездоленнаго крестьянства, къ охранѣ слабаго отъ сильнаго, къ прекращенію стародавняго сословнаго и племенного гнета". *Пророческими* вышеприведенныя слова М. Н. Муравьева могутъ быть названы развѣ въ томъ смыслѣ, что они какъ бы предначертали исходную точку его позднѣйшей дѣятельности. Въ сущности они представляютъ собою не что̀ иное, какъ варіацію на старую тему: que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent. Они идутъ лишь нѣсколько дальше, предполагая, что строгія мѣры внушаютъ „добрымъ гражданамъ" не только успокоеніе, но и удовольствіе. Намъ кажется, что съ истинною добротою такое удовольствіе совершенно несовмѣстно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда очевидна строгость, но сомнительна справедливость репрессивныхъ мѣръ. Въ составъ этихъ мѣръ почти всегда входитъ бо̀льшая или меньшая доля того, что̀ называется въ уголовномъ правѣ „превышеніемъ необходимой обороны". Временныя, чрезвычайныя по своему существу, онѣ имѣютъ очень мало общаго съ правдой „вѣчной, нравственной, законной". Онѣ не столько полагаютъ конецъ гнету, сколько перемѣщаютъ его, не столько охраняютъ слабаго отъ сильнаго, сколько обращаютъ сильныхъ въ слабыхъ, нуждающихся въ охранѣ.

Несравненно болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ панегирики и апологіи, кажется намъ взглядъ, выраженный въ статьѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 313): „Муравьевъ и Нахимовъ". „Дѣятельность Муравьева"—говоритъ авторъ статьи (г. Міясскій)—„и до сихъ поръ еще оцѣнивается весьма неодинаково: чувствуется еще близость его времени, а нѣкоторыя появившіяся по поводу открытія памятника брошюры и воспоминанія не лишены извѣстной тенденціозности—лучшее доказательство того, что дѣло Муравьева не успѣло еще стать событіемъ въ полномъ смыслѣ историческимъ, что современное общество еще не пережило его вполнѣ". Указавъ на исключительныя условія, въ которыя былъ поставленъ Муравьевъ, допустивъ, что энергичный образъ дѣйствій могъ представляться единственно возможнымъ выходомъ изъ затрудненія, авторъ продолжаетъ: „и все же на днѣ души остается горечь сознанія при воспоминаніи о томъ, какой дорогой цѣною куплена была возможность потушить разгорѣвшійся пожаръ". Совершенно правильно авторъ противопоставляетъ М. Н. Муравьеву П. С. Нахимова, открытіе памятника которому (въ Севасто-

полѣ) почти совпало съ виленскимъ торжествомъ. „Муравьевъ и Нахимовъ! Вотъ два лица, въ которыхъ легче найти все, что угодно, но только не черты сходства. Думали ли они когда-нибудь, что попадутъ рядомъ на страницы исторіи?.. Развѣ лишь то, что какъ одинъ, такъ и другой, боролись съ врагами своей родины: этотъ — съ внѣшними, тотъ—съ внутренними; но какъ различно они боролись"! Къ памяти Нахимова, по справедливому замѣчанію автора, всѣ относятся съ любовью. Его имя сохранится не только въ исторіи, но и въ устахъ народа. Такую же судьбу предвѣщаютъ, правда, и имени М. Н. Муравьева—но это одно изъ тѣхъ тенденціозныхъ преувеличеній, на которыя щедра ретроградная печать. „Не забылъ подвига Муравьева простой русскій народъ, который сердцемъ своимъ понялъ все значеніе дѣла, совершеннаго Муравьевымъ... Имя Муравьева-Виленскаго войдетъ въ народную легенду вмѣстѣ съ именами другихъ излюбленныхъ героевъ" (см. „Московскія Вѣдомости", № 305). Хорошо было бы, если бы эти слова дошли до свѣденія безпристрастнаго изслѣдователя, который, живя среди нашихъ потомковъ, будетъ имѣть возможность написать правдивую исторію русскихъ народныхъ легендъ второй половины XIX-го вѣка. Онъ защититъ народъ, мы въ этомъ увѣрены, отъ напраслины, взводимой на него современными псевдо-охранителями.

Достойнымъ эпилогомъ къ статьямъ, посвященнымъ „Московскими Вѣдомостями" открытію виленскаго памятника, послужило небольшое письмо изъ Варшавы, напечатанное въ № 317 этой газеты. Оно доводитъ до всеобщаго свѣденія, что въ варшавскихъ газетахъ, вышедшихъ 8-го и 9-го ноября (т.-е. въ день открытія памятника гр. Муравьеву и въ слѣдующій за нимъ), не было ни строчки о виленскихъ торжествахъ, но помѣщенъ, за то,—сначала въ „Курьерѣ Польскомъ", потомъ въ „Курьерѣ Поранномъ"—видъ памятника Собѣсскому, открытаго во Львовѣ того же 8-го ноября. Только 10-го ноября въ варшавскихъ газетахъ появились краткія сообщенія, въ видѣ оффиціальныхъ извѣстій, объ открытіи памятника гр. Муравьеву въ Вильнѣ. Къ этому сообщенію присоединяется корреспондентомъ слѣдующій комментарій: „ясно, что варшавскіе польскіе редакторы дѣйствовали на этотъ разъ, какъ это уже бывало, по взаимному соглашенію. Была ли бы возможна подобная дерзкая антиправительственная и антирусская демонстрація со стороны здѣшнихъ газетъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, до возобновленія толковъ о русско-польскомъ *примиреніи*"? Дальше слѣдуетъ жалоба на мѣстную „оффиціозную" газету—русскій „Варшавскій Дневникъ", „ограничившійся небольшой замѣткой о посылкѣ въ Вильну адреса и вѣнка отъ русскихъ въ Варшавѣ и агентскими телеграммами о виленскихъ торжествахъ". Какъ харак-

терно здѣсь возведеніе молчанія на степень *демонстраціи*, да еще *дерзкой!* Какъ ясно выразился въ немъ глубокій упадокъ нравственнаго чувства! Если тяжко, иногда невыносимо тяжко воспрещеніе говорить, то что̀ же сказать *о требованіи говорить въ извѣстномъ смыслѣ?* Вѣдь это прямой вызовъ на ложь и лицемѣріе, унизительное для принуждаемыхъ, совершенно безполезное для принуждающихъ. Быть можетъ, нѣчто подобное случалось въ Варшавѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ—но какимъ образомъ уважающій себя органъ печати можетъ вздыхать по такомъ прошломъ и жаждать возвращенія къ нему?...

Мы видѣли выше, что къ числу непосредственныхъ результатовъ „строгаго, но справедливаго“ управленія гр. Муравьева поклонники его относятъ „распространеніе русскаго просвѣщенія“ въ сѣверо-западномъ краѣ. О степени этого распространенія можно судить уже по тому, что положеніе школьнаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ оффиціально признано уступающимъ положенію его въ губерніяхъ земскихъ [1]). Хорошая иллюстрація къ этому выводу дана недавно „Сѣверо-западнымъ Словомъ“. Въ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго края—говоритъ газета,—„въ 1896 г. было всего 6.800 народныхъ школъ, съ 220 тыс. учащихся. Если же мы возьмемъ какую-либо земскую губернію,--положимъ, саратовскую,—то увидимъ, что здѣсь въ томъ же году было 1.800 школъ съ 150.000 учащихся. Такимъ образомъ, оказывается, что въ саратовской губерніи, при 2.350.000 населенія, было въ 1896 г. учащихся въ народныхъ школахъ гораздо болѣе половины общаго числа учащихся въ цѣлыхъ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго края, при десяти милліонахъ населенія. Цифра школъ и учащихся у насъ еще болѣе значительно убавится, если мы примемъ во вниманіе, что въ числѣ 6.800 школъ въ 1896 году было 3.100 еврейскихъ хедеровъ, съ 50.200 учащихся. Хедеры, какъ извѣстно, въ счетъ образовательныхъ заведеній идти не могутъ, такъ какъ въ нихъ старые талмудисты-евреи обучаютъ мальчиковъ всего лишь талмудической премудрости на еврейскомъ языкѣ. Но сокращенную теперь цифру школъ съ 6.800 до 3.700 и цифру учащихся въ нихъ, съ 220.000 до 170.000, мы еще болѣе должны сократить, принявъ во вниманіе, что въ 1896 г. у насъ въ числѣ народныхъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства школъ было около двухъ тысячъ школъ грамоты, совершенно неорганизованныхъ и считающихся бо̀льшею частію только на бумагѣ. Слѣдовательно, школъ у насъ въ шести губерніяхъ края въ 1896 г. было не болѣе чѣмъ въ одной

---

[1]) См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

саратовской губерніи, съ приблизительно такимъ же числомъ учащихся. У насъ, въ цѣломъ краѣ, народное образованіе въ 1896 г. обошлось казнѣ въ 1.300.000 руб., тогда какъ въ томъ же году въ саратовской губерніи земствомъ на образованіе было израсходовано 460.000 руб., а въ херсонской—380.000 руб. Невѣжество нашего края окажется немалымъ по сравненію съ земской Россіей, если особенно примемъ во вниманіе, что у насъ въ крестьянскомъ населеніи можетъ смѣло считаться 80—90 проц. неграмотныхъ, тогда какъ въ земскихъ губерніяхъ ихъ теперь не болѣе 60 процентовъ". Всѣ эти цифры очень краснорѣчивы и бросаютъ яркій ретроспективный свѣтъ на исторію начальной школы въ сѣверо-западномъ краѣ, тѣсно связанную, безъ сомнѣнія, съ административными традиціями, установившимися тамъ послѣ 1863-го года.

Въ минувшемъ ноябрѣ (29-го) мѣсяцѣ исполнилось сорокалѣтіе литературной дѣятельности Владиміра Ивановича Герье. Широко образованный ученый, талантливый профессоръ и писатель, В. И. Герье является вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Въ его жизни выдаются въ особенности три момента, дающіе ему прочное право на благодарность русскаго общества. Въ 1872 г. онъ добился открытія въ Москвѣ высшихъ женскихъ курсовъ—перваго правильно организованнаго высшаго учебнаго заведенія для женщинъ, перваго въ Россіи женскаго университета (или, лучше сказать, университетскаго факультета, такъ какъ предметами преподаванія были преимущественно науки словесно-историческія). Существовали и раньше, въ Петербургѣ и Москвѣ, публичные курсы (владимірскіе, аларчинскіе, лубянскіе), имѣвшіе цѣлью расширить и углубить женское образованіе; но ихъ устройство не обезпечивало ни достаточной подготовки слушательницъ, ни живой связи между ними и преподавателями. Отъ этихъ недостатковъ съ самаго начала были свободны курсы, устроенные В. И. Герье и въ общежитіи носившіе его имя. Они послужили образцомъ для высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани, Кіевѣ, Петербургѣ, а также для реформированныхъ лубянскихъ курсовъ. До самаго закрытія высшихъ женскихъ курсовъ, состоявшагося въ силу распоряженія 1886-го года, курсы В. И. Герье, несмотря на скудость матеріальныхъ средствъ, не переставали расширяться и развиваться; число слушательницъ возросло съ 70 до 256. Что они не были вновь открыты, хотя бы на основаніяхъ, принятыхъ въ 1889 г. для петербургскихъ высшихъ курсовъ — это большая потеря для русскаго образованнаго общества... Съ 1873 г. В. И. Герье напечаталъ рядъ статей по уни-

верситетскому вопросу [1]), являясь въ нихъ горячимъ противникомъ перемѣнъ, которыя уже тогда проектировались въ уставѣ 1863-го года. Никто не выставилъ на видъ съ такимъ авторитетомъ и такою убѣдительною силой опасность ломки зданія, соединявшаго въ себѣ всѣ условія дальнѣйшаго развитія и совершенствованія. Слова В. И. Герье остались безъ дѣйствія: уставъ 1884-го года осуществилъ все то, противъ чего онъ возражалъ въ семидесятыхъ годахъ — но за правильность возраженій говоритъ позднѣйшій опытъ (напр. по вопросамъ о государственномъ экзаменѣ и о гонорарѣ). Нужна была, во всякомъ случаѣ, большая энергія и глубокая вѣра въ правоту своего дѣла, чтобы бороться противъ господствующаго теченія— бороться противъ него, оставаясь на университетской каѳедрѣ... Въ послѣдніе годы В. И. Герье провелъ, какъ гласный московской городской Думы и предсѣдатель городской коммиссіи о пользахъ и нуждахъ, реформу капитальной важности—новую организацію общественнаго призрѣнія [2]). Если другія городскія думы, а затѣмъ, по возможности, и земства, послѣдуютъ примѣру Москвы, В. И. Герье будетъ принадлежать честь иниціативы въ одной изъ самыхъ важныхъ отраслей самоуправленія. Въ области университетскаго преподаванія В. И. Герье былъ однимъ изъ первыхъ профессоровъ исторіи, организовавшихъ практическія занятія студентовъ по образцу нѣмецкихъ семинаріумовъ. Въ своихъ раннихъ ученыхъ работахъ В. И. Герье касался весьма разнообразныхъ темъ (борьба за польскій престолъ въ 1733 г.; развитіе исторической науки; Лейбницъ и его вѣкъ); позже онъ сосредоточился преимущественно на исторіи Рима, среднихъ вѣковъ и французской революціи. Этимъ темамъ посвящена и бо́льшая часть статей, помѣщенныхъ В. И. Герье въ нашемъ журналѣ [3])... По

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы“, 1873 г., апр.; 1876 г., февр., окт. и ноябрь.

[2]) См. Общ. Хронику въ № 4 „Вѣстн. Европы“ за 1894 г. и №№ 1 и 4 за 1895 г., а также ст. В. И. Герье въ № 10 за 1896 г.

[3]) В. И. Герье, въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ (1872-1898 гг.), напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“: „Кронпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго“ (1872, май и іюнь); „Университетскій вопросъ“ (апр. 1873); „Консерватизмъ у римлянъ“ (1875, сент.); „Свѣтъ и тѣни университетскаго вопроса“ (февр. 1876); „Наука и государство. Къ университетскому вопросу“ (окт. и нояб. 1876); „Теорія и практика женскаго образованія“ (1877, апр.); „Августъ и установленіе римской имперіи“ (1877, іюнь, іюль, авг.); „Ипполитъ Тэнъ, какъ историкъ Франціи“ (1878, апр., май, сент., дек.); „Политическія теоріи аббата Мабли“ (1887, янв.); „П. Н. Кудрявцевъ“ (1887, сент., окт.); „Методъ Тэна“ (1889, сент.); „Тэнъ и его значеніе въ исторической наукѣ“ (1890, янв., февр.); „Средневѣковое міровоззрѣніе“ (1891, янв., февр., мартъ, апр.); „Папа Иннокентій III“ (1892, янв., февр.); „Францискъ Ассизскій“ (1892, май, іюнь); „Катарина Сіенская“ (1892, сент., окт.); „Тэнъ въ исторіи якобинцевъ“ (1894, сент., окт., ноябрь, дек.); „Новое общество исторіи при москов. университетѣ“ (1895, янв.); „Демократическій цезаризмъ во Франціи“ (1895, іюнь, іюль); „Университеты и

прежнему бодрый, неутомимый, В. И. Герье можетъ спокойно смотрѣть на свое прошедшее и спокойно ожидать будущаго. Имя его займетъ видное мѣсто въ исторіи русской науки, русскаго просвѣщенія и русской общественной жизни.

Въ журналѣ „Русскій Начальный Учитель" (№ 8 и 9) появилась статья подъ заглавіемъ: „О числѣ училищъ с.-петербургской Дирекціи и состояніи ихъ въ 1897 г.". Общая картина настоящаго положенія дѣла „начальнаго" народнаго образованія въ спб. губерніи такова: на всю массу населенія губерніи, которое вмѣстѣ съ столицею достигаетъ двухъ милліоновъ жителей обоего пола, въ началѣ истекающаго нынѣ гражданскаго 1898 года имѣлось всего *845* „начальныхъ" народныхъ школъ, непосредственно подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, а также уѣзднымъ и городскимъ училищнымъ совѣтамъ. Для полноты этой картины недостаетъ, конечно, однородныхъ школъ другихъ вѣдомствъ, какъ-то: св. синода, воспитательнаго дома, военнаго министерства и друг., равно и содержимыхъ частными лицами. Въ тѣхъ 845 школахъ обучалось, въ началѣ нынѣшняго гражданскаго года, около *54.000* дѣтей обоего пола, въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ; въ концѣ же послѣдняго учебнаго 1896—97 года выбыло, *до* окончанія трехлѣтняго срока ученія, свыше *12.000* дѣтей об. п. (болѣе 25%) и окончило курсъ около *6.500* мальчиковъ и дѣвочекъ (3.900 мальчиковъ и 2.500, съ небольшимъ, дѣвочекъ). Было бы излишне—сравненіемъ такой картины положенія „начальнаго" народнаго образованія въ спб. губерніи съ такою же картиною въ западно-европейскихъ государствахъ—доказывать, что наша губернія, несмотря на громадные успѣхи школьнаго дѣла въ *количественномъ* отношеніи, со времени земскаго и городского общественнаго управленія, остается, тѣмъ не менѣе, далеко позади и потому имѣетъ предъ собою довольно обширное поле для дальнѣйшей дѣятельности; — все это слишкомъ извѣстно. Но авторъ упомянутой статьи о „числѣ" обращается съ упрекомъ, и именно къ городу Петербургу, за то, что онъ если сдѣлалъ что-нибудь въ „количественномъ" отношеніи, то, съ другой стороны, пренебрегъ улучшеніями школы въ „качественномъ" отношеніи. „Казалось бы",—говоритъ онъ,—„что въ крупныхъ умственныхъ центрахъ (ниже окажется, что дѣло идетъ собственно о г. Петербургѣ) прежде всего должно было явиться сознаніе, что необходимо

народъ въ Англіи" (1896, февр.); „Жизнь и сочиненія Мишле" (мартъ 1896); „Книга Мишле о народѣ" (апр. 1896); „Опытъ городского попеченія о бѣдныхъ" (окт. 1896); „Второй годъ попечительствъ въ Москвѣ" (окт. 1897); „Григорій VII и Августинъ" (авг. 1898).

воспользоваться дозволеніемъ расширить и укрѣпить курсъ, который проходитъ народная масса, и изъ всѣхъ такихъ центровъ на первомъ мѣстѣ стоитъ, разумѣется, столица... Однако въ городскомъ общественномъ управленіи стремленія дать народной массѣ бо̀льшее образованіе незамѣтно. Представители городского общественнаго управленія любятъ ежегодно при чтеніи отчета о состояніи школъ, содержимыхъ городомъ, упоминать предъ собравшимися, что до передачи школъ въ вѣдѣніе городского училищнаго совѣта (изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, въ 1877 г.) было всего 16 начальныхъ училищъ, а теперь ихъ 376 (въ нынѣшнемъ учебномъ году ихъ 396), но не упоминаютъ при этомъ, что для такого города, какъ Петербургъ, имѣющаго 1.130 т. населенія, значительно болѣе, чѣмъ во всей остальной губерніи, и 10 милліоновъ ежегоднаго дохода, этого числа недостаточно"...

На все это можно отвѣтить, прежде всего, почти тѣми же словами:—казалось бы, что, въ крупныхъ умственныхъ центрахъ, въ авторѣ вышеприведенныхъ разсужденій можно было бы предполагать болѣе близкое знакомство съ дѣломъ, о которомъ онъ говоритъ, а также съ существующими узаконеніями и съ дѣйствительными, а не вымышленными фактами. Объемъ курса въ начальныхъ народныхъ училищахъ и его программы опредѣлены не городскимъ общественнымъ управленіемъ, а извѣстнымъ закономъ 25 мая 1874 г. и циркулярами министерства народнаго просвѣщенія; въ училищахъ, содержимыхъ городомъ и прежде всего для города, обучается 56% крестьянскихъ дѣтей, т.-е. пришлаго населенія; болѣе половины городского бюджета столицы уходитъ на обязательные расходы, а на необязательные, къ числу которыхъ принадлежитъ и народное образованіе, законъ дозволяетъ расходовать только остатки бюджета отъ обязательныхъ расходовъ. Заботы города и о качествѣ обученія, тѣмъ не менѣе, выразились ясно, но такимъ способомъ, значеніе котораго, повидимому, недоступно пониманію автора той статьи. Качество обученія, по его мнѣнію, зависитъ исключительно отъ продолжительности курса, а потому онъ не знаетъ лучше ничего другого, какъ предложить въ начальныхъ училищахъ *четырехлѣтній* курсъ, вмѣсто трехлѣтняго. Между тѣмъ, городъ избралъ для той же цѣли болѣе вѣрный путь: качество обученія обусловливается, главнымъ образомъ, качествомъ персонала, а потому въ училищахъ города Петербурга для учащихъ введенъ самый высшій образовательный цензъ; для привлеченія же лицъ съ такимъ высокимъ цензомъ городъ обезпечиваетъ ихъ матеріальное положеніе какъ хорошимъ вознагражденіемъ за трудъ, такъ и полною пенсіею за 25 лѣтъ; одна часть учащихъ пользуется, сверхъ того, квартирнымъ помѣщеніемъ, а другіе, вмѣсто того, получаютъ разъѣздныя, освобождаются

отъ вычета изъ жалованья за обученіе пѣнію и имѣютъ, каждые 4 года, 10% прибавки къ жалованью, такъ что въ послѣднее четырехлѣтіе они могутъ получать жалованье въ 900 руб. и съ этого размѣра—полную пенсію. Авторъ статьи педагогическаго журнала, повидимому, не имѣетъ даже и понятія о послѣдней мѣрѣ, предпринятой городомъ для улучшенія не только качества обученія въ начальныхъ училищахъ города С.-Петербурга, но и вообще всей жизни школы, во всѣхъ ея отношеніяхъ. До сихъ поръ, существенный недостатокъ обученія, который встрѣчается, впрочемъ, повсюду, состоитъ не въ томъ, трехлѣтній или четырехлѣтній въ нихъ курсъ, а въ томъ, что въ этихъ школахъ, съ однимъ классомъ, по необходимости обучаются одновременно и однимъ и тѣмъ же лицомъ всѣ три возраста дѣтей вмѣстѣ, а потому классъ подраздѣляется на три отдѣленія—старшее (3-й годъ), среднее (2-й годъ) и младшее (1-й годъ). Еще съ 1895 г. городъ началъ устраивать училища совершенно новаго типа, съ тремя соединенными классами, гдѣ каждый учащій имѣетъ предъ собою весь классъ одного и того же возраста и умственнаго развитія—вслѣдствіе того, обученіе въ этихъ школахъ новаго типа существенно облегчилось, и явилась возможность сдѣлать въ три года гораздо болѣе, чѣмъ дѣлается въ четыре года въ училищахъ стараго типа, съ однимъ классомъ. Наконецъ, въ 1897 году, къ которому относится и та статья, городъ сдѣлалъ еще болѣе важный шагъ, и притомъ первый не въ одномъ Петербургѣ: въ этомъ году былъ отстроенъ на Вас. Острову городской домъ, обошедшійся въ 150 т. р., для „перваго василеостровскаго 12-класснаго училища", съ 600 обучающихся обоего пола. Вотъ что, такимъ образомъ, было сдѣлано въ послѣдніе годы городскимъ общественнымъ управленіемъ для улучшенія качества школьнаго дѣла въ столицѣ. Но авторъ вышеназванной статьи педагогическаго журнала „Русскій Начальный Учитель"—полагаетъ иначе. „Въ прежніе годы"—говоритъ онъ—„городское общественное управленіе (въ С.-Петербургѣ) гораздо лучше относилось къ школамъ и учащимся, хотя теперь заботы о школахъ и выразились почти цѣлой *1.000 циркуляровъ* за одинъ 1897 годъ". Но такъ какъ въ учебномъ году не болѣе 200 дней, то, по словамъ автора, выходитъ, что городская училищная коммиссія, будто бы, выпускала въ среднемъ до 5 циркуляровъ по училищамъ каждый день!! Нелѣпость такого заявленія очевидна сама собою; намъ, однако, представилась возможность съ точностью опредѣлить, какъ велика была, въ этомъ случаѣ, гипербола со стороны почтеннаго автора, и изъ справки въ городской Думѣ оказалось, что число циркуляровъ училищной коммиссіи въ 1897 г. было нѣсколько менѣе тысячи, а именно, всего—*десять*! Но это уже не гипербола, а прямо недобросовѣстное отношеніе автора

статьи къ читателямъ „Русскаго Начальнаго Учителя"; надобно думать, что редакція этого журнала будетъ въ другой разъ осторожнѣе относиться къ произведеніямъ автора, способнаго впадать въ подобныя „гиперболы",—напоминающія даже школьникамъ начальныхъ училищъ извѣстную имъ Крыловскую басню о „римскомъ огурцѣ"!—а авторъ станетъ теперь избѣгать мостовъ и предлагать, говоря: „поищемъ лучше броду"!..

ОПЕЧАТКИ:

Въ настоящей книгѣ журнала просятъ исправить:

Стран.:	*строч.*	*Напечатано*:	*слѣдуетъ*:
439	1 сн.	„шумно	шумно
446	15 св.	совокупи	съ ними совокупи
447	5 сн.	поставленными	поставленныхъ
448	20 св.	души"	души
461	12 „	государьевъ	государевъ

NB.—Въ первой главѣ статьи: „И. Ѳ. Горбуновъ" (ноябрь, 8 стр., 15 строч. сн.), по опискѣ, при упоминовеніи сочиненія „L'Art et la Nature", вмѣсто Шербюлье, названъ Брюнетьеръ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1898 году.

Въ 1898-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз.
1.	Харьковск..	218	23.	Иркутская .	60	45.	Витебская .	48
2.	Кіевская. .	217	24.	Нижегород.	60	46.	Минская. .	47
3.	Херсонск. .	193	25.	Примор. об.	60	47.	Симбирская.	47
4.	Екатериносл.	153	26.	С.-Петерб. .	60	48.	Забайк. об.	45
5.	Саратовск. .	139	27.	Владимірск.	59	49.	Астраханск.	45
6.	Таврическ. .	130	28.	Московская.	59	50.	Виленская .	44
7.	Варшавск. .	123	29.	Лифляндск.	59	51.	Псковская .	43
8.	Черниговск.	98	30.	Вятская . .	59	52.	Уфимская .	43
9.	Тифлисская.	98	31.	Гродненская	58	53.	Сыръ-Д. об.	40
10.	Полтавская.	80	32.	Рязанская .	58	54.	Оренбургск.	40
11.	Тамбовская.	79	33.	Кубанск. об.	58	55.	Ковенская .	38
12.	Бессарабск.	79	34.	Обл. В. Дон.	57	56.	Закасп. об.	38
13.	Орловская.	74	35.	Костромская	57	57.	Амурск. об.	34
14.	Подольская.	73	36.	Могилевск. .	56	58.	Тобольская.	33
15.	Курская . .	70	37.	Самарская .	56	59.	Енисейская.	32
16.	Тульская. .	65	38.	Калужская .	54	60.	Эстляндская	32
17.	Волынская .	63	39.	Ярославская	54	61.	Ломжинская.	32
18.	Воронежск. .	63	40.	Бакинская .	54	62.	Пензенская.	30
19.	Смоленская.	63	41.	Томская . .	50	63.	Акмол. об.	30
20.	Пермская. .	60	42.	Терская об.	48	64.	Люблинская	28
21.	Тверская . .	60	43.	Кутаисская.	48	65.	Плоцкая .	28
22.	Новгородск.	60	44.	Казанская .	48	66.	Вологодская	25

67. Курляндск.	25	78. Петроковск.	19	89. Вазаская .	10
68. Архангельск.	25	79. Семирѣч. об.	19	90. Кѣлецкая. .	9
69. Эриванская.	24	80. Дагест. обл.	18	91. С.-Михельск.	9
70. Сувалкская.	23	81. Сѣдлецкая .	18	92. Тургайск. об.	7
71. Радомская .	22	82. Выборгская.	16	93. Таваструсск.	6
72. Самарк. об.	21	83. Семипал. об.	16	94. Або-Бьернеб.	4
73. Ставропол. .	20	84. Ферганская.	14		
74. Олонецкая .	20	85. Черном. окр.	14		4.765
75. Карсская об.	20	86. Уральск. об.	13		
76. Елисаветпол.	19	87. Калишская.	13		
77. Нюландская	19	88. Якутск. об.	10		

II. Въ С.-Петербургѣ 1.311

III. Въ Москвѣ. 570

IV. За границей 201

Всего: экз. 6.847

I. Сліозбергъ,

Управл. конторою журнала.

——

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1898 году.

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Истекшій годъ.—Правила и инструкція о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени.—Изъятія изъ общихъ нормъ: работы непрерывныя, вспомогательныя, сверхъурочныя. — „Правила въ руководство цензурѣ" и безцензурная печать.—Общій духъ законовъ о печати и примѣненіе ихъ на практикѣ. — Двѣ губернаторскія рѣчи.—„Избирательное начало" (Январь, 371).—Продовольственный вопросъ въ губерніяхъ воронежской и тульской.—Опросъ крестьянъ воронежскими земскими статистиками.—Мнѣнія земствъ о размѣрахъ, срокахъ и видахъ продовольственной помощи.—Указанія опыта, какъ возможная основа будущаго продовольственнаго устава.—Новая серія дворянскихъ „прожектовъ". — Тульское губернское дворянское собраніе. — Разные способы борьбы съ „несогласно-мыслящими".—Нѣчто о цензѣ.—Графъ И. Д. Деляновъ † (Февраль, 792). — Продовольственная нужда. — Извѣстія изъ уѣздовъ козловскаго и воронежскаго.—Письмо гр. Л. Н. Толстого.—Новый походъ противъ продовольственныхъ ссудъ. — Программа „бывшаго предводителя дворянства" и книга Г. А. Евреинова.—Рѣчь чернскаго уѣзднаго предводителя.—Ходатайство нижегородскаго дворянскаго собранія.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія. — Post-scriptum (Мартъ, 357).—Именной указъ и Высочайшій рескриптъ 24-го февраля.—Причины, отъ которыхъ зависитъ степень вниманія къ общественнымъ бѣдствіямъ. —Личныя впечатлѣнія отъ поѣздки въ воронежскую губернію. — Чрезвычайное воронежское губернское земское собраніе. — Письмо г. Писарева о положеніи дѣлъ въ епифановскомъ уѣздѣ (тульской губерніи). — Расширеніе круга дѣйствій суда присяжныхъ. — Ежегодный созывъ дворянскихъ собраній.—Рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія (Апрѣль, 815). — Новый фазисъ продовольственнаго вопроса. — Призывъ Общества Краснаго Креста.—Сравненіе двухъ корреспонденцій.—„Московскія Вѣдомости" и продовольственный вопросъ. —Пересмотръ продовольственнаго устава. —„Безпечность" народной массы.—Препятствіе, встрѣченное тульскимъ губерн. земствомъ при разработкѣ вопроса о народномъ образованіи. — Post-scriptum (Май, 391).—Новые газетные дворянскіе „прожекты". — Сравненіе дворянскихъ программъ 1885 и 1898 гг.—„Изпомѣщеніе" четырехъ тысячъ дворянскихъ семей, съ затратой милліарда рублей.—Злоупотребленіе „ссылкою" на государственные интересы. — „Привилегія" или „обязанность"? — Опять „ограниченный разумъ подданныхъ".—Умѣренный защитникъ сословности. — Совѣщаніе при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ.—Положеніе продовольственнаго дѣла (Іюнь, 785).—Губернская реформа и отношеніе ея къ земскимъ учрежденіямъ.—Губернскіе органы министерства земледѣлія.—Рѣчь варшавскаго генералъ-губернатора. —Письмо не-дворянина о дворянскомъ вопросѣ.—Еще проектъ „воспособленія". —Продовольственная нужда (Іюль, 360). —Новый недородъ хлѣбовъ и травъ.—Отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1894 и 1895 гг. — Австрійское согласіе, какъ „весьма опасный и вредный" видъ раскола.—Распространительное толкованіе понятія объ „особенно вредныхъ" сектахъ и дѣлаемые изъ него выводы.—Фактическое ограниченіе и юридическое измѣненіе закона.—Штундизмъ и молоканство. — Бывшіе греко-уніаты и правила 2-го іюля 1898 г.—Православіе и лютеранство въ прибалтійскомъ краѣ. —Статистическія данныя о церковныхъ школахъ.—Новыя законодательныя мѣры (Сентябрь, 354).—Близкій конецъ работъ коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части.—Выборный мировой судъ въ столицахъ и большихъ городахъ. — Почетные мировые судьи.—Отношеніе мѣстной юстиціи къ судебно-административнымъ учрежденіямъ.—Мечты объ упраздненіи земства и реформа общественнаго призрѣнія. — Земство на окраинахъ.—Высшее крестьянское управленіе" (Октябрь, 794).—Взиманіе земскихъ сборовъ—прежде и теперь.—Различные способы улучшить положеніе земскихъ финансовъ. — Предѣлы земскаго обложенія.—Васильское уѣздное земское собраніе. — Вопросъ объ отношеніи губернскаго земства къ ходатайствамъ уѣздныхъ земскихъ собраній.—Земская адвокатура —Реакціонная печать и земство (Ноябрь, 335).—Предполагаемое введеніе земскихъ учрежденій въ девяти западныхъ губерніяхъ.—Главныя отступленія отъ общеземскаго типа: отсутствіе уѣздныхъ собраній; значительное число назначенныхъ членовъ губернскихъ земскихъ собраній; выборъ губернскихъ гласныхъ на уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ и на волостныхъ судахъ; назначеніе предсѣдателей и членовъ земскихъ

управъ; подчиненіе уѣздныхъ управъ губернскимъ. — Положеніе дѣлъ въ неурожайныхъ губерніяхъ (Декабрь, 760).

II. **Иностранное Обозрѣніе.**—Особенности новѣйшей международной политики.—Система союзовъ и соглашеній.—Колоніальная предпріимчивость и военныя традиціи.—Милитаризмъ и миролюбіе.—Главныя событія истекшаго года.—Восточныя дѣла и турецкое общественное мнѣніе. — Парламентскія войны и стычки.—Министерскія перемѣны.—Рабочее движеніе (Январь, 398).—Односороннія свѣдѣнія о французскихъ дѣлахъ. —Ошибки и иллюзіи читателей газетъ.—Рошфоръ и Дрюмонъ.—Странная судьба дѣла Дрейфуса.—Два военныхъ процесса и ихъ результаты (Февраль, 817).—Окончаніе процесса Эмиля Зола и его политическое значеніе.—Ошибочные выводы иностранной печати. — Вопросъ о дѣлѣ Дрейфуса и общественное мнѣніе во Франціи.—Правительственное сообщеніе о критскомъ вопросѣ (Мартъ, 391). Европейское политика на дальнемъ Востокѣ.—Соперничество великихъ державъ относительно Китая. — Два правительственныя сообщенія. — Мирныя пріобрѣтенія и ихъ значеніе.—Заботы объ усиленіи флотовъ въ Англіи и Германіи. — Европейскій концертъ въ критскомъ вопросѣ.—Соединенные-Штаты и Испанія. —Перемѣна министерства въ Австріи (Апрѣль, 839). — Война между сѣвероамериканскими Соединенными-Штатами и Испаніею.—Политика президента Макъ-Кинлэя и поведеніе партій въ обѣихъ палатахъ конгресса. — Возможныя послѣдствія войны.—Событія на дальнемъ Востокѣ: занятіе гавани Вей-ха-вей англичанами. — Опять процессъ Зола (Май, 379).—Смерть Гладстона.—Его жизнь и дѣятельность.—Главнѣйшія черты его политической карьеры.—Рѣчь Чамберлэна. —Событія на дальнемъ Востокѣ.—Испанско-американская война. — Французскіе выборы (Іюнь, 810). — Неудовольствіе американцевъ по поводу отзывовъ европейской печати о войнѣ. — Письмо П. А. Тверского.— Возраженіе противъ нашихъ замѣчаній объ американской политикѣ относительно Кубы.—Прискорбныя увлеченія и погрѣшности американцевъ. —Перемѣна министерства во Франціи.—Парламентскіе выборы въ Германіи (Іюль, 379).—Побѣды и пораженія въ испанско-американской войнѣ.—Важнѣйшіе итоги событій.—Французскія дѣла.—Торжество патріотовъ надъ „дрейфуссарами“ и популярность Каваньяка.—Князь Бисмаркъ † (Августъ, 800).—Дипломатическая нота 12-го августа.—Вопросъ о тягостяхъ вооруженнаго мира и проектъ международной конференціи.—Кончина „желѣзнаго канцлера“.—Князь Бисмаркъ, какъ государственный дѣятель и германскій патріотъ.—Испанія и Соединенные Штаты. —Новое возраженіе П. А. Тверского (Сентябрь, 380). — Новыя избіенія на Критѣ.—Европейская дипломатія въ турецкихъ дѣлахъ. — Равнодушіе нашихъ патріотовъ къ судьбѣ Кандіи и крайнее увлеченіе дѣломъ Дрейфуса.—Политическій кризисъ во Франціи. — Пересмотръ дѣла Дрейфуса. — Убійство австрійской императрицы и мѣры противъ анархистовъ.—Дворцовый переворотъ въ Китаѣ и его значеніе (Октябрь, 814).—Открытіе парламентской сессіи во Франціи. — Засѣданіе палаты депутатовъ 25 (13) октября и паденіе министерства Бриссона. —Дѣло Дрейфуса и антисемиты. — Рѣшеніе кассаціоннаго суда.—Англо-французскій споръ о Фашодѣ (Ноябрь, 353). —Воинственное настроеніе въ Англіи.—Рѣчи лорда Сольсбери и Чамберлэна.—Внутреннія противорѣчія въ теоріи „миролюбивыхъ вооруженій“. — Новѣйшіе факты: очищеніе Крита отъ турецкихъ войскъ, мирный раздѣлъ Африки и части Китая. — Вильгельмъ II на Востокѣ. — (Декабрь, 778).

III. **Литературное Обозрѣніе.**—Бенжаменъ Киддъ, Соціальная эволюція, съ предисл. Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ., изд. О. Н. Поповой.—Веніаминъ Киддъ, Соціальное развитіе. Съ предисл. проф. Вейсмана. Перев. съ англ. М. Чепинской, изд. Ф. Павленкова.—Л. З.—З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала.—Н. - Новыя книги и брошюры (Январь, 411). — Императоръ Александръ Первый, Н. К. Шильдера, т. III.—Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 1. — Мои воспоминанія, Ѳ. И. Буслаева. —Т.— Новыя книги и брошюры (Февраль, 842). Бумаги 1812 г., собр. П. И. Щукинымъ, 2 ч.—Человѣчество въ доисторическія времена, Л. Нидерле, перев. съ чешск. Д. Анучина.—Южно-русскіе очерки и портреты, В. Горленко.—Воспоминанія о Костомаровѣ и Ап. Майковѣ.—Т.—Новыя книги и брошюры (Мартъ, 405). — Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. II. — Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ и обрядахъ и т. д., собр. П. В. Шейномъ, т. I, вып. I.—Минусинскіе и ачинскіе инородцы.—На Востокѣ, Влад. Шуфа.—Т.—Всемірная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи—Л. С.—Новыя книги и брошюры (Апрѣль, 853). Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени.—А. Пыпина. — Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и Историческому розысканію о нихъ. А. Н. Не-

устроева.—А. П.—Эпоха великихъ реформъ, 7-е изд. Гр. Джаншіева.—Т.—Психологическая параллель: Іоаннъ Грозный и Петръ В., К. Яроша.—Петръ Великій, ген.-шт. капитана Марченко. — Д. Новыя книги и брошюры (Май, 391).—Протопопъ Аввакумъ, А. К. Бороздина. —Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I.—А. Н. Пыпина.— Русскій біографическій Словарь: Ибакъ-Ключаревъ.—Архивъ кн. Куракина, кн. VII.—Турецкія легенды о св. Софіи, В. Д. Смирнова.—Т.—Новыя книги и брошюры (Іюнь, 821). — Пятидесятилѣтняя память Бѣлинскаго. — Т. — Новыя книги и брошюры (Іюль, 394).—Сборникъ учено-литературнаго Общества при импер. юрьевскомъ университетѣ т. I.—Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе импер. Елисаветы Петровны. Выпускъ 1-й.—Хива, И. Захарьина (Якунина).—Д.—Новыя книги и брошюры (Августъ, 813). — Полное собраніе сочиненій М. Н. Загоскина. Т. I. —Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ, Ив. Щеглова. — Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени, И. А. Шляпкина.—В. Г. Бѣлинскій и чествованія его памяти, Б. Глинскаго.—Д. —Новыя книги и брошюры (Сентябрь, 395).—Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе, Н. К. Шильдера. Т. IV.—Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI-XIV вв. Сообщеніе Н. В. Волкова.—Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, П. Ганзена.—Главныя теченія русской исторической мысли, П. Милюкова. — Собраніе сочиненій С. Шашкова.—Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, А. В. Смирнова. — Очерки изъ исторіи населенія въ московскомъ государствѣ, М. Дьяконова.—Т.—Новыя книги и брошюры (Октябрь, 826). —В. В. Сусловъ, Памятники древняго русскаго зодчества, 4 выпуска.—А. П.—Собраніе сочиненій Каронина. — А. А. Кауфманъ, Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній. — Т. — Н. М. Коркуновъ, Исторія философіи права. — Э. Радлова.—Новыя книги и брошюры (Ноябрь, 380).—М. О. Меньшиковъ, О писательствѣ.—Герои и историческое въ исторіи, Т. Карлейля, перев. В. Яковенко.—Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ, Р. Гайма.—Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи, В. В. Иванова.—Т.—Новыя книги и брошюры Декабрь, 788).

IV. Новости Иностранной Литературы.—I. M. Mulhall, Industries and Wealth of Nations.—С. Ра-тъ.—II. The Pamirs and the source of the Oxus, by G. Curzon, M. P.—Л. А. Б-чъ.—III. Réné Doumic., Etudes sur la littérature française.—З. В. (Январь, 426).—I. P. Schlentner, Gerhart Hauptmann, sein Lebensgang und seine Dichtung. — II. W. Stead, Satan's invisible world displayed. —III. Edm. Rostand. Cyrano de Bergerac, comédie en vers.—З. В. (Февраль, 857).—I.—Manuel de l'histoire de la littérature française, par F. Brunetière.—II.—Notes d'art et de littérature. Jos. Capperon.—III.—La Cathédrale, par J. Huysmans.—З. В. (Мартъ, 423).—I.—Emile Zola, „Paris".—II.—H. Sudermann, Johannes.—З. В. (Апрѣль, 876). — I.—Max Nordau, Drohnenschlacht.—II.—G. D'Annunzio, La Ville morte.—З. В.—(Май, 419).—I. G. Clemenceau, Les plus forts.—II.—Fr. Funck-Brentano, Légendes et Archives de la Bastille.—III. P. et V. Margueritte, Le Désastre.—З. В. (Іюнь, 851).—Arvède Barine. Névrosés. —Ferd. Carez. Auteurs contemporains.—Georges Pellissier. Etudes de littérature contemporaine, — З. В. (Іюль, 415).—Henry Berenger, La Conscience Nationale. —Jean Richepin, La Martyre.—Emil Faguet, Drame Ancien. Drame Moderne.—З. В. (Августъ, 832).—I. Alphouse-Daudet, par Léon Daudet.—II. Gedichte von Alex. Puschkin, von Fr. Fiedler. — III. Die Frau des Weisen, v. Art. Schnitzler. —З. В.—IV. Fables choisies de Kryloff, par I. Schnitzler.—Т. (Сентябрь, 412). —I. Catulle Mendès, Le chercheur des tares.—II. L. Bazalguette, L'Esprit Nouveau.—III. Remy de Gourmont, Le II Livre des Masques. — З. В. (Октябрь, 846).—I. Points sèches, par Ad. Brisson. —II. Bucoliques, par J. Renard.—III. The Journalist, by G. F. Keary.—З. В. (Ноябрь, 404).—J. Lemaitre, Impressions de Théatre.—II. Ed. Rod. Le Ménage du pasteur Naudiè.—III. Nadson, Gedichte. —З. Б. (Декабрь, 832).

V. Изъ Общественной Хроники.—Московскій комитетъ для содѣйствія устройству студенческихъ общежитій. — Рѣчи проф. Виноградова и Чупрова, статьи проф. Филиппова.—Русскія общежитія и англійскіе „колледжи". —„Вѣчные" помощники присяжныхъ повѣренныхъ.—Всеобщее обученіе и школа грамоты.—Рѣчь полтавскаго губернатора.—Post-scriptum (Январь, 452).—Тульское общество вспомоществованія учащимъ и учившимъ.—Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей и его тенденціозные противники. — Литературный третейскій судъ и судъ чести.—Еще нѣсколько словъ о гонорарѣ.—А. Д. Шумахеръ †.—Post-scriptum Февраль, 873). — Курское губернское земство и земская статистика. —Можайское уѣздное земство и уѣздный

агрономъ.—Вопросъ о губернскомъ агрономѣ въ с.-петербургскомъ губернскомъ земствѣ.—Выборы и партіи. — Ходатайство о возобновленіи учительскихъ съѣздовъ.—Оригинальная полемика.—Отвѣтъ на возраженіе.—Рѣчь управляющаго мин. нар. пр. 19 февраля (Мартъ, 439).—Взрывъ въ курскомъ Знаменскомъ монастырѣ.—Неосторожность „сенсаціонной“ прессы. — Попытка связать „пропаганду невѣрія“ съ заботой о народномъ благѣ. — Организація „народныхъ развлеченій“, предпринятая московской городской думой.—Несогласованность закона о печати съ жизнью.—Еще о книгѣ Г. А. Евреинова.— Духоборцы на Кавказѣ и въ Сибири.—Продовольственный вопросъ въ В. Э. Обществѣ ((Апрѣль, 890).—Пятидесятилѣтіе со времени смерти Бѣлинскаго. —Союзъ писателей и его право ходатайствовать о нуждахъ русской печати. — Возобновленіе „литературнаго сыска“. - Противорѣчіе между закономъ и жизнью. —Поправка. — Правительственное сообщеніе, 22 апрѣля, о положеніи продовольственнаго дѣла въ губерніяхъ, нуждающихся въ помощи (Май, 434).—Минскій процессъ.—Существенная разница между „обвинительнымъ актомъ“ и „окончательнымъ приговоромъ“.—Что̀ такое „чрезвычайные способы разслѣдованія“? — „Гнѣтъ“ или „распущенность“. — Какъ иногда понимаютъ „улучшеніе“ положенія печати? — Нѣчто о „рыцарскихъ“ чувствахъ.—Всесословная школа и орловское дворянство. (Іюнь, 865).—Нѣмецкая книга о политикѣ и значеніе ея для русскаго общества.—Какъ понимаютъ свободу печати нѣмецкіе и русскіе публицисты.—Отголоски чествованія Бѣлинскаго.—Попытка вытѣснить Бѣлинскаго изъ „литературы“ въ „публицистику“ и провозгласить его „родоначальникомъ легкомысленной интеллигенціи“ (Іюль, 431).—Характерныя черты трехъ Городовыхъ Положеній, изданныхъ въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія (1846—1892).—Видоизмѣненія главныхъ началъ, лежащихъ въ ихъ основаніи и опредѣляющихъ: 1) отношеніе городской администраціи къ городскому общественному управленію, и 2) предѣлы избирательнаго права обывателей столицы.—Можетъ ли государственный квартирный налогъ возмѣстить городу ущербъ отъ закрытія, по закону, нѣкоторыхъ источниковъ городскихъ доходовъ? Необходимость, при этомъ, распространенія избирательныхъ правъ на плательщиковъ налога. (Августъ, 852).—Открытіе памятника императору Александру II-му въ Москвѣ и отголоски этого событія въ печати. — Лицевая и оборотная сторона сужденій о великихъ реформахъ.—Сотрудники императора; „подготовители“ и „исполнители“ реформъ.—Записки бывшаго земскаго начальника.—Нѣчто о лѣности крестьянъ. — Письмо старообрядца. — Катковъ по отзывамъ его эпигоновъ и — Б. Н. Чичерина. — М. Г. Черняевъ † (Сентябрь, 431). — Продовольственный вопросъ. — Рѣчь и. д. симбирскаго губернатора.—Общественныя запашки и работы, какъ условіе выдачи ссудъ. — Страдаетъ ли продовольственное дѣло отъ обилія „нянекъ“ или отъ чего-нибудь другого?—Новый финляндскій генералъ-губернаторъ. —Продолженіе „Записокъ земскаго начальника“. — Съѣздъ городскихъ головъ. —М. А. Кавосъ † (Октябрь, 861).—Дѣло ксендза Бѣлякевича и комментаріи къ нему въ печати.—Оффиціальное опроверженіе по дѣлу сектантовъ села Екатериновки.—Двѣ рѣчи финляндскаго генералъ-губернатора.—Особое совѣщаніе по вопросу о воинской повинности въ Финляндіи.—Письмо лифляндскаго генералъ-суперинтендента въ редакцію „Спб. Вѣдомостей (Ноябрь, 421).—Проектъ положенія о личномъ наймѣ и контролѣ частной прислуги въ Петербургѣ. — Различное отношеніе къ договаривающимся сторонамъ.— Возстановленіе аттестацій прислуги. — Лучшій способъ разрѣшенія вопроса о прислугѣ. — Открытіе памятниковъ гр. М. Н. Муравьеву и П. С. Нахимову.—Сорокалѣтіе ученой дѣятельности В. И. Герье.—„Русскій Начальный Учитель“ о числѣ школъ и учащихся въ спб. губерніи (Декабрь, 845).

VI. Библіографическій Листокъ.—Н. Карѣевъ, Введеніе въ изученіе соціологіи.—Ф. Гиддингсъ, Основанія соціологіи. — Общественная жизнь Англіи, Г. Трайля, т. III.—А. Риль, Фридрихъ Нитцше, какъ художникъ и мыслитель, пер. съ нѣм. З. Венгеровой.—О. Петерсонъ и Е. Балабанова, Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ, т. II.—К. Покровскій, Путеводитель по небу.—„Мои воспоминанія“, акад. Ѳ. И. Буслаева. (Январь).—На досугѣ, сборникъ юрид. статей съ 1870 г., И. Я. Фойницкаго.—О географическомъ распредѣленіи государств. расходовъ Россіи, Н. П. Яснопольскаго.—Канада, Н. А. Крюкова.—Давидъ Рикардо и К. Марксъ, Н. И. Зибера.—Музыкальные фельетоны и замѣтки П. И. Чайковскаго (Февраль). — Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. — Финансово-Статистическій Атласъ. 1885 — 1895 г.—Чайные округи субтропическихъ областей Азіи, А. Н. Краснова. Архивъ села Михайловскаго. —Локкъ, Джонъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Перев. съ англ. А. Н. Савина. (Мартъ).—Шекспиръ въ переводѣ А. Л.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Статистическія свѣдѣнія по начальному народному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 годъ. Спб. 98. Стр. 277 in 4°, съ общими сводными вѣдомостями.

Настоящее изданіе департамента народнаго просвѣщенія составляетъ „первую попытку" въ собраніи числовыхъ данныхъ по начальному народному образованію не только вѣдомства самого министерства, полученныхъ изъ его 12 учебныхъ округовъ и 3 областей, но и другихъ восьми вѣдомствъ, содержащихъ подобныя же начальныя школы, какъ-то: Св. Синода, Имп. Человѣколюбиваго Общества и пяти министерствъ. Такъ какъ настоящая попытка является впервые, то изъ полученныхъ нынѣ свѣдѣній нельзя заключить о размѣрѣ успѣховъ въ дѣлѣ народнаго образованія за послѣднюю четверть истекающаго вѣка; но эта попытка имѣетъ большое значеніе для будущихъ эпохъ: министерство народн. просвѣщенія признаетъ необходимымъ дѣлать періодическія повторенія подобной статистической работы по начальному народному образованію. За то, благодаря настоящему сборнику статистическихъ свѣдѣній, мы имѣемъ наконецъ довольно точную картину современнаго положенія народнаго образованія, какъ начальнаго, такъ и его довершенія въ четырехклассныхъ училищахъ по Положенію 1872 года; мы видимъ уже теперь, что̀ сдѣлано въ этой важнѣйшей области народной жизни, и что̀ необходимо сдѣлать для того, чтобы не оставаться долѣе на одномъ изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду прочихъ культурныхъ странъ. На 126 милліоновъ жителей обоего пола мы имѣемъ менѣе четырехъ милліоновъ учащихся обоего пола въ школахъ *всѣхъ* вѣдомствъ; изъ нихъ, около 2.840.000 обоего п. обучаются въ школахъ вѣдомства мин. нар. просвѣщенія, и около 1.117.000 об. п.—въ церковно-приход. школахъ; за ними первое мѣсто по народному образованію принадлежитъ военному министерству: оно содержитъ болѣе 10.000 школъ, въ которыхъ числится свыше 300.000 учащихся, что̀, впрочемъ, говоритъ только о массѣ поступающихъ въ войска изъ народа безграмотными. Таблицы, составленныя другими вѣдомствами, представляютъ одно преимущество: онѣ имѣютъ рубрику расходовъ на содержаніе школъ; желательно было бы на будущее время ввести такую же рубрику и въ таблицы школъ вѣдомства министерства нар. просвѣщенія, съ подраздѣленіемъ ея на суммы, отпускаемыя казною, земствами и городами, частными учрежденіями и лицами — на начальное народное образованіе. Отсюда можно было бы заключить и объ обстановкѣ школьнаго дѣла: такъ, военное мин. издерживаетъ около 2.700.000 руб. на содержаніе своихъ 10.000 школъ, что̀ даетъ на школу 270 руб.; очевидно, тамъ имѣется на лицо даровой трудъ и даровое помѣщеніе. Св. Синодъ отпускаетъ слишкомъ 4.700.000 руб. на содержаніе почти 35.000 школъ. Въ таблицахъ же министерства народнаго просв. принята другая система: тамъ сообщается только число училищъ, содержимыхъ казною, земствами и городами, фабриками и частными лицами: такъ мы узнаёмъ, что въ спб. округѣ, изъ 2.300 школъ, казною содержится съ небольшимъ 400; земствомъ и городами—1.800; фабриками и заводами—всего 15 и частными лицами—свыше 40; но какія суммы отпускаются на ихъ содержаніе—не показано, что̀, однако, имѣется въ таблицахъ другихъ вѣдомствъ. Такое финансовое дополненіе мы считали бы на будущее время особенно желательнымъ, такъ какъ при этомъ выяснилось бы и отношеніе государственнаго школьнаго бюджета къ бюджету въ полномъ его объемѣ.

Городскія управленія въ западной Европѣ. Альб. Шоу. Перев. А. Бѣловскаго. М. 98. Стр. 651. Ц. 2 р. 50 к.

Мы имѣли случай не такъ давно указать на переводъ подобнаго же труда К. Гуго, посвященнаго спеціально городскому самоуправленію и хозяйству въ Англіи. Книга Шоу, обнимая собою городскіе порядки во всей западной Европѣ, представляетъ еще болѣе интереса для тѣхъ, кто слѣдитъ за нашими городскими порядками и задается вопросомъ о причинахъ того, что русскіе города представляютъ болѣе примѣровъ безпорядка, чѣмъ порядка. При самомъ поверхностномъ сравненіи условій, при которыхъ дѣйствуетъ городское общественное управленіе у насъ и въ остальной западной Европѣ, оказывается естественнымъ и понятнымъ рѣзкое различіе въ результатахъ дѣятельности этого управленія у насъ и въ заграничныхъ городахъ.

В. И. Семевскій. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе. Т. I—II. Изд. И. М. Сибирякова. Спб., 1898. Стр. LXXXIV + 577 + 914. Ц. 3 р. за томъ.

Обширный трудъ г. Семевскаго представляетъ собою тщательно разработанную исторію положенія золотопромышленныхъ рабочихъ въ Сибири по архивнымъ матеріаламъ центральныхъ государственныхъ и мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій, а также по даннымъ частныхъ компаній и по личнымъ разслѣдованіямъ. Предпринятая почти десять лѣтъ тому назадъ по иниціативѣ И. М. Сибирякова, эта капитальная работа доведена была до конца съ тою полнѣйшею добросовѣстностью, которая служитъ отличительною чертою историческихъ трудовъ В. И. Семевскаго. Исчерпывающая полнота фактическихъ свѣдѣній, обстоятельность и точность въ изученіи деталей, большая опытность и искусство въ группировкѣ разнородныхъ данныхъ,—все это дѣлаетъ новую книгу почтеннаго автора весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу научно-историческую литературу. Г. Семевскій смотритъ на свое изслѣдованіе какъ на пособіе „для созданія вполнѣ научной исторіи промышленнаго труда въ Россіи",—но мы думаемъ, что трудъ его имѣетъ и вполнѣ самостоятельное значеніе.

Калевала. Финская народная эпопея. Для юношества, перевелъ Э. Гранстремъ. Изд. 2-е, съ 40 ориг. рис. Спб. 98. Стр. 368.

Новое изданіе „этого драгоцѣннѣйшаго сокровища эпической поэзіи",—какъ выразился о Калевалѣ Як. Гриммъ,—является въ значительно переработанномъ видѣ, и, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, по поводу перваго ея изданія, назначается для нашего юношества; текстъ подлинника весьма удачно переданъ размѣромъ, близкимъ къ пѣвучему силлабическому размѣру подлинника, и украшенъ изящно выполненными иллюстраціями.

КЪ

ЕРАТУРЫ

12 книгъ въ

:о формата.

ертаяъ года:

ъ	Іюля	О
к.	3 р. 90 к.	3 р.
„	4 „ — „	4 „
„	4 „ — „	4 „
„	5 „ — „	4 „

—1 р. 50 к.

подписка по пол
январѣ, апрѣлѣ,
цѣны подписки

нов уступкою.

КВѢ:

инахъ: Н. И. М
ц.-Мосту; Н.
Моховой; въ ма
Конторѣ Н. Пе
скихъ линіяхъ.

СѢ:

„Образованіе"

Карбасникова,

, отчество, фами
въ ближайшаго къ
тъ такого учре
на быть сообщена
деніе подписчики,
въ г
ъ Ред
объя
а. — 4
и ино
ии.

ъ.

УРНА

28.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.
STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED